

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

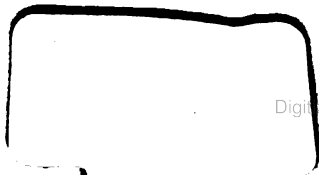
Harvard College Library

FROM

..... **George B. Noyes**

..... **Berkeley, Calif.**

.....

ЛЕКЦІИ

ПО

СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Тимоея Флоринскаго,

Ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра, дѣйстви-
тельнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и
члена-корреспондента: Юго-славянскій Академіи Наукъ и Художествъ въ
Загребѣ, Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ въ Прагѣ и Сербской
Королевской Академіи въ Бѣлградѣ.

Часть вторая.

Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, сло-
вацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и по-
лабскій (вымершій)).

Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина:

С.-Петербургъ.
Екатерининская, № 4.

Кіевъ.
Крещатикъ, № 33.

1897.

V3282.49.15 (2)

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго
Университета св. Владиміра.

За декана *В. Иконниковъ*.

Издано на средства Императорскаго Университета св. Владиміра.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженно. Большая-Васильковская ул., № 29—31.

3249
49-79
53

ИМПЕРАТОРСКОМУ

Университету св. Владиміра

съ глубокою благодарностью

посвящаетъ трудъ свой

Авторъ.

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ вторую (и послѣднюю) часть „Лекцій“ почти черезъ три года послѣ первой, я считаю своимъ долгомъ извиниться передъ читателями за такую медленность въ печатаніи моего труда. Отвѣтственность за нее падаетъ отчасти на автора, отчасти на типографію.

При окончательной обработкѣ своего труда я старался воспользоваться по возможности всѣми новѣйшими изслѣдованіями и изданіями по славянскому языкознанію, а равнымъ образомъ заботился о усиленной критической провѣркѣ существующихъ въ наукѣ взглядовъ на всѣ важнѣйшіе, общіе и частныя, вопросы въ области изученія каждаго изъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ.

Если не смотря на всѣ эти старанія и заботы о полнотѣ и обстоятельности изложенія предмета въ данной работѣ окажется не мало недочетовъ и недосмотровъ, то нѣкоторымъ основаніемъ къ извиненію автора да послужатъ обширность и трудность принятой имъ на себя задачи.

8 Ноября 1897 г.
Кіевъ.

Т. Флоринскій.

Содержаніе.

IV. Чешскій языкъ.

	Страницы.
1. Изученіе чешскаго языка	1—31
Общая замѣчанія (1—11) Грамматикѣ и грамматическія изслѣдованія (11—15). Работы по исторіи языка (15—18). Изданія памятниковъ стараго языка (18—24). Словари и словарная работа (24—26). Работы по діалектологіи (26—28). Памятники живой народной рѣчи (28—30). Периодическія изданія (30—31)	
2. Площадь чешскаго языка	31—34
3. Судьбы чешскаго языка	34—55
4. Звуковыя особенности	56—97
Графика	56—58
A. Гласныя	58—82
Исчезновеніе глухихъ гласныхъ и замѣна ихъ яснымъ е	59—60
Соотвѣтствія старославянскимъ ж, л	60—61
Соотвѣтствія старославянскому ѡ	61—62
Перегиасовка а въ ѣ (е) п ѧ въ іе (ѣ, і)	62—64
Перегиасовка ц, ѣ (іц, іѣ) въ і, і.	65—66
Съуженіе ѣ, іе въ і	66—67
А, ѧ	67—68
Е, е	68
Ї, іе	68—69
О, ѡ, ѡо, ѡ	69—71
І, і. У, ѹ	71—73
У, ѹ, ѡу (ау)	73—74

	Страницы.
Слогообразующіе r, l, m, n	75—77
Праслав. tert, telt=trêt, tlêt. Праслав. tort, tolt=trat, tlat.	77—78
Долгота и краткость гласныхъ	78—80
Стяженіе гласныхъ	80—81
Зіяніе	81
Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.	81—82
Б. Согласные	82—97
L, R, ř, N, ñ	82—85
D, đ, T, t	85—87
V, P, V, M, F	87—89
G, H, K, Ch	89—90
Z, C, S	90—93
Ž, Č, Š, J	93—95
Уподобленіе согласныхъ	95—96
Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ	96—97
Вставка согласныхъ	97
Перестановка согласныхъ	97
5. Удареніе	97—102
6. Формальные особенности	102—192
А. Склоненіе	102—161
Общія замѣчанія	102—103
Именное склоненіе	103—122
Угата двойственного числа (103—105). Виды именного склоненія.	
Смѣшеніе разнородныхъ основъ (105—106). Смѣшеніе надежныхъ окончаній (106—113). Характерныя окончанія (113—120). Измѣненія въ качествахъ и количествахъ коренныхъ гласныхъ (120—122).	
Образцы именного склоненія	122—141
I. Основы на—о (122—129). II. Основы на—ю (129—132). III. Основы на—а (132—134). IV. Основы на—ја (134—136). V Основы на—і (137—139). VI. Основы на согласные (139—141).	
Именное склоненіе прилагательныхъ	141—145
Мѣстоименное склоненіе	145—153
Сложное склоненіе	153—157
Прибавленіе: степени сравненія прилагательныхъ; числительныя имена	158—161
Б. Спряженіе	161—192

IX.

	Страницы.
Общія замѣчанія	161
Неопредѣленное и достигающее наклоненія . . .	161—163
Причастныя формы	163—166
Личныя окончанія	166—169
Настоящее время	169
Повелительное наклоненіе	170
Пршедшія простыя (аористъ и преходящее). . .	170—173
Пршедшія сложныя	174
Будущее время	174
Условное наклоненіе	175
Страдательный залогъ	175
Спряженіе по классамъ	175—192
Архангскіе глаголы (149—178). Первый классъ—основы на—о, е (179—183). Второй классъ—основы на—по, —пе (183—184). Третій классъ—основы на—ю, —је (184—187). Четвертый классъ—основы на—і (188—191). Пятый классъ—основы на—а (191—192). Недостаточные и безличные глаголы (192).	
7. Немзмѣняемыя слова. Нарѣчія, предлоги, союзы. . .	192—194
8. Нарѣчія и говоры чешскаго языка	194—219
Общія замѣчанія	194—196
Чешское нарѣчіе	196—202
Важнѣйшія особенности (196—197). Юго-западное поднарѣчіе (198—199). Средне-чешское поднарѣчіе (199). Сѣверо-восточное поднарѣчіе (200—201). Моравско-чешское поднарѣчіе (201—202).	
Ганацкое или собственно моравское нарѣчіе. . . .	202—209
Ляшское нарѣчіе	209—212
Валашско-дольское нарѣчіе.	212—219
Валашское нарѣчіе и его говоры: злинскій, рожновско-карловскій, границкій, старонцкій и келецкій (213—218). Дольское нарѣчіе (218—219).	

V. Словацкій языкъ.

1. Изученіе словацкаго языка	220—229
Общія замѣчанія (220—225). Грамматика и грамматическія изслѣдованія (225—226). Словари (226—227). Памятники живой народной рѣчи (227). Образцы литературнаго языка (227—228). Периодическія изданія (228—229).	
2. Площадь словацкаго языка	229—231
3. Судьбы словацкаго языка.	232—247

	Страницы.
4. Звуковыя особенности	247—276
Графика	247—248
А. Гласныяе	248—268
Исчезновение глухихъ и замѣна ихъ ясными о, е	249
Соотвѣтствія старославянскимъ ж, л	249—251
Соотвѣтствія старославянскому ѡ	251—252
Ă	252—253
А, а, іа	253—254
Е, е, іе	254—255
О, о (о по, па, п)	255—256
І, і. У, у	256—257
У, ѹ (оу)	257—258
Слогообразующіе г, ѣ, І, І̄	258—259
Праслав. tert=tret, triet, праслав. tort=trot	259—260
Двугласныя	260
Долгота и краткость гласныхъ	260—265
Стяженіе гласныхъ	266
Зіаніе. Отпаденіе и выпаденіе гласныхъ	266—267
Вставка гласныхъ	267—268
Б. Согласныяе	268—276
L, l'. R, N, ѱ	268—269
D, d, dz. T, t, c	269—270
B, P, V, M, F	270—271
G, H, K, Ch	272—273
Z, Dz C, S, Ž, Š, Š, J	273—274
Уподобленіе согласныхъ	274—275
Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ	275—276
Вставка согласныхъ	276
5. Удареніе	276—277
6. Формальныя особенности	277—324
А. Склоненіе	277—307
Общія замѣчанія	277
Именное склоненіе	277—285
Утрата двойственнаго числа (277). Види именного склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ (268). Смѣшеніе падежныхъ окончаній (278—281). Характерныя окончанія (281—284). Измѣненія въ количествѣ коренныхъ гласныхъ (285).	

	Страницы.
Образцы именного склонения	286—296
I. Основы на—о (286—290). II. Основы на—ю (290—293). III. Основы на—а (293). IV. Основы на—я (294—295). V. Основы на—і (295). VI. Основы на согласные (296).	
Именное склонение прилагательныхъ	296—297
Мѣстоименное склонение.	297—302
Сложное склонение	302—304
Прибавленіе: степени сравненія прилагательныхъ; числительныя имена	304—307
Б. Спряжение	307—324
Общія замѣчанія	307
Неопредѣленное наклонение	307—308
Причастныя формы	308
Личныя окончанія.	309—310
Настоящее время	310—311
Повелительное наклонение	311
Прошедшія сложныя. Будущее время. Условное наклонение. Страдательный залогъ	312—313
Спряжение по классамъ.	313—324
Архангелскіе глаголы (313—316). Первый классъ—основы на—о,—е (316—318). Второй классъ—основы на—по,—пе (318). Третій классъ—основы на—ю,—е (319—321). Четвертый классъ—основы на—і (321—323). Пятый классъ—основы на—а (323—324). Недостаточные и безличные глаголы (324).	
7. Незамѣняемыя слова. Нарѣчія. Предлоги. Союзы	324—326
8. Нарѣчія и говоры словацкаго языка.	326—344
Общія замѣчанія	326—328
Среднее нарѣчіе и его поднарѣчія (верхневажское, погронское, новоградское, гонтское и гемерское)	328—335
Западное нарѣчіе и его поднарѣчія (моравско-словенское, бѣлогорское, тернавское, ниже-трэнчанское и верхне-трэнчанское)	335—341
Восточное нарѣчіе	341—343
Польско-словацкіе говоры	343—344

VI. Польскій языкъ.

1. Изученіе польскаго языка	345—385
Общія замѣчанія (345—360). Грамматики и грамматическія изслѣдованія (360—364). Работы по исторіи языка (365—368). Изданія на-	

материаловъ стараго языка (368—376). Словари и словарныя работы (376—379). Работы по діалектологіи (379—381). Образцы народныхъ говоровъ (382—384). Периодическія изданія (384).

2. Площади польскаго языка	385—387
3. Судьбы польскаго языка	388—408
4. Звуковыя особенности	408—435
Графика	408—411
A. Гласныя	411—425
Исчезновеніе глухихъ ъ и ѣ и замѣна ихъ яснымъ е .	411—412
Носовыя гласныя	412—415
Соотвѣтствія старославянскому я	415—417
А, а	417—418
Е, е	418—419
Переходъ праслав. е въ о	419—420
О, о	420—421
І. У	422
У	422
Соотвѣтствія праславянскимъ ръ, рь, лъ, ль, ѣр, ѣр.	
ѣа, ѣа между согласными	423
Праслав. tert=tret, праслав. tort=trot	423—424
Долгота гласныхъ	424
Стяженіе гласныхъ	424—425
Зіяніе. Отпаденіе, выпаденіе, вставка гласныхъ	425
B. Согласныя	425—445
L, l. R, rz. N, n	425—428
D, dz, dž. T, c, ó	427—428
B, P. W, F. M.	428—429
G, K. Ch, H.	429—431
Z, z, dz, dž. C, ó. S, s	431—432
Ž, Cz, Sz, Dž, J	432—433
Уподобленіе согласныхъ	433—434
Расподобленіе согласныхъ	434
Отпаденіе согласныхъ. Приставка и вставка согласныхъ	434—435
Перестановка согласныхъ	435
5. Удареніе	436—437
6. Формальныя особенности	437
A. Склоненіе	437—478

Общія замѣчанія	437—438
Именное склоненіе	438—447
Утрата двойственного числа (438—439). Виды именного склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ (439—440). Смѣшеніе надежныхъ окончаній (440—444). Характерныя окончанія (444—446). Общая схема именного склоненія (446—447).	
Образцы именного склоненія	448—462
I. Основы на—о (448—453). II. Основы на—ю (454—457). III. Основы на—а (457—458). IV. Основы на—я (457—461). V. Основы на—I (461—462).	
Именное склоненіе прилагательныхъ.	462—463
Мѣстоименное склоненіе	463—469
Сложное склоненіе	469—473
Прибавленіе: степени сравненія прилагательныхъ; числительныя имена	473—478
Б. <i>Спряженіе</i>	478—502
Общія замѣчанія	478
Неопредѣленное наклоненіе.	478—479
Причастныя формы	479—480
Личныя окончанія.	481—483
Настоящее время	483
Повелительное наклоненіе	484—485
Утрата прошедшихъ простыхъ.	485
Прошедшія сложныя	485—487
Будущее время. Условное наклоненіе. Страдательный залогъ	487—488
Спряженіе по классамъ	488—502
Архангелскіе глаголы (488—492). Первый классъ—основы на—о. о (492—495). Второй классъ—основы на—по, по (495—496). Третій классъ—основы на—ю, ю (496—499). Четвертый классъ—основы на—I (499—501). Пятый классъ—основы на—а (502). Безличныя глаголы (512).	
7. Незмѣняемыя слова. Нарѣчія. Предлоги. Союзы	503—504
8. Нарѣчія и говоры польскаго языка	505—547
Общія замѣчанія	505—506
Мѣлопольское нарѣчіе	506—515
Великопольское нарѣчіе	515—522
Силезское нарѣчіе.	522—530

	Страницы
Мазурское (мазовецкое) нарѣчіе	531—538
Нарѣчіе прусскихъ Мазуровъ (532—534). Говоры Мазуровъ Царства Польскаго (534—536).	
Кувяское нарѣчіе	538—540
Говоры Западной Пруссіи	540—542
Горальское (карпатское) нарѣчіе	542—546
Переходные говоры	546—547

VII. Кашубскій языкъ.

1. Кашубы, Словинцы и Кабатки. Вопросъ о самостоятельности кашубскаго языка	548—554
2. Изученіе кашубскаго языка	554—559
3. Говоры кашубскаго языка	559—560
4. Звуковыя особенности	560—571
А. Графика	560—562
Б. Гласные	562—568
В. Согласные	568—571
5. Удареніе	571—573
6. Важнѣйшія формальныя особенности	574—581
А. Склоненіе	574—578
Б. Спряженіе	578—581
Образцы кашубскаго языка	582

VIII. Серболужицкій языкъ.

1. Область серболужицкаго языка. Лужицкія нарѣчія и ихъ судьба	583—591
2. Изученіе серболужицкаго языка	592—598
3. Звуковыя особенности	598—629
Графика	598—601
А. Гласные	601—616
Исчезновеніе глухихъ ъ и ѣ и замѣна ихъ ясными гласными	601—602
Соотвѣтствія старославянскимъ ж и ѡ	602—603
Соотвѣтствія старославянскому ѡ	603—604
А	604—605
Е	605—607

Переходъ е въ о	607—608
Нижнелужицкій переходъ е въ 'а	608—609
Съужение е въ ё (і)	609
Ѣ	609—610
І. У	610—611
О, о	611—612
У	613
Соотвѣтствія праславянскимъ рѣ, рь, лѣ, ль, ѣр, ѣр, ѣа, ѣа между согласными	613—614
Праслав. <i>tert=tret</i> (<i>trjot, trjat, trët</i>). Прасл. <i>tort=trot</i>	614—615
Долгота гласныхъ	615
Стяженіе гласныхъ. Зіяніе. Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ	615—616
Б. Согласные	617—629
Z, l, R, r, ĩ. N, n	617—619
D, z, dz, ž. T, c, é, s	619—620
V. P. W. F. M	621
G. H. K. Ch	621—623
Z, ž, dz, dž. C. č. S, š	623—624
Ž. Š. Š. Dž. J	724—626
Уподобленіе и расподобленіе согласныхъ	626—627
Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ	627—628
Приставка и вставка согласныхъ. Перестановка со- гласныхъ	628—629
4. Удареніе	629—630
5. Формальныя особенности.	630—682
А. Склоненіе.	630—654
Общія замѣчанія	630—631
Именное склоненіе	631—645
I. Основы на—о,—ю (631—638). II. Основы на—а,—я (639—642). III. Основы на—і (642—644). IV. Основы на согласный (644—645). Имен- ное склоненіе прилагательныхъ (645).	
Мѣстоименное склоненіе.	645—651
Сложное склоненіе	651—654
Б. Спряженіе	654
Неопредѣленное и достигательное наклоненія.	654—655
Причастныя формы	655—656

	Страницы.
Личныя окончанія	656—659
Настоящее время	659—660
Повелительное наклоненіе	660—661
Преходящее и аористъ	661—663
Прошедшія сложныя	663—664
Будущее время. Условное наклоненіе	664
Страдательный залогъ	665
Спряжение по классамъ	665—682
Архангелскіе глаголы (655—668). Первый классъ—основы на—о,—е (668—673). Второй классъ—основы на—по,—по (672—674). Третій классъ—основы на—ю,—ю (674—678). Четвертій классъ—основы на—і (678—681). Пятый классъ—основы на—а (681—682).	
Приложеніе. Образцы серболужицкаго языка	682—685

IX. Полабскій языкъ (вымершій).

1. Вымершее славянство. Памятники полабскаго языка и ихъ изученіе.	686—691
2. Важнѣйшія звуковыя особенности	692—697
Гласныя	692—695
Согласныя	695—697
3. Нѣкоторыя формальныя особенности	697—699

Дополненія и поправки	700—701
Опечатки	702—703

IV. ЧЕШСКИЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изучение чешского языка.

Начало чешского языковедения восходитъ къ XV ст. Знаменитый Гусъ въ своемъ трактатѣ „De orthographia bohémica“¹⁾, посвященномъ реформѣ чешскаго правописанія, представилъ рядъ научныхъ замѣчаній и данныхъ по фонетикѣ чешскаго языка. Но первыя грамматики чешскаго языка относятся только къ XVI ст. Въ 1533 г. въ Намѣстѣхъ издана „Grammatika česká“ Б. Оптата, П. Гзела (Gzel) и В. Филоматеса. Этотъ коллективный трудъ, содержащій „орфографію“ и „этимологию“, составленъ по схемѣ латинской грамматики и даже для своего времени оказался весьма несовершеннымъ грамматическимъ опытомъ. Лучшую обработку его со многими поправками и дополненіями представляла слѣдующая по времени грамматика Яна Благослава (1571 г.), изданная, впрочемъ, только въ 1857 г.; но и въ ней какъ и въ первой преслѣдуется скорѣе практическая цѣль очищенія литературнаго языка, чѣмъ изложеніе его грамматическаго строя. Въ третьей грамматикѣ—Матвѣя Бенешовскаго (Philopus, 1577 г.) уже дана система склоненій и спраженій. Еще полнѣе написанная по-латыни грамматика Бенедикта Нудожерскаго (1603 г.), содержащая въ себѣ не только этимологию, но и синтаксисъ. Между остальными грамматиками XVII ст. особенно выдѣляется по своей полнотѣ и обстоятельности грамматика Вячеслава Росы (1672 г.); она состоитъ изъ четырехъ частей (orthographia,

¹⁾ Этотъ трактатъ напечатанъ А. Шемберой въ сборникѣ Миклошича и Фидлера „Slavische Bibliothek“, В. II, Wien, 1858. См. о немъ ниже.

etymologia, syntaxis, prosodia) и писана по-латыни, мѣстами съ параллельнымъ чешскимъ переводомъ. Достоинствамъ теоретической части грамматики не соотвѣтствуетъ чешскій текстъ, изложенный крайне неправильнымъ языкомъ. По труду Росы составлены (на латинскомъ языкѣ) грамматики: посредственная — Яндита (1704 г.) и лучшая, болѣе самостоятельная — Павла Долежала (1746 г.). Въ XVIII в. наиболѣе распространена (4 изд.) была написанная по-нѣмецки историческая грамматика Поля (Pohl, 1756 г.). Книга эта свидѣтельствуесть о крайней степени упадка чешскаго языка къ половинѣ XVIII ст. Авторъ, совсѣмъ не подготовленный къ занятіямъ языкованіемъ, самъ сочинялъ и передѣлывалъ слова и формы по своему произволу. Въ филологической литературѣ всего міра трудно указать другой примѣръ столь беззастѣнчиваго искаженія языка. Въ концѣ XVIII ст. въ Чехіи начинается національное самосознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ является стремленіе къ восстановленію забытаго въ обществѣ и литературѣ чешскаго языка. Первымъ выраженіемъ такого стремленія были грамматики (опять на нѣмецкомъ языкѣ) Томсы (1782 г.) и Пельцеля (1795 г., 2-е изд. 1798 г.), перваго профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ. Послѣдняя основана на сочиненіяхъ XVII и XVIII ст. и обработана въ довольно стройной системѣ. Я. Неѣдлы, преемникъ Пельцеля по кафедрѣ, въ своей грамматикѣ (по-нѣмецки, 1804 г.) передѣлалъ главнымъ образомъ трудъ своего предшественника.

Раньше грамматическихъ трудовъ являются словари. Впрочемъ, долгое время они служатъ главнымъ образомъ практической цѣли облегчить для Чеховъ изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Первые зародыши словарныхъ работъ слѣдуетъ видѣть въ чешскихъ „гlossenъ“, представляемыхъ нѣкоторыми старыми латинскими рукописями; замѣчательнѣйшія изъ нихъ содержитъ *Mater Verborum*, рук. полов. XIII в. (въ Чешскомъ націон. Музеѣ). Съ XIV ст. начинаются маленькіе латино-чешскіе и латино-нѣмецко-чешскіе словари: *Bohemarius minor* (нач. XIV ст.), *Latinsko-česky vokabulař* (1360 г.), *Bohemarius major* (1390 г.) и *Latinsko německo-česky slovař* 1489 г. (рук. Вѣнской Придв. библ.) и др. Первые печатные словари относятся къ нач. XVI ст.: Яна Босака Воднянскаго, *Vocabularium, cui nome Lactifer* (1511 г. латино-чешскій) и *Dictionarius trium linguarum latine, tewtonice, boemice potiora vocabula continens. Viennae*,

1513. Со второй половины XVI ст. являются словари собственно чешского языка. Это были: Thomae Reschelii, Dictionarium bohémico-latinum (1562 г.) и изданіе извѣстнаго чешскаго литературнаго дѣятеля Давида Адама Велеславина (1545 — 1599) — *Sylva quadrilinguis, vocabulorum et phrasium bohemicæ, latinæ, græcæ et germanicæ linguae* (Прага, 1598 г. новое изданіе 1683 г.; дополненіе къ этому труду — *Nomenclator quadrilinguis* (1598). Изъ позднѣйшихъ словарей наиболѣе важны: Я. А. Коменскаго *Vestibulum cum versione germ. hungar. slavica* (1714); К. Вусина (Wussin) *Dictionarium von dreyen Sprachen, deutsch, lateinisch und böhmisch* (Прага, 1700 — 1706. Третья часть — чешско-латинско-нѣмецкая); Я. Рона (Rohn) *Nomenclator to jest jmenovatel aneb rozličnych jmen jak v české a latinské, tak i v německé řeči oznamitel* (v Praze, I—IV, 1764 — 1768). В. Роса, авторъ упомянутой выше пресловутой грамматики, также составилъ большой этимологическій словарь чешскаго языка, оставшійся однако ненапечатаннымъ. Названный выше чешскій грамматикъ Томса извѣстенъ и какъ составитель довольно хорошаго чешско-нѣмецкаго словаря (1791 г.). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія были распространены практическіе чешско-нѣмецкіе словари Тама, составленные по указаннымъ старымъ словарямъ.

Строго-научное направленіе въ изученіи чешскаго яз. возникаетъ только въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Начинателемъ этого направленія былъ знаменитый Іосифъ Добровскій, а главными продолжателями его были и отчасти остаются доселѣ Юнгманъ, П. О. Шафарикъ, Гаттала, Гебауэръ, Шембера и Бартошъ. Этимъ ученымъ по преимуществу принадлежитъ заслуга научной и систематической разработки чешскаго языка.

Іосифъ Добровскій¹⁾ (1753—1829), „патріархъ славянской филологіи“, славный дѣятель чешскаго національнаго возрожденія, среди своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ по славистикѣ отвелъ значительное мѣсто родному чешскому языку; онъ много сдѣлалъ для его воскрешенія, хотя самъ еще и не вѣрилъ въ возможность для него широкаго литературнаго развитія и свои сочине-

¹⁾ О Добровскомъ см. V r a n d l, *Život Josefa Dobrovského*. V Brně, 1883. И. Сн е г р е в а, *Іосифъ Добровскій. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяновѣдѣнія*. Изд. 2-е, Казань, 1884. В. Я г и ч а, *Письма Добровскаго и Колитара*. Спб., 1885 (Сборникъ Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Т. XXXIX).

ніа издавалъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Добровскій энергично возсталъ противъ искаженій и заблужденій внесенныхъ въ чешскую грамматику трудами Росы, Поля и ихъ послѣдователей, опредѣлилъ ясно и точно дѣйствующіе въ языкѣ законы образованія словъ и впервые обратился къ изученію чешскаго языка по научнымъ методамъ — историческому и сравнительному; онъ старался раскрыть богатство чешскаго языка въ старыхъ памятникахъ письменности и сопоставлялъ чешскій языкъ съ другими славянскими языками, разъяснял ихъ взаимную близость и родство. Такъ явился рядъ его замѣчательныхъ грамматическихъ изслѣдованій (*Ueber den Ursprung und die Bildung der slawischen und insbesondere der böhmischen Sprache* (1791. Предисловіе къ словарю Томсы), *Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der böhmischen Substantive und Adjective dargestellt* (1799 и др.), далѣе — исторія чешскаго языка и литературы (1791, 2-е изд. 1792, 3-е 1818) — и наконецъ полная чешская грамматика (1809 г. 2-е изд. *Lehrgebäude der böhmischen Sprache*, 1819), представлявшая первое научное изложеніе строя чешскаго языка. Въ этой грамматикѣ особенно замѣчательны — анализъ образованія словъ изъ корней и упрощенное изложеніе ученія объ измѣненіи словъ (классификація склоненій и спряженія по основамъ). Сверхъ того Добровскій много писалъ по вопросу о реформѣ правописанія и о чешской стихотворной просодіи, при чемъ отстаивалъ тоническій размѣръ противъ метрическаго. Наконецъ, онъ издалъ практической нѣмецко-чешскій словарь (1802, 1821) и собралъ изъ старинныхъ чешскихъ памятниковъ богатый лексическій матеріалъ, впоследствии обработанный другими. Какъ въ грамматикѣ, такъ и во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ Добровскій возстановляетъ не живой народный языкъ, въ то время мало извѣстный въ образованныхъ кругахъ, а литературный, классическій, разработанный писателями такъ наз. золотого вѣка (XVI—XVII ст.). Тѣмъ не менѣе уже этому первому глубокому изслѣдователю чешскаго языка не было чуждо сознаніе важности народной рѣчи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданный имъ сборникъ чешскихъ пословицъ (*Ceských příslovj zbirka*, 1804). Добровскій имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе научнаго изученія чешскаго языка. Оно непосредственно замѣтно на грамматическихъ и словарныхъ работахъ вышеупомянутыхъ филологовъ Тама, Томсы, Пельцеля, Неѣдлаго, а съ первой четверти нынѣшняго столѣтія особенно выра-

зилось въ распространеніи вкуса къ занятіямъ роднымъ языкомъ: почти всѣ писатели начального періода чешскаго возрожденія отдаются этимъ занятіямъ и выступаютъ въ литературѣ съ филологическими трудами (напр. Фричай, Новотный, Шумавскій, Пухмайеръ, Неѣдлѣй, Ганка, Циглеръ, Палацкій и др.).

Іосифъ Юнгманнъ ¹⁾ (1773--1847) повелъ еще дальше прекрасно начатое Добровскимъ дѣло изученія чешскаго языка, при чемъ усвоилъ себѣ болѣе широкую точку зрѣнія, чѣмъ та, которой держался патриархъ славянской филологіи. Онъ горячо и искренно вѣрилъ въ лучшее будущее чешскаго языка и въ пламенныхъ статьяхъ (въ журн. *Plásatel česky*, 1806, *Vídenske Listy*, 1813—1814) защищалъ его право на широкое литературное развитіе. Самъ онъ писалъ только по-чешски и своими прекрасными поэтическими произведеніями и учеными трактатами содѣйствовалъ установленію новаго литературнаго языка. Признавая извѣстныя достоинства за старымъ литературнымъ языкомъ золотого вѣка, онъ, однако, считалъ его недостаточнымъ для удовлетворенія современныхъ потребностей науки и литературы, и потому обратился къ изученію живаго народнаго языка, а также доказывалъ необходимость заимствованія словъ изъ родственныхъ славянскихъ языковъ въ замѣнъ вошедшихъ въ языкъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ. Главнымъ результатомъ его занятій въ этомъ направленіи было изданіе пятитомнаго „Чешско-нѣмецкаго словаря“ (1834—1839). Это—трудъ замѣчательный по своей полнотѣ и обстоятельности, плодъ необычайнаго трудолюбія и учености автора; онъ вполне сохраняетъ свое значеніе и въ настоящее время. Матеріалъ для словаря Юнгманнъ собиралъ въ теченіе тридцати лѣтъ, черпая его какъ изъ старыхъ и новыхъ памятниковъ литературы, такъ изъ простонародной рѣчи; богатый лексическій матеріалъ, собранный Добровскимъ, также былъ въ распоряженіи автора. По характеру своему словарь Юнгманна—историческій и вмѣстѣ этимологическій: жизнь и значеніе каждаго слова излагается съ точки зрѣнія этимологіи и синтаксиса, по даннымъ книжнаго языка и простонародной рѣчи. Явившись въ свѣтъ въ ту знаменательную эпоху, когда шелъ вопросъ о созданіи новаго литературнаго языка, словарь этотъ получилъ особенное значеніе: онъ опредѣлялъ средства, какими могъ рас-

¹⁾ См. Zelený, *Život Josefa Jungmanna*, 1873—74, статью Н. А. Полова въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1873, іюль, Н. Задерацкаго Юнгманъ. Кіевъ, 1874.

полагать языкъ для выраженія новыхъ понятій. Раньше словаря явился въ печати другой замѣчательный трудъ Юнгманна, имѣвшій такое же широкое національное значеніе. Это была „Исторія Чешской литературы“ (1825 г., 2-е изданіе 1849 г.), представлявшая полный обзоръ чешской письменности отъ глубокой старины до новѣйшаго времени, съ подробной библіографіей и общими характеристиками отдѣльныхъ періодовъ. Въ этомъ сочиненіи находятся данныя о состояніи языка и происходившихъ въ немъ перемѣнахъ въ разныя эпохи и періоды исторической жизни народа.

Павель Іосифъ Шафарикъ (1795—1861), замѣчательнѣйшій представитель научнаго славяновѣдѣнія¹⁾, между прочимъ, много сдѣлалъ для историческаго изученія чешскаго языка. Труды его въ этомъ направленіи главнѣйше выразились въ изданіи многихъ памятниковъ чешскаго языка и литературы (*Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache*, 1840. *Výbor z literatury české*, I, 1845, II, 1857) и составленіи грамматики древне-чешскаго языка (*Počátkové staro-české mluvnice* — Введеніе въ первой части *Výbora*). Въ грамматикѣ этой дана характеристика древняго состоянія чешскаго языка до XIV ст., научно поставлены и рѣшены важнѣйшіе вопросы по исторіи звуковъ и формъ языка и вообще указанъ путь для дальнѣйшихъ болѣе глубокихъ и подробныхъ изслѣдованій въ области исторіи языка. Въ частностяхъ нѣкоторые выводы автора устарѣли, особенно тѣ, которые основаны на древнихъ памятникахъ, нынѣ признанныхъ критикой подложными (Зеленогорская рукопись, Згорѣльскіе отрывки и др.), но въ общемъ трудъ его и доселѣ не утратилъ своего значенія. Наряду съ историческимъ методомъ Шафарикъ широко примѣнялъ въ своихъ филологическихъ занятіяхъ указанный еще Добровскимъ методъ сравнительный. Сюда относятся: рядъ цѣнныхъ монографій по грамматическимъ вопросамъ (въ *Casopis Českého Musea*, 1846, 1847 и 1848 гг.²⁾), написанныхъ съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія,

¹⁾ 1) Ср. Brandl *Život Pavla Josefa Šafaříka*. V Brně, 1887. 2) П. Кулаковскій, Павелъ Іосифъ Шафарикъ — Журн. Мин. Нар. Пр., 1895 г., июнь. 3) *Na památku stoletých narozenin Pavla Josefa Šafaříka*. *Česky Časopis historický*, 1895, 3 и отдѣльно. 4) *Listy Filologické*, 1895, R. XXII, s. 4.

²⁾ 1) О tvoření slov zdvojením kořene. 2) О šíření časoslovných kořenův a kmenův vsouváním a přirážením souhlasek. 3) О přetvořování hrdelných souhlasek. 4) Výklad některých grammatických forem v jazyku slovanském. 5) *Mluvozpytný rozbor čísloslova*. Ср. *Sebrané Spisy*, III. V Praze, 1864.

общія характеристики всѣхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій въ знаменитой „Славянской Народописи“ (Slovansky Narodopis, 1842) и оставшійся неоконченнымъ большой славянскій этимологическій словарь. Наконецъ Шафарикъ принималъ участіе въ выработкѣ чешскаго словаря научныхъ, преимущественно юридическихъ, терминовъ.

Мартинъ Гаттала (род. 1821 г.) профессоръ славянской филологіи въ Пражскомъ университетѣ, извѣстный своими трудами по сравнительному славянскому языковѣзнанію и по словацкому яз.¹⁾ дѣятельно продолжалъ начатое его предшественниками сравнительное и историческое изученіе чешскаго языка. Больше всего имъ сдѣлано въ области фонетики и синтаксиса. Кромѣ частныхъ изслѣдованій и статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (Rozpravy Kr. Česk. Společnosti nauk, Časopis Českého Musea, Krok и др.) особенно важны: *Zvukosloví jazyka staročeského, novočeského, slovenského* (1854); *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského* (1857); *Skladba jazyka českého, Brus jazyka českého* (1877). Гаттала — высоко-образованный лингвистъ, глубокий изслѣдователь и знатокъ чешскаго языка; на его трудахъ воспиталось цѣлое поколѣніе современныхъ чешскихъ филологовъ. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, и какъ ревностный защитникъ подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей и древности языка этихъ заподозрѣнныхъ памятниковъ.

Янъ Гебауэръ (род. 1838 г.), профессоръ Пражскаго чешскаго университета, — замѣчательнѣйшій филологъ нашего времени, окончательно поставившій изученіе чешскаго языка въ уровень съ требованіями современной науки о языкѣ. Въ своихъ работахъ онъ глубоко вошелъ въ изслѣдованіе исторіи чешскаго языка, пользуется для этой цѣли какъ источникомъ не только печатными изданіями, но и обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ, и примѣняетъ новые строго-научные филологическіе приемы и правила точной критики. Многочисленныя его статьи и монографіи, разсѣяныя по спеціальнымъ ученымъ изданіямъ (*Časopis Českého Muzea, Sborník vědecký, Listy filologické, Rozpravy Kral. Společn. nauk, Sitzungsberichte Wiener Akademie* и др.) относятся ко всѣмъ отдѣламъ грамматики: къ правописанію, фонетикѣ, морфологіи, синтаксису. Изъ нихъ особенны цѣнны по новизнѣ наблюденій и выводовъ изслѣдованія о мяг-

¹⁾ См. ниже отдѣлъ Словацкаго языка.

кихъ (іогованныхъ) *e, a, o, i, o* количествѣ гласныхъ, объ именныхъ и глагольныхъ флексіяхъ, объ отрицаніи и т. д. Итоги своихъ многолѣтнихъ разысканій и усидчивыхъ занятій Гебауэръ свелъ въ двухъ капитальныхъ трудахъ, уже получившихъ окончательную обработку— *исторической грамматикѣ* и *историческомъ словарѣ чешскаго языка*. Историческая грамматика должна состоять изъ четырехъ большихъ томовъ, изъ которыхъ пока явился въ печати первый—фонетика (*Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vidni, 1894, 702*). Это обширное сочиненіе содержитъ полное и всестороннее изложеніе исторіи звуковъ чешскаго языка и должно быть настольной книгой всякаго занимающагося этимъ славянскимъ языкомъ¹⁾. Остальные томы, которые вскорѣ должны появиться въ свѣтъ, будутъ обнимать ученіе объ основахъ, морфологію и синтаксисъ. Печатаніе словаря, по заявленію автора, начнется немедленно послѣ выхода въ свѣтъ втораго тома (морфологіи) грамматикѣ. Осуществленіе въ полномъ объемѣ этихъ двухъ ученыхъ предпріятій составитъ эпоху въ изученіи чешскаго языка. Основные свои взгляды на строй чешскаго языка и его судьбы Гебауэръ изложилъ въ прекрасной школьной грамматикѣ (*Mluvnice česká pro školy střední a ústavu učitelské, I. Nauka o slově, II. Skladba, 1890*). Весьма важно также его Введеніе въ чешскую грамматику (*Uvedení do mluvnice české, 1876*), вошедшее потомъ во второй томъ его школьной грамматикѣ. Въ противоположность Гатталѣ Гебауэръ стоитъ во главѣ противниковъ подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей и разбору языка этихъ памятниковъ посвятилъ нѣсколько статей, печатавшихся главнѣйше въ *Archiv f. Slav. Phil.* (р.д. X, XI). Наконецъ, онъ принимаетъ живое участіе въ изданіи памятниковъ древняго чешскаго языка и литературы и въ редактированіи чешскаго филологическаго журнала (*Listy filologické*). Сдѣлавъ лично такъ много для науки, Гебауэръ успѣло бразовать цѣлую школу молодыхъ чешскихъ филологовъ, успѣшно работающихъ въ томъ же строго-научномъ направленіи.

Алоизъ Шембера (1807—1882), извѣстный профессоръ чешскаго языка и литературы въ Вѣнскомъ университетѣ, первый обратился въ систематическому изученію чешской діалектологіи. Его со-

¹⁾ Ср. статью акад. И. В. Ягича въ *Arch. f. Slav. Phil.*, XVI, 505—528 и нашу библиографическую замѣтку въ *Унив. Изв.*, 1895 г., июль.

чиненіе *Základové dialektologie československé* (ve Vidní, 1864), основанное на матеріалѣ, который авторъ собиралъ непосредственно и черезъ другихъ лицъ въ теченіе двадцати лѣтъ, содержитъ классификацію и характеристику нарѣчій и говоровъ чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ. Сочиненіе это при всей его неполнотѣ и другихъ недостаткахъ до сихъ поръ остается незамѣненнымъ и вполнѣ сохраняетъ свое значеніе, особенно по отношенію къ чешскимъ говорамъ. Сверхъ того Шембера составилъ получившую большую извѣстность исторію чешскаго языка и литературы (*Dějiny řeči a literatury české*, 4-е изд. 1878) и издалъ „Ореографію“ Гуса (см. выше).

Фр. Бартошъ (род. 1833), почтенный собиратель моравскихъ народныхъ пѣсень и изслѣдователь моравской народности¹⁾ имѣетъ огромныя заслуги въ дѣлѣ изученія моравскихъ говоровъ. Его двутомная „Моравская діалектологія“ (I, 1886, II, 1895), представляющая отчетливую и подробную картину состоянія народныхъ говоровъ въ Моравіи можетъ быть признана однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ по славянскому языкознанію новаго времени. Весьма цѣнны и его многочисленныя работы по чешскому синтаксису и общее сочиненіе по этому отдѣлу чешской грамматики—*Skladba jazyka českého* (7-е изд. 1895). Наконецъ Бартошу принадлежитъ лучшій трудъ по „очищенію“ чешскаго литературнаго языка—*Rukověť spravné češtiny*.

Трудами названныхъ ученыхъ заложено прочное основаніе научнаго изученія чешскаго языка. Рядомъ съ ними можно назвать значительное число именъ другихъ ученыхъ, въ большей или меньшей степени содѣйствовавшихъ или по нынѣ содѣйствующихъ успѣхамъ чешскаго языкознанія.

Обзоры старо-чешскаго языка представили Квѣтъ (*Staročeska mluvnice*—главн. обр. по Шафарыку), I. Иречекъ (*Nákres mluvnice staročeské*) и Пеликанъ. Краткій очеркъ развитія литературнаго языка сдѣлалъ Новакъ.

Въ разработкѣ частныхъ грамматическихъ вопросовъ принимали участіе: Еп. Тынь (*Тѣй о глаголѣ*), Митнеръ, В. Свобода (о склоненіи иностран. словъ), Т. Водичка, I. Иречекъ, В. Котсмихъ, Б. Едличка, Гильмаръ, Игн. Машекъ, Ф. Гокль

¹⁾ См. 1) наши критико-библіографическія замѣтки въ Университ. Изв., 1891 г. и 1896 г. и 2) разборъ „Моравской діалектологіи“ проф. Будиловича въ Отчетѣ о присужденіи преміи А. А. Котларевскаго за 1890 г.

(объ удареніи), Гавликъ, Ф. Прусикъ (этимологическія изслѣдованія), К. Черный, М. Опатрный, В. Флайшгансъ, В. Вондракъ, І. Ганушъ, Трухларъ, Кеберле (вопросы о старомъ языкѣ), А. Вашекъ (о сложныхъ словахъ), Г. Махаль (о количествахъ гласныхъ) и др.

По синтаксу, кромѣ указанныхъ работъ Бартоша, болѣе или менѣе важны: большой трудъ В. Зикмунда († 1873), *Skladba jazyka českého* (по богатству матерьяла) и частныя изслѣдованія Я. Грушки, Я. Чапки и Я. Пеликана.

Къ области діалектологіи, кромѣ выше-названныхъ сочиненій Шемберы и Бартоша, относятся работы В. Котсмиха, І. Иречка, І. Бартохи, Ф. Прусика, В. Прасева, Я. Грушки, В. Душка и др. За послѣдніе годы, особенно со времени Пражской этнографической выставки, значительно увеличилось число діалектологическихъ наблюденій.

Въ ряду многочисленныхъ книгъ и статей по исправленію и улучшенію чешскаго литературнаго языка наиболѣе важно, кромѣ указанныхъ сочиненій Гатталы и Бартоша, изданіе особой комиссіи при Матицѣ чешской — *Brus jazyka českého* (1877, 2-е изд. 1881, 3-е 1894).

Изъ словарей, кромѣ труда Югманна, особенно выдаются: болѣе ранній (1820 — 21) — Юр. Палковича (1769—1850), обнимающій не только чешскій языкъ, но и словацкій языкъ и моравскія нарѣчія — и новѣйшій большой *Českoněmecký slovník zvláště grammaticko-frazeologický* Фр. Котта (7 томовъ 1878—1891). Меньшіе чешско-нѣмецкіе словари издали Фр. Шумавскій, Іорданъ и Ранкъ.

Школьныхъ и практическихъ грамматикъ издано и постоянно издается достаточное количество. Изъ старыхъ наиболѣе заслуживаютъ упоминанія грамматики Буріана, Ченскаго, Зикмунда, изъ болѣе новыхъ — Блажка, Коваря и особенно новѣйшая и лучшая Гебауэра.

Критическое изданіе памятниковъ стараго чешскаго языка началось сравнительно въ недавнее время. Многочисленные труды въ этой области извѣстнаго В. Ганки (1791—1861) не удовлетворяютъ требованіямъ науки. Послѣ старыхъ дѣятелей П. Шафарика, Ф. Палацкаго, К. Эрбена, Небескаго, І. Гануша, Воцеля, наибольше заслугъ въ этой области имѣютъ новѣйшіе изслѣдователи:

І. Иречекъ, В. Брандль, А. Патера, Я. Гебауэръ, І. Трухляръ, Ф. Менчикъ, а также — Машекъ, Фляйшгансъ, Гауэръ и др.

Изданій, посвященныхъ произведеніямъ живой народной рѣчи вообще не много, да и тѣ не всегда отвѣчаютъ требованіямъ филологической критики. Наиболье цѣнные сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и другихъ памятниковъ чешскаго народнаго творчества составили К. Эрбенъ, Сушиль, Кульда, Бартошъ, Пекъ, Седлачекъ, Врана, Вацлавекъ и др.

Изъ русскихъ славистовъ принимали нѣкоторое участіе въ научномъ изученіи чешскаго языка и его историческихъ судьбъ А. Соколовъ, И. И. Срезневскій, В. И. Ламанскій, Макушевъ, Петровскій, Кочубинскій, Некрасовъ; изъ южно-славянскихъ — Миклошичъ и Ягичъ; изъ польскихъ — Брикверъ; „Чешскую грамматику“ на польскомъ яз. составилъ Я. Шастецкій.

Въ общемъ изученіе чешскаго языка можно признать достаточно полнымъ, всестороннимъ и глубокимъ. Наиболье разработана исторія и грамматика литературнаго языка, наименѣе — діалектологія.

Средства для практическаго изученія чешскаго языка, представляемая русскою литературой, весьма ничтожны. Старыя чешскія грамматики — Страшкевича (Прага, 1852 г.) и Шрамека (С-Петербургъ, 1870 г.) давно вышли изъ продажи. Грамматика древняго и новаго чешскаго языка въ трудѣ Некрасова „Креледворская рукопись“ (1872) стоитъ въ связи съ изслѣдованіемъ памятника нынѣ заподозрѣннаго критикой, и также уже устарѣла. Чешско-русскій словарь давно уже приготовленъ Ранкомъ, но все еще не изданъ¹⁾. Недавно напечатанный въ Прагѣ (1895 г.) словарчикъ Вани ужъ слишкомъ малъ и неполонъ.

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

Jan Hus. De orthographia bohémica. Slavische Bibliothek herausg. v. Miklosich u. Fiedler. Bd. II. Wien, 1858.

Veneš Optat, P. Gzel a V. Philomates. Česka Grammatyka sedmearau stranuku v sobě obsahující. V Naměsti, 1533, 2-e изд. 1588, 3-e 1643.

¹⁾ Печатаніе его, впрочемъ, уже начато. Русско-чешскій словарь того-же Ранка вышелъ уже болѣе десяти лѣтъ назадъ.

- J. B l a h o s l a v. Grammatika česká (1571) издава І. Иречкомъ и Я. Градломъ въ Вѣнѣ, 1857 г.
- M. B e n e š o v s k ý. Grammatyka česká milovníkům tehož jazyka velmi užitečná. V Praze, 1577.
- Grammaticae Bohemicae ad leges naturalis methodi conformatae et notis numerisque illustratae ac distinctae, libri duo, Auctore Laurentio Nudozerino. Praegae, 1603.
- J a n D r a c h o v s k y. Grammatica Bohemica in V libros divisa a quodam Patre Soc. Jezu, jam pridem in gratiam tyronum Bohemicae linguae composita. Olomuc, 1660.
- G i ř i K o n s t a n z. Lima linguae Bohemicae, to jest, Brus jazyka českého, neb Spis o pospravení a zotřetí řeči české, 1667.
- Čečořečnost seu Gramm. linguae Bohem. quatuor partibus: Orthographia, Etymologia, Syntaxi et Prosodia constans, authore Wenceslao Rosa Micro. Praegae, 1672.
- V. J a n d i t. Grammatica linguae Bohemicae methodo facili per regulas certas et universales explicata. Praegae, 1704.
- D o l e ž a l. Grammatica Slavico-Bohemica Posonii, 1746.—Elementa linguae Slavo-Bohemicae, 1752.
- V. P o h l. Grammatica linguae Bohemicae, oder die Böhmsche Sprachkunst bestehend in vier Theilen. Wien, 1756, 1764, 1773, 1783.
- F r. T o m s a. 1) Böhmsche Sprachlehre. Prag, 1782; 2) Ueber die Bedeutung, Abwandlung und Gebrauch der čechischen Zeitwörter. Prag, 1804; 3) Ueber die Veränderung der čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie seit XIII Jahr. bis jetzt. 1805.
- K. I. T h á m. Kurzgefasste böhmische Sprachlehre nebst böhm. deutsch. und französichen Gesprächen. Prag und Wien, 1785 (1798, 1800, 1801, 1804, 1821).
- F r. M. P e l c e l. 1) Typus declinationum linguae bohemicae nova methodo dispositarum. Praegae, 1793, 1795; 2) Grundsätze der böhmischen Grammatik. Prag, 1795, 1798.
- G. C h l a d e k. Naučení kratické, kterakby se mělo dobře po česku mluvíti a psáti. V Praze, 1795.
- J. D o b r o v s k ý. 1) Slovo slavenicum, in specie čechicum. Praegae, 1799; 2) Bildsamkeit der slavischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt. Prag, 1799; 3) Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Prag, 1809, 1819.
- J. N e j e d l ý. Böhmsche Grammatik. Prag, 1804—1805, 1809, 1821.
- F r. N o v o t n y z L u ž c. Pravidla řeči české v Praze, 1818.
- J. L. Z i e g l e r. Böhmsche Biegungen. Königgrätz, 1818.

- V. Hanka. Mluvnice, čili saustava českého jazyka podlé Dobrovského. V Praze, 1822.
- P. J. Šafařík. Výklad některých grammatických forem v jazyku slovan-ském. Casop. Česk. Muz., 1847, I.
- M. Hattala. 1) Zvukosloví jazyka staročeského i novočeského a sloven-ského. V Praze, 1854; 2) Srovnací mluvnice jazyka českého a sloven-ského. V Praze, 1857; 3) Skladba jazyka českého, 1855; 4) Počatečně skupeniny souhlásek československých. V Praze, 1870 (Akta Kr. Česke Společnosti Nauk. Ř. VI, sv. 4); 5) Brus jazyka českého. V Praze, 1877.
- J. Gebauer. 1) Uvedení do mluvnice české. V Praze, 1876; 2) Hláskosloví jazyka českého. V Praze, 1877; 3) Mluvnice česká pro školy střední i ustavy učitel'ske; I. Nauka o slově. V Praze a ve Vídni, 1890; II. Skladba, 1890; 4) Praesentní tvary sloves bítí, vítí, pítí, hnítí, líti. Listy filologické, IX (1882) 101; 5) Tvaroslovné vyklady a doklady ke slovesům. Listy fil., X (1883) 109, 445, XI (1884) 63, 248, 437, XIII (1886) 280; 6) O negaci zvláště staročeské. Listy fil., X (1883) 240; 7) Skladba adjectiva českého, zvláště staročeského. Listy fil., XIII (1886) 371, 8) České supinum. Listy fil., XV (1888) 100; 9) Drobnosti grammatické. Listy fil., IV—XI; 10) Imenné skloňování adjectiv kmene -o, -a. Listy fil., XXII (1895) 269; 11) O větách složených a o vývoje formy podžadné ze souřadné, 1877. Listy fil., II, 30; 12) Některé novoty v češtině spisovné. Listy fil., XXI (1894) 212.
- V. Zikmund. 1) Grammatika česka pro gymnazia; 2) Skladba jazyka českého.
- F. r. Bartoš. 1) Skladba jazyka českého. V Brně, 7-e изд. 1895 r.; 2) Ueber die modale Bedeutung des böhmischen Instrumentals Teschen Progr.. 1868; 3) O instrumentale hmoty. Časopis Matice Mor., 1869, I, 184; 4) Příspěvky k české skladbě. Čas. Mat. Mor., 1870, II, 117; 5) O genitivě zavislém na časosloveh. V Brně. Čas. Mat. Mor., 1872, IV, 1; 6) Příspěvky k české skladbě. Program Brn. Gymnaz., 1873; 7) O některých způsobech české atrakce či assimilace syntaktické. Listy fil., II, 120; 8) O předložkách *do* a *z*. Тамъ-же, 141; 9) O předložkách *za* a *na*. Тамъ-же, 287; 10) O předložce *po*. Listy fil., III (1876) 148; 11) O předložkách *v*, *nad*, *pod*, *před*. Listy fil., IV (1877), 102, 225; 12) O českém dativě prostém i předložkovém. Brno, 1878; 13) Rukověť správné češtiny. Druhé vydání. V Telč, 1893.
- Kotsmich. O skladbě české vůbec a užívání genitivu zvlášť. Čas. Mat. Mor., 1871, III, 121.
- Ant. Havlík. O rýmech přehlásky *u*—*i* původním *u* a *i*. Listy fil., XIV (1887) 240.

- E. Mittner. O správném užívání přestupníků v české řeči. Praha, 1874.
- J. Pelikan. Předložka *ot, od* v češtině. Program Gymnaz. v Kralovehradci, 1890.
- Fr. Čapka. K výkladu nejdůležitějších ukonů českého genitivu. Program. Gymnaz. v Vel. Meziříčí, 1888.
- Jos. Hruška. O vyrazích doplňkových s hlavním zřetelem k instrumentalu doplňkovému. Listy fil., XVII (1890) 44, 125, 268, 362, 435.
- F. Jokl, O přízvuku slovanském, zvláště českém. Listy fil., XII (1883) 422.
- G. Fischer. Zur frage über den Ursprünglichen Accent im Böhmischem. Arch. f. Slav. Phil., III (1878) 525.
- J. Machal. Ku kvantitě české. Program Gymnaz. v Nemeckem Brodě, 1888.
- A. Vašek. O složených slovech v češtině. Časop. Mat. Morav., 1877, 63; 1878, 146; 1879, 64.
- Fr. Prusik. 1) O komparativě ve slovanštině. Program Gymnaz. v Roudnici, 1882; 2) Etymologica. Krok, 1892, 1, 5, 7, 10; 1893, 2.
- Fr. Slavik. O skracování starodavných jmen osobních a místních. Časop. Mat. Mor., 1889, 158.
- V. Vondrák. O koncovkách praes. sing. *-im, -ám* v češtině. Listy fil., XIII (1886) 43.
- V. Flajšhans. 1) Česká kvantita. Listy fil., XXII (1895) 66; 2) Změny mezislovné v češtině. Тамъ-же, 429; 3) Dissimilace v češtině. Тамъ-же, XX (1893) 464.
- Jos. Zubatý. Ku přechodu *s v š* v češtině. Listy fil., XXII (1895) 405.
- P. Polanský. Maloruské a české *u* místo *y*. Listy fil., XX (1893) 324.
- V. Svoboda. Skloňování cizích jmen v češtině. V Praze, 1887.
- Fr. Vymazal. 1) Miklošičovo hláskosloví jazyka českého. V Brně, 1879; 2) Pravopisný slovník a zásady českého pravopisu. V Brně, 1886.
- Brus jazyka českého, jež sestavila Kommissie širším sborem Matice české zřížena. V Praze, 1877, 3-e izd. 1894.
- Fr. Miklosich. Die Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, Bd. I—IV. Ср. первую часть „Лекцій“, стр. 39. Фонетика во II т. (1879) 486—519. Русскій переводъ Морфологии подъ ред. проф. Р. Брандта, вып. IV. Москва, 1886.
- M. Blažek. Mluvnice jazyka českého; Dil I Nauka o slově. Brno, 1877, 3-e izd. 1882.
- Em. Kovař. Česka mluvnice pro školy střední a ustavy učitelské; Dil I Nauka o slově. V Praze, 1889; Dil II Nauka o větě čili skladba, 1890.
- Шрамекъ. Чешская грамматика. С.-Петербургъ, 1870.

- К. С. (Трашкевичъ). Чешская грамматика съ упражненіями, краткою хрестоматією и словаремъ, составленная по руководству Конечнаго К. С. въ Кіевѣ. Прага, 1852. Въ типогр. сыновей Богумила Гаазе.
- Н. Некрасовъ. Грамматика чешскаго языка (древняго и новаго) при сочиненіи „Краледворская рукопись“. С.-Петербургъ, 1872.
- J. Szastocki. Gramatyka czeska. W. Warszawie.

б) Работы по исторіи языка.

- Jos. Dobrovský. 1) Ueber den Ursprung und die Bildung der slavischen und insbesondere der böhmischen Sprache, 1791 (Предисловіе къ словарю Томсы ср. ниже); 2) Geschichte der Böhmischen Sprache und Literatur, 1792. Переработанное изданіе, 1818.
- Jos. Jungmann. Historie literatury české, aneb saustavný přehled spisů českých, s kratkou historií národu, osvícení a jazyka. V Praze, 1825, 2-е изд. 1849.
- P. J. Šafařík. Počátkové staročeské mluvnice, 1845 (Введеніе къ I т. Výbor z literatury české).
- Květ. Staročeska mluvnice. V Praze, 1860, 2-е изд. 1864, 3-е изд. 1869.
- V. Šembera. Dějiny řeči a literatury české. Ve Vídni, 1869, 4-е изд. 1878.
- Jos. Jireček. 1) O účincích předechův a zvláště joty v řeči české. Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury. B. I. Ve Vídni, 1860; 2) Nákras mluvnice staročeské. V Praze, 1870; 3) Alter des czechischen *h* für *g*. Reste des Local-Suffixes *-as* und *-ach* in deutschen Umbildungen slavischer Ortsnamen. Arch. f. Slav. Phil., II, 333.
- J. Gebauer. 1) Historická mluvnice jazyka českého; Díl I Hláskosloví. V Praze a ve Vídni, 1894, 702 (капитальный трудъ); 2) Příspěvek k historii českých samohlásek. V Praze. Sbornik vědecký, II, 1871. Ср. рецензію Ягича въ Rad Jugo-slav. Ak., XIV, 195; 3) Příspěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské. V Praze, 1872. Sbornik vědecký, IV; 4) O staročeskem dvojím ř, jasném a temném. Listy fil., IV (1877) 239; 5) O významu jotace v rukopisech staročeských. Listy fil., V (1878) 183; 6) Ueber die weichen *e*-Silben im Altböhmischen. Wien, 1878 (Sitzungsberichte Wien. Akad. d. Wissensch.); 7) Zur Phonetik der altböhmischen *e*-Silben. Arch. f. Slav. Phil., IV, 128.—Nový důvod pro pravidlo o staročeském měkkém *e* a *ě*. Listy fil., VII (1880) 122.—Pravidlo o staročeském *e* a *ě* a nové námitky proti jeho pravosti. V Praze, 1880.—Odpověď na Přídavek p. Martina Hattaly. V Praze, 1881; 8) Ueber die weichen *a*-, *o*- und *u*-Silben im Altböhmischen. Wien, 1879 (Sitzungsberichte Wien. Akad.);

- 9) Ku kvantitě ve staročeských Zlomech Epických. Listy fil., V (1878) 219; 10) Ke kvantitě staročeské. Listy fil., VI (1879) 204; 11) Staročeské m', b', p', v', z', s', c (c') ř. Listy fil., X (1883) 107; 12) Staročeska adjektiva s koncovkami *-íci*, *-ující*, *-ěující*, utvořena ze sloves. Listy fil., XIV (1887) 360; 13) Prechodník přítomný (budoucí) sloves jednodobých a končících v novém zákoně Kralickém. Časop. Česk. Musea, 1870, 247; 14) Někteří stránky jazyka štitenského, 1874. Listy fil., I, 252; 15) O vazbě přechodnikové v jazyce štitenském. Listy fil., II, (1875) 126; 16) Nominale Formen des altböhmisches Comparativs. Wien, 1880 (Sitzungsberichte, Wien, Akad.); 17) Staročeské sklonění zajmenné. V Praze, 1885 (Pojednání Kral. české Spol. nauk); 18) Staročeské sklonění substantiv kmene *-o*. V Praze, 1888 (Pojednání Kr. česk. Spol. nauk); 19) Staročeské sklonění substantiv kmene *-a*. V Praze, 1888 (Pojedn. Kral. Česk. Sp. nauk); 20) Staročeské sklonění složené. V Praze, 1889 (Rozpravy Kr. Č. Sp. nauk); 21) Staročeské sklonění jmen kmene *-i*. V Praze, 1891 (Rožpr. Kr. Č. Sp. nauk); 22) Unehtheit der Koniginhofer und Grüneberger Handschrift. Arch. f. Slav. Phil., X, 446, XI, 1, 161; 23) Adverbia *-o* a *-ě* v RKZém. Listy fil., XXII (1895) 130. См. также 13 стр.
- M. H a t t a l a. Příspěvek k nejnovějším dějinám mluvnickví českého. Krok, 1891, 1892.
- J. P e l i k a n. 1) Hláskoslovne a tvaroslovné základy, введение при книгѣ Výbor z literatury české. Díl I 2-е изд. 1893; 2) Význam imperfecta ve staré češtině. Program Gymnaz. v Kralovehradci, 1886; 3) O duale v češtině. Тамъ-же, 1888.
- A. H a v l i k. K otazce jerové v staré češtině. Listy fil., XVI (1888).
- M. O p a t r n ý. 1) Staročeské střidnice předložky *въ* před souhlaskami retnými. Listy fil., XVIII (1891); 2) Staročeská střidnice za původní *ъ*. Тамъ-же, 177; 3) Aoristy sloves II třídy ve staré češtině. Listy fil., XI (1884) 56.
- K a r e l Č e r n ý. Pravidlo o formách slovesa „býti“ vzhledem ke Štitnému. Listy fil., XVI (1889) 445.
- F r. Č e r n ý. Kosmografie česká. Listy fil., XX (1893) 444.
- V. F l a i š h a n s. 1) Staročeské sklonění substantiv kmene *-u*. Listy fil., XVII (1890) 138, 278, 372, 446; 2) Doklady k stč. sklonění subst. kmene *-o*. Listy filol., XVIII (1891) 73, 288; 3) Ke kvantite češtiny XVI století, Listy fil., XX (1893) 383; 4) Vliv literatury staroslovenské na staročeskou. Listy fil., XXI (1894) 372, 463 (по поводу изслѣдованія Вондраба см. ниже); 5) Dřevo a drvo. Listy fil., XXI (1894) 469.

- V. Vondrák. 1) O genitivech na *u* ve staré češtině. Listy fil., XII (1885) 253; 2) Ueber die Localendungen *-ě* und *-u* der *z-* und *o-* Stämme im Altböhmischen. Archiv f. Slav. Phil. IX (1887) 605; 3) Die Spuren der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung in der altböhmischen Literatur, 1893 (Sitzungsberichte d. Wien. Akad.).
- Jan V. Novák. 1) O vývoji českého jazyka spisovného. Zpráva prvního českého Gymnazia v Praze za 1886; 2) O grammatice české M. Vavřínce Benedikta z Nudožer. Časop. Česk. Mus., 1888, 360.
- Karel Novák. O duale ve spisech Husových. Listy fil., XX (1893) 161.
- Josef Král. 1) O prosodii české XX (1893) 52, 190, 337, 417, XXI, 1, 161, 241, 321, 401; 2) K činnosti Jungmannově v prosodickém sporu. Listy fil., XXII (1895) 33.
- Fr. Pastrnek. Ueber den altčechischen Reim. Archiv f. Slav. Phil., X, 582.
- Ot. Paroubek. Z dějin českého verše. Zpráva o obecném gymnazii realním v Praze za rok. 1892. Sp. Listy fil., XX (1893) 234.
- Dolanský. O ypsilonu a jotě v Passionale Muzejním. Listy filolog., XIX (1892) 64.
- Em. Smetanka. Adjektivná adverbia na *-o* a *-ě* v staročeštině. Listy fil., XXII (1895) 91.
- Jos. Bidlo. Hláskoslovné a tvaroslovné zvláštnosti Hájkova Herbaře (z roku 1562) a Veleslavinova Kalendáře historického (z roku 1578). Listy fil., XXI (1894) 100, 203, 288, 378, 448.
- B. Jedlička. Studie o štokholmské legendě Kateřinské. Listy filol., XXI (1894) 44.
- V. Kebrle. Příspěvky ke kritice a vykladů textů staročeských. Listy fil., XXI (1894) 193.
- Fr. Někola. Cizí vliv na jazyk český. Mladá Boleslava, 1880 (Program gymnaz.).
- V. Jagić. Многочисленные рецензии въ Archiv f. Slav. Phil.; важѣйшая изъ нихъ разборъ труда Гебауэра Historická mluvnice jazyka českého. Arch. XVI, 505.
- A. Соколовъ. Краледворская рукопись „Судъ Любуши“. Ученныя Записки Казанск. Унив., 1845 (кн. IV) и 1846 (кн. I).
- И. И. Срезневскій. Былина о судѣ Любуши. Русскій Филол. Вѣстн., 1879, 1; 2) Чешскія глоссы въ „Mater Verborum“. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Спб., 1878 (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, XIX).
- В. Макушевъ. Изъ Чтеній о старо-чешской письменности. Филологическія Записки (Воронежъ) 1878, 3—6.

- В. И. Ламанскій. Новѣйшіе памятники древне-чешскаго яз. Журн. Мин. Нар. Просв., 1879, январь, февраль, мартъ, июнь, июль; 1880, июнь.
- М. П. Петровскій. Матеріалы для славянской діалектологіи. Ученыя записки Казанск. Унив., 1864—1866; 2) Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ. Спб., Памятники древней письменности, 1888, № LXXII.
- А. А. Кочубинскій. Отчеты о занятіяхъ славянскими нарѣчіями, 1876, 1877.

в) Изданія памятниконъ стараго языка ¹⁾).

- V. Han ka. Starobylá skládanie, I—V. V Praze, 1817—1823 (не выполнѣ критическое изданіе).
- P. Šafařík und Fr. Palacký. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, 1840.
- Rozbor staročeské literatury (труды Шафарика, Юнгманна, Челяковскаго и Ганки) Akta Kral. České společnosti Nauk. Sv. II, 109—216, Sv. III, 671—746. Отдѣльно два тома 1842—45.
- P. J. Šafařík. 1) Výbor z literatury české, I. Od nejstarších časův až do počátku XV století, 1845; 2) Klasobraní na poli staročeské literatury. Časopis Česk. Mus., 1847, 1848, 1855; 2) нѣкоторые тексты въ Sebrané Spisy. Díl III.
- K. J. Erben. 1) Výbor z literatury české. Díl II. Z počátku XV až ku konci XVIII století, 1857—1864 (3 вып. до XVI в.); 2) Tómy ze Štítného Knížky šestery o obecných věcech křesťanských. V Praze, 1852; 3) Mistra Jana Husi sebrané spisy české. V Praze, I, 1865, II, 1866, III, 1868; 4) Legenda o sv. Katěřine. Časopis Česk. Mus; 5) Bartošova Kroniká pražská o pozdvižení jedněch proti druhým (1524—1530). V Praze, 1851; 6) Cestopis Haranta z Polžic.
- Fr. Palacký. 1) Staří letopisové čeští od roku 1378 do 1527. V Praze, 1829; 2) Archiv český, I—IV, 1840—1846, V—VI, 1862. Продолженіе Архива подѣ редакціей Калоуска, въ настоящее время 11 томовъ; 3) Physiologus. Čas. Česk. Mus., 1875, 127.
- V. Nebeský. Матеріалы и замѣтки по исторіи чешской письменности въ Časop. Česk. Mus., 1845, 1846, 1847, 1850, 1851, 1852, 1853.
- I. Hanuš. Málý výbor z literatury české.
- J. Rozum. Bibliotéka staročeská d. I—VII, 1853—1857. •
- Jos. Jireček. 1) Grammatika česká Jana Blahoslava. Ve Vidní, 1857; 2) Anthologie z literatury české doby střední. V Praze, 1858; 3) An-

¹⁾ Указываются преимущественно важнѣйшія, наиболѣ критическія, изданія.

thologie. Doba stará, 1860, 2-e izd. 1870, 3-e izd. 1875; 4) Anthologie. Doba nová, 1861; 5) Zrcadlo marnotratných. Časop. Česk. Mus., 1873, 235; 6) Nové objevy z literatury staročeské Časop. Česk. Mus., 1875, 321; 7) Staročeské zlomky satyričké. Тамъ-же, 321; 8) Legenda veršovaná o sv. Prokopu. Prameny dějin českých, I, 1871—1873; 9) Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila. Památky staré literatury české. Č. 2, 1877 и Prameny dějin českých. D. III, Sv. 1—3, 1878; 10) Staročeské divadelní hry. V Praze, 1878 (Památky staré literatury české. Č. 3); 11) Skladaní o Podkoní a žáku. V Praze, 1878; 12) Z rukopisův kláštera Vyšnobrodského. Čas. Česk. Mus., 1885, 563; 13) Die altböhmisches Gedichte der Grünberger und Königihofer Handschrift. Prag, 1879; 14) Některé listy Viléma hr. Slavaty. Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury. R. I. Ve Vidni, 1860, 80.

Herm. Jireček. 1) Viktorina ze Všeherd Knihy devatery o pravích a sudích, o deskách země české. V Praze, 1874. 2) Codex juris Bohemici. Tom I—V, 1867—1883; 3) Svod zakonův Slovanských. V Praze, 1880.

V. Brandl. 1) Libri citationum et sententiarum seu knihy půhonné a nálezové. T. I—V. Brunae, 1872—1888; 2) Spisy Karla staršího z Žerotina, I, v Brně, 1870, II i III v Praze, 1871, 1872; 3) Kniha Rožmberská. V Praze, 1872; 4) Kniha Tovačovská. V Brně, 1868; 5) Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Vol. VII—XII.

Martin Hattala a Adolf Patera. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Texty a transkripce. V Praze, 1881.

Adolf Patera. 1) Česke glossy v „Mater Verborum“. Časop. Česk. Mus., 1877. Русскій переводъ этого труда А. О. Патеры съ дополнительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго въ Приложеніи (№ 4) къ XXXI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб., 1878; 2) Staročeské glossy v latinském žaltáři musejnim XIII století. Čas. Česk. M., 1879, 398, 481; 3) Staročeské glossy XIII stol. v tak zvaném Homiliaři Opatovickém. Čas. Česk. M., 1880, 109; 4) Staročeské glossy XIII století v kapitulní knihovně v Olomouci. Čas. Česk. Mus., 1887, 119; 5) České a starobulharské glossy XII století v lat. rukopise kapitulní knihovny v Praze. Čas. Česk. Mus., 1878; 6) Píseň staročeská ze XIII století „Slovo do světa stvoření“. Čas. Česk. M., 1878; 7) Staročeská píseň o božím těle ze XIII století „Vitaj Králu všemohúci“. Čas. Česk. Mus., 1882, 103; 8) Staročeský zlomek legendy o panně Marii. Čas. Česk. M., 1879, 113; 9) Staročeské zbytky o Adamovi a Evě ze XIV století. Čas. Čes. Mus., 1884, 238; 10) Staročeský zbytek rýmovaného dětinství Ježišova ze XIV století. Čas. Česk. M., 1889, 454; 11) Drkolenský a musejní zbytek staročeské rýmované legendy o Jidašovi z prvé

- čtvrti XIV století. Čas. Česk. M., 1888, 86; 12) Wiesenberské rýmované zbytky „Rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně“. Čas. Česk. M., 1890, 186; 13) Opatovické zbytky staročeské „Rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně. Čas. Česk. Mus., 1890, 191; 14) Staročeske zbytky rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně. Čas. Česk. M., 1880, 344; 15) Rýmované „Pravenie o božiem umučenie a o jeho sváté krve prolitie“ z druhe polovice XIV století. Čas. Česk. M., 1883, 370, 550; 16) O božiem umučení. Staročeské rýmované skládání ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1886, 582; 17) O umučení sv. Jiří. Staročeská rýmovaná legenda ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1887, 77; 18) Zbytky staročeských legend o sv. Jiří ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1881, 271; 19) Svaté Maříe s nebes chvála. Rymované skládání ze XIV století. Čas. Česk. M., 1884, 511; 20) Zbytky staročeských rýmovaných legend o sv. Kateřině a sv. Margaretě. Čas. Česk. Mus., 1887, 204; 21) Musejní zbytky staročeského Života Krista Paná ze XIV st. Čas. Česk. M., 1885, 249; 22) Drkolensky zbytek staročeského passionálu ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1888, 101; 23) Drkolenský rukopis „Pašije Pána našeho Jezu Krista“ XIV století. Čas. Česk. Mus., 1888, 324; 24) List z nebe zeslaný. Památka staročeská ze XIV století. Čas. Česk. M., 1889, 439; 25) Musejní zbytky staročeského „Zrcadla člověčieho spasenie“ ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1887, 464; 26) Drkolenské zbytky staročeských her dramatických ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1889, 122; 27) Staročeské zbytky Růžové zahrady ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1881, 464; 28) Musejní zbytky staročeské Pulkavovy kroniky ze XIV století. Čas. Česk. M., 1885, 510; 29) šafaříkuv a Svatotomašský zbytek českého žaltaře ze XIV století. Čas. Česk. M., 1881, 121; 30) Nově nalezené zbytky staročeských passionálů ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1882, 514; 31) Musejní zbytky staročeského passionálu ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1883, 107; 32) Musejní zbytky staročeského Žaltaře asi z počátku XIV století. Čas. Česk. M., 1886, 129; 33) Zbytky staročeského překlada Genese ze XIV století. Čas. Česk. M., 1890, 450; 34) Hradecký rukopis. V Praze, 1881 (Památky staré literatury české, č. 8); 35) Svatovítský rukopis. V Praze, 1886 (Památky staré literatury české, č. 9); 36) Žaltař Klementinský. V Praze, 1890 (Památky staré literatury české, č. 10); 37) Rada otce synovi. Dle Petrohradského rukopisu z r. 1404. Čas. Česk. Mus., 1892, sv. 4; 38) Desatero kázanie božie. Čas. Česk. M., 1893, 246; 39) Kapitulní zbytek staročeských velikonočních her ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1894, 73; 40) Zbytky evangelií ze XIV století, 1895 (České Museum filologické, I, 1); 41) Žaltař Poděbradského z r. 1396 (печатаerca). Google

- J. Gebauer.** 1) *Žaltář Wittenberský.* V Praze, 1880 (Památky staré literatury české, č. 7); 2) Ukázka z rukopisného Nového zákona, psaného od Martina Kořečka r. 1425. *Listy filol.*, XII (1880) 126; 3) Zlomek staročeského Exodu z 1 polovice stol. XIV. *Тамъ-же*, 129; 4) Zlomky žaltáře Brněnského z 1 polovice stol. XIV. *Listy fil.*, VIII (1881) 301; 5) Z *Passionalu* muzejního. *Listy fil.*, VIII, 309, IX, 129, XII (1885) 291, 419 (J. Lego); XIII (1886) 55, 232 (J. Lego); 308 (J. Lego i J. Hanuš); 435 (J. Hanuš); XIV (1887) 44, 257 (J. Hanuš); 6) *Knižky Hugovy o přípravě svého srdce.* *Listy fil.*, X, (1883) 301; 7) *Životy svatých Otcův.* *Listy fil.*, XI (1884), 111; 8) *Hodiny svaté Máří.* *Тамъ-же*, 127; 9) *Kniha Rožmberská.* *Listy fil.*, VII (1880) 261; 10) *Nová rada Baseň pana Smila Flašky z Pardubic.* V Praze, 1876 (Památky staré literatury české, č. 1); 11) *Básně připsané při kronice Pulkavové v rkp. Lobkovickém z 1 pol. XV století.* *Listy filol.*, XI (1884) 111; 12) *Básně připsané při kronice Pulkavové v rkp. Litoměřickém, napsaném 1466.* *Тамъ-же*, 302.
- J. Emler.** 1) *Spisové Cisaře Karla IV. Na oslavu pětistileté památky jeho.* V Praze, 1878 (Památky staré literatury české, č. 4); 2) *Dekrety Jednoty Bratrské* въ изд. Гиндели *Staré paměti dějin českých.* V Praze, 1867; 3) *Pozůstatky desk zemských*, 1869, 4) *Regesta Bohemica.* T. II—IV.
- Jos. Truhlař.** 1) *Dvě staročeské památky ze XIII věku v Mnichově.* *Čas. Česk. Mus.*, 1879, 573; 2) *České přípisky v choralní knize kláštera Svatojiřského (XIII—XIV v.).* *Listy filol.*, VI (1879) 244; 3) *Listina o prodeji mlýna Ústí nad Kaceřovem klášteru Plaskému z r. 1406.* *Listy fil.* XV (1888) 44; 4) *Brněnský zlomek „Ružové zahrady“.* *Listy filol.*, XIII (1885) 307; 5) *Zlomek Závišovy písně Mnichovský (XIV st.).* *Čas. Česk. Mus.*, 1885, 109; 6) *Zlomky kroniky Dalimilovy nově objevené.* *Listy fil.*, XVIII (1891) 99; 7) *Milostná píseň česká z počátku XV století.* *Čas. Čes. Mus.*, 1882, 44; 8) *Manuale q. v. Venceslai Korandae-Rukopis bibliothéky Klementinské.* V Praze, 1888; 9) *Klementinské zlomky sborníku epických básní světských XIV věku.* *Čas. Česk. Mus.*, 1893, 329; 10) *Klasobraní po rukopisích.* *Listy filol.*, XIX (1892), 54; 11) *Zlomky dramatických her staročeských Mnichovské.* *Čas. Česk. M.*, 1892, 1.
- F. Menčík.** 1) *Knižky o hře šachové.* V Praze, 1880 (Památky staré literatury české, č. 6); 2) *Zlomek legendy „o dvanácti apoštolicích“, zvaný zlomkem Dobrovského.* V Praze, 1879. *Listy fil.*, VI, 140; 3) *Dvě staročeské duchovní písně v knihovně kláštera Admontského XIV stol.* *Listy filol.*, IX (1882), 147; 4) *Nový zlomek Alexandreidy.* *Čas. Česk. Mus.*, 1889, 369; 5) *Rozmanitosti.* V Jičíně, 1880; 6) *Český zlomek*

- „Donata“. Listy filol., XVIII (1891) 99; 7) Píseň o přijímání Kalicha. Čas. Česk. Mus., 1889, 153; 8) Píseň proti svatokupectví. Čas. Česk. M., 1890, 474; 9) Zápisy kněze Václava Rosy. Videň, 1879; 10) Česká prorocství. Příspěvek k dějinám prostonárodní literatury. Videň, 1879; 11) Vocabularium latinobohemicum Posoniense. Prešpurský sborník. V Praze, 1892; 12) Dva evangelistaře. V Praze, 1893; 13) M. Vojtěcha Rankova dopis Konradu Waldhauserovi. Čas. Čes. Mus., 1880, 558.
- A. Vrřatko. 1) Thómy z štitného knihy naučení křesťanského. V Praze, 1873; 2) Zlomky tábořské. Čas. Čes. Mus., 1874, 110.
- V. Jedlička. Klasobraní na poli staročeské literatury. Časop. Česk. Mus., 1872, 188.
- Fr. Prusík. 1) České glossy latinského rukopisu roudnického z XV století. Program Gymnaz. v Praze, 1886; 2) Kronika o Štilfridovi. Krok, 1894, 7, 42; 3) Kronika o Alexandru Velikém (z rukopisu Náchodského). Krok, 1894, 1895; 4) Staročeské Alexandreidy rýmovani. V Praze, 1896.
- V. Flajšhans. 1) Staročeský zlomek evang. sv. Marka (1370—1390). Listy filol., XVIII (1891) 92; 2) Bohemař. Listy filol., XV (1888) 453, XIX (1892) 381, 476; 3) Bohemař menši. Listy fil., XXI, 365; 4) Mamotrekt Klementinsky. Listy fil., XX, 216, 290; 5) Recept staročeský z doby okolo r. 1400. Listy fil., XX (1893) 462; 6) Začatek Rokycanovy Postilly (rkp. 1500). Listy fil., XXII (1895) 133.
- Fr. Černý. 1) Povídka o Grizeldě (přek. 1520). Listy fil., XX (1893) 313; 2) Zlomek bibl. z XV stol. Тамъ-же, 320; 3) Kosmografie česká. Listy fil., XX (1893) 444; 4) Spisy sv. Augustina. Listy filol., XXI (1894) 106; 5) Knihy Ieronimovy a Tobiašovy. Тамъ-же, 110; 6) O pokání (1416 r.). Listy fil., XXI (1894) 225.
- I. Dolanský. Staročeské zlomky legend o Pilatu a o seslání Ducha Sv. Listy fil., XX (1893) 370.
- Č. Zibrť. Latinsko-český rukopis z XV století. Listy fil. XX (1893) 391.
- Richard Plicka. Tři staré listiny nově objevené. Listy fil., XX (1893) 396.
- Fr. Kytler. Zlomek Desatera. Listy filol., XXI (1894) 112.
- Fr. Frank. 1) Z rukopisu Opatovicko-Musejniho, XV stol. Listy fil., XIX (1892), 182, 268.
- J. Polívka. Ukázky z Varšavského Starého Zákona z pol. XV stol. Listy filol., XXI (1894) 219.
- V Hauer. České glossy k latinským hymnům napsaným l. 1418. Listy fil., XXII (1895) 140, 429.
- V. Kotsmich. Dva staročeské spisy klaštera Admontského, č. 524. Listy filol., XV (1888) 35.

- F. Tadra. Ukazování sv. ostatků v Č. Krumlově v XIV věku. Dle rukopisu XIV století. Čas. Česk. Mus., 1880, 432.
- Aug. Sedlaček. Nejstarší list českým jazykem psaný. Čas. Česk. Mus., 1887, 517.
- Paul Karge. Slavische Denkmäler aus älterer. Zeit in Breslau. Archiv f. Slav. Phil., XII (1889) 120.
- J. Kaňka. O staročeských listinách v archivu Jindřichohradeckém. Progr. gymnaz. v Jindřich. Hradci, 1886.
- Ign. Mašek. Urbař kláštera Žďárského na Moravě. Čas. Mat. Moravsk., 1875, 139.
- Alois Müller. Nejstarší český slovař rostlinářský. Čas. Česk. Mus., 1877, 390.
- Юрій Анненковъ. 1) Výpisky z Pařížského rukopisu spisu Štitného a Chelčického. Čas. Česk. Mus., 1885, 394; 2) Сочиненія Петра Хельчицкаго. Трудъ Ю. Анненкова. Окончилъ по порученію отдѣленія, русскаго языка и словесности орд. академикъ И. В. Ягичъ. Спб., 1893.
- W. Nehring. 1) Ein Blatt aus Thomas von Štitné „Rozmluvy duše s svědomim“. Arch. f. Slav. Phil., II (1876) 189; 2) Několik dopisů Jindřicha Minsterberského a syna jeho Jiřího k Marketě, provdané kněžně Anhaltské. Čas. Česk. Mus., 1882, 527.
- Fr. Mareš. 1) Popravčí kniha panův z Rožmberka. V Praze, 1878; 2) Václava Březana Život Petra Voka z Rosenberka. V Praze, 1880. Nákladem Matice České.
- V. Mourek. Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského. V Praze, 1892.
- Karel Novák. Staročeská píseň o Pravdě. V Taboře, 1888.
- Jan Karłowicz. Pieśń staroczeska o narodzeniu Jezusa. Prace filologiczne II (1888) 578.
- J. Nováček. Soud o vykoupení světa od Jakuba Averanského (XV st.). V Jindř. Hradci, безъ года.
- J. Karásek. Petr Chelčický. Menší spisy. V Praze, 1891 (Comenium. II Vědecký odbor. Číslo 1. Památky reformace české).
- Fr. A. Slavík. Br. Jana Blahoslava Vady kazatelův. V Praze, 1876.
- Dve české listiny z Caestrana v Neapolsku z r. 1454. Časop. Česk. Mus., 1887, 116.
- Život Jana Augusty čili vypravování o zajetí a uvěznění Jana Augusty a Jakuba Bilka v l. 1548—1564. V Praze, 1880. Nákladem spolku Komenského.
- Fr. Dvorský. 1) Zuzanna Černínova z Harasova. Dopisy české šlechtičny z polovice 17 stol. V Praze, 1886; 2) Mateř a dcera Zuzanny Černí-

- nové z Harasova. Listy Alžběty Homutovny z Cimburka a Elišky Myslikovny z Chudenic. V Praze, 1890; 3) Paměti o školách českých. Listař školství českého v Čechach a na Moravě od l. 1598 do 1616 z doklady starší i pozdější doby. V Praze, 1882.
- A n t. R e z e k.** 1) Zápisy Viléma Slavaty z let 1601—1603 (Rozpravy Kr. Č. Spol. nauk, VII řady, 2 sv.); 2) Jezuitská divadelní hra ku oslavě císaře Matiaše z r. 1617. Čas. Česk. Mus., 1886, 388; 3) Paměti Mikuláše Dačického z Heslova, sv. I, v Praze, 1878, sv. II, 1880 (Památky staré literatury české, č. 5); 4) Poselkyně starých příběhův českých. Sepsal Jan Beckovský. V Praze, 1879, I—III.
- J. P r á s e k.** Martina Kabátníka cesta z Čech do Jerusalema a Kaira r. 1491—92. V Praze, 1894 (Sbirka pramenův ku poznání literárního života v Čechach na Moravě a v Slezku. Vydava III třída Česke Akademie. Skupina I, řada 2, č. 1).
- A. B r ů c k n e r.** Böhmische Studien. Abhandlungen und Texte. Arch. für Slav. Phil., XI (1888) 81, 189, 481, XII (1890) 321, XIII (1890), 1, XIV (1891) 1.
- B. V. S p i e s s.** Divadelní hra lidová o sv. Jiří mučedlníku. Česky Lid., V, 45.
- K a r e l T i e f t r u n k.** Historie Česká Pavla Skály ze Zhoře (1602—1623) 1865—70 (Staré paměti dějin českých).
- Sněmy české. D. I—VIII (продолжается).
- Voček. Codex diplomaticus et epistolaris. Moraviae, I—VI.
- Воскресенскій. Славянская христоматія. В. 3. Москва, 1884.
- г) Словари и словарныя работы.**
- J a n B o s a k V o d ň a n s k ý** (Iohannes Aquensis). Vocabularium, cui nomen Lactifer. V Novém Plzni, 1511.
- Dictionnarius trium linguarum latine tewtonice, boemice potiora vocabula continens, peregrinantibus apprime utilis. Viennae, 1513, 2-е изд. 1531, 3-е изд. 1538, 4-е изд. 1561.
- Wokabularz latinský, czeský y něméccky nynij zнову wzinieny spilnostij korygowany. V Praze, 1546 и 1550; новое издание 1582.
- T h o m a e R e s c h e l i i.** 1) Dictionarium latinobohemicum. Olomucii, 1560; 2) Dictionarium bohemico-latinum, 1562.
- Nomenclatura sex linguarum, Latinae, Italicae, Gallicae, Bohemicae, Hungaricae et Germanicae. Per Gabrielem Pannonium Pestinum. Viennae, 1561.
- P e t r a K o d y c y l l a.** Vokabulár latinský. český a němeccký. V Praze, 1575, 1587, 1616, 1636, 1689, 1704, 1723, 1740, 1753, 1766.
- V á c l a v D a s y p u s.** Dictionarium latino-bohemicum, 1581.

- D a n.** Adam z Veleslavina. 1) Sylva quadrilinguis, vocabulorum et phrasium bohemicæ, latinæ, græcæ et germanicæ linguæ 1598; 2-e изд. 1683; 2) Nomenclator quadrilinguis omnium rerum, quæ in probatis omnium doctrinarum auctoribus inveniuntur appellationes, 1598.
- D**ictionarium septem diversarum videlicet latinæ, italicæ, dalmaticæ, polonicæ, bohemicæ, germanicæ et hungaricæ, una cum indicibus, a Leopoldo Lodereker. Prægae, 1605.
- K. V u s s i n.** Dictionarium von dreyen Sprachen, deutsch, lateinisch und böhmisch, 1700—1706 (3-я часть—чешско-латино-нѣмецкая).
- S**lowarz czesky. V Praze, 1705, 1716.
- J o a n n i s** Amos. Comenii. Vestibulum cum versione german., hungar., slavica Leutschoviae, 1714, 1722.
- K. R o h n.** Nomenclator to jest jmenovatel aneb rozličných jmen jak v české a latinské, tak i v německé rzeči oznamitel. V Praze, I—IV, 1764—1768.
- K. I. T h a m.** 1) Neues ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches Nationallexikon oder Wörterbuch mit einer Vorrede begleitet von J. Chr. Adelung. Prag, 1788; 2-e изд. 1799; 3-e изд. 1814; 2) Kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch oder Sammlung von Wörtern, Redensarten und Sprüchwörtern. Prag, 1799, 1802; 3) Neynowějšj auplný českoněmecký slownjk, aneb přjhodný weyběrek slow k mluwenj po česku těž po německu neypotřebnějšjch. W Praze, 1807, 1808; 4) Versuch eines böhmisch-deutschen juridischen und geschäftsmännischen Lexikons. Prag, 1808; 5) Neuester deutschböhmischer Nomenclator etc. Prag, 1815; 6) Neuestes möglichst vollständiges... böhmisch-deutsches und deutsch-böhmisches Taschenwörterbuch... I—II. Prag, 1818.
- F r. T o m s a.** 1) Malý německý a český slovník. V Praze, 1789; 2) Vollständiges Wörterbuch der böhm. deutsch. und lateinischen Sprache. Prag, 1791 (съ предисловіемъ Добровскаго); 2-e изд. 1805—1807.
- J. D o b r o v s k ý.** Deutsch-böhmisches Wörterbuch. Prag, I, 1802; II, 1821.
- G e o r g.** Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches mit Beifügung der dem Slowaken und Mährer eigenen Ausdrücke und Redensarten zunächst für Schulen bearbeitetes Wörterbuch. I, Prag, 1820; II, Presburg, 1821
- M. J. S y c h r a.** Versuch einer böhmischen Phraseologie durch kurze alphabetisch geordnete, den ächten Geist der čechischen Sprache aussprechend und der grösseren Gemeinnützigkeit wegen verdeutschte Sätze. Brünn, 1821—1822.
- J. J u n g m a n n.** Slovník česko-německý. V Praze, I—V, 1835—39.
- J. Č e l a k o v s k ý.** Dodavky do Slovníka Jungmanna. V Praze, 1851.

Jos. Chmela. Německo-český slovník.

Konečný. Slovník jazyka českého i německého.

Šumavský. Slovník česko-německý, v Praze.

J. P. Jordan. Příruční slovník jazyka českého i německého. Druhé roz-
množene vydání. Díl českoněmecký. Praha, 1870.

J. Rank. 1) Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Druhé
opravené i přimnožené vydání. Praha 1871. 2) Ruskočeský slovník, v
Praze, 1874; 3) Česko-ruský slovník (печатается).

Arn. Vysoký. Materiál k slovníku technologickému.

J. Legó. Příspěvek ke slovníku českému. Čas. Č. M., 1876, 382; 1881, 531.

F. Menčík. Der Wiener Mammotrectus. Ein Beitrag zum böhmischen Wör-
terbuch. Arch. f. Slav. Phil., V (1880) 95.

Fr. Bilý. Příspěvky ke slovníku českému. Čas. Česk. Mus., 1882, 128.

Fr. Špatný. Deutsch-böhmisches Wörterbuch für Roth-, Weiss-Sämisch-
gerber und Pergamentmacher mit Berücksichtigung der hierauf Bezug
nehmenden Hilfsgewerbe und Hilfswissenschaften. — Německo-český
Slovník и т. д. V Praze, 1880.

J. Hrabák. Terminologický slovník hornický německo-český a česko-ně-
mecký. V Praze.

Ed. Hořovský. Deutsch-böhmisch-russisches Berg—und Hütten-mannisches
Wörterbuch, enthaltend die wissenschaftlichen und technischen Aus-
drücke aus dem Bereiche der Mineralogie, Geologie, anorganischen
Chemie, Bergbau, Aufbereitungs—und Hüttenkunde, Berg—und Hüt-
tenmaschinenlehre, Metallurgie, Salinenkunde und der wichtigsten ver-
wandtten Mineralindustrien. Prag, 1890.

V. Brandl. Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes. 1876.

Fr. Kott. Česko německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. I—
VII, 1878—1893.

Jan Vaňá. Ruský Slovník. Díl I Slovník česko-ruský. V Praze, 1895.

Herzinger-Mourek. Německo-český slovník. V Praze, 1895—96.

J. Herzer a Č. Ibl. Slovník francouzsko-český. V Praze, 1895—1896.

V. Mourek. Slovník anglicko-český.

г) Работы по диалектологии.

G. Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch. Ср. выше от-
дѣль „Словарей“.

J. Jireček. 1) Podřečí východních Čech. Čas. Česk. Mus., 1863, 323); 2)
Podřečí severních Čech. Čas. Česk. Mus., 1864, 49, 250; 3) O zvláš-
tlostech češtiny ve starých rukopisech moravských. V. Praze, 1888
(Rozpravy Kr. Česk. Spol. nauk). Ср. рецензію Fr. Pastrnek въ Arch.
f. Slav. Phil., XII, 180.

- J. Kouble. Podřečí severních Čech. Čas. Česk. Mus., 1864, 40, 56; 1) Dodatky k rozpravě o podřečí ve východních Čechách. Čas. Česk. Mus., 1864, 250.
- A. I. V. Šembera. Základove dialektologie česko-slovenské. S příklady všech řečí slovanských a různorečí českých, moravských a slovenských. Ve Vídni, 1864.
- V. Kotsmich. Podřečí Doudlebské. Sborník vědecký Musea království českého, 1868.
- Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. První díl — Nářečí slovenské, dolské, valašské, a lašské. V Brně, 1886. Druhý díl. Nářečí hanacké a české. V Brně, 1895. О первомъ томѣ ср. рецензію А. С. Будиловича въ отчетѣ Академіи Наукъ о первомъ присужденіи преміи А. А. Котларевскаго (1890 г.) и В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil., X, 212.
- V. Prasek. 1) Čeština v Opavsku. Rozprava historicko-grammatická. V Olomouci, 1877; 2) Sbírčka slov moravských. Komenský, 1873, 417, 486.
- V. J. Dušek. 1) Zajmeno v ústech lidu česko-slovenského. Listy filol., X (1883) 406; 2) Slovesa bezpříznaká v dialektech česko-slovenských. Listy fil., XIV (1887); 3) Novotvary slovesné. Čas. Česk. Mus., 1888, 452, 372, 433; 4) Dialektické zvláštnosti českého slovesa. Listy filol., XIX (1892) 100, 197, 280, 359; 5) Hláskosloví nářečí jihočeských. I část. Consonantismus. V Praze, 1894 (Rozpravy České Akademie, Třída III, Ročn. III, číslo 3); 6) Die Slavische Dialekten in Böhmen. Die Österr-ungar. Monarchie in Wort und Bild. Band Böhmen. 492—495; 7) Řeč lidu v koruně české a na Slovensku. Národopisná výstava česko-slovanská. V Praze, 1895, 83—96.
- J. Bartoča. 1) Časování sloves v nářečí dolnobečevském. Listy fil., XII (1885) 241; 2) Tvarosloví dolnobečevské. Listy fil., XIV (1887) 263, 376; 3) Z kmenosloví dolnobečevského. Listy fil., XX (1893) 115.
- Jan Fr. Hruška. O hláskosloví chodským. Listy fil., XVIII (1891) 30.
- E. Kutílek. Dialektologické paběrky z okolí Žleb. Český Líd II, 613, 694.
- Hošek. O podřečí chromeckém. Listy fil., XXI (1894) 73, 266, 358.
- Kohut. Nářečí čacké, 1882.
- J. Bystroň. Nářečí čacké, 1886.
- B. Krabice. Něco z Čech a z češtiny (Národní Listy (Praha) 1889, č. 58). Mährische Dialekte. Politik (Prag) 1893, № 15.
- J. Renner a O. Paroubek. Kroj, *mluva*, povaha a zvyky lidu na Písecku (Popis okresního hejtmanství píseckého p. 52).
- J. Smola. Provincialismy z Blatenska (Škola a Život, 1886, č. 6).

- J. Soukal. Někteře provincialismy z okolí Pernštýna (Světozor, 1875, 595).
 F. Vojtěchovsky. Dodatek k podřečí okolo Vysokého (Světozor, 1875, 8).
 Fr. Prusík. Místopisné výklady (Památky archaeologické a místopisné, XIII, 115).
 Jan Jakubec. K názvosloví našeho dialektu. Česky Lid I (1892) 370, 454, 540.
 Národopisný sborník okresu Hořického. V Hořicích, 1885.

е) Памятники живой народной рѣчи

- Fr. L. Čelakovský. Slovanské národní písně, I—III, 1822—1827.
 J. Bitter z Rittersbergu. České národní písně. V Praze, 1825.
 Sumlorck (Krolmus). Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnostj a napěvy ohledem na bajesloví česko-slovanské. V Praze, 1845—1851.
 K. J. Erben. Písně národní v Čechach, I—III, 1842—1845. Томъ I—второе издание, 1852. Новое издание подъ заглавиемъ „Prostonárodní české písně a říkadla“. V Praze, 1862—1864.
 „Slavia“ (Этнографическое общество въ Прагѣ). 1) České a moravské národní písně. V Praze, 1876; 2) Koledy vánoční. V Praze, 1878; 3) Národní písně, 1877; 4) Národní pohádky, písně, hry a obyčeje. V Praze, 1873—1874; 5) Národní písně, pohádky, pověsti, říkadla, přísloví, pořekadla, obyčeje všeobecné a zejména právní 4 вып., 1877—78; 6) Kytice z národních písní slovanských. V Praze, 1874.
 Fr. Sušil. Moravské národní písně s napěvy do textu vřadenými. V Brně, 1860, 3-e изд. 1872 (первое издание, 1835—40 г.).
 J. Malý. Národní české pohadky a pověsti. V Praze, 1838; 2) Sebrané bachorky a pověsti národní. V Praze, 1845.
 B. Němcova. Národní bachorky a pověsti. Praha, 1842, 1854, 1880.
 J. Tyl. Drobnejší povídky prostonárodní. Sebrané Spisy.
 J. K. z Rodostova. Národní pohadky, v Praze, 1856—1858; 2-e издание, 2 томъ, 1872.
 M. Mikšíček. 1) Sbirka pověsti moravských i slezských. Brno a Olomouc, 1843—1845; 2-e изд. 1850; 2) Národní bachorky a pověsti moravské. V Praze; 3) Národní bachorky, 2 вып. Znoim, 1845; 4) Pohádky a povídky lidu moravského. V Brně, 1847.
 J. St. Menšík. Moravské pohadky a pověsti. Brno, 1862.
 B. M. Kulda. 1) Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. I—II, v Praze, 1874 - 1875; III, 1892; 2) Svadba v narodě česko-slovanském či svadební obyčeje, řeči, promluvy, připitky a 73 svadebních písní a napěvů. Olomouc, 1862, 2-e изд. 1866, 3-e изд. 1875.
 Fr. Bartoš. 1) Nové národní písně moravské s napěvy do textu vřadenými.

- V Brně, 1882; 2) Národní písně moravské v nove nasbيرانé. Sešit I—III. V Brně, 1889. Ср. нашу рецензію въ Унив. Изв., 1891 г.; 2) Paběrky sebrané na polí české poesie kramárské. Čas. Mat. Moravsk., 1871, III; 3) Anthologie z národních písní česko-slovenských. V Praze, 1874; 4) Ze života lidu moravského. Čas. Mat. Moravsk., 1877, 1878, 1879, 1880; 5) Lid a národ Sv. I. Ve Velkém Meziříčí, 1891; 6) Moravská svatba. V Praze, 1891; 7) Moravský lid. V Telči, 1892.
- Fr. Bayer. Valašské národní pohádky a pověsti. V Kroměříži, 1874.
- J. K. Hraše. 1) Povídky našeho lidu. N. Město na Moravě, 1869—1872; 2) Výbor národních povídek; 3) Ze starých dob. Nové Město na Moravě, 1885; 4) Z říše báji. V Praze, 1888; 5) Pohádky národní. V Praze, 1873; 6) Národní pověsti a pohádky. V Praze; 7) České pověsti, pohádky a báchorky. V Praze, 1877; 8) Babiččino vypravování. V Praze, 1880.
- A. I. Sedláček. 1) Národní pohadky a pověsti z okolí velko-meziříčského a jihlavského na Moravě. Velke Meziřečí, 1879; 2) Pohádky a pověsti od hor Krkonošských. V Praze, 1878.
- J. Svátek. Pověsti pražské. Lumír, 1859, 1860, 1861, 1865, 1866, 1883.
- Fr. Vrána. Moravské národní pohádky a pověsti. Sešit I. Z okolí Němčického na Hané. V Brně, 1880.
- Ed. Peck. Valašské národní písně a říkadla s napěvy do textu vřaděnými, 1884.
- M. Václavek. 1) Několik pohádek a pověstí z Mor. Valašska. Velký Meziříčí, 1884; 2) Pověsti moravské „Komenský“, 1879, 63, 407; 3) Moravské Valašsko. V Třebíci, 1887; 4) Valašska svatba. V Telči, 1892; 5) Valašske pohadky a pověsti. V Meziříčí, 1894; 6) Moravske Valašsko. D. I. Na Vsetině, 1894. Ср. нашу рецензію въ Унив. Изв., 1895.
- F. V. Vykoukal. Česka svatba. V Praze, bezъ года.
- J. Fr. Hruška. Národní píseň na Chodsku. Květy, 1891, 115 и Český Lid I (1892) 391, 489, 587.
- Fr. Slama. Slezské pohádky a pověsti. Opava, 1893.
- A. I. Jirasek. Lidove zkazky z okolí poličského. Český lid I (1892) 452.
- Kocman. Písně lidu v Troubsku. V Brně, 1894.
- Ign. Hošek. Povídky z okolí svojanovského (ve východných Čechách). Český Lid., V (1895) 77. На мѣстномъ нарѣчїи.
- J. M. Slavičanský. Vek Krampotův. V Praze, 1881 (на валашскомъ нарѣчїи).
- J. Vluka. Stařenčino vypravování mladším o dřivejších sirkách a modach. Rozpravy Společnosti přátel starožitnosti českých. V Praze, 1892 (на лашскомъ нарѣчїи).

L. K u b a. Slovanstvo ve svých zpěvech. Písň české a moravské, 1884—1886.

A. S e m b e r a. Zakladove dialektologie česko-slovenske. Ve Vídni, 1864. Příklady, 85—168.

Указанія на другія, болѣ частыя, изданія (въ газетахъ и журналахъ) памятниковъ народной рѣчи можно найти въ библиографическихъ обзорахъ П а т е к а (F e r d i n a n d P á t e k): 1) Česká literatura folkloristická do r. 1890. Český Lid I (1891—1892) 301, 415, 493, 591; 2) Česká literatura folkloristická za rok 1891. Český Lid II (1892) 182; 3) Česká literatura folkloristická za r. 1892. Český Lid IV (1894) 150; 4) Česká literatura folkloristická za r. 1893. Český Lid V (1895) 190.

ж) Периодическія изданія, болѣ или менѣ важныя для изученія чешскаго языка.

Časopis Musea Království českého. Praha (съ 1827 г.)

Časopis matice moravské. Brno (съ 1876 г.).

Pojednaní Kr. České Společnosti nauk или Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Praha (на нѣмецкомъ яз. съ 1775, на чешскомъ—съ 1841).

Spravy zasedací (Sitzungsberichte) Kr. Česke Společnosti nauk (съ 1859).

Věstnik Česke Akademie cisaře Františka Josefa. Praha (съ 1892).

Rozpravy České Akademie cisaře Františka Josefa. Praha (съ 1892).

Listy filologické. Praha, (съ 1873).

České Museum filologické. V Praze (съ 1895).

Památky archaeologické a mistopisné. Praha (съ 1872).

Zpravy Společnosti přátel starožitnosti českých v Praze (съ 1892).

Časopis vlasteneckého muzejního spolku Olomuckého (съ 1883).

Věstnik Matice Opavské. Opava.

Krok. V Praze (съ 1886).

Athenaeum, listy pro literaturu a kritiku vědecku. Praha, 1883—1893.

Česky Lid. Praha (съ 1891).

Osvěta, listy pro rozhled v umění, vědě a politice. Praha (съ 1870).

Světazor. Praha (съ 1866).

Zláta Praha. Praha (съ 1883).

Květy. Praha (съ 1878).

Lumír. Praha (съ 1872).

Slovanský Sborník. Praha (1881—87).

Obzor. Brno (съ 1878).

Jitrěnka. V Poličce (съ 1881).

Vesna. Ve Velkém Meziříčí (съ 1882).

Naše doba. Praha (съ 1894).

Literarni Listy. Ve Velikém Meziříčí (съ 1880).

Hlídkka literarní. V Brne (съ 1883).

Česka Včela (съ 1870).

Český Jih. Tabor (съ 1872).

Для знакомства съ лучшими образцами современнаго литературнаго языка могутъ служить хрестоматіи:

- 1) Výbor z literatury česke. Sestavili G. Pelikan, J. Grim a Truhlař. D. III. V Praze. Vydání druhé, 1893.
- 2) J. Jireček Anthologie z literatury česke. Doba nová. V Praze, 1861.
- 3) Fr. Bartoš. Česká čítanka. V Brně, 1881, 1883.
- 4) Fr. Bilý. Pateru knihy plodů básnických. Výbor z novověké poesie české. V Telči, 1892.
- 5) Г. Воскресенскій. Славянская хрестоматія. Вып. 3. Москва, 1884.

2. Площадь чешскаго языка.

Чешскимъ языкомъ говорятъ славянскій народъ, обитающій въ областяхъ Австрійской имперіи: въ Чехіи (Čechy, Чешское королевство), Моравіи (Могача, макграфство Моравское), части Силезіи (Slezsko, герцогство Силезское) и Нижней Австріи (Dolní Rakousy). Это страны, расположенныя главнѣйше въ извѣстномъ средне-европейскомъ четвероугольникѣ, ограниченномъ высокими горами: Чешскимъ лѣсомъ (Шумава), Рудными, Судетами (Керконоши) и Малыми Карпатами и орошаемомъ рѣками—Лабой (съ ея притокомъ Волтавой) и Моравой (съ притоками Дней и Бечвой), и частью за Судетами по верховьямъ р. Одры (Силезія).

Имя *Чеховъ* собственно принадлежитъ славянскимъ обитателямъ Чешскаго королевства и ведетъ происхождение отъ колѣна, обитавшаго въ окрестностяхъ Праги, столицы королевства, и положившаго начало политическому и національному объединенію западной части народа. На востокѣ, въ Моравіи, Славяне называютъ себя не Чехами, а Мораванами или же (чаще) слывутъ подъ частными названіями—*Гораконъ* (на западѣ), *Ганаконъ* и *Валахонъ* (на востокѣ). Простонародныя нарѣчія Мораванъ представляютъ болѣе или менѣе значительныя отличія отъ нарѣчія Чеховъ королевства, но въ школѣ, литературѣ, об-

пешественной жизни какъ въ Чехіи, такъ въ Моравіи (и Силезіи) господствуетъ одинъ общій выработанный вѣками чешскій языкъ ¹⁾.

Въ названныхъ областяхъ Чехо-Мораване живутъ не одни, а совместно съ Нѣмцами, которые окружаютъ Славянъ съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, запада и юга, да и на славянской территоріи имѣютъ не мало поселеній, образуя рядъ значительныхъ острововъ. Это сожительство двухъ народовъ есть результатъ неблагоприятныхъ историческихъ условій, поставившихъ небольшой чехо-моравскій народъ въ близкія отношенія съ сильнымъ германскимъ племенемъ. Въ VIII—IX ст., нужно думать, Чехо-Моразанамъ принадлежалъ весь упомянутый четырехугольникъ; но съ теченіемъ времени Нѣмцы успѣли овладѣть его окраинами, прилегающими къ горамъ, а также распространились и внутри страны. Этнографическія границы чехо-моравской области въ историческое время мѣнялись нѣсколько разъ и въ настоящую пору изображаютъ собой очень извилистую линію, опредѣленіе которой представляетъ значительныя трудности.

Приблизительно площадь чешскаго языка можно обозначить слѣдующею пограничною линіей. Начинаясь на крайнемъ Зап. у деревни Млинечекъ (въ Ходскомъ окр.) пограничная черта идетъ къ В. черезъ Кубицу, Пецъ, Пострековъ, Гоносицы, Ниряны, Кимицы, Манетинъ, Березно, Ранну, Терезивъ, Мшену, Бѣлу, Чешскій Дубъ, Илове, Бездечинъ, Краповедворъ, Яромѣръ, Хвачковицы, Хлистовъ, Маршовъ, Полицу, Худобу, Слань, Еленовъ, Левинъ, Олесницу, Рокитницу, Орличку, Цисарево, Богдиково, Свиновъ, Усово, Стрѣлицъ, Желеховицы, Бѣлкову, В. Быстрицу, Бернатицы, Веровицы, Тернавку, Студенку, Климовицы, Братриковицы, Браницы, Баворовъ, Вербицу, Демброву, Суху, Блудовицы, Жермапицы, Шебишовицы, Тошоновицы, Добратицу, Моравку, Ст. Гомри (St. Homru); достигнувъ Угорской границы линія поворачиваетъ на Ю.-З. вдоль Карпатъ, на Вызовицы, Злинъ, Напаеды, Кіевъ, Чейковицы, Подивинъ, затѣмъ идетъ на З. черезъ Зноимъ, Подмокле, Павлицу, Бытовъ, Дачицы, Вольфировъ, Терезиновъ, Индриховъ Градецъ, Н. Быстрицу, Виторазу (Нижняя Австрія), Границу, Петриковъ, Каплицу; отсюда на С.-З. черезъ Зубчицу, Берлогъ, Прахатицы, Хлистовъ, Винбергъ, Стаховъ, Нездицы, Супицы, вдоль Шумава, черезъ Тѣшовъ, Есень, Березье, Страховъ, къ Млинечку.

¹⁾ Справедливо было-бы называть его языкомъ чехо-моравскимъ.

Такимъ образомъ въ Чехіи и Моравіи чешская рѣчь господствуетъ въ срединныхъ частяхъ этихъ областей, въ Силезіи — лишь на крайнемъ юго-востогѣ. Кое-гдѣ отдѣльныя чешскія поселенія заходятъ въ Пруссію и Нижнюю Австрію. На чехо-моравской территоріи встрѣчаются довольно большіе острова нѣмецкой рѣчи: индрихо-градецкій, иглавскій, ланскронскій, рохитницкій, бернскій, оломуцкій и др. Во многихъ округахъ наблюдается смѣшанное чешско-нѣмецкое населеніе съ численнымъ преобладаніемъ то одной то другой народности. Такъ, Нѣмцы имѣютъ перевѣсъ въ округахъ: хебскомъ (100%), жатецкомъ (89%), литомѣрицкомъ (88%), младо-болеславскомъ (54%), зноимскомъ (59%); во всѣхъ остальныхъ преобладаютъ Чехи, причемъ наиболѣе славянскими являются округа въ Чехіи: таборскій (99, 89%), пражскій, (99%), чаславскій (96%), хрудимскій (81%), писецкій (82%), далѣе—кравево-градецкій (72%), ичинскій (70%), пильзенскій (60%), будѣвицкій (52%); въ Моравіи: градицскій (99, 40%), иглавскій (87%), берненскій (82%), новоцѣшинскій (77%), оломуцкій (54%). Въ общемъ, въ Чешскомъ королевствѣ нѣмецкій элементъ сильнѣе (ок. 37%), чѣмъ въ Моравіи (ок. 27%). Въ Силезіи Нѣмцы имѣютъ перевѣсъ (54%) надъ Славянами (Чехами и Поляками). Въ самой Прагѣ чешское населеніе составляетъ только 65%, а въ Бернѣ (главн. городѣ Моравіи)—только 52%.

Стѣсненный съ трехъ сторонъ нѣмецкою рѣчью, чешскій языкъ только на востокѣ сосѣдитъ съ родственными языками: въ Силезіи съ польскимъ, въ юго-восточной Моравіи и на угорской границѣ — со словацкимъ. Послѣдній находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ чешскимъ языкомъ и въ филологіи обыкновенно соединяется съ нимъ въ одну группу чешско-славянскаго языка. Нѣкоторыя восточно-моравскія нарѣчія, (напр. валашское и дольское) служатъ переходною ступеню отъ чешскаго языка къ словацкому.

Въ указанныхъ предѣлахъ площадь чешскаго языка составляетъ около 1000 кв. географическихъ миль.

За предѣлами родной земли чешскій языкъ слышится болѣе или менѣе часто во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ и культурныхъ центрахъ другихъ австрійскихъ областей, по которымъ расходится масса эмигрирующихъ Чехо-Мораванъ (особенно въ Вѣнѣ), затѣмъ въ колоніяхъ въ юго-западной Руси (на Волыни), въ Германіи и Америкѣ.

Общая цифра Чехо-Мораванъ превышаетъ $5\frac{1}{2}$ милліоновъ. Она распредѣляется такимъ образомъ въ Чехіи—3.646,000, въ Моравіи—ок. 1.550,000, въ Силезіи—ок. 130,000; въ другихъ провинціяхъ Австро-Угріи—ок. 300,000, въ Россіи—30,000, въ Америкѣ—250,000, въ Германіи ок. 100,000.

При опредѣленіи границъ чешской рѣчи приняты во вниманіе карты: 1) A. Ficker. Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860; 2) H. Kiepert. Völker- und -Sprachenkarte von Oesterreich und den Unter-Donau-Ländern. Zweite Auflage Berlin. Verlag von Reimer; 3) R. v. Le Monnier. Sprachenkarte von Oesterreich - Ungarn. Wien, 1888. Verlag von Ed. Hölzels. 4) Česká národopisná výstava. V Praze, 1895—1896; 5) A. Sembera. Mapa země Moravské. Ve Vídni, 1870.

3. Судьбы чешскаго языка.

Древнѣйшая исторія чешскаго языка представляетъ рядъ неразрѣшимыхъ загадокъ. Происхожденіе языка, отношеніе его къ другимъ славянскимъ языкамъ, образованіе среди него нарѣчій и говоровъ— всѣ эти вопросы въ настоящее время остаются безъ удовлетворительнаго отвѣта. По отношенію къ нимъ возможны только гипотезы. Если принять болѣе научное и распространенное мнѣніе о томъ, что Чехо-Мораване не исконные обитатели занимаемой имъ территоріи (какъ однако думаютъ нѣкоторые чешскіе историки и археологи), а переселенцы, явившіеся въ предѣлы нынѣшней Чехіи и Моравіи не ранѣе V в. по Р. Хр., то все же необходимо предположить, что покидая общую славянскую родину они уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ географическихъ и историческихъ условій жизни народа, а также подъ воздѣйствіемъ болѣе раннихъ неславянскихъ поселенцевъ (Бойи, Квады, Маркоманы, Руги, Лонгобарды) остатки которыхъ славянскіе колонисты могли найти въ занятой ими странѣ, индивидуальныя особенности чешскаго языка должны были постепенно умножаться и развиваться. Къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя и въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ.

Немногое можно сказать объ отношеніи чешскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ. Несомнѣннымъ нужно признать его особенную близость съ языкомъ словацкимъ. Но обще-распространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками, которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій яз. какъ нарѣчіе чешскаго языка, едва ли можно считать безусловно правильнымъ. Словацкій языкъ представляетъ не мало своихъ характерныхъ особенностей, въ своихъ нарѣчіяхъ сближается не только съ чешскимъ, но и съ другими славянскими языками (русскимъ, польскимъ и сербскимъ) и вообще занимаетъ свое особое мѣсто въ семьѣ славянскихъ языковъ¹⁾. Послѣ словацкаго наиболѣе близко стоитъ къ чешскому языкъ сербо-лужицкій. Въ старыя времена эти два языка, вѣроятно, были непосредственными сосѣдями; теперь ихъ раздѣляетъ довольно широкая полоса нѣмецкаго языка.

Въ настоящее время чешскій языкъ (въ Чехіи, Моравіи и Силезіи) не представляетъ однороднаго цѣлаго. Онъ распадается на значительное количество нарѣчій и говоровъ, большая часть которыхъ приходится на Моравію. Такъ въ Чехіи различаютъ нарѣчія: юго-западное, среднее и сѣверо-восточное; въ Моравіи—чехо-моравское, ганацкое, лашское (съ разнорѣчіемъ опавскимъ въ Силезіи) и словенское (валашское и дольское). Исторія образованія и развитія нарѣчій и говоровъ остается невыясненной. Первыя свѣдѣнія о чешскихъ нарѣчіяхъ, сколько извѣстно доселѣ, содержитъ грамматика XVI в. Яна Благослава (1571 г. ср. выше). Частныя указанія на діалектическія различія представляютъ нѣкоторые рукописи XIV—XV ст. Очень возможно, что зародыши главныхъ нарѣчій восходятъ къ болѣе глубокой старинѣ. Связью между всѣми нарѣчіями и говорами служитъ такъ наз. собственная чештина или современный чешскій литературный языкъ. Въ основѣ его лежитъ нарѣчіе стараго племени Чеховъ (по Волтавѣ около Праги), постепенно объединявшаго другія племена Богеміи (Дулѣбовъ, Лемучей, Пшованъ, Хорватовъ и др.) и тѣмъ возвысившаго значеніе своего нарѣчія. Съ теченіемъ времени это нарѣчіе, вслѣдствіе сосредоточенія умственной жизни въ Прагѣ, стало книжнымъ языкомъ, а затѣмъ всѣ болѣе развиваясь, переживъ раз-

¹⁾ См. ниже характеристику словацкаго языка.

ныя превратности судьбы, сдѣлалось органомъ литературы, науки и общественной жизни для всего народа. Въ процессѣ послѣдовательнаго развитія литературнаго языка приняли участіе и другія нарѣчія, кромѣ пражскаго или чешскаго. Такимъ образомъ современный чешскій литературный языкъ не совпадаетъ ни съ однимъ живымъ простонароднымъ нарѣчіемъ, но всѣмъ имъ близокъ, какъ выросшій и развившійся въ ихъ средѣ. Исторія его представляется болѣе ясной, чѣмъ исторія частныхъ народныхъ нарѣчій, такъ какъ она отпечатлѣлась въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ памятниковъ, дошедшихъ отъ разныхъ вѣковъ и періодовъ.

О состояніи чешскаго языка и его особенностяхъ въ древнѣйшую пору (до нач. XIII ст.) сохранились очень скудныя свѣдѣнія. Это объясняется неблагопріятными условіями исторической жизни народа, затруднявшими развитіе письменности и литературы на народномъ яз. Послѣ паденія Велико-моравскаго княжества (кон. IX и нач. X ст.) и искорененія въ Чехіи и Моравіи славянской народной церкви, созданной трудами Св. Кирилла и Меѳодія, въ странахъ этихъ утверждается латинскій обрядъ и вообще усиливается политическое и культурное вліяніе романо-германскаго Запада. Между прочимъ, латинскій языкъ по преимуществу приобретаетъ права языка государственнаго и становится орудіемъ образованности: въ теченіе ряда вѣковъ онъ исключительно господствуетъ въ церкви, управленіи, судѣ, школахъ и письменности. Первые чешскія лѣтописи и грамоты писаны по-латыни, монеты чешскихъ государей (съ X ст.) имѣютъ латинскія надписи. Нѣсколько позже въ XII—XIII ст., съ усиленіемъ связей съ Германіей и распространеніемъ въ Чехіи и Моравіи нѣмецкихъ колоній, на помощь латинскому является другой чужеземный языкъ — нѣмецкій, усердно поддерживаемый многими чешскими государями. При такомъ положеніи дѣла употребленіе чешскаго языка было весьма стѣснено; онъ съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь въ книгу. Отсюда не удивительно, что памятники чешской письменности начинаются сравнительно поздно; древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ нач. XIII ст.¹⁾ Единственными свидѣтелями состоянія чешскаго языка въ эпоху до XIII ст. служатъ отдѣльныя чешскія слова (преимущественно личные

¹⁾ Такъ наз. Зеленогорская рукопись (Пѣсня о судѣ Любуши) и Згорѣльскіе отрывки (Отрывки Евангелія отъ Іоанна), относимые прежде къ X—XI ст., нынѣ признаны поддѣльными и не могутъ идти въ счетъ.

и мѣстныхъ названія и такъ наз. глоссы), попадающіяся въ иностранныхъ хроникахъ, туземныхъ латинскихъ лѣтописяхъ, особенно въ хроникѣ Козьмы (древн. рукоп. 1154 г.), и грамотахъ (съ XI в., древние оригиналы съ XII в.) и другихъ латинскихъ рукописяхъ. Къ сожалѣнію этотъ скудный матеріалъ еще не сведенъ въ одно цѣлое и не подвергнутъ подробному изслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, основываясь на немъ, можно отмѣтить слѣдующія характерныя черты чешскаго языка въ этотъ древнѣйшій періодъ:

1) Праславянскіе носовые гласные *ǫ* и *ǫ̇* повидимому еще сохранялись въ языкѣ, въ отдѣльныхъ словахъ: *Zuentopulcus* (879), *Sfentopulchus* (880), *Zuentibaldus*, *Wenceslaus* (X—XII ст., (новая форма—*Vaclav*), *Kamb* (Козьма), *Champ* (*Regesta* 893, 1148) = *Chúb* (рѣка); но гораздо чаще вмѣсто нихъ чистые гласные, *ǫ* = *u*, *ǫ̇* = *a*: *Chub* (Козьма), *Sceaslav* (1175), *Nacarat* (Козьма), *Přejaslavici* (гр. 1131), *Bracislav*, *Vacemil*.

2) Такъ наз. перегласовка *a* въ *o* (послѣ мягкихъ согласныхъ)—основной законъ чешскаго вокализма (см. ниже)—въ XII ст. наблюдается въ рѣдкихъ случаяхъ; общимъ правиломъ было перегласованное *a*: *Lubussa*, *Brusnica*, *Borsa*, *Psowane*, *Slasane*, *Třebowane*, *Neussa* но и *Neusse* (хр. Козьмы р. 1154), *jalovica* (гр. 1130), *strasa* (*straža* гр. 1143); напротивъ перегласовано *a* въ *Dubreu* (1028. *Dubrava*), *Jasenice* (1088), *Jence* (1115), *Kopornice stara* (1143).

3) Гласные *r*, *l* были уже свойственны языку. Объ этомъ свидѣтельствуетъ смѣшанное обозначеніе сочетаній, соответствующихъ старо-слав. *ръ*, *рь*, *ль*, *ль* черезъ *re—le* и *er—el*, *ol*, *ri—li* и *ir—il*, *ru—ur*, *ul*: *Crenuc* (1102), *Grēdebor* (1102), *Grdibor* (1107), *Girdebor* (1144), *Hurdiebor* (1197), *Crina* (1088, 1168, 1174) и *Cirnata* (1186), *Crinin* (1115) и *Curnin* (1192), *Drizec* (1183) и *Dirsco* (1238), на *Wilconine* (1057), *Wlikou* (1052), *Pliznensis* (X—XI ст.), *Pilzen* (1263), *Brido* и *Burdo* (Козьма), *Sribia* и *Sirbia*, *Surbia* (Козьма), *Wrisouici* и *Wirsovici* (Козьма), *Wlytaua* и *Wiltawam*, *Wultawu* (Козьма), *Dlygomil* (Козьма), *Dulgomil* (1176).

4) Праславянское *ы* (*y*) сохраняло основное значеніе (какъ въ старо-славян. и русскомъ яз.) и не сливалось въ выговорѣ съ *и* (*i*). На это указываетъ встрѣчающееся въ грамотахъ обозначеніе его не только черезъ *y* но и *ui*: *Buitsow* (*Bydžov* 1186), *Buitic* (1196),

Buistrice (1226). Черта эта держалась въ большей или меньшей степени до XV ст. и отсутствуетъ въ современномъ чешскомъ языкѣ.

5) Праславянское *g* (= старо-слав. *г*) было еще общимъ правиломъ: mons *Gostine*, villa *Golesi* (1028), *Bogumil* (XI—XII ст.), *Lubgost*, *Gridon* (1029), *Bogdan* (1052—1181), *Bogurad* (1114), *Dobrogost* (1174), *Gluchovo* (1131), *Dlugomil*, *Dragomir* (Козьма). Удерживалось *g* и въ первой полов. XIII ст.: *bogu*, *glava*, *grdosst* (Литомъриц. гр.). Развившееся впоследствии придыхательное *h* вм. *g* является только спорадически: *Milhost* (1130), *Jarohneu* (1144), *Hodoviz* (1169).

6) Мягкое *г* звучало безъ примѣси шипящаго элемента. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обозначеніе его простымъ *г*: *Preda* (XI—XII в.), *Kuchar* (1131), *Jutrik* (1108), *Magen* (1186), *Kriwoplath* (Козьма). Указанія на шипящее *г* (современное *ř*) являются только съ XIII ст.: *Jursik* (1201), *Dobrzyen* (1228), *Orsechow* (1237).

7) Изъ формъ особенно выдѣляется мѣстный падежъ множ. ч. на *as* для существительныхъ на *ane*: *Lusas* (вм. *v Lužanech*) 1052, *Lubczas* (1086), *Bresaz*, *Wirbcas* (1088), *Topolaz*, *Olsaz*, *Bukouaz* (1131).

Древнѣйшіе памятники чешской письменности восходятъ только къ XIII ст. Отъ этой поры до послѣдняго времени можно различать въ исторіи чешскаго яз. четыре крупныхъ періода: 1) XIII—XIV ст.—періодъ перваго разцвѣта языка, формированія его общаго строя и діалектическихъ различій; 2) XV—нач. XVII ст.—періодъ установленія литературнаго языка; 3) нач. XVII ст.—кон. XVIII ст.—періодъ упадка языка и 4) новое время—періодъ воскресенія и обновленія языка.

XIII—XIV ст. Медленно, не безъ труда и борьбы, чешскій яз. пролагалъ себѣ путь въ литературу. Въ XIII ст., сколько можно судить по дошедшимъ до нашего времени памятникамъ, область употребленія его въ письменности была весьма ограничена; она исчерпывалась глоссами къ латинскимъ текстамъ Священнаго Писанія и памятникамъ въ родѣ „*Mater Verborum*“, коротенькими записями въ латинскихъ грамотахъ, молитвами, духовными пѣснями и церковными легендами. Но позже, въ XIV ст., въ развитіи чешской письменности были достигнуты уже весьма значительные успѣхи. Число памятниковъ замѣтно умножается, а содержаніе ихъ становится разнообразнѣе. На ряду съ прекрасными кодексами Евангелія, Псалтыри, Пас-

сіонала, многочисленными произведеніями легендарной литературы являются такіа произведенія свѣтской поэзіи какъ Александрида ¹⁾, Тристрамъ, Тандаріасъ и Флорибелла, Ткадлечезъ, аллегорическія и сатирическія сочиненія Смилы Фляшки изъ Пардубиць, рифмованная хроника такъ наз. Далимила, прозаическая хроника Пулжавы и другія историческія статьи, церковно-народныя драмы, религиозно-философскія сочиненія Тома Штитнаго, цѣлые сборники морально-поучительнаго содержанія, юридическіе памятники (какъ Kniha Rožmberská, Řád práva zemského, Vykład na právo země české) переводъ путешествія Марка Поло въ Монголію и др. ²⁾. Къ концу XIV ст. чешскій языкъ занялъ довольно видное мѣсто въ чешской письменности, онъ сталъ важнымъ органомъ умственной жизни народа, орудіемъ его просвѣщенія. Но первенствующее значеніе въ чешскомъ государствѣ все еще принадлежало латинскому языку: онъ сохранялъ свое господство въ церкви, наукѣ, при дворѣ, въ общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ со времени вступленія на чешскій престолъ нѣмецкой (Люксенбургской) династіи и соединенія въ лицѣ Карла IV чешской короны съ короной германской имперіи усилилось въ Чехіи употребленіе нѣмецкаго языка. На чешскій языкъ высшіе классы общества, за немногими исключеніями, все еще смотрѣли какъ на простонародный; на немъ позволялось писать произведенія, назначенныя главнымъ образомъ для поученія и развлеченія народа. Тома Штитный, обратившійся въ своихъ религиозно-философскихъ трактатахъ къ народному языку, подвергся рѣзкимъ нападкамъ и, защищаясь противъ нихъ, вынужденъ былъ прибѣгать къ аргументамъ въ родѣ слѣдующаго: „я буду писать по чешски, такъ какъ я чехъ, а Господь Богъ любитъ чеха, такъ же какъ латынника“ (Budu psáti česky, protože jsem Čech a Pan Bůh Čecha miluje jako latinika). Указанія на происходившую въ Чехіи въ XIV ст. борьбу за чешскій языкъ противъ иноземныхъ языковъ разсѣяны въ Александрин, хроникѣ Далимила и другихъ памятникахъ того времени. Да и самая обработка чешскаго языка въ

¹⁾ Впрочемъ, одна изъ древнихъ отрывковъ Александриды (Индрихо - Градецкій) относится къ XIII ст.

²⁾ Знаменитую Краледворскую рукопись, содержащую замѣчательныя произведенія народной эпической и лирической поэзіи, какъ заподозрѣнную научной критикой въ самомъ позднемъ происхожденіи, мы не можемъ занести въ списокъ древнихъ памятниковъ чешскаго языка и литературы.

письменности XIV ст. была однимъ изъ проявленій подготовлявшейся въ этомъ столѣтїи народной оппозиціи противъ чужеземнаго политическаго и культурнаго вліянія. Такимъ образомъ чешскому языку въ XIV ст. во всякомъ случаѣ принадлежала важная роль какъ въ культурной, такъ и политической жизни народа.

Уцѣлѣвшія отъ XIII—XIV ст. памятники чешскаго языка еще не вполне приведены въ извѣстность, такъ какъ не всѣ частныя, особенно монастырскія, хранилища рукописей описаны и изслѣдованы. Открытіе и изданіе многихъ памятниковъ состоялось въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, при чемъ наибольше заслугъ въ этой области приходится на долю А. О. Патеры, профессора Гебауэра и его учениковъ. Возможны еще новыя находки, предстоитъ критическое изданіе многихъ текстовъ, извѣстныхъ пока по описаніямъ и извлеченіямъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ число изданныхъ памятниковъ даннаго періода весьма значительно. Къ XIII ст. относятся: 1) имена Бревновскихъ Бенедиктинцевъ въ рук. мюнхенской библиот. (1217—1236), (въ *Časop. Česk. Mus.*, 1885, 269); 2) глоссы къ пророчеству Іеремїи въ рукоп. оломуцкой капит. библ. (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1887, 119); 3) Глоссы въ „*Mater Verborum*“, ок. 1250 (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1877, русскій перев. Срезневскаго, ср. выше 19 стр.); 4) Глоссы въ латинской музейной псалтыри XIII в. (изд. А. О. Патеры въ *Časop. Česk. Mus.*, 1879); 5) Глоссы въ Опатовицкомъ омиліарїи (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1880, 109); 6) приписка въ латинской копїи XIII в. Литомерицкой учредительной грамоты 1057 г. (*Čas. Česk. Mus.*, 1836 и изд. Шафарика и Палацкаго „*Die ältesten Denkmäler*“, 1840, 199); 7) отрывокъ „*Cisiojana*“ въ рук. мюнх. кор. библ. (*Čas. Česk. Mus.*, 1853, 417); 8) чешскія приписки въ книжкѣ Алберта Богема, рук. мюнх. библ. полов. XIII в. *Časop. Česk. Mus.*, 1879, 581); 9) пѣснь „*Slovo do světa stvoření*“ (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1878); 10) пѣснь о „Божьемъ Тѣлѣ“: *Vitaj Králu všemohúci*, рукоп. пражск. унив. библ. (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1882, 103); 11) Отрывокъ легенды о Богородицѣ (изд. А. О. Патеры въ *Čas. Česk. Mus.*, 1879, 113); 12) Индрихо-Градецкїй отрывокъ Александриды (изд. Патеры и Гатгалы, 1881); 13) *Jan z Michalovic*, нѣм. пѣсня XIII ст. (изд. Краусъ, 1888); 14) „*Staročeske glossy X—XIII st., z textů hebrejských (přepsal Grünwald ve Věstniku České Akad., 1893).*“

Изъ массы памятниковъ XIV ст. отмѣтимъ слѣдующія важнѣйшія: 1) Градецкій сборникъ 1 полов. XIV ст. (Hradecký rukopis изд. А. О. Патеры, 1881); 2) Клементинская псалтырь 1 полов. XIV ст. (изд. А. О. Патеры, 1890); 3) Виттенбергская псалтырь 2 трети XIV в. (изд. А. О. Патеры, 1880); 4) Псалтырь Подѣбрадскихъ 1396 г. (приготовлена въ печати А. О. Патерой); 5) Пассиональ, ркп. Чешскаго Музея (ср. Listy fil., 1884, 256); 6) Клементинскій Пассиональ 1395 г. ркп. библ. Пражск. Универс.; 7) Александриа, списки Будѣвицкй, Музейный, Шафариковъ (въ изд. Патеры и Гатталы, 1881); 8) Отрывки легенды объ Апостолахъ ок. 1300 (Listy fil., 1879, 140 и Šafarik, Sebrané spisy, III, 330); 9) Вѣаское Евангеліе 2 пол. XIV ст., ркп. Вѣнской придворной библ. (№ 4733) (изд. Ф. Менчика, 1893); 10) Rozmluva sv. Anselma s р. Magii, отрывки изд. А. О. Патерой (Čas. Česk. Mus., 1880, 347 и 1890, 188—202); 11) Отрывки рюеманной легенды о дѣтствѣ Иисуса нач. XIV ст. (Čas. Česk. Mus., 1885, 118—1889, 455; 12) List s nebe zeslaný. Отрывки нач. и кон. XIV ст. (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1889, 439); 13) Легенда о božiem umučení (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1886, 509); 14) Легенда о св. Юрїи (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1887, 77 и 1881, 271); 15) Отрывокъ легенды объ Іудѣ 1 четв. XIV в. (изд. А. О. Патеры Časop. Česk. Mus., 1888, 86, также List filol., 1878); 16) Život sv. Kateřiny, отрывки въ ркп. XIV ст. (изд. А. О. Патеры Čas. Česk. Mus., 1887, 204 и въ Arch. f. Slav. Phil., XIV, 4; полный текстъ ок. 1400 г. изд. Печирка и Эрбенъ, 1860; 17) Mastičkař, отрывки (Listy fil., 1880, 91 и Čas. Česk. Mus., 1889, 127); 18) Хроника такъ наз. Далимила, Кембриджская ркп. въ изд. Мурка (1892); остальные древн. списки въ изд. I. Иречка (Prag. dějin. česk., III); 19) Музейные отрывки хроники Пулкавы (изд. А. О. Патеры Časop. Česk. Mus., 1885, 510); 20) Святovitскій сборникъ 2 полов. XIV ст. (Svátovitsky rukopis, изд. А. О. Патеры, 1886); 21) Θомы Штитнаго: а) Knižku šestery z г. 1376 (изд. Ербенъ, 1882); б) Řeči nedělní a sváteční, ркп. библ. Пражск. унив., 1392 г.; в) Sbornik Vyšehradsky, ркп. 1396 г. библ. Пражск. универс.¹⁾; 22) Отрывки Клементинскаго сборника (básne epické světské—Čas. Česk. Mus., 1893, 335) и др.²⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя сочиненія Θ. Штитнаго и многія другія произведенія XIV ст. сохранились только въ спискахъ XV ст.

²⁾ Ср. выше стр. 18—24.

На основаніи столь обильнаго филологическаго матеріала не трудно составить болѣе или менѣе опредѣленное представленіе объ особенностяхъ чешскаго языка въ XIII—XIV ст. Къ сожалѣнію разъясненіе всѣхъ частныхъ и желательная полнота въ выводахъ затрудняются несовершенствомъ латинской графики памятниковъ, страдающей отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ для обозначенія оригинальныхъ чешскихъ звуковъ. Наблюденія надъ памятниками приводятъ къ общему заключенію, что въ XIII—XIV ст. чешскій языкъ переживалъ періодъ весьма существенныхъ превращеній. Въ области звуковъ получали развитіе и распространеніе измѣненія, начавшія зарождаться еще въ болѣе раннюю пору, и возникали новые законы, придавшіе языку особый характерный видъ. Многія старія формы исчезали и замѣнялись новыми. Языкъ терялъ старинныя общеславянскія слова и обогащался новыми, нерѣдко возникавшими подъ вліяніемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ эти превращенія, отпечатлѣвшіяся въ книжномъ языкѣ, привели къ развитію частныхъ діалектическихъ различій. Перемѣны происходили главнѣйше въ средѣ западныхъ—собственно-чешскихъ нарѣчій; восточныя нарѣчія—моравскія—остались болѣе вѣрны старинѣ.

Вотъ главнѣйшія черты чешскаго языка XIII—XIV ст.:

1) Перегласовка а—ѣ съ конца XIII ст. становится общимъ правиломъ; напр.: *v keneze* (= *u kněze* Альб. Богем.), *moie komaga* (тамъ же), *namathege* (= *na Matějě*), *mesecie* (*Cisiojanus* Мюнх.). Она возможна только послѣ мягкихъ согласныхъ, а въ срединѣ слова сверхъ того лишь въ томъ случаѣ, когда за а слѣдуетъ мягкій согласный или слогъ съ узкимъ гласнымъ; напр. *slyšal—slyšeli*, *tahnu—tiehneš*. Новый языкъ представляетъ уже рядъ отступленій отъ этого закона: *slyšel*, *žal—žali*. Съ к. XIV ст. появляется перегласовка а—ѣ послѣ твердаго согласнаго передъ j, т. е. переходъ aj въ ej (обратная перегласовка): *weywody* (3 л. наст. вр.). Послѣдній видъ перегласовки (dej) сталъ общимъ правиломъ не ранѣе XVII ст. Въ моравскихъ говорахъ а очень часто остается неперегласованнымъ.

2) U, подъ вліяніемъ мягкихъ согласныхъ также стало перегласовываться въ i: *duši*, *lid*. Начало этого звуковаго явленія восходитъ къ первой четверти XIV в. Въ памятникахъ XIII ст. вездѣ еще u (*iu*); такъ и въ текстахъ первыхъ лѣтъ XIV ст. Но уже въ Клемент. пс.: *brzicho*, *lybosti*, *jednosti*; *Lybossyna* (1318 г.). Въ половинѣ XIV ст.

переходъ и (iu)—і сталъ общимъ правиломъ, отъ котораго нѣкоторыя отступленія являются лишь въ XV ст. Моравскихъ говоровъ и эта пере-
регласовка почти не коснулась.

3) Долгое é начало суживаться въ і (послѣ твердыхъ согласныхъ пишется ý): řeci — řici, okénko — okýnko. Явленіе это возникло въ XIV ст.: w dwoyduchim, nawtař sliby twy (Виттенб. пс.), po malý chvili, v zemi řecký (Алекс.); въ XVI—XVII ст. оно достигло полного своего развитія и составляетъ одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій новаго языка отъ стараго. Моравскіе говоры усвоили это суженіе é—і въ меньшей степени, чѣмъ чешскіе.

4) Свойственные чешскому яз. двугласные ě (краткій) и ie (дол-
гій), соотвѣтствующіе главнымъ образомъ старо-славянск. ѣ или Ѧ (ie сверхъ того возникло путемъ стяженія) въ данномъ періодѣ вообще сохраняютъ свое коренное значеніе: sanie (Mat. Verb.), mesecie (Мюнх. Сисіоіан.), zrasenie (XIII в.), bduenye (Виттенб. пс.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они начинаютъ подвергаться измѣненіямъ, которыя въ послѣдствіи становятся характерными особенностями новаго чешскаго языка. Измѣненія эти двоякаго рода: 1) ie суживается въ і, напр. knieže—kníže, hřiech—hřích, trpie—trpi (3 л. множ. ч.) и 2) ie, ě утративъ первый гласный элементъ (i) переходятъ въ e, é, напр. řěč—řeč, duše (м. п.)—duše, císař—césař. Указанія на суженіе ie—і восходятъ къ концу XIII ст.: uizcriseno, uice; въ XIV ст. примѣровъ этого явленія больше, но сравнительно все-же немного: hrsicha mého sumie (Клемент. пс.), zpowidau, gmuti (Виттенб. пс.) и др. Въ XV ст. ie еще имѣетъ перевѣсъ и только въ XVI ст. суженіе ie—і получаетъ значеніе общаго закона съ немногими исключеніями. Переходъ ě, ie въ e, é также наблюдается уже въ памятникахъ XIII ст., особенно послѣ l: lezz (les), wole. Указаній на двугласные ě, ie даже совсѣмъ нѣтъ въ сохранившихся древнихъ текстахъ. Этотъ звуковой переходъ развился гораздо быстрѣе суженія; къ концу XIV ст. и нач. XV ст. онъ сталъ уже совершенно нормальнымъ явленіемъ въ языкѣ; напр. ime twé (Клемент. пс.), po swetu (Дал.), wediel (Клемент. пс.), wezic (viežic Пассіон.).

5) Долгое ý стало расширяться въ aj (au), которое въ свою очередь перегласовалось въ ej: wzdauchanye (Клемент. пс.), nebauway (Святотомскій сб.), bauyu, na horách tweych (рпк. XIV ст.). Первые примѣры расширенія ý—aj относятся къ перв. пол. XIV ст., перегласовки

aj—ej къ в. XIV ст.; ej развилось въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, но литературный языкъ удержалъ древнее ŷ: dobŷú (диалект. dobŷej). Такому расширенію въ aj и перегласовкѣ въ ej подверглось и í, образовавшееся изъ сѣуженнаго é: nebeské—nebeskú—nebeskej.

6) Долгое ó также расширилось въ uo, а послѣднее стянулось въ ů (=ū): wduowi (Клемент. пс.), wuoh, wuoi, duom (Пассион.), wuh (Далим.), zustane (гр. 1388), muzem (Вѣнск. Ев.). Двугласное uo является въ перв. полов. XIV ст., ů—съ полов. XIV ст.; uo становится господствующимъ въ XV ст., а ů — въ XVI ст. Въ литературномъ языкѣ и живыхъ чешскихъ говорахъ утвердилось ů, въ Моравіи же и Силезіи частью удержалось древнее ó, частью слышны его позднѣйшія замѣны uo, ů.

7) Долгое ů (подобно ŷ и ó) также подверглось расширенію въ au (главнѣйше въ срединѣ и концѣ словъ): tgorauss (грам. 1337 г.), wukaure (Святovitский сб.). Начало это явленія восходитъ къ XIV ст., но развилось оно главнѣйше въ XV ст., когда вм. au, вслѣдствіе фізіологическихъ условій выговора этого дифтонга, стало слышно ou, усвоенное и современнымъ литературнымъ языкомъ. Восточныя нарѣчія знаютъ почти исключительно ů.

8) Въ области согласныхъ, кромѣ особенностей указанныхъ (38 стр.) уже для болѣе ранняго времени, въ данномъ періодѣ можно отмѣтить различіе твердаго и мягкаго l (l и ě, свидѣтельство Гуса).

9) Двойственное число, впослѣдствіи совсѣмъ вышедшее изъ употребленія, въ XIV ст. еще оставалось въ силѣ, особенно въ именномъ склоненіи: wrahu, wrahú, wrahoma, ženú, ženama, jima, davě, data и т. п.

10) Прошедшія простыя—преходящее и аористъ — еще существовали въ языкѣ: bieše, biechu, rovolichu, chtieše, osėkovaše, jmejieše (Градец. сб.); nes, neseta, nesom, nesú (аор. простой); nesech, nesechově, nesechu (аор. сложный); nesiech, nesieše (преход.). Исчезновеніе этихъ формъ становится замѣтнымъ съ XV ст.

11) Первое лицо наст. вр. во всѣхъ глаголахъ (кромѣ тѣхъ, которые въ наст. вр. не имѣютъ гласнаго основы) сохраняетъ окончаніе ů, впослѣдствіи во многихъ случаяхъ уступившее свое мѣсто оконч. ш: vedu, uměju, chožu, trpu, volaju. Но уже въ XIV ст. появляется и ш (тамъ гдѣ въ новочешскомъ): umiem, trpim, chodim, volám, sáziam.

Происхождение нѣкоторыхъ изъ указанныхъ фонетическихъ особенностей, напр. расширение *ú, ó, ù* въ двугласныя *aj, io, au* объясняютъ влияніемъ нѣмецкаго языка (*hús—haus, gûm—gaum*). ?

Кромѣ приведенныхъ (а также нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ, здѣсь не отмѣченныхъ) характеристическихъ примѣтъ стараго языка въ области фонетики и морфологии, происходили извѣстныя измѣненія въ синтаксисѣ и лексическомъ составѣ языка. Между прочимъ уже въ старое время въ чешскій языкъ вошло много словъ латинскихъ и нѣмецкихъ.

XV—нач. XVII ст. Постепенно подготовлявшійся протестъ чешскаго народа противъ навязанныхъ ему чужеземныхъ общественныхъ и культурныхъ началъ рѣзко проявился въ XV ст. въ гуситскомъ движеніи и религіозныхъ войнахъ, а въ XVI ст. въ мирной дѣятельности Чешскихъ Братъевъ. Эта великая эпоха борьбы народа за духовную и политическую самостоятельность естественно ознаменовалась возвышеніемъ значенія народнаго языка. Чешскій языкъ утвердился въ богослуженіи гуситской, а потомъ чешско-братской церкви. Явился чешскій переводъ (притомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ) полной библіи, первоначально въ многочисленныхъ спискахъ, а потомъ и въ печатномъ изданіи (1487 г.). На чешскомъ языкѣ развилась обширная богословская литература разнообразнаго содержанія, догматическаго, полемическаго, правоучительнаго, легендарнаго и т. д. На немъ писались сочиненія юридическія и историческія.

Народная рѣчь со временъ Сигизмунда (1420 — 1437) утвердилась въ дѣловодствѣ сеймовомъ и судебномъ, хотя въ „земскихъ доскахъ“ все еще держалась латынь до конца XV ст. Славный народный государь Юрій Подѣбрадь (1458 — 1471) пользовался чешскимъ языкомъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Съ Владислава же Ягеллона (1472 — 1516 г.) на немъ писались всѣ акты королевской канцеляріи. Въ XV и XVI ст. знаніе и употребленіе чешскаго языка распространилось за предѣлами Чехіи и Моравіи—въ Угріи, Польшѣ и Ляtvѣ. Такъ, Сигизмундъ и послѣдующіе угорскіе короли издавали грамоты по чешско-угорскимъ дѣламъ на чешскомъ языкѣ. Польскій король Ягайло охотно говорилъ по чешски. Витовтъ принималъ чешскія письма отъ пражскихъ Гуситовъ, а Свидригайло переписывался по-чешски съ Сигизмундомъ Корибутовичемъ и вождемъ Таборитовъ Прокопомъ. На чешскомъ же языкѣ въ XV ст. вели переписку рус-

ский князь Вячеславъ Острожскій, польскіе воеводы Судивой, Острогоръ и Янъ Тенчинскій, паны Мышевскіе и др. Чешскіе Гуситы, а потомъ Братя, расходясь по сосѣднимъ странамъ, распространяли вмѣстѣ съ своимъ ученіемъ родной чешскій языкъ. Особенно глубокіе корни онъ пустилъ въ землѣ Словаковъ, гдѣ пріобрѣлъ значеніе мѣстнаго литературнаго языка, сохранявшееся за нимъ до в. XVIII ст. Въ польской Силезіи чешскій языкъ въ XV и первой полов. XVI ст. игралъ роль языка дѣловаго и государственнаго. О значительномъ распространеніи чешскаго языка и въ другихъ частяхъ Польши свидѣтельствуется любопытный фактъ присутствія чехизмовъ въ древнихъ памятникахъ польской письменности (напр. Флоріанской пс. XIV в., Пулавской XV в., Библии королевы Софіи 1455 г. и др.) и нѣкоторыхъ оригинальныхъ духовныхъ и свѣтскихъ произведеніяхъ XV и перв. полов. XVI ст. (напр. романъ объ Аполлонѣ Тирскомъ, сочиненія Рея, Кохановскаго и др.). Черезъ Польшу и Литву чешскій языкъ проникъ и въ западную Русь, гдѣ вліяніе его ясно замѣтно на языкѣ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ доселѣ памятниковъ (напр. Библии, изданной въ Прагѣ въ 1519 г. Фр. Скориной, Пересопницкаго Евангелія 1556—1561, переводныхъ съ чешскаго западно-русскихъ повѣстей и сказаній и пр.¹⁾).

Такое возвышеніе международнаго значенія чешскаго языка стояло въ связи съ успѣхами его обработки въ письменности. Въ теченіе XV—XVI ст. выработалось болѣе или менѣе цѣлесообразное правописаніе и установились нормы литературнаго языка. Въ томъ и другомъ отношеніи огромныя заслуги имѣетъ величайшее лицо чешской исторіи мистръ Янъ Гусъ, прекрасный теоретическій знатокъ чешскаго языка и горячій защитникъ его правъ. До XV ст. чешское правописаніе не имѣло опредѣленной, установившейся системы, отличалось крайнею запутанностью, что и въ настоящее время создаетъ значительныя затрудненія для точнаго изученія древняго языка Латинская абѣеда, принятая Чехами въ письменность, оказывалась недостаточной для обозначенія всѣхъ существующихъ въ чешскомъ языкѣ звуковъ. Эта недостака знаковъ пополнялась различно: или употребляли одну и ту-же буквву для двухъ различныхъ звуковъ (напр.

¹⁾ О распространеніи чешскаго языка въ XV—XVI ст. см. А. Будиловича, *Общеславянскій языкъ*, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. II, Варшава, 1892, 186—218.

с = c, k, z = z, ž (русск. ж) или прибѣгали въ соединенію нѣсколькихъ буквѣ для обозначенія звуковъ, не существующихъ въ латинскомъ языкѣ (напр. cz, chz = č (русск. ч). Примѣненіе той и другой системы въ памятникахъ не отличалось ни единствомъ, ни послѣдовательностью. Гусъ выступилъ реформаторомъ такого несовершеннаго правописанія; въ своемъ трактатѣ „De Orthographia“ (ср. выше стр. 1, 11) онъ установилъ новую такъ наз. диакритическую систему, сущность которой состояла въ употребленіи особыхъ знаковъ для звуковъ чешскаго языка, не существующихъ въ латинскомъ; именно: для обозначенія мягкихъ согласныхъ вводилась *точка* надъ буквой родственнаго звука (ñ, ð, ò, ÷, ñ, ñ, только ï обозначало твердое l), а для обозначенія долгихъ гласныхъ *черточка* (á, é); сложное начертаніе сохранено только для ch. Спорадически такіе диакритическіе знаки встрѣчаются и раньше, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ конца XIV в. Заслуга Гуса состояла въ томъ, что онъ воспользовался ими для установленія стройной правописной системы. О проведеніи этой системы особенно заботились Чешскіе Братья, впрочемъ, въ частностяхъ отступившіе отъ взглядовъ Гуса. Она лежитъ въ основаніи и современнаго правописанія.

Столь же важна дѣятельность Гуса, какъ реформатора литературнаго яз. Въ нач. XV ст. книжная рѣчь не представляла собой однороднаго, установившагося типа. Въ памятникахъ замѣтно то въ большей, то меньшей степени смѣшеніе старыхъ формъ съ новыми, то соблюденіе старыхъ звуковыхъ законовъ, то уклоненія отъ нихъ; сверхъ того писатели и писцы по своему произволу вносили въ письменную рѣчь провинціализмы и частныя діалектическія особенности. Гусъ своими трудами, получившими широкое распространеніе, много способствовалъ установленію единства книжнаго языка. Составляя свои проповѣди и трактаты для всѣхъ слоевъ народа, онъ вынужденъ былъ говорить и писать на языкѣ возможно болѣе понятномъ народу, каковымъ не была господствовавшая тогда въ книгѣ чештина. Поэтому, уклонившись нѣсколько отъ послѣдней, онъ положилъ въ основаніе своего литературнаго языка народную рѣчь, преимущественно пражскаго округа, гдѣ больше всего жилъ, при чемъ отказался отъ многихъ старинныхъ формъ, какъ неупотребляемыхъ простымъ народомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не сочувствовалъ допущенію новшествъ, не согласныхъ съ духомъ языка, а также иностранныхъ словъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ при-

держивался наиболѣе правильныхъ звуковъ и формъ и съ этой точки зрѣнія отстаивалъ напр. сохраненіе различія между *l* и *ḷ*, *i* и *y*, въ то время уже исчезнувшаго въ пражскомъ нарѣчій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о самостоятельномъ развитіи чешскаго языка, помимо чужеземныхъ вліяній.

Къ сожалѣнію, мысли Гуса о литературномъ языкѣ, также какъ предложенная имъ система правописанія не вдругъ завоевали себѣ общее признаніе въ чешскомъ образованномъ обществѣ. Главными распространителями этихъ мыслей были Чешскіе Братья въ XVI и XVII ст., хотя уже основатель этой секты Петръ Хельчицкій, жившій въ XV ст., писалъ почти такъ, какъ и Гусъ. Страшныя войны, начавшіяся послѣ сожженія Гуса (1415 г.), разореніе страны, матеріальныя бѣдствія народа не могли благопріятствовать развитію языка и литературы. Въ концѣ же XV ст. въ Чехію проникаетъ такъ наз. гуманизмъ, который имѣлъ огромное вліяніе на оживленіе и разцвѣтъ чешской литературы, но зато скорѣе повредилъ, чѣмъ помогъ усовершенствованію чешскаго книжнаго языка. Чешскіе гуманисты Г. Грубый, В. Корнель изъ Вшегердь, М. Коначъ изъ Годишкова и др. обогатили чешскую письменность переводами цѣнныхъ латинскихъ произведеній, но въ переводахъ этихъ видна рабская передача оригинала, въ ущербъ духу чешскаго языка. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ гуманизма чешскій книжный языкъ еще болѣе воспринялъ въ себя чужеземныхъ (нѣмецкой и латинской) стихій — въ области звуковъ, формъ, синтаксиса и словаря (напр. *ú—au*, *ý—au*, оконч. *ag—eg*: *rejthar*, *maleř*; *museti*, *špic*, *šorc*, неопред. съ винит. (вм. дательнаго).

Гораздо больше сдѣлали для установленія чешскаго литературнаго языка. Чешскіе Братья, которые со времени дѣятельности брата Лукаша († 1528) приняли живое участіе въ литературномъ движеніи, происходившемъ въ Чехіи и Моравіи въ теченіе всего XVI ст. и началѣ XVII (до Бѣлогорской битвы). Они обогатили чешскую литературу классическимъ переводомъ Священнаго Писанія и другими внижными трудами, которые въ отношеніи языка нужно считать образцовыми. Въ своихъ переводахъ представители Братской Общины не слѣдовали примѣру гуманистовъ, которые переводили или рабски дословно, въ ущербъ правильности роднаго языка, или слишкомъ вольно, давая скорѣе перифразъ латинскихъ текстовъ, чѣмъ дѣйствительный переводъ; напротивъ они одинаково заботились какъ о точности пере-

вода, такъ о томъ, чтобы эта точность согласовалась съ требованіями духа чешскаго языка. Братья много работали надъ изученіемъ родной рѣчи и ея характерныхъ свойствъ. При обработкѣ своихъ произведеній они держались тѣхъ же взглядовъ на литературный языкъ, какіе проводилъ и Гусъ. Приняли они и Гусово правописаніе, сдѣлавъ въ немъ лишь нѣкоторыя, впрочемъ, не совсѣмъ удачныя измѣненія¹⁾. Заботы объ очищеніи и усовершенствованіи литературнаго языка вызвали составленіе однимъ изъ выдающихся дѣятелей и писателей Братской Общины Я. Благославомъ (1523 — 1571) „Чешской грамматики“ (ср. 1 стр.). Трудъ этотъ, основанный на болѣе ранней грамматикѣ Б. Опата, Гзела и Филоматеса, содержитъ рядъ важныхъ указаній относительно приемовъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при переводѣ съ латинскаго и греческаго на чешскій языкъ, толкуетъ правильное употребленіе отдѣльныхъ словъ и фразъ и, между прочимъ, впервые даетъ свѣдѣнія о чешско-моравскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ всей братской литературы былъ новый переводъ Библии, сдѣланный по мысли Благослава, съ еврейскаго и греческаго: это такъ назыв. Кралицкая Библия, изданная на средства моравскаго пана Яна изъ Жеротина въ 1579 — 1593 въ шести частяхъ²⁾. Переводъ этотъ до сихъ поръ признается лучшимъ образцомъ чешскаго языка.

Успѣхамъ обработки чешскаго литературнаго языка также содѣйствовала національная юридическая и историческая литература, развивающаяся въ XV—XVI ст. Сочиненія Цтибора изъ Цимбурка († 1494. *Knihа Tovačovská*) и Викторина изъ Вшерордъ († 1520. *Knihy devatery o pravích a sudích i o deskách země české*), посвященныя земскому юридическому быту, отличались мастерскимъ слогомъ и обогащали чешскій юридическій языкъ. Въ области исторической прозы особенно извѣстны: Бартошъ († 1535), Сиекъ изъ Оттерсдорфа († 1583), слышій лучшимъ знатокомъ роднаго языка, В. Гаекъ изъ Либочанъ († 1553) знаменитый своей хроникой, исполненной всякаго баснословія, но написанной простымъ общедоступнымъ языкомъ, упомянутый выше братъ Янъ Благославъ, написавшій исторію Братьевъ до 1554 г. и кромѣ многихъ другихъ трудовъ извѣст-

¹⁾ Именно: послѣ *o, v, y* всюду стали писать *u*, союзъ *i* обозначали *u*, въ началѣ словъ *vm.* и писали *v*, долгое *i* обозначали *j*, а въ двугласныхъ *vm.* *j* писали *u*.

²⁾ Второе изданіе 1596 г., третье 1618 г.

ный своимъ краснорѣчивымъ памфлетомъ въ защиту науки и просвѣщенія, и Велеславинъ (собст. Даниль - Адамъ изъ Велеславина) (1545—1599), прославившійся переводами и изданіями историческихъ сочиненій, словарными работами и вообще самою широкою литературною дѣятельностью.

Во второй половинѣ XVI ст., благодаря дружнымъ усиліямъ лучшихъ людей двухъ столѣтій, чешскій литературный языкъ принялъ болѣе или менѣе установившуюся обработанную форму. Изданная въ началѣ XVII ст. грамматика Лаврентія Бенедит. Нудожерскаго впервые даетъ теорію языка въ довольно полномъ видѣ. Конецъ XVI ст. и нач. XVII ст. отмѣчены широкою литературною производительностью и тщательною обработкою стиля выпускаемыхъ въ свѣтъ сочиненій; этому времени въ исторіи чешской литературы издавна усвоено названіе „золотаго вѣка“. Но высшей степени чистоты и отдѣлки достигъ чешскій языкъ въ произведеніяхъ двухъ крупныхъ писателей, которые только началомъ своей дѣятельности относятся къ данному періоду. Это были знаменитые приверженцы Братской Общины — Карлъ изъ Жеротина (1564 — 1636), извѣстный нѣсколькими полемическими и историческими сочиненіями и обширною перепискою, отличающеюся замѣчательными достоинствами литературнаго изложенія, и знаменитый мыслитель, педагогъ, богословъ, историкъ, филологъ и поэтъ Янъ Амосъ Коменскій (1592—1670). Последнему, кромѣ массы увѣковѣчившихъ его имя педагогическихъ сочиненій, принадлежитъ извѣстная сатирико-дидактическая поэма „Labyrint Světa a Raž srdce“ — одно изъ лучшихъ произведеній всей чешской литературы. Оба эти писателя уже вынуждены были писать свои главнѣйшіе труды за границей въ изгнаніи. Имъ не было мѣста на родинѣ: здѣсь господствовала католическая реакція со всѣми ея ужасами.

XVII—XVIII ст. Продолжительный, почти полуторастолѣтній періодъ, отъ Бѣлогорской битвы (1620) до реформъ императора Іосифа II, былъ самымъ мрачнымъ, тяжелымъ временемъ въ чешской исторіи. Это была пора систематическаго истребленія чешскаго народа, полнаго его политическаго и нравственнаго униженія, насильственнаго водворенія среди него чужеземныхъ общественныхъ и культурныхъ началъ, противъ которыхъ онъ такъ энергично боролся подъ знаменемъ гуситства. Естественно, что этотъ періодъ паденія народности былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *періодомъ упадка чешскаго языка*. Упадокъ

этотъ началъ подготовляться еще до-Бѣлогорской битвы въ XVI ст. Положеніе чешскаго языка, даже въ пору его наибольшихъ успѣховъ и наивысшаго разцвѣта, было довольно трудное. Ему приходилось считаться съ латинскимъ языкомъ, который и въ гуситскую эпоху и въ XVI ст. сохранялъ свое значеніе органа науки и высшей образованности и оставался главнымъ предметомъ школьнаго обученія. И Гусъ, и Амось Коменскій, при всей своей привязанности къ родному яз., относились съ уваженіемъ къ латыни и пользовались ею въ своихъ трактатахъ, предназначенныхъ для болѣе широкаго распространенія. При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ латинскій яз. легко могъ взять полный перевѣсъ надъ чешскимъ и снова заслонить его собой. Съ другой стороны значеніе и употребленіе нѣмецкаго языка въ Чехіи и Моравіи подверглось стѣсненію и ограниченію только въ эпоху религіозныхъ войнъ; въ концѣ же XV ст. и особенно въ XVI ст. языкъ этотъ постепенно началъ возвращать себѣ утраченное положеніе. Утвердившаяся на чешскомъ престолѣ съ 1526 г. нѣмецкая Габсбургская династія оказывала ему всякую поддержку, а тѣсныя связи установившіяся между Чешскими Братями и нѣмецкими Лютеранами (съ которыми Община впоследствии совѣмъ слилась), также содѣйствовали распространенію въ чешскихъ земляхъ нѣмецкаго языка. Католическое духовенство, особенно іезуиты, призванные Фердинандомъ для борьбы съ ересями, въ свою очередь не имѣло причинъ поддерживать во вѣранныхъ ему школахъ знаніе чешскаго языка и отдавало предпочтеніе латинскому яз. Поэтому не удивительно, что въ концѣ XVI ст. въ чешской литературѣ раздаются голоса противъ пренебрежительнаго отношенія въ обществѣ къ чешскому яз. и предлагаются совѣты родителямъ заботиться объ обученіи дѣтей родной рѣчи. Равнымъ образомъ и сеймы этого времени вынуждены издавать распоряженія объ охранѣ правъ чешскаго языка. Такъ постепенно подготовлялась почва для печальнаго положенія дѣлъ, которое окончательно сложилось послѣ Бѣлогорской битвы. — Страшныя бѣдствія выпали на долю чешскаго народа въ XVII—XVIII ст. Фердинандъ II Габсбургъ съ фанатическою жестокостію расправился съ Чехами, дерзнувшими еще разъ вооруженной рукой защищать свою народную церковь и политическую свободу. Вслѣдъ за страшными казнями, конфискаціей имѣній и заточеніемъ въ тюрьмы главныхъ виновниковъ возстанія, началось систематическое преслѣдованіе цѣлаго народа. Всѣ

отказывавшіеся принять насильственно навязываемый католицизмъ обречены были на изгнаніе. Десятки тысячъ семей — лучшая часть населенія—должны были покинуть родную страну. Тридцатилѣтняя война, опустошившая Чехію, еще болѣе разрѣдила ея населеніе. Въ обезлюженную страну нахлынули массами иностранцы, особенно нѣмцы, получавшіе отъ правительства большія земельныя пожалованія. Для нѣмецкаго языка открылась возможность самаго широкаго распространенія. Между тѣмъ чешскій языкъ былъ постепенно вытѣсненъ изъ администраціи, суда, школы и книги и замѣненъ латынью и нѣмецкимъ языкомъ. Униженію чешскаго яз. особенно содѣйствовали іезуиты, взявшіе въ свои руки обученіе юношества. Они ревностно искореняли въ народѣ всякую память о недавнемъ религіозномъ движеніи, поддѣлывали и искажали національную исторію и сожигали цѣлыми кострами книги Гуситовъ и Чешскихъ Братьевъ. Высшіе классы, примкнувшіе къ правительству, онѣмечились и старались возможно скорѣе забыть чешскій языкъ; къ концу XVІІІ ст. послѣдній удержался въ своей чистотѣ только въ сельскихъ хижинахъ. При такихъ условіяхъ чешская литература почти прекратила свое существованіе; въ первыя десятилѣтія послѣ Бѣлогорской битвы она еще была подерживаема за-границей Чешскими Братьями—эмигрантами; со смертію же послѣднихъ видныхъ представителей Общины, она и совсѣмъ угасла. Въ предѣлахъ Чехіи и Моравіи національная литература истощивалась благочестиво—іезуитскими книжками для простонародья. Съ истребленіемъ лучшихъ произведеній гуситской и братской эпохъ, старое литературное преданіе было прервано, выработанный чешскій книжный языкъ сталъ приходить въ забвеніе и наконецъ совсѣмъ упалъ въ формальномъ отношеніи. Произведенія іезуитскихъ писателей этого періода (Штурма, Берлички, Штейера, Коняпа и др.) изобилуютъ варваризмами, неправильными словами и формами. О степени порчи и искаженія чешскаго книжнаго яз. въ XVІІ и XVІІІ ст. лучше всего свидѣтельствуютъ двѣ упомянутыя выше (стр. 2—3) чешскія грамматики — Росы († 1689) и Поля (1790) представляющія собою образцы крайняго невѣжества и уродства.

Возрожденіе. Къ концу XVІІІ ст. чешскій народъ былъ доведенъ до послѣдней степени безправія, паденія и униженія. Чешская книга стала рѣдкостью, чешскій языкъ былъ преданъ забвенію, считался мертвымъ. Роль Чеховъ, какъ исторической націи, казалось, была окон-

чена. Но вышло иначе: не смотря на всѣ пережитыя бѣдствія народъ сохранилъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы воспрянуть къ новой жизни. Въ гуманное правленіе Іосифа II, руководившагося просвѣтительными идеями вѣка, у Чеховъ постепенно начало пробуждаться національное чувство, которое вскорѣ стало главнымъ источникомъ пароднаго движенія, закончившагося полнымъ возрожденіемъ народности и энергическою, продолжающеюся и доселѣ, борьбой за политическую свободу. Совершенно понятно, что однимъ изъ главныхъ явленій этого общаго возрожденія было воскрешеніе народнаго языка и литературы. Оно началось съ появленія (на нѣмецкомъ языкѣ) болѣе толковыхъ грамматикъ Томсы, Тома, Пельцеля и особенно знаменитыхъ филологическихъ трудовъ Добровскаго, очистившаго нормы чешскаго языка отъ искаженій, внесенныхъ грамматиками Росы и Поля (ср. выше стр. 2—4), а также съ изданія произведеній старой чешской литературы (преимущественно XVI в.). Уже въ концѣ XVIII ст. возникаетъ цѣлый кружокъ патріотовъ съ любовью отдававшихъ свои силы дѣлу возрожденія литературнаго языка (Томса, Тамъ, Добровскій, Пельцель, Прохазка, Руликъ, Пухмайеръ, В. Неѣдлый, Янъ Неѣдлый, Себ. Гвѣвковскій, Галашъ, Фричай, Квинскій, Крамеріусъ и др.). Они пишутъ статьи и книжки въ защиту правъ чешскаго языка, составляютъ грамматикки и словари, издають занимательныя и поучительныя книжки для народа, переводятъ изъ иностранныхъ литературъ, принимаютъ изданіе чешскихъ газетъ и журналовъ, сочиняютъ пьесы для театра, наконецъ обращаются къ попыткамъ самостоятельнаго поэтическаго творчества преимущественно въ духѣ идиллій Гесснера (Пухмайеръ, Гвѣвковскій, В. Неѣдлый и др.). Такъ постепенно становилось прерванное литературное преданіе и ширилось знаніе стараго книжнаго языка. Но это были только первые подготовительные шаги къ созданію новаго литературнаго языка. Возникавшая новая литература не могла строго слѣдовать старому языку „золотаго вѣка“, какъ полагали и настаивали первые дѣятели „Возрожденія“ (Пельцель, Янъ Неѣдлый, Добровскій). Совершенный для своего времени, языкъ этотъ не былъ въ состояніи служить новѣйшей образованности, такъ какъ не обладалъ достаточными средствами ни для выраженія новыхъ научныхъ понятій, ни для передачи возвышенныхъ поэтическихъ идей и образовъ. Чувствовалась необходимость созданія новаго яз., который опираясь на старое преданіе, воспринималъ бы въ

себя и новѣйшіе элементы, частью живущіе въ народной рѣчи, частью созданные искусственно, но въ духѣ народнаго языка, частью заимствованные изъ родственныхъ славянскихъ языковъ. Правильный путь къ обработкѣ литературнаго языка въ такомъ направленіи впервые указалъ І. Юнгманнъ (1773—1847) изданіемъ трехъ весьма важныхъ трудовъ: 1) художественнаго перевода „Потеряннаго Рая“ Мильтона; 2) обширнаго чешскаго словаря и 3) научной исторіи чешской литературы. Переводъ „Потеряннаго Рая“ представлялъ собой прекрасный образецъ поэтической рѣчи, словарь раскрывалъ лексикальное богатство языка, исторія литературы заложила прочное основаніе научной прозы. Въ своихъ произведеніяхъ Юнгманнъ выступилъ нововводителемъ: онъ удачно сочинялъ новыя слова и обращался къ заимствованіямъ не только изъ областныхъ чехо-моравскихъ говоровъ, но и изъ другихъ родственныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ русскаго и польскаго. Въ дальнѣйшей выработкѣ новаго чешскаго языка приняли участіе даровитые поэты Ганка, Колларъ, Челяковскій, Эрбенъ, славные ученые Шафарикъ (словакъ — изслѣдователь славянской старины и народности), Палацкій (историкъ), Воцель (археологъ), Пресль (ученый медикъ, выработывавшій терминологию по естествовѣдѣнію), Пуркине (физиологъ), Марекъ (занимавшійся установленіемъ философской терминологіи) и многіе другіе дѣятели и писатели сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

Прошло еще нѣсколько десятилѣтій и чешскій языкъ, отлившись въ новую выработанную форму, достигъ того высокаго значенія въ умственной и политической жизни народа, какое занимаетъ и въ настоящее время. Правда площадь внѣшняго распространенія чешскаго языка значительно сократилась по сравненію съ широкимъ международнымъ значеніемъ, какое онъ занималъ въ періоды Гуситскій и Братскій. Чешскій языкъ уже не употребляется для дипломатическихъ сношеній, какъ это было въ XV ст. Утратилъ онъ значеніе книжнаго языка у Словаковъ, которые съ конца прошлаго и въ теченіе нынѣшняго столѣтія постепенно выработали свой собственный литературный языкъ. Эта послѣдняя потеря, конечно, не вознаграждается нѣкоторымъ распространеніемъ чешскаго языка въ колоніяхъ въ Америкѣ и Россіи. Тѣмъ не менѣе въ предѣлахъ родной территоріи развитіе чешскаго языка получило широкіе размѣры. Онъ сталъ мощнымъ выразителемъ всей національной, умственной и общественной жизни народа

и органомъ весьма значительной образованности. На чешскомъ языкѣ имѣется довольно богатая поэтическая и вообще изящная литература, въ которой кромѣ уже упомянутыхъ Коллара, Челяковского, Эрбена, особенно видное мѣсто занимаютъ: К. Маха, Я. Неруда, Галекъ, Св. Чехъ, Я. Верхлицкій, А. Гейдукъ (поэты), Б. Нѣмцова, Каролина, Свѣтлая, Ел. Красногорская, Ирасекъ, Хохолушекъ, Бенешъ-Требни-скій (новеллисты), Тылъ (драматургъ) и мн. др. Не менѣе важна чешская научная литература: всѣ отрасли научнаго знанія въ большей или меньшей степени разрабатываются и на чешскомъ яз., при чемъ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ отдѣлы научной литературы, которые посвящены разностороннему изученію роднаго языка, своего народа, родной земли въ ихъ прошломъ и современномъ состояніи. Во главѣ такого изученія стоятъ высшія національныя ученныя учрежденія — Академія Наукъ, Королевское Ученое Общество, Пражскій Университетъ, Музей, Чешская и Моравская матицы и многія частныя общества: историческое, археологическое, филологическое, этнографическое и др. издающія свои труды на родномъ языкѣ. Общее число чешскихъ періодическихъ изданій самаго разнообразнаго содержания достигаетъ до 400. Чешскій языкъ служитъ преподавательскимъ языкомъ болѣе чѣмъ въ 5000 народныхъ школъ, въ 70 слишкомъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Пражскомъ университетѣ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ. Онъ пользуется правами языка земскаго въ сеймѣ (особенно въ Чехіи), судѣ и мѣстной администраціи и завоевалъ себѣ почетное положеніе во всѣхъ слояхъ общества. Правда и теперь, какъ въ теченіе всей своей исторіи чешскій языкъ занимаетъ боевое положеніе по отношенію къ могущественному сосѣду — нѣмецкому языку, но достигнутые имъ успѣхи настолько велики, что едва ли можетъ быть мѣсто какому-либо опасеніямъ за его дальнѣйшую судьбу. Чешскій литературный языкъ служитъ главнымъ свѣточемъ и опорой народности, которая несомнѣнно воскресла для новой жизни и имѣетъ всѣ права на лучшее будущее.

Этотъ литературный языкъ и будетъ выдвинутъ на первое мѣсто въ предлагаемой ниже характеристикѣ чешскаго языка, но современное его состояніе по возможности будетъ освѣщено съ исторической и діалектологической точекъ зрѣнія.

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Въ древнѣйшую пору, въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху (IX ст.), Чехо-Мораване пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ (кириллица и глаголица). Употребленіе одного изъ типовъ славянской азбуки—глаголицы, хотя въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, продолжалось и въ болѣе позднія времена, въ XI—XIII, XIV—XV ст. Глаголицей писались не только составленные на старо-славянскомъ языкѣ тексты богослужебныхъ книгъ въ родѣ знаменитыхъ Кіевскихъ отрывковъ миссала XI в.¹⁾, но и переводы на чешскій языкъ священнаго писанія, пассіоналовъ²⁾ и др. Впрочемъ такихъ чешско-глаголическихъ памятниковъ сохранилось очень немного. Съ паденіемъ въ Моравіи и Чехіи Кирилло-Меѳодіевской народной церкви и водвореніемъ латинскаго обряда окончательный перевѣсъ получила латинская абѣзда, и доселѣ удержавшаяся въ чешской письменности и печати какъ у другихъ католическихъ Славянъ³⁾.

Латиница съ ея 25 знаками (вромѣ j, w возникшихъ позже) оказывалась весьма недостаточной для выраженія всѣхъ характерныхъ звуковъ, представляемыхъ чешскимъ языкомъ. Примѣненіе ея къ потребностямъ чешскаго языка представляетъ свою, довольно длинную исторію. До конца XIII ст. чешскіе звуки, отсутствующіе въ латинскомъ языкѣ, обозначаются буквами ближайшихъ родственныхъ звуковъ; напр. долгіе а, е, и, ы, о, у черезъ простыя а, е, і, у, о, и, ч черезъ с (sas), ш черезъ z (zep), ж черезъ s (pas) и т. п. Съ конца XIII ст. входитъ въ обычай соединеніе нѣсколькихъ буквъ для обозначенія одного звука; напр.: somaar (komár), suud (súd), chzazz, czas, czass, czzas (čas), wsse, wsche (vše). Въ способахъ соединенія буквъ,

¹⁾ См. V. Jagić. Glagolitica. Wien, 1890 (Denkschriften d. K. Akad. d. Wissen. Philosop. hist. Cl. Bd. XXXVIII) и нашу статью въ Унив. Изв. 1890 г. (Новое открытіе въ области глаголицы).

²⁾ Ср. P. J. Šafařík. Památky hlaholského písemnictví. V Praze, 1853; В. Г а н к и. Остатки Славянскаго Богослуженія у Чеховъ. Прага, 1859; также Časop. Česk. Mus., 1870, 398; 1882, 523.

³⁾ Съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абѣзды нѣмецкая готическая азбука, т. наз. *швабахъ*. Она господствовала въ чешской печати до начала нынѣшняго столѣтія, когда была постепенно вытѣснена настоящей латиницей.

не было ни единства, ни даже однообразія: нерѣдко въ одной и той же рукописи одинъ и тотъ же звукъ обозначается нѣсколькими различными способами (напр.: ч = chz, cz, czz, с = s, ss, zz, sz, ш = ss, sch, z и т. д.). Лишь въ немногихъ памятникахъ замѣтно стремленіе къ установленію нѣкоторыхъ болѣе точныхъ правилъ соединенія буквъ. Понятно, что объ древнія системы примѣненія латинской алфавиты къ чешской фонетикѣ представляли большія неудобства вслѣдствіе вносимой ими въ обозначеніе звуковъ неточности, неопредѣленности и запутанности.

Преобразователемъ несовершенной чешской графики былъ знаменитый Янъ Гусъ. Онъ ввелъ систему диакритическихъ знаковъ, которая постепенно привилась въ чешскомъ правописаніи и въ вышшемъ столѣтіи усвоена была всѣми западными Славянами, пользующимися латиницей, за исключеніемъ Поляковъ. Долгіе гласные Гусъ обозначалъ *черточкой* (á, é, í); напр. m^é, m^áz; для обозначенія же мягкихъ чешскихъ звуковъ (ch, d, t, c, ж, ш, r) и твердаго л, онъ пользовался *точкой*, которую выставлялъ надъ буквой, передающей ближайшій родственный звукъ: ě, ě́, ě́́, ě́́́, ě́́́́, ě́́́́́; напр.: paš, čas, dělo. Сверхъ того Гусъ усвоилъ буквѣ с только ея коренное значеніе ц, а не k, а букву g употреблялъ въ двойномъ значеніи: вм. j передъ e, í (gedin, getu), и для передачи гортаннаго г во всѣхъ другихъ случаяхъ. Реформа Гуса не сразу получила всеобщее распространеніе. До кон. XVI ст. рядомъ съ новымъ правописаніемъ держалось старое, неудобное. Съ кон. XVI ст., за проведеніе началъ Гусова правописанія взялись Чешскіе Братья, но они внесли въ систему Гуса и нѣкоторыя измѣненія, которыя, впрочемъ, едва ли способствовали ея улучшенію, какъ-то: нѣкоторыя сочетанія буквъ по образцу стараго правописанія (wsse=vše), y вм. í, v вм. начальнаго u (vřad), eu вм. ej, знаки ' , v вм. Гусовой точки и пр. Такъ выработалось особое братское или кралицкое (Кралицкая Библия, 1579 — 1593) правописаніе, которое держалось въ книгѣ въ теченіе XVII и XVIII ст.

Непослѣдовательность и нѣкоторые другіе недостатки Братскаго правописанія дѣлали необходимыми новыя преобразованія. Національное возрожденіе новаго времени, между прочимъ, ознаменовалось работами чешскихъ филологовъ объ улучшеніи правописанія. Послѣ долгихъ споровъ, благодаря стараніямъ Долежала, Пельцеля, Добровскаго, Юнгманна и Шафарика, къ концу сороковыхъ годовъ установилась

та система обозначенія звуковъ, которая принята въ языкѣ въ настоящее время. Нынѣшнее правописаніе есть собственно видоизмѣненіе правописной системы Гуса и Чешскихъ Братъевъ.

Современная чешская абѣзда состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: а, á, b, c, ě, d, ě, e, é, ě, f, g, h, ch, i, í, j, k, l, m, n, ň, o, ó, p, r, ř, s, t, ě, u, ú, ů, v, y, ý, z, ž.

Буквы á, é, í, ó, ú, ů, ý обозначаютъ долгіе гласныя. Буква ů, образовавшаяся изъ uo, обозначаетъ гласный, который звучитъ какъ протяжное u и есть собственно рефлексъ ō; въ современномъ литературномъ языкѣ ů употребляется вм. ó.

Буквы í (i), y (ý) въ современномъ литературномъ языкѣ выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ = русск. и; этимологически y (ý) соотвѣтствуетъ праслав. и русск. ы.

Буква ě обозначаетъ двугласное краткое—ie. Она употребляется только послѣ губныхъ (b, p, m) и губно-зубныхъ (v, f): město, běh, řet, květ. Пишутъ это начертаніе также въ слогахъ ně, dě, tě (dělo, němu), но неправильно вм. ñe, ðe, ðe.

Буква ů въ литературномъ языкѣ употребляется рѣдко, только въ началѣ словъ (údolí); въ срединѣ и концѣ вм. ú слышится долгій двугласный ou (soud, hlavaou).

Буквы ě, ě, ň, ř обозначаютъ мягкія d, t, n, r; ř произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ.

Буквы ě, ž, š соотвѣтствуютъ русскимъ ч, ж, ш.

Буква g употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ — groš и др.; вм. нея обыкновенно h, обозначающее свойственное языку придыхательное g (hlava, poha).

Буква ch соотвѣтствуетъ русск. х (oucha).

Сверхъ указанныхъ знаковъ въ иностранныхъ словахъ употребляются еще q, x, w: напр. Quirinal, Xerxes, Wagner, tramway.

А) Г л а с н ы е.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ чешскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе праславянскихъ глухихъ (полугласныхъ) и переходъ ихъ (ъ, ь) въ ясное e; 2) замѣна праславянскихъ носовыхъ гласныхъ чистыми (старо-слав. ж = u, ů, старо-слав.

л = а, ѓ, е — а, іе, і); 3) разнородныя соотвѣтствія старо-славян. ѣ (ѓ, іе, е, ѓ, і); 4) перегласовка а, а въ ѓ, іе, и, ѓ въ і, і; 5) сгуженіе е въ і; 6) совпаденіе праслав. ы, и въ одномъ звукѣ і; 7) слогообразующіе г, л, ш, п и переходъ г въ ег, а л въ лу; 8) различіе количества гласныхъ, ихъ долготы и краткости.

Исчезновеніе глухихъ гласныхъ и замѣна ихъ ясными е.

Чешскій языкъ не знаетъ глухихъ или полугласныхъ звуковъ, которые свойственны были славянскому праязыку, существовали въ старо-славянскомъ языкѣ и доселѣ составляютъ характерную особенность болгарскаго и словинскаго языковъ¹⁾. Подобно сербскому, русскому, польскому языкамъ, онъ стремится къ отчетливому, ясному и полному выговору гласныхъ.

Вслѣдствіе такого свойства чешскаго языка въ немъ не только не возможенъ присущій болгарскому и словинскому переходъ ясныхъ гласныхъ въ глухіе, но не могли сохраниться и праславянскіе ѣ, ѓ: уже въ незапамятныя времена они или безслѣдно исчезли или перешли въ звонкое е. Безслѣдное исчезновеніе глухихъ наблюдается (какъ и въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлять между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; напр.: mřáz, dřim, kost, tma, služba, spis, msta, lnu, lsti. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для произнесенія согласныхъ необходимъ гласный, вмѣсто праславянскихъ и старо-славянскихъ ѣ, ѓ выступаетъ одинъ и тотъ же звукъ е: sen (сѣнь), dech (дѣхъ), servati (сѣпсати), lež (лѣжь), den (дѣнь), lev (лѣвь), lep (лѣнь), lest (лѣсть)—но spa, tchu, lži, dne, lva, lnu, lsti.

Гласные е изъ ѣ и е изъ ѓ въ настоящее время звучатъ одинаково, но первоначально они были различнаго качества: е изъ ѓ было узкое (ясное), тождественное съ основнымъ е, е изъ ѣ было широкое (темное). Существованіе этого различія подтверждается слѣдующими явленіями: е изъ ѓ вліяетъ на перегласовку (см. ниже) предшествующаго гласнаго (а, и) и на смягченіе предыдущаго г, а е изъ ѣ не имѣетъ такого воздѣйствія на предшествующіе звуки; напр.: jěhnes (старо-слав. ягньць), stařec, časem (но зв. čěse), bratrem.

¹⁾ Ср. Лекція по Славянскому языковеденію. Часть I, стр. 67—71 и 409—411.

Въ краткихъ слогахъ *o* изъ глухихъ бываетъ краткимъ (*o*), въ долгихъ—долгимъ (*ȯ*).

Переходъ *ъ* и *ь* въ *o* наблюдается также въ польскомъ яз., кай-кавшинѣ (западн. нарѣч. сербо-хорв.) и сѣверо-восточныхъ говорахъ словинскаго языка.

Какъ исключенія, въ отдѣльныхъ немногихъ случаяхъ, въ старомъ языкѣ и живыхъ говорахъ, встрѣчаются другія замѣны праславянск. *ъ, ь*: 1) *o* вм. *ъ*: *bleskot*, *chrapot* (старо-чешск. *chrapat*), *večerog*; 2) *i* вм. *ь*: *dibri* (*Mater Verborum*), *Křist* (Далимилъ), *Lihota* (лашск. нар.); 3) *a* вм. *ъ, ь*: *šal*, *snacha*, *častovati* (древн. чешск.; впрочемъ послѣднія два слова заимствованы изъ сербо-хорв. яз.).

Соотвѣтствія старо-славянскимъ *ж, љ*.

Чешскій языкъ не удержалъ, въ противоположность старо-слав. или польскому яз., праславянскихъ носовыхъ гласныхъ. Они исчезли, вѣроятно, въ глубокой древности; въ памятникахъ сохранились лишь немногочисленные слѣды существованія этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: *Zuentopulcus*, *Wenceslaus*, *Kasub.* (ср. выше стр. 37). Въмѣсто носовыхъ возникли чистые гласные, какъ это произошло въ большой части живыхъ славянскихъ языковъ.

Старо-слав. *ж* соотвѣтствуютъ: *u*—въ краткихъ слогахъ и *ú* (*ou*)—въ долгихъ; *u*: *ruka*, *ruku* (вин. п.), *kruh*, *duch*, *hluchy*, *hudba*, *dub*, *holub*, *muka*, *pesu* (1 л. един. ч.); *ú* (*ou*): *rukou* (тв. u.) др. ч. *rukú*, *pesou* (3 л. множ. ч.) др. ч. *nesú*, *mouka* др. ч. *múka*, *hloub*, *housle*, *doubek*, *súdití*—*soudití*, *jsúc*—*jsouc*.— Въ ново-чешскомъ языкѣ *u*, *ú*, находясь въ мягкихъ слогахъ, вслѣдствіе общаго закона перегласовки (см. ниже) перешли въ *i*, *í*; напр. *duši* (вин. п.), *piší* (3 л. мн. ч.).— Замѣна *ж* черезъ *u* наблюдается кромѣ чешскаго: въ словацкомъ, сербо-лужицкомъ, русскомъ и сербо-хорватскомъ яз.

Старо-слав. *љ* соотвѣтствуютъ:

1) въ краткихъ слогахъ—*a*, *ě*, *e*; напр.: *pata*, *patero*, *pět*, *desět* (старо-чеш.)—*deset* (ново-чеш.), *maso*, *jazyk*, *ječmen*, *svatý*, *světiti*, *mě*, *tě*, *se* (старо-чеш. *sě*), *stoje* (старо-чеш. *stojě*); *e* образовалось изъ *ě* черезъ потерю *i*;

2) въ долгихъ слогахъ—*á*, *ie*, *é*, *í*; напр.: *páty*, *řád*, *řiediti*, *táhnú*—*tiehneš*, *vázati*, *vzieti*, *vzėti*, *klėti*, *řiditi*, *vziti*, *kliti*, *píti*—старо-чеш. *pieti*, *více*, *mesíc*, *zajíc*, *tisíc*, *trpíc* (ст.-чеш. *trpiec*), *proší* (3 л. мн. ч.)—

старо-чеш. *trpĕ, vědĭ*—старо-чеш. *vĕdie*; *é* образовалось изъ *ie* черезъ потерю *i*, *i* изъ *ie* черезъ сѣуженіе (см. ниже).

Сверхъ того діалектически *л = ja, 'a, 'o: řibjata* (дулѣбск. нар.), *hřib'ata, zap'ala, gov'a* (злин. нар.), *gov'o* (лашское нар.).

Относительно взаимнаго отношенія различныхъ замѣнъ *л* весьма важно мнѣніе проф. Гебауэра. Основнымъ звукомъ, прежде всего развившимся изъ *л*, онъ считаетъ іотованное *а ('a)*; изъ него образовались всѣ прочія указанныя замѣны носоваго гласнаго: *ě, ie*—возникли изъ *'a* путемъ обычной въ языкѣ перегласовки, *е, ё, і* суть позднѣйшія видоизмѣненія *ě, ie*; діалектическія *ja, 'a*—наиболѣе близки къ первоначальному *'a*¹⁾.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ *вм. л* имѣютъ *е*—болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій, (*ј*) *а*—русскій; (*ј*) *а, (ј) е*—верхне-лужицкій, *ě*—нижне-лужицкій; словацкій языкъ рядомъ съ *ia* (въ долгихъ слогахъ) представляетъ особый звукъ *ā* (=двугласн. *ea*): *piatok, pāta, mā, vāzet*.

Соотвѣтствія старо-славянскому *ѣ*.

Старо-слав. *ѣ* въ чешскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ: въ краткихъ слогахъ—*ě, е*; въ долгихъ—*ie, ё, і*.

Первоначальными соотвѣтствіями нужно считать двугласные *ě, ie*; изъ двугласныхъ послѣ потери *i* образовались *е, ё, і*—есть результатъ сѣуженія *ie, ё*. Гласные *е, ё, і* *вм. древн. ѣ* смягчаютъ предшествующій согласный.

Первичныя *ě, ie* въ современномъ литературномъ языкѣ сохранились въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Двугласное *ě* слышно только послѣ *b, p, m, v*: *bĕhati, pĕves, zpĕv, smĕti, mĕsto, vĕdĕti, vĕriti, kvĕt*. Пишутъ *ě* также въ слогахъ *nĕ, dĕ, tĕ*, наур.: *nĕmy, dĕlo, tĕlo*; но здѣсь *ѣ* звучитъ уже не какъ двугласный, а какъ *е* (*nĕmy, dĕlo, tĕlo*).

Долгое *ie*, весьма употребительное въ древнемъ языкѣ, теперь сохранилось только въ одномъ словѣ—въ *вин. п. viegu* (въ выраженіи „*na mou viegu*“).

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ, однако, не согласенъ проф. Ягичъ. Онъ полагаетъ, что обѣ чешскія замѣны *л—ia* и *ie* одинаково развились изъ мягкаго *л* т. е. изъ *е*, звучавшаго съ окраской *а*. Arch. f. Slav. Phil., XVI, 510.

Гораздо чаще вм. древн. ѣ слышно е: hřešiti, cediti, celý, cesta, ořech, řepa, řešiti, seno, sled, šedy, beseda, rose, ruce, mouše (мѣств. п.).

Гласн. ё, разившійся изъ двугласнаго ie, какъ замѣна древн. ѣ удержался въ современномъ языкѣ только въ коренномъ созвучиіи lé: chléb, chlév, mléko, paléhati, ohlédati, létati и др.

Обыкновенно вмѣсто ie, ё слышится і: bílý др. ч. biely, vítr др. ч. vietg, zívati др. ч. zievati, smích др. ч. smiech, císař др. ч. ciesař (цѣсарь), díl др. ч. diel, dílo др. ч. dielo, dítě др. ч. dietě, hnízdo др. ч. hniezdo, hřích др. ч. hriech, síň др. ч. sieň, síť др. ч. sieť, sníh др. ч. snieh, víko др. ч. vieko, jísti, jím др. ч. jiesti, jiem.

Такимъ образомъ въ новомъ литературномъ языкѣ вм. старослав. ѣ наиболѣе обычны ё, е въ краткихъ слогахъ и і—въ долгихъ.

Иногда различіе въ количествѣ гласнаго, замѣняющаго древнее ѣ, служитъ для дифференціаціи значенія слова; напр. město (городъ), místo (мѣсто) dělo (пушка), dílo (дѣло).

Какъ уклоненіе объ общаго закона вм. ѣ выступаетъ á въ zřáti, zřály (зрѣти) и í (уже въ древне-чешск.) въ síra (сѣра).

Всѣ указанные рефлексы древн. ѣ выступаютъ какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ въ суффиксахъ основъ и надежныхъ окончаніяхъ; напр.: 1) směti, др. ч. směju, н. чеш. smím, smích др. ч. smiech, pěti, seji др. ч. sěju, běh, běžeti др. ч. běžeti, sbíratí др. ч. sbierati. Ср. также примѣры выше; 2) člověk, bohatější (сравн. степ.), uměti, trpěti, věděti, sedněme и др.; 3) městě, městich др. ч. městiech, rybě (дат. мѣс. п.), tím др. ч. tiem, těmi.

Перегиасовка а въ ё (е) и á въ ie (é, í).

Одной изъ самыхъ важныхъ, наиболѣе характерныхъ особенностей чешскаго вокализма нужно считать т. н. *перегиасовку* а въ е. Въ извѣстныхъ случаяхъ краткое а (точнѣе 'а) переходитъ въ ё, которое часто звучитъ какъ простое е; напр. zem'a—země, duš'a—duše—duše, slyš'al—slyšeli; долгое á (точнѣе 'á) переходитъ въ ie, которое вслѣдствіе дальнѣйшихъ измѣненій преобразуется въ é и (черезъ сзуженіе) í; наприм.: bož'á—božie—boží, slyš'án—slyšieni, táhnu—tíehněš.

Такая перегиасовка происходитъ *только послѣ мяккихъ согласныхъ*; напр.: moř'a—moře (р. п.), neděl'a—neděle, ulica—ulice, naša—naše, kúp'a—koupě, vól'a—vůle, náděja—nádějě. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

въ настоящее время передъ ѣ, іе (изъ перегласов. а, á) нѣтъ мягкаго согласнаго, нужно допустить, что эта мягкость прежде была, но съ теченіемъ времени исчезла; напр.: Mogačan—прежде Mogačan, Mogačéné, tiehnés—táhnú, прежде táhnú.

Перегласовка возможна какъ въ концѣ слова, такъ внутри его. Въ первомъ случаѣ она обуславливается исключительно мягкостью предшествующаго согласнаго и потому называется поступательной перегласовкой (přehlasování postupné): země, duše, božie, boží. Во второмъ случаѣ перегласовка зависитъ также и отъ свойства послѣдующихъ звуковъ: внутри слова а, á перегласовываются лишь тогда, когда за ними слѣдуетъ мягкій согласный или слогъ съ узкимъ гласнымъ (ѣ, іе, і, е, ь или замѣняющее его е); иначе они остаются безъ измѣненія; напр.: čas—v česě, čese (зват. п.), obyčaj—obyčěj, Jan—Jěne, zeman (др. zeřman)—zeměné, řád—řiediti, šťastny—šťěstí, třasu—třeseš. Эту перегласовку называютъ *обратной* (přehlasování zpátečné).

Послѣдній терминъ примѣняется также еще къ одному явленію, которое имѣетъ лишь нѣкоторое сходство съ только что изложеннымъ. Это—перегласовка ај въ еј послѣ твердыхъ согласныхъ: daj—dej, vejce др. ч. vajce, volajte—volejte, najlépe—nejlépe, zajtra—zejtra. Здѣсь ај переходитъ прямо въ еј а не въ ѣј. Это звуковое явленіе развилось въ языкѣ довольно поздно, не ранѣе XV—XVI ст.; оно объясняется простымъ механическимъ уподобленіемъ звуковъ.

Перегласовкѣ подвергается всякое а: 1) вполне соответствующее праславянск. а, 2) образовавшееся путемъ стяженія и 3) возникшее вм. древн. ѡ; напр.: 1) čas, čese, česi, duše, ogače (под. п.); 2) slušiete изъ slušate (слушаете); 3) páty—pět, řád—řiediti—řiditi, svátý—světí. Такую классификацію явленій перегласовки а—ѣ, установленную во всѣхъ подробностяхъ въ монументальномъ трудѣ проф. Гебауэра—Historická mluvnice (D. I, 92—122) нельзя считать окончательной. Существуетъ въ наукѣ другое авторитетное мнѣніе (проф. Ягича Archiv f. Slav. Phil., XVI, 510), по которому чередованія а—ѣ, возникшихъ изъ праславян. ѡ (třasu—třeseš, svátý—světější), представляютъ собой явленія особаго порядка, которыя не могутъ быть приравняемы къ явленіямъ перегласовки праславян. а (duša—duše): основнымъ звукомъ для этихъ а (á)—ѣ, развившимся непосредственно изъ ѡ, признается ^іá, болѣе близкое къ е чѣмъ къ а, откуда дѣлается выводъ, что въ такихъ словахъ какъ třasu—třeseš не а перегласовалось въ е,

а наоборотъ е въ а подъ вліяніемъ отвердѣнія слѣдующаго слога. Дѣйствительно трудно объяснить перегласовкой а—ё присутствіе ё въ такихъ словахъ какъ *gámě, mládě, trpě* (прич.) *mě, tě, sě* (Ср. выше стр. 60—61).

Законъ перегласовки а (á)—ё (ie) въ современномъ литературномъ языкѣ выдержанъ довольно послѣдовательно. Но встрѣчаются и нѣкоторыя отступленія отъ него. Иногда перегласовка выступаетъ тамъ, гдѣ для нея нѣтъ мѣста и наоборотъ отсутствуетъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ее ожидать; напр.: *běžel — běželi* вм. древн. *běžal — běželi*, *slyšel — slyšeli* вм. древн. *slyšal — slyšeli* или *ročal — ročali* вм. древн. *ročal — ročeli*, *přátelē — přátel* вм. древн. *přiatele — přátel*. Подобныя отступленія отъ основнаго закона объясняются вліяніемъ аналогіи; т. е. *bežel* обрзовалось подъ вліяніемъ *beželi*, а *ročali* подъ вліяніемъ *ročal* и т. д.

Перегласовка а—ё возникла въ историческое время. По разысканіямъ проф. Гебауэра происхожденіе ея падаетъ на вторую половину XII ст. Дошедшія отъ XII ст. отдѣльныя чешскія слова большею частью представляютъ неперегласованное а. Древнѣйшіе памятники XIII ст. свидѣтельствуютъ о значительномъ распространеніи въ языкѣ явленій перегласовки, а съ конца XIII ст. эти явленія получаютъ значеніе послѣдовательно проведеннаго закона (ср. выше стр. 37 и 42).

Такъ какъ чешская перегласовка а—ё въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близко стоитъ къ верхне-нѣмецкой перегласовкѣ (Umlaut) а—е (*chraft* мн. ч. *chrefti*), то возможно предположеніе, что данная чешская особенность возникла и развилась подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка. Впрочемъ и на славянской почвѣ, именно въ области болгарскаго языка встрѣчаются примѣры перехода а въ е, аналогичные чешской перегласовкѣ: *буре, дыне, душе, чепа* и пр. (Ср. наши Лекціи по славянск. язык., I, 80).

Въ народныхъ говорахъ перегласовка а—ё во всей полнотѣ представлена только въ Чехіи. Въ Моравіи и Силезіи этотъ звуковой законъ не получилъ такого широкаго развитія и примѣненія. Въ западныхъ моравскихъ говорахъ мѣстами довольно часты еще явленія перегласовки, особенно въ срединѣ словъ; въ восточныхъ же говорахъ (напр. лашское, дольское, валашское нар.) а обыкновенно остается неперегласованнымъ или вообще беретъ перевѣсъ надъ ё (*duša, muža, lavica, moga*).

О переходѣ ё (изъ перегласованнаго а) въ е и о превращеніи ie (изъ перегласованнаго á) въ é, í будетъ сказано ниже.

Пере­гласовка *u, ú (iu, iú)* въ *i, í*.

Когда въ чешскомъ литературномъ языкѣ гласные *u, ú* слѣдуютъ за мягкими согласными, то теряютъ свое основное значеніе и звучатъ какъ *i, í*, напр. вм. *dušu* (вин. п.)—*duši*, вм. *dušú* (твор. п.) *duší*, вм. *lud*—*lid*, вм. *dělajú*—*dělají* (3 л. мн. ч.), вм. *tešu* (1 л. ед. ч.)—*teši*. Этому звуковому явленію, какъ и разсмотрѣнному выше переходу *a—ě*, усвоено названіе пере­гласовки. Въ сущности здѣсь имѣетъ мѣсто не простой переходъ *u* въ *i*, который трудно было бы объяснить, а иной болѣе сложный процессъ. Въ мягкихъ слогахъ, представляющихъ данную пере­гласовку, въ древнюю пору долженъ былъ находиться не *u*, а двугласный *iu*, который въ памятникахъ нерѣдко и отмѣчается точно (*brzyuch*, *v mozgu* Вит. пс., *liubost*, *prossyu*, *na krsiziu* Клем. пс., *ogaczyu*, *lyud*, *szuzyu* (*cizí*) Далим. хр. и др.). Съ теченіемъ времени (не ранѣе нач. XIV ст.) первый элементъ двугласнаго (*i*) сталъ брать перевѣсъ надъ вторымъ (*u*) и наконецъ совсѣмъ замѣнилъ двугласный. Такъ было въ западныхъ нарѣчіяхъ (въ Чехіи). Въ восточныхъ нарѣчіяхъ (въ Моравіи) былъ другой порядокъ: первый элементъ двугласнаго (*i*) постепенно терялъ звучность и наконецъ слился съ *u*: *dušu*, *těšú*¹⁾.

Пере­гласовка *u (iu)* въ *i* въ краткихъ слогахъ и *ú (iú)* въ *í* въ долгихъ наблюдается какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ въ словообразующихъ суффиксахъ и окончаніяхъ словъ. Примѣры: 1) *břicho* (др. ч. *brzyucho*), *cititi*, *cizi* (*szuzeho* Град. сб.), *Jidaš* (др. ч. *Giudaš* Град. сб.), *jih* (*iuh* Mat. Verb.), *Jiří* (др. ч. *Jurzi*), *jitro* (др. ч. *jutro*), *jíž* (*gyuz* Град. сб.), *klič* (др. ч. *kluč*), *lítost* (*lutost* Вит. пс.); 2) *Ježiš* (др. ч. *Ježuš*), *mojíc*, *pišíc*, *tisíc*; 3) *ogačí*, *moří* (дат. п.), *zemi* (вин. п.), *zemi* (тв. п.), *kostí* (тв. п.), *ji* (вин. п.), *ji* (тв. п.), *uměji* (1 л. ед. ч.), *kuřuji* (3 л. мн. ч.).

Возникновеніе пере­гласовки *u (iu)—i*, сколько можно судить по памятникамъ, относится къ перв. четв. XIV в. Въ текстахъ XIII ст.

¹⁾ Проф. Гебауэръ (*Histor mluvn.*, I, 270) различіе между восточными и западными нарѣчіями относительно данной звуковой черты объясняетъ нѣсколько инымъ образомъ. По его мнѣнію древнимъ (пра-чешскимъ) нужно считать *u (duš)*, которое и удержалось въ восточныхъ нарѣчіяхъ, а въ западныхъ нарѣчіяхъ съ XIV в. изъ сосѣднихъ мягкихъ согласныхъ стала проникать йотація въ *u*; такъ получился двугласный *iu*, изъ котораго указаннымъ путемъ образовалось *i*. Это мнѣніе весьма убѣдительно опровергаетъ акад. Ягичъ *Arch. f. slav. Phil.*, XVI, 513 и 514.

вездѣ еще сохраняется и (ср. выше стр. 42). Въ половинѣ XIV ст. переходъ и (iu)—і въ мягкихъ слогахъ становится общимъ закономъ. Съ XV в. проникаютъ въ письменный языкъ изъ народныхъ говоровъ нѣкоторыя отступленія отъ этого закона, отчасти удержавшіяся и доселѣ, напр. и часто сохраняется (особенно послѣ губныхъ и l) въ 1 л. един. ч. и 3 л. множ. ч. наст. вр.: hrabu, kašlu, dřímu (1 л.), stelou (3 л.); также и внутри словъ: prascíj, šuměti, všudy, čuditi, juz и již и др.

Кромѣ литературнаго языка перегласовка и—і болѣе или менѣе послѣдовательно выдерживается въ народныхъ говорахъ Чехии. Въ Силезіи это звуковое явленіе почти не извѣстно. Въ Моравіи оно распространено въ очень слабой степени; въ однихъ говорахъ, напр. га-нацкихъ, и обыкновенно не перегласовывается и лишь изрѣдка въ срединѣ словъ вмѣсто этого звука выступаетъ і; въ другихъ, напр. зливскомъ наблюдается то и, то і, но и все-таки преобладаетъ (напр. lid, cizi, libit sa и břuch, čuch, juh, kožuch).

Аналогію чешской перегласовкѣ представляютъ старо-славянскія: лѣбо и любо, плнѣти и плюѣти, и болгарскія: клѣч — ключ, слѣна — слюна, лѣби — люби (ср. наши Лекціи, I, 83).

Съуженіе é, ie въ í.

Долгія é, ie въ современномъ языкѣ во многихъ случаяхъ переходятъ въ í; напр. řecí—řící, víega—víga, kamének—kamínek. Этотъ переходъ обыкновенно называется *суженіемъ*, такъ какъ í въ фізіологическомъ отношеніи уже замѣняемыхъ имъ é, ie.

Причина суженія—долгота слоговъ. Краткія e, ě никогда не переходятъ въ í; напр. řekl, věriti. Въ современномъ литературномъ языкѣ é переходятъ въ í *только послѣ мягкихъ согласныхъ*; říci, hnísti, vajáčko, řítko. Только слогъ lé сохраняетъ несуженное é въ коренныхъ слогахъ (напр. mléko, naléhati, chléb) и въ окончаніи имен. п. множ. ч., напр. kazatelé; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ въ народномъ выговорѣ это é сократилось: prátele. Послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно удерживается é: stěblo, okénko, dělka, kamének, dobrého. Иногда допускаются двоякія формы—суженныя и несуженныя (но только въ корняхъ и основахъ, а не въ окончаніяхъ) и въ такомъ случаѣ вм. í пишутъ ý: stěblo—stýblo, okýnko, kostélek—ko-

stýlek. Въ народныхъ говорахъ Чехии сьуженіе *é* — *í* проведено послѣдовательно не только въ мягкихъ, но и въ твердыхъ слогахъ; напр. *malí, vokýnko, dobrýho*. Въ моравскихъ нарѣчіяхъ эта послѣдовательность нарушается чаще и въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ *é* или рѣдко переходитъ въ *í* (дольское, ляшское нар.) или совсѣмъ не подвергается сьуженію (валашское нар.).

Двугласный долгій *ie* совсѣмъ не существуетъ въ современномъ литературномъ языкѣ. Онъ либо ослабился въ *é*, которое, какъ указано, только отчасти удержалось въ языкѣ (*mléko* изъ *mlieko*), либо подобно послѣднему сьуживается въ *í*. Такому сьуженію подвергается всякое *ie*, каковаго бы происхожденія оно ни было (изъ пра-славян. ѣ, а, ѡ), внутри словъ и въ окончаніяхъ: *hřiech—hřích* (старо-сл. грѣхъ), *dušiem—duším* (старо-сл. дупамъ), *knieže—kníže* (старо-сл. княже), *viera—víra, míra—míra, biely—bíly, císař—císař, zajies—zajíc, božie znamenie—boží znamení*. Въ народной рѣчи въ Чехии *ie* сохранилось только въ выраженіи: *na mou víeru*; въ моравскихъ говорахъ оно тоже встрѣчается лишь спорадически и въ отдѣльныхъ словахъ (*kvietko, vietr, piekdo, vieko, viem* и др.), только въ восточныхъ частяхъ Морави и въ Силези сьуженіе *ie* въ *í* менѣе обычно.

Явленія сьуженія *é, ie* въ *í* можно прослѣдить по памятникамъ уже съ нач. XIV ст.; напр.: *hrsicha mého, všeccko symie, posmiwali su sie* (Клемент. пс.), *w dwoyduchim, nawrat sliby twy, wzpowidayu* (Виттенб. пс.). Но въ XIV и XV ст. этихъ примѣровъ немного. Законъ сьуженія входитъ въ полную силу только съ XVI ст.

А, á.

Гласный *a* можетъ быть краткимъ и долгимъ — *a* и *á*: *svaty—svátost, žena—ženám*.

Чешское *a* соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. *a—žena, ženám*; 2) пра-слав. и старо-слав. *ѡ—ráty* (см. выше стр. 60).

Сверхъ того въ историческую пору на чешской почвѣ, особенно въ нѣкоторыхъ діалектахъ, *a* возникло и изъ другихъ гласныхъ; напр. *hořal* (горѣлъ), *šal* (др. ч. вм. *šel*), *žalud* (др. ч. *želud*), діал. *jahla* (*jehla*), діал. *jazero* (вм. *jezero*).

Гласный *a* (*á*) переходитъ въ *ě, á* (*á*)—въ *ie* (*i*): *duša—dušě—duše, božá—božie—boží*. (Перегласовка. См. выше стр. 62).

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ въ древнемъ языкѣ и живыхъ говорахъ (въ Чехіи и Моравіи) выступаетъ е вм. а и помимо перегласовки; именно: *nem, vem* (др. ч.) *vm. nam, vam; bergan, bezmale, telit, jesan, selat.*

Долгое *á* въ ляхскомъ нар. переходитъ въ *o, u*: *brona, krova, hlod, zokop, božo muka, vřina, sum, bagun.* Иногда и краткое *a* тоже переходитъ въ *o*: *romat, romatka.*

Е, é.

Гласный *e* можетъ быть долгимъ и краткимъ, *e* и *é*: *nebe, vévoda.*

Чешское *e* во 1) представляетъ пра-славянское *e* (*berete, reku, žena*), во 2) соотвѣтствуетъ пра-славянскимъ и старо-славянскимъ *ъ, ъ* (*sen, bratrem, den, řeň. См. 59 стр.*).

Сверхъ того въ историческую пору на чешской почвѣ *e, é* возникаютъ изъ дугласныхъ *ě, ie*: *rose, duše, hřiech — hřech* (ср. слѣдующій параграфъ *ě—ie*).

Долгое *é* суживается въ *i*: *řeško — řirko, řeci — řici* (ср. выше служение *é, ie* въ *i* стр. 66).

Гласный *e* (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) можетъ быть подвижнымъ звукомъ, причемъ онъ то замѣняетъ древн. *ъ, ъ*, то является евфоническимъ (вставочнымъ) звукомъ: *den—dne, pátek—patku, mozek — mozku, bázeň — bazně, služba — služeb, tma — temny, basen, orel, kures, švec, stařec, sosen, vesel, sebrati, sberu, ze lnu.*

Въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ *e* чередуется съ *a*: *želud—žalud, želudek—žaludek, pšeno—pšano, čelo—čalo, jeleň—jaleň, lehky—lahky.*

Въ сѣверо-опавскомъ говорѣ *vm. e* часто *o*: *žona, šost, čolo, věšnor, jolen, lon.* Въ моравскихъ нарѣчіяхъ различаютъ *e* четырехъ значеній: 1) *e*—чешск. и старо-слав. *e*; 2) ганацкое *e* *vm. i* произносимое при болѣе широкомъ растворѣ рта: *ževot*; 3) ганацкое *e* *vm. y*, произносимое съ наклоненіемъ къ *o*: *rebe (ryby)* и 4) *e* похожее на *á*: *čalo* (ляшское нар.).

Ě, ie.

Отъ *e, é* нужно отличать дугласные *ě (ie)* въ краткихъ слогахъ и *ie*—въ долгихъ: *věřiti (věřiti), věru (na mou věru!)*.

Относительно звуковаго значенія ѣ, ie между чешскими филологами существуютъ два мнѣнія. Одни (между прочимъ проф. Гаттала) видятъ въ нихъ iотованное е, т. е. полагаютъ, что ѣ=je, ie=jé; другіе (проф. Гебауэръ) доказываютъ, что данные звуки по природѣ своей двугласные. Последнее мнѣніе нужно считать наиболѣе обоснованнымъ (ср. *Hist. Mluvn.*, I, 188—189).

Въ современномъ литературномъ языкѣ краткое ѣ удержалось только послѣ ш, b, p, v, f (měna, běh, pětí, věřiti, ofěga), долгое ie сохранилось лишь въ одномъ словѣ věru.

Обыкновенно (кромѣ указанныхъ случаевъ) ѣ и ie, утративъ первый гласный элементъ, ослабляются въ простые е, é, при чемъ é или даже непосредственно ie суживаются въ í: напр. старо-чеш. řěč—ново-чеш.—řeč, древн. ciesař (cziesarz, czijesarz), а потомъ cesař, czesarz) въ ново-чешск. císař (ср. выше о суженіи é, ie въ í стр. 66). Первые случаи ослабленія ѣ, ie въ е, é наблюдаются уже въ памятникахъ конца XIII ст., а въ полов. XIV ст. они становятся весьма обычнымъ явленіемъ; напр.: sedis, rzechs, vědiel (Клемент. пс.). (Ср. Gebauer, *Hist. Mluvn.*, I, 197—204).

Въ этимологическомъ отношеніи ѣ, ie соотвѣтствуютъ: 1) старо-слав. ѣ: měna, věra—vira, zimě, věděti (ср. выше стр. 61—62); 2) старо-слав. ѣ: mě, tě, trě (ср. выше стр. 60). Сверхъ того очень часто ѣ, ie развились въ историческое время изъ а, á (перегласовка): duše изъ dušě, boží изъ božie = božia (ср. выше стр. 61—63, тамъ же о мнѣніи Гебауэра относительно ѣ, ie = ѣ).

О, ó, uo, ů.

Гласный о можетъ быть краткимъ и долгимъ.

Краткое о звучитъ какъ обыкновенное о въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ: oko, kdo, orel, ořati.

Долгое ó въ разные періоды исторической жизни языка произносилось различно и въ настоящее время въ живыхъ нарѣчіяхъ представляетъ своеобразные отгнѣки выговора. Главнѣйшіе изъ этихъ отгнѣнковъ въ графикѣ обозначаются начертаніями ó, uo, ů.

Въ современномъ литературномъ языкѣ (а также въ народныхъ говорахъ Чехіи) долгое о звучитъ какъ протяжное ů, обозначаемое черезъ ů: Bůh, kůň, dům, vůdce, chlapův (род. п. множ. ч.), chlapům

(дат. п. множ. ч.), *gŭsti, sŭl*. Въ старыхъ памятникахъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно пишется *u, ŭ* (*zustane, zakonum*). Знакъ *ŭ* входитъ въ употребленіе только въ XV ст.

Начертаніе *ŭ* указываетъ на происхожденіе обозначаемого имъ звука изъ *uo*. Свидѣтельства о такомъ (двугласномъ) выговорѣ долгаго *o* начинаются съ XIV ст.: *wduowi* (Клем. пс.), *buoh, swuoi, duom* (Пасс.), *wuole* (Виттенб. пс.).

Наконецъ *uo* восходитъ къ болѣе древнему протяжному *ó* (въ рукописяхъ *o, oo, ó*), которое въ памятникахъ XIII ст. употребляется исключительно, а въ рукописяхъ XIV ст. преобладаетъ надъ *uo, ŭ*: *konom, boh, poslów*.

На основаніи данныхъ, собранныхъ проф. Гебауэромъ (*Histor. mluv., I, 243—244*) можно сдѣлать слѣдующее заключеніе о перемѣнахъ въ выговорѣ долгаго *o* въ литературномъ языкѣ: *ó* держалось до XV ст.; но рядомъ съ нимъ уже въ пол. XIV ст. развилось *uo*, а изъ послѣдняго около того же времени *ŭ*, при чемъ *uo* преобладало въ XV ст., а *ŭ* въ XVI ст.; процессъ перехода *ó—uo—ŭ* совершился въ теченіе XIV—XVI ст.

Древнія *ó* и *uo* до сихъ поръ сохранились въ восточныхъ нарѣчійхъ, въ Моравіи и Силезіи; напр.: *mój, tvój, dvór, kozle, rokoj, kroj*; особенно часты дательные пл. множ. ч., съ краткимъ *o*: *chlárom, požom, polom; puož, kuoi, stuol, miuj*. Въ сѣверно-опавскомъ гов. *uo* замѣняетъ всякое *o*, долгое и краткое, вслѣдствіе утраты въ этомъ нарѣчій различія количества гласныхъ. Равнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ (ляшское и валацкое нар.) *ŭ*, слышное также и въ Моравіи, сокращается въ *u*: *bul* (род. п. *boli*), *ruh* (род. п. *roha*).

Иногда въ говорахъ (особ. моравскихъ) вм. *ó* слышно *ou*: *příkoцрек, vouz, гоуѣа, hrouza*.

Переходъ *ó—uo* называютъ расширеніемъ, а измѣненіе *uo* въ *ŭ—стяженіемъ*. Аналогичныя явленія представляютъ и нѣкоторые другіе славянскіе языки—малорусскій, польскій, сербо-лужицкій, словинскій; напр. *куонь, кунь* (сѣв.-малорусск.), *bóg* (польск., въ древн. памятн. *buog*) род. п. *boга, bóh* (верх.-лужиц.—произносится *buoh*), *bug, buh* (хорут.-крайн., гориц. гов.), *buog* (венец. г.). Поэтому едва ли слѣдуетъ объяснять чешскій переходъ *ó—uo—ŭ* влияніемъ древне-нѣмецкаго языка, въ которомъ наблюдается тотъ же самый звуковой законъ (*tôn—tuon—thun*). Ср. Gebauer, *Histor. mluvnice, I, 246—247*.

Кромѣ общеславянскаго значенія (Boha, ženo) о иногда соотвѣтствуетъ старо-слав. ъ: *gachot, chrapot, bleskot, večeros* (древн. чеш.).

Свойственная всѣмъ славянскимъ языкамъ перегласовка о въ е послѣ мягкихъ согласныхъ, въ чешскомъ выдержана довольно послѣдовательно, напр. *líce, duše, jěho*; но въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются отступленія отъ этого закона; именно: 1) въ литературномъ языкѣ: а) въ падежныхъ окончаніяхъ дат., мѣст. пп.—*ogačoví*, им. п. мн. ч. *ogačove*, род. п. мн. ч. *ogačův* (др. ч. *ogačov*), дат. п. мн. ч. *ogačům* (др. ч. *ogačom*); въ древн. яз. также дат. им. п. дв. ч. *ogačoma, mořoma*; б) въ производственномъ слогѣ *ov*: *otcův, otcova, bíčovati*; 2) въ народныхъ говорахъ (преимущественно моравскихъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ падежныхъ окончаніяхъ кромѣ вышеуказанныхъ: *dušo, káčo, mořo, líco, polo, našo, čoho, čomu, v čom, ve všom*.

Независимо отъ перегласовки, имѣющей мѣсто послѣ мягкихъ согласныхъ иногда о чередуется съ е послѣ твердыхъ согласныхъ: 1) *tebou, sebou* (др. ч. *tobú, sobú*), диалект. дат. п. *těbě, sebě* (дульбск., морав. гов.) вм. обще-чешск. *tobě, sobě*; 2) въ мѣстоименіяхъ *кто* (ново-чешск. *kdo*), *что* (ново-чешск. *co*), *kte, čse*—ново-чешск. *se*; 3) въ нарѣчійхъ на —*то* и *ко* (въ старомъ яз.): *kamo—kame, tamo—tame, tako—take*; въ новомъ языкѣ обыкновенно исчезаетъ о—е: *kam, tam, jak* и т. д.

Въ выраженіяхъ, образованныхъ съ помощью предлоговъ *k, v, z, s*, гласный о слова, слѣдующаго за предлогомъ, удлинялся въ *ó*, которое въ свою очередь переходило въ *uo—ů*; напр. *k-oku, k-óku, k-оку, k-ůku, z-ohně—z-óhne, z-uohne, z-ůhne* и т. д. Съ теченіемъ времени въ яз. опять начало восстанавливаться первоначальное о. Въ современной чештинѣ слѣды этого древняго явленія сохранились лишь въ нарѣчійхъ: *vůbes* (др. ч. *v-obes, vuobes*), *vůci* (др. ч. *v-óci, v-uoci*).

Въ иностранныхъ словахъ, издавна вошедшихъ въ чешскій яз., о, ó замѣнились черезъ *u, ú* (*ou*): *Jakub, (Jacobus), Mikulaš, Šalomoun, Koguna, biskup, trumpeta, citroun*.

И, í, у, ý.

Въ современномъ литературномъ языкѣ *í* и *ý* обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ, который произносится какъ обыкновенное русское И. Такимъ образомъ пра-славянскія *И, Ы* въ чешскомъ яз. не различа-

ются, звучать совершенно одинаково; напр. *byly* (были) и *bili* (били); *ryba*, *byt*, *mysl*, *syn* произносятся *риба*, *бит*, *мисль*, *син*. Въ современной графикѣ начертаніе *у* удержалось лишь по традиціи, употребленіе его обусловливается требованіями этимологіи; оно выступает тамъ, гдѣ въ старо-слав. яз. было *ы*; напр. *býk*, *obučej*, *býti*, *vysoký*, *my*, *myš*, *myto*, *jazyk*, *sýr*, *kosy*, *sokoly* (вин. п.).

Въ старомъ языкѣ *у* произносилось иначе, чѣмъ *і*, вѣроятно такъ, какъ современное русское и польское *ы*. На это указываютъ слѣдующія данныя: 1) въ чешско-латинскихъ грамотахъ старо-слав. *ы* передается черезъ *ci* (*Buitsow*, *Buitic*, *Buistrice* ср. выше стр. 37); 2) хотя въ большинствѣ чешскихъ памятниковъ употребленіе *і*, *у* весьма запутанное, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. въ Индрихо-Градецкой грам. 1388), *і* послѣдовательно соотвѣтствуетъ старо-сл. *ы*; 3) Гусъ (XV ст.) категорически свидѣтельствуетъ о существованіи зв. *у*, отличнаго отъ *і*, при чемъ правильно описываетъ его природу и настаиваетъ на болѣе точномъ и послѣдовательномъ обозначеніи его въ письменности; 4) въ теченіе XVI ст., съ улучшеніемъ правописанія, *і*, *у* употребляются правильно, гдѣ имъ слѣдуетъ быть по требованіямъ этимологіи. Исчезновеніе звука *у* и переходъ его въ *і* совершился вѣроятно въ XVII—XVIII ст. Нѣкоторые слѣды древн. *ы* удержались въ говорахъ Моравіи и Силезіи; въ дольно-бечевскомъ говорѣ *у* звучитъ нѣсколько шире, чѣмъ *і*, въ староицкомъ и граничкомъ—какъ польское *у*.

Гласный *і* (*у*) можетъ быть краткимъ и долгимъ: *zima*, *positi*, *pismo*, *sila*, *bystry*, *myš*, *mýti*. Въ народной рѣчи *і*, *і* нерѣдко смѣшиваются.

Кромѣ общеславянскаго значенія (*viděti*) гл. *і* (*і*) 1) иногда замѣняетъ пра-слав. *ь*: *Stíbečna*, *Lystimir*, *dibri*, *krzysta* (въ древн. памятникахъ), *Lihota* (лашск. нар.); 2) возникло (черезъ перегласовку) изъ болѣе древнихъ *ц*, *иц*, *ú*, *iú*: *ogači* (*ogačiu*), *duši* (*dušu*), *duši* (*dušiu*). Ср. выше стр. 65); 3) является результатомъ сжуженія *é*, *ie*: *plamének*—*plamínek*, *hřích* (*hřiech*). Ср. выше стр. 66.

Въ народныхъ говорахъ долгія *ý*, *і* (послѣ *с*, *z*, *s*, *č*, *ž*, *š*) звучатъ какъ *ej*: *dobrý*—*dobrej*, *pýcha*—*pejcha*, *mlýn*—*mlejn*, *zima*—*zejma*, *vozik*—*vozejk*, *lesík*—*lesejk*, *duši*—*dušej* (тв. п.), *kůzi*—*kůzej*, *ubozí*—*ubozej* (им. п. мн. ч.). Переходъ *ý* (*і*) въ *ej* весьма распространенъ въ нарѣчіяхъ чешскихъ и западно-моравскихъ; въ восточной Моравіи и

Силеаи большею частью удерживается *ú* или является другой гласный (напр. *o*), а *ej* встрѣчается лишь изрѣдка. Въ современномъ литературномъ языкѣ совсѣмъ не допускается выговоръ *ú* какъ *ej* за исключеніемъ немногихъ собственныхъ именъ, напр. *Stejskal*.—Примѣры перехода *u* въ *ej* оказываются уже въ памятникахъ кон. XIV ст. (ср. выше стр. 43). Но въ томъ же XIV ст. в. *ej* весьма часто *aj*: *duše wajducz z těla* (Св. Витск. сб.), *baudy, swatay Jakub, slaychatf* и др. До конца XVI ст. *ú*, *aj*, *ej* въ равной степени употребительны въ памятникахъ. Взаимныя отношенія этихъ звуковъ, по мнѣнію проф. Гебауэра (*Hist. Mluvn.*, I, 281), нужно представлять слѣдующимъ образомъ: *ú* расширилось въ *aj*, а изъ *aj* черезъ перегласовку (см. выше стр. 63) образовалось *ej*. Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ существуетъ другое (акад. Ягича, *Arch. f. Slav. Phil.*, XVI, 517—518), по которому древнимъ признается *ej*, а *aj* считается позднѣйшею замѣной *ej*, явившейся въ ту пору, когда въ графичѣ вошло въ обычай писать *aj* вм. *ej*. Послѣдній взглядъ, кажется, надо признать болѣе правильнымъ, такъ какъ 1) *aj* не сохранилось въ живыхъ говорахъ, даже въ тѣхъ, которые не знаютъ перегласовки а въ *o*, а потому и не можетъ быть признано болѣе древнимъ, чѣмъ *ej*; 2) происхождение *ej*—изъ *ú* болѣе понятно чѣмъ *aj*: *ú* отчасти представляетъ удлиненіе пра-славян. *ъ*, а послѣднему въ чешскомъ обыкновенно соотвѣтствуетъ *o*.

Въ моравскихъ говорахъ наблюдаются и другія замѣны первоначальныхъ *u*, *i*. Такъ въ ганацкомъ и дольво-бечевскомъ и др. в. *u*, *i*—слышится обыкновенно *o*: *rebe* (рыбы), *sen*, *bel*, *bék*, *mesl*, *žene* (вин. п. множ. ч.), *me*, *ve*, *žeto*, *šeroke*, *sléva*, *křéž*. Изрѣдка *o* в. *u* и въ чешскихъ говорахъ: *meslím*, *belo*, *ve*, *kobela* (Керконоши, Домажлицы). Въ яшскомъ нар. в. *u*—слышно *u*: *bul* (жен. р. *byla*), *krul* (жен. р. *kryla*), *včul*, *džura* (*dira*) и др.

U, ú, ou (au).

Гласный *u* можетъ быть краткимъ и долгимъ—*u*, *ú* (*ou*): *dub*, *dubu*, *úřad*, *rukú*—*rukou*, *súd*—*soud*.

Въ современномъ литературномъ языкѣ и народной чештинѣ долгое *ú* звучитъ какъ двугласное *ou*: *soud*, *nesou*, *pouze*, *rukou*. Въ литературномъ яз. *ú* удержалось только въ началѣ словъ; напр.: *údolí*, *úřad*, *účinek*, *únor* (февраль), *ústa*, *úzku* и т. п.; но въ народной чештинѣ всюду—въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ—только *ou*: *oudolí*,

ouřad, ousta и т. д. Исключение составляет домажлицкое нарѣчіе, въ которомъ иногда слышно *ú*: *přidú, kúsek, dlúho*.

Въ противоположность говорамъ Чехіи, въ говорахъ Моравіи и Силезіи *ú* сохраняетъ свой древній выговоръ: *súd, rukú*. Древніе памятники (до 2-й трети XIV в.) представляютъ только *u*. Двугласное *ou* образовалось изъ *u* не прямо, а черезъ *au*, которое и выступаетъ въ старинныхъ памятникахъ, начиная со 2-й трети XIV ст.: *in Zakauti* (Regesta 1337), *trouauss sedlak* (грам. 1373 г.), *yucauře* (Св.-Витск. сб.), *hlawaц, ruкаu* и др. Переходъ *ú*—въ *au* можно назвать расширеніемъ. Онъ аналогиченъ переходу *ó*—въ *uo* и *y*—въ *ej* (ср. выше стр. 70). Съ начала XV ст. *vm.* *au* стало слышаться *ou*, которое съ XVII ст. беретъ окончательный перевѣсъ надъ *au*. Тѣмъ не менѣе въ памятникахъ XV—XVI ст. встрѣчаются всѣ три обозначенія долгаго *u*: *ú, au, ou*. Начертаніе *au* по традиціи держалось до половины нынѣшняго столѣтія (*au* писалъ и Палацкій). Со времени правописной реформы 1849 г. окончательно вошло въ употребленіе *ou*. Переходъ *au*—въ *ou* можно назвать уподобленіемъ, такъ какъ *o*, развившееся изъ *a*, занимаетъ середину между *a* и *u* и является результатомъ стремленія языка уподобить выговоръ перваго элемента (*a*) двугласнаго второму (*u*).

Гласный *u* (*ú*) соответствуетъ пра-славянскому *u* (*duch, chloru*) и сверхъ того, возникши на чешской почвѣ, замѣняетъ 1) пра-слав. и старо-слав. *ж*, напр. *pesu, pesou, rukou* (ср. выше стр. 60); 2) пра-слав. и старо-слав. *ъ* въ предлогѣ *къ* (передъ губными) преимущественно въ старомъ языкѣ; напр.: *ku příkladu, ku pomoci, ku Praze* (но *k lesu*) и 3) старо-слав. *въ* (только въ старинномъ яз.) *uběhnúti*—н.-чеш. *vběhnouti, prustiti* н.-чеш. *vrustiti, u-město* н.-чеш. *v-město*.

Послѣ мягкихъ согласныхъ *u* (точнѣе *iu*) переходитъ въ *i*, напр. *duši* (вин. п.), *duši* (тв. п.). Ср. выше стр. 65.

Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ *u* и *ú* чередуются съ *o* и *ó*: *tróbit, rukó, budó, pesó* (3 л. мн. ч.), *na mó došo* (дольно-бечевск. г. и ганац. н.; въ первомъ только долгое *ú* звучитъ какъ *ó*, во-второмъ *u* краткое).

Во многихъ моравскихъ говорахъ (валашское, ляшское, злинское нар.) *vm.* *u* слышно иногда *y*: а) въ нарѣчіяхъ: *z mladу* *vm.* *z mladu, z pouу* *vm.* *z pouц, od hlady, z domu, po česku* *vm.* *po česku* и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: *byď, byďte, slychý*.

Слогообразующіе г (g), l (l), m, n (m, n).

Чешскій языкъ, на ряду со словацкимъ и сербо-хорватскимъ, имѣетъ гласные или слогообразующіе г, l, которые въ обыкновенномъ письмѣ обозначаются начертаніями одноименныхъ согласныхъ¹⁾: tgn, držeti, hrdlo, zrno, krčma, prst, srdce, srna, vlna, vlk, plný, mlklý, Plzeň.

Въ современномъ литературномъ яз. гласные г, l только кратки; но въ старинномъ яз. они могли быть и долгими: hrdati, křmil, wřszí (Гусь). Эта долгота доселѣ удержалась въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (напр. валашскомъ, злинскомъ) vl̄ca, vl̄cek, tgn̄, vřba, stlk̄at.

Чешскіе гласные г, l развились: 1) изъ пра-славянскихъ р̄ь, л̄ь, р̄ь, л̄ь: brva (старо-слав. брѣвь, р. бровь); drhati (старо-сл. дрѣжати, р. дрожать), krt (старо-сл. крѣтъ, р. кротъ), křvi (им. п. krev), hl̄tati, slza, hřmieti, kl̄nu (старо-слав. кльнѣ), klvati (р. клевать), bratr, mohl, mysl; 2) изъ пра-славянскихъ ѣр, ѣл, ѣр, ѣл: hrb (р. горбъ), hrdlo (р. горло п. gardlo), hrdý (р. гордый), krčma (р. корчма, п. karczma), brzý (п. barzy), drn (р. дернъ, п. darń), mrtvý (р. мертвый, п. martwy), prs (р. перси, п. pierś), prvý (р. первый, п. pierwszy), srdce (р. сердце, п. serce), spr (р. серпъ, п. sierp), vřba (р. верба, п. wierzba), zrno (р. зерно, п. ziarno). Въ старо-славянскомъ языкѣ въ томъ и другомъ случаѣ чешскимъ г, l соотвѣтствуютъ сочетанія р̄ь, л̄ь, р̄ь, л̄ь: грѣло, влѣкъ, слѣза, прѣвий²⁾.

Сверхъ того въ позднѣйшую историческую пору въ отдѣльныхъ словахъ и по частнымъ нарѣчіямъ гласные г, l могли возникнуть изъ ir, ur, il, ul, ri, ru, li, lu, er, напр.: Krchov (нѣм. Kirchhof), srka (sirka) — въ ляхск. нар., silny (silny) — въ ходск. нар., klč (klič) — въ злинск. нар., vtel (vertel) въ опавск. нар. и т. д.

Гласные г, l составляютъ исконную особенность чешскаго вокализма. Указанія на эти звуки содержатъ уже древнѣйшіе памятники языка (ср. выше стр. 37). Нужно думать, что въ старинномъ языкѣ они представляли собою правильныя и послѣдовательныя соотвѣтствія пра-славянскимъ сочетаніямъ р̄ь, л̄ь, р̄ь, л̄ь, ѣр, ѣл, ѣр, ѣл. Но съ

¹⁾ Въ научныхъ сочиненіяхъ гласные г, l обозначались знаками g, l.

²⁾ Въ этихъ р̄ь, л̄ь, р̄ь, л̄ь нѣкоторые ученые видятъ указаніе на гласные р, л (ср. наши „Лекція“, ч. I, стр. 84). Противоположное мнѣніе, отрицающее существованіе гласныхъ р, л въ старо-славянскомъ языкѣ между прочимъ нашло подкрѣпленіе въ новѣйшей работѣ Облака (Arch. f. Slav. Phil. Bd. XVII, 438—441. Ср. нашу статью въ Унив. Изв., 1896 г. май. Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію за 1895 г.).

теченіемъ времени при *г, л* стали развиваться гласные звуки и послѣдовательность употребленія въ языкѣ слогаобразующихъ *г, л* стала колебаться; рядомъ съ *г, л* появились другія звуковыя группы: *ег, ел, ѣ, ѣи, ѣи, ѣи*. Такія уклоненія отъ стараго закона наблюдаются какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ живыхъ народныхъ говорахъ.

Наиболѣе важны переходы *г* въ *ег* и *л* въ *лу*.

Въ современномъ яз. (литературномъ и народномъ) послѣ *ѣ* и *ѣи* всегда слышно *ег* въ тѣхъ случаяхъ, когда за *г* слѣдовалъ еще согласный; напр.: *čerpati* (др. ч. *črpati*), *černý* (др. ч. *črný*), *čerstvý* (*črstvý*), *čert* (др. ч. *črt*), *červ* (др. ч. *črv*), *žerd* (др. ч. *žrd*), *žernov* (др. ч. *žrnov*). Слова *črta, črtati*—неправильныя новообразованія. Въ народныхъ говорахъ *ег* выступаетъ и послѣ другихъ согласныхъ; напр.: *směřť, perve, deržeti* (керконошск. г.), *serce, serpec, kerk* (домажлицк. г.), *věter, brater, braterský, bratěrstvo* (ляшск., валашск. нар.). Въ тѣхъ же говорахъ иногда слышно *ел* вм. *л*: *peľný, melha, velna, mysel*.

Примѣры перехода *ѣг, ѣл* въ *ег, ел* встрѣчаются уже въ памятникахъ нач. XIV ст. (*zserni*), но развитіе этой звуковой черты падаетъ на вторую половину XIV ст. и первую половину XV ст.

Гласный *л*, находясь между двумя согласными (формула *л̣л̣*), въ современномъ языкѣ еще чаще подвергся полной вокализациі чѣмъ *г*. Обыкновенно вмѣсто *л* слышно *лу*: *člun, člunek* (др. ч. *čln*), *dlubu, dloubati, dluh, dluhý* (др. ч. *dlhy*), *hluk, Chlum* (др. ч. *Chlm*), *kluk, mluva, mluviti* (старо-сл. *млѣвити*, р. *молвить*, п. *mówić*), *pluk, slunce, slza*—въ говор. *sluza* (дулѣбск., ляшск.), *tluku, tlouci, tlupa, žlutý*. Почему въ однихъ случаяхъ *л* удержалось, въ другихъ перешло въ *лу*—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ *лу* восходитъ къ глубокой древности и лишь въ немногихъ случаяхъ вмѣсто новаго *лу* памятники представляютъ еще болѣе древнее *л*; напр. *czlnek* (Bohem. 1379), *szlczu* (XV в.) нов. ч. *žluč*.

Сверхъ того въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются другія замѣны древне-чешскихъ *г, л*: 1) *гі (гу)—іг (ур), ѣи (лу)—іл (ул)*: *sgyp, hynec, vryba, sryna, smgyc* и *kyrk, syrp, hynec, Вурма* (ляшск. нар.), *vityr, butyr* (зап.-мор. нар.), *přuf (přf), vlik, vlina, řekyl, radyl* (зап.-мор. н.), *vylk, vylna* (валашск., ляшск., опавск. нар.). По замѣчанію Бартоша (Dialekt. Morav., I, 104), *и, у* при *г, л* въ этихъ случаяхъ произносятся почти такъ какъ полугласные; 2) *го, ло, ол, ул*, напр. *kroz, skroz (skrz)* (зап.-мор.), *sloza, slezet*

(ганацк. нар.), *klobasa*, *k molweny* (Оломуц. рук. XV в.), *žulty* (вост.-морав.); 3) *re*, *le*; напр. *kret* (опавск., ляшск., валашск. нар.), *blecha* (др. ч. *blcha*), *plet* (др. ч.) род. п. *plti*, *krčv* род. п. *krve* и *krvi*. Впрочемъ, *re*, *le* быть можетъ не слѣдуетъ разсматривать какъ замѣны *r*, *l*. Ср. *Gebauer, Histor. Miuvn.*, I, 297—98.

На ряду съ *r* и *l* гласное значеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ имѣть *m*, *n*, *ň* (*nasalis sonans*). Сюда относятся числительныя *sedm*, *osm* (морав. *sedn*, *osn*) и заимствованныя слова въ родѣ *Rožmberg*, *Licmburk* и др. Въ старинномъ литературномъ языкѣ такихъ словъ было больше; *blázp* (н. *blázň*), *bázp* (н. *bázň*), *kázp* (н. *kázň*) и другія подобныя слова произносились какъ двусложныя, что явствуетъ изъ употребленія ихъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ гласныя *n*, *ň* и теперь довольно распространены. Такъ въ злинскомъ и валашскомъ (Фристачко, Луковско) нарѣчіяхъ, кромѣ *sedn*, *osn* наблюдается значительное количество словъ, въ которыхъ *i*, *í* послѣ *ň* исчезло, а *ň* получило гласное значеніе и притомъ сохранило различіе въ количествѣ, можетъ быть краткимъ или долгимъ; напр.: *oň* (*oni*), *aň* (*ani*), *špelúň*, *ňgdy* (*nikdy*), *ohňpara*, *vlasň* (*vlastni*), *kňže* (*kníže*), *peňze*, *dva dň*, *kňm* (*ním*).

Слогообразующіе *m*, *n*, *ň* нельзя разсматривать какъ пра-чешскую особенность. Они развились въ историческую пору.

Пра-слав. *tert*, *telt*=*trèt*, *tlèt*, пра-слав. *tort*, *tolt*=*trat*, *tlat*.

Относительно соответствій пра-славянскимъ сочетаніямъ формулъ *tert* (*telt*) и *tort* (*tolt*) чешскій языкъ находится въ одной группѣ со старо-славянскимъ, словацкимъ и южно-славянскими языками и отличается съ одной стороны отъ русскаго (полногласіе, *teret*, *torot*), съ другой отъ польскаго и лужицкаго (*trèt*, *trot*).

Изъ пра-слав. *tert* (*telt*), черезъ перестановку и удлиненіе образовалось *trèt* (*tlèt*). Гласный *è* соответствуетъ старо-слав. *ѣ* и въ чешскомъ звучалъ какъ двугласныя *ě*, *ie*, изъ нихъ *ě* въ новомъ яз. обыкновенно перешло въ *e*, а *ie* въ *i* (ср. выше стр. 69). Примѣры: *břěh* — н. ч. *břeh* (старо-слав. *брѣгъ*, сербо-хорв. *бријег*, брег, р. *берегъ*, п. *brzeg*, пра-слав. *berg*), *břiemě* — н. ч. *břímě*, *břieza* — *břize*, *dřevo*, *středa*, *třeba*, *vřeteno*, *mléko*, *plen*, *mřieti*—*mřiti*, *mléti*—*mlíti*.

Изъ пра-слав. *tort* черезъ перестановку *o* и удлиненіе его въ *a* образовалось *trat*. Примѣры: *brada* (старо-сл. *брада*, р. *борода*, сербо-

хорв. брада, п. broda, пра-слав. borda, др. нѣм. bart), brazda, dráha, hrád, hrách, kráva, kral, mráz, práh, blato, hlad, hlas, mládý, sláma и др.
Ср. Лекціи по слав. яз. Ч. I, стр. 29, 87, 261, 240.

Долгота и краткость гласныхъ.

Чешскій языкъ различаетъ количество гласныхъ, ихъ долготу и краткость.

Каждый гласный можетъ быть краткимъ и долгимъ. Исключеніе составляютъ *ř, ě*, которые въ настоящее время звучатъ только какъ краткіе гласные. Впрочемъ въ древнемъ языкѣ и нѣкоторыхъ современныхъ народныхъ говорахъ встрѣчаются указанія и на долготу *ř, ě* (ср. выше стр. 75).

Долгіе гласные отличаются отъ краткихъ прежде всего болѣе протяжнымъ выговоромъ того же звука, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ указано выше) долгота выразилась въ измѣненіи природы звука, такъ *ó* (*ō*) въ современномъ языкѣ звучитъ какъ *u*, *ú* какъ *ou*, *ý* (въ народномъ языкѣ) какъ *ej*. Соотвѣствія долгихъ и краткихъ гласныхъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Краткіе гласные: а, е, ѣ, і, о, и, у, ř, ě.

Долгіе гласные: á, é, ie, í, ó, ů (uo), ů, ou, ý (ej), ř, ě (въ нар. г.).

Примѣры: ruka, mráz, nebe, dobrého, věrny, věru, posítí, říjí, oko, kůi, kůň (kuoň), ruku, rukú—rukou, vysoký, býk (bejk), srna, vlk.

Относительно различенія количества гласныхъ чешскій яз. сближается со словацкимъ, сербо-хорватскимъ и отчасти кашубскимъ (ср. Лекціи по славянск. яз., ч. I, стр. 261—264, 420—422).

Въ славянскомъ праязыкѣ несомнѣнно существовало различіе между долгими и краткими гласными. Чешскій языкъ вынесъ изъ общей родины принципъ различенія количества гласныхъ, утраченный многими другими родственными языками, но далъ этому принципу (что мы видимъ и въ сербо-хорватскомъ яз.) своеобразное развитіе и примѣненіе. Количество чешскихъ гласныхъ почти не совпадаетъ съ предполагаемымъ количествомъ пра-славянскихъ. Такое совпаденіе можно съ достовѣрностью установить только для нѣкоторыхъ краткихъ словъ (pesu, mohu). Что касается чешскихъ *домотъ*, то онѣ возникли уже исключительно на чешской почвѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности.

Болѣ древними нужно считать тѣ долготы, для которыхъ оказываются соотвѣтствія въ долготахъ сербо-хорватскаго языка, или въ удареніи и особомъ чередованіи звуковъ другихъ родственныхъ языковъ, уже не различающихъ количества гласныхъ, напр. великорусскаго, малорусскаго, польскаго и сербо-лужицкаго; напр. въ слѣдующихъ словахъ: моика (сербо-хорв. мѣка), súd—soud (сербо-хорв. сѣд), dráha (русс. доро́га), hrách (сербо-хорв. грѣх, русс. горѣхъ), kráva (сербо-хорв. крѣва, русс. корѣва), mráz (сербо-хорв. мрѣз, русс. морѣзъ), bříeza—bříze, můžeš—můžeš—но mohu (русс. могу́, можешь), báh—boha (польс. bóg—boga, в.-луж. bób—boha), stůl—stola (польс. stół—stołu, малорус. стіл—стола), teku—utiekaju—utikam.

Во многихъ случаяхъ долгіе гласные образовались черезъ стяжение двухъ краткихъ; напр.: báti se (bojati se), děláš (delaješ), má (moja), vévoda (vojevoda), znamení (znamenije) и др. (ср. ниже о стяженіи гласныхъ). Въ другихъ случаяхъ они возникли черезъ удлинене первоначально-краткихъ гласныхъ; напр.: stojim—stůj (пов. н.), noha—nóh (род. п. мн. ч.), rak—ráček, kladu—nakládám, rostu—vyrůstám, pustím—pouštím, daleko—dále, vysoko—výše.

Количество гласныхъ не отличается постоянствомъ и неизмѣняемостью; какъ въ корняхъ, такъ въ основахъ и флексіяхъ, долгота и краткость чередуются между собою; напр.: kůň, koňe, síla—sil, kázati—kazatel, půjdu—půjdu и т. п. Къ этому присоединяется діалектическое различіе: въ различныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ одни и тѣже слова произносятся то съ краткими, то съ долгими гласными; напр. въ чешскихъ говорахъ слышны то kosa, smola, struha—то kůsa, smůla, strouha и т. п.; въ моравскихъ говорахъ—blato, žaba и т. п. вм. литературн. bláto, žába и т. п. и наоборотъ: vudá, vukno, fára, pápež, vřáta вм. чешскихъ voda, okno, fara, papež, vrata и т. п.; въ нѣкоторыхъ говорахъ наблюдается особое стремленіе въ преимущественному употребленію краткихъ гласныхъ, напр. въ ганацкомъ нарѣчии каждое *i* сокращается въ *i*: bida, dil, mir, vira, litat, na polích и т. д.—Количество гласныхъ въ старомъ письменномъ языкѣ трудно опредѣлить съ точностью вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ древне-чешской графики; но въ общемъ оно, нужно полагать, существенно не отличалось отъ количества новаго языка.

Неустойчивость и непостоянство количества чешскихъ гласныхъ создаютъ большія трудности для систематическаго и полнаго изложе-

нiя ученiя объ этой характерной особенноти чешскаго вокализма. Общиi причины измѣненiя количества гласныхъ, законы чередованiя долгихъ и краткихъ гласныхъ еще не найдены. Только для отдѣльныхъ группъ явленiй можно намѣтить рядъ такихъ болѣе или менѣе общихъ причинъ. Сюда относятся: 1) требованiя звуковыя (стяженiе гласныхъ, влiянiе j): *dobrého, stáj*; 2) измѣненiе объема слова: *mráz* р. л. *mrazu, nůž* — *pože* (р. л.), *snih* — *sněhu, síla* — *sil, noha* — *nóh, souditi* — *sud*; 3) требованiя этимологическiя, напр. въ глаголахъ многократнаго вида, гдѣ долгiй гласный соотвѣтствуетъ стремленiю языка отгнiть длительность дѣйствiя: *lámati, pomáhati, dávati, provázeti, ostouzeti* (но *ostuditi*), *slýchati* (но *slýšeti*); 3) влiянiе ударенiя: *hrůza, kůra, růsa, kámen, líra, máti, síla, býti, píti*; 4) дифференциация значенiя словъ: *zima* (холодъ) и *zíma* (зима), *město* (городъ) и *místo* (др. ч. *miesto* — мѣсто), *děvka* (служанка) и *divka* (дѣвушка), *domysl* и *důmysl, hora* и *hůra, hrozny* и *hrůzny, lhota* и *lhůta* и т. д.

Нѣкоторые частные случаи взаимоотношенiя краткихъ и долгихъ гласныхъ указываются ниже при изложенiи формальныхъ особенностей чешскаго языка.

Стяженiе гласныхъ.

Стяженiе гласныхъ въ чешскомъ языкѣ такъ же широко распространено, какъ въ сербо-хорватскомъ. Два гласныхъ, стоявшихъ рядомъ, обыкновенно стянулись въ одинъ долгiй, при чемъ пропалъ слогъ, не имѣвшiй ударенiя; напр.: *maja* — *má, neudátny* — *núdatny* (др. ч.), *čtješ* — *čúš*.

Чаще всего стяженiе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между двумя гласными было j; именно:

aja стягивается въ *á*: *láti* (*lajati*), *báti se, dobra, pěšá* (*pešaja*) — *pešie* — *peší* (нов. яз.), *kázn* — *kázeň* (н. ч.).

aje стягивается въ *á*: *děláš, dělá, znám*.

eje " " " *ie* (н. ч. i): *pěšie* — *pěši*.

ejí " " " *i*: *jí, naši, vši* (д. м. г. ед. ч. ж. р.).

ejú " " " *ú*: *našú* (*našou* тв. п.).

ėja " " " *á*: *dál* (*dejal*).

ěje " " " *ie* (i): *smieš* (*smíš*).

ije " " " *ie* (i): *pěšiem* (*pěším*), *znamenie* — *znamení*.

iji " " " *i*: *dobří* (*dobriji*).

ija стягивается въ á (ie, i): znameňá—znamení, přátel (р. п. мн. ч.).

iju " " " ú (i): znameňú—znamení).

oja " " " á: má, státi, pás, bázeň.

oje " " " é: mé, mému, vévoda.

oju " " " ú: mů (mou).

oje " " " ú: čůš.

uju, ujú " " " ú: dobrú—dobrou (вин. и тв. п. ед. ч. ж. р.).

Другіе примѣры стяженія: а—i въ á въ grám, prál (вал. н. вм. gravim); а—o въ a: pahěň (=na-ohěň—Штитн.), pačítý (naočítý) др. ч.; е—o въ ó: potročínúti (др. ч.); е—u въ ú: núdattný (neudattný); i—a въ á: ďábel; o—a въ a: Jan, Jachym; u—o въ ů (ů): dům (duom ср. выше стр. 71—72).

Стяженіе гласныхъ представляютъ уже древнѣйшіе памятники чешскаго языка; оно восходитъ къ до-исторической порѣ.

З і я н і е.

Зіаніе устраняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ стяженія появленіемъ между гласными согласныхъ v, j, h: 1) vajse, rukovět, voko (народн.), černovoký, přívuzný, ravouk (др. ч. rauk); 2) jaroštol (Пасс. Клемент.), jest, jíti, jítro, joči (злин. н.); 3) haratyka, herb, Holomúc (нар. г.), hulica (морав. н.).

Въ народныхъ говорахъ то остается зіаніе, то устраняется посредствомъ одного изъ указанныхъ согласныхъ; напр.: jínu—ínu, černooku (литер.)—černovoku, černojoku, černohoku (народн. гов.).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Въ чешскомъ языкѣ весьма часты случаи исчезновенія гласныхъ, особенно въ концѣ и срединѣ словъ. Наиболѣе обыкновенно исчезновеніе е (é, ě), i, затѣмъ могутъ исчезать o, u, a; 1) е: а) dvacet, třicet, čtyřicet (cet = dset = deset), meštitma (= mezi-desitma, напр. čtyřimeštitma = čtyři mezi (dvěma) desítka = 10+4+10, т. е. 24); б) j'ho, j'mu, ho, mu, našho (морав. г.); в) jsem, jsi (jsem); г) въ нарѣчіяхъ сравн. и превосходн. степ.: dále, bližě, více, vyše и т. п.—dál, bliž, nejbliž, также prvé—prv, nejprv; д) въ частицѣ že—když(ě), buď(ě), kterýž(ě); е) въ pondeli, pohřeb род. п. pohřbu, čekati—počkati. 2) ě (ě): а) въ повелит. накл.—nesme, neste; б) въ имен. п. многихъ словъ образца duše: zem (země), hráz (hrazě), postel (postele); в) zas (zase), přes

(před se), zvlášť, krom(ě), skrz (др. ч. skrzě); 3) i: а) въ вин. п. ед. ч. многихъ словъ типа duše: zem (вм. zemi = zemiu), hráz, postel и др.; б) въ прич. наст. жен. р.—др. ч. nesúcí—нов. ч. nesouc, kupující—kupující, trpící—trpící; в) въ оконч. неопредѣл. накл.—nest(i), posit(i), volat(i); въ народныхъ говорахъ въ этой формѣ конечное i обыкновенно не слышно; тоже часто наблюдается и въ литературномъ яз.; г) въ 2 и 3 л. повелит. накл.: nes(i), trp(i), pros(i), prosme, proste; д) въ 3 л. множ. ч. глаголовъ образца umějí, dělají, sázejí (въ народн. говорахъ): uměj', dělaj', sázej'; е) въ сравнит. степ. нарѣч.: raděj' (изъ raději = др. ч. radějie), častěj', lehčěj'; ж) во 2 л. един. ч. j's' s' (вм. jsi, si): ty jsi nesl, ty s'volal; з) въ энклитическихъ частицахъ si, ti: kdos', komus', kdys'; и) въ отдѣльныхъ словахъ: velký (veliky), pšence (нар.) вм. pšenice, hned (др. ч. inhed, ihned; 4) o: an, ana, ano (=a-on, a-ona, a-ono), ande (=a-onde), neb (вм. nebó), bychme (вм. bychome), nic, tam, kam, jak, tak (вм. tako), v nabě straně (др. ч.), dopata (др. ч. вм. do opata); 5) u: а) въ дат. п. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоимен. и сложн. скл.: Pan Bůh jem' odpusť, tom dobrem člověkoví (морав. гов.), kaapostolskem sboru (Град. сб.); б) въ род. и дат. п. domu и въ нар. domu (domů): navrac' se do dom, idem dom; 6) a: Lojza изъ Alois, začla (вм. začala), zapli (zapali въ морав. гов.).

Вставочными гласными чаще всего бываетъ е: а) mozek, oheň, báseň и др.; б) въ род. п. множ. ч.—bitev, božstev, oken, vesel, modlitev; в) mohel, pekel (народн. гов.); г) křídélko; д) sedem, osm (силезск. н.). Затѣмъ въ народныхъ говорахъ вставочными звуками являются а: stebal, vědár (ходск. н.); о: som (дулѣб.), sedom, pékol (мор. г.); u: sedum, osum (чешск. и морав. г.); i (y): sedum, osum (опавск. н.).

Б) С о г л а с н ы е.

L. R, ě. N, ň.

Въ современномъ литературномъ языкѣ (а также въ народныхъ говорахъ Чехіи) существуетъ только одно l—среднее, напоминающее нѣмецкое l (напр. въ словѣ loben) и звучащее одинаково какъ передъ твердыми такъ передъ мягкими гласными: chvala, vůle, učitel, lid.

Полагаютъ (Гебауэръ), что въ древнѣйшую до-историческую пору въ чешскомъ языкѣ было троякое l: среднее (l), твердое (ř) и мяг-

кое (l'), напр. chvála, chvaliti, chval'ep. Съ теченіемъ времени мягкое l' слилось со среднимъ. Въ историческую пору извѣстны уже только два l—твердое (l) и нетвердое (среднее), которыя различались въ письменности; напр.: labout (Mat. Verb.), zpalyll (Алекс. XIV в.), w tielie, weselie (XIV в.). Различіе въ выговорѣ l признаеть и Гусъ (Orthographia, ср. выше стр. 11), настаивающій на необходимости обозначать твердое l черезъ l̄. Это различіе держалось въ литературномъ языкѣ и въ XVI ст. (Кралацкая Библия), но въ народномъ языкѣ въ Чехіи оно все болѣе сглаживалось. Наконецъ въ XVII ст. твердое l̄ совсѣмъ исчезло и осталось одно современное среднее l.

Такая судьба постигла l̄ не только въ чешскомъ нарѣчій, но и въ западно-моравскихъ говорахъ. Въ восточной Моравіи и Силезіи удержалось твердое l̄, которое, впрочемъ, мѣстами звучитъ какъ u; напр.: uheř (уголь) и uhel (уголь), lež (ложь) и lež, buato, šeu, dau, daua. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ удержалось твердое l̄, иногда и среднее l звучитъ смягченно (lj); напр.: ro'le chljev (дольно-бечев. гов.). Нѣкоторые слѣды твердаго l̄ сохранились кое-гдѣ въ говорахъ Чехіи, напр. корконошскомъ (chřar, vořal), ходскомъ (buř), дулѣбскомъ (šeu, dau, videu и др.).

Согласный r звучитъ двояко: твердо (r) — какъ русское р передъ широкими гласными (братъ), мягко (ř) — съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ и сербо-лужицк. языкахъ (рж); напр.: hrad, moře.

Мягкое ř возникаетъ подъ вліяніемъ j или одного изъ мягкихъ гласныхъ i, ě, y, e (первичнаго); напр.: rokoга—rokořiti, tvor—tvořiti, křik; rokořé (н. ч. rokoře), kuга—kuřé—kuře, střeliti; pekař, stařec, sbeř; bouře (burja), moře (morje), tvoři (tvorju 1 л. ед. ч.); bratr—bratře (зв. п.), беру—beřeš, mгу—mřeš, řeci (неопр. н.).— Если e—звукъ вставочный или возникло изъ r, то не вліяетъ на смягченіе r; напр.: bratrem, barva—barev.

Иногда r передъ y и e (первичными) не смягчается въ ř; это бываетъ тогда, когда ему предшествуетъ тоже гласный; напр.: bereš вм. beřeš, ber, berte вм. beř, beřte, doktore, sbore; stařec и starer.

Смягченіе r передъ j вынесено чешскимъ языкомъ изъ пра-славянской эпохи. Смягченіе передъ i, ě, y, e развилось уже въ историческую пору.

Мягкое ř первоначально звучало какъ ř (řj), т. е. безъ шипящаго призвука; послѣдній развился по мнѣнію проф. Гебауэра не ранѣе первой половины XIII ст. (ср. выше стр. 38¹).

Въ народныхъ говорахъ смягченіе r въ ř вообще выдержано послѣдовательно. Отступленія, встрѣчающіяся въ моравскихъ говорахъ, главнѣйше сосѣдящихъ со словацкими, не многочисленны.

Въ старо-чешскомъ, а частью и въ ново-чешскомъ яз. ry частью перешло въ ř (собственно у смѣшалось съ i, а потомъ замѣнилось послѣднимъ, вслѣдствіе чего r стало звучать какъ ř); напр.: rytieř—řitieř, rpuč—řič, strýc—střič, Kristus—Křistus, krystal—křystal и т. п.

Мягкое ř передъ шипящими и свистящими измѣняется въ r; напр.: starce (род. п.), starče (зв. п.) вм. stařce, stařče; řku—roesъ вм. řceš, roei вм. řci. Впрочемъ иногда ř сохранялось и теперь сохраняется: mořsky.

Ř измѣнилось въ ž въ словахъ žebro (řebro), žebřik. Въ народныхъ говорахъ иногда вм. ř—š: peškuli (ходскій и дулѣбскій гов.=perku-li), přišera (přiřera дулѣбск. и pšešera нижне-бечв. гов.).

Согласный p можетъ быть твердымъ и мягкимъ — p, ř; напр.: gapa, vřne—vřně.

Ň смягчается: 1) черезъ соединеніе съ j; 2) передъ i и 3) передъ ě; напр.: vřně (vřne = vřnja), ganěn, křň, gapa—ganiti, honiti (hořiti), hniti, honěni, ohně.

Мягкость ř передъ i, ě въ современной графикѣ не обозначается; ř пишется только на концѣ слова и передъ согласными; напр.: křň, dlaň, zvořte, znamení, ganě.

Передъ e (какъ первичнымъ такъ возникшимъ изъ пра-слав. ѣ) p не смягчается; напр.: pebe, pésti, dne, kamene, rane, zemané, ženeš, hrnes. Этою чертою чешскій языкъ отличается отъ словацкаго, польскаго, лужицкаго, русскаго языковъ и сближается съ сербо-хорватскимъ, словинскимъ и частью болгарскимъ языками. Впрочемъ въ восточно-моравскихъ говорахъ (ляшск., грозенк., стицк. г.) pe нерѣдко звучитъ мягко, какъ ře (въ графикѣ обыкновенно обозначается řě); напр. pěsete, mladěs, sedně (по pebo, rane). Въ pe, ře, возникшихъ

¹) Въ виду ненадежности древне-чешской графики этотъ выводъ проф. Гебауэра, основанный на правописаніи чешскихъ собственныхъ именъ въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, можетъ быть признанъ только отчасти вѣроятнымъ. Не слѣдуетъ ли шипящее ř считать исконною принадлежностью чешскаго языка?

изъ первичнаго пѣ или изъ pǫje (черезъ стяженіе) и никогда не смягчается и въ народныхъ говорахъ; напр.: honem, krasného.

Равнымъ образомъ не смягчается ѣ и передъ древнимъ ь; напр.: dep (дѣвъ), kámen, křemen, ješmen, pgramen, kořen, jelen, plamen, rap-ský, rohánský, vinný. Впрочемъ даже въ литературномъ языкѣ смягченное ѣ выступаетъ въ такихъ словахъ какъ bázeň, přízeň, baseň, daň, žeň. Здѣсь первоначально было тоже несмягченное п, а ѣ развилось позже по аналогіи съ другими падежами, напр. род. п. bázni (т. е. bázňi). Въ народныхъ говорахъ восточной Моравіи (нижне-бечв., злинск., валашск., лашск. нар.) еще чаще примѣры смягченія п передъ древнимъ ь; напр.: kameň, kořen, račku, haňba, hoňba.

Н смягчается въ ѣ въ словахъ заимствованныхъ: 1) въ сочетаніи šp—šň, напр.: šňgra (Schnur), šňupati (sehnupfen), šňerovati (schnü- gen), šňorek (Schnörkel); 2) въ сочетаніяхъ -nk, -ng, -nch — -ňk, -ňg, -ňch; напр.: čaňk, daňk, šraňk, гуňk, Duriňk, šiliňk, truňk, Melaňch- ton — Melaňkton, difthoňg и т. п. Такихъ словъ особенно много въ старинномъ языкѣ, въ которомъ (по аналогіи) допускался выговоръ съ мягкимъ ѣ и нѣкоторыхъ народныхъ словъ, въ настоящее время произносимыхъ въ литературномъ языкѣ только съ твердымъ п.; напр.: účiňku (Гайекъ) нынѣшн. účinku, posuňku вм. posunku, roboňkaři, braňka.

Въ народныхъ говорахъ вм. пѣ иногда слышно пе въ такихъ словахъ какъ: пѣkdo, пѣсо, пѣkdy, пѣjak, пѣkolik и т. п.; напр.: peňdu, peňde, pekam (дулѣбск нар.), песо, peňdy (домажл. н.), peňdo, песо, pejaké, pekeré, pekolik (нижне-бечв. нар.).

Въ льготецкомъ гов. (валашск. нар.) вм. ѣ всегда слышно только п: па копа, ке тпе, па пи (вм. па ѣи) и т. д.

Иногда первоначальное п измѣняется въ ш: 1) передъ губными—b, p; напр.: haňba (вм. haňba), kleňba, homba, žemba, Štemberk, račbu (=rač-Vňh, морав. гов.); 2) въ отдѣльныхъ словахъ: шрав (вм. pгав), роѣш (древне-ч. вм. роѣen=роѣav), Mikulaš (Nicolaus), fermeš (vernix), kumšt (народн. гов.).

D, d'. T, t'.

Зубные d, t смягчаются 1) передъ j, а 2) передъ нѣкоторыми узкими гласными (i, ѣ). Оба вида смягченія существенно различаются между собою.

Пра-слав. $dj = z$, пра-слав. $tj = c$. Примѣры: hráze, meze, použe, příze, viz, vez, jez, rozen, mezi (старо-слав. между, серб. међу), cizi, sazu; svíce (старо-слав. свѣшта), cit, cítiti, píse (старо-слав. пишта), ovoce, plese, nesúc—nesouc, vrasen, plasen, Rokucénin, oizi.

Совершенно такое же измѣненіе первичныхъ dj, tj представляетъ сербо-лужицкій языкъ (swéca, mēza, mjaza). Сверхъ того смягченіемъ tj въ с чешскій языкъ сближается со словацкимъ и польскимъ (svieca, świeca); напротивъ dj въ каждомъ изъ двухъ послѣднихъ названныхъ языковъ звучитъ dz (miedza). Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ первичныя dj, tj подверглись другимъ своеобразнымъ измѣненіямъ (въ старо-славянскомъ — жд, шт, болгарскомъ жд, г', шт, к', сербо-хорватскомъ ѣ, j—h, словинскомъ j, ѓ, русскомъ ж, ч).

Иногда подъ влияніемъ сродныхъ формъ, имѣющихъ d, t или $đ, t$, какъ въ литературномъ языкѣ, такъ особенно въ восточно-моравскихъ говорахъ вмѣсто ожидаемыхъ z, c слышны d, t или $đ, t$; напр.: bđu, styđu—stydi se (вм. styzu se), přivaděti, mladši, voděn, ciděn, saděn, svoboděn, uroděný, ohraděný, probuden; zapečeten, citěn, ošlechtěn, směti (вм. směci 1 л. н. вр.), obohatěn, chytěný, posvetěný (t —твердое—въ ляшск. гов.), vyplatět (зап.-мор.).

Передъ i и $ě$ первичное d смягчается въ $đ, t$ —въ t . Въ современной графикѣ это смягченіе обыкновенно не обозначается. Буквы $đ, t$ пишутся только передъ согласными или на концѣ слова (т. е. когда за ними долженъ былъ слѣдовать предполагаемый древній $ь$). Примѣры: rada—raditi (т. е. rađiti), radě (т. е. rađe), souditi, had—hadí, ztráta—ztratiti, zlato—zlatě (т. е. žlatě), zlatiti (т. е. zlatiti), chtiti, chtě, chtic.

Передъ e (основнымъ и изъ $ь$) зубные d, t обыкновенно (въ литературномъ языкѣ и многихъ народныхъ говорахъ) не смягчаются, а звучатъ твердо; напр.: hoden, deset, vedeš, vede, den; soude (зв. п.), odpovédech, pleteš, plete, květe (зват. п.), tesati, mlatec, kostem. Въ восточныхъ моравскихъ говорахъ и въ этихъ случаяхъ часто слышны мягкія $đ, t$ (въ современной графикѣ обыкнов. обознач. $dě, tě$): veděm, vedě, děn, těla, otěc, nesetě. Ср. выше о согл. п.

Въ $de, dé, te, té$ происшедшихъ изъ первичныхъ $đь, tь$ или изъ $-doje, -toje$; d, t никогда не смягчаются и въ народныхъ говорахъ; напр.: dech (дѣхъ), hladem, ten, pátek, plotem, chuděho, bohatěho.

Передъ древнимъ **ь** въ литературномъ языкѣ (и во многихъ народныхъ говорахъ) **d, t** обыкновенно не смягчаются; напр.: *dnes, dne, zed, zrověd, čeled, tma, smrt, vlast, milost, kost, platny, zet*. Смягченіе наблюдается въ моравскихъ говорахъ и кое-гдѣ въ Чехии (Ходско, Берконоши): *smrt̃, kost̃, zed̃* и т. д.

Подъ влияніемъ народныхъ говоровъ и въ современномъ литературномъ яз. усвоено правописаніе съ **t** для нѣкоторыхъ словъ склоненія на **—i**: *kost, radost, bolest, zet, chut, lat, kostmi*. Проф. Гебауэръ признаетъ это нововведеніе неправильнымъ. Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи твердаго и мягкаго выговора **t** передъ **ь** остается невыясненнымъ. Быть можетъ смягченіе **t** (*kost*) нужно считать древнею пращешскою чертою, а отвердѣніе (*kost*)—позднѣйшею особенностью¹⁾.

Въ льготецкомъ г. вм. **d**—всегда **d**, вм. **t**—**t**: *vedet, dedyna, dyta, puty, smety, ty*. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такое отвердѣніе **t** наблюдается и въ другихъ говорахъ, напр. злинскомъ (*řetaz*) и въ нѣкоторыхъ обще-чешскихъ словахъ—*táhhu, temene* (им. п. *těmě*). Въ лашскомъ нар. вм. **t**—слышится **c, é, ě**, вм. **d**—**dž, dz, dž**: *éicho, ěicho, dzedzina, chodža*.

Группы **dl, tl**—сохраняются какъ въ другихъ сѣверо-западныхъ языкахъ: *padl, kradl, pletl, šidlo, mydlo, hrdlo, modliti se*. Ср. русск. плель, палъ, мыло; сербск. плео, грло.

Группы **ds, ts** звучатъ какъ **c**; напр.: *čacku (čadsky), svěcku, děcko, bohatví*.

Группы **dš, tš** переход. въ **š**; напр.: *podšev—pošev, tštice—štice*.

Первичныя группы **dt, tt**, какъ въ другихъ славян. яз. перешли въ **st**: *vesti, plesti*.

T перешло въ **d** въ *kdo* (др. ч. *kto, gdo*).

T чередуется съ **d** въ предлогѣ *ot*—*od*; древнее *ot* сохранилось только въ *otevřiti, otvor*; въ другихъ случаяхъ вездѣ *od*.

В, Р, V, М, F.

Согласные губные **b, p, v** и губно-носовой **m** въ современномъ литературномъ яз. (а также въ народныхъ говорахъ Чехии и западной Моравіи) не способны къ смягченію и звучатъ одинаково твердо,

¹⁾ Ср. Arch. für Slav. Phil., XVI, 523—524.

какъ передъ широкими, такъ передъ узкими и йотованными гласными; напр.: bázeň, bíti, hýbĕ, kurovati, koupĕ (koup'a), koupiti, lov, loviti, loven, zima, země, svědomí.

Въ старомъ языкѣ кромѣ твердыхъ *b, p, v, m* несомнѣнно существовали мягкія *b', p', v', m'*. Это явствуетъ: 1) изъ многочисленныхъ примѣровъ перегласовки *a — ě, u — í* послѣ *b, p, v, m*, которая возможна была только послѣ мягкихъ согласныхъ; напр.: země (zemia), zemí (вин. п. zemi), koupĕ (koupia), koupí и т. д.; 2) изъ обозначенія мягкости губныхъ во многихъ древнихъ рукописяхъ, напр. píekna, wíegu и т. д.

Но болѣе всего въ пользу исконности мягкихъ *b, p, v, m* въ чешскомъ языкѣ говоритъ фактъ сохраненія этой мягкости въ нѣкоторыхъ говорахъ Чехіи (нар. ходскомъ, дулѣбск. и лужицкомъ) и въ большей части варѣчій Моравіи и Силезіи; напр.: pjiwo, mjilost, holubjata, křvíú, kúra, kúru, zema и т. п. Мягкость въ разныхъ говорахъ и разныхъ случаяхъ не одинакова: то она выражается въ присутствіи *j* послѣ *b, p, v, m*, то кромѣ йотаціи замѣтно смягченіе самого губнаго; напр. koupĕ—звучитъ kúp'e и kúr'e.

Первичное *m* иногда измѣнилось въ *n*: pedvéd (вм. medvéd), snĕdu, pravisko (наоборотъ шгав вм. праг). Въ народныхъ говорахъ не рѣдки случаи чередованія *m, n*: veznu, vezneš, sedn, osn, pímo, pogak (моравск. г.), kap, tan (Домажлицы).

Вм. *mĕ* въ народной рѣчи (ходское нар., моравск. гов.) иногда слышно *mĕe*: mĕed', mĕesto, ramĕet, mĕech, mĕel.

Вм. шг діалектич. br: brabenec (ходск. н.), brablenec (злив. п.), bramor (морав. г.).

V переходитъ въ *u*: 1) въ предлогѣ въ передъ губными (въ старомъ языкѣ): upustiti u město и др. (ср. выше стр. 74); 2) послѣ гласнаго въ концѣ слога; напр.: pgaudu, kauka, kreu, veusi (сѣв.-вост. Чехія), lauka, briteu (подгорское нар. въ Моравіи).

V переходитъ въ *b*: 1) въ приставкѣ *tva — tba*, напр. modlitba, kletba (по аналогіи съ существительными, оканчивающимися на—*ba*: svatba); 2) въ словахъ заимствованныхъ: Šebir (Severus), Benátky (Venetiae), kabat (др.-нѣмец. kawati); 3) въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ нарѣчіямъ: jabor, řiba (hřiva), babouk (pavouk), břeteno, břed (ходское, вост., моравск. нар.).

V измѣнилось въ *f* въ ufati (изъ upvati = upfati); діалект.—fous (вм. vous) fak вм. vak (морав. г.).

F въ чешскомъ яз. слышится большею частью въ заимствованныхъ словахъ; напр.: fuga, ofera, flaška, trefiti. Впрочемъ не каждое иностранное *f* звучитъ по-чешски какъ *f*; чаще оно замѣняется черезъ *b*, *p*; напр.: barva (Farbe), hrabě (Graf), bluma (Pflaume), Olbram (Wolfram), Žibřid (Sifrid), birmovati (firmare), biskup (Bischof), Ožěr (Josephus), Pabian (Fabian), pazole (fazole).

G, H, K, Ch.

Изъ гортанныхъ согласныхъ два—*k* и *ch* вполне соответствуютъ пра-славянскимъ и произносятся какъ старо-слав. и русскія *k* и *x*. Что касается третьяго пра-слав. *g*, то онъ въ современномъ чешскомъ языкѣ звучитъ придыхательно, какъ въ малорусскомъ нарѣчьи или нѣкоторыхъ словянскихъ говорахъ (ревянскомъ, венеціанскомъ и горичкомъ) и обозначается черезъ *h*; напр.: hrád, hoga, poňa, hlava, Bůh. Звонкое *g* слышится только въ словахъ заимствованныхъ (напр. groš—grossus) или вмѣсто другихъ звуковъ, напр. *k*: kdy (выгов. gdy), krejcar (выгов. grejcar). Такое *g* позднѣйшаго происхожденія и сравнительно чаще встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ восточныхъ говоровъ (ляшское, валашское нар.); напр.: бага, grgaf (krkati), bryzgať, gabať, gajdu и т. п.

Придыхательное *h* не исключая особенность чешскаго языка. Въ древности въ языкѣ всюду было пра-слав. *g*, какъ это видно изъ написанія чешскихъ словъ въ памятникахъ XII ст.: Dlugomir, Dragomir, Spitignev (Козьма Пр.), bogu, glava, grtdost (Литомѣр. грам., ср. выше стр. 38). Новое *h* вм. древн. *g* развивается въ половинѣ XIII ст.

Смягченіе гортанныхъ, т. е. переходъ ихъ передъ *j* и узкими гласными въ шипящіе и свистящіе—какъ пра-славянская черта—свойственно чешскому языку, на ряду съ другими живыми славянскими языками. Въ общемъ относящіяся сюда звуковыя явленія вполне соответствуютъ явленіямъ смягченія гортанныхъ въ старо-слав. языкѣ. Существенное различіе между ними состоитъ въ томъ, что вмѣсто свойственнаго старо-славянскому (а также и пра-слав.) языку двойнаго перехода *x* въ *s* и *ш* (мнише, мниси) чешскій языкъ знаетъ только одинъ переходъ *ch*—*š* (mniše, mniši, mouše—м. п.). Итакъ: 1) *g*, *k*, *ch* переходятъ въ *ž*, *č*, *š* передъ *j*, *e*, *i* (при образованіи основъ), древнимъ *ъ* (= *ě*) и *ь* (изъ *i*, *jь*), напр.: stráže, Pražan, lžu, lžeš, péče, plačete, duše (duchja), Bože, ptače, jinoše, družina, ptači, tišiti, držeti

(др. ч. *držěti*), *mlěti*, *slyšeti*, *božský*, *řeč*, *hřiešný*; 2) *g*, *k*, *ch* переходятъ въ *z*, *c*, *š* передъ *i* (въ окончаніяхъ), древнимъ *ǣ* (= *āi*, *oi* въ окончаніяхъ) и *j* (болѣе поздній переходъ въ сравн. съ переходомъ *gj*, *kj* въ *ž*, *č*), напр.: *ptaši*, *ptašich*, *pes*, *peste* (*peci*), *bozi*, *bozích*, *romoz*, *hoši*, *hošich*, *guse*, *poze*, *mouše*, *klicati*, *lécati*, *mizeti*.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя немногочисленныя отступленія отъ указанныхъ общихъ законовъ смягченія; напр. *velky* (вм. *velici*, им. п. мн. ч.), *dlouhy*, *drahši*, *tichši* (ляшское, валашск. нар.) и т. п. Отступленія эти надо объяснять какъ новообразованія по аналогіи.

Группы *gt*, *kt* (какъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ) подвергаются тому же измѣненію какъ *tj*, т. е. переходятъ въ *c*: *moši*, *moš*, *doši*, *došer*, *řeši*, *řešer*, *noš*, *věš*. Ср. старо-сл. *моши*, *ношь*, рус. *мочь*, *ночь*, серб.-хорв. *моћ*, *ноћ*, словин. *poč*.

G переходитъ въ *k*: *mozk*, *sikan* (зап.-морав.), *sigan* (в.-морав.), *Krekor*, *kroš*, *krunt*, *telekraf* (ходск. нар.), *purkmistr*, *folkovati* (*folgen*) и во многихъ другихъ заимствованныхъ словахъ.

Kt перешло въ *gd* въ словѣ *kto* — *gdo* (первые примѣры въ XIV ст.).

Диалектически и въ отдѣльныхъ словахъ *k* можетъ замѣняться *g*, *ch*: *muziga*, *vuga* (валаш. н. вм. *vikev*, нѣмец. *wicke*), *guzý* (ляшское н. вм. *kusý*), *chrasta* (вм. *krasta*), *Polach* (в.-морав.); *ch* — *tebe*, *Benedicht*, *dochter*, *rechtor* (дулѣбск. н.), *prachtyka*, *inšpektor*, *Vichtor* (нижнебечев. н.), *tabach* (ляшск. н.).

Вм. *ch* нерѣдко слышно *k*: *skovati* (*schovati*), *křen* (др. ч. *chřen*), *křestan*, *Kristus*, *koruhev*, *kūr* (*chorus*); особенно въ народныхъ говорахъ: *klacholit*, *křestet* (дулѣбск. н.), *rokvalit*, *kvila* (морав. гов.).

Z, C, S.

Въ современномъ литературномъ яз. и большинствѣ народныхъ говоровъ свистящіе *z*, *c*, *s* звучатъ одинаково передъ узкими и широкими гласными, при чемъ *z*, *s* всегда тверды, а *c* — мягко; напр. *země*, *zamek*, *záře*, *se*, *sudí*, *prase*, *pos*, *koncovka*. *C* произносится твердо только въ тѣхъ случаяхъ, когда возникло изъ смѣшенія согласныхъ, напр. *so* (= *čso*), *bohatví* (= *bohatství*), или находится въ иностранныхъ словахъ, напр. *plac*, *palác*.

Въ старинномъ языкѣ было больше отгнѣнковъ въ произношеніи этихъ согласныхъ: рядомъ съ твердыми *z*, *s* были мягкіе *ž*, *š*, а ря-

домъ съ мягкимъ *o* еще болѣе мягкое *ó*; напр.: *hráze, voziti, vož* (пов. накл.), *kňaza—kněze, positi, noš, věnca—věnce, svieca—svíce, nosí—posí*. Важнѣйшимъ доказательствомъ существованія мягкихъ *ž, ś, š* въ древнемъ языкѣ служитъ возможность перегласовки *a—ě, u—i*, при каждомъ изъ свистящихъ, имѣвшая мѣсто по основному закону чешскаго языка только при мягкихъ согласныхъ; напр.: род. п. *věnca—věnce, kňaza—kněze*, дат. п. *věncu—věnci, kňazu—knězi*—но *voza—vozu* (неперегласов.), или *núza—núze—nouze* (нѣжда), вин. п. *núzu—núzi—nouzi*, но *hróza—hrůza*, вин. п. *hrózu—hrůzu* (неперегласов.), *za—vsú—za—vsí* (тв. п.), *kozie brada, vin. п. kozi—bradu*. — Мягкія *ž, ś, š* въ древне-чешскомъ яз. различнаго происхожденія: одни—*ž, ś* возникли въ пра-славян. эпоху изъ *g, k*; напр.: *věnes* (пра-слав. вѣнѣць, лит. *vainikis*), *kňaz* (пра-слав. кнѣзь), *guse, poze* (пра-слав. рѣцѣ, носѣ); другія—образовались на чешской почвѣ, но въ до-историческую пору, именно с изъ *kt, gt, tj*, напр. *nos, nos, svíce, ž*—изъ *dj*, напр. *núza (nudja), sázati (sadjati)*; третьи—*š, ž* возникли еще позже въ историческую пору подъ вліяніемъ *i, e, ъ* и *i*отованныхъ гласныхъ; напр.: *noší, voží* (3 л. ед. ч.), *pěse, veže, veš*. Древнее мягкое *z* первыхъ двухъ типовъ Гебауэръ предлагаетъ обозначать особымъ начертаніемъ *z*. Смягченіе третьяго типа—(*ž, ś* передъ узкими гласными и *j*) представляетъ въ настоящее время ляхское нар. (въ Моравіи), *v leše, vožic, vož, kože, pěse, šeno*. Эти мягкія *ž, ś* въ разныхъ мѣстахъ произносятся различно, иногда съ сильнымъ шепелявымъ отгнѣномъ (какъ въ польскомъ языкѣ).

Иногда мягкія *ž, ś* перешли въ шипящія *ž, š*; напр.: *pohlížeti, nahražen, nahražovati, noš* (у Гуса вм. *posí*), *šahati* (вм. *sahati*).

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ что: а) современное чешское *z* замѣняетъ: 1) пра-слав. твердое *z* (*vůz*); 2) пра-слав. мягкое *z* изъ *g* (*kněz = kňaz =* пра-слав. кнѣзь, *poze*); 3) пра-чешское мягкое *z* изъ пра-слав. *dj* (*nouze = núza =* пра-слав. нѣджа); 4) др.-чешск. *ž* (*voží*);

б) современное чешское *s* замѣняетъ: 1) пра-слав. *s* изъ *k* (*věnes, guka—guse*); 2) пра-чешское *s* изъ пра-слав. *kt, gt* (*pěci, nosí, nos*); 3) пра-чешское *s* изъ *tj* (*svíce = svieca =* пра-слав. свѣтѣя);

в) современное чешское *s* замѣняетъ: 1) пра-славян. твердое *s* (*les*) и 2) древне-чешское мягкое *ś* (*noší*).

Сверхъ того *s* выступаетъ: 1) вм. *s*: *svrček (svrček), clota (slot), dska (dska), předce (předse), dvacet (dvadset)*; 2) вм. *čs, ts, ds*: *co (čso), něco, nic, prorocký, bohatví, dvanact (-nadst)*.

Въ ляхскомъ нар. *ó* и *dž* (*dz*) слышны вм. *t*, *đ*: *cicho*, *džedzina* и др. ср. выше стр. 87.

Пра-славянская особенность—переходъ *zj* въ *ž* и *zj* въ *š* выдержана въ чешскомъ языкѣ весьма послѣдовательно: *póž*, *brže vožen*, *kaži*—*kaži*, *poražeti*, *núše*, *tešu*—*teši*, *našeti*¹⁾.—Отступленія отъ этого закона представляютъ нѣкоторыя моравскія нарѣчія, въ которыхъ употребительны формы причастія прошедшаго страдательнаго на *-zeny*, *-seny* вм. *ženy*, *-šeny*: *pohruzený*, *zarazený*, *pokazený*, *skazený*, *pokosený*, *vyprosený*, *posený*.

Изъ пра-славянской эпохи вынесены чешскимъ языкомъ соотвѣтствія *z—ž*, *s—š* передъ узкими гласными въ тѣхъ случаяхъ гдѣ имѣлъ мѣсто переходъ *g—ž*, *k—š*; напр.: *otec*—*otče*, *otečský*, *otčina*, *kněz*—*kněže* (др. ч.), *kněžic*, *kněžský*. Здѣсь *ž* и *š* возникли не изъ *z* и *s*, какъ можно было бы думать а изъ болѣе древнихъ *g* и *k*.

S замѣняется *t* при стеченіи въ одномъ словѣ нѣсколькихъ свистящихъ и шипящихъ; напр.: *Břetislav* (др. ч. *Břecislav*), *František* вм. *Francišek*, *tisař* (морав. вм. *cisař*), *těsta* (вм. *cesta*).

Чужезычное *s* въ словахъ заимствованныхъ измѣняется въ *š*; напр.: *Vincenc*—*Čeněk*, *zins* (*census*)—*šinže*, *zischen*—*šišeti*.

Группа *ož* въ словѣ *věcší* подверглась послѣдовательно измѣненіямъ въ *oš*, *tš*, *tč*, *šč* и *š*: *věcší*, *větší*, *větčí*, *věččí*, *věčí*. Литературный языкъ держится формы *větší*.

Группа *sz* сливается въ *s*: *nebeský*, *guský*.

Группа *zs* = *s* (черезъ уподобленіе): *vstati* вм. *vzstati*, *vstoupiti* вм. *vzstoupiti*.

Группы *zg* (передъ узкимъ гласнымъ) и *zgj* переходятъ въ *zž*, *zž*, а послѣднія въ *žď*: *rožďička* (вм. *rozžička* = *rozgička*), *Dražďany* (вм. *Dražžany* = *drežgany*); *zdj* переходитъ въ *žď*, напр.: *hyžden* (вм. *hyžzen*), *žďar* (вм. *zžár*).

Группы *sk* (передъ узкимъ гласнымъ) и *skj* переходятъ въ *šč*, а потомъ въ *št*: *vojska*—*vojšče*—*vojště* (нов.-ч.), *nebesky*—*nebešči*—*nebeští* (н.-ч.), *tisknouti*—*tiščen*—*tišten* (н.-ч.), *plašt*, *ohnište*, *čeština*. Но *sk* (передъ узкими гласными) измѣняется и въ *sc*: *deska*—*desce*, *Polska*—*v Polse*, *nebescí*, *uhérscí* (вост.-морав. гов.)

¹⁾ Можно допустить, что и *zj* переходило въ *š*, но примѣровъ, подтверждающихъ этотъ переходъ не извѣстно. Въ такихъ словахъ какъ *občan*, *Olomčan*—объясняютъ *č* не изъ *zj*, а вліяніемъ аналогичныхъ формъ въ родѣ *Pražan*.

Šč измѣняется въ šc и затѣмъ въ št: sčastny, н. ч. šťastný.

Stj перешло въ šc и потомъ въ št: pustiti — puščen, нов.-ч. pušten — puščeti — pouštěti.

Sk переходитъ въ šc — št, напр.: hradecký — hradečči (др.-ч.) — hradečti (нов.-ч.) — řečtina, plačtivý.

Вм. древн. s въ чешскомъ яз. часто š: 1) въ нѣкоторыхъ словахъ, которые и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ имѣютъ š: vše, všecka, všude, všaku, však, польск. wszy, лужиц. všon, šen, šedivý, šediny, польск. szedziwy, лужиц. šery, štěpiti (сцѣпнѣти); 2) сочетаніи št вм. st: въ древнихъ глагольныхъ окончаніяхъ sta, ste — byšta, byšte нов.-ч. byste, въ словахъ — lastovice — vlašovice, laštovice (народ. г.), štopka, štenice, puština, naměšti (діалектич.), въ заимствованныхъ словахъ — kaštel, klášter, apoštol, epištola, koštovati, křištál, pošta, trošt; 3) въ сочетаніи šk вм. sk, при чемъ употребительны формы съ тѣмъ и другимъ созвучіемъ: škarad, škrabati, škřek, škřivan, šklo (ляшск нар.), škala и др.; въ заимствованныхъ словахъ — flaška, muškát, mše, škola, škrine, paškvil, škoda и др.; 4) въ словахъ: šočovice, šršeň (морав. г.), švrček (морав. г.).

Иностранное s, кромѣ указанныхъ случаевъ, передается то черезъ š, то черезъ ž: Ježiš (Jesus), Mojžiš (Moyses), Šimon, Šavel, Mikulaš, groš, verš (versus), žehnati (segnen), žeml (Semmel).

Ž, Č, Š.

Чешскіе шипяціе ž, č, š большею частью пра-славянскаго происхожденія. Въ такомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ 1) пра-славян. ž, š изъ qj, qj (vožen, pošen) или 2) пра-славян. ž, č, š изъ гортанныхъ g, k, ch, перешедшихъ въ небные подъ вліяніемъ j или узкихъ гласныхъ (bože, člo, věče, otče, duše).

Болѣе поздняго происхожденія 1) š вм. s въ такихъ немногихъ словахъ какъ veš, šedivý и др. (ср. предшествующій параграфъ) и 2) ž и š въ сочетаніяхъ šč и žž (puščen, hužžen см. выше).

Въ старомъ языкѣ ž передъ другимъ шипящимъ иногда переходило въ j; напр.: sejžeš, sejže, sejžen, sejzi (вм. sežžeš и т. д.). Въ современномъ языкѣ любопытный примѣръ такого измѣненія согласныхъ представляетъ слово pŕjčiti изъ rožčiti (= rožitčiti = ku rožitku dáti). Въ народныхъ говорахъ: ujsom (дулѣб. г.) už-sem), bojsky (кернонош. božsky), oj se (мор. г. až-se), mlajši.

Žd перешло въ št въ dešt (др.-ч. dešč) и rošti (roždie).

Ž замѣняется ř, особенно въ народныхъ говорахъ: bařina, Bořena (др.-ч. вм. Božena), nebořak, řadný (žadný), řeřab нов.-ч. jeřab; особ. въ оконч. oř: mladeř, drůbeř, kradeř (ходское н. морав. г.).

Ž замѣнено h въ hřebi (др.-ч. жреби) и hřibe (нов.-ч.).

Čs переходить въ с: со, nic, kurecky, ptactví, ctiti.

Šě перешло въ št: šeit—štit, hušče—нов.-ч. houšť, nebešti. Ср. выше стр. 93). Въ старомъ языкѣ šě и št чередуются между собой; напр. въ Клементинской псалтыри: szcenci и stęnye. Въ письменности št беретъ перевѣсъ съ XVI ст. Въ настоящее время šě слышно въ дулѣбскомъ и домажлицкомъ нар. и въ восточно-моравскихъ и силезскихъ говорахъ—štěstí. Въ литературномъ языкѣ št.

Čě (изъ čk) переходить въ čt: něměčti (ср. выше стр. 93).

Čr переходить въ tř, а затѣмъ въ stř: напр. др.-ч. čřevic—třevic—štřevic, др.-ч. čřieda—třieda—střida.

Šš звучить какъ š: vyší (вм. vyšši).

Šs звучить какъ s: česky (вм. češsky).

Ж.

Согл. ж соответствуетъ: 1) пра-слав. j: jeho, jest; 2) пра-слав. группѣ jь, вмѣсто которой въ старо-слав. и нѣкоторыхъ живыхъ славянскихъ яз. i; напр. jho, старо-слав. и русск. jго, пра-слав. jьго, jdu, старо-слав. jдѣ, русск. jду, пра-слав. jьдѣ, jmu, jmieti, старо-слав. jмѣ, jмѣти, русск. jмѣть, jме, jмено, старо-слав. jмѣ, русск. jмя, jменi, словац. imanje, ст.-слав. jмѣнию, jhga (др.-ч.), hga (н.-ч.), старо-слав. и русск. jгра. Иногда вм. пра-славянск. jь въ чешск. je: jehla, русск. jгла. Впрочемъ, въ народныхъ говорахъ въ этихъ словахъ слышно также i (idu, ihgač), которое нужно возводить къ пра-слав. jь; затѣмъ j и совсѣмъ исчезаетъ: hga (нов.-ч.), du, meno; для сложныхъ словъ съ jdu и jmu, отсутствие j обычно и въ литературномъ языкѣ: vendu, sendu, vezmu, otmu.

Нерѣдко (въ литерат. яз.) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i; напр.: jíti (въ сложныхъ словахъ безъ j—sníti, vníti), jikra, jilce, jilem, jimati — přijimati, jiný, jircha, jiskati, jiskra, jisty, jiva, jizba. Въ народныхъ говорахъ, особенно моравскихъ, тѣже слова произносятся безъ j: iný, íva, ískra, ít. Такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. старо-слав., русск., южно-слав. итѣ, польск. íć (др. п. íć). Въ народныхъ говорахъ такое позднее j на-

блюдается и на концѣ словъ, особенно въ нарѣчіяхъ: *vícej, věcej, dálej, méněj, zasej, přesej, podlej, včeraj, takej, nicěj.*

Др. *j* замѣнено *l* въ др. ч. *ledno* (вм. *jedno* = *jen*) и морав. *len* (вм. *jen*). Въ *ledva* рядомъ съ *jedva l* происходитъ изъ пра-слав. періода (ср. русск. едва и ледва, польск. *jedwa* и *ledwo*).

О вынесенныхъ изъ славянскаго праязыка измѣненіяхъ согласныхъ подѣ влияніемъ *j* сказано выше.

Уподобленіе согласныхъ.

Такъ наз. уподобленіе согласныхъ неодинаковыхъ по степени звучности, свойственное всѣмъ славянскимъ языкамъ, наблюдается весьма часто и въ чешскомъ языкѣ. Обыкновенно звучные (*mediae*) *h, g, d, đ, b, z (dz), ž (dž), v* переходятъ въ отзвучные (*tenues*) *ch, k, t, ť, p, s, š, ř, f* и, наоборотъ, отзвучные въ звучные, при чемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предшествующій. Напр. *nádeha* выговаривается *nácha, lehky—lechky, lehce—lechce, zlehčiti—zlechčiti, nehty—nehty, ločka—ločka, podšev—pošev (pošev), podsín—pošín, (pošín), uzky—usky, kavka—kafka, včela—řčela, kdy—gdy, srbsky—srpsky, leckde—ledzge, čban—džban, náš dům—náž dům.*

Только въ группѣ *sh*, предшествующій согласный вліяетъ на послѣдующій: *shoda—schoda, shořeti—schořeti, shniti—schůiti.* Но въ моравскихъ говорахъ и здѣсь вм. собственно чешскаго *sch* слышно *zh: zhořet.*

Передъ звучнымъ *v* удерживаются и отзвучные согласные: *dvoje* и *tvoje, zvolati* и *svolati.* Только въ нѣкоторыхъ говорахъ (дулѣбск., ниже-бечевск., моравск. г.) и здѣсь необходимо уподобленіе: *k fat, tŕj, břitfa.*

Иногда измѣненіе согласнаго, вызванное закономъ уподобленія, остается въ силѣ, хотя причина обусловившая уподобленіе, исчезаетъ; напр.: *svatba—svadba,* род. п. мн. ч. не только *svateb,* но и *svadeb.*

Чередованіе звучныхъ съ отзвучными въ народныхъ говорахъ возможно и помимо уподобленія. Особенно заслуживаетъ вниманія переходъ отзвучныхъ въ звучные на концѣ словъ; напр.. *bčeh, sních* (дулѣбск. н.), *chlep, vus* (злинск. н.).

Въ современномъ литературномъ языкѣ закону уподобленія согласныхъ не дается большаго значенія и въ правописаніи господствуетъ (въ противоположность сербской фонетической системѣ) прин-

цирь этимологическій; напр. пишутъ *svatba, sbor, obchod* а не *svadba, zbor, orchod* и т. п.

Отпаденіе и выпаденіе огласныхъ.

Согласные могутъ исчезать въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Это явленіе наблюдается (преимущественно въ народныхъ говорахъ) по отношенію къ согласнымъ *l, d, t, v, h, k, m, s, j*:

l: *nes', řek', veď, pek', tisk'* (и др. въ причаст. прош. дѣйств. П) въ разговорномъ чешскомъ языкѣ и моравскихъ нарѣчіяхъ вмѣсто внижныхъ *nesl, řekl*; впрочемъ уже въ древнихъ памятникахъ: *rzek* (Клементин. пс.), *oblek* (Виттенберг. пс.), *jabko* (вм. *jablko*), *zrcatko* (= *zrcadko*=*zrcadlko*), *nosítko, vodítko, ucednik, mučednik, mlyn* (вм. *mlyn*), *žice* (вм. *lžice*).

d: *tkalce* (вм. *tkadlce*), *selka, selsky* (вм. *sedlka, sedlsky*), *nes, pešni* (морав. вм. *dnesh, prazný, izný, pozni, cera, srce*).

t: *sklo* (вм. *sttklo*), *skvěly* (вм. *stkvěly*), *sloup* (вм. *stloup*), *kadlec, kaňička* (вм. *tkadlec, tkanička*), *kery* (вм. *ktery*), *svačiti* (вм. *svatčiti*), *onost, ony* (вм. *ctnost, ctný*), *padesat, devadesať, puste* (2 л. множ. ч. вм. *pusťte*); *st* исчезло въ *je* (3 л. един. ч.) и *šedesat*.

v: въ оконч. *ův* (óv)—*ptaků* (род. п.), *Jakubů* (прилаг.); въ соч. *vz*—*zbuditi, zkazati, zkrísiti, zbudili* (Клемент. пс.), въ соч. *vš, vž* (въ производныхъ отъ *vš*)—*šescko, šak, ždyt, ždyčky, zniti, dedek* (вм. *vdedek*), *dolek* (вм. *vdolek*), *obaliti, obět, oblek, slikati, chlapej, mužoj* (домажлиц. гов. и др.—дат. п.), *kralostí* (дулѣбск., моравск. г.), *praž, prej, prý* (литер. яз.) изъ *pravi* (говорять), *ozheh, ozhřivý* (въ литер. яз.), *oda, oly, ozak* (народн. гов.). Чаще въ народныхъ говорахъ слышно приставочное **v**: *voko*;

h: *řecký* (др.-ч. *hřečsky*), *Řehoř* (вм. *Hřehoř*); *řeblo, řešit, řich, řiva, řmi* (чешск. народн. г.); *tenle, mamle* (вм. *tenhle*), *lavice* (др.-ч. вм. *lahvice*), *Bouslav, Bouše, pan - bou - saham* (*panu - Bohu - přísaham* простон. вып.);

k: *těsný* (др.-ч. *těskný*), *tiesň, tiseň* (др.-ч. *tieskň*); *do, de, dy* (морав. гов. вм. *kdo*);

m: *sednácť, osnácť, ňa, ňe* (народ. гов.);

s: въ сочет. *skř* и *stř* (въ нар. яз.): *křivan* (вм. *skřivan*), *křidlice, křipat, třecha* (вм. *střecha*), *třibro*;

z въ *ja* (др.-ч. *jaz*) и *mezitma* (вм. *mezcittma*=*mezi-desitma*).

j: ho, tu (вм. jho, jmu = jeho, jemu), míti, mám, měli, hrati, meno, sem, du, inu (народн. гов. ср. выше о согл. j).

Къ пра-славянской эпохѣ относится исчезновение b въ hnutí, hynouti, hrésti; p въ usnouti, kapouti.

Вставка согласныхъ.

Вставочными звуками бываютъ: j: jiný, jíti (ср. выше о j) и для устранения зиянія čerňojoку (ср. стр. 81); v: vajce, vejce, viskati; особенно передъ o въ народн. гов. и старомъ языкѣ voko, vobílí, vorati; во въ современномъ литерат. яз.: oko, obílí и пр.; pavouk, vlastovice (только въ литер. яз.); n (праслав.): do něho (do n-jeho), vyníti, snísti; h (въ народн. говор., особ. ходскомъ, нѣкот. моравск. г.): hapatyka, Hana, Harest, Hemma, Danihel, Gabrihel, hi, hiny, hihned, Holomouc, černoňoku, hoficir, hucho, hucednik, hulica, huzký, hřešeto, hřemen, hrzati (др.-ч. вм. rzáti), hroh (др.-ч. вм. roh); d: zdraly, zazdrák, zdřít. Ср. сербо-хорв. здрео, здрети, слов. zdel, польск. zdrada, tryzdniti (др.-ч.), paždi, spasitedlný, mlčedlivy; t: straka, střed, středa, stříbro (ср. серб. страмота, русск. стражъ), mastny, tělestný; k: stkviet и skvieti, stkvost и skvost, kdosik, cosik (мор. г.); s: křemen и skřemen, třída и střída, třep и střep.

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: ihned hned вм. древне-чеш. inhed и nhed, penvý (нар.) и revný, др. pinvice вм. pivnice, snem р. п. semna, дат. semnu (вм. senma), mhla, mlha и hmla (ходск. н.), hltati, hltavu и диалект. lhtati. lhtavý, koblúk (др.-ч. турецк. kâlpāk), koblók (мор.), klobouk, habr и hrabr (мор.), havran и harvan, Kromežir—Kroměřiz, krokodil—kokodril (др.-ч.), tolar (Thaler)—toral (нар. г.), letorast—ratolest, hedbávi (шелкъ)—hedbávní вм. hedvábi, varhany и harvany (мор. г.).

5. У д а р е н и е.

Вопросъ о чешскомъ удареніи еще не разработанъ съ желательною обстоятельностью и полнотой. Чешскіе ученые (Добровскій, Гостинскій, Тругляръ, Голь, I. Дурдиевъ, Краль), писавшіе объ этомъ

вопросъ, большею частью касались его мимоходомъ въ связи съ вопросомъ о чешскомъ стихосложеніи¹⁾). Русскому слависту Р. Θ. Брандту (Начертаніе славянской акцентологіи 148—159) принадлежитъ заслуга выясненія особенностей чешскаго ударенія съ общеславянской точки зрѣнія. Такимъ же характеромъ отличается чешская работа Jokl'a (O přízvuku slovanském zvláště českém. Listy fil., 1885, 422). Въ обширной исторической грамматикѣ Гебауэра ударенію удѣлено сравнительно очень скромное мѣсто (573—585): почтенный чешскій филологъ ограничился сообщеніемъ основныхъ положеній, наиболѣе раздѣляемыхъ современными учеными и оставилъ безъ разсмотрѣнія всѣ темныя и спорныя стороны вопроса. Между тѣмъ разногласія изслѣдователей иногда касаются существа дѣла, напр. характера ударенія въ качественномъ отношеніи, числа удареній въ одномъ словѣ и проч.

Удареніе въ чешскомъ языкѣ по качеству — *экспираторное*, по мѣсту въ словѣ — *одномѣстное* или *постоянное*.

Будучи экспираторнымъ чешское удареніе состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона; такимъ свойствомъ оно рѣзко отличается отъ музыкальнаго ударенія сербо-хорватскаго языка и сближается съ удареніемъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ. Впрочемъ, эта близость только относительная. Экспираторное удареніе можетъ быть двоякаго типа: 1) *однородное* — въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленіе голоса на ударяемыхъ гласныхъ остается одинаковымъ, что наблюдается въ языкахъ, не различающихъ количества гласныхъ; 2) *количественное* — въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленіе голоса мѣняется оттѣнки въ зависимости отъ долготы и краткости ударяемыхъ гласныхъ. Одни ученые (въ старое время Добровскій, въ новое — Брандтъ) утверждаютъ, что чешское удареніе есть именно количественное: на долгомъ гласномъ оно звучитъ иначе, чѣмъ на краткомъ. Другіе (Краль, Гебауэръ) считаютъ чешское удареніе однороднымъ; нѣкоторое же различіе въ разговорѣ ударяемыхъ долгихъ и краткихъ гласныхъ приписываютъ различію ихъ не въ удареніи, а въ количествѣ. Окончательное рѣшеніе

¹⁾ Dobrovský, Prosodie въ граммат. Пельцеля Grundzüge d. böhm. gram., 1795; Hostinský, Několik slov o české prosodii — Květy, 1870, № 47; J. Truhář, a) O prosodii české. Časop. Česk. Mus., 1871; б) O přízvuku vůbec, zvláště českém. Čas. Česk. Mus., 1872, 410; Goll, O českém verši desetislabičném. Čas. Č. Mus., 1871, 249; J. Durdik, O poměru obou prosodii českých. Čas. Česk. Mus., 1878, 58; J. Král, O prosodii české. Listy fil., 1893—96 (продолжается).

этого спорнаго вопроса требуетъ предварительныхъ тщательныхъ наблюдений надъ чешскимъ удареніемъ въ живой рѣчи со стороны опытныхъ изслѣдователей, обладающихъ тонко-развитымъ слухомъ. Намъ лично, насколько позволяетъ судить о дѣлѣ непосредственное наше знакомство съ чешскимъ языкомъ, кажется, что количество овазываетъ вліяніе на свойство ударенія: краткій ударяемый гласный произносится съ болѣе рѣзкимъ усиленіемъ голоса, чѣмъ долгій; напр.: *záhada* и *původní*.

Чешское удареніе—одномѣстное или постоянное, т. е. находится всегда на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ слова, именно на первомъ или начальномъ слогѣ; слова сложные, особенно образованныя черезъ сложение съ предлогами и отрицательной частицею *ne*, слѣдуютъ также общему закону; напр.: *jelen*, *horlivý*, *učiniti*, *následující*, *párod*, *pechceš*, *pěšfestí*. Односложные предлоги, присоединяясь къ зависящимъ отъ нихъ словамъ, сливаются съ ними въ одно цѣлое и принимаютъ на себя удареніе какъ первый слогъ этого цѣлаго; напр.: *na-hogu*, *na-pomos*, *do-domu*, *za-lesem*. Только *dle*, *kol*, *skrz* а также обыкновенно *krom* не принимаютъ ударенія; напр.: *dlevšeho*, *kolsochy*, *skrzles*, *krom-toho* и *krom-toho*.

Вслѣдствіе такой опредѣленности положенія удареніе въ чешскомъ письмѣ не обозначается.

Кромѣ чешскаго языка удареніе находится постоянно на первомъ слогѣ въ языкахъ—словацкомъ, сербо-лужицкомъ и южно-кашубскомъ. Сверхъ того одномѣстное удареніе, но на предпоследнемъ слогѣ, свойственно польскому языку. Во всѣхъ остальныхъ славянскихъ языкахъ удареніе вольное или разномѣстное.

Въ нарѣчіяхъ восточной Моравіи (особенно въ ляшскомъ и староицкомъ, а также частью въ границкомъ, валашскомъ, дольно-бечевскомъ и злинскомъ) наблюдается уклоненіе отъ общаго закона: удареніе звучитъ въ нихъ постоянно (напр. въ ляшскомъ нар.) или часто на предпоследнемъ слогѣ. Эта особенность данныхъ нарѣчій (какъ и нѣкоторыя другія въ области фонетики), быть можетъ, есть результатъ скрещиванія чешскихъ говоровъ съ польскими.

При произнесеніи чешскихъ словъ нужно имѣть въ виду не только удареніе перваго слога, но и различіе количества слѣдующихъ неударяемыхъ гласныхъ. Соблюденіе долготъ, слѣдующихъ за первымъ ударяемымъ гласнымъ, само по себѣ облегчаетъ выговоръ многосложныхъ

словъ, въ родѣ *pronásledovati, předvídáného*¹⁾). Сверхъ того необходимо указать, что чешское удареніе не отличается такою силою, какъ русское. По справедливому замѣчанію проф. Брандта, иной разъ удареніе такъ слабо, что трудно его и слышать: другими словами иногда всѣ слоги произносятся почти съ одинаковымъ напряженіемъ. Вслѣдствіе этого въ чешскомъ языкѣ слоги неударяемые не жмутся и не тѣснятъ къ ударяемому, подобно русскимъ, и даже довольно длинный рядъ ихъ не представляетъ затрудненія для выговора.

Этою относительною слабостью чешскаго ударенія объясняется происхожденіе стараго довольно распространеннаго среди чешскихъ филологовъ мнѣнія, будто въ чешской рѣчи совсѣмъ нѣтъ удареній, а всѣ слоги произносятся съ одинаковою силою и разнятся только по количеству. Въ связь съ этою особенностью чешскаго ударенія нужно поставить и мнѣніе о возможности примѣненія въ чешскомъ стихосложеніи метрической системы на ряду съ тонической. Въ настоящее время тоническій размѣръ въ чешской поэзіи получилъ окончательный перевѣсъ надъ метрическимъ, тѣмъ не менѣе послѣдній еще имѣетъ защитниковъ и перѣдко примѣняется въ поэзіи, особенно при переводѣ древнихъ греческихъ и латинскихъ произведеній²⁾).

Кромѣ указанныхъ соображеній о свойствѣ чешскаго ударенія, плавность и легкость чешской рѣчи, въ новѣйшее время объясняются еще теоріей *второстепенныхъ или побочныхъ удареній*. Полагаютъ, что трехсложныя и многосложныя слова, кромѣ главнаго ударенія, всегда падающаго на первый слогъ, имѣютъ одно или нѣсколько побочныхъ, менѣе сильныхъ удареній; напр. въ словѣ *paradál* слогъ *pa* имѣетъ главное удареніе, а слогъ *dal*—побочное; въ словѣ *pronásledovati* слогъ *pro* имѣетъ главное удареніе а *sled* и *va*—побочныя и т. п. Впервые выставили эту теорію сторонники тоническаго стихосложенія. Ее оспаривали многіе чешскіе филологи, занимавшіеся

¹⁾ Ударяемые слоги обозначаются жирнымъ шрифтомъ.

²⁾ Подробному изложенію исторіи спора о чешской просодіи посвящена большая обстоятельная (еще неоконченная) работа почтеннаго чешскаго филолога J. Краля — *O prosodii české* (*Listy filol.*, 1893—1896 г.). Въ ней авторъ, между прочимъ, намѣренъ доказать, что метрическая просодія противорѣчитъ духу чешскаго языка и что чешское стихосложеніе должно опираться исключительно (для всѣхъ видовъ поэзіи) на тоническомъ размѣрѣ. Во второй части этого сочиненія, которую было бы желательно видѣть въ печати возможно скорѣе, вѣроятно будетъ дано систематическое изложеніе ученія о чешскомъ удареніи.

удареніемъ (Голль, Дурдякъ, Тругларь), но теперь она получила, кажется, общее признаніе. Въ элементарныхъ грамматикахъ обыкновенно говорится не только о главномъ удареніи, но и о побочныхъ. Проф. Гебауэръ въ своей исторической грамматикѣ излагаетъ цѣлое ученіе о побочныхъ удареніяхъ, выясняетъ отношеніе ихъ къ главному ударенію и опредѣляетъ положеніе ихъ въ словѣ. Главнѣйшія изъ выставляемыхъ имъ положеній слѣдующія: 1) двухсложныя слова имѣютъ только одно главное удареніе, напр. voda, vino, mĕsto; 2) въ многосложныхъ словахъ кромѣ главнаго ударенія необходимы побочныя, которыя обыкновенно падаютъ на нечетные слоги (третій, пятый ...отъ начала слова); напр.: povezeme, neomylný, nejmilější, nepřátelství, neomylný, nevyhodím, nepovezeme; 3) чаще всего это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нечетные слоги долги или коренные, а четные кратки; напр.: byvalý, byvalého, nepředvídaný, nepředvídaného. Напротивъ, если нечетные слоги не отличаются указанными свойствами, которыя взаимнѣ того представлены сосѣдними четными слогами, то побочныя ударенія падаютъ на послѣднія, напр. nevídam, neobučejný, nejbohatější¹⁾. Въ частностяхъ вопросъ о побочныхъ удареніяхъ еще не выясненъ. Изъ данныхъ, сообщаемыхъ проф. Гебауэромъ, видно, что въ большинствѣ случаевъ (въ многосложныхъ словахъ) побочное удареніе приходится на долги слоги. Возникаетъ вопросъ—слѣдуетъ ли въ этихъ случаяхъ видѣть дѣйствительно какое-то слабое, побочное удареніе или только простое выдѣленіе слога въ выговорѣ подъ вліяніемъ долгаго гласнаго? Напомнимъ, что такую же неясностью отличается вопросъ о побочныхъ удареніяхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ (ср. Лекціи по славянск. язык., I, 279).

Нѣкоторые слова не принимаютъ ударенія (энклитики): 1) мѣстоименія—ho, mu, mi, ti, si, mě, tě, se; 2) частицы -že, -te, -li; 3) односложные союзы— a, i, by, zda, až, pak, kde; напр.: a on, kde jste?, až tam, nikdo ho ne ehce, pan mi poručil.

Нѣкоторыя односложныя слова, особенно мѣстоименія, а также существительныя и прилагательныя такъ тѣсно сливаются со слѣдующимъ словомъ, что теряютъ свое удареніе; напр.: ten - nepořádek, to - mĕsto, z - te vody, ty - zahrady, má - sestra, sám - papež, pan - ucitel, kral - Jan и т. п. Эти слова при данномъ положеніи, по мнѣнію Ге-

¹⁾ Главное удареніе въ чешскихъ грамматикахъ обозначаютъ " , побочное ' .

бауэра, имѣють побочное удареніе. Съ перемѣной мѣста они получаютъ свое настоящее главное удареніе, напр.: *perořadek ten, město to* и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что современное одномѣстное удареніе не исконное въ чешскомъ языкѣ, а выработалось постепенно изъ пра-славянскаго разномѣстнаго или подвижнаго. Для сужденія о древне-чешскомъ удареніи, къ сожалѣнію, не имѣется достаточно свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно заключать, что еще въ историческую пору по крайней мѣрѣ нѣкоторыя слова имѣли удареніе не на первомъ слогѣ. Сюда напр. относятся р. д. пп. мѣстоим. *jeho, jemu*, которые звучатъ и сокращенно *ho, mu*, въ древнемъ яз. находимъ для нихъ параллельныя формы *jeho—jho* и *jemu—jmu*. Еслибъ тогда удареніе падало на первый слогъ, какъ теперь, то *e*, находясь подъ удареніемъ, не могло бы исчезнуть. Отсюда нужно предположить, что прежде оба слова имѣли удареніе на послѣднемъ слогѣ, какъ въ русскомъ языкѣ: *jeho, jemu*. Тоже можно сказать о другихъ словахъ, потерявшихъ гласный звукъ начальнаго слога; напр. *šne* (род. п. изъ *šene*), *kdy, rji, rvi, řku, zvi* и т. д. Попытку выяснить постепенность развитія одномѣстнаго чешскаго ударенія изъ пра-славянскаго разномѣстнаго представилъ пр. Брандтъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ *Начертаніе славянской акцентологии* (156—159). Нужно думать, что въ этомъ процессѣ видную роль играла такъ наз. оттяжка ударенія къ началу слова въ родѣ той, какую представляетъ сербская штокавщина въ сравненіи съ чакавщиной (вода—вѣда—водѣ, ср. „Лекціи“, I, 282). Вслѣдствіе такой оттяжки во многихъ словахъ удареніе оказалось на первомъ слогѣ. Затѣмъ когда въ языкѣ такимъ образомъ развилась привычка къ ударенію на начальномъ слогѣ, послѣднее по аналогіи стали переносить на всѣ другія слова. Такъ удареніе на первомъ слогѣ получило значеніе общаго закона въ языкѣ.

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Склоненіе въ чешскомъ языкѣ не представляетъ такого богатства формъ, какое предполагается для славянскаго праязыка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-

славянскаго яз.; тѣмъ не менѣе оно во многихъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ предполагаемой древней нормѣ, чѣмъ склоненіе нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языковъ, особенно южно-славянскихъ. Напр. чешское склоненіе не подверглось такому упрощенію, какъ сербохорватское; въ немъ строже выдержано различіе основъ, сохранилось въ большей степени древнее разнообразіе окончаній. Эта относительная близость къ старинѣ (наиболѣе рѣзко выраженной въ старо-славянскомъ языкѣ) особенно замѣтна въ памятникахъ стараго языка, въ которомъ еще не получили полного развитія характерныя черты современнаго чешскаго вокализма (перегласовка, сѣуженіе и стяженіе гласныхъ), повліявшія на измѣненіе многихъ древнихъ флексій. При все томъ имѣя въ виду современный литературный языкъ нельзя не признать, что и чешское склоненіе, въ своемъ историческомъ развитіи подверглось болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ и превращеніямъ. Главнѣйшія отступленія отъ древней нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи нѣкоторыхъ разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній. Какъ относительно вѣрности старинѣ, такъ въ уклоненіяхъ отъ нея всѣ три рода склоненія—именное, мѣстоименное и сложное представляютъ свои особенности ¹⁾.

И м е н н о е с к л о н е н і е .

1. *Утрата двойственнаго числа.* Въ настоящее время чешскій языкъ не знаетъ двойственнаго числа: оно замѣнилось какъ въ литературномъ языкѣ, такъ во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ множественнымъ; напр. *ty dvě veliké ryby* и *ty tři veliké ryby*. Тоже самое наблюдается во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ словинскаго, сербо-лужицкаго и кашубскаго (доселѣ сохранившихъ двойственное число въ живой рѣчи).

Въ старомъ языкѣ формы двойственнаго числа весьма употребительны, особенно въ XIV—XV ст.; держатся онѣ въ XVI и даже въ XVII ст. Большею частью имъ свойственны древнія окончанія; именно:

¹⁾ Настоящая глава уже готовилась къ печати, когда мы получили весьма важный для нея только что вышедшій новый томъ обширнаго труда Гебаузера „Historická mluvnické jazyka českého“. Díl III. Tvarosloví. I Skloňování. V Praze, 1896, 8°, 637.

1) для твердыхъ основъ на—о: муж. р. у, а (им. вин. п.) *rtu má* (Вит. пс.), *dva mucedlnyki* (Пасс.), *dva ranu* (Дал. Хр.), *dva bratra*; оконч. у (заимствованное изъ склоненія основъ на—ц) встрѣчается чаще, при томъ въ болѣе древнихъ памятникахъ; оконч. а (болѣе органическое)—рѣже и въ позднѣйшихъ памятникахъ; ú (род., мѣст. п.): *ve rtu svú* (Вит. пс.), *o dwu czlowieku* (Хельчицк.); *ома* (дат. тв. п.): *sse dwema dussnicoma* (Литомѣр. гр.), *rtoma veselýma*;

2) для твердыхъ основъ на—о: средн. р. ě (им., вин. п.), ú (род., мѣст. п.), *ома* (дат., тв. п.)—*te myestye* (Далим.), *kolenye moji* (Вит. пс.), *krzydlu tvú* (Виттенб. пс.), *krzidloma*;

3) для мягкихъ основъ на—о: муж. р. o (изъ древн. а им. вин. п.), iu, í (род., мѣст. п.), *ома*, *ома* (дат., твор. п.)—*ze dwu penyezuu* (Далим.), *ote dvú kralýu*, *ode dwu kralýu*, *s cziesarsoma*, *se dvěma kraloma*, *kralema*;

4) для мягкихъ основъ на—о: сред. р. í (им., вин. п.), iú, í (род., мѣст. п.), *ома*, *ома*, *íma*, *ма* (дат., тв. п.), напр. *pleci* (Mat. Verb.), *luczu* (Виттен. пс.), *na plecú svú* (Клемент. пс.), *na plesu* (Пассион.), *wieczszoma* (Вит. пс.), *plecoma*, *pleczíema*, *plecíma* (Клем. пс.), *plecma* (Вит. пс.);

5) для твердыхъ основъ на—а: ě (им., вин. п.), ú (род., мѣст. п.), *аша*, *ома* (дат., твор. п.), напр.: *dvé rannye* (Пассион.), *tuto dvú matku setkanie* (Пассион.), *dczeraama*; оконч. *ома* (перенесенное съ основъ на—о) съ XIV ст.: *se dczeroama*;

6) для мягкихъ основъ на—а: í (им., вин. п.), iu, í (род., мѣст. п.), (*ама*), *ома* (дат., твор. п.), напр.: *ogluczu* (Далим.), *vše po pajú volu bude*, *tu dwu dussi*; примѣровъ на—*ама* нѣтъ; *ома* заимствовано отъ основъ на—о *věžoma*;

7) для основъ на—ц: у (им., винит. п.), *dva synu* (Далим.), *dva voly* (Град. сб.);

8) для основъ на—í: í (им., вин. п.), iu, í (род., мѣст. п.), *ма* (дат., твор. п.), напр.: *hosti*, *kmeti*, *mylosti*, *hosfú*, *kosfu*, *vsí*, *peczetma*, *kostma*;

9) для основъ на согласный: у, í, ě (им., вин. п.), iú, ú (род., мѣст. п.), *ома*, *ома*, *ама*, *ма*, напр. *koruhwu*, *kamenu*, *ramenu*, *dietietie dvě teletie* (l'усь), *mateři*; *ramenu obú* (Град. сб.), *dyetatu* (Пассион.), *ramenoma*, *dyetatma*, *zwierzatoma*.

Въ современномъ яз. слѣды древняго двойственнаго числа удержались въ слѣдующихъ формахъ: dva, oba (м., ср. р.), dvě, obě (ж. р.), dvou, obou, dvěma, oběma; u prsou, na prsou, dvě stě, u kolenou, na kolenou, u ramenou, na ramenou, ruce, rukou, rukama, nohou, nohama, očí, uší (им., вин. п.), očí, uší (род. п.), očima, ušima. Въ народномъ яз. род. и особ. мѣстн. п. rukouch, nohouch (oh явилось по аналогіи род. п. мн. ч.). На род. п. двойств. ч. опираются народные дательные падежи—rukoum, nohoum; m прибавлено въ нихъ по аналогіи род. и дат. мн. ч. (chlarpŭ—chlarpŭm). Весьма распространенныя въ народныхъ говорахъ (особенно моравскихъ) окончанія творит. пад. мн. ч. на ama (для всѣхъ родовъ), ota (ляшск. нар.), вѣроятно, также заимствованы изъ двойственнаго числа: chlarama, supama, губама, širokuma, křidlama, chlorama.

2. Виды именнаго склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ.

Въ современномъ чешскомъ языкѣ представлены въ большей или меньшей степени всѣ древніе виды именнаго склоненія, за исключеніемъ одного—склоненія основъ на -ц, именно: 1) склоненіе основъ на -о (ъ, о), твердое и мягкое, 2) склоненіе основъ на -а, твердое и мягкое, 3) склоненіе основъ на -і мужскаго и женскаго рода и 4) склоненіе основъ на—*согласный*. Господствуютъ въ языкѣ первые два вида—склоненіе основъ на -о и на -а. По нимъ измѣняются не только издревле-относящіяся сюда основы, но и нѣкоторыя другія—какъ-то: всѣ основы на ц, многія основы на і и на *согласный*. При этомъ твердое и мягкое различія въ этихъ видахъ склоненія выдержаны очень послѣдовательно. Разница между окончаніями твердаго и мягкаго склоненія вслѣдствіе звуковыхъ особенностей чешскаго вокализма еще значительнѣе, чѣмъ въ старо-славянскомъ языкѣ, такъ что каждое изъ нихъ представляетъ какъ бы свой самостоятельный типъ. Склоненіе основъ на -і удержалось, но далеко не въ полномъ видѣ; его коснулось наблюдаемое и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ смѣшеніе основъ: многія основы на -і муж. р. склоняются уже по образцу основъ на -о, а нѣкоторыя основы на -і жен. р. слѣдуютъ мягкому склоненію основъ на -а. Наиболѣе консервативенъ въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) литературный языкъ; въ народной же рѣчи этотъ видъ склоненія все больше падаетъ. Сохранилось въ языкѣ и склоненіе на согласный (v, n, t, r), но также не въ полномъ объемѣ; древнія характерныя окончанія этого склоненія

выступаютъ преимущественно въ единственномъ числѣ (gamepe, gameňi) а во множественномъ числѣ большею частью произошло смѣшеніе основъ: основы на *п, s, t*, слѣдуютъ склоненію основъ на *-o*, а основы на *-y* склоненію на *-a*. Въ народномъ языкѣ такое смѣшеніе основъ иногда простирается и на единственное число (gamepe, gamepa, gamepu).

Такимъ образомъ въ настоящее время въ чешскомъ именномъ склоненіи можно различать слѣдующіе виды:

- 1) склоненіе основъ на *-o*: chlap, město.
- 2) " " на *-jo*: muž, Jiři, moře, znamení.
- 3) " " на *-a*: ryba, vladyka.
- 4) " " на *-ja*: duše, paní, sudí.
- 5) " " на *-i*: kost, host.
- 6) " " на согласные: *-v, -n, -t, -r*: církev, kámen, pléme, kuře, matí.

Что касается склоненія основъ на *-u*, то нѣкоторые остатки его сохранились еще въ древнѣйшихъ памятникахъ языка (въ XIV ст. и позже¹⁾); напр. зв. п. synu, (такъ и въ соврем. яз.); род. п. — volu, domu; дат. п. synovi, volovi, domovi; мѣстн. п. synu, volu, domu; им. вин. дв. ч. synu, volu, domu; им. мн. ч. synove, volove; род. п. мн. synov, мѣст. п. мн. synech. Въ современномъ языкѣ слѣды склоненія основъ на *-u* сохранились въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на *-o*. Сюда относятся: *u* (р. п. ед. ч.), *ovi* (д. п. ед. ч.), *u* (зв. п. ед. ч.), *u* (м. п. ед. ч.), *ove* (им. п. мн. ч.), *óv, úv* (род. п. мн. ч.), *y* (вин. п. мн. ч.); напр. dubu (р. п.), chlapovi, na břehu, (м. п.) synu, vřahu (зв. п.), chlapové, dubův и т. п. Аналогичныя явленія представляютъ и другіе славянскіе языки. Ср. особенно словинскій языкъ (Лекція по слав. яз. I, 339—340).

3. *Смѣшеніе надежныхъ окончаній.* Характерную черту чешскаго языка въ области формъ составляетъ стремленіе его къ сохраненію древнихъ окончаній, въ большей или меньшей степени соответствующихъ окончаніямъ старо-славянскаго языка. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи съ историческимъ развитіемъ языка проникли въ чешское склоненіе отступленія отъ древней нормы, которыя можно обозначить общимъ терминомъ смѣшенія надежныхъ окончаній. Это

¹⁾ Они тщательно собраны Флайшгансомъ (Listy fil., 1890, 1891) и Гебауэромъ (Histor. mluvn., III, 1, 325 слѣд.).

смѣшеніе, наблюдаемое во всѣхъ славянскихъ языкахъ, въ чешскомъ языкѣ (частью литературномъ, частью въ народныхъ говорахъ) выразилось въ явленіяхъ двоякаго рода: 1) извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному типу словъ, по закону аналогіи примѣняется въ томъ же падежѣ въ словамъ другихъ категорій; 2) подъ вліяніемъ звуковыхъ законовъ яз. (особенно перегласовки, суженія и стяженія гласныхъ) различные падежи одного склоненія, прежде звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія.

Къ явленіямъ перваго рода относятся слѣдующія:

I. Въ склоненіи основъ на -о: 1) рядъ указанныхъ уже выше *окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на -и*; именно: а) *оконч. зват. п. един. ч. муж. р. -и*, рядомъ съ господствующимъ окончаніемъ е: vgaŭi, hochu, romoslŭiku (Виттенб. и Климент. пс.); и выступаетъ послѣ гортанныхъ и въ древнемъ *зупи*; иначе е: chlape, bratře; б) *оконч. род. п. един. ч. муж. р. -и*, рядомъ съ основнымъ а: dubu, hradu, lidu, но—chlapa, oŭla и т. п. (о разграниченіи употребленія а и и ниже при обзорѣ склоненія основъ на -о); в) *оконч. дат. п. ед. ч. муж. р. -овѣ*, рядомъ съ основнымъ и: chlape, chlapovѣ, oŭlovѣ; *овѣ* возможно только для именъ, означающихъ одушевленные предметы; изъ *овѣ* образовалось *оѣ*, встрѣчающееся въ моравскихъ (опавск. нар.) и чешскихъ говорахъ, напр. chlapoj, bratroj, hadoj; *овѣ* проникло и въ мягкое склоненіе—vgašovѣ; г) *оконч. мѣстн. п. ед. ч. -и, -овѣ*, рядомъ съ основнымъ ѣ: hněvu, prachu, Vaclavovѣ, chlape, dubě, městě; возможно и другое объясненіе этихъ окончаній: они могли по аналогіи перейти изъ дат. п. въ мѣстный (ср. Лекціи по славянск. яз., I, 441—442); въ народныхъ говорахъ *кромѣ ови* встрѣчается *оѣ*: chlapoj; д) *оконч. имен. п. мн. ч. муж. р. -овѣ (овѣ)*, рядомъ съ основнымъ і и неорганич. у: chlapovѣ, dubovѣ и chlapi, duby; то же и въ мягкомъ склоненіи—ogašove; е) *оконч. род. п. мн. ч. словъ муж. р. -овъ, -ѣвъ* вм. пра-слав. ѣ: clapovъ, chlarpv, dubovъ, dubv, oŭasv; отсюда (черезъ потерю v) *о, ѣ*: dubv; въ народн. гов. ou, ŭch, ŭj: susedou, jelenuch (з.-чешск., валашск.), suseduj (валашск. нар.). Формы древнія—безъ *овъ, ѣвъ* (hřiech—Климент. пс.)—уже въ старомъ языкѣ очень рѣдки, а въ новомъ литературномъ встрѣчаются только отъ народныхъ названій, обозначающихъ страну (Čech, Bavor), и кое-гдѣ въ говорахъ какъ діалектическая особенность. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -и, перешли въ склоненіе основъ на -о уже въ до-историческую пору.

2) *Окончания, перешедшія изъ склоненій основъ на -i и на -a;* именно: а) въ *твор. п. мн. ч.* -*mí, -emí, -amí* на ряду съ основными *y, i* (въ мягкомъ склоненіи); напр.: *duby, dubmí, dubamí, městy, letmí, městamí, ořací, hračemí, požamí, polí, polmí, mořemí, polamí*; окончаніе *mí* заимствовано изъ склоненія основъ на *i*; оконч. *amí, emí* (черезъ перегласовку изъ *amí*)—изъ склоненія основъ на *-a*; въ литературномъ языкѣ приняты древнія окончанія *-y, -i*; но въ живой рѣчи они удержались только въ немногихъ говорахъ (дулѣбск., валашск.), обыкновенно же вмѣсто нихъ слышны позднѣйшія *mí, amí*. Тоже явленіе въ русскомъ и польскомъ яз. (дубами, ножами, полями, *dubami, požami*); въ просторѣчьи *вм. mí, ama* — часто *ma, ama, ota*; напр. *chlarama, chlорота* (опавск. г.); новообразованныя формы являются въ памятникахъ съ конца XIV ст.; б) въ *мѣстн. п. мн. ч.* -*ech, -ach* на ряду съ основнымъ *ích* (изъ *iech*); напр.: *chlaričh* (др.-ч. *chlariēch, dařiech*), *chlariēch, břehách, městich, městech, městách, koničh, konech, koňách, poličh, polech, polách*; оконч. *ech* заимствовано изъ склоненія основъ на *-i*, оконч. *ach* — изъ склоненія основъ на *-a*. Всѣ три окончанія—*ích, ech, ach* наблюдаются въ народныхъ говорахъ и приняты въ современномъ литературномъ языкѣ. Въ послѣднемъ кромѣ *ích*, наиболѣе распространено *ech*, которое обыкновенно слышно послѣ *p, d, t, r* и (въ словахъ средняго рода) послѣ *l*; *ách*—въ выраженіи *ve spách* и послѣ *k*, которому предшествуетъ другой согласный; напр.: *vrazičh, rasičh, hadech, darech, rtech, stadech, městech, oknech, křidlech, jeze-rech, městěčkach, koničkach*; въ восточно-морав. говорахъ встрѣчается еще оконч. *-och*: *bratroch, vojakočh, oknoch*; в) въ *дат. п. мн. ч.* на ряду съ основнымъ *ům* (ом) діалектическое—*am*: *chloram* (ляшск. н.), *městam*.

3) Переходъ окончанія имен. п. множ. ч. -*é* изъ склоненія основъ на согласный въ словахъ: *andělé, manželé, židé, hosté* и образованныхъ суфф. *an: zemané, dvořané*; то же *é* въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ въ другихъ случаяхъ: *holubé, chlaré, rané* (валашск. нар.).

II. Въ склоненіи основъ на *-a*: 1) побочное окончаніе *род. п. мн. ч.* -*i*, заимствованное изъ склоненія основъ на *-i*; для мягкихъ основъ оно весьма распространено въ литературномъ языкѣ, въ которомъ древнія формы безъ окончанія очень рѣдки; напр.: *zemí, ovcí, duší, koží, bohyní*; но *ulic, mil, chvil, košil, neděl*; въ твердыхъ основахъ оно встрѣчается только діалектически (нар. злинск., дольно-

бечевск., дольское): břeží, izbí, minutí; 2) заимствованное отъ основъ на -о окончаніе *дат. п. мн. ч.* -ом; напр.: křavom, jaluvkom, встрѣчается только въ нѣкоторыхъ говорахъ (ходск., д.-бечевск.); 3) діалектическія окончанія *твор. п. мн. ч.* -ама, -ома вм. обычнаго древняго оконч. *амі*: гувама (обще-простонародное, объясняемое какъ заимствование изъ древняго двойственнаго числа), кравома (ляшск., с.-опавск.); 4) діалектическія окончанія *мъстн. п. мн. ч.* -ош (по аналогіи окончанія, употребляемаго и при основахъ—на -о) и еш (заимствованное изъ склоненія основъ на -і) вм. органическаго литературнаго *аш*: гуваш (д.-бечевск.), губеш (стицк. гов.).

III. Въ склоненіи основъ на -і: 1) усвоеніе основами жен. рода окончаній, заимствованныхъ изъ *склоненія мягкихъ основъ на -а*; именно: а) въ *родит. п. ед. ч.* ѣ (вм. искон. і)—*labutě*; б) въ *имен., винит. пп. множ. ч.* -ѣ (вм. искон. і)—*labutě*; в) въ *дат. п. множ. ч.* -ім (вм. ем)—*labutím*; г) въ *твор. п. мн. ч.* -ѣми (вм. ми)—*labutěmi*; д) въ *мъст. п. мн. ч.* -іш (вм. еш)—*labutích*. Какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ народныхъ говорахъ употребляются тѣ и другія формы—исконныя (*labuti, labutem, labutmi, labutech*) и ново-образованныя, при чемъ одни слова допускаютъ двойныя формы (*zeď, měď, říď, obuv, chut, nit, labuť* и др.), другія возможны только съ исконными окончаніями (*kost, smrt, pěst* и др.), третьи—съ окончаніями основъ на -а (*daň, dlaň, bázeň*); болѣе подробныя свѣдѣнія о различныхъ измѣненіяхъ этихъ словъ сообщаются ниже, при схемѣ склоненія;

2) усвоеніе основами муж. р. для большей части надежей окончаній, заимствованныхъ изъ *склоненія основъ на -о* и на -jo: *host*, зв. п. *hosti* и *hoste*, род. п. *hosti, hostě* и *hosta*, дат., м. пп. *hosti* и *hostu, hostovi*, им. мн. ч. *hostie* (др.-ч.), *hosté, hosti*, род. мн. ч. *hosti* и *hostův*, дат. п. мн. ч. *hostem* и *hostům*; ново-образованныя формы берутъ первѣсь не только въ народной рѣчи, но и въ литературномъ языкѣ;

3) въ восточныхъ моравскихъ говорахъ основы муж. и жен. р. принимаютъ въ *дат., твор. и мъстн. пп. множ. ч.* соотвѣтствующія окончанія основъ на -а: *ám, amí, ách*, напр. *hostám, kostám, hostami, kostami, hostách, kostách*.

IV. Въ склоненіи основъ на согласный: 1) основы на *у* въ народной рѣчи принимаютъ въ *род. п. ед. ч.*, въ *имен. и вин. пп. мн. ч.* оконч. -ѣ по аналогіи основъ на -ja: *tykvě, větvě, láhvě*; въ литературномъ яз. первичное *е*: *tykve, větve* и т. д.; сверхъ того для

нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ возможны параллельныя формы всѣхъ падежей по аналогіи основъ на -а; напр.: dratev — dratva, dratve — dratvu и т. д.; 2) *основы на -п* муж. р. образуютъ формы множественнаго числа обыкновенно по аналогіи основъ на -о: им. kameni, -ove, род. п. kamenŭv, дат. п. kamenŭm и т. д., впрочемъ и въ литературномъ яз. удерживаются род. п. — kámen (гдѣ kámen обозначаетъ вѣсь напр. — deset kámen masa) и kořen (въ выраженіи — do kořen или do kořan); въ народныхъ говорахъ окончанія основъ на -о, -jo проникаютъ и въ падежи единств. числа: род. п. kamena, kamenu, kameňa, дат. п. kamenu, kameňu; 3) *основы средняго рода на -п, -t* во множественномъ числѣ слѣдуютъ исключительно основамъ на -о: им., вин. p-gamena, kuřata, род. п. gamen, kuřat, дат. п. gamenŭm, kuřatŭm и т. д.; для основъ на п въ живой рѣчи весьма употребительны ново-образованія по аналогіи основъ на -о и въ единственномъ числѣ: gameno, semeno, род. п. gamena, semena, дат. п. gamenu, semenu и т. д.; отъ основъ на -t подобныя формы встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ говорахъ: tĕlaťa, tĕlaťu (в.-морав. гов.); 4) *основы на -s* вполне усвоили падежныя окончанія основъ на -о и за исключеніемъ pebe утратили и согласный s; напр. slovo, tĕlo, род. п. slova, tĕla; pebe въ единств. числѣ слѣдуетъ мягкому склоненію на -о, а во множественномъ—твердому, при чемъ сохраняетъ s только во множ. ч.; напр. имен., вин., зв. pebe, род. п. pebe, дат., мѣст. пп. pebi, тв. п. pebes, им., вин. пп. pebesa, род. п. pebes, дат. п. pebesŭm, тв. п. pebesy, м. п. pebesiŭh; 5) *основы на -r* допускаютъ во всѣхъ падежахъ формы съ окончаніями основъ на -а: род. п. dseru, тв. п. dserou, им. мн. ч. dseru, дат. п. dserám, тв. п. dserami, м. п. dseráŭh. Употребительныя теперь формы дат. п.— mateřem, -řim и мѣст. п.— mateřech, -řich также надо разсматривать какъ ново-образованія по аналогіи основъ на -ja; сверхъ того въ старомъ яз. и народныхъ говорахъ встрѣчаются формы безъ согласнаго основы съ окончаніемъ отъ основъ на -i: род., тв. пп. mati (моравск. гов.).

Весьма многочисленны явленія втораго рода, т. е. случаи смѣшенія падежныхъ окончаній вслѣдствіе измѣненія послѣднихъ на основаніи общихъ законовъ чешскаго вокализма. Сюда относится главнымъ образомъ мягкое склоненіе основъ на -о и на -а, значительно упростившееся по сравненію съ мягкимъ склоненіемъ старо-славянскаго языка.

I. Въ склоненіи основъ на -jo муж. р. совпали слѣдующіе падежи: 1) *род. ед. ч. и вин. мн. ч.*, имѣющіе оконч. е: огаѣе, шеѣе, шуѣе, сисаѣе, отсе; въ род. п. е развилось изъ древн. а (огаѣа, шеѣа), въ вин. п. мн. ч. а соотвѣтствуетъ старо-слав. ѡ (мѣжа, конѣ) и по распространенному въ наукѣ мнѣнію возникло изъ пра-слав. ѣ (ѣ); 2) *зват., дат., мѣстн. един. ч. и твор. множ. ч.*, оканчивающіеся на і: огаѣі, шеѣі; слова, обозначающія предметы одушевленные, имѣютъ тоже окончаніе и въ имен. п. множ.; въ старомъ языкѣ принимали і и слова, обозначающія предметы неодушевленные, въ настоящее время они пользуются формой на -ѣ, заимствованной изъ винительнаго пад. (шеѣѣ); въ имен. и твор. пп. множ. ч. і пра-славянскаго происхожденія, а въ зват., дат. и мѣстн. един. возникло изъ и черезъ перегласовку.

Имена *существительныя на -і* (образованныя суфф. ѣѣ), напр. Југѣѣ — Југѣі (др.-ч.) — Јѣѣі (н.-ч.) вслѣдствіе суженія е (изъ а) въ і имѣютъ однородное окончаніе -і во всѣхъ падежахъ, оканчивающихся на гласный Јѣѣі; род. п. множ. ч. также имѣетъ і которое развилось изъ ѣѣ: Јѣѣі. Въ старомъ языкѣ встрѣчаются формы и съ е: угузе, гузіе. Въ новомъ языкѣ весьма употребительны формы, образованныя по сложному склоненію: Јѣѣіѣо, Јѣѣіѣи.

II. Въ склоненіи основъ на -jo ср. р. совпали слѣдующіе падежи: 1) *именит., винит., родит. ед., именит. и винит. мн. ч.*, принимающіе оконч. е, которое во всѣхъ случаяхъ, кромѣ имен.—вин. ед. образовалось путемъ перегласовки изъ а (а): моѣе (= русск. море, моря, моря); 2) *дат., мѣстн. ед. ч., и твор. мн. ч.*, оканчивающіеся на -і: моѣі, въ творит. мн. ч. і—древнее, въ дат. и мѣстн. ед. ч.—изъ и (и) черезъ перегласовку; въ род. мн. ч. также і, но долгое: оно проникло въ данное склоненіе по аналогіи съ другими существительными, имѣющими і въ томъ же падежѣ.

Имена, оканчивающіяся въ *имен. п. на -і* (древн. іе изъ ѣѣ), имѣютъ однородное окончаніе—і во всѣхъ падежахъ, долженствующихъ оканчиваться на гласный; напр. обііі, знамені (им., вин., зват., род., дат., мѣстн. един. ч. имен., вин., зват., род. множ. ч.). Въ однихъ случаяхъ (въ мѣстн. ед. род. множ.) і—результатъ стяженія гласныхъ (знаменѣѣі, знаменѣѣѣ) въ другихъ—оно результатъ стяженія и перегласовки и въ і (дат. ед. знаменѣѣі), въ третьихъ результатъ стяженія и суженія іе въ і (им. вин. зв. ед. знаменѣѣе), въ четвертыхъ—результатъ

татъ стяженія, перегласовки *ia* въ *ie* и суженія *ie* въ *i* (род. ед. имен., вин., зват. множ. ч. *znamenĳa*¹⁾). Въ народныхъ говорахъ коегдѣ слышатся формы, образованныя по сложному склоненію: род. п. *rsanĳho*, *zelĳho*, д. п. *rsanĳmu*, *zelĳmu*, р. п. мн. ч. *rsanĳich*, *zelĳich*; а въ стар. яз.: *znamenĳich*, *kazanuch tvŭch* (Виттенб. пс.).

III. Въ склоненіи основъ на *-ĳa* совпали слѣдующ. падежи: 1) *имен., зват., род. ед. ч., имен. и вин. мн. ч.* оканчивающіеся на *e*: *duše*, *země*, *vŭle*; въ имен. п. *e* изъ *a*, черезъ перегласовку (*duša*), въ зват. *e*—древнее (ср. старо-слав. *доуше*, сербо-хорв. *душе* и т. д.), въ род. ед. въ имен., вин. мн. ч. *e* соотвѣтствуетъ старо-сл. *ъ* (*доушъ*) и возникло изъ пра-слав. *ъ* (ср. вин. мн. *ogašę*); 2) *дат., мѣст., вин., твор. ед. ч. и род. мн. ч.*, оканчивающіеся на *-ĳi*, которое въ твор. ед. и род. мн. — долгое (*i*): *duši*, *zemĳi*, *vŭli*, *duši*, *zemĳi*, *vŭli*; въ дат. и мѣст. ед. ч. *i*—древнее (ср. старо-слав. и друг. живые языки), въ вин. *i* возникло черезъ перегласовку изъ *u* = пра-слав. *ж* (*dušu* = *душъ*, ср. 60, 66 стр.) въ твор. п. *i* изъ *ŭ* = *ж* (*dušŭ*—*dušou*); въ род. мн. ч. *i* по аналогіи основъ на *i*.

Имена, оканчивающіяся въ *имен. п. на i* (отъ основъ на *-ĳa*), имѣютъ во всѣхъ падежахъ, кромѣ дат., твор. и мѣст. мн. ч. одно окончаніе—*i*: *rapĳi*; *i* образовалось въ однихъ падежахъ (им. ед., род. мн.) черезъ стяженіе суфф. основы *ĳj* и гласнаго оконч., въ другихъ (вин. твор. ед.)—черезъ стяженіе *ĳju* и перегласовку *u*, въ третьихъ (род. ед., имен. винит. мн. ч.) черезъ стяженіе *ĳjě* и суженіе *ie*; въ дат. мѣст. ед. ч. *i* древнее.

Въ народныхъ говорахъ Моравіи и Силезіи, совсѣмъ незнающихъ законовъ перегласовки и суженія гласныхъ, или допускающихъ

¹⁾ Въ объясненіи этихъ формъ, такъ же какъ стяженныхъ обр. *Jiĳi* мы слѣдуемъ проф. Гебауэру (*Hist. ml.*, III, 163—171). Но возможно и другое ихъ толкованіе: *znamenĳi* (им. п.) могло образоваться изъ *znamenĳije* (а не изъ *znamenĳje*), род. п. изъ *znamenĳija* (а не изъ *znamenĳja*) и т. д. Если принять мнѣніе Лескина (*Грамм. старо-слав. яз. рус. перев.* 36), что для старослав. яз. оконч. *ĳje* древнѣе *ĳie* (*знаменьѣ* и *знамениѣ*), то для чешскаго пра-языка вѣроятнѣе предположить только *iĳe*, *iĳa*, *iĳu* и т. д., въ этихъ сочетаніяхъ *i* взяло перевѣсъ надъ слѣдующимъ гласнымъ и уподобило ихъ себѣ, при чемъ конечное *a* прежде перегласовалось въ *e*, а потомъ уже перешло въ *i*. Такія формы какъ *ontenĳije*, *rokvantĳije* (Ф. Штитнѣй) даютъ основаніе предполагать оконч. *iĳe* и въ написаніи такихъ словъ древнихъ памятниковъ какъ *zranuę*, *dobrego dyęnuę* (Виттенб. пс.) и слѣдовательно подтверждаютъ вѣроятную правильность приведеннаго объясненія. Миклошичъ тоже полагалъ, что *rsanĳi* образовалось изъ *rsanĳije*—*rsanĳjě*. Ср. русск. перев. сравнит. морфол. слав. яз., в. IV, 500.

вліяніе этихъ законовъ на вокализмъ лишь въ ограниченной степени, указанное смѣшеніе падежныхъ окончаній въ мягкомъ склоненіи или вовсе не имѣетъ мѣста или выражено далеко не такъ рѣзко и послѣдовательно какъ въ современномъ литературномъ языкѣ. Первоначальные гласные а, и, іе обыкновенно сохраняются; напр. род. п. poža, koža, miža, rola, moža, psaňa, дат. п. požu, kožu, rolu, možu, psaňu, зв. п. požu, mižu, им. п. duša, meza, veža, в. п. gižu, тв. п. dušú, им. п. ед. zbožíé, požehnaníé им. мн. psaňa. Тоже отчасти относится къ старому вѣжному языку, въ которомъ не рѣдки формы, оканчивающіяся на неперегласованное и и несъуженное é, ie; напр.: otczu, zirdczu, znamenycu, zemu, mezu, sprasenie, cztenye и др.

IV. Въ склоненіи основъ на і ко многимъ падежамъ, имѣющимъ і, согласно требованіямъ древней флексіи, присоединяются слѣдующіе, отражающіе на себѣ вліяніе звуковыхъ законовъ языка: 1) твор. п. ед. ч. женскихъ основъ, въ которомъ і образовалось изъ ѣju (или їju) черезъ стяженіе и перегласовку: kosti, и 2) род. п. мн. ч. муж. и жен. основъ: hosti, kosti; і произошло черезъ стяженіе ij (пра-слав. ѣjъ) въ др. яз. hostij.

V. Въ склоненіи основъ на v, r съ дат.—мѣстн. п. совпадаетъ твор. п. ед.: tykvi, mateří; і возникло изъ ѣju (или їju) въ др. яз.: materzyu (Виттенб. пс.).

4. *Характерныя окончанія.* Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предшествующемъ параграфѣ, и нѣкоторыхъ частныхъ особенностей чешской фонетики, тамъ не упомянутыхъ, именное склоненіе современнаго литературнаго языка и народныхъ говоровъ представляетъ рядъ характерныхъ окончаній, частью отличающихъ его отъ склоненія старо-славянскаго языка, частью сближающихъ его съ нимъ. Ниже перечисляются эти окончанія, при чемъ характерныя окончанія литературнаго языка обозначены жирнымъ шрифтомъ, а діалектическія особенности—курсивомъ.

I. Въ склоненіи основъ на -о.

Е д н. ч.

- 1) Зват. п. муж. р.—не только -е, но и и: chlape, vrahu.
- 2) Род. п. -а, -и: chlapa, dubu; сред. р. только а: města.
- 3) Дат. п. -и, -ови: chlapu, -ovi, dubu; сред. р. только -и: městu; діалект. -oj: chlapoj.

- 4) Мѣстн. п. -ě, -u, -ovi: chlapě, -u, -u, -ovi, brěhu, městě, uchu; діал. *oj*: chlaroj.
- 5) Твор. п. -еш (изъ ѣжъ): chlapеш, městеш.
- Множ. ч.
- 6) Имен. п. муж. р. -i, -y, -ove, -é: chlari, chlarove, duby (именит. неодушевл.), židé; ср. р. -а: města.
- 7) Вин. п. -y: chlary, duby; ср. р. -а: města; діал. *a* и въ муж. р.: прака, dola (въ литер. яз.: oblaka, vtcha, záda, prsa).
- 8) Род. п. муж. р. -ův, -ů (ův, uov въ старомъ яз.): chlarpův, chlarpů; діалект. -óv, -uov, -u, -uv, -ut, -ou, -ůch, -ůj; -í: súsedóv (морав. г.), bratruov (с.-опав.), chlari (чеш. г.), chloriv (ляш. н.), sousedut (ганац. г.), sousedou (дольск. н.), jelenich, suseduj (вал. н.), vlasí (морав. г.), ср. р.—безъ особаго оконч. měst.
- 9) Дат. п. -ům (-óm, -uom въ старомъ яз.): chlarpům, dubům, městům; діалект. -om (съ краткимъ о), ат: chlарom, dubom, окном (домажл., дулѣбск., моравск. г.), chlорат, bratram, окнат (ляшск. н.).
- 10) Твор. п. -y: chlary, duby, městy; въ живой рѣчи и говорахъ -ти, ати, та, ата, ата: dubti, chlорати, chlарата, chlорота, окпати, окпата, окпота.
- 11) Мѣстн. п. -ich, -ech, -ách: chlapich, hadech, slovich, stádech, jabl-kách; діалект. *och*: bratroch.

II. Въ склоненіи основъ на -jо.

Едн. ч.

- 12) Имен. п. муж. р.—согласн. зв., -i: oгаč, Jiří; сред. р. (им., вин., зв.) -е, -i: моѣ, znamení.
- 13) Зват. п. -i, -е: oгаči, меči, otče.
- 14) Род. п. -е, i: oгаče, Jiří, моѣ, znamení; -а (мор. г.): muža, pola.
- 15) Дат. п. -i, -ovi: oгаči, oгаčovi, моři; *и* (морав. г.), *oj* (сѣв.-вост. Чехія): nožu, oгаčoj, моѣ.
- 16) Мѣстн. п. -i, -ovi: oгаči, oгаčovi, моři, znamení; *и* (мор. г.); *oj* (чеш. гов.): muži, oгаčoj, моѣ.
- 17) Твор. ч. -еш, -ím: oгаčem, моѣм, Jiřím, znamením.

Множ. ч.

- 18) Имен. п. муж. р. -i, -ove (имена одуш.), -е (неодуш.): oгаči, oгаčove, меče; -é (морав. г.): kovářé, koňé; средн. р. (им., зв., вин.) -е, -i: моѣ, znamení; *a* (морав. г.): pola, psaña.

- 19) Вин. п. муж. р. -е: огаѣе, меѣе.
 20) Род. п. муж. р. -ŭv, -ŭ, -i: огаѣŭv, огаѣŭ, меѣŭv, меѣŭ, Jiří; -um, -ou, -ŭch, -i (народ. г.): grošum, žencou, požŭch, rodići; ср. р. -i: moří; -é (д.-бечевск.)—polé.
 21) Дат. п. муж. р. -ŭm: огаѣŭm; -om, -im (краткое о), um, am: коŭm, коpím, коŭim, коŭam; сред. р. -im: моřím; -om, -um, -am (морав. г.): polom, polum, polam.
 22) Твор. п. -i: огаѣi, моří; -mi, -ta, -eti, -eta, -ami, -ata, -ota (народ. г.): коŭta, mužeta, požata, polta, polami.
 23) Мѣстн. п. -ich: огаѣich, моřích; -éch, -ech, -och, -ách (народ. г.): požech, zajicoch, коŭach, polech, poloch, polách.

III. Въ склоненіи основъ на -а.

Един. ч.

- 24) Зват. п. -о: гуво (старо-слав. рыбо).
 25) Вин. п. -у: губу.
 26) Род. п. у: губу; -е (морав. г.): gebe.
 27) Дат., мѣстн. пп. -ѣ: губѣ; діалект. -i: губi.
 28) Твор. п. -ou (ŭ, au въ стар. яз.): губou; -ú, -ó, -u, -um, -ut (народн. г.): губú, gebó, губу, губum, kozúm¹⁾.

Множ. ч.

- 29) Им., вин. пп. -у (въ старо-слав. ъ): губу; -е (народ. г.): gebe.
 30) Род. п.—безъ оконч.: губ; i (народ. г.): březi, izbi.
 31) Дат. п.—ŭm: губŭm; -am, -om, -um (народ. г.): губam (ляпск. н.); губum (опавск.), губom (д.-бечевск.).
 32) Твор. п.—ami: губami; -ámi, -ata, -ota: kравámi (морав. г.), губата (обще-народн.), кравота (сил. г.).
 33) Мѣст. п.—ách: губách; -ach, -och, -óch (народ. г.): губach, zahradoch, zahradóch.

IV. Въ склоненіи основъ на -ја.

Един. ч.

- 34) Имен. п. -е, -i—безъ оконч.: duše, paní, báň; a (морав. г.): hraza.
 35) Зват. п. -е, -i, -i: duše, záři, paní; o (морав. г.): dušo.

¹⁾ Объясненіе формъ на -um представляетъ большія трудности, такъ же какъ и соответствующихъ имъ кайкавскихъ (вудум, жевум. Ср. Лекціи, I, 291). Облакъ видитъ здѣсь аналогію твор. п. основъ на -о, Гебауэръ—объясняетъ ш вліяніемъ польскаго яз. какъ въ 3 л. мн. ч. chodzum.

- 36) Вин. п. -i, -i—безъ оконч.: *duši, raní, báň*; *и* (морав. г.): *duši*.
 37) Род. п. -e, -i: *duše, raní*; *и* (морав. г.): *zemi*.
 38) Дат.—мѣст. пп. -i, i: *duši, raní*.
 39) Твор. п. -i: *duši, raní*; *ú* (морав. г.): *dušú, ej* (сѣв.-вост. Чехія)—
prasej, út, ut (ляшск. н.): *dušim*.

Множ. ч.

- 40) Им., вин., зват. пп. -e, -i: *duše, raní*.
 41) Род. п.—безъ оконч., -i: *ovec, duši, raní*.
 42) Дат. п. -ím, -em: *duším, prásem, raním*; -*át* (морав. г.), -*om, -um* (ляшск. н.): *dušám, dušom, dušim*.
 43) Твор. п. -emi (-ěmi), -imi: *dušemi, zeměmi, raními*; *ета, та* (народн. г.), *ати, ата, ота* (моравск. г.): *dušeta, nedelta, dušami, dušata, dušota*.
 44) Мѣстн. п. -ich, -ech: *dušich, prasech, raních*; *ach* (морав. г.), *och* (ляшск. н.): *dušach, dušoch*.

V. Въ склоненіи основъ на -i.

а) Основы женскаго рода.

Въ имен. п. един. ч. конечный согласный можетъ звучать твердо и мягко: *kost* и *kost̂*.

- 45) Твор. п. ед. ч. -i: *kostí*; *ej* (с.-вост. Чехія): *kostej, ú, ó, om, um* (морав. г.): *kostú, kostó, kostou, kostum*.
 46) Род. п. ед. ч. -i: *kosti*; ě (*e*): *kostě* (народ. г.).
 47) Им., вин. пп. мн. ч. -i: *kosti*; ě (*e*): *kostě* (народ. г.).
 48) Род. п. мн. ч. -i: *kostí* (старо-сл. *костѣи*), *и* (кратк.), *é* (нар. г.): *kosti, kosté*.
 49) Дат. п. мн. ч. -em, -ím: *kostem, danim*; *át, am, im* (народн. г.): *kostám, kostam, kostim*.
 50) Твор. п. мн. ч. -mi, -ěmi, -emi: *kostmi, basněmi*; *та, имі, іта, ати, ата* (народ. г.): *kostma, kostima, kostami, -ama*.
 51) Мѣст. п. мн. ч. -ech, -ich: *kostech, pisnich*; *ach, ich, och* (нар. г.): *kostach, kostich*.

б) Основы мужскаго рода.

Един. ч.

Въ именит. пад. конечный согласный можетъ звучать твердо и мягко *host* и *host̂*.

- 52) Зват. п. -i: *hosti*; *и* (морав. г.): *hostu*.
 53) Род. п. -i, -a: *hosti, hosta*; *ě, ja* (народ. г.): *hostě, hosta*.
 54) Дат., мѣстн. пп. -i, -u, -ovi: *hosti, hostu, hostovi*.
 55) Тв. п. -em: *hostem*.

Множ. ч.

- 56) Им., зват. пп. -ě: *hostě*; *i, ove* (народ. г.): *hosti, kmetove*.
 57) Вин. п. -i: *hosti*; *ě, y* (народ. г.): *hostě, hosty*.
 58) Род. п. -i: *hosti*; *i, ů, ich* (народ. г.): *hosti, hostů, hostich*.
 59) Дат. п. -em, -ům: *lidem, hostům; ám, am, im* (народ. г.): *hostám, hostim*.
 60) Твор. п. -mi: *hostmi*; *ima, ama* (морав. г.): *hostima, hostama*.
 61) Мѣст. п. -ech: *hostech; ách, ach, ich, och* (морав. г.): *hostach hostich, hostoch* (д.-бечевск. г.).

VI. Въ склоненіи основъ на согласныя.

а) Основы на -v.

Един. ч.

- 62) Им. п. (-ev), (-v)a: *tykev, tykva*; (*v*)*ě, (v)e* (нар. г.)—*tykvě, tykve*.
 63) Зв. п. -i -o: *tykvi, tykvo*; *jo* (мор. г.) *krvjo*.
 64) Вин. п. (-ev), -u: *tykev, -tykvu*; *jo, ju*, (нар. г.): *mrkvjo*.
 65) Род. п. -e, -y: *tykve, tykvu*; *ě, i* (нар. г.) *tykvě, krví*.
 66) Дат., мѣстн. пп. -i, ě: *tykvi, tykvě*.
 67) Твор. п. -i -ou: *tykvi, -tykvou*; *ú, ó* (мор. гов.): *tykvú, tykvó*.

Множ. ч.

- 68) Им., вин., зв. пп. -e: *tykve, y, ě* (нар. г.) *tykvy, tykvě*.
 69) Род. п. -i: *tykvi*; *i, é* (мор. г.)—*tykvi, mrkvjé*.
 70) Дат. п. -ím, -ám: *tykvím, tykvám; im, jám* (моравск. гов.): *tykvím, mrkvjám*.
 71) Тв. п. -emi, ami: *tykvemi, tykvami; eta, ěta, ati, ama* (нар. г.): *tykveta, větvěta, mrkvjami, mrkvjata*.
 72) Мѣстн. п. -ich, ách: *tykvích, tykvách; ich, jach* (мор. г.): *tykvich, mrkvjach*.

б) Основы муж. р. на -n.

Един. ч.

- 73) Им. вин. п. (-n): *kámen, (-ň) kameň* (мор. г.).
 74) Зв. п. -i: *kamení; -e, и* (народ. г.); *prstene, korěňu*.

- 75) Род. п. -*ө*, -*а* -*и*: *каменө, камена, камени*; *је, ја* (мор. г.): *каменě, камеѣа*.
 76) Дат. п. -*і*, -*и*: *камени, камени*; *и* (морав. г.) *камеѣи*.
 77) Тв. п. -*өш*: *каменөш*.
 78) Мѣст. п. -*і*, -*ě*, -*и*: *камени, каменě, камени*; *ји* (мор. г.) *камеѣи*.

Множ. ч.

- 79) Им., зв., вин. пп. -*у*: *камену*; *і, ě* (народ. г.) *камени, каменě*.
 80) Род. п. безъ оконч.: *каменĭv, камен*; *і, jĭ* (народ. г.): *камени* (керконошск. г.), *камěни* (мор. г.).
 81) Дат. п. -*ĭm*: *каменĭm*; *от, ат* (мор. г.): *камеѣот, камеѣат*.
 82) Твор. п. -*у*: *камену*; *ати, ата, јата, јато* (народ. г.): *камената, камеѣета*.
 83) Мѣстн. п. -*өш*: *каменөш*; *ош, аш* (народ. г.), *камеѣош, камеѣаш*.

в) Основы сред. р. на -п, -т.

Един. ч.

- 84) Именит., зват., вин. пп. (-*ě*), (-*өп*)*о*: *гáмě, гамөно, куѣе*; (*а*) *куѣа* (морав. г.).
 85) Род. п. -*ө*, -*а*: *гамөно, гамена*; *куѣетө; куѣатě, куѣатá* (народ. г.).
 86) Дат. п. -*і*, -*и*: *гамени, гамени, куѣети; куѣати, куѣату* (морав. г.).
 87) Тв. п. *өш*: *гаменөш, куѣетөш; куѣатөш* (морав. г.).
 88) Мѣстн. п. -*і*, -*и*, -*ě*: *гамени, гамени, гаменě, куѣети; куѣаті* (моравск. гов.).

Множ. ч.

- 89) Им., зв., вин. -*а*: *гамена, куѣата; á telatá* (нѣкот. морав. гов.).
 90) Род. п. безъ оконч.: *гамен, куѣат*.
 91) Дат. п. -*ĭm*: *гаменĭm, куѣатĭm*; *от, ат* (народ. гов.): *telatom, hřibátam*.
 92) Твор. п. -*у*: *гамени, куѣату; ати, ата* (народ. гов.), *гамената, куѣатата*.
 93) Мѣстн. п. -*өш*: *гаменөш, куѣатөш; (т) ош, (т)аш*: *telatockъ, hřibátackъ* (морав. г.).

г) Основы на -г.

Един. ч.

- 94) Имен., зв. пп. -*і*, -(*г*)*а*: *matí. dcera*.
 (95) Вин. п. —(*өř*)—(*г*)*и*; *mateř, dceru*.

96) Род. п. -е, -(г)у: mateře, dcery; і (морав. г.) mateři.

97) Дат., мѣст. пп. -і: mateři, dceři.

98) Твор. п. -і, -(г)оу: mateři, dcerou.

Множ. ч.

99) Им., зв., вин. пп. -е -(г)у: mateře, dcery.

100) Род. п.—безъ оконч., -і: dcer, mateři.

101) Дат. п. -еш, -ім, -ам: mateřem, mateřim, dceram.

102) Твор. п. -мі (г)ами: mateřmi, dcerami.

103) Мѣстн. п. -еш, -іч, -áčh: mateřech, mateřich, dcerách.

Относительно происхожденія перечисленныхъ окончаній, въ дополненіе къ сказанному въ предшествующемъ параграфѣ, необходимо прибавить слѣдующія частныя замѣчанія:

Къ 5. Оконч. еш (твор. п.) соотвѣтств. старо-слав. ѣшь и такъ какъ е здѣсь не коренное, а изъ болѣе древн. ѣ, то и не смягчаетъ предшествующаго согласнаго: člověkem, bratřem; Ср. 59 стр.

Къ 6. Въ имен. мн. ок. і соотв. старо-слав. и (раби); у собств. оконч. винит. п. и въ современномъ языкѣ примѣняется къ именамъ неодушевленныхъ предметовъ.

Къ 7. Ок. у (вин. п.), соотв. старо-слав. ѹ (рабы), звучитъ какъ і.

Къ 8, 9, 20, 21. Ок. ѣв (род. п.), ѣш (род. п.) соотвѣтствуютъ старо-слав. овъ, омъ; ѣ образовалось изъ ѣв черезъ потерю v.

Къ 10. Ок. у (тв. п.) соотв. старо-слав. ѹ (рабы).

Къ 11. Ок. ісч (м. п.) образовалось черезъ съуженіе е изъ есч, а есч изъ іесч, соотв. старо-слав. ѣхъ (рабѣхъ); въ стар. языкѣ daz-ziěsch, mlyněsch.

Къ 18. Имен. п. мн. ч. на -е есть собств. винит. п.; это окончаніе, возникшее изъ пра-слав. ѣ и соотвѣтствующее старо-слав. ѹ (мечѹ) принимаютъ имена неодушевленныхъ предметовъ.

Къ 22. Оконч. і (твор. п.) соотвѣтствуетъ старо-слав. и (кони).

Къ 24. Ок. о (зв. п.) соотвѣтствуетъ старо-слав. о (ѣпо).

Къ 25. Ок. и (вин. п.) соотвѣтств. старо-слав. ѹ (рыбѹ).

Къ 26. Ок. у (р. п.) соотвѣтств. старо-слав. ѹ (рыбы).

Къ 27. Ок. ѣ соотв. стар-слав. ѣ (рыбѣ).

Къ 28. Ок. ои (тв. п.) соотв. старо-слав. ѹ (рыбѹ).

Къ 29—33. Окончанія склон. основъ на -о во множ. ч. вполне совпадаютъ со старо-славянскими.

Къ 42. Окон. дат. п. мн. ч. *ím* возникло изъ перво-нач. *'am* черезъ перегласовку *'a* въ *ie* и служение *ie*, *-í*; въ *em* (ргасет) е удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и твор. мн. Тоже относится къ оконч. мѣстн. п. *ích*, *-ech* 43.

Къ 49—51, 59—61. Оконч. дат., твор., мѣстн. множ. ч. основъ на *-i*: *-em*, *-mí*, *-ech* соотвѣтствуютъ старо-слав. *ьмь*, *ьми*, *ьхъ*.

Къ 55. Оконч. *em* (тв. п.) соотв. старо-слав. *ьмь* (пѣтьмь)

Къ 62, 64. Оконч. именит., винит. *ev* соотв. старо-слав. *ы*, *ьмь* (им. п. свекры, вин. п. свекрѣвь).

Къ 65, 66, 68. Окон. *e* (р. п. им. вин. мн. ч.), *i* (р. д.), вполне совпадаютъ со старо-славянскими (свекрѣве, свекрѣм).

Къ 75—77, 85—87, 96—97. Окончания р. п. *e*, д. п. *i* вполне совпадаютъ со старо-славянскими (каменѣ, каменѣм, именѣ, именѣм, матере, матери), оконч. твор. п. *em* соотвѣтствуетъ старо-славянск. *ьмь* (каменьмь).

Къ 98. Оконч. *i* (твор. п.) возникло изъ болѣе древн. *iu* черезъ перегласовку и соотв. старо-слав. *имь* (материмь).

5. *Измѣненія въ качествѣ и количествѣ коренныхъ гласныхъ.* Чешское именное склоненіе, сверхъ указанныхъ особенностей, представляетъ ту характерную черту, что слова, измѣняясь по падежамъ, иногда въ тоже самое время претерпѣваютъ измѣненія и въ коренной своей части. Измѣненія эти касаются то природы звука, то его количества. Къ первымъ относятся главнѣйше явленія перегласовки а - ѣ внутри слова подъ вліяніемъ мягкаго гласнаго окончанія (обратная перегласовка) напр. *Jan* — зв. п. *Jene*, *zeměnin*, *dvořenin*, во множ. ч. вин. п. *zemanu*, *dvořanu*. Въ старомъ языкѣ эта перегласовка выдерживалась послѣдовательнѣе; въ новое время подъ вліяніемъ аналогіи чаще восстанавливается древнее а; напр. др.-ч. *čas*—*čese* (зват. п.), н.-ч. *čase*, др.-ч. *časiech*, н.-ч. *časich*, др.-ч. *úředě*, н.-ч. *úřadě* и т. п.

Гораздо чаще и послѣдовательнѣе измѣненія гласныхъ по количеству: одни и тѣже слова въ различныхъ падежахъ могутъ имѣть то краткій, то долгій коренной гласный. Сюда относятся слѣдующія явленія:

1) Многія односложныя существительныя, имѣющія долгій гласный въ имен. п. ед., мѣняютъ его на краткій въ формахъ, представляющихъ два и больше слоговъ; напр.: *práh* — *prahu*, *mráz* — *mrázu*,

hrách—hrachu, pás—pasu, chléb—chleba, vítr—větru, sníh (др.-чеш. sniech)—sněhu, dvůr—dvora, bůh—boha, vůz—vozu, vůl—vola, kůň—koně, hnůj—hnoje, sůl—soli, hůl—holi и др. Dým можетъ звучать и съ краткимъ у—dym. Pán имѣетъ въ зват. п. pane; когда оно стоитъ передъ другимъ существительнымъ, то а кратко: pan biskup, pan soused (однако pán Bůh, pán Ježíš, pán Kristus).

2) Нѣкоторыя существительныя сред. рода, имѣющія въ имен. п. ед. ч. долгій гласный, сокращаютъ его въ род. п. мн. ч.; напр. dílo—род. п. děl, jádro—jader, péro—per, játra (мн. ч.)—jater, léto имѣетъ краткое е и въ другихъ падежахъ: letům, letech, lety.

3) Многія двусложныя существительныя отъ основъ на -а, -ја, имѣющія въ имен. п. ед. ч. первый слогъ долгій, сокращаютъ его въ твор. п. ед., и въ род., дат., твор. и мѣст. пп. множ. ч.; напр.:

Единств. число.		Множеств. число.			
Имен. п.	Твор. п.	Родит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Мѣстн. п.
brána	branou	bran	branám	branami	branách
rána	ranou	ran	ranám	ranami	ranách
žila	žilou	žil	žilám	žilami	žilách
hrouda	hrudou	hrud	hrudám	hrudami	hrudách
сила	silou	sil	silám	silami	silách
skála	skalou	skal	skalám	skalami	skalách
práce	prací	prací	pracím	pracemi	pracích
lžice	lžicí	lžic	lžicím	lžicemi	lžicích
kůže	koží	koží	kožím	kožemi	kožích

Не всѣ двусложныя существительныя отъ основъ на -а слѣдуютъ этому закону; во многихъ, напр. въ kára (возъ), krása, láska, páska, válka, sláva, víga, mouka, hrůza, poušť и др. долгій гласный остается и въ указанныхъ падежахъ. Нѣкоторыя существительныя даннаго типа только въ нѣкоторыхъ падежахъ мѣняютъ долгій гласный на краткій; напр. houba, род. п. мн. ч.—hub, но тв. п. ед.—houbou, дат., твор., мѣстн. п.—houbám, houbami, houbách; kroupa, род. п. мн. ч.—krup, въ остальн. пп. ou: kroupou и т. д.; chvíle (минута)—род. п. мн. ч. chvíl, но chvíli (тв. п.), chvílemi (тв. п. мн. ч.), chvílich (м. п. мн. ч.). Другія во всѣхъ падежахъ или нѣкоторыхъ одинаково допускаютъ то долгій, то краткій гласный; напр.: strouha и struha род. п. strouhy—struhu; sůva и sova, kůra и kora, kůrou и kouro; sláva род. п. мн. ч.—

slív, но slívou и slívou и др. При этомъ наблюдается разница между старымъ языкомъ и новымъ; въ первомъ чередованіе долгихъ и краткихъ гласныхъ въ склоненіи на -а чаще и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ старомъ. Многіе живые говоры въ этомъ отношеніи нерѣдко болѣе слѣдуютъ старинѣ, чѣмъ современный литературный языкъ.

4) Существительныя среднего рода отъ основъ на -шеп сохраняютъ долгіе гласные только въ двусложныхъ формахъ (им., зв., вин. п. ед. ч.); напр.: břímě, símě, gámě, plóme, tóme, vŭmě (jmě не имѣетъ долгаго гласнаго); въ другихъ случаяхъ коренной гласный—краткій: gámenе, gámenі, gámenem, gámena, břemenе, břemenі и т. д. Сюда же относится и kámen, род. п. kamene, дат. п. kamenі и т. д.

5) Въ старомъ языкѣ и нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ (дулѣбск., вост.-моравск.) иногда наблюдается долгіи гласный въ односложныхъ формахъ род. п. мн. ч. для существительныхъ отъ основъ на -о и -а, имѣющихъ коренной гласный краткій; напр.: vrata—vrát, slovo—slóv, dělo—diel, strana—strán, hlava—hláv, hora—hór, ruka—rúk.

Образцы именнаго склоненія.

I. Основы на -о.

Мужескій родъ.

Средній родъ.

Едн. ч.

И. chlap	vrah	dub	}	město	slovo
З. chlape	vrahu (-že)	dube			
В. chlара	vraha	dub			
Р. chlара	vraha	dubu		města	slova
Д. chlарu, -ovi	vrahu (-ovi)	dubu		městu	slovu
Т. chlарem	vrahem	dubem		městem	slovem
М. chlарě, -u, -ovi	vraze (-hu)	dubě -u		městě, -u	slově (-u).

Множ. ч.

И.З. chlарi, -ove	vrazi	duby, -ove	}	města	slova
В. chlарy	vrahy	duby			
Р. chlарův	vrahův	dubův		měst	slov
Д. chlарům	vrahům	dubům		městům	slovům
Т. chlарy	vrahy	duby		městy	slovy
М. chlарíч, -ech	vrazích	dubích, -ech		městech, -ích	slovech, -ích.

Къ склоненію именъ мужск. р.

1) По приведеннымъ образцамъ склоняются: а) всѣ имена муж. р. съ основами на -о, имѣющія себѣ полное соотвѣтствіе въ старо-слав. яз.; напр.: *bŭh, ělověk, had, pŭt, bratr, lov, les, hrob, hlad, krov, chgam* и т. п.; б) изъ оканчивающихся въ им. п. ед. ч. на *l* тѣ, у которыхъ *l* (среднее) соотвѣтствуетъ старо-сл. и русск. твердому *л* (лъ); напр.: *anděl, apoštol, kostel, uděl, kozel, orel, stĕl, ůhel, uzel, posel, Karel, Pavel* и др.; также нѣкоторыя имена собственно чешскаго образованія: *hrbal, hŭl* (снигирь), *kostival* (крась полевой), *manžel* (супругъ), *omyl* (ошибка), *pádel* (опавшіе фрукты), *popel* (пепель), *sval* (сукъ, наростъ), *suzel* (сусликъ), *šybal* (хитрецъ), *toul* (колчанъ), *tyl* (затылокъ), *úcel* (цѣль), *úkol* (задача, опредѣленная работа), *vtchol* (вершина), *živel* (элементъ); наконецъ слова, которыя по образованію суть собственно причастія прош. вр. на *l* (= старо-слав. *лъ*); напр.: *hŭfil, bŕidil* (губитель), фамильныя имена: *Sušil, Kvaril, Pospíšil, Dolezal* и др.; в) заимствованныя слова на -с: *tapes, palác, plac, síc* и др.; въ народныхъ говорахъ они могутъ измѣняться и по мягкому склоненію: *tance* (род. п.), *tanci* (дат. п.); г) имена отъ древн. основъ на -и, напр.: *syn, dŭm, vŭl*; д) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i: *holub, hospod, kmet, host* (также и по склоненію на -i).

2) Въ современномъ языкѣ выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ; именно у именъ одушевленныхъ: а) винит. п. ед. ч. сходенъ съ род. п. (*chlara*); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -а (*chlara*); в) имен. п. мн. ч. оканчивается на -i (*ove*); у именъ неодушевленныхъ: а) вин. сходенъ съ имен. (*dub*); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -и (*dubu*); в) имен. п. мн. ч. на -у (*duby*). Въ старину этого различія не было, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ оно представлено очень слабо: вин. п. ед. ч. и у одушевленныхъ именъ совпадалъ съ имен.¹) (*chlarp*), род. п. преимущественно оканчивался на -а (*duba*), а имен. п. мн. ч. на -i у словъ того и другаго значенія (*dubi*).

3) *е*, находящееся въ именит. п. ед. ч. передъ согласнымъ окончанія, исчезаетъ во всѣхъ падежахъ, гдѣ за этимъ согласнымъ слѣ-

¹) Архангелскій вин. п. именъ одушевленныхъ сохранился въ выраженіяхъ: *pro Bŭh, na svátŭ Jan, na svátŭ Petr* и т. п.

дуетъ гласный; напр.: orel—orla, orlu, sen—snu, osel—osla, pátek—pátku, mozek—mozku Ср. стр. 82.

4) Род. п. ед. ч. имѣть два оконч.: -а, -и (о происхожденіи -и см. выше стр. 107); а—принимаютъ имена одушевленные (chláp), и—имена неодушевленные. Таковъ общій законъ современнаго языка. Отъ него возможны отступленія: 1) нѣкоторыя имена неодушевленные удерживаютъ древнее а; именно: а) мѣстныя имена, не имѣющія сверхъ того значенія нарицательныхъ, напр. Jičina, Krakova, Berouna, Přerova, Říma (напротивъ Brodu, Pisku, Mostu, Petrogradu п. ч. brod, most и т. д. могутъ быть нарицательными); б) названія мѣсяцевъ, относящіяся къ данному склоненію: ledna (январь), únoha (февраль), března (мартъ), но listopadu; в) названія дней недѣли: pondělka, úterka, čtvrtka (но pátku), также род. п. dněska, včerejška, zítřka; г) отдѣльныя слова; напр. bochník (глыба, хлѣбъ), rybník (прудь), dobytek (скотъ), hřbitov (кладбище), chléb, chlév, klášter, kostel, les, mlýn, oběd, ocet, oves, popel, potok, svět, sýr, týl (тылъ, затылокъ), večer, zákon, život, žaludek, podolek, ječmen; 2) имена одушевленные собирательныя принимаютъ и: narod—národu (но и národa), lid—lidu, skot—skotu, brav—bravu, hmyz (насекомыя),—hmyzu; сюда же относятся zeměplaz -- р. п. zeměplazu, 3) нѣкоторыя имена принимаютъ то -а, то -и: duch, sen, brav, okov, ostrov, sklep, hrom, komín, záhon (грязь), svícen (подсвѣчникъ), úmysl, stůl, dvůr, chomout, nežit, les, kus, hřích, kožích, kalich, ořech, jazyk, potok, rok, řebřík (лѣстница), pílník (напильникъ). Въ старомъ языкѣ а въ р. п. слышалось чаще нежели и. Въ народныхъ говорахъ Моравіи и Силезіи преимущественно удержалось а; между тѣмъ въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ чаще и (при именахъ неодушевленныхъ).

5) Дат. п. ед. ч. можетъ оканчиваться на -и и -ові (о происхожденіи этихъ окончаній см. стр. 106—107). Имена одушевленные принимаютъ оба окончанія: chlápi и chlároví; но člověk и bůh имѣютъ только -и: člověku, bohu. Имена фамильныя и крестныя (последнія въ томъ случаѣ когда стоятъ отдѣльно, не сопровождаются фамильными именами или прозвищами) принимаютъ только ові; напр. Šafařikoví, Prokopoví, Pavloví (но Pavlu Šafařikovi). Неодушевленные имена принимаютъ только и. О діалектич. qj сказано выше стр. 107.

6) Зват. п. ед. ч. обыкновенно оканчивается на -е, которое смягчаетъ предшествующія h, ch, k, ř въ ž, š, č, ř: Bůh—Bože, duch—

duše, člověk—člověče, větr—větře (но sbore, doktore ср. стр. 83); ок. ц—принимаютъ только суи и имѣющія въ основѣ гортанный: vřahu, stryčku, hoch (парень)—hochu. Въ болѣе древнемъ языкѣ и рѣже, чѣмъ въ новѣйшемъ.

7) Мѣстн. п. ед. ч. оканчивается на -ě (е) -и, -oví (о происхожденіи этихъ окончаній выше стр. 107). Имена одушевленные принимаютъ ок. -и: člověku, rápu, ptáku, oslu. Имена неодушевленные могутъ принимать: 1) или оба окончанія, напр. v chrámě и v chramu, v kožíše и v kožíchu, v jazyce и v jazyku, na dubě и na dubu; или 2) только ě, именно: а) мѣстныхъ названія (за исключеніемъ оканчивающихся на гортанный напр. Římě, Taboře, Brodě, Petrohradě, но v Písku; б) обозначенія праздниковъ, напр. о sv. Janě; в) нѣкоторыя другія существительныя, преимущественно имѣющія въ род. п. ед. ч. -а), напр.: chléb, chlév, hřbitov, kláštor, pivovar, kostel, oves, vůz, svět, oset, kabat, oběd, hrad, komín, led, mlýn, potok, rok и др.; или 3) только ц, именно: а) существительныя оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на гортанный: v domku, na počátku, na doubku, po úterku, na gunku, v prachu, na břehu, и др.; б) нѣкоторыя иныя существительныя; напр. hněv, div, pohřb, dar, jil, úd, blud, jeď, plat, pot и др. Точно разграничить употребленіе того и другаго окончанія, по утвержденію проф. Гебауэра (Hist. Mluvn., III, I, 43), не возможно, такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ смѣшеніе обихъ окончаній еще не вошло въ опредѣленную норму. Нѣкоторыя одушевленные существительныя также могутъ принимать оба окончанія: chlape, chlapi. Оконч. oví свойственно только одушевленнымъ именамъ (chlape, chlapi) и вообще встрѣчается рѣдко. Въ старомъ языкѣ предпочтительно употреблялось органическое окончаніе -ě.

8) Имен. п. мн. ч. оканчивается на -í, -у, -ove, -é, -а. О происхожденіи этихъ окончаній сказано выше (стр. 107). Окончаніе í принимаютъ только имена одушевленные (chlapi, hadi); оконч. -у только имена неодушевленные (duby, hrady); оконч. -ove свойственно преимущественно именамъ одушевленнымъ, хотя принимаютъ его и неодушевленные имена (чаще въ литературномъ языкѣ, въ рѣчи возвышенной [напр. čeští stavove, naši hřichove] и весьма рѣдко въ народныхъ говорахъ).—Оконч. é имѣютъ а) множественныя имена на -an (древн. ělin), напр.: měšťané, vesničané, dvořané, zemané, křesťané, rohané, Slované, Pražané, Cíňané и т. п.; однако имена на -án, на-

званія животныхъ и слова заимствованныя на -ан принимаютъ -і; напр. Indiáni, Mohomedáni, dominikáni, velikáni, děkani, havrani, skřivani (жаворонки), berani и др.; 2) нѣкоторыя слова на -l, d, t: andělé, apoštolé, konšelé, manželé, židé, sousedé, hosté. — Окончаніе а (заимствованное изъ склоненія основъ средн. р.) въ литературномъ языкѣ допускается лишь для нѣкоторыхъ существительныхъ: mřaka (но и mřaku, mřakove), oblaka, vrcha, záda, prsa; въ народныхъ говорахъ (дулѣбск., лясск., валашск. н.) оно слышно чаще: lesá, borá, chlěva, chlada. — Діалектнч. встрѣчается і: hadí, holubí (дольск. н.).

9) Родит. п. мн. ч. Окончанія ův, ů употребляютъ безразлично, но ův чаще въ концѣ предложенія и передъ слѣдующимъ гласнымъ. Род. п. безъ ův (ů) удержался главнымъ образомъ у мѣстныхъ названій, употребляющихся только во множеств. ч.; напр. do Cech (до Чехіи), Uher, Vlach, Bavor, Rakous (до Австріи), Švab (до Германіи); сверхъ того — какъ архаизмъ — для нѣкоторыхъ словъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, od tech čas, z koren vuvrátiti, do oblak se divati. — О діалектнч. оконч.: -u, -uv, -ou, -um, -ůch, -ouch, -ůj, -i см. выше (стр. 107) и въ главѣ о нарѣчіяхъ чешскаго яз.

10) Органическое окончаніе творит. п. множ. ч. -у выдерживается послѣдовательно въ литературномъ языкѣ; объ употребленіи въ живой, рѣчи и народныхъ говорахъ другихъ окончаній: -ші, -амі, -ша, -ама, -ома сказано выше (стр. 108).

11) Мѣстн. п. множ. ч. оканчивается на -ích (др.-ч. iech), -ech, -ach. О происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 108. Нѣкоторыя слова принимаютъ -ích и ech, напр.: vozích—vozech, časích—časoch, zubích—zuboch, krámích—kramech (лавка). Обыкновенно ech имѣютъ имена на -п, -d, -t, -r; напр. mlynech, hadech, rtech, darech. — Оконч. -ách въ литер. яз. въ выраженіи ve snach (въ сновидѣніяхъ) и послѣ конечнаго k, предшествуемаго другимъ согласнымъ, напр. kopičkách (по potocih). Въ народныхъ говорахъ ach весьма употребительно; напр. břehách, stromách и т. д. О діалект. -och, och ср. выше стр. 108.

12) Согласные, стоящіе передъ ě (въ мѣстн. п. ед. ч.), і (имен. зв. мн. ч.) и í (мѣстн. п. мн. ч.) смягчаются по общему закону: potoce, pívovaře, vgraze, potoci, pívovaři, vrazi, mniši, potocih, pívovařich, vgrazich, mnišich.

13) *Bratr* имѣеть во мн. ч. двоякія формы: им. п. *bratři* и *bratří*, р. п. *bratři* и *bratřív*, д. п. *bratřím* и *bratřúm*, вин. п. *bratři* и *bratry*, тв. п. *bratřimi* и *bratry*, м. п. *bratřich* и *bratřech*. Формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имени на *-ija*, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.; *bratři* др.-ч. *bratřie*—*bratřija* (старо-слав. *братим*).

14) Для существ. *člověk* множ. ч.—*lidé* (измѣняющееся по склоненію на *-i*).

15) Нѣкоторыя особенности представляетъ склоненіе употребляющихся только во множ. ч. именъ странъ и мѣстъ на *-y*; *Uhry*, *Vlachy* (Италія), *Bavory*, *Prusy*, *Švaby*, *Březany*, *Dolany*, *Dražďany* (Дрезденъ), *Hradčany*, *Rakousy* (Австрія). Это собственно имена жителей, употребляемыя и въ другихъ славянскихъ языкахъ (польскомъ, лужицкомъ, сербскомъ, словинскомъ, древне-русскомъ) для обозначенія населяемыхъ ими земель и мѣстъ. Въ древнемъ языкѣ они склонялись какъ имена народовъ, напр. *Uhři* (им. п.) обозначало *Угры* и *Ugria*; но затѣмъ въ склоненіи тѣхъ и другихъ именъ возникла разница. Въ им. п. они усвоили оконч. имен. неодушевленныхъ *-y* (собств. вин. п.): *Uhry*, *Hradčany*, при чемъ въ народн. языкѣ нерѣдко слышно и *-a*: *Uhra*, р. п. безъ оконч.: *Uher*, *Hradčan*, д. п. *-ům -óm Uhrům—Uhřám*, м. п. *Uhřich* и *Uhrách*, т. п. *Uhry* и *Uhrami*.

Объ измѣненіи количества гласныхъ въ склоненіи именъ муж. р. см. стр. 120—121.

Къ склоненію именъ сред. р.

1) По образцу *město* склоняются: а) всѣ имена сред. р. отъ основъ на *-o* *okno*, *kolo*, *dílo*, *hnízdo*, *blaho*, *provo* и т. п. б) имена отъ основъ на *-s*: *slovo*, *tělo* (за исключеніемъ *nebe*) и в) имена сред. р. отъ древнихъ основъ на *-n* (преимуществ. въ народной рѣчи) *jmeno*, *břemeno*.

2) Мѣстн. п. ед. ч. Представляетъ два окончанія *-ě*, *-и*. Современный литературный языкъ отдаеть предпочтеніе *-ě*: *městě*, *masě*, *stadě*. Нѣкоторыя имена принимаютъ *ě* и *и*; напр. *na jezeře—na jezeru*, *v mléce—v mléku*, *v rouše—v rouchu*, *ve vojště—ve vojsku*, *vesle—veslu*, *břiše—břichu*. Окончаніе *и* обыкновенно послѣ гортанныхъ и въ выраженіяхъ съ предлогомъ *po*: *ve jhu*, *v oku*, *jablku*, *v uchu*, *po právu*, *po ránu*, *po jaгу*. Твердый согласный, предшествующій гласно-

му *ě*, смягчается на основаніи общаго закона; напр. *pego*—*peře*, *Polsko*—*v Polště*, *mléko* *v mléce*, *břicho* *v bříše*.

3) Въ род. п. мн. ч. по требованіямъ благозвучія является *оста-вочное e*; *jablěk*, *věder*, *oken*, *vesel*, *set (sto)*. Въ ходскомъ гов. вм. *e* слышно *-a*: *vědar*, *stebal*.

4) Въ мѣстн. п. мн. ч. — господствующее окончаніе *-ech*, которое послѣ *d*, *s*, *n* бываетъ правиломъ; напр; *městech*, *stadech*, *oknech*, *gravech*, *řísmech*; рядомъ съ *-ech* въ литератур. языкѣ держится *-ích*: *slovich*, *tělich*, *roušich*; послѣ гортанныхъ *-ách*: *jablkách*, *městečkách*.

5) О побочныхъ діалектическихъ окончаніяхъ дат. (*-am*) и твор. пп. множ. ч. (*-mí*, *-ma*, *-amí*, *-ama*, *-oma*), см. выше стр. 108; объ измѣненіи количества коренныхъ гласныхъ особенно въ род. п. мн. ч. ср. стр. 121.

6) Имена собственные (фамиліи, прозвища) муж. р. на *-o*, слѣдуютъ собственно образцу *město*, но во многихъ падежахъ принимаютъ окончанія изъ склоненія основъ муж. р. — на *-o* и на *-a* (*vладыка*); напр. имен. п. *Mikéško*, *Peklo*, *Sadlo*, *Stýblo*, *Vrřátko*, *Nosidlo*; р. п. *Pekla* и *Pekly*, д. м. *Peklu* и *Pekloví*, в. п. *Peklo* и *Peklu*, тв. п. — *Peklem*—*Peklou*, им. мн. *Peklové*, р. п. *Peklův*, д. п. *Peklům*, вин. *Pekly*, тв. п. *bratřimi Pekly*, м. п. *bratřích Peklech*.

7) Существительное *dítko* склоняется во множ. ч. по образцу основъ на *-a* и женскаго рода: *dítku*, *dítek*, *dítkám*, *dítkami*, *dítkách* (ср. русск. дѣтки, дѣтвѣ и т. д.).

8) Ново-чеш. *lytko* (ыкра) было въ древн. яз. жен. р. *lytka*; отсюда во множ. ч. удержались формы основъ на *-a* въ дат. творит. и мѣстн. пп.: *lytkám*, *lytkami*, *lytkách*.

9) Употребляющіеся только во мн. ч. *kamna* (печка), *bedra*, *játra* (печень), *ňadra* также имѣютъ дат. твор. мѣстн. пп. по образцу основъ на *-a*: *kamnóm*, *kamnami*, *kamnách*.

10) *Oko* и *ucho*, принимаемые въ значеніе членовъ тѣла, склоняются во множ. ч. слѣдующимъ образомъ: им. вин. п. *očí*, *uší*, р. п. *očí*, *uší*, дат. п. *očím*, *uším*, мѣст. п. *očích*, *uších*, тв. п. *očíma*, *ušíma*. Формы имен. род. твор. пп. — собственно падежи двойств. ч., но принимаются и за множ. ч.: *čtyři očí*.

11) Существ. *teneto* имѣеть во мн. ч. *tenata*, *tenat* и т. д. по аналогіи основъ на *-t* (*kuře*—*kurata*).

12) Koleno кромѣ обычныхъ формъ имѣеть въ род. ед. ч. kolene, а въ дат., мѣст. п. ед. ч.—koleni по аналогіи основъ на -п сред. р. (gamene, gameni). Отъ этого слова сохранились формы род., мѣст. п. двойств. ч. и kolenou, na kolenou (въ народ. яз. kolenouch. Ср. выше стр.

II. Основы на -jo.

Муж. р.

Средн. р.

Едн. ч.

И. orač	meč	Jiří	}	moře	znamení
Э. orači	meči	Jiří			
В. orače	meč	Jiří (-fho)	}	moře	znamení
Р. orače	meče	Jiří (-fho)			
Д. orači -ovi	meči	Jiří (-fmu)	}	moři	znamení
Т. oračem	mečem	Jiřím			
М. orači -ovi	meči	Jiří (ím)	}	moři	znamení

Множ. ч.

И.Э. orači (-ově)	meče -ově	Jiří	}	moře	znamení
В. orače	meče	Jiří			
Р. oračův	mečův	Jiří (-ích)	}	moři	znamení
Д. oračům	mečům	(Jiřím)			
Т. orači	meči	(Jiřimi)	}	moři	znameními
М. oračích	mečích	Jiřích			

1) По образцамъ orač, шеѣ склоняются: 1) всѣ имена муж. р. отъ мягкихъ основъ на -o, какъ имѣющія себѣ соотвѣтствія въ старо-славянскомъ яз., такъ возникшія на чешской почвѣ или заимствованныя изъ чужихъ языковъ; напр.: zloděj, kraj, pokoj, kůn, vězeň, muž, koš, plášť, oheň, orač, vazač, rodič, zajíc, tovaryš, kupec, učitel, kazatel, kněz, kolář и др.; изъ именъ, оканчивающихся на -l сюда относятся: а) всѣ, у которыхъ l = старо-сл. или русск. ѣ: učitel, obyvateľ, přítel, král, mol, topol, kašel, koukol, uhel, chmel и др.; б) многія мѣстнаго образованія: čmel (шмель), daněl (лань), chrámostyl (горностаѣ), chřistel (воростель), chuchel (кловъ), chumel (вихрь), chundel (косма), jetel (діалект. dětel), jitrocel (подорожникъ), hřidel (валь), kužel (кегель), motyl (бабочка), ocel (сталь), svízel (сворбъ), trupel (комъ), úl (улей), zřetel (знакъ), žel (страданіе); в) многія — иностраннаго про-

исхождения: *cíl* (цѣль), *kachel* (изразецъ), *mandel* (миндаль), *ortel* (приговоръ), *pantofel*, *pytel* (мѣшокъ), *šindel* (брусокъ *Schindel*), *věrtel*, *Daniel*, *Samuel*, *Gabriel*, *Israël*, *Abel*; 2) нѣкоторыя имена, относящіеся къ склоненію основъ на -i: *zef*, *loket*, *test* и образованныя по аналогіи *loket*: *drobet* (кусочекъ), *trochet* (крошка), *krapet* (копья), *pehet* (ноготь), *razneht* (воготь).

2) По образцу *Jiří* въ наст. время склоняется лишь нѣсколько словъ: *Jiljí*, *Brikcí*, *klí* (также *klej*), *pondělí*, *září* (сентябрь). Въ старомъ яз. сюда относились многія имена собственные на -i (изъ иностраннаго -ius): *Ambrosí*, *Antoní*, *Alexí*, *Innocencí*, *Vincencí*, *Eustachí* и др.; теперь они оканчиваются на -ius и склоняются по образцу твердыхъ основъ на -o (род. п. *Ambrosi-a*, дат. п. *Ambrosi-u*); сверхъ того въ старину по данному образцу измѣнялись нарицательныя имена: *řebří* (лѣстанца), *hřebí* (ноготь), *čreví* (вѣшка), *úlí* (улей). Въ *září* въ древнемъ яз. было *zářuj*.

3) По образцу *moře* склоняются: 1) имена сред. р. отъ мягкихъ основъ на -o: *pole*, *lice*, *lože*, *slunce*, *lovište*, *hoře*, *Labe*; 2) имена собственные муж. р. на -e, напр.: *Srdce*, *Skočdopole*, *Jagule*, *Jankule*; 3) *nebe* (относящееся собств. къ склоненію на -s).

По образцу *znamení* склоняются: 1) имена сред. р. на -i (=ъje); напр.: *zboží* (товары), *obilí* (хлѣбъ), *údolí* (долина), *veselí*, *zdraví*, *štěstí*, *lékařství*, *náručí*, *snídaní*, *záští*, *záduší*, *Pořečí*, *Meziřečí*, *Vrchlabí*, *Mezihoří*; 2) имена муж. р. на -i (=ъje), сложенные съ предлогомъ *pod*: *podkoní* (др.-ч. *podkonie*), *podkomoří*, *podbiskupí*, *podpisaří* (ср. старо-сл. отрочію, польск. *podkomorzy* (др.-пол. *podkomorze*, русск. подмастерье).

5) О происхожденіи окончаній даннаго склоненія и о существующихъ въ народной рѣчи параллельно съ указанными органическими окончаніями другихъ побочныхъ неорганическихъ см. выше стр. 111, 114.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, теперь различается склоненіе именъ одушевленныхъ отъ склоненія именъ неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ—*огаś*, втораго—*шеś*. У именъ одушевленныхъ вин. п. ед. ч. сходенъ съ род., у неодушевленныхъ вин. п. равенъ имен. п.; у одушевленныхъ имен., зват. пп. мн. ч. оканчиваются на -i, у неодушевленныхъ на -e (собств. оконч. вин. п. мн. ч.). Первоначально этого различія не существовало. Имена одушевленные склонялись такъ же какъ неодушевленные: вин. п. былъ

сходенъ съ имен.; напр.: před ciesař, před král, za přítel (XIV в.). Съ другой стороны неодушевленные имена принимали въ имен., зват. органическое окончаніе *i*; напр.: месзі (Клем. пс.), penyezí. Остатокъ старины слѣдуетъ видѣть въ архаическомъ выраженіи — на kůň. Ср. замѣчанія въ склоненію основъ на -o, стр. 123.

7) Въ имен. п. ед. ч. (и винит. для неодушевленныхъ именъ) муж. р. по требованіямъ благозвучія выступаетъ бѣглое *o* (изъ *ь* или вставочное); напр.: uhel, род. п. uhle, oheň — ohně, kurcес — kurce, tkadlec — tkadlce, stařec — starce.

8) Имена муж. р. въ зват. п. ед. ч. обыкновенно оканчиваются на -i: oгаći, muží, meći; оконч. *o* принимаютъ: kнеž—kнеže (въ старомъ языкѣ и vítěz—vítěže) и существительныя на -ec (съ перемѣной *o* на *ě* въ силу общаго закона, ср. 92); напр.: kurcес—kurče, otec—otče, chlapcес—chlapče, uјec—uјče. Слова на *ic* имѣютъ *i* и *e*; напр.: dědic зв. п. dědici и dědiče, kralovic—kralovici и kraloviče, panic—panici и paniče.

9) Въ дат., мѣст. п. ед. ч. оба окончанія -i, -ovi могутъ принимать только имена одушевленные муж. р. (ogaći, oгаčoví); имена неодушевленные и существительныя сред. р. принимаютъ только *i* (meći, moři). Только -ovi имѣютъ фамилныя имена, напр. Benešoví, Královí; напротивъ личныя (крестныя) имена могутъ принимать -i и -ovi; напр. Tomaši и Tomašovi.

10) Въ имен. п. мн. ч. именъ м. р.—четыре окончанія: -i, -e, -ove, *ě*; -i—принимаютъ имена одушевленные (ogaći, muží); -e—имена неодушевленные (meče), изъ одушевленныхъ только kůň и rodič—koně, rodiče; -ove—возможно у тѣхъ и другихъ, но преимущественно употребляется у одушевленныхъ именъ; оконч. -*ě* принимаютъ имена на *tel*; напр. kazatelé, přátelé.

11) Род. п. мн. ч. безъ окончанія *ŕv*, *ŕ* сохранился у немногихъ существительныхъ: přítel, obyvatel (но и obyvatelŕv), peněz (bez peněz), tisíc (deset tisíc), у отечественныхъ именъ на *ovic*¹⁾, (напр. mlynařovic pole, sousedovic mlýn) и у мѣстныхъ названій, оканчивающихся въ имен. п. множ. ч. на *ice*: Lobkovice, Lobkovic. Изъ именъ средн. р. не имѣютъ -i въ род. п. мн. ч. vejce и plíce—vajec и plíc; слова на -ište также могутъ опускать -i, напр. pastvišti и pastvišť.

¹⁾ Эти имена прежде имѣли полное склоненіе, отъ котораго сохранился только род. п. мн. ч.; иногда онъ принимается за несклоняемое прилагательное.

12) *Přítel* (р. п. *přítele* и т. д.) во множ. ч. имѣть а вм. і: ии., вин. *přátelé* (въ древн. яз. *přietelé*, *přítelé*), р. *přátel*, дат. *přátelům*, тв. *přáteli*, мѣстн. *přátelích*.

13) *Kněz* во множ. ч. склоняется слѣд. обр.: имен., вин. *kněží*, род. *kněží*, дат. *kněžím*, твор. *kněžmi*, мѣстн. *kněžích*. *Kněží* — др.-чешск. *kněže* — есть собственно собирательное един. ч. (изъ *kněžja*), принявшее окончанія множ. ч. Ср. *bratr* стр. 127.

14) *Kůň* (р. п. *koně*) имѣть во множ. ч. имен., *koně*, р. *konův* и *koní*, твор. *koní* и *koňmi*.

15) *Peníz* (др.-чешск. *peniez*) во множ. ч. имѣть послѣдъ п краткій гласный ё: род. *peněz*, дат. *peněžím*, твор. *penězi*, мѣстн. *penězích*. Въ новѣйшее время употребляются и формы съ долгимъ і, когда *peníz* имѣть частное значеніе монеты (а не общее — деньги), напр. *pět penězův*.

16) Мѣстныя названія на *-ice*, *-ije*, употребляющіяся только во множ. ч. а по своему образованію соответствующія подобнымъ названіямъ отъ твердыхъ основъ (*Uhry*), склоняются по образцу именъ неодушевленныхъ; напр. ии., вин. *Lobkovice*, *Psaře*, *Koloděje*, *Rataje*, *Hořice*, род. *Lobkovic*, *ze Psař*, *z Rataj*, дат. *Lobkovicům*, твор. *Lobkovicí* и *Lobkovicemi*, мѣст. *Lobkovicích* (мор. гов. *Lobkovicách*).

17) Заключенныя въ скобки формы образца *Jiří* заимствованы изъ сложнаго склоненія. Ближайшею причиною заимствованія было сходство въ окончаніяхъ (і) имен. ед. *Jiří* и прилагат. (*dnešní*). Такія же параллельныя формы возможны и для именъ, склоняющихся по образцу *znamení*, особенно для сложныхъ съ предлогомъ *pod*: *podkoního*, *podkonímu*.

III. Основы на -а.

Един. ч.		Множ. ч.	
И. <i>žena</i>	<i>vладыка</i>	<i>ženy</i>	<i>vладыку (-kové) (evangelisté)</i>
З. <i>ženo</i>	<i>vладыко</i>	<i>ženy</i>	<i>vладыку (-kové) (evangelisté)</i>
В. <i>ženu</i>	<i>vладыку</i>	<i>ženy</i>	<i>vладыку</i>
Р. <i>ženy</i>	<i>vладыку</i>	<i>žen</i>	<i>vладык (-kův)</i>
Д. <i>ženě</i>	<i>vладыце (-kovi)</i>	<i>ženám</i>	<i>vладыкám (-kům)</i>
Т. <i>ženou</i>	<i>vладыkou</i>	<i>ženami</i>	<i>vладыkami (evangelisty)</i>
М. <i>ženě</i>	<i>vладыце (-kovi)</i>	<i>ženách</i>	<i>vладыkách (-cích) evangelistech)</i>

1) По образцу *žena* склоняются всё имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -а; напр. *voda, ryba, moucha, lípa, sestra, ruka, noha, síla, vřana, hora, vojna, brána, gána, vláha* и др.; сюда же относятся употребляющіяся только во множ. ч. и оканчивающіяся въ им. п. на -у: *dítku, hodinu, máru* (носили), *pletichy* (шутка), *souchotiny* (чахотка), и особенно многочисленныя мѣстныя названія: *Benátky* (Венеція), *Dolánku, Rovinky, Rosičku, Stranu, Athény, Théby, Alpy* и др.

2) По образцу *vladyka* склоняются имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -а; напр. *sluha, vévoda, starosta, hospoda, pastucha, družba, hrdina, vozka, patriarcha, levita, evangelista, poeta, humanista, jurista, jezuita* и др.; собственные имена: *Svoboda, Ryba, Hněvša, Janota* и др. Отличіе склоненія этихъ именъ отъ склоненія словъ типа *žena* состоитъ въ томъ, что въ новѣйшемъ языкѣ оно допускаетъ образование нѣкоторыхъ падежей по склоненію твердыхъ основъ на -о муж. р. Эти новообразованныя формы заключены въ скобки.

3) Относительно соотвѣтствія окончаній даннаго склоненія древнимъ окончаніямъ и о допускаемыхъ въ народн. рѣчи новообразованіяхъ (заимствованіяхъ изъ другихъ склоненій) сказано выше стр. 108, 115.

4) Д а т.—м ѣ стн. п. е д. ч. оканчивается на *ě* (= старо-слав. *ѣ*), которое удерживается только послѣ *ш, в, р, в, ф*, а послѣ другихъ согласныхъ ослабляется въ *е*. Въ настоящее время пишутъ *ě* также послѣ *п, д, т*, но въ этихъ случаяхъ *ě*—не двугласный звукъ, а обозначеніе простаго *е* и мягкости предшествующаго согласнаго; напр. *gubě, lipě, tmě, vřaně, mzdě, síle, rose* (ср. 69 стр.). Согласные измѣняются передъ *ě* на основаніи общихъ законовъ языка: *gada — gadě, gapa — ganě, víra — víře, ruka — ruce, noha — noze, moucha — mouše, Olga — Olze, deska — desce* и т. д.

5) Въ имен. п. мн. ч. нѣкоторыя имена принимаютъ кромѣ -у оконч. а, заимствованное изъ склоненія основъ на -о сред. р.; напр. *louka*—им. мн. *louky* и *luka, hora*—*hory* и *hora, sadka, jíkra, muka* и др.; также мѣстныя названія, употребляющіяся только во множ. ч. *Horky* и *Horka, Slatiny — Slatina*. Въ послѣднемъ случаѣ а весьма обычно не только въ народной рѣчи, но и въ литературномъ языкѣ.

6) Въ род. п. мн. ч. весьма часто бѣглое *е*: *tma — tem, sosna — šosen, vojna — vojeň, palma — palm, и paleň, modla — model* (др.-чешск. *modl*), *sestra — sester* (др.-чешск. *sestr*), *modlitba — modliteb; břitva — bříteň, mzda — mezd* и др.

7) О переходѣ кореннаго долгаго гласнаго въ краткій въ твор. ед. ч., въ род., дат., твор. и мѣстн. мн. ч. см. выше стр. 121 brána—branou, brán, bránám, bránami, bránách.

8) Объ остаткахъ двойств. ч.: guse, rukou, nohou, rukama, pohata, и о новообразованныхъ формахъ rukouch, pohouch, rukoum, pohoum см. выше стр. 105.

9) Вслѣдствіе потери различія между первоначальными твердымъ и мягкимъ l, нѣкоторыя имена, особенно заимствованныя, колеблются между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ; напр. perla и perle род. п. perly и perle, karla и karle, kukla и kukle, řehola и řehole (Regula), при чемъ въ литературномъ языкѣ все болѣе берутъ перевѣсъ формы мягкаго склоненія. Существ. jedla, kyčla (бедро) и vidla (вила множ. vidly) первоначально имѣли твердыя окончанія, но въ новомъ языкѣ слѣдуютъ мягкому склоненію: им. п. jedle, vidle и т. д.

10) Существ. slza (р. п. slzy) во множ. ч. также можетъ образовывать формы по твердому и мягкому склоненіямъ: имен. вин. slzy и slze, р. п. slz и slzí, д. п. slzám и slzím и т. д.

IV. Основы на -ja.

Едн. ч.

И. duše	vůdce ¹⁾	paní	sudí
З. duše	vůdce (-ci)	paní	sudí
В. duši	(vůdce)	paní	sudí (-ího)
Р. duše	vůdce	paní	sudí (-ího)
Д. duši	vůdci (-covi)	paní	sudí (-ímu)
Т. duší	(vůdcem)	paní	(sudím)
М. duši	vůdci (-covi)	paní	(sudím)

Множ. ч.

И.З. duše	(vůdci, -ove)	paní	sudí
В. duše	vůdce	paní	sudí
Р. duší, chvíl	(vůdcův)	paní	sudí (-ích)
Д. duším	(vůdcům)	paním	sudím
Т. dusěmi	vůdcemi (-ci)	paními	sudími
М. duších	vůdcích	paních	sudích

¹⁾ Проводникъ.

1) По образцу *duše* склоняются: а) имена женскаго рода отъ основъ на -а, въ которыхъ звуку а (послѣ переглас. е) предшествуетъ смягченный или небный согласный; напр. *bouře, pře, naděje, kouřě, země, krmě, kůže, růže, míle, pouze, píse, ulice* и т. д. б) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i, лишь отчасти слѣдующія свойственному имъ первичному типу склоненія; напр. *zeď, tvař daň* и др. (о нихъ подробно въ параграфѣ о склоненіи основъ на -i).

2) По образцу *vůdce* склоняются многія имена муж. р. на *ce*: *soudce, zhoube, obráncе, stražce, rádce, správce, dárcе, vladce* и др.; также *raпоše* (дворянинъ), *Krkonoše* и *rukojmě*. Первоначально эти слова склонялись совершенно такъ, какъ *duše*, но впоследствии вошли въ употребленіе и частью вытѣснили древнія формы другія, образованныя по аналогіи основъ на -jo м. р. (*ogač*) Онѣ заключены въ скобки.

3) По образцу *rapí* склоняются имена женск. р., образованныя суфф. *ija* (*ija*): *ledví, biblí, kommissi, obliгaci* и друг. иностр. слова, собств. имена: *Maří, Samaří*. Въ старомъ языкѣ такъ измѣнялись *rolí, laní, lodí* и имена на -dli: *gradlí, předlí*, теперь измѣнившіяся въ *role, laň, loď, gradle*, а потому склоняющіяся по образцу *duše*, за исключеніяхъ сущ. *loď*, которое слѣдуетъ склоненію основъ на -i (*kost*).

4) По образцу *sudí* склоняются многія имена мужск. р. на *í* (= *čija*): *krejčí, lovčí, mluvčí, berčí, koší* и др.; въ старомъ яз. сюда относилось *hrabie* и сложныя съ нимъ: *purgrabie, markrabie, lankrabie* или (послѣ суженія *ie*) *purgrabí*; въ новомъ языкѣ *hrabě* слѣдуетъ склоненію основъ на -t: род. п. *hraběte*. Сложныя же *purgrabí, markrabí* и др. допускаютъ формы и по образцу *rapí* и по образцу основъ на -t и по сложному склоненію: род. п. *markrabí, markraběte, markrabího*. Первоначально слова образца *sudí* склонялись какъ *rapí*, но впоследствии распространились формы, заимствованныя изъ сложнаго склоненія, отмѣченныя выше въ скобкахъ. Такимъ образомъ склоненіе сущ. *sudí* совпало со склоненіемъ именъ типа *Jiří*.

5) Объ органическихъ окончаніяхъ этого склоненія, объ ихъ измѣненіяхъ подѣ вліаніемъ звуковыхъ законовъ языка и о заимствованіяхъ изъ другихъ склоненій уже сказано выше стр. 112, 115.

6) Многія имена, оканчивающіяся на -ě (e), теряютъ это окончаніе въ им. п. един. ч., а также оконч. *i* (вм. *iu*) въ вин. п. един. ч.; напр. *báň* (вм. *báně*), *dál, dáseň* (десна), *děl, diž* (квашня), *kloub, houšť, hráz, kadeř, kratochvíl, koudel, kuchyň, mez, mříž, nesnaz*

(трудность), obec (община), oj (дышло) ráž (рука), peleš (логовище), postel, poněť, rohož, rez (вм. rze ржавчина), skráň, skruš (убѣжище), souš (сушь), straž, šij, šif, tíž (тяжесть), tloušť, tvrz, úlehl (паровое поле), vášeň, (страсть), věž, vŷš, zář, zbroj (вооружение), zeň. Такое исчезновение окончаний наблюдается уже въ древнихъ памятникахъ. Въ винит. п. нѣкоторыхъ существительныхъ і исчезаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ падежъ, сливаясь съ предлогами z (вм. vz), v, na, становится нарѣчіемъ; напр. z-vuši и z-vuš, v staři и v-stář z hloubi—z hloub и т. п. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ именъ никогда не принимаютъ ни ѣ въ именит. п., ни і въ винит. п. ед. ч., напр. obec, postel; другія допускаютъ рядомъ двоякія формы, напр. země и zem, tíže и tíž. Въ литературномъ языкѣ наблюдается стремление къ сохраненію формъ съ окончаніями.

7) Род. п. мн. ч. именъ существительныхъ образца duše обыкновенно оканчивается на -i (zemí). Лишь нѣкоторыя имена образуютъ этотъ падежъ по древнему образцу безъ окончанія; именно: а) существительныя на -ice: ulice—ulic, studnic, lavic, mladíc, slepic и др.; заимствованныя на -ace, -ice имѣютъ въ род. п. мн. -с и sí, напр. obligac—obligací; также ovce—ovec и ovčí; прочія на -ce имѣютъ sí; напр. revolucí и т. п.; б) имена существительныя на -унѣ; напр. otrokuně—otrokuň, bohuně—bohůň, zpěvakuň, но возможно и -ní: zpěvakuní; в) míle, chvíle, košile, neděle—род. п. míl, chvíl, košil, neděl (но и nedělí въ знач. воскресеній), г) имена мѣстныхъ: Teplice—do Teplic.

8) О переходѣ долгаго гласнаго въ краткій въ твор. п. ед. ч. въ род. дат. твор. и мѣстн. пп. множ. ч. см. выше стр. 121.

9) Употребляющіяся только во мн. ч. hromnice (Срѣтеніе), letnice (Троица), vanose и velikopose въ дат. и тв. пп. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo муж. р.: hromnicám, hromnicí.

10) Въ старое время къ склоненію основъ на -ja относились нѣкоторыя имена женскія, какъ Маѣа, Маѣа и мужскія, какъ Маѣа, Váňa, а также нарицательныя раѣа, баѣа. Теперь въ большей части падежей они слѣдуютъ склоненію твердыхъ основъ; напр. в. п. Маѣи, Маѣи (безъ перегласовки) или тв. п. Маѣои, Ваѣои. Только въ дат., мѣст. ед. ч. удерживается болѣе древнее окончаніе: Маѣи, Маѣи.

IV. Основы на -i.

0

Муж. р.

Жен. р.

Едн. ч.

И. host (host)	kost (kost)	zeď	daň
З. hosti (-e)	kosti	zdi	dani
В. host (-i, -ě, -a)	kost	zeď	daň
Р. hosti (-ě, -a)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
Д. hosti (-u, -ovi)	kosti	zdi	dani
Т. hostem	kostí	zdi	daní
М. hosti (-u, -ovi)	kosti	zdi	dani

Множ. ч.

И.З. hosté (-i, -ove)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
В. hosti (-ě, -y)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
Р. hosti (-ŕv)	kostí	zdi	daní
Д. hostem (řm)	kostem	zdem (-řm)	(daním)
Т. hostmi (-i, -y)	kostmi	zedmi (-ěmi)	(daněmi)
М. hostech	kostech	zdech (řch)	(daních)

1) Въ древнемъ языкѣ по образцу *host* склонялись: *zeď, kmeť, krapet, lokeť, test, choť, hospod, lud* (во мн. ч.), *črv*. Въ современномъ языкѣ (литературномъ и народныхъ говорахъ) имена эти большею частью перешли въ склоненіе основъ на -o муж. р. Въ наибольшей чистотѣ удержалось склоненіе сущ. *host*, но и для него въ литературномъ языкѣ употребительны падежи основъ на -o: *hosta, hostu, hostovi* и т. д. Сохранились: род. п. ед. ч. *testi, choti*; дат. ед. *testi, lokti, kpartí*; *lid* — во мн. ч.: им. *lidé*, вин. *lidi*, род. *lidi*, дат. *lídem*, тв. *lídmi*, мѣстн. *líděch*.

2) Изъ именъ жен. р. отъ основъ на -i слѣдуютъ образцу *kost*, т. е. болѣе древнему типу даннаго склоненія: *ozim, step, běl, sůl, mysl, sběť, havěd, hrud, kád, zrověď, odpověď* (и другія на -věď), *žerď, čest, čast, čelist, hrst, huť, choť, kořist, lest, loukoť, mast, pamět, orgať* (возжи), *pažit, pečeť, pelest* (брусокъ), *plst* (войлокъ), *prst, pout, ratolest, slast, smrt, srst* (шерсть), *strast, pověst* (и другія на -věst), *obět, závět, závist, nenavist, vlast, užest, radost, starost, bolest* (и другія на -ost, -est), *moc, pomoc, nemoc, nos, věc, směs, ves, louč, řeč, seč, lež, myš, rozkoš, veš* и др.

3) Многія имена лишь отчасти слѣдуютъ склоненію на -і и легко переходятъ въ склоненіе на -ја (duše). Между ними нужно различать два класса: а) одни склоняются по образцу zeď, т. е. допускаютъ рядомъ съ основными формами (отъ основъ на -і) новообразованныя¹⁾ (по аналогіи на -ја), именно въ род. ед. имен., винит., дат., твор. и мѣст. множ. ч.; напр.: oter, obuv, běl, hůl (палка), ocel, modř, tvář, zvěř, čeleď, káď (вадка), loď, měď, píď, čtvrť, chut, labut, pař, niř, pař, peruř (крыло), pěst (кулакъ), rtuř, síř, pes, žluč (желчь) и др.; въ литературномъ языкѣ дается предпочтеніе первичнымъ формамъ; б) другія совсѣмъ утратили для род. ед., им., вин. дат. твор. мѣстн. мн. ч. древнія окончанія и въ литературномъ яз. слѣдуютъ въ этихъ падежахъ склоненію основъ на -ја; образцомъ склоненія этихъ словъ можетъ служить daň; сюда относятся: 1) всѣ имена женск. р. на -ň: braň, zbraň, daň, jeseň, dlaň, síň, zeleň, báseň, příseň, plíseň, bázeň, kázeň, přízeň, lázeň (ванна), žízeň (жажда); 2) housle (мн. ч.), jesle (мн. ч.), koupel, dveře (мн. ч.). Такъ какъ въ склоненіи на -ја очень часто исчезаютъ окончанія въ им. п. (ě) и винит. п. ед. ч. (i) то и это склоненіе и склоненіе основъ на -і типа daň въ современномъ языкѣ иногда вполне совпадаютъ.

4) О нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ этого склоненія см. выше стр. 109, 113, 116.

5) Конечный согласный въ имен. п. ед. ч. а у именъ женск. р. и въ вин. п. обыкновенно звучитъ мягко: zvěř, řeř, daň, zeď, řeřeř и т. д. Мягкость эта въ однихъ случаяхъ объясняется влияніемъ праславянскаго ъ, находившагося въ окончаніи, (zvěřь ср. старо-славян. звѣрь, рус. звѣрь), въ другихъ, гдѣ передъ ъ находились п, d, t, неспособные къ смягченію передъ узкимъ глухимъ, мягкость въ имен. (и вин. п.) явилась по аналогіи другихъ падежей (напр. р. д. brani). Обыкновенно это явленіе наблюдается у тѣхъ именъ, которыя въ отдѣльныхъ падежахъ слѣдуютъ склон. на -ја (жен. р.) или jo (муж. р.) или частіе оканчиваются въ род. п. ед. ч. на ě, напр. daně, zetě. Однако многія имена сохраняютъ первич. твердое t: kost, host, čest, část, čtvrť, hrst, chut, kořist, lest, mast, nit, pař, pout, smrt, strast, závist, vlast и многія существительныя, образованныя суфф. -o-st и -e-st: radost, milost, starost, bolest, žalost, rozmanitost, věrnost и т. д.

¹⁾ Въ парадигмахъ онѣ заключены въ скобки.

Твердое *t* остается и въ дат. твор. мѣстн. пп. мн. ч.: *kostem, kostma, kostech*. Въ народныхъ говорахъ Моравіи и частью Чехіи (ходское нар.) и въ этихъ случаяхъ слышится мягкое *t*; проникаетъ оно и въ литературный языкъ, въ которомъ часты формы *kostĕ, mladostĕ, kostmi* и т. д. Проф. Гебауэръ стоитъ за сохраненіе въ письменномъ языкѣ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ твердаго *t*.

6) Сущ. *choť* можетъ быть муж. и жен. р.: *bratrova choť, sestřin choť*. Сущ. *zvěř, pečet, rouť* прежде были муж. р.; теперь они принадлежать къ именамъ жен. р.

7) Сущ. *hůl* (палка) и *sůl* во всѣхъ падежахъ кромѣ имен. вин. ед. ч. имѣютъ краткое *o*: р. *holi, soli* и т. д. Ср. стр.

8) По образцу *kost* склоняются имена числительныя *tři* и *čtyři*. Въ старомъ языкѣ сюда относились: *pět, šest, sedm, osm, devět, deset*.

V. Основы на согласные (-v, -n, -t, -r).

Един. ч.

И. <i>tykev</i>	<i>kámen</i>	<i>bříme</i>	<i>zvíře</i>	<i>máti</i>
З. <i>tykvi</i>	<i>kameni</i>	<i>bříme</i>	<i>zvíře</i>	<i>máti</i>
В. <i>tykev</i>	<i>kámen</i>	<i>bříme</i>	<i>zvíře</i>	<i>máteř</i>
Р. <i>tykve</i>	<i>kamene</i>	<i>břemene</i>	<i>zvířete</i>	<i>mateře</i>
Д. <i>tykvi</i>	<i>kameni</i>	<i>břemeni</i>	<i>zvířeti</i>	<i>mateři</i>
Т. <i>tykvi</i>	<i>kamenem</i>	<i>břemenem</i>	<i>zvířetem</i>	<i>mateři</i>
М. <i>tykvi</i>	<i>kameni</i>	<i>břemeni</i>	<i>zvířeti</i>	<i>mateři</i>

Множ. ч.

И.З. <i>tykve</i>	(<i>kamenu</i>)	<i>břemena</i>	<i>zvířata</i>	<i>mateře</i>
В. <i>tykve</i>	(<i>kamenu</i>)	<i>břemena</i>	<i>zvířata</i>	<i>mateře</i>
Р. <i>tykvi</i>	(<i>kamenův</i>)	<i>břemenův</i>	<i>zvířat</i>	<i>mateří</i>
Д. <i>tykvím</i>	(<i>kamenům</i>)	<i>břemenům</i>	<i>zvířatům</i>	<i>mateřem, -rim</i>
Т. <i>tykvemi</i>	(<i>kamenu</i>)	<i>břemeny</i>	<i>zvířaty</i>	<i>mateřmi</i>
М. <i>tykvích</i>	(<i>kamenech</i>)	<i>břemenech</i>	<i>zvířatech</i>	<i>mateřech, -eřich</i>

1) О частныхъ оконч. этого склоненія см. выше стр. 113, 117.

2) По образцу *tykev* склоняются имена жен. р. отъ основъ на -v: *broskev* (персикъ), *brukev, církev, dratev, houžev* (лыко, могола), *konев* (кружка), *koroptev* (куропатка), *kotev* (якорь), *krév, korouhev* *krtokev* (стропила), *láhev* (бутылка), *mrkev, pánev* (сковорода), *ploutev*

(плавательное перо), rakev (гробъ), ředkev, štoudev (стойка), větev, víkev (Wicke, бобовина), vrstev и др. Нѣкоторые изъ именъ этого рода имѣютъ рядомъ съ формами на -ev формы на -va и измѣняются по склоненію твердыхъ основъ на -a; напр.: kotva, dratva, bukva, kouhva, mrkva, р. п. kotvu, д. bukvé и т. д.

Въ народныхъ говорахъ въ род. п. ед. ч., имен., вин. мн. ч. вм. е нерѣдко ё (какъ въ склоненіи основъ на -ja): tykvě, mrkvě; литературный языкъ придерживается е.

Сущ. láhev мѣняетъ долгое á на краткое въ твор. п. ед., род., дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч.: lahví, lahví, lahvím, lahvěmi, lahvích.

3) По образцу kámen склоняются имена муж. р. отъ основъ на -n: hřeben, ješmen, kmen, kořen, křemen, lupen, plamen, pramen, stěmen. Относящіяся къ этому склон. sršeň, stureň и stržeň слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Kámen сохраняетъ á долгое только въ имен., вин. п. ед. ч.—Формы мн. ч. образуются по склоненію основъ на -o мужск. р. (dub.). Въ народныхъ говорахъ это склоненіе оказываетъ вліяніе и на единственное (kameň). Въ моравскихъ говорахъ конечное n звучитъ мягко (kameň) и въ слѣдствіе того все склоненіе сближается со склоненіемъ основъ на -jo муж. р. (конечно безъ перегласовки а, u) kameňa, kameňu. — Архаическій род. п. мн. ч.: kamen, do kořen.

Сущ. den во мн. ч. допускаетъ формы по аналогіи основъ на -i и на -o:

	Е д и н. ч.	М н о ж. ч.	
И.	den	dni	dnove
З.	dni	dni	dnove
В.	den	dni	
Р.	dne	dní	dnův
Д.	dni, dnu		dnům
Т.	dnem		dný
М.	dne (ve dne), dni	dnem	

Точно также склоняется сущ. týdeň (недѣля), въ которомъ первая часть tý остается неизмѣняемой (р. týdne, д. týdni) или во всѣхъ падежахъ кромѣ им., вин. ед. ч. принимаетъ несклоняемую форму tého (р. п. téhodne, д. п. téhodni). Въ старомъ языкѣ (XIV в.) склонялись обѣ части слова, напр. tým—dnem Индрихо-град. грам., 1388).

4) По образцу *břime* склоняются имена сред. р. отъ ося. на -п: *jmě, plémě, řámě, símě, slémě* (гребень крыши), *témě, výmě*. Во всѣхъ этихъ словахъ коренной гласный долгій сохраняется только въ им. зват. вин. пп. ед. ч.; во всѣхъ остальныхъ падежахъ онъ замѣняется краткимъ; напр. род. п. *gamene, semene, plemene* и т. д. Рядомъ съ древними весьма употребительны новыя формы, образованныя по аналогіи основъ на -о сред. р.: *břemeno, gameno*, и т. д. (см. выше стр. 110). Они распространяются въ языкѣ уже въ XIV и XV ст.

5) По образцу *zvíře* склоняются имена средн. род. отъ основъ на -t (преимущественно названія молодыхъ животныхъ): *kuře, ptače, holoubě, srně, lviče, hřibě, osle, jehně, děvče, mládě, vnouče, kníže, hrabě* и др. — Сущ. *dítě* измѣняется такъ въ ед. ч. (*dítěte* и т. д.); во мн. ч. оно женскаго рода и склоняется по образцу *kost*: им. вин. *děti*, р. п. *děti*, д. п. *dětem*, тв. п. *dětmí*, мѣстн. п. *dětech*.

6) По образцу *máti* склоняются *dcí* и новообразованное слово *peř* (племянница). Частныя и діалектич. окончанія въ данномъ виду склоненія указаны выше, стр. 118—119.

Máti сохраняетъ коренное *á* долгое только въ двусложныхъ формахъ; а въ трехсложныхъ оно замѣняется краткимъ, напр. дат. п. *mateři*. Въ имен. возлѣ *máti* возможны *matě* и *mař*.

Склоненіе это все больше исчезаетъ; вм. *mati*—употребительнѣе *matka* (р. п. *matku*), а вм. *dcí*—*dcega* (р. п. *dcegy*).

7) Имена средняго рода отъ древнихъ основъ на -s перешли въ склоненіе основъ на -o. Слѣдъ этого склоненія сохранился во множ. числѣ *pebesa* (им., вин.), *pebes* (р. п.); въ ед. ч. *pebe* слѣдуетъ склоненію основъ на -jo средн. р.: р. п. *pebe* д. м. *pebi*, тв. *pebem*. Ср. стр. 130.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе въ чешскомъ языкѣ не сохранилось въ полномъ видѣ, тѣмъ не менѣе остатковъ этого склоненія здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Въ старомъ языкѣ оно употреблялось гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время. Если не для всѣхъ падежей, то для большей части ихъ, при томъ у прилагательныхъ разныхъ видовъ (притяжательныхъ, качественныхъ, мѣстоименныхъ, числительныхъ, причастій) древніе памятники представляютъ именныя формы. Но уже очень рано (XIV в.) началось въ

языкъ смѣшеніе именнаго склоненія со сложнымъ; такъ-наз. неопре-
дѣленныя формы прилагательныхъ стали замѣняться опредѣленными;
напр.: ach člověče, **jak** jsi křivý, **jak** jsi svéj hospodě lstivý (Алекс.),
ot zamúsenie hrziessnykowerho nad domem dawidowim (Клем. пс.) и др.
Къ XVI ст. упадокъ именнаго склоненія прилагательныхъ принялъ
широкіе размѣры, а въ XVII ст. опредѣлились приблизительно тѣ рам-
ки употребленія этого склоненія, какія наблюдаются и въ настоящее
время. Процессъ смѣшенія формъ, однако, не закончился: въ литера-
турномъ языкѣ замѣтно стремленіе въ сохраненію удѣлѣвшихъ имен-
ныхъ формъ, а въ народныхъ говорахъ онѣ все чаще замѣняются
формами по сложному склоненію.

Въ болѣе полномъ видѣ представлено именное склоненіе прила-
гательныхъ притяжательныхъ на -ův, -in; напр.: králův, otcův, dědův,
bratrův, matčin, sestřin и др. Именные формы существуютъ для всѣхъ
падежей, оканчивающихся на гласный; только въ тѣхъ падежахъ, ко-
торые въ именномъ склоненіи оканчиваются на согласный (именно въ
твор. ед. ч. муж. и сред. р. и род., дат., твор., мѣстн. пл. множ. ч.)
эти прилагательныя слѣдуютъ сложному склоненію. Вотъ образецъ
этого склоненія:

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
	Един. ч.	
И. králův	královo	králova
В. какъ И. Р.	královo	královu
Р.	králova	královy
Д.	královu	králově
Т.	[královým]	královou
М.	králově, -ovu	králově
	Множ. ч.	
И. královi, vy	králova	královy
В. královy	králova	královy
Р.	-odъ члвкв нгъ {	(králových)
Д.		(královým)
Т.		(královými)
М.		(králových)

Въ древнихъ памятникахъ изрѣдка попадаются именныя формы и въ остальныхъ падежахъ; напр.: s bohem abrahamovem (Виттенб. пс.—тв. п.), kralow (род п. мн. ч.), sausedowuom (П. Хельч. дат. п.), kralowi (твор. п. мн. ч.).

Имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ, вполне слѣдуютъ именному склоненію. Сюда относятся: а) мѣстныя названія, напр.: Benešov, Miletin, Bavorov, Levin, Hora Kutná род. п. Hory Kutný (но и Kutná Hora род. п. Kutné Hory), Rakousko (Австрія), Německo, Rusko и др.; б) личныя названія, преимущественно внославянскія, напр. Krylov, Lomonosov, Dmitrijev, Puškin, Karamzin и др.; в) нарицательныя на -о: blaho, dobro, rapno и др.—Чешскія фамильныя имена на -ů (вм. ův) въ настоящее время не склоняются; напр.: rap Tomků, Janků, Petřů, Janů, род. п. rapa Tomků, дат. п. rapu Tomků и т. д. Сохраняя значеніе принадлежности эти имена слѣдуютъ вполне образцу králův; напр. Tomkův dům, Tomkova doma и т. д.—Подобнымъ образомъ не склоняется прилагательное Páně (=Господній и господскій): slovo Páně, chrám Páně, leta Páně; имен. ед. муж. р. paň (=paní), форма на е, выступающая во многихъ падежахъ древняго склоненія этого слова взяла перевѣсъ надъ другими и стала всеобщей.

Остальныя прилагательныя (кромѣ притяжательныхъ на -ův, -in) и причастія прошедшія страд. зал. имѣютъ формы именныя обыкновенно только въ имен. и вин. п. ед. и мн. ч., напр. имен. п. zdráv, zdráva, zdrávo; вин. п. zdráv (zdráva)—zdrávu, zdrávo; имен. мн. ч. zdrávi, zdrávy, zdráva; вин. мн. ч. zdrávi, zdrávy, zdráva; имен. п. pečen, -a, -o, pečení, -y, -a; вин. п. pečen(-a), -u, -o, pečeny, -y, -a; jsem silen, sláb, vesel, chrom, věren; dítě je zdrávo; jsme zdravý, pracují rád, -a, -o, pracujeme rádi, -y, -a; vidím tě zdráva, vidím vas zdrávy.

Отъ мягкихъ основъ, какъ peš, guš, paň и т. п. въ настоящее время совсѣмъ не употребительны именныя формы, кромѣ указаннаго paně. Слѣды ихъ сохранились главнымъ образомъ въ мѣстныхъ названіяхъ какъ Boleslav, Jaromeř, Olomouc, Chrudim, Choteč, Litomyšl и др. Собственно это имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ (напр. Boleslav =hrad Boleslavův). Они склоняются по именному склоненію, при чемъ первоначально были муж. рода, а потомъ перешли въ женскій, т. е. стали измѣняться по образцу duše; напр. Boleslav, род. Boleslavě, дат. Boleslavi и т. д. (ср. выше Benešov, Miletin).

Для твердыхъ основъ (*dobr, zdráv*) и въ старомъ языкѣ не много именныхъ формъ; напр. ихъ совсѣмъ нельзя указать въ памятникахъ для твор. п. ед., род., дат., мѣстн. и твор. пп. мн. ч. Равнымъ образомъ причастія настоящ. вр. дѣйств. и страд. зал. и прошедшя I и II дѣйств. залог. и въ старомъ языкѣ обыкновенно не измѣняются и представляютъ тѣже формы (им. и вин. п.), что и въ новѣйшее время; напр. *pesa* (муж. р.) — *ouc* (жен. р.) — *ouce* (мн. ч.), *trpě, -íc, -íce* (наст. вр. дѣйств.), *znám, -a, -o, známi, -tu, -ta* (мн. ч.), (наст. страд. зал.), *pes* (муж. ср. р.), *pesši* (жен. р.), *pesše* (мн. ч.), *pesl, -a, -o* (прич. прош. дѣйств.). Ср. ниже параграфъ о причастіяхъ. Впрочемъ, отъ прич. на -l встрѣчается род. (вин. п.) на -a: *Rubina naležše umřla* (Пассіональ).

Многія прилагательныя утратили въ современномъ языкѣ именную форму и имен. ед. муж. р.; напр. прежде писали *chud, svietel, miekek* и др. вм. чего теперь пишутъ только *chudý, světlý, měkky*. У нѣкоторыхъ прилагательныхъ гласный, находящійся передъ падежнымъ окончаніемъ, въ именномъ склоненіи дологъ, между тѣмъ въ сложномъ склоненіи онъ кратокъ; напр. *maly—mál, mlady—mlád, pravý—práv, slabý—sláb, starý—stár, zdravý—zdráv, čistý—čist, milý—míl, tichý—tích, živý—živ, dobrý—dóbr* и т. д.

Числительныя, образованныя посредствомъ суф. *er*, могутъ имѣть имен. и вин. пп. ед. ч. по именному склоненію, а въ имен., вин. мн. принимаютъ оконч. *u* для муж. и жен. р. и *a* для средн. р.; напр.: *desater stav* но чаще *desaterý stav, desateru nos, kníhu devateru*. Въ старомъ языкѣ именныя формы употребительны были для всѣхъ падежей един.: ч.; напр. *podlé sedmery věci* (род. п. Θ . Штитн.). Тоже относится къ прилаг. *veškeřen, жен. р. veškega, ср. veškego: вин. п. veškeřen, keškegu, ср. р. veškego, имен. (вин.) мн. veškeři, -u, -a*.

Числительныя порядковыя, начиная съ *čtvrtý* въ соединеніи съ *půl* образуютъ род. и дат., п. ед. ч. по именному склоненію; напр.: *za půl šesta groše, po půl desátu zlatému, před půl páta rokem*.

Остатокъ именнаго склоненія представляетъ архаическій оборотъ дат. п. при глаголѣ *býti: veselu býti, čistu býti, pobitu býti*. Эта форма остается неизмѣняемой при всѣхъ родахъ въ ед. и мн. ч.: *nelze nam sprokojení býti*.

Málo, mnoho склоняются такъ образомъ: род. *z mála, ze mnoha*, дат. *k málu, ke mnohu*, винит. *málo, mnoho*, твор. *málem, mnohem*,

мѣстн. v mále, na—mnoze. Также склоняются *kolik(o)*, *tolik(o)*. Въ современномъ языкѣ, если за эгими прилагательными (собств. числительными неопредѣленными) слѣдуетъ имя существительное, то въ какомъ бы падежѣ послѣднее ни находилось, *málo* остается безъ измѣненія, а *mnoho*, *kolik*, *tolik* имѣютъ окончанія род. п.; напр. *temto mnoha (tolika, malo) lidem*.

Отдѣльные падежи именнаго склоненія прилагательныхъ сохранились въ нарѣчныхъ выраженіяхъ:

1) Род. п. ед. ч.: *do cela*, *do jista*, *do naha*, *dočista*, *z vysoka*, *z blízka*, *z daleka*, *z volna*, *z husta*, *z hola*, *z dlouha*, *z křiva*, *z náhla*, *z nenáhla*, *z nova*, *z úplna*, *z prosta*, *z příma*, *z rovna*, *z rychla*, *z temna*, *z jasna*, *od dávna*, *od starodavna*, *od malička*; *za živa*, *za starodobna*, *sprva*, *zvlašte* (= *z vláště*) и др.

2) Дат. п. ед. ч.: *k staru*, *po lehku*, *po malu*, *po ržnu*, *po suchu*, *po česku*.

3) Мѣстн. п. ед. ч.: *v náhle*, *v nově*, *v plně*, *v cele*, *na dlouze*, *na krátce*, *po hotově*; *dobře*, *zle*, *špatně*, *vesele* и др.

4) Твор. п. ед. ч.: *málem*, *mnohem*, *skorem*.

5) Вин. п. ед. ч.: *na levo*, *na pravo*, *na jisto*, *na jevo* и др.; *málo*, *mnoho*, *často*, *brzo*, *daleko* и др.

6) Твор. п. мн. ч.: *bratrsky*, *hezky*, *turecky*.

Мѣстоименное склоненіе.

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

Един. ч.			Множ. ч.	
И.З. <i>já</i>	<i>ty</i>		<i>my</i>	<i>vy</i>
В. <i>mě</i> , <i>mne</i>	<i>tě</i> , <i>tebe</i>	<i>se</i> , <i>sebe</i>	(<i>ny</i>) <i>nás</i>	(<i>vy</i>) <i>vás</i>
Р. <i>mne</i>	<i>tebe</i>	<i>sebe</i>	<i>nás</i>	<i>vás</i>
Д. <i>mně</i> , <i>mi</i>	<i>tobě</i> , <i>ti</i>	<i>sobě</i> , <i>si</i>	<i>nám</i>	<i>vám</i>
Т. <i>mnou</i>	<i>tebou</i>	<i>sebou</i>	<i>námi</i>	<i>vámi</i>
М. <i>mně</i>	<i>tobě</i>	<i>sobě</i>	<i>nás</i>	<i>vás</i>

Въ старомъ языкѣ существовали формы двойств. ч.: им. п. *vě*, *va* (1 л.), для 2 л. нѣтъ указаній (оно замѣняется имен. мн. ч. -*vy*), род. п. - *najú*, *vajú* — *nají*, *vají*, форма род. п. замѣняетъ и вин. п.; дат., твор. пп. *náma*, *váma*. Напр. *wie tuto muku trpívě*; *došla nагу обů níze* (Градецъ. сб.), *snadnějie bych wагуу zaželel* (Далим. хр.), *nehce k nama i jeden kupec přijíti* (Mastič).

Въ старомъ языкѣ въ 1 л. ед. ч. употреблялось рядомъ съ ја бо-
лѣе древнее јаѣ, которое держится до нач. XV ст.; ја появляется въ
памятникахъ уже нач. XIV ст. (Далим. хрон., Мاستичь., Клемент. пс.).
Въ говорахъ восточной Моравіи вм. ја слышно ја.

Вм. *ty* въ народн. говор. *te* съ различными отгѣнками выговора
е: *tě*, *te*, *tě*.

Въ вин. п. ед. ч. основныя формы собственно *mě*, *tě*, *se* (ср.
старо-славян. *mi*, *ti*, *sa*); *mne*, *tebe*, *sebe*—формы род. п. употребле-
мыя въ значеніи вин.; послѣднія предпочитаютъ въ языкѣ, когда на
мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; *mě*, *tě*, *se*—энклитики. Въ
народн. говорахъ (преимущ. моравскихъ и силезскихъ) встрѣчаются
формы: *ma*, *ta*, *mne*, *ta*, *sa*, *se*, *sa*, *se*. Формы *ma*, *ta*, *sa* проф. Ге-
бауэръ считаетъ древнѣйшими, собственно чешскія *mě*, *tě*, *se*, по его
мнѣнію, образовались черезъ перегласовку а-ѣ. Ср. выше стр. 64. Ди-
алектич. *mne* произошло изъ *mie* черезъ замѣну *j* на *n*.

Въ род. п. ед. ч. ляхское нарѣчіе представляетъ параллельныя
формы *tebě*, *sebě* и *teje*, *seje*.

Формы дат. п. ед. ч. *mi*, *ti*, *si*—энклитики; *mne*, *tobě*, *sobě* упо-
требляются, когда удареніе падаетъ на мѣстоименіе; напр. *tobě dě-
kuji*. Въ ляхск. нар. *ci*, *si*, въ льговец.—*mu*, *tu*, *su* (валаш.).

Въ твор. п. ед. ч. древнія формы—*tobú*, *sobú*; позднѣйшія *tebú*,
sebú, выступаютъ однако, уже въ XIV ст (Клемент. пс.). Въ морав-
скихъ говорахъ: *mni*, *tebú* *sebú* (валашск. и др.), *mnb*, *tebó*, *sebó*
(д.-бечев., ганац., голшпов.), *mni*, *tebu*, *sebu* (ляшск.), *mni*, *mni*,
tebum, *tebúm*, *sebum*, *sebúm* (силезск. гов.).

Въ старомъ яз. вин. п. мн. ч. *ny*, *vy*. Формы род. п. *nás*, *vás*
въ значен. винит. наблюдаются уже въ памятникахъ XIV ст. (напр.
Клемент. пс.) Діалект. формы: въ мѣстн. п. множ. ч. *pos*, *vos*, *nas*,
vas; въ дат. мн. ч.—*nom*, *vom*, *nim*, *vum*, *nam*, *vam*; въ твор. п.
мн. ч.—*namí*, *vamí*, *nama*, *vama*.

II. Мѣстоименія не личныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное
склоненіе представляетъ слѣдующія особенности, главнѣйше по срав-
нію со старо-славянскимъ.

1) Утрата двойственного числа. Въ старомъ яз. формы
двойственного числа были также употребительны какъ въ именномъ

склоненіи; напр. имен., вин. п. *ta, tě, opa, opě, jě* (изъ *ja*), *ji* (жен. и ср. р.), *paše, paši, má, moji*; род. мѣстн. *tú* (изъ *toju*), *opú, jú, jí* (изъ *jeju*), *pašu, paši* (переглас.), *mú, mojú, mojí*; дат., твор. п. *těma, opěma, jima, pašima, šuma*. Въ современномъ языкѣ двойственное ч. замѣняется множественнымъ. Ср. 103 стр.

2) Различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіями (*ten* и *paš*) выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно, какъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Здѣсь нѣтъ такого смѣшенія основъ на *-o* и на *-jo*, какъ напр. въ сербо-хорватскомъ и словинскомъ языкахъ (Ср Лекціи I, 302—304 и 462). Исключеніе составляетъ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., который въ твердомъ и мягкомъ склоненіи звучитъ одинаково—на *-im*: *tím, paším* (въ старо-слав. *tĕmъ, našimъ*). Это совпаденіе падежей произошло не вслѣдствіе вліянія одного склоненія на другое, а въ силу звуковыхъ особенностей языка: въ древнемъ языкѣ было *tĕmъ*, а *tím* возникло черезъ служеніе *ie -i*. Впрочемъ, такая вѣрность старинѣ наблюдается главнымъ образомъ въ литературномъ яз. Въ народныхъ говорахъ, особенно моравскихъ, не рѣдки случаи смѣшенія основъ; напр. род. п. *teho*, дат. п. *temu*, мѣстн. п. *tem*.

3) Род., дат., твор. и мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы какъ въ старо-слав. яз. (*томъ, той, томъ*) но отъ стяженной какъ въ сербо-хорват., словинск. и польскомъ яз.; напр. *tě, paši*, (род. дат. мѣст.), *tou, paši* (тв. п.).

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній проявилось главнѣйше въ склоненіи жен. р. ед. ч. У твердыхъ основъ совпали род., дат., мѣстн. пп. *-tě*; это собственно род. п., послужившій аналогіей для дат. и мѣстн. п.; для послѣднихъ настоящая форма *těj* (черезъ перегласовку изъ пра-слав. *tqji*), которая представлена древними памятниками и народными говорами (дулѣбск., моравск. г.). У мягкихъ основъ совпали всѣ падежи, кромѣ имен., зват., означающіеся на *-i* (только въ вин. і краткое): *paši, paši*. Это *i* (*i*) явилось результатомъ одного стяженія гласныхъ или же перегласовки (*u - i*) и стяженія вмѣстѣ.

5) За исключеніемъ отступленій, указанныхъ подъ п. 3, 4, всѣ остальные падежи мѣстоименнаго склоненія въ большей или меньшей степени совпадаютъ со старо-славянскими, на-сколько это позволяютъ звуковые законы языка (напр. вин. п. *tu* (= старо-слав. *тѣ*), виц. п. мн. ч. *je* (= *ѣ*).

6) Мѣстоименія *miĵ*, *tvŕj*, *svŕj* во многихъ падежахъ имѣютъ стяженные формы *vm.* полныхъ.

I. Основы на -o.

Едн. ч.			Множ. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. <i>ten</i>	<i>ta</i>	<i>to</i>	<i>ti (ty)</i>	<i>ty</i>	<i>ta</i>
V. <i>ten (toho)</i>	<i>tu</i>	<i>to</i>	<i>ty</i>	<i>ty</i>	<i>ta</i>
P. <i>toho</i>	<i>té</i>	<i>toho</i>	} <i>Для всѣхъ род.</i>	<i>těch</i>	
Д. <i>tomu</i>	<i>té (tej)</i>	<i>tomu</i>		<i>těm</i>	
T. <i>tím</i>	<i>tou</i>	<i>tím</i>		<i>těmi</i>	
M. <i>tom</i>	<i>té (tej)</i>	<i>tom</i>		<i>těch</i>	

Имен. п. *ten* изъ болѣе древняго *tъ*, которое сохранилось въ выраженіи *ve -t -čas* (тогдашъ) въ древн. Пассион., Градецъ. сборн. и др. Позже изъ *vetčas* — *večas*. *Ten* есть распространеніе *tъ*, какъ *open*, *vešken*, *všecken*, *jen*.

Въ старомъ языкѣ дат. и мѣстн. п. ед. ч. жен. р. *tej*; такъ и въ говорахъ (дулѣбск., керконош., ляшск.); *té* проникло изъ род. п. Наоборотъ *tej* въ древнихъ памятникахъ проникло въ род. п. и въ значеніи послѣдняго употребляется въ моравскихъ и силезскихъ говорахъ. Въ народныхъ говорахъ *vm.* *té* и *tej* встрѣчается и *tý*.

Древняя форма *tv* п. ед. жен. р. *toji* встрѣчается въ древнихъ памятникахъ только въ выраженіи *mezi toji*. *Vm.* литер. *tou*, въ нар. говор. *tú*, *tó*, *tum*. Равнымъ образомъ въ вин. п. *vm.* *tu* диалектич. *tú*, *top*, *tó*.

Твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. въ стар. яз. *tiem*. Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) род. дат. мѣстн. ед. ч. муж. и ср. р. образуются и по мягкому склоненію *teho*, *temu*, *tem*. Ср. выше 147 стр.

Род. дат. твор. мѣстн. мн. ч. въ народныхъ говорахъ (моравскихъ): *tech*, *tych* (р. м.) *tem*, *tum* (д.), *těma* (обще-народн.), *tema*, *tumi*, *tuma* (тв. п.).

Ten можетъ усиливаться прибавкой частицы *že*, или ср. р. *to*, *tu*, *hle*, *le* (диалект.): *tenže*, *tento*, *toten*, *tuten tenhle*, *teule*. Склоненіе мѣстоименія остается тоже. Рядомъ съ *tenže* существуетъ однородное по значенію мѣстоименіе *týž(e)*, *táž(e)*, *těž(e)*, которое измѣняется по сложному склоненію. По образцу *ten* склоняются: *všečen*, *on*, *open*, *kdo*, *nikdo*, *někdo*, *ledakdo*, *jeden*; въ древнемъ языкѣ сюда отпослосъ *sam*.

Všechen (*весь* ср. ниже мѣст. *ves*) въ ед. ч. имѣеть только имен. и вин. п., а во множ. ч. всѣ падежи: *všechen*, -на, по, *všechni*, -пу, на, род. мѣст. *vsechněch*, дат. *všechněm*, тв. *všechněmi*.

Он, она, оно, мн. ч. *oni*, *ony*, она употребляются только въ им. п. въ значеніи мѣстоименія 3 лица, вм. пра-слав. *jъ*, *ja*, *je* (старо-слав. *и*, *я*, *и*). **Она**, она, оно имѣеть указательное значеніе и слѣдуетъ вполнѣ образцу *ten*. Отъ соединенія съ союзомъ *a* получаютъ (только въ имен. п.) формы: *an*, *ana*, *apo*, *ani*, *anu*, *ana*, употребляющіяся и въ современномъ литературномъ языкѣ.

Jeden и **опа** въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) представляютъ тѣже уклоненія отъ литературнаго яз., какъ и *ten*; напр. *jedneho*, *oneho*, *jednemu*, *onemu*; *jednem*, *onem* и т. д.

Kdo (въ литер. яз. вм. народн. *gdo*)=старо-слав. *къ-то* (ср. выше стр. 90). Въ древне-чеш. *kto* и *kte*. Твор. п. *kým* (вм. ожидаемаго *сіем*, старо-слав. *цѣмь*) отъ *ky* (см. ниже); такъ и въ старомъ языкѣ.

Sam относится къ данному склоненію только въ имен., вин. п. ед. и мн. ч.: *sam*, *sama*, *samo*, *sami*, *samu*, *sama*, *sam* (*sama*), *sami*, *samo*, *samu*, *sama*; остальные падежи въ современномъ языкѣ образуются по сложному склоненію; напр. р. *samého*, д. *saměmu*, р. мѣств. мн. ч. *samých* и т. д. Въ старомъ языкѣ *sam* могло имѣть всѣ падежи по мѣстоименному склоненію, но при этомъ для род. и дат. п. ед. ч. употреблялись и именныя формы: *samoho* и *sama*, *samomu* и *sami*.

Числительныя *oba*, *dva* также слѣдуютъ образцу *ten*, въ древнихъ формахъ двойств. ч.: им. вин. п. *oba*, *obě*, *dva*, *dvě* род. мѣст. п. *obau*, *dvaui*, дат. твор. п. *oběma*, *dvěma*; діалектическія формы: род. мѣст. *dvouch*, *obouch*, дат. мѣст. *dvouma*, *obouma*.

II Основы на -jo.

1.

Един. ч.			Множ. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. <i>naš</i>	<i>naše</i>	<i>naše</i>	<i>naši (naše)</i>	<i>naše</i>	<i>naše</i>
В. <i>nás (našeho)</i>	<i>naši</i>	<i>naše</i>	Для всѣхъ родовъ.	<i>naše</i>	
Р. <i>našeho</i>	<i>naší</i>	<i>našeho</i>		<i>našich</i>	
Д. <i>našemu</i>	<i>naší</i>	<i>našemu</i>		<i>našim</i>	
Т. <i>naším</i>	<i>naší</i>	<i>naším</i>		<i>našimi</i>	
М. <i>našem</i>	<i>naší</i>	<i>našem</i>		<i>našich</i>	

2.

Едн. ч.			Множ. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И. (jen)	(je)	(je)	(ji)	(je)	(je)
З. (on)	(ona)	(ono)	(oni)	(ouy)	(ona)
В. jej, jeho, ho, -ň	ji	je	} для всѣхъ родовъ.	je	
Р. jeho, ho	jí	jeho, ho		jich, jejich	
Д. jemu, mu	jí	jemu, mu		jim	
Т. jím	jí	jím		jimi	
М. (v)něm	ní	něm		(v)nich	

По даннымъ образцамъ склоняются: vaš, jenz, mňj, tvůj, svůj, obůj, dvůj, trůj, čí, ků, со, ves.

Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) въ жен. р. ед. ч. весьма употребительны формы съ неперегласованными гласными окончаній: paša, ŷaša, pašu, vašu, ju, jú и т. д.

Формы род. п. ед. ч. жен. р. paší, jí образовались изъ болѣе древн. pašie, jie, черезъ служение ie — í; въ старомъ яз. и частью въ современныхъ говорахъ встрѣчаются формы jí, ej и iej; отсюда возникло также въ старомъ яз. jejie, jeje и jejej.

Въ дат. мѣстн. п. ед. ч. ж. р. въ старомъ яз. кромѣ основн. paší, jí встрѣчаются формы, образованныя по сложному склоненію pašiej, pašej, jiej, piej, jėj, ěej. Такъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ (вост. морав.).

Имен. пад. ед. и мн. ч. мѣст. jep (старо-слав. ѿ) употребляется во всѣхъ родахъ только въ сложеніи съ že, ž (jepž) въ значеніи *который*; въ значеніи же личнаго мѣстоименія jep замѣняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, мѣстоимен. on.

Вм. jeho, jemu въ род. (вин.) и дат. пл. ед. ч. муж. и ср. р. существуютъ энклитическія ho, mu; они возникли изъ jeho, jemu черезъ потерю начального слога je. Полныя формы употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда логическое удареніе въ предложеніи падаетъ на мѣстоименіе; напр.: jeho vidím, и vidím ho, jemu jsem to dál и dál jsem mu to. Въ ганац. н. дат. п. jemo, mo.

Настоящія формы вин. п. ед. ч. муж. р. jej, ě; jej образовались изъ первоначальнаго jь черезъ прибавку въ началѣ je, т. е. = je-j(ь); ě—изъ болѣе древняго ѣь, которое употреблялось послѣ предлоговъ; такъ и теперь па-ň, за-ň, ve-ň. Ср. старо-славян. *машь, вьшь,*

сербо-хорв. поь, заь, наь, словин. pánj, vánj. Формы jeho, ho заимствованы изъ род. п. и употребляются только по отношенію къ одушевленнымъ именамъ. Въ старомъ яз. встрѣчается jep, въ говорахъ—jé, ѱé.

Въ вин. п. ед. ч. ср. р. въ народной рѣчи обыкновенно ho; въ литерат. яз. сохраняется древняя форма je.

Род. п. мн. ч. jejích — позднѣйшаго образованія; онъ возникъ черезъ прибавку по аналогіи je къ древней формѣ jich и встрѣчается въ памятникахъ не ранѣе 2-й пол. XIV в. (Вѣнское Евангеліе). Эта распространенная форма употребляется исключительно въ значеніи притяжательнаго мѣстоименія; напр. byl jsem v jejích domě. Какъ род. п. жен. р. její перешелъ въ склоняемое прилагательное, такъ отъ jejích въ народныхъ говорахъ возможны формы съ добавочными флексіями: jejíchho, jejíchtu (jejichta тв. п.). Въ старомъ языкѣ подобныя распространенныя формы встрѣчаются для дат. п. и род.—мѣстн. п. двойств. ч.: jejim, její.

Твор. п. мн. ч. въ просторѣчій оканчивается на -ша: jima, píma, pašima, pošima, mojima.

Послѣ предлоговъ j въ мѣстоим. jь, jep (какъ въ друг. слав. яз.) измѣняется въ ѱ: paй, od něho, k němu, s nim, v něm, v nich.

Склоненіе мѣстоименій притяжательныхъ měj, tvěj, svěj отличается отъ старо-славянскаго и русскаго обиліемъ стяженныхъ формъ и въ этомъ отношеніи сближается съ сербо-хорватскимъ склоненіемъ. Уже въ древнемъ яз. употреблялись исключительно стяженныя формы во всѣхъ падежахъ кромѣ имен., вин., ед., мн. и двойств. Такъ и въ соврем. литер. яз. а также въ говорахъ Чехіи и западной Моравіи; напротивъ въ восточныхъ моравскихъ говорахъ господствуютъ нестяженныя формы. Схема собственно чешскаго склоненія представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Едн. ч.			Множ. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. měj	moje, má	moje, mé	moji	moje, mé	moje, má
В. mého (měj)	moji, mou	moje, mé	Для всѣхъ родовъ.	moje, mé	
Р. mého	mé	mého		mých	
Д. mému	mé	mému		mým	
Т. mým	mou	mým		mými	
М. mém	mé	mém		mých	

Формы, въ которыхъ выступаетъ *ý* (*myt, mych* и т. д.), по мнѣнію проф. Гебауэра, вѣрнѣе считать образованными по аналогіи сложнаго склоненія (*dobry*). — Въ моравскихъ говорахъ: им. *moja, moje*, р. *mojeho, moji* (ж. р.) д. *mojemu, mymu, mojej, moji, myto* (ганац.), тв. *mojem, mojim, moju, mojo*; мн. ч. *mojich, mojim, mojimi, mojima*. Проф. Гебауэръ (*Historicka mluvnice, III, I, 492*) считаетъ эти моравскія формы новообразованиями, но такое мнѣніе едва ли можно считать доказаннымъ или даже вѣроятнымъ.

Dvŕj, troj, obŕj въ настоящее время употребляются только въ имен., вин. пп. ед. и мн. ч.: им. п. *dvŕj, dvoje, dvoje*, мн. *dvoji, dvoje, dvoje*; вин. п. *dvŕj, dvoji, dvoje*, мн. ч. *dvoje* (для всѣхъ родовъ). Средн. р. въ стяженной формѣ *dvé, obé, tré* и въ значеніи существительнаго имѣетъ всѣ формы по образцу *mé: dvého, dvému* и т. д. Им. *dvŕj* и т. д. гораздо чаще *dvŕji, troji, obŕji*, измѣняющіяся по мягкому сложному склоненію: *dvojího, trojího, obojímu* и т. д.; между тѣмъ въ старомъ языкѣ возможны были и мѣстоименныя формы *dvojeho, dvojemu* и т. д.

Ŕi (въ *ŕjъ, ŕja, ŕje*—др. ч. *ŕi, ŕie, ŕie*), первоначально склонялось по образцамъ *jъ, paŕ*, но теперь вслѣдствіе стяженія *jъ* съ слѣдующ. гласн. имѣетъ формы вполне аналогичныя съ формами мягкаго сложнаго склоненія *ŕiho, ŕimu* и т. п. им. *ŕijeho, ŕijemu* и т. д. (ср. ниже обр. *reŕi*). Въ нѣкоторыхъ говорахъ (ляпск. н.)—*ŕij, ŕija, ŕije*.

Отъ мѣст. *sep* (= старо-слав. *sa*), которое и въ старомъ языкѣ употреблялось очень рѣдко (хотя во всѣхъ падежахъ), въ настоящее время сохранились немногіе слѣды въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: *dnep, letos, po-sou-dovu*.

Старо-славянскому *вась* въ чешск. яз. соответствуетъ *veŕ* (жен. ср. р. *vŕe*). Согл. *ŕ* им. *z* и въ другихъ западно-слав. яз. (ср. выше стр. 93); въ чешскомъ оно въ доисторич. эпохи: уже въ древнихъ глаголическихъ отрывкахъ XI в. *vŕi, vŕech*. Какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ твор. ед. ч. муж. и ср. р., въ род., дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч. это мѣстоименіе слѣдуетъ твердому склоненію: *vŕim, vŕach, vŕem, vŕemi, vŕech* (ср. старо-слав. *васымъ, васкъ, васьма, васьми, васкъ*), въ остальныхъ падежахъ — мягкому: *vŕeho, vŕi, vŕemu* и т. д. Въ имен. и вин. пп. ед. и мн. ч. въ современномъ языкѣ чаще формы, усиленныя прибавками — *sek, -sken* и *chen, vsecek* (-ка, -ко),

všecken (-kna -ckno), všechen (-chna -chno). Въ старомъ языкѣ въ это мѣстоименіе проникаютъ и другія суффиксы: veštek, všitek, veškoren, všechoren. Такія распространенныя формы слѣдуютъ именному или твердому мѣстоименному склоненію; напр.: všecí, všeckní, všichni, všesku, všecknu, všechnu. Въ древнихъ памятникахъ и нѣкоторыхъ восточныхъ моравскихъ говорахъ встрѣчаются отъ распространенныхъ формъ кромѣ имен., вин. и другіе падежи; напр. všeckého, všeskuho, všeketu, všeskuhu (мор. г.), všechnech (XVI в.), všeskuh. Первоначально склонялись обѣ согласныя части слова; напр. им. жен. р. všeska, вин. vší-sku.

Со въ древне-чешск. šeo (изъ болѣе стараго ѣso) и есть собственно род. п. (ср. старо-слав. yeso) употребляемый въ знач. имен. и вин.; древній вин. п. сохранился въ ѣ, ѣе въ выраженіяхъ прощ, зач, пащ, veщ, seщ, и про-щеж, па-щеж и др. Въ род. п. рядомъ съ čso (čse, se, со) въ древн. яз. употреблялся и čeho. Въ наст. время со вполне слѣдуетъ мягкому склоненію: со р. čeho, д. čemu, в. со, -č, тв. čím, м. čem. Въ силезск. гов.—čoho, čomu, čom.

Мѣстоименія на -ý, -á, -é: který, kú (употр. только въ муж. р. ед. ч. р. п. kého и kúho), týž, tentýž (можетъ склоняться въ двухъ частяхъ: toho - teho - ž, tomu - temuz - ž по рѣдко употреб.), jaký, taký, koliký, toliký и др. измѣняются по сложному склоненію.

С л о ж н о е с к л о н е н і е .

Сложное склоненіе въ чешскомъ яз., какъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, болѣе или менѣе значительно отступило отъ того древняго (праславянскаго) типа, который полнѣе всего представленъ въ старо-славянскомъ яз. Здѣсь не возможны такія нестянутыя формы, какъ старо-сл. добраго, доброуема, добрымь, добрыими, въ которыхъ ясно выступаютъ окончанія именнаго и мѣстоименнаго склоненія; въ замѣнъ ихъ всюду являются или формы сокращенныя, въ которыхъ первичныя именныя и мѣстоименныя окончанія подвергаются разнымъ измѣненіямъ и сливаются въ одно цѣлое согласно общимъ законамъ чешскаго вокализма (перегласовка, суженіе, стяженіе) или же формы новыя, не стоящія въ прямомъ родствѣ съ предполагаемыми древними, а образованныя по аналогіи. Вслѣдствіе такихъ преобразованій, частью относящихся къ доисторической порѣ (напр. тв. п. ед. ч. dobrým),

частью развившихся въ новое время (напр. вин. п. жен. р. *pěší* изъ болѣе древняго *pěšiu*) чешское сложное склоненіе особенно въ мягкомъ различіи, во многихъ падежахъ совпадаетъ съ мѣстоименнымъ. Но это совпаденіе не идетъ такъ далеко, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. словинскомъ (ср. Лекція I, 465, 468). Въ чешскомъ языкѣ все же замѣтно въ значительной степени стремленіе къ сохраненію древняго разнообразія формъ и, между прочимъ, удержано различіе между твердыми и мягкими основами, уже исчезнувшее напр. въ словинскомъ языкѣ.

Къ настоящимъ сложнымъ формамъ, т. е. образованнымъ черезъ соединеніе окончаній именнаго и мѣстоименнаго склоненій относятся: 1) имен. и вин. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ: а) им. п. ед. ч. *dobrý* (*dobrǔ -jǔ*), *pěší* (*pěšǔ -jǔ*), *dobrá* (*dobra -ja*), *pěší* (др.-ч. *pěšie = pěša -ja*), *dobré* (*dobro -je*), *pěší* (др.-ч. *pěšie = pěše -je*); б) вин. п. ед. ч.: *dobrý*, *pěší*, *dobrou* (др.-ч. *dobrú = dobru -ju*, пра-слав. *dobrǫ -ǫ*), *pěší* (др.-ч. *pěšú = pěšu -ju*, пра-слав. *pěšǫ -ǫ*), *dobré*, *pěše*; в) имен. п. множ. ч.: *dobří* (*dobři -ji*), *pěší* (*pěši -ji*), *dobré* (*dobry -jě*, старо-слав. *докры -и*), *pěší* (др.-ч. *pěšie = pěšě -jě*), *dobrá* (*dobra -ja*), *pěší* (др.-ч. *pěšie = pěša -ja*); г) вин. п. мн. ч.: *dobré*, *dobré*, *dobrá*, *pěší* (для 3 род.); 2) род. п. ед. ч. жен. р.: *dobré* (*dobry -jě*) старо-слав. *докрыи*), *pěší* (др.-ч. *pěšie = pěšě -jě*); 3) дат. мѣст. п. ед. ч. жен. р. мягкаго склоненія *pěší* (*pěši -ji*); въ древнемъ языкѣ сюда же относились и твердыя основы: *dobříej* (*dobré -ji*); ново-чешское *dobřej* образовалось по аналогіи; 4) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. мягкаго склоненія: *pěším* (др.-ч. *pěšiem = pěši -jem*); въ древн. яз. сюда же относились и твердыя основы: *dobříem* (*dobré -jem*), позднѣйшее *dobřém* образовалось по аналогіи; 5) твор. п. ед. ч. жен. р.: *dobrou* др.-ч. *dobrú = dobrú -jú*, пра-слав. *dobrǫ -ǫ*), *pěší* (др.-ч. *pěšú = pěšú -jú*); 6) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ: *dobrých* (*dobry -jich*), *pěších* (*pěšǔ -jich*); 7) твор. п. мн. ч. муж. и ср. р.: *dobrými* (*dobry -jimi*), *pěšimi* (*pěši -jimi*). — Въ старомъ языкѣ сюда же относились имен.-винит. и род.-мѣст. пп. двойств. ч.: *dobra*, *dobříjej* (*dobra -ja*, *dobře -ji*), *pěšie*, *pěši* (*pěša -ja*, *pěši -ji*), *dobrú*, *pěšú* (-ú -jú).

Остальные падежи, вѣроятно, нужно объяснять новообразованиями по аналогіи. Сюда принадлежатъ: 1) род. п. ед. муж. и ср. р. *dobrého*, *pěšého* (др.-ч. *pěšeho*); 2) дат. п. ед. ч. муж. и ср. р. do-

brámu, pěšímu (др.-ч. pěšíemu); 3) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. dobrém (ср. выше пункт. 4); 4) дат. мѣст. п. ед. ч. жен. р. dobrěj (ср. выше п. 3), 5) твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. dobrým, pěším; 6) дат. п. мн. ч.: dobrým, pěším; 7) мѣстн. п. мн. ч. dobrých, pěších; 8) твор. п. мн. ч. жен. р. dobrými, pěšími. Сверхъ того въ старомъ яз.: имен., вин. двойств. ч. жен. и ср. р.: а) dobrěj (болѣе новая форма ср. выше); б) дат. твор. пп. двойств. ч. dobrýma, pěšíma.

Въ частностяхъ вопросъ о происхожденіи новообразованныхъ формъ еще не разъясненъ окончательно. По мнѣнію однихъ аналогіи для этихъ формъ нужно искать въ предѣлахъ сложнаго склоненія; падежи, имѣющіе въ окончаніи неорганическое -é или í (изъ древн. iě) dobrého, pěšieho (др.-ч.) dobrému, pěšiemu, dobrém, dobrěj), получили это -é (или í) подъ вліяніемъ тѣхъ падежей сложнаго склоненія которые имѣютъ -é (или í) по праву (напр. dobré, pěšie); падежи, имѣющіе въ окончаніи неорганическія -ý, í, dobrým, pěším, dobrých, pěších (м. п.) dobrými, pěšími (ж. р.) приобрѣли эти гласные по образцу тѣхъ формъ, въ которыхъ -у, -í, выступаютъ по праву (напр. dobrý, dobrých р. п.). Другіе полагаютъ, что всѣ новообразованные падежи развились подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія, именно по аналогіи стяженныхъ формъ мѣстоименія mŕj: mého, mému, mých, mým, mými и т. д. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній ближе къ истинѣ, трудно сказать. Проф. Гейбуэръ стоитъ за первое; намъ кажется болѣе вѣроятнымъ второе въ виду того, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ (напр. словинскомъ, польскомъ) мѣстоименное склоненіе несомнѣнно оказало большое вліяніе на формы сложнаго склоненія.

Твердыя основы.

Мягкія основы.

Едн. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	dobrý	dobrá	dobré	pěší	pěší	pěší
В.	dobrý(-ého)	dobrá(-ě)	dobré	pěši	pěši	pěši
Р.	dobrého	dobré	dobrého	pěšího	pěši	pěšího
Д.	dobrému	dobré(-ěj)	dobrému	pěšímu	pěši	pěšímu
Т.	dobrým	dobrou	dobrým	pěším	pěši	pěším
М.	dobrém	dobré(-ěj)	dobrém	pěším	pěši	pěším

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
ИЗ.	dobří (ré)	dobré	dobrá		{ přetí přetí přěších přěším přěsími přěších }	
В.	dobré	dobré	dobrá			
Р.	{ Для всѣхъ род. }	dobrých				
Д.		dobrým				
Т.		dobrými				
М.		dobrých				

Въ старомъ яз. употреблялись формы двойственнаго числа, нынѣ уже исчезнувшія: имен. вин. п. *dobrá* (муж. р.) *dobřieј*, *-ie*, *-í* (жен. ср. р.), *pěšie* (*-í*), *pěší* р. м. п. *dobrú*, *pěšu* (*-í*), дат. тв. п. *dobrýma*, *pěšíma*.

Род. и дат. (мѣстн.) п. ед. ч. жен. р. въ старомъ языкѣ (до нач. XV ст.) *dobřej*; затѣмъ вслѣдствіе отпаденія *j* всѣ три падежа совпали; смѣшеніе падежей повело къ тому, что и первичная форма дат. п. *dobřej* въ переходную пору стала употребляться для обозначенія род. п. Въ настоящее время употребительны оба окончанія для общаго обозначенія трехъ падежей (род. дат. мѣстн.) но въ различныхъ нарѣчіяхъ: въ литературномъ языкѣ и въ чешскихъ говорахъ (за исключеніемъ дулѣбскаго, въ которомъ сохраняется древнее различіе между род. и дат. п.) взяла перевѣсъ форма на *é* (*dobré*), въ моравскихъ нарѣчіяхъ—форма на *ěj* (*dobřej*).

Имен. п. мн. ч. муж. р. въ твердомъ различіи оканчивается на *-í*, когда относится къ одушевленнымъ именамъ; согласуясь съ неодушевленными онъ сходенъ съ винит. п. Согласный передъ *í* подвергается обычному смягченію: *dobří*, *silní*, *velicí*, *nazí*, *nebeští*, *pěšečí*, и др. Въ народныхъ говорахъ иногда согласный и не смягчается.

Изъ діалектическихъ особенностей для твердаго различія наиболѣе важны свойственныя особенно чешскимъ (и отчасти моравскимъ) говорамъ формы, въ которыхъ вм. книжнаго *é* слышно *ý* (*í*, черезъ съуженіе *ě* ср. 66 стр.) и вм. *ý* *-ej* (ср. выше 72 стр.); напр. *dobrýho*, *dobrúhu*, *dobrým* (мѣстн. п., совпаденіе съ твор. п.), *dobrú* (р. д. м. пад. ж. р.), *dobrú* (ср. р. им. вин. п.), *dobřej* (им. п. муж. р.), *dobřejm* (дат. п. мн. ч., рѣже твор. п. ед.), *dobřejch* (род. мѣст. мн. ч.), *dobřejmi*, *dobřejma* (тв. п. мн. ч.). — Вин. твор. пп. ед. ч. жен. р. въ моравскихъ говорахъ сохраняютъ древн. *ú*: *dobrú*; въ опавск. гов.

dobrum. — Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ (особ. ляшск. нар.), гласный окончанія бываетъ краткимъ; *dobře, dobra, dobřu* и т. д.

Склоненіе мягкихъ основъ значительно упростилось вслѣдствіе стяженія, перегласовки (*u—i*) и сжуженія (*ie—i*) гласныхъ звуковъ окончаній. Въ большей части падежей оно близко напоминаетъ именное склоненіе образцовъ *raní, sudí, znamení*, и потому оказало нѣкоторое вліяніе на послѣднее (*sudího, rodkoního*). Въ жен. р. ед. ч. совпадаютъ всѣ падежи въ одной формѣ *řeší*, которая выступаетъ сверхъ того въ имеп. вып. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ родовъ. Въ старомъ языкѣ въ большей степени соблюдалась дифференціація формъ; напр. *řešie* (им. род. п. ж. р.) *řešiem* (тв. п. ед. ч.), *řešíú* (вин. тв. п. ж. р.) и т. д. Тоже и въ настоящее время въ моравскихъ и силезскихъ говорахъ, сохраняющихъ неперегласованное *u* и несжуженное *ie*; напр.: *většú gadosc* (ляшск. н.), *inšieho* (вян. п.) и др.

По образцу *dobřú* склоняются: 1) имена прилагательныя твердыхъ основъ, оканчивающіяся на *-ý, á, -é*, напр. *silný, mocný, revný, zralý, milý, tělesný, ropocný, nebeský, veliký, nahý*, и др. 2) имена числительныя на *-ý*: *prvý, druhý, pátý, desaterý*; 3) имена собственныя (фамиліныя); напр., *Dobrovský, Palacký, Čelakovský, Švětlá, Němcová*, инославянскія на *-ij, í*: *Žukovskij, Kochanovskí*; 4) мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ, напр.: *tyž, jaký, ký, který, některý, kterýkoli, jekýsi, kteraký, každý, žádný* (ни одинъ), *všaký, všeliký* и т. п.; 4) причастія страдательныя и дѣйствительныя на *l* въ опредѣленной формѣ; напр.: *znamý, vědomý, osířelý, milovaný, sbitý, napísaný* и т. д. 6) многія прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: *hostinský, hlasný, ropocný, vrátný, útery* (вторникъ); *panská, kramská* (лавочница), *krejčova* (портниха), *kurcová*, (купчиха); *mostné* (мостовой сборъ), *přivozné, vstupné* (входная плата), и др.

По образцу *řeší*, склоняются: 1) имена прилагательныя мягкихъ основъ, оканчивающіяся на *-í*, напр.: *kozí, orličí, dnešní, denní, horní, zadní, duchovní* и др., 2) прилагательныя въ сравнительной и превосходной степени; напр.: *bělejší, lepší, nejlepší* и др. 3) имена числительныя на *-í*, напр.: *první, třetí, dvojí, trojí*; 4) причастія дѣйствительныя (настоящее и прошедшее I) въ опредѣленной формѣ; напр.: *jdoucí, rekoucí, nesoucí, dařší, pívší, milovavší* и т. д.; 5) мѣстоименія *její*; *čí*; 6) нѣкоторыя имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: *bližní, lovcí, kočí, krejčí* и др. О склоненіи *řící, sudí, markrabí*, см. выше стр. 129, 135.

П р и б а в л е н и е.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ: 1) *ější*; напр.: *silný—silnější*, *bílý—bělejší*, *lstivý—lstivější*, *svátý—světější*; 2) *ší*, смягчающаго предшествующій согласный; напр.: *drahý—dražší*, *tuhý—tužší*, *hluchý—hlušší*, *snadný—snazší*, *blizký—blizší*, *vysoký—vyšší*; 3) *ší*, неизмѣняющаго предшествующій согласный; напр.: *chudší*, *mladý—mladší*, *slabý—slabší*, *bohatý—bohatší*, и др.; 4) *í*—у нѣкоторыхъ прилагательныхъ на *ký*; *lehký—lehčí*, *hezký—hezčí*, *vlhký—vlhčí*, *měkký—měkčí*.

Въ старомъ языкѣ были только два окончанія *ější* и *jší*; первое имѣло мѣсто у прилагательныхъ производныхъ; напр.: *bohatý—bohatější*, *mladý—mlazší*, *huzší* (*j* всегда смягчало предшествующій гласный); ок. *ší* позднѣйшее, постепенно оно взяло перевѣсъ надъ *jší* и распространеннымъ *ější*; напр.: *bohatší* вм. древн. *bohatější*, *chudší* вм. *chuzší*.

У нѣкоторыхъ прилагательныхъ коренной гласный въ сравнительной степени—вратокъ, а въ положительной—дологъ; напр.: *krátký—kratší*, *blizký—bližší*, *úzký—úžší*, *bílý—bělejší*, но *moudrý—moudřejší*. Многя прилагательныя на *-ký*, *-oký*, *-eký* образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній; напр.: *sladký—sladší*, *hladký—hladší*, *blizký—bližší*, *hluboký—hlubší*, *daleký—další*. Подобнымъ образомъ *snadny* и *zadní* теряютъ *n*: *snazší*, *zazší*. *Dlouhý* имѣетъ сравн. ст. *delší*.

Нѣкоторыя прилагательныя имѣютъ сравнительную степень отъ другихъ основъ: *dobrý—lepší*, *zlý—horší*, *veliký—větší*, *malý—menší*. Тоже и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Превосходная степень образуется посредствомъ прибавки частицы *nej* (перегласов. изъ *na*) къ началу сравнительной степени; напр. *nejbohatší*, *nejlepší* и т. п.

2) Числительныя имена.

1, jeden, -na, -o	5, pět
2, dva, dvě	6, šest
3, tři	7, sedm
4, čtyři	8, osm

9, devět	60, šedesát
10, deset	70, semdesát
11, jedenáct	80, osmdesát
12, dvanáct	90, devadesát
13, třináct	100, sto
14, čtrnáct	101, sto jeden
15, patnáct	200, dvě stě
16, šestnáct	300, tři sta
17, sedmnáct	400, čtyři sta
18, osmnáct	500, pět set
19, devatenáct	600, šest set
20, dvacet	700, sedm set
21, dvacet jeden, jeden a dvacet	800, osm set
30, třicet	900, devět set
40, čtyřicet	1000, tisíc
50, padesát	10000, deset tisíc.

Jeden, dva, dvě (ж. ср. р.), а также оба, obě (ж. ср. р.) склоняются по мѣстоименному склоненію (ten). Склоненіе dva, oba представляетъ любопытные остатки двойств. числа. Ср. выше стр. 149.

Числит. tři и čtyři слѣдуютъ склоненію основъ на -i: им. вин. tři, čtyři, род. п. tři, čtyř, дат. п. třem, čtyřem, твор. п. třemi (др.-ч. třmi), čtyřmi, мѣст. п. třech, čtyřech.—Рядомъ съ čtyři развилось čtyry (твердое r), особ. čtyr (род. п.), čtyrem (дат. п.). Въ народныхъ говорахъ čtyři и пр. часто произносится štyři. Въ старомъ языкѣ муж. р. отлич. отъ жен. р. въ имен., вин. п.: třie, čtyřie (муж. р.), tři, čtyři (жен. и ср. р.). Въ говорахъ встрѣчаются еще слѣдующія новообразованныя формы: třoch, troch, štyroch (род. и мѣст. п.), třom, trom, štyrom (дат. п.), třema, štyrma, štyremo.

Числит. pět, šest, sedm, osm, devět, deset прежде склонялись вполне по образцу kost (основа на -i), при чемъ имена, означающія считае-мый предметъ ставились въ род. п. мн. ч.; напр.: yšeska pět mužův, род. п. všie pěti mužův, дат. п. vši pěti mužův и т. д. Въ новомъ языкѣ такое употребленіе числительныхъ удержалось только въ имен., вин. п.; въ остальныхъ падежахъ они имѣютъ неизмѣняемую форму на -i¹⁾, а измѣняется по падежамъ существительное, обозначающее

¹⁾ Впрочемъ, эта форма на -i совпадаетъ съ большинствомъ падежей ед. ч. склоненія основъ на i жен. р.

считаемый предметъ; напр. имен. вин. п. *všeka pět mužův*, род. п. *všech pěti mužův*, дат. п. *všem pěti mužům*, твор. п. *všemi pěti muži*, мѣстн. п. *všech pěti mužích*. — *Devět* и *deset* (др.-ч. *desět*) въ формѣ на *-i* имѣють гласный, предшествующій окончанію, долгій: *devět* — *devítu*, *deset* — *desíti*.

Числит. *deset* въ старомъ языкѣ имѣло слѣдующіе падежи: мѣст. п. ед. на *e*: *desěte*; онъ сохранился доселѣ въ побочныхъ формахъ *jedenácte*, *dvanácte* и т. д. (и *jedenáct*, *dvanáct*) = *jeden-na-desěte*, *dva-na-desěte* и т. д. 2) имен., вин. дв. ч.: *desěti* представленный въ *dvačeti* (= *dva-desěti*), нов.-ч. *dvacet*; 3) имен., вин. мн. ч. *desěti*, представленный въ *třiceti*, *čtyřiceti* (= *třidesěti*, *čtyři-desěti*), нов.-ч. *třicet*, *čtyřicet*; 4) род. п. мн. ч. *desat* сохранившійся доселѣ въ *sedm-desát*, *osmdesát*, *šedesát*, и др.

Къ склоненію числительныхъ отъ 11 до 19 (*jedenáct*, *dvanáct* и т. д.) и отъ 20 до 90 (*dvacet*, *třicet* и т. д.) относится тоже, что было сказано о склоненіи числительныхъ *pět*, *šest* и т. д.: во всѣхъ падежахъ, кромѣ им., вин. они имѣють однородную форму на *-i*; напр. дат. п. *k dvanacti*, *čtyřiceti*, *mužům*.

Sto склоняется по образцу основъ на *-o* сред. р. (*město*); въ им., вин. п. *dvě stě* сохранился остатокъ двойств. ч. Существительное, обозначающее считаемый предметъ, обыкновенно стоитъ въ род. п.; напр. *sto dubův*, *ke stu dubův*; но иногда *sto* остается безъ измѣненія, а склоняется находящееся при немъ существительное, напр. *ke sto dubům*, *se sto lidmi*.

Tisíc склоняется по образцу основъ на *-jo* муж. р.; въ род. п. мн. ч. чаще древняя форма *tisíc*, чѣмъ позднѣйшая *tisícův*.

Порядковья.

1, <i>první</i> , <i>prvý</i>	10, <i>desátý</i>
2, <i>druhý</i> , <i>-á</i> , <i>-é</i>	11, <i>jedenáctý</i>
3, <i>třetí</i>	12, <i>dvanáctý</i>
4, <i>čtvrtý</i> , <i>á</i> , <i>-é</i>	13, <i>třináctý</i>
5, <i>pátý</i> , <i>-á</i> , <i>-é</i>	14, <i>čtrnáctý</i>
6, <i>šestý</i> , <i>-á</i> , <i>-é</i>	15, <i>pátnáctý</i>
7, <i>sedmý</i> , <i>-á</i> , <i>-é</i>	16, <i>šestnáctý</i>
8, <i>osmý</i> , <i>-á</i> , <i>-é</i>	17, <i>sedmnáctý</i>
9, <i>devátý</i> , и т. д.	18, <i>osmnáctý</i>

19, devetenáctý	101, stý první
20, dvacátý	200, dvoustý
21, dvacátý první или jeden a	300, třístý
30, třicátý [dvacátý	400, čtyřstý
40, čtyřicátý	500, pětistý
50, padesátý	600, šestistý
60, šedesátý	700, sedmistý
70, sedmdesátý	800, osmistý
80, osmdesátý	900, devítistý
90, devadesátý	1000, tisíc
100, stý	10000, desítitiscí.

В) Спряженіе.

Чешское спряженіе во многихъ отношеніяхъ стоитъ очень близко къ пра-славянскому типу, наиболѣе полно выраженному въ спряженіи старо-славянскаго языка. Эта близость особенно замѣтна въ древнемъ состояніи языка, которому свойственны были формы двойственнаго числа, прошедшія простыя—преходящее, аористъ—и супинъ. Въ современномъ языкѣ это древнее богатство и разнообразіе формъ нѣсколько сократилось, но все же еще весьма значительно; оно выражается главнѣйше въ сохраненіи не только неопредѣленнаго, но отчасти и достигающаго наклоненія, въ удержаніи большей части причастныхъ формъ и въ обиліи прошедшихъ сложныхъ. Своеобразныя особенности флексіи чешскаго спряженія объясняются большею частью изъ звуковыхъ законовъ языка.

Неопредѣленное и достигающее наклоненія.

Неопредѣленное и достигающее накл. (супинъ) имѣютъ тѣже окончанія, что и въ старо-славянскомъ а также и пра-славянскомъ языкѣ), т. е. -ti (неопред.) и -t (достиг.); напр.: nésti—nést, uměti—umět, prositi—prosit.

Если передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр.: vésti, plésti, péci.

Въ разговорной рѣчи конечное i въ неопред. н. часто не слышно и эта форма, подобно супину, оканчивается на -t: dělat. Такъ было

нерѣдко и въ старомъ книжномъ яз. Въ народныхъ говорахъ сверхъ того вм. *tí* распространено *t: dělat, uměť*. Въ современномъ литературномъ языкѣ предпочтительно употребляется первичное *tí*.

Въ неопредѣленномъ накл., состоящемъ изъ двухъ слоговъ, коренной гласный обыкновенно удлинняется: *nesu—nésti, vněsti, vedu—vésti, kladu—klásti, chtěl—chtíti, kryji—krýti*. Исключение составляютъ глаголы: *moci, jeti, pěti, spěti*. Сверхъ того нѣкоторые глаголы имѣютъ то долгій, то краткій гласный; напр.: *čniti* и *čněti, pniti* и *pněti, smíti* и *směti, chviti* и *chvěti*.

Если неопредѣленное наклоненіе, состоящее изъ двухъ слоговъ, соединяется съ предлогомъ или частицей *ne* и черезъ то становится словомъ трехсложнымъ или четырехсложнымъ, то коренной гласный можетъ быть или долгимъ или краткимъ. Онъ остается краткимъ въ глаголахъ, оканчивающихся въ двухсложной формѣ на *-áti* и *íti* (=ст.-чешск. *íti*); напр.: *dáti—vydati, podati; znáti—uznati, neznati; bráti—sebrati, nabrati; psáti—napsati* и т. д. *píti—napíti; bití—zabiti, ctíti—pochtíti*. Исключение составляютъ только тѣ глаголы на *-áti*, въ которыхъ *á* образовалось черезъ стяженіе; напр.: *báti se* и *nebáti se, smáti—vysmáti, státi (stojati)—přestáti* и т. п., а также *jíti—najíti, přijíti*.

Всѣ прочіе глаголы, именно тѣ, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на *i* (изъ стуженнаго древняго *ie*), *ý*, *ou* или на согласный, превращаясь въ многосложную форму, имѣютъ въ неопред. накл. коренной гласный долгій; напр.: *žíti* (др.-ч. *žieti*)—*požíti, mříti* (др.-ч. *mřieti*) *umříti, vzíti* (др.-ч. *vzieti*) *nevzíti* (впрочемъ *zahřměti, zahřmíti, pochťiti* и *pochťěti*), *býti—dobyti, mýti—umýti, hnouti—vyhnouti, vésti—přivěsti, nésti—přiněsti, klásti—naklásti*.

Въ противоположность неопредѣл. накл. въ достигательн. накл. коренной гласный не удлинняется; напр. *spáti* (неопр.)—*spat* (достиг.). Только въ *soudit* коренной гласный остается долгимъ, будучи такимъ во всемъ спряженіи этого глагола.

Достигательное накл. въ современной рѣчи встрѣчается очень рѣдко; обыкновенно оно замѣняется неопредѣленнымъ. Смѣшенію обихъ формъ содѣйствовало совпаденіе ихъ въ окончаніи послѣ того какъ неопредѣленное накл. стало произноситься безъ конечнаго *i*. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, однако, достигат. накл. и теперь необходимо; напр.: *jdu spat, přijde soudit živých i mrtvých*. Въ школьномъ грамматикѣ проф. Гебауэра достигат. накл. не занесено въ парадигмы

въ другихъ грамматикахъ (напр. Блажка) оно вездѣ ставится рядомъ съ неопредѣл. накл. Ср. о достиг. н. въ словин. яз. Лекція, I, 472.

Причастія формы.

Причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, по образованію вполне соответствующее старо-славянскому, сохранилось только у немногихъ глаголовъ: vědom, svědom, vidom, lakom, pitom, znám, въ др.-чешск. также držim и posim. Причастія эти употребляются и въ формахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ — на -ý, -á, -é, напр. známy, -á, -é.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога въ современномъ литературномъ языкѣ имѣетъ слѣдующія окончанія:

1) -а (муж. р.), -оше (др.-ч. -úс, жен. и ср. р.), -оше (др.-ч. -úсе, мн. ч. всѣхъ родовъ); напр. река, рекоше, рекоше;

2) -ě (е), -іе (др.-ч. júс, іес, жен. и ср. р.), -іе (др.-ч. -júсе, -іесе); напр.: бїе, бїіе, бїіе, трě, тріе, тріе.

Оконч. -а, -оше, -оше соответствуютъ старо-сл. м (муж. и ср. р.), -аши, -аше (пра-слав. *at, -atja, atje*) и примѣняются къ твердымъ основамъ: пеза, veda, teka, рпа, мина; ср. старо-слав. несы, несыши, несыше. Оконч. -ě (е), -іе, -іе соответствуютъ старо-слав. -л (муж. ср. р.), -аши, -аши, аше (пра-слав. *-at, -atja, -atje*) и примѣняются къ мягкимъ основамъ и глаголамъ четвертаго класса (основы на -і): круже (krujíc, krujíce), бїе, рїе, лае, рїе, дѣлае, умѣе, проше, hledě, číně трě, віе и др. ср. старо-слав. бнш, бншиши, трьпа, трьпашши; оконч. іе, іе въ однихъ случаяхъ образовались изъ болѣе древнихъ úс, úсе (черезъ суженіе *ú—і*), напр. бїіе изъ бїіу; въ другихъ — изъ болѣе древнихъ іес, іесе (черезъ суженіе *іе—і*), напр. тріе изъ тріес.

Кромѣ измѣненія окончаній согласно съ требованіями чешскаго вокализма уклоненіе отъ древняго типа заключается въ смѣшеніи формы средняго рода съ формой женскаго р. и распространеніе формы имен. п. мн. ч. муж. р. на жен. и ср. р.

Въ моравскихъ народныхъ говорахъ а наблюдается и въ мягкихъ основахъ, напр. бїа, кружа, рїа, крїа. Формы на -а проф. Гебауэръ считаетъ основными и для древн. яз.; формы на ě (е) по его мнѣнію образовались изъ формъ на -а позже подъ вліяніемъ перегласовки а—ě. Но съ этимъ трудно согласиться: и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ,

ѣ могло развиться изъ пра-слав. ѡ самостоятельно безъ посредства а ср. 61—63 стр. Въ древне-русскомъ языкѣ также существовали причастныя формы на -а (у твердыхъ основъ): ида, мога. Отношеніе этого чешско-русскаго а и старо-слав. ѡ къ пра-слав. ѡт представляется не вполне яснымъ.

Формы на -оше (ше), іе утратили конечный гласный (і). Полныя формы на сі встрѣчаются не только въ говорахъ, но какъ архаизмы въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей. Въ литературномъ языкѣ въ причастіяхъ настоящаго времени строго различаются роды и числа. Но въ живыхъ говорахъ, да и въ старой книжности, каждая изъ приведенныхъ формъ причастія (-а, -оше, -оше, -е, -іе, -іе) можетъ употребляться въ значеніи дѣепричастія безъ приуроченія къ опредѣленному роду и числу; напр.: *zaboli tě srdce pohlidna na ňeho; Jaša utonul po vodzě plynuci; zedral sem boty chođaci k tobě*. При всемъ томъ въ живой рѣчи наиболѣе распространены формы на -а. Подобныя застывшія формы причастій въ значеніи дѣепричастій находятся во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Въ памятникахъ стараго языка и въ народныхъ говорахъ иногда встрѣчаются неорганическія формы: *bojúci, šipúci, sedúci, buđúci*.

Отъ дѣепричастія на -оше, -іе образуются прилагательныя опредѣленныя на сі, слѣдующія сложному склоненію; напр.: *rekoucí, tprící* (для всѣхъ родовъ).

Въ связи съ прич. наст. дѣйств. находятся отглагольныя нарѣчныя формы на ечку; *stoječku, mlčecku, vespěcku* (= *ve zraní*).

Причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога I представляетъ слѣдующія окончанія:

1) -v (муж. р.), vši (жен. и ср. р.), -vše (множ. ч. всѣхъ родовъ) у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго накл. на гласный; напр.: *dělav, dělavši, dělavše, prosiv, -vši, -vše, uměv, -vši, -vše*. Ср. старо-слав. *дѣлахъ* (муж. и ср. р.), *дѣлахши* (жен. р.), *дѣлахше* (муж. р. множ. ч.);

2) (муж. р. безъ оконч.), -ši (жен. и ср. р.), še (множ. ч. всѣхъ родовъ), у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣл. накл. на согласный; напр.: *pek, pekši, pekše, ved, vedši, vedše, nes, nesši, nesše*. Ср. старо-слав. *ведъ* (муж. и сред. р.), *ведши* (жен. р.), *ведше* (муж. р. мн. ч.). При сходствѣ окончаній со старо-славянскими, уклоненіе отъ древней нормы заключается въ совпаденіи въ един. ч. формы ср. р.

сь формой жен. р. а не муж., во мн. ч. въ совпадении формъ всѣхъ трехъ родовъ въ формѣ муж. р. Подобно причастию наст. врем. причастіе прош. вр. теперь не измѣняется по падежамъ и употребляется лишь въ имен. п. въ значеніи дѣепричастія (какъ было напр. въ старо-слав. яз. и отчасти въ древне-чешск.). Но въ литературномъ языкѣ отъ него образуются имена прилагательныя опредѣленныя оканчивающіяся на -ší, -vší (для всѣхъ родовъ) и измѣняющіяся по сложному склоненію; напр.: давší, radší, buvší.

Причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. совершенно такъ, какъ въ старо-слав. и другихъ слав. языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: I (муж. р.), -la (жен. р.), lo (ср. р.), множ. ч. -lí (муж. р.), -ly (жен. р.), -la (ср. р.), напр. prosil, -la, -lo, prosili, -ly, la. Въ современномъ просторѣчии конечный I часто не слышенъ: utek, pes, rad; въ литературномъ языкѣ I всегда удерживается и имѣетъ гласное значеніе. Въ говорахъ передъ I (въ муж. р.) слышится вставочное е: mohel, donesel. И отъ этого причастія возможны прилагательныя опредѣленныя на -lý, -lá, -lé: znalý, radlý, umělý и др.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога образуется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, отъ основы неопредѣленнаго накл. суффиксами *n* или *t*, при чемъ *n* въ извѣстныхъ случаяхъ (глаголы I A и IV кл.) получаетъ соединительный гласный е: pleten, pesen, rečen, trpen, prošen, dělán, brán, kupován, bit, kryt, rat или piat, pnut.— Глаголы на -ati, -áti въ этомъ причастиі всегда имѣютъ á (долгое): brán, dán, tesán.

Въ старомъ языкѣ въ окончаніи иногда ш вм. н: učiněn, parl-pěn; это ш, вѣроятно, заимствовано изъ причастія наст. вр. страдат. зал. Кроме того въ старинномъ языкѣ встрѣчаются формы на -in (съ долгимъ i) вм. en или ěn: vidín, zavřín, rouštín и т. п.

Причастіе прошед. вр. страд. зал. можетъ измѣняться по всѣмъ родамъ и числамъ по образцу именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ; напр.: rečen, rečena, rečeno и rečený, rečená, rečené.

Отъ причастія прош. вр. страд. зал. образуется весьма распространенное въ чешскомъ языкѣ *отглагольное существительное* на -í (др.-чешск. iě): rečení, trpění, prošení, dělání, kupování, krytí и т. д.

Въ словахъ на -ání, -á всегда долгое, когда существительное состоитъ болѣе чѣмъ изъ двухъ слоговъ (напр.: vydání, rozvání, seřání), или á возникло путемъ стяженія (напр.: spání, lání). Иначе предпоследнй слогъ, имѣеть краткй гласный: zvaní, graní, lovení, pití и др.

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старославянскими представляютъ слѣдующія особенности:

Старославянскій языкъ.	Чешскій языкъ
Ед. ч. 1 л. -мь, -ж (=гласн.+м) ж	Ед. ч. 1 л. -ш, -ц, -і
2 л. -си, ши (=хи=си)	2 л. (s) š
3 л. -тъ	3 л. (t)
Мн. ч. 1 л. -мь	Мн. ч. 1 л. -ш, -ше
2 л. -те	2 л. -te
3 л. -жтъ, атъ (=г.л.+итъ) штъ	3 л. (-ú) -ou, -í
Дв. ч. 1 л. -кѣ	Дв. ч. 1 л. -vě, -va
2 л. -та	2 л. -ta, -tě
3 л. -те	3 л. -ta, -tě

} Въ древнемъ языкѣ.

1-е лицо един. ч. Древнее окончаніе ш, образовавшееся изъ мъ (черезъ отпаденіе конечнаго ъ) имѣють не только первообразные глаголы (основа настоящаго вр. на согласный): dám, vím, jím, jsem, но и глаголы другихъ классовъ, именно съ основой настоящаго на -і (IV кл.) и на -а (V кл.); напр. prosím, trpím, umím, dělám. Въ первообразныхъ глаголахъ ш—исконно, въ другихъ это окончаніе позднѣйшаго происхожденія, заимствовано у глаголовъ первообразныхъ. Въ древнемъ языкѣ они имѣли -ц, правильно соответствующее старослав. ж: proši, trpi, uměju, dělaju. Оконч. -і возникло черезъ перегласовку изъ болѣе древняго -ц; оно выступаетъ послѣ j и мягкихъ согласныхъ; напр.: bijí, kruží, lají, piší, dějí, kurují. Оконч. ц въ современномъ литературномъ яз. всегда удерживаютъ лишь глаголы I и II классовъ; напр.: pletu, reku, vedu, grebu, беру. Но въ народныхъ говорахъ не только въ Моравіи, гдѣ перегласовка ц—і менѣе извѣстна, но и въ Чехіи въ 1 л. ед. ч. вм. і обыкновенно древнее ц; напр. křeju, pišu, kuruju. Въ XV ст. такія формы проникаютъ снова и въ письменный языкъ, который въ XIII ст. и нач. XIV ст. вообще дер-

жался неперегласованныхъ формъ и лишь во второй половинѣ XIV ст. широко усвоилъ законъ перегласовки *u—i* (ср. выше 65—66 стр.). Да и въ настоящее время многіе пишутъ *kruju*, *tešu* и т. п.; для глаголовъ же III вл. Б., имѣющихъ въ неопредѣл. накл. передъ оконч. *ati* одинъ изъ губныхъ (*p, b, v, m*) или *l*, древнее *u* составляетъ почти общее правило; напр.: *syru*, *hybu*, *dřimu*, *kašlu*, *škrabu*, *karu* и т. д. — Относительно позднѣйшаго *m* въ I л. ед. ч. ср. однородныя явленія въ болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ яз. (Лекція I, 132, 320, 475).

тоже во
наблюдать.

2-е лицо ед. ч. Древнее окончаніе *si* сохранилось только у существительнаго глагола *jsem* (старо-слав. *jesmь*): *jsi*. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе *š* (изъ болѣе древняго *ši*): *viš*, *dáš*, *jiš*, *rešeš*. Уже древнѣйшіе памятники представляютъ только *š*¹⁾. Тоже окончаніе во всѣхъ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ.

3-е лицо един. ч. удержало древнее окончаніе *t* только отъ существительнаго глагола *jsem*: *jest*; рядомъ съ этой формой употребляется *je*. Всѣ остальные глаголы уже издавна имѣютъ 3 л. безъ *t*; напр.; *reše*, *prosi*, *děla*. Тѣже черты въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ.

1-е лицо множ. ч. имѣетъ два главныхъ окончанія *-m* и *-me*: *rešem* и *rešeme*, *nesem* и *neseme*, *krujem* и *krujeme*. Въ литературномъ языкѣ предпочитается окончаніе *-me*, но и здѣсь возможно, а въ народной рѣчи весьма употребительно окончаніе *-m*; обязательно оконч. *-me* только въ тѣхъ случаяхъ, когда I л. ед. ч. оканчивается на *-m*; напр.: *dělame*, *dáme*, *prošíme*, *trpíme*. — Древніе памятники представляютъ оба окончанія (напр. *budem*, *vzoveme* Клем. пс.) и сверхъ того *-m* (*smu*, *vzrěvam* (Клем. пс.)), которое встрѣчается въ текстахъ до XVI ст. Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) также не рѣдки *m* и *ma*: *čekámu*, *mámu*, *smu*, *sednema*, *umíma* (ганацк. г.), *viemu*, *ňosemu* (ляш. н.). О чередованіи окончаній *-m*, *-me* ср. болгарскій яз. (Лекція I, 134).

2-е лицо множ. ч. имѣетъ общеславянское окончаніе *-te*: *rešete*, *nesete*, *prosite*. Въ нарѣчіяхъ встрѣчаются *ta*: *trháta*, *vidíta*; *to*, *čo*, *če*, *če*: *ňoseŭo*, *pločobo*, *kladzebe*, *kladžeče* (ляшск. н.).

¹⁾ Только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчаются *ši*: *piješi*, *chceši* (Краледв. рук.), *neimaši*, *mliviši* (Отр. Еванг. Іоанна).

3-е лицо множ. ч. представляет два главных окончанія - *ou* (*ú*), *i*: *pekou*, *vedou*, *berou*, *jsou*, *bijí*, *lají*, *dělají*, *kuřují*, *říší*, *umějí*; *prosí*, *trpí*, *vědí*. Вм. *ou* въ древн. языкѣ и современныхъ моравскихъ говорахъ -*ú*: *pekú*, *vedú*; *i* въ однихъ случаяхъ развилось (черезъ перегласовку) изъ болѣе древняго *u*, напр.: *bijí* (др.-ч. *biju*), *dělají* (др.-ч. *dělajú*), *říší* (др.-ч. *říšu*); въ другихъ — (черезъ сужение) изъ болѣе древняго *ie*, напр.: *prosí* (др.-ч. *prosie*), *vědí* (др.-ч. *vědie*). Разница между 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. во многихъ случаяхъ состоитъ въ количествѣ гласнаго окончанія: въ 1 л. ед. ч. *u*, *i* всегда кратки, въ 3 л. мн. ч.—долги (*ú*, *ou*, *i*). Въ народной рѣчи нерѣдко предпочитаютъ формы съ неперегласованными *ou* (*ú*) формамъ съ *i*: *křejou*, *bijou*, *kuřjou*, *řísou*. Въ литературномъ языкѣ это допускается (какъ и въ 1 л. ед. ч.) преимущественно для глаголовъ III кл. Б., имѣющихъ въ неопред. накл. передъ оконч. *atí* одинъ изъ губныхъ (*p*, *b*, *v*, *m*) или *l*: *syrou*, *dřímou*, *kašlou*. Такимъ образомъ *ou* (*ú*) имѣютъ глаголы, оканчивающіеся въ 1 л. един. ч. на -*u* (сюда же относится *jsou* = старо-слав. *суть*), оконч. *i*—всѣ остальные, т. е. оканчивающіеся въ 1 л. ед. ч. на -*m* и на -*i*. Чешскія оконч. -*ou* (*ú*), -*i* (изъ перв. *ú*) восходятъ къ пра-слав. *ътъ*, а -*i* (изъ перв. *ie*) къ пра-слав. *ѣтъ*: по исчезновеніи конечныхъ глухихъ *t* не удержалось, какъ и въ 3 л. ед. ч., носовые гласные по общему закону перешли въ чистые: *ъ* въ *ú*, *ou* которое или удержалось или (послѣ *j*) перегласовалось въ *i*, *ъ*—въ *ie*, сжувшееся потомъ въ *i*.—Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются еще слѣдующія формы: 1) на -*ó* (ганацк. н.), напр.: *vedó*, *tahnó*, *dělajó*; 2) распространенныя формы на -*ijou*, *ijú*, *ijó*, напр.: *chodijou*, *sedijó*, *hořijú*, *prosíjó*, *lubijú* (морав. г.); 3) распространенныя формы на -*ija*: *sedija*, *letija*, *libija*, *běžija* (морав. г.); 4) распространенныя формы на -*ěji*, *ěj*: *hledějí*, *činějí*, *hleděj*, *činěj* (чешск. гов.); 5) формы съ исчезнувшимъ конечнымъ *i*: *dělaj* (вм. *dělají*), *uměj* (вм. *umějí*)—вообще въ просторѣчи. Формы, образованныя какъ бы отъ распространенныхъ основъ—*sedijo*, *běžija*, *hleději* и т. п. имѣютъ аналогіи въ словинскомъ языкѣ. Ср. Лекція, I, 477.

Въ старомъ языкѣ и въ спряженіи, какъ въ склоненіи, существовало *двойственное число*. Основными нужно считать два окончанія: *vě* (1 л.) и *ta* (2 и 3 л.) для всѣхъ родовъ, напр.: *svě*, *sta*, *sta*, *berevě*, *bereta*, *bereta*, *nesevě*, *neseta*, *neseta*. Рядомъ съ *vě* встрѣчается и *va*; напр. *běžala sva* (Пассион.); неорганическое *tě* соединяется только

съ жен. и ср. р. Глагольные формы стали терять двойственное число раньше, чѣмъ именныя; тѣмъ не менѣе еще въ началѣ XVII в. грамматикъ Л. Б. Нудожерскій слышатъ въ народной рѣчи двойственное число у глаголовъ.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго времени за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (*jsem, dám, vím, jím*) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -*o* (-*o*), -*i*, -*á*; напр.: *řečeš, řečeme, prosíš, prosíme, hoříš, hoříme, umíš, umíme, sázíš, sázíme, děláš, děláme*. Гласн. *e* выступаетъ во всѣхъ лицахъ, кромѣ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., гдѣ гласный основы первичное *o* (замѣняющее *o*) скрывается въ окончаніяхъ *u* (= *ж* = *ou*) и *ou* (*ú* = *жъ* = *ontъ*): *reku* (1 л.), *rekuu* (3 л. мн. ч.). Гласн. *i* у однихъ глаголовъ, именно тѣхъ, которые и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ имѣютъ основу настоящаго на -*i*,— праславянскаго происхожденія, напр.: *prosíš, vozíš, vtatíš, myslíš, trpíš, vidíš, hoříš*¹⁾ и т. д.; у другихъ *i* возникло уже на чешской почвѣ изъ первичныхъ *ěje* (черезъ стяженіе и суженіе *ěje* = *ie* = *i*) и *iaje* (черезъ стяженіе, перегласовку и суженіе *iaje* = *á* = *ie* = *i*), напр.: *umíš* (= *uměješ* = *umieš* др. - ч.), *sázíš* (= *sázaješ* = *sázáš* = *sazieš* др. - ч.); это *i* выступаетъ во всѣхъ лицахъ ед. и мн. ч., кромѣ 3 л. мн. ч., гдѣ восстанавливается нестяженная форма на *ěji*: *umějí, sázejí*. Гласн. *á* также образовался путемъ стяженія изъ *aje*: *děláš* (= *dělaješ*); нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. *dělají*. Стяженное *a* при образованіи основъ наст. вр. представляютъ многіе славянскіе языки: болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, польскій, сербо-лужицкій; напротивъ въ старо-слав. дѣлами въ русск. *дѣлаешь*.

Такъ-наз. архаическіе глаголы, у которыхъ настоящее вр. образуется черезъ присоединеніе личныхъ окончаній непосредственно (безъ помощи какого-либо суффикса) къ конечному согласному корню, въ значительной степени сохранили древній типъ спряженія, напр.: *vím, víš, ví, víme, víte, vědí*.

¹⁾ Не смотря на сдѣланное намъ возраженіе (*Arch. f. Slav. Phil.*, XVШ, 252) мы остаемся при мнѣніи, что это пра-славян. *i* возникло черезъ стяженіе изъ болѣе древняго *ěje*. Долгота *i* въ чешскомъ можетъ служить подтвержденіемъ вѣроятности этого предположенія.

Повелительное наклонение.

Повелительное наклонение представляет особия формы только во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. множ. ч. Основа оканчивается какъ въ старо-славянскомъ яз. на *ě* и *i* (= индоевроп. *oi*): *jdi, jděme, jděte, prosiz, prosite*. Въ ед. ч. личныя окончанія исчезли (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ), а во мн. ч. тѣже, что и въ наст. вр.

Окончанія основы *ě, i* въ современномъ языкѣ часто исчезаютъ: *nes, nesme, neste, veď, veďme, veďte, pes, pesme, pecte, pros, prosme*. Тоже явленіе наблюдается уже въ древнихъ памятникахъ, особенно во 2 л. ед. ч.: *přivěd* (XIV ст.), *čín, beř, teš, tešmy, pomoz*. Теперь гласные основы удерживаются обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда опущеніе ихъ затрудняетъ произнесеніе слова, напр.: *tiskni—tiskněte, radni—radněte, rci, rceme, rcete, pni—pněme, tři - třemé*. Также во 2 л. ед. ч. *i* сохраняется передъ энклитическимъ *ž*: *vediž, pesiž, pcsiž*.

Послѣ гласныхъ *i* переходитъ въ *j*: *bij, kruj; dělej* (вм. *dělaj*). *laj, kuruj*. Гортанные *h, k* передъ *i* переходать въ *z, s*: *pomoz—pomozte, pes—pecte*.

Нѣкоторые глаголы въ повел. накл. мѣняютъ количество кореннаго гласнаго: 1) иногда онъ удлинняется; напр.: *stojim—stůj, stůjте*; 2) чаще онъ сокращается: *vrátiti—vrať, vraťте, vážiti—važ, ráčiti—rač, kázati—kaž, vázati—važ, souditi—suď, soužiti—suž, kouřiti—kuř, piši—piš, svítiti—svěť, pospíšiti—pospěš, zvýšiti—zvys*.

Вм. старо-слав. *даждь, вѣждь, вждь* въ чешск. яз.: *dej, věz, jez*.

Въ старомъ языкѣ возможны были формы двойств. ч.; напр.: *pe-sěvě (-va), nesěta, bijvě, bijta, hořivě, hořita (-tě)*.

Въ народныхъ говорахъ нерѣдко и вм. *ě*; напр.: *pni, pnimu, pnite, radni, radničo* (ляшск. нар.).

Прошедшія простыя.

Современный чешскій языкъ не знаетъ прошедшихъ простыхъ временъ. Между тѣмъ старому языку эти формы были такъ же свойственны какъ въ настоящее время языкамъ болгарскому, сербо-хорватскому, сербо-лужицкому и кашубскому. По памятникамъ ихъ можно слѣдить до XVI ст. Въ XIV ст. употребленіе аориста и переходящаго было весьма широко и только въ XV ст. прошедшія простыя

начинають постепенно замѣняться формами сложными и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ.

Аористъ.

Въ древне-чешскомъ яз. существовали оба вида аориста, свойственныхъ языку старо-славянскому: аористъ простой или сильный и аористъ сложный или слабый.

Аористъ простой, какъ въ старо-славянскомъ яз., былъ возможенъ только отъ глаголовъ класса I, A (вторая основа равна корню, оканчивающемуся на согласный) и класса II (если корень оканчивается на согласный). Формы его по своему образованію также вполне соответствуютъ старо-славянскимъ: усѣченныя личныя окончанія присоединялись къ корню посредствомъ соединительнаго гласнаго -o, -e, при чемъ одни личныя окончанія исчезли, другія слились съ соединительнымъ гласнымъ. По памятникамъ формы такого аориста можно указать для 1, 2 и 3 л. ед. ч., 2 и 3 л. дв. ч. и 1 и 3 л. мн. ч. Напр.:

	Едн. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1 л. ved (изъ vedъ=ved-o-m)	—	vedom (изъ ved-o-mъ)	
2 л. vede (изъ ved-e-s)	vedeta		
3 л. vede (изъ ved-e-t)	vedeta	vedú (изъ ved-ъt=ved-o-nt)	

Аористъ простой преимущественно встрѣчается у слѣдующихъ основъ: bod, běh, ved, vrh, vlad, vlek, vyk, hřeb, dvih, žas, žeh, jid, klad, křik, leh, lez, lek, met, moh, nes, nik, pad, prch, sek, skyt, tek, ter, tisk, tak, tah, jed, třes. Напр.: nes, nese, neseta, nesom, nesú; všichni se užasu; pohřebú ju; když jidom; potřese se země и т. д.

Аористъ сложный образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. (вторая основа) посредствомъ слѣдующихъ окончаній, заключающихъ въ себѣ собственно личныя окончанія въ соединеніи съ характеромъ времени s, sh или sho:

Древне-чешскій языкъ.			Старо-славянскій языкъ.		
Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л. -ch	-chově	-chom	1 л. -съ, -хъ	-совъ, -ховъ	-сомъ, -хомъ
2 л. —	-sta	-ste	2 л. -(ss)	-ста	сте
3 л. —	-sta	-chu	3 л. -(st)	-сте	са, ша

Въ ед. ч. личныя окончанія, какъ въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ, исчезли не только во 2 и 3 л., но и въ 1 л., которое въ старо-сл. яз. еще сохраняло слѣды личнаго окончанія въ ѣ (вед-охъ).

Основы, оканчивающіяся на гласный, принимаютъ эти окончанія непосредственно; напр.: *vola-ch*, *vola*, *volachově*, *volasta*, *volachom*, *volaſte*, *volachu*; у основъ, оканчивающихся на согласный, окончанія присоединяются посредствомъ соединительнаго гласн. *е*, который остается во всѣхъ лицахъ и числахъ; напр.: *ved-e-ch*, *ved-e*, *ved-e-chově*, *ved-e-sta*, *ved-e-chom*, *ved-e-ste*, *ved-e-chu*. Въ послѣднемъ случаѣ несходство со старо-слав. языкомъ, въ которомъ соединит. *е* чередуется съ *о*: *вед-о-хъ*, *вед-о-хомъ*, *вед-е*. Относительно окончаній чешскій аористъ отличается отъ старо-слав. въ 3 л. мн. ч.: оконч.— *chu* (=ж) вм. старо-сл. *сѣ*, шѣ заимствовано изъ переходящаго. Тоже явленіе въ современномъ болгарскомъ языкѣ (ср. Лекціи, I, 140).

	Едн. ч.	Двойств. ч.	Множ. ч.
1 л.	<i>řečech kirovach</i>	<i>řečechově kirovachově</i>	<i>řečechom kirovachom</i>
2 л.	<i>řeče kirova</i>	<i>řečesta kirovasta</i>	<i>řečeste kirovaste</i>
3 л.	<i>řeče kirova</i>	<i>řečesta kirovasta</i>	<i>řečechu kirovachu</i>

Въ 1 л. дв. ч. встрѣчаются формы на *-chvě*, *-chva*: *řečechvě*, *řečechva*; а въ 1 л. множ. ч. на *-chomu*, *-chme*: *řečechomu*, *řečechme*. Оконч. *жѣ* представляетъ болгарскій языкъ (ср. Лекціи, I, 140).

Наконецъ въ древне-чешскомъ языкѣ встрѣчаются формы сложнаго аориста безъ соединительнаго гласнаго отъ основъ на согласный: *jie-ch* (вм. *jěd-ch*), *jie*, дв. ч. *jiesta*, 3 л. мн. ч. *jie-chu*, *řé-ch* (вм. *řek-ch*) и *řé-chu*. По своему образованію эти формы вполне соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ: конечный согласный корня исчезаетъ, а гласный удлиняется. Ср. старо-слав. *рѣхъ*, *рѣша*.

Въ современномъ яз. остатками древняго аориста служить: *více* (сказалъ, библейск. выраж.) и формы существительнаго глагола, служащія для образованія условнаго накл.: *buch*, *by*, *buchom*, *byste*.

Преходящее.

Преходящее въ древне-чешскомъ яз. также представляетъ близкое сходство съ соотвѣтствующей формой старо-славянскаго языка. Окончанія въ томъ и другомъ языкѣ почти тождественны; нѣкоторое различіе обуславливается звуковыми особенностями языковъ; поэтому въ 1 л. ед. ч. *ch*, а въ старо-слав. яз. *хъ*, въ 3 л. мн. ч. *chu*, а въ старо-слав. яз. *хъ*. По образованію своему чешское преходящее соотвѣтствуетъ преимущественно старо-славянскимъ стяженнымъ формамъ,

т. е. такимъ, у которыхъ характеру времени **ж** предшествуютъ въ качествѣ примѣты имперфекта однозвучные суффиксы — **ъ, л, м, а** и двузвучные — **ла, ла, ма** (напр.: **несахъ, неухъ, мобахъ** и **несахъ, неухахъ, мобамахъ**). Тоже самое въ современномъ болгарскомъ языкѣ (ср. Лекціи, I, 141). Въ чешскомъ яз. примѣтами преходящаго были **іе** и **á**; **іе**, соотвѣтствующее старо-славян. **ъ** и **м** и возникшее (вѣроятно) въ первомъ случаѣ вслѣдствіе стяженія (**іеа**), во второмъ — вслѣдствіе стяженія и перегласовки (**іаа, іá, іе**), выступаетъ у преходящихъ, образованныхъ отъ основы настоящаго или отъ основы неопредѣленнаго н., оканчивающейся на **ѣ** (большинство глаголовъ); напр.: **hřebiech, kladiech, jediech, bijech, vidiech, běžěch, tvořiech** и др.; — примѣта **á**, развившаяся изъ **аа**, свойственна преходящимъ, образованнымъ отъ основы неопредѣл. накл. (глаголы, оканчивающ. въ неопр. накл. на **-atí**); напр.: **volách, brách, vzyvách, kurovách, dělách**. Глаголы, образующіе преходящее суфф. **ách**, имѣютъ въ аористѣ **а** краткое и различаютъ эти два времени только по количеству гласнаго **а**, стоящаго передъ **ch**: **brach** (аор.), **brách** (прех.); также различаются **trpěch** (аор.) и **trpiech** (прех.). — Изрѣдка встрѣчаются и нестяженные формы: **umějich** и **umiech, jmějich** и **jmiech**.

Древнечешскій языкъ.

Старо-славянскій языкъ.

Един. ч.

1 л. nesiech	brách	несахъ	несахъ	браахъ	брахъ
2 л. nesieše	bráše	несаше	несаше	брааше	браше
3 л. nesieše	bráše	несаше	несаше	брааше	и т. д.

Двойств. ч.

1 л. nesiechově	bráchově	несаховъ	несаховъ	брааховъ	
2 л. nesiesta	brásta	несаста	несаста	брааста	
3 л. nesiesta	brásta	несасте	несасте	браасте	

Множ. ч.

1 л. nesiechom	bráchom	несахомъ	несахомъ	браахомъ	
2 л. nesieste	bráste	несасте	несасте	браасте	
3 л. nesiechu	bráchu	несахъ	несахъ	браахъ	

Въ 1 л. дв. ч. встрѣчаются формы на **-chvě, -chva**, напр.: **nesiechvě, nesiechva**; а въ 1 л. множ. ч. на **-chomy, -chme**, напр.: **nesiechomy, nesiechme**.

Прошедшія сложныя.

Мѣсто прошедшихъ простыхъ и сложныхъ въ современномъ яз. употребляются исключительно прошедшія сложныя, которыя образуются такимъ же образомъ какъ въ старо-славянскомъ и живыхъ южно-славянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прошедшаго дѣйствит. II съ разными формами существительнаго глагола (jsem).

Прошедшее совершенное (Cas minulý) состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго времени глагола jsem; напр.: ja jsem nesl, -a, -o или nesl, -a, -o jsem, ty jsi nesl; my jsme nesli, -y, -a.

Давнопрошедшее (Čas předminulý) состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и прошед. времени для глагола jsem; напр.: ja jsem byl nesl или byl jsem nesl, my jsme byli nesli или byli jsme nesli.

Въ 3 л. ед. и мн. ч. формы вспомогательнаго глагола jest, jsou обыкновенно опускаются; напр.: nesl, nesli вм. nesl jest, nesli jsou. Однако въ выразительной рѣчи вспомогательный глаголъ необходимъ: řekli jsou; byla jest jedna matička.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ 1 л. едн. и множ. ч., но это бываетъ очень рѣдко и только при личныхъ мѣстоименіяхъ já, my; напр.: ja nesl, my nesli.

Во 2 л. ед. ч. вм. jsi бываетъ сокращенное š; напр. ty š nesl.

Въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы въ родѣ milovalach, ztracilach, začnulch; въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу.

Въ старомъ языкѣ возможны формы давнопрошедшаго, образованныя съ помощью переходящаго глагола bý-ti: ne přišel bieše.

Будущее время.

Будущее время у глаголовъ несовершеннаго вида обозначается: 1) соединеніемъ глагола budu съ неопред. накл.; напр.: budu tesati, budu trpěti; 2) настоящимъ временемъ глаголовъ совершеннаго вида, напр. řeknu вм. budu říci, řonesu вм. budu nésti, řájdnu.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: řadnu, tisknu.

Въ старомъ языкѣ существовало будущее совершенное, состоявшее изъ соединенія глаг. budu и прич. прошедш. дѣйств. II; напр.: získal buděs, psal budu.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе наст. вр. выражается соединеніемъ древняго аориста *bych* съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: *bych nesl, -a, o, bys nesl, by nesl, bychom nesli, -ly, -la, byste nesli, by nesli*; прошедшее время передается черезъ соединеніе условнаго настоящаго *bych byl* съ причаст. прош. дѣйств. II; напр. *bych byl nesl, bys byl nesl, by byl nesl, bychom byli nesli, byste byli nesli, by byli nesli*.

Форма *byš* — новообразованіе; *š* — заимствовано изъ 2 л. *jsi*; въ народныхъ говорахъ встрѣчается аналогичное 1 л. *by-sem, by-sme*.

Въ старомъ языкѣ *bych* спрягалось такимъ образомъ: *bych, by, by, bychově, bysta, bysta, bychom, byste, bychu*.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается: 1) посредствомъ присоединенія мѣстоименія *se* къ дѣйств. зал.: напр. *mluvi se, mluvilo se, bude se mluviti*; 2) черезъ соединеніе причастія прош. страдат. съ глаголомъ существительнымъ *jsem, byvam*; напр.: *chválen jsem, byl jsem pochválen, budu chválen, jsa chválen, buda chvalen, byv chválen*.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы

(Основы настоящаго вр. на согласный, безъ характера времени).

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ вр. не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня, относятся: *jsem, dám, vím, jím*.

1) *Существительный глаголъ.*

Осн. *jes*.

Настоящее вр.

Ед. ч. 1 л. <i>jsem</i> (вм. <i>jes-ть</i>)		Мн. ч. 1 л. <i>jsme</i> (вм. <i>jes-me</i>)
2 л. <i>jsi</i> (вм. <i>jes-si</i>)		2 л. <i>jste</i> (вм. <i>jes-te</i>)
3 л. <i>jest</i> (= <i>jes-ть</i>)		3 л. <i>jsou</i> (= <i>jes ѣть</i>).

Прич. наст. вр. *jsa, jsouc, jsouce*.

Въ народной рѣчи вм. *js* слышно часто *s: sem, si, sou* и т. д.

Во 2 л. ед. ч. *jsi* нерѣдко сокращается въ *š*: *tyš zdrav, tyš psal*.—
Въ 3 л. ед. ч. *jest* бываетъ *jesti* и *je*.

Ј особенно слышно въ формахъ, сложныхъ съ *ne*: *nejsem, nejsi, nepi* (вм. *ne je*), *nejsume, nejste, nejsou, nejsa*.

Въ старомъ языкѣ встрѣчаются еще слѣдующія формы: *jes-m, jesi*; дв. ч. 1 л. *jes-vě, s-vě, jsvě, s-va, jsva*; 2, 3 л. *jes-ta, s-ta, js-ta*; мн. ч. *jes-my, s-my*; 2 л. *jes-te, s-te, js-te*; 3 л. *s-ú, jsú*.

Въ народныхъ говорахъ иногда *jsu, jseš* (по I кл. осн. на -*o*) и *su, si*; 3 л. мн. ч. *só*, 1 л. ед. ч. *so, eš* (ганацк. гов.).

Остальныя формы существительнаго глагола отъ основъ *budo, bude* и *bu*.

Настоящее (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л. <i>budu</i>		Мн. ч. 1 л. <i>budeme</i>
2 л. <i>budeš</i>		2 л. <i>budete</i>
3 л. <i>bude</i>		3 л. <i>budou</i> .

Повелительное *buď, buďme, buďte*.

Прич. наст. дѣйств. *buda, -ouc, -ouce*.

Budu слѣдуетъ I кл.; въ старомъ яз. отъ этой основы существовало преходящее: *budiech, -ieše* и т. д.

Неопред. накл. *bý-ti*; прич. прош. дѣйств. I *byv*; прич. прош. дѣйств. II *byl, -a, -o*; прич. прош. страд. *byt (nabyt)*.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. <i>bych</i>		Мн. ч. 1 л. <i>bychom</i>
2 л. <i>bys</i>		2 л. <i>byste</i>
3 л. <i>by</i>		3 л. <i>by</i> .

Другія формы отъ *bych* въ старомъ языкѣ и народныхъ говорахъ указаны выше стр. 175.

Прошедшее. Давнопрошедшее. Условное накл.

Един. ч.

1 л. <i>jsem byl, -a, -o</i>	<i>byl, -a, -o jsem byl, -a, -o</i>	<i>byl, -a, -o bych</i>
2 л. <i>jsi byl, -a, -o</i>	<i>byl, -a, -o jsi byl, -a, -o</i>	<i>byl, -a, -o byš</i>
3 л. <i>byl, -a, -o</i>	<i>byl, -a, -o (jest) byl, -a -o</i>	<i>byl, -a, -o by</i>

Множ. ч.

1 л. <i>jsme byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a jsme byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a bychom</i>
2 л. <i>jste byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a jste byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a byste</i>
3 л. <i>byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a (jsou) byli, -y, -a</i>	<i>byli, -y, -a by</i>

2) Осн. *dad*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. <i>dám</i>	Мн. ч. <i>dáme</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. <i>dejme</i>
2 л. <i>dáš</i>	<i>dáte</i>	2 л. <i>dej</i>	<i>dejte.</i>
3 л. <i>dá</i>	<i>dají.</i>	3 л. <i>dej</i>	—

Неопред. н. *dáti*; Прич. наст. дѣйств. *dada, dadouc, dadouc*; Прич. прош. дѣйств. I *dal, -ši, -še*. Прич. прош. дѣйств. II *dal, -a, -o*; Прич. прош. страд. *dán, -a, -o*; Прошедш. *dal jsem*; Давнопрошедш. *byl jsem dal*; Условное *bych dal, byl bych dal*.

Отъ древн. основы *dad* образованы только *dám* (изъ *dadm*), *dáme* (изъ *dadme*) и устарѣвшая форма 3 л. мн. ч. *dadí* (др.-ч. *dadie*). Всѣ остальные формы наст. и повелит. н. образованы по V кл. (*dělam*).

Въ старомъ яз. существовали еще слѣдующія формы: 2 л. *dási*, 3 л. *dást*, дв. ч. *dávě, dásta, data*, мн. ч. 1 л. *dámu*, 2 л. *dáste*, 3 л. *dadie*, переходящ. *dadiech*, аор. *dadech* и *dach*.

Прич. *dada, -ouc, -ouce* образов. по I кл.

Въ морав. гов. 3 л. мн. ч. наст. вр. *dajú, dajó*.

3) Осн. *věd*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. <i>vím</i>	Мн. ч. <i>víme</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. <i>vězme</i>
2 л. <i>víš</i>	<i>víte</i>	2 л. <i>věz</i>	<i>vězte.</i>
3 л. <i>ví</i>	<i>vědí.</i>	3 л. <i>věz</i>	—

Неопред. н. *věděti*; Прич. наст. дѣйств. *věda, -ouc, -ouce*; Прич. прош. дѣйств. I *věděv, -ši, -še*; Прич. прош. дѣйств. II *vědel, -a, -o*; Прич. прош. страд. *věden, -a, o*; Прошедш. *věděl jsem*; Давнопрош. *byl jsem věděl*; Условное н. *bých věděl, byl bych vědel*; Будущее *буду věděti*.

Отъ древн. основы *věd* образованы только *vím* (др.-ч. *viem* изъ *viedm*), *víme, vědí* и формы повелит. н.; остальные формы возникли по аналогіи *umíš* и т. п. Въ старомъ языкѣ настоящее спрягается такъ образомъ: *viem, viesi, vie*, дв. ч. *vievě, viesta, vieta*, мн. ч. *viemy, vieste, viete, vědie*. Сверхъ того 1 л. ед. ч. было *vědě*; отсюда нарѣчіе *vědě, vedě, ved'* (ибо), ново-чешск. *vid'*.

Прич. věda образ. по I кл. Отъ той-же основы въ древнемъ яз. переход. vědiech, аор. отъ основы неопр. vedě—vēdéch.

Въ народныхъ гов. 3 л. множ. ч. vedá (валаш.), vedijó, vijó, ví (ганацъ. г.).

4) Осн. jed.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. jím	Мн. ч. jíme	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. jezme
2 л. jíš	jíte	2 л. jez	jezte.
3 л. jí	jedí.	3 л. jez	—

Неопред. н. jísti; Прич. наст. дѣйств. jeda, -ouc, -ouce; Прич. прош. дѣйств. I jed, -ši, -še; Прич. прош. дѣйств. II jedl, -a, -o; Прич. прош. страд. jeden, -a, -o; Прощедшее jedl jsem; Давнопрошедш. byl jsem jedl; Условное bych jedl, byl bych jedl; Будущее budu jísti.

Отъ древн. осн. jed образованы только jím (др.-ч. jiem изъ jedm), jíme, jedí и формы повелит. н. Остальныя формы изъявит. н. jíš, jí, jíte—новообразованія по аналогіи imíš и т. д.

Прич. наст. и формы отъ основы неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I кл.

Въ старомъ яз. настоящее спрагается такъ: jiem, jiesi, jies, jie; дв. ч. jievé, jiesta, jieta; мн. ч. jiemy, jieste, jiete, jiedie. Преходящее jédiech; аор. jiech.

Въ народн. гов. 3 л. мн. ч. jedá (валаш., ляхск.), jedzie, jedzi (ляшск. н.), jedijo, jijó, ijo, jí, hijo (ганац. г.). Въ нѣкоторыхъ гов., напр. сѣв.-опавск. во всемъ спряженіи наст. вр. сохраняется je: jem, ješ, je, jemy, ječo, jedzie; въ другихъ вм. j слышно h: him, hiš и т. д.

Спряжение съ характерной приглагольной формой настоящего времени.

Имя въ виду характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромя указанныхъ выше архаическихъ) по отношенію къ особенностямъ спряженія можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -о, -е; 2) основы на -по, -пе; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i (=др. i изъ болѣе древн. ije и нов. i изъ ije); 5) основы на -á (=ajo, aje). Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія,

основанныя на особенностях основы неопредѣленнаго (т.-наз. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

Основы на -о, -е.

А. Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).

Настоящее.

Ед. ч. 1 л.	pletu	nesu	teru ¹⁾	peku	pnu	mru
2 л.	pleteš	neseš	tereš	pečeš	pneš	mřeš
3 л.	plete	nese	tere	peče	pne	mře
Мн. ч. 1 л.	pleteme	neseme	tereme	pečeme	pneme	mřeme
2 л.	pletete	nesete	terete	pečete	pnete	mřete
3 л.	pletou	nesou	terou	pekou	pnou	mrou.

Повелительное.

Ед. ч. 2 и 3 л.	pleť	nes	ter	pec	pni	mři
Мн. ч. 1 л.	pleťme	nesme	terme	pecme	pněme	mřeme
2 л.	pleťte	neste	tepte	pecte	pněte	mřete.

Прич. наст. дѣйств. pleta, nesa, tera, peka, pna, mra; жен. и ср. р. pletouc, nesouc и т. д.; множ. ч. pletouce, nesouce и т. д.; Прич. прош. дѣйств. I plet, nes, pohřeb (др.-ч.); pek, pav или pjav, mřev; жен. и ср. р. pletši, pekši и т. д.; множ. ч. pletše, nesše и т. д.; Прич. прош. дѣйств. II pletl, -a, -o, nesl, zábl, pekl, pal или pial, mřel; Прич. прош. страд. pleten, -a, -o, nesen, pohřeben (др.-ч.); pečen, pat или pial, mřen; Неопред. н. plésti, nésti (zábsti), péci, píti или pnouti, mříti; Прошедш. вр. pletl, nesl, zábl, pekl, pal—pial, mřel, jsem и т. д.; Давнопрош. вр. byl jsem pletl, nesl, zábl, pekl, pal — pial, mřel; Будущее вр. budu plésti, nésti, zábsti, péci, píti; Условное н. bych pletl, nesl, zábl, pekl, pal — pial, mřel; byl bych pletl, nesl, zábl, pekl, pal—pial, mřel.

¹⁾ бѣю (во что-либо тѣмъ либо).

1) По образцу *plésti* спрягаются глаголы, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на *-d*, *-t*: *bodu* (неопр. н. *bŭsti*), *břědu* (неопр. н. *břísti*), *buđu, čtu* (неопр. н. *čisti*, прич. прош I *čet, -ši*, прич. II *četl*, мн. ч. *čtli*), *hnetu* (неопр. н. *hnísti*), *hudu* (неопр. н. *housti*), *jdu* (неопр. н. *jíti*, прич. прош. I *šed*, прич. II *šel*). Сложныя *rojdu* (погибну) и *přjdu* (пойду) различаются не только по значенію, но и по количеству гласнаго въ изъявительномъ н; повелит. отъ *rojdu*: *rojdi, rojděte*, отъ *přjdu*: *rojď, rojd'te*. Въ народной рѣчи вм. *jdu, jdi* и т. д. обыкновенно слышится *đu, di, poď, poďte*. — *jdu* (неопр. н. *jeti*, прич. прош. *jed* и *jev*, прич. проп. II *jel*, пов. н. *jeď*). *kvetu* (неопр. н. *kvísti*, др.-ч. *ktvu*), *metu* (пов. н. *městi*), *rostu* (*rŭsti*), *matu* (неопр. н. *másti*), *přadu* (пов. н. *přísti*). Въ послѣднихъ двухъ глаголахъ коренное *a*, возникшее изъ пра-слав. *ъ*, въ народной рѣчи (и литерат. яз.) чередуется съ *e*; напр. *přadu, přades, přade* и *předu, předeš, přede*; *třasu* — *třeseš* и т. д. Первоначально было болѣе правильное чередованіе, т. е. *a* выступало передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, а *e* — передъ мягкимъ. Тоже относится къ *třasu, zabu, sabu*.

Въ народн. гов. встрѣчаются формы: *vedst, kvist, mist*.

Въ старомъ яз. существовали неопр. н. отъ *vlad, rad* и *sed* — *vlásti, pásti, ajesti*; въ новомъ яз. возможны только основы *vládnú, radnu, sednu*.

2) По образцу *nesu* спрягаются глаголы съ основой неопред. н. на *z, s*: *vezu, lezu, hryzu, pasu, třasu* [*třasu, třeseš* и т. д. *třes* (пов. н.) *třesen*, но *třásti, třasa, třásl*]; *pasu* и *trasu* имѣютъ *á* въ прич. прош. дѣйств.: *pás, třás, pásl, trásl*.

3) По образцу *teru* спрягаются немногіе глаголы, у которыхъ основа неопред. н. оканчивается на *b, p, v*. Въ старомъ языкѣ сюда относились основы: *hřeb, dlub, zab, skub, čerp, živ, šiv, plev*. Изъ нихъ въ новомъ яз. вполне слѣдуетъ данному склоненію только *zab*, неопр. н. *zábsti* (*z* — вставочное); *hřebu* не употребляется и замѣнено слов. *rochovávat* и *rohřívati*, *skubu* и *dlubu* — только въ наст. вр. остальные формы замѣняются глаг. *skubati* и *dloubati*; для *teru* многія формы также по V кл.: *terati, teral*; древн. *plevu* (неопр. н. *pléti, plíti*) въ нов. яз. *pleji*, др.-ч. *živu* (неопр. н. *žíti*) въ нов. яз. *žiji* слѣдуютъ образцамъ III кл. — Въ стар. яз. еще было *sru, sřeš*... неопр. н. *súti*,

прич. *súi, sūt*—въ нов. яз. этотъ глаголь замѣненъ глаг. *surati*.—Въ стар. яз. неопр. н. *grésti, skústi* теряли *b*.

4) По образцу *peku* спрягаются глаголы съ основами неопр. н. на *h* (*g*), *k*: *moĥu* (*múžeš, múže* н. н. *moci*), *řku* (н. н. *řici*), *seku* (н. н. *sici*), *střehu* (н. н. *střici*), *teku* (н. н. *téci*), *tluku* (н. н. *tlouci*), *vleku* (н. н. *vléci*), *vrĥu* (н. н. *vrci*), *žhu* (н. н. *žici*).

Передъ *e* гортанный переходить въ шипящій *a* передъ *i* въ свистящій (*sečeš, sec, sěcne*). Согл *s* въ неопред. н. (и достиг. н.) объясняется изъ груп. *kt, gt*. Въ повелит. н. *vm. z, s* въ народныхъ говорахъ часто слышны *ž, š*: *reč, řečte, pomož, pomozte*. Равнымъ образомъ діалектически проникають *ž, š*, въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: *teču, tečou, můžu, můžem, tečiem, tečú*. Тоже и въ прич. насг. вр.—*teča*. Изъ другихъ діалектическихъ особенностей отмѣтимъ неопр. н. *řic, sic, pec, řict, pest, most*.

Moĥu удлинняетъ коренное *o* передъ *e* основы: *múžeš, múže, můžeme, můžete*; въ старомъ яз. *a* частью и теперь въ просторѣчьи—*e* опускается: *můž, můžme, můžte; tluku* удлинняетъ *u* въ прич. прошедш. *tlouk, tloukl*.

Основы *řek* и *žeh* ослабили *e* въ *ь* не только въ повел. н. (какъ напр. въ старо-славян. яз.), но и въ настоящемъ и прич. наст. вр.: *řku, řčeš, řka, řci*, но *řekl* (въ сложныхъ—*vyřkl, vyřčen*), *řici* (др. ч. *řiesi*); *žhu*—*žheš, žha*, но *žehl, žici* (н. н. др.-ч. *žiesi*). Глаголь *žhu* рѣдко употребляется (вм него *páliti, sežhnouti*); также и *striĥu*, замѣняемое глаг. *střihám*.

Отъ основы *sah* сохранилось сложное неопр. н.—*dosici* (др. *dosiesi*); остальные формы отъ глаг. *sahnu*.

5) По образцу *рпи* спрягаются глаголы съ основой на *п, ш*: *дпи* (н. н. *douti*, старо-сл. *дѣти*), *јпи* (н. н. *jíti* др.-ч. *jieti*, старо-сл. *ити*), *кпи* (н. н. *klíti*, др.-ч. *kléti* старо-сл. *кѣти*), сложные съ *ѣпи*: *роѣпи*, *заѣпи* (н. н. *ročítí, др.-ч. ročietí*, старо-слав. *похати*), *тпи* (н. н. *títi*), *žпи* или *ždпи* (вышло изъ употр.), *žпи* (н. н. *žíti*, др.-ч. *žieti*, старо-слав. *жити*), *мппи* (рѣдко употребл.).

Конечные согласные корни *п, ш* выступаютъ только въ основѣ настоящаго: *рпи* (изъ *рѣпи*); въ основѣ же неопредѣленнаго они еще въ до-историческую пору слились съ предшествующимъ гласнымъ въ носовые гласные (въ старо-слав. *ж, љ*) которымъ въ чешск. яз. соотвѣтствуютъ чистые гласные *u, a, e*; *a* и *e* (изъ *љ*) чередуются между

собою въ зависимости отъ твердости и мягкости слѣдующаго слога, а е, становясь долгимъ съуживается въ і: роčal, роčav, др.-ч. роčieti, н.-ч. роčíti. Ср. выше стр. 61, 63, 66.

Глаголы даннаго образца въ основѣ неопредѣленнаго легко переходятъ во П вл.: рnouti, klnouti, jnouti, mnouti, вм. douti и dmouti. Возможны новообразования и въ формахъ отъ основы настоящ.: вм. dmu говорятъ и duji, duješ, пов. duj.

6) По образцу mri спрягаются: tru, ргу, stru, vru, žru. Корень mel допускаетъ только формы отъ основы неопр. н. mlíti (д.-ч mléti), mlév, mlél наст. вр. meli, но встрѣчается и новообразование—melu.

Въ неопр. н. гласные r, l усиливаются въ ré, lé (старо-сл. *ra, la*), въ нов. яз. (черезъ съужение) ři, li: tříti, příti, vříti, mlíti. Такъ и въ прич. třel, mlél, umřel; однако въ народныхъ говорахъ и umřlý.

Передъ е, r смягчается въ ř (mřeš). Въ народныхъ говорахъ ř проникаетъ и въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: mřu, mřou.

Къ діалектическимъ формамъ относятся неопр.: mřet, třet, vřet; прич. страд. trt.

Б. Вторая основа образована суфф. а.

Неопредѣленное н. bráti.

Настоящее.	Повелительное.
Ед. ч. 1 л. беру	Ед. ч. 1 л. —
2 л. béřes, bereš	2 л. beř, ber, beři-ž
3 л. béře, bere	3 л. beř, ber, beři-ž
Мн. ч. 1 л. béřeme, bereme	Мн. ч. 1 л. beřme, berme
2 л. béřete, berete	2 л. běrte, berte.
3 л. берou.	3 л. —

Прич. наст. дѣйств. берa, -ouc, -ouce; Прич. прошедш. дѣйств. I brav, -ši, -še; Прич. прошед. дѣйств. II bral, -a, -o. Прич. прошед. страд. brán, -a, o; Прошедшее вр. bral jsem; Давнопрошедшее byl jsem bral; Будущее budu brati; Условное н. bych bral, byl bych bral.

Сюда относятся: dráti (deru), hníti (ženu), ssáti, štváti, zvati (zovu), žráti (žeru), žvati (žvu), práti, stláti, tkati, kovati (kovu), plovati

(plovu), rváti (rvu), řvati (řvu), slovu (неопр. slouti). Къ послѣднимъ пяти глаголамъ въ языкѣ существуютъ параллельные по III кл. kouti (kuji), plíti (plíji), routi (ruji), řiti (říji), slouti (sluji).

Begu, degu, žegu, zovu во 2 и 3 л. ед. ч. и 1, 2 л. мн. ч. имѣютъ коренной гласный долгій béřeš, zůveme (др.-ч. zóveme) и т. д. Въ тѣхъ же формахъ у глаголовъ begu, degu, řegu, žegu г смягчается въ ř. Въ современномъ языкѣ чаще слышатся формы съ краткимъ е и твердымъ г: берете и т. д. Равнымъ образомъ и въ повел. н. предпочитаютъ формы съ несмягченнымъ г: ber, berte (вм. болѣе правильныхъ bér, bërte).

Второй классъ.

Основы на -по, -пе.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. tonu	tisknu	Ед. ч. 1 л. —	—
2 л. toneš	tiskneš	2 л. toň, toniž	tiskni
3 л. tone	tiskne	3 л. toň, toniž	tiskni
Мн. ч. 1 л. toneme	tiskneme	Мн. ч. 1 л. toňme	tiskněme
2 л. tonete	tisknete	2 л. toňte	tiskněte.
3 л. tonou	tisknou.	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. tona, -ouc, -ouce; tiskna, -ouc, -ouce;
 Прич. прош. дѣйств. I tonuv, -ši, -še; tisk, -ši, -še и tisknuv, -ši, še;
 Прич. прош. дѣйств. II tonul, -a, -o; tiskl, -a, -o и tisknul, -a, -o;
 Прич. прош. страд. tišten, -a, -o и tisknut, -a, -o. Прошедшее tonul, tiskl jsem; Давно прошедшее byl jsem tonul, tiskl; Будущее budu tonouti; Условное bych tonul, tiskl; byl bych tonul, tiskl.

По первому образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ ни предшествуетъ гласный: minu, hrnu, hynu, kapu, купу, trnu и др.; иногда за гласнымъ былъ согласный, который исчезъ, напр.: tonouti (top - nouti), kanouti (kapnouti). — Stanu имѣетъ основу неопредѣленнаго безъ ни: státi, stav, stal.

По второму образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ ни предшествуетъ согласный: blesknu, bodnu, řeknu, vladnu, kleknu,

(do)tknu, (za)mknu, (u)sehnu, stihnu, tahnu, trhnu, radnu, hasnu и мн. др. — Прич. прош. дѣйств. I и II и прич. прош. страд. обыкновенно образуется отъ основы безъ — ну; напр.: blesk, bleskl, dotek, dotkl, dotčen, zdvih, zdvihl, zdvižen, trh, trhl, tržen и др. Формы на — ну: tisknuv, tisknul, tisknut нужно считать новообразованиями. — Въ старомъ яз. и аористъ былъ безъ ну: dotčech, téžech, dvižech. Только hnouti и usnouti вездѣ сохраняютъ ну.

Конечный гласный въ основѣ неопред. н. вездѣ долготъ ou: to-nouti, trhnouti.

Третій классъ.

Основы на -jo, -je.

А. Вторая основа равна корню.

Неопредѣленное н. bi-ti.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. biji	Мн. ч. bijeme	Ед. 1 л. —	Мн. bijme (bíme)
2 л. biješ	bijete	2 л. bij (bi)	bijte (bíte).
3 л. bije	bijí.	3 л. bij (bi)	—

Прич. наст. дѣйств. bje, bijíc, bijíce; Прич. прош. д. I biv, bivši, bivše; Прич. прош. дѣйств. II bil, -а, -о; Прич. прош. страд. bit, -а, -о; Прошедшее bil jsem; Давнопрош. byl jsem bil; Будущее budu biti; Условное bych bil, byl bych bil.

Къ этому классу относятся глаголы съ основами неопредѣленнаго: 1) на ě (e), которое въ ново-чешскомъ яз., становясь долгимъ, служивается въ í: dítí (говорить, др.-ч. dieti), наст. вр. díím (др.-ч. deju и diem), díš (др.-ч. dieš)... 3 л. множ. ч. dějí, пов. н. děj, прич. děje, dějíc, -íce; děv, děl, děn; chvěti или chvítí (н. вр. chvějí); klfti (др.-ч. kléti), н. вр. kleju, прич. kleje, kev, klel, klen; pětí (н. вр. pěji); plfti (др.-ч. pléti), наст. вр. pleji, др.-ч. plevu (по I кл.); smítí или smětí, наст. вр. smím (др.-ч. směju), smíš... 3 л. мн. ч. smějí; spětí наст. вр. spěji; 2) на i (первичное): hníti (huiji), líti, въ основѣ настоящаго обыкн. lej—leji, leješ, пов. н. lej; въ основѣ неопр. li, liv, lil и т. д.; píti, štíti, vítí, žítí (žiji въ др.-ч. živu, -eš, прич. živa, -ouc); 3) на u (послѣ мягкихъ согласныхъ í, вслѣдствіе перегласовки): čítí

(др.-ч. čuti, такъ и въ народной рѣчи)—наст. вр. čiji, прич. čil, čiv, въ народн. яз. čul, čuv; douti (др.-ч. dúti), наст. вр. duji; kliji (н. н. klvati по V кл.), въ народн. яз. kluju, -úti (obouti) obuji, kouti (наст. вр. kuji); plíti (наст. вр. pliji), plouti (наст. вр. pluji); routi (наст. вр. ruji) slouti (наст. вр. sluji); řiti (наст. вр. řiji); въ старомъ языкѣ вм. неопр. kouti, plíti, routi—было kovati, plvati, gváti; съ другой стороны вм. наст. pluji, sluji, řiji—было plovu, slovu, řevu (но и řuju); съ течениемъ времени образовались двойные глаголы: kouti (kuji) и kovati (kovu или kovam), plíti (pliji) и plvati (plvám), plouti (pluji) и plovati (plovu или plovam), routi (ruji) и gváti (gvu), říti (řiji) и řváti (řvu), slouti и въ основѣ наст. удержало только позднѣйшую форму—sluji. Spuji имѣеть неопр. н. spovati; 4) на -у: býti, krýti, mýti, nýti, rýti, týti, výti. Повел. н. křuj, křume; въ др.-чешск. яз. křý, křýte; отсюда вслѣдствіе перехода ů въ ej возникли народныя формы: křej, křejte, mej, mejte. Это ej стало переходить и въ изъявит. н.; такъ получились диалектическія формы наст. вр. křeju, meju, křejěš, mejěš.

Отчасти (именно въ формахъ отъ основы неопред.), сюда относятся: dati (наст. вр. дам ср. выше стр. 177) и stati (наст. вр. стапу ср. выше стр. 183). Въ старомъ языкѣ такъ спрягалось и znati (наст. вр. знају, знаји), теперь слѣдующ. V кл. (znam). Относящееся сюда же klati имѣеть настоящ. вр. koli, kúleš, kúle; пов. kol, kolte; mlíti (кор. mel)—meli.

Въ опавск. нар. вм. bijí, viji, rijí говорятъ bím, vím, rím. Ср. выше обще-чешск. dím, smím.

Б. Вторая основа образована суфф. а.

Неопредѣленное накл. psa-ti, láti, (la-ja-ti).

Настоящее.

Ед. ч. 1 л.	píši	laji
2 л.	píšeš	lajěš
3 л.	píše	laje
Мн. ч. 1 л.	píšeme	lajeme
2 л.	píšete	lajete
3 л.	píší	lají.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л.	—	—
2 л.	piš, pišiž	laj
3 л.	piš, pišiž	laj
Мн. ч. 1 л.	pišme	lajme
2 л.	pište	lajte.
3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйств. *píše, -íc, -íce, laje, -jíc, -jíce*; Прич. прош. дѣйств. I *psav, -ší, -še, lāv, -ši, -še*; Прич. прош. дѣйств. II *psal, -a, -o, lál, -a, -o*; Прич. прош. страд. *psán, lán*; Прошедшее *psal, lál jsem*; Давно прошед. *byl jsem psal, lál*; Будущее *budu psati, láti*; Условное *bych psal, lál; byl bych psal, lál*.

По образцу *psati* спрягаются глаголы, корень которых оканчивается на согласный; подъ влияніемъ *j* этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соответствующимъ измѣненіямъ; напр.: *ogati — oři, ká-rati — káři, žebrati — žebři, kašlati — kašli (и kašlu), poslati — pošli, stlati — steli, řezati — řezi, kázati — káži, lízati — líži, mazati — maži, tázati — táži, vázati — váži, tesati — teši, pykati — pyči, lháti — lžu, dýchatí — dýši, plakati — pláči, trestati — tresti, hlodati — hlozi, hvízdati — hvízdi, leptati — lepci, reptati — repci, šeptati — šepci* и др.

Конечныя *i* въ 1 л. ед. ч. и *í* въ 3 л. мн. ч. возникли (черезъ перегласовку) изъ болѣе древнихъ *u, ú*. Въ народн. говорахъ *u, ú (ou)* часто остаются неперегласованными. И въ литературномъ яз. удерживаются *u, ou* послѣ губныхъ и *l*: *hýbu, dlabu, škrabu, zobu, dráru, karu, syru, dřímu, lámu* и др.

Большая часть глаголовъ этого разряда допускаютъ новообразования по V кл. (*dělam*); напр.: *oři* и *ogam*, пов. *oř, oře* и *orej, orejte*, прич. *oře, oříc* и *ogaje, ogajíc*. Для нѣкоторыхъ глаголовъ возможны тѣ и другія формы; другія имѣютъ только новообразованныя формы; напр.: *metám, metej, metaje* вм. древн. *mecu, мес, mecě, letam*, вм. *lesu (leci)* и т. п. Лишь немногіе глаголы исключительно слѣдуютъ древнему образцу, напр.: *kázati — káži, vázati — váži, tázati — táži, tíži*. Наоборотъ нѣкоторые глаголы, въ старомъ яз. слѣдовавшіе другимъ классамъ, теперь измѣняются по образцу *píši*, напр. *klamati — klamu*, пов. *klam* и т. д., въ др.-ч. яз. *klamám* пов. *klamej*.

У нѣкоторыхъ глаголовъ долгій гласный корня замѣняется краткимъ въ повелит. в.; напр.: *vázati — važ, kázati — kaž, opásati — opaš, tázati — taž, lízati — liž, písati — piš, vízati — věž, otízati — otěž*.

Въ глаголахъ *stonati* и *plakati* коренной гласный удлинняется въ наст. вр. за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: *stoni, stúneš, stúne, stúneme, stúnete, stoní; pláči, pláčeš, pláče, plácame, pláчете, pláčí*. Въ *píši* коренное *i* долгое во всѣхъ лицахъ наст. вр. *píšeš, píší*

(3 л. мн. ч.); но пов. н. *piš*. Двостепенность корня *ps* (*psъ*) и *pis* наблюдается и въ старо-слав. яз. (*писати, пишмъ*).

По образцу *láci* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный; при этомъ коренной гласный и гласный основы неопредѣленнаго (прежде раздѣлявшіеся благозвучнымъ *j*) стягиваются въ долгій гласный; обыкновенно *aja, ija, ěja* переходятъ въ *á*, но иногда (черезъ перегласовку *já—jé* и сужение *ie—i*) въ *i*: *báti* (изъ *bajati*), *díti* (изъ *dějati*; надо отличать отъ *díti* изъ *děti*—говорить), наст. вр. *ději* (сложн. *paději se*), пов. *děj*, прич. *ďav* и *děv*, *ďal* и *děl*, *ďan* и *děn* (сложн. *oděl*, *padál*), *hráti* (др.-ч. *jhráti*), н. вр. *hraji* и по V кл. *hrám*, *hřáti* (изъ *grějati*), (наст. вр. *hřeji*), *káti*, (о)кřáti (н. вр. *okřeji*), *líti* н. вр. *leji*, *pláti* (н. вр. *plaji*), *přati* (н. вр. *přeji*), *síti* (н. вр. *seji*, прич. *sel* и *sál* устар.), *smáti se* (н. вр. *směji se*), *ssáti* (н. вр. *ssaji*), *táti* (*tajati*), *váti* (*vějati*), *záti*, *zráti* (н. вр. *zraji*).

B. Вторая основа образована суф. ova.

Неопред. н. *kur-ova-ti*.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. 1 л. <i>kuruji</i>	Мн. <i>kurujeme</i>	Ед. 1 л. —	Мн. <i>kurujme</i>
2 л. <i>kuruješ</i>	<i>kurujete</i>	2 л. <i>kuruj</i>	<i>kurujte.</i>
3 л. <i>kuruje</i>	<i>kurují.</i>	3 л. <i>kuruj</i>	—

Прич. наст. дѣйств. *kuruje, -ujíc, -ujíce*; Прич. прошед. дѣйств. I *куровав, -ši, -še*; Прич. прош. дѣйств. II *куровал, -а, -о*; Прич. проч. страд. *куроván, -а, -о*; Прошедшее *куровал jsem*; Давно прошедшее *byl jsem kuroval*; Будущее *буду kurovati*; Условное *bych kuroval, byl bych kuroval*.

Къ этому разряду относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой *-ova*; напр.: *milovati, kralovati, ranovati, vylamovati, opétovati, odsuzovati, navracovati, hotovati* и др.

Отъ *obédovati* наст. вр. *obédaji* и *obédvam*; рядомъ съ *psovati* возможно и *psouti*.

Приставка *-ova* образовалась изъ *ua*; глагольная основа оканчивается на *-u*, которое выступаетъ въ настоящемъ времени.

Четвертый классъ.

I.

Основы на -i (пра-слав.)

А. Вторая основа на -i.

Неопред. н. chval-i-ti.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. 1 л. chvalím	Мн. chvalíme	Ед. 1 л. —	Мн. chvalme
2 л. chvalíš	chvalíte	2 л. chval, -liž	chvalte.
3 л. chvalí	chvalí.	3 л. chval, -liz	—

Прич. наст. дѣйств. chvalé, -íc, -íce; Прич. прош. дѣйств. I chvaliv, -ši, še; Прич. прош. дѣйств. II chvalil, -a, -o; Прич. прош. страд. chvalen; Прошедшее chvalil jsem; Давнопрош. byl jsem chvalil; Будущее budu chvaliti; Условное bych chvalil, byl bych chvalil.

По этому образцу спрягаются очень многие глаголы съ основой на -i (первичное): barvím, bílím, brodím, černím, dojm, hodím, chvatím, chodím, kourím, lovím, modlím se, nosím, prosím, pustím, skočím, učím, vrátím, haním, bydlím и др.

Въ 3 л. мн. ч. i произошло изъ болѣе древняго ie (черезъ сгуженіе) и соответствуетъ старо-слав. ѡ (хвалѣть).

Въ повелит. н. долгій гласный корня обыкновенно сокращается: sloužiti—služ, souditi—sud, troubiti—trub, ráčiti—rač, brániti—braň; по blázni, dráždi, spřizni se; i въ повелит. н. удерживается только въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ неудобное для выговора скопленіе согласныхъ; напр.: bydlí, bydlete, myslí, vysvětli, cti, ctěte и т. д.

Въ прич. прош. страд. i основы переходятъ въ j, которое затѣмъ соединяется съ предшествующими звуками по известнымъ законамъ языка: mysliti—myšlen, voziti—vožen, světiti—svěcen, vrátiti—vrácen, saditi—sazen, nositi—nošen, hyzditi—hyžden, zaneprázdňiti—zaneprázdňěn, pustiti—puštěn. Впрочемъ, первѣдо согласный не измѣняется: děditi—děden, cíditi—cíden, cititi—cíteň, pokositi—pokosen.

Въ старомъ яз. въ 1 л. ед. ч. вм. im было iu и i (черезъ перегласовку), myslju, myslí и т. д. Ср. выше стр. 166.

Б. Вторая основа образована суф. ѣ, е (вм. первонач. е).

Неопределенное н. hoř-e ti.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. hořím	Мн. ч. hoříme	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. hořme
2 л. hořiš	hoříte	2 л. hoř, -iž	hořte.
3 л. hoří	hoří	3 л. hoř, -iž	—

Прич. наст. дѣйст. hoře, -íc, -íce; Прич. прош. дѣйст. I hořev, -ši, še; Прич. прош. дѣйст. II hořel, -a, -o; Прич. прош. страд. viděn; Прошедшее hořel jsem; Давнопрошед. byl jsem hořel; Будущее budu hořeti; Условн. bych hořel, byl bych hořel.

По этому образцу спрягаются: 1) глаголы, которые въ старо-сл. и другихъ славянскихъ языкахъ сохраняютъ въ окончаніи основы неопределеннаго н. первичное Ѣ (или его замѣны): boleti, skřípěti, trpěti, veleti, viděti, viseti, hleděti, kupěti, letěti, styděti se, seděti, vrtěti, bděti, hřmíti, uzříti, mníti, pníti, příti, chtíti и др.; новочешское í вм. древн. iě выступаетъ (вслѣдствіе сьуженія) въ двусложныхъ словахъ; напр. bděti въ древне-чешск. яз. bdieti и т. п.; 2) глаголы, измѣняющіе въ другихъ славянскихъ яз. конечный гласный основы Ѣ (ѣ) на а (послѣ j и шипящихъ): běžeti, ležeti, mlčeti, klečeti, slyšeti, přseti, hvížděti (ср. старо-сл. *вѣжати*, русс. бѣжать, серб.-хорв. бжежати и пр.); въ древ.-чеш. здѣсь тоже было первоначально а: držal, slyšal; болѣе новое е развилось изъ а черезъ перегласовку; встрѣчается а и въ народныхъ говорахъ а какъ архаизмъ и въ литературномъ языкѣ (slyšáno, držáno). Сюда же относятся: báti изъ bojati, наст. вр. bojím se, прич. báv, bál, bán; státi изъ stojati, наст. вр. stojím, пов. н. stůj, stůjte.

Въ старомъ языкѣ перѣдко въ 1 л. ед. ч. и, í: vizu, vizi, drži, boji se, styzu se.

Въ 3 л. мн. ч. въ народной рѣчи возможны формы на eji: vi-sejí, hledějí, musejí, znějí, náležejí, mnějí. Это новообразованія по аналогіи umějí и т. п. Такъ и въ прич. наст. вр.: náležeje.

Chci (др.-ч. chcu) спрягается слѣдующимъ образомъ: chceš, chce, chceme, chcete, chtí или chtějí; пов. н. chťej, chťejte; прич. chťe, chťic, chťice и chťeje, chťějic, chťějice, chťev, chťél и chten.

Viděti, пов. н. viz, vizme, vizte (ср. старо-сл. *видѣти*); прич. наст. vida и страд. vidom по I кл. Сложныя záviděti и náviděti имѣютъ пов. н. závidě, návidě, прич. závidě, návidě.

Spátí въ формахъ отъ основы настоящаго также слѣдуетъ данному образцу: spím, пов. н. spí, spěte.

II.

О с н о в ы н а -í (=ěje, 'aje).

Вторая основа на ě (e).

Неопредѣленное в. um-ě-ti, večeř-e-ti.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. umím	večeřím	Ед. ч. 1 л. —	—
2 л. umíš	večeříš	2 л. uměj	večeřej
3 л. umí	večeří	3 л. uměj	večeřej
Мн. ч. 1 л. umíme	večeříme	Мн. ч. 1 л. umějme	večeřejme
2 л. umíte	večeříte	2 л. umějte	večeřejte.
3 л. umějí	večeřejí.	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. uměje, -ějíс, -ějíсе, večeřeje, -ejíс, -ejíсе; Прич. прошед. дѣйств. I uměv, -ší, -še, večeřev, -ší, -še; Прич. прош. дѣйств. II uměl, -а, -о, večeřel, -а, -о; Прич. прошед. страд. uměn, -а, о; Прошедш. вр. uměl, večeřel jsem; Давнопрошедшее byl jsem uměl, večeřel; Будущее budu uměti, večeřeti; Условное bych uměl, večeřel; byl bych uměl, večeřel.

Спряжение этихъ двухъ образцовъ совпадаетъ вслѣдствіе особенностей чешской фонетики, но въ сущности между ними значительное различіе: í въ основѣ настоящаго umí образовалось изъ ěje (umě-je) черезъ стяженіе въ ie (др.-ч. umiem, umieš) и суженіе ie въ í, а ě въ основѣ неопредѣленнаго umě коренное, исконное (ср. старо-сл. ~~умѣти~~), между тѣмъ í въ основѣ настоящаго večeří возникло изъ 'aje (večeřaje) черезъ стяженіе 'á (večeřá), перегласовку 'а въ ie и суженіе ie въ í.

Къ глаголамъ перваго типа относятся: boleti, bujети, bydletí, haněti, hověti, hrděti и hrzeti, mdlíti, museti, slušeti, tlíti (др.-ч. tlěti), truchleti, váleti, želeti, bohatěti, kameněti, něměti, zeleněti и т. д. — Míti (др.-ч. jmieti) имѣетъ наст. mám, máš, но повел. н. měj, прич. měv, měl.

Къ глаголамъ втораго типа относятся: (po)bijeti—robijím, (po)bf-zeti, (po)bouzeti—robouzím, (při)číněti, (s)hášeti, házeti, (do)hlížeti, (do)cházeti, vyjžděti, kráčetі, lécetі, mįjeti, mizeti, vumlaceti, (pře)myš-leti, parájeti, (vy)právěti, pouštěti, (při)našeti, sázeti, stavěti, stříleti, (z)tracetі, vuváděti, (pro)vazeti, vraceti и др.

Въ народныхъ говорахъ въ 3 л. мн. ч. верѣдко і вм. ejí: utráci, shání, schází вм. utrácejí и т. д.

Пятый классъ.

Основы на -á (= aje).

Вторая основа на -а.

Неопредѣленное н. děl-a-ti.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. dělám	Мн. ч. děláme	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. dělejme
2 л. děláš	děláte	2 л. dělej	dělejte.
3 л. dělá	dělají.	3 л. dělej	—

Прич. наст. дѣйств. dělaje, -íc, -íce; Прич. прош. дѣйств. I dělav, -ši, -še; Прич. прош. дѣйств. II dělal, -а, -о; Прич. прош. страд. dělán, -а, -е; Прошедш. вр. dělал jsem; Давнопрошедш. byl jsem dělал; Будущее budu dělati; Условное bych dělал, byl bych dělал.

Основа настоящего—dělaje; aje во всѣхъ лицахъ наст. вр., кромѣ 3 л. мн. ч., стягивается въ á; въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств. основа выступаетъ въ полномъ видѣ и потому здѣсь а—краткое.

Въ прич. прош. страд. а основы неопред. н.—удлиняется: dělán.

Въ повелит. н. ej черезъ перегласовку изъ болѣе древняго aj.

Въ древн.-чешск. языкѣ встрѣчаются нестяженные формы: ufaju, žadaji; то же и въ моравскихъ говорахъ: prokvetaje, rozpíchaje.

По данному образцу спрягаются многіе производные глаголы, образованные суф. а, va; напр.: volati, běhati, bodati, čekati, chovati, hledati, konati, běhávati и др.—Сюда же относится znám, повел. н. znej, прич. наст. дѣйств. zпaje, прич. наст. страд. znám. Нѣкоторые глаголы имѣютъ формы настоящ. вр. по V и I кл.; напр.: klamám и

klamu (обманываю), srát и sru (набиваю), lámám и lámu, plávám и plavu.

Отъ pechati пов. н. pech, pechte вм. peschej, peschejte.

Недостаточные глаголы.

Dím (говорю), díš, dí, díme, díte, dí я dějí. Другихъ формъ нѣтъ; ср. выше стр. 187. Въ соединеніи съ предлогами глаголъ имѣетъ полное спряженіе vzdím—vzdíti, převzdím—převzdíti.

Prý (говорять) 3 л. мн. ч. отъ устарѣлаго глагола praju; prý = prají.

Vese (сказалъ) 3 л. мн. ч. древн. аориста vesech (vesech, vese, vesechově, vesesta, vesechom, vesechu). Ср. выше стр. 172.

Vari, varíte (берегись) пов. н. отъ устарѣлаго глагола varu.

Безличные глаголы (разныхъ классовъ).

Blýská se, hřmí, prší (идеть дождь), mží, svítá, rozednívá se, šeší se, sněží, mračí se, smrká se, líto mi, oškliví se mi (имѣю отвращеніе), zželelo se mi, stává se, děje se, přihází se, těší mne, líbí se, dostačuje, zřejmě jest, zbývá, lépe jest и др.

7. Неизмѣняемыя слова.

Н а р ѣ ч і я.

1) Kdél? zde, tu, tam, onde, jinde, někde, nikde, kdesi, ledaskde; vnítř, vně, doma, venku (внѣ дома), nahoře, dole, napřed, odkud? odtud, od-onud, odjinud, odněkud, odnikud; kudy? tudy, onudy, jinudy, někudy, nikudy, dolem, horem; kam? sem, tam, semo, tamo, onam, jinam, někam, nikam, kamkoli; pokud? posud, potud, poněkud; domů, dolů, nahoru и др.

2) Kdy? odkud? dokud? dokavad? odtud, odsud, teď (теперь), tehdy, tehďáž, ondy, onehdy, ondyno, jindy, potom, po té (добѣ), někdy, ledaskdy, mnohdy, dávno, brzy, dnes, zejtra, včera, dopoledne, odpoledne, ráno, záhy (заблаговременно), drahdy, tytuž, hned, již, nyní, pořád, právě (какъ разъ), příště (впоследствии), teprve (только что), vždy (всегда), dosud, dosavad, dotud, dotavad и др.

3) Jak? kterak? čím? jak velice? kolikráte? koliknásob? tak, onák, jinak, některak, nějak, jaksi, leďasjak, nijak; naznak, opak; mnoho,

malo, skoro, sotva (едва), velmi, ovšem, aspoň (по крайней мѣрѣ), snad; vysoko, hluboko, nízko; dobře, ošklivě, pěkně; ja, ono (да), ne, ni, nikoliv; tím, tak velice, jednou, dvakrát, dvojnásob, vůbec; bezděky (неохотно), úperkem (шибво), skokem, útokem, dílem, mimochodem, stranou, celkem, dolem, kolem, pěskami или пѣску, mlčky или mlčkami, nepochybně (безъ сомнѣня), darem, darmo, zároveň и др.

4) Proč? Pročez? proto, protož.

П р е д л о г и.

1) Съ род. пад.: bez (beze), dle, podle, vedle, do, krom (kromě), od, u, z (ze); нарѣчія въ значеніи предлоговъ: kol (kolem, okolo, vůkol), kraj, prostřed, strany; daleko, blízko, vně, vnitř, níže, výše и др.; напр.: bez chleba; pojď vedle mne; podle smlouvy; z vody vytáhl rybu; vystoupil ze školy; zpívá od rána až do večera.

2) Съ винит. пад.: а) (на вопросъ *куда?*) na, o, v (ve), po, s (se), za, mezi, nad, pod, před; б) mimo, ob (obe), pro, přes (přese, чрезъ), skrz(e); напр.: postavil na stůl; on prosil o chléb a vodu; plaval až po město; dal mu s hrst tolarů; vzal mne za ruku; mezi vas; nad okno; pod postel; přes dům; přes nos; Vltava teče skrz Prahu; šel mimo kostel.

3) Съ дат. пад.: k (ke, ku), proti (protiv), po; напр.: k otci, ke kostelu, ku pomoci, proti vůli mého otce; po německu, po bratrsku.

4) Съ твор. пад.: s (на вопросы: *съ кѣмъ?*, *съ чѣмъ?*), mezi, nad, pod, před, za (на вопросъ: *идѣ?*); напр.: s otcem, s radostí, seděl mezi nami; nad nami, pod vodou, před učitelem, za mnou.

5) Съ мѣст. пад.: а) při; б) (на вопросъ: *идѣ?*), na, o, v (ve), po; напр.: při tobě, při smrti, na vojně, ve vodě, o mořích, po obědě; známť ja tě po hlase.

С о ю з ы.

1) Соединительные: a (u), i, téz, také, tolikez, ba i, ano i, nejen—než, netoliko—ale (не только—но и), předně nejprve, po prvé, po druhé, dále, pak (же), potom, na to, konečně, posléze, a sice, a to.

2) Противительные: a, ale (но), avšak (однакожъ), však, neš (но, однакожъ), sice, sic (кромѣ того, въ противномъ случаѣ), přes, přese však (все таки), nubyř (но, однакожъ).

- 3) Раздѣлительные: ale—ale, buď—buď, neb—neb, čili—čili, dílem—dílem, již—již, tu—tu, brzy—brzy, ni—ni, ani—ani.
- 4) Сравнительные: jak—tak, čím—tím, kolik—tolik, kolikrát—tolikrát, podle toho—jak, tak—že, jakoby, než.
- 5) Изъяснительные: že, da (что), jak, jako.
- 6) Причинные: nebo, neb, nebsť (ибо), proto, proč, že, protože (такъ какъ), ježto.
- 7) Цѣли: ať, aby, by.
- 8) Временные: když, odkud, dokavad, pokud, co, až, dříve—než (прежде—чѣмъ), spíše—než, jak jen, jakmile (какъ только), ledva, sotva, sotvaže (едва).
- 9) Условные: li, jestliže, kdyby, pakli.
- 10) Уступительные: аč, аčkoliv (хотя), jakkoli (какъ ни), by, byť, třeba (хотя), nečť (пусть).
- 11) Заключительные: tedy, tudy, tudýž, podle toho, z toho и др.

8. Нарѣчія и говоры чешскаго языка.

Общія замѣчанія.

Чешскій языкъ, подобно другимъ славянскимъ языкамъ, на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи не представляетъ вполне однороднаго дѣла, а дѣлится на значительное количество нарѣчій и говоровъ. Наибольшее діалектическое разнообразіе представляютъ восточныя части площади языка, наименьшее—крайнія западныя. Систематическое изученіе этого діалекческаго разнообразія народной рѣчи началось у Чеховъ сравнительно не давно и хотя уже ознаменовалось появленіемъ въ научной литературѣ цѣнныхъ наблюдений и большихъ трудовъ, въ родѣ моравской діалектологіи Бартоша (см. 26—28 стр.), однако не можетъ считаться законченнымъ. Чешская діалектологія содержитъ еще много нерѣшенныхъ, а частью и совсѣмъ незатронутыхъ вопросовъ. Повидимому больше всего сдѣлано для описанія говоровъ и ихъ классификаціи, но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи еще не видно ни желательной полноты, ни отчетливаго и яснаго представленія дѣла. Наиболѣе подробно обследованы и описаны восточные (моравскіе) говоры; для западныхъ же (собственно чешскихъ) говоровъ руководящимъ трудомъ доселѣ остается старое

сочиненіе А. Шемберы (*Základové dialektologie československé*, 1864), представляющее лишь самую общую характеристику нарѣчій и говоровъ; только въ вѣкоторыхъ частяхъ этотъ, несомнѣнно важный, хотя и устарѣвшій, трудъ пополняется новыми наблюденіями. Но и моравскіе говоры не имѣютъ еще вполне установившейся классификаціи. Однимъ изъ доказательствъ того можетъ служить колебаніе въ мнѣніяхъ по этому вопросу лучшаго знатока моравской діалектологіи Фр. Бартоша: въ первомъ томѣ своего извѣстнаго труда онъ призываетъ въ Моравіи семь нарѣчій, а во-второмъ находитъ возможнымъ свести ихъ къ четыремъ. Несравненно скуднѣе имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о прошломъ чехо-моравскихъ нарѣчій и говоровъ. Исторія ихъ возникновенія и развитія не только не разъяснена, но еще и не затронута. Къ какому времени должно относиться распаденіе нѣкогда единаго чехо-моравскаго языка на нѣсколько нарѣчій, сколько было первоначально этихъ частныхъ діалектическихъ группъ, какими особенностями характеризовались эти группы, какимъ путемъ выработывались дальнѣйшія діалектическія отличія — на всѣ эти и другіе подобныя вопросы пока нѣтъ отвѣта въ наукѣ. Въ древнихъ памятникахъ литературнаго языка нельзя не замѣчать отраженія особенностей народныхъ говоровъ, но изученіе ихъ съ этой точки зрѣнія даже и не начато. Единственная, относящаяся къ этому вопросу работа І. Иречка (*O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských*, 1887) слишкомъ не богата результатами. Впрочемъ, разысканіе діалектическихъ чертъ въ древнихъ памятникахъ осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что не всегда легко рѣшить — зашла ли та или другая особенность (напр. неперегласованныя а, ц) изъ живаго говора или она была свойственна письменному языку въ данное время. Какъ бы то ни было необходимо допустить, что зародыши главныхъ чехо-моравскихъ нарѣчій восходятъ къ глубокой до-исторической старинѣ. Грамматикъ второй полов. XVI ст. Янъ Благославъ сообщаетъ уже весьма цѣнные свѣдѣнія о чешской діалектологіи¹⁾. Между прочимъ, изъ нихъ видно, что даже за послѣднія триста лѣтъ въ нарѣчіяхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія.

¹⁾ Анализъ ихъ см. въ статьѣ В. Душека *Přispěvky k dějinám české dialektologie*, I část. Jan Blahoslav (*Časopis Musea Království českého*, 1895). Ср. нашу статью Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію за 1895 г. Унив. Изв. 1896, апрѣль,

Принимая во вниманіе современное изученіе вопроса можно подвести народныя чехо-моравскіе говоры подъ слѣдующія четыре нарѣчія: 1) чешское; 2) ганацкое (или собственно моравское); 3) ляшское и 4) валапско-дольское. Нарѣчіе чешское распространено во всей западной половинѣ чехо-моравской области, т. е. въ чешскомъ королевствѣ и западной Моравіи и потому можетъ быть названо западнымъ. Остальныя три нарѣчія размѣщаются въ восточной половинѣ области, т. е. въ Моравіи и Силезіи; ихъ можно назвать восточными. Наибольше чертъ старинны сохранили восточныя нарѣчія; одно изъ нихъ ганацкое, распадающееся на множество характерныхъ говоровъ, повидимому преимущественно отражаетъ въ себѣ древнѣйшее состояніе языка. Чешское нарѣчіе, легшее въ основаніе литературнаго языка, особенно подверглось разнымъ превращеніямъ не безъ вліянія нѣмецкаго языка. Ляшское нарѣчіе служитъ переходомъ отъ чешскаго къ польскому языку и представляетъ нѣкоторыя черты, общія съ этимъ языкомъ; а валапско-дольское также можетъ быть рассматриваемо какъ переходное къ словацкому яз. и близко роднится съ послѣднимъ.

Чешское нарѣчіе.

Чешское нарѣчіе раздается: 1) во всей Чехіи (Čechy); 2) въ части графства Кладскаго и въ Виторазскомъ въ Нижней Австріи и 3) въ нѣкоторыхъ округахъ зап. Моравіи (Ждарь, Н. Мѣсто, Быстрица, Емница, Дачица, Телчь, Трешть—Ždár, N. Město, Bystřice, Jemnice, Dačice, Telč, Třešť).

Важнѣйшія особенности:

1) Послѣдовательная перегласовка а—е: duše, ulice, moře, zejtra, dej, vejce.

2) Послѣдовательная перегласовка u—i: duši, zemi, lid, cizí; только въ наст. врем. сохраняются u, ou: pišu, pišou, miluju.

3) Долгое ú расширяется въ ou: dlouhou, boudou, ouřad; только въ домашнемъ говорѣ сохраняется ú: přídú, dlúho.

4) Долгія ý, í звучатъ какъ ej: dobrěj (dobrý), mlějн (mlýн). no-sejček (nosíček), zejma (zíma).

5) Долгое é суживается въ í (ý) не только въ мягкихъ, но и въ твердыхъ слогахъ: malí, vokýнko, dobrýho, bíly, mlíko, stýblo.

6) Гласн. е вм. í въ настоящ. врем. глаголовъ на íti: leju (líju), křeju (kryjí).

7) Вставочное *v* передъ начальнымъ *o*: *vokolo*, *vokno*, *vosum*, *vondyno*, *von*.

8) Отпаденіе *j*: *du*, *deš*, *de*, *deme*, *dete*, *dou*, *řidu*, *meno*, *menovat*, *ešte*, *enom*, *inej*, *iva*.

9) Отпаденіе начальнаго *h* передъ *ř*, *v*: *řešit*, *řeblo*, *vozd*, *vězda*.

10) Исчезновеніе начальнаго *s* передъ *t*: *třelit*, *třibro* и др.

11) Первѣдкое удлиненіе гласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лите- ратурный языкъ держится краткихъ гласныхъ: *Ján*, *nádeje*, *žába*, *ká- zání*, *výdávateľ*, *nakládateľ*, *kráľovat*, *nikdá*, *tehďa*, *biézet*, *lézet*, *béře*, *řeře*, *séga*, *zéli* (*zeli*), *kníha*, *břicho*, *Bóže*, *bóli*, *hóři* (*hoři*), *túze* и др. Такъ и въ окончаніяхъ: *kluci*, *slavici*. На-оборотъ иногда вмѣсто дол- гихъ—краткіе гласные: *do róli*, *k rólim*, *v rólich* и др.

12) Твор. п. мн. ч. на *-ma* (вм. *mi*): *chlapcema*, *polma*, *tenkýma*, *prstama*, *dlohýma*, *ulicema*.

13) Прибавочное *oh* въ архаическомъ род.-тв. п. двойст. ч.: *gu- kouch*, *poňouch*, *pršouch*, *po dvouch*.

14) Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (сложномъ скл.) *é* или *ě* служивается въ *ú* во всѣхъ падежахъ или сокращается: *dobrý dítě*, *dobrýho muže*; въ жен. р. возлѣ *ú* возможно и *ej*: *u dobrý* или *dob- rej sestry*.

15) Гортанные *h*, *ch*, *k*, а также *d*, *p*, *t*, *ř* въ имен. п. множ. ч. прилагательныхъ не подвергаются смягченію: *drahý bratři*, *chudý cha- lupníci*, *bohaty kurci*, *dobrý měšťani*.

16) Глаголы I кл., у которыхъ корень оканчивается на *k*, *h* или *ř* измѣняютъ эти согласные въ соответствующіе мягкіе—*č*, *ž*, *ř* не только передъ *e* (гласный основы), но и передъ *u*, *ou* (т. е. въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.): *řeči*, *řečou*, *můži*, *můžou*, *tři*, *třou*.

17) У глаголовъ на *u* (i) 1 л. мн. ч. не имѣетъ конечнаго *e*: *ve- dem*, *pletem*.

18) Прич. прош. дѣйст. II теряетъ конечное *l*, когда послѣднему предшествуетъ другой согласный: *řek*, *nemoh*, *tisk*, *řek*, *upad*, *nes*.

19) Въ неопр. в. на *si* вставочное *t*: *říct*, *říct*, *vlíct*, *síct* и др.

20) **Мнѣ** вм. *mě*: *posměch*, *mněsto*.

21) **М** вм. *p*: *pámbu* (*pán Bůh*), *hambu*.

Въ чешскомъ нарѣчїи различаютъ четыре поднарѣчїя: а) *юго-за- падное*, б) *средне-чешское*, в) *сѣверо-восточное* и г) *моравско-чешское*. Каждое изъ нихъ въ свою очередь представляетъ частные говоры.

а) Юго-западное (подшумавское) поднарѣчье обнимаетъ округи: будѣвицкѣй, домажлицкѣй, юго-западную часть пильзенскаго и все по-отавье. Главныя особенности: 1) вставочное *h* передъ начальными гласными: *hulice, hučitel, hutřikal, habu, Hanton, Hanka* и др.; 2) смягченіе губныхъ посредствомъ *j*: *mjila, vjila, vjenec*; 3) переходъ свистящихъ и *p, d, t, v* въ *j*: *bej sebe, duj, kojce, jemecký, poj tím, přej dum, hlejte*; 4) приставочное *j*: *jaksamitka, jaby*; 5) вокализация *l, r* въ *il, ir (el, er)*: *v Pilzni bylo pelno, hader, chaterný*; 6) мѣна *v—b*: *brabec, břed*; 7) замѣна *e* черезъ *a*: *bředano, třičatka, sklanička, včala, čalo, útarý*; иногда наоборотъ *e* вм. *a*: *teku, vzel, deji* (вм. *daji*); 8) сгущеніе въ *i* не только *é*, но и *ě, e*: *pína, smiška, zpítala se, Radíjov, blícha, klíska, humřil, vidil, slyšil*; 9) потеря мягкости при *ě* (особенно въ нетолицкомъ гов.): *pekому, někdo, smeje se* и т. д.; 10) *ú* вм. *ou*: *búde, povedú*; 11) *o* часто удлинняется въ *ú* или расширяется въ *ou*: *lúš houvěží maso*; 12) *e* вм. *y*: *me sme beli* (мы сме были); 13) род. п. мн. ч. существ. принимаетъ *ch*: *haduch, jelenuch, mužuch, ušich, bratrch*; 14) прилагательныя притяжательныя во всѣхъ родахъ имѣютъ одно окончаніе: *ovo* или *ovíc* или *ouc*: *sládkovo sýn, sládkovo dcera, sladkovic pole*.— Новѣйшій изслѣдователь этого поднарѣчья В. Душевъ [Hláskosloví nářečí jihočeských, I Cast, Consonantismus, v Praze, 1894 (Rozpravu Č. Akad.) и Reč lidu v koruně česke a na Slovensku, 1895 (Národopisná výstava československá, 1883—96); признаетъ въ немъ три группы говоровъ: 1) *ходскій* и *домажлицкій*; 2) *клатовскій*, *потавскій* и *нетелицкій* и 3) *дулѣбскій* и *блатскій*. Раньше Шембера (Základové dialektol. česk.-slov., 13 — 20) отмѣтилъ въ этомъ поднарѣчьи только два говора—*домажлицкій* и *лужицкій*; первый изъ нихъ онъ описалъ весьма подробно, второй же новѣйшіе изслѣдователи (В. Душевъ) относятъ къ средне-чешскому поднарѣчью. Сверхъ того дулѣбскій говоръ изучалъ В. Котсмихъ (Sbornik vědecký Musea Království českého, 1868), а ходскій Грушка (Listy filologické, XVIII, 1891).

Образецъ юго-запдн. говоровъ (изъ статьи Душева): *Bulo sparno. Jehlikouc Hančí vzela hodnej ždibanec (кусокъ) chleba a šla sbírat huby. Teky vzšla si knihu, nebo strachlivě (очень) ráda čtála. Hynle druhú cestú šla k ní Dodla Babikoje. Na houvaře stála Marcha z podružstva a křičíla: „Kan pa detě? Co nevidíte hynle tu mráku? Aby vás tak hrom v lesi po hřibetě láfnul. Dodla bula těverná divčka*

i volála: Nestarij se, Marcha, eště tu nyní, a lafnút, at lafne, jen hdyž mi nezabije“! Hdyž přišly do lesa na horejší myč, vidíly tu samý černo-
hlavý a bělohlavý (hříby) i sebraly ich huzel. Zatim zamrākalo se nebe
a zahučel hrom. Přišla škrejpa. Nechci řec, jak byly uhřené, hdyž vy-
běhly z lesa na lůsy. Ičko teprív vidíly, že hrom nezabije a přeci tá
jeho muzika nešmekuje. (Postřekov).

б) *Среднечешское поднарѣчје* господствует на сѣверо-
востокѣ отъ юго-западнаго поднарѣчја т. е. въ округахъ: пражскомъ,
болеславскомъ (запад. часть), литомѣрицкомъ, жатецкомъ, пильзенскомъ
(вост. часть), таборскомъ, чаславскомъ, хрудимскомъ (большая часть)
и градецкомъ. Это поднарѣчје лежитъ въ основаніи литературнаго яз.
и потому представляетъ наименѣе уклоненій отъ него въ сравненіи
съ другими поднарѣчьями и говорами. Главнѣйшія изъ этихъ укло-
неній слѣдующія: 1) приставочное v: vobéd, votec; 2) приставочное h:
hulice, hiva; 3) опущеніе начальнаго j: indy, itrnice; 4) ů, u вм. o:
sůva, kůs, vůzma, vobuči, tulik; 5) o вм. s въ окончаніи ský: Plzeneký
pivo; также въ неопр. н.: veot, kráct, kláct; 6) опущеніе согласныхъ:
matice (вм. matičce), struha (вм. pstruha); 7) ch въ окончаніи род. п.
мн. ч.: ptákuoh, konfch, nůšfch; или вм. род. употребляется мѣстн. п.:
ptákách, gubách; 8) í въ им. п. мн. ч. (часто, но не всегда): drozdí,
ptáci, jelení, chlapi, muži, но: holubi, čari; 9) склоненіе ie прилагат.
dobrý и рѣчи близко совпадаетъ вслѣдствіе суженія é—ý (í) въ твер-
домъ различіи: dobrýho, dobrý (ср. р.); 10) форма сред. р. именъ при-
лагат. притяжат. на ovo служить и для муж. и жен. р.: sedlákovо
sup. Въ этомъ поднарѣчји В. Душекъ отличаетъ говоры: *рокитанско-*
подрипскій (на сѣверо-западѣ), *подбердскій* (между Велтавой и Бе-
рункой) и *желивскій* (близъ границъ Моравіи). Различія между ними
весьма незначительны.

Образецъ средне-чешскаго поднарѣчја (В. Душекъ). Naše mlí-
kařka je švejtořivá žencká. Diž přide ráno, křičí: „Pámbu rač dát
štásny dobrýtro“! a u se smněje. A ne se spamatujem, už povídá, co
se kde stalo a dícky ví něco novýho. Tudle povídá vo koce, jag í
chodí na mlíko, nebo vo vohni, tamdle jak několik zlodějuch vykradlo
u nich dvě sedláci. — „A proč je nechytěj“ ptala se í naše Máry. —
„Vjéřej mi, na mou tě, abych se nedušovala, každej na to kouká, ale
pomocť neumí a jen tak že je polituje“. — Pak veme peníze, vesele
křikne: „Zaplať Pámbu, poňžené ručičku líbám, milospaninko, vopa-
truj je tu Pámbu“ a už je na schodouch.

в) *Сѣверо-восточное поднарѣчье* распространяется съ лабской низменности къ горамъ и господствуетъ въ странѣ подъ Керконошами и въ значительной части восточной Чехіи; частіе, оно слышится въ округахъ: болеславскомъ (восточная часть), ичинскомъ, кралеградецкомъ, хрудимскомъ (восточная часть), ландшерунскомъ, устецкомъ, високомытскомъ и литомышльскомъ. Наблюдениями надъ этимъ поднарѣчьемъ занимались въ 60-хъ г. I. Иречекъ и Кубле (Casop. Cesk. Mus., 1863, 323; 1864, 40, 49, 56, 250), въ новое время В. Душекъ. Важнѣйшія особенности: 1) п вм. v (послѣ гласныхъ и на концѣ слоговъ): kauka, prauda, děuče, leu, kreu, komárou, vodauku; 2) расширение долгаго і въ ej особенно въ тв. п. ед. ч. жен. р.: šel ulicej s husej, s mastej, uhodil ho péstěj; въ 3 л. мн. ч. kauky letěj nad vežej, voni posej, slavěj; 3) нерѣдкое исчезновение і послѣ j: voloj, hraj, zajc, vajčko; 4) въ окончан. і часто сокращается: štěstí, spomoci, dnešní, chodíme; 5) смѣшеніе l, r: korovlat (kolovrat), leg-ruta (rekruta), kornifel (kornifer), falář (farář), toral (tolar); 6) п вм. m: písmička, nuň (miň, méně), sednact, osnact; 7) á, í, ú (ou) не сокращаются въ твор. п. ед. ч. и дат., твор., мѣстн. п. мн. ч. именъ жен. р.: za bránu, ke bránam, na bránach, 8) h, ch, k, r въ имен. п. мн. ч. иногда не смягчаются передъ оконч. í: struhy, raky, kargy; по ptáci, slavíci. — Въ отдѣльныхъ говорахъ выступаютъ еще другія особенности.

Въ сѣверо-восточной части чешскаго нарѣчія В. Душекъ различаетъ четыре говора: 1) *поузерскій* — на верхней Изерѣ (отъ Чешскаго Дуба къ Младой Болеславѣ и далѣе на востокъ); 2) *керконошскій* на сѣверо-востокъ отъ предъидущаго, у Керконошъ (Исполиновыя горы) къ Семилямъ и Н. Пади; 3) *кладскій* на Упѣ и Метуѣ и 4) *орлицкій* — въ восточной Чехіи, въ области средней Орлицы и литомышльскомъ округѣ. Изъ нихъ наиболѣе характерны говоры керконошскій и орлицкій.

Въ *керконошскомъ гов.*: 1) слѣды твердаго k: chlar, voľak (въ ходскомъ говорѣ также возможно такое k: buľ; въ дулѣбскомъ г. на твердое k указываетъ п вм. l: šep, dau); 2) удвоенное pp: kamenný, dřevenný; иногда первое p замѣняется d: Adna, radna; 3) слѣды долгихъ g, ě: křmiť, štvřce, vlna; 4) дат. п. té, sé (вм. ti, si); 5) прич. прош. на ať вм. el: slyšal, držal, vědal, čakať.

Въ *орлицкомъ гов.*: 1) неперегласованное a: čepica, jatel, kolaj, přade; no jesen, jeřice; 2) вм. y—ej: nekudej, nikdej; 3) пристрастие

въ двугласн. ou: trouvám (trvám), dougavej, k vícerou, vasou, ouvoce;
4) приставочное h: hutikala, hulička, huzlíček; 5) ударение (иногда)
на последнемъ слогѣ: kam detè, plnej snèhù, s temà kroupamà и др.

Образецъ сѣверо-восточнаго поднарѣчія: Jednou v zejmě šli z Prajska dva pašeráci se svym pašerem. Pašeráci choděj; obyčejně v noci, těm jè to jenno v noci nebo venne (dne), ty maj svý cesty známý. Tenkrát ale byla velká věje jako severie a ten jeden byl slabýho outora i zustali v jednu známý boudè na horách do rána. Ležali sami dva ve senici a domácí ležali jinde. Asi okolo půl noci přišel do senice hospodář a dař se do míšeni (chleba), šel v chlemnici zatopiř, pašeráci to viďali, ale đali, jakoby spali (Керконошск. гов. Душекъ).

г) *Моравско-чешское поднарѣчье* занимаетъ въ Чехии узкую полосу земли отъ Сватки на Круценбургъ, Польничку, Нижковъ, Поздѣшинъ, Ждирецъ и Стритежъ и въ Западной Моравии господствуетъ отъ Олешницы до Бобровы, Радостина, Мѣрина, Предина, Желетавы, Бродкова и Клусова. Здѣсь Фр. Бартошъ различаетъ три говора, обозначаемые по городамъ: 1) Ждяръ, Новое Мѣсто, Быстрица; 2) Іемница и 3) Дачица, Тельчъ и Трешть. Всѣ они подробно описаны въ его трудѣ *Dialektologie moravská Druhý díl (V Brně, 1895) 243 — 283*. Говоры эти составляютъ переходъ отъ чешскаго нарѣчія къ моравскому или ганацкому. Въ нихъ сливаются черты того и другаго нарѣчія. На принадлежность къ чешскому нарѣчю указываютъ такія черты: 1) выговоръ долгаго ú какъ ou: за pašou, stodolou, podlavicou, budou; 2) переходъ í, ý въ ej: sejt, vozejk, pozejk, husejch (род. п. мн. ч.), bejvat, dobrej; 3) отпадение и выпадение i: kol'bat, rovidaj (3 л. мн. ч.); 4) вокализация l, r (il, yl, ir): řekyl, radyl, vítur, cukur; 5) мѣна v въ u: kauka, prauda; 6) переходъ nn въ dn: radna; 7) дат.—мѣстн. п. ед. ч. на oj: vtakoj; 8) 3 л. мн. ч. umí, chodí и др. Къ моравскому нарѣчю эти говоры приближаютъ такія особенности: 9) неперегласованное a: jařica, řerica, duša, muža; 10) выговоръ y съ отгнкомъ звука e: bel (Бобрувца), sluničko vejde; 11) преимущественное употребленіе краткихъ гласныхъ: dat, psat, vřana, prah, nest, vest, meno, lipa, síla и т. д.; 12) сохраненіе šč: šťastí, měščan; 13) дат. п. множ. ч. на -om: vtákom; 14) chcи, chcou и др. su (вм. jsem).

Образецъ моравско-чешскаго поднарѣчія: „No mamо, nehubač, šak nejni zle pro slovo, ale to je jednou recht, že po ženskejch nejni

prácu vidět tudle člověk dyž vorá nebo vláčí nebo seče, to je jedna práca, je ju vidět a cejtít na tělu, ale to vaše važení a umejvání po tem je houbec, to je jen takovy přicmrdování a žádná práca".— „Tak víš ty, tato, co, tudle si беру sousedi za svědky, udělejme to takle: ja pojedu zejtra vovorávat jabka a zrouna konce vohrnu motykou, a ty zustaň jen ten jeden den za pospodyňu v stavení, a hudivíme, kdo vic dokáže řekla panímáma (Бартошъ, II, 262).

Ганацкое или собственно моравское нарѣчіе.

Ганацкое нарѣчіе господствуетъ въ большей части средней Моравіи, именно въ уѣздахъ: голешовскомъ, кромерижскомъ, преровскомъ, оломуцскомъ, штернбергскомъ, простѣвскомъ, вышковскомъ, драганскомъ, летовицкомъ, литозльскомъ, коницкомъ, іевичскомъ, забрѣжскомъ, сладковскомъ, бучовицкомъ, жданицкомъ, бланскомъ, берненскомъ, жидлоховицкомъ, елобувскомъ, русиновскомъ, тишновскомъ, иванчицкомъ, крумлѣвскомъ, зноимскомъ, междурѣчьскомъ, требичскомъ, и мор. будѣйѣвицкомъ. Этимъ нарѣчіемъ говорятъ настоящіе Мораване или моравскіе чехи и потому оно можетъ быть названо моравскимъ. Ганаками собственно называютъ себя славянскіе обитатели долины р. Ганы отъ Вышкова до Костина. Другіе жители средней Моравіи имѣютъ свои частныя имена: *Блатяны* или *Блатяки* (по р. Блатъ и Валовъ), *Моравяки* (отъ Вѣрованъ въ Цитову), *Забечваки* (по лѣв. берегу нижней Бечвы) *Заморавяки* (въ Гулинской области), *Подгоряки* (отъ Быстрицы въ Голешову), *Баняки* (въ кромерижскомъ и голешовскомъ уѣздѣ) и *Чуаки* (выговаривающіе ѣ вм. ѓ, отъ глаг. čúhat — торчатъ), но всѣ они вслѣдствіе извѣстнаго сходства употребляемыхъ имъ говоровъ извѣстны у своихъ славянскихъ сосѣдей Валаховъ и Словаковъ подъ однимъ общимъ именемъ Ганаковъ. Отсюда всѣ срединные моравскіе говоры проф. Фр. Бартошъ находитъ возможнымъ объединить въ одной группѣ подъ именемъ ганацкаго нарѣчія.

Подробному изученію ганацкаго нар. посвящена большая часть втораго тома „Моравской діалектологіи“ Фр. Бартоша (4 — 243). Въ этомъ почтенномъ трудѣ представлено собственно описаніе 12 поднарѣчій (съ ихъ говорами), входящихъ въ составъ ганацкаго нарѣчія, но не дано общей характеристики цѣлаго нарѣчія сравнительно съ другими нарѣчіями. Такая характеристика, впрочемъ, представляетъ большія трудности въ виду крайняго разнообразія ганацкихъ говоровъ

и значительной такъ-сказ. неустойчивости общихъ признаковъ, варьирующихся на разные лады въ этихъ говорахъ.

Главные особенности.

1) Самую характерную черту ганацкаго нар. составляетъ своеобразный выговоръ гласныхъ звуковъ. Ганави произносятъ гласные а, е, і, у, о, ѹ, не чисто, какъ произноситъ ихъ славянскій народъ вездѣ въ Чехіи и восточной Моравіи, а на особый ладъ, нѣсколько неясно, съ окраской постороннихъ звуковъ, при чемъ эта окраска въ разныхъ говорахъ различна. Фр. Бартошъ устанавливаетъ цѣлую систему знаковъ для передачи этихъ своеобразныхъ звуковъ, а В. Душекъ признаетъ невозможнымъ точное воспроизведеніе на письмѣ всѣхъ оттѣнковъ ганацкаго вокализма. Такъ а произносится не только какъ а (baba), но и какъ \tilde{a} , т. е. какъ неясный звукъ, образованный быстрымъ переходомъ отъ \tilde{a} къ \tilde{o} или на оборотъ отъ \tilde{o} къ \tilde{a} : p \tilde{a} tek, vol \tilde{a} ; е произносится 1) какъ простое е (vedete), 2) со слабой окраской—і, обозн. \tilde{e} (ved \tilde{e} té) 3) съ преобладаніемъ і, у обозн. \tilde{e} (r \tilde{e} b \tilde{e}) и 4) какъ а измѣненное въ е, обозн. \tilde{e} (r \tilde{e} b \tilde{e}); каждый изъ этихъ звуковъ можетъ быть краткимъ или долгимъ; і, у, кромѣ обычнаго выговора могутъ произноситься съ легкой окраской звука \tilde{e} и обозн. \tilde{i} , \tilde{y} (hl \tilde{i} sta dobr \tilde{y}); о кромѣ обычнаго выговора можетъ звучать то съ меньшей, то большей окраской звука ѹ и обозначается посредствомъ \tilde{o} , \tilde{o} (ol \tilde{o} v \tilde{o} и dl \tilde{o} v \tilde{o}) или же въ своемъ произношеніи представляетъ рѣзкій переломъ звука а въ о, обознач. \tilde{o} (b \tilde{o} d \tilde{o}); каждый изъ этихъ видовъ звука о можетъ быть краткимъ и долгимъ; наконецъ ѹ и \tilde{u} произносятся со слабой окраской звука о и обозначаются посредствомъ \tilde{u} , \tilde{u}' (v \tilde{u} l \tilde{u} v \tilde{u}). Въ нѣкоторыхъ говорахъ иные гласные произносятся такъ неясно что получается глухой или полугласный звукъ, который Фр. Бартошъ обозначаетъ черезъ \tilde{z} ; напр. b \tilde{z} l \tilde{z} dvá brat \tilde{r} i, d \tilde{z} l \tilde{z} . Такое неотчетливое произношеніе основныхъ гласныхъ звуковъ свойственно ганацкимъ говорамъ не въ одинаковой степени. Одни изъ нихъ представляютъ почти всѣ описанные смѣшанные звуки, другіе лишь нѣкоторые изъ нихъ, наконецъ третьи вообще держатся чистаго, правильнаго выговора гласныхъ и только въ частныхъ случаяхъ допускаютъ кое-какія изъ указанныхъ своеобразныхъ звуковъ. обстоятельное изслѣдованіе этой характерной черты ганацкаго нарѣцїа представлено въ вышеупомянутомъ трудѣ Бартоша, гдѣ точно указывается въ какихъ говорахъ и въ какихъ случаяхъ слышны

чистые гласные и въ какихъ вромѣ чистыхъ возможны тѣ или другіе смѣшанные звуки.

2) Свойственная чешскому нарѣчію перегласовка а—о обыкновенно совсѣмъ не допускается въ окончаніяхъ: *slepica, do hnpsa, zeleny pola, poža* и т. д.; въ корняхъ и основахъ а перегласовывается только въ рѣдкихъ случаяхъ; напр.: *čekať, čísa* или въ глаголахъ V кл.: *zabíjet, střílet, vtacet* и т. п., но и эта ограниченная перегласовка наблюдается не во всѣхъ говорахъ. Исключеніе изъ общаго закона составляютъ говоры Литовля, Копицы, Левичка и Забрѣга, въ которыхъ перегласованныя формы употребительнѣе неперегласованныхъ.

3) Равнымъ образомъ и послѣ мягкихъ согласныхъ не перегласовывается въ *í*, а остается безъ перемѣны или переходитъ въ *o* разныхъ отгѣнковъ (см. ниже п. 6) *čerícu, pašu, dušu, chcu*.

4) Служеніе *é—í* (ý) имѣетъ мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ (ср. 66—67 стр.) и при томъ довольно распространено: *chlíb, dýšć kamýnek, rýgo, okýnko, dobrýho, dobrý pivo, šiste, nýst, výst, l'ítať*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Иванчица, Крумлѣвъ, Зноймо и др.) *y* вм. *e* звучитъ кратко (*krug, sladkyho*), въ другихъ (Славковъ, Бучавица) вмѣсто *y* слышно *é* съ призвукомъ *i*, или даже простое *e* (особ. въ неопр. н. *nest, vest*).

5) Гласные *i, í* послѣ *s, z, s, š, ž, š, l', ř, a, y, ú* послѣ твердыхъ согласныхъ переходятъ въ *e, é*: *zema, selné (silný), Ceše, posele (nosili), česte, křež, žeto, leška, sléva, bék, ség*. Эти *e, é* въ разныхъ говорахъ произносятся различно съ тѣми характерными отгѣнками или призвуками, на которые указано выше (п. 1), напр. въ преравскомъ гов. выступаетъ въ этихъ случаяхъ самое узкое *è*, т. е. собственно *i*. окрашенное звукомъ *e*: *léd*; напротивъ въ простѣвскомъ, драганскомъ, литовельскомъ, забрѣжскомъ господствуетъ широкое открытое *é*: *léd*; въ тишновскомъ говорѣ *é* (*léd*). Въ леговицкомъ говорѣ слышно чистое *e*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ указаннымъ перемѣнамъ подвергаются только долгія *i, ú*, а краткія остаются безъ перемѣны, напр. *zima* губу (Голешовъ, Кромѣрижъ, Славковъ, Бучавица, Жданица); въ иныхъ говорахъ (Тишновъ), *e* вм. *i* возможно не послѣ всѣхъ указанныхъ согласныхъ, а только послѣ *s, z, s*. Въ кунштатскомъ гов. только *ú* переходитъ въ *é* (*méto, motél, bévam*); а *i, í, y* сохраняютъ свой основной, чистый выговоръ.

6) Звукъ *u* большею частью утратилъ свое исконное значеніе, вмѣсто него обыкновенно слышно *o* (разныхъ оттѣнковъ); именно: *ú* во всѣхъ говорахъ переходитъ въ *ó*, а *vm. u* (краткаго) *o* только въ нѣкоторыхъ говорахъ; напр.: *sod, mocha, pašo, došo, tróba, za pašo stodoló, kozľó, pesó, ľóto, kl'ós* (*vm.* *неперегласов. ľuto, kl'uč*).— Чистыя *o, ó* *vm. u, ú* имѣютъ мѣсто въ говорахъ Летовицы, Бланска, Берна, Жиддоховицы, Клобукова, Русинова, Тишнова, Иванчицы, Крумлѣва, Знойма, Междурѣчья, Требича, Мор. Будѣвиць, Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Коетина, Литовеля, Загорья, Славкова, Бучавицы, Ждавицы, Кунштата. Открытое *ô* (быстрый переломъ звука отъ *a* къ *o*) представляютъ говоры оломуцко-простѣвскій (въ послѣднемъ, впрочемъ *vm. ú* иногда *ó*, т. е. *ó* съ окраской *u*), литовельскій, драганскій, забрѣжскій: *zôb, hóbô, rókô, róta*.— Краткое *u* сохраняютъ безъ перемѣны говоры Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Коетина, Кунштата: *budu, hubu, muchu*.

7) Краткое *o* не только можетъ произноситься съ большею или меньшею окраскою звука *u* (*ô, ð*), но иногда и совсѣмъ переходитъ въ *u* или *ú*: *usme, úsme, dul'e, dúl'e, ľuj, ģuj, ģuj* (Преровъ, Оломуць, Простѣвѣвъ), *vusa, must, muhl, rust* (Литовель), *chuv, kruv, Tišnuv, sóseduva, znuva, slivuvica, skuvat, miluvat, černuch дума, kuňa, jabluň* (Бланско, Берно, Клобуки); въ тишновскомъ гов. *o* въ корняхъ и въ окончаніяхъ звучитъ какъ *ú*, т. е. какъ узкое *u*, окрашенное звукомъ *o*: *búk, búg, ģúh, ģanú, vúda, vúkno*.— Въ оломуцко-простѣвскомъ гов. первоначальное *o* обыкновенно произносится какъ *ó* а въ Драганахъ какъ *ô*.

8) Долгое *o* звучитъ двойко: *ó* и *ú*; напр.: *dójit, zvóuit* (Славковъ); *ģúža, kúň*.

9) Количество гласныхъ представляетъ свои особенности по сравненію съ количествомъ чешскаго нарѣчія и литературнаго яз., но при этомъ не всегда одинаково и среди ганацкихъ говоровъ. Въ общемъ замѣтно стремленіе къ краткимъ гласнымъ, но иногда наблюдаются долготы тамъ, гдѣ въ литературномъ яз. краткіе гласные. Примѣры сокращенія гласныхъ: *ľápa, pila, snih, dítě, biř, cisař, pismo, mydlo, myř, stoj* (Голешовъ, Кромѣрижъ), *obili* (и друг. слова ср. р. на *i*): *dobři, palim, nosim, točim, umim, mřiř, zajic, dum, muž* (Преровъ), *maslo, sadľó, křava* (Оломуць, Простѣвѣвъ), *Buh, kuň, ģužè* (Литовель); въ дат. п. мн. ч. обыкн. *om* (*um*): *dubom, možom*; въ род. п. мн. ч.

и (вм. *ů*, *ův* литер. яз.): *možu*. Примѣры удлиненія гласныхъ: *hulubí*, *vtací* (і имен. мн. ч.), *tří*, *štyří*, *všeci*, *dójiť*, *hnójim*, *bójim se*, *úsme*, *pívo* (Голешовъ, Славковъ, Бланско, Берно, Тишновъ), *plóvat* (Преровъ, Литовель). Наибольше часто чередуются въ ганацкихъ говорахъ о (u) и ů: *gůža*—*guža*, *stůl*—*stul*, *koža*—*kuža*—*kůža*, *poža*—*puža*—*půža*,

10) Двугл. *ěj* (первичное и изъ *aj*) переходитъ въ *é*, *ij* — въ *í* (послѣ *ž*, *š* — въ *é*): *obučé*, *véce*, *zlóde*, *nélepši*, *dé*, *počké*, *prvé*, *pí*, *píme*, *pali*, *užé*; вм. *uj* (въ пов. н.) тоже *é*: *umé*. Это *é* въ разныхъ говорахъ звучитъ на особый ладъ: то какъ чистое *é*, то съ окраской *í* звука (*é'*, *é'*).

11) Различіе между твердымъ и мягкимъ *l* (*ḷ*, и *l'*) извѣстно ганацкому нарѣчію, но не въ такой степени, какъ двумъ сосѣднимъ нарѣчіямъ — ляхскому и валашскому; при томъ оно свойственно не всѣмъ говорамъ, а тамъ, гдѣ наблюдается, не вездѣ одинаково по своей силѣ. Болѣе или менѣе замѣтно различіе между *ḷ* и *l'* въ говорахъ Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Загорья, Драганова, Коетина, Штернберга, Забрѣга; преимущественно оно выступаетъ передъ *a*, *o*, согласными и на концѣ словъ: *taboła*, *čopata*, *na roło*, *koło*, *košteŋnik*, *vołał*, *ohel*. Напротивъ говоры Литовеля, Славкова, Бучавицы, Бланска, Берна, Клобукова, Русинова, Тишнова, Иванчицы, Крумлѣва, Знойма, Мезирѣчья, Требича, Мор. Будѣвиць, Кунштата большею частью представляютъ одно среднее *l*, которое нерѣдко звучитъ мягче чешскаго средняго *l*, вслѣдствіе чего и существительныя, оканчивающіяся на *-l*, *-la*, *-lo* слѣдуютъ образцамъ мягкаго склоненія: *v kotli*, *do stodole*. Впрочемъ, и среди говоровъ втораго разряда мѣстами и въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются то твердое, то мягкое *l*

12) Согл. *d*, *t* иногда не измѣняются въ *z*, с тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто это измѣненіе въ чешскомъ нар.: *probuděn*, *vypuděn*, *obohatěn*, *vychádět*, *utrátět*, *vuplátět*. Передъ древн. *ь* и *і* (исчезн.) *d* и *t* то смягчаются, то остаются твердыми; напр.: *kost* (Тишновъ, Междурѣчье, Требичь) и *kost* (Литовель), *nust* и *nust*; *rodte*, *zaplatte* (Драганы, Крумлѣвъ, Иванчица), *rod*, *rote*, *zaplate* (Летвица), *pūd*, *pūte* (Тишновъ), *hned*, *posavad* (Литовель), *dokad*, *dokavád* (Кунштатъ). — Въ словѣ *svadba* *d* переходитъ то въ *j*, то въ *r*: *svajba*, *svarba*. Вм. *t* во многихъ говорахъ *k* въ словахъ: *klusty*, *klóct*, *kláčet*.

13) Вм. чешск. *šť*, какъ въ другихъ восточныхъ нарѣчіяхъ — *šć*: *šćipat*, *ohnišće*, *ješće*.

14) Мягкихъ р', b', v', ш' нѣтъ, какъ и въ чешскомъ языкѣ, но губные способны къ соединенію съ j: hoľobjata, mje.

15) Согл. п, передъ древн. ъ можетъ смягчаться: камеѣ, коѣѣ, рлашеѣ, деѣ; но не во всѣхъ говорахъ: камен (Иванчица, Крумлѣвъ, Зноймъ и др.).

16) Приставочныя h, v передъ начальными гласными свойственны въ большей или меньшей степени всѣмъ говорамъ; v обыкновенно передъ o: vokno, vukno, voba, voves, vorat, vostre; h—и передъ другими гласными: hólěsa, haž, hiva, hucho; также передъ ů: hniř, hnízke. Только въ говорахъ Голешова, Кромѣрижа, Прерова и Загорья, избѣгаются приставочныя h, v.

17) Дат. п. мн. ч. основъ на -o оканчивается на om: dubom.

18) Мѣст. п. мн. ч. основъ на -o можетъ оканчиваться на och: duboch (-ech, -ách).

19) Твор. п. мн. ч. оканчивается на -ma: dubama, mužama, gubama и т. д.

20) Род. п. мн. ч. основъ на -o муж. р. имѣетъ окончанія: ů, u: dubů, důbu; изрѣдка um, uch: pet grošum (Кромѣрижъ).

21) Твор. п. ед. ч. основъ на -a и на -i оканчивается на -ó: kozó, zemó, kostó и košóó.

22) Род. п. шѣ, тѣ и шпѣ, теbe; дат. п. тѣ, сѣ и ti, si.

23) Мѣстоим. теn въ большей части говоровъ слѣдуетъ мягкому различію: teho, temu и т. д.; но и toho, tomu (Иванчица, Крумлѣвъ, Зноймо, Кунштатъ, Тишновъ).

24) Притяж. můj, tvůj, svůj допускаютъ по разнымъ говорамъ стяженныя и нестяженныя формы: mojeho и můho.

25) Окончаніе 1 л. наст. вр. мн. ч.: me, ma (Забрѣгъ), mu (Загорье, Кромѣрижъ): vedeme, sednema, umímu.

26) Окончаніе 3 л. множ. ч. ó: tahno. Распространенныя формы на -ijó: sedijó, prosijó, platijó.

27) Существительный глаголъ: su, si, só (3 л. множ. ч.), или so, seš, sme (zme), só.

28) Притч. наст. вр. дѣйств. оканчив. на -a (ja) и, употребляясь въ значеніи дѣепричастія, не измѣняется по родамъ и числамъ: riја, pedaja se, pohledňa, buďa, pleťa, viďa.

Въ Ганацкомъ нарѣчій различаютъ (Бартопъ) 12 поднарѣчій, обозначаемаыхъ названіями городовъ занимаемой ими территоріи; именно:

1) *Голешовъ, Кромърижъ, Преровъ и Загорье*; въ этомъ поднарѣчїи нужно еще отличать: а) говоръ гор. Голешова, Жерановиць и Быстрицы, сходный съ нарѣчїемъ валашскимъ, б) говоръ г. Прерова, сходный съ яшскимъ нар. и в) говоръ гор. Кромърижа, представляющій черты сходства со словацкимъ языкомъ; 2) *Преровъ, Коетинъ*; 3) *Оломуцъ, Штернбергъ, Простъевъ и Вышковъ*; въ это поднарѣчїе входятъ говоры: *оломуцко-простъескій, быстрицко-ттернбергскій, тынецко-незамыслицкій, вышковскій*; 4) *Драганы*; 5) *Летовица*; 6) *Литовель, Коница, Евичко*; 7) *Забртъ* (шесть говоромъ); 8) *Славковъ, Бучовица, Жданица*; 9) *Бланско, Берно, Жидлоховицы, Клобуки, Русиновъ*; 10) *Тишиновъ*; 11) *Иванчица, Крумлѣвъ, Зноймо, Междуръчье, Требичъ, Мор. Будъѣвицы*; 12) *Кунитатъ*. Отсылая за болѣе подробными свѣдѣніями о каждомъ изъ этихъ поднарѣчїй къ выше упомянутому сочиненію Бартоша, отмѣтимъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному лишь одну любопытную особенность нѣкоторыхъ говоромъ 7-го и 11-го поднарѣчїй.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ *Забртъ* (поселенія Блудовъ, Д. Студенки, Хромецъ, Вышегорье, Богутинъ, Едле, Церговъ, Цокятле, Дроздовъ, Вацлавовъ, Свебоговъ), *Крумлѣва, Знойма, В. Междуръчья и Требича* оказывается присутствіе глухихъ или полугласныхъ звуковъ, вообще чуждыхъ сѣверо-западнымъ славянскимъ языкамъ и хорошо извѣстныхъ двумъ юго-западнымъ (болгарскому и словенскому). Проф. Бартошъ говоритъ объ этихъ звукахъ слѣдующее: въ указанныхъ говорахъ гласныя е (основное и вторичное вм. і, у), і а иногда о (основное и вторичное вм. и) произносятся особымъ, трудно передаваемымъ способомъ: то гласный какъ бы поглощается, а предшествующій согласный получая значеніе слогообразующаго звука произносится особенно рѣзко и отчетливо; то гласный получаетъ значеніе половиннаго о, ъ: š'la, e'gán, já b'ch j'ďl. Этотъ неопредѣленный звукъ, наблюдаемый и въ концѣ словъ, почтенный моравскій діалектологъ обозначаетъ начертаніемъ њ, њ; первое передаетъ болѣе слабый глухой звукъ, второе — болѣе сильный. Въ большей степени это любопытное звуковое явленіе свойственно забрѣжскимъ говорамъ; напр.: 1) полугласный вм. і: l'ďd, l'ďst, l'ďra, ve škol'ď, modl'ďt se, re'ďna, k'ďrdlice, na hu'ď, z'ďma, voz'ďt, s'ďrotek, nos'ďt, vtá'ďs, na řeč'ďso, ž'ďv, őš'ďt, zvон'ďt; полугласный вм. е, ѣ: d'čh, ve vod'č, Č'čh, j'čden, d'čdina и др.; 3) полугласный вм. и: d'yl, b'čk, po svum otčs; 4) полугласный вм. у: l'čko, g'čb'č, zak'čl, kov'čla, b'čl'č (byli), t'č, sm'č, s'čn и др.

Въ говорахъ Крумлѣва, Знойма, Междурѣчья и Требича гласный звукъ является почти исключительно *vm. i* (иногда *y*); въ этихъ говорахъ Бартошъ обозначаетъ его посредствомъ *ʔ*: *l'di* (два слога), *pa'ca*, *kar'čka*, *bel'*, *z'ma*, *c'hla*, *lž'sa*, *š'dlo*, *rebň'k*, *sedň'te*, *mat'čko* и др.

Образецъ *ганацкаго нарѣчія*:

Tak potom zas šlé přes dědino, a jedna tam seděla s kolačama, žena chodobná. Tak von sv. Petr tech koláčů kópil, ale Páno Ježišovi jich všecké nedál, sobě nechál třé a chcél jich sněst, habé P. J. nevidél. Ale děz strčil kósel do hobé, von se ho neco ptál, ten P. J. sv. Petra. Von to honem zahodíl a vodpovídál, ale P. J. se ho pořáď ptál, haž von všecké té koláče pozahazuvál z hobé, a tepruvá haž bél poslední, juž se ho neptál. Děz se potom zvrátilé, šlé zas tadema tó cestó, a z tech koláčů bélé všade po cestě verůstlý hobé, a že bélé z tech koláčů, co sv. Petr póščél z hobé, proto se menujó hobé (Jiřikovice, vozlě Berna. Бартошъ, II, 177).

Л я ш к о е н а р ѣ ч і е.

Ляшское (или по чешск. выговору *Lašské*) нарѣчіе господствуетъ въ сѣверо-восточномъ углу Моравіи (окрестности городовъ: Френшта-та, Штамберга, Прибора, Брушберга, Моравской Остравы, Мистька и Фридланда), въ западной части тѣшинской области, въ восточной части опавской области и въ южной Силезіи. Славянскіе обитатели указанной территоріи собственно считаютъ свой языкъ моравскимъ, себя они также не называютъ „Ляхами“, а слывуть подъ такимъ названіемъ у ближайшихъ своихъ сосѣдей. Характерные говоры, распространенные среди этого населенія, представляютъ много общихъ чертъ и удачно объединены Бартошемъ въ одно нарѣчіе *ляшское*. Нарѣчіе это имѣетъ нѣсколько крупныхъ чертъ, свойственныхъ собственно польскому яз., и потому должно быть признано переходной стадіей отъ чешскаго яз. къ польскому.

Главнѣйшія особенности:

- 1) Удареніе всегда на предпоследнемъ слогѣ, какъ въ польск. яз.
- 2) Количество гласныхъ не различается; всѣ слоги одинаково кратки; только въ приборьскомъ уѣздѣ встрѣчаются долготы; напр.: *rádost*, *přijáli*, *vzáf*, *žáf*, *táf*, *začáf*, *páf*, *smáf se*.
- 3) Перегласовка *a-e*, *u-i* вообще чужда данному нарѣчію; напр.: *čarka*, *čalusti*, *jaleň*, *jastřab*, *majatek*, *paď*, *boža muka*; случаи пере-

гласовки а-е рѣдки: křičeť, běžel, nejlepši, zavolej (Фридечко), и совсѣмъ не перегласовывается въ i: suzi, ošudić, slub, většu radość, za božu muku.

4) Съуженіе е-і допускается въ ляхскомъ нар., но въ меньшей степени, чѣмъ въ чешскомъ нар. Ово наблюдается не во всѣхъ говорахъ и въ извѣстныхъ словахъ; такъ въ окрестностяхъ Френштата, Прибора, В. Поломи, Кієвиць, Брезовы и въ сѣверной части опавской области е часто несъуживается: zele, obile, mléko, chleř, led, pěst — pes, mřeť, hřeř, měj, lej; напротивъ въ тѣшинскомъ округѣ (Frydecko), въ Челяднѣ, Козловицахъ, Петрольдѣ и въ южной части опавской области вм. е выступаетъ i: zeli, obili, mlíko, lid, (ledu), niść, mřić, hniść, hřij.

5) Вм. чешск. а часто о (преимущественно въ тѣшинскомъ округѣ): dovka, trova, kozani, roz, krotku, proznu, krova, voda je dobro, pěšok, jo, pom, vom, som, dvanost, pojlepši, vořom, vořoš и т. д.; hleďo, pošo (3 л. мн. ч.).

6) Передъ ш, п возможны слѣдующія измѣненія гласныхъ: á, а, о переходятъ въ u; е, ё—въ y, i: znuшу, suш, gybum, kozum, num, vum, duma, zarumněli, hrum, rumos, zvun, zum—zumě, dubum, synum, sum (jsem), plamųň tyn, (ten).

7) Вм. i, ё въ прич. на l нерѣдко ju, y, u: p'ul—pila, řuř—řila, juř—jeřa, um'ur—uměřa, bul—byla.

8) Въ слогѣ пѣ обыкновенно п звучитъ мягко пѣ: pěsu, пѣску, hrněs, пѣch; не смягчается п: въ зват. и тв. п. (rape, honem), передъ е изъ qje (krasneho), въ окончаніи pek (synek), въ словѣ nebo.

9) Согласн. d, t смягчаются троякимъ образомъ: 1) въ d, t (только передъ е): těla, vřetěno, otěs, kuděl, veděř (уѣзды—Френштатъ, Штрамбергъ и Приборъ); также и передъ ь въ словѣ tma; но tedy, chudeho, statek; 2) dž, ó или dz, o: óela, vřebeno, obec, bohaći, nić, nici, chycila, smřé, dževuch, kudžel, chodžic (между Фридлантомъ, Челядней, Козловицой и Баворовомъ); 3) dž, ő: chodžim, nići (Климковицы, Студенець). Ср. смягченіе d, t въ польскомъ яз.

10) Свистящія z, ř передъ узкими гласными и j смягчаются въ ř, ř: v leře, pěře, řeno, vořic, koře; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Катринки, Градецъ, Радкова и др.), въ такихъ случаяхъ совсѣмъ шипящее ř, ő: řeno, v leře, na voře. Ср. 91 стр.

11) St переходить въ se и st, st въ śe: opuscunu, ścena, hośc, gatoleśc.

12) Вм. гласныхъ l, r обыкновенно полная вокализация: el, er, yl, yr, ry; напр.: věter, bratersky, mysel, mohel, vylk, rylny, sryr, vryba, smryc или sryr, Вурно; иногда ů именно въ словахъ: žulty, huht; lu: dluhy, tlusty.

13) Смягчение k: kéry, kěj (kdy), kěla, kěsek.

14) Два l—твердое (ḷ) и мягкое (l), различающіяся между собой почти такъ рѣзко, какъ въ польскомъ языкѣ; напр.: był, było, hlava, młuvi, doł, lalka, lubił, kral.

15) Мягкія b', p', v', m'; напр.: chorub'a (korouhev), hub'anka, p'ast', p'ata, p'aď, v'az, Morav'an, sm'ať se.

16) Приставочное j: jancikrist, šej sty, brzej, venkaj, včera; но idu, iž, žedli.

17) Дат. п. множ. ч. -um, -am, тв. п. -ami, -ama, -oma, мѣстн. п. -ach, -och: chłорum, chłорам, oknam, polam, chłорami, chłората, chłорота (иногда также у synku), polami, chłорach, chłорoch, polach.

18) Род. п. мн. ч. мягкихъ основъ на -o оканчив. на -i: rodiči, poži, ohni, poli.

19) Твор. п. ед. ч. основъ на -a оконч. на -u, -um: rybu, rybum, dušu, dušum.

20) Личныя мѣстоименія: вин. п. m'a, mě, мне, tě, ça, ce, тебе, tebe, tebe, teje, sa, se, se; род. п. m'na, mně, мне, m'a, mě, тебе, tebe, tebe, teje, sebe, sebe, seje; тв. п. mni, mnim, tebu, tebum, sebu, sebum; дат. п. mi, mně, мне, mni, mě, ti, ci, tobě, tebe, teje, si, si, se, sobě, sebe, seje; дат. п. мн. ч. pam, пом, num, вам, vom, vum; твор. п. мн. ч. pamí, пама, vamí, вама.

21) Мѣст. склоненіе: toho, temu и т. д., koho — koho, komu — kemu; нестяженныя формы: mojeho и mojeho, mojimu и mojemu.

22) Первое лицо мн. ч. -му: nesemu, chvalimu.

23) Третье лицо мн. ч. у глаголовъ на -ím (1 л. ед. ч.), оканчивается на ia, io, iu, eju, i: um'a, chvala, um'u, chodžu, choděju, robi, chodzi; въ Катеринкахъ (у Опавы), въ прусск. Бенешовѣ и дальше на сѣверъ 3 л. мн. ч. у всѣхъ глаголовъ оканчив. на -um: vedum, rijum, chodžum, kurijum и т. д.

24) Въ повел. н. 1 л. мн. ч. иногда оканчив. на -ma: přetma, dajma.

25) Прич. прош. дѣйств. II (муж. р.) у глаголовъ I кл. А обыкновенно безъ конечн. *l*: *ved, pes*; но въ френштатскомъ и приборскомъ уѣзд. возможны и формы *vedel, nesel*.

26) Прошедшее вр. съ оконч. *ch*: *bučch, pisočch, dočch, litalach, jach tam buč, jach nėslyšeła*.

Изъ говоровъ ляхскаго нар. наиболѣе характернымъ считается *говоръ сѣверно-опавскій*. Онъ слышится въ Главницѣ, Холтицахъ (Австр. Силезія), Боболускахъ и Браницахъ (Прусс. Силезія). Главныя особенности: 1) двугласныя *ia, ie, iu, iu, uo*: *piakny mia, chvalie ležie, postavionu, gubiu polevku, uoči, uokno, večnor*; въ Боболушкахъ и Браницахъ каждое *o* (краткое и долгое) звучитъ какъ *uo*: *mlekuo, puož, kuoi*; 2) переходъ *e* въ *o* послѣ мягкихъ согласныхъ: *šosty, pašoho, žona, čolo, o čom, pečony, joleň, joden, joho, bijoš, lon, zelony, křospu, střocha, doča, doňča, točka, toplo, o ňom, ňochse, ňom*; 3) мягкія *ď, ť* обыкновенно переходятъ въ *dž, č*; но иногда (въ Главницѣ) удерживаются: *chođu, volač*; 4) *l* произносится какъ звукъ средній между *l, u, v*: *pežka* (ложка), *huava, hvyboky*.

Образецъ *ляхскаго нарѣчія*:

Co mił Jurek robić? Chcił svuj život zachovać, musił pro tu pannu, choć ně vědził, kaj ji hledać. Osedłoł seje kuňa a jechoł sum tam. Přijechoł k jednemu černymu lesu, a tu pod lesym u cesty horoł křok; pastyři ho zapolili. Pod křokym był bravuňči kopec, iskry paň podaly, a bravuňči ze svoimi vaičkami sum tam ućekali. Och pumož, Jurku, pumož volali žałościvo, zhorumu, i naše mlade ve vaičkach. Un tu hnedkas kuňa dołu, křok ućol a ohyň zhašil. Ež budžeš kěj co potřebovać, zpumyň na nas, a tez ci pumožemy (Bartoš, Dial. I, 300).

Валашско-дольское нарѣчіе.

Валашско-дольское нарѣчіе собственно состоитъ изъ двухъ довольно отличныхъ между собой нарѣчій валашскаго и дольскаго; первое изъ нихъ отдѣляетъ Ганаконъ отъ Ляховъ, второе Ганаконъ отъ Словаковъ. Основаніемъ къ соединенію этихъ нарѣчій въ одну группу служить то обстоятельство, что обоимъ имъ свойственны нѣкоторыя характерныя особенности словацкаго языка; оба они составляютъ переходную ступень отъ чехо-моравскаго языка къ словацкому¹⁾.

¹⁾ Фр. Бартошъ во 2 т. Діалектологіи считаетъ валашское и дольское нарѣчія за разновидности словацкаго языка.

Валашское нарѣчіе.

Подъ именемъ Валаховъ извѣстна небольшая часть (150,000) славянскаго населенія Моравіи, занимающая область р. Бечвы, именно территорію городовъ: Злина, Вызовицы, Всетина, Валаш. Клобуковъ, Карловицы, Рожнова и Междурѣчья. Своимъ названіемъ эта въ высшей степени любопытная разновидность моравскаго народа обязана пастушескимъ Румынамъ, которые въ XII—XVI ст. въ своихъ странствованіяхъ по Карпатамъ заходили въ горныя мѣстности Моравіи осѣдали тамъ и потомъ слились съ туземнымъ славянскимъ населеніемъ¹⁾. Вліяніе румынскаго элемента на языкъ моравскихъ Валаховъ выразилось главнѣйше въ усвоеніи послѣднимъ нѣкотораго (незначительнаго) количества румынскихъ словъ, фонетика же и морфологія вполне сохраняютъ свой чистый славянскій характеръ. Валашское нарѣчіе считается самымъ консервативнымъ, наиболѣе чистымъ и красивымъ изъ всѣхъ чешско-моравскихъ нарѣчій. Впрочемъ пріятная плавность и нѣжность звуковъ, характеризующая это нарѣчіе, отчасти объясняются значительною близостью его къ словацкому языку, отличающемуся замѣчательною чистотою и отчетливостью звуковой системы. Описанію валашскаго нарѣчія посвящена значительная часть перваго тома „Діалектологіи“ Фр. Бартоша (5—26, 59—93) и работы I. Бартохи (Дольно-беческое нар. Listy fil., XII, XIV, XX).

Главные особенности.

1) Гласные а, о, и обыкновенно не перегласовываются: *muža, poža, stolica, duša, čakať, nejlepší, rdžu, kostu, juh, dělaju, říju, o sv. Juří, do staveňá, na poloch, bačo, dušo*. Перегласовка встрѣчается только въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ; напр. *přítel, cizí, lid* (злин. г.); въ мягкомъ сложномъ склоненіи вмѣстѣ мѣсто перегласовка и сужение: *boží muka, lesní cestu*.

2) Гл *é, ie* не суживаются въ *i*: *březa lésa, větr, sněh, dělo, řect, obilé, zelé, maléf*.

3) Старо-слав. *ъ* соотвѣтствуютъ чаще а, ја чѣмъ о: *jahňa—jahňate, tela—telate, řa (tě), řa, seďá, prosá, stójá, pam'at* и *pamět*.

¹⁾ Ср. Fr. Miklosich, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den dalmatischen Alpen und den Karpathen. Описание Валаховъ см. у Фр. Бартоша, *Lid a národ.*, D. I, 1892 и M. Václavěk, *Moravské Válaško*, D. I. Na Vsetině. Ср. моя рецензія въ Учен. Изв., 1895.

4) Гл. *y, ý* не звучатъ такъ рѣзко какъ русское и польское *ы*, но всетаки отличаются отъ *i*, особенно послѣ губныхъ и *í*: *byt*—*bit*, *rysk*—*risk*, *my*—*mí*. Послѣ *s, z, o, i* отвердѣваетъ и звучитъ какъ *y*: *kosi, zima* произносятся какъ *kosy, zuma*.

5) Отчетливый протяжный выговоръ долгихъ гласныхъ, при чемъ долгими могутъ быть также слогообразующіе *l, ě, ř, ň*: *plnit, sňeško, dřn, třn, kňže, reňže*.

6) Зв. *l, ě, r* имѣютъ гласный выговоръ чаще, чѣмъ въ чешскомъ языкѣ: *brta, šerba, žrd, chlm, hlboky, tlstý, žltý*; но встрѣчается и *žlutý, dlúhý*. Гласное *ň* весьма часто: *oň, ňgdy, sňdaň*. Ср. 77 стр.

7) Долгое *o* звучитъ какъ *ó*, долгое *u* какъ *ú*: *dóm, zbónik, zvóni, múka, múdry, budú*.

8) Частое употребленіе краткихъ гласныхъ тамъ, гдѣ въ литературной чештинѣ необходимы долги: *jama, klada, raga, gana, skała, vřana, žaba, kaměň, hrach, mak, prah, lipa, řuko, větr, sněh; kruč, pič, šit* (и друг. неопр. н. отъ основъ на гласный); дат. п. мн. ч.—ом: *chlarem, kořom*.

9) Напротивъ иногда выступаютъ долги гласные тамъ, гдѣ въ литерат. языкѣ слышны краткіе; напр. въ корняхъ многихъ глаголовъ IV и V кл.: *čínit, m'énit, čínit, hónit, kr'mit* и др.; въ прич. прош. основъ на согласный: *nés, véz, véd, rék*; также передъ *í*: *seděl, umřela, stanúli*; въ род. п. мн. ч. — долгое *é* вставочное: *okép, jehél, ovés, skél*; въ род. п. мн. ч. образца *kuře*—*kuřát*; въ 1 и 2 л. мн. ч.: *nezéme, nezéte* и др.

10) Мягкое *l* отличается отъ твердаго *l*: *řaska*—*řaluja, řebeň—řepoch, řuh, řud, řuko, řito; uhel* (уголь), *uhel* (уголь), *řež* (ложь), *řež* (лягь).

11) Согл. *n* смягчается передъ древнимъ *ь*: *jeleň, kameň, kořeň* (но *leden, duben, březem*), *haňba*; также въ *něděla* и передъ *a* въ прич. наст.: *sedňa, lehňa*.

12) Согл. *d, t* въ прич. прош. страд. не переходятъ въ *z, s*: *ohraděny, osloboděny, chytěny, zapotěny*, но въ злинск. гов. вм. *tj* всегда *s*: *zapřasený*. Въ окрестностяхъ Карлова и Рожнова *d* смягчается въ *dz*: *jedz, povědz, narodzen, vyhadzují*.—Передъ древн. *ь d, t* смягчаются въ *ď, ť*: *hošť, zeť, smřť, měď*; въ нарѣчіяхъ: *hneď, pořad, dokúd* и др.; также передъ *a* въ прич. наст. вр.: *veďa, pleďa, meďa* (ср. 86—87 стр.).

13) Губные *b, p, v, f, m* передъ *i, ě* (я жотованнымъ гласнымъ) провзносятся мягче, чѣмъ передъ широкими гласными, какъ бы со слабымъ проввуковъ *j*: *pjivo, mjily, fjertoch; hřib'a, kup'a*.

14) Вм. *m* иногда *n*: *sedn, osn, veznu, snědy, tajemství, nímó*; иногда *b*: *bramor, darebný, pisebny*.

15) Вм. *v* иногда *b*: *brabc, brstva, břed, břečeno, jabor, klobať*.

16) Рядомъ съ *h* согл. *g*: *gágor, čagan, glgať, zingra* (искра), *zingnút* (ударить), *mizga*; особенно вм. *k*: *gavať, glej, grejcar, cigán, zgarby, mozeg, guľa, muziga*. Это *g* можетъ смягчаться въ *dz, dž*: *vuga—vydze, muzidze*.

17) Согл. *s, z* въ прич. прош. страд. не переходятъ въ *š, ž*: *skuseny, pokazeny*.

18) Сочет. *st* въ неопр. н. звучитъ *ot*: *véot, pléct, kvéct*.

19) Вм. литер. *šť* слышно *šb*: *šbestí, šbedry*.

20) Вставочныя *j, h, d*: *letojši, zasej, dneskaj, Danihel, Hanča, hulica, haratéka, pondrava, Kondrát, Mezdříčí*.

21) Выпадаютъ *j, g (k), t*: *půčit, příd, nálepši, do, nido, dy, nidy, kerak, keru* (злин. г.).

22) Имен. п. мн. ч. основъ на *-o* муж. р. часто принимаетъ окончаніе *é, e*: *chřaré, holubé, kováří, koňé, obrazé*. Род. п. мн. ч. оканчив. на *-ů*: *chřarů, požů*; въ карловскомъ и рожновскомъ уѣздахъ на *-ůch*: *požůch, obrazůch*. Дат. н. мн. ч. на *-om*: *chřarom, požom*. Твор. п. мн. ч. на *-y, -ami, -ama* (злин. г.): *chřary, požy—požami, obrazama* (злин. г.). Мѣстн. п. мн. ч. на *-och*: *chřaroch, požoch, obrazoch*.

23) Склоненіе твердыхъ и мягкихъ основъ на *-o* и *-a* въ большей части падежей совпадаетъ (ср. п. 22); напр.: мн. ч. основъ ср. р.: *окна—rola*, род. п. *okén—rolí*, дат. п. *окном—rolom, окнами (y)—rolamy (i)*, мѣст. п. *oknoch—roloch; psání* въ дат.-тв., мѣст. пп. мн. ч. слѣдуетъ склоненію на *-a*: *psání (им. вин.)—psáním, psánami, psáních*; основы жен. р. *губа—duša*, зват. п. *губо—dušo*, вив. п. *губу—dušu*, твор. п. *губú—dušú*, дат. п. мн. ч. *губám—dušám*, тв. п. *губami—dušami*, мѣст. п. *губách—dušách*, род. п. мн. ч. *губí—duší*.

24) Прилагательныя притяжательныя въ разныхъ говорахъ имѣютъ слѣдующія окончанія: а) *-ů, -ova, -ovo*: *súsedů, -ova, -ovo*; б) *-ůch, -ova, -ovo*: *súsedůch, -ova, -ovo* (Карловъ, Рожновъ); в) *-ůj, -ova, -ovo*: *súsedůj, -ova, ovo*; г) *-oj* (для всѣхъ родовъ): *súsedoj pole*.

25) Вин. п. мѣст.: m'a, mĕa, teb'a, tebe, ťa, seb'a, sebe, sa; тв. п. mnú, tebú, sebí.

26) Мѣст. mĕj не допускаетъ стяженныхъ формъ: mojeho, mojemu.

27) Числит. dva, tři, čtyři имѣютъ въ род. и мѣст. п. dvúch, třech, čtyřech.

28) Неопр. накл. оканчив. на t: nesť, voľať; но въ говорахъ, сосѣдящихъ со словацкимъ яз. чаще на t: nést.

29) Первое лицо наст. вр. обыкновенно оканчивается на -me: bo-déme; но кое-гдѣ (Францова, Льгота, Клобуки, Брумовъ) и на -my: dámy, voľamy.

30) Глаголы, оканчивающіеся въ 1 л. ед. ч. на -ím, имѣютъ въ 3 л. множ. ч. окончаніе ía и въ нѣкоторыхъ говорахъ íja (Ратиборъ, Гошталковъ, Липталь, Полянка, Здѣховъ, Галенковъ): um'á, hořá, pšová, bójá sa, sr'a, umíja, prosíja, hoříja.

31) Дѣеприч. наст. вр. оканчивается на -ia или íaoí (для всѣхъ родовъ и чиселъ): chod'a или chod'aoí, seča — sečaóí, zavolaja — zavolajaoí; въ злин. г. (а также въ говорахъ уѣздовъ Брумовскаго, Вызовскаго) только ía: hořa, stoja.

32) Въ прич. прош. дѣйст. II глаголы отъ основъ на согласный или сохраняютъ конечный ě, или теряютъ его или принимаютъ вставочное é между согласнымъ осн. и ě: věděk, nésěk, věd, nés, věděk, nésěk.

33) Вспомогательный глаголѣ: sem (su), si, je, zme, ste, sú.

34) Характерныя нарѣчія и союзы: kel, tel, sel или ky, ty. (вм. чешск. kud, tud, sud)—pokel, dokel, odkel—potel, dotel, odtel, posel, dosel, poky, doky, odky, zaky, doty, zdoty (=pokud, dokud и т. д.); enem, enym, edem (вм. jenom), chyba, lež (нежели), bar veď (vždyť), jednak, až (ať), leda (чтобы).

35) Присутствіе словъ румынскаго происхожденія; напр.: bača (пастухъ), brunza, čartak, geleta, glaga, chotár, kasauka, koliba, putyga, struga (чародѣйка), vrda, vatra и др.

Въ валашскомъ нар. различаютъ пять главныхъ говоровъ: злинскій, рожновско-варловскій, границкій, старонцкій и келецкій.

Злинскій говоръ отличается преимущественно близостью въ словацкому языку (въ произношеніи долгихъ гласныхъ, различеніи долгихъ и краткихъ r, l, ě; твор. п. мн. ч. chlарама прич. наст. только на ía, сущ. глаг. su и др.).

Въ *карлово-рожновскомъ говорѣ*: 1) *d* смягч. въ *dz* (въ глагольныхъ формахъ): *hádzať, jedz, narodzen, vyhadzují*; 2) вм. *k* обычно *g*: *človég, kostel'níg*; 3) род. п. мн. ч. на *-ŭch*: *požŭch*; 4) прилагательныя притяжательныя на *-ŭch, -ova, ovo*: *susedŭch, -ova, -ovo*.

Въ *граничкомъ говорѣ* (по лѣвому берегу р. Бечвы): 1) *y* звучитъ рѣзче, чѣмъ вообще въ валашскомъ нарѣчїи, и приближается къ лашскому выговору; 2) *g* не бываетъ долгимъ: *vrba*; 3) *a* въ срединѣ словъ и въ сочетанїи *aj* обыкновенно перегласовывается въ *e*: *ješmeň, ležeť, dej*; 4) долгія *ě, é* часто суживаются въ *i, ý (i, y)*: *mlíko, chlíb, kruv, dŭnko, pušť*; 5) вм. гласн. *ı—u*: *čup, puť (přf), suze*; 6) ударенїе часто на предпоследнемъ слогѣ; 7) *tuĵ, tojeho, o tojem* (безъ удлиненїя гласныхъ); 8) *ten, teho, kdo, keho, o kem*; 9) третье лицо мн. ч. глаголовъ на *ím* совпадаетъ съ третьимъ л. ед. ч.: *chodí, ví*; 10) причаст. наст. вр. на *-ací*: *bežací, přindací*; 11) *sum, sy, jezme, ste, su*.

Въ *старошницкомъ говорѣ* (Густопечь, Старый Ичинъ, Бернатица, Годславица, Морьковъ и Вѣровица): 1) *e, u* иногда звучатъ близко къ ганацкимъ *è* (среднее между *e* и *i*) и *ò* (среднее между *u* и *o*): *těž, šel, dvòch*; 2) *a, o* никогда не перегласовываются: *jašmeň, ležať, obučaj, polo, mojo*; но *u* нерѣдко перегласов. въ *i*: *klič, lidi, cizí*; 3) стремленїе къ удлиненїю гласныхъ: *krávám, polámi, kuřát, okén, hó, hú, šéstý, začát, seděť—sédím, nésému, néséte*; 4) *é* не суживается въ *i*: *mléko, chléb, větr*; но въ многократныхъ глаголахъ выступаетъ *i*: *oblíkať*; 5) вм. *ı—u* (Годславицы): *chuap, síua, umřeu*; 6) ударенїе на предпоследнемъ слогѣ; 7) дат. п. множ. ч. именъ муж. и ср. р. *-ŭm, -um*: *chřarŭm, vtakum*; 8) первое лицо множ. ч. *-ше* и *-шу*: *neséше* и *neséшу*.

Въ *келецкомъ говорѣ* (Кельць, Вшеховицы, Куновицы, М. Лгота, Осицекъ, Спички): 1) расширенїе *ý, í* въ *ej, a ú, ů* въ *ou* (какъ въ чешскомъ нарѣчїи): *bejk, v zejně* (но *dobrŭch, posívať*), *klouč, ženou, rouža, zousedou*; 2) гласныя *r, l* не бываютъ долгими: *vrba, vlček*; 3) *j* въ началѣ словъ не исчезаетъ: *jínej, jíť*; 4) род. п. мн. ч. на *-ou*; дат. п. *-om*; мѣст. п. *-ooh*; тв. п. *-ama*: *chřarou, chřarom, chřarosh, chřarama*; 5) вспомог. глаг. *su—sou*¹⁾.

¹⁾ Душекъ насчитываетъ въ валашскомъ нарѣчїи 8 говоровъ: *злинскій, вызовскій, клубуцкій, вратскій, карловицкій, рожновскій, междурѣчскій и линницко-границкій* (*Narodopisná Vystava, 1887*).

Образецъ *валашскаго нарѣчія*:

I. Ondráš ráz seďeu hděsi u Mezryčá v jakési hospodě a býu už na mol opiuť. Juráš seďeu vedla něho a pravíu mu, jak už bývá za řeči: Ale řekni mi, bratře, čím je to, že ťa žádný němóže zabiť? Co sa do tebe už nastřílali, a ty si ím kulky v ruce ukázáu! Dyž to ťe viděli, zatřepali huavúm, ohlédli sa na všecky strany a potem dali do kyt u tam ti, už ích něbyuo. Jak to tak móže býť (Староуцкіѣ говоръ, Годславица. Бартошъ I, 350).

II. Był jeden král a był tak rozumnej, že i všeckym zvířatom rozum'ěl co si povídaľy. Slyšte, jak se tomu naučil. Přišla k němu jakási baba, přiněsła mu v košejku hada a povída, aby si ho daľ usmažiť; dyž ho sní, že bude všeckému rozuměť, co keré zvíře v pověťří, na zemi a ve vodě mluví. Temu královí lejbiľo se to že bude uměť, co žádnéj neumí, dobře babě zapľatiľ a hned' poručil skoužícimu, aby mu tu rybu pripravil k obědu. „Ale“ prej ať jí ani na jazyk nevezmeš, lebo mi to svou hlavou zapľatiš (Келецкіѣ говоръ, Бартошъ I, 352).

III. Martin Krampotů nebyl při svém národě rodičom na hrubú radost. Měli už těch raganů šest, a on býł sédmý. Tatic, namrzutěný, nenadohým přimnožkem, idáci s babkú ke křtu ta sa ožvachtál, až nadobře zapomjél, že už majú jednoho Martina v domě, a dyž sa ho babka ptała, jak chásňa okřtiť, řek jí: „Ja, dajte mu třeba Martin, tajak mně je“. Za kmotry byli koštelník s kostelnicú; lebo Krampota kmotrováním už šecky známé počídil a netrúfál si věcěj na nekoľo nalézať. Praví sa, kolikrát do kmotruje, toľej že má schodků do nebe; ale proto chudobném přeca nido neide rád za kmochačka (J. M. Slavický, Vlk Krampotů, Valašska povídka z roků čtyřycátých. V Praze, 3—4).

Дольское нарѣчіе.

Дольское нарѣчіе распространено на правомъ берегу Моравы отъ Напоедель до берненскихъ Клобуковъ. Славянскіе обитатели этой области сливуть у своихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей—Словаковъ подъ именемъ Доляковъ. И это нарѣчіе, какъ валашское, представляетъ съ одной стороны нѣкоторыя черты, свойственныя словацкому языку, съ другой характерныя особенности чешско-моравскаго языка. Къ первымъ относятся: 1) неперегласованныя а, и: čaša, prasi; 2) двойное l (l и ł): král, pochváliť; 3) долгія l, r: vřba, pl'nit; 4) частое употреб-

леніе а, іа вѣ. старо-слав. а: vzali, začala, věd'a и др. Ко вторымъ: 1) перегласовка ај въ еј: dej, grejcar, nezřivěj, nejlepši; въ нѣкоторыхъ говорахъ это еј—можетъ стянуться въ ё, которое въ свою очередь, въ другихъ говорахъ съуживается въ ý: nezřivé, grécar, péleřši, dý, grýcar; 2) расширение ý, і въ еј: bežejm, velikěj, bajk; 3) ú или расширение его въ ou: za našou stodolou и за našú stodolú; 4) съуживіе ё въ і: malý dítě přije sladký mlíko. Тѣ и другія особенности выступаютъ въ частныхъ говорахъ дольскаго нарѣчія не въ одинаковой степени; въ однихъ преобладаютъ словацкія черты, въ другихъ—чехо-моравскія. Сверхъ того и по отношенію къ инымъ частностямъ различаютъ двѣ группы говоровъ; въ однихъ наблюдаются удвоенное п, s (kamenná, rapna, masso), характерный гласный ä (dobrá mláko a chláb), оконч. 3 л. мн. ч. -ija, -ijou, -ijú (hořija, umijou, vědijú); въ другихъ: приставочное h (Harolena), hnízky; краткое e (nest, našeho) отсутствие долгихъ r, l (vrba) и т. д. (ср. Bartoš, Dial. Mor., I, 51—56).

Образецъ *дольскаго нарѣчія*:

Dyž Iřík královi přinesl ty perly a král ich prapočejtál, ani jedna nechybovala. „Dobře's udělal svou věc“ povdá, „zitra ti dám inou práci“. Rano Iřík přišel, a krá mu řekl: „Má Zlatovláska koupala se v moři a ztratila tam zlatej prstének: ten ne mosejž najt a přinést“.— Iřík šel k moři a chodil smutnej po břehu; moře bylo čisté, ale tak hluboké že nemohl ani na dno dohlednout ne tak na dně vyhledat prstének! „Och, dyby ty byla moja zlatá ryba, tá by mně mohla pomoct“! V tem se cosi v moři zablejsklo, a z hubočiny na vrch vody vupřuła zlatá ryba: „Šak tu su, abych ti pomohla: co potřebuješ?— Mám v moři najt zlatej prstének a nevidím ani dna“.— Včil zrovna potkala sem ščuku rybu, nésla zlatej prstének na ploutvě. Počekj trochu jenom, já ti ho přinesu“. A netrvalo dlouho, vrátila se z hubočiny a přinesla mu ščuku aj s prsténkem (Бартошъ, Діалект., I, 355).

V. СЛОВАЦКІЙ ЯЗЫКЪ.¹⁾

1. Изученіе словацкаго языка.

Словаки принадлежатъ къ числу наиболѣе обездоленныхъ славянскихъ народовъ. Непроницаемымъ, беспросвѣтнымъ мракомъ покрыто ихъ прошлое, вполне безотраднo и настоящее ихъ положеніе. Не успѣвъ упрочить своей политической самостоятельности, они уже съ нач. X ст. вошли въ составъ мадьярскаго (или угорскаго) государства, въ которомъ при господствѣ въ общественной и культурной жизни началъ латинства для покоренныхъ народовъ не открывалось въ теченіе многихъ столѣтій ни малѣйшей возможности проявить въ чемъ либо свои національныя стремленія. Словаки какъ народность почти не существовали; словацкій языкъ не проникалъ ни въ школу, ни въ книгу, ни въ церковь, онъ былъ слышенъ только въ сельскихъ хижинахъ среди простаго люда. Общеславянское возрожденіе нынѣшняго столѣтія захватило и Словаковъ, вызвало и у нихъ подъемъ національнаго самосознанія, выразившійся главнѣйше въ созданіи литературы на народномъ языкѣ, но въ общемъ это возрожденіе сопровождалось здѣсь весьма незначительными результатами. Словаки по прежнему остаются народностью безправною, притѣсняемою, истребляемою господствующимъ народомъ—Мадьярами.

Трудныя условія національной жизни Словаковъ объясняютъ недостаточность изученія ихъ языка. Словацкій языкъ, замѣчательный и по своимъ звуковымъ и формальнымъ свойствамъ, и по представляе-

¹⁾ Мы держимся прилагательнаго „словацкій“, чтобы лучше различать языкъ Словаковъ отъ языка Словенцевъ (Словенцевъ). Сами Словаки называютъ свой языкъ *словакскимъ*.

тому имъ діалектическому разнообразію, и по отношеніямъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, нужно признать очень мало изученнымъ. Имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія объ этомъ языкѣ гораздо скуднѣе, чѣмъ о нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, принадлежащихъ меньшимъ славянскимъ народамъ, напр. о словинскомъ или сербо-лужицкомъ. Не только прошлая судьба словацкаго языка, но и современное его состояніе разяснены весьма недостаточно, почему и такіе общіе вопросы какъ напр. вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остаются открытыми.

Первыя теоретическія свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ содержитъ чешская грамматика Я. Благослава (1571, изд. въ Вѣнѣ въ 1857 г. ср. выше стр. 1, 12). Свѣдѣнія эти, впрочемъ, очень кратки, ограничиваются указаніемъ лишь нѣкоторыхъ особенностей словацкаго языка. Тѣмъ не менѣе весьма характерно, что почтенный авторъ не включаетъ словацкій языкъ въ число чешско-моравскихъ нарѣчій, которыя описываетъ довольно подробно, а рассматриваетъ его какъ самостоятельный языкъ, стоящій въ особыхъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ языкамъ. Въ XV—XVII ст., съ проникновеніемъ въ Угрію гуситовъ и чешскихъ протестантовъ, у Словаковъ распространяется чешскій языкъ и чешская литература. Мѣстный словацкій языкъ, однако, продолжаетъ оставаться на заднемъ планѣ. Словаки Бенедиктъ и Нудожерскій (1603 г.) и Павелъ Долежалъ (1746 г.) пишутъ на латинскомъ языкѣ грамматикъ чешскаго языка. Послѣдній, впрочемъ, проявилъ вниманіе и къ родному языку: къ его чешской грамматикѣ приложенъ составленный имъ сборникъ словацкихъ пословицъ.

Первая грамматика словацкаго языка является въ к. XVIII ст., когда у Словаковъ постепенно окрѣпло движеніе въ пользу литературы на народномъ языкѣ. Создателемъ ея былъ знаменитый Антонинъ Бернолакъ (католическій священникъ, 1762 — 1813). Это былъ мужъ, обладавшій большою ученостью, прекрасно знакомый со славянскими языками, особенно со своимъ роднымъ, и всецѣло преданный дѣлу духовнаго возрожденія словацкаго народа. Ему принадлежатъ три грамматическихъ труда: 1) *Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum* и какъ приложение къ этой работѣ *Linguae Slavicae per Regnum Hungariae usitatae orthographia. Posonii, 1787*; 2) *Grammatica slavica, 1790* (нѣмецкій переводъ *Ofen, 1817*) и 3) *Etymologia vocum slavicarum. Turgaviae, 1791*. Эти сочиненія опредѣляли

нормы литературнаго языка, утвердившагося у Словаковъ-католиковъ; въ основѣ его лежало западное нарѣчіе (тернавское), наиболѣе близкое къ чешскому языку. Установленный въ нихъ способъ правописанія получилъ названіе *бернолачины*. Кромѣ изданія грамматическихъ сочиненій большую услугу изученію словацкаго языка оказали Бернолакъ составленіемъ обширнаго словаря, надъ которымъ трудился всю свою жизнь и который вышелъ въ свѣтъ только послѣ его смерти (*Slovák Slovenski Cesko - Latinsko - Německo - Uherski, seu Lexicon Slavicum Bohemico - Latino - Germanico - Ungaricum. Budaë, 1825—27, 6 томовъ*).

Западное нарѣчіе не удержалось въ словацкой литературѣ; неудобная система правописанія Бернолака также не привилась. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія словацкіе патріоты ввели въ литературу среднее (трэнчинско-липтовское) наиболѣе чистое нарѣчіе, которое и до сихъ поръ лежитъ въ основаніи книжнаго языка Словаковъ. Эта реформа вызвала появленіе нѣсколькихъ филологическихъ работъ, между прочимъ, посвященныхъ описанію и характеристикѣ говоромъ средняго нарѣчія. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ славнымъ народнымъ дѣятелямъ этой эпохи: Людевиту Штуру (1812—1856: а) *Nauka reči slovenskej*, б) *Nárečia slovenskô alebo potreba písania v tomto nárečí*. Пресбургъ, 1846) и Мих. Годжѣ (1811—1870): а) *Epigenes slovenicus*. Левоча, 1847, б) *Dobrô slovo Slovákom, susím na slovo*. Тамъ же, 1847—48). Подъ руководствомъ послѣдняго состоялся въ 1852 г. и извѣстный филологическій съѣздъ въ Пресбургѣ, опредѣлившій болѣе или менѣе окончательно общій типъ современнаго литературнаго языка и правописанія у Словаковъ.

Задачу научной характеристики этого новаго литературнаго яз. принялъ на себя знаменитый филологъ, нынѣ маститый профессоръ Пражскаго университета Мартинъ Гаттала, много поработавшій и надъ чешскимъ языкомъ и вообще въ области сравнительнаго славянскаго языковнания (ср. 7 стр.). Онъ составилъ полную грамматику словацкаго языка, которая въ частяхъ и въ цѣломъ видѣ въ различной переработкѣ появлялась въ разное время на разныхъ языкахъ: латинскомъ, чешскомъ и словацкомъ (*Grammatica linguae slovenicae collatae cum proxime cognata bohemica. Schemnicij, 1850. — Krátka mluvnica slovenská. V Prešporoku, 1852. — Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. V Praze, 1854. — Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze, 1857. Počátky mluvnice slo-*

venské. Вѣна, 1860.—Mluvnica jazyka slovenského. Pešť, 1864. Díl druhý. Skladba. V B. Bystrici, 1865). Во всѣхъ названныхъ трудахъ словацкій языкъ излагается въ связи съ чешскимъ. Въ частностяхъ грамматика Гатталы требуетъ поправки, такъ какъ литературный языкъ, который въ ней изображается за послѣднія тридцать лѣтъ значительно ушелъ впередъ въ своемъ развитіи, но въ общемъ она и доселѣ не утратила своего значенія и въ изданіи 1864—65 г. остается единственной полной научной грамматикой словацкаго языка. Крупный недостатокъ ея составляетъ отсутствіе данныхъ по діалектологіи.

Въ 60-хъ годахъ въ непроглядной тьмѣ безправнаго національнаго существованія Словаковъ блеснулъ лучъ свѣта. Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ возникло литературное общество „словенская матица“, а затѣмъ на народныя деньги учреждены три словацкія гимназіи. Число образованныхъ людей, воспитанныхъ въ народномъ духѣ, стало быстро увеличиваться; матица предприняла весьма цѣнныя изданія по археологіи и этнографіи, между прочимъ собиравшія матеріалъ лингвистическій. Можно было ожидать, что и для изученія словацкаго языка наступятъ лучшія времена. Но ожиданія эти не сбылись. Уже въ 70-хъ годахъ мадыарское правительство нашло поводъ для закрытія и матицы и словацкихъ гимназій; принадлежащее этимъ учрежденіямъ недвижимое имущество, капиталы и изданія конфискованы. Дѣло изученія народности опять осталось безъ организаціи, безъ подготовленныхъ людей, безъ матеріальныхъ средствъ. Такое положеніе дѣла продолжалось до послѣдняго времени. Только въ 1895 г. въ Турч. Св. Мартинѣ, главномъ народномъ центрѣ Словаковъ возникло „Музейное Общество“ которое предприняло изданіе своего „Сборника“.

Послѣ Гатталы приходится назвать лишь нѣсколько именъ лицъ, работавшихъ или работающих надъ словацкимъ языкомъ; можно отмѣтить только небольшое число отдѣльныхъ, несвязанныхъ между собою трудовъ.

Іос. Викторину принадлежитъ лучшая практическая грамматика (Grammatik der slovakischen Sprache, 4-е изд. Пешть, 1878).

Другой трудъ подобнаго рода (для нѣмцевъ же) составленъ Маршалемъ (G. Maršall) Die Kunst die slovakische Sprache durch Selbstunterricht schnell zu erlernen. Безъ года. Wien, Hartleben's Verlag.

Іос. Лосъ (J. Loos) составилъ практическій словацко-мадыарско-нѣмецкій словарь (Slovník slovenskej maďarskej a nemeckej reči. Díl slovensko-maďarsko-nemecký. Pešť, 1871).

Профессоръ Пражскаго университета Фр. Пастернекъ (Pastnek) съ успѣхомъ занимается собираніемъ и изученіемъ данныхъ по словацкой діалектологіи. Весьма цѣнна его работа по фонетикѣ *Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn* (Wien, 1888) и многочисленныя замѣтки въ журн. „Slovenské Pohl'ady“. При его ближайшемъ содѣйствіи и руководствѣ ведется въ этомъ журналѣ очень важный отдѣлъ „Slovenský jazyk“, посвященный собиранію матеріаловъ для изученія словацкихъ говоровъ.

Заслуживаютъ полнаго вниманія работы по исторіи литературнаго словацкаго языка, принадлежація Dr. С. Цамбелю (S. Czambel). Онѣ собраны въ одной книгѣ „Príspevky k dejinám jazyka slovenského“ (V Budapešti, 1887): 1) *Čeština a českoslovenčina v Uhrách do polovice XVI veku*; 2) *Ako písal Viliam Pauliny-Tóth*; 3) *Ruské živly v spisovnom jazyku slovenskom*; 4) *Slovníkárske drobnosti*.

Въ области изданія памятниковъ живой народной рѣчи наиболее заслугъ имѣютъ Шафарикъ, Колларъ, Римаевскій, Шкультетти, Добшинскій, Францисци, Нѣмцова, Куба, Шуянскій, „Словенская Матица“, пражское Общество „Slavia“ и др. Одинъ изъ равныхъ сборниковъ словацкихъ пѣсенъ составленъ знаменитымъ впоследствии русскимъ славистомъ И. И. Срезневскимъ.

Такъ какъ словацкій языкъ по общераспространенному мнѣнію считается нарѣчіемъ чешскаго (или чешско-славянскаго) языка, то разсмотрѣніе его въ большей или меньшей степени входитъ и въ общіе труды по чешскому языковеденію. Нельзя, впрочемъ сказать, чтобы чешскіе филологи относились съ большимъ вниманіемъ къ языку близко родственнаго имъ народа и сдѣлали бы особенно цѣнныя вклады въ научное его изученіе. Даже въ такомъ большомъ сочиненіи, какъ Историческая грамматика Гебауэра, словацкому языку (или словацкимъ говорамъ) отводится очень скромное мѣсто. Въ извѣстномъ трудѣ А. Шемберы „*Základové dialektologie československé*“ (1864, ср. выше стр. 8—9) „словацкому нарѣчію“ посвящено 20 страницъ (61—81). Впрочемъ, представленныя здѣсь классификація и характеристика словацкихъ говоровъ и досихъ поръ не утратили своего значенія. Самыя общія замѣчанія о словацкомъ языкѣ содержитъ и статья Душева *Řeč lidu v kotlině české a na Slovensku* (1895). Только нарѣчіе моравскихъ Словаковъ, съ его разнообразными говорами, получило подробное, тщательное описаніе въ почтенномъ изслѣдованіи Фр. Бартоша

„Dialektologie Moravská“, D. I (1886). Въ старомъ чешскомъ словарѣ Юрія Палковича (словака) приняты во вниманіе характерныя слова словацкаго языка (ср. 25 стр.). Многіе грамматическіе труды Гатталы по словацкому языку писаны по чешски.

Авторъ Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Ф. Милошничъ въ чешскомъ отдѣлѣ своего труда лишь изрѣдка дѣлаетъ ссылки на словацкій языкъ.

Живой интересъ къ словацкому языку пробудился въ послѣднее время на Руси. Петербургское Славянское Общество, озабочиваясь развитіемъ культурныхъ связей между Русскими и Словаками, предприняло изданіе словарей языковъ обоихъ родственныхъ народовъ. Русско-словацкій словарь (Л. А. Мичатка) уже вышелъ въ свѣтъ, словацко-русская часть еще печатается. Нѣкоторыя свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ (собственно о словацкихъ говорахъ) содержитъ старый прекрасный трудъ проф. М. П. Петровскаго „Матеріалы для славянской діалектологіи“ (Ученныя Записки Казан. универс., 1866).

Изъ изложеннаго видно, что изученіе словацкаго яз. находится въ самомъ зародышѣ, и что на этотъ именно языкъ славистамъ слѣдовало бы обратить особое вниманіе.

Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

J. Vlahoslav. Grammatika česká (1571), изд. I. Иречкомъ и Я. Градиломъ въ Вѣнѣ 1857 г.

Zprawa pisma slovenskeho T. Masnycuusa. Levoč, 1696.

Privod ku dobromlunosti slovenské. V Trnave, 1780.

A. n. t. Bernolák. 1) Dissertatio philologo-critica de literis Slavorum. Posenii, 1787; 2) Grammatica slavica ad Systema scholarum nationalium in Ditionibus C. R. introductum accomodata. Editio prima in Pannonia. Poseniis, 1790; нѣмецкій переводъ Schlowakische Grammatik, verfasst von A. Bernolak, Pfarrer zu Neuhäussel. Ofen, 1817; 3) Etymologia vocum slavicarum, sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem. Tyrnaviae, 1791.

M. Hattala. 1) Grammatica linguae slovenicae collatae cum praxime cognata bohémica Schemnicii, 1850; 2) Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852; 3) Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. V Praze, 1854; 4) Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze, 1857; 5) Výklad počátků mluvnice československé. Ve Vídni,

- 1866; 6) Mluvnica jazyka slovenského I. Pešť, 1864. Díel druhý Skladba. V B. Bystrici, 1865.
- L. Štur. 1) Nauka reči, slovenskej; 2) Nárečja slovenskuo. V Prešporku, 1846. Ustrojnosť a organism slovenskej reči. Orol Tatransky, II.
- M. Hodža. 1) Epigenes Slovenicus. Leutschoviae, 1847; 2) Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847; 3) Větin o slovenčiné. V Levoči, 1848.
- K. Dianišká. Theoretisch-praktische Grammatik zur schnellen Erlernung der slovakischeu Sprache für Deutsche. Wien, 1850.
- J. Victorin. Grammatik der slovakischen Sprache. Zum Schul—und Selbstunterrichte mit Uebungsaufgaben, Gesprächen, einem ausführlichen Wörterverzeichnis und einer Chrestomathie. Vierte Auflage. Budapest, 1878.
- G. Marshall. Die Kunst die slovakische Sprache durch Selbstunterricht schnell zu erlernen. Wien. Hartleben's Verlag. Безъ года.
- Fr. Mráz, Slovenská mluvnica. V Péšti, 1872, II, vyd. Prvá čítanka a mluvnica pre katolícké školy slovenské. Budapešť, 1885. Slabikár a prvá čítanka pre slov. evangel. školy. V B. Bystrici, 1859.
- S. Czambel. Príspevky k dejinám jazyka slovenského. V Budapešti, 1887.
- Fr. Pastrnek. Beitrage zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. Wien, 1888 (Sitzungsberichte der philol.-histor. Classe d. Kais. Akad. der Wiss. CXV, B. 1).
-
- P. J. Šafarik. 1) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, 1826; 2-е изд. 1869, ss. 375—398; 2) Slovanský národopis rus. перев. О. Бодянского (М. 1843) стр. 90—94.
- Al. Šembera. Základové dialektologie československé. Ve Vidni, 1864. 61—80.
- V. Dušek. Řeč lidu v koruně české a na Slovensku (Národopisná výstava českoslovanská v Praze, 1395. Vydali vykonný výbor národopisné výstavy českoslovanské a národopisná společnost českoslovanská, 1895—96, 93—94).
- Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. První díl. V Brně, 1886, 27—47.
- М. Петровскій. Матеріалы для славянскої діалектології (Учення Записки Казан. Унив., 1866).
- Словари.**
- Ant. Bernolák. Slovár Slovenski Česko - Latinsko - Německo - Uherski seu Lexicon Slavicum Bohemico - Latino - Germanico - Ungaricum. Budae, 1825—27, 6 томовъ.

Joseph Loos. Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči. III Diel slovensko-maďarsko-nemecky. Pešť, 1871.

Jiří Palkovič. Böhmisches-deutsches-lateinisches Wörterbuch mit Beifügung der dem Slowaken und Mährer eigenen Ausdrücke und Redensarten. I Prag, 1820. II Presburg, 1821.

L. A. Mičatek (Mičatek). Карманный Русско-словенский Словарь. Турч. Sv. Martin, 1892.

Памятники живой народной рѣчи.

D. Horčíčka-Sinarius. Neoforum latino-slavonicum (Собрание словацких пословицъ). 1678.

Šafařík. Pjsně swětské lidu slowenského w Uhřeh. Пештъ, 1823 — 27. Этотъ сборникъ вошелъ впоследствии въ собрание Коллара.

J. Kollár. Národné zpiewanky čili pjsně swětské Slowaků w Uhrách gak rozpolitého lidu tak i vyššich stawů, sebrané od mnohých, w pořádek uwedené, wyswětlenjmi opatřené a wydané od J. K. W Budjně, 1834 — 1835.

И. Срезневский. Словацкія пѣсни. Харьковъ, 1832.

Sbornik slovenských národních piesní, povestí, prisloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier. Vydáva Matica slovenská. Sväzok I Vo Viedni, 1870. Sväzok II Turč. Sv. Martin, 1874.

Pisně slovenské. Sbirky prostonárodní. Pořádá pohadková Kommissie liter.-řeč. spolku „Slavia“. V Praze, 1879.

Slovenské spevy. Vydávajú priatelia slovenských spevov. Turč. Sv. Martin D. I, 1882; D. II, sv. 1—6.

L. Kuba. Slovanstvo ve svých zpěvech. Kn. III. Písňe Slovenské, 1885.

J. Rimavski (Francisci). Slovanske povesti. V Levoči, 1845.

A. H. Škultety a P. Dobšinský. Slovenské povesti I—VI. V Rožňave. V. B. Štiavnici, 1858—1860.

P. Dobšinský. Prostonárodné slovenské povesti. Sošit 1—8. Turc. sv. Martin, 1880—1883.

F. Bartoš. Dialektologie Moravská. D. I, 1886. Příklady.

Лучше образцы литературнаго языка представляютъ поэтическія произведенія замѣчательнѣйшихъ словацкихъ писателей:

Ян а Голаго (Holly, 1785—1849). Spisy básnické. Pešť, 1863 (представитель ранняго періода словацкой литературы¹⁾).

¹⁾ Ср. статью А. Опфермана „Янъ Голый, поэтъ Словаковъ и его литературная дѣятельность“. Киевскія Унив. Извѣстія, 1886.

Андрея Сладковича (Ondrej Sladkovič, 1820—1872). Spisy básnické. V B. Bystrici, 1861 и въ изд. Ковра „Národní Bibliotheka“. Praha, 1878³⁾.

Сама Халуки (Chalupka p. 1812). Spevy. V B. Bystrici, 1868.

Я. Краля (Kráľ, 1822—1876). Стихотворенія въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно въ сборникѣ „Nitra“.

Я. Калинчака (J. Kalinčak, 1822—1871). Povesti (въ изданіи Slovensky národný zábavnik). Turč. sv. Martin, sv. I—VII, 1871—73.

В. Паулини-Тота (Pauliný-Toth, 1826—1877). 1) Besiedky. V Skalici, 1866—70. D. I—IV; 2) Básne. Turč. sv. Martin, 1877.

І. Гурбана (Hurban, 1817—1888). Nitra, 1842—54, 1877.

Я. Ботто (J. Botto). Spevy. V Praze, 1880.

Л. Желло (1809—1873). Pad Miliducha въ сборн. Lipa II, 1874 и мелкія произведенія.

Св. Гурбана-Ваянскаго (p. 1847). 1) Tatry a more. Turč. sv. Martin, 1880; 2) Besedy a dumy sv. I, 1883; sv. II, 1884; 3) Многія произведенія въ изд. Slovenské Pohl'ady.

Орсага-Гвѣздослава (Orszag-Hvezdoslav). Sebrané spisy básnické Turč. sv. Martin, sv. I, 1894; sv. II, 1896.

Образцы словацкаго языка содержатъ, между прочимъ, славянская христоматія Г. Воскресенскаго. Вып. 3. Москва, 1884.

Періодическія изданія, содержація въ себѣ матеріалы для изученія словацкаго языка.

Zora (1835—1840).

Slovenské národnje Novine (1845—1852).

Orol Tatranski (1845—1852).

Nitra (1842—1854, 1877).

Slovenské pohl'ady na vedy, umenia a literaturu (1846—1852).

Slovenské pohl'ady na literaturu, umenie a život (съ 1852).

Pešťbudinské vedomosti (съ 1861).

Slovesnost (съ 1861).

Lipa (1860—1864).

Černokniažnik (съ 1861).

Zivena.

Sokol (1860—1869).

Orol (съ 1870).

Letopis Matice slovenskej (1864—84), т. I—XI.

³⁾ Ср. очеркъ **И в а н о в а** „Оцѣнка литературной дѣятельности А. Сладковича“. Извѣстія Института ки. Безбородко въ Цѣзинѣ. Т. VII, 1887.

- Archiv starých česko-slovenských listin, písemnosti a dejepisných pôvodin pre dejepis a literaturu Slovákov. Turč. sv. Martin, 1872—73. D. I—II.
 Slovensky letopis pre historiu, topografiu, archaeologiu a ethnografiu. Vyd. Sasinek V Skalici, I, 1876; II, 1877.
 Národné Noviny. Turč. sv. Martin (съ 1878).
 Slovenské pohľady. Časopis zábavno-poučný. Turč. sv. Martin, съ 1881.
 Sbornik museálné spoločnosti slovenské. Turč. sv. Martin (съ 1896).

2. Площадь словацкаго языка.

Словацкимъ (словенскимъ) языкомъ говоритъ народъ близко родственной Чехо-Мораванамъ и живущій на востокъ отъ нихъ—въ сѣверной Угрии (Венгрии) и юго-восточной Моравии, т. е. въ странѣ лежащей приблизительно между Карпатами и Дунаемъ, между р. Моравой и системой рѣкъ—Иполя, Римавы, Сланы и Тисы. Въ предѣлахъ Угорскаго королевства Словаки занимаютъ территорію 15 сѣверо-восточныхъ комитатовъ: тренчинскаго, оравскаго, зволенскаго, липтовскаго, турочскаго, барскаго, нитранскаго, гонтскаго, гемерскаго, ципскаго, шарошскаго, земплинскаго, абауйскаго, пресбургскаго (цожоньскаго) и новоградскаго. Въ Моравіи словацкая рѣчь слышится въ юго-восточномъ углу области, между Карпатами и Моравой и отчасти на правомъ берегу Моравы, въ окрестностяхъ городовъ: Угорскаго Брода, Угорскаго Градища, Напаёдловъ, Веселаго, Страшницы. Наконецъ словацкія поселенія захватываютъ небольшую долю сѣверо-восточнаго угла Нижней Австріи (на востокъ отъ линіи Вальчицы-Цагнувъ).

Точнѣе площадь словацкаго яз. можно обозначить слѣдующимъ образомъ. Начинаясь отъ Бескидовъ у истоковъ Кысуцы пограничная линія идетъ вдоль моравско-угорской границы къ Лисскому проходу, вступаетъ въ Моравію черезъ Лидечко къ Вызовицамъ и Злину и черезъ Проводовъ и Богуславицы направляется къ Напаёдламъ; отсюда черезъ горы Здунецкія и Бухловскія проходитъ за Киевомъ по правому берегу Моравы къ Подивину, а затѣмъ у Ледницы переходитъ въ Нижнюю Австрію къ Вальтицамъ и Цагнуву, далѣе на Стрезевицы, Моравой къ Дѣвину, встрѣчается здѣсь съ нѣмецкою рѣчью, потомъ на Пресбургъ и въ сосѣдствѣ мадыарскаго языка черезъ Дюшеръ къ Новымъ Замкамъ, на Ю. до Дуная у Коморна; отсюда ли-

нія поворачиваетъ на С. къ Текову, черезъ Левицы и Тескры, Лученецъ и Римавскую Сobotу а затѣмъ черезъ Плешивецъ и Рожнову на Ю. подъ Кошицы, гдѣ встрѣчается съ малорусскимъ языкомъ; вдоль границы этого языка линія направляется на В. къ Гуменному и Снинѣ, опять поворачиваетъ на Стрпковъ и Бардѣвъ и на С. къ р. Данайкѣ надъ Любовнымъ на границѣ Галиціи; отсюда вдоль границы польскаго языка линія идетъ до Оравы къ гор. Терстену и Намѣсту, у Быстрицы опять достигаетъ галицкой границы, отъ которой удаляется къ Оштедницѣ и Чадцу и по правому берегу р. Кысуцы возвращается къ Бескидамъ и Бечвѣ.

Въ предѣлахъ означенной территоріи Словаки живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Только на окраинахъ ея къ коренному населенію примѣшиваются элементы другихъ сосѣднихъ народностей. Чисто словацкое населеніе имѣютъ комитаты тренчинскій, оравскій, зволенскій и липтовскій; въ остальныхъ перечисленныхъ комитатахъ Словаки составляютъ подавляющее большинство населенія; только въ двухъ пограничныхъ комитатахъ—пресбургскомъ и новоградскомъ—они численно уступаютъ инородцамъ—Нѣмцамъ и Мадьярамъ. Наиболѣе замѣтные инородческіе острова на этнографической картѣ словачины принадлежатъ Нѣмцамъ (Schemnitz, Kremnitz, Neusohl, Proben, Poprad, Leutschau, Kesmark, Altendorf и др.), давнишнимъ выходцамъ изъ Германіи, главнѣйше изъ Саксоніи. Австрійскіе Нѣмцы являются сосѣдями Словаковъ на небольшомъ протяженіи юго-западной границы. Мадьяры—господствующая въ государствѣ народность—въ предѣлахъ нынѣшней словачины не имѣютъ никакихъ своихъ поселеній, ни сель, ни городовъ. Представителями мадьярскаго языка и мадьярской культуры въ странѣ служатъ только пришлые правительственные чиновники съ ихъ семьями и такъ-наз. мадьяроны, т. е. Словаки-ренегаты, изъ политическихъ выгодъ отрешіеся отъ своей народности. За то Мадьяры выступаютъ непосредственными сосѣдями Словаковъ на всемъ протяженіи южной границы ихъ земли. Съ трехъ остальныхъ сторонъ словацкая рѣчь сосѣдитъ съ языками родственныхъ славянскихъ народовъ: на большой части западной границы—съ чехо-моравскимъ языкомъ (валашское и ганацкое нарѣчія), на сѣверѣ—съ польскимъ, на сѣверо-востокѣ и востокѣ—съ малорусскимъ. Точное проведеніе границъ между областью словацкаго языка и областями сосѣдящихъ съ нимъ родственныхъ языковъ представляетъ большія

трудности, такъ какъ вездѣ оказываются переходные говоры, сближающіе между собою два сосѣднихъ языка.

За предѣлами указанной чисто словацкой территоріи, отдѣльныя поселенія Словаковъ разсѣяны въ другихъ частяхъ угорскаго королевства. Такъ, весьма значительныя словацкіе островки находятся по Дунаю (у Вейтцена, Пешта, Петери); затѣмъ дальше на востокъ и югъ: Сапъ (Sap), Егихаза (Egyháza), Чаба (Csaba), Банегесъ (Bánhegyes), Тотъ-Комлосъ (Tót-Komlós) и др. Словацкія деревни встрѣчаются и въ арадскомъ комитатѣ и Темешскомъ Банатѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ румынскими и сербскими поселеніями. Эти словацкіе острова на мадьярской территоріи частью возникли вслѣдствіе позднѣйшей колонизаціи, частью представляютъ собой остатки старо-давняго славянскаго населенія, занимавшаго когда-то значительную часть страны, теперь заселенной Мадырами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нач. X ст. площадь словацкаго яз. была гораздо больше, захватывала не малую часть Тиссо-Дунайской равнины. Мадыры же, окончательно разрушивъ Велико-Моравское княжество (907 г.), частью поглотили въ себѣ, частью отгѣснили дальше къ сѣверу славянское населеніе этой равнины.

Имя *Словаковъ*, нужно думать, относительно поздняго образованія. Въ старину данный народъ слылъ подъ общимъ именемъ *Словене*. На это указываютъ исключительно употребляемыя доселѣ производныя—*словенка* (а не словачка), *словенскій* (вм. ожидаем. *словацкій*), *Словенско* (земля Словаковъ).

За предѣлами Австро-угорской монархіи болѣе значительныя колоніи Словаковъ находятся въ Америкѣ.

Общее число Словаковъ немного превышаетъ 2 $\frac{1}{2}$ милліона (точныхъ статистическихъ данныхъ нѣтъ).

При опредѣленіи границъ словацкой рѣчи кромѣ картъ и трудовъ, указанныхъ на 34 стр., приняты еще во вниманіе слѣдующіе труды: Šem b e r g a, *Základové dialektologie češkoslovenské*. Ve Vidni, 1864; Fr. S a s i n e k, *Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze*. 2-te Auflage. Prag, 1875; P a u l H u n f a l v y, *Ethnographie von Ungarn*. Uebertragen von Prof. I. H. Schwicker. Budapest, 1877; Schwicker, *Statistik des königreiches Ungarn*.

3. Судьбы словацкаго языка.

Исторія словацкаго языка почти совсѣмъ не разработана частью вслѣдствіе недостатка памятниковъ языка и другихъ историческихъ свѣдѣтельствъ, частью по причинѣ общаго печальнаго положенія науки у Словаковъ. За длинный рядъ вѣковъ почти ничего неизвѣстно о словацкомъ яз. Отъ XIV — XVI ст. дошли лишь самыя скудныя данныя; только въ XVII—XVIII ст. словацкій языкъ постепенно прокладываетъ себѣ путь въ книгу и наконецъ въ XIX ст. становится органомъ литературы и умственной жизни цѣлаго народа. Какъ немногочисленные памятники стараго языка остаются неизслѣдованными, такъ и современный литературный языкъ словацкій не имѣетъ еще своего историка.

На основаніи аналогіи нужно думать, что карпато-дунайскіе Словене или Словаки съ древнѣйшихъ временъ, на зарѣ исторической жизни славянства, говорили своимъ особымъ языкомъ, отличававшимъ ихъ отъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ — Чехо-Мораванъ, Поляковъ, Славяно-Руссовъ. Характерныя наиболѣе индивидуальныя черты языка, вѣроятно были тѣже, что и въ настоящее время. Но въ частностяхъ древнѣйшій обликъ языка остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторый матеріалъ для знакомства съ нимъ, по крайней мѣрѣ со стороны лексикальной могутъ представлять славянскія слова, вошедшія въ мадьярскій языкъ; многія изъ нихъ несомнѣнно заимствованы изъ словацкаго языка, при томъ въ древнюю пору¹⁾. Современный словацкій языкъ распадается на значительное количество говоровъ, которые обыкновенно сводятъ въ три большія группы или нарѣчія: восточное, среднее и западное. Но когда и какимъ путемъ возникли эти нарѣчія и говоры; слѣдуетъ ли это діалектическое разнообразіе считать исконною особенностью словацкаго языка или нужно объяснять его позднѣйшимъ вліяніемъ и взаимодействіемъ сосѣднихъ родственныхъ языковъ — на всѣ эти и подобные вопросы пока не дано еще никакого отвѣта. Не выясненнымъ остается по нашему мнѣнію и вопросъ объ отношеніи словацкаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ. Правда въ наукѣ утвердился пущенный въ обращеніе чешскими фи-

¹⁾ Leška, Elenchus vocabulorum slavieorum magyarici usus. Ofen, 1825. Miklosich, Die Slavischen Elementen in Magyarischen. Wien, 1871.

дологами взглядъ на словацкій языкъ какъ на нарѣчіе чешскаго (или какъ говорятъ, чешско-словенскаго и чешско-славянскаго языка), но едва-ли такой взглядъ можно считать достаточно-обоснованнымъ. Сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ привело меня къ иному заключенію: словацкій языкъ несомнѣнно ближе къ чешскому чѣмъ къ какому либо другому, но не составляетъ съ нимъ единого цѣлаго, а занимаетъ свое особое, самостоятельное мѣсто въ славянской семьѣ языковъ, на-ряду съ самымъ чешскимъ, польскимъ, сербо-хорватскимъ, русскимъ и другими языками. Считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на выясненіи этого положенія.

Прежде всего относительно происхожденія означеннаго мнѣнія о единствѣ чешскаго и словацкаго языковъ. Мнѣніе это опирается не столько на глубокомъ сравнительномъ изученіи обоихъ языковъ сколько на исторической традиціи; именно оно сложилось подъ вліяніемъ старыхъ культурныхъ связей между Чехами и Словаками и довольно продолжительнаго употребленія чешскаго литературнаго языка у послѣднихъ. Земля Словаковъ, какъ извѣстно, въ IX ст. принадлежала къ Велико-Моравскому княжеству, а послѣ паденія послѣдняго (907 г.) вошла въ составъ новоосновавшаго Угорскаго государства, въ которомъ оставалась до 955 г. Въ этомъ году вмѣстѣ съ Моравіей она была присоединена къ Чехіи, а въ 999 завоевана польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ; только въ 1037 г. она стала окончательнаго частью Угорскаго королевства. Не смотря на наступившее политическое обособленіе Словаковъ и Чехо-Моравянъ, культурное общеніе между со-сѣдними близко родственными народами тянулось въ теченіе многихъ послѣдующихъ столѣтій. Уже въ XII ст. относятся свидѣтельства о появленіи чешскихъ колонистовъ въ словацкой землѣ; съ XIII ст. эти свидѣтельства умножаются; въ XIV ст. Словаки усиленно поступаютъ въ Пражскій университетъ и принимаютъ участіе въ чешской литературѣ; въ XV ст., въ эпоху гуситскихъ религіозныхъ войнъ чешскія войска наводняютъ сѣверо-западную Угрію и чешскіе колонисты осѣдаютъ въ новоградскомъ, малогонтскомъ, гемерскомъ, абауйскомъ и шаршскомъ комитатахъ; славный моравскій кондотьеръ Искра изъ Брандыса образовалъ въ словацкой землѣ какъ бы удѣльное княжество (1440 — 1453, 1458 — 1462), обвинявшее комитаты — зволенскій, нитрапскій, гемерскій, шаршскій, абауйскій, земплинскій; въ XVI ст. продолжаютъ переходить въ Угрію, къ Словакамъ, чешскіе послѣдо-

ватели ученія Лютера; дѣятельныя сношенія Чеховъ со Словаками продолжаются и позже и ослабѣваютъ только послѣ Бѣлогорской битвы (1620) и наступившаго за ней полного униженія и обезсиленія чешскаго народа¹⁾. Естественнымъ послѣдствіемъ такого общенія двухъ народовъ было постепенное распространеніе въ словацкой землѣ чешскаго литературнаго языка. Обстоятельства этому вполне благопріятствовали, такъ какъ мѣстный словацкій языкъ еще не успѣлъ возвыситься до значенія языка литературнаго. Въ эпоху Велико-моравскаго княжества Словаки пользовались книжнымъ старославянскимъ языкомъ, созданнымъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Употребленіе этого языка въ церкви и письменности держалось у Словаковъ и въ первые времена мадьярскаго владычества. По мнѣнію В. Облака, одинъ изъ числа сохранившихся древнихъ памятниковъ старо-славянскаго языка, т. е. пражскіе глаголическіе отрывки возникли именно въ области словацкаго языка²⁾. Но затѣмъ латинство окончательно вытѣснило и у Словаковъ, какъ у Чехо-Моравы, славянское богослуженіе и славянскую письменность, а господство латинскаго языка въ общественной жизни Угрии парализовало развитіе и употребленіе словацкаго языка. Между тѣмъ въ сосѣдней Чехіи и Моравіи народный языкъ все больше проникалъ въ литературу и наконецъ въ гуситскую эпоху получилъ перевѣсъ надъ латинскимъ и нѣмецкимъ языками въ общественной и церковной жизни. Съ чешскимъ языкомъ Словаки знакомились у себя на родинѣ отъ чешскихъ колонистовъ и на мѣстѣ въ Чехіи, особенно во время посѣщенія Праги и пражскаго университета съ учеными и религіозными дѣлами. Чешскіе гуситы и братья принесли къ Словакамъ переводъ Священнаго Писанія и произведенія своей религіозно-политической литературы. Съ принятіемъ чешскаго богослуженія среди Словаковъ все больше распространялось знаніе чешскаго языка. Оно приняло особенно широкіе размѣры въ XVI ст., когда на смѣну гуситству явилось изъ Чехіи же лютеранство, сохранившее чешскій языкъ и чешскія богослужебныя книги. Во мно-

¹⁾ Ср. S. Chamberl, Príspevky k dejinám jazyka slovenského V Budapešti, 1887. *Čeština a českoslovenčina v Uhrách do polovice XVI. věku*, 1—32.—Д. Пичъ Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ I, 1875. Спб. 89 89—121.—А. Вудиловичъ, *Обще-славянскій языкъ* Т. II, Варшава 1892, 192—197.

²⁾ Archiv für Slavische Philologie Bd., XVIII, 1896 а. 112.

гихъ городахъ словацкой земли были основаны хорошія школы (въ Рожнавѣ, Бановцахъ, Любѣтовѣ, Бардѣевѣ, Левочѣ, Жилинѣ, Привидзѣ, Штявницѣ, Шинтавѣ, Кежмаркѣ, Елшавѣ, Зволенѣ, Мошовцахъ, Фраштавѣ, Тренчинѣ), въ которыхъ преподаваніе велось на чешскомъ языкѣ. Съ 1574 г. при многихъ изъ этихъ школъ, а также въ Пресбургѣ заведены типографіи. У Словаковъ возникаетъ цѣлая литература на чешскомъ языкѣ, которая не прекращается и во времена реакціи, когда началось гоненіе на чешскій языкъ, а іезуиты съ дѣлюю отвратить общество отъ чешскаго еретическаго языка стали издавать книжки на народномъ словацкомъ языкѣ. Чештина нашла себѣ ревностныхъ защитниковъ среди Словаковъ (Мошовскій, Рыбай, Плахой, Лешка, Голко, Таблица, Палковичъ и др.), когда возгорѣлась борьба между нею и нововозникавшимъ словацкимъ литературнымъ языкомъ. Наконецъ, когда (въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія) литературная реформа въ пользу народнаго словацкаго языка была окончательно проведена, за старое литературное преданіе продолжали стоять такіе знаменитые Словаки какъ Шафарикъ и Колларъ. Совершенно понятно, что при столь широкомъ распространеніи чешскаго языка среди Словаковъ, въ чешскихъ умахъ возникла фикція о такомъ близкомъ родствѣ обоихъ языковъ, которое позволяетъ рассматривать ихъ какъ одну діалектическую группу — чешско-словенскую. Наставать на такой фикціи казалось необходимымъ въ виду отпаденія Словаковъ отъ чешскаго литературнаго языка; при помощи ея легче было доказывать ненужность и бесполезность этого отпаденія, легче было указать въ литературномъ сепаративѣ Словаковъ измѣну общему чешско-словенскому языку и ископному чешско-словенскому единству. Въ дѣйствительности любопытный самъ по себѣ фактъ широкаго распространенія чешскаго языка у Словаковъ въ XV—XVIII в. не можетъ еще служить доказательствомъ принадлежности чешскаго и словацкаго языка къ одной лингвистической единицѣ. Извѣстно, что въ гуситскую эпоху чешскій языкъ распространился и въ польской Силезіи и у Сербовъ-Лужичанъ; отсюда, однако, нельзя дѣлать заключенія о единствѣ чешскаго языка съ польскимъ и сербо-лужицкимъ. Равнымъ образомъ и другіе литературные славянскіе языки получали иногда болѣе или менѣе широкое распространеніе на территоріи со-сѣднихъ вполне самостоятельныхъ языковъ, напр. старо-славянскій языкъ въ древней Сербіи и Руси, польскій языкъ на Литвѣ и въ юго-

западной Руси въ XIV—XVIII ст. и въ Галицкой Руси по настоящее время, русскій языкъ въ царствѣ польскомъ и т. д. Но на основаніи этого явленія никто, конечно не рѣшится отрицать самостоятельность каждаго изъ названныхъ языковъ и не станетъ напр. утверждать, что русскій языкъ есть нарѣчіе старо-славянскаго или польскаго, или наоборотъ польскій языкъ—нарѣчіе русскаго.

При рѣшеніи вопроса объ отношеніи словацкаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ и въ частности къ чешскому необходимо прежде всего имѣть въ виду всю совокупность индивидуальныхъ особенностей самого языка, звуковыхъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексическихъ. Важно опредѣлить съ историко-сравнительной точки зрѣнія степень характерности этихъ индивидуальныхъ особенностей. Въ этомъ отношеніи уже возможны кое какіе положительные выводы. Какъ ни слабо еще изученъ словацкій языкъ, на лицо имѣется достаточное количество данныхъ, рѣшающихъ вопросъ въ пользу оригинальности и самостоятельности этого языка. Предлагаемая ниже болѣе или менѣе подробная характеристика словацкаго языка (и его нарѣчій) даетъ возможность точнѣе опредѣлить его особенности сравнительно съ другими славянскими языками. Здѣсь достаточно отмѣтить крупныя характерныя черты, отличающія словацкій языкъ отъ чешскаго. Вотъ онѣ: 1) а, и никогда не перегласовываются въ е, і, а сохраняютъ свой исконный выговоръ (duša, dusu); 2) старо-слав. ѡ соответствуютъ исключительно іа, ѡ, а (mia, ta, sa, pät); 3) вм. чешскаго ѣ (послѣ губныхъ) обыкновенно е (vecu, v hrobe); 4) старо-слав. ѣ, ѣ соответствуютъ о, е а не только е, какъ въ чешскомъ (lož, deň); 5) служеніе іе — і не существуетъ (viéga, miéga); 6) старо-слав. ѣ соответствуетъ не только іе, е но и іа, ѡ (chliav, na lävo); 7) характерный гласный ѡ; 8) смягчительное в (ňesú, чеш. pesou) 9) шипящее і совсѣмъ не существуетъ (moge); 10) различается мягкое и твердое l, при чемъ твердое во многихъ говорахъ переходитъ въ ѡ (vos); 11) гласные l, r могутъ быть долгими и краткими; 12) пра-слав. dj = dz (medza); 13) гортанные h (g), k, oh передъ окончаніями і, е иногда не смягчаются (ruke, velki); 14) стяженіе гласныхъ вообще рѣдко (tvoja, bojazlivý); 15) количество гласныхъ часто не совпадаетъ съ чешскимъ; 16) оригинальныя формы; напр. имен. п. мн. ч. на ja: ogačja, ľudia; 1 л. ед. ч. наст. вр. всегда на — ш: pesiem, реіемъ, bijem, беремъ, minímъ и т. д. Къ этому нужно прибавить, что

вслѣдствіе указанныхъ особенностей вокализма словацкое склоненіе и выраженіе вообще значительно отличаются отъ чешскихъ и что словацкій языкъ изобилуетъ массой оригинальныхъ словъ, не существующихъ въ чешскомъ языкѣ. Правда, нѣкоторыя изъ указанныхъ звуковыхъ особенностей наблюдаются спорадически и въ моравскихъ говорахъ, а отчасти свойственны были древне-чешскому языку. Но для опредѣленія степени индивидуальности языка не столько важны отдѣльныя черты, которыя могутъ роднить этотъ языкъ не съ однимъ, а даже съ нѣсколькими языками, сколько вся совокупность характерныхъ признаковъ, представляемыхъ даннымъ языкомъ. Сверхъ того присутствіе нѣкоторыхъ словацкихъ особенностей въ моравскихъ нарѣчіяхъ объясняется тѣмъ, что эти нарѣчія составляютъ переходную стадію отъ чешскаго языка къ словацкому. Съ другой стороны большее сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ древняго чешскаго языка съ современнымъ словацкимъ можетъ служить не болѣе какъ подтвержденіемъ того общаго закона, что въ глубокой древности всѣ славянскіе языки были значительно ближе между собой, чѣмъ въ позднѣйшія времена; словацкій языкъ болѣе сохранилъ старый пра-славянскій обликъ, чешскій напротивъ пережилъ весьма значительныя измѣненія, но когда-то также стоялъ ближе къ обще-славянскому пра-языку.

О самостоятельности словацкаго языка свидѣтельствуетъ и занимаемое имъ особое географическое положеніе въ славянскомъ мірѣ. Къ словацкому языку близко примыкаетъ не только чешско-моравскій языкъ, но и другіе славянскіе языки: польскій, русскій (малорусское нарѣчіе) сербскій. Въ древности (IX ст.) весьма вѣроятно онъ встрѣчался и со словинскимъ языкомъ (др. Паннонія, Блатенское княжество). Такимъ образомъ словацкій языкъ занимаетъ срединное мѣсто въ славянской рѣчи; въ окраинныхъ говорахъ его наблюдаются элементы языковъ то чешскаго, то польскаго, то русскаго, то сербскаго; во всѣхъ частяхъ словацкой земли можно встрѣтить слова и формы другихъ славянскихъ языковъ.

Если къ этому прибавить сдѣланное еще Шафарикомъ тонкое наблюденіе о значительной близости словацкаго языка къ старо-славянскому (древнему церковно-славянскому) въ формальномъ и лексическомъ отношеніяхъ, то вполне правильнымъ будетъ слѣдующій выводъ: будучи въ большей или меньшей степени близкимъ не только къ чешскому, но и ко многимъ другимъ славянскимъ языкамъ сло-

вацкій языкъ служить связующимъ звеномъ между всѣми ими и потому естественно представляетъ свой характерный обликъ. Весьма мѣтко опредѣлилъ его значеніе въ наукѣ Л. Штуръ: „въ филологическомъ отношеніи словачина (словенчина) одно изъ главныхъ нарѣчій (языковъ), безъ него нельзя составить всеобщую (т. е. сравнительную) грамматику славянской рѣчи, такъ какъ словачина занимаетъ средину между всѣми славянскими нарѣчіями, въ маломъ видѣ она представляетъ всю славянщину“. Придерживаясь современной терминологіи можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу непосредственный живой потомокъ славянскаго праязыка.

Наконецъ можно сослаться на сужденія о словацкомъ языкѣ нѣкоторыхъ старыхъ изслѣдователей. Янъ Благославъ, сообщающій въ своей чешской грамматикѣ (1571 г.) первыя довольно обстоятельныя свѣдѣнія о чешской діалектологіи, включаетъ въ область чешскаго языка только моравскіе и силезскіе говоры, а языкъ угорскихъ Словаковъ выдѣляетъ въ самостоятельную группу: „рѣчь словенская, которою говорятъ всѣ Славяне отъ Карпатъ“ (Татры) до Средиземнаго моря и дальше“. Къ этой „словенской рѣчи“ по понятіямъ Благослава, относились какъ справедливо поясняетъ В. Душекъ¹⁾, в южно-славянскіе языки. Конечно соединеніе послѣднихъ въ одну группу со словацкимъ языкомъ показываетъ, что у грамматика XVI ст. были неопредѣленныя свѣдѣнія о южно-славянскихъ языкахъ. Но нельзя не признать весьма характернымъ того обстоятельства, что мораванинъ Янъ Благославъ (род. изъ Прерова), писавшій свой трудъ уже въ ту пору, когда чешскій языкъ былъ довольно распространенъ среди Словаковъ, разсматриваетъ, однако, словацкій языкъ какъ совершенно самостоятельный отъ чешскаго и ставитъ его въ одну группу съ языками, пониманіе которыхъ, по его словамъ, представляетъ трудности для чеха и поляка. — Знаменитый словакъ П. Шафарикъ, писавшій свои ученые труды главнымъ образомъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, въ одномъ изъ раннихъ сочиненій въ „Geschichte der slawischen Sprache und Literatur (1825)“ отдѣляетъ словацкій языкъ отъ чешскаго и посвящаетъ ему особые отдѣлы книги. Позже въ „Славянской Народописи“ онъ подводитъ „угро-словенское нарѣчіе“ подъ понятіе „чешской рѣчи“. Такая перемѣна во взглядѣ Шафарика выз-

¹⁾ Příspěvky k dejinám česke dialektologie. Časop. Čes. Mus, 1895.

вана была, вѣроятно, несочувствіемъ его къ литературному сепаратизму Словаковъ—М. Гаттала во всѣхъ своихъ грамматическихъ трудахъ говорить о „словацкомъ языкѣ“ и, хотя постоянно сопоставляетъ его съ чешскымъ, тѣмъ не менѣе относится къ нимъ обоимъ какъ къ двумъ близко родственнымъ, но равноправнымъ язычнымъ единицамъ. Новѣйшіе чешскіе филологи, какъ уже упомянуто, отрицаютъ самостоятельное положеніе словацкаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ. Такъ Проф. Гебауэръ въ своей обширной „Исторической грамматикѣ чешскаго языка“ привлекаетъ въ скромныхъ размѣрахъ данныя „словенскаго нарѣчія“. Проф. Фр. Пастернекъ видитъ въ словацкомъ языкѣ опредѣленную группу говоровъ чешскаго языка (*eine bestimmte Gruppe von Dialekten der čechischen Sprache*)¹⁾. Фонетика словацкихъ говоровъ, по его мнѣнію, отражаетъ въ себѣ болѣе древнее состояніе чешскаго языка. Окончательное рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону, конечно, впереди и будетъ зависѣть отъ успѣховъ глубокаго и безпристрастнаго изученія словацкаго языка и его любопытныхъ говоровъ. Но и приведенныхъ соображеній намъ кажется достаточно, чтобы оправдать допущенное нами въ настоящемъ трудѣ выдѣленіе словацкаго языка въ самостоятельный отдѣлъ. Къ изложенному можно прибавить еще одно основаніе: словацкій языкъ служитъ органомъ небольшой, но весьма замѣчательной по содержанію литературы. Это обстоятельство независимо отъ характерныхъ филологическихъ свойствъ языка, даетъ послѣднему право на особое вниманіе слависта.

Внѣшняя исторія литературнаго языка Словаковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, изложенныхъ выше, словацкій языкъ очень поздно получилъ доступъ въ письменность и печатную книгу. Въ теченіе многихъ столѣтій въ словацкой землѣ господствовала исключительно латынь, а съ распространеніемъ гуситства и затѣмъ лютеранства утвердилось широкое употребленіе чешскаго литературнаго языка, который сохранялъ свое значеніе въ религіозной, умственной и общественной жизни Словаковъ до начала нынѣшняго столѣтія. Старѣйшимъ памятникомъ словацкаго языка считаются церковныя пѣсни съ словацкими глоссами Вацлава

¹⁾ Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. Wien, 1888, 5.

Бзенецкаго 1385 г.¹⁾ Памятникъ этотъ, однако, и доселѣ не изданъ. По мнѣнію П. Шафарика, принятому и Цамбелемъ²⁾, письменные памятники у Словаковъ вообще являются не ранѣе прихода въ сѣверо-западную Угрію чешскихъ гуситовъ (Таборитовъ) подъ предводительствомъ Искры изъ Брандыса (1440). Они писаны большею частью на современномъ чешскомъ литературномъ языкѣ. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, относящихся особенно къ XVI и XVII ст., замѣтны примѣсы къ чешскому языку словацкихъ формъ и словъ. Подобные элементы словацкой рѣчи встрѣчаются и въ грамотахъ конца XVI и XVII в.³⁾ и въ произведеніяхъ литературнаго характера, большею частью остающихся въ рукописяхъ, напр. въ сочиненіи Пауслѣскаго „Иньвизіція“ (рук. 1582), въ стихахъ П. Бѣницкаго (рук. 1652), въ рукописномъ сочиненіи неизвѣстнаго автора „Плачь и вопль городка „Тренчина“. Въ послѣднемъ словацкія формы даже преобладаютъ⁴⁾. Изученіе подобныхъ чешско-словацкихъ текстовъ могло бы представлять значительную научную важность: оно помогло бы опредѣлить степень вліянія словацкаго языка на чешскій литературный языкъ, бывшій въ обиходѣ въ словацкой землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представило бы данныя о состояніи словацкаго языка въ XVI—XVII ст. Къ сожалѣнію доселѣ не имѣется ни одной работы посвященной данному вопросу, да и чешско-словацкіе тексты не только не изданы, но и не описаны.

Первый у Словаковъ возымѣлъ мысль о необходимости обработки своего языка Даниилъ Горчичка (Sinarius), евангелическій проповѣдникъ и религиозно-поучительный писатель второй половины XVII ст. Извѣстное его произведеніе *Neoforum Latino-Slovenicum* (*Nový trh Latino-Slovenský* 1678), богатое мыслями о единствѣ славянскаго племени, о любви къ родному языку, о необходимости изученія словацкаго языка,—содержитъ богатое собраніе словацкихъ пословицъ. Это и была первая печатная книга, содержавшая образцы народнаго словацкаго языка. Около того же времени, въ концѣ XVII ст.

¹⁾ J. Jireček, *Rukověť k dějinám literatury české* I, 118.

²⁾ *Prispevky k dějinám jazyka slovenského*, 1887, 13.

³⁾ Ср. изданія а) *Archiv starých česko-slovenských listin, písemnosti* и т. д. Turč. Sv. Martin, 1872, d. I—II; б) *Sasinek, Slovenský letopis pre historiu* и т. д. v Skalici I, 1876, II, 1877.

⁴⁾ Д. Пичъ, *Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ. Славянскій Сборникъ* I, 116.

обратили особое вниманіе на народный языкъ представители католическаго духовенства, особенно іезуиты. Считая чешскій языкъ, которымъ пользовались Словаки лютеранскаго и чешско-братскаго толка, за еретическій и желая сдѣлать свои религіозныя книги болѣе доступными для народа, они стали примѣнять чешскій языкъ въ простонароднымъ словацкимъ формамъ. Въ Тернавѣ, центрѣ іезуитско-католической пропаганды, началась усиленная дѣятельность по изданію книгъ для народа на смѣшанномъ чешско-словацкомъ языкѣ, въ которомъ однако мѣстное тернавское нарѣчіе постепенно приобрѣтало перевѣсъ надъ чешскими формами. Изъ значительнаго количества книгъ, напечатанныхъ въ тернавской типографіи, наиболѣе чистымъ языкомъ отличаются проповѣди А. Мачая (1718). Но, говоря вообще, входившій тогда въ употребленіе новый литературный языкъ еще долгое время оставался неупорядоченнымъ. Каждый авторъ писалъ на свой ладъ; первыя грамматики словацкаго языка ¹⁾ не представляли точной системы.

Давно подготовлявшійся литературный переворотъ въ пользу тернавскаго нарѣчія состоялся только въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, главнѣйше благодаря славной дѣятельности католическихъ священниковъ Ант. Бернолака и Яна Голыго. Этимъ двумъ знаменитымъ мужамъ преимущественно принадлежитъ заслуга возведенія словацкаго языка, именно западнаго его нарѣчія, на степень литературнаго. Антонинъ Бернолакъ (1762—1813) составилъ грамматику и словарь словацкаго языка и установилъ однообразную систему правописанія (ср. стр. 221—222, 225—226); Янъ Голый (Holly 1785—1849), даровитый поэтъ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ (Swatopluk, Cirillo—Metodiada, мелкія стихотворенія) представилъ прекрасные образцы словацкаго литературнаго языка. Литературная реформа, предложенная Бернолакомъ, были встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ въ католическомъ духовенствѣ. Его грамматика положена въ основу новаго литературнаго языка; установленное имъ правописаніе, не смотря на всѣ свои недостатки получило широкое распространеніе. Первымъ сочиненіемъ, написаннымъ по правиламъ грамматики Бернолака, была полемическая статья противъ католиче-

¹⁾ Zprava pisma slovenského T. Masnycyusa. Levoč, 1696 и Privod ku dobromlumnosti slovenské. V Trnave, 1780.

скаго священника Байзы, несоглашавшагося съ основными требованіями реформы, подъ заглавіемъ *Písmo Ránovi Anti—Fandlymu* (Hale, 1790). Въ 1793 г. въ Тернавѣ возникло литературное Общество *Tovaryšstvo literného umeňa slovenského*, имѣвшее цѣлью изданіе словацкихъ книгъ. Главными дѣателями въ обществѣ были: кат. сваш. Фандли (сочинявшій проповѣди, историческія и хозяйственныя книги), Газда († 1817, извѣстный сборниками проповѣдей), остригомскій каноникъ Юрій Палковичъ (1763 — 1835, издававшій книги Бернолакистовъ и сдѣлавшій переводъ Библии по католическому тексту) примасъ Венгріи Александръ Руднай (1760 — 1831, сочинявшій проповѣди на словацкомъ языкѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ изданіи словаря Бернолака) и др. Позже (въ 1834 г.) возникло подобное литературное общество въ Пештѣ — *Spolek milovníkov řeči a literatury slovenskej*. Оно понимало уже шире задачи обработки языка и распространенія словацкой литературы; выйдя изъ узкихъ рамокъ церковности, Общество издавало литературный альманахъ *Zoga* (1835, 1836, 1839, 1840) и другія забавно-поучительныя книги. Въ альманахѣ принимали участіе: Гамулякъ (основатель общества), Голый, Годра, Желло и другіе составившіе себѣ впоследствии извѣстность словацкіе писатели.

Такъ положено было начало обработки словацкаго литературнаго языка; такъ возникала словацкая литература. Въ этомъ литературномъ движеніи, однако, принимали участіе не всѣ словацкіе патриоты, а почти исключительно католики. Протестанты, хотя и восторгались произведеніями Голаго, относились неодобрительно къ реформѣ Бернолака и продолжали энергично стоять за сохраненіе чешскаго литературнаго языка. Они основали свои литературныя общества (въ Пресбургѣ, Баньской Штявницѣ) и выставили своихъ даровитыхъ людей какъ Таблица, Юрія Палковича¹⁾, которые заботились о распространеніи у Словаковъ чешскаго языка. Потребовалось еще время, чтобы обѣ народныя партіи, оставивъ религіозные счеты, сошлись въ выработкѣ одного литературнаго языка. Знаменитые словаки Шафарикъ и Колларъ, впоследствии заявившіе себя сторонниками литературнаго единства Чеховъ и Словаковъ, своею ученою дѣятельностью, какъ то собираніемъ и изданіемъ словацкихъ пѣсенъ, и сочи-

¹⁾ Нужно отличать его отъ другаго Палковича, каноника, выше названнаго.

неніями всеславянскаго характера (Шафарикъ—Исторіей славянскихъ литературъ, Древностями, Народописью, Колларъ—поэмой „Дочь Славъ“, трактатомъ „Славянская взаимность“) въ значительной степени содѣйствовали возбужденію у Словаковъ и общаго славянскаго чувства и мѣстнаго словацкаго патріотизма. Наконецъ, политическія обстоятельства, главнѣйше, необходимость отстаивать права словацкой народности противъ насилій и притязаній Мадьяръ, приведшая оба народа къ вооруженному столкновению въ 1848 г., сдѣлали неизбѣжнымъ рѣшеніе спорнаго вопроса въ народномъ направленіи.

Съ конца тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ народное дѣло взяли въ свои руки патріоты протестантскаго лагеря. Одушевляемые чувствомъ горячей любви къ родинѣ, они успѣли дружными усиліями примирить религіозныя и литературныя партіи и создали для всего народа единый прекрасный литературный языкъ, который развивается и доселѣ, оставаясь выразителемъ духовной жизни народа. Въ выполненіи этого великаго дѣла наиболее заслугъ имѣютъ славные вожди и народные дѣятели Словаковъ, даровитые писатели и славянскіе мыслители Людевитъ Штуръ (1815—1856) Іосифъ Гурбанъ (1817—1888) и Михаилъ Годжа (1811—1870). Въ одномъ духѣ съ ними дѣйствовали многочисленные представители словацкой молодежи, группировавшіеся около народнаго литературнаго общества „Tatrin“, Пресбургскаго лицея (при которомъ существовала каеэдра славянскаго языка и литературы) и новооснованныхъ словацкихъ періодическихъ изданій. Сущность новаго литературнаго переворота состояла въ отреченіи какъ отъ чешскаго литературнаго языка, такъ отъ бернолачины, основанной на окраинномъ весьма близкомъ къ моравскимъ говорамъ нитранско-тернавскомъ нарѣчій и во введеніи въ литературу нарѣчія наиболѣе чистаго и характернаго и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе распространеннаго. Это было среднее нарѣчіе господствующее въ комитатахъ: липтовскомъ, ниже-оравскомъ, верхне-трепчинскомъ, турчанскомъ, зволенскомъ, новоградскомъ, гонтскомъ, пеннскомъ и въ нижней Угрии. Будучи одинаково удалено какъ съ запада отъ вліянія чешскаго языка, такъ съ сѣвера — отъ польскаго и съ востока — отъ малорусскаго, оно является самымъ чистымъ и законченнымъ типомъ языка и по преимуществу совмѣщаетъ въ себѣ черты, общія всѣмъ разнообразнымъ словацкимъ говорамъ. Первымъ опытомъ въ новомъ направленіи было изданіе въ 1844 году второго тома аль-

манаха „Nitra“ подъ редакціей Гурбана. Съ 1845 г. стала выходить на новомъ языкѣ подъ редакціей Штура первая словацкая газета „Slovenské národné poviny съ беллетристическимъ приложеніемъ „Orol Tatranský“, а съ 1846 г. учено-литературный журналъ Гурбана „Slovenské Pohľady“. Всѣ эти изданія были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ словацкою молодежью; они привлекли къ себѣ одинаково протестантскихъ и католическихъ писателей и стали зерномъ, изъ котораго въ непродолжительное время выросла цѣлая словацкая литература.

Съ цѣлью обосновать необходимость реформы и правильность возведенія средняго нарѣчія на степень литературнаго языка Штуръ и Годжа издали особыя книги, написанныя съ прекраснымъ знаніемъ дѣла и искреннимъ убѣжденіемъ; именно Штуру принадлежатъ: *Nauka reči slovenskej; Narečja slovenskuo* (обѣ книги напечатаны въ Пресбургѣ въ 1846 г.¹⁾); Годжѣ—1) *Epigenes Slovenicus Leutschoviae*, 1847; 2) *Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči*, 1847 и 3) *Vetín o slovenčině. V Levoči*, 1848. Болѣе точное опредѣленіе нормъ новаго литературнаго языка и установленіе однообразнаго правописанія прошло нѣсколько стадій. Во II т. „Нитры“ еще не видно ни однообразнаго языка, ни опредѣленнаго правописанія: авторы помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній писали каждый на своемъ родномъ говорѣ, придерживаясь своего исключительно фонетическаго правописанія. При разнообразіи говоровъ средняго нарѣчія, литературный языкъ въ первое время отличался нѣкоторою пестротой. Л. Штуръ въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ вводилъ въ литературу срединную словачину въ полномъ видѣ со всѣми ея характерными особенностями, оставляя въ сторонѣ аналогіи какъ другихъ словацкихъ нарѣчій, такъ прочихъ славянскихъ языковъ; при выборѣ формъ въ области самого средняго нарѣчія онъ отдавалъ предпочтеніе липтовскому говору, какъ отличающемуся особеннымъ стремленіемъ къ „полногласности“ и двугласнымъ (*zbožia, viega, priazeň, bou, videu* и т. п.); въ правописаніи онъ строго держался фонетическаго принципа—писать буквально такъ, какъ говоритъ народъ. Въ такомъ видѣ Штуровскій литературный языкъ получалъ нѣсколько мѣстный, провинціальныи характеръ и не вполне удовлетворялъ широкимъ зада-

¹⁾ Весьма важна также его статья „Ustrojnosť a organism reči slovenskej“ *Orol Tatranský* II.

чамъ новаго литературнаго движенія. Исправленіе недочетовъ „Штуровщины“ принялъ на себя глубокомысленный, высокоталантливый М. Годжа. Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ — *Erigenes slovenicus* (1847) и *Větin* (1848), прекрасно раскрывающихъ богатство звуковъ и формъ словацкаго языка, онъ намѣтилъ путь, которымъ среднее нарѣчіе, отрѣшившись отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, должно было получить значеніе всѣмъ понятнаго обще-словацкаго литературнаго языка, а также установилъ начала болѣе цѣлесообразнаго правописанія, въ которомъ рядомъ съ фонетическимъ принципомъ приняты во вниманія требованія этимологическія. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ высокообразованный филологъ М. Гаттала, оказавшій, какъ уже сказано (222—223 стр.), большія услуги дѣлу изученія словацкаго языка. Уже въ 1850 г. онъ издалъ на латинскомъ языкѣ словацкую грамматику, въ которой вполне одобрялъ точку зрѣнія Годжи. Наконецъ въ 1851 г. въ Пресбургѣ состоялся съѣздъ словацкихъ писателей, опредѣлившій подъ руководствомъ М. Годжи и М. Гатталы нормы литературнаго языка и установившій правила орфографіи, а въ 1852 г. вышла въ свѣтъ краткая грамматика М. Гатталы (*Krátka mluvnica slovenská. V Prešporoku*), въ которой воспроизводился типъ этого новаго литературнаго языка. Теперь всѣ сомнѣнія и разногласія кончились; словацкіе патріоты безъ различія вѣроисповѣданія съ восторгомъ привѣтствовали литературную реформу; словацкій народъ на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи получилъ свой собственный литературный языкъ.

Прошло нѣсколько десятилѣтій и этотъ новый литературный языкъ не только окрѣпъ и развился, но и получилъ художественную обработку въ превосходныхъ созданіяхъ цѣлой плеяды дароватыхъ писателей, изъ которыхъ (кромѣ названныхъ трехъ начинателей новаго литературнаго направленія—Л. Штура, М. Гурбана и М. Годжи), особенно выдѣляются уже сошедшіе въ могилу славные поэты: Карлъ Кузман и Андрей Сладковичъ, Само Халупка, Янко Крадь, Вилемъ Паулини-Тотъ, Самуиль Томашикъ, Калинчакъ и новѣйшіе крупные художественные таланты Іосифъ Гурбанъ—Ваянскій (романистъ) и Орсагъ—Гвѣздославъ (лирикъ). Продолжающееся бѣдственное политическое положеніе Словаковъ, доведенныхъ Мадьярами до крайней степени безправія и униженія, создаетъ тяжелыя условія для дальнѣйшаго болѣе широкаго развитія и распро-

страненія словацкаго языка. Вслѣдъ за пышнымъ разцвѣтомъ словацкой литературы въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ реакціи 50-хъ годовъ наступило безотрадное затишье, сопровождавшееся упадкомъ энергіи у словацкихъ народныхъ дѣятелей и ослабленіемъ литературной производительности на народномъ языкѣ. Чешскій языкъ снова сталъ приобрѣтать утраченное значеніе въ литературѣ Словаковъ. Въ 60-хъ годахъ на короткое время произошла перемѣна въ лучшему. Словаки успѣли создать на свои народные деньги учено-литературное Общество „Матицу“ (1863) и три гимназіи; литература оживилась; словацкій языкъ сталъ раздаваться въ средней школѣ и на ученыхъ собраніяхъ; кромѣ популярныхъ и художественныхъ произведеній на немъ стали издаваться ученые труды. Но въ 70-хъ годахъ на Словаковъ обрушились новыя преслѣдованія: матица и гимназіи были закрыты, ихъ имущество, въ томъ числѣ книги и изданія, конфисковано, народные дѣятели и писатели подверглись систематическому гоненію; словацкій языкъ сталъ постепенно вытѣсняться изъ церкви и народной школы. Такое бѣдственное положеніе продолжается и доселѣ. Не признаваемый ни закономъ, ни парламентомъ, вытѣсняемый изъ общественной жизни, словацкій языкъ блюдетъ почти исключительно въ семьѣ и литературѣ. Новая словацкая литература не смотря на неблагоприятныя условія своего существованія продолжаетъ стоять на высотѣ своего служенія народу. Въ пяти словацкихъ типографіяхъ, изъ которыхъ главнѣйшая въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ, важнѣйшемъ политическомъ и культурномъ центрѣ словачины, печатается болѣе десяти періодическихъ изданій разнообразнаго содержанія: политическаго, беллетристическаго, сельско-хозяйственнаго, педагогическаго, сатирическаго, учено-литературнаго, церковно-религіознаго, и значительное количество отдѣльныхъ книгъ, назначаемыхъ преимущественно для простаго народа. Среди произведеній словацкихъ писателей не перестаютъ появляться вещи, замѣчательныя по языку и содержанію, каковы напр. новѣйшіе романы Гурбана Вянскаго (Na rozhraní, Koreň a vyhonku) или лирико-эпическія піесы Орсана—Гвѣздослава (Hajníkova žena, Bútor a Ľutor, Ež Vlkolinský и др.).

Такимъ образомъ словацкій языкъ вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія и изученія: и по своимъ филологическимъ особенностямъ и какъ органъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ литературъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи представлена главнымъ образомъ образомъ общая характеристика литературнаго языка, но при этомъ приняты во вниманіе всѣ важнѣйшія особенности и отдѣльныхъ нарѣчій. Діалектологическія частности собраны въ особой заключительной главѣ.

Подробности объ обработкѣ словацкаго языка въ литературѣ см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Ярославъ Вѣчекъ, Исторія словацкой литературы. Переводъ А. Опфермана съ предисловіемъ проф. Т. Флоринскаго. Кіевъ, 1889; 2) Того же автора *Dejiny literatúry slovenskej. Napísal Jaroslav Vlček. V Turč. sv. Martine, 1890*; 3) Л. Пича, Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ Спб., т. I, 1875, II 1877. Переходъ Словаковъ къ народному языку въ литературѣ вызвалъ горячіе протесты со стороны Чеховъ, наиболее рѣзко выраженные въ книгѣ Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravány a Slováky. V Praze, 1846. Отвѣтомъ на эти протесты была книга М. Годжи. *Vetín o Slovenčině, V Levoči, 1848.*

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Словацкая графика создавалась подъ вліяніемъ чешской. Первые словацкія книги писались и печатались по чешскому способу, т. е. латиницей или швабахомъ (готической нѣмецкой азбукой) съ тѣми измѣненіями и приспособленіями къ славянской рѣчи, какія были сдѣланы въ латинской абецедѣ Гусомъ и Чешскими Братьями (ср. 46, 57 стр.). Первый опытъ введенія болѣе самостоятельнаго правописанія, ближе соотвѣтствующаго свойствамъ словацкаго языка, принадлежитъ А. Бернолаку (ср. 221 стр.). Однако опытъ этотъ оказался неудачнымъ. Не привилась и слѣдующая за бернолачиной система Штура, какъ основанная исключительно на фонетическомъ принципѣ. Принятый въ настоящее время въ словацкой литературѣ способъ писанія окончательно выработанъ и установленъ въ 1851 г. на съѣздѣ словацкихъ писателей въ Пресбургѣ главнѣйше благодаря трудамъ и указаніямъ М. Годжи и М. Гатталы.

Въ общемъ словацкая графика очень близка къ чешской. Тѣмъ не менѣе она представляетъ рядъ знаковъ, неизвѣстныхъ чешской графикѣ; съ другой стороны нѣкоторыя буквы, принятыя въ чешской

графікѣ отсутствуютъ въ словацкой. Въ правописаніи Словаковъ соединены болѣе или менѣе удачно требованія фонетическія съ этимологическими.

Словацкая азбука состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ:

а, á, ä, b, c, č, d, ě, dz, dž, e, é, f, g, h, ch, i, í, j, k, l, l', l'.
m, n, ñ, o, ô, p, r, ř, s, š, t, ě, u, ú, v, y, ý, z, ž.

á, é, í, ô, ú, ý обозначаютъ соотвѣтствующіе долгіе гласные; ô, обозначаетъ долгое о, которое въ большей части словацкихъ говоровъ звучитъ какъ оо;

i, (í), y (ý) въ литерат. языкѣ выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ — русск. и; этимологически y (ý) соотвѣтствуетъ пра-слав. и русск. ы;

ä обозначаетъ краткій двугласный звукъ, занимающій середину между е и а;

l, r обозначаютъ не только плавные согласные, но и соотвѣтствующіе имъ гласные или слогообразующіе звуки; l', ř выражаютъ гласные плавные долгіе;

ď, ě, l', ñ обозначаютъ мягкія d, t, l, n;

č, š, ž соотвѣтствуютъ русскимъ ч, ш, ж;

h обозначаетъ придыхательное g; ch—соотвѣтствуетъ русскому х;

dz, dž обозначаютъ сложные согласные дз, дж;

ia, ie, iu, ou обозначаютъ двугласные звуки.

Сверхъ того въ иностранныхъ словахъ употребляются q, x, которыя, впрочемъ, часто замѣняются сложными сочетаніями kv, ks (Aleksander, kvietancia).

А) Гласные.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ словацкаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе пра-славянскихъ глухихъ и переходъ имъ въ звонкіе: ѣ въ о, њ въ е; 2) замѣна пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ чистыми (старо-слав. ѡ = u, ú, старо-слав. ѡ = a, ä, á, ia); 3) старо-слав. ѣ = e, ie (діалектически i, iä, ia); 4) характерный звукъ ä; 5) смягчительное e 6) выговоръ долгаго ѡ какъ оо (ô); 7) совпаденіе пра-слав. ы, и въ одномъ звукѣ i; 8) слогообразующіе r, l; 9) пристрастіе къ двугласнымъ и вообще къ полному выговору гласныхъ (отсутствіе перегласовки а—е, u—i и суженія ie—i, удержаніе нестяженныхъ гласныхъ); 10) различеніе количества гласныхъ, ихъ долготы и краткости; 11) краткость и долгота слогообразующихъ r, l.

Исчезновение глухих ъ, ь и замѣна ихъ ясными о, е.

Словацкій языкъ подобно чешскому, сербо-хорватскому, русскому и польскому, не знаетъ пра-славянскихъ глухихъ или полугласныхъ звуковъ; онъ стремится къ отчетливому, ясному и полному выговору гласныхъ. Пра-славянскіе ъ, ь уже въ глубокой древности или безслѣдно исчезли или перешли въ звонкіе о, е. Безслѣдное исчезновение глухихъ наблюдается (какъ и въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; напр. *dub, kost, spis, tma*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для произнесенія согласныхъ необходимъ гласный, вмѣсто пра-славянскихъ и старо-славянскихъ ъ, ь выступаютъ ясные гласные, именно о вм. ъ и е вм. ь: *lož, voš, von, zamok, posol, chlapom, deň, lev, leš, kupec, no lži, vši, zamka, posla, dnia, lva*.

Отъ этого общаго закона и въ литературномъ языкѣ встрѣчаются лишь немногія отступленія; именно: 1) е вм. ожидаемаго о: въ слѣдующихъ словахъ: *keg, leb, sen, reptat, sírkev, turek, lokač и lakeč*; это е вѣрнѣе всего объяснять чешскимъ вліяніемъ; 2) о вм. ожидаемаго е въ окончаніяхъ существительныхъ на -ьль, -ьзь -ьлькь, -ьлькь: *orol, osol, ovos, starčok, mlupčok, brašok*; ср. русскія: орѣль, осѣль, овѣсь.

Народные говоры относительно замѣны пра-слав. ъ слѣдуютъ литературному языку. Что же касается замѣны пра-слав. ъ, то о наблюдается только въ среднемъ нарѣчій; въ западномъ и восточномъ нарѣчійхъ выступаетъ е: *lož, zamok, posol, zamkom, oknem, ven*. Въ нѣкоторыхъ (немногихъ) словахъ иногда вм. ъ слышится и а: *daska* (но и *deska, doska*) *dážď* (но и *dežď, dyšť*) *mach* (и *moch*) *gaž* (*gož, gež*); въ одномъ словѣ а и вм. ь: *Ľan* (но діалектн. и *len*) Ср. послѣдовательную замѣну ъ, ь черезъ а въ сербскомъ языкѣ. „Лекціи“ I, 245. Относительно замѣны пра-слав. ъ, ь словацкій языкъ стоитъ ближе всего къ русскому языку. Въ чешскомъ языкѣ вм. ъ и ь только е.

Соотвѣтствія старо-славянскимъ ж, л.

Словацкій языкъ, подобно чешскому и многимъ другимъ славянскимъ языкамъ, не удержалъ пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ. Слѣды такихъ гласныхъ представляютъ только нѣкоторые говоры на

сѣверъ отъ Тренчина (Чадца, Скалите) и въ сѣверной Оравѣ: *dymbe* (мн. ч.), *lénky, galénžami, s veľkom radoščom, nímzom, robjom, som* (3 л. мн. ч.); *donbu, lonky, sklodajon* (Скалите); также въ гемерскомъ ком. (Погорела) *zajgravajónci, в. п. tvoję dievkę, тв. п. s mladę pestę*. Въ говорахъ этихъ несомнѣнно отражается вліяніе сосѣдняго польскаго языка. Вообще же въ словацкомъ языкѣ носовые гласные издавна перешли въ чистые.

Старо-слав. ж соотвѣтствуютъ:

1) *съ краткихъ слогахъ*—и: *dub, ruka, ženu, milu.*

2) *съ долгихъ слогахъ* ú: *súd, kohút, nesú, súci, minúť*; въ среднемъ нарѣчій и литературн. яз. въ твор. п. ед. ч. жен. р. вм. ú—ou *se šedivou bradou, tou veľkou rybou*; впрочемъ въ народныхъ говорахъ возможно и оу: *z veľkou radoščom* въ другихъ нарѣчійхъ въ этой формѣ вм. ú слышится то краткое и (восточн. н.), то ó (въ нѣкотор. мѣст. гемерск. комит.): *z veľku radoscu, s veľkó radoščó*.

Въ чешскомъ языкѣ вм. ж также и, ú (ou). Количество и въ обоихъ языкахъ обыкновенно совпадаетъ, но не всегда; напр.:

Чешскій яз.

Словацкій яз.

duha	dúha
houba	huba
housle	husle
kruh	krúh
smutek	smútok
úhel	uhol
pouto	puto
prut	prút
soudce	sudca
smoud, čmúd	smud, čmud
tužba	túžba.

Старо-слав. љ соотвѣтствуютъ:

1) *съ краткихъ слогахъ*—â (= двугласн. еа послѣ губныхъ) 'а (т. е. ja, я, послѣ l, n, t, d) и а (послѣ с, z, s, č, ž, š, j, r): *pāť, pamāť, devāť, vāzet, holubā, tážký, dieťa, tel'a, jačmeň, mā, ťa, sa, žati*;

2) *съ долгихъ слогахъ*—ia (двугласн.): *sviazať, viac, piatok, ohliadať, priasť, tiahať, mesiac, riad, vedia, chodia.*

Такъ въ литературномъ языкѣ. Въ говорахъ наблюдаются своеобразныя особенности, которыя впрочемъ далеко еще не выяснены. Такъ въ краткихъ слогахъ *ǎ* послѣ губныхъ свойственно главнымъ образомъ среднему нарѣчію (комитаты Орава, Липтовъ, Турецъ, Зволевъ, Тековъ, Гонтъ, Новоградъ, Гемеръ); въ западномъ (Пресбургъ, Нитра, Тренчинъ) слышно *a*, а въ восточномъ (Спишъ, Шаринъ, Земплинъ)—*e*; въ послѣднемъ *e* имѣетъ мѣсто и послѣ другихъ согласныхъ (*seba*, *ref*, *se*). Равнымъ образомъ въ долгихъ слогахъ *ia* вм. *ǎ* только въ среднемъ нарѣчій; на—западѣ обыкновенно *ǎ* (*ǎ*), а на востокѣ—*ja* (*a*); кое-гдѣ (Нижняя Орава, Гемеръ) возможно *iǎ*.

Такимъ образомъ господствующей замѣной пра-слав. *ǎ* въ словацкомъ яз. служатъ *ia*, а съ разными отбѣнками выговора. Тоже явленіе въ русскомъ языкѣ (пять, рядъ, дитя). Между тѣмъ чешскій языкъ представляетъ двойной рефлексъ древняго *ǎ*—*ie* и *ia*, при чемъ *ie* (черезъ суженіе *i*) господствуетъ.

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. *ѣ* въ словацкомъ яз. соотвѣтствуютъ: въ краткихъ слогахъ — *e*, въ долгихъ *ie*; оба звука смягчаютъ предшествующіе *l*, *n*, *d*, *t*, хотя это смягченіе не обозначается *leto*, *hniedzdo*, *deti*, *diet'a*; губные обыкновенно не смягчаются: *verif*, *viera*, *behať*, *reves*, *mesiac*.

Въ чешскомъ яз. въ краткихъ слогахъ выступаютъ *ě*, *e*, въ долгихъ древнее *ie* перешло или въ *é* (въ созвучіи *lé*) или чаще въ *i* (ср. 61 стр.). Такимъ образомъ въ настоящее время словацкій языкъ въ отношеніи замѣнъ пра-слав. *ѣ* стоитъ не такъ близко къ чешскому, какъ стоялъ въ XII—XIII ст.; онъ значительно ближе къ русскому (литературному и велико-русскому). Не лишено значенія и то обстоятельство, что количество гласнаго, замѣняющаго древн. *ѣ* въ чешскомъ и словацкомъ не всегда совпадаетъ; напр. слов. *hviezda*, чеш. *hvězda*, слов. *svieži*, чеш. *svěží*, слов. *zemǎ*, чешск. *zímě* слов. *slēmǎ*, чеш. *slémě*, слов. *temǎ*, чеш. *těmě*, слов. *brēmǎ*, чешск. *brímě*, слов. *mrěža*, чешск. *mříže* и др.

Въ народныхъ говорахъ возможны и другія соотвѣтствія старо-слав. *ѣ*, но главнымъ образомъ въ долгихъ слогахъ: 1) на западѣ (въ пресбургск. и нитран. ком.) *i*, *é* (какъ въ чешск. яз.)—*hrichov*, *utírali*, *svítulo*, *bily*, *vlékol*, *mléko*; такъ и въ языкѣ Бернолака и Голаго — *víra*, *spíva*, но *chléb*; 2) на востокѣ (Спишъ, Шаринъ, Зем-

плинь) — краткое *i* — *hrichov, bilu, ucigali*; такъ и въ сосѣдномъ угрорусскомъ нарѣчїи; 3) въ гемеерскомъ ком. *ia, ja* и (кое-гдѣ) *iä* — *chvaliav, kviatok, nasbiaral, smiach, diavka, bjaló, hrjacho, biäda, peviäm* (Дренчаны); также въ говорахъ Чадца, Скалите — *rovjadaĭo, mia sta, lasé*. — Въ среднемъ нарѣчїи только *ie* какъ въ литературномъ языкѣ. Въ краткихъ слогахъ во всей области словацкаго языка слышно почти исключительно *e*; кое-гдѣ разница только въ степени мягчительной способности этого *e*; напр. въ западн. ч. витранской области смягчаются и губные: *mesta, osvescuješ*. Въ новоградск. в. иногда слышно *ä*: *osväscuješ mästa*. Впрочемъ и въ литературномъ языкѣ въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются *ä, ia*: напр. *človäci, väža, zemän, snäh, ľavo, blädy* и *blädy* и др.

Основными, характерными рефлексами древн. *ѣ* въ словацкомъ языкѣ нужно считать *e, ie*; диалектическія *i, i, ia (ja)* сближаютъ словацкїй языкъ съ сосѣдними славянскими языками, именно: *i* съ чешскимъ, *i* съ малорусскимъ, *ia, ja* — съ польскимъ. Диалектическое двугласное *ä, iä* быть можетъ есть древнѣйшее соотвѣтствіе старослав. *ѣ* (Ср. „Лекціи“ I, 78 и Arch. f. Slav. Phil., XVП).

Всѣ указанные рефлексы древн. *ѣ* выступаютъ какъ въ коренныхъ совзучїяхъ, такъ въ суффиксахъ основъ и падежныхъ окончанїяхъ; напр.: 1) *beh, bežat, smet, semä, sbierat, listat, umierat*; 2) *človek*, но *človäci, vedet*; 3) *rybe, dele*.

Ä.

Характерную особенность словацкаго воеализма составляетъ звукъ, обозначаемый посредствомъ *ä* (или *æ*). Это — гласный, занимающїй средину между *e* и *a*, точнѣе — *e*, произносимое съ окраской *a*. М. Годжа, впервые введшїй въ графику знакъ *ä*, опредѣлилъ его звуковое значеніе какъ *iea*; М. Гаттала видитъ въ немъ родъ двугласнаго *ea*, въ которомъ первый звукъ (*e*) беретъ перевѣсъ подъ вторымъ (*a*); Викторинъ утверждаетъ, что *ä* произносится какъ вѣмецкое *ä*, только болѣе отрывисто. Это несходство въ опредѣленїяхъ грамматиковъ объясняется тѣмъ, что данный характерный звукъ въ разныхъ говорахъ представляетъ свои оттѣнки. Въ частностяхъ эти оттѣнки, а равно функціи *ä* и степень распространенности этого звука въ языкѣ еще не выяснены.

Въ литературномъ языкѣ *ä* замѣняетъ послѣдовательно пра-слав. *ä* послѣ *p, b, v, m* въ краткихъ слогахъ: *päť, sväzok, pamät, svätý* (ср. выше стр. 250), но и *gradzä, jätri sa* (Орсагъ). Сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ, а частью у отдѣльныхъ писателей *ä* выступаетъ замѣстителемъ другихъ гласныхъ; именно: 1) пра-слав. *ǣ*: *väža, človäčí, zemän, snäh, nelzä* (старо-слав, *нелзѣ*), *bl'ädý*; 2) кратк. *a*: *vugabäť, vutäpäť, pokrapäť, staväť, čäs, käd', bāgan, gäjdy, kämen* (но и *kameň*), *kädit*; 3) краткого *e*: *mäd, jäzero, jäskyňa*; 4) пра-слав. *ě*: *käde*; 5) пра-слав. *i, y*: *väma* (вым*ä*), *okräje*; и пр.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ *ä* проникло въ литературный языкъ изъ разныхъ говоровъ. Въ какихъ именно словахъ слышится и должно писаться *ä*—точно не установлено. Это одинъ изъ трудныхъ, неясныхъ вопросовъ словацкой орфографiи (ср. Czambel, *Príspevku k dejinám jazyka slovenského*, 36—40).

Изъ народныхъ нарѣчiй *ä* распространено преимущественно въ срединныхъ говорахъ (Орава, Липтовъ, Турецъ, Зволень, Теговъ, Гонтъ, Новоградъ и Гемеръ). Большею частью здѣсь *ä* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ä* въ краткихъ слогахъ; въ новоград. *k*. оно выступаетъ также вм. *ǣ*, а въ липтовскомъ, зволенскомъ оравскомъ и гемерскомъ вм. *a*. Въ гемерскомъ говорѣ различается краткое *ä* отъ долгаго *ae*: *jae, košae-giky, obidvae, sedlaek, konä* (р. п.), *däleko, do jämu*. Въ говорахъ Нижней Оравы и Гемера встрѣчается *iä* (вм. *ä*).

А, á, ia.

Гласный *a* можетъ быть краткимъ и долгимъ—*a* и *á*: *sláva, zlatá gubka*.

Послѣ мягкихъ согласныхъ (*a* также послѣ *p, v*), долгое *a* обыкновенно выражается черезъ двугласн. *ia*: *čiaga, žiar, žial, dušiam*. Такъ въ литературномъ языкѣ и въ среднемъ нарѣчiи. На западѣ и послѣ мягкихъ *á* (какъ въ чешскомъ языкѣ). На востокѣ (*a* также кое-гдѣ въ тренчинск. *k*. (Кысуца) и гемерск. *k*. (В. Ревуца) нѣтъ долгаго *á*, а слышится только краткое *a*. Иотацiей *a* послѣ мягкихъ согласныхъ словацкiй отличается отъ чешскаго и сближается съ мало-русскимъ нарѣчiемъ.

Словацкое *a* соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. *a*: *žena ženám*; 2) пра-слав. *ä* въ краткихъ слогахъ: *jašmeň, sa, žať* (см. выше стр. 250).

Словацкое *ia* не только соотвѣтствуетъ чешскому *á* (послѣ мягкихъ согласныхъ), но и старо-слав. *ъ* въ долгихъ слогахъ: *sviazať, vias, piatok* (см. выше стр. 250).

Первоначальное *a* (краткое и долгое) во многихъ говорахъ перешло въ *â*: *bâgan, kâmen, žâloba, jâ, dvâ* (см. выше стр. 253). Въ сѣв.-тренин. гов. (Чадца, Скалите), вм. *a* возможно *o* (какъ въ ляхскомъ нар.) *jo, vom, pëchovoš, olšom* (ср. стр. 68, 210).

Е, é, ie.

Гласный *e* можетъ быть краткимъ и долгимъ: *žena, dcéga*.

Долгота *e* въ литературномъ языкѣ и въ большей части народныхъ говоровъ выражается двойко: а) протяжнымъ *é* и б) двугласнымъ *ie*; *é* выступаетъ главнымъ образомъ какъ результатъ стяжения; напр. *zdravé, zdravého*; также въ *dcéga* и нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ: *grék, švéd, planéta* и т. п.; во всѣхъ другихъ случаяхъ *ie*: *mlieko, chlieb, riect, uviesť*.

Въ восточномъ нарѣчii (Спишъ, Шаришъ), вообще не различающемъ количество гласныхъ, существуетъ только одно краткое *e*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ западнаго нарѣчiя (Тренинъ, Нитра) долгое *e* всегда звучитъ какъ *é* *uvést, réklo*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гемерскаго ком.—какъ *ia*: *neziam, nepriviadó, odviašč*.

Краткое *e*, на ряду съ другими узкими гласными, смягчаетъ предшествующіе согласные *l, n, t, d*, при чемъ въ современной графикѣ это смягченіе не обозначается; напр. *daleko, radne, nemoc, dedina, teplo*. Отступленій отъ этого закона немного: въ *ten, open* и производныхъ отъ нихъ (*tegaz, vtedy* и т. д.) *t, n* звучатъ твердо; также *e* не смягчаетъ предшествующій согласный въ склоненіи сложномъ когда оно стоитъ вм. первонач. *é* (*krásného*, см. ниже) и въ именномъ склоненіи прилагательныхъ (*matkine*), когда замѣняетъ др. *ы*. Изъ народныхъ говоровъ отступленіе въ этомъ отношеніи представляютъ говоры на западъ отъ р. Вага а также въ гемерск. ком.; здѣсь *l, n, t, d* звучатъ передъ *e* твердо какъ въ чешскомъ языкѣ.

Данною чертою словацкій языкъ отличается отъ чешскаго языка и сближается съ русскимъ (великорусскимъ и бѣлорусскимъ) польскимъ и лужицкимъ.

Словацкое *e* соотвѣтствуетъ: 1) пра-славянскому *e* (*berete, reku*; 2) пра-слав. и старо-слав. *ь* (*den, kures* ср. 249 стр.); 3) пра-слав. и

старо-слав. ѣ въ краткихъ слогахъ (hnev, mesto ср. стр. 251); 4) пра-слав. и старо-слав. ѡ въ восточномъ нарѣчїи (Спишь, Шарить, те се, весе. См. стр. 251).

іе: 1) представляетъ удлиненіе е; 2) соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. ѣ въ долгихъ слогахъ (hniezdo ср. стр. 251).

Весьма характерно удлиненіе е въ іе въ основахъ настоящ. вр.: vedіem, vedіeš, pesіem, peсіem, minіem, knіem, но рnem, kradnem, tešem.

Въ отдѣльныхъ словахъ, чаще послѣ мягкаго согласнаго (особ. л), вм. первичнаго е иногда слышится а или ѧ; čata, jelša, и jelša, jaseň и jeseň, ľad, sladolád, plách, šlachta и šľachta, mäd, mäčať, pohrab.

Иногда вм. первичнаго е выступаетъ о: hoslo, svokor, ktory, útorok, kloštor, štvoro, pätoro.

Гласный е (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) можетъ быть подвижнымъ звукомъ, причѣмъ онъ то замѣняетъ древн. ѣ, то служитъ вставочнымъ звукомъ: den—dne, tma—temný, oheň, baseň, sestër, oves.

О, ô, (ó, uo, ua, u).

Гласный о можетъ быть краткимъ и долгимъ: ogoľ, pôž.

Долгое о въ современномъ литературномъ языкѣ звучитъ какъ дугласный uo и обозначается посредствомъ ô. Въ періодъ выработки новаго правописанія этотъ звукъ передавали то черезъ uo, то черезъ ó; теперь утвердился знакъ ô; ó употребляется только въ заимствованныхъ словахъ; напр.: história, Evgóra.

Въ народной рѣчи uo слышится въ срединныхъ говорахъ (Турецъ, Орава, Липтовъ, Зволень, Новоградъ, Гонть, Тековъ, частью Нитра, Тренчинъ); на западѣ (въ пресбургскомъ и большей части нитранскаго и тренчинскаго комитатовъ) обычно протяжное ó; такъ и у Бернолака и Голаго; на востокѣ (Спишь, Шарить, Земплинь), а также кое-гдѣ въ гемерскомъ и тренчинскомъ комит. — краткое u — какъ замѣститель болѣе древняго u; въ гемерск. ком. нерѣдко ua; напр. mûžeš, muožeš, móžeš, mužeš, muazeš.

Всѣ эти рефлексы долгаго о, (за исключеніемъ ua) находящїеся между собой въ генетической связи, представлены въ большей или меньшей степени въ чешскомъ языкѣ, то въ старомъ литературномъ, то въ современныхъ народныхъ говорахъ Моравїи и Силезїи (ср. стр. 70, 205, 212). Но между нынѣшними литературными языками Чеховъ

и Словаковъ въ этомъ отношеніи уже значительная разница: въ чешскомъ яз. $\bar{o} = \bar{u}$, въ словацкомъ $o = \hat{o}$ (uo). Сверхъ того не лишено значенія то обстоятельство, что расширеніемъ \bar{o} въ uo словацкій языкъ сближается не только съ древне-чешскимъ яз.¹⁾, но и малорусскимъ, польскимъ, сербо-лужицкимъ и словинскимъ (Ср. стр. 70). Количество гласн. o въ чешскомъ и словацкомъ обыкновенно совпадаетъ; но наблюдаются и характерные случаи различія; таеъ въ словацк. дат. п. мн. ч.—конч. на—om, въ чешск.—на— $\bar{u}m$ (chlaron, chlaru \bar{m}), род. п. мн. ч.—въ слов. на—ov въ чешск.—на $\bar{u}v$ (chlaron, chlaru \bar{v}).

Кромѣ обще-славянскаго значенія (okno, dóm) o въ словац. яз. соотвѣтствуетъ также пра-слав. и старо-слав. ъ (lož, chlaron ср. стр. 249).

Перегиасовка o въ e послѣ мягкихъ согласныхъ, довольно послѣдовательно выдержанная въ чешскомъ языкѣ, почти отсутствуетъ въ словацкомъ; Словаки пишутъ pole, srdce, vajce, но говорятъ: po'lo, srdco, vajco; подобнымъ образомъ — mužom, mužovi, mužoch, čoho, čomu, jom, tojom, našom и т. д.; но тоjeho, тоjemu. Чаше перегиасовка въ Дренчанск. говор. (гемерскій комит.).

Вообще основное o сохраняетъ свое мѣсто въ словѣ, не уступаетъ его другимъ гласнымъ; характерное исключеніе представляютъ два слова: kreme, kreta, krem (кромѣ) и pre (вм. про).

I, í, Y, ý.

Словацкій языкъ, подобно чешскому и южно-славянскимъ языкамъ, не знаетъ различія между пра-славянскими и и ы. Принятые въ словацкой графיקѣ начертанія i, y обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ, который произносится какъ обыкновенное русское и; напр. byť (быти) biť (бить) звучатъ одинаково; ryba, myseľ прѣизносятся: рыба, мисель. Употребленіе того или другаго знака обусловливается законами этимологии: y выступаетъ тамъ гдѣ въ пра-славянск. и старо-слав. яз. было ы; напр. byť, byk, my, jazyk. Послѣ гортанныхъ обыкновенно пишется y: hýbať, kývať, послѣ c, č, ž, š—i—život, široko. Древнее различіе въ природѣ обоихъ звуковъ отражается лишь въ неодинаковомъ ихъ вліяніи на предшествующіе согласные; передъ i (= пра-слав. i) l, n, t, d звучатъ мягко какъ передъ e и другими узкими гласными,

1) Изъ живыхъ чехо-моравскихъ говоровъ uo (вм. ů) представляетъ только сѣверно-опавскій говоръ.

а передъ у (т. е. *i* = пра-слав. *y*) тѣже согласные произносятся твердо; напр. *dym*, *duha*, *divo* (т. е. *ďivo*), *jasní sa* (т. е. *jasní*) и *jasný čas*. Этимъ различіемъ въ выговорѣ предшествующихъ согласнымъ оправдывается сохраненіе въ графикѣ знака *y*, дѣлающее излишнимъ обозначеніе мягкости согласныхъ передъ *i*. Но правильное употребленіе *y* представляетъ большія трудности, съ которыми не всегда справляются даже образцовые писатели. Отсюда въ литературномъ языкѣ нерѣдко разногласіе относительно употребленія *i* и *y*, а въ ученой литературѣ раздаются голоса объ исключеніи *y* изъ словацкой азбуки¹⁾.

Гласный *i* (*y*) можетъ быть краткимъ и долгимъ: *kniha*, *piesni*, *guha*, *český*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ словацкой земли сохранилось древнее *y*, звучащее совершенно такъ, какъ у Русскихъ и Поляковъ. Это—въ говорахъ Гонта (около Бзовика), Оравы и Тренчина на границахъ съ польскою народностью: *guhu* (рыбы). Въ новоградскомъ, гонтскомъ, зволенскомъ и гемерскомъ комитатахъ вм. *y* слышится *e*, какъ у моравскихъ Ганаковъ, а вм. *y* — *ej*, какъ въ чешскихъ народныхъ говорахъ; напр.: *te*, *ve*, *me*, *be* вм. *tu*, *vu*, *mu*, *bu*, *do tuke*; *bejk*, *dejst*, *dobřej* вм. *búk*, *dým*, *dobrý*. По вѣроятному мнѣнію Пастернака, въ этой звуковой особенности данныхъ говоровъ нужно видѣть чехизмъ, занесенный къ Словакамъ чехо-моравскими колонистами гуситской эпохи, селившимися именно въ выше поименованныхъ комитатахъ.

Вм. древн. *y* слышно *o* въ прич. *bol*, *bola*; здѣсь *o* явилось, вѣроятно, по аналогіи другихъ причастій *piesol*, *rekol* и т. д. Въ Гемерѣ—*búl*, неопр. *but*, въ восточн. варѣчьи (Спишь, Шаришь), *bul*; въ Погорелѣ (Гемер. ком.) *bela*, *belo*.

Въ говорахъ гемерскаго ком. наблюдается *e* вм. *i* въ прич. *na! zatorou*, *proseu*, *vrateu*.

U, ú (ou).

Гласный *u* можетъ быть краткимъ и долгимъ: *ruka*, *duch*, *súd*, *pesú* (3 л. мн. ч.).

Долгота всегда выражается черезъ *ú*; только въ творит. п. ед. ч. вм. старо-слав. *omъ* въ литерат. яз. и среднемъ нар. слышится *ou* (какъ въ чешск. яз.): *rukou*, *шпоу*; въ западн. нар. и здѣсь—*ú*: *rukú*.

¹⁾ Ср. Czambel, Príspevku k dejinam jazyka slovenského. 36, 40—43. Не лишне замѣтить, что ни Бернолакъ, ни Штуръ не употребляли *y*. Знакъ этотъ ввели Годжа и Гаттала.

Въ восточномъ нар. существуетъ только краткое *и*. Гласный *и* (*ü*), соотвѣтствуетъ пра-славянскому *и* (*duch, chlaru*) и замѣняетъ пра-слав. и старо-слав. *ж*, напр. *muž, gubu, trú* (ср. выше стр. 250).

Сверхъ того въ большей части народныхъ говоровъ выступаетъ краткое *и* вм. первичныхъ твердаго *l* и *v*, когда эти согласные заканчиваютъ слово или находятся внутри слова передъ другими согласными; напр.: *bou, dau, biu, roponc, kostieu, touko, stou; leu, rodičov, praua, dieuša*. Въ западномъ нар. каждое *l* переходитъ въ *и*: на *žauobu, okoно, huavnú*.—Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ *и* переходитъ гласное *l*: *sunko, tuštými, duho* (Бзинца, Бошаца, Тренчинъ). Сохраняется твердое *l* въ комитатахъ — верхне-трэнчинскомъ, оравскомъ, турчанскомъ, спишскомъ и шарипскомъ.

Въ современномъ литературномъ языкѣ принято этимологическое правописание т. е. вездѣ сохраняются первичные *l* и *v*: *bol, dal, pravda*. Между тѣмъ Штуръ предлагалъ писать по господствующему народному выговору: *bou* и т. д.

Переходъ твердаго *l* въ *и* особенно сближаетъ словацкій языкъ съ мало-русскимъ, словинскимъ и сербо-лужицкимъ языками; частные примѣры такого перехода встрѣчаются въ нѣкоторыхъ чехо-моравскихъ говорахъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ народныхъ говорахъ *и* выступаетъ вм. *о* въ окончаніи глаголовъ на—*ovať*: *prisivat, rгасивat*. Въ литерат. яз. принято—*ovať*.

Слогообразующіе *г, ě, l, ě*.

Словацкому языку, на ряду съ чешскимъ и сербо-хорватскимъ, свойственны т. н. гласные или слогообразующіе *г, l*, обозначаемые на письмѣ начертаніями одноименныхъ согласныхъ; напр. *vlk, žna*.

Характерная особенность словацкихъ гласныхъ *г* и *l* состоитъ въ томъ, что они въ противоположность чешскимъ могутъ быть двоякаго количества, долгими или краткими¹⁾, *l* и *l'*, *г* и *ě*; напр. *žna* и *žna*, *držat* и *z-dřzat*, *slza*—*sl'z* (р. п.), *vlna*—*vl'n* (р. п.). Тоже явленіе въ сербо-хорватскомъ языкѣ (ср. Лекція I, 260).

Словацкіе гласные *г, l* (подобно чешскимъ) развились или 1) изъ пра-славянскихъ *ръ, љъ, рь, љъ*: *brv, hrmeš, slza, klnuť* или 2) изъ

1) Изъ чехо-моравскихъ говоровъ долгиа *l, г* находятся только въ валашскомъ и дольскомъ нарѣчіяхъ, служащихъ посредствующимъ звеномъ между моравскими и словацкими говорами.

пра-слав. ѣр, ѣл, ѣр, ѣл: hrdlo, brzko, mrtvu, srdce, vlk, plný, dlh (ср. 75 стр.).

Въ словацкомъ языкѣ употребленіе гласныхъ г, л послѣдовательнѣе и постояннѣе, чѣмъ въ чешскомъ, который часто допускаетъ при г, л гласные звуки; напр. bleha (ч. blecha), brst, brdnut (ч. břisti, břednouti), brvno (ч. břevno), hlboky (ч. hluboký), chlp (ч. chlup), klka (ч. kluk), krv (ч. krev), krst (ч. křest), šklbať (ч. sklubati), trst (ч. trest), ěln (ч. ělun), ěrpát (čerpáti), dlbat (ч. dloubati), dlho (ч. dlouho), dlh (ч. dlouh), chlm (ч. hlum), krč (ч. křeč), stlp (ч. sloup), slnce (ч. slunce), t'let, t'kať (ч. tlouci, tloukati), tlstý (ч. tlusty), žlč (ч. žluč), žlty (ч. žlutý), žrd' (ч. žerď). Любопытно plvať (старо-слав. плути, пловѣ).

Впрочемъ, и въ словацкомъ языкѣ наблюдаются случаи полной вокализации л, г, т. е. появления вмѣсто нихъ звуковыхъ сочетаній—гласный + согласный г, л; напр. blišteť, возлѣ brvno и bevno и bevno, возлѣ krv—krev, krst и kresťan, vietor, rekol; послѣ ѣ обыкновенно е (какъ въ чешск. яз.), ěrv, ěrny; также hlčať, mluva, pluk, tlumať. Въ формѣ этихъ словъ нужно видѣть вліяніе чешскаго языка.

Въ народныхъ говорахъ гласные г, л, слышны во всей западной и средней полосѣ словацкой земли. Только на востокѣ (Шариншъ, Спизшъ, Земплинъ) при г, л всегда находятся гласные: verba, verch, serdečko, žoltoklosny, slunko; также zarpo, sarce, tarhác, čarne; а вѣроятно, нужно объяснять польскимъ вліяніемъ.

Пра-слав. tert = tret, triet (trêt), пра-слав. tort = trat.

Относительно соответствій пра-славянскимъ сочетаніямъ формулъ tert (telt) и tort (tolt) словацкій языкъ находится въ одной группѣ со старо-славянскимъ, чешскимъ и южно-славянскими языками и отличается съ одной стороны отъ русскаго (полногласіе tereť, torot), съ другой отъ польскаго и сербо-лужицкаго (tret, trot).

Изъ пра-слав. tert (telt) черезъ перестановку и удлиненіе е образовалось trêt (tlêt). Гласный ê соответствуетъ старо-слав. ѣ и въ словацкомъ языкѣ звучитъ въ краткихъ слогахъ какъ е, въ долгихъ какъ ie: breh, breza, mreť, plen, mlieko. Въ словацк. яз. нерѣдко краткое е, гдѣ въ чешск. яз.—долгое ie (i).—Два слова представляютъ отступленіе отъ общаго закона: čerešňa, čerieslo. Такъ какъ эти слова въ полногласной формѣ свойственны не одному какому либо говору,

а всему языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ.

Изъ пра-слав. *tort* черезъ перестановку *o* и удлинение его въ *a* образовалось *trat*; напр. *brada*, *hrad*, *krava*.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной части тренчинскаго комит. (Чадца, Скалите, гдѣ вообще рядомъ со словацкой рѣчью раздается польская) наблюдается *trot* вм. пра-слав. *tort*: *plone*, *glówni*, *krovky*.

Ср. выше стр., 77—78.

Д в у г л а с н ы е.

Словацкій языкъ отличается значительнымъ пристрастіемъ къ двугласнымъ звукамъ.

Въ литературномъ языкѣ употребительны: *ia*, *ie*, *iu*, *ā*, *ō*, (*uo*), *ou* (въ твор. п.); въ народныхъ говорахъ, вслѣдствіе перехода конечныхъ *l*, *v* въ *u* получается еще длинный рядъ двугласныхъ: *au*, *eu*, *iu*, *ou*. Примѣры: *vzdialena*, *sgdciam*, *lietať*, *spraseniu*, *ramāt*, *kōň*, *gukou*, *da*, *bu*, *biu*, *uneu* и др.

Всѣ эти двугласные вѣроятно возникли въ глубокой древности, но всетаки на словацкой почвѣ. Къ сожалѣнію процессъ развитія ихъ не можетъ быть даже приблизительно уясненъ, вслѣдствіе отсутствія историческихъ данныхъ и недостаточной разработки словацкой диалектологіи. Впрочемъ несомнѣнно, что въ однихъ случаяхъ двугласные имѣютъ въ большей степени характеръ первичныхъ основныхъ звуковъ; напр. *ogiem*; *pesiem*, *ośiach*, *uueniu*; въ другихъ (притомъ чаще) они выступаютъ замѣстителями другихъ звуковъ; напр. *ia*, *ā* замѣняютъ пра-слав. *а* и *ѣ* (*brema*, *vedia*), *ie* — пра-слав. *ѣ* (*lietať*), *ō* пра-слав. *о* (*kōň*). Ср. выше стр. 250—252, 255.

Долгота и краткость гласныхъ.

Словацкій языкъ на-ряду съ немногими другими славянскими языками, именно съ чешскимъ, сербо-хорватскимъ и кашубскимъ, различаетъ количество гласныхъ, ихъ долготу и краткость.

Каждый гласный, не исключая *г* и *l*, можетъ быть краткимъ и долгимъ. Этою послѣдовательностью въ различеніи количества всѣхъ гласныхъ словацкій языкъ отличается отъ современнаго чешскаго языка, въ которомъ гласные *l*, *г* не бываютъ долгими. Напротивъ въ сербо-хорватскомъ различается краткое *р* отъ долгаго *ř*.

Долгіе гласныя отличаются отъ краткихъ прежде всего болѣе протяжнымъ выговоромъ того же звука; но для нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ указано выше) долгота выразилась въ измѣненіи природы звука; такъ напр. долгое о звучитъ какъ двугласное *uo*, долгое е какъ двугласное *ie*, а — какъ двугласное — *ia*. Соотвѣтствіе долгихъ и краткихъ гласныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Краткіе гласныя: а, а́, е, і, о, ц, у, l, г.

Долгіе гласныя: а́, ia, е́, ie, і́, ô, (ou) ý, l', é.

Примѣры: *žena, mráz, rač, piatý, nebo, slovenského, mlieko, milý, pila, okno, kôň, ucho, úrok, guba, býk, vlk, sl'z, krm, krmíš.*

Вопросъ о количествѣ гласныхъ въ словацкомъ языкѣ въ частностяхъ почти не разъясненъ. Въ существующихъ грамматическихъ трудахъ онъ излагается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ¹⁾. Относительно происхожденія словацкихъ долготъ и чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ сохраняютъ свою силу тѣ общія замѣчанія, которыя сдѣланы выше относительно количества въ чешскомъ языкѣ (стр. 78—80).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и словацкія долготы (подобно чешскимъ и сербо-хорватскимъ) не совпадаютъ съ пра-славянскими, а возникли уже на словацкой почвѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности. Болѣе древними нужно считать тѣ долготы, для которыхъ оказываются соотвѣтствія не только въ чешскихъ, но и сербо-хорватскихъ долготахъ или въ удареніи и особомъ чередованіи звуковъ другихъ родственныхъ языковъ, уже не различающихъ количества — русскаго (великорусскаго и малорусскаго) польскаго и сербо-лужицкаго; напр. въ слѣдующихъ словахъ: *múka* (чеш. *mouka*, сербо-хорв. *múka*), *súd* (чеш. *soud*, сербо-хорв. *súd*), *dráha* (чеш. *dráha*, рус. *дорога*), *mráz* (чеш. *mráz*, сербо-хорв. *mráz*, рус. *морозъ*) *stól*—*stola* (польск. *stół*—*stołu*, малор. *стіл*—*стола*).

Въ однихъ случаяхъ долгіе гласныя образовались черезъ стяженіе двухъ краткихъ; напр. *báť sa* (чеш. *báti se* = *bojati se*), *dobrého* (= *dobrajeho*), *dobrá* (= *dobraja*), *pás* (ч. *pás* = *pojas*), *znameníe* (чеш. *znamení* = *znamenije*); въ словацкомъ языкѣ такихъ долготъ меньше,

¹⁾ Ср. напр. М. Гаттала, *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského* (1857), 128—130; Еро же, *Mluvnica jazyka slovenského* (1864), 32—34; Pastrnek, *Beiträge zur Lautlehre der Slavischen Sprache in Ungarn*. (1888), 116—118; J. Viktorin, *Grammatik der Slavischen Sprache*, 4-е изд. (1878), 8.

чѣмъ въ чешскомъ, такъ какъ и стяженіе гласныхъ въ первомъ языкѣ менѣе распространено, чѣмъ во второмъ; напр. чешскимъ — *káti se, bázlívu, mé, tvá, vévoda* — соотвѣтствуютъ въ словацкомъ *kajať sa, bojzlivý, moje, tvoja, vojevoda* (ср. ниже параграфъ о стяженіи гласныхъ).

Въ другихъ случаяхъ долготы возникли черезъ удлинение первоначально — краткихъ гласныхъ; напр.: *dvih-núť—dvihať, sadíť—sádz-ať kón—koňa, konsky, stól—stola, guba—gýb, vlna—vl'n, brada—brád.*

Количество гласныхъ не отличается постоянствомъ и неизмѣняемостью; какъ въ корняхъ, такъ въ основахъ и окончаніяхъ долготы и краткость чередуются между собой; напр. *kôň—koňa, mŕáz—mŕaziť, kázať—kazateľ, poňa—pôň* и т. д. Сверхъ того въ различныхъ говорахъ количество гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ не всегда совпадаетъ. Отдѣльно стоитъ нарѣчіе (Спишь, Шарипъ), въ которомъ количество не различается и долгіе гласные отсутствуютъ. Таже черта наблюдается въ нѣкоторыхъ говорахъ гемерскаго (Шумяць, Погорѣла), зволенскаго (Гандель) и тренчинскаго (Скалите) комитатовъ. Она сближаетъ словацкій языкъ (въ извѣстныхъ говорахъ) съ русскимъ и польскимъ.

Законы чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ еще не установлены. Только для отдѣльныхъ группъ явленій можно намѣтить нѣсколько болѣе или менѣе общихъ причинъ измѣненія количества гласныхъ. Сюда относятся: 1) требованіе звуковыя (стяженіе гласныхъ) напр. *dobrého*; 2) измѣненіе объема слова: *mŕáz—mŕaza, poňa—pôň, slza—sl'z*; 3) требованія этимологическія, напр. въ глаголахъ многократнаго вида, гдѣ долгіи гласный соотвѣтствуетъ стремленію языка отбѣнить длительность дѣйствія: *sbierať, lietať, umierať, prihládz-ať; čítať, ročínať*; 4) вліяніе ударенія; напр. попадая въ неударяемый слогъ долгіи гласный иногда становится краткимъ: *chvála—rochvala, krás-a—okrás-a, vieŕ-a—rovera, smiech—rosmech*; напротивъ распространенное въ чешскомъ языкѣ удлинение краткихъ гласныхъ подъ вліяніемъ ударенія кажется неизвѣстно словацкому языку; такъ чешскія *kámen líra, síla, máti, píti* и др. звучатъ въ словацкомъ: *kamen, líra, síla, žila, mať, píti* и т. д.

На переходъ долгихъ гласныхъ въ краткіе особенно вліяетъ содѣйство долгихъ же гласныхъ. Это характерная черта словацкаго количества. Основной законъ, наблюдаемый въ большей части живыхъ

говоромъ и принятый въ литературномъ языкѣ говорить, что словацкій языкъ въ противоположность чешскому, не допускаетъ рядомъ двухъ долгихъ гласныхъ и превращаетъ второй изъ нихъ въ краткій; напр. чешскимъ krásné, spívání, или chodívání въ словацкомъ соотвѣтствуютъ krásne, spievanie, chodévava. Двугласные ia, ie, iu въ этомъ случаѣ теряютъ свое i: ríjús-a, ríjúse, ríjúsi вм. ríjúcia, ríjúcie, ríjúciu. Исключеніе составляетъ только ou въ твор. п., остающееся неизмѣненнымъ: krásnou bránou. Проф. Пастернекъ¹⁾ выразилъ сомнѣніе относительно достовѣрности этого закона, основываясь на томъ, что въ нѣкоторыхъ изданныхъ образцахъ народной рѣчи и въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ писателей (Годжа, Паулини—Тоть) встрѣчаются слова съ двумя долгими гласными рядомъ (chválím, zabráňí). Однако, основательность этихъ сомнѣній подрывается слѣдующими соображеніями: 1) образцы народной рѣчи, на которые ссылается пр. Пастернекъ, относятся къ западному нарѣчію, которое вообще стоитъ къ чешскому языку ближе всѣхъ прочихъ словацкихъ нарѣчій; памятники народнаго творчества, записанные въ срединныхъ областяхъ словацкой земли, не представляютъ отступленій отъ вышеуказаннаго общаго закона; 2) встрѣчающіеся въ литературномъ яз. примѣры присутствія въ одномъ словѣ рядомъ двухъ долгихъ гласныхъ правильнѣе всего разсматривать какъ чехизмы, такъ какъ они вообще довольно рѣдки, носятъ случайный характеръ и преимущественно наблюдаются у писателей (напр. Паулини—Тоть), въ языкѣ которыхъ вообще замѣтно вліяніе книжной чештины; 3) трудно предположить, чтобы такіе знатоки роднаго языка какъ Штуръ, Годжа и Гаттала произвольно измыслили законъ такого общаго характера, еслибъ для него не было данныхъ въ живой народной рѣчи.

Весьма важенъ вопросъ объ отношеніи словацкаго количества къ чешскому. Проф. Гебауэръ въ своей обширной „Исторической грамматикѣ чешскаго языка“ (I, 609) категорически заявляетъ, что „въ словацкихъ нарѣчіяхъ количество вполне совпадаетъ съ чешскимъ“²⁾, при чемъ не подтверждая этого положенія частными данными ссылается на упомянутыя выше „Beiträge“ Пастернека. Дѣйствительно проф. Пастернекъ признаетъ, что въ общемъ (im Allgemeinen) долгота и

¹⁾ Beiträge zur Lautlehre d. Slav. Sp. 117—118.

²⁾ „V náfecích slovenských kvantita celkem se shoduje s českou“.

краткость гласныхъ въ чешскомъ и словацкомъ совпадаютъ, но въ то же время въ разныхъ частяхъ своего труда приводитъ значительное число примѣровъ, показывающихъ, что въ отношеніи количества словацкій языкъ весьма нерѣдко расходится съ чешскимъ. При болѣе подробномъ сопоставленіи двухъ языковъ число примѣровъ подобнаго разногласія должно значительно умножиться. Выше, при обзорѣннхъ отдѣльныхъ гласныхъ, сообщенъ довольно длинный рядъ уклоненій словацкаго языка отъ чешскаго въ области количества: и въ коренныхъ созвучіяхъ и въ слогаобразующихъ приставкахъ довольно часто выступаютъ краткіе гласные тамъ, гдѣ въ чешскомъ находятся долгіе и, наоборотъ, долгіе тамъ, гдѣ въ чешскомъ — краткіе (ср. стр. 250, 251, 255, 256). Въ дополненіе къ приведеннымъ даннымъ можно указать еще слѣдующія наиболѣе крупныя группы параллельныхъ звуковыхъ явленій:

1) Въ чешскомъ языкѣ многіе односложные существительные имѣютъ въ имен. п. ед. ч. долгій гласный; въ словацкомъ яз. выступаетъ чаще только *o* и то не всегда напр.: *kôň, nôž, stôl, vôl*; но *boh* (ч. *bûh*), *dvor* (ч. *dvûr*) *voz* (ч. *vûz*), *sol* (ч. *sûl*), *hnôj* (ч. *hnûj*); другіе гласные большею частью остаются краткими; напр.: *hrach, prach, mak, sneh*, между тѣмъ въ чешскомъ языкѣ: *hrách, prách, mák, snîh*.

2) Двусложныя слова (особенно жен. р.) въ чешскомъ языкѣ обыкновенно имѣютъ въ именит. п. ед. ч. коренной слогъ долгій; напр.: *kámen, kráva, lípa, síla, sláma, žíla, gána, skála, kůža, břímě, símě, temě* и др.; въ словацкомъ въ этихъ и подобныхъ словахъ чаще краткіе гласные: *kamen, krava, lipa, sila, slama, koža, žila, gana, skala, breňa, semä, temä* и др.

3) Двусложныя имена жен. р., представляющія и въ словацкомъ коренной гласный долгій въ имен. п. ед. ч. (*brána, práca* и др.), сохраняютъ эту долготу и въ тѣхъ падежахъ, въ которыхъ чешскій языкъ обыкновенно имѣетъ краткіе гласные, т. е. въ твор. п. ед. и въ род. дат., творит. и мѣстн. пп. мн. ч. (ср. 121—122 стр.); напр.: *brána, bránoč, brán, bránam, bránami, bránach*; въ чеш. яз. — *brána, braňoč, bran, branám, branami, branach*.

4) Односложные родит. пп. мн. ч. въ словацкомъ всегда представляютъ долготы: *čias, ráz, brád, nôh, rýb, rúk, vl'n, sfn, diel, mias, zfn* и т. д.; въ чешскомъ въ этихъ случаяхъ выступаетъ краткій

гласный даже тогда, когда въ имен. п. ед. ч. слышится долгій: čas, gaz, brad, ryb, vln, děl, mas и др.

5) Окончанія род. и дат. пп. мн. ч. въ словацкомъ яз.—кратки: ov, om, въ чешскомъ (литературномъ) долги—*ův, ům*: chlarov, chlarem и chlaruŭ, chlaruŕm. Напротивъ, конечное а въ имен., винит. зват. мн. ч. имен. средн. р.—въ словацкомъ обыкновенно долгое, а въ чешскомъ краткое: delá, polia, чеш. děla.

6) Въ чешскомъ языкѣ во всѣхъ двусложныхъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ (за исключеніемъ moci, jeti, pĕti, spĕti) коренной гласный удлинняется: nésti, klásti, chtítí, krýti, třítí, brátí; въ словацкомъ языкѣ долгіе гласные выступаютъ только въ глаголахъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго на согласный: niesť, viezť; но brať, kruť, biť, treť. Тѣ глаголы, которые имѣютъ долгій гласный въ неопред. наклоненіи, сохраняютъ его и въ прич. прош. дѣйств. П: niesol, viezol, kládol; между тѣмъ въ чешскомъ яз. въ этихъ формахъ краткій гласный: nesl, vezl, kladl.

7) Гласный е, служащій для образованія основы настоящаго у многихъ глаголовъ I, II и III кл. удлинняется въ ie—явленіе неизвѣстное чешскому языку: vediem, vedieš, nesiem, nesieš, nesie, nesieme, nesiete, grebiam, pečiem, bijem, miniem, oriem, beriem; въ чешск. яз.: vedu, vedeš; nesu, neseš и т. д.

Если ко всѣмъ вышеизложеннымъ параллелямъ присоединить тотъ крупный фактъ, что съ одной стороны въ словацкомъ языкѣ по сравненію съ чешскимъ увеличивается число долготъ вслѣдствіе способности Словаковъ удлиннять гласные l, r, а съ другой стороны въ немъ не оказывается соотвѣтствій многимъ чешскимъ долготамъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словацкаго закона, не допускающаго присутствія въ одномъ словѣ рядомъ двухъ гласныхъ, то, кажется, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: количество гласныхъ въ словацкомъ языкѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ представляетъ близкое сходство съ количествомъ гласныхъ въ чешскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ оно расходится съ чешскимъ количествомъ. Чертъ различія въ чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ такъ много и несоотвѣтствіе между двумя языками въ отдѣльныхъ группахъ явленій проводится такъ послѣдовательно, что для настоящаго времени едва ли можно говорить о единствѣ чешско-словацкаго количества. Весьма сомнительно, чтобы это единство и вообще существовало въ историческую пору.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ свойственно словацкому языку, но въ меньшей степени, чѣмъ чешскому и сербо-хорватскому (ср. 80 стр.). Два гласныхъ, стоявшихъ рядомъ или раздѣленныхъ *j*, не всегда ставились въ одинъ долгій, какъ это произошло большею въ чешскомъ языкѣ; но часто сохранились въ своемъ первоначальномъ сочетаніи; напр.: *kajať sa*, *bojazlivy*, *vojansky*, *vovejvoda* (и *vojvoda*), *dvaja*, *obaja*, *moja*, *tvaja*, *svoja*, *moje*, *tvoje*, *svoje*, *mojeho*, *mojemu*, *moju*, *tvuju*, *svuju*, *mojou*, *tvjou*, *svojou*, *čijá*, *čijeho*, *čijemu*, *čijej*, *mojim* (тв. п. ед. ч.), *mojich*, *mojim*, *mojimi*, *mojej* (дат. мѣстн. пп.), *rijať*, *bijať* и др.; ср. чешск. *kátí se*, *bázlivý*, *vévoda*, *má*, *tvá*, *mé*, *tvé* и т. д.

Примѣры стяженія:

aje = *á*: *volám*, *voláš*, *voia*; *voláme*, *voláte*, *vgraciam*, *vgraciaš*.

aja = *á*: *dobrá*, *lát*.

eje = *ie*: *lepšie*, *lepšieho* (др.-чеш. *ie*, н.-ч. *i*).

ejí = *í*: *lepším*, *lepších*, *lepších*.

aju = *iu*: *lepšiu* (др.-ч. *iú*, н.-ч. *i*).

eja = *ia*: *lepšia* (др.-ч. *ie*, н.-ч. *i*).

êje = *ie*: *umiem*, *umieš* (др.-ч. *ie*, н.-ч. *i*).

êja = *ia*: *hriat*, *viat*.

êje, *íje* = *ie*: *umenie* (др.-ч. *ie*, н.-ч. *i*).

íji = *í*: *znamení* (мѣстн. п.).

íja = *ia*: *priat*, *priatel'*, *žiak*, *liat*, *smial*, *znamenia* (чеш. *ie*, *i*).

íju = *iu*: *znameniu* (др.-ч. *iú* н.-ч. *i*).

oja = *á*: *bať sa*, *stát'*, *svák*, *pás*.

oje = *é*, *ô*: *dobré*; *dobrô*; *dobré* въ современномъ литературномъ языкѣ, *dobrô* (діалектич. *dobrua*) въ говорахъ Липтова, Зволена, Новограда, Велико-гонта и въ литературномъ языкѣ 1884—1852 г. Последнюю форму Пастернекъ объясняетъ не изъ *dobroje*, а аналогіей именнаго склоненія *delo*, *poľo*, что едва ли справедливо; ср. словенское *dóbro*.

oju = *ou*: *dobrou* (тв. п.).

ôju = *ú*: *dobrú* (вин. п.).

З і я н і е.

Зіяніе вообще допускается въ сложныхъ словахъ; напр. *čergookú*, *poogali*, *zaobiegaju*, *zaujmu*; также въ иностранныхъ словахъ; напр.

ideami, situácia. Устраняется зяніе посредствомъ j, v: pavúk, fįjala, pivonija.

Равнымъ образомъ допускаются гласные въ началѣ слова, особенно i: ikra, řny, iskra, istý, izba, inde, ihla, im, ich, imi, im, idem, imem, imanie, ako, ak, už, ešte, erb, Eva, os, osa ср. чешск. jįkra, jįny, jįsty и т. д., иногда, особенно въ народныхъ говорахъ, являются приставочные j, v, h: jutro; vajse, harok; (чеш. arch. изъ лат. arcus); vizba, hen, hu (вин. п.), joři.

Отпаденіе и выпаденіе гласныхъ.

Въ словацкомъ языкѣ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) возможно исчезновеніе гласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Чаше другихъ исчезаютъ i, e, затѣмъ o, a, u; i: 1) въ началѣ словъ meno (имѣ), mám, máť, mal, hrat', (ср. чешск. jmeno, jmeti, jhra), z (iz), zostat', zproza (iz-ro-za); 2) въ повелит. накл. pes, pes-me, pes-te peč, pečme, pečte, buď; 3) въ оконч. неопр. накл.—niest', piest', umet (въ нѣкоторыхъ говорахъ Гонта, Новограда, Гемера сохраняется ti—robiti, zvedeti); 4) въ прич. наст. вр. nesúc, posiac; 5) въ 2 л. ед. ч. глаг. si: ty-s bol (вм. ty si bol); 6) въ энклитическихъ si, ti; at', as, čos; 7) въ срединѣ словъ: veľ'ku, ľacny (вм. ľaciny), kol'ko, tol'ko (чешск. kolik, tolik);

e: dvacat' (= dva desat'), dvanást (= dva na desat'); mójho; mójmu, našho, našmu, doňho, našho, kuňmu, synovho, synovmu: možte; dočkaj, dočkajme; въ сравн. ст. skôr, viac, vyš, niž вм. skorej и т. д.), въ противоположность чешскому яз. e въ част. že сохраняется: ten-že dejže (чешск. tý-ž, dej-ž), также и o вмѣст. čo соотвѣтств. чешск. ѣ: na-čo, pre čo, za-čo вм. чешск. na-č, pro-č, za-č.

o: radlo, rataj, rol'a (orat'), ktorý (діалект. kotrý), kam, tam, tak, avšak, sem.

y: dost', dosti (= dosyti).

u: tegla, kmin (лит. tegula, cuminum); zajtra.

je: som, si, sme, ste, sú и jesu.

Вставка гласныхъ.

Словацкій языкъ неохотно терпитъ сочетанія нѣсколькихъ согласныхъ и для облегченія выговора такихъ сочетаній допускаетъ вставочные гласные. Такими гласными бывають преимущественно e, o, иногда ie, a.

е: 1) oheň, myseľ, baseň, pieseň, bázeň, osem, zretedel'ný, remeselník, vražedelný и др.; 2) въ род. п. мн. ч.—sester, pravidel, jarem, služek, ranen, oves, vajec, vojen, hajen (hajno) и др.; вм. е въ этой формѣ возможны и ie, a, á: sestier, matiek, mydiel, okien, slivok, čiarok, dietok, čiastok, hlások, sestár, metál, vesál, dosák; вставочные e, ie не смягчаютъ предшествующихъ l, n, t, d.

о: 1) въ прич. прош. дѣйств. II, глаголовъ I кл. А. и II: viedol, niesol, piekol, mohol, trhol; въ западн. нар. е: mohel, nesel, prišel; 2) som (чеш. jsem), vietor, vichor, obor, uhorsky, hudobnik (hudba), hanobný (hanba), srieborný, vnútorný; 3) въ началѣ словъ: obrvu, osidlo, omša.

Б) С о г л а с н ы е.

L, Ľ, R, N, Ń.

Словацкій языкъ, въ противоположность современному чешскому, различаетъ два l, твердое и мягкое; первое слышится передъ твердыми гласными второе—передъ мягкими (узкими и іотованными) гласными и дугласными. Въ литературномъ яз. мягкость l обозначается только въ концѣ слова, передъ согласными и передъ широкими (іотованными) гласными, а передъ узкими разумѣется сама собой. Такимъ образомъ Ľ, ľ, ľe всегда звучатъ мягко, l (на концѣ словъ), la, lo, lu, ľy—твердо; напр. list, leto, lád, pol'o, ľudia, priatel', priatel'sky, laska, loď, ľuh, bol. Чешскій языкъ (за исключеніемъ восточно-моравскихъ говоровъ) знаетъ только одно среднее l. Ср, 82—83 стр.

Твердое l на концѣ, а передъ согласными въ срединѣ слова, въ большей части народныхъ говоровъ превращается въ u: dau, biu, bou, roupos, touko. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго нарѣчія твердое l всегда (независимо отъ занимаемаго имъ мѣста въ словѣ) звучитъ какъ u: zuatokuasé, okouo (ср. выше стр. 258). Принятое въ литературномъ языкѣ твердое l на концѣ словъ и передъ согласными наблюдается только въ комитатахъ: верхне-трэнчинскомъ, оравскомъ, турочскомъ, спшскомъ, и шаршскомъ; здѣсь дѣйствительно произносятся: bol, dal, rolnos.

Согласный r совсѣмъ не способенъ къ смягченію; передъ j, e, i (ъ) онъ звучитъ совершенно такъ какъ передъ широкими a, o, u;

напр. hrad, ruka, more, rekár, búra, večera, moги и т. д. ср. чеш. moře, rekář, bouře, moři.

Одно твердое г наблюдается во всей области словацкой рѣчи. Только въ говорахъ Скалите и Чадца (на крайнемъ сѣверѣ тренчинскаго комитата), несомнѣнно отражающихъ на себѣ вліяніе польскаго языка, иногда слышится шипящее ř: řičína, říznoč, но также и črešné, gvarilo.

Неспособностью г къ смягченію словацкій языкъ рѣзко отличается отъ чешскаго и сближается съ сербо-хорватскимъ.

Иногда въ народной рѣчи г и l чередуются: ostrieblený и stribnú, striblo.

Согласный п можетъ быть твердымъ и мягкимъ, п и ѣ: povú, pevo, kôĵ.

Мягкое п выступаетъ передъ мягкими (узкими и іотованными) гласными и дугласными. Въ литературномъ языкѣ мягкость ѣ обозначается въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и мягкость l, т. е. въ концѣ слова, передъ согласными и передъ широкими (іотованными) гласными; передъ i, e не пишется ѣ, мягкость выговора п сама собою разумѣется; напр. kniĵa, nemý, pežnú, vôĵa, deĵ, hoĵba; národ, nôz, núdza.

Въ чешскомъ яз. п звучитъ мягко только передъ j, i и ě; e и древн. ѣ не вліяютъ на смягченіе п. Ср. 84—85 стр.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Новоградъ, Великогонть) конечное п переходитъ въ ш: tēm (ten), vom, om (= on), edom (edon), ram (ran).

Въ дренчанскомъ говорѣ (гемерск. ком.) конечное ш переходитъ въ п, которое сливается съ предшествующимъ гласнымъ въ одинъ носовой звукъ: chudobnoĵ, kŷĵ (= kŷm).

D, d', dz. T, t', c.

Зубные d, t подвергаются двоякому смягченію: 1) передъ j и 2) передъ узкими гласными.

Пра-слав. dj = dz, пра-слав. tj = c. Примѣры: hrádza, medza, núdza, vidz, vedz, jedz, rodzen, cudzi, sádzat'; svieta, ovocie, nesúe, vĵacat', plasep. Смягченіемъ первич. tj въ c словацкій яз. сближается съ чешскимъ, сербо-лужицкимъ и польскимъ; смягченіемъ dj въ dz онъ отличается отъ чешскаго (ср. 86 стр.) и сближается только съ польскимъ. Смягченіе dz проходитъ послѣдовательно по исѣмъ говорамъ словацкаго языка.

Иногда (въ прич. прош. страдат. и производныхъ отъ него существ.) вм. ожидаемыхъ dz, c, выступаютъ d, t или ě, t: obrátený, zasvätený, prebudený, rodíadený и др. Подобныя формы объясняются аналогіей. Ср. 86 стр.

Передъ всѣми мягкими гласными и дугласными (i, e (= осн. e, древ. ѣ, др. ě), др. ѣ, ia, ie, iu, io) d, t смягчаются въ ě, t; въ современномъ правописаніи мягкость обозначается лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ и мягкость l, n; напр.: gada — gadit', gade, zlato — zlatit', zlate, deň, devät', dnes, čel'ad', smrt', kost', zpoved', diabol, diat', dielo, Ďuro, diovka, diovčina, kurat'a, kurat'u.

Въ чешскомъ языкѣ d, t не смягчаются передъ e и ѣ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, сосѣдящихъ болѣе или менѣе близко съ польскимъ языкомъ, вм. ě, t слышатся dz, dź, c, ó (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тренчинскаго, витранскаго, шарышскаго ком.) или даже dž, ō (Дренчаны, гемерск. комит.): nevydzeli, spuscila, осес, kdzie, kosci, сма, спас, vidzice; treći, dedžina, chytač.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, именно гемерскомъ, тернавскомъ, ванецкомъ (на восточн. границѣ Липтова) d, t, а равно l, n передъ узкими гласными не смягчаются: kпуha, chodyty, zvony. Объ этихъ говорахъ замѣчаютъ, „что они совсѣмъ не имѣютъ мягкихъ согласныхъ“ (Шеультети и Добшинскій, Годжа).

Группы dl, tl допускаются, какъ и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ mydlo, modlitba, sadlo; въ прич. прош. дѣйств. П. эти согласные обыкновенно раздѣляются посредствомъ o: viedol, padol.

Въ нижней Оравѣ исчезаетъ d: salo, šilo.

В. Р. V. М. F.

Губные b, p, v и губно-новой ш не способны къ смягченію ни передъ узкими, ни передъ іотованными гласными; напр. kúra (чеш. kourè), konopa, pekny, pívo, zem (чеш. země), mákký, beh, biely, kořab, holub, kvet, ozdravenie, stávat, hovädzi. Въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, не составляетъ исключенія и e (какъ первичное такъ = пра-слав. ě), всегда смягчающее l, n, t, d. Также несмягчаемость p, b, v, ш и въ чешскомъ языкѣ (ср. 86—88 стр.).

Насколько эта звуковая черта выдержана въ народныхъ говорахъ, трудно сказать за отсутствіемъ текстовъ народной рѣчи съ фонети-

чекскимъ правописаніемъ. Главнѣйшіе изслѣдователи словацкаго языка, Гаттала и Пастернекъ обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о смягченіи губныхъ; не касается его по отношенію къ словацкому языку и проф. Гебауэръ въ своей Исторической грамматикѣ чешскаго языка¹⁾. Вѣроятно же всего, что по разнымъ говорамъ существуютъ и мягкія *b, p, v, m*. Присутствіе ихъ въ нарѣчии моравскихъ Словаковъ удостоверено (Бартошъ). Нѣтъ никакихъ данныхъ и для рѣшенія вопроса о степени древности этой черты въ словацкомъ языкѣ. Можно только отмѣтить любопытный фактъ существованія въ языкѣ двухъ словъ, представляющихъ ту самую форму смягченія губныхъ посредствомъ *l'*, которая характеризуетъ языкъ русскій, старо-славянскій, сербо-хорватскій и словинскій; именно: *hrable* (мн. ч. чешск. *hrábě*) и *hrobl'a*²⁾. По аналогіи съ чешскимъ языкомъ можно допустить, что неспособность губныхъ къ смягченію — не исконная особенность словацкаго языка.

V на концѣ словъ и слоговъ въ народной рѣчи обыкновенно звучитъ какъ *u*: *leu, dieuša, prauda, rodišou* (р. п. мн. ч.), *tovaгуšou*. Въ литературномъ языкѣ сохраняется *v*.

Чередованіе губныхъ: 1) *v* и *b*: *klebeta* (чеш. *kleveta*), *hodbav* (чеш. *hedbav*); 2) *v* и *m*: *bosman* и *bosvan*; 3) *m* и *b*: *darobny, pí-sebny*; 4) *p* и *v*: *vt'ak* и *pt'ak*.

F въ словацкомъ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) слышится почти исключительно въ заимствованныхъ словахъ, напр. *faga, flaša, farba, frišky* и т. п.; но въ — немногихъ и народныхъ: *úfat'* (= *upvat'*), *fúzu* (чеш. *vousy*), *figel'* (чеш. *pikel*), *frčat'* и *frkat'* (рядомъ съ *vrčat'* и *vrkat'*). Часто и вм. иностр. *f* — слышится *b, p*: *bir-movat'* (*firmen*), *pòst* (*Fasteu*) и т. д. Ср. 89 стр.

¹⁾ Въ Исторической грамматикѣ (I, 413), проф. Гебауэра встрѣчается нѣсколько странное упоминаніе о томъ, что мягкія *p', b', v' m'* свойственны всему словацкому нарѣчію (*v celém nářečí slovenském*), но очевидно это выраженіе относится только къ нарѣчію моравскихъ Словаковъ, въ которомъ дѣйствительно, хотя не во всѣхъ говорахъ *p, b, v, m*, смягчаются. Вотъ подлинный текстъ: *Že jsou také* (т. е. *měkké hlásky p', b' и т. д.*) *v nářečích puňějšich, zejména v Čechách v nářečí chodském doudlebském, a lužnickém, pak na Moravě a v Slezsku, v celém nářečí slovenském, valašském a lašském, částečně také v hanáckém a jinde, uči a potvrzují popisovatele těchto nářečí.*

²⁾ Проф. Петровскій (Изв. и Учен. Зап. Казан. Унив. 1866. V, 477) приводитъ еще два слова „со вставочнымъ *l* послѣ губныхъ“ — *šabl'a* и *žeml'a*, но здѣсь *l* — не славянскаго происхожденія: *Sebel, Semmel*.

G. H. K. Ch.

Въ словацкомъ языкѣ двойное г: пра-славянское, звонкое *g* и придыхательное *h*, вполнѣ соотвѣтствующее чешскому. Господствуетъ *h*, въ которое большею частью перешло первичное *g*, напр. *Boh*, *hrad*, *host'*, *hospodár* и т. д.; но оно не вытѣснило совсѣмъ *g*, какъ въ чешскомъ языкѣ (гдѣ послѣдній звукъ удержался лишь въ нѣсколькихъ заимствованныхъ словахъ и вм. *k*). Еще Штуръ замѣтилъ, что въ словацкомъ языкѣ *g* слышится въ сотняхъ словъ, притомъ чистонародныхъ. Въ словарѣ Лоса помѣщена болѣе 150 словъ, начинающихся съ *g*. Гаттала замѣчаетъ, что Словаки не относятся къ звуку *g* такъ непріязненно какъ Чехи. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *brizgat'*, *gnávit'*, *gulat'*, *gánit'*, *galiba*, *striga*, *gazga* (чеш. *rozha*), *mozog* (чеш. *mozek*), *miazga* (чеш. *mízha*), *gazda*, *gazdovat'*, *drg*, *drgat* и др.—Въ сѣверныхъ говорахъ гемеурскаго комитата (Погорѣла, Чадца, Скалите), сосѣдствующихъ съ польскимъ языкомъ слышно только *g*: *Vog*, *go*, *góga*.

Смягченіе гортанныхъ — т. е. переходъ ихъ передъ *j* и узкими гласными въ свистящіе и шипящіе, свойственное словацкому языку какъ пра-славянская черта—представляетъ слѣдующія особенности по сравненію съ языками чешскимъ и частью старо-славянскимъ:

1) Въ противоположность чешскому яз., который усвоилъ для *ch* однородное смягченіе въ *š* (*mniše*, *mniši*), словацкій яз. сохраняетъ пра-слав. двойное смягченіе *š* и *s*: *mniše*, *mniši*, *Česi*, *mnišiech*; законы перехода *h* (*g*) *k*, *ch* въ *ž*, *š* и *z*, *s* тѣже, что въ старо-славянскомъ языкѣ; напр.: *Bože*, *pešieš*, *duše*, *tíšit'*, *družina*, *otročina*, *otroci*, *bozi* и т. д. ср. 89—90 стр.; уклоненія отъ этихъ законовъ отмѣчаются подъ п. 2);

2) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гортанные совсѣмъ не подвергаются смягченію въ шипящіе и свистящіе; именно а) въ дат. — мѣстн. пп. ед. ч. основъ на *a*: *ruke*, *pohe*, *muche*; б) въ имен. п. мн. ч. муж. р. слож. скл — *velkí*, *mnohí*, *tichí*; в) въ сравн. степ.: *horkejší*, *trpkější*, *rezkejší*, *krehkejší*, *l'udskejší*; г) въ прилагательныхъ притяжательныхъ на —*in*: *matkin*, *macochin*, *strigin*.

Пр. Пастернекъ становился въ тупикъ передъ этими формами и готовъ былъ заподозрить ихъ правильность и достовѣрность¹⁾. Пр. Гебауэръ считаетъ ихъ новообразованиями по аналогіи формъ правильно

¹⁾ Beiträge, 52, 125, 137

сохраняющихъ гортанные безъ измѣненія. Но не правильнѣ ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность и самостоятельность словацкаго языка, а съ другой его близость не только съ однимъ чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?

Въ народныхъ говорахъ иногда слышится *h*, вм. *ch* (Нитра, Липтовъ, Зволентъ, Спишъ, Шарипшъ), *nehať*, *nahodzil*, *rohodiü*, *huva* и др.

Группы *dt*, *kt*, какъ въ чешскомъ языкѣ, переходятъ въ *c*: *pos*, *mos*, *dséga*, *ves*; но въ неопред. накл. выступаетъ *st*: *möst*, *piest*.

Z. Dz. C. S. Ž. Č. Š.

Свистящія *z*, *s* звучатъ не исключительно твердо, какъ въ современномъ чешскомъ языкѣ, но и способны къ смягченію (*ž*, *š*) передъ *j* и узкими гласными, хотя и не въ такой степени, какъ въ русскомъ и польскомъ языкахъ. По словамъ Гатталы (*Mluvn. jaz. slov.* 1864, 53) такія слова какъ *posí* и *kozí* отличаются отъ *posu* и *kozu* не только долготою *i*, но и мягкимъ выговоромъ *s* и *z*. Точно также *pesie*, *seno*, *silný*, *zem* произносятся какъ *pešie*, *šeno*, *šilný*, *žem*; между тѣмъ въ *sadlo*, *záštok*, *s*, *z* звучатъ болѣе твердо. Мягкость *s*, *z* въ графикѣ не обозначается.

Въ говорахъ, сосѣдствующихъ съ польскимъ языкомъ, вм. мягкихъ *s*, *z* часто слышны *ž*, *š*: *šedzel*, *šebe*, *v leše*, *želene*, *v žime* (Шарипшъ, Спишъ, сѣв. Тренчинъ).

C всегда мягко и чередуется съ пра-слав. *č* передъ узкими гласными: *chlápče*, *ovčí*; подобнымъ образомъ и *z*, *s* иногда чередуются съ *ž*, *š*: *kňaz*, *kňáže*, *kňážna*, *peniažek*, *blizku*, *bližní*, *vysoký*, *vyšní*.

Равнымъ образомъ обще-слав. переходъ первичн. *zj*, *sj* въ *ž*, *š* выдержанъ въ словацкомъ языкѣ болѣе или менѣе послѣдовательно; напр.: *snosiť*, *snášať*, *svoziť*, *svážať*, *poša*, *vožený*.

Словацкія *z*, *s* соответствуютъ пра-слав. *z*, *s* (*voz*, *kňaz*, *les*, *pesiem*); *c* соответствуетъ пра-слав. *c* (*veniec*) и сверхъ того возникло или изъ пра-слав. *kt*, *gt* (*pos*, *mos*) или изъ пра-слав. *tj* (*svieca*).

Мягкое *dz* возникло изъ пра-слав. *dj*: *nudza*, діалек. вм. *ď*. Ср. стр. 269—270.

Иногда *c* выступаетъ вм. *s*: *dvacať* (*dvadesať*), вм. *čs*, *ts*: *co* (зап. нар.), *prorokký*, *bohastvo*.

Иногда *z* вм. *ž*: *zelezo*, *zeleznica*; и на-оборотъ *ž* вм. *z*: *ŕubežný*.

Группы *sk*, *zg* и *sk*, передъ *j* и узкими гласными переходятъ (какъ въ чешск. яз.) въ *št*, *žd* и *št*: *gréčtina*, *raždie*, *miaždit'* (*miazga*), *pištať*, *ohnište*.

Въ словахъ на *ina* употребительнѣе *č* вм. *št*: *slovenčina*, *maďarčina* вм. *slovenčtina*, *maďarština*.

Группы *stj*, *slj*, *zdj* переходятъ въ *št*, *šl'*, *žd*: *puštať*, *smyšľať*.

Шипящіе *ž*, *č*, *š* большею частью пра-славянскаго происхожденія. Они соотвѣтствуютъ 1) пра-слав. *ž*, *š* изъ *zj*, *sj* (*vožený*, *pošený*) или 2) пра-слав. *ž*, *č*, *š* изъ гортанныхъ *g*, *k*, *ch*, перешедшихъ въ шипящіе подъ вліяніемъ *j* или узкихъ гласныхъ (*Bože*, *otče*, *duše*).

Болѣе поздняго происхожденія *š* вм. *s*: 1) въ мѣст. *vše* и производныхъ *všaku*, *všade*, *všedny* и т. п.; 2) въ *šediv*; тоже въ чешскомъ, польскомъ, сербо-лужицк. яз. ср. 93 стр.; 3) въ сочетаніяхъ *št* и *šk* (вм. *st* и *sk*), особенно въ заимствованныхъ словахъ: *klaštor*, *apoštol*, *koštovať*, *pošta*, *škrabat*, *škripať*, *škola*. Также — *Ježiš*, *Mikulaš*, *verš*; иногда вм. иностр. *s*, *ž*: *žegnať* (*segnen*), *žemľa*. Такъ и въ чешскомъ яз.

Вм. *ž*—*r* въ *neborák*.

Въ гемерск. гов. вм. *žo*—*he*: *kde he*, *vyhe*. Тамъ же часто *š* вм. *č*: *šekal*, *laviška*, *šua* (= что).

Старо-слав. *что* звучитъ на западѣ *so*, въ среднемъ нарѣчій и литературн. яз. — *čo*, въ гемер. и гонтск. гов. — *šua*, на крайней сѣверо-востокѣ *so*.

Sč (какъ въ чешскомъ яз.) превращается въ *št*: *šťastie*.

Ж.

Согласн. *j* соотвѣтствуетъ пра-слав. *j*; напр. *jeho*, *jest*.

Пра-славянскому *jь*, въ противоположность чешскому (литературному) языку и согласно съ русскимъ и старо-сл. яз., соотвѣтствуетъ *i*: *isť* (*idem*) (чеш. *jdu*), *ihla*; еще чаще такое *i* исчезаетъ: *hra*, *meno*, *mať*.

Передъ начальными гласными приставочное *j* не такъ часто какъ въ чешск. яз.: *ikra*,—*iný*, *istý*, *iskra*, *ím* (тв. п. ед. ч.), *ich*, *imi*.

Уподобленіе согласныхъ.

Обще-славянскій законъ уподобленія согласныхъ, неодинаковыхъ по степени звучности, представленъ и въ словацкомъ языкѣ. Въ обы-

жновенной рѣчи звучные (*mediae*), *h, g, d, đ, b, z, dz, ž, (dž)*, в переходятъ въ соответствующіе отзвучные (*tenues*) *ch, k, t, t̃, p, s, c, š, č, f*, и, наоборотъ, отзвучные въ звучные, при чемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предшествующій; напр.: *schódzka, vádzka, nížši, mladši, l'ehky, pod kostolom, sladký, obsah, obchod, včera* и др. выговариваются *schócka, vácka, níšši, mlatši, l'achký, pot kostolom, slatký, opsach, opohod, fčera*; или *modlitba, prosba, kdo* произносятся *modlidba, prozba, gdo, gde*.

Предлоги *k* и *z* произносятся какъ *g* и *z* не только передъ звучными, но и передъ—*l, m, n, r, a* также и передъ гласными: *g l'udu, g mestu, g pohám, g otcovi, z laskou, z mešom, z rukávom, z ovsom*. Но передъ начальнымъ и мѣстоименій *k* и *z* остаются безъ перемѣны: *k pam, k nim, s nami, s nimi*; первоначальное *z* напротивъ звучитъ какъ *s*: *s nás, s neho, s nich* (вм. *z nas* и т. д.).

На концѣ словъ вмѣсто звучныхъ обыкновенно слышатся отзвучные: *Boch, kních, pôž, dup, chlief* и т. д. Конечное *v* и твердое *l* обыкновенно звучатъ какъ *u*: *leu, dau*. Ср. 258, 268.

Изъ діалектическихъ особенностей наиболее любопытны: 1) переходъ *d* передъ *l* и передъ *n*—въ *n* на крайнемъ юго-западѣ тренчинск. ком. (Бошаца): *chlappú, uhannete, žánnému, neuhalli, jelli*; 2) *Rapnodaj* (= *rap Boh daj*) въ гемерск. гов.; *koeš, koete, koeu* (Гемерь, Лиштовъ) *vseš, seel* (Бошаца, Шарипшъ); 3) *váčši* (въ письм. яз. *vátši*).

Въ литературномъ языкѣ принято этимологическое правописание, а потому измѣненія согласныхъ, вызванныя закономъ уподобленія, обыкновенно не обозначаются; пишутъ: *včera, obchod, k mestu, k otcovi, s ovsom, Boh, pôž* и т. д.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновеніе согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ народныхъ говорахъ, за исключеніемъ обще-славянскихъ явленій (*dam, tisnuť, kapouti* и др.) свойственныхъ всему языку.

Въ частности могутъ исчезать: *l, d, t, v, k, h, š, j*:

l: *nespad, priš, ríbieg* въ нѣкотор. мѣстн. гемерск. ком. (Шогрѣла, Шумацъ);

d: *sega, ena* (една), *enej, eneho, po'a* (новогр. - велико-гонтск. гов.); *prázne, prázom* (всюду), *žánu* (Гренчинъ); *đ*: *ve, poj, pomó* (Гемер.),

t: chumo, omeloch (Зволенъ), zlosný, bolesne (Нитра), kery (вм. ktery—во многихъ г.), ora, rus (гемер. г.), dos (новогр.-велико-гонтск. г.);
 v: zian, zala (vzala), šesko, ždysku, šelijaky;
 k: praslo, stisla, de (гемер. и друг. гов.);
 h: l'a (вм. hl'a, гемер. новогр. гов.);
 š, ž: český, mniský, boský;
 j и je: ho, mu; ср. о j выше стр. 274.

Вставка согласныхъ.

Вставными звуками бываютъ; n: dondem, dojdem, nandu, najdu, odendu, prindu, print, vnidem, voïdem, vundem, vunst, sňat, nenie (ne jest), do neho, pre ne, nadrá, vnútrí; t: straka, pstruh, no sriebro, sreda, sretnút (чешск. stříebro, střěda и др.); g (вм. d): miazgra, pozgry; h: hrdza (чеш. rez), rozhřešit.

5. Удареніе.

Относительно ударенія, его общаго характера и мѣста въ словѣ, словацкій языкъ сближается въ чешскимъ, а также съ сербо-лужицкимъ и южно-вашубскимъ.

Словацкое удареніе по качеству экспираторное, по мѣсту въ словѣ—одномѣстное или постоянное. Оно состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона, и всегда падаетъ на первый или начальный слогъ слова; напр. *přístelnica, dobrého, imanie, tráva, tľavý*. Слова сложные, между прочимъ, образованныя черезъ сложеніе съ предлогами и отрицательною частицей *ne*, слѣдуютъ общему закону, т. е. удареніе въ нихъ падаетъ на стоящій въ начальномъ слогѣ предлогъ или частицу *ne*: *národ, odrověď, nestastie*.

Этимъ общимъ закономъ и исчерпываются всѣ имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о словацкомъ удареніи. Въ частности вопросъ остается неразработаннымъ за отсутствіемъ систематическихъ наблюденій надъ данною стороною языка.

Весьма вѣроятно, что въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ удареніе представляетъ своеобразныя особенности. Пока отмѣчено одно уклоненіе отъ указаннаго закона, представляемое нѣкоторыми говорами гемерскаго (истокъ Грона, Погорѣла), тренчинскаго (Жилинскій

говоръ), оравскаго, спишскаго и шаршскаго комитатовъ; здѣсь удареніе падаетъ, какъ въ польскомъ языкѣ, на предпоследній слогъ: понавку; въ гронскомъ говорѣ четырехсложныя слова принимаютъ два ударенія на первомъ и предпоследнемъ слогахъ.

Ср. отд. о чешскомъ удареніи стр. 97—102.

6. Формальныя особенности.

А) С к л о н е н і е.

Словацкое склоненіе, подобно чешскому, не представляетъ такого богатства формъ, какое предполагается для славянскаго пра-языка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка. Въ общемъ оно значительно упростилось въ сравненіи съ предполагаемой древней нормой. Въ частности уклоненія отъ старины не всегда совпадаютъ съ чешскими. Въ однихъ случаяхъ (напр. въ т. н. мягкомъ склоненіи) словацкая флекція ближе къ пра-славянской, чѣмъ чешская, что главнѣйше обуславливается болѣе древнимъ типомъ словацкаго вокализма; въ другихъ напротивъ, чешскій языкъ (особенно литературный) представляетъ болѣе древнія окончанія. Главнѣйшія отступленія отъ древней (пра-сл.) нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній.

И м е н н о е с к л о н е н і е.

1) *Утрата двойственнаго числа.* Двойственное число въ современномъ словацкомъ языкѣ не существуетъ; оно замѣняется множественнымъ. Слѣды древняго двойственнаго числа не многочисленны: 1) им. вин. п. dva, oba (м. р.), dve, obe (ср. и ж. р.) р. м. п. dvú, obú дат. тв. dvoma, oboma (всѣхъ родовъ) (вм. dva, oba нерѣдко слышны dvá, obá или dva-ja и oba-ja; въ дат. и мѣстн. пп. чаще употребительны формы множ. ч. dvom, ovom, dvoch, oboch, въ род. п. также возможна форма dvoch); 2) род. п. rukú, pohú, тв. п. rukoma, pohoma; 3) р. п. očí, očú, uši,—ušú, тв. п. očima, ušima. Употребительное въ народныхъ говорахъ въ твор. п. мн. ч. сложн. склон. оконч. ma (tlustýma těly), вѣроятно, также заимствовано изъ двойственнаго числа.

2) *Виды именнаго склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ.*

Въ современномъ словацкомъ языкѣ представлены не всѣ древніе виды именнаго склоненія, а лишь нѣкоторыя; именно: 1) склоненіе основъ на -о (ъ, ѵ), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -а, твердое и мягкое, и 3) склоненіе основъ на -і женскаго рода. Прочіе виды склоненія или исчезли, или сохранились въ немногочисленныхъ обломкахъ. Склоненіе основъ на -и (какъ во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ) слилось со склоненіемъ основъ на -о (ъ). Слѣды этого склоненія удержались въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на -о. Сюда относятся: и (род. п. един. ч.), оуі (дат. п. ед. ч.), и (зв. п. ед. ч.), и (мѣст. п. ед. ч.), овіа (им. п. мн. ч.), оу (род. п. мн. ч.), ош (мѣстн. п. мн. ч.); напр. dubu (род. п.), chlarovі (дат. п.), ро brehu (твор. п.), ptaku (зв. п.), chlarovіа (имен. п. множ. ч.), chlarov (род. п. множ. ч.). Склоненіе основъ на -і мужскаго рода сохранилось лишь въ одномъ словѣ l'udia (и то не во всѣхъ падежахъ) и въ род. п. мн. ч. слова hostĕ; сверхъ того нѣкоторыя окончанія этого склоненія, именно і (р. п. мн. ч.), ші (тв. п. мн. ч.) перешли въ значеніи побочныхъ окончаній въ другія склоненія; относящіяся къ этому склоненію слова измѣняются по образцамъ склоненія на -о. Склоненіе на согласные почти совсѣмъ исчезло. Древнія формы этого склоненія удержались только для слова matĕ или mat. Всѣ остальные древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію на -о (основы на -п, s, t) или на -а (основы на -v). Наконецъ смѣшеніе основъ выражается въ томъ, что нѣкоторыя основы на -і женскаго рода измѣняются по мягкому склоненію основъ на -а. Склоненія твердыхъ и мягкихъ основъ (на -о и на -а) въ общемъ различаются, но въ нѣкоторыхъ падежахъ и здѣсь наблюдается смѣшеніе основъ, главнѣйше вслѣдствіе удержанія первичнаго о окончаній неперегласованнымъ въ е (dušo, mužom).

3) *Смѣшеніе падежныхъ окончаній.* Въ связи со смѣшеніемъ основъ находится смѣшеніе падежныхъ окончаній. Подъ вліяніемъ закона аналогіи или вслѣдствіе извѣстныхъ звуковыхъ особенностей языка различныя падежи одного склоненія, когда-то звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія; или же извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному разряду словъ, примѣняется въ томъ же падежѣ къ словамъ другихъ категорій. Смѣшеніе падежныхъ окончаній въ словацкомъ языкѣ не достигло такихъ

широкихъ размѣровъ какъ въ чешскомъ и сербо-хорватскомъ языкѣ, но всетаки выражается въ значительномъ количествѣ новообразованій. Сюда относятся слѣдующія явленія.

І. Въ склоненіи основъ на -о. а) *Усвоеніе указанныхъ выше окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на -ц;* именно: 1) *оконч. зват. п. един. ч. муж. р. -ц,* рядомъ съ господствующимъ е: vgañu, chlape; 2) *оконч. род. п. един. ч. муж. р. -ц,* рядомъ съ основнымъ а: chlара, dubu; 3) *оконч. дат. п. един. ч. муж. р. -ovi,* рядомъ съ основнымъ и: chlарu, chlарovi; 4) *оконч. мѣстн. п. един. ч. -ц, -ovi,* рядомъ съ основнымъ е (изъ др. Ѣ): chlарu, dube; 5) *оконч. имен. п. мн. ч. муж. р. -ouia* (изъ болѣе древняго ove) рядомъ съ основнымъ і и неорганическимъ у: chlарі, chlарovia, dubu; 6) *оконч. род. п. мн. ч. муж. р. -ov;* древнія формы, безъ ov сохранились лишь въ двухъ словахъ: śias, gaz; 7) *оконч. мѣстн. п. мн. ч. муж. р. -och:* chlарoch duboch; основное іoch встрѣчается рѣдко: goziēch. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -ц, перешли въ склоненіе основъ на -о уже въ доисторическую пору.

б) *Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненій основъ на -і и на -а;* именно 1) *въ твор. п. мн. ч. -ші, аші,* на ряду съ основными у, і: chlару, chlарамі, dely, delami, mužі, mužmi, poli, pol'mi и pol'amі; ок. -ші заимствовано изъ склоненія основъ на -і и выступаетъ только въ мягкомъ склоненіи; ок. -аші изъ склоненія основъ на -а и примѣняется въ словахъ муж. рода только въ твердомъ склоненіи, а въ словахъ ср. рода—въ твердомъ и мягкомъ склоненіи; 2) *въ мѣстн. п. мн. ч. ср. р. -ách,* перешедшее изъ склоненія основъ на -а: delách, poliach; въ словахъ муж. р. ách встрѣчается лишь изрѣдка: znách, časach; столь распространенное въ чешскомъ языкѣ окончаніе och, заимствованное изъ склоненія основъ на -і, въ словацкомъ совсѣмъ не употребительно; 3) *въ дат. п. множ. ч. ср. р. -ám,* перешедшее изъ склоненія основъ на -а: delám, poliám; 4) *въ род. п. множ. ч. мягкихъ основъ ср. р. -і,* заимствованное изъ склоненія основъ на -і: poli; также въ konі, reňazi.

в) *Сохраненіе въ мягкомъ склоненіи многихъ окончаній,* собственно свойственныхъ твердому склоненію; именно: 1) *дат. мѣстн. п. ед. ч. -ovi:* mužovi; 2) *твор. п. ед. ч. -om:* mužom, mešom, pol'om; 3) *род. дат. мѣстн. п. множ. ч.:* mužov, mužom, mužoch, mešov, mešom, mešoch. Въ народномъ языкѣ и въ имен.-вин. п. ед. ч. средн. р. удерживается о: pol'o, того. Всѣ эти формы можно объяснять двояко:

или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью языка сохранять неперегласованное древнее *o* послѣ мягкихъ согласныхъ.

II. Въ склоненіи основъ на *-a*: 1) усвоеніе мягкими основами въ *род. п. мн. ч.* оконч. *-í*, перешедшаго нзъ склоненія основъ на *-í*: *duší*; *род. п.* безъ *í* встрѣчается рѣже: *ulíc, oves*; 2) усвоеніе мягкими основами въ *зват. п. ед. ч.* окончанія твердаго склоненія *-o*: *dušo*; 3) совпаденіе *твор. п. ед. ч.* твердаго и мягкаго склоненія въ одномъ окончаніи *-ou*: *gubou, dušou*; это совпаденіе можно объяснять двояко: или *ou* перешло изъ твердаго склоненія въ мягкое, или же въ томъ и другомъ склоненія *ou* развилось самостоятельно изъ *ú*, которое могло статься изъ *om* и изъ *em*; въ говорахъ *вм. ou* слышатся *ú, u, ov, ó, op: ovú, ovu, ovou, ovó, ovop.*

III. Въ склоненіи основъ на *-í* женскаго рода: усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія мягкихъ основъ на *-a*; именно: 1) въ *родит. п. ед. ч. e* (*вм. исконн. í*) *dlane*; 2) въ *имен. вин. пп. множ. ч. -e* (*вм. исков. í*): *dlane*; 3) въ *дат. п. множ. ч. -am* (*вм. исков. em*): *dlaňam, kostam*; 4) въ *мѣстн. п. множ. ч. -ach*: *dlaňach, kostach*. Окончанія 1 и 2 распространены въ языкѣ наравнѣ въ древними (*í*): одни имена сохраняютъ древнія окончанія (*kosti*), другія приняли позднѣйшія, заимствованныя. Окончанія 3 и 4 исключительно господствуютъ въ языкѣ и вытѣснили болѣе древнія *em, ech*. Въ чешскомъ языкѣ отступленіе отъ старины замѣчается только по отношенію къ *род. п. ед. ч.* и *имен.-вин. п. мн. ч.* Въ словацкомъ языкѣ и въ *твор. п. множ. ч.* нѣкоторыя слова могутъ принимать окончаніе основъ на *-a, -ami*: *dlaňmi* и *dlaňami* (но *kostmi*).

Весьма вѣроятно, что и окончаніе *твор. п. ou* перешло изъ склоненія основъ на *-a*: *kostou, dlaňou* (въ чеш. яз. *kostí, dlaní*); хотя возможно допустить, что *ou* = *ú*, стянутаго изъ *iju* (*костикъ*).

IV. Въ склоненіи основъ на *í* муж. р.: въ единственномъ относящемся сюда *l'udia* (и *l'udie, мн. ч.*) въ *дат. и мѣстн. пп.* пріняли окончанія основъ на *-o*: *l'udom, l'udoch: host* только въ *род. п. множ. ч.* сохранилъ древнее *í* (*hostí*), во всѣхъ прочихъ падежахъ это существительное слѣдуетъ склоненію на *-o*.

V. Въ склоненіи основъ на согласный: вліяніе склоненія основъ на *-a* обнаруживается въ слѣдующихъ формахъ сущ. *matí*: *твор. п. ед. ч. — materou, дат. п. мн. ч. materam, мѣст. п. мн. ч. materach.*

Въ общемъ нужно признать, что именное склоненіе въ словацкомъ языкѣ значительно упростилось въ сравненіи со старо-славянскимъ языкомъ и съ предполагаемыми нормами пра-славянскаго яз. Въ частности изъ приведенныхъ данныхъ видно, что 1) склоненіе основъ на -о муж. рода или сохранило древнія окончанія или подверглось вліянію склоненія на -и; 2) склоненіе основъ на -о средняго рода и склоненіе основъ на -і женск. рода усвоили многія окончанія склоненія основъ на -а; 3) склоненіе основъ на -а преимущественно сохранило древнія окончанія, на сколько это допускалось звуковыми законами языка; 4) твердое и мягкое склоненія основъ на -о и на -а не только не представляютъ такого рѣзкаго различія между собой, какое наблюдается въ чешскомъ языкѣ, но въ нѣкоторыхъ падежахъ ближе между собой, чѣмъ въ старо-славянскомъ языкѣ.

4) *Характерныя окончанія.* Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предшествующихъ параграфахъ и нѣкоторыхъ частныхъ особенностей словацкаго вокализма, изложенныхъ раньше, въ отдѣлѣ фонетики, именное склоненіе представляетъ рядъ характерныхъ окончаній, то сближающихъ его со склоненіемъ старо-славянскаго и чешскаго языковъ, то удаляющихъ его отъ одного изъ нихъ, или отъ обоихъ вмѣстѣ.

Ниже слѣдуетъ перечень этихъ окончаній.

I. Въ склоненіи основъ на -о.

Е д и ч.

1) Зват. п. ед. ч. муж. р.—не только -е (древнее), но и и (послѣ гортанныхъ): chlape, dube, ptaku; въ литературномъ яз. нерѣдко вм. зват. п. именительный.

2) Родит. п. -а, -и: chlара, dubи; а—преимущественно у именъ, обозначающихъ лица и предметы одушевленные, и—у именъ, обозначающихъ предметы неодушевленные; средн. р. только -а: dela:

3) Дательн. п. -и, -ові: chlари, chlарові; имена неодушевленные муж. р. и всѣ средн. р.—только -и: dubи, delи.

4) Мѣстн. п. -е (=ѣ), -и -ові: dube, dele, chlари, chlарові; -е только у именъ неодушевленныхъ муж. р. и у всѣхъ средн. рода; -и, -ові у именъ одушевленныхъ муж. р., а также вообще послѣ гортанныхъ (briehu, mlieku); иногда -і: v mieri, v jednom dvori (ср. Pasternek, Beiträge 105).

5) Твор. п. -ом (= хмь): chlаром, dubom, delom; ем (восточн. и западн. нар.): chlарем.

Множ. ч.

6) Имен. п. муж. р. -і, -у, -ovia: chlарі, chlарovia, dubу; оконч. -і соответствует старо-слав. и и встрѣчается только у именъ одушевленныхъ; у—собственно окончаніе винит. п. и примѣняется въ существительнымъ неодушевленнымъ; такъ и въ чешскомъ яз.; ovia—усваиваемое только именамъ одушевленнымъ, произошло по мнѣнію проф. Гебауэра (Histog. mluv., III; I, 49) изъ первоначальнаго -ovie по аналогіи собирательныхъ именъ: brat—bratia, l'udia; ср. словин. bratove, porovje (Лекція I, 451); въ средн. р. -а или чаще -á: dela, delá.

7) Вин. п. муж. р. -у: dubу, только у именъ неодушевленныхъ, у одушевленныхъ винит. п. выражается родительнымъ: chlаров; ср. р. -а, -á: dela, delá. Ср. чешскій яз.

8) Родит. п. муж. р. -ов (чешск. ův, старо-слав. -охъ): chlаров, dubov; въ народныхъ говорахъ он: chlарои, ó (чешск. г.): domó; сред. р.—безъ особаго окончанія: diel.

9) Дат. п. -ом (чешск. ům, старо-слав. охъ): chlаром, dubom, delom.

10) Твор. п. -у (старо-слав. ѹ), ami: chlару, dubу, delу; иногда -mi: zubmi.

11) Мѣст. п. муж. р. -och: chlарoch, duboch, рѣже древнее iech (старо-слав. ѣхъ) и ách: goziech, znách; въ средн. р. исключительно -ách: delách.

II. Въ склоненіи основъ на -jo.

Един. ч.

12) Имен. п. муж. р. — согласн. зв.: muž, meš; средн. р. (им., вин., зват. пл.) -е, -ie: pole, imenie; въ народныхъ говорахъ -о, -ia, -ja: pol'о, imenia, štastja; происхождение окончанія -ia (ja) еще не выяснено¹⁾.

13) Зват. п. муж. р. -и, -е: mužи, меѹ, otče.

14) Дат. п. муж. р. -и, -ovi: mužи, mužovi; у именъ муж. р. неодушевленныхъ и въ средн. р. только -и: меѹ, pol'и, imeniu.

¹⁾ Объясненіе, предлагаемое Пастернакомъ (Beitrag, 126 — 127) едва ли можно признать убѣдительнымъ.

15) Мѣстн. п. муж. р. существит. одушевл. -у, -ові: muž, mužovi, у существит. неодушевл. и въ сред. р. -і: meči, poli, imení.

16) Твор. п. муж. р. -ом: mužom, mečom; въ средн. р. -ом, -ім (= ijem): pol'om, imením.

Множ. ч.

17) Имен. п. муж. р. -і -ovia, -е: muží, mužovia, meče; -і, -ovia выступаютъ у существ. одушевл., -е есть собственно окончаніе вин. п. и примѣняется къ именамъ неодушевл.; оно возникло изъ пра-слав. ѣ и соответствуетъ старо-слав. ѡ. Тоже въ чешскомъ яз.; въ средн. р. -а, -ia: pol'a и polia (имен., вин., зват. пп.).

18) Вин. п. муж. р. -е: meče, только у именъ неодушевленныхъ; у существительныхъ одушевленныхъ винит. п. выражается родительнымъ: mužov.

19) Род. п. муж. р. -ов: mužov, mečov; въ говорахъ ou: godičou; въ средн. р. -і: poli.

20) Дат. п. муж. р. -ом: mužom, mečom; сред. р. -iam: poliam (чешск. polím).

21) Твор. п. -і (= старо-слав. и), -мі, -амі: muží, mužímí, mužámí, meči, mečímí, mečámí, poli, pol'mí, pol'amí.

22) Мѣстн. п. муж. р. -ош: mužoш, mečoш; сред. р. -iaш: poliaш (въ чешск.—mužích, polích), старо-слав. межикъ, поликъ.

III Въ склоненіи основъ на -а.

Един. ч.

23) Зват. п. -о: гуво (старо-слав. ѡво, чешск. гуво).

24) Вин. п. -у: гуви (старо-слав. ѡво, чешск. гуви).

25) Род. п. -у (= старо-слав. ѡ): гуву (такъ и въ чешск. яз.).

26) Дат.-мѣстн. пп. -е (= старо-слав. ѡ) гуве (чешск. гувѣ).

27) Твор. п. -ои (= старо-слав. ѡи): гувои; въ говорахъ ѡ (западн.), и (восточн.); ов (и ои въ средн. н.), ѡ (гемер. г.): гувѡ, гувѡ, гувов, гувѡ; въ чешск. яз. тоже ои.

Множ. ч.

28) Имен., вин. п. -у (= старо-слав. ѡ), гуву (чешск. гуву).

29) Род. п.— безъ окончанія гѡв (старо-слав. ѡво, чешск. гув).

30) Дат. п. ѡш: гувѡш (старо-слав. ѡво, чешск. гувѡш).

- 31) Мѣстн. п. -ách: gubách (старо-слав. *губахъ*, чешск. gubách).
 32) Твор. п. -ami, -ámi: gubami (старо-сл. *губами*, чеш. gubami).

IV. Въ склоненіи основъ на -ja.

Един. ч.

- 33) Имен. п. -a: duša (чешск. duše).
 34) Зват. п. -o: dušo (старо-слав. *доуше*, чешск. duše).
 35) Вин. п. -u (=старо-сл. *ѡ*): dušu (старо-сл. *доушѡ*, чешск. duši).
 36) Род. п. -e (=старо-сл. *ѡ*): duše (старо-сл. *доуша*, чешск. duše).
 37) Дат., мѣстн. пп. -i: duši (старо-слав. *доуши*, чешск. duši).
 38) Твор. п. -ou: dušou (старо-слав. *доушеѡ*, чешск. duši), діалект.
 тич. -ú, -u, -ov, -ó (ср. 27): dušú, dušu, dušov, dušó.

Множ. ч.

- 39) Имен., вин., зват. пп. -e: (=старо-сл. *ѡ*, пра-сл. *ѡ*): (старо-слав. *доуша*, чешск. duše).
 40) Род. п. — безъ окончанія, -i: oves, duši (старо-слав. *доуша*, чешск. duši).
 41) Дат. п. -iam: dušiam (старо-слав. *доушамъ*, чешск. dušim).
 42) Мѣст. п. -iach: dušiach (старо-слав. *доушамъ*, чешск. dušich).
 43) Твор. п. -iami: dušiami (старо-слав. *доушамы*, чешск. dušemi).

V. Въ склоненіи основъ на -i.

Един. ч.

- 44) Зват. п. -i: kosti, dlani (старо-слав. *кости*).
 45) Род. п. -e, -i: kosti, dlane (тоже и въ чешск. яз.).
 46) Тв. п. -ou: kostou (старо-слав. *костыѡ*, чешск. kosti), dlaňou,
 діалектич. -ú, -u, -ov, -ó (ср. № 27, 38): radostou, radostú, radostu,
 radostov, radoščó.

Множ. ч.

- 47) Имен., вин. пп. -i, -e: kosti, dlane.
 48) Род. п. -i: kosti, dlani (старо-слав. *костны*).
 49) Дат. п. -am: kostam, dlaňam (старо-слав. *костыѡ*, чешск. ko-
 stem, dlaňem, -im).
 50) Мѣст. п. -ach: kostach, dlaňach (старо-слав. *костыѡ*, чешск.
 kostech, dlaňech, -ich).
 51) Тв. п. -mi: kostmi, dlaňmi, dlaňami (чеш. kostmi, dlaňemi).

5) *Измѣненія въ количествѣ коренныхъ гласныхъ.* Измѣненіе словъ по падежамъ иногда сопровождается измѣненіями количества коренныхъ гласныхъ: въ разныхъ падежахъ коренные гласные бываютъ то долгими, то краткими; напр.: guka, rúk, kón, koňa. Подобное явленіе наблюдается и въ чешскомъ языкѣ, но тамъ оно захватываетъ большее количество случаевъ; сверхъ того случаи чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ въ обоихъ языкахъ не всегда совпадаютъ. Въ словацкомъ яз. замѣтно стремленіе въ удержанію однороднаго количества и извѣстное предпочтеніе къ долготамъ, при чемъ послѣднее выражается какъ въ сохраненіи долготы, такъ въ замѣнѣ въ извѣстныхъ случаяхъ краткихъ гласныхъ долгими. Между тѣмъ чешскій языкъ отличается склонностью сокращать долгіе гласные.

Самая характерная особенность словацкаго яз.—удлиненіе краткихъ коренныхъ гласныхъ во всѣхъ односложныхъ родительныхъ падежахъ множ. ч.: čias, ráz, brád, nôh, rúb, rúk, vl'n, sfn, diel, mias, zfn и т. п.; въ имен. ед. ч. čas, brada, poňa, guka, delo и т. д.; въ чешск. яз. не только сохраняются краткіе гласные, но и долгіе превращаются въ краткіе: brad, rüb, ruk, děl (dřlo), per (péro).

Односложныя существительныя муж. р. иногда имѣютъ въ имен. п. ед. ч. долгій гласный, вмѣсто котораго въ прочихъ падежахъ выступаютъ краткіе гласные. Это относится главнымъ образомъ къ о: kón, koňa, pôž, požom, stól, stolu, vól, vola; но нерѣдко и въ имен. п. краткое о: Boh, voz, dvor, или же ô не сокращается: pôst, bób, bôba. Такъ чередуются ie, e въ словѣ chlieb, chleba. Другіе гласные, выступающіе въ чешскомъ языкѣ въ односложныхъ именительныхъ пп. долгими, въ словацкомъ или бываютъ кратки, напр.: hřach, pğach, zněh, или же остаются долгими во всѣхъ падежахъ, напр.: mřáz, mřázu.

Законъ чешскаго яз. о чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ въ склоненіи двусложныхъ существительныхъ отъ основъ на -a, -ja не извѣстенъ словацкому языку. Коренной долгій гласный остается неизмѣннымъ во всѣхъ падежахъ: brána, bránou; brán, bránam brápati, bránach.

Существ. řán имѣетъ въ зват. п. краткое a: řape; въ остальныхъ падежахъ á удерживается, не исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ въ чешскомъ выступаетъ краткое a: řan kmotr, řana kmotra.

Ср. стр. 121 и 264.

Образцы именнаго склоненія.

I. Основы на -о.

Едн. ч.

Мужескій родъ.		Средній родъ.	
И. chlap	dub	delo ¹⁾	slovo
З. chlape	dube	delo	slovo
В. chlара	duba	delo	slovo
Р. chlара	duba	dela	slova
Д. chlарu, ovi	dubu	delu	slovu
Т. chlаром	dubom	delom	slovom
М. chlарu, -ovi	dube	dele	slove

Множ. ч.

И З. chlарi, ovia	duby	delá, -a	slová, -a
В. chlарov	duby	delá, -a	slová, -a
Р. chlарov	dubov	diel	slov
Д. chlаром	dubom	delám	slovám
Т. chlарy, -ami	duby, -ami	dely, -ami	slovy, -ami
М. chlарoch	duboch	delách	slovách.

Къ склоненію именъ мужескаго рода.

1) По даннымъ образцамъ склоняются: а) всѣ имена муж. р. отъ древнихъ основъ на -о: Boh, človek, hrad и др.; б) существительныя отъ древнихъ основъ на -и: syn, vól, dom; в) нѣкоторыя слова отъ основъ на -і: holub, červ и др. Въ общемъ сюда относятся всѣ имена мужескаго рода, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на одинъ изъ твердыхъ согласныхъ: b, d, f, g, h, ch, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z. Изъ оканчивающихся на мягкой согласный слѣдуетъ данному склоненію только роѣе (число). Наконецъ, къ твердому склоненію основъ на -о муж. р. принадлежатъ употребляющіяся: 1) только во множ. ч. слова на -у: čiary, drobku, hody, mraavu, odperstky, ostatky, pačesy, patoky и т. п.; 2) имена муж. р. на -о (въ зват. пад. также о): dedo, tato и др.

¹⁾ Delo=пушка (нужно отличать отъ dielo=дѣло).

2) Въ словацкомъ языкѣ, какъ въ чешскомъ и польскомъ, выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Образцомъ склоненія первыхъ служатъ *chlár*, вторыхъ — *dub*. Склоненіе одушевленныхъ именъ представляетъ слѣдующія особенности: а) выпит. п. ед. и множ. ч. сходенъ съ род. п. (*chlára, chlárov*); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на *a* (*chlára*); дат. и мѣст. п. ед. ч. оканчиваются не только на *-u*, но и на *-ovi* (*chláru, -ovi*); имен. п. мн. ч. оканчивается на *-i, -ovia, -ia* (*chlári, chlárovía, židia*). Напротивъ у именъ неодушевленныхъ: а) вин. п. сходенъ съ именительнымъ (*dub, duby*, во множ. ч. имен. п. есть собственно вин. п.); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на *-u* (*dubu*); в) дат. п. ед. ч. только на *-u* (*dubu*); г) мѣстн. п. ед. ч. на *-e* (*dube*); д) имен. п. множ. ч. на *-y* (*duby*). Такимъ образомъ въ словацкомъ языкѣ, по сравненію съ чешскимъ, различіе между склоненіемъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ именъ простирается на большее число падежей. Въ частности эту чертою словацкій стоитъ ближе къ польскому, такъ какъ въ немъ (какъ въ польскомъ) между одушевленными именами различаются имена личные отъ неличныхъ, при чемъ послѣднія въ нѣкоторыхъ падежахъ (имен., вин. мн. ч.) примыкаютъ къ неодушевленнымъ (*hady, чешск. hadi*).

3) Бѣглые *o, e* (=ъ, ъ или вставочные), находящіеся въ имен. п. ед. ч. передъ согласнымъ окончанія, исчезаютъ во всѣхъ падежахъ, гдѣ за этимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный: *piatok — piatku, ovos — ovsa, orol — orla, osol — osla, kozol — kozla, domok — domku, statok — statku, veter — vetru, šev — švu, pes — psa, počeť — počtu, ocet — octu, chrbet — chrbtu*; также *a* въ *synak — synku*; но иногда *o, e* остаются и въ другихъ падежахъ; напр.: *kostol — kostola, popol popola, lev — lva* и *leva, domček — domčeku, sprev — sprevu* и др.

4) Род. п. ед. ч. имѣетъ два окончанія: *-a, -u*; *a* — принимаютъ имена одушевленные; *u* — неодушевленные. Отъ этого общаго закона наблюдается рядъ отступленій, какъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Многія существительныя обозначающія неодушевленные предметы удерживаютъ болѣе древнее окончаніе *-a*: *chlieb, chliev, dvor, kostol, kotel, klaštor, mlýn, obed, ovos, ocet, popol, potok, rok, stól, sýr, svet, večer, zákon, záhon, život, chomut, jazyk, komin, kus, kut, sud* и др.; особенно съ предлогами: *zo sna, z duba na dub, od roka*

do roka и т. п. Мѣстныхъ названія (за исключеніемъ сложныхъ съ hrad, sad или имѣющихъ нарицательное значенія) и имена мѣсяцевъ также принимаютъ -а: Rima, Trenčina, Lvova (но Petrohradu), janu-ага, únoga (февраль). Собираательныя какъ l'ud, statok имѣютъ -и: l'udu, statku; но národ лучше звучитъ národa, чѣмъ národu.

5) Въ дат. п. ед. ч. имена одушевленные могутъ имѣть двойное окончаніе -и, ovi: chlaru, chlarovi; Boh, človек, duch и rap (въ соединеніи съ другимъ существительнымъ) имѣютъ только -и: človекu, ránu Hurbanu.

6) 3 в. п. ед. ч. обыкновенно оканчивается на -е: chlare. Послѣ гортанныхъ выступаетъ и (займств. изъ склоненія основъ на и): hra-chu, ptaku, vrahу, но Vože и človечь. Syn сохраняетъ древнюю форму synu.

7) Въ мѣстн. п. ед. ч. имена неодушевленные оканчиваются на -е: dube; но послѣ гортанныхъ обыкновенно -и: po brehu, v kožu-chu, statku; l'ud также имѣетъ -и: l'udu. Имена святыхъ, при обозначеніи времени праздниковъ принимаютъ -е: o svätom Štefane, но если идетъ рѣчь о личности святого, то необходимо окончанія -ovi: o svätom Štefanovi.

8) Имен. п. множ. ч. представляетъ слѣдующія окончанія: -и, -ovia (ovie), -ia (ie), у. Употребленіе ихъ стоитъ въ зависимости отъ значенія словъ, при чемъ принимается во вниманіе различіе не только между одушевленными и неодушевленными именами, но и между личными и неличными. Оконч. -и, -ovia, -ia свойственны исключительно личнымъ именамъ: и—наиболѣе распространено и смягчаетъ предшествующія h, k, ch въ z, s: koželuzi, Česi, Slovaci; ovia (рѣже ovie)—слышится чаще въ возвышенномъ слогѣ: ránovia, svatovia но и ráni, svati; никогда не принимаютъ ovia слова, оканчивающіяся на -ik, -ak: vojáci, zahrádnici; syn всегда имѣетъ synovia, также dedo—dedovia; ia (рѣже ie, чешск. é)—наиболѣе употребительно у личныхъ именъ, оканчивающихся на d, n съ предпоследнимъ слогомъ краткимъ: Židia, pohania, Angličania, но говорятъ и Židi, pohani; также отъ brat-bratia, kňaz—kňazia. Имена неличныя (названія животныхъ) приравниваются къ неодушевленнымъ и обыкновенно принимаютъ оконч. -у: hady, orly, ptaku. Но если имена неличныя обозначаютъ (напр. въ сказкахъ) животныхъ олицетворяемыхъ, то они могутъ оканчиваться на -и: hadi, orli, ptáci. Только vlk всегда имѣетъ vlci.

9) Въ винит. п. мн. ч. имена нарицательныя также отличаются отъ личныхъ: они примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ и сохраняютъ древнее окончаніе -у: *kozly, voly, vlky, duby*. У личныхъ именъ винит. п. сходенъ съ род. п.: *chlarov*. Только отъ *boh* и *krestan* слышатся еще *bohu* и *krestanu* (въ пѣснѣ о Моренѣ: „*Morena, Morena! za kohos umrela? Ne za ny, ne za ny, než za ty krestanu*“).

10) Древній род. п. мн. ч. безъ *ov* сохранился только въ двухъ словахъ: *čas* и *gaz*.

11) Въ мѣстн. п. мн. ч. господствуетъ окончаніе -och: *chlarsch, duboch*; изрѣдка встрѣчаются -iesch (смягчающее предшествующія *h, k, ch*) и *ach*: *goziesch, mписiesch, potociesch; ve snách, časách*.

12) Въ твор. п. мн. ч. древнее окончаніе *y* слышно преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда существительное опредѣляется прилагательнымъ; напр.: *ostrými zuby, peknyimi spôsobu*; иначе болѣе употребительно позднѣйшее -ami: *zubami*; возможно и *mi*: *zubmi*.

13) Для существъ *človek* мн. ч. *ľudia* (*ľudie*), которое измѣняется по смѣшанному склоненію основъ на -i и на -o: вин. п. *ľudí*, род. п. *ľudí*, дат. п. *ľudom*, твор. п. *ľudmi*, мѣст. п. *ľudoch*.

Къ склоненію именъ средняго рода.

1) По образцу *delo* склоняются: а) всѣ имена средн. р. отъ основъ на -o: *okno, kolo, zlato, mlieko, sadlo, vojsko* и т. п.; б) имена отъ основъ на -s: *slovo, telo* (за исключеніемъ *nebo*); в) имена сред. р. отъ древнихъ основъ на -n: *tepno, bremeno, semeno* (возможно измѣненіе ихъ и по мягкому склоненію *bremã, semã*); г) имена на -a, употребляющіяся только во множ. ч.: *ústa, vráta, krosna*.

2) Въ мѣстн. п. ед. ч. вм. обычнаго *e* послѣ гортанныхъ слышатся *u*: *mlieku, vojsku*.

3) Въ родит. п. мн. ч. по требованіямъ благозвучія является вставочный *e, ie* (иногда *a*): *pravidlo—pravidel, okno—okien, veslo—vesal*; слова на -stvo охотнѣе принимаютъ -i: *biskupstvo—biskupstvi*. Двусложныя существительныя, становясь въ род. п. мн. ч. односложными, удлиняютъ коренной гласный: *zno—zfu, mesto—miest*.

4) Къ формамъ твор. п. мн. ч. на -y и -ami (-mi) относится сказанное объ этихъ падежахъ по отношенію къ именамъ муж. р. (п. 12).

5) Существ. *oko*, *ucho* имѣють смѣшанное склоненіе съ формами двойственного и множественнаго числа: имен., вин., зват. пп. *očí*, *uší*, род. п. *očí*, *uší*, дат. п. *očiam*, *ušiam*, мѣстн. п. в *očach*, *ušach*, тв. п. *očíma*, *ušíma*. Ср. выше стр. 277.

II. Основы на -jo.

Мужескій родъ.

Едн. ч.		Множ. ч.	
И. <i>oráč</i>	<i>meč</i>	И. } <i>oráči</i> , <i>-ovia</i>	<i>meče</i>
З. <i>oráču</i>	<i>meču</i>	З. }	
В. <i>oráča</i>	<i>meč</i>	В. <i>oráčov</i>	<i>meče</i>
Р. <i>oráča</i>	<i>meča</i>	Р. <i>oráčov</i>	<i>mečov</i>
Д. <i>oráču</i> , <i>-ovi</i>	<i>meču</i>	Д. <i>oráčom</i>	<i>mečom</i>
Т. <i>oráčom</i>	<i>mečom</i>	Т. <i>oráči</i> , <i>-mi</i>	<i>meči</i> , <i>-mi</i>
М. <i>oráču</i> , <i>-ovi</i>	<i>meči</i>	М. <i>oráčoch</i>	<i>mečoch</i> .

Средній родъ.

Едн. ч.			
И. } <i>pole</i>	<i>znamenie</i>	<i>semä</i>	<i>kurä</i>
З. }			
В. }			
Р. <i>pol'a</i>	<i>znamenia</i>	<i>semeňa</i>	<i>kuräta</i>
Д. <i>pol'u</i>	<i>znameniu</i>	<i>semeňu</i>	<i>kurätu</i>
Т. <i>pol'om</i>	<i>znamením</i>	<i>semeňom</i>	<i>kurätom</i>
М. <i>poli</i>	<i>znamení</i>	<i>semeni</i>	<i>kurati</i>

Множ. ч.			
И. } <i>polia</i> , <i>-a</i>	<i>znamenia</i>	<i>semena</i>	<i>kurata</i>
З. }			
В. }			
Р. <i>polí</i>	<i>znamení</i>	<i>semen</i>	<i>kurat</i>
Д. <i>políam</i>	<i>znameniam</i>	<i>semenám</i>	<i>kuratam</i>
Т. <i>poli</i> , <i>'mi</i> , <i>'ami</i>	<i>znameniami</i>	<i>semeny</i> , <i>-ami</i>	<i>kuraty</i> , <i>-ami</i>
М. <i>pol'iach</i>	<i>znameniach</i>	<i>semenách</i>	<i>kuratách</i> .

1) По образцамъ *oráč*, *meč* склоняются: а) всѣ имена муж. р. отъ основъ на -jo, т. е. всѣ имена муж. р., оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на мягкій согласный (с, ѓ, z, ž, š, ď, ť, ľ, ň, j): *muž*, *križ*,

nôž, bič, loj, kňaz, peniaz, vífaz, koš, dažď, hlemyžd' (слизень), hvižd' (черный орѣхъ), sled', dehef, plašť, oheň, kliešť, učitel', kukol', ďatel', čmel', kašel', král', chmel', křdel' (стадо), motyl', mozol', pytel' (Beutel), sopel', uhel', šindel' (Schindel, брусокъ), topol', posál', okál' и др.; б) нѣкоторыя имена, относящіяся къ склоненію основъ на -i: lakeť, zať, test, medved', ból', ciel' kúpel' (ср. русскія *боль, цѣль, купѣль* жен. р.).

2) По образцу *role* склоняются: а) имена средн. р. отъ основъ на -jo: kŕce, ovoce, slnce, srdce, vojce, ohnište, more, oje (дышло), lože, Labe и др.; въ народномъ языкѣ о обыкновенно остается неперегласованнымъ: lico, srdco и т. д.; б) *nebe* (осн. на -s) и *nebo* только въ един. ч., во множ. ч. (*nebesa*) по твердому склоненію.

По образцу *znamenie* склоняются имена на -ie (=старо-сл. *им*): *kamenie, listie, veselie, zdravie, pitie, volanie* и т. д. Собрательныя употребляются только въ един. ч.

4) По образцу *zemā* склоняются имена ср. р. отъ основъ на -n: *bremā, pismā, plemā, gamā, temā, vemā* (старо-сл. *времѧ, пра-сл. bremen*); всѣ эти имена могутъ возстановлять первичное *n* и въ имен. п. и въ такомъ случаѣ слѣдуютъ твердому склоненію: *bremeno, plemeno* и т. д.; вм. древн. *imā* (старо-слав. *имѧ*) теперь только *meno*; древняя форма сохранилась только въ нарѣчій *pajmā*. Во множ. ч. эти имена всегда слѣдуютъ твердому склоненію: *bremena, bremen* и т. д.

5) По образцу *kuřā* склоняются нѣкоторыя уменьшительныя и названія молодыхъ животныхъ на -a, -ā: *dievča, chlarcā, dieťa, osl'a, kaďa, jahňā, žtiebā*. Во мн. ч. эти существительныя слѣдуютъ твердому склоненію: *dievčata, dievčat. Dieťa* во множ. ч. имѣетъ формы отъ другихъ основъ: имен., вин., зват. *deti, dietky*, род. п. *deti, dietok*, дат. п. *deťom, dietkam*, тв. п. *deťmi, dietkami*, мѣст. п. *deťoch, dietkach* (ср. соотвѣт. русск. формы). Многія изъ относящихся сюда именъ иногда принимаютъ во множ. ч. окончаніе -ence (вм. *atā*) и въ остальныхъ падежахъ слѣдуютъ то основамъ на -a, то основамъ на -o: *kugence*, род. п. *kugeniec* или *kugencov*, дат. п. *kugencam* или *kugencom*, твор. п. *kugenci* или *kugencami*, мѣст. п. *kugencach* или *kugencoch*; подобныя формы были и въ старо-чешск. яз.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, различается склоненіе именъ одушевленныхъ отъ склоненія именъ неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ *otāb*, втораго — *šeb*. Изъ

категоріи именъ одушевленныхъ выдѣляются имена неличныя, которыя въ твор. п. ед. ч. и имен. и вин. пп. множ. ч. примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ: на *koni, kone, medvede, jelene*. Такъ и *král'* въ картахъ и при обозначеніи праздника: *dva krále, tri krále*. Древній винит. п. ед. ч. у именъ одушевленныхъ, сходный съ именит., до сихъ поръ сохранился въ выраженіи: *ísť za muž* (ср. русск. выйти за мужъ). Ср. замѣчанія къ склоненію твердыхъ основъ на -о стр. 287.

7) Въ имен. п. ед. ч. муж. р. (и винит. п. неодушевленныхъ именъ) по требованію благозвучія выступаетъ бѣглое е (изъ ѣ или вставочное); напр.: *chlarес—chlarса, oheň—ohňa, kašel'—kašl'a, lakеť—lakťa, no hrebeňa, jeleňa, jeseňa, kúdel'a* и др.; въ *jazves, šves* и *žnes* переставляется е: *jazovса, ševса и ževса*.

8) Имена на *ec* и *kňaz* имѣютъ въ зват. п. един. ч. е вм. обычнаго и: *kňaže, otcе, chlarсe*.

9) Въ дат. п. ед. ч. оба окончанія -ц, -ovі могутъ принимать только имена одушевленные муж. р. (*ogaцu, ogačovі*); имена неодушевленные и существительныя ср. р. принимаютъ только и (*meцu, pol'u*).

10) Въ имен. п. мн. ч. окончанія -і, -ovіа свойственны только личнымъ именамъ: *chlarсі, chlarcovіа*; *otec* и *rodіč* имѣютъ только -ovіа: *otcovіа, rodіčovіа*. Возможно еще окончаніе -іа: *učitelіа* (и другія отглагольныя на *tel*), *hostіа, zatiа*; однако рядомъ съ этимъ *učitelі, hostі, zati, hostovіа, zafovіа*. Имена неодушевленные и неличныя принимаютъ е: *meče, medvede*; только въ случаѣ олицетворенія -і: *medvedі*. *Deň* имѣетъ і: *tri dni*; но *týdeň* -ѣ: *tyždne* или *tydne*. Двоакое окончаніе представляетъ *deň* въ мѣстн. п. един. ч.: *vo-dne, v prvom dni*.

11) Въ род. п. ед. ч. *plač* имѣетъ и вм. обычнаго а: *plaču*.

12) Въ род. п. множ. ч. имена муж. р. оканчиваются на -ov, сред. р. на -і: *ogačov, mečov, poli*. Но *hosť, kôň, peniaz* также имѣютъ -і: *hostі* (правильно, древн. оконч.), *koni, peniazі*.

13) Относительно чередованія окончаній твор. п. множ. ч. -і, -mі, -amі (*ogaці, ogačmі, poli, pol'mі, pol'amі*) имѣетъ значеніе сказанное о соотвѣтствующихъ окончаніяхъ въ твердомъ склоненіи (ср. стр. 289).

14) *Nebo* или *nebe* въ един. ч. теряетъ вполне согласный основы и измѣняется по образцу *role*, во множ. ч. восстанавливаетъ первичную основу (*nebesa*) и слѣдуетъ твердому склоненію.

III. Основы на -о.

Е д и н. ч		М н о ж. ч.	
И. žena	sluha	И. ženy	sluhovia
З. ženo	sluho	З. ženy	sluhovia
В. ženu	sluhu	В. ženy	slúh
Р. ženy	sluhy	Р. žien	slúh
Д. žene	sluhovi	Д. ženám	sluhom
Т. ženou	sluhou	Т. ženami, -ámi	sluhy, -ami
М. žene	sluhovi	М. ženách	sluhoch.

1) По образцу *žena* склоняются всё имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -а; напр.: *ryba, brada, kosa, múka, vrba, poňa, haňba* и др.; сюда же относятся имена, употребляющіяся только во мн. ч. и оканчивающіяся въ им. п. на -у: *vidly, máry, otruby, plevu, vašku* и др., мѣстныхъ названія: *Cechy, Uhry, Rakusy, Benátky* и др.

2) По образцу *sluha* склоняются имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -а: *vojevoda, vláduka, pastucha* и др. Эти имена, какъ видно изъ образца, въ нѣкоторыхъ падежахъ слѣдуютъ склоненію основъ на -о.

3) Въ дат. и мѣст. пп. ед. ч. оконч.-ѳ соответствуетъ старослав. ѣ; изъ согласныхъ, предшествующихъ этому окончанію, смягчаются только *l, n, d, t*; гортанные же *g, h, k, ch*, по утверженію Гатталы, въ большей части говоровъ словацкихъ остаются несмягченными: *ruke, streche, nohe, strige*¹⁾. Ср. выше стр. 272.

4) Двусложными существительными въ род. п. мн. ч. всегда имѣютъ коренной гласный долгій: *gúb, vrb*. Ср. стр. 264. При стеченіи согласныхъ выступаютъ вставочные *ie, o*: *matiek, čiarok*.

5) Въ дат., мѣст. и твор. пп. множ. ч. *á*, находящееся въ окончаніи, становится краткимъ, если предшествующій слогъ долгій: *brána, bránam, bránami*.

6) Объ остаткахъ дв. ч.—*rukú* и т. д. см. выше стр. 271.

¹⁾ *Väšina Slovákov* наopak zanedbáva s Rusy rozlišovanie to, ričkajúc: *ruke, streche, nohe, strige* m. *ruce, strese, noze*.

IV. Основы на -ja.

Един. ч.		Множ. ч.	
И. duša	sudca	И. duše	sudcovia
З. dušo	sudco	З. duše	sudcovia
В. dušu	sudcu	В. duše	sudcov
Р. duse	sudca, -i	Р. dusí	sudcov
Д. duši	sudcovi	Д. dušiam	sudcom
Т. dušou	sudcom	Т. dušami	sudci, -ami
М. duši	sudcovi	М. dušách	sudcoch.

1) По образцу *duša* склоняются: а) имена жен. р. отъ мягкихъ основъ на -а, т. е. имена, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на -ja, -са, -ба, -ша, -жа, -джа, -на, -ла, -га (=пра-слав. *gja*, чешск. *ře*); напр.: *vól'a*, *dyňa*, *hrča*, *rohoža*, *šija*, *sviesa*, *núdzа*, *hrobl'a*, *chvil'a*, *mil'a*, *rol'a*, *večera*, *žiaга* (чеш. *zaře*), иностранныя на -ia: *Asia*, *Maria*, *historia*; б) имена, утратившія въ имен. п. ед. ч. древнее окончаніе -а: *zem*, *postel'*, *stráž*, *krádež*, *zbroj*, *faleš* (die Falschheit), *nádej*, *obučaj*, *obes* и друг.; всѣ эти имена теряютъ соответствующія окончанія въ зват. (о) и вин. (и) пп. ед. ч.: *zem*, *obes*; в) употребляющіяся только во множ. ч. имена на -е: *hrable*, *hromnice*, *kliešte*, *kopore*, *poše*, *sane*, *turice*, *letnice*, *vianoce*, *Domažlice*, *košice*; г) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i, лишь отчасти слѣдующія своему основному типу склоненія: *daň*, *lož*, *pec*, *Pešť* (о нихъ ниже въ параграфѣ о склоненіи на -i); д) нѣкоторыя имена отъ древнихъ основъ на -у: *krv* (кгу, кгу), *cirkev*, *obcv* (но *obcva*); большая часть этихъ основъ оканчиваются на -ва и слѣдуютъ твердому склоненію: *lahva*, *kohva*, *mrkva* и т. п.

3) По образцу *sudca* склоняются имена муж. р. на -са: *dágsa*, *zrádca*, *gadca*, *vladca* и др. Имена эти за исключеніемъ имен., вин. и зват. пп. ед. ч. слѣдуютъ мягкому склоненію основъ на -о (*ogás*); въ род. п. ед. возможно -а, и -i: *sudca*, *sudci*.

3) Въ род. п. мн. ч. возможны двоякія формы: i (звмствованное изъ склоненія основъ на -i) принимаютъ имена на *ža*, *žá* (*váža*, *váži*) и тѣ, которыя теряютъ конечное а въ имен. п.: *zemí*; другія об-

разуютъ этотъ падежъ по древнему способу, безъ окончанія: *vôň, ulic, ml', gól*; въ случаѣ стеченія согласныхъ является вставочное *ie*: *šabiel'*.

4) *Raní* склоняется слѣдующимъ образомъ: им., зв. п. *raní*, вин. п. *raňu*, род., дат., мѣст. п. *rapej*, тв. п. *rapou*, множ. ч. им., зват., вин. пп. *ranie*, род. п. *raní*, дат. п. *raníam*, тв. п. *raníami*, мѣст. п. *raníach*. Въ связи съ другими существительными *raní* остается безъ измѣненія; напр.: *raní matku som videl*, о *raní strýnej hovorme* и т. д. О склоненіи этого существительнаго въ чешскомъ языкѣ ср. 134 стр.

V. Основы на -i.

Един. ч.		Множ. ч.	
И. <i>kost</i>	<i>dlaň</i>	И. <i>kosti</i>	<i>dlane</i>
З. <i>kosti</i>	<i>dlani</i>	З. <i>kosti</i>	<i>dlane</i>
В. <i>kost</i>	<i>dlaň</i>	В. <i>kosti</i>	<i>dlane</i>
Р. <i>kosti</i>	<i>dlane</i>	Р. <i>kostí</i>	<i>dlaní</i>
Д. <i>kosti</i>	<i>dlani</i>	Д. <i>kostam</i>	<i>dlaňam</i>
Т. <i>kostou</i>	<i>dlaňou</i>	Т. <i>kostmi</i>	<i>dlaňmi, -ami</i>
М. <i>kosti</i>	<i>dlani</i>	М. <i>kostach</i>	<i>dlaňach</i> .

1) Образецъ *kost* представляетъ болѣе древній типъ склоненія основъ на -i жен. р. Сюда относятся имена, оканчивающіяся на -b, p, s, c, d, t, m, ť, š, ž, z, dz, l', r, v: *otep, step, hus, os, ves, moc, nos, ves, čelaď, meď, štvrť, chuť, česť, hrst', řeč, seč, tlč, žlč, myš, veš, lož, rož, haluz, mosadz, mysel', sol', biel', ocel', jar, tvár, obuv*; употребляющіяся только во множ. ч. *deti* и *smeti*.

2) Образецъ *dlaň* представляетъ позднѣйшій типъ склоненія на -i, въ которомъ взяли полный перевѣсъ формы склоненія основъ на -ja. Сюда относятся главнымъ образомъ имена, оканчивающіяся въ им. п. един. ч. на -ň: *bázeň, bázeň, pieseň, zeleň* и др.; также *dvere, jasle, husle* (мн. ч.). Это склоненіе близко совпадаетъ со склоненіемъ именъ на -ja, потерявшихъ конечное a въ имен. п. ед. ч. Ср. тоже явленіе въ чешскомъ языкѣ 138 стр.

3) Въ имен. п. ед. ч. иногда является бѣглое e: *pieseň, bázeň, ves*; иногда o: *loz—lži*.

VI. Основы на согласный.

Един. ч.	Множ. ч.
И.З. mati, mať	matere
В. mater	matere
Р. matere	materi
Д. materi	materam
Т. materou	matermi
М. materi	materach.

Вм. древн. dei въ современномъ языкѣ только dsega.

Именное склонение прилагательныхъ.

Именное склонение прилагательныхъ представлено въ словацкомъ языкѣ въ такихъ же скромныхъ размѣрахъ какъ и въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Въ частности остатковъ этого склонения въ немъ меньше, чѣмъ въ чешскомъ языкѣ (литературномъ).

Послѣдовательно удерживаютъ именныя формы лишь прилагательныя притяжательныя на -ov, -in, при томъ только въ имен. и вин. пп. ед. и множ. ч. всѣхъ чиселъ и въ винит., твор. пп. ед. ч. женскаго рода; напр.:

		Един. ч.			
И.	synov	synova	synovo	matkin	matkina matkino
В.	synov	synovu	synovo	matkin	matkinu matkino
Т.		synovou			matkinou
		Множ. ч.			
И.В.	synovi(e)	synove	synove	matkini(e)	matkine matkine.

Имен., винит. пп. мн. ч. сред. р. замѣняются соответствующими формами жен. р.; въ имен. п. множ. ч. муж. р. окончаніе -i выступаетъ при согласованіяхъ съ именами одушевленными, -e при согласованіяхъ съ именами неодушевленными. Во всѣхъ остальныхъ падежахъ именныя формы замѣнились формами сложнаго склоненія, при чемъ, однако, различіе между тѣми и другими выражается въ количествѣ гласнаго окончанія: въ формахъ замѣняющихъ именное склонение овъ кратокъ, въ настоящемъ сложномъ склоненіи—дологъ; напр.: род. п. synovho, дат. п. synov-tu, род. п. мн. ч. synovuch; въ сложномъ склоненіи: dobrého, dobrému, dobrých и т. д. (Гаттала, Викторинъ). Впрочемъ, это различіе, кажется, только теоретическое.

Сверхъ того употребляются въ имен. п. ед. и мн. ч. именныя формы отъ прилагательныхъ: *džhen, hoden, vinen, povinen, gad* и всѣ причастія дѣйствит. зал. на -l: *dal, -a, -o, dali, daly* (жен. и ср. р.). Причастія прошед. страдат. зал. возможны только въ полной формѣ: *daný, pitý, -á, -é*.

Остатки именнаго склоненія прилагательныхъ отъ мягкихъ основъ сохранились лишь въ немногихъ нарѣчныхъ выраженіяхъ: *z-vätš-a, v pol trefa, po pol trefu, vel'mi, väsmi (vätš-mi)*.

Больше такихъ остатковъ представляютъ твердыя основы; именно: а) род. п. *do cela, do naha, z hola, z riedka, z daleka, za živa, za vidna, za sucha, odo davna* и др.; б) дат. п. *po česku, po nemecku, po malu, po tichu*; вм. п. часто *y*: *po česku, po nemecku* и т. д.; в) мѣст. п.: *po hotove, na krátce, v nove, v-čil' и v-čul' (вм. v-čule), dobre, zle, krásne, pekne* и т. д.; в) вин. п.: *draho, ticho, na lävo* и др.; д) твор. п.: *pred nedávnom*.

Мѣстоименное склоненіе.

(Zájmeno).

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

	Едн. ч.	Множ. ч.
И.З. ja	ty	mý vy
В. mä, ma, mňa	ta, tebä, teba	näs vás
Р. mňa, mä, ma	tebä, teba, ta	näs vás
Д. mne, mi	tebe, ti	nám vám
Т. mnou	tebou	nami vami
М. mne	tebe	näs vás.

В. sa, sebä, sebe

Р. sebä, seba

Д. sebe

Т. sebou

М. sebe.

Въ винит. п. ед. ч. основныя формы *mä* или *ma, ta, sa* (ср. старо-слав. *ма, та, са*; *mňa, tebä (teba), sebä (seba)*—собственно формы род. п., употребляемыя въ значеніи вин. п.; послѣднія предпочитаются, когда на мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; *mä, ta, sa*—англи-

тики; та́ свойственно преимущественно среднему нарѣчію, рядомъ съ нимъ употребляется въ литературномъ языкѣ западное та; въ восточномъ нарѣчіи слышно е: те, те, се; въ нѣкоторыхъ говорахъ слышатся та́ (Гемеръ), за́ (Н. Орава), се́ (Шарипшъ), ше́ (Чадца).

Съ формами род. п. мѣна, tebā (teba), sebā (seba) можно сопоставить русскія меня, тебя, себя, между тѣмъ въ чешскомъ языкѣ mne, tebe, sebe; tebā, sebā и teba, seba чередуются въ литературномъ языкѣ. Вслѣдствіе смѣшенія падежей формы вып. п. mā (ma), ta, za иногда употребляются въ значеніи род. п.

Формы дат. п. ед. ч. tebe, sebe ближе къ старо-славянскимъ и русскимъ (мнѣ, тебѣ, себѣ) чѣмъ чешскія tobě, sobě; mne, tebe, sebe употребляются, когда удареніе падаетъ на мѣстоименіе; mi, ti, si — энклитики; въ народныхъ говорахъ иногда слышатся себе, ší (Гемеръ), šebe, ší (Шарипшъ).

Въ творит. п. ед. ч. рядомъ съ принятыми въ литературномъ языкѣ—mnou, tebou, sebou, существуютъ діалектическія формы: mnú, tebú, sebú (зап. н.), mnu, tebu, sebu (вост. н.), mnov, tebov, sebov (и mnou, tebou, sebou въ сред. н.), mló, tobó, sobó (гемер. гов.), mnim, tebum, sebum (сѣв.-тренинск.).

Вм. ty иногда діалектн. te (Гонтъ).

Древній винит. п. мн. ч. ny сохранился въ пѣснѣ о Моренѣ: Morena, Morena! za kohos umrela? Ne za ny, ne za ny, než za ty krestanu (Гаттала, Mluvnicka, 1864. стр. 92).

Въ противоположность чешскому языку ja, pamí, vamí представляютъ краткое а.

Двойственного числа нѣтъ; слѣдъ его сохранился въ діалектическихъ твор. на -ша: паша, ваша.

II. Мѣстоименія неличныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе представляетъ свои особенности, которыми отличается какъ отъ старо-славянскаго, такъ отъ чешскаго языковъ.

1) Двойственное число исчезло и всегда замѣняется множественнымъ; слѣдъ его остался въ діалектн. твор. п. мн. ч. на -ша: іша, тўша, паіша.

2) Различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіями (teŭ и paš) выдерживается не такъ послѣдовательно какъ въ старо-славянскомъ и чешскомъ языкахъ. Смѣшеніе основъ на -o и на -jo выступаетъ во многихъ падежахъ. Въ большей части случаевъ мягкое склоненіе повлияло на твердое. Такъ въ род., дат., мѣст. пп. ед. ч. жен. р. основъ на -o является окончаніе -ej, заимствованное изъ мягкаго склоненія (tej, pašej); въ окончаніяхъ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., въ родит., дат., твор. и мѣст. пп. мн. ч. твердаго склоненія наблюдается \acute{y} вм. старо-слав. \dot{y} и чешск. \acute{e} : t \acute{y} m, t \acute{y} ch, t \acute{y} m, t \acute{y} mi (старо-слав. тѣмъ, тѣхъ, тѣмъ, тѣми, чешск. t \acute{e} m, t \acute{e} ch, t \acute{e} m, t \acute{e} mi); это \acute{y} возникло подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ мягкаго склоненія (pašim, pašich, pašimi); собственно оно есть \acute{i} , которое будучи вторичнымъ (т. е. позднѣйшаго происхожденія) не смягчаетъ предшествующаго \acute{t} и потому обозначается черезъ \acute{y} ¹⁾. Вліяніе твердаго склоненія на мягкое можно видѣть въ мѣст. п. ед. ч. муж. и ср. р. и въ твор. п. ед. ч. жен. р.: pašom, pašoc²⁾ (старо-слав. пашемъ, пашоцъ, чешск. pašem, paší).

3) Род., дат., твор. и мѣст. пп. ед. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы какъ въ старо-слав. яз. (tom, той, томъ), но отъ стяженной: tej, pašej, tou, pašoc. Такъ въ чешск., польск., сербохорв. и словин. яз.

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній имѣетъ мѣсто въ твердомъ и мягкомъ склоненія жен. р. ед. ч.; здѣсь совпадаютъ род., дат. и мѣст. пп., оканчивающіеся на -ej: tej, pašej. Это собственно дательные падежи, послужившіе аналогіей для мѣст. и род. пп. Въ чешскомъ яз., напротивъ, возобладала форма род. п. (té), перешедшая въ дат. и мѣст. пп.

5) Имен., вин. пп. мн. ч. сред. р. имѣютъ тѣже окончанія, что и соотвѣтствующіе падежи жен. р.: tu, paše.

6) Нѣкоторыя окончанія, отличныя то отъ старо-славянскихъ, то отъ чешскихъ, объясняются особенностями словацкаго вокализма; напр. вин. п. ед. ч. жен. р.—tu, pašu, ŭ, мамъ; им., вин. пп. мн. ч. жен. р. паše (мама); особенно отличается отъ чешскаго мягкое склоненіе жен. р. вслѣдствіе того, что основные гласные окончаній не подвергаются перегласовкѣ: паša, пашу и т. д., чешск. паše, паši и т. д.

¹⁾ Однако возможно и другое объясненіе всѣхъ этихъ формъ твердаго склоненія: онѣ могли возникнуть по аналогіи соотвѣтствующихъ формъ сложнаго склоненія.

²⁾ Форма паšom допускаетъ и другое объясненіе: о здѣсь можетъ быть первичное, не подвергшееся перегласовкѣ въ o.

7) Můj, tvůj, svůj допускаютъ только нестяженные формы. Въ чешскомъ, наоборотъ, стяженные формы преобладаютъ. Ср. 151 стр.

I. Основы на -о.

Е д и н. ч.			М н о ж. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. ten	ta	to	И.З. ti (ty)	ty	ty
В. ten (toho)	tu	to	В. ty (těch)	ty	ty
Р. toho	tej	toho	Р.	Для 3 родов. {	tých
Д. tomu	tej	tomu	Д.		tým
Т. tým	tou	tým	Т.		tými
М. tom	tej	tom	М.		tých.

Объ именит. п. ten изъ болѣ древняго тъ см. чешскій языкъ стр. 148.

По образцу ten склоняются: tenže, tento, tamten, henten, oten (oná, ono), kto, nikto или nik, nekto или dakto, ktokol'vek, jeden.

II. Основы на -ю.

Е д и н. ч.			М н о ж. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. náš	naša	naše	И.З. naši, -e	naše	naše
В. náš, našeho	našu	naše	В. naše, -ich	naše	naše
Р. našeho	našej	našeho	Р.	Для 3 родов. {	našich
Д. našemu	našej	našemu	Д.		našim
Т. naším	našou	naším	Т.		našimi
М. našom	našej	našom.	М.		našich.

2.

Е д и н. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. (on) (i)	(ona) (ja)	(ono) (je)
В. jeho, ho (i), ň	ju	jeho, ho, ň
Р. jeho, ho	jej	jeho, ho
Д. jemu, mu	jej	jemu, mu
Т. ím	jou	ím
М. jom	jej	jom

Множ. ч.

И.З. (oni, -у) (ji)	(ony) (je)	(ony) (ja)	
В. je, ich	je	je	
Р.	Для 8 родовъ.	{ ich	
Д.			{ im
Т.			{ imi
М.			{ ich.

По даннымъ образцамъ склоняются: váš, mój, tvój, svój, čo, čí.

Въ род. и дат. пп. ед. ч. pašeho, pašetu е часто не слышно, а предшествующее а звучитъ долго: pášho, páštu; подобнымъ образомъ mójho, mójtu; а также doňho, kuňtu (вм. do ěho, ku ětu).

Древніе именительные і (jъ), ja, je, ji, je, ja не сохранились; вм. нихъ on, ona, ono, oni, onu. Нѣтъ и мѣстоименія, соответствующаго чешскому jenž.

Формы ho, tu—энклитики, онѣ возникли изъ jeho, jetu черезъ потерю начального слога je.

Начальное і въ im (твор. п. ед. ч.), ich (род. мѣст. пп. мн. ч.), im (дат. п. мн. ч.), imi (твор. п. мн. ч.) не нуждается въ j.

Послѣ предлоговъ j въ мѣстоименіи jъ (ъ), какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, измѣняется въ п: od neho, k nemu. Вин. п. муж. р. ед. ч.—ň = болѣе древнему ѣ и находитъ себѣ соответствіе въ чешскомъ, сербо-хорв., словинскомъ и старо-слав. яз.: naj, zaň, rgeň, padoj; ѣ въ народныхъ говорахъ употребляется и вм. сред. р. Помимо случаевъ соединенія съ предлогами всегда принимаютъ начальное вставочное и только твор. п. ед. и мн. ч.: pím, ěou, pími.

Вин. п. мн. ч. je употребляется только послѣ предлоговъ въ формѣ ne; напр. rge ne (для всѣхъ трехъ родовъ, за исключеніемъ личныхъ именъ муж. р.); иначе онъ замѣняется род. п. ich.

Мoj, tvój, svój и čí (čia, čie) имѣютъ полныя формы и не допускаютъ стяженія какъ въ чешскомъ яз.: mojeho, mojej, čieho, čietu (ср. чешск. mého, métu, čího, čímu).

Čo въ народныхъ говорахъ сохраняетъ неперегласованное о не только въ мѣстн. п., но и въ род. и дат. пп.; оно склоняется такимъ образомъ: им., вин. п. čo, род. п. čeho и čoho, дат. п. četu и čotu, тв. п. čím, мѣст. п. čom. Сложныя: pečo, čokolovek. Вм. čo въ гово-

рахъ слышится со (на Западѣ), ѡа (гемер. и гонт. г.), со (на крайнемъ сѣверо-востокѣ—Сотаки).

Вм. старо-слав. вьсь въ словацкомъ яз. только производныя вѣток или вѣсек, измѣняющіяся по сложному склоненію. Слѣды древняго мѣстоименія сохранились только въ нарѣчіяхъ: *zavše* и *ovšem*.

Древнее съ также сохранилось только въ нарѣчіяхъ: *dnes*, *letos*, *sem*.

Мѣстоименія на -ý, -á, -é: *ký*, *ktorý*, *každý*, *taký*, *jaký*, *kol'ku*, *tol'ku* и др. слѣдуютъ сложному склоненію.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ словацкомъ (какъ и въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ) значительно уклонилось отъ своего первоначальнаго древняго типа. Настоящія сложные формы, т. е. такія, въ которыхъ можно съ достовѣрностью признать сложеніе именныхъ и мѣстоименныхъ окончаній, наблюдаются лишь въ немногихъ падежахъ. Именно сюда относятся: 1) им. и вин. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ (им. ед. ч. *dobrý*, *dobrá*, *dobré*, *boží*, *božia*, *božie*, вин. п. ед. ч. *dobrú*, *dobrú*, *dobré*, *boží*, *božiu*, *božie*, имен. п. мн. ч. *dobří*, *dobré*, *boží*, *božie*, вин. п. мн. ч. *dobré*, *božie*); 2) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. мягкаго склоненія (*božím*); 3) твор. п. ед. ч. жен. р. (*dobrou*, *božou*); 4) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (*dobrých*, *božích*); 5) твор. п. мн. ч. муж. и ср. р. (*dobrými*, *božími*). Остальные падежи представляютъ собой большею частью новообразованія по аналогіи и объясняются преимущественно вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія. Ср. замѣчанія о чешскомъ сложномъ склоненіи стр. 153—155.

Въ частности сложное склоненіе въ словацкомъ яз. представляетъ слѣдующія особенности, сравнительно съ другими славянскими языками, преимущественно чешскимъ:

1) Склоненіе твердыхъ и мягкихъ основъ близко совпадаетъ; различіе между ними, выступающее въ грамматическихъ парадигмахъ, болѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное и опирается главнѣйше на принятомъ у Словаковъ этимологическомъ правописаніи. Близкое совпаденіе твердаго и мягкаго склоненій обуславливается слѣдующими явленіями: а) въ твердомъ склоненіи выступаютъ окончанія, собственно свойственныя мягкому склоненію, именно: въ род. и дат. пп. ед. ч. муж. и сред. р. -ého, ému (*dobrého*, *dobrému*); въ род., дат., мѣст. пп.

ед. ч. -ej (dobrej); б) въ мягкомъ склоненіи являются окончанія, собственно свойственныя твердому склоненію, именно: въ мѣст. п. ед. ч. муж. и сред. р. -om (božom) и въ твор. п. ед. ч. жен. р. -ou (božou); в) находящееся во многихъ окончаніяхъ твердаго склоненія у, соотвѣтствующее старо-слав. ѡ вслѣдствіе особенностей словацкаго вокализма звучитъ совершенно такъ какъ і окончаній мягкаго склоненія: ůch, ích, ům, ím, ůmí, ímí (разница только въ выговорѣ предшествующихъ согласныхъ: передъ у они звучатъ твердо, передъ і мягко).

2) Род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. совпадаютъ, какъ и въ мѣстоименномъ склоненіи: свойственное дат.-мѣстн. пп. окончаніе ej перенесено и на род. п.: dobrej, božej. Краткость е въ окончаніи ej указываетъ на несомнѣнное заимствованіе этого окончанія изъ мѣстоименнаго склоненія. Тоже надо сказать и объ оконч. -om (тв. п. ед. ч. муж. и сред. р.): dobrom, mužom.

3) Среднему роду въ имен., вин. пп. мн. ч. свойственны формы жен. р.: dobre, božie.

4) Передъ і въ имен. п. множ. ч. муж. р. согласные не смягчаются: veľkí, mnohí, tíhí.

5) Если предшествующій окончанію слогъ долгій, то долгіе гласные окончаній становятся краткими: krásny, krásna, krásne.

Твердыя основы.

Мягкія основы.

Едн. ч.

Твердыя основы			Мягкія основы		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. dobrý	dobrá	dobré (-ô)	И.З. boží	božia	božie
В. dobrý(ého)	dobru	dobré (-ô)	В. boží (-ieho)	božiu	božie
Р. dobrého	dobrej	dobrého	Р. božieho	bozej	božieho
Д. dobrému	dobrej	dobrému	Д. božiemu	bozej	božiemu
Т. dobrým	dobrou	dobrym	Т. božim	božou	božim
М. dobrom	dobrej	dobrom.	М. božom	bozej	božom.

Множ. ч.

Твердыя основы			Мягкія основы		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. dobrí -é	dobré	dobré	И.З. boží, -ie	božie	božie
В. dobré, -ých	dobré	dobré	В. božie, -ích	božie	božie
Р.	Для 8 родовъ.	dobrých	Р.	Для 8 родовъ.	božích
Д.		dobrym	Д.		božim
Т.		dobrymi	Т.		božími
М.		dobrych.	М.		božích.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ имен., вып. пп. ед. ч. сред. р. м. *dobré—dobrô*. Ср. 266 стр.

Въ род., дат. пп. ед. ч. муж. и сред. р. м. *ého, ému* въ нѣкоторыхъ говорахъ (Зволень, Тековъ, Гемеръ, Новоградъ) *ýho, úmu*: *dobrýho, dobrýmu*.

Твор. п. мн. ч. вообще въ народной рѣчи на *ýma, íma*: *dobrýma, božíma*; въ литературномъ яз. принято болѣе древнее *úmi, ími*.

По образцу *dobrý* склоняются: 1) имена прилагательныя твердыхъ основъ, оканчивающіяся на *-ý, -á, -é* (или *-y, -a, -e*, если прешествующій слогъ дологъ): *slabý, čierný, biely, mladý, zlý*; 2) имена числительныя на *-y*: *prvý, druhý, štvorý, päťorý* и др.; 3) имена собственныя (особенно имена лицъ и городовъ): *Jesenský, Jablonský, Potocký, Blatná, Vysoká, Hlboká*; 4) имена прилагательныя, употребляющіяся въ значеніи существительныхъ: *dôchodný, hlásný, hajný, polesný, služný, zlatý*; *kupcová, komorná, ranská*; *mostné, prievezové, vchodné, vstupné*; 5) причастія страдательныя: *pesený, bitý* и т. п.; 6) мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ: *jaký, ktorý, ký, všetok, sam, samý, žiaden* и *žiadny, celý, každý, všelijaký* и др.

По образцу *boží* склоняются: 1) имена прилагательныя мягкихъ основъ, оканчивающіяся на *-í, -ia, -ie*; напр.: *človečí, vlčí, rýbí, koží, cudzí, srední, zadní, vrchní, všední* и др.; 2) имена прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ: *krásnejší, najkrásnejší*; 3) имена числительныя на *-í*: *první, tretí, tisící, dvojí, obojí, trojí* (род. п. *dvojího*, дат. п. *dvojímu* и д. т.); 4) причастія дѣйствит. зал въ опредѣленной формѣ, напр.: *nesúci, -a, -e, ležiaci, -a, -e, byvší, -ia, -ie* и т. п.; 5) мѣстоим. *čí*; 6) имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: *bližní, hončí, krajčí, lovcí, príchodzí* и др.

Къ сложному склоненію относятся также фамильныя имена (большою частью мадьярскаго происхожденія) на *ay, ey, ni, ci*; въ родит. п. они оканчиваются на *ýho, ího*; въ дат. п. на *úmu, ímu*; напр.: *Rutkay, Rutkayho, Rutkaymu, Kubáni, Kubanšho* и т. п.

П р и б а в л е н и е.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется, какъ и въ чешскомъ языкѣ, посредствомъ суффиксовъ; 1) *ejší* (чеш. *ějši*); напр.:

pekny—peknejší, hustý—hustejší, teplý—teplejší, chorý—chorejší (преимущественно ованчивающіяся на нý, лý, гý, тý, и многія на кý, скý); 2) ší, смягчающаго предшествующіе коренные z, s: nízku—nižší, úzku—užší, vysoký—vyšší; 3) ší, не измѣняющаго предшествующій коренной согласный, напр.: slabý—slabší, tvrdý—tvrďší, hlupý—hlupší, starý—starší, plný—plňší (преимущественно на дý, бý, рý, һý, чý); 4) -í (изъ éji=ěji) у нѣкоторыхъ на -кý: trpký—trpčí (но и trpčejší и trpkější).

Отъ чешскаго яз. словацкій отличается тѣмъ, что во 1) не смягчаетъ коренныхъ h, ch передъ ší въ ž, š: drahý—drahší, (чеш. dražší), suchý—suchší (чеш. sušší), hluchý—hluchší и т. д.; 2) допускаетъ несмягченное k передъ оконч. -ejší: horký—horkejší, trpký—trpkejší, rezký—rezkejší, krehký—krehkejší.

Многія прилагательныя на -кý, -екý, -окý образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній; напр.: hlboký—hlbší, vysoký—vyšší, daleký—další и т. п. Таеъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Нѣкоторыя прилагательныя могутъ принимать полное и краткое окончанія—ejší и ší; напр.: krásny—krasnejší и krajší, biely—belejší и belší, milý—milejší и milší, planý (дикій)—plánejší и planší.

Отъ другихъ основъ имѣютъ сравнительную степень слѣдующія прилагательныя: dobrý—lepší, zlý—horší, malý—menší, vel'ky—větší.

Превосходная степень образуется посредствомъ прибавки частицы naj къ началу сравнительной степени: najlepší, najtrpkejší и т. п.

2) Числительныя имена.

Количественныя.

1, jeden и jedon, -на, -но	11, jedenášť или jedonášť
2, dva, dve	12, dvanášť
3, tri	13, trinášť
4, čtyri	14, štrnášť
5, pět	15, pětinášť
6, šest	16, šestnášť
7, sedem	17, sedemnášť
8, osm	18, osemnášť
9, devět	19, devětnášť
10, deset	20, dvacet или dvadsať

21, dvacať jeden или jeden a [dvacať	300, tri sto
30, tricať или tridcať	400, štyri sto
40, štyricať или štyridsať	500, päť sto
50, pädesiať или päťdesiať	600, šesť sto
60, šesdesiať или šesťdesiať	700, sedem sto
70, sedemdesiať	800, osem sto
80, osemdesiať	900, deväť sto
90, devädesiať или deväťdesiať	1000, tisíc
100, sto	2000, dve tisíc
101, sto jeden	10000, desať tisíc
200, dve sto	500000, päť sto tisíc
	1000000, million.

Jeden (jedon) слѣдуетъ твердому мѣстоименному склоненію (ten).

Dva и оба удержали формы двойств. ч. ср. 277 стр.

Tri и štyri усвоили болѣе новыя формы: вин. п. troch, tri, štyroch, štyri; род., м. п. troch, štyroch; дат. п. trom, štyrom; тв. п. tromi, štyrmi; въ имен. п. возможны и tria, štyria.

Числительныя отъ 5 до 99 измѣняются слѣдующимъ образомъ: имен. piati, вин., род., мѣстн. пл. piatich, дат. piatim, мѣстн. piatimi. Гласный передъ окончаніями удлиняется: päť — piatim, šesť — šiestim, sedem — siedmim, osem — ôsmim. Не такъ въ чешскомъ яз. ср. 159 стр.

Sto, tisíc, million слѣдуютъ именному склоненію. Sto въ род. п. мн. ч. допускаетъ только stov (ne set) или остается безъ перемены: päť sto, šesť sto; такъ и dve sto. Отъ tisíc род. п. мн. ч. возможенъ tisíc, но чаще tisícov.

Порядковыя.

1, prvý, první, první	10, desiatý
2, druhý	11, jedenásty
3, tretí	12, dvanásty
4, štvrtý	13, trinásty
5, piatý	14, štrnásty
6, šiestý	15, pätnásty
7, siedmý	16, šestnásty
8, ôsmý	17, sedemnásty
9, deviatý	18, osemnásty

19, devätnásty	100, stý
20, dvaciaty (или dvadsiaty)	101, stý prvni
21, dvaciaty prvý или jeden a [dvaciaty]	200, dvojstý (dvusty)
30, triciaty	300, trojstý (tristý)
40, štyriciaty	400, štyrstý
50, pädesiaty	1000, tisíci
60, šesdesiaty	2000, dvojtisíci (dvútisíci)
70, sedemdesiaty	10000, desať tisíci
80, osemdesiaty	100000, sto tisíci
90, devädesiaty	1000000, millionný.
	2000000, dvojmilionný

Въ порядковыхъ отъ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 40 гласный сто-
ящій передъ конечнымъ *ý* удлиняется.

В) С п р я ж е н і е .

Спряжение въ словацкомъ языкѣ (современномъ) еще болѣе укло-
нилось отъ предполагаемыхъ древнихъ нормъ славянскаго пра-языка,
чѣмъ склоненіе. Въ немъ отсутствуютъ многія формы, которыя су-
ществовали въ старо-славянскомъ яз. и отчасти представлены въ чеш-
скомъ языкѣ (особенно древнемъ). Именно въ словацкомъ языкѣ не-
достаётъ: 1) двойственнаго числа; 2) достигательнаго наклоненія (су-
щина); 3) прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста); 4) прича-
стій прошедш. вр. Идѣйств. и настоящ. вр. страд. Сверхъ того упроще-
ніе спряженія обуславливается частью смѣшеніемъ нѣкоторыхъ окон-
чаній, частью видоизмѣненіями древнихъ окончаній въ силу звуковыхъ
законовъ языка. Близость къ старинѣ выражается главнѣйше въ оби-
ліи сложныхъ и описательныхъ формъ.

Неопредѣленное наклоненіе.

Неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на -*t* (вм. древн.
ti): *piest, bit, imet, plakať*. Если передъ *t* оказывается согласный,
который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются вза-
имнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка: *piest,*
viest, piest, mŕst,

У нѣкоторыхъ глаголовъ (I классъ, основа неопредѣленнаго на согласный) коренной гласный удлиняется: *piešť, riešť, viešť, hriešť* (ср 265 стр.).

Причастныя формы.

Причастіе настоящаго времени дѣйств. зал. сохранилось лишь въ одной формѣ на *úo* или *íao*, употребляемой въ значеніи дѣепричастія, въ примѣненіи ко всѣмъ родамъ един. и множ. ч.; напр.: *pesúo, pozíao*; послѣ долгихъ гласныхъ стоящіе въ окончаніи *ú* и *íao* сокращаются: *píúo, chvá'ao*.

Окончанія *úo, íao* восходятъ къ *úoi, íaci* (=старо-слав. *ъи. ѡи, ии, имен. п. жен. р.*), которыя потеряли конечное *i*.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются формы именит. п. муж. р. на *-a* и имен. п. мн. ч. всѣхъ родовъ на *úoe, íaoe*: *pesa, pesúoe*.

Отъ дѣепричастій на *-úo, -íao* образуются причастія опредѣленные на *-oi, слѣдующія* сложному склоненію: *pesúoi, chvá'oi*.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. II образуется отъ основы неопред. накл. совершенно такъ, какъ въ старо-слав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: I (муж. р.), *la* (жен. р.), *lo* (ср. р.), множ. ч. *li* (муж. р.), *ly* (жен. и ср. р.); напр: *činił, -la, -lo, činili, -ly*. Послѣ согласныхъ передъ I въ муж. р. является *o*: *radol, piesol*. Глаголы, удлиняющіе коренной гласный въ неопред. накл., сохраняютъ долготу и въ прич. прош. дѣйств. II: *piekol, viedol*. Отъ этого причастія возможны прилагательныя опредѣленные на *-lý, -lá, -lé*; напр.: *radlý, zvädlý, minulý*.

Причастіе прошедшаго времени страдат. зал. употребляется только въ формѣ опредѣленной т. е. оканчивается на *-lý* (*-lá, -lé*) или *-tý* (*-tá, -té*). Относительно образованія этихъ формъ и примѣненія того или другаго окончанія словацкій яз. слѣдуетъ старо-славянскому и другимъ славянскимъ языкамъ: *bitý, mletý, pečený, padžený, strežený, daný, milovaný*.

Причастіе настоящаго времени страдат. зал. изрѣдка встрѣчается отъ немногихъ глаголовъ и то въ значеніи прилагательнаго: *vedomý, vidomý*.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. I сохранилось только отъ существительнаго глагола *byť*: *byv, byvši, byvše*.

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старославянскими и чешскими представляютъ слѣдующія особенности:

Едн. ч.

Старо-славянскій яз.	Словацкій яз.	Чешскій яз.
1 л. -мь, ж (=гласн. + м), ж	1 л. -m	1 л. -m, -u, -i
2 л. -си, -ши (=хи=си)	2 л. -(si) ť	2 л. -(si) ť
3 л. -тъ	3 л. -(t)	3 л. -(t)

Множ. ч.

1 л. -мъ	1 л. -me	1 л. -m, -me
2 л. -те	2 л. -te	2 л. -te
3 л. -ятъ, -ють, -атъ	3 л. -ú, -ia	3 л. -ou, -í.

Формъ двойственнаго числа въ словацкомъ яз. не сохранилось.

1-е лицо един. ч. всегда оканчивается на -m: viem, budem, pesiem, bijem, mišiem, umiem, horím, číním, volám, berem, kurujem. Такъ въ сербо-хорватскомъ и словинскомъ языкахъ (ср. Лекція I, 320, 475). Оконч. m исконно въ глаголахъ первообразныхъ (безъ основы настоящаго): som, jem, viem; въ глаголахъ остальныхъ классовъ оно позднѣйшаго происхожденія, заимствовано отъ глаголовъ первообразныхъ. Болѣе древнее u, соотвѣтствующее старо-слав. ж, сохранилось только въ геки и веру. Ср. чешск. яз. 166.

2-е лицо един. ч. Древнее окончаніе si сохранилось только у существительнаго глагола som: si. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе ť (изъ болѣе древняго ěi): vieš, ješ, horíš.

3-е лицо един. ч. Древнее окончаніе -t сохранилось только у глагола som: jest (но и je); у остальныхъ глаголовъ t исчезло: pesie, horí.

1-е лицо множ. ч. Общераспространенное окончаніе, какъ и въ чешск. яз., -me: pesiete, horíme. Въ говорахъ Гемера (а также кое-гдѣ въ новоградск. и зволенск. комит.) -mo (какъ въ сербскомъ яз.): dāmo, vidímo, smo; кое-гдѣ встрѣчаются шу (Великая Ревуца, гемер. ком.) и ма (Спишъ): smu, trháma, chodzima.

2-е лицо множ. ч. удерживаетъ обще-славянское окончаніе -te: pesiete, horíte; въ спишск. гов. -ta и -se: chodzita, uvidzise; въ Левочѣ тоже se: obzřise.

3-е лицо множ. ч. Древнее *t* исчезло какъ и въ един. ч.; окончаніе *-ú* соотвѣт. старо-слав. *atz*, *ia*—старо-слав. *atz*: *nesú*, *pnú*, *bijú*, *trhnú*, *umejú*, *volajú*, *tešú*, *berú*, *hrejú*, *kuřijú*, *sú*; *horia*, *činia*, *jedia*, *vedia*. Изрѣдка въ говорахъ вм. *ú* встрѣчаются: *ou* (Полихоча, новгород. в.—*brechajou*, герсоу), *ó* (Шаришъ, Спишъ—*só*, *budó*). Особенно заслуживаетъ вниманія часто встрѣчающееся *a* (краткое) въ *za* вм. *sú* (Габолтовъ, шарышск. ком., Зволень, Липтовъ и др.).

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго вр., за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (*som*, *dam*, *viem*, *jem*), оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: *-e* (*-o*), *-ie* (т. е. долгое *e*), *-í*, *-á*; напр.: *pnem*, *pněš*, *tešeme*, *nesiem*, *pmieme*, *horíš*, *činite*, *voláš*, *voláme*.

Гласное *e* (пра-слав. происхожд.) выступаетъ во всѣхъ лицахъ кромѣ 3 л. мн. ч., гдѣ гласный основы—первичное *o* (замѣняющее *e*) скрывается въ окончаніи *ú* (*жть* = *ontь* : *trnem*, *trněš*, *trhnú*).

Въ 1 л. ед. ч. *e* проникло по аналогіи изъ другихъ лицъ. Область примѣненія первичнаго краткаго *e* въ словацкомъ яз. ограничениѣ, чѣмъ въ чешскомъ; гораздо чаще вм. *e* слышится долгое *ie*: *nesiem*, *nesieš*, *vediem*, *vedieme*, *grebiem*, *pečieš*, *pečiete*, *bijem* (= *bijiem*), *kniem*, *trniem*, *miniem*, *oriem*, *steliem*; но *idem*, *budem*, *budeš*, *gastem*, *pnem*, *kradnem*, *trhnem*; 3-е л. множ. ч. всегда оканчивается на *-ú*: *nesú*, *knú*, *bijú*. Точной классификаціи глаголовъ, сохраняющихъ древнее краткое *e* и замѣнившихъ его долгимъ *ie*, пока не имѣется; равнымъ образомъ не ясно, почему въ однихъ случаяхъ выступаетъ *e*, въ другихъ *ie*. Мнѣнія грамматиковъ по этимъ вопросамъ расходятся. Такъ напр. Годжа и Викторинъ признаютъ *kniem*, *trniem*, а Гаттала — *knem*, *trnem*; рядомъ съ *berem* указывается и *beriem*. Пр. Гаттала выставилъ слѣдующій законъ: послѣ слоговъ краткихъ по природѣ и по положенію *e* удлиняется въ *ie*. Но этотъ законъ представляетъ не мало отступленій¹⁾. Нужно думать, что *ie* свойственно главнымъ образомъ среднему нарѣчію, изъ котораго проникло и въ литературный языкъ; въ говорахъ другихъ нарѣчій возможно и *e*; отсюда смѣшеніе *tělъ* и другихъ формъ въ книжномъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ *ie* основъ настоящаго составляетъ характерную осо-

¹⁾ Ср. Pastrnek, Beiträge 12.

бенность словацкаго языка. Въ народныхъ говорахъ Гемера слышится часто ја: *шггјат, шггјаѣ, пабергјат*.

Отъ *іѳ*, замѣнившаго первоначальное краткое *ѳ*, нужно отличать *іѳ*, возникшее изъ стяженія *ѳје* (III кл. Г): *шіѳет, шіѳѣѣ* (= *шіѳѣѣѣѣ*); нестяженная форма удержалась только въ 3 л. мн. ч.: *шіѳѣју*. Въ чешскомъ яз. вм. *іѳ* всюду *і* и спряженіе относящихся сюда глаголовъ совпадаетъ со спряженіемъ IV кл., за исключеніемъ 3 л. мн. ч.

Окончаніе основы *-і* только пра-славянскаго происхожденія; оно выступаетъ во всѣхъ лицахъ, за исключеніемъ 3 л. мн. ч. гдѣ *іа* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ати*; въ 1 л. ед. ч. *і* проникло изъ другихъ формъ; напр.: *ргосіт, ргосіѣ, ргосіте, ргосіа, хоріт, хоріѣ, хоріа*.

Окончаніе основы *-а* образовалось путемъ стяженія изъ *аје*: *шчоват, шчоваѣ* и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. *шчоваји*. Стяженное *а* при образованіи основъ наст. вр. представляетъ большая часть славянскихъ языковъ: болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, польскій, чешскій, сербо-лужицкій; напротивъ въ старо-славянскомъ яз. *длѣмши*, въ русскомъ *дѣлаешь*.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляетъ особія формы только во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. Основа оканчивается только на *-і*: *рпї, рпите, три, трите* (чешск. *рпѣте, трете*). Въ един. ч. личныя окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. ч. тѣже, что и въ настоящ. вр.; 3 л. множ. ч. всегда, а един. ч. обыкновенно выражается описательно посредствомъ *пещ* (вм. *пещај*) и 3 л. настоящаго времени: *пещ пещіе, пещ пещіу*.

Окончаніе основы *і* послѣ согласнаго обыкновенно исчезаетъ, при чемъ однако иногда остается слѣдъ его въ мягкости предшествующаго согласнаго (*д, т*): *пес, песме, реѣ, реѣте, миѣ, миѣте, дрѣ, дрѣте, ѣиѣ, ѣиѣте, бер, берме, веѣ, веѣте, плеѣ, плеѣте*; *і* сохраняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо вслѣдствіе стеченія согласныхъ: *радпї, три, трпї, модлї са*; передъ частицей *ѣѳ* сохраненіе *і* не необходимо какъ въ чешскомъ яз.: *веѣѣ, плеѣѣ* (чешск. *ведїѣ, плетїѣ*).

Послѣ гласныхъ *і* переходитъ въ *ј*: *біј, шіѳѣј, купіѳј*.

Вм. старо-слав. *вѣдѣ, шѣдѣ* въ словацкомъ яз.: *ведз, једз*.

Количество коренныхъ гласныхъ въ повелит. н. не подвергается измѣненіямъ, какъ это бываетъ въ чешскомъ яз.; напр.: *кѣзат — кѣѣ* и т. п. Ср. 170 стр.

Прoшедшія сложныя.

Прoшедшихъ простыхъ (преходящаго, аориста) современныйъ словацкій языкъ не знаетъ; вмѣсто нихъ употребляются исключительно прoшедшія сложныя, которыя образуются такимъ же образомъ какъ въ старо-славянскомъ, чешскомъ и южно-славянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прoшед. дѣйств. II съ разными формами существительнаго глагола (som).

Прoшедшее совершенное состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго вр. глагола som; напр.: ja som niesol или niesol som; nesla som, niesol si, my sme nesli, nesly.

Давно прoшедшее состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и прoшедшаго времени глагола som; напр.: ja som bol niesol или bol som niesol, boli sme nesli и т. д.

Въ 3 л. един. и множ. ч. формы вспомогательнаго глагола jest, sú обыкновенно опускаются.

Въ народныхъ говорахъ вм. som часто слышится ch, которое можетъ присоединяться и къ причастію и къ другимъ словамъ; напр.: niesol - ch, neslach, jach niesol и т. д. Въ этомъ ch можно видѣть слѣдъ древнихъ прoшедшихъ простыхъ. Подобныя формы и въ моравскихъ говорахъ (ср. 212 стр.).

Единственнымъ остаткомъ древняго аориста служитъ глаголъ bych, измѣняющійся слѣдующимъ образомъ: bych, bys, by, bysme, hyste, by.

Будущее время.

Будущее время у глаголовъ несовершеннаго вида выражается: 1) соединеніемъ глагола budem съ неопред. н.: budem písaf; 2) настоящимъ временемъ глаголовъ совершеннаго вида; напр.: ponesiem, pojdem.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго tisknem.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе настоящаго времени выражается соединеніемъ древняго аориста bych съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: bol bych, pil bych, pil bys', pili byste.

Прошедшее время передается через соединеніе условнаго настоящаго *bol bych* съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: *bol bych bil, bol bych pil, bol bys' pil, boli byste pili, boli bysme pili* и т. п.

Формы 2 л. ед. ч. *bys'* и 1 л. мн. ч. *bysme* образованы по аналогіи настоящ. вр. Подобнымъ же образомъ *vm. bych* и въ 1 л. ед. ч. весьма употребительна форма *bysom*; *vm. bys'* часто *bysi*. Въ практической грамматикѣ Маршала и показаны только новообразованныя формы: *srieval bysom, srieval bysi, bol bysom srieval*.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается: 1) посредствомъ присоединенія мѣстоименія *sa* къ дѣйств. зал., напр.: *volám sa, chváli sa*; 2) черезъ соединеніе прич. прош. страдат. съ глаголомъ существительнымъ *som, bývam*: *volaný som; bol som volaný, budem chvalený, bývam bitý*.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня, относятся: *som, viem, jem*.

1) *Существительный глаголъ.*

Основа *jes*.

Настоящее вр.

Ед. ч. 1 л. <i>som</i> (вм. <i>jes-ть</i>)		Мн. ч. 1 л. <i>sme</i> (вм. <i>jes-me</i>)
2 л. <i>si</i> (вм. <i>jes-si</i>)		2 л. <i>ste</i> (вм. <i>jes-te</i>)
3 л. <i>jest, je</i> (= <i>jestь</i>)		3 л. <i>sú, sa, jesú</i> (= <i>jesѣть</i>).

Прич. наст. вр. *súc*.

Пра-славян. *je* исчезло за исключеніемъ 3 л. ед. и (иногда) 3 л. мн. ч.—Въ 1 л. *som*—*o*—вставочное.

Во 2 л. един. ч. *si* часто сокращается въ *s'*, которое присоединяется къ предшествующимъ словамъ: *ty-s' to a kde-s' bol; tys' to povedal*.

Въ народныхъ говорахъ вм. обычнаго *vi* встрѣч. *sa*; *jesú* вообще рѣдко.

Въ соединеніи съ *ne* коренное *jes* сливается въ одинъ слогъ: *piesom*, *piesi*, *piet* (= *piest* = *ne-jest*), *piesme*, *pieste*, *piesu*, *piesuc*. Вм. *piet*, соответствующаго русскому *нѣтъ*, возможны *pieje* или *pení*, *penie*. Ср. чешск. яз. 176 стр.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ *budo*, *bude*, *by*.

Н а с т о я щ е е (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л. <i>budem</i>	Мн. ч. 1 л. <i>budeme</i>
2 л. <i>budeš</i>	2 л. <i>budete</i>
3 л. <i>bude</i>	3 л. <i>budú</i> .

Повелит. н. *buď*, *buďme*, *buďte*; Прич. наст. *budúc*.

Budem слѣдуетъ глаголамъ I кл.

Неопред. накл. *buť*; Прич. прош. дѣйств. II *bol*, -а, -о; Прич. прошед. дѣйств. I *byv*, *byvši*, *byvše*¹⁾; Аористъ *bych*, *bys* (-si), *by*, *bysme*, *byste by*.

Е д и н. ч.

Прошедшее.	Давнопрошедшее.
1 л. <i>bol</i> , -а, -о <i>som</i>	<i>bol</i> , -а, -о <i>som bol</i> , -а, -о
2 л. <i>bol</i> , -а, -о <i>si</i>	<i>bol</i> , -а, -о <i>si bol</i> , -а, -о
3 л. <i>bol</i> , -а, -о	<i>bol</i> , -а, -о (<i>jest</i>) <i>bol</i> , -а, -о

М н о ж. ч.

1 л. <i>boli</i> , -у <i>sme</i>	<i>boli</i> , -у <i>sme boli</i> , -у
2 л. <i>boli</i> , -у <i>ste</i>	<i>boli</i> , -у <i>ste boli</i> , -у
3 л. <i>boli</i> , -у	<i>boli</i> , -у (<i>sú</i>) <i>boli</i> . -у

У с л о в н о е н а к л.

Е д и н. ч.

М н о ж. ч.

1 л. <i>bol</i> , -а, о <i>bych</i> , или <i>bysom</i>	<i>boli</i> , -у <i>bysme</i>
2 л. <i>bol</i> , -а, о <i>bys</i> , или <i>bysi</i>	<i>boli</i> , -у <i>byste</i>
3 л. <i>bol</i> , -а, о <i>by</i> .	<i>boli</i> , -у <i>by</i> .

¹⁾ Формы прич. прош. дѣйств. II приводить Викторинъ; у Гаттали ихъ нѣтъ.

2) Основа ved.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. viem	Мн. ч. vieme
2 л. vieš	viete
3 л. vie	vedia.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. vedzme
2 л. vedz	vedzte
3 л. —	—

Неопред. н. vedeť; Прич. наст. дѣйств. vediac; Прич. прош. дѣйств. II vedel, -а, -о; Прич. наст. страдат. vedomy; Прошедшее vedel som; Давнопрош. bol som vedel; Условн. накл. vedel bych или bysom и bol bych vedel (bol bysom vedel); Будущее budem vedeť.

Отъ древней основы ved образованы только viem, vieme, vedia и формы повелит. н.; остальные формы изъявит. н. возникли по аналогіи imiem и т. д.

3) Основа jed.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. jem	Мн. ч. jeme
2 л. ješ	jete
3 л. je	jedia.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. jedzme
2 л. jedz	jedzte
3 л. —	—

Неопред. накл. jestь; Прич. наст. дѣйств. jediac; Прич. прош. дѣйств. II jedol; Прич. прош. страд. jedeny; Прошедшее jedol som; Давнопрош. bol som jedol; Условное н. jedol bych или bysom, bol bych jedol (bol bysom jedol); Будущее budem jestь.

Отъ древней основы jed образованы только jem, jeme, jedia и формы повелит. н.; остальные формы изъявит. н. — новообразования по аналогіи imieš и т. д.

Причастіе наст. вр. образовано по аналогіи глаголовъ IV кл.; формы отъ основы неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I класса.

Рядомъ съ jedol слышится и jel.

4) Основа dad.

Отъ основы dad изрѣдка встрѣчаются формы dadia и dadúс, которыя чаще замѣняются черезъ dajú, dajúс.

Вм. старо-слав. дамь обыкновенно dajem.

Спряженіе съ характерной прииѣтой настоящаго времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -о, -е; 2) основы на -по, -пе; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i; 5) основы на -á. Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

О с н о в ы н а -о, -е.

А. *Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).*

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л.	pletiem	nesiem	hrebiam	pečiem	pnem	mrem
2 л.	pletieš	nesieš	hriebieš	pečieš	pneš	mreš
2 л.	pletie	nesie	hrebie	pečie	pne	mre.
Мн. ч. 1 л.	pletieme	nesieme	hrebieme	pečieme	pneme	mreme
2 л.	pletiete	nesiete	hriebiete	pečiete	pnete	mrete
3 л.	pletú	nesú	hrebú	pečú	pnú	mru.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 2 л.	pleť	nes	hreb	peč	pni	mri
Мн. ч. 1 л.	pleťme	nesme	hrebme	pečme	pnime	mrimе
2 л.	pleťte	neste	hrebte	pečte	pnite	mrite.

Прич. наст. дѣйств. pletúc, nesúc, hrebúc, pečúc, pnúc, mruć;
 Прич. прош. дѣйств. П pletol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel;
 Прич. прош. страд. pletený, nesený, hrebený, pečený, piatý, trený;
 Неопредѣл. н. pliešť, niešť, hriebšť, piešť, piat, mreť; Прошедшее вр. pletol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel som; Давнопрошедшее вр. bol som pletol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel; Будущее вр. budem pliešť, niešť, hriebšť, piešť, piat, mreť; Условное н. bych или bysom pletol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel; bol bych (bysom), pletol, niesol и т. д.

По образцу *pliest* спрягаются глаголы, у которых основа неопредѣленной н. оканчивается на -d, -t: *hniest*, *miast*, *miest*, *rást* (н. вр. *gastem*), *bóst*, *brst*, *húst*, *klást*, *krást*, *prast*, *viest*, *priast*. Вм. чешскихъ *kvésti*, *blísti* (*bled*), *čísti* въ словацкомъ *kvitnúť*, *blúzniť*, *čítať*.

По образцу *niest* спрягаются глаголы съ основой неопред. накл. на *ž*, *s*: *pást*, *tríast*, *hrýzť*, *liezť*, *viezť*.

По образцу *hriebst* спрягаются: *dl'bst*, *skúbst*, *ziabst*. Древнѣи основы *plěv*, *živ*, *živ* и *uv* измѣнившись въ *ple*, *ši*, *ži*, слѣдуютъ глаголамъ III кл

По образцу *riest* спрягаются глаголы съ основой неопред. накл. на *k*, *h*: *riect*, *tiect*, *tl'ct*, *vliect*, *môct*, *striect*, *stríct*, *vřct*. Основа *toh* удлиняетъ коренное *o* не только въ неопред. н. и прич. прош. дѣйств. II. но и въ настоящ. вр. *môct*, *môhol*, *môžem*. — Шипящія *č*, *ž* вм. *k*, *h* въ 3 л. мн. ч. и вм. *s*, *z* въ повелит. н. проникли изъ другихъ формъ настоящаго вр. Отъ основы *gek* 1 л. наст. вр.—*geku*.

По образцу *riat* (*riem*) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на -п, т: *žať* (*žnem*), *tať* (*tnem*), *kliat* (*klnem*), *jať* (*imem*). только въ соединеніи съ предлогами: *zajať* (*zajnem*), *vziať* (*veznem*), *čpeť* (*čnem*), въ соединеніи съ предлогами: *rozačať*.

По образцу *stret* спрягаются глаголы, у которыхъ корень прежде оканчивался на гласные -l, -r: *treť*, *čreť*, *dreť*, *preť*, *streť*, *vreť*. *zavreť*, *zgreť*, *žgreť*, *mleť* (наст. *melem* и *mlem*, пов. *mel* и *mlí*, прич. *me-lúc* и *ml'úc*).

Б. Вторая основа образована суфб. а.

Неопредѣленное н. *brat*.

Настоящее.	Повелительное.
Ед. ч. 1 л. <i>berem</i>	Ед. ч. 1 л. —
2 л. <i>beresť</i>	2 л. <i>ber</i>
3 л. <i>bere</i>	3 л. —
Мн. ч. 1 л. <i>bereme</i>	Мн. ч. 1 л. <i>berme</i>
2 л. <i>berete</i>	2 л. <i>berete</i>
3 л. <i>berú</i> .	3 л. —

Прич. наст. дѣйствит. *berúc*; Прич. прош. дѣйств. II *bral*, -а, -о; Прич. прош. страд. *braný*; Прошедшее вр. *bral som*; Давнопрош. *bol som bral*; Будущее *budem brat*; Условн. н. *bych bral*, *bol bych bral*.

Сюда относятся: *drať* (*derem*), *stlať* (*stelem*), *prať* (*perem*), *žrať* (*žerem*), *hnať* (*ženem*), *spať* (*спем*), *ručať* (*ruvem*) или *ruať* (*rvem*), *zvať* (*zovem*), *slať* (*pošlem*).

Послѣ *п* и *г*, не предшествуемыхъ другимъ согласнымъ, въ настоящ. врем. гласный основы можетъ удлиняться въ *ie*: *berem* и *beriem*, *ženem* и *ženiem*.

Второй классъ.

Основы на -по, -по.

Неопредѣленное н. *tonúť*; *trhnúť*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л.	<i>toniem trhnem</i>	Ед. ч. 1 л.	— —
2 л.	<i>tonieš trhneš</i>	2 л.	<i>toň trhni</i>
3 л.	<i>tonie trhneš</i>	3 л.	— —
Мн. ч. 1 л.	<i>tonieme trhneme</i>	Мн. ч. 1 л.	<i>toňme trhnime</i>
2 л.	<i>toniete trhnete</i>	2 л.	<i>toňte trhnite</i>
3 л.	<i>tonú trhnú.</i>	3 л.	— —

Прич. наст. дѣйст. *minúc*, *trhnúc*; Прич. прош. дѣйст. П *tonul*, *třhol*; Прич. прош. страд. *tržený*; Прошедш. вр. *tonul*, *třhol som*; Давнопрош. вр. *bol som tonul*, *třhol*; Будущее *budem tonúť*; Условное н. *bych* (*bysom*) *tonul*, *třhol*, *bol bych tonul třhol*.

По первому образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ *ni* предшествуетъ гласный: *minúť*, *hynúť*, *hgnúť*, *klnúť*; по второму—тѣ глаголы, у которыхъ приставкѣ *ni* предшествуетъ согласный; напр. *krađnúť*, *radnúť*, *hnúť*, *karpnúť*, *klernúť*, *dýchnuť* и т. д.

Въ прич. прош. у глаголовъ втораго типа возможны двойки формы: *krađnul* и *krađol*, *trhnul* и *třhol* и т. д.

Долгое *ie* въ настоящ. врем. выступаетъ у глаголовъ перваго образца, у глаголовъ втораго образца обыкновенно остается *e*. Впрочемъ этотъ законъ въ говорахъ не выдерживается; и относительно литературнаго языка мнѣнія грамматиковъ не одинаковы; такъ Гаттала пишетъ *klnem*, *trhnem* а Викторинъ *klniem*, *trhniem*.

Въ неопред. накл. *ú* долгое лишь въ томъ случаѣ, когда предшествующій слогъ краткій; напр.: *minúť*, но *vládnuť*.

Третий классъ.

Основы на -jo, -jѳ.

А. *Вторая основа равна корню.*

Неопредѣленное н. bi-ti.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. bijem	Мн. ч. bijeme	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. bijme
2 л. biješ	bijete	2 л. bij	bijme
3 л. bije	bijú.	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйст. bijú; Прич. прош. дѣйст. bil, -а, -о;
 Прич. прош. страдат. bitý, -á, -é; Прошедшее вр. bil som;
 Давнопрошедш. bol som bil; Будущее budem biť; Условное
 bych (bysom) bil, bol bych bil.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣ-
 леннаго на -ѳ, i, u, y: det, spet, hnit, pit, vit, kut, plat, psut, rut,
 slut, snut, sut, trut, žut, bl'ut, čut, kl'ut, pl'ut, kryt, myt, gyt, vyt,
 plet (к. plev), žit, šit, ob-u-t (к. u); также dut (к. dm), kl'at (к. kln),
 klať (н. вр. kolem), hrať (ihrať) въ наст. вр. hrajem и по V кл. hrám;
 peshám и znám слѣдуютъ V кл. Отъ smetъ въ наст. вр. только стя-
 женныя формы: smiēm, smieš и т. д.; отъ zgetъ возможно zrejem и
 zriem.

Въ повелит. н. ij, yj обыкновенно стягиваются въ i, ý, при чемъ
 i, y иногда звучать кратко: bi, kry, bime, kryme или bi, kry, bime,
 kryme.

Б. *Вторая основа образована суфф. а.*

Неопредѣленное н. pis-a-t, hr-ia-t (hrějat).

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. píšem	hrejem	Ед. ч. 1 л. —	—
2 л. píšeš	hrejesh	2 л. píš	hrej
3 л. píše	hreje	3 л. —	—
Мн. ч. 1 л. píšeme	hrejeme	Мн. ч. 1 л. píšme	hrejme
2 л. píšete	hrejete	2 л. píšte	hrejte
3 л. píšú	hrejú.	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. *pišúc, hrejúc*; Прич. прош. дѣйств. П *písal, hrial*; Прич. прош. страд. *písaný, hrianý* и *hriaty*; Прошедшее вр. *písal, hrial som*; Давнопрош. *bol som písal, hrial*; Будущее *budem písať, hriať*; Условное н. *bych (bysom) písal, hrial, bol bych písal, hrial*.

По образцу *písať* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ влияніемъ *j* этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: *plakať—plačem, skákať—skáčem, vládať—vladzem, dýchať—dýšem, strúhať—stružem, šepať—šepcem, kázať—kážem, česať—češem, bublať—hubblem, kopať—kopem, hrabať—hrabem, lámať—lamem* и т. д.

Глаголы *stenať* и *ogať* въ наст. вр. имѣютъ гласный основы *ie*: *steniem, oriem*.

Въ словацк. яз. въ этотъ классъ относится большее количество глаголовъ, чѣмъ въ чешскомъ яз., который отдаетъ предпочтеніе V кл. (ср. 186 стр.).

По образцу *hriať* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный. Коренной гласный и гласный основы (какъ въ чешск. яз.) стягиваются въ одинъ долгій, но не всегда. Именно: *a* стягивается въ *á* въ *láť*, но *kájať sa*; *e* *ja* (\equiv *eja*), *i* *ja* стягиваются въ *ia*: *hriať, priať* (доброжелательствовать), *viať, sia ť, smiať sa* и др.; *kajať sa* имѣетъ наст. вр. *kajem sa* и *kajam sa*.

В. Вторая основа образована суфф. *ova*.

Неопредѣленное н. *kur-ova-ť*.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. 1 л. <i>kurujem</i>	Мн. <i>kurujete</i>	Ед. 1 л. —	Мн. <i>kurujte</i>
2 л. <i>kuruješ</i>	<i>kurujete</i>	2 л. <i>kuruj</i>	<i>kurujte</i>
3 л. <i>kuruje</i>	<i>kurujú.</i>	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. *kurujúc*; Прич. прош. дѣйств. П *kuroval*; Прич. прош. страд. *kurovaný*; Прошедшее вр. *kuroval som*; Давнопрош. *bol som kuroval*; Будущее *budem kurovať*; Условное *bych (bysom) kuroval, bol bych kuroval*.

Сюда относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой *ova*; напр.: *bojovať, ďakovať, kral'ovať, pracovať, odsudzovať, nahasovať* и др.

Приставка *-ова* образовалась изъ *-па*; глагольная основа оканчивается на *-ц*, которое выступаетъ въ наст. вр.

Г. *Вторая основа равна глагольной основѣ образованной зв. в (= ѣ).*

Неопредѣленное н. *umet*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. <i>umiem</i>	Мн. <i>umieme</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. <i>umejme</i>
2 л. <i>umieš</i>	<i>umiete</i>	2 л. <i>umej</i>	<i>umejte.</i>
3 л. <i>umie</i>	<i>umejú</i>	3 л. —	—

Прич. наст. вр. *umejúc*; Прич. прош. дѣйств. II *umel*;
 Прошедшее *umel som*; Давнопрошедшее *bol som umel*; Будущее *budem umet*; Условное *bych umel, bol bych umel*.

Сюда относятся многочисленные производные глаголы: *bohatet, sneť sa, dnetť sa, dražeť, hladneť, kamenetť, lacneť, nemetť, šediveť, tučneť, želeť, rozumetť, černieť, tlieť* и др.

Въ наст. вр. гласный основы *ie* образовался путемъ сгашения изъ *eje*; нестяженная форма сохранилась только въ 3 л. мнж. ч.: *umejú, bohatejú*.

Въ чешск. яз. *umím, umíš* и т. д. Ср. 190 стр.

Четвертый классъ.

Основы на *-i*.

А. *Вторая основа на -i.*

Неопредѣленное н. *činiť, súdiť*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. <i>činfm</i>	<i>súdim</i>	Ед. ч. 1 л. —	—
2 л. <i>činfš</i>	<i>súdiš</i>	2 л. <i>čiň</i>	<i>suď</i>
3 л. <i>čini</i>	<i>súdi</i>	3 л. —	—
Мн. ч. 1 л. <i>činfme</i>	<i>súdime</i>	Мн. ч. 1 л. <i>čiňme</i>	<i>suďme</i>
2 л. <i>činfte</i>	<i>súдите</i>	2 л. <i>čiňte</i>	<i>suďte.</i>
3 л. <i>činia</i>	<i>súďa</i>	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. *činiac, súďac*; Прич. прош. дѣйств. II *čiril, súdil*; Прич. прош. страд. *činený, súdený*; Прошедш. вр *čiril, súdil som*; Давнопрош. *bol som čiril, súdil*; Будущее *budem činiť, súdiť*; Условное *bych (bysom) čiril, súdil, bol bych čiril, súdil*.

По этому образцу спрягаются всѣ глаголы съ основой неопред. накл. на -i; напр.: *hodím, lapím, pustím, skočím, vrátím, lovím, mlúvím, prosím, chodím, nosím, vodím* и др.

Конецный гласный основы настоящего -i остается долгимъ лишь въ томъ случаѣ, когда предшествующій слогъ—краткій; напр.: *nosím, nosíš, po chválím, chváliš, súdiš* и т. д.

Въ 3 л. мн. ч. *ia* соответствуетъ старо-слав. *а*.

Въ прич. прош. страдат. коренной согласный не подвергается обычнымъ измѣненіямъ передъ *j* (изъ *i*), какъ въ старо-слав. и другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ: *lovený, sudený*; только *ugodený* (вроденный) для отличія отъ *ugodený* (рожденный) и *zatrasený* (осужденный) для отличія отъ *zatratený* (потерянный).

В. *Вторая основа образована суффт. е (=ѣ) или а (см. ѣ, постъ j и шипящихъ).*

1.

Неопредѣленное н. *hor-e-ť*.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. <i>horím</i>	Мн. <i>horíme</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. <i>horme</i>
2 л. <i>horíš</i>	<i>horíte</i>	2 л. <i>hor</i>	<i>horte</i>
3 л. <i>horí</i>	<i>horia</i>	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйств. *horiac*; Прич. прош. дѣйств. II *horel*; Прошедшее вр. *horel som*; Давнопрошедш. *bol som horel*; Будущее *budem horeť*; Условное н. *bych (bysom) horel, bol bych horel*.

Сюда относятся: *boleť, čupeť, hoveť, hrmeť, kypeť, museť, mysleť, pneť, viseť, svrbieť, smrdeť, strmeť, voľeť, hl'adeť, letieť, mrzeť, sedieť, trpeť, väzeť* и др.

2.

Неопредѣленное н. držať.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. držím	Мн. držíme	Ед. ч. 1 л. —	Мн. držme
2 л. držíš	držíte	2 л. drž	držte
3 л. drží	držia	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйст. držiac; Прич. прош. дѣйст. II držal; Прич. прош. страд. držaný; Прошедш. вр. držal som; Давнопрошедш. bol som držal; Будущее budem držať; Условное н. bych (by som) držal, bol bych držal.

Сюда относятся: kričať, slyšať, grašťať, pršať, ležať, čušať и др. Сюда же относятся báť sa и stáť, у которыхъ á возникло черезъ стяженіе изъ oja; наст. вр. bojím sa; отъ spáť настоящее вр. также spím.

Chceť спрягается слѣдующимъ образомъ: chcem, chceš, chce, chceme, chcete, chcú; пов. н. chci; прич. наст. chcúc; прич. прош. chcel.

Videť имѣетъ повел. н. vidz, прич. наст. vidiac.

Пятый классъ.

Основы на -á (= aje).

Вторая основа на -а.

Неопредѣленное н. volať, vrasať.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. volám	vrasiam	Ед. ч. 1 л. —	—
2 л. voláš	vrasiaš	2 л. volaj	vrasiaj
3 л. volá	vrasia	3 л. —	—
Мн. ч. 1 л. voláme	vraciame	Мн. ч. 1 л. volajme	vraciajme
2 л. voláte	vraciate	2 л. volajte	vraciajte.
3 л. volajú	vrasajú.	3 л. —	—

Прич. наст. дѣйст. volajúc, vrasajúc; Прич. прош. дѣйст. II volal, vrasal; Прич. прош. страд. volaný, vrasaný; Прошедшее вр. volal, vrasal som; Давнопрошедшее bol som volal, vrasal.

cal; Будущее *budem volať, vrasať*; Условное *bych (bysom) volal, vrasal, bol bych volal, vrasal*.

По образцу *volám* спрягаются глаголы, у которыхъ коренной согласный передъ а основы — твердый; напр.: *čakať, kopať, chovať, kochať sa* и др.

По образцу *vraciam* спрягаются глаголы, у которыхъ коренной согласный передъ а основы — мягкій: *klaňať, voňať, požičať, vešať, rušať, staviať, obesať, zavádzať, požičať*; но если въ предшествующемъ слогѣ гласный краткій то въ наст. вр. гласный основы а вм. *ia*: *sháňam*. Въ чешск. яз. *vracím, sháňim* и т. д.

Недостаточные глаголы.

Prať, vrať (говорять), вѣроятно, 3 л. множ. ч. устарѣлыхъ глаголовъ *praviti, vравet*.

Veru (навѣрно), *veď* (вѣдь), употребляющіяся въ значеніи частицъ

Безличные глаголы.

Prší, hrmí, bliská sa, svitá, rozbriežda sa, mrká sa, zima je, teplo je и т. п.

7. Неизмѣняемая слова.

Н а р ѣ ч і я.

1) *Kde? tu, tam, ta, tadeto, inde, nekde, nikde, kam, kade, odkud* и *odkial'*, *pokud'* и *pokial'*, *dotial'*, *dotial'to, odtial'to, odinakial'*, *sem, semká, okolo, preč, prosto, dočista, mimo, až, blizo, ďaleko, zďaleka, vnútri, znútra, zvonku, kdekol'vek, hore, dolu, všade, napravo, naľavo, ďalej, ďokoráň, voskrz, naskrz, zvlášte* и др.

2) *Kedy? odkedy, dokud', dokial', ted', teraz, tedy, indy, ondy, kedykol'vek, vždy, zavše, potom, hned, skoro, zas, zase, zavčasu, náhle, voľno, zadňa, stále, večne, zriedka, nedavno, dosial', volakedy, ešte, predtym, už, zastarodávna, medzitým, onehdy, odteraz, ledva, včera, včasne, predvečerom, dnes, napoludnie, zajtra, pozajtra, -y, večer, zvečera, zpolnoci, rano, zarana, načas, zaraz, cvalom, jaknáhle, nepríležito, často, neskoro, nenadale, ročite, mesačne, tydenne, denne* и др.

3) Jako, ako, kol'ko, kol'ko raz, nakol'ko, tak, onak, inak, tol'ko, na-tol'ko, mnoho, vel'a, nemnoho, nevel'a, málo, trochu, dosť, asi, zbytočne, nekonečne, celkom, všetko, dobre, zle, obyčajne, silno, ochotne, vd'ačne, dopoly, dobrovol'ne, umyselne, nerozvážlive, naschvál, nápo-ky, nevdojak, peši, potajomky, verejne, ľahko, pohodlne, darmo, viac, viacej, najviac, menej, najmenej, síc, síce, aspoň, bezmála, nasledovne, navzdory, napriek, veľmi, temer, teda, tol'ko, lež (но), len, ani, k vô-li, k čomu, k tomu, s tým, v tom, najprv, spolu, dohromady, krokom, predovším, z čiastky, konečne, kol'koráz, jedenraz, dvarazy, tol'koraz, prvýraz, poslednýraz, ešteraz, menovite, znovu и др.

4) Prečo? načo, začo, pre to, za to, na to, snad' (можетъ быть), ano, hej, nie, nijako, nič. nepochybne, predsa, skutočne (дѣйствитель-но), ovšem, sotva, naopak, naruby (напротивъ) и др.

П р е д л о г и.

1) Съ род. пад.: bez, do, krem, okrem, kolo, okolo, mimo, po-mimo, dl'a, podl'a, vedl'a, od, u, z. и сложныя съ z, напр.: znad, zpro-nad, zpod, zropod, zmedzi, zromedzi, zproza, zpred, zropred, zporri; парѣчія въ значеніи предлоговъ: blizo, konča, kraj, strany, prosried, vyše, nižе, miesto и др.; напр.: bez chleba, okrem nás, podl'a mňa, zponad dverí, blizo domu, strany poriadku.

2) Съ вип. пад.: а) (на вопросъ куда?) na, o, v (vo), medzi, nad, pod, pred, za; б) pre, prez, cez, kroz, skrz, skrze, напр. na strom, o rok sa vratiť, po pás, medzi kone, pod strechu, za stôl. pre ženu, cez mesto.

3) Съ дат. пад.: k (ku), proti, oproti; напр. k nám, oproti nám.

4) Съ твор. пад.: s (на вопросы: съ кѣмъ? съ чѣмъ?) medzi, nad, pod, pred, za (на вопросъ гдѣ); напр.: s otcom, pod nami, za mestom.

5) Съ мѣст. пад. а) pri, porri; б) (на вопросъ гдѣ?) na, v (vo), po, o (на вопросъ о комъ?); напр.: na strome, po obede, vo vode.

С о ю з ы.

1) Соединительныя: а) (u), i, tiež, aj ani (и не), ba nato, nielen—ale i (не только—но и), potom, totižto.

2) Противительныя: ale (но), nič menej, sic, sice, ved', však прсса.

3) Раздѣлительные: *alebo, або (или), bo, lebo, aneb, alebo (или), ani—ani (ни—ни), buď—buď (или—или), či—či, čili—čiii, lebo—lebo.*

4) Сравнительные: *i — i, jako — tak, na kol'ko — na toľko, jako by, jako keby, jak by, jakož to, nežli, neželi, podobne, šťa.*

5) Изъяснительные: *že.*

6) Причинные: *poneváč, preto, zato, lebo.*

7) Цѣли: *aby, by.*

8) Временные: *pokiaľ, až, ledva, jak náhle (какъ только).*

9) Условные: *li, jestli, ježeli, keby, keďby, čo aj.*

10) Уступительные: *ačpráve, hoc, trebars, trebas.*

11) Заключительные: *tak, teda, tedy, nasledovne.*

8. Нарѣчія и говоры словацкаго языка.

Общія замѣчанія.

Словацкій языкъ распадается на множество нарѣчій и говоромъ, изученіе которыхъ представляетъ высокую важность для сравнительной славянской грамматики особенно въ виду занимаемаго словацкимъ языкомъ срединнаго географическаго положенія на славянской территоріи. Къ сожалѣнію словацкая діалектологія, какъ уже замѣчено выше (стр. 224), почти не разработана. Памятниковъ народнаго творчества, воспроизводящихъ болѣе или менѣе точно особенности народныхъ говоромъ, издано не много. Кромѣ указанныхъ (стр. 227) цѣнныхъ сборниковъ П. Добшинскаго, Римаускаго, Словенской Матицы болѣе или менѣе важный діалектическій матеріалъ представляютъ главнѣйше мелкія сообщенія, помѣщаемыя въ журналѣ *Slovenské Pohľady*, въ отдѣлѣ *Slovensky jazyk* (редактора І. Шкультети, Крижка, Ризнера, Шуянскаго и др.). Еще меньше обнародовано непосредственныхъ, систематическихъ наблюденій надъ народными говороми. Первые опыты характеристики главныхъ словацкихъ нарѣчій содержатъ извѣстные труды 40-хъ годовъ Л. Штура (*Nárečja slovenskuo*) и особенно М. Годжи (*Epigenes Slovenicus* и *Větn o Slovenčině*). Ал. Шембера въ извѣстномъ своемъ трудѣ „*Základové dialektologie česko-slovenské*“ (1864), не потерявшемъ своего значенія и въ настоящее время, представилъ не только классификацію словацкихъ говоромъ съ

общими характеристиками каждаго изъ нихъ, но и сообщил образцы самыхъ говоровъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этой прекрасной книги, въ теченіе тридцати лѣтъ изученіе словацкой діалектологіи почти не по-двинулось впередъ. Лишь въ самое недавнее за разработку этого любопытнаго отдѣла славянскаго языковнана съ энергіей взялся бывший доцентъ вѣнскаго университета, нынѣ профессоръ славянской филологіи въ пражскомъ университетѣ dr. Фр. Пастернекъ. Въ своемъ изслѣдованіи (не разъ нами цитованномъ) *Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn*, явившемся въ 1888 г., онъ свелъ въ одно цѣлое діалектическія данныя, представляемыя изданіями образцовъ народной словацкой рѣчи. Вскорѣ затѣмъ онъ самъ принялся, при томъ съ рѣдкимъ усердіемъ, за дѣло собиранія матеріаловъ по словацкой діалектологіи. Въ 1893 г. при посредствѣ журнала *Slovenské pohľady* и его редактора I. Шкультети, прекраснаго филолога, dr. Пастернекъ обратился къ образованнымъ представителямъ словацкаго народа съ воззваніемъ, въ которомъ просилъ ихъ оказать ему содѣйствіе въ изученіи народныхъ говоровъ сообщеніемъ отвѣтовъ на поставленные имъ вопросы объ особенностяхъ мѣстныхъ говоровъ и доставленіемъ образцовъ народной рѣчи изъ разныхъ краевъ словацкой земли. Словацкая интеллигенція отвеслась къ этому призыву съ полнымъ сочувствіемъ. Dr. Пастернекъ получилъ множество сообщеній, свѣдѣнія о которыхъ появлялись въ журн. *Slovenské Pohľady* въ 1893, 1894 и 1895 годахъ. Успѣху собиранія діалектологическаго матеріала должны были содѣйствовать неоднократныя поѣздки къ Словакамъ самаго изслѣдователя. Въ настоящее время онъ занятъ обработкой собранныхъ данныхъ. Приготавливаемый имъ большой трудъ, по словамъ автора, имѣетъ цѣлью дать 1) подробное описаніе всѣхъ словацкихъ нарѣчій съ нанесеніемъ на карту частныхъ звуковыхъ особенностей и 2) точное обозначеніе границъ какъ всего вообще словацкаго языка, такъ отдѣльныхъ его нарѣчій¹⁾. Трудъ этотъ несомнѣнно пролетѣтъ много свѣта въ мало-изслѣдованную область словацкой діалектологіи. Впрочемъ уже и теперь основываясь на ново-сообщенныхъ данныхъ проф. Пастернекъ успѣлъ представить (*Slovenské Pohľady*, 1893) болѣе или менѣе подробныя характеристики нѣкоторыхъ нарѣчій напр. гемерскаго и спшскаго. Еще болѣе посчастливилось словацкимъ го-

¹⁾ *Slovenské Pohľady*, III, 245.

ворамъ въ Моравіи, которые весьма тщательно описаны въ трудѣ Фр. Бартоша, *Dialektologie moravská* (D. I, 1886).

Слѣдую мнѣнію А. Шемберы, раздѣляемому и новѣйшими изслѣдователями (Душекъ), всѣ словацкіе говоры можно свести въ три крупныя группы или нарѣчія: среднее, западное и восточное. Среднее нарѣчіе по преимуществу представляетъ характерныя черты словацкаго языка, западное носить черты сходства съ чехо-моравскимъ языкомъ, восточное сближается частью съ малорусскимъ, частью съ польскимъ языкомъ.

Число словацкихъ говоровъ еще не приведено въ извѣстность, географическое распредѣленіе даже главнѣйшихъ изъ нихъ не установлено, а потому и научная классификація словацкихъ нарѣчій и говоровъ въ настоящее время не возможна.

Среднее нарѣчіе.

Среднее нарѣчіе распространено по верхнему Поважью, верхнему и среднему Погронью (до р. Сланы), а также по рѣкамъ Римавъ и Ельшавѣ, т. е. въ комитатахъ — ниже-оравскомъ, турчанскомъ, липтовскомъ, зволенскомъ, тековскомъ, гонтскомъ, новоградскомъ и части гемерскаго. Нарѣчіе это (преимущественно зволенскій и липтовскій говоры) лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго языка, а потому характеристика его преимущественно передъ другими нарѣчіями вошла въ предшествующее изложеніе.

Главнѣйшія особенности:

1) Краткое *e* смягчаетъ предшествующій согласный, а долгое *e* (*é*) послѣдовательно звучитъ какъ *ie*: *dajeko*, *radnje*, *dobrieho*, *tichie* (мн. ч.). Ср. 251—252, 254 стр.

2) Пра-слав. *я* въ долгихъ слогахъ = *ie*: *mlieko*, *chlieb*.

3) Широкое, болѣе или менѣе послѣдовательное, употребленіе (въ извѣстныхъ словахъ) гласн. *ä* вм. пра-слав. *а*, *ja*, *e*, *je*, *ѣ*, *ъ*, *a*: *mäso*, *ramäť*, *mäta*, *päta*, *omäl*, *vädnuť*, *pät*, *pätoro*, *päšť*, *väčší*, *váz*, *svätý*, *rukoväť*, *gätelina* (вм. *ďatelina*), *hovädo*, *holubä*, *deväť*, *mä*, *bremä*, *dorabäť*, *zemän*, *stupäj*, *bäbä*, *mäd*, *kärovať*, *blädy*, *käde*, *kämeň*, *ukäzovať* и др. (Ср. Fr. Pastrnek, *Študovanie slovenčiny* въ журн. *Slovenské Pohl'ady*, 1893. Roč. XIII, 635—639).

4) Старо-слав. и пра-слав. *ъ* = *o*: *lož*, *von*, *zámok*, *posol*.

5) Долгое *o* звучитъ какъ *uo*: *muož*, *muožeš*.

6) Вм. первичнаго *e* не рѣдко *o*: *svokor*, *kloštor*, *štvoro*.

7) Вм. *o* иногда *u*: *spisovateľ*, *menovať*.

8) *Ou* въ твор. п. ед. ч. именъ жен. р. и личн. мѣстоименій, въ род. п. мн. ч. (иногда), въ прилагат. притяжат.; напр.: *gybou*, *svojou*, *cestou*, *so mnou*, *tovaryšou*, *roľníkou*.

9) *Ja* вм. первичнаго *i*je въ имен. сред. р.: *nárečja*, *lučenja*.

10) *Uo* (*o*) въ прилаг. сред. р. вм. первичн. *oje*: *dobruo*, *slovenskuo* (*dobró*, *slovenskó*).

11) Имен. п. мн. ч. муж. р. на *ja*: *oráčja*, *ľudja*.

12) Выпаденіе *e* въ род.-дат. пп. ед. ч. муж. сред. р. мѣстоимен. притяжат.: *nášho*, *nášmu*, *mojho*, *mojmu*.

Въ среднемъ нарѣчій различаютъ слѣдующія поднарѣчія: а) верхневажское, б) погронское, в) новоградское, г) гонтское и д) гемеерское.

а) *Верхневажское поднарѣчье* господствуетъ въ нижеоравскомъ, турчанскомъ и липтовскомъ комитатахъ. Оно наиболѣе близко къ литературному яз. Въ частности въ немъ различаются говоры: нижеоравскій, турчанскій и липтовскій. Въ *нижеоравскомъ гов.*: 1) *d* передъ *l* выпадаетъ: *salo*, *časalo*, *šilo*; 2) *g* часто вм. *h*, *k*: *stryga*, *galun*, *gogol*, *gola*; 3) *ä* звучитъ кратко и долго: *mäso*, *päta*, *rädok*, *žäl*, *posä* (тоже въ гемеерскомъ нар). Объ *оравскомъ гов.* см. замѣтки *Stiboha Zochä* въ журн. *Priateľ školy a literatury. V Budine, 1860, č. 1—3*. Въ *турчанскомъ гов.*: 1) *é* въ род.—дат. пп. ед. и имен.—вин. мн. ч.: *dobrého*, *dobrému*, *zlé časy*; 2) неопр. н. на *-ti*: *positi*, *máti*; 3) *t* въ прич. прош. страдат. вм. *n*: *uznata*, *datý*. Въ *липтовскомъ гов.*: 1) *ie* вм. *é*: *dobrieho*; 2) *ä* чередуется съ *e* и *a*: *pet*, *oräča*, *sedliak*, *meso*; 2) *u* вм. *v* передъ согласными: *ouce*, *prauđa*; 3) *u* вм. тверд. *l*: *o pou-poci*, *mača som*, *buato*; 4) *o* въ прилагат. сред. р. *moravsko*, *sedliacko*.

Образцы верхневажскаго поднарѣчія.

1) *A práve tak robä mnohi ľudä, podobajuc sä dětom něrozumným; i oni boli a sa štěstú svojmu sami na prekážke: něchtäc to ale rjeť a k tomu sä priznať, obviňujú z toho i z iných vlastných hrjechov radšej puovodca šetkjeho dobrjeho, a repcú proti otcovi a stvořitělovi svojmu a proti mudrému ridzeňú božjemu* (Ясенова, въ *Оравѣ. Шембера*, 135).

2) *A taktjež robja aj druhí ľudja, a su podobny dětom něrozumným, i oni boli a sú sami najvjac šťastä svojemu na prekážce; nech-*

cejú to ale povjedať a k tomu sa priznať, a vinja z toho a z druhých vlastních hrjechou radšej púvodca všeckeho dobrého, a reptajú proti otcu a stvoriteľu svojemu a proti múdrému rídeňu božjemu (Кляшторъ, въ Турцѣ. Шембера, 135).

3) A tak tjež robjá mnohy ludja, podobni deťom nerozumným; i oni boli a sú najvjac sami štesťu svojmu na prekažké, ale nechcú to poviedať a priznať sa k temu, a račej obvinujú z toho a z druhých vlastných hriechou puvodca všeckeho dobrého, a reptajú proti múdrému rídeňu božjemu (Липтовскій говоръ. Шембера, 135).

6) *Поигронское поднарѣчје* слышится по р. Грону, въ зволенскомъ и тековскомъ комитатахъ. Оно характеризуется слѣдующими признаками:

1) e вм. y послѣ h, ch, k: rukе, nohe, slivke, muche.

2) t, d, n звучать мягко и передъ широкими e, y: ten, teraz, duchu svatí, daj mi vodi, s timi.

3) Мѣстами dz вм. ď и o (tc) вм. t: nebudzem, nevidzen, hodzini, dzietca, celacina.

4) Мѣстами (особенно въ тековскомъ ком.) каждое l, твердое и мягкое, переходять въ u: ňevideu, zuodej, douinose, chuieb, na tej úke.

5) Род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. именъ жен. р. оканчиваются на -y, -i: ňemá ruky, ňeublízi ani muchy pasú sa na luku.

6) ý вм. é въ косвенныхъ падежахъ едн. ч. именъ прилагательныхъ: dobrýho, dobrýmu.

7) Неопред. н. имѣть твердое окончаніе -t: hadzat, byt, písať

Ср. Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 241, 304—306; XIV (1894) 544—548, 614—616.

Образецъ поигронскаго поднарѣчја.

Na brehu Hrona sedéu chlapčok malý, ved' a sebä mau pruťa z vřby a krútiu si z nich píšťalke. Ako si vykrútiu; začau si písať; ale tá píšťalka takto nariekala: Bračok muoj maličký, ty moja dobrá dobrá, keď si už len prišjou ko mñe; ale čože tu teraz sed'ačky zahál'aš? Vezmi nohe na plece, prebehni k maminky, ukáž ma jej len, ukáž, a potom jej povez: Mamička moja, páčte že len, páčte, ľal'a pršťok z mojej sestričky, z tej peknej Zuzičky, čo sa Vám tam utopila, keď sté šaty prali. Jej duša maličká vnišla do tej vřby, jej malje nuožke sa tie haluzke, jej milje rúčke sa tie konaryke, jej krásne očká sa tie kojetočke, čo z vřby visia, žalosñe plačú. Mamička moja,

dajte hu vykopať, a v cinteriňe ku križu zasadiť (Баньска Быстрица. Шембера, 174—175).

в) *Новоградское поднарѣчје* слышится въ области одноименнаго комитата и занимаетъ середину между поднарѣчьями — погонскимъ и гемерскимъ. Важнѣйшія особенности: 1) у в. е и о въ прилагательныхъ и числительныхъ: *kterýho, jednyho, všeckyho, tych*; 2) и въ глаголѣ *jdu*, при соединеніи съ предлогами: *vynđu, donđu, vynďli*; 3) у в. и въ глаг. *museti*: *on musí*; 4) еј в. у, при чемъ ј почти не слышно (въ западной части комитата по сосѣдству съ Гонтомъ и Зволеномъ), *dobrej muž, husej, kozej*; 5) и в. l (твердаго): *rou, mač, dojšau*; 6) на границѣ съ Гемеромъ l л. множ. ч. -мо: *my mo, chovámo*; 7) кое гдѣ замѣна гласн. l черезъ ou: *douho*; 8) чередование -п, м: *dobron, vystavev son si don, páм*; 9) кое-гдѣ *hovedzuo meso*. Ср. *Slovenské Pohl'ady*, XIII, 372.

Образецъ новоградскаго поднарѣчья.

Súdnej páм. De sa stalo, tam sa stalo, stalo sa raz vol'akode, že edom páм mau takého slúhu, kerej sa poveky šibeniciam pokloniu, kod pol'a nich s páмом na voze išou. Pám to chceu zved'eti, že prečo to jeho slúha tak robieva, opeytau sa ho tode edomraz: Ale te, prečo si te pred križom nikda širák dou nevezneš a šibeniciam pokloníš sa poveky? L'a, páм mój, odpovie slúha, to ja preto tak robím, že na šibeniciach vel'a ňevinech a dobrech ľudí odvisňe (P a v. Dobšinský, Prostonárodnie Slovenské povesti. Turč. sv. Martin, 1882, soš 7, стр. 21).

г) *Гонтское поднарѣчје* наблюдается въ Нижнемъ Гонтѣ, въ селахъ прилегающихъ къ замку Бзовицу. Оно близко примыкаетъ частью къ новоградскому, частью къ погонскому поднарѣчьямъ. Характеристическіе признаки: 1) е в. у: *te, krave, pile, gebe*; 2) о в. е: *tode, kode, kobe (keby), kod*; 3) а в. о: *razum, razga, raven*; 4) имен. мн. ч. на -е: *páповје*.

Образецъ гонтскаго поднарѣчья.

Kobe se te Martenko bou k nam prišou, kod naše žene dohnale tie naše krave domou, bou be si sa račudovau, ako susedovje do nich lúčali kamením, akobe nemale razumu. A kode bude, tode bude—me za tech do škode prid'eme (A. Шембера, 75).

д) *Гемерское поднарѣчје* господствуетъ на территоріи гемерскаго комитата, между рр. Сланой и Римой. По своимъ особенностямъ оно на столько рѣзко отличается отъ остальной средней слова-

чины и само представляет такое значительное количество характерныхъ говоровъ, что по справедливости должно быть рассматриваемо какъ одно изъ самостоятельныхъ словацкихъ нарѣчій. Довольно подробную характеристику гемерскаго нарѣчія на основаніи новѣйшихъ данныхъ представилъ проф. Пастернекъ въ Slov. Pohl'ad, XIII (1893) 550 — 564. Къ сожалѣнію почтенный изслѣдователь не нашелъ еще возможнымъ опредѣлить ближе общее число и взаимныя отношенія гемерскихъ говоровъ.

Важнѣйшія особенности:

1) Старо-сл. *а* соотвѣтствуютъ въ краткихъ слогахъ *o*, въ долгихъ—*â*: doredu, kure, peneze, te, d'eset, jezik, meso, porâdou, tâhnú, chod'âc, ved'â, vâc (Вел. Ревуца, Раткова, Крокаво). Но во многихъ говорахъ (Долгая Лука, Кленовець, Тисавецъ, Пила, Ломъ, Кысуца, Дьюрковка, Полянки, Драпско) *а* соотв. тѣже гласные, что въ среднемъ нарѣчій (ср. 250 стр.) т. е. въ краткихъ слогахъ *â* (послѣ губныхъ) и *a*, въ долгихъ—*ia* (*ja*): vâdnú, ma, hl'ad'â, gobia. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (Гелпа, Тельгартъ, Вернаръ) вм. *а*—*ja*: hovjadzo, mjaso, rjat, gobja, vjas, d'ifa. Пр. Пастернекъ объясняетъ эту особенность влияніемъ малорусскаго языка. Жители Тельгарта и Вернара называютъ себя русскими и принадлежать къ греко-униатскому исповѣданію.

2) Старо-сл. *ѣ* въ долгихъ слогахъ соотвѣтствуетъ не только *ie*, но и *ia* (В. Ревуца и все Помуравье, Штитникъ, Раткова), *biada*, *bi-ali*, *jam*, *chliau*, *liaset*, *sriavato*, *viam*; въ Дренчанахъ—*ia*: *žriabâ*, *diašati*.

3) Долгое *o* превращается: а) въ *uo*, *vo* (Тисовець, Пила, Крокаво, Кленовци, Бродно, Красково, Луковиште, Грахово, Долгая Лука, Редова, Ломъ): *ňeruojd'eš*, *muoj*, *chuodza*, *huog* (род. п. множ. ч.) или *mvoj*, *ňeruojdeš*, *hvog*, *čvo*, *švo*, *šo*; б) въ *ua*, *va* (Дренчаны, В. Ревуца, Штитникъ, Слабошовцы, Раткова): *huar*, *chuadzâ*, *kvaň* (конь), *kval*, *pvaž*, *hvar*, *šva* (=čo), *vasmí* (ôsmu), *van*; послѣ губныхъ иногда исчезаетъ *v* и остается *a*: *maj*, *romažeš* (romôžeš), *vale* (vôla); в) въ краткое *u* (Гелпа, Тельгартъ): *peruojd'eš*.

4) Въ твор. п. ед. ч. основъ на -а возможно двойное окончаніе: а) *ou* (Тисовець, Пила, Кленовци, Красково, Грахово, Долгая Лука, Редова, Ломъ, Гелпа, Тельгартъ, Вернаръ)—*za tou horou* и б) -*ó* (Крокаво, Раткова, Бродно, Дренчаны, В. Ревуца, Штитникъ, Слабошовцы)—*za tó pašó hvaró, predo mnó*.

5) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (В. Ревуца, Штитникъ, Слабошовцы, Раткова, Крокаво, Бродно, Дренчаны) наблюдаются случаи перегласовки ја въ jă, jê и jâ въ jâ (долгое): jebloň, jehne, jesno, jermok, jesen, d'elê, gule, chvadze, vale, obraceť, sâdzeť, jâ, žak, sedlâk, meščane, duša. Проф. Пастернекъ объясняетъ эту перегласовку какъ слѣдъ вліянія чешскаго языка отъ гуситскихъ временъ. Тоже нужно замѣтить относительно встрѣчающихся въ Дренчанскомъ говорѣ примѣровъ перегласовки и въ i: lidži, cidziho.

6) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Брадно, Красково, Луковиште, Дренчаны) въ причастіи основъ на -i слышится ѳ вм. i: chod'eu, prebud'eli, zatvoreli.

7) Старо-слав. дѣждъ обыкновенно звучитъ dišt, dišt, džišč, рѣже dješt (род. п. dježd'a, Красково, Грахово) и dášť (Ломъ).

8) Различіе между i и y совсѣмъ утрачено, при чемъ въ однихъ говорахъ i вм. древн. ѣ смягчаетъ всякій предшествующій согласный не исключая п и l, или же не вліяетъ на смягченіе только этихъ двухъ согласныхъ; въ другихъ говорахъ i вообще не смягчаетъ предшествующихъ согласныхъ, даже въ томъ случаѣ, когда оно соотвѣтствуетъ пра-сл. i; напр. тоřika, d'im (В. Ревуца), činí (п—твердое, Ратковъ).

9) Гласн. r, l, краткіе и долгіе, употребляются послѣдовательно: vřba, dl'ho; но кое-гдѣ (Редова) при r, l слышатся гласные звуки: sergo, smert, dluho. Любопытно слова trgov, tró (теперь).

10) Согласн. п во многихъ говорахъ не способно къ смягченію (В. Ревуца, Раткова, Дренчаны, Штитникъ Слабошовцы, Редова, Сукавца): kones, dan, ohen, rekne.

11) Согл. d, t также иногда не смягчаются передъ узкими гласными: do tempici, ne budem (Раткова). Но вообще смягченіе d, t передъ узкими гласными необходимо, особенно передъ i; въ ревуцкомъ гов. оно имѣетъ мѣсто даже передъ ѳ=перв. ѣ и i=перв. ѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Крокаво, Раткова, Кленовець, Брадно, Красково, Луковиште, Дренчаны) вм. t, d слышатся небные đ, dž: čichí, či (дат. п. ti), dečí, päč (пять), hrač (неопр. н.), chodžič, šedživí, džedžina и др.; кое-гдѣ слышится e, dz (Сыковца): gucili, pejs (пять), nebudzem. Вм. пра-слав. dj обыкновенно dz, но въ Редовѣ, Штитникѣ z: povez, suzjeho, dochazel; но и sudzi, medzi.

12) l и v на концѣ словъ обыкновенно переходятъ въ u: nevi-d'eu, chod'iu, chlarou (род. п. множ. ч.). Однако въ нѣкоторыхъ гово-

рахъ (В. Ревуца, Слабошовцы) І на концѣ сохраняется: *nevid'el, prišol*; иногда изъ *ou = ol* возникаетъ *ó*: *príšó, o rópoci, mahó (móhol)*, *príbje hó* (Крокаво, Раткова, Брадно, Дренчаны); равнымъ обр. вм. *ц*—слышится *ú*: *príbehnú, stretnú*; наконецъ встрѣчаются причастія безъ окончанія: *príš* (Долгая Лука). Точно также въ род. п. множ. ч. возможны окончанія *ou* и *ó*: *mužou, reť gokou* и *mužó, domó* (нарѣчія). Формы на *-ó* наблюдаются въ Крокавѣ, Ратковой, Браднѣ, Дренчанахъ, В. Ревуци, Штитникѣ, Слабошовцахъ. Въ Велгартѣ каждое твердое І переходитъ въ *u*: *vouí, chuарес*.

13) Въ нѣкоторыхъ говорахъ *ш* мѣняется въ *п*: *ňebud'ep, z baгапоп, сон* (Луковиште, Дренчаны, Красково).

14) Согласн. *ѣ* звучитъ обыкновенно очень мягко и часто переходитъ въ *š*: *švo, šl'evек, chlарšok, šo, ušifelom, chlарšok, švo, šua* (Дренчаны).

15) Имен.—вин. пп. мн. ч.—*matkino, macochino slová* или *matkinje, macošinje slová*; рѣже *materinjá, macochinjá slová* (Дренчаны) и *matkiná, macochiná slova* (Штитникъ).

16) Въ сложн. склоненіи сред. р. ед. ч. *celó premoknutó, род. п. dobrího, cudziho*; въ Красковѣ *dobrího, dobrímu*; въ Ломѣ *dobrjeho*; въ Гельпѣ *dobroho, dobromu*.

17) Въ 1 л. мн. ч. наст. вр. *-мо*: *smó, žijemo, chodímo*.

18) Отъ *byti* прич. *búl*; вм. *niet* (= *niest*)—*nit* (В. Ревуца).

19) Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (Гелпа, Телгартъ, Вернара, Сыкавца) удареніе, какъ въ польскомъ, на предпоследнемъ слогѣ. Въ этихъ же говорахъ, подъ влияніемъ то польскаго, то малорусскаго не различается количество гласныхъ (Впрочемъ, въ говорѣ жителей Гельпы нерѣдко протягивается предпоследній слогъ). Въ Погорелѣ (недалеко отъ Гельпы) наблюдается и другая черта польскаго влиянія — носовые гласные: *zajončki, viskakujuńci*. Подобное явленіе представляетъ и ломскій говоръ: *svienť še bonč, s tobom*.

Образцы гемерскихъ говоровъ.

1) *A takto robä i velé ludí (i ludzí), podobni súc nerozumným dečom; aj oni buli a sú sami svojmu šťastú na prekážke; nechotčú to ale povedač a ku tomu se priznač, a obvinujú z toho aj z druhých vlasních hrjachó raši původca šitkýho dobryho, a repcú proti otcu a stvoritelu svojmu a proti múdrymu rížeňu božímu* (Шембера, 139—140).

2) Edon mlinar mau telo (tol'ko) dečí, ano na riášici džiärok (na riedčisi dierok). Kým ednomu chleba krájäu, zákuv vylašnelo sä mu druhô. O tolôž už i trečô pýtalo: Apo, chleba mi; choc len z toho zákalistyho mi! — Bitang (chudák, biednik, tuláč) mlinar radšé by búv videu sä pod zemieu, ako v také biäde. Zväu (vzal) pobíjášku (kresačku, topor) a nestaviu sä chiba pri bráne pekla a tan klopaui, šô len tak hušälo. „Šo tu klopeš“? vybiehou šärt na nebo. — „Chocen vän kostiev staváč“! — „Nestaväj, radšé či dán z mech peňäzí“ (P. Dobšinský, Prostonárodnie Slovénské povesti. S. 8, 1883, str. 47).

Западноє нарѣчіє.

Западноє нарѣчіє господствуєть во всей западной части словацкой территории, именно: въ юго-восточной части Моравіи, въ Нижней Австріи отъ Волтиць въ Стреженицамъ и въ Угрии, въ области рѣвъ — Нижней Моравы, Нижняго и Средняго Вага и Нитры, т. е. въ комитатахъ пресбургскомъ, нитранскомъ, тренчанскомъ и части оравскаго. Нарѣчіє это представляетъ черты сходства съ моравскими нарѣчіями, главнѣйше съ валашскимъ и дольскимъ и само распадается на значительное количество поднарѣчій и говоровъ. Оно (главн. тернавскій говоръ) лежало въ основаніи литературнаго языка, созданнаго въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. Берполакомъ и его послѣдователями (Ср. 241—242 стр.).

Характеристическіе признаки.

1) Пра-слав. ѣ = е, напр.: lež, zamek, posei.

2) Пра-слав. ѡ = а (въ краткихъ слогахъ) и ја, á (въ долгихъ): pač, pátek, ma, ta, sa, grášť.

3) Пра-слав. ѣ соотвѣтствуетъ е (въ кратк. слогахъ) і, é (въ долгихъ); напр.: leto, bíly, mléko.

4) е, въ нѣкоторыхъ говорахъ (на западъ отъ Вага) не смягчаетъ предшеств. l, n, d, t: nemoc, daleko.

5) Долгое о звучитъ (смотря по говорамъ) uo и ó: muožeš, móžeš.

6) Въ твор. п. ед. ч. ú (см. старо-слав. омъ): tú, veľkú, gubú; въ среднемъ нарѣчій ou (gubou).

7) Твердое l въ большей части говоровъ звучитъ какъ u (независимо отъ занимаемаго имъ мѣста въ словѣ); напр.: dau, okoço, žauoba, huavnú.

8) Мѣстоим. со вм. литер. бѣ.

9) Род. п. мн. ч. оканчив. на -ů, -ov, -uo: rapů, rapov, rapuo.

10) Въ имен. п. мн. ч. ѣ вм. средне-словацкаго ja: rápové, l'ude.

Въ западномъ нарѣчїи различаютъ пять поднарѣчїй: а) моравско-словенское, б) бѣлогорское, в) тернавское, г) нижне-трэнчанское и д) верхне-трэнчанское.

а) *Моравско-словенское* поднарѣчїе обнимаетъ словацкіе говоры, распространенные въ юго-восточной части Моравїи, между Карпатами и р. Моравой и отчасти по правому берегу Моравы, въ окрестностяхъ городовъ: Угорскаго Брода, Угорскаго Градища, Напаѣдловъ, Веселаго и Стражницы. Довольно подробное обозначенїе границъ этого поднарѣчїя представлено въ сочиненїи Шемберы *Zakl. dialekt. českoslav.* (стр. 69) а обстоятельное описанїе входящихъ въ составъ его говоровъ сдѣлано Фр. Бартошемъ (*Dialektologie moravská, d. I, 1886* (стр. 27—47). Основываясь на наблюденїяхъ почтеннаго моравскаго изслѣдователя, можно отмѣтить въ моравско-словенскомъ поднарѣчїи до 15 говоровъ: 1) загорскїй, 2) поморавскїй, 3) аленковскїй, 4) радѣйовскїй, 5) блатницкїй, 6) боршицкїй, 7) быстрицкїй, 8) строньскїй, 9) липовскїй, 10) велицкїй, 11) яворницкїй, 12) суховскїй, 13) грозенковскїй, 14) березовскїй, 15) льготецкїй¹⁾). Изъ нихъ первые два заключаютъ въ себѣ болѣе чертъ сходства съ чехо-моравскими нарѣчїями (валашское нар.), а остальные тринадцать представляютъ болѣе чистую словачину и соединены Фр. Бартошемъ въ одну группу „угро-словенскихъ“ говоровъ.

Загорскїй говоръ слышится въ угорско-бродскомъ округѣ (Ořechové, Březolipy, Provodov, Horní Lhota, Pozlovice, Luhačovice, Uh. Brod, Hračovice, Dolní Újezd, Nezdenice, Šumice, Vlčnov, Sudice, Slavičín, Pítn, Vojkovice, Komna, Bánov, Nivnice, Horní Němci, Dolní Němci). Обитатели этого округа, отдѣленные высокими горами отъ своихъ западныхъ и сѣверо-западныхъ сосѣдей, слывуть у послѣднихъ подъ именами *Záhořané* и *Zálešáci*. Въ говорѣ этомъ: 1) еще сохраняется чешское ř: *křibet, prohříslo, třé, štyřé*; 2) твор. п. мн. ч. на -ша: *dušama, našma, tema*; 3) l гласный и согласный, переходитъ въ u: *tus-*

¹⁾ Злинскїй говоръ, поставленный Бартошемъ въ число словенскихъ разнорѣчїй, мы нашли болѣе правильнѣе отнести въ разрядъ говоровъ валашскаго нарѣчїя. Ср. выше стр. 216.

tý, žutý, dúhý, uazit, uáska, huava; 4) прилагат. притяжат. на -új, -ova, -ovo: súsedúj (но и súsedú, susedúv).

Поморавскій говоръ слышится въ селахъ, прилегающихъ непосредственно къ Моравѣ, начиная отъ Напаѣдль, сперва по лѣвому берегу, а потомъ отъ Рогатцы далѣе на югъ и по правому берегу, до встрѣчи Моравы съ угорской границей, а также въ томъ самомъ южномъ углу Морави, который образуется границами Угрии и Нижней Австріи и извѣстенъ подъ именемъ Подлужья (Podluží). Особенности этого говора: 1) шипящее ř: stříla, zavřite; 2) гласный r можетъ звучать долго: vřba; 3) b, d, đ, h, v, z, ž на концѣ словъ сохраняютъ свой основной выговоръ: dub, led; 4) п между двумя гласными удваивается: vopný, gappý; 5) п смягчается во всѣхъ существительныхъ на ě: jeleň, kameň; 6) dě и tě въ прич. страдат. не измѣняются въ ze, se, а s, z не смягчаются: naředěný, zakrutěný, zarazený, vyprosený; 7) l, гласный и согласный, переходить въ u: tustý, dúhu, uonský, uh, suovo и т. д.; 8) прилаг. притяж. на -új, -ova, -ovo: súsedúj (но и súsedú, susedúv); 9) въ неопр. н. вм. st—st: kvěct, věct, křact, kuact (власть); 10) глаголы на im имѣютъ въ 3 л. мн. ч. -í, -íjú, -íja, -íá: leží, ležíjú, ležíja, ležíá.

Всѣ остальные тринадцать говоровъ, соединяемые Фр. Бартошемъ (Dialek. M., 33—47) въ одну группу „уро словенскую“, слышатся въ 18 поселеніяхъ, разбросанныхъ на небольшой территоріи, лежащей между Моравой и Малыми Карпатами. Поселенія эти (Alenkovice, Bystrica, Blatnička, Boršice, Radějov, Kuželové, Malá Vrbka, Velká Vrbka, Lipov, Louka, Velká, Javornik, Nove Lhotky, Súchov, Strání, Brezová, Olšovec, Starý Hrozenkov), по мнѣнію Бартоша, образованы были позднѣйшими выходцами изъ разныхъ мѣстъ словацкой Угрии и этимъ объясняется иногда значительное различіе между отдѣльными говорами. Всѣмъ имъ въ большей или меньшей степени свойственны слѣдующія особенности: 1) r вм. чеш.-мор. ř: tri, tricet, pres, preletělo; 2) долгое ř: vřba, zdřzat; 3) удлиненіе гласнаго въ предлогѣ, сложномъ съ глаг. it или ist передъ j: dójit, nájit, nájist; 4) болѣе частая чѣмъ гдѣ-либо, замѣна u черезъ y: od hlady, z mlady, z doly, z daleky, z blizky; 5) въ мѣст.—дат. пп. ед. ч. i вм. ě послѣ r: na javorí, na dvorí (но въ Аленьковцѣ, Радѣевѣ, Блатницкѣ, Борщицѣ, Быстрицѣ -ě: na dvore); 6) на концѣ словъ звучные ясно отличаются отъ отзвучныхъ: dub, lud; 7) n, s, š между двумя гласными удваива-

ются: *vinný, masso, kašša*; 8) *t, d* въ прич. не переходятъ въ *с, z* (за исключеніемъ Грозенкова): *vysvětěný, naroděný*; 9) въ пѣсняхъ почти передъ каждымъ гласнымъ слышится *j*: *Ju Prešpurku ju Dunaja kaságha malovaná, Jale už vim*; 10) *sto* не склоняется: *pět sto, deset sto*; 11) въ повел. н. только *i*: *pošlite, sednime si, parí, parite sa*; но въ Грозенковѣ *paríj, paríjče sa*; 12) въ однихъ говорахъ (аленковскій, блатницкій, боршицкій, страньскій) *l* твердый звучитъ чисто, въ другихъ (радѣвскій, быстрицкій, липовскій, суховскій, грозенковскій, льготецкій) переходитъ въ *и*: *žltý, nésł, védł* (аленк., боршац.) или *žlutý* (блани.), *hłava* и *žitý, huava, védu, nésu*. Наибольше любопытны говоры: грозенковскій и льготецкій.

Въ грозенковскомъ говорѣ: 1) *ä* вм. *е*: *báž, rás, šásc*; 2) долгое *ó* сохраняетъ первоначальный выговоръ: *mój, dvór*; 3) *о* исчезаетъ въ оконч. *оѣк*: *chlárček, čurček*; 4) частое смягченіе губныхъ, свистящихъ, шипящихъ и *l, r* передъ *а, á, е, é*: *pjata, pjaty, vjadnuc, chljéb, sjedmý, čjerný*; но передъ *ě* (=ѣ) губные звучатъ твердо: *obed, bežac, rekny, človек, verný*; 5) *t, d* переходятъ въ *с, dz* не только передъ пра-слав. *j*, но и передъ узкими гласными: *žac, kosic, nic, kedz, medza, hadzi, scěna, trecí, múcic, dzědzina, vyhodžěny, plecěny*; 6) *l* чередуется съ *r, ě* съ *о, ž* съ *z, d, t* съ *j, k* съ *oh*: *gašpra, oesnek, zelezo, poj—pojče* (поѣме), *taj* (таѣ), *ch tebe*; 7) гласн. *l*=*и*: *duhý, žltý, sudza, súpko*; но твердое *l* вообще удерживается: *hłava, łopata*; 8) зват. п. часто совпадаетъ съ именит.: *moja duša*; 9) имен. п. мн. ч. часто на *-ovja, ja*: *synovja, křavarja, ludzja*; род. п. множ. ч. на *-ov*: *ránov*; 10) мѣстоименія: *ja, mňa, tebja, ten—teho, temu, hdo—keho, kemu, mój—mojeho, našjeho* и *našho*; 11) неопр. н. на *-с*: *ňěsc, nóс. umгес, ріс*; 2-е л. мн. ч. *-се*: *vedžěсе*; 12) вставное *v* (особ. передъ *ó*), *kvól* (колъ), *kvóň, stvól*.

Въ льотеникомъ говорѣ: 1) *p, b, v, m, n, d, t* не смягчаются передъ *j* и узкими гласными: *pepa, pet, put* (пить), *pyvo, bežat, houby* (голуби), *makku, myvú* (мильи), *na kopa, u mna, pyty* (нити), *kost. dyta, devat, dedyna*; 2) *h, ch* и *sk, ck* не подвергаются измѣненіямъ передъ *i* въ имен. п. мн. ч. прилагат.: *ubohy muadenci, huuchý lidí, moravský vojáci*; 3) двугл. *ie* (послѣ *ě, š, ž, l, r*) и *yé*: *čierný, šiestý, chliéb, mliéko, ryést, byéuý*; 4) сжуженіе *ie* въ *i* только у сущ. ср. р.: *zeli, obyli*; 5) *ó* вм. *о*: *muóbj, kvuón* (конь); 6) *l* гласный и согласный (твердый) переходитъ въ *и*: *suza, žutý, puu* (плугъ), *uožit*; 7) твор. и

ед. ч. на -еш: s chuареш; 8) твор. п. мн. ч. или сохраняетъ древнія окончанія или замѣняетъ ихъ позднѣйшими на -та: mezi potoky, brat-gata; 9) род. п. множ. ч. на -уов: bratuoв: 10) неопр. н. на -t: pást, hrát; прич. прош. на -u: paseu, pyékeu; 11) прошед. вр. на -ch: by-uch, byuach, písauach, žauach, včeraч páseu, jach gobyua (Сухово, Яворникъ, Льготки); 12) сущ. глаг. sem; 13) условное н.: kebych mau pe-nize, kúriu bysem si; kebys mau, kúriu bysi si.

Образецъ моравско-словенскаго поднарѣчія.

„Chlapi, na mú hřišnú sa ně zdá, že sa cosi zemele. Francúzi to začali a o Netálijí už to také majú. Je tam zle: padajú tam — nech nás Pámbu chrání—jak muchy“. Tak múvil Vincek Hamaľuj skúsený svetový chlap a jediný štenář ve Spolnem seďa v hospodě u štvrtky téj jalovcověj. „Ono to modlení po ty tři dni nebylo enom tak na le-da; mosí sa cosi čut, a nech su šejda, nevyzobe—i sa z toho modlení kolera. Lud nemře, a co neboščík strýč Váňovi umfeli — šak je tom už bez mála pŕ roku—nebylo pořádněj zavdaněj“, doložil smutně (Фр. Бартошъ, Dial. Mor., I, 344, говоръ у Лугачовицъ).

б) *Бѣлогорское поднарѣчье* слышится въ самой крайней юго-западной части словацкой угорщины, приблизительно между р. Моравой (гдѣ она совпадаетъ съ политической границей Угрии и Нижней Австрій) и Малыми Карпатами (въ области Бѣлыхъ горъ) т. е. въ западной половинѣ пресбургскаго и нитранскаго комитетовъ, а также среди словацкаго населенія Нижней Австрій. Важнѣйшія особенности: 1) t, d передъ i, звучать какъ c, dz: tacičku, l'udzi; d переходитъ въ dz и передъ e: na ledze, ve vodze; 2) z вм. dz въ словахъ: hovězí, pověz, suzí; 3) u вм. k: nevzauc, nevzaua; 4) губные иногда допускаютъ смягчение: mjaky, mja, najvječí, pjet; 5) сущ. гл. sem. Ср. Slovenské Pohľady, XIII (1893) 238.

Образецъ бѣлогорскаго поднарѣчія.

A tak též robjá mnozí ludé, podobni súc dzetom něrozumným; i oni byli a sú najvícej ščascu svému na prekážku, nechceja ale to rek-nút a priznat sa k temu, a viňá z teho a i z jiných vuastních hríchú gačik pivodca všeho dobrého, a reptajú proci otcu a stvoritelovi svému a proti mudrému rídzeňu božímu (А. Шембера, 124).

в) *Тернавское поднарѣчье* господствуетъ въ странѣ между р. Вагомъ и Малыми Карпатами (восточная часть пресбургскаго ком. западная — нитранскаго). Главныя особенности: 1) l, n, d, t передъ

узкими гласными не смягчаются; напр.: *dedina*, на *nú*, *čina*, *šťastú*, *priznat ony*; отсюда тернавское поднарѣчје прозывается „твердымъ“; 2) а вм. *ě*, *i* *ie* послѣ *l*, *r*: *mal*, *zmalú*, *najvác*, *vurgávám*, *pálám*, *hogám* (*horím*); 3) *ó* долгое сохраняет свой основной выговоръ: *hgóza*; 4) *h*, *ch*, *k* въ дат. мѣст. пп. ед. ч. безъ перемѣны: на *duhu*, по *masochu*, по *matku*, в *rukú*; 5) въ нѣкоторыхъ говорахъ (Стара Тура, Костельное, Граховище и др.) прошед. вр. съ суффик. *ch*: *posilach*, *bolach*, *jách minula*; 6) въ тѣхъ же говорахъ: *róm*, *róš* (вм. *rôjdem*), *bóm*, *bó* (вм. *budem*) *ícit*, *princit* (вм. *iti*, *prijíti*). Ср. *Slov. Pohl'*, XIII, 238—239. Въ данномъ поднарѣчји можно отличить нѣсколько говоровъ, напр. модранскій, березовскій и др.

Образецъ тернавскаго поднарѣчја.

A tak tiež robá mnohý ľudé, podobní detom nerozumným; i ony boli a sú najväcej sami šťasti svému na prekažke; nescejíc ale to rékajú a priznat sa k tomu, pokladajú vinu toho a jiných vlastných hriechov rači pôvodcovi všetého dobrého, a reptajú naproti otcu a stvoriteľovi svému a naproti múdreému rídení božému (Фраштовъ, Шембера, 127).

г) *Нижнетренчанское поднарѣчје* (собственно тренчино-нитранское) слышится въ области р. Нитры и кое-гдѣ въ Поважѣ (между Бецковомъ и Бѣлушей). Важнѣйшія особенности: 1) мягкія *ď*, *ť*: *ked'*, *id'em*, *djeťa*, *prjateľ*, *nosiť*, *ľudje*; 2) долгое *ó*=*uo*: *ruojďem*, *ránuo*; 3) гласный *l*: *slnko*, *dlhý*, *tlstý*; 4) твердый *l*=*u*: *bou*, *mojou*; 5) долгое *é* звучитъ какъ протяжное *é* (а не *ie*): *dobrého*, *všetkého*; 6) *ch* вм. *k*: *chto*, *nichto*, *chtorý*, *dochtor*; 7) *ou* въ твор. п.: *dlhou*, *rokou*.

Образецъ нижнетренчанскаго нарѣчја.

„Djakujem pekne pan švager: postojím si, šak som ešte neustav; není mi na posed'enje pan švager, lebo mám robotu doma ... nuž ale hádam, nemuožu spať“?— „Veru človek ledva prečká tu noc: taká je dlhá jak rok nuž tak, a veru sme sed'eli do pou jedenástej—lebo človek až takto z večerom ňedoháňáš, vo dňe ništ nespraviš, d'en je na obraťenje—a oni jako že sa mávaju, či su dobre zdraví“? (Шембера, 173).

д) *Верхнетренчанское поднарѣчје* распространено въ верхней или сѣверной части тренчинскаго комитата и въ части оравскаго. Главныя особенности: 1) *с*, *dz* вм. *ť*, *ď*: *pic*, *dvacas*, *chuc*, *Гу-*

bice, učielovi, ňeopusci, cešia, cieň, nicú, idzem, sedzem, zlodzej, l'udzi; иногда вм. *t*—мягкое *ó*: obec, šesć, prjaćel; 2) въ нѣкоторыхъ говорахъ (Пуховская долина) вм. *ď* слышится *j*: kej, hñej, pojce (pod'te), chojel (chodil), buješ, buje и bueš, bue meji; 3) в вм. *i* въ прич. прош. глаголовъ на *im*: obudzeli, chyceli, straceli, chodzel, robel, slúžel; 4) пра-сл. *ъ*=*a*, *ia*: śia. sa; 5) *h* вм. *k*: hdo, nihdo; 6) выпадение *d* передъ *n*: dva ni, žánu; 7) вставочное *h* вм. *j*: hej, him, hich; 8) твор. и. жен. р. на *-um*: tum, rukum; 9) род. п. мн. ч. на *-vov*: chlarpov, mužvov. Ср. Шембера Dialek. Česk.-slov. 70 и Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 303.

Образецъ верхнетренчанскаго поднарѣчія.

Ej sklenička sklenená	Urobel sa velikú,
dobre je pic z teba:	my sme z toho radzi:
pozdrav Pán Boh sklenára,	Pozdrav Pan Boh sklenára
kerý robel teba.	mojí kamarádzi (Dušek).

В о с т о ч н о е н а р ѣ ч і е.

Восточное нарѣчье распространено въ области, лежащей на востокъ отъ Татръ и р. Сланы къ Ужгороду и Карпатской „верховинѣ“, т. е. въ комитатахъ спишскомъ, шаршскомъ, земплинскомъ и абауйварскомъ. Оно представляетъ двѣ главныя группы говоровъ, которые въ подробностяхъ еще не изучены: 1) спишско шаршскіе говоры, отличающіеся чертами сходства съ польскимъ языкомъ и 2) земплинско-кошицкіе говоры сближающіеся съ сосѣднимъ малорусскимъ нарѣчьемъ.

Главныя особенности:

1) Удареніе на предпоследнемъ слогѣ; эта черта объясняется вліяніемъ польскаго языка; тоже явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ малорусскихъ говорахъ.

2) Долгихъ гласныхъ не существуетъ; сохранились только кое-какіе слѣды древнихъ долготъ (см. ниже).

3) Первичное *e* смягчаетъ предшествующія *n*, *l*, *p*, *t*, *s*, *z*: ňemal, ňech, lem, bodzese.

4) Вм. *e* иногда *o*, *a*, *i*: ćolo, ćomu, većar, pirko, macir.

5) Пра-слав. *ъ* = *e* (не смягчающ. предш. согласн.) и *o*: vjeter, verer, śvedek, loška, zomreti, vo vojni, mohol, hlopom.

6) Вм. пра-слав. *ь* только *e* (мягчительное): dzeň, semni.

7) Старо-слав. ѡ соотвѣтств. е въ краткихъ слогахъ и а (ја послѣ губныхъ) въ долгихъ: me, se, še, cel'e, mesag, sveto, strasol, poradek, mešac, ročalo, p̃jati, vidza, zvoňa; иногда вм. ѡ—ej: pejs, pejsc; вм. старо-слав. ѡ только и: vezmu, budu, ruka, rybu, koscu (твор. п.).

8) Пра-слав. ѣ соотвѣт. і, иногда е, а: dzifka, hrich, vira, šnich, hl'er, mech, celo, cali, calovac, mal, džat; (ср. польск. cali, calować, mial, dziad).

9) Вм. долгаго ѡ слышится краткое и: hura, stul, muj (это слѣдъ прежней долготы).

10) Вм. ra, la иногда ro, lo (такъ въ польск. яз.): mladi, Ńevracil, smrod, hl'or.

11) гласные r, l вполне вокализуются въ ar, er, la, ol, il, li: čar-ni, umarti, tarch, zarno, smerc, verch, kerst, dluho, jabluko, polno, vilk, blicha.

12) Y не различается отъ і: bohati, každi.

13) Иногда и вм. о: un, pus; и вм. у: buř.

14) Твердое l звучитъ какъ польское ł: kobuła.

15) Каждое t мѣняется въ с, d' — въ dz: bodac, осес, sepli, sce, dzedzina, medz, idzeš, dzvere.

16) Вм. ch обыкновенно h: hodzic, halupa; ch удерживается въ мѣстн. назв., иностранныхъ словахъ и на концѣ словъ: Vlachu, richtor, ach, duch, ženoch; g очень рѣдко: glupi, galgan.

17) S и z передъ узкими гласными звучатъ мягко š, ž: huš, myšiel, dñeš, šedlo, nošic, psik (во множ. ч. psi); š слышно и передъ мягкими согласными (какъ въ польскомъ яз.): šmjali, špi, šnich; želeni, žima, režeži, vžala, иногда hrožni; s не смягчается: sera, dvases; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Дѣлаво) вм. š, ž слышно š, ž: še, viši, Ńevžala, v režežoch; на концѣ словъ иногда с вм. dz: ic, icze, roc (podz) buc.

18) Вм. č обыкновенно слышится č: červeni, čerti, oči, čeho, čas, dzievatki; но иногда и č (Гнильца): čo, čas, človek; š, ž удерживаются: řerši, žena; въ польскихъ говорахъ (мазурскихъ) вм. č, ž, š обыкновенно с, z, s.

19) Имен. п. множ. ч. основъ на -o муж. р. -i, -ove, -e: hl'ori, rapove, pisage; род.-мѣстн. пп. -och: hl'oroch; такъ и жен. р. ženoch; твор. п. -ami: hl'orami.

20) Мѣстоимен. притяж.—mojo, našo (имен.-вин. п. ср. р. един. и множ. ч.).

21) Въ описательныхъ формахъ сущ. глаголь часто опускается: ja pošol, ti pošol, mi pošl'i.

22) 1-е л. мн. ч. на -та, -мо (Спишъ): trháma, hodzima, lešimo; 3 л. мн. ч. -om: dadzom. Ср. Slovenské Pohľady, XIII (1893) 428—434; XIV, 255.

Въ *земплинскомъ* говорѣ, сверхъ того, наблюдаются слѣдующія особенности: 1) вставное j передъ свистящими: majc (mať) majseri, hojcsina; 2) в вм. i: gobec, zrodzel, strasel; 3) бум вм. bych.

Въ *уменскомъ* говорѣ (ок. мѣстечка Снинь) вм. со слышно so, откуда жители, пользующіеся этимъ говоромъ слывуть подъ именемъ *Сотаковъ*.

Граница между восточно-словацкими и малорусскими говорами даже приблизительно не опредѣлена. Ср. А. И. Соболевскаго, Очеркъ русской діалектологии, Живая Старина, 1892, IV, 3 и Slovenské Pohľady, XVI (1896) 125—126.

Образцы восточнаго нарѣчія (Dušek., Národopisná Výstava, 94).

I. Chodzili šme na šľub
ale nam nedali,
bo našo mladzatá
modlic še nežnaly (Шаритск. ком.).

II. Ani dražku ňeznam,
ani keho pytat
volel ja dzevčátko
o sebe néslychac (Спишъ).

III. Bolí mene holovenka,
bolí mene duže,
haj dali me za takoho
što varišky strúže (Земплинь).

Польско-Словацкіе говоры.

Въ сѣверной части тренчинскаго (около Чадца) и оравскаго (ок. Намѣстова) комитатовъ находится нѣсколько польскихъ сель, жители которыхъ говорятъ смѣшаннымъ польско-словацкимъ нарѣчіемъ, въ которомъ, однако, элементы польскаго языка преобладаютъ. А. Шембера точно перечисляетъ эти села, а именно: въ тренчанскомъ — кромѣ Чадцы—Горѣлица, Оштедница, Скалите, Черное, Сверчиновесъ (Svrčí-

noves), Заводье, Ракова, Сташковъ, Олешна, Подвысока, Турзова, Кысока и Маковъ; въ оравскомъ—Полгора, Рабча, Рабчица, Сичельно, Мутно, Веселое, Новота, Закаменное, Ердѣдце, Подвалка, Гаркабуза, Сарное, Буковина, Подсвля, Пекельникъ, Яблонце, Оравца, Зубрица, Дальняя и Горняя Липница, Дальнее и Горнее Хыжно, Сухая Гора, Гладовець. Сюда же нужно отнести нѣкоторыя поселенія въ гемеерскомъ комитатѣ (напр. Погорѣлу) и въ сѣверо-западномъ углу спшскаго комитата (Ср. Шембера, *Dialekt.*, 79; *Slovenské Pohl'ady*, XIII, 244; XIV, 746 и статью Юр. Поливки въ журн. *Listy filologické*, XIII (1885) 463).

Главные особенности польско-словацкихъ говоровъ:

1) Слѣды носовыхъ гласныхъ отъ в. польск. *a*, отъ в. польск. *e*: *šedzom*, *pijom* (3 л. мн. ч.), *kurcontka*; 2) о в. а: *jo*, *zomek*; 3) е в. *i*, *ý* = *scodre*, *zeto*; 4) г в. *h* и *h* в. *ch*: *gluche*, *hle*; 5) шипящее *rzepa*, *przidom*; 6) з в. *ż*: *zeto*, *zalujom* и на-оборотъ: *żem*; 7) ѣ в. *ł*, *c*: *pisać*, *ciasto* (тѣсто) и на-оборотъ в в. *ě*: *ćudne* (*čudný*); 8) ѣ в. *s*: *śmierć*, *jo śedzim*, *śumśod* (сосѣдъ); 9) въ 1 л. множ. ч. иногда -шо: *lecimo*, *śijemo*; 10) удареніе то на первомъ, то на предпоследнемъ слогѣ.

Образецъ польско-словацкихъ говоровъ:

Zli hlopi od rania v karcmie šedzom, gorolke pijom a kie pritom du domu, robiom krzik, tlucom baby i dzieci, a co pochycom, psujom, ľecom hevok i tamok a dogadujom śie. Ciche baby šedzom v izbie na pokoju a zvadlive krzicom a hlopom dokacajom a v spoľstvie śie kamoskom zalujom. Oh! moje mile kurcontka tak śie zlenkli tego pijaka kie przišel du domu a jo vierzciemi juź dobrze niezginem od żalu i cierpenia (Шембера, 80).

Дополненіе. Къ сочиненіямъ по словацкому языку, указаннымъ на стр. 224 и 226, нужно прибавить еще одинъ цѣнный трудъ Цамбеля (*Czambel*), полученный нами уже во время печатанія настоящаго отдѣла книги. Это—*Slovenský pravopis, Historicko-kritický nákras. V Budapešti, 1890.* Первые главы книги содержатъ весьма важныя данныя и соображенія по исторіи словацкаго языка и письма.

VI. ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изученіе польскаго языка.

Самыя ранніе начатки польскаго языкованія, сколько извѣстно доселѣ, восходятъ къ XV ст. Около 1440 г. ректоръ краковскаго университета, кафедральный каноникъ Яковъ Паркошъ († 1455) составилъ книжку „о польской орфографіи“¹⁾, въ которой между прочимъ касается нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей польскаго языка. Вопросомъ о правописаніи занимались многіе и въ XVI в., напр. Станиславъ Заборовскій (издавшій въ 1518 г. сочиненіе о правописаніи, выдержавшее шесть изданій), Секлудіанъ, знаменитый поэтъ Я. Кохановскій и публицистъ Лукашъ Гурницкій. Но первая польская грамматика была напечатана только въ 1568 г. въ Краковѣ. Авторомъ ея былъ французъ Петръ Статоріушъ или Стоенскій. Грамматика эта составлена по образцу латинской. Изданіе перваго польскаго словаря относится только къ нач. XVII ст. Это былъ трудъ іезуита Григ. Кнапскаго († 1638) — *Thesaurus Polonolatinograecus* (Краковъ, 1621—1632), въ трехъ частяхъ, изъ которыхъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ польскія пословицы съ объясненіями. Латино-польскіе словари извѣстны уже изъ XV в. Въ XVII ст. и нач. XVIII ст. число занимающихся польскимъ языкомъ увеличивается; большею частью это были иностранцы, не понимавшіе ни духа, ни свойствъ польскаго языка и составлявшіе свои грамматикѣ и словари по схемамъ латинскаго языка. Лучшіе труды этого рода принадлежатъ Фр. Менинскому, М. До-

¹⁾ Она издана Бяндтке подъ заглавіемъ: *Jacobi Parcossii de Żorawice antiquissimus de Orthographia polonica libellus* (Познань, 1880).

брацкому, К. Ширвиду и Абр. Троцу (Trotz). Въ XVIII ст. начинаются болѣе или менѣе дѣятельныя заботы объ очищеніи польскаго языка отъ макаронизмовъ, что вызываеъ появленіе болѣе дѣльныхъ сочиненій по языку; большею частью они издаются уже по-польски. Такъ въ 1758 г. напечатана въ Варшавѣ переведенная съ латинскаго работа Фр. Богомольца (Bohomolec), Rozmowa o języku polskim. Въ 1777 г. Ст. Клечевскій издалъ книжку „O początku, dawnosci, odmianach i wydoskonaleniu języka polskiego“ (Львовъ), въ 1766 г., Мих. Дудзинскій (Dudziński)—Zbiór rzeczy potrzebniejszych do wydoskolenia się w ojczystym języku służyących (Вильно), Игн. Влодекъ—Słownik polski dawny, czyli zebranie słów dawnych zaniedbanych polskich z ich tłumaczeniem (въ дополненіи къ сочиненію „O naukach wyzwolonych“). Наконецъ въ 1770 г. вышла лучшая въ сравненіи съ предшествующими, но все еще построенная по латинской схемѣ польская грамматика Вал. Шиллярскаго (Początki nauk dla narodowej młodzieży, to jest grammatyka języka polskiego, we Lwowie). Первыми болѣе глубокими изслѣдователями польскаго языка, положившими первые камни въ основаніе научнаго его изученія были трое видныхъ ученыхъ к. XVIII и нач. XIX ст.: О. Копчинскій, С. Б. Линде и І. Мрозинскій.

Онуфрій Копчинскій (1735—1817), ученый пiаристъ, извѣстный педагогъ и дѣятель по народному образованію, съ любовью занялся изученіемъ роднаго языка, при чемъ сумѣлъ понять его духъ и особенности, насколько позволяло современное состояніе филологіи. Начавъ съ изданія школьной грамматики (1768), онъ написалъ рядъ монографій, раскрывавшихъ его взгляды на польскій языкъ, и, наконецъ, составилъ научную систематическую грамматику, вышедшую въ свѣтъ уже послѣ его смерти (Grammatyka języka polskiego. Warszawa, 1817). Слѣдуя старой манерѣ, онъ еще сопоставляетъ польскій языкъ съ латинскимъ, очевидно имѣя въ виду широкое распространеніе въ современномъ обществѣ латинскаго языка, но уже не подводитъ явленія роднаго языка подъ готовые рамки латинской грамматики, а углубляется въ языкъ, старается вывести изъ него самого дѣйствующіе въ немъ законы. Раздѣливъ грамматику на три части (1, звукословіе и флексія; 2, этимологія и синтаксисъ и 3, правописаніе) онъ строитъ свою систему, которая съ современной точки зрѣнія правда представляетъ не мало погрѣшностей, но за то во всякомъ

случаѣ отличалась самостоятельностью и была первымъ шагомъ по пути правильного изученія языка. По богатству новыхъ мыслей о польскомъ языкѣ особенно важны слѣдующія работы Копчинскаго: 1) *O duchu języka polskiego* (1804); 2) *Treść grammatyki polskiej* (Wilno, 1806); 3) *Poręba błędów w ustnej i pisanej mowie polskiej* (Warszawa, 1808).

Самуилъ Богумиль Линде (1771—1847), замѣчательный филологъ, извѣстенъ своимъ монументальнымъ словаремъ польскаго языка (*Słownik języka polskiego*, 6 огромныхъ томовъ in 4°, 1807—1814). Этотъ обширный трудъ, выполненный съ полнымъ знаніемъ дѣла, доставилъ своему автору почетъ и уваженіе не только среди роднаго народа, но вообще въ ученomъ мѣрѣ. Въ словарѣ Линде даны результаты самостоятельнаго, глубокаго и всесторонняго изученія языка. Польскія слова здѣсь сопоставляются со словами всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, но сверхъ того дѣлаются ссылки и на другіе, неславянскіе языки. Воспроизводится главнѣйше книжный языкъ, при чемъ привлеченъ обширный матеріалъ изъ старой литературы. При послѣднемъ томѣ приложена характеристика польскаго языка. Въ послѣдніе годы жизни Линде подготовлялъ матеріалы для сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ. Матеріалы эти отчасти были приняты во вниманіе во второмъ изданіи словаря, которое вышло во Львовѣ въ 1854—60 г. подъ редакціей Авг. Бѣлевскаго. Словарь Линде имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе научныхъ наблюденій надъ польскимъ языкомъ. По богатству матеріала и широтѣ поставленныхъ въ немъ задачъ, онъ и теперь остается явленіемъ единичнымъ и не утратилъ своего значенія, хотя конечно многое въ немъ, особенно въ сравнительной части, требуетъ существенныхъ исправленій и дополненій¹⁾.

Иосифъ Мрозинскій (1784—1839) въ своемъ оригинальномъ трудѣ *Pierwsze zasady grammatyki języka polskiego* (Warszawa, 1822) первый изъ грамматиковъ совершенно отдѣлилъ польскій языкъ отъ латинскаго и обосновалъ изученіе его исключительно на родной славянской почвѣ. Онъ же первый обратилъ особое вниманіе на фонетику польскаго языка, опредѣливъ важное ея значеніе въ грамматикѣ.

¹⁾ Биографію С. Линде, написанную Ав. Бѣлевскимъ см. въ I т. 2-го изданія „*Słownika*“.

Онъ далъ впервые систематическое ученіе о звукахъ польскаго языка, установилъ классификацію ихъ съ физиологической точки зрѣнія, опредѣлилъ различіе между твердыми и мягкими согласными. При объясненіи грамматическихъ формъ онъ отправляется отъ звуковыхъ законовъ языка. Кромѣ изданія указаннаго грамматическаго труда Мрозинскій извѣстенъ тѣмъ, что принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ варшавскаго „Общества друзей наукъ“ (Towarzystwo Przyjaciół Nauk) по выработкѣ новаго правописанія. Взгляды Мрозинскаго нашли не мало послѣдователей. Первымъ изъ нихъ былъ І. Мучковскій (1795—1858), грамматика котораго (изд. 1825 г. въ Познани) пользовалась большою популярностью (2-е изд. въ Краковѣ 1836 г., 3-е изд. въ Петербургѣ въ 1860 г.); за нимъ слѣдовали Цегельскій, Кургановичъ и др. Съ 30-хъ годовъ число грамматикъ польскаго языка быстро умножается, къ началу 60-хъ годовъ ихъ насчитываютъ уже до пятидесяти¹⁾. Всѣ онѣ, однако, въ большей или меньшей степени построены по одному шаблону, преслѣдуютъ практическія цѣли и имѣютъ очень малое значеніе въ исторіи научной разработки языка.

Новое, строго-научное направленіе въ изученіи роднаго языка появляется у Поляковъ не ранѣе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Оно возникаетъ, какъ вездѣ у Славянъ, подъ вліяніемъ успѣховъ науки о языкѣ на Западѣ и выражается главнѣйше въ примѣненіи въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ методовъ историческаго и сравнительнаго. Польскіе филологи начинаютъ заниматься исторіей языка, стараются прослѣдить по памятникамъ постепенное развитіе нормъ языка, при объясненіи его свойствъ и особенностей обращаются къ сравненіямъ и сопоставленіямъ съ родственными языками. Позднѣе къ изслѣдованіямъ историко-сравнительнаго характера присоединяются болѣе или менѣе точныя наблюденія надъ живыми народными говорами. Первый опытъ характеристики польскаго языка съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣданія собственно относится еще къ 1846 г., но онъ явился за предѣлами польской территоріи и на чужомъ языкѣ. Это была *Grammatik der polnischen Sprache* (Berlin) датчанина К. В. Смита (Smith), профессора славянской литературы въ Копенгагенскомъ университетѣ. Этотъ цѣнный для своего времени трудъ, осно-

¹⁾ Ср. статью Плебанскаго, *Grammatyka i grammatycy* въ „Encyklop. Powszechniej“ т. X.

ванный на началахъ сравнительной грамматики Боппа, позже сталъ извѣстенъ и въ польской литературѣ. По нему Г. Сухецкій (1811—1872) профессоръ пражскаго, а потомъ краковскаго университетовъ составилъ свой *Przegląd form grammatycznych języka staropolskiego* (*Wypisy polskie dla szkół gimnazjalnych. Lwów, 1857, t. I*¹⁾). Тотъ же Сухецкій, издавшій нѣсколько школьныхъ грамматикъ, извѣстенъ еще двумя позднѣйшими работами, въ которыхъ выразился поворотъ въ новому направленію: а) *Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem historycznym porównawczym w zakresie indo-europejskim i w okręgu Słowiańszczyzny* (Praga, 1863) и б) *Zagadnienia z zakresu języka polskiego, wywodem historycznym i filologicznym rozjaśnione* (Kraków, 1871). Но самое видное мѣсто въ ряду первыхъ вачинателей и представителей новаго направленія въ польской филологіи занимаютъ два почтенныхъ изслѣдователя—Ант. Малѣцкій и Фр. Кс. Малиновскій.

Антоній Малѣцкій (Małeckі, р. 1821 г.), бывшій проф. Львовскаго университета, а затѣмъ членъ Краковской Академіи Наукъ, принялъ на себя рѣшеніе задачи, предложенной еще въ 1845 г. земскими чинами Галиціи, — составить хорошую грамматику польскаго языка. За это дѣло онъ взялся уже обладая прекрасной филологической подготовкой, приобрѣтенной частью въ годы ученія въ Берлинскомъ университетѣ, частью позднѣйшимъ изученіемъ трудовъ Боппа, Потта, Гримма, Шлейхера и другихъ крупныхъ представителей научной лингвистики на Западѣ. Результатомъ его трудовъ была извѣстная *Gramatyka języka polskiego większa* (Lwów, 1863, ххш+427), представлявшая собою первую въ полномъ смыслѣ слова научную стройную систему польскаго языка. Книга состоитъ изъ шести частей: 1) фонетика, 2) морфологія, 3) этимологія (ученіе объ основахъ), 4) неизмѣняемыя части слова, 5) синтаксисъ, 6) правописаніе. Всѣ части обработаны одинаково стройно и согласно съ требованіями науки о языкѣ, какой она представлялась въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ своемъ изложеніи авторъ опирается на исторію языка, обращается къ сопоставленіямъ съ родственными языками, главнѣйше со старо-славянскимъ, и руководится общими началами сравнительной грамматики, на сколько это позволяло тогдашнее состояніе фактическихъ свѣдѣній о поль-

¹⁾ Подробный разборъ грамматики Смита составилъ, между прочимъ Фр. Кс. Малиновскій во II т. *Roczników Towarzystwa przyjaciół Nauk w Poznani*.

скомъ языкѣ. Въ первыхъ трехъ частяхъ главнымъ руководителемъ его служить сравнительная грамматика славянскихъ языковъ Миелопича, синтаксисъ же обработанъ имъ вполне самостоятельно. Та же грамматика и въ томъ-же году вышла въ сокращеніи, назначенномъ для среднихъ школъ (*Gramatyka języka polskiego mniejsza*); она получила широкое распространение и выдержала шесть изданій (6-е изд. 1882). Продолжая свои занятія сравнительнымъ языковзнаніемъ, А. Малецкій углубился въ самостоятельное изученіе литовскаго, савскритскаго и ряда другихъ индоевропейскихъ языковъ и задался цѣлью на почвѣ этого изученія заново переработать свою грамматику. Такъ въ 1879 г. явился во Львовѣ большой двухтомный трудъ *Gramatyka historyczno - porównawcza języka polskiego*. Къ сожалѣнію эта огромная работа вышла вполне неудачной. Авторъ, весьма осторожный въ первой своей грамматикѣ, въ новой ея переработкѣ, весьма запутанной, обнаружилъ необыкновенную смѣлость и свободу въ толкованіяхъ и выводахъ. Онъ возсталъ противъ многихъ, болѣе или менѣе общепризнанныхъ положеній какъ славянскаго, такъ сравнительнаго индоевропейскаго языковзнанія, и вмѣсто нихъ выставилъ длинный рядъ малообоснованныхъ и невѣроятныхъ гипотезъ и объясненій, скорѣе затемнявшихъ, чѣмъ освѣщавшихъ пониманіе характерныхъ особенностей польскаго языка по сравненію съ родственными языками¹⁾. Главное значеніе этого труда А. Малецкаго заключается въ томъ, что онъ возбуждая новые лингвистическіе вопросы, давая имъ смѣлое рѣшеніе, вызывавшее критику, тѣмъ самымъ содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію изученій польскаго языка въ историко-сравнительномъ направленіи. Кромѣ составленія указанныхъ грамматическихъ сочиненій, и ряда работъ по классической филологіи, А. Малецкій извѣстенъ полемикой съ Кс. Малиновскимъ по вопросамъ правописанія и изслѣдованіемъ о природѣ согласнаго *j*. Наконецъ ему принадлежитъ большая заслуга критическаго изданія Библии королевы Софіи (такъ-наз. Шарошпатацкой Библии), драгоценнаго памятника древне-польскаго языка.

Франтишекъ Ксаверій М а л и н о в с к і й (познанскій пробстъ 1807—1881) замѣчательный лингвистъ-самоучка, самостоятельно изу-

¹⁾ Ср. важнѣйшія рецензіи на этотъ трудъ — 1) Неринга въ *Arch. f. slav. Philol.*, В. V (1881) 123—48; 2) А. Крыскаго въ *Biblioth. Warszawska*, 1880; 3) I. А. . . . скаго въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1881, мартъ.

чившій огромное количество языковъ съ цѣлью примѣненія сравнительнаго метода къ объясненію своего роднаго языка, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій работалъ надъ большимъ трудомъ, который, въ сожалѣнію, былъ изданъ лишь на закатѣ его дней. Это была — *Krytyczno-porównawcza gramatyka języka polskiego* (Poznań, 1870, 662 стр.)— работа во многихъ отношеніяхъ выдающаяся. Теорія польскаго языка построена въ ней на широкой сравнительной основѣ. Авторъ не ограничивается сопоставленіями въ области родныхъ славянскихъ языковъ, особенно старо-славянскаго, но обращается за справками и сближеніями къ санскритскому, литовскому, готскому и др. При этомъ масса экскурсовъ въ сторону, въ область сравнительной грамматики. Наиболее глубоко обработана фонетика и система спряженія. Въ отдѣлѣ правописанія авторъ предлагаетъ много реформъ и, между прочимъ, вводитъ свою систему графически, по которой каждый звукъ обозначается своимъ знакомъ. Грамматика Фр. Малиновскаго любопытна по своему построению, по богатству и глубинѣ отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній, но въ цѣломъ она представлялась нѣсколько устарѣлой уже въ моментъ своего выхода въ свѣтъ. Дѣло въ томъ, что по болѣзни глазъ авторъ не могъ слѣдить за новѣйшей литературой предмета. Отсюда въ его трудѣ отражается состояніе лингвистики едва 50-хъ, и никакъ не 60-хъ годовъ. Даже такое сочиненіе какъ „Compendium“ Шлейхера осталось ему неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе о широтѣ кругозора и массѣ лингвистическихъ познаній почтеннаго ученаго свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ другихъ его работъ. Такъ въ 1872 г. вышла его *Gramatyka sanskritu, porównanego z językiem starosłowiańskim i polskim na podstawie sanskryckiej gramatyki Fr. Boppa*. Сверхъ того остались въ рукописяхъ: практическая польская грамматика, грамматика литовскаго языка, грамматика малорусскаго языка, грамматика армянскаго языка, словарь литовскаго языка и корнесловъ славянскихъ языковъ. Наконецъ Малиновскому принадлежитъ рядъ критическихъ статей и этюдовъ о правописаніи¹⁾.

Труды А. Малацкаго и Фр. Кс. Малиновскаго несомнѣнно оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе польскаго языкознанія и, между прочимъ, узаконили для мѣстныхъ ученыхъ необходимость

¹⁾ Ср. разборъ грамматики Малиновскаго, напечатанный проф. Бодуэномъ де Куртене въ Варшавѣ журн. *Niwa*, 1875.

примѣненія къ изученію польскаго языка новаго критическаго метода, выработаннаго наукой о языкѣ на Западѣ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ число польскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ роднаго языка согласно требованіямъ новаго направленія постоянно увеличивается. При этомъ составленіе новыхъ полныхъ грамматикъ отодвигается на задній планъ и вниманіе обращается главнымъ образомъ на частныя стороны изученія языка: критическое изданіе и изслѣдованіе важнѣйшихъ памятниковъ языка, монографическое изученіе отдѣльныхъ грамматическихъ явленій и вопросовъ, собраніе образцовъ народныхъ говоровъ и т. д. Во главѣ этого научнаго движенія стоитъ (1872 г.) Краковская Академія Наукъ, при которой существуетъ особое отдѣленіе (Komisyja językowa), вѣдающее разработку роднаго языка. Матеріаламъ и изслѣдованіямъ по языку посвящены три періодическія изданія Академіи: 1) *Rozprawy wydziału filologicznego*; 2) *Sprawozdania komisji językowej* и 3) *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Сверхъ того съ 1885 г., въ Варшавѣ издается Бодуэномъ де Куртене, Карловичемъ, Крынскимъ и Л. Малиновскимъ повременникъ *Prace filologiczne*. Около этихъ изданій и сосредоточивается почти вся научная производительность Поляковъ въ области изученія роднаго языка.

Наиболѣе видными представителями польскаго языкознанія въ новое время являются Л. Малиновскій, І. Ганушъ, І. Бодуэнъ де Куртене, Брикнеръ, Нерингъ, Калина, Крынскій, Карловичъ, Быстронъ и др.

Лукіанъ Малиновскій, профессоръ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ, извѣстенъ рядомъ прекрасныхъ работъ въ различныхъ областяхъ польскаго языкознанія. Ему принадлежатъ: 1) критическое изданіе нѣкоторыхъ новооткрытыхъ памятниковъ языка (*Modlitwa Wacława*, *Kazania Jana z Szamotul*, *Kazanie na dzień wszęch świętych XV w.*, *Glossy polskie XV w.* и т. п.); 2) цѣнныя наблюденія надъ народными говорами (*Ueber die Oppelnsche Mundart*, 1873; *Studyja szląskie*, 1882; *Gloski nosowe we wsi Kasinie*; *O niektórych wyrazach ludowych polskich*, 1893); 3) изслѣдованія въ области этимологии, особенно такъ называемой народной этимологии (*Drobiazgi gramatyczne*, *Studyja nad etymologiją ludową* и др.); 4) многочисленныя статьи и замѣтки по частнымъ грамматическимъ вопросамъ, по исторіи языка и пр. Л. Малиновскій въ своихъ работахъ удачно соединяетъ два направленія историко-сравнительное и ново-грамматическое или психологическое. Между прочимъ весьма цѣнны его извѣ-

сканія по вопросамъ о вліяніи литовскаго яз. на польскій, и румынскаго и мадьярскаго на говоры карпатскихъ горалей, о слѣдахъ ма-зурскаго нарѣчія въ языкѣ Фр. Богомольца (XVIII ст.) и др. Какъ членъ Краковской Академіи, Л. Малиновскій принимаетъ самое живое участіе во всѣхъ трудахъ и періодическихъ изданіяхъ филологическаго отдѣленія и состоитъ дѣятельнымъ совздателемъ и сотрудникомъ варшавскаго филологическаго журнала „Prace filologiczne“. Какъ даровитый профессоръ, онъ имѣетъ огромное вліяніе на слушателей и создалъ цѣлую школу прекрасныхъ филологовъ.

Янъ Ганушъ (1858—1887), одинъ изъ выдающихся учениковъ Л. Малиновскаго, широко-образованный филологъ, прекрасный знатокъ славянскихъ языковъ и сравнительнаго языковеденія, не смотря на свою кратковременную разностороннюю ученую дѣятельность, прерванную неожиданною смертью, успѣлъ оказать большія услуги научной разработкѣ роднаго языка. Важнѣйшіе его труды посвящены исторіи языка, преимущественнаго склоненія, отчасти фонетики: *Materialy do historyi form deklinacyjnych w języku staropolskim* (1880—1881), *Zur Statistik der Deklinationsformen im Altpolnischen* (1882), *O książce do nabożeństwa króla Zygmunta I*, *O książce do nabożeństwa królowej Maryi Kazimierzy i córki jej Teresy Kunegundy* (1884), *Wykaz form przypadkowych w książeczce Nawojki*, *Wykaz form przypadkowych zawartych w kilku mniejszych zabytkach języka polskiego z wieku XV* (1884), *O pisowni i wokalizmie zabytków języka polskiego w księgach sądowych Krakowskich z wieków XIV — XVI* (1886), *Ślady niektórych odcieni dyjalektycznych w kazaniach gnieźnieńskich z r. 1419* (1880), *O wpływie języków wschodnich na słownik języka polskiego* (1886). Все это работы образцовыя. Глубоко войдя въ изученіе сравнительнаго языковеденія подъ руководствомъ выдающихся представителей этой науки на Западѣ и успѣвъ написать нѣсколько изслѣдованій о другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ¹⁾ (напр. о санскритѣ, о литовско-славянскои эпохѣ, объ языкѣ польскихъ Ар-

¹⁾ Отмѣчаемъ эти изслѣдованія: 1) *Ueber das allmälige Umsichgreifen der. n- Declination im Altindischen*. Wien, 1885 (Sitz.-Ber. Wien. Akad. phil.-hist. Cl. CX); 2) *Kilka słów o sanskrycie* (Przegląd polski, 1884); 3) *O języku maloruském* (Slovanský Sbornik, 1883); 4) *Ueber die Betonung der Substantiv im kleinrussischen* (Arch. f. slav. Phil., VII (1883)); 5) *Szkic gramatyczny na podstawie języków indoeuropejskich* (Prace filologiczne, I, II); 6) *O języku Ormian polakich* (Rozprawy, XI).

мянъ, о малорусскомъ языкѣ и пр.). Ганушъ постоянно проводилъ мысль о необходимости для изслѣдователей исторіи польскаго языка справляться съ основными положеніями новѣйшей грамматики индоевропейскихъ языковъ (ср. особенно его рефератъ на историко-литературномъ съѣздѣ имени Кохановскаго, въ Краковѣ, 1884 г. — *O ileby należało uwzględnić powsze teoryje gramatyki indoeuropejskiej przy badaniu historyi języka polskiego* въ изд. „*Scriptores rerum polonicarum*“. Kraków, 1884). Многочисленныя критическія статьи его о всѣхъ новѣйшихъ трудахъ по славянскому и индоевропейскому языкознанію также много содѣйствовали поднятію общаго уровня научныхъ розысканій въ области польскаго языка¹⁾.

И. Бодуэнъ де Куртене (J. Baudouin de Courtenay), бывшій профессоръ казанскаго и дерптскаго университетовъ, а въ настоящее время — краковскаго университета, давно уже приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность многочисленными трудами по сравнительному языкознанію. Онъ принадлежитъ къ числу видныхъ представителей ново-грамматическаго или психологическаго направленія, которое отстаиваетъ въ русской и польской филологической литературѣ. Въ кругъ своихъ изслѣдованій онъ вводитъ всѣ славянскіе языки и въ томъ числѣ свой родной польскій. Первые его работы и были посвящены преимущественно польскому языку и имѣютъ важное значеніе въ наукѣ. Таковы его диссертация на русскомъ языкѣ „О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія“ (Лейпцигъ, 1870) и мелкія статьи въ *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung* за 1868. Проф. Бодуэнъ состоитъ соиздателемъ журнала *Prace filologiczne*.

Антоній Калина, профессоръ львовскаго университета, предпринялъ изданіе „Исторіи польскаго языка“, которое въ сожалѣнію остановилось на первомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ грамматическія формы польскаго языка до конца XVIII в. (*Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku*. Lwów, 1883, xxvii + 490). Трудъ этотъ, не смотря на указанные критикой²⁾ недостатки, нужно считать весьма цѣннымъ; отдѣлъ склоненія можетъ быть дополненъ на основаніи изслѣдованій Гануша, по исторіи же спряженія послѣ

¹⁾ Ср. статью Ад. Ант. Крннскаго, Jan Hanusz i jego prace. *Prace filologiczne* II, 818.

²⁾ Ср. критическіе разборы Гануша въ журн. *Ateneum*, 1884, II, 191 и А. Брикнера въ *Arch. für slav. Philol.*, VIII (1885) 291.

книги Калины ничего существенно важнаго пока не появлялось. Кроме того г. Калинъ принадлежать: 1) меньшія изслѣдованія по исторіи языка (*O liczebnikach w języku staropolskiém, jako przyczynek do historyji języka polskiego, Ueber die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern*; 2) критическое изданіе нѣсколькихъ памятниковъ древняго польскаго языка (*Anecdota palaeopolonica, Artikuły prawa magdeburgskiego z rękopismu około roku 1500, Prostych ludzi w wierze nauka (XVI st.), Komedyja o mięsoruscie* и 3) крупныя работы въ другихъ областяхъ славянской филологіи, напр. *Studya nad historyją języka bułgarskiego, Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiej* и др.

Владиславъ Нёрингъ, профессоръ бреславскаго университета, извѣстенъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ вопроса о вліяніи древне-чешскаго яз. и литературы на древне-польскую письменность (древн. пѣснь Богородица, Флоріанская Псалтырь, Пулавская Псалтырь, Софійская Библия. *Arch. f. slav. Phil.*, V. I—VI) и рядомъ мелкихъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ журн. *Arch. f. slav. Phil.* и *Prace filologiczne (Das Wort kry, krew im Altpolnischen, O wyrazach z wątką samogłoską obok r, l)*. Сверхъ того онъ издалъ систематическій обзоръ памятниковъ древне-польскаго языка, съ приложеніемъ текстовъ (*Altpolnische Sprachdenkmäler. Berlin, 1887*) и обработалъ школьную грамматику Поплинскаго (*Popliński's Grammatik der polnischen Sprache, 7-е изд. 1881*).

А. Брикнеръ, профессоръ славистики въ берлинскомъ университетѣ, принимающій живое участіе въ разработкѣ многихъ любопытныхъ вопросовъ славянской филологіи, между прочимъ занимается изданіемъ и объясненіемъ памятниковъ древняго польскаго языка (*Kazania świętokrzyskie, Glossy wrocławskie, Pierwszy wiersz polski, Z rękopisów Petersburgskich* и др.). Онъ состоитъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала авад. Ягича *Archiv f. slavische Philologie*, въ которомъ ведетъ критико-библиографическій отдѣлъ *Polonica*.

Адамъ Антоній Крынскій издалъ по русски еще въ 1870 г. хорошую работу „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“, въ которой отведено значительное мѣсто польскому языку. Сосредоточивъ свои занятія на родномъ языкѣ, онъ работаетъ съ успѣхомъ какъ въ области діалектологіи (*Gwara Zakopańska*), такъ по исторіи языка (*O aoriscie w języku polskim, Z historyi wyrazów, изданія памятниковъ—*

Zywot ś. Eufraksyi, Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 и др.). Въ качествѣ одного изъ издателей журн. Prace filologiczne, онъ принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе, особенно въ критико-библиографическомъ отдѣлѣ.

Я. Лецѣевскій особенно извѣстенъ двумя дѣльными монографіями по исторіи языка: 1) объ языкѣ польской части Флоріанской псалтыри (Die Sprache des polnischen Theiles des Florianer Psalters, 1883—1884) и 2) О звуковомъ значеніи носовыхъ гласныхъ въ древне-польскомъ языкѣ. Сверхъ того ему принадлежатъ любопытныя наблюдения по діалектологіи (Gwaga Miejskiej górki i okolicy).

Я. Быстрою (Bystroń) принадлежитъ (кромя меньшихъ статей) этюдъ объ одномъ изъ силезскихъ говоровъ (O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Łucyny w księztwie Cieszyńskim), прекрасныя работы по исторіи польскаго языка, изъ которыхъ одна по синтаксису (O użyciu genetiwu w języku polskim, Przyczynek do historyji języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi czerskiej), критическія изданія памятниковъ и проч.

Затѣмъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ родного языка въ томъ или другомъ отношеніи принимали или принимаютъ: Я. Карловичъ (преимущественно словарныя работы, наблюдения надъ народною рѣчью), Я. Лось (пр.-доц. петербургскаго университета—работы по діалектологіи, о долгихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ до XVI в.), Ст. Льв. Пташицкій (пр.-доц. петербургскаго университета—изд. произведеній Рея изъ Нагловиць), К. Аппель (о говорахъ польскаго яз., замѣтки о древне-польскомъ яз.), С. Матусякъ (Gwaga Lasowska), Б. Шомекъ (статьи по исторіи языка), Р. Завилинскій (Gwaga Brzezińska, работы по исторіи яз.), А. Семеновичъ, Г. Блатъ (о языкѣ Кохановскаго), Приборовскій (древн. памятники), Калужняцкій (исторія орографіи), Ст. Цишевскій (народн. этимологія), Я. Земба (Ziemba, словарн. раб.), Р. Любичъ (памятники древн. языка), О. Кольбергъ (о велико-польскомъ говорѣ), Вл. Косинскій (діалектологія), А. Красновольскій (діалект.), Я. Бѣла (Bieła, діалект.), Л. Старостыцъ (діалект.), Т. Юнгфѣрь (древн. памятн.), Бр. Дембовскій (діалект.), К. Матіасъ (діалект.), Вл. Сярковскій (діалект.), Я. Жлоза (діалект.), Л. Решовскій (діалект.), В. Матяковскій (діалект.), М. Луковичъ (о языкѣ Рея), В. Гре-

горевичъ (діалект), Р. Коппенсъ (о флор. псалтыри), Р. Пилать (о причастіи на *zy*), В. Вислоцкій (древн. памятники), А. Прездецкій (древн. памятники), М. Бобовскій (древн. памятн.), Я. Резинскій (Rzeziński — древн. памятн.), Я. Рымаркевичъ (древн. памятн.), Н. Бентковскій (древн. памятн.), К. Малевскій (древн. памятники), Б. Еренки (Egzerki—древн. памятники), Б. Улановскій (древн. памятн.), І. Шумскій (древн. памятн.), В. Серединскій (древн. памятн.), З. Глогеръ (древн. памятн., діалект.), В. Хоментовскій (древн. памятн.) и др.

Наибольшее число работъ и сообщеній новаго времени относится къ изданію и изученію древнихъ памятниковъ яз., а также къ наблюденіямъ надъ живыми говорами. Чрезвычайно меньше чисто-грамматическихъ изслѣдованій. Еще рѣже труды болѣе общаго характера, подводящіе итоги успѣхамъ научнаго изученія языка. „Исторія грамматическихъ формъ“ Ан. Калины, вышедшая въ 1883 г. была послѣднимъ крупнымъ явленіемъ этого рода. Такимъ образомъ у Поляковъ еще нѣтъ вполне научной, удовлетворяющей требованіямъ современнаго языковѣданія, цѣльной грамматики роднаго языка, въ родѣ той напри- мѣръ, какую получаютъ теперь Чехи въ монументальномъ трудѣ Гебауэра „Historická mluvnice jazyka českého“.

Морфологія обработана сравнительно лучше, но фонетика до сихъ поръ не была еще предметомъ систематическаго изложенія, въ которомъ были бы приняты во вниманіе какъ историческое развитіе языка, такъ его діалектическое разнообразіе. Мало разработаны въ подробностяхъ и польскій синтаксисъ. Равнымъ образомъ чувствуется въ польской ученой литературѣ отсутствіе сочиненія общаго характера по діалектологіи, какое напр. у Чеховъ представляла еще въ 60-хъ годахъ книга Шемберы и какое въ настоящее время представляетъ „Моравская діалектологія Бартоша“. Наблюденій надъ народными говорами произведено уже достаточно, но они еще не сведены въ одно, цѣлое; отсюда пока еще нѣтъ научной классификаціи польскихъ нарѣчій и говоровъ.

Много вниманія удѣляютъ польскіе филологи вопросамъ о правописаніи. Рѣдкій изъ нихъ не принималъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи этихъ вопросовъ. Споры о правописаніи ведутся и въ настоящее время, „Очеркъ исторіи польской графики и орфографіи“ составилъ Калужняцкій. Затѣмъ наиболѣе цѣнныя работы по этому от-

дѣлу принадлежатъ Фр. Малиновскому, Малѣцкому, Бодуэну, Карловичу, Крынскому, Коротынскому, Мехеринскому, Богуславскому и др.

Единственнымъ научнымъ словаремъ польскаго яз. до сихъ поръ остается выше отмѣченный трудъ Линде, нуждающийся конечно во многихъ существенныхъ дополненіяхъ и поправкахъ. Вышедшій въ 1866 г. (а вторымъ изданіемъ въ 1873 г.) словарь Рыкаческаго представлялъ собой только сокращенную передѣлку словаря Линде, предназначенную для публики. Такъ-назв. Виленскій или Оргельбрандовскій словарь (*Słownik języka polskiego wydańu staraniem i kosztem Maurycyego Orgelbranda 2 t. 1861*) по числу словъ значительно превосходитъ словарь Линде¹⁾, но относительно внутреннихъ достоинствъ онъ не можетъ даже идти въ сравненіе со словаремъ Линде, такъ какъ совсѣмъ не удовлетворяетъ научнымъ запросамъ. Заботы о составленіи новаго большаго словаря приняла на себя Краковская Академія Наукъ. Уже два десятилѣтія собирается словарный матеріалъ и производятся подготовительныя работы. Однимъ изъ усердныхъ участниковъ въ этомъ огромномъ дѣлѣ является не разъ выше упомянутый почтенный филологъ Я. Карловичъ, которому, между прочимъ, принадлежитъ обстоятельный проектъ составленія полнаго и научнаго словаря польскаго языка (*Przyczynki do projektu wielkiego słownika polskiego* — въ *Rozpr. i spraw. Wudz. fil. Akad. umiejęt. 1876, t. IV*). Польско-нѣмецкіе словари изданы—Мронговіусомъ, Лукашевскимъ, Воош-Аркоস্য, Иорданомъ и др.; польско-французскіе—Ропелевскимъ, Миллеромъ, Гофманомъ, Дальманомъ и др.

Точное изданіе образцовъ народныхъ говоровъ началось сравнительно недавно. Наибольшее число ихъ собрано въ извѣстномъ многотомномъ этнографическомъ изданіи Оскара Кольберга „Lud“, а также въ сборникѣ Краковской Академіи „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej (18 томовъ). Сверхъ того имѣется нѣкоторое количество меньшихъ сборниковъ, содержащихъ памятники народнаго творчества изъ опредѣленныхъ мѣстностей. Наибольше заслугъ въ дѣлѣ собранія и изданія образцовъ народной рѣчи кромѣ О. Кольберга, имѣютъ: А. Цинциата, І. Грайпертъ, Я. Карловичъ, В. Кентринскій (*Kętrzynski*), Вл. Косинскій, К. Козловскій,

¹⁾ По исчисленію Славинскаго въ немъ на 49,700 выраженій больше, чѣмъ у Линде, въ этомъ числѣ много иностранныхъ словъ.

І. Липинскій, Л. Малиновскій, С. Матусякъ, К. Маткьсь, В. Сярковскій, Л. Старостязцкъ, С. Улановская, Р. Завилинскій и др. Успѣшному развитію занятій этнографіей и въ частности діалектологіей не мало способствуютъ два прекрасныхъ журнала по фольклору—варшавская „Wisła“ и львовскій „Lud“.

Въ русской литературѣ имѣются слѣдующіе труды, посвященные изученію польскаго языка: 1) указанныя выше сочиненія польскихъ ученыхъ — Бодуэна де Куртенэ (О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ, 1870), К. Аппеля (а, Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ въ Русск. Филолог. Вѣстн. т. III, IV; б, О говорахъ польскаго языка, тамъ же т. II) и Ад Крынскаго (О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава, 1870); 2) П. Дубровскаго, Замѣчательныя слова въ Псалтыри королевы Маргариты. Спб., 1852 (Прибавленіе къ Извѣстіямъ II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. I); 3) П. А. Лавровскаго, Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго (Ученыя Записки Акад. Наукъ, 1858, IV); 4) В. В. Мавушева, а) Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность (Славянскій Сборникъ. Спб., 1876, III. Ср. рецензію Ст. Л. Пташицкаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1877, май); б) Чтенія о старо-польской письменности (Русс. Филол. Вѣстн., 1879, т. I, II); 5) Грамматика польскаго языка Смита. Переводъ съ нѣмецкаго П. А. Гильтебрандта. М. 1863; 6) С. К. Булвча, Окончанія польскаго склоненія именъ существительныхъ. Казань, 1885; 7) Краткая фонетика и морфологія польскаго языка. Лекціи проф. Р. Θ. Брандта. М. 1894, 50.

Практическія грамматики: 1) Я. Благодарова, Краткія правила польскаго языка. М. 1796; 2) М. Семичиновскаго, Грамматика польскаго языка. Кіевъ, 1831; 3) М. Грубецкаго, Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, 6-е изданіе. Варшава, 1891; 4) Г. Линскаго, Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб., 1892.

Польско-русскіе словари: 1) Ст. Мюллера, Словарь польско-россійскій, 3 т. Вильно, 1841; 2) Дом. Бартошевича, Словарь польско-россійскій, 2 т. Варшава, 1841—1843; 3) Фр. Потоцкаго, Словарь польскаго и русскаго языка—Słownik polskiego i rossyjskiego języka. Лейпцигъ, 1873; 4) П. Дубровскаго, Полный русско-польскій словарь. Варшава, 1878. Двѣ части.

Изъ ино-славянскихъ филологовъ, кромѣ русскихъ, наиболѣе занимались и занимаются польскимъ языкомъ Чехи. Польскія грамматики на чешскомъ языкѣ составлены В. Гавкой и въ болѣе новое время (1881) Фр. Вымазалоу; сверхъ того нужно упомянуть труды Челяковскаго, Шафарика (Slov. Národopis), J. Коллара, I. Иречка, А. Патеры, Юр. Поливки. Изъ южно-славянскихъ ученыхъ съ большимъ вниманіемъ изучалъ польскій языкъ Миклошичъ (въ сравнительной грамматикѣ и въ другихъ трудахъ все-славянскаго характера).

На нѣмецкомъ языкѣ лучшія грамматики польскаго языка принадлежатъ Смиуту, Нерингу и Вымазалу; на англійскомъ—Морфилю; на французскомъ—Копчинскому и Рыбачевскому.

а) Граматики и грамматическія изслѣдованія.

- Jacobi Parcossii de Żorawice († 1455) antiquissimus de Orthographia polonica Libellus. 1830 (Poznań) Издалъ Бандтке.
- St. Zaborowski. De Orthographia polonica 1518 (6-е изд. въ 1564 г.).—
Ortografia polska z łacinskiego na polski język przełożona z przydaniem uwag tłumacza, tudzież Ortografii Seklucyana i spisu biblijograficznego grammatyk i słowników polskich przez Andrzeja F. Kucharskiego w Warszawie, 1825.
- Piotr Statoryuss (Stojenski). Gramatyka polska. W Krakowie, 1568.
- Nowy charakter polski z drukarnie Łazarzowey: y Orthograpia Polska: Jana Kochanowskiego, Lukaszа Górnickiego, Jana Januszowskiego, 1594.
- Fr. Bohomolec. Rozmowa o języku polskim. Warszawa, 1758.
- St. Kleczewski. O początku, dawności, odmianach i wydoskonaleniu języka polskiego. Lwów, 1777.
- Wal. Szybarski. Początki nauk dla narodowej młodzieży, to jest grammatyka języka polskiego. Lwów, 1770.
- On. Korpczyński. 1) Grammatyka polsko-łacińska, 1778; 2) Grammatyka języka polskiego i łacińskiego dla szkół narodowych, 1780—1781; 3) Grammatyka języka polskiego (посмертное издание). Warszawa, 1817; 4) Elementarz dla szkół parafijalnych narodowych, 1784; 5) Układ grammatyki dla szkół narodowych, 1785; 6) Rozprawa o duchu języka polskiego, 1804; 7) Treść grammatyki polskiej. Wilno, 1806; 8) Nauka o dobrem piśmie, 1807; 9) Poprawa błędów w ustnej i pisanej mowie polskiej, 1808; 10) Essai de grammaire polonaise pour les Français, 1806.

- J. M r o z i ń s k i. Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego. Warszawa, 1822.
- J. M u c z k o w s k i. Gramatyka języka polskiego. Poznań, 1825, 1836, 1849, 1860.
- T. K u r h a n o w i c z. Gramatyka języka polskiego I, 1832, 1834; II, 1843; 3-e изд. 1852. Особая переработка, 1860.
- F. Ż o c h o w s k i. 1) Części mowy odmieniające się przez przypadki. Warszawa, 1838; 2) Mownia języka polskiego. Warszawa, 1852.
- T. S i e r o c i ń s k i. Grammatyka polska. Warszawa, I, 1839; II, 1847; 14-e изд. 1864.
- J. N. D e s z k i e w i c z. 1) Grammatyka języka polskiego. Rzeszów, 1846; 2) Rozprawy o języku polskim i jego grammatykach. Lwów, 1843.
- D. E. Ł a z o w s k i. 1) Grammatyka języka polskiego. Kraków, 1848 (и друкъ сокращенныя переработки); 2) Grammatyka języka polskiego, oparta na historycznym jego rozwoju. Lwów, 1861.
- K. W. S m i t h. Grammatik der Polnischen Sprache. Berlin, 1846; 2-e изд. 1864. Русскій переводъ: Грамматика польскаго языка С м и т а. Переводъ съ вѣмецкаго П. А. Гильтебрандта. Москва, 1863.
- H e n r y k S u c h e c k i. 1) Przegląd form grammatycznych języka staropolskiego (Wypisy polskie dla szkół gimnazyalnych. Lwów, 1857, t. I); 2) Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem historycznym porównawczym w zakresie indoeuropejskim i w okręgu Słowiańszczyzny. Praga, 1863; 3) Zagadnienia z zakresu języka polskiego, wywodem historycznym i filologicznym rozjaśnione. Kraków, 1871; 4) Nauka języka polskiego, 1847; рядъ другихъ школьныхъ грамматикъ; 5) Niektóre uwagi o pisowni (Bibl. Ossolinskich, 1849, I); 6) Pisownia Oświaty wobec nauki języka polskiego. Poznań, 1866 („Oświata“).
- J. A. C z a j k o w s k i. Grammatyka języka polskiego. Warszawa, 2-e изд. 1853.
- A. S z t o c h e l († 1846). Grammatyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa, 1854.
- J. Ł u k o m s k i. 1) Kurs języka polskiego. Praktyczna grammatyka polska na zasadach historyczno-porównawczych, dla użytku młodzieży polskiéj. Warszawa, 1862; 2) Krótka grammatyka polska podług najnowszych zasad nauki, 1866.
- H i p o l. C e g i e l s k i. O słowie polskim, 1842 (Orędownik naukowy) новое переработанное изд. Poznań, 1852.
- B r o n i s l a w T r z a s k o w s k i. 1) Grammatyka języka polskiego na podstawie fizyologicznej, porównawczej i historycznej. Część I. Głoskownia. Sambor, 1861; 2) Nauka o pierwiastkach i źródłosłowach języka polskiego

ze stanowiska porównawczej gramatyki. Kraków, 1865 (Rocznik Tow. nauk. Krak.); 3) Pisownia Polska. Rzeszów, 1862.

Antoni Małeckie. 1) Gramatyka języka polskiego większa. Lwów, 1863; 2) Gramatyka języka polskiego mniejsza. Lwów, 1866; 6-e изд. 1882; 3) Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. Lwów, 1879, t. I—II; 4) W sprawie pisowni polskiej. Lwów (Szkoła, 1868).

Franciszek Ksawery Malinowski. 1) Krytyczno-porównawcza gramatyka języka polskiego z dzisiejszego stanowiska lingwistyki porównawczej napisaná. W Poznaniu, 1869—70; 2) Dodatek do gramatyki języka polskiego. Poznań, 1873; 3) Gramatyka sanskrytu, porównaného z językiem staro-słowiańskim i polskim na podstawie sanskryckiej gramatyki Fr. Boppa napisaná przez Ks. Fr. Malinowskiego. W Poznaniu, 1872; 4) Kriticzny pogląd na zasady głosowni znanych autorowi grammatik polskich wráz z uzásadnieniem jilosci brzmien i głosów polskiego języka. Poznań, 1863 (Roczn. Tow. przyjaciół nauk poznańs., t. II); 5) Zásady i prawidła pisowni polskiej przez Deputacyją od król. Towarzystwa warszawskiego przyjaciół nauk wyznaczoną, podaną w dziele pod nápisem: Rozprawy i wnioski o ortografiji polskiej w Warszawie 1830, wraz s kriticznym rozbiorem i zmianą niektórych prawideł Deputacyji z wytknięciem niektórych błędów od czasu Ks. Kopczyńskiego i później powstałych и т. д. Poznań, 1859 (Roczn. Tow. przyjac. nauk poznańs., t. I); 6) Kritika pisowni zawartej w części VI gramatyki prof. A. Małeckiego. Poznań, 1873.

F. F. Sławiński. 1) O prawach budowy zgłosek. Warszawa, 1873; 2) O głosce i literze j w obec zasad pisowni. Warszawa, 1874; 3) O odmianach głosek w języku polskim; 4) O budowie zdania pojedyncze. Последнія два сочинения, самыя важныя, къ сожалѣнію остались неизданными.

// Baudouin de Courtenay. 1) Einige fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination (Beiträge zur vergleich. Sprachforschung, 1868; Bd. VI); 2) Hinneigung zu e im polnischen (тамъ-же); 3) Wortformen und Selbstsätze, welche in der polnischen Sprache zu Stämmen herabgesunken sind (тамъ-же); 4) Uebergang der tonlosen consonanten in die ihren entsprechenden tönenden in der historischen Entwicklung der polnischen Sprache (тамъ-же); 5) Wechsel des s (š, ś), mit ch in der polnischen Sprache (тамъ-же); 6) Uebergang des i in u im polnischen (тамъ-же); 7) Doppelung des Suffixes ti in der polnischen (und russischen) Sprache (тамъ-же); 8) Jedna z kwestij spornych pisowni polskiej (Prace filol., t. III, z. 3).

C. К. Буличъ. Окончания польскаго склонения именъ существительныхъ. Глоттологическое изслѣдованіе. Казань, 1885. Digitized by Google

- A. Kalina. System konjugacyi polskiéj (Muzeum, 1889). //
- J. Polívka. Střidnice za ъ, ь v polštině (Listy filol., 1897, XXIV, 1, 2).
- R. Bobin. O stopniowaniu przymiotników w języku polskim. Na podstawie gramatyki porównawczej opracował R. B. W Jarosławiu, 1876.
- Lucyjan Malinowski. 1) Zur Lautlehre der Lehnwörter in der polnischen Sprache (Beiträge zur Vergleich. Sprachforschung, 1869, VI); 2) Zur Volksetymologie (тамъ-же); 3) Studyja nad etymologiją ludową (Prace filologiczne, 1885 -- 1891, t. I—III); 4) Drobiazgi gramatyczne (тамъ-же, t. I, 1; V, 1); 5) Mleziwo-mładziwo (тамъ-же, II, 2); 6) Niektóre wyrazy polskie litewskiego pochodzenia (тамъ-же, I, 1; II, 1); 7) O pochodzeniu wyrazów: 1. šce, šće, 2. ušće, ujšće, 3. vyjšće, odejšće и т. д. (Rozprawy Wydź. filol. Akad. umiejęt., 1882, IX); 8) Przyczynki do historyi wyrazów polskich (тамъ-же, 1884, X); 9) O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze (тамъ-же, 1893. Serja II, t. II).
- Sz. Matusiak. O niektórych zjawiskach języka polskiego. Kraków, 1885 (Sprawozdanie c. k. gimnaz. Sv. Anny w Krakowie).
- J. Karłowicz. W sprawie pisowni polskiéj i wiążących się z nią zagadnień gramatycznych. Kraków, 1883.
- X. Choinski. Słowo o języku polskim przy sposobności wieca językowego. Poznań, 1870.
- Ad. Ant. Krzyński. 1) Kwestyja językowa. O bezzasadnym odróżnianiu rodzaju nijakiego od męskiego w deklinacyi przymiotników. Warszawa, 1873 (Niwa); 2) O pisowni polskéj, wraz z objaśnieniem niektórych form gramatycznych. Warszawa, 1882 (Biblioteka Warszawska, 1882, III).
- L. Korotyński. Słów kilka o grafice, pisowni języka polskiego (Rocznik zbiorowy prac naukowych za rok 1881).
- K. Mecherzyński. Uwagi w przedmiocie języka (Sprawozdanie Wydź. filol. Akad. um., 1876).
- F. K. Skobel. O skażeniu języka polskiego w dziennikach i w mowie potocznej osobliwie w Galicyi. I, 1872; II, 1874; III, 1877.
- A. Walicki. Błędy nasze w mowie i piśmie, ku szkodzie języka polskiego popełniane, oraz prowincjonalizmy zebrał A. W. Warszawa, 1876; 3-e wyd. 1886 (Kraków).
- L. Rzepecki. Posiedzenia komisji ortograficznój poznańskiéj wybranéj przez wiec ortograficzny w Poznaniu, 1878.
- L. Wieczor-Szczerbowicz. O skażeniu obecném języka polskiego w prasie. Plock, 1881.
- Rozprawy i wnioski o ortografii polskiéj, przez Deputacyą od król. Towarzystwa warszawskiego przyjaciół nauk wyznaczoną. W Warszawie, 1830.

- Edward Bogusławski. Słowno o racyjonalnej grafice polskiej. Kraków, 1888.
- Ołtuszewski. Szkic fizjologii mowy ze szczególnym uwzględnieniem głosen alfabetu polskiego. Warszawa, 1893.
- Filograf. 1) Praktyczny sposób ustalenia pisowni polskiej. Warszawa, 1887; 2) Teoretyczna poprawa grafiki polskiej oraz praktyczne rozwiązanie niektórych trudności naszej ortografii, 1888.
- E. Rodziszewski. O przyimku pod względem składniowym. Warszawa, 1888.
- A. G. Bem. Zarys wykładu mowy polskiej według wskazówek językoznawstwa porównawczego. T. I. Warszawa, 1883.
- W. Nehring. J. Popliński's Grammatik der polnischen Sprache, neu bearbeitet von prof. dr. W. N. 7-te Auflage. Thorn, 1881.
- V. Hanka. Mluvnice polského jazyka. 2-e изд. V Praze, 1850.
- Fr. Vymazal. 1) Gramatické základy jazyka polského. V Brně, 1881; 2) Grammatik der polnischen Sprache zunächst zum Selbstunterricht. Brünn, 1884.
- Er. Rykaczewski. Grammaire de la langue polonaise contenant les règles appuyées sur les exemples tirés des meilleurs auteurs polonais, destinée principalement à l'usage des écoles polonaises à Paris, 1861 (Берлинъ и Познань).
- W. R. Morfill. A simplified grammar of the polⁱsch language. London, 1884.
- Fr. Miklosich. Die Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Bd. I—IV, 1875—1883 (Отдѣлы о польскомъ языкѣ); русскій переводъ Шт.: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, переводъ А. Шлякова подъ редакціей Р. Ф. Брандта. Вып. IV. Москва, 1886.
- B. И. Григоровичъ. Славянскія нарѣчія. Лекціи. Варшава, 1884. Польскій языкъ, 108—122.
- Jos. Kolář. 1) Hláskosloví jazyka polského na novych zákládech a s nového hledište. V Praze, 1884 (Správy o zasedání Kral. České společnosti nauk); 2) O historicko-srovnávací mluvnici polské D-ra Ant. Mažesckého. V Praze, 1881 (тамъ-же за 1881).
- Я. Благодаровъ. Краткія правила польскаго языка. Москва, 1796.
- М. Семичиновскій. Грамматика польскаго языка. Кіевъ, 1831.
- Грубецкій. Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, 6-е изд. Варшава, 1891.
- Р. Брандтъ. Краткая фонетика и морфологія польскаго языка. Лекціи орд. проф. Императорскаго Московскаго университета Р. Бр—а. Москва, 1894.
- Г. Г. Линскій. Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб., 1892.

б) Работы по истории языка.

- К. Аппель. Записки о древне-польскомъ языкѣ (Русск. Филолог. Вѣстн., 1880, т. III. IV).
- Бодуэнъ де Кутенэ. О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст. Лейпцигъ, // 1870.
- А. Brückner. 1) „Magdeburger Urtheile“. Ein Denkmal deutsches Rechtes in polnischer Sprache aus der Mitte der XV Jahrhundert (Arch II, 1883); 2) Wie lautete der Aorist *vedochъ* im polnischen? 1888 (Arch. f. slav. Phil., XI); 3) Kazanie świętokrzyskie 1891 (Prace filologiczne, III, 3); 4) Kazania średniowieczne 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akadem. umjet. Ser. II, t. IX); 5) Z rękopisów petersburskich 1894—95 (Prace filologiczne IV, 3; V, 1).
- J. Bystron. 1) Przyczynek do historyji języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi Czerskiej (Spraw. Kom. jęz., IV, 1891); 2) O użyciu genetiwu v języku polskim (Rozpr. Wydź. filol. Ak. umiej, 1895. Ser. II, t. VII); 3) Rozbiór porównawczy znanych dotąd najdawniejszych tekstów modlitwy pańskiej, pozdrowienia, składu apostolskiego i dziesięciorga przykazania (Prace fil., 1886, t. I, 2—3); 4) Pieśń do N. M. Panny z połowy wieku XV-go (тамъ-же).
- G. Blatt. 1) Materyjały do morfologie języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi Czerskiej, 1884 (Sprawozd. Komis. Język, t. III); 2) Archaizmy w języku Jana Kochanowskiego (тамъ-же).
- M. Bobowski. Die Polnische Dichtung des XV Jahrhunderts I. Mariengedichte. Breslau, 1883.
- Erzepki. Szczytki dawněj polszczyzny, 1890.
- J. Hanusz. Materyjały do historyji form deklinacyjnych w języku staropolskim. Kraków, I (Wykaz form przypadkowych: a) w ulomku starożytnego kazania o małżeństwie; b) w modlitwach kodeksu Krakowskiego z r. 1375; c) w kazaniach gnieźnienskich z r. 1419, 1880, II (Wykaz porównawczy form przypadkowych w psalterzach: Floryańskim, Puławskim, oraz w psalmach zawartych w „Modlitwach Wacława“) 1881 (Sprawozdania Komisji językowej Akad. umiej, t. I, II); 2) Zur Statistik der Declinationsformen im Altpolnischen (Arch. f. slav. Phil., VI (1882); 3) O zakończeniu instrumentalu i locativu sing. masc.-neutr. i instrumentalu plur. deklinacyji zaimkowej i złożonej w języku polskim. Kraków, 1880; 4) Ślady niektórych odcieni dyalektycznych w Kazaniach gnieźnienskich z r. 1419. Kraków, 1880; 5) Wykaz form przypadkowych zawartych w kilku mniejszych zabytkach języka polskiego z

- wieka XV. Kraków, 1882 (Spraw. Kom. język., III); 6) Wykaz form przypadkowych w książeczce Nawojki. Kraków, 1882 (тамъ - же); 7) O pisowni i wokalizmie zabytków języka polskiego w księgach sądowych Krakowskich z wieków XIV—XVI. Kraków, 1886 (тамъ - же, т. IV); 8) O książce do nabożeństwa króla Zygmunta I (Rozpr. Wydz. fil. Ak. umiej, t. XI) 1886; 9) O wpływie języków wschodnich na słownik języka polskiego (Prace filol. I, 2).
- // A. K a l i n a. 1) Historyja języka polskiego. Tom pierwszy. Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku. Lwów, 1883; 2) Anecdota palaeopolonica, 1878—1882 (Archiv. f. slav. Philologie, Bd. III, VI); 3) O liczebnikach w języku staropolskim, jako przyczynek do historyi języka polskiego. Kraków, 1878 (Rozpr. Wydz. filol. Akad. umiej); 4) Ueber die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern, 1879 (Arch. f. slav. Phil., IV, 24); 5) Artykuły prawa magdeburskiego z rękopismu okolo roku 1500. Kraków, 1880 (Rozpr. Wydz. fil. Akad. umiej. VII).
- R. K o p p e n s. O sposobach oznaczania spółgłosek miękkich w Psalterzu Floryańskim, 1894 (Spraw. Kom. język., t. V).
- A. A. K r y Ń s k i. 1) Z dziejów języka polskiego. Objaśnienia do rozprawy W. W. Makuszewa, p. I „Ślady wpływu ruskiego na piśmiennictwo staropolskie“ wydrukowanėj w czasopiśmie rosyjskim „Sławianskij sbornik“ (t. 3) Warszawa, 1879 (Ateneum, 1879, I); 2) Powieść o papieżu Urbanie z r. 1514 (Prace filol., I, 1); 3) O aoryście w języku polskim (тамъ - же II, 9); 4) Postaci osobliwe przysłówków staropolskich i dzisiejszych gwarowych (тамъ - же II, 2); 5) Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 p. n. Żywot Pana Jezu Krysta (тамъ - же II, 3); 6) Żywot ś. Eufraksyi, zabytek języka polskiego z r. 1524 (тамъ - же 1889, III, 1); 7) Z historyi wyrazów (тамъ - же 1895, V, 1); 8) O języku Wojciecha Oczki (въ юбилейн. изд. W. Oczko, Przymiot i Cieplice. Warszawa, 1881).
- E. K a ł u ż n i a c k i. Historische Uebersicht der Graphik und der Orthographie der Polen. Wien, 1882 (Sitz. Ber. d. phil.-hist. Cl. d. Akad. s. Wissensf, 1881, Bd. 99).
- П. А. Л а в р о в с к і й. Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго 1858 (Ученныя Записки Имп. Акад. Наукъ. 1858, IV).
- J. L e c i e j e w s k i. 1) Die Sprache des polnischen Theiles des Florianer Psalters. Lautlehre (Arch. f. slav. Phil., VI (1882) 412); Formenlehre (Arch. f. slav. Phil., VIII (1884) 74); 2) Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen. Wien, 1886 (Sitz.-Ber. d. Wien. Akad.).

- J. Loś. O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI-ym, 1887 (Prace filol., II, 1).
- R. Lubicz. 1) Głosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniem łacińskiem z połowy w XV (Spraw. Kom. język., t. V, 1894); 2) Kilka zabytków języka staropolskiego, 1894—1895 (Prace filol., IV, 3; V, 1).
- M. Lukowicz. Deklinacyja i konjugacyja w dziele M. Reja: Apocalypsis (Spraw. Kom. język., 1895, t. V).
- K. Libelt. Psalterz floryjański i Biblija królowej Zofii. Dwa najdawniejsze pomniki piśmienne starożytnej polszczyzny (Roczn. Tow. przyjat. nauk Poznańsk., t. VII. Poznań, 1872).
- В. В. Макушевъ. 1) Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность (Славянскій Сборникъ, 1876. Спб., III); 2) Чтенія о старопольской письменности (Русск. Филол. Вѣстникъ, 1879, I).
- A. Małeckie. 1) Gramatyka historyczna-porównawcza języka polskiego. Ср. выше стр. 362; 2) Biblija królowej Zofii, żony Jagiełły, z kodeksu Szarospatackiego. We Lwowie, 1861 (Wведеніе посвящено разбору языка этого памятника).
- L. Malinowski. 1) Ślady dyjalektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego wieku XV i XVI (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. w Krakowie, 1880, VII); 2) Zabytki języka polskiego w rękopisie № 2503 Biblijoteki Uniwersyteta Jagiellońskiego w Krakowie. Uwagi nad pisownię i językiem (Prace filologiczne, I, 2—3 (1886) II, 1 (1887)); 3) Porównanie kilku ustępów Biblii Szarospatackiej z tekstem staroczeskim Zabłockiego (1476—1478) (тамъ-же IV, 1, 1892); 4) Ewangelia św. Mateusza R V, 1—12. Kazanie na dzień wszech świętych. Zabytki języka polskiego z wieku XV, z rękopisu DLII Biblijoteki Kapitulnej w Pradze, 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. w Krakowie, 1895. Ser II, t. VII); 5) Głosy polskie w kilku rękopismach łacińskich wieku XV w Biblijotekach kapitulnej i uniwersyteckiej w Pradze (тамъ-же); 6) Głosy polskie w rękopiśmie Biblijoteki Zakładu Narodowego Ossolińskich z r. 1438, № 379 (тамъ-же); 7) O języku komedyj Franciszka Bohomolca (тамъ-же 1895, t. IX).
- Matusiak. Wykaz form języka staropolskiego zawartych w Przykładach i Wzorach z najcelniejszych poetów i prozaików polskich Dr. Karola Mecherzyńskiego.
- VI. Nehring. 1) Iter Florianense, O psalterzu floryjańskim łacinsko-polsko-niemieckim, w szczególności o polskim jego dziele. Poznań, 1871; 2) Ueber den Einfluss der altöechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische (Arch. f. slav. Phil., I (1875) 60; II (1877) 409; V (1880) 216; VI (1882) 159); 3) Das Wort *kry*, *krew* im Altpolnischen (Arch.

- f. slav. Phil., III (1878) 479); 4) Ein Beispiel einer seltenen Adverbialbindung im Polnischen, 1879 (Arch. f. slav. Phil., III (1879) 525).
- E. Ogonowski. Einige Bemerkungen über die Sprache der altpolnischen Sophienbibel, 1879 (Arch. f. slav. Phil., IV, 243, 353).
- Z. Paulisch. O pisowni i języku Kazań świętokrzyskich, 1894 (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej, t. V).
- J. M. Pawlikowski. Epiteta złożone u Sebastyana Fabiana Klonowicza, 1891 (Sprawozd. Kom. język. Akad. umiej, t. IV).
- R. Pilat. Ueber das polnische partic. praet. act. auf **-szy** (Arch. für slav. Phil., 1879, III, 67).
- J. Przyborski. Kilka słów o języku Jana Kochanowskiego въ сочин. Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego. Poznań, 1857.
- J. Rymarkiewicz. Książeczka Jadwigi albo Nawojki z XV wieku (Aetneum, 1876, I).
- A. Semenowicz. 1) Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen. Leipzig, 1872; 2) Kritische Bemerkungen zu altpolnischen Texten, 1884 (Arch. f. slav. Phil. VII (1884) 419); 3) Ueber **ciem, ci** und **ć** (тамъ-же VI (1882) 30).
- Wl. Wislocki. Legenda o św. Aleksym. Wiersz. polski z. r. 1454 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej, 1876, t. IV).
- W. Szomek. 1) Wykaz form przypadkowych w rotach przysięg krakowskich z końca XV w. wydanych przez R. Hubego, 1880 (Spraw. Kom. język. Ak. umiej, t. I); 2) Instrumentalis pluralis deklinacji rzeczownikowej w pismach Piotra Kochanowskiego (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej, 1880, VIII); 3) Instrumentalis i locativus pluralis deklinacji rzeczownikowej w dziele Mikołaja Reja z Nagłowic: Apokalipsis z 1565 r. (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1884, III).
- R. Zawiliński. Wykaz form przypadkowych zawartych w zabytku języka polskiego z wieku XV, pod tytułem: „Glossa super epistolas per annum dominicales“ (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1894, t. III).

в) Издания памятниковъ старого языка (XIV—XVII в.¹).

K. Małkowski. Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego. Warszawa, 1872.

Wl. Nehring. 1) Altpolnische Sprachdenkmäler Systematische Uebersicht, Würdigung und Texte. Berlin, 1887.

¹) Ср. также предшествующій отдѣлъ „Работы по исторіи польскаго языка“.

- W. Maciejowski. 1) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Petersburg i Lipsk, 1839, II; 2) Piśmiennictwo polskie. Warszawa, 1852, t. III; 3) Historia prawodawstw słowiańskich. Warszawa, 1858.
- Psalterz królowej Małgorzaty ...wydany staraniem hr. na Skrzynnie Dunina-Borkowskiego. Wiedeń, 1834.
- Wl. Nehring. 1) Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit, apparatu critico indice locupletissimo instruxit. Poznaniae, 1883; 2) Das älteste bis jetzt bekannte datirte polnische Sprachdenkmahl (Arch. für slav. Phil., 1880, IV, 190); 3) Eine schlesisch-polnisch Urkunde vom J., 1587 (Arch. f. slav. Phil., V (1881) 465); 4) Ein schlesisch-polnisches Hochzeitsgedicht aus dem XVII Jahrh. (тамъ - же, Bd. III, 637); 5) Ośm kartek z nieznanej starej książeczki do nabożeństwa (Prace filol., 1888, II, 2); 6) Altpolnische (Posener) Eidesformeln aus dem XIV Jahrh. (Arch. f. slav. Phil., IV (1880) 177); 7) Wigilie za umarłe ludzie, 1520 (Arch. f. slav. Phil., VII (1884) 291).
- Epistola ś. Bernarda „O rzandzenyu czeliadnym“ etc. Zabytek języka polskiego z XV w. wydał Fr. Kluczycki, 1874 (Rozpr. i Spraw. Wydź. filol. Akad. umiej. w Krakowie, I).
- Żywot ś-go Błażeja z objaśnieniami filologicznymi Ant. Małeckiego i Jana Wagilewicza, 1864 (Biblijoteka Ossolińskich, Poczet nowy, t. IV).
- Pieśń Bogarodzica, wraz z notą z rękopisu częstochowskiego z końca wieku XV, w podobiznie wydana i porównana z dwoma dawniejszemi odpisami i z drukowanemi tekstami przez Aleksandra Przedzieckiego. Warszawa (Biblijoteka Warszawska, 1866, I, 309). Toro-же издателя „O dwóch odpisach pieśni Bogarodzica (Rocznik Tow. nauk. Krakow. Poczet III, t. XV, 1869).
- M. Bobowski. Die polnische Dichtung des XV Jahrh. I. Mariengedichte. Breslau, 1883.
- I. Rzeziński. Pieśń Bogarodzica (Kwartalnik naukowy. Kraków, 1836, t. III).
- J. Rymarkiewicz. Pieśń „Bogu-Rodzica“ (Roczniki Towarz. przyjaciół. nauk poznan., t. X, 1878, Poznań).
- N. Bętkowski. Boga-Rodzica, pieśń z czasów zaprowadzenia chrześcijaństwa w Polsce (Rocznik Towarz. nauk. Krakow. Poczet 3, t. XIV, 1869). Zabytek dawnej mowy polskiej (Kazania Gnieźnieńskie z r. 1419). W Poznaniu, 1857.
- A. Brückner. 1) Kazania Świętokrzyskie, zabytek języka polskiego z wieku XIV, 1891 (Prace filologiczne, III, 696); 2) Glossy wrocławskie,

- 1889 (тамъ-же, III, 281); 3) Średniowieczna poezya łacińska w Polsce (Глоссы) 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. Ser. II, t. VII (общ. нумер. т. XXII); 4) Kazania średniowieczne (Глоссы) 1895 (тамъ-же. Ser. II, t. IX (XXVI); 5) Z rękopisów petersburskich. I. Kazania husity polskiego (Prace filolog., 1893, t. IV, 2); II. Średniowieczne słownictwo polskie (тамъ-же, 1895, V, 1).
- L. Malinowski. 1) Quadragesimale super epistolas. Głosy polskie z końca pierwszej połowy wieku XV (Spraw. Kom. język. Akadem. umiej. I, 1880); 2) Magistra Jana z Szamotuł Kazania o Maryi Pannie czystej (тамъ-же); 3) Modlitwy Waclawa, zabytek języka polskiego wieku XV. Kraków, 1875, 4° (Pamiętnik Akad. umiej. Wydź. filologicz. i histor-filozof., t. II); 4) Zabytki języka polskiego w rękopisie № 2503 Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie, 1886 (Prace filol., t. I, 2 — 3); 5) Ewangelia św. Mateusza, R. V, 1 — 12. Kazanie na dzień wszech świętych. Zabytki języka polskiego z wieku XV, z rękopisu DLII Biblioteki Kapitulnej w Pradze (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. Ser. II, t. VII (XXII) 1895); 6) Głosy polskie w kilku rękopismach łacińskich wieku XV w Bibliotekach Kapitulnej i Uniwersyteckiej w Pradze (тамъ-же); 7) Głosy polskie w rękopiśmie Biblioteki Zakładu Narodowego Ossolińskich z r. 1438, № 394 (тамъ-же).
- H. Suchecki. Modlitwy Waclawa. Zabytek mowy staropolskiej, odkryty przez Al. hr. Przeddzieckiego. Kraków, 1871 (Rocznik. Towarz. nauk. Krak. Ser. IV, t. 20).
- W. Wislocki. Glossa super epistolas per annum dominicales. Kodeks łacińsko-polski z połowy XV-go wieku, 1880 (Sprawozdan. Kom. język. Akad. umiej. I).
- Boł. Erzerki. Szczątki dawniej polszczyzny (Глоссы и примованный декалогъ XVI). Poznań, 1890 (Rocz. Pozn. Tow. przyjac. nauk., t. XVII).
- H. Collitz. Polnische Glossen aus dem XV—XVI Jahrh., 1880 (Arch. f. slav. Phil., IV, 86).
- W. Chomętowski. Zabytki języka polskiego z XV wieku w rękopismach biblioteki ordynacyi Krasieńskich (Rozpr. Komis. język., 1880, t. I).
- W. Seredynski. Trzy zabytki języka polskiego z drugiej połowy XV wieku (Rozpr. Komis. język., 1880, t. I).
- Książeczka do nabożeństwa Jadwigi (Nawojki), Księżniczki polskiej (konca XV st.) wydana staraniem i nakładem J. Motty. W Poznaniu, 1823; 2-e изд. 1849. Krakow; 3-e изд. (Lipnickiego) Wilno, 1856; 4-e изд. (St. Motty). W Poznaniu, 1875).
- Ant. Kalina. 1) Artykuły prawa magdeburskiego z rękopismu około roku 1500 (Rozp. Wydź. fil. Akad. umiej., 1880, VII); 2) Anecdota palaeo-

polonica (тамъ-же III (1878—79) 1, 621 и VI (1882) 184 — Сборникъ Импер. Публичной библиотеки, 1544; Confessio generalis XV в. и формулы судебныхъ присягъ 1402—1413 г.); 3) Komedyja o mięsopuście z rękopisu z początku XVI wieku (Prace filol., 1888, t. II, 2); 4) Prostyh ludzi w wierze nauka. Dyjalog z rękopisu wieku XVI (тамъ-же 1890, t. III, z. 2).

Z. Celichowski. Słowniczek lacińsko-polski wyrazów prawa magdeburskiego z wieku XV. Poznań. Nakładem biblijoteki Kórnickiej, 1875.

Psalterz Pulawski (XV w.). Z kodeksu pergaminowego księcia Władysława Czartoryskiego, przedruk homograficzny wykonali Adam i Stanisław Pilińscy. Nakładem Biblijoteki Kórnickiej, 1880.

R. Hube. 1) Roty przysiąg krakowskich z końca wieku XIV. Warszawa, 1875 (Bibl. Warszawska); 2) Zbiór rot przysiąg sądowych poznańskich, kościańskich, kaliskich, sieradzkich, piotrkowskich i dobrzyszyckich, z końca wieku XIV i pierwszych lat wieku XV wydał R. H. Warszawa, 1888.

A. Z. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki. Kraków, 1870 (Roty k. XIV w.).

J. Przyborowski. 1) Vetustissima adjectivorum linguae polonae declinatio monumentis ineditis illustrata (141 rot przysiąg wielko-polskich). Poznań, 1861 (Program gimnazjum św. Maryi Magdaleny w Poznaniu na rok szkolny, 1866—61); 2) Urywek kazań dla młodzieży szkolnej z głosami polskimi. Wiek XV, 1885 (Prace filol. I, z. 1); 3) Formulae colloquiorum (тамъ-же, 1889, t. III, z. 1).

J. von L e k s y c k i. Die ältesten grosspolnischen Grodbücher. Erster Band: Posen (1386—1394), Leipzig, 1887.

B. Ułanowski. 1) Roty przysiąg krakowskich z lat 1399—1418 (Spraw. Komis. język. Akadem. umiej., t. III, 1884); 2) Kilka aktów polskich z archiwum krajowego w Krakowie (тамъ-же); 3) Cennik wydany dla rzemieślników miasta Książa przez Piotra Kmitę, wojewodę krakowskiego w r. 1538.

Księga ziemi Czerskiej 1404—1425, poprzedzona wstępem historycznym. Warszawa, 1874 (польскія вставки въ латинскомъ текстѣ).

Biblija Królowej Zofii, żony Jagiełły, z kodeksu szarospatackiego (XV w.) nakładem księcia Jerzego Henryka Lubomirskiego, wydana przez Antoniego Maleckiego. We Lwowie, 1861.

J. Lelewel. Historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XV-go i XVI-go. Tom I. Wilno, 1824 (Переводы съ латинскаго на польскій статутовъ: Вислицкаго 1347 г., Ягеллонскаго 1420—1428 г., Мазовецкихъ 1377 г. и слѣд., и Казимира Ягеллончика 1454 и 1465).

- Prawa polskie Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły, przełożone na język polski przez Świętosława z Wocieszyna, r. 1449. Przedruk homograficzny z kodeksu puławskiego wykonał A. Piliński. Nakładem biblioteki Kórnickiej 1877, folio.
- Prawa książąt mazowieckich, przełożone na język polski przez Macieja z Rożana r. 1450. Przedruk homograficzny z kodeksu puławskiego wykonał A. Piliński. Nakładem biblioteki Kórnickiej 1877, folio.
- Statut Wiślicki w polskim przekładzie r. 1460. Przedruk homograficzny z kodeksu Kórnickiego wykonał A. Piliński. Nakładem biblioteki Kórnickiej, 1876.
- Statuta polskie Crola Kazimirza w Wyślicy złożone. Warszawa, 1844 (po рукоп. наз. Wiślicyja, изд. K. Stronczyńskiego).
- Statuta polskie Króla Kazimierza, w Wiślicy złożone, z rękopismu wydał K. Wójcicki. W Warszawie, 1847 (po рукоп. Wiślicyja).
- Em. Kałużniacki. Kleinere altpolnische Texte aus Handschriften des XV und Anfangs des XVI Jahrhunderts. Wien, 1882 (Sitzungsberichte d. phil.-histor. Cl. d. k. Akad. d. Wissen. 101 Bd.).
- Exemplar informationis et avisamenti, quod et quam praedictus Wyszga moriturus reliquit (Joannis Długosz, Liber beneficiorum, t. III, 354). Тотъ-же текстъ издалъ А. Тyszzyński подъ заглавиемъ „Najdawniejszy zabytek prozy oryginalnej polskiej w Liber beneficiorum Długosza (Bibliot. Warszaw., 1868, I).
- J. Szujski. Trzy zabytki języka polskiego XIV i XV wieku z manuskryptów podał J. S. (Rozpr. Wydź. fil. Ak. umiej. w Krakowie, 1874, t. I).
- Z. Gloger. Ułomek starożytnego kazania o małżeństwie. Warszawa, 1873 (Bibl. Warsz.).
- L. Ryzyszczewski. Piessn o Pruskiej poraszcze (Bibl. Warsz., 1843, III, 374).
- K. W. Wójcicki. 1) Pieśń polska z 1462 r. o zabiciu Andrzeja Tęczyńskiego (Album literackie pod redakc. K. W. Wł. Warszawa, 1848); 2) Biblijoteka starożytna pisarzy polskich. Drugie wydanie. Warszawa, 1854, t. 6).
- Ad. An. Krynski. 1) Powieść o papieżu Urbanie z r. 1514 (Prace filol., I, 1885, z. 1); 2) Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 p. n. Żywot Pána Jezu Krysta (тамъ-же, 1888, t. II, z. 3); 3) Żywot ś. Eufrakysi, zabytek języka polskiego z r. 1524 (тамъ-же, 1887, t. III, z. 1).
- H. Lopaciński (Rafal. Lubicz). 1) Kilka zabytków języka staropolskiego (Prace filol., 1893, t. IV, z. 2 и 1895, t. V, z. 1.—Иѣсни, глоссы XV в.); 2) Reguła Trzeciego Zakonu św. Franciszka i drobniejsze zabytki języka polskiego z końca wieku XV-go i początku XVI-go (тамъ-

же, 1893, t. IV, z. 3); 3) Głosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacińskimi z połowy w. XV-go (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej, 1894, t. V).

Teod. Wierzbowski. 1) Dwa przyczynki do starożytnego słownictwa polskiego (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1884, t. III); 2) Nieznany fragment, „Bibliji królowej Zofji“ (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1); 3) Pieśń o św. Annie z końca wieku XV-go (тамъ-же, 1895, t. V, z. 1); 4) Trzy pieśni polskie z wieku XV-go (тамъ-же).

Wł. Wisłocki. 1) Modlitewnik siostry Konstancyi r. 1527 (Spraw. Komis. język. Akad. umiej, 1884, t. III); 2) Pieśń bernardyńska, wiersz polski z początku w. XVI (Rozpr. Wydz. filol. Akad. umiej, 1884, t. X).

I. Połkowski. Żywot ojca Amandusa z kodeksu XVI w. (Spraw. Komis. język., 1884, t. III).

J. Bystroń. 1) Żywot świętego Alexego wyznawcy i Żywot świętego Eustachiusza męczennika. Druk Krakowski z roku 1529 (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1894, t. V); 2) Pieśń do N. M. Panny z połowy wieku XVI (Prace filol., 1885, I, z. 2).

Mysłistwo ptasze (XVI w.) изд. Antoni Waga. W Warszawie, 1842.

Lukasz Górnicki. Droga do zupełney wolności. W Elbiągu r. 1650; 2-e изд. T. Działyński. W Berlinie, 1852.

St. Grzebski. Geometria to iest miernicka nauka roku 1566, w Krakowie; новое издание въ Варшавѣ, 1861.

Seb. Klonowicz. Flis to jest spuszczenie ztatków Wisłą i inszemi rzekami do niej przypadającemi, 1595; новое издание Stanisława Węclewskiego. Chelmno, 1862.

Jan. Kochanowski. Dzieła wszystkie. Wydanie pomnikowe. Warszawa, 1884, t. I—III.

J. Korzeniowski. Nieznane polskie i łacińskie wiersze politycznej treści, 1548—1551. Kraków, 1886 (оттискъ изъ „Rocznika filoreckiego“).

Jak. Lubelczyk. Dobrotliwość Pańska съ издан. XVI ст. перепечатано въ Варшавѣ въ 1882 г.

Mikołaj Rej z Nagłowic. 1) Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego. Według wydania z r. 1560 wydał Stanisław Ptaszycki. S.-Petersburg—Warszawa, 1881—1883; 2) Apocalypsis, to iest dziwna sprawa skrytych tajemnic Pańskich и т. д. Roku Pańskiego 1565. Новое издание A. Pilińskiego, въ Парижѣ, 1876 г.; 3) Przesło ze Zwierzyńca. Poznań, 1884 (перепечатка изданій 1562 и 1574).

Sz. Szymonowicz. Sielanki i kilka innych pism polskich. Wydanie St. Węclewskiego. Chelmno, 1864.

W. Occko. Przymist i cleplice (1581—1578). Wydanie jubileuszowe. Warszawa, 1881.

- A. Maczuski. O przyjaźniach i przyjaciółach pismo wydane w Dobromilu według wszelkiego do prawdy podobieństwa między rokiem 1530 a 1540, na iaw ogłasza z dodatkiem textów oryginalnych Szymon Felix Żukowski. Wilno, 1817.
- Marcholt (1521). Przedruk homograficzny z egzemplarza prof. J. Przyborskiego, objaśnił Dr. Zygmunt Celichowski. Poznań nakładem biblioteki Kórnickiej, 1876.
- Zywoť pana Jesu Krista stwórcy i zbawcy rodzaju ludzkiego 1522; новое издание 1882 г. въ Краковѣ.
- Perska księga na polski język od S. Otwinowskiego przełożona (1611—1625), nazwana Gulistan, z dawnego rękopisu wydał dr. J. Janicki. Warszawa, 1879 (Biblijoteka Ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konst. Świdzińskiego, t. IV).
- Pieśń a prośba człowieka krześcijańskiego, aby go Pan Bog w krzyżu wedle powołania jego żywiącego obiecany Dobry czesnymi y wiecznymi, cieszyć raczył. W Krakowie, 1546. Новое издание 1880 г. въ Варшавѣ (Uzsuła Przyborska).
- Pieśń nabożna s pisma świętego z Starego y Nowego Zakonu. Druk. w Krakowie, przez Mat. Siebeneychera (XVI w.); новое издание (St. Przyborskiego) въ Варшавѣ 1883.
- Pyśń Nowa, która w sobie zámyka modlitwę ku Panu Bogu.... W Krakowie, Łazarz Andrysowic wybiał. Точное воспроизведение первоначального издания въ Варшавѣ 1880 (St. Przyborski).
- Pieśń nowa o Vkorzeniu krześcijańskim i т. д. Druk. w Krakowie przez Mat. Siebeneychera (XVI w.). Новое издание въ Варшавѣ 1882.
- Pieśń o národzeniu Páńskim. W Krakowie. Druk. przez Mat. Siebeneychera 1558. Новое издание въ Варшавѣ 1881 г. (Ursuła Przyborska).
- St. Skrodzki. Porządek prawa bartnego dla starostwa Łomżyńskiego z r. 1616 opracował Ad. Ant. Kryński. Kraków, 1885 (Archiwum Komisji histor. Akad. umiej, t. IV).
- M. Strobicz. Xygy o rickerskich rzeczach a sprawach wojennych z pilnoscą zebrane u porządkyem dobrem spijsana (Alberti marchionis Brandeburgensis ducis Prussiae Libri de arte militari.... Lutetiae Parisiorum, 1858).
- Tobias Pátriarchá. Stárego zakonu z łaczińskiego ięzyká ná polski nowo á pilnie przełożony. Látá narodenia Bożego 1539. Точное воспроизведение старого издания въ Краковѣ 1882 (Bartynowski).
- Ostaphy Trepka. Mlieko duchowne. W Krolewcu Pruskym 1556. Новое издание, воспроизводящее старопечатный текстъ въ Pracach fil., 1885, I, z. 2 (J. Karłowicz).

- Ustáwy práwa polskiego napotrzebnieysze krotko z łacińskich wybráne, na pólski język dla wszelkiego człowieka prostego, a práwo wiedzieć potrzebującego przełożone J. P. Roku Pańskiego 1563. Точная перепечатка старого издания — Pilińskiego, nakładem biblioteki Kórnickiej.
- Zbiór praw litewskich od roku 1389 do r. 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do r. 1563. Poznań, 1841.
- Wyeiczna pámiątka á prawie osobliwy dar Boży. W Krakowie, przez Mat. Siebeneychera 1561. Новое точное издание въ Варшавѣ 1880 (Urszula Przyborowska).
- A n. Z b y l i t o w s k i. Żywot szlachcica we wsi. W Krakowie, R. P. 1597. Точная перепечатка старого издания въ Poznани, 1853.
- J a k. Ż e b r o w s k i. Publiusza Owidiusza Nasona Metamorphoseon, to iest: Przeobrażenia ksiąg piętnaście przekładania J. Ż. Wydanie drugie, dokonane z pierwszej edycyi in 4°, ogłoszoney drukiem w Krakowie u Franciszka Cezarego roku p. 1636. Wilno, 1821.
- B a s s e u s W o j c i e c h S c e b r. Nowe Latho albo Prośba do Páná Bogá, o rzeczy potrzebne na każdy nowy Rok. W Krakowie przez Mát. Siebeneychera 1566. Новое издание въ Варшавѣ 1882 (St. Przyborowski).
- L a m e n t J e r o n i m a S z á f r a n c a. Stárosty Chęcińskiego o śmierci Syná jego. Druk. w Krakowie u Mát. Siebeneychera. Новое издание въ Варшавѣ (Adam Przyborowski).
- D e c a l o g u s. To jest Dziesięćoro przykazanie Boże, ku spyewánu dla dzyatek krotce uczynione. W Krákwye, Mat. Siebeneycher, 1858. Новое издание въ Варшавѣ 1882 (Kazimira Przyborowska).
- Zbiór pisarzów polskich. W Warszawie, w drukarni A. Gałęzowskiego i Kom. 1828 — 1830 i 1832 — 1833 (Сочинения Л. Гурницкаго, М. Рел, Янычара Паака, Ст. Хвальчевскаго, М. Бѣльскаго).
- Biblioteka pisarzów polskich. Wydawnictwa Akademiji umiejętności w Krakowie, t. I, 1—30. 1) Fortuny i cnoty różność, 1524, wydał *St. Ptaszycki*; 2) Wita Korczewskiego, Rozmowy polskie łacińskim językiem przepłatane, 1553, wydał *J. Karłowicz*; 3) Marcina Kwiatkowskiego, Książeczki rozkoszne o poczciwym wychowaniu dzyatek 1564 i Wszystkiej Liflanckiej ziemie opisanie 1567, wydał *Zyg. Celichowski*; 4) Marcina Bielskiego, Satyry 1586—1587; 5) Sz. Szymonowicza, Castus Joseph przekładania St. Gosławskiego 1597. wyd. *Rom. Zawilński*; 6) Tomasza Kłosa, Algoritmus, to jest nauka liczby 1538, wydał *M. A. Baraniecki*. Kraków, 1889; 7) Żywot Józefa 1545; 8) Proteus abó odmieniec, satyra z roku 1564; 9) J a n a S e k l u c i a n a, oeconomia albo Gospodarstwo 1546; 10) Krzysztofa Pus-

smana historia barzo cudna o stworzeniu nieba i ziemi, 1551; 11) Rozmowa Polaka z Litwinem, 1564; 12) Jana Mrowińskiego, Płoczywłosa stadło małżeńskie 1561; 13) Historia prawdziwa która się stała w Landzie miescie niemieckiem, 1568; 14) Henryka Korneliusza Agryppy o ślachtetności a zacności płci niewieściej przekład Mac. Wirzbięty, 1575; 15) Teodora Zawackiego, memoriale oeconomicum, 1616; 16) St. Słupskiego, zabawy orackie, 1618; Wł. St. Jeżowskiego, oekonomia, 1638; 17) Hermana Schottena, o snocie abo żywocie człowiekowi przystojnym . . . ; 18) Potrójny z Plała Piotra Cieklińskiego, 1597; 19) Orechowiana, Opera inedita et epistulae Stanislai Orzechowski, 1543 — 1566. Volumen I. Edidit Dr. Joseph Korzeniowski. Cracovia, 1891; 20) Historia prawdziwa o przygodzie żalosej księżecia Finlandzkiego Jana i królowny Katarzyny 1570; 21) Jakóba Górskiego, Rada pańska, 1597; 22) Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu, 1570, wydał *A. Benis*; 23) Mikołaja Reja z Nagłowic krótka rozprawa między trzemi osobami, panem wójtem a plebanem, 1543, wydał *R. Zawiliński*; 24) Trzy broszury prawne z r. 1607 i 1612, wydał *B. Ulanowski*; 25) Mikołaja z Wiłkowiecka, historia o chwalebny m martwych wstaniu pańskim s. (ok. 1580), wydał Dr. *St. Windakiewicz*; 26) Sebastjana Grabowskiego rymy duchowne, 1590, wydał Dr. *I. Korzeniowski*; 27) Andrzeja Zbilitowskiego, epitalamium na wesele Zygmunta III, 1592, wydał *J. Łoś*; 28) Andrzeja z Kobyлина gadki o składności członków człowieczych z Aristotelesu i też inszych mędrców wybrane, 1535, wydał *I. Rostański*; 29) Historye rzymskie (по изд. XVII в.) (Gesta Romanorum), wydał Dr. *Jan Bystron*; 30) Mikołaja Reja z Nagłowic. Zwierzyniec, 1562, wydał Dr. *W. Bruchnański*; 31) Historia Trojańska, 1563, wydał *Sam. Adalberg* (1896).

г) Словари и словарныя работы.

G r. K n a p s k i. Thesaurus polonolatinograecus sen promptuarium linguae latinae et graecae in tres tomos diuisum Opera Gregorii Снопии Cracowiae Editio Secunda, 1643. Первое издание 1621.

K o n s t a n t y S z y r w i d. Dictionarium trium linguarum in usum studiosae iuventutis (Польско - латино - литовский словарь). Вильно, 1677 (пять изданій).

A b r. M i c h. T r o c. Słownik polsko-francuzko-niemiecki, 1740.

I g n. W ł o d e k. Słownik polski dawny czyli zebranie słów dawnych zaniedbanych polskich z ich tłumaczeniem (O naukach wyzwolonych w powszechności i szczególności księgi dwie) w Rzymie, 1780.

- S a m. B o g. L i n d e.** Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone staraniem i nakładem Zakładu narodowego imienia Ossolinskich. Lwów, 1854—60, tomów 6. Первое издание вышло въ Варшавѣ, 1807—1814, тоже въ 6 томахъ.
- S ł o w n i k j ę z y k a p o l s k i e g o o b e j m u j ą c y:** oprócz zbióru właściwie polskich, znaczną liczbę wyrazów, z obcych języków polskiemu przyswojonych; nomenklatury tak dawne, jak téż nowo w użycie wprowadzone różnych nauk, i t. d. do podręcznego użytku wypracowany przez Aleksandra Zdanowicza, Michała Bohusza Szyszkę, Januarego Filipowicza, Walerjana Tomaszewicza, Florjana Czepelińskiego i Wincentego Korotyńskiego z udziałem Bronisława Trentowskiego. Wydany staraniem i kosztem. Maurycego Orgelbranda. Wilno, 1861, 2 tomy.
- E. R y k a c z e w s k i.** 1) Słownik języka polskiego podług Lindego i innych nowszych źródeł wypracowany przez E. R. Berlin, 1866. Drugie, tanie wydanie, 2 tomy. Berlin, 1873; 2) Dokładny słownik włosko-polski i polsko-włoski. Paryż, 1856—57, 2 części; 3) Słownik dokładny polsko-angielski i angielsko-polski. Berlin, 1849—1851, 2 tomy.
- K r z y s z t o f C e l e s t y n M r o n g o w i u s z.** Słownik dokładny niemiecko-polski i polsko-niemiecki, krytycznie wypracowany. Wyd. 1—3. Królewiec i Gdańsk, 1837—1853.
- S t. M ü l l e r.** 1) Słownik francuzko-polski. Wilno, 1826—29, 2 tomy; 2) Словарь польско-россійскій. Вильна, 1830, 3 тома; 2-изд. 1841.
- S t. R o p e l e w s k i.** Dictionnaire complet français - polonais et polonais - français. Luitpold, 1865 (последнее издание; первое и нѣсколько слѣдующихъ изданий вышли въ Лейпцигѣ, Берлигѣ и Львовѣ).
- K. H o f f m a n.** Słownik polsko-francuzki (3 tomy) i francuzko-polski (3 t.). Berlin, 1840—42; 2-e изд. 1857—58.
- P. D a h l m a n n** Słownik podręczny polsko-francuzki i francuzko-polski. Wrocław, 1846, 2-gie wyd. Berlin, 1852, 3-cie wyd. Berlin, 1864. 2 t.
- F. B o o c h - A r k o s s y.** Nowy dokładny słownik polsko-niemiecki i niemiecko-polski. Lipsk, 1866—67, tomów 2.
- J. P. J o r d a n.** Dokładny słowniczek polsko-niemiecki i niemiecko-polski. Lipsk, 1866.
- I g n. P ł a s k o w s k i.** Słownik polsko-włoski i włosko-polski. Warszawa, 1860.
- Д о м. Б а р т о ш е в и ч ъ.** Словарь польско-россійскій, 2 т. Варшава, 1841—1843.
- Ф р. П о т о ц к и ъ.** Словарь польскаго и русскаго языка, составленный по найновѣйшимъ и лучшимъ источникамъ. Лейпцигъ. Часть первая: польско-русская 1873. Часть вторая: русско-польская 1876.

- П. Дубровскій. Полный русско-польскій словарь. Варшава, 1878. Двѣ части.
- J. B. Podstranski. Kapesni słownik polsko-český a česko-polský. Praha, 1851.
- W. Lebiński. Materyjały do słownika łacińsko-polskiego średniowiecnój łaciny i starożytności polskich. Poznań, 1885 (Zprawozdanie z czynności Towarzystwa przyjaciół nauk poznańsk. za rok 1884).
- A d. St. Krasiński. Słownik synonimów polskich. Kraków, 1885. T. I—II. Wydanie Akademii umiejętności.
- W. Kozłowski. Słownik leśny, bartny, bursztyniarski i oryłski. W Warszawie, 1846—47.
- Hier. Labęcki. Słownik górniczy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko i rosyjsko-polski, tudzież glosarz średniowiecznój łaciny górniczej w Polsce. Warszawa, 1868.
- J. Karłowicz. 1) Przyczynki do projektu wielkiego słownika polskiego (Rozprawy i sprawozd. Wydź. filol. Akad. umiejt. w Krakowie, 1876, t. IV); 2) Łacińsko-polski słowniczek roślinny z zabytku Przemyskiego (Prace filol., 1887, II, z. 1); 3) Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1894.
- T. Wierzbowski. Dwa przyczynki do starożytnego słownictwa polskiego (Spraw. Kom. język. 1884, t. III).
- J. Bystron. Wokabularz łacińsko-polski z połowy wieku XVI-go (Prace filol., II, z. 2).
- J. S. Ziemia. Słownik prowincjonalizmów powiatu będzińskiego (Prace filol., 1889--1890, t. III, z. 1, 2).
- St. Ciszewski. Przyczynek do słownictwa polskiego (Prace filolog., 1889, t. III, z. 1).
- R. Lubicz. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1).
- Z. Gloger. Słownik gwary ludowej w Tykocińskim (Prace filolog., 1893, t. IV, z. 3).
- G. Korbut. Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym (Prace filol., 1893, t. IV, z. 2).
- A. A. Kryński. Słownik wyrazów godnych uwagi, użytych w „Porządku prawa bartnego“ dla starostwa łomżyńskiego z r. 1616 (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., t. IV, 1891).
- T. Jungfer. Słowniczek do Kroniki St. Chwalczewskiego (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).
- A. Wrześniowski. Spis wyrazów podhalskich. Kraków, 1885 (Sprawoz. Komis. język. Akad. umiej., t. II).

- Br. Dembowski. 1) Spis wyrazów i wyrażeń używanych na Podhalu (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1894, t. IV); 2) Słownik gwary podhalskiej (тамъ-же, 1894, t. V).
- Kar. Matyas. Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio-południową najbliższą okolicą Nowego Sącza (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1871, t. IV).
- Wl. Siarkowski. Słowniczek gwary ludowej z okolic Pinczowa (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).
- J. Złóża. Zbiór wyrazów używanych w okolicach Chochołowa (Spraw. Kom. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).
- L. Rzezowski. Spis wyrazów ludowych z okolicy Żywca (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).
- Wr. Matłakowski. 1) Zbiór wyrazów ludowych dawnej Ziemi Czerskiej (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV); 2) Słownik wyrazów ludowych zebranych w Czerskiem i na Kujawach.
- J. Biela. Spis wyrazów zebranych we wsi Zarnówce nad Skawą (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).
- Z Wasilewski. Słowniczek wyrazów ludowych we wsi Jaksicach (Prace filol., 1895, t. V, z. 1).
- W. Pracki. Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa (Prace filol., 1895, t. V, z. 1).
- Jerzykowski. Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażeń. Poznań, 1887.
- Er. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierających ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie и т. д. Warszawa, 1893.

е) Работы по диалектологин¹⁾.

- И. Лось. 1) Библиографический указатель изслѣдованій и наблюдений по Польской диалектологин (Живая Старина, 1891, кн. III, 184); 2) Gwara opoczyńska. Studium dyjalektologiczne, 1885 (Rozprawy Wydz. filol. Ak. umiej., t. XI); 3) Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich (тамъ-же).
- К. Аппель. 1) О говорахъ польскаго яз. (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1879, т. II, 47); 2) Рецензіи на работы Крынскаго, Лецѣвскаго, Матусяка, Завилинскаго въ Русск. Филолог. Вѣстн., 1880 (IV), 1884 (XI) и Филолог. Записки, 1882 (4—5).

¹⁾ Ср. также предшествующій отдѣлъ „Словари и словарни работы“.

- Jan Biela. Gwara Zebrzydowska. Studium dyjalektologiczne, 1882 (Rozpr. Wydż. filol. Akad. umiej., t. IX).
- Jan Bystron. 1) O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim, 1885 (Rozpr. Wydż. filol. Ak. umiej., t. XII); 2) K jazykové a národnostní otazce ve Slezsku (Slovanský Sbornik. Praha, III (1884); 3) Wiadomość o śląsko - polskim druku z przeszlego wieku (Prace filol., I, z. 1); 4) O vlivě češtiny na jazyk polský ve knížectví těšínském (Slovanský Sbornik, V (1886); 5) Przyczynek do djalektologii polskiej (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1).
- G. Blatt. Gwara ludowa we wsi Pysznica w powiecie Niskim (Rozprawy Wydż. filol. Akad. umiejęt., t. XX).
- A. Bruckner. Z przeszłości gwar polskich (Wisła, 1892 (t. VI) z. 4).
- R. Fiedler. Bemerkungen über die Mundart der polnischen Niederschlesier. Breslau, 1841.
- O. Kolberg. Rzecz o mowie ludu wielko - polskiego (Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej, w Krakowie, 1877, t. I).
- J. Kopernicki. Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie górali Bieskidowych, z dodatkiem słowniczka wyrazów góralskich (Rozprawy Wydż. filol. Akad. umiej., w Krakowie, 1875, t. III).
- Wład. Kosiński. Porównawcze zestawienie języka ludowego zachodniej Galicyi ze staropolskim językiem piśmiennym. Wadowice, 1877 (Sprawozdanie Dyrekcyi c. k. realnego i wyższego gimnazyjum w Wadowicach za rok szkolni, 1877); 2) Przyczynek do gwary zakopańskiej (Rozpr. Wydż. filol. Akad. umiej., 1884, t. X); 3) Słowniczek prowincjalizmów w okolicach Krakowa, Bochni i Wadowic (Zbiór wiadom. do antropol. krajow., t. I, 1877).
- A. Krasnowolski. Język ludowy polski ziemi Chełmińskiej. Lwów, 1879 (Album uczącej się młodzieży polskiej poświęcone J. I. Kraszewskiemu z powodu jubileuszu jego 50-letniej działalności literackiej, 1879).
- J. Karłowicz. 1) Imiona zbiorowe typu „bracia“ (Prace fil., t. V (1895) z. 1; 2) Słoworód ludowy. Kraków, 1878.
- A. d. An. Kryński. 1) Gwara zakopańska. Studium dyjalektologiczne. W Krakowie, 1883 (Rozprawy Wydż. filol. Ak. umiejęt., t. X); 2) Postaci osobliwe przysłówków staropolskich i dzisiejszych gwarowych (Prace fil., t. II (1888) z. 2).
- Jan Leciejewski. Gwara Miejskiej Górki i okolicy. Studium dyjalektologiczne. W Krakowie, 1885 (Rozprawy Wydż. fil. Ak. umiej., t. XI).
- Er. Majewski. Nazwy ludowe kartofla i ich słoworód (Prace filol., t. IV (1893) z. 2).

- L. Malinowski. 1) Beiträge zur slavischen dialektologie I. Ueber die Opeleische Mundart in Oberschlesien (1 Heft. Laut- und -Formenlehre). Leipzig, 1873; 2) Głoski nosowe we wsi Kasinie oraz niektóre inne właściwości téj gwary (Rozpr. Wydź. filol. Ak. umiejęt. 1880, t. VIII); 3) Studya śląskie. Kraków, 1882 (тамъ-же, t. IX); 4) Grupy spółgłosek trz, strz, drz w niektórych gwarach Galicji Zachodniej (Prace filol. t. IV (1892) z. 1); 5) Drobiazgi językowe (тамъ-же, t. IV (1893) z. 2; t. V (1895) z. 1); 6) O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze (Rozprawy Wydź. fil. Akad. umiejęt., 1893. Ser. II, t. II (t. XVII); 7) Studya nad etymologiją ludową (Prace filol., t. I (1885) z. 1; II (1887—1888) z. 1, 2; III (1891) z. 3); 8) Dyjalektyczne wtórne przedłużenie—on (ą) na an (an̄) w języku polskim (Prace fil. t. II (1888) z. 3).
- Szymon Matusiak. 1) Gwara lasowska w okolicy Tarnobrzega. Studium dyjalektologiczne. W Krakowie, 1880 (Rozprawy Wydź. filolog. Akad. umiejęt., t. VIII); 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner (Arch. f. slav. Phil., V (1880)); 3) Рецензи на работы Л. Малиновскаго въ Русск. Филол. Вѣстн., 1882 (1).
- P. Parylak. Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach zestawione i porównane z językiem ruskim, staropolskim i narzeczem Kaszubskim. Kraków, 1877 (Zbiór wiadom. do antrop. kraj, t. I).
- Nadmorski. Spis wyrazów właściwych gwarze małopolskiej i kociewskiej (Wisła, t. III (1889) z. 4).
- W. Pol. Historyczny obszar polski. Rzecz o dyjalektach mowy polskiej. Kraków, 1869 (ненаучная работа).
- J. Poliwka. Polština, v horní stolicy Oravské (Listy filologicke a paedagogické. R. XII, v Praze, 1885).
- R. Zawiliński. Gwara Brzezińska w starostwie Ropczyckim. Studium dyjalektologiczne. W Krakowie, 1880 (Rozpraw. Wydź. fil. Ak. umiejęt., t. VIII).
- P. B. Wyrazy gwarowe z okolic Tarnowa (Prace filol., t. IV (1892) z. 1).
- St. Ciszewski. 1) Przyczynek do studyjów nad słoworodem ludowym (Prace filol., t. III (1890) z. 2); 2) Kilka prowincjonalizmów płockich (Wisła, III (1889) z. 1).
- L. Czarkowski. Prowincjonalizmy w gwarach ludowych (Wisła, t. VI (1892) z. 4).
- J. Sembrzycki. O gwarze mazurów pruskich (Wisła, III (1889)).
- Werźba. O djalekcie warmińskim (Gazeta Olsztyńska, 1886, № 25—39).
- L. W. Szczerbowicz. Gwara warszawska w społecznym języku literackim (Biblioteka Warszawska, 1890, kn. 8).

ж) Образцы народныхъ говоровъ.

- Oskar Kolberg. 1) Lud jego zwyczaję, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce, 1857 — 1890; Seryja I Piśni ludu polskiego. Warszawa; Ser. II Sandomierskie; Ser. III—IV Kujawy; Ser. V—VIII Krakowskie; Ser. IX—XV W. kś. Poznańskie; Ser. XVI—XVII Lubelskie; Ser. XVIII—XIX Kieleckie; Ser. XX—XXI Radomskie; Ser. XXII Łęczickie; Ser. XXIII Kaliszskie; II) Mazowsze, Obraz etnograficzny, 1 — 5, 1885 — 1890; III) Pokucie, 1—4, 1889; IV) Chelmskie, 1890; V) Właściwości, pieśni i tańce ludu ziemi Dobrzyńskiej (Sbiór wiadom. do antrop. krajow., t. VI, 1882).
- Lipiński. Zwyczaję i pieśni ludu wielko-polskiego (Zbiór. wiadom. do antrop. krajowej, t. VIII, 1884).
- L. Malinowski. Zarysy życia ludowego na Śląsku. Warszawa, 1837.
- A. Cinciała. 1) Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku. Cieszyn, 1855; 2) Pieśni ludu Śląskiego (Zbiór. wiad. do antrop. kraj., t. IX, 1885).
- L. Starostzick. Beiträge zur slavischen Dialektologie. Oberschlesische Volkslieder aus dem kreise Rybnik (Arch. f. slav. Phil., VIII (1885) 463).
- Ciechanowski. Pieśni ludu szląskiego z okolic Cieszyna (Wisła, VIII (1894) 312).
- L. Ć. Pieśni ludu Podhalan (Biblioteka Warszawska, 1845).
- R. Zawiliński. 1) Z powieści Górali beskidowych (Wisła, II (1888); 2) Z etnografji krajowej (Przegląd literacki i artystyczny. Kraków, 1882); 3) Brzeziniacy (Ateneum, 1881).
- J. Kopernicki. 1) Gadki ludowe Górali beskidowych z okolic Rabki (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XV, 1891); 2) Pieśni Górali beskidowych. Kraków, 1888.
- Sz. Matusiak. 1) Historia polska w opowiadaniu ludu w Krakowie, 1881; 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner Arch. f. slav. Phil. V (1881) 631; 3) Z pieśni i opowiadań Lasowia-ków (Przegląd akademicki. Kraków, 1882).
- St Ulanowska. 1) O klechdzie ludowej (Wisła, t. III, 1889); 2) Niektóre materyały etnograficzne we wsi Łukowcu (mazowieckim) zebrane (Zbiór. wiadom. do antrop. krajow., t. XIII, 1884).
- K. Mátyas. Z ust ludu (Przegląd literacki i artystyczny. Kraków, 1885).
- L. Magerowski. Kilka wiadomości o ludzie polskim we wsi Wesolej pow. brzozowskim (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XIII).
- Sew. Udziela. 1) Materyały etnograficzne z miasta Ropczyc i okolicy (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. X, 1886); 2) Lud polski w powiecie rop-

- czyckim (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XIV, 1890; t. XVI, 1892); 3) Opowiadania ludowe ze Starego Sącza (Wisła, 1895—1896).
- M. Albinski i J. Bliziński Abecadłowy spis wyrazów języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniej (Biblioteka Warszawska, 1860, IV).
- St. Ciszewski. 1) Lud rolniczo-górniczny z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim (Zbiór. wiad. do antrop. kr., t. X—XI, 1886—1887; 2) Powieści z tysiąca i jednej nocy (Wisła, t. II, 1888); 3) Krakowiacy, Monografia etnograficzna. T. I. Kraków, 1894.
- Wł. Siarkowski. Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc (Zbiór. wiadom. do antr. kr., t. II, III, IV, IX).
- J. Grajnert. Zapiski etnograficzne z okolic Wielunia i Radomska (Zbiór. wiadom. do antr. kr., t. IV, 1880).
- (An. Waga). Abecadłowy spis wyrazów ludowego języka w okolicach I omży, Wizny i pzyległych (Biblioteka Warszawska, 1860).
- Kornel Kozłowski. Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesady ludu z Mazowsza Czerskiego, wraz z tańcami i mełodyjami. Warszawa, 1869.
- W. Kętrzyński. O Mazurach. Poznań, 1872.
- J. Karłowicz. Dziesięć pieśni mazurskich (Prace filol., t. II (1888) z. 2).
- A. Petrow. Lud ziemi Dobrzyńskiej (Zbiór. wiadom. do antr. kraj. t. II, 1878).
- J. Sembrzycki. Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich (Wisła, III, 1889).
- Kon. Rayski. Śpiewki i zagadki we wsi Bielej Błatnej w pow. Włoszyczowskim (Wisła, IX, 1895, 2, 3).
- Zygm. Wierzchowski. Baśni i powieści z puszczy Sandomierskiej (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XVI, 1892).
- Mich. Witkowski. Lud wsi Stradomia pod Częstochową (Zbiór. wiad. do antr. kraj., t. XVII, 1893).
- S. Adalberg. Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa, 1889—1894.
- Z. Gloger. 1) Pieśni ludu. Kraków, 1892; 2) Starodawne dumy i pieśni. Warszawa, 1877; 3) Krakowiaki 657 śpiewek, ze źródeł etnograficznych i własnych notat zebrał Z. G. Warszawa, 1879.
- J. Świętek. 1) Lud nadraabski od Gdowa aż po Bochnię, obraz etnograficzny. Kraków, 1893.
- B. Erzepki. Próby gwary mazowieckiej z końca XVII i początku XVIII wieku (Roczn. Tow. Przyjac. Nauk Poznańs., t. XXI, 1895).
- Dowojna Sylwestrowicz. Teksty podań szlachty żmudzkiej (Wisła, t. II, 1888).

Biblijoteka Wisły: T. I, II *M. Federowski*, Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy; T. III, VI *St. Chełchowskiego*, Podania z okolic Przasnysza; T. IV *Z. Wasilewskiego*, Jagodne, wieś w powiecie Łukowskim, gminie Dębnie; T. V *R. Zawiliński*, Podania i pieśni Górali Beskidowych; T. IX *St. Polaczek*, Wieś Rudowa; T. X *Wł. Weryha*, Podania Łotewskie; T. XI *Ad. Pleszczyński*, Bojarzy międzyrzeczy.

Примѣчаніе. Болѣе ранніе сборники народныхъ пѣсенъ, сказокъ и проч. воспроизводятъ образцы народныхъ говоровъ весьма неточно.

з) Периодическія изданія, болѣе или менѣе важныя для изученія польскаго языка.

- 1) Sprawozdania Komisji językowej Akademii umiejętności (съ 1880).
- 2) Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział filologiczny (съ 1874).
- 3) Sbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem Komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie (съ 1877).
- 4) Pamiętnik Akademii umiejętności w Krakowie. Wydziały: filologiczny i historyczno-filozoficzny (съ 1875).
- 5) Prace filologiczne, wydawane przez J. Baudouina de Courtenay, J. Karłowicza, A. Kryńskiego i L. Malinowskiego (съ 1885).
- 6) Pamiętnik fizyjograficzny wydawany staraniem E. Dziewulskiego i Br. Znałowicza. Warszawa, (съ 1881).
- 7) Wisła, miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Warszawa (съ 1887).
- 8) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, pod redakcją Dr. Ant. Kaliny (съ 1895).
- 9) Rocznik Towarzystwa nauk kraków. (съ 1831).
- 10) Rocznik Towarzystwa Przyjaciół nauk Poznań (съ 1840).
- 11) Biblioteka Ossolińskich. Lwów.
- 12) Biblioteka Warszawska (съ 1841).
- 13) Ateneum (Warszawa, съ 1875).
- 14) Przewodnik Biblijograficzny, miesięcznik dla wydawców, księgarzy etc. wydawany przez d-ra Wł. Wisłockiego. Kraków (съ 1878).
- 15) Pamiętnik naukowy. Warszawa.
- 16) Tygodnik naukowy. Lwów.
- 17) Przegląd Polski. Kraków.
- 18) Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów.
- 19) Kwartalnik naukowy. Kraków (съ 1833).
- 20) Przegląd biblijograficzno-archeologiczny. Warszawa.
- 21) Przegląd krytyczny.
- 22) Przegląd akademicki. Krakow.
- 23) Przegląd literacko-artystyczny. Kraków.

Примѣчаніе. Критико-библиографическія свѣдѣнія о многихъ изъ указанныхъ выше работъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 1885 г. смъ въ трудѣ К. Апеля и А. Крнйскаго *Przegląd biblijograficzny prac naukowych o języku polskim* (Prace filologiczne, 1886. Т. I, z 2—3).

2. Площадь польскаго языка.

Польскимъ языкомъ говоритъ славянскій народъ, занимающій въ настоящее время низменную страну въ бассейнѣ р. Вислы и многочисленныхъ ея приточковъ и частью въ бассейнѣ р. Одры. Это области, входящія въ составъ трехъ государствъ; именно: въ Россіи Поляки занимаютъ Царство Польское или Привислинскій край (съ главн. гор. Варшавой, за исключеніемъ сѣверной части Августовской и восточной—Люблинской губ.) и часть Гродненской губерніи; въ Германіи—Познанское герцогство (съ гор. Познанью и Гнѣзномъ), Восточную Пруссію (съ гор. Грудцемъ и Недборгомъ) небольшую часть Помераніи и Силезію до р. Ниссы (съ гор. Опольемъ (Оппельнъ)); въ Австріи—восточную часть Силезіи или такъ-наз. Тѣшинское княжество и западную часть Галиціи (съ гор. Краковомъ).

Точнѣе предѣлы коренной польской земли можно обозначить слѣдующимъ образомъ. Пограничная этнографическая черта, начинаясь съ сѣверо-востока у впаденія Черной Гончи въ Нѣманъ идетъ на С.З. чрезъ Сейны къ Преросну, гдѣ изъ предѣловъ Россійской имперіи вступаетъ въ Пруссію и идетъ далѣе на З. пониже Голдапа къ Норденбургу, откуда спускается на Ю. къ Бискупцамъ (Bischofsburg). Отсюда идетъ на С. къ Себургу и на Ю.З. по р. Дрвенцѣ до устья Велы, откуда чрезъ Бискупцы (Bischofswerder) идетъ на З. почти до Вислы, нѣсколько южнѣ Квидина (Marienwerder). Отсюда сворачиваетъ на Ю. восточнымъ побережьемъ Вислы и идетъ чрезъ Грудзювжъ (Graudenz), Хелмно (Kulm) къ Торуню, гдѣ поворачиваетъ русломъ Вислы къ сѣверу подъ Козій Боръ; переходитъ Вислу и спускается до Плонкова и Липькова, поворачиваетъ снова къ С.З. чрезъ Домбровку и Острово, мимо Быдгоща, Свеци, Гнѣва, вдоль западнаго рукава Вислы до Тщева (Tirschan) и отсюда далѣе на С.З. повыше Гданска (Danzig) достигаетъ моря сѣвернѣ Оливы. Отъ Оливы пограничная черта направляется чрезъ Косцеринъ (Behrendt) и Хойницу (Konitz) къ Тухолѣ на Ю., гранича на сѣверо-западѣ съ кашубскимъ языкомъ. Отъ Тухолы чрезъ Камлинъ черта идетъ на З. нѣ-

сколько сѣвернѣе Флатова и оттуда на Ю. Кудавою до впаденія ея въ Нотець; далѣе Нотцемъ до впаденія Дравы между Дрезнемъ и Вельномъ. Отсюда спускается на Ю. къ Вартѣ и далѣе на Бабимостъ (Bomst), Вшову, Заборова, Бояново, Равичъ, Сыцовъ (Wartenberg), Рейхталь, Бытчинъ (Pitschen) и Горжовъ. Оттуда снова идетъ на З. и переходитъ Одру между Брегомъ и Ополемъ, спускается на Ю. къ Стинавѣ и нѣсколько южнѣе достигаетъ Австріи. Отсюда, обойдя Глубчицкій край (Leobschitz), у Богунина достигаетъ границы чешско-моравскаго языка. Отсюда сѣверо-восточнымъ краемъ Силезіи подходитъ къ Угрии у горы Суловой и идетъ на В. по политической границѣ, отдѣляющей Галицію отъ Угрии, до мѣстечка Пивничны на р. Попрадѣ и далѣе черезъ Грыбовъ, Пагорину, Змыгородъ, Ивлы къ Саноку. Затѣмъ черта поворачиваетъ уже на сѣверъ, черезъ Заршинъ, Дубецко, Радимно, Гродзиско, Лежайскъ, Улановъ до Момоты, гдѣ изъ предѣловъ Австріи переходитъ въ Россію и все далѣе поднимается на С. черезъ Раковъ, Щебрешинъ, Красныставъ, Ленчну, Островъ, Радзинъ, Медзирѣчь, Лосицы, Венгрувъ, Дрогичинъ, Высоколитовскъ, Бѣлостокъ, Гоніондзе, Райгродъ, Августово и на С.В. отъ этого города возвращается къ Черной Гончѣ¹⁾.

Въ означенныхъ предѣлахъ Поляки живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Сверхъ того за указанными границами польская рѣчь отчасти слышится въ русскихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, почти исключительно среди помѣщичьяго и городского населенія, а также въ восточной Галиціи. Это послѣдствія продолжительнаго владычества Поляковъ надъ Литвой, Бѣлоруссией, Малороссіей и Галицкою Русью. Равнымъ образомъ отдѣльныя польскія поселенія разбросаны по западной Пруссіи, Помераніи и западной Силезіи. Послѣднія три области нѣкогда были вполнѣ достояніемъ польскаго языка; но уже съ XIII ст. вслѣдствіе движенія нѣмецкаго племени на востокъ здѣсь стала брать перевѣсъ нѣмецкая рѣчь и такимъ образомъ площадь польскаго языка на сѣверѣ и западѣ значительно сдузилась. Нѣмецкій языкъ въ настоящее время не только сильно тѣснитъ польскую рѣчь въ Познани, Пруссіи и восточной Силезіи, но и раздается во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, разсѣянныхъ

¹⁾ Ср. М. П. Петровскаго. Матеріалы для славянскои діалектологіи. Извѣстія и Ученныя Записки Казанскаго университета, 1867, II, 157.

въ Привислинскомъ краѣ. Съ другой стороны на востокѣ, за предѣлами этнографической Польши старое значеніе польскаго языка какъ органа образованности и общественной жизни ослаблено широкимъ распространеніемъ русскаго языка. Помимо Россіи, Австріи и Германіи наибольшее число Поляковъ живетъ въ Америкѣ, Франціи и Англии.

На всемъ протяженіи своей западной и сѣверной границы польская рѣчь сосѣдитъ съ нѣмецкой; только въ узкой полосѣ Помераніи, близъ Гданска, къ ней примыкаетъ область близко родственнаго кашубскаго языка. На востокѣ и юго-востокѣ съ польскимъ языкомъ сосѣдитъ русскій языкъ (бѣлорусское и малорусское нарѣчія); на юго-западѣ—чешскій и словацкій языки.

Площадь этнографической Польши содержитъ до 2,000 кв. миль.

Общее имя народа *Поляки* (изъ древн. *Поляне*—названіе племени, жившаго по р. Вартѣ) уже вытѣснило или болѣе или менѣе вытѣсняетъ частныя названія отдѣльныхъ вѣтвей народа: *Великополяне*, *Малополяне*, *Куявы*, *Мазуры*, *Слезакки*, *Краковяки*, *Горали*. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ еще держатся.

Общее число Поляковъ немного превышаетъ 12 милліоновъ. Эта цифра приблизительно распредѣляется такимъ образомъ: въ Россіи до 6 милліоновъ, въ Австріи—до 2.700,000, въ Германіи—до 2.500,000, въ Америкѣ—ок. 1.000,000, во Франціи—8,000, въ Англии—5,000.

Хорошей этнографической карты польскаго народа не имѣется. При опредѣленіи границъ польской рѣчи приняты во вниманіе слѣдующія карты: 1) М. Ѳ. Мирковичъ. Этнографическая карта славянскихъ народностей, 2-е изд. 1875 г. Спб.; 2) Н. С. Зорянко. Карта славянскихъ народностей. Приложение къ „Русско-славянскому календарю на 1890 г.“; 3) А. Ф. Риттихъ. а) Этнографическая карта Европейской Россіи; б) Карта западныхъ и южныхъ Славянъ; в) Матеріалы для этнографіи царства Польскаго. Спб., 1864; 4) Le Monnier. Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn. Wien, 1888; 5) Н. Kiepert. Völker und Sprachen-Karte von Oesterreich und den Unter-Donau-ländern (1869). Berlin bei D. Reimer; 6) Н. Kiepert. Völker- und Sprachen-Karte von Deutschland und den Nachbarländern. Zweite Auflage; 7) Н. Kiepert. Uebersichts-Karte der Verbreitung der Deutschen in Europa. Berlin, 1887.

3. Судьбы польскаго языка.

Древнѣйшая исторія польскаго языка остается неразъясненной, главнѣйше за недостаткомъ данныхъ. Памятники польской письменности начинаются только съ XIV ст. Отъ болѣе ранняго времени сохранились лишь отдѣльныя слова, преимущественно мѣстныя и личныя названія, внесенныя въ различные латинскіе тексты; но и эти скудные остатки польской рѣчи восходятъ ко времени не ранѣе X—XI ст. Такимъ образомъ основные вопросы польскихъ древностей, какъ-то о происхожденіи польскаго языка, его отношеніяхъ къ ближайшимъ сородичамъ, о первоначальномъ его типѣ въ эпоху образованія польской народности и о послѣдующихъ видоизмѣненіяхъ этого типа, объ образованіи частныхъ нарѣчій и говоровъ — всѣ эти и многіе другіе вопросы остаются безъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ лишской вѣтви, сложившихся впоследствии въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныхъ языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.). Мѣстныя географическія и историческія условія и между прочимъ, раннее вліяніе сосѣднихъ языковъ, нѣмецкаго и латскаго содѣйствовали дальнѣйшему развитію индивидуализаціи польскаго языка. Въ XI—XII ст. уже ясно обозначились, по крайней мѣрѣ, въ области звуковъ, всѣ тѣ оригинальныя черты, которыми отличается этотъ языкъ отъ другихъ славянскихъ языковъ позже, въ пору развитія польской письменности.

Изъ сѣверо-западныхъ языковъ польскій языкъ наиболѣе близокъ къ кашубскому, который обыкновенно считаютъ одной изъ разновидностей вымершаго полабскаго языка. Кашубскій языкъ многими славянскими филологами и рассматривается какъ нарѣчіе польскаго языка. Другіе считаютъ его за самостоятельный языкъ и такой взглядъ, кажется, надо считать наиболѣе правильнымъ. Особенно роднить оба языка удержаніе тѣмъ и другимъ носовыхъ гласныхъ. Но эта черта свойственна также и старо-славянскому языку.

Польскій языкъ не представляетъ такого разнообразія нарѣчій и говоровъ, какое наблюдается напр. въ сосѣднихъ чешскомъ и словацкомъ языкахъ. Тѣмъ не менѣе и у Поляковъ на ряду съ языкомъ,

*St. also same
Polgoman
Lants*

принятымъ въ литературѣ и въ образованныхъ классахъ населенія, существуютъ простонародные говоры, которые можно соединить въ шесть нарѣчій: малопольское, великопольское, силезское, кузвское, мазурское и горальское. О происхожденіи этихъ нарѣчій трудно сказать что-либо опредѣленное. Слѣды нѣкоторыхъ діалектическихъ различій указываютъ уже въ памятникахъ XV в. Въ основаніи современнаго книжнаго языка лежитъ нарѣчіе не Подлянь, т. е. не той вѣтви, которая впервые выполнила задачу политическаго и этнографическаго объединенія всего народа и дала ему одно общее имя, а нарѣчіе Краковяковъ или малопольское. Объясняется это тѣмъ, что въ ту пору, когда польскій языкъ сталъ постепенно завоевывать себѣ мѣсто въ литературѣ и обществѣ, центръ политической и культурной жизни въ Польшѣ перемѣстился съ сѣвера на югъ, въ Малую Польшу, и Краковъ былъ по преимуществу средоточіемъ книжной дѣятельности Поляковъ. Судьбу литературнаго польскаго языка можно слѣдить по памятникамъ начиная съ XIV в.

X—XIII ст. Памятниковъ польской письменности ранѣе XIV ст. не сохранилось. Вѣроятно ихъ и было немного. Польскій народъ, подобно чешскому, уже съ X в. попалъ въ крайне неблагоприятныя условія политической и культурной жизни, которыя не могли не затруднить развитіе у него письменности на народномъ языкѣ. Утвержденіе въ Польшѣ христіанства по латинскому обряду¹⁾ уже рано предоставило латинскому языку привилегированное положеніе языка церковнаго и государственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ орудія образованности. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій онъ исключительно господствуетъ въ церкви, управленіи, при королевскомъ дворѣ, среди шляхты, въ судѣ, школахъ и письменности. Польскія лѣтописи, грамоты, акты, произведенія церковной и религіозно-поучительной литературы долгое время пишутся только по латыни. Въ XIII ст. съ распространеніемъ въ Польшѣ нѣмецкихъ колоній и усиленіемъ связей съ Германіей на ряду съ латинскимъ получаетъ видное общественное значеніе языкъ нѣмецкій.

¹⁾ Имѣются несомнѣнныя историческія свидѣтельства о томъ, что въ IX ст., по крайней въ нѣкоторыхъ польскихъ земляхъ, распространилось христіанство по славянскому обряду, по книгамъ кирилло-меодіевскимъ, но здѣсь славянская народная церковь не упрочилась, какъ не удержалась она въ Чехіи и Моравіи. Тѣмъ не менѣе кирилловское письмо употреблялось кое-гдѣ въ Польшѣ до XIII ст.: имъ пользовались Венидиктинскіе монахи.

При такихъ обстоятельствахъ народный польскій языкъ оказался въ приниженномъ состояніи: ему не было мѣста ни въ общественной жизни, ни въ письменности; онъ жилъ и развивался если не исключительно, то преимущественно среди сельскаго люда и вообще низшихъ классовъ общества. Впрочемъ допускають, что и въ XIII ст. а, можетъ быть, и раньше могли существовать записи на польскомъ языкѣ, служившія преимущественно удовлетворенію насущныхъ религіозныхъ потребностей народа какъ-то: формулы присяги, символъ вѣры, Молитва Господня, формулы исповѣди, псалмы и т. п.¹⁾ Но во всякомъ случаѣ, эти древніе тексты не дошли до насъ. Самыя раннія польскія рукописи относятся только къ XIV ст.

Единственными свидѣтелями состоянія польскаго языка въ древнѣйшую пору до XIV ст. служатъ отдѣльныя слова, преимущественно мѣстныя и личныя названія (рѣже техническіе термины), встрѣчающіяся въ памятникахъ на латинскомъ языкѣ, какъ-то въ грамотахъ, лѣтописяхъ, хроникахъ, надписяхъ на гробницахъ и монетахъ. До X—XII ст. такихъ памятниковъ немного, при томъ большая часть ихъ дошла не въ подлинникахъ, а позднѣйшихъ спискахъ²⁾. Но съ XIII ст. число ихъ значительно умножается. Собиранію и изученію польскаго лингвистическаго матеріала, разсѣяннаго въ латинскихъ текстахъ посвящена цѣнная и въ настоящее время работа И. А. Бо-

¹⁾ Синодъ въ Лвчицѣ, подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго архіепископа, Якова Свинки, 6 января 1285 г. постановилъ: 1) чтобы всѣ священники по воскреснымъ днямъ, вмѣсто проповѣди, объясняли народу по польски символъ вѣры, Молитву Господню и Богородицѣ, и, кто настолько знакомъ съ польскимъ языкомъ, также Евангеліе; 2) чтобы послѣ поминовенія усопшихъ основателей церкви народъ провозносилъ общую исповѣдь въ такихъ выраженіяхъ: *Kajesse Bogu* и пр.; 3) чтобы во всѣхъ церквахъ имѣлось рукописное житіе св. Войтеха для *всеобщаго* чтенія и пѣнія; 4) чтобы учителями школъ назначались только такія лица, которыя могутъ объяснять ученикамъ по польски авторовъ и 5) чтобы церковныя бенефіціи раздавались только природнымъ жителямъ и при томъ знающимъ польскій языкъ. Эти постановленія были изданы съ цѣлью ограничить распространеніе нѣмецкаго языка. Ср. В. В. Макушева, Чтенія о старопольской письменности. Русск. Филол. Вѣстн., 1879 г., № 1, 44.

²⁾ Такъ древнѣйшая подлинная польско-латинская грамота относится къ 1101 г., въ позднѣйшемъ спискѣ — грамота 985—996 г. Раннія польско-латинскія лѣтописи относятся къ XII ст. (Мартинъ Галль) и къ XIII ст. (Богухваль и Викентій Кадлубекъ), но и онѣ дошли только въ позднѣйшихъ спискахъ. Болѣе древніе тексты иноземныхъ памятниковъ: *Vita S. Adalberti episcopi* (1000 г.), *Annales Corbeienses* (XI ст.), *Hildesheimenses*, *Quedlinburgenses*, *Weissemburgenses* (X—XII ст.), Хроники Титмара (1015 г.) и Видуккинда (970 г. списки XI—XII в.) и др.

дуэна де-Куртенэ. О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія (Лейпцигъ, 1870). На основаніи этого матеріала почтенному изслѣдователю удалось представить довольно-обстоятельную характеристику древне-польскаго языка со стороны звуковъ; для морфологіи же латинскіе источники почти ничего не даютъ. На основаніи указанныхъ скудныхъ данныхъ можно отмѣтить слѣдующія наиболѣе характерныя особенности польскаго языка для древнѣйшей поры.

1) Носовые гласные представляли еще въ значительной степени то разнообразіе звуковъ, какое въ настоящее время отчасти удержалось лишь въ нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ (въ Силезіи). Кромѣ двухъ свойственныхъ современному языку носовыхъ гласныхъ *a* (= *ōn* и *e* (= *ēn*)) несомнѣнно существовало носовое *a*, которое можно обозначать черезъ *ā*; оно соответствовало старо-сл. то *ǫ*, то *ǫ̃*: *Bambica*, *Sanchoга*, *Camricza*, *Prandocin*, *Dambrovcam*, *Sandivoy*, *Swantos*, *Svantoslai*. Сверхъ того можно допустить существованіе носовыхъ *i*, *u*, т. е. *ĩ*, *ũ*: *pĩtนา-cesse*, *Jãstrimbe*, *Lynda*, *Sundomirie*, *pridruncici*. (Ср. ниже, въ отдѣлѣ фонетики, параграфъ о носовыхъ гласныхъ).

2) Пра-славянскіе глухіе *ъ*, *ь* еще удерживались въ отдѣльныхъ случаяхъ: *Mistiwoj* (1247), *Mistignecco* (1234), *Benyn* (1245), *Binin* (1248), *Lizstek* (1177), *Mocidilnice*, *Grimizlaus* (1228) и др. Но это лишь скудные остатки старины. Вообще же уже въ древнѣйшую пору рѣзко выступаетъ черта, свойственная современному польскому языку, т. е. исчезновеніе пра-слав. *ъ*, *ь* (въ неударяемыхъ слогахъ) или переходъ ихъ въ звонкіе гласные; напр.: *Mstiv* (1231), *Mstiuug* (1243).

3) Пра-слав. *гь* (старо-слав. *гъ*) между согласными (особенно передъ мягкими) = *ig* (*yr*): *Piruosis* (*Pirvoš*), *Wirbno* (1228), *Wyrbeta*, *Dirislao* (1254), *Dirzlaus* (1270, *Diržislav*), *Virchozlaus* (*Virchoslav*, 1251) и др. Позже вм. *ig*—*er*: *Vierzbiczani* (1461).

4) Согласные *t*, *d*, *g* въ древнѣйшую пору еще не подвергались переходному смягченію въ *ć*, *dź*, *ř* (*rz*) а могли измѣняться только въ непереходно-мягкіе *t̃*, *d̃*, *f̃*. Примѣры: *Wrotis* (1209), *Stinaw* (1215), *Wlodizlao* (1206), *Sandivoy* (1209), *Brodizlawo* (1153), *Premislavo* (1.90), *Vinarie* (1207), *Serisewa* (1155), *Pribuvoio* (Титмаръ. 1015). Переходъ *t̃*, *d̃*, *f̃* въ *ć*, *dź*, *ř* (*rz*) начался въ концѣ XII ст. и закончился къ полов. XIII ст (Бодуэнъ де-Куртенэ, 53): *Maceiowi* (1223), *Missignewus* (1230), *Woicech* (1231), *Buziuog* (1228), *Wlodzilausa* (1250), *Crzivin* (1274), *Dobrzejowicac* (1252), *Przemislus* (1277), *prsewod* (1278) и др.

5) Вм. ѣ слышалось то е, то а, при чемъ иногда е чередуется съ а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ настоящее время возможно исключительно а, т. е. передъ твердыми согласными d, t, l, n, r, z, s: Bella (1167), Bela (1185), Belsco (1286), Paski (1280), Peski (1285), Kwetkowi (1252), Lesota Bałowan (1136), Kwatek (1209), Lassota (1242). Любопытно начертаніе ea вм. др. ѣ: Beala (1193), Bealtarsk (1249), Loreankam (1243). Впрочемъ, уже въ XII—XIII в. а вм. ѣ передъ твердыми согласными преобладаетъ. Ср. ниже о соответствіи старославянскому ѣ.

6) Характерный польскій переходъ e (je)—въ o передъ твердыми согласными также наблюдается въ XII—XIII ст.: Sevor (1125), Sedlon (1136), Nonosodl (1206), ciosa (1250), Studzona (1258), zona (1270); но иногда удерживается и e: wumed (1253); vimeth (1286), но и vimot (1289), Jezercio (1296), Dlugosedlo (1250).

7) Пра-слав. ar, al (старо-слав. ѡ, ѡ, рус. оро, оло) уже=ro, lo: Wrocizlaus (1250), glowa (1235), crows (1287), Drogota (1125), Drogomysl (1136), Drogomilus (1255), Grodec (1193), Grodiscze (1256).

Приведенныя данныя и нѣкоторыя другія, болѣе частныя, даютъ основаніе заключать, что въ XIII ст. въ польскомъ языкѣ болѣе или менѣе полно обозначились всѣ важнѣйшія звуковыя особенности, которыми онъ по преимуществу характеризуется и позже, въ древнихъ памятникахъ письменности, а также и въ настоящее время.

XIV—XV ст. Первые памятники польской письменности появляются только въ XIV ст. Впрочемъ отъ этого столѣтія ихъ сохранилось очень немного; притомъ помѣченные годами относятся лишь къ концу столѣтія. Памятники эти слѣдующіе: 1) Свидзинскій Листокъ, содержащій 50-й псаломъ; 2) Молитвы въ рук. 1375 г. (Ja grzeszny czlowiek, Ojciec nasz, Zdrowaś Marya, Wierzę w Boga, рукопись принадлежитъ Ягеллонскому универс.); 3) Флоріанская псалтырь (полов. XIV ст.); 4) „Роты“ или судебныя присяги (съ 1386 г.); 5) Kazania świętokrzyskie. Въ XV ст. число польскихъ рукописей значительно умножается и по содержанию онѣ становятся разнообразнѣе. Кромѣ текстовъ псалтыри, отдѣльныхъ молитвъ и молитвенниковъ до насъ дошли: полная біблія, проповѣди, религіозно-поучительныя книги, легенды, въ прозѣ и стихахъ, церковныя и вообще духовныя пѣсни, переводы текстовъ и книгъ юридическаго содержанія. Важнѣйшіе изъ памятниковъ XV в. слѣдующіе: 1) Библія королевы Софіи (такъ-наз.

Шарошпатацкій кодексъ); 2) Гнѣзненскій кодексъ проповѣдей 1419 г.; 3) Молитвенникъ Навойки (Ядвиги) нач. XV в.; 4) *Modlitwy Wacława*; 5) Пулавская псалтырь; 6) *Żywot św. Błażeja*; 7) *Legenda o św. Aleksym 1454 г.*; 8) Пѣснь Богородицѣ; 9) *Epistola ś. Bernarda „O rzandzeniu czeliadnym“*; 10) *Kazanie na dzień wszech świętych*; 11) *Confessio generalis XV w.*; 12) Переводы Вислицкаго и Мазовецкаго статутовъ; 13) *Księga ziemi Czerskiej 1404 — 1425* (польскія вставки въ латинскомъ текстѣ); 14) *Kazania Jana z Szamotuł* (к. XV — нач. XVI в.) и др.¹⁾ Въ общемъ рукописная производительность Поляковъ на народномъ языкѣ и въ XV ст. отличалась весьма скромными размѣрами. Ее нельзя и сравнивать напр. съ современною ей книжною и литературною производительностью Чеховъ. Общее число памятниковъ чешской письменности, дошедшихъ отъ одного XIV ст. неизмѣримо превышаетъ число польскихъ текстовъ, сохранившихся отъ двухъ столѣтій XIV и XV. Польскій языкъ и въ этомъ періодѣ все еще находился въ пренебреженіи и имѣлъ очень слабое общественное значеніе. Въ Польшѣ національное самосознаніе пробуждалось гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Чехіи. Чуждый народу латинскій языкъ продолжалъ занимать привилегированное положеніе какъ въ письменности, такъ въ жизни общественной и государственной. Мало того, съ открытіемъ въ Краковѣ (въ 1400) академіи въ Польшѣ быстро развивается научная латинская литература, а распространеніе гуманистическаго движенія въ XV в. еще болѣе содѣйствуетъ возвышенію въ польскихъ образованныхъ классахъ значенія латинскаго языка. Къ послѣднему обращаются всѣ выдающіеся представители польской образованности XV ст.: гуманисты Григорій изъ Санова и Филиппъ Каллимахъ Буонакорси, математикъ и астрономъ Войтѣхъ Брудзевскій, славный историкъ Янъ Длугошъ, знаменитый политикъ и публицистъ Янъ Острогъ, извѣстные ораторы и общественные дѣятели Янъ Тэнчинскій и Збигнѣвъ Олесницкій. Тѣмъ не менѣе и въ XV ст. не смотря на господство чужихъ культурныхъ началъ, въ польскомъ народѣ живо сказывалась потребность болѣе широкаго употребленія родного языка въ письменности. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ переименованные выше польскіе памятники такъ и многочисленныя латинскія рукописи

¹⁾ Изданія древнихъ памятниковъ польской письменности указаны выше стр. 368—373. Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ можно найти въ прекрасной книгѣ проф. Нѣ р и г а, *Altpolnische Sprachdenkmäler*. Berlin, 1887.

XV в., испещренныя польскими глоссами и вставками. На возбужденіе вниманія къ отечественному языку и на развитіе польской письменности въ XIV—XV в. несомнѣнно оказали важное вліяніе культурныя связи и сношенія Поляковъ съ Чехами. Чешскія рукописи стали проникать въ Польшу въ XIV ст.; въ XV ст. Гуситы-бѣглецы приносили съ собою въ польскія земли свои книги и чешскій переводъ священнаго писанія. Распространеніе Гуситства въ Польшѣ было остановлено репрессивными мѣрами со стороны высшихъ представителей католической церкви. Тѣмъ не менѣе знакомство Поляковъ съ чешскою письменностью не могло пройти безслѣдно для ихъ національнаго самосознанія и польскій языкъ сталъ постепенно проникать въ книгу. Фактъ вліянія чешской письменности на польскую подтверждается присутствіемъ чехизмовъ во многихъ древнихъ польскихъ текстахъ, напр. въ Флоріанской Псалтыри, Библии королевы Софіи, Пулавской Псалтыри и др. (ср. изслѣдованія Нѣринга). Уже въ Флоріанской Псалтыри, памятникѣ XIV в., такъ много чешскихъ формъ, словъ и оборотовъ, что необходимо допустить пользованіе со стороны польскаго переводчика чешскимъ текстомъ псалтыри. Въ XV в. вліяніе чешскаго яз. на польскій все болѣе крѣпнеть, слѣды его тянутся и позже въ XVI в., напр. въ сочиненіяхъ Рея и Я. Кохановскаго.

Нѣкоторымъ препятствіемъ успѣшному развитію польской письменности служила усвоенная ею крайне неудовлетворительная графика. Латинская абѣцеда, издавна употребляемая Поляками оказывалась, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, весьма недостаточной для выраженія многихъ своеобразныхъ звуковъ польскаго языка. Поэтому польскіе писцы или вынуждены были употреблять одну и ту же букву для обозначенія двухъ и болѣе звуковъ (напр. z въ значеніи z, ź, ż) или прибѣгали къ соединенію нѣсколькихъ знаковъ для передачи одного звука (напр. слав. с передавалось черезъ s, z, ss, sz), при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ каждый поступалъ по своему усмотрѣнію. Отсюда въ правописаніи польскихъ рукописей XIV и XV ст. наблюдается страшная путаница, въ которой трудно разобратъся. Первая попытка внести нѣкоторую систему въ польскую графику принадлежитъ ученому XV ст. канонику Я. К. Паркосу (ср. 345, 360 стр.). Въ своемъ сочиненіи „объ орфографіи“ онъ настаивалъ на обозначеніи носовыхъ гласныхъ исключительно знакомъ *φ*, и долгихъ гласныхъ—соединеніемъ двухъ одинакихъ буквъ aa, ee и т. д.; а твердые

и мягкіе согласные предлагалъ выражать различными знаками. Система Паркюша не получила широкаго распространенія, но несомнѣнно оказала вліяніе на разработку вопроса о правописаніи въ XVI в.

Неурядица въ правописаніи создаетъ значительныя трудности при изученіи древняго польскаго языка. Отъ изслѣдователя требуется большая осторожность въ выводахъ при опредѣленіи природы звуковъ, скрывающихся подъ самыми разнообразными и неточными обозначеніями. Тѣмъ не менѣе новѣйшія точныя наблюденія надъ многими наиболѣе важными памятниками даютъ возможность составить достаточно отчетливое представленіе о состояніи польскаго языка въ XIV—XV ст. Оказывается, что при всемъ близкомъ сходствѣ съ современнымъ языкомъ онъ представлялъ не мало характерныхъ чертъ, которыя въ старину болѣе роднили его съ нѣкоторыми другими славянскими языками и въ настоящее время уже совершенно исчезли. Отмѣчаемъ нѣкоторыя изъ этихъ особенностей.

1) Количество гласныхъ еще различалось: рядомъ съ краткими гласными существовали долгіе. Это доказывается встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ памятникахъ употребленіемъ двойныхъ начертаній гласныхъ aa, ee, oo, ff, aa, pp; напр.: lesnaa, pokolenyaa, naas (Флор. пс.), шаа, пуемаа, daal, rozwaan, naasz (Вислиц. ст.), daacz, braacz (Мазов. ст.), paaszek (Познан. роты); wydzenyee, rogorszenyee (Флор. пс.), ушуenyee, zidzeech (Вислиц. ст.), bozee (глосса 1447 г.), sneeg, mee (=мои), czistee (Свидзин. лист. XIV в.); doostoyno (Флор. пс.), synooow (Вислиц. ст.); bŃdŃff, wnidŃff (Флор. пс., Свидзин. лист.); wszaa, maasz (Вислиц. ст.); gozuim (Вислиц. ст.). Съ подобнымъ написаніемъ встрѣчается одно слово и въ грамотахъ XIII в.: Naagoch (1232, 1260). О существованіи въ польскомъ языкѣ долгихъ гласныхъ свидѣтельствуетъ и Паркюш¹⁾ (XV в.). Нѣкоторые ученые не придаютъ значенія приведеннымъ даннымъ. Такъ г. Семеновичъ (Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen. Leipzig, 1872) утверждалъ, что долгота гласныхъ исчезла въ польскомъ еще въ до-историческую пору. Напротивъ Я. Лосъ (Prace filologiczne, t. II (1887) z. 1, 119—142), снова пересмотрѣвъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что ос-

¹⁾ Omnes etiam vocales apud polonos modo longantur, modo breviuntur. Ex quarum longatione vel breviatione diversus consurdit sensus dictionum (Antiquissimus de orthographia polonica libellus. Poznań, 1830).

татки долгихъ гласныхъ держались еще въ XV ст. и только въ теченіе этого столѣтія окончательно исчезли. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что долгіе гласные и до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ народныхъ польскихъ говорахъ, напр. силезскихъ ¹⁾).

2) Исчезновеніе долготъ въ польскомъ языкѣ сопровождалось возникновеніемъ особаго характернаго явленія, которому усвоено названіе *наклоненія* (*rochylenie*) или *сжатія* (*ściśnienie*) гласныхъ: долгое а стало звучать близко къ о, долгое е начало сближаться съ і, долгое о — съ и. Въ XVI ст., когда этотъ звуковой процессъ получилъ широкое развитіе такіе наклоненные (*rochyłone*) гласные обозначались черезъ á, é, ó. Написаніе нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ старыхъ латинскихъ грамотахъ позволяетъ заключать, что наклоненіе гласныхъ существовало уже въ XIII, а можетъ быть въ концѣ XII ст. Nosidlsk (1232), rogas (1256), Primuzlao (1273), przypust (1274), Buguslaus (1270), Muglin (1142) Въ памятникѣхъ XIV—XV ст., не смотря на запутанную ихъ орфографію, это звуковое явленіе выступаетъ весьма отчетливо. Наклоненные гласные передаются или посредствомъ видоизмѣненныхъ буквъ а, е, о (напр. а, е, о, ó и т. п.) или же чаще посредствомъ буквъ обозначающихъ звуки, къ которымъ приближаются наклоненные гласные т. е. á—черезъ о, é—черезъ і, у, ó—черезъ и. Примѣры ²⁾: dzuwno (имен. и. жен. р.), iocob, prowoty, zokon (Флор. пс.), koszdemu (Висл. ст., Пулав. пс.), obliczim, weselim, badanim, myloserdzy (=ije), twogy (род. п. ед. ч. жен. р.), gys (=jeś), gnywacz, krzyscyanska (Флор. пс.), wylkych, wy (=wie 3 л. ед. ч.), przykazanym, dzelyenym, sprawidliwe, pynydze (Prawa Kazim. W.), przestrzygl (Шулав. пс.), iacubow, smyluwa, bloguslowcze (Флор. пс.), sunrad (Prawa Kazim. W.), biskupem (Мазов ст.) и др. Наклоненіе гласныхъ болѣею частью происходило въ закрытыхъ слогахъ, притомъ передъ слѣдующими согласными: b, g, d, z, ź, w (такъ-наз. звучными) l, ł, r и j. Съ теченіемъ времени (въ XVIII ст.) въ языкѣ литературномъ и об-

¹⁾ Къ сказанному слѣдуетъ замѣтить, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Лось и др.) долгіе гласные въ памятникахъ XIV—XV ст. обозначались не только двойными начертаніями гласныхъ, но и другими способами, напр.: ā=не только aa но и ea. au, ē=oe, eu, ō=oo, oe, ou.

²⁾ Приводимъ примѣры только второй категоріи, какъ болѣе убѣдительно и болѣе удобны въ типографскомъ отношеніи.

разованныхъ классовъ способность гласныхъ къ наклоненію совсѣмъ исчезаетъ: *á* становится обыкновеннымъ *a*, *ó* тоже превращается въ *e* или (иногда) въ *i* (*y*); только *ó* болѣе или менѣе удержалось въ разговорѣ и въ письмѣ, но это *ó* уже не есть звукъ средній между *o* и *u*, а чистое *u*. Въ народныхъ говорахъ до сихъ поръ живутъ наклоненные гласные. Связь наклоненныхъ гласныхъ съ прежними долготами доказывается сопоставленіемъ польскаго языка съ чешскимъ и сербскимъ: въ этихъ языкахъ польскимъ наклоненнымъ гласнымъ соотвѣтствуютъ долгіе; напр.: *bóg*—*boga*, *bóh*—*boha*, *ббг*—*ббга*, *młeko*, *mli-*ко, *млѣко* и т. п. Аналогичное явленіе представляетъ также малорусское нарѣчіе въ которомъ *o*, *e* въ закрытыхъ слогахъ дали *i*: *pіpь*—*попá*, *пiчь*—*пѣчи*.

3) Въ связи съ исчезновеніемъ долготъ и развитіемъ *наклоненія* гласныхъ должно быть постановлено развитіе такъ-наз. смѣшенія носовыхъ гласныхъ—которое составляетъ характерную особенность современнаго польскаго языка по сравненію съ языкомъ старо-славянскимъ. Пра-слав. и старо слав. *ǫ* теперь соотвѣтствуетъ не только *ę* (т. е. *eñ*) но и *ą* (*oñ*), напр.: *pięć*, *piąty*, *jądro*; пра-сл. и старо-сл. *ǫ* соотвѣтствуетъ не только *ą* (т. е. *oñ*), но и *ę* (*eñ*), напр.: *sąd*, *sędzia*, *gąk*, *gęka*, *dąb*, *dębu*. Подробности объ этой звуковой особенности и о высказанныхъ въ ученой литературѣ различныхъ взглядахъ по спорному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ польскихъ носовыхъ гласныхъ излагаются ниже въ отдѣлѣ фонетики. Здѣсь необходимо отмѣтить, что въ памятникахъ XIV—XV ст. уже рѣзко выражено смѣшеніе праславянскихъ носовыхъ гласныхъ. Для обозначенія носовыхъ гласныхъ, какъ узкихъ, такъ широкихъ, даже тамъ, гдѣ въ настоящее время различаются *ą* и *ę*, польскіе писцы пользовались одними и тѣми-же знаками, чаще всего *ó* (или *φ*) и *an*; напр. въ Флоріанск. пс.: *mósz*, *bódze*, *w sódze*, *ssóđ*, *swótemu*, *ymó*, *yózyka*, *zamant*, *na poczantku*; рук. 1375 г.: *kaió se*, *prosió*, *czósto*, *svóte*, *bócz*, *sandzicz*; въ Софійск. библи.: *dzewyócz*, *szemyó*, *usnół*, *bóđó*; иногда, особенно въ памятникахъ 2-й полов. XV в. оба современные носовые передаются посредствомъ *a* или *á* съ перечеркнутымъ кончикомъ (обозначимъ послѣдн. черезъ *ǻ*) *o* и др. гласн.; напр. *bada*, *gacze*, *bǻdze*, *bǻda*, *dusza* (винит. п.), *yaziku*, *badz*, *sǻdi*, *szod* (Молитвы Вацлава) и т. д. Путаница въ обозначеніи носовыхъ гласныхъ затрудняетъ точное выясненіе исторіи этихъ звуковъ. Очень возможно, что для отдѣльныхъ рукописей въкоторыя

черты этой путаницы объясняются отраженіемъ въ памятникахъ диалектологическихъ особенностей. Во всякомъ случаѣ приведенные примѣры устанавливають тотъ фактъ, что въ XIV—XV в. уже выработывалось то взаимоотношеніе между широкими и узкими носовыми гласными, какое наблюдается въ современномъ языкѣ.

4) Остатки древнихъ глухихъ *ъ, ь* еще кое-гдѣ сохранялись, но только въ XIV ст.; такъ въ Флоріан. пс. присутствіе глухихъ можно признать въ слѣдующихъ словахъ: *stdzech*, на *stdzŃ*, *czsnoti*, *czso*, *dszde*, *dzedziczstwo* (соврем. *dziezictwo*, на присутствіе *ь* указываетъ небный *cz*, также *csesarstwo*, *swadeczstwo*—совр. *cesarstwo*, *świadectwo*) *od oczecza*, *męc* (мѣнѣ). Обыкновенно *ъ, ь* или исчезли, или перешли въ *е*: *debrz*, *we dbrzi*, *swiadek*, *cheza* (1 л. ед. ч.), *dżen*, *pues*, *pes*, *dnyu*, *mnyu* (Краков. роты), *seszli sŃ se*, *piasek*, *konecz* (Фл. пс.).

5) Гласные *l, r*, также еще держались въ языкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего различіе въ способахъ обозначенія этихъ звуковъ (или ихъ соотвѣтствій въ старо-слав. яз. *лѣ, лѣ, рѣ, рѣ*), то посредствомъ *l, r*, то черезъ *yl, ir, er, ar*, то черезъ *ly, re*; напр.: *obpliwicze* и *opylwitim*. *oplwita*, *kirwyech*, *krwe*, *czerekwe*, *czirekwi*, *usta lsciwego albo ylsciwego* (Флор. пс.), *złziwich*, *okrczon* (XIV в.), *Chrwathy*, *Drwena*, *krwawil*, *Radlna* (Крак. роты). Предполагаютъ (Лецѣвскій) что *l, r* первоначально различались по количеству, т. е. могли быть краткими и долгими. Но рядомъ съ слогообразующими *l, r* уже очень распространены были сочетанія *l, r* съ гласнымъ, который то предшествуетъ плавнымъ, то слѣдуетъ за ними. Сочетанія эти вполне соотвѣтствуютъ современнымъ польскимъ: *ar, er, ir, eł, il, oł, ul: tarn*, *ogarne*, *martwich*, *twardo*, *barzo*, *starty*, *sercze*, *smerczi*, *czirw*, *pelnosc*, *milczy*, *molwice*, *sluncze*, *dluhe* (Флор. пс.), *czwarthi*, *targowal*, *popelnil*, *dlug*, *slupi* (Крак. роты).

6) Выговоръ *ѣ* то какъ *а*, то какъ *е* еще колеблется въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, какъ и въ XIII ст.; такъ напр. въ Флор. пс.: *masto* и *myesto* (*locus*), *wera* и *waga*, *syeno* и *syano* (Крак. роты), *kwathna* и *kwiethna*, *powiadać* и *powyedacz*, *przy dziale*, *Wietrowicze* и *Wyatrowicze*. Но въ общемъ относительно выговора *ѣ* какъ *е* и *а* дѣйствуетъ тотъ-же законъ, что и въ современномъ языкѣ, т. е. передъ губными и гортанными слышалось *е*, передъ твердыми *t, d, s, z, l, n, r* — *а*; напр.: *Byala*, *Gniadi*, *lata*, *byegaly*, *oryeka* и т. п.

7) Пра-слав. **ж** и **ы** различались, конечно, какъ и въ современномъ языкѣ, но въ извѣстныхъ случаяхъ стало возможнымъ смѣшеніе ихъ; именно послѣ **g, k** первичное **ы** начало звучать какъ **i** (*gęki, ginać*), наоборотъ послѣ шипящихъ и **ц** первичное **i** стало произноситься какъ **ы** (*żywot, czysty*). Отсюда, вѣроятно, во многихъ рукописяхъ путаница въ обозначеніи **ы** и **ж**; для обоихъ звуковъ безразлично употребляется то **y**, то **i**; напр. въ Флор. пс.: *grzesznich, grawich, mislili, i, y (=и), mylost, umeni, mylosirdzye, gospodzyn, ti* (ты) и т. д.

8) Согласные **g, d, t** подвергаются исключительно переходному смягченію въ **rz, dz, c**: *drzewo, grzechow, przydze, ludze, sódz, czebe, milosciwi* (Флор. пс.).

9) Горланное **g**, какъ въ современномъ языкѣ, переходятъ въ **dz**: *w bodze, mnodzi* (Флор. пс.).

10) Двойственное число еще употреблялось какъ въ склоненіи, такъ въ спряженіи; напр.: *mowila sô usta moia, rôcze iego stworzile, medzi dwema zakonoma, oczyma twogyma, pod rókama, oczi zrzita, wznesle gesta se oczu moge, bysta, chodzila jeswa skrzydlu twoyu, z ręką, oczyma muma, rękoma, wszyma* (Пулав. пс.).

11) Род. п. ед. ч. основъ на **-ja** оканчивается на **-e, -ej**; напр.: *dusze, wole, woley, duszej* (Флоріан. пс.), *z dzeuicze Marie, zeme* (Моливты 1375 г.), *dobre, wole, szeme* (т. е. *zeme*), *dzenicze* (Kazan. Gniezn. 1419 г.). Въ современномъ языкѣ этотъ падежъ оканчивается на **-i**:

12) Имен.-вин. п. мн. ч. основъ на **-ja** оканчивается на **-e**: *du-sze, golye*.

13) Различіе между мужескимъ (и среднимъ) и женскимъ склоненіемъ въ дат., твор. — мѣстн. пп. мн. ч., утраченное современнымъ языкомъ, еще соблюдалось въ XIV—XV ст., при чемъ держались и древнія окончанія; такъ **α**) дат. п. основъ на **-a** и **-ja** оканчивался на **-аш** (**a** не на **-ош** какъ въ современномъ языкѣ); напр. *duszam, kobylkam, drogam* (Флор. Пул. пс.); **β**) твор. п. муж. р. основъ на **-o** часто сохраняетъ древнее окончаніе **-y, -i**: *ióziку* (Флор. пс.), *yęzyку swymy* (Пул. пс.), *przed wieki* (Моливты Вацлава), *angoly, duchy, dary* (Kaz. Gniezn. 1419); **γ**) мѣст. п. муж. и сред. р. также часто удерживаетъ древн. оконч. **-och**: *w skutcech, w obłosech, dzielech, psalmecch, w nagrodzech, w grzeszech*; но и **-och**: *w góslach, w dzaloch* (Флоріан. пс.), Впрочемъ случаи смѣшенія окончаній въ этихъ падежахъ изрѣдка по-

падаются уже въ памятникахъ XIV—XV ст.: *zvonkach, nalazach* (Фл. пс.), о *apostolach* (Пул. пс.).

14) Именное склоненіе прилагательныхъ, почти исчезнувшее въ современномъ языкѣ, еще представляло значительное количество формъ особенно для прилагательныхъ притяжательныхъ; напр. во Флор. пс.: *bogat, młod, mocen, lub, iakobowa, rapowa, młódra, dziwna* (род. п.), *rapowu* (дат. п.), *dobrem* и т. д.

15) Прошедшія простыя времена (аористъ и преходящее) еще продолжали жить въ языкѣ; напр. въ Флор. пс.: *molwych, bich, by, bychom, biscze* (= *byśće*), *bichó, bysta, zginó, blyszy sye, molwach* (т. е. *molwiach*), *molwasze, besze, blogoslawachó, spewachó, roclinachó, bechó*.

16) Прошедшее сложное сохраняло еще древнюю форму: *begal iesm, chodzil iesm, ies kazal, blódzil só* (Флор. пс.); въ соврем. яз. — *begałem, chodziłem*.

17) Въ повелит. н. часто удерживалось древнее *i*: *przydzi, slawicie, powyszy, zgzucimy* (Флор. пс.).

18) Сохранялись и древнія формы причастія дѣйств. гл.: *wstanó, kladó, wyiów, obrociw, wszeduw* (Флор. пс.).

19) Существ. глаголь употреблялся въ древней формѣ: *iesm, ies, iest, ieswa, iesta, iesmi* (у), *iesczie, só*. Въ новомъ языкѣ—*jestem*.

Кромѣ указанныхъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей старый польскій языкъ представляетъ не мало характерныхъ чертъ въ лексикальномъ и синтактическомъ отношеніяхъ. Такъ нѣкоторыя слова звучали въ немъ иначе, чѣмъ позже; напр.: *barzo* (*bardzo*), *iny* (*inny*), *pozdno* (*rózno*), *słzy* (*łzy*), *uście* (*ujście*), *przedsię* (*przecie*), *miestce* (*miejsce*), *czelowiek* (*człowiek*), *zamaitek* (*smutek*), *wieliki* (*wielki*), *chrzebet* (*grzbiet*) и др. Другія существовали только въ старомъ языкѣ, а потомъ исчезли, напр.: *szup* (оружіе), *łeż* (лгунъ), *łaczny* (*esuriens*), *ssąd* (сосудъ), *wełna* (волна), *zwolić* (освободить) и т. п.

Не мало наблюдается словъ заимствованныхъ изъ чешскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ. Напр. во Флор. пс. встрѣчаются такія чешскія слова: *bydlo, czislo, gardiliczya* (= *hrdlice*), *gyey* (*ej, jí*), *odzew* (*oděv*), *pak, postlane, poselkynye, posledni, prza, skutek, swada, usyle* (*ousilí*), *ysem* (*jsem*) и т. п. Рано вошло въ польскій языкъ много словъ нѣмецкихъ и латинскихъ, напр.: *mistrz, burmistrz, margrabia, warta, ład, dach, flasza, hak, klamra, gwałt, rachunek, ratusz, szabla, sztuka, sznur, wójt, zegar, anioł, kustosz, dygnitarz, dysputa, doktor,*

dekret, trybunal, mitra и др. Синтаксисъ польскаго языка также складывался подъ сильнымъ вліяніемъ латинскаго языка. Это вліяніе развивается и позже въ XVI, XVII и XVIII ст.

Вообще въ XV ст. типъ книжнаго языка еще не установился, переписчики писали каждый по своему, вносили въ свои произведенія не мало особенностей мѣстныхъ говоровъ соотвѣтственно мѣсту своего происхожденія. По рукописямъ XV ст. можно уже слѣдить за развитіемъ польскихъ говоровъ. Неустановившееся, крайне запутанное правописаніе также мѣшало выработкѣ единства письменнаго языка.

Въ XVI ст. положеніе польскаго яз. быстро измѣняется къ лучшему. Онъ получаетъ важное значеніе въ общественной жизни и становится органомъ замѣчательной литературы. Вторая половина XVI ст. по значительному количеству относящихся къ ней писателей и литературныхъ произведеній и по цѣльности обработки литературнаго яз. называется золотымъ вѣкомъ польской литературы. Многія обстоятельства обуславливали необходимость такой перемѣны. Значительное усиленіе политическаго могущества, прибрѣтенное польскимъ государствомъ въ XVI в., естественно сопровождалось возвышеніемъ національнаго самосознанія, главнымъ выраженіемъ котораго былъ народный языкъ. Реформація, захватившая и Польшу и польскій народъ, хотя и не особенно глубоко, и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, содѣйствовала возбужденію вниманія къ народному языку, на который переводилось священное писаніе и на которомъ велась новая религиозная пропаганда. Сюда присоединялось развитіе книгопечатанія, облегчавшее распространеніе мысли о важности употребленія въ жизни и литературѣ народнаго языка¹⁾. Наконецъ и общій подъемъ образованности въ Польшѣ, вызванный гуманизмомъ, также долженъ былъ оказать извѣстное вліяніе на успѣшный ростъ національной литературы. Въ XVI ст. употребленіе письменнаго польскаго языка далеко выходитъ изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, какія были отведены ему въ XV ст.

¹⁾ Первые типографіи въ Польшѣ, именно въ Краковѣ, являются уже во второй половинѣ XV ст. Но первоначально въ нихъ печатались книги латинскія (изданія Гинтера, Зайнера 1465, 1468) и кирилловскія церковно-славянскія (Осьмогласникъ 1490 и Часословъ 1491 г. изданія Швайтгольца Фёла). Первые старо-печатныя польскія книги относятся къ 1521—22 г. Это были изданія краковскаго типографа Иеронима Вѣтора (Hieronim Wietor): 1) Rozmowy ktore myał Krol Salomon mądry z marcholtem grubym a sprosnym . . . przez bakalarza z Kossyczek wyłożon iest w polskie z łaciny, 1521; 2) Ecclesiastes Xyęgi Sálomonowe, ktore polskim wykładem, Káznodzieyskые myánuiemy . . . Wibiyano w Krakowie przez Jeronima Wietorá. Látá národzenia bózego 1522.

На немъ создаются художественныя поэтическія произведенія, на немъ пишутся историческія хроники, религіозныя и политическія трактаты, на немъ сочиняются и произносятся церковныя проповѣди и рѣчи въ сеймахъ и судахъ. Начало обработки польскаго яз. въ художественной литературѣ положили два славныхъ писателя — Николай Рей изъ Нагловиць (1507 — 1569) творецъ польской прозы, талантливый мыслитель и бытописатель, и Янъ Кохановскій (1530—1584), знаменитый поэтъ, „пращуръ польской пѣсни“, насадитель на польскую почву формъ античной поэзіи. Оба были Мало-Поляне и своими произведеніями, пользовавшимися широкою популярностью въ Польшѣ, много содѣйствовали возвышенію малопольскаго нарѣчія на степень литературнаго польскаго языка. За ними слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе видныхъ писателей: поэты—Н. С. Шаржинскій, Себ. Клѣновичъ, Шимоновичъ, Янъ и Матвѣй Рыбинскіе, Андрей и Петръ Збылитовскіе, Ст. Граховскій, К. Мясковскій и др.; историки—Ст. Хвальчевскій, Март. Бѣльскій, М. Стрыйковскій, Б. Папроцкій; проповѣдники, ораторы, публицисты—Вуекъ, Бирвовскій, Скарга, Оржеховскій, Л. Гурницкій и др. Такъ въ концѣ XVI ст. создалась богатая литература на народномъ языкѣ. Польскій книжный языкъ постепенно отливался въ болѣе устойчивыя, однообразныя формы. Одновременно съ этимъ устанавливалось болѣе однородное правописаніе: осуществленію этого важнаго дѣла содѣйствовали столько же теоретическія разсужденія Ст. Заборовскаго, Я. Кохановскаго, Селуціана, Статоріуша¹⁾, сколько практическая дѣятельность типографовъ (особенно Шарфенберга - Лазаря), заботившихся о болѣе цѣлесообразной передачѣ звуковъ. При всемъ-томъ правописаніе польскихъ книгъ XVI ст. представляетъ много неяснаго, неудобнаго и значительно отличается отъ современнаго; для нѣкоторыхъ звуковъ уже введены критическія знаки, какъ-то *ż, ó, ź, ś*; *y* отличается отъ *i*; но рядомъ съ этимъ *y* употребляется въ значеніи *j*, нѣкоторые согласныя звуки обозначаются двойными начертаніями буквъ, напр. *sz* (*ш*), надъ нѣкоторыми гласными буквами ставится то знакъ остраго ударенія (*á, é*) то двоеточіе (*ÿ*), и т. д.

Эта довольно блестящая литературная обработка польскаго языка въ XVI в. не обошлась, однако, безъ сильнаго иноземнаго вліянія. Польскій языкъ въ данный періодъ завоевалъ себѣ довольно видное мѣсто

¹⁾ Заглавія относящихся сюда сочиненій см. на 860 стр.

въ общественной жизни и литературѣ, но онъ нисколько не ослабилъ прежняго культурнаго и государственнаго значенія языка латинскаго. Напротивъ послѣдній поднялся еще на ббльшую высоту благодаря широкому распространенію идей гуманизма и общему увлеченію классицизмомъ. Онъ не только разсматривался какъ равноправный съ польскимъ, но нерѣдко пользовался значительными преимуществами передъ послѣднимъ. Почти всѣ польскіе писатели XVI в. прекрасно владѣютъ латинскимъ языкомъ и пишутъ свои произведенія на двухъ языкахъ. Единственное исключеніе составляетъ Рэй, который сторонился классицизма и держался исключительно роднаго языка. Но уже Кохановскій, сумѣвшій въ своихъ прекрасныхъ созданіяхъ придать замѣчательно тонкую отдѣлку родному языку, въ совершенствѣ зналъ латинскій языкъ и оставилъ огромное количество поэтическихъ произведеній на латинскомъ языкѣ, не уступающихъ по своему стилю лучшимъ образцамъ древне-римской литературы. Да и въ своихъ національныхъ твореніяхъ онъ главнымъ образомъ подражалъ античнымъ поэтамъ. Тоже нужно сказать о Клёновичѣ, Шимоновичѣ и другихъ. Какъ въ началѣ, такъ въ концѣ XVI ст. видимъ польскихъ поэтовъ, которые пишутъ исключительно по латыни; таковы напр. Андрей Кржицкій, Янъ Дантешекъ, Кл. Явицкій, М. Сарбѣвскій. Равнымъ образомъ выдающіеся представители польской прозы, какъ Оржеховскій, Стрыйковскій, также охотно участвуютъ въ латинской литературѣ. Многіе же крупные дѣятели польской образованности XVI в., какъ напр. знаменитый мыслитель и политическій писатель Андрей Фричь Модржевскій, или историкъ М. Кромеръ, астрономъ Н. Коперникъ и др. писали исключительно по-латыни. При такомъ тѣсномъ общеніи двухъ языковъ вполнѣ понятно, что польскій литературный языкъ все болѣе поддавался вліянію языка латинскаго. Больше всего это вліяніе сказывалось на синтаксисѣ. У Кохановскаго латинскіе обороты еще не нарушаютъ цѣльности и гармоніи польскаго языка; но у Скарги, который считается лучшимъ представителемъ польской прозы рѣчь польская уже строится совершенно на латинскій ладъ ¹⁾.—Независимо отъ сильнаго латинскаго вліянія въ польскомъ языкѣ XVI ст. подмѣнены

¹⁾ Характеристики названныхъ здѣсь писателей см. напр. въ сочиненіи А. Пипина и В. Спасовича, *Исторія Славянскихъ Литературъ*, т. II, 1881. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ въ книгѣ А. Буличковскаго, *Zarys dziejów literatury polskiéj. Wo Lwowie, 1884.*

кое-какія черты, указывающія на заимствованіе изъ русскаго языка. Появленіе этихъ чертъ объясняется происхожденіемъ нѣкоторыхъ выдающихся польскихъ писателей (напр. Рэя, Шимоновича, Оржеховскаго) изъ Галицкой Руси.

XVII — полов. XVIII ст. „Золотой вѣкъ“ для польской литературы былъ весьма не продолжителенъ. Въ XVII и XVIII ст. все болѣе развивались тѣ темныя стороны политической и соціальной жизни народа, которыя въ концѣ концовъ привели къ полному паденію обширнаго польскаго государства и раздѣламъ его между сосѣдями. Въ духовномъ отношеніи за этотъ продолжительный періодъ польскій народъ находился подъ опекой іезуитовъ, принявшихъ на себя задачу искорененія въ Польшѣ всякихъ слѣдовъ реформаціоннаго движенія, а затѣмъ все-цѣло забравшихъ въ свои руки дѣло воспитанія юношества и исключительнаго нравственнаго вліянія на народныя массы. Почти во всѣхъ значительныхъ центрахъ польскихъ земель завелись іезуитскія коллегіи, а при нихъ школы, которыя вскорѣ вытѣснили не только протестантскія, но и другія католическія училища. Преподаваніе въ польскихъ школахъ ордена (какъ и въ другихъ мѣстахъ владычества іезуитовъ—въ Италіи, Испаніи и Австріи) было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, вполне подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви. Учениковъ не знакомили ни съ народною мѣстною литературой, ни съ народнымъ языкомъ ни съ новѣйшей исторіей, естествознаніемъ и общественными науками. Главнымъ предметомъ заботы оо. іезуитовъ былъ языкъ церкви римско-католической, то-есть языкъ латинскій и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковной ортодоксіей. Основная цѣль воспитанія въ іезуитскихъ школахъ состояла въ томъ, чтобы приготовить не гражданъ и хорошихъ общественныхъ дѣятелей а прежде всего поборниковъ католицизма.

При такомъ положеніи дѣла, польскій языкъ и литература, понятно, пришли въ упадокъ. „Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы въ отношеніи внутренняго ея содержанія, при необыкновенной ея плодovitости и тщательномъ, повидимому, воздѣльваніи ея обществомъ. Духъ критики, старинный врагъ авторитета, былъ побитъ, подавленъ, держимъ на возжахъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную,

ни на что непригодную ученость: на этомъ полѣ могли произрастать и успѣвать одни только посредственности. Литература, отъучившись заниматься общественными вопросами, перестала быть дѣломъ серьезнымъ, превратилась для иныхъ въ ремесло, для другихъ въ забаву, въ роскошь, въ игрушку. Чѣмъ бесплоднѣе становилась литература, тѣмъ болѣе она пресыщалась педантизмомъ, тѣмъ недоступнѣе она становилась для массы и тѣмъ большую важность придавали ей ученые того вѣка, какъ средству похвастать своею ученостью, озадачить умѣньемъ говорить много о пустякахъ и разсмѣшить неожиданными *concetti*, забавными сопоставленіями мѣтологіи и исторіи съ происшествіями жизни обыденной. Большая часть шляхты говорила бѣгло по латыни, римская литература была единственнымъ источникомъ учености; отсюда простиетъ обычай не только испещрять польскую рѣчь отдѣльными латинскими терминами, но вставлять въ нее цѣлыя латинскія фразы и пересыпать ее этими макаронизмами такимъ образомъ, что послѣ всякаго періода польскаго долженъ былъ непременно идти латинскій и наоборотъ, и что вся рѣчь являла собою подобіе слоенаго пирога. Первый примѣръ подобной смѣси представляетъ въ шутку написанное стихотвореніе Яна Кохановскаго *Carmen macaronicum*:

*Est prope wysokum celeberrima sylva Krakowum
Quercubus insignis multo miranda żołodzio,
Istuleam spectans wodam Gdańskumque gościńcum
Dąbie nomen habet, Dąbie dixere priores* и т. д.

Что у Кохановскаго было сдѣлано въ шутку, то въ XVII столѣтіи дѣлалось серьезно съ полною увѣренностью, что въ томъ-то и состоитъ красота слога. Такъ какъ была разорвана связь между литературою и жизнью, и утвердилось понятіе, что искусство говорить существуетъ само по себѣ, то никто не стѣснялся особенно въ хваленіи другихъ и не затруднялся осыпать ихъ самыми преувеличенными похвалами, зная, что никто, конечно, не приметъ словъ его за настоящую монету. Панегирики шли цѣлымъ проливнымъ дождемъ, приторный дымъ отъ сожигаемаго өниміама заражаетъ воздухъ въ теченіи полтораоста лѣтъ. Иезуиты хвалили своихъ благодѣтелей, священники своихъ етиторовъ, шляхта магнатовъ, сенаторы другъ друга“. „Всѣ творческія силы народа ушли въ краснорѣчіе, оно сдѣлалось искусствомъ, преобладающимъ надъ всѣми прочими искусствами и родами

литературы“¹⁾.... Вслѣдствіе широкаго распространенія латинскаго яз. и совмѣстнаго употребленія его въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ, рядомъ съ языкомъ польскимъ, послѣдній не только подвергался вліянію перваго, но искажался и измѣнялся въ духъ латыни. Произведенія писателей, отличавшіяся большею дѣльностью содержанія или поэтическими достоинствами, притомъ изложенныя болѣе чистымъ народнымъ языкомъ или скоро забывались современниками или совсѣмъ оставались неизданными (напр. *Wojna Chocimska*). О научномъ изученіи польскаго языка, никто не заботился. Извѣстныя отъ XVII ст. и перв. полов. XVIII ст. грамматики польскаго языка (ср. стр. 345—346) представляютъ собой неудачныя попытки втиснуть своеобразныя нормы польскаго языка въ рамки латинской грамматики.

2-я полов. XVIII ст.—XIX ст. Поворотъ къ лучшему замѣчается только во второй половинѣ XVIII ст., въ эпоху правленія короля Станислава Понятовскаго и раздѣловъ Польши. Общество польское знакомится съ философій Руссо и энциклопедистовъ и вообще съ французскою литературой и подъ вліяніемъ новыхъ идей, а также другихъ внѣшнихъ причинъ, стремится къ освобожденію отъ старыхъ заблужденій и къ обновленію всего строя внутренней жизни. Между прочимъ происходитъ реформа школьнаго дѣла. Благодаря заботамъ Ст. Конарскаго и другихъ піаристовъ на ряду съ іезуитскими школами основываются школы новаго образца, въ которыхъ отводится видное мѣсто родному языку, а также естествознанію и исторіи. Въ 1773 г. папою Климентомъ XIV упраздненъ и самый орденъ іезуитовъ и значительная доля по-іезуитскихъ имѣній поступила въ распоряженіе новоучрежденной Эдукаціонной Коммисіи (1773), которая прекрасно выполнила порученную ей задачу воспитанія народнаго, не только учрежденіемъ множества новыхъ школъ, но и изданіемъ для нихъ хорошихъ учебниковъ. Преобразование школъ не могло не оказать благотворнаго вліянія на обработку литературнаго языка и развитіе литературы. Къ этому позже присоединились другія болѣе общія причины. Утрата политической самостоятельности естественно заставляла патріотовъ обратиться къ народнымъ началамъ. Чувство народности, пронесшееся электрической искрою въ началѣ нынѣшняго столѣтія по всей Европѣ, по всей славянской территоріи крѣпко захватило и польскій народъ

¹⁾ В. Спасовичъ. Исторія польской литературы, 525—527.

тотчасъ же послѣ постигшаго его политическаго крушенія. Изученіе и возвышеніе народныхъ началъ и главнаго выразителя ихъ народнаго языка обусловливалось естественнымъ ходомъ исторической жизни народа. Въ первыя три дѣсятилѣтія послѣ паденія польскаго государства и внѣшнія обстоятельства вполнѣ благопріятствовали пробужденію и развитію польскаго національнаго самосознанія. Въ тѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи - Посполитой, которыя достались на долю Россіи польскій народъ сохранялъ значительныя политическія права и возможность національнаго существованія. Варшава, Вильно и Кременецъ, съ ихъ высшими школами и учеными учрежденіями стали средоточіемъ духовной и литературной жизни Поляковъ. Такъ уже со второй половины XVIII ст. польская литература стала постепенно освобождаться отъ налегшей на нее вѣковой плесени и все болѣе сближалась съ жизнью. Къ ней возвращается прежняя простота и ясность мысли и рѣчи; языкъ очищается отъ искаженій, мало-по-малу исчезаютъ макаронизмы и панегирическій тонъ. Въ эпоху Понятовскаго и четырехлѣтняго сейма (1788 — 1792) опять появляются болѣе или менѣе даровитые поэты (Игн. Красицкій, Ст. Трембецкій, Фр. Карпинскій, В. Богуславскій, Фр. Богомолецъ, Я. Вороничъ, Ю. Ур. Нѣмцевичъ и др.), историки (Ад. Нарушевичъ, Я. Альбертранди), публицисты (Колонтай, Сташицъ), ученые (Спядецкій, Бандтке, Бентковскій и др.), произведенія которыхъ при цѣнности содержанія отличаются значительными достоинствами со стороны языка и изложенія. Теперь благодаря трудамъ Копчинскаго, С. Б. Линде, І. Мрозинскаго и ихъ послѣдователей (ср. 346 стр.) завладывается первое основаніе научнаго изученія польскаго языка. Подражательное направленіе въ литературѣ, господствующее въ эпоху Ст. Понятовскаго и въ началѣ XIX ст. со временемъ уступаетъ мѣсто иному, еще болѣе благотворному направленію. На смѣну заимствованному отъ Французовъ ложно-классицизму является такъ-наз. романтика, которой суждено было оказать огромное вліяніе на успѣхи развитія національной польской литературы. Первымъ провозвѣстникомъ этого новаго направленія былъ Казиміръ Бродзинскій. За нимъ явился геніальный Ад. Мицкевичъ и цѣлая фаланга даровитыхъ поэтовъ: Ю. Словацкій, Сиг. Красинскій, А. Мальчешскій, І. Б. Залѣвскій, С. Гоцинскій, Ст. Витвицкій, А. Фредро, І. Корженѣвскій, Фр. Моравскій, А. Горецкій, В. Польш, Л. Кондратовичъ, Асныкъ и др. Въ произведеніяхъ этихъ писателей польскій языкъ сталъ органомъ замѣча-

тельной поэтической литературы и получил высоко-художественную, тонкую отдѣлку. Съ эпохи Мицкевича, не смотря на тяжелыя испытанія, какія временами выпадаютъ на долю польскаго народа, не прекращается постоянный ростъ польской литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе польскаго литературнаго языка. Въ настоящее время польскій языкъ является органомъ выдающейся славянской образованности. Польская литература послѣ русской занимаетъ первое мѣсто въ славянскомъ мірѣ. Кромѣ ряда крупныхъ поэтовъ она выставила рядъ замѣчательныхъ представителей художественной прозы, каковы напр. романисты и повеллисты — Крашевскій, Г. Сенкевичъ, Е. Оржешко и др. или художникъ-историкъ Шайноха. Весьма замѣчательна научная литература Поляковъ, получившая особенно блестящее развитіе за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Всѣ отрасли знанія разрабатываются на польскомъ языкѣ. Во главѣ научнаго движенія стоятъ Краковская Академія Наукъ, Краковскій и Львовскій университеты, и многочисленныя ученые учрежденія и общества, находящіяся во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ польской земли и польской образованности. Научная литература, посвященная изученію роднаго языка, представляетъ уже значительное количество крупныхъ явленій (ср. 348—385 стр.). Равнымъ образомъ періодическая печать представлена огромнымъ количествомъ изданій самаго разнообразнаго содержанія: политическихъ, беллетристическихъ, художественныхъ, научныхъ и т. д. Весьма богато развита и школьная и вообще народно-популярная литература.

Такимъ образомъ высокій интересъ изученія польскаго языка обуславливается не только любопытными свойствами и особенностями самаго языка, но и его значеніемъ какъ выразителя замѣчательной образованности одного изъ наиболѣе даровитыхъ славянскихъ народовъ.

4. Звуковыя особенности.

Г р а ф и к а.

Въ польской письменности издавна утвердилась латинская абѣда. Употребленіе славянскаго письма (кириллицы, глаголицы) если и можно допустить для болѣе древняго времени, то въ самыхъ огра-

ниченныхъ размѣрахъ. Примѣненіе латинской абечеды къ потребностямъ польской рѣчи представляло большія трудности, какъ это было у всѣхъ славянскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Рима. Польско-латинская графика древнихъ памятниковъ представляется крайне запутанною. Въ одномъ и томъ-же памятникѣ однѣ и тѣже начертанія нерѣдко обозначаютъ различные звуки (напр. а = а и а, z = z, ź, ż и т. д.); въ различныхъ памятникахъ, хотя-бы и принадлежащихъ одной эпохѣ, это разнообразіе въ обозначеніи звуковъ еще рѣзче. Вообще при передачѣ польскихъ звуковъ, не имѣющихъ себѣ полныхъ соотвѣтствій въ латинскомъ языкѣ (напр. ж, ч, ш, щ, ы, я, ю, шипящее р и др.), прибѣгали къ тройкой системѣ: 1) пользовались уже существующей буквой, обозначающей собственно другой звукъ (напр. z для передачи ж или c для передачи ч и т. п.); 2) соединяли два и болѣе латинскихъ начертаній для обозначенія одного польскаго звука (напр. sz = ш, cz = ч и т. п.), при чемъ не было единства въ выборѣ и сочетаніи соединяемыхъ буквъ; 3) ставили особые знаки на буквахъ и подъ буквами (напр. ֆ = носов. о и а, ҃ = мягк. ц, ҃ = ж и т. п.). Первые попытки установить болѣе или менѣе однообразное правописаніе относятся еще въ XV ст. (трудъ объ Орфографіи Паркоша, ср. выше стр. 394), онѣ повторяются въ XVI и XVII ст. Но только въ XVIII ст. и нач. XIX ст. послѣ длинныхъ споровъ ученыхъ и работъ специальныхъ комиссій выработалась дѣйствующая нынѣ система графики. Впрочемъ она многими не признается, да и дѣйствительно не можетъ быть признана удовлетворительною. Главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она по существу не однородна, покоится на двухъ принципахъ. Характерные звуки, не имѣющіе себѣ соотвѣтствій въ латинскомъ языкѣ, обозначаются то посредствомъ соединенія двухъ и болѣе буквъ, то посредствомъ диакритическихъ знаковъ. Въ новое время все болѣе раздаются голоса объ упрощеніи польской графики и о сближеніи ея съ графикой другихъ славянскихъ народовъ, пользующихся латиницей, посредствомъ болѣе широкаго примѣненія системы диакритическихъ знаковъ (напр. Богуславскій и др.).

Въ настоящее время польская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: a, ą, b (b'), c, ć, cz, d, dz, ǳ, ǳ', e, é, e, f (f'), g (g'), h, ch, i, j, k (k'), l, ł, m (m'), n, ń, o, ó, p (p'), r, rz, s, ś, sz, t, u, w (w'), y, z, ź, ż, szcz.

Буквы *a, e* обозначаютъ носовые гласные, а именно *a*—носовое *o*, напоминающее французское *ou* въ словѣ *bon*, *e*—носовое *e*, напоминающее французское *in, un* въ *un, pain*; напр. *sąd, pięć*.

Буква *e* произносится твердо какъ русское *э*: *sejce, echo*.

Буква *é* обозначаетъ сжатое или наклоненное *e*, близкое по выговору къ *i*: *miéko, chléb, zgozumiéj, ség, kobiéta* (женщина). Теперь это *é* все болѣе исчезаетъ и замѣняется обыкновеннымъ *e*.

Буква *ó* означаетъ наклоненное *o*, совершенное равняющееся *u* (ср. чешск. *ú*); напр. *Bóg, sól*.

Буква *u* произносится какъ русское *у*; напр. *guba, buł*.

Буква *i* обозначаетъ собственно самостоятельный гласный *i* = русск. *и*. Но передъ другими гласными *i* обозначаетъ только мягкость предшествующаго согласнаго, при чемъ согласный и стоящее за нимъ *i* произносятся вмѣстѣ, сливаются въ одинъ звукъ; напр. *ciało* (цѣло), *sięgnie* (тернѣ, цѣрне). Въ такомъ значеніи *i* выступаетъ передъ *a, e, o, u, a, e*. Такимъ образомъ *ia, io, iu* соотвѣтствуютъ русскимъ *я, ё, ю*. Передъ *i* въ качествѣ гласной, мягкость предшествующаго согласнаго подразумѣвается; напр. *piwa, zima, widły*.

Буква *j* соотвѣтствуетъ русск. *й* въ такихъ словахъ какъ: *tuż, bij, ojszużna*; *j* пишется передъ гласными начинающими слово; напр. *ja, jajko, jego, Jędrzej, jodła, jutro, już*; такимъ образомъ *ja, je, jo, ju* также соотвѣтствуютъ русскимъ *я, е, ё, ю* какъ *ia, ie, io, iu* послѣ согласныхъ.

Надстрочный знакъ *'* обозначаетъ мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ согласными, тамъ, гдѣ по-русски пишется *ь*: *pić, trafić, gwózdź, leń, geś, ślub, źle, bądź*. Буквы *b', w', p', m', f, g' k'* почти не употребляются.

Передъ гласными мягкость согласныхъ обозначается посредствомъ *i* (см. выше объ *i*); напр. *biały, ciotka, miód, pięta, dzień, siegr, kocieł*.

Буква *l* обозначаетъ мягкое *л*, *ł*—твердое; напр. *wola* (воля), *lu-bić, buł, chłor*. Мягкое *l* не нуждается въ *i* и передъ гласнымъ.

Сочетанія буквъ *sz* и *z* соотвѣтствуютъ русскимъ *ч* и *ш*; напр. *szagnu, kasza*.

Начертаніе *ż* (или *ź*) служить для обозначенія *ж*; напр. *żona, żart*.

Сочетаніе *rz* обозначаетъ мягкое *р* (*р*), которое произносится какъ русское *ж*; напр. *rzadki* (жадки), *grzebać* (гжѣбаць), *burza* (бужа). Въ концѣ словъ и передъ *k, t, p, ch*, а также послѣ этихъ согласныхъ

гз звучить какъ русск. ш; напр. gorzki, kierz (кусть), trzeba, chrzest. Но иногда гз можетъ обозначать и два звука г и з: marznąć, mierzić, migzać, gznąć (рвнонецъ), migza и др.

Буква g провозносится какъ русское г: głód.

Сочетаніе ch соотвѣтствуетъ русск. х; напр. chleb, choroba.

Буква h собственно обозначаетъ тотъ-же звукъ, что и ch; но употребляется преимущественно въ заимствованныхъ словахъ (особенно изъ малорусскаго) гдѣ слышалось придыхательное г; напр. bohatét, Bóhdan, hreczka и др.

Употреблявшіяся прежде (преимущественно въ иностранныхъ словахъ) q, v, и x теперь почти не встрѣчаются.

А) Г л а с н ы е.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ польскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе пра-славянскихъ глухихъ ъ, ь и переходъ ихъ въ ясное е; 2) Сохраненіе пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ а̄ (ǭ) и е̄ (ēn̄), диалектич. ą̄ (ǭn̄); 3) старо-слав. ѣ=іе, іа; 4) смягчительное е (іе); 5) расширеніе исконнаго е въ о (іо); 6) сжатіе или наклоненіе е въ ё, о въ ó; 7) удержаніе различія между пра-слав. ы и и (у, і); 8) старо-слав. рь, рь, ль, ль (= слогаобраз. р, і) соотвѣтствуютъ ar, ir, ier, lu, eł, oł, il; 9) пра-слав. tort = trot, пра-слав. tert = tret (broda, brzeg); 10) утрата количества гласныхъ.

Исчезновеніе глухихъ ъ, ь и замѣна ихъ яснымъ е.

Польскій языкъ, подобно чешскому, словацкому, сербо-хорватскому и русскому, не знаетъ пра-славянскихъ глухихъ ъ и ь. Звуки эти уже въ древнѣйшую пору совсѣмъ исчезли или перешли въ ясное е. Полное исчезновеніе ъ, ь имѣетъ мѣсто въ открытыхъ слогахъ, въ закрытыхъ же слогахъ, сдѣлавшихся такими вслѣдствіе исчезновенія глухого гласнаго слѣдующаго слога, вм. ъ, ь одинаково выступаетъ е, какъ и въ чешскомъ языкѣ; напр. dech, sen—sna, piątek—tku, chłop, łeb—łba, lew—lwu, dzień—dnia, wieś—wsi, koniec—końca. Иногда ъ, ь безслѣдно пропадаютъ въ такихъ слогахъ, гдѣ другіе славянскіе языки замѣняютъ ихъ ясными гласными; напр. krew—krwi (крови), brew—brwi, tchnąć, płeć (плоть въ польск. яз. въ значеніи пола—sexus), płci, klnę (клянуща), łza (слеза), płwać (плавать).

Гласный *e* вм. *ъ*, *ь* отличается различными свойствами, смотря по-тому изъ какого глухого онъ развился, широкаго или узкаго. Гласный *e* изъ *ъ* не смягчаетъ предшествующаго согласнаго; напр. *chłopek*, *bratem*, *sen*; исключеніе составляютъ только *g* и *k* которые смягчаются и въ данномъ случаѣ: *Bogiem*, *bokiem*. Гласный *e* изъ *ь* напротивъ, всегда смягчаетъ предшествующій согласный: *wieś*, *dzień*, *pies*, *koniec*, *mieśc*.

Глухой *ь*, исчезая изъ слога, вообще оставилъ послѣ себя слѣды въ мягкости предшествующаго согласнаго, какъ это произошло и въ русскомъ языкѣ; напр. *kość*, *dzień*, *pieć*, *sól* и др.

О слѣдахъ глухихъ *ъ*, *ь* въ древнемъ языкѣ см. выше на стр. 391, 398.

Носовые гласные.

Наиболѣе характерную черту польскаго воялизма составляютъ носовые гласные. Звуки эти существовали въ славянскомъ пра-языкѣ, но затѣмъ удержались лишь въ немногихъ языкахъ, а именно: кромѣ польскаго, въ старо-славянскомъ, кашубскомъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (въ Македоніи). При помощи польскихъ носовыхъ гласныхъ знаменитымъ Востоковымъ было опредѣлено звуковое значеніе старо-славянскихъ юсовъ.

Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ языкѣ образованныхъ классовъ ясно различаются два носовыхъ гласныхъ: носовое *o* (*oŃ*), обозначаемое посредствомъ *ą*¹⁾ и носовое *e* (*eŃ*), передаваемое знакомъ *ę*; первый соответствуетъ старо-слав. *ѡ*, второй — *ѡ*, напр. *paŃka*, *saŃd* (мяка, садъ), *mieŃso*, *Ńwięty* (мясо, святой). Выговоръ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ свои оттѣнки. Въ общемъ онъ не вполне совпадаетъ съ выговоромъ носовыхъ гласныхъ въ французскомъ языкѣ, въ такихъ словахъ какъ *bon*, *rain*, такъ какъ въ польскомъ языкѣ не только гласный произносится съ носовымъ резонансомъ, но сверхъ того за гласнымъ слышится почти полный носовой согласный. Передъ губными носовой элементъ приближается въ *ш*: *traŃba* (*troŃba*), *teŃpy* (*tępy*); передъ гортанными (заднеязычными) *g*, *k*, *ch* слышится звуковое *п*: *reŃka*, *księga* (*reŃka*, *księga*). На концѣ словъ

¹⁾ Обозначеніе носоваго *o* посредствомъ *ą* входитъ въ употребленіе съ XVI ст.

носовой элемент совсѣмъ пропадаетъ: *będą* (= *będo*), *mogę* (*moge*); исключеніе составляютъ только односложныя слова, въ которыхъ носовой гласный слышенъ отчетливо: *są*, *się*. Равнымъ образомъ теряется носовой резонансъ передъ *ł*: *wziął* (*взѣл*).

Въ народныхъ говорахъ по сравненію съ литературнымъ языкомъ наблюдается съ одной стороны большее количество носовыхъ гласныхъ, съ другой — паденіе ринезма. Кромѣ *ą* (которое правильнѣе было бы обозначать *o*) и *ę* въ разныхъ мѣстностяхъ возможны *ã*, *i* (*y*), *u* т. е. носовыя *a*, *i*, *y*, *u*; такъ *ã* слышится въ говорахъ Бескидскихъ Горалей и Верхней Силезіи, при чемъ въ послѣднихъ почти всегда замѣняетъ литературное *ę*; напр. *bãde*, *gãs*; *i*, *y*, *u* — въ нѣкоторыхъ великопольскихъ, малопольскихъ и силезскихъ говорахъ: *mũka* (= *mãka*), *mĩka* (= *męka*), *špij*, *swjty*, *pad ty*, и др. Паденіе ринезма, весьма распространенное въ народной рѣчи, выражается: 1) въ разложеніи носовыхъ гласныхъ на чистый гласный + *m*, *n*; напр. *gałenź*, *genka*, *monka*, *domb* (малопольск. гов.), *šedzom*, *medzom* (беск. гов.), *zamknunć*, *matkum*, *zėmby* = *zumby* (великопольск. гов.), *rinka* (мазур. гов.); 2) въ переходѣ носовыхъ гласныхъ въ чистые: *bede*, *reka*, *moKa*, *dob* (малопольск. гов.), *sadzō*, *dadzō* (бескидск. гов.), *guše*, *jezyk* (великопольск. гов.) и др.

Носовые гласные въ польскомъ (литературномъ) и старославянскомъ яз. собственно одни и тѣже, но употребленіе ихъ въ каждомъ изъ этихъ языковъ не вполне совпадаетъ. Старо-сл. ж соответствуетъ не только *ą* но и *ę*; напр.: *mąka* (*мѣка*), *mądry* (*мѣдрый*), *sąd* (*сѣдъ*), *dąb* (*дѣбъ*), *mąż* (*мѣжъ*), *będe* (*вѣдѣ*), *głęboki* (*гѣлѣкони*), *reka* (*рѣка*), *gęba* (*гѣба*), *tepy* (*тѣпыи*), *gubę* (*губѣ*) и др. Равнымъ образомъ старо-слав. л соответствуетъ не только *ę* но и *ą*; напр.: *część* (*чѣсть*), *dziewięć* (*дѣвѣть*), *mięso* (*мѣсо*), *święty* (*сѣвѣти*), *imię* (*имѣ*), *tysiąc* (*тысяць*), *wiązać* (*вѣзѣть*), *oglądać* (*гѣдѣти*), *iądro* (*мѣдро*), *gząd* (*рѣдъ*), *chwalią* (*чѣлѣть*) и др. Иногда *ą* и *ę* чередуются въ одномъ и томъ-же корнѣ, особенно при измѣненіи слова по падежамъ: *sąd* и *sędzia*, *reka* и *raźczka*, *część* и *cząstka*, *skarpy* и *skępszy*, *mąż* и *męża* (род. п.), *dąb* — *dębu* (род. п.), *reka* — *raź* (род. п. мн. ч), *pięć* — *piąty*, *żać* — *żęty*. Слѣдуетъ замѣтить, что *ę*, соответствующее старо-слав. ж, не смягчаетъ предшествующаго согласнаго, напр.: *gęś*, *kęs*. Исключеніе изъ этого закона составляютъ только формы глагола *gnę* — *giąć*, *gięty*.

*Showing the
this process
possible.*

Какъ причины чередованія *ą* и *ę*, такъ вообще исторія польскихъ носовыхъ гласныхъ, еще не разъяснены, хотя едва-ли можно указать какой-либо другой вопросъ польской фонетики, который привлекалъ-бы къ себѣ столько вниманія ученыхъ какъ носовые гласные. Наука все еще имѣетъ дѣло съ гипотезами, которыя не даютъ удовлетворительнаго рѣшенія темныхъ и трудныхъ вопросовъ. Такъ Фр. Миклошичъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Ueber die langen Vokale in den slavischen Sprachen“ (Denkschriften Wiener Akademie Bd. XXIX) чередованіе *ą* и *ę* поставилъ въ зависимость отъ количества пра-славянскихъ гласныхъ, ихъ долготы и краткости; именно *ą*, по его мнѣнію есть рефлексъ первоначальной долготы, т. е. *ōn*, *ēn*, *ę*—рефлексъ первоначальной краткости, т. е. *ōn* и *ēn*. Гипотеза эта какъ въ основныхъ положеніяхъ (приуроченіе славянскому пра-языку *en*, *on*, *ēn*, *ōn*), такъ и въ частныхъ примѣненіяхъ признана несостоятельною; тѣмъ не менѣе указанный Миклошичемъ фактъ соотвѣтствія въ извѣстныхъ случаяхъ чередованія польскихъ *ą* и *ę* съ долгими и краткими гласными въ родственныхъ языкахъ (въ чешскомъ и частью сербскомъ) представляетъ важное значеніе; сюда относятся напр. такіа параллели: *sąd*, *sędzia* и чешск. *soud* (древн. *súd*) и *sudi*, *męka* (мѹка) и чешск. *muka*, *mąka* (мукá) и чешск. *mouka*, *pięć*, *piąty* и чешск. *pěť*, *pátý*, *dziecię*, *dzieciątko* и чешск. *dítě*, *děťátko*, *język* и чешск. *jazyk*, *jądro* и чешск. *jádro*. — Къ иному выводу пришелъ I. Лецѣвскій, пытавшійся разрѣшить трудный вопросъ путемъ тщательнаго наблюденія способовъ обозначенія носовыхъ гласныхъ въ древнихъ памятникахъ (Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen, 1886. Sitzungsberichte Wiener Akademie Bd. CXI). Онъ полагалъ, что въ древне-польскомъ языкѣ существовалъ только одинъ носовой гласный *ǫ* (т. е. *ǫ̃*), который обозначался черезъ *ó*, *an*, *a* и т. д. (см. выше стр. 397) Изъ *ǫ* развились современные *ą* (т. е. *o*) и *ę*, именно *ą* изъ долгаго *ǫ*, *ę*—изъ краткаго *ǫ*; переходъ пра-славянскихъ *ǫ*, *ǫ̃* въ древне-польское *ǫ* (долгое и краткое), по его мнѣнію произошелъ въ до-историческую пору; образованіе же вышнихъ *ą* и *ę* изъ древне-польскаго *ǫ* имѣло мѣсто въ историческое время. Съ этимъ мнѣніемъ Лецѣвскаго совпадаютъ взгляды на тотъ-же вопросъ Потемни („Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ и Arch. für slav. Philol., III, 614 и слѣд.) и Неринга (тамъ-же, V, 138). Но и эта гипотеза мало вѣроятна. Самая слабая сторона ея, какъ доказали акад. Ягичъ и Бриенеръ (Arch. für slav.

Phil., X, 248, 261) заключается въ предположеніи о превращеніи пра-слав. ѡ, ѡ в носовое а (ǫ): въ самомъ дѣлѣ какъ и почему могло произойти это превращеніе и откуда о немъ знаемъ. Критикуя Лецѣвскаго, самъ Брикнеръ, однако строить такую же произвольную теорію. Онъ думаетъ, что пра-слав. ѡ и ѡ перешли въ древне-польскомъ въ одинъ звукъ ę, который занималъ средину между а и е; затѣмъ ę, находясь въ долгомъ слогѣ, постепенно перешло въ а, по аналогіи другихъ наклоненныхъ или сжатыхъ гласныхъ (á, ó, é = о, и, і). Въ послѣднее время сдѣлана попытка отмѣтить вліяніе ударенія на развитіе польскихъ а и е (еще неоконченная работа Фр. Лоренца, *Die polnischen Nasalvokale. Arch. f. slav. Phil.*, 1896. Bd. XIX, 332).

Принимая во вниманіе состояніе современной разработки вопроса, основанной на изученіи какъ древнихъ памятниковъ, такъ живыхъ говоровъ, мнѣ кажется, необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: о, е, ǫ; остальные два і, ѳ встрѣчающіеся изрѣдка въ нѣкоторыхъ говорахъ, притомъ въ словахъ вторичнаго образованія, если и существовали въ древнемъ языкѣ, то все-таки не были исконными и, вѣроятно возникли изъ двухъ остальныхъ: ѳ изъ о, і изъ е.

Какъ-бы то ни было ринезмъ составляетъ существенную особенность польскаго языка, не смотря на то, что въ живыхъ говорахъ онъ изрѣдко исчезаетъ. Носовые гласные слышны не только тамъ, гдѣ ихъ находимъ въ старо-славянскомъ языкѣ, но и въ такихъ словахъ, гдѣ имъ собственно нѣтъ мѣста; напр. *między* (между), *mięszkać*, *szędziwu*; также въ заимствованныхъ словахъ: *dzięki*, *kolęda*, *dzięga*, *szeląg*, *węd-gować*. Въ народныхъ говорахъ (особ. въ Силезіи) въ послѣднемъ слогѣ словъ *вм.* гласнаго ш (п) часто выступаютъ носовые гласные; напр. *tǫ*, *sǫ* (*tam*, *sam*), *mǫ* (*tam*), *dǫ* (*dam*), *wojǫ*, *ojcǫ* (дат. п. множ. ч.), *brate*, *końe* (твор. п. ед. ч.), *po*, *vo* (*nam*, *vam*) и т. п.

Съ польскими носовыми гласными, кромѣ старо-славянскихъ, особенно важно сопоставить кашубскіе (см. ниже о кашубск. яз.).

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. (и пра-слав.) ѣ въ польскомъ соотвѣтствуютъ е и а, смягчающія предшествующій согласный, т. е. *ie* и *ia*; напр. *b'ieg*, *b'ały*.

Гласн. *ie* выступаетъ: 1) передъ мягкими согласными или вообще передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ; напр. *miesiąc*, *mieszać*, *rzedzić*, *jeli* (приѣхали), *kąpiel*, *leniwy*, *świeca* и т. п.; 2) передъ губными и гортанными, хотя-бы за ними слѣдоваль твердый гласный; напр.: *brzeg*, *grzech*, *śnieg*, *wiecha*, *wieko*, *chléb*, *chléw*, *kolebka*, *krzepki*, *lewy*, *piemy*, *ślepy* и т. п.; 3) въ окончаніяхъ; напр. *żonie*, *drodze*, *na ręce*, *mnie*.

Гласн. *ia* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ѣ* передъ всѣми твердыми согласными, за исключеніемъ губныхъ и гортанныхъ, т. е. передъ *t*, *d*; *s*, *z*, *ł*, *p*, *r*; напр.: *biały*, *blask*, *dziad*, *las*, *lato*, *gniady*, *śląd*, *piapa*, *siano*, *wiadro*, *wiara*, *wiano*, *wiatr* и др.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при образованіи словъ (напр. въ склоненіи и спряженіи) коренное пра-слав. *ѣ* получаетъ различный выговоръ въ зависимости отъ свойствъ слѣдующаго слога; напр. *wiara*—*wierze*, *las*—*lesie*, *obiad*—*obiedzie*, *wianek*—*wieniec*, *biały*—*bielić*, *miasto*—*w mieście*, *siadł*—*siedli*, *jadę*—*jedziesz*, *sieć*—*siatka* и т. п.

Нѣкоторые слова могутъ имѣть *a* и *e*, но при этомъ употребляются съ различными значеніями; напр. *miasto* (городъ), *miesto* (мѣсто), *biada* и *bieda*, *dzieło* (дѣло), *działo* (пушка), *powiadać*, *powiedać*, *klaskać*, *kleskać*, *wiara*, *wiera*; *sepa* имѣетъ *e*, вѣроятно, потому что *e* не способно къ смягченію.

Въ народныхъ говорахъ наблюдаются и другія замѣны пра-сл. *ѣ*; такъ въ ясовскомъ говорѣ (близъ Сандомира) вм. обще-польскаго *a* слышится иногда (передъ *m*, *p*) нѣмецкое *ä* (*e* широкое, близкое къ *a*); *šano*, *vāno*; *a* вм. *ie*—*i* (въ неопредѣленномъ наклоненіи), *bogaćić*, *boić*, *grzmić*, *śedzić*, *vidzić*.

Въ старомъ языкѣ старо-славянскому *ѣ* соотвѣтствуютъ тѣже звуки, что и въ современномъ. Только въ древнѣйшую пору (XIII—XV ст.) встрѣчается *e* и передъ твердыми согласными: *Kwetkow*, *syepo*, (ср. 392, 398 стр.).

Относительно отраженій пра-славян. *ѣ* польскій языкъ наиболѣе сближается съ болгарскимъ (восточное нарѣчіе), въ которомъ также чередуются *e* и *a* въ зависимости отъ мягкости или твердости слѣдующаго согласнаго; напр. *вяра*, *в'ери*, *бял*, *б'ели* (ср. Левци по слав. языковн. I, стр. 77).

Вѣроятно и основнымъ выговоромъ древняго *ѣ* въ польскомъ языкѣ было не *ia*, какъ предполагалъ Фр. Миклошичъ, а двугласное *ea* (т. е. *e* съ сильной окраской звука *a*), какъ это слѣдуетъ допустить и для

болгарскаго языка; изъ *ea* въ однихъ случаяхъ могло развиться *e*, въ другихъ *a* (ср. Левція по слав. языковн. I, стр. 78¹).

А, á.

Гласный *a* соотвѣтствуетъ 1) пра-слав. *a*: *brat*, *jama*, *nasz*, *bo-gasz*, *łazić*, *sad*, *naszac*; 2) пра-слав. *ǣ* передъ твердыми согласными, при чемъ предшествующій согласный смягчается: *biały* (ср. предшеств. параграфъ о соотвѣтств. *ǣ*).

Кромѣ обыкновеннаго *a* польскому языку свойственно особое *наклоненное* или *сжатое* *a*, обозначаемое черезъ *á* (*a* *rochylone*, *ścieś-niane*). При произнесеніи его чувствуется большее или меньшее *наклоненіе* *a* къ звуку *o*. Существованіе наклоненнаго *á* можно слѣдить по памятникамъ съ XIII в. (ср. стр. 396 — 397). Въ литературномъ языкѣ этотъ звукъ получаетъ широкое развитіе въ XVI ст. и тща-тельно обозначается въ первопечатныхъ изданіяхъ; напр. *dobrá*, *pám*, *pás*, *pán*, *kochá*, *má*, *já*, *widziáł* и т. п.²). Но затѣмъ *á* постепенно стало исчезать въ языкѣ книжномъ и образованныхъ классовъ, а въ XVIII ст. совсѣмъ исчезло. Попытка Копчинскаго вновь ввести на-чертаніе *á* въ книгахъ не увѣнчалась успѣхомъ. Въ настоящее время въ литературномъ яз. вм. *á* только *a*. Въ народныхъ говорахъ (великопольскихъ, малопольскихъ, мазурскихъ, силезскихъ, горальскомъ) до сихъ поръ держится сжатое или наклоненное *á*, которое въ разныхъ мѣстахъ представляетъ различные отгѣнки выговора: *á*, *o*, *oⁿ*, *ó*, *u*; напр. *gáj*, *lás*, *piekná*, *latáł*, *wóła* (горальск., лясовск., брезинск., зеб-жидовск.), *sto^c* (*stác*), *pto^k* (*pták*), *so^t* (*sad*), *dum*, *run*, *wum* (поз-нанск. гов.), *ron*, *dom* (лясовск. гов.).

Сжатое *á*—звукъ, развившійся на почвѣ польскаго языка уже въ историческую пору. Онъ является результатомъ утраченной долготы. Польскому *á* въ чешскомъ и сербскомъ соотвѣтствуетъ долгое *a*; напр. *piekárz*—чешск. *pekář*, *woła*—чеш. *volá* (3 л. ед. ч.), *pták*—чеш. *pták*. Обыкновенно *á* возможно въ закрытыхъ слогахъ и передъ звонкими (или голосовыми) согласными — *b*, *g*, *d*, *z*, *ž*, *w* а также передъ *l*, *ł*, *r* и *j*; но иногда оно слышится и въ исходѣ слова. Въ частности *á*—

¹) Иначе объясняютъ польскіе рефлексы древн. *ǣ* Анпель (Рус. Фил. Вѣсти., 1880, кн. I): онъ приравниваетъ чередованіе *ie*—*ia* переходу *e* въ *io* (*wiodę* см. ниже).

²) Въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко *á* обозначаетъ ясное *a*, а сжатое *a* напротивъ передается обыкновеннымъ *a*.

находимъ: 1) въ оконч. прилаг. и мѣстим. ед. ч. жен. р.: *dobrá, taká*, 2) въ глаголахъ, гдѣ а явилось какъ результатъ стяженія *aja, oja: stáć, mám, láć*; 3) прич. прошед. на *l*: *liátał, siádł*; 4) въ словахъ, гдѣ а замѣняетъ древн. ѣ: *wiáneł, siáno*; 5) въ словахъ заключающихъ слоги *zá, ná, nád: zátek, dwanáście* и т. д.

Кромѣ а сжатію подверглись подъ вліяніемъ утраченной долготы е и о (см. ниже).

Е, ё.

Гласный е соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. е (старо-слав. ѣ): *bez, wesoły*; 2) пра-слав. и старо-сл. ѣ, ѣ: *sen, odeгнаć, dzień, koniec* (ср. стр. 411); 3) пра-слав. и старо-слав. ѣ: *ślepy, śmiech* (ср. стр. 416).

Польское е обыкновенно смягчаетъ предшествующій согласный и потому передается черезъ *ie*: *bierzesz, wiedzie, nieśli, lesie, kamień, dzień* и т. д. Такой умягчительный характеръ имѣетъ е въ русскомъ (литературномъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ нар.) и частью въ словацкомъ яз. (несу, беру, день, далеко, ср. 254 стр.). Указаннымъ свойствомъ отличается е исконное (пра-славянское) и соотвѣтствующее пра-слав. ѣ и ѣ. Что касается е изъ пра-слав. ѣ, то оно не смягчаетъ предшествующаго гласнаго; напр. *odeгнаć, gobem*. Впрочемъ иногда е не имѣетъ умягчительнаго значенія и въ другихъ случаяхъ; напр. *bez, mełe, wesele, serce, wełna, rełny*. Миклошичъ (Vergl. Gram. I, 520) полагаетъ, что здѣсь е возникло изъ *ie*. Умягчительное е составляетъ исконную особенность польскаго языка, насколько можно судить объ этомъ при несовершенной графикѣ древнихъ памятниковъ.

Подобно а гласн. е въ польскомъ языкѣ съ теченіемъ времени сталъ подвергаться сжатію, т. е. началъ звучать близко къ гласн. і. Такое сжатое или наклоненное е обозначается начертаніемъ *é*: *chléb, mléko, kobiéta, wiérz, oléj* и др. Сказанное объ а относится и къ ё.

Сжатое *é* стоитъ въ связи съ исчезнувшей долготой е. Оно наблюдается преимущественно въ закрытыхъ слогахъ и передъ звонкими согласными. Возникши въ древнюю пору, оно было весьма распространено въ старомъ книжномъ языкѣ (ср. 396—397 стр.). Близость выговора *é* къ *i*, у давала поводъ къ смѣшанному употребленію этихъ буквъ; эта путаница въ орфографіи отчасти перешла и въ болѣе новое время. Въ современномъ литературномъ языкѣ *é*, если и не вышло окончательно изъ употребленія, то встрѣчается очень рѣдко. А. Ма-

лѣцкій въ своей грамматикѣ (1869) отмѣчаетъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, цѣлый рядъ формъ, гдѣ ясно слышно сжатое *é*, а именно: 1) въ род., дат., мѣстн. пл. ед. ч. жен. р. сложнаго и мѣстоименнаго скл.—*téj, jednéj, dobréj*; 2) въ твор. и мѣстн. п ед. ч. ср. р. сложн. и мѣстоим. скл.—*tém, jedném, dobrém*; 3) въ сравн. и превосх. ст.—*lepiéj, gorzéj*; 4) въ окончаніи *éj* существительныхъ—*oléj, kléj*; 5) въ повелит. накл.—*umiéj, chciéj*; 6) въ неопредѣл. накл. глаг.—*piés, siés*. Но теперь, въ бѣльшей части этихъ формъ не пишутъ *é*; въ языкѣ образованныхъ классовъ вм. *é* обыкновенно слышно чистое *e* или *i*, у: *tej, dobrym*. Въ народныхъ говорахъ *é* держится до сихъ поръ, представляя различные оттѣнки выговора: чистое *é* т. е. звукъ средній между *e* и *i*, нѣмецкое *ö*, французское *eu*, или чистое *i*; напр.: *lép, lek, lepi* (=lepiéj), *zługo* (познанск. гов.), *biða, nima, cztyry* (бескид. гов.), *ogéj, dzej* (*dzieñ*) и др.

Польскій переходъ *é* въ *i* (*y*) можно сблизить съ чешскимъ съуженіемъ *é, ie* въ *i* (ср. 66—67 стр.): *řéci—řici, viera—víra*.

Въ народныхъ говорахъ, особенно западныхъ (великопольскихъ, куявскихъ и др.) нерѣдко наблюдается и обратное явленіе: переходъ *i, y* въ *e*: *tedżeń, beł, geba, tech, p'eła, b'eł* и т. п.

Переходъ пра-славянскаго *e* въ *o*.

Кромѣ перемѣны, указанной въ предыдущемъ параграфѣ, пра-слав. *e* на почвѣ польскаго языка можетъ расширяться въ *o*. Это явленіе широко захватило языкъ и составляетъ одну изъ характерныхъ его особенностей. Переходъ *e* въ *o* происходитъ передъ твердыми *t, d, z, s, n, r, ł*, при чемъ сохраняется мягкость предшествующаго согласнаго, такъ что пра-славянское *e* = *io*; напр.: *miote, wiođe, bioře, niośl, siostra, ciotka, wiozłem, kamionka, sioło, czoło, uczoпа* и т. п. Если согласный, слѣдующій за *o*, смягчается, то восстанавливается первичное *e*; напр.: *mieziesz, wiedziesz, bierziesz, niesli, kamieñ* и т. п.

Присутствіе этой черты въ языкѣ можно установить уже для XII—XIII в. (ср. 392 стр.). Въ памятникахъ XIV—XV ст. оно представлено весьма широко (напр. въ краковскихъ ротахъ: *jodłowa, nyosl, wyodł, Pyotr, Gezor, myodowe, obwупуon* и т. д.). Тѣмъ не менѣе оно развилось на польской почвѣ несомнѣнно въ историческую пору. Во многихъ народныхъ говорахъ до сихъ поръ въ указанныхъ случаяхъ

сохраняется древнее *o*; напр.: *mietła, wiesna, pieron, żeniaty, biedra, viesło, z miedem, wiedę, mietę, bierę, biera, pleta, Pieter* и т. п. (бескид., куявск. великоп. и друг. гов.).

Совершенно такой-же переходъ *o* въ *io* наблюдается въ русскомъ языкѣ (литературномъ, великорусскомъ¹⁾: *весѣлѣй, тѣтка, принѣсъ, увѣлъ, бѣдра* и т. д. Различіе между обоими языками состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ польскомъ можетъ переходить въ *o* только исконное пра-славянское *o*, въ русскомъ - же и вторичное *o*, именно разившееся изъ первоначального *ъ*; напр. *пѣсъ, польск. pięs, почѣтъ и rozczę, 2) въ польскомъ вм. o* выступаетъ *o* только передъ указанными согласными, въ русскомъ — передъ всѣми вообще твердыми согласными (въ томъ числѣ передъ губными и гортанными), напр. *тѣплѣй и siępłu, упѣкъ — upiękł; 3) въ русскомъ расширение o* въ *o* происходитъ только въ ударяемыхъ слогахъ, въ польскомъ оно возможно и въ слогахъ, не имѣющихъ ударенія, напр.: *miodowy, Puotrassęk* (XV в.), русск. *мѣдъ, медовый, Пѣтръ, Петровъ.*

Впрочемъ, иногда и въ польскомъ *o* вм. *o* наблюдается въ словахъ, не подходящихъ подъ указанный общій законъ; напр.: *roziom, roziomka, dzionęk* (уменьш. отъ *dzień*); *piosnka* — *o* по аналогіи другихъ словъ вм. ожидаемаго *ia* (= *ъ, пѣснь*).

Въ русскомъ языкѣ главная причина перехода *o* въ *o* несомнѣнно заключается въ удареніи. Полагаютъ, что таже причина обусловила возникновеніе даннаго звуковаго явленія и въ польскомъ (Аппель, Рус. Филол. Вѣстн., 1880, кн. I, 14 — 15). И здѣсь *o* стало переходить въ *o* передъ твердыми согласными сначала только въ ударяемыхъ слогахъ и лишь послѣ, по аналогіи другихъ словъ, *o* явилось и въ неударяемыхъ слогахъ, т. е. напр.: *piosę, czoło* развились изъ *pieosę* и *szęło* по аналогіи с *piosł, czoła*, гдѣ *o* вм. *o* возникло непосредственно подъ вліяніемъ ударенія.

Чередованіе *o* — *o* можно сопоставить съ чередованіемъ *o* — *a* изъ пра-слав. *ъ*.

✓ **o, 6.**

Гласный *o* обыкновенно соотвѣтствуетъ пра-слав. *o*: *bogaty, dom, potok, powodu, stado*. Сверхъ того *o*: 1) представляетъ расширение

¹⁾ Въ общепринятой графикѣ этотъ вторичный звукъ или совѣтъ не обозначается особымъ знакомъ или передается черезъ *ѣ*.

первичнаго *o* передъ извѣстными твердыми согласными: *sio*o, *pio*se (ср. выше переходъ *o* въ *o*); 2) въ народныхъ говорахъ замѣняетъ и другіе гласные: *a*, *á*, *u* (передъ *p*, *m*, *l*, *ł*), общепольское *e* (передъ *ł*); напр. *kozden*, *kozdu*, *p'eron*, *or'ekon* (опочинск. г.), *ontarz* (зебржид. гов.), *dżoboł* (*djabel*), *znoł*, *groł*, *ofoł*, *ofoł*, *ofoł*, *Rawoł* (познанск. гов.).

Гласный *o*, подобно *a* и *e*, можетъ подвергаться сжатію, т. е. въ выговорѣ приближаться къ звуку *u*; въ такомъ случаѣ онъ обозначается черезъ *ó*. Въ современномъ литературномъ языкѣ и большей части народныхъ говоровъ сжатое *ó* и звучитъ какъ *u*: *Bóg*, *sól* (=Bug, sul). Но въ старомъ языкѣ *ó* несомнѣнно произносилось какъ звукъ средній между *o* и *u*; указанія на этотъ звукъ представляютъ древніе памятники начиная съ XIV в. (см. 396 стр.). Въ нѣкоторыхъ говорахъ (великопольскихъ) и теперь *ó* звучитъ какъ *uo*, *uo*: *kuó*j, *wuó*ł.

Ó выступаетъ преимущественно въ закрытыхъ слогахъ передъ однимъ изъ слѣдующихъ согласныхъ: *b*, *g*, *d*, *z*, *ż*, *w*, *l*, *ł*, *r* и *j*; напр.: *grób*—*grob*u, *bób*—*bob*u, *stół*—*stoł*u, *rów*—*row*u, *głód*—*głodu*, *stodoła*—*stodoł* (род. п. мн. ч.), *noga*—*nóg*, *sól*—*soli*, *jezioro*—*jeziór*, *morze*—*mórz*, *wódka*, *stój*, *mój*, *pokój*, *wóz*—*woz*u, *koza*—*kóz* и т. п.

Но возможны и отступленія отъ этого закона. Иногда *ó* слышится и въ ^{от}открытыхъ слогахъ: *gó*ga, *kró*ł—*kró*ła; иногда передъ другими согласными, кромѣ указанныхъ, напр. передъ беззвучными: *gó*sł, *mó*s.

Наковонецъ *ó* можетъ произойти изъ вторичнаго *o*, возникшаго путемъ расширенія изъ первичнаго *e*: *nió*sł, *pló*tł, *mió*d, *trzoda* (стадо)—*trzó*d (род. п. мн. ч.).

Сжатое *ó*, звучащее нынѣ, преимущественно какъ *u*, подобно другимъ сжатымъ гласнымъ нужно считать рефлексомъ прежней долготы. По отношенію къ *o* вѣрность этого заключенія особенно наглядно доказывается параллелями изъ чешскаго языка, въ которомъ долгое *o* также стало звучать какъ *uo*, впослѣдствіи стянувшееся въ *u* (т. е. *ū*): *Vóh*—*Vóh*—*Vuoh*—*Vúh*, *kú*ň, *dú*m, *mú*j, *tvú*j и т. д. (ср. 70, 255, 256 стр.). Вѣроятно и въ польскомъ языкѣ былъ тотъ-же процессъ: долгое *o* расширилось въ *uo* (удержавшееся доселѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ), а *uo* стянулось въ *u*.

Во многихъ говорахъ (силезскихъ, великопольск. и др.) *o* въ началѣ, рѣже въ срединѣ, словъ произносится съ окраской звука *u* (*uo*); напр.: *uo*bes, *uo*giń (опочинск. гов.), *duo*m (познанск. гов.).

I. Y.

Польскій языкъ, подобно русскому, различаетъ узкое *i* отъ широкаго *y*; *i* соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. *и*, *y*—пра-слав. и старо-сл. *ы*; напр.: *bić*, *wino*, *buć*, *sup*, *бити*, *вино*, *кыти*, *сымъ* (ср. чешскій и южно-славянскіе языки).

Несоотвѣтствіе со старо-славянскимъ сказывается въ слѣдующемъ. Послѣ *k*, *g* въ польскомъ не можетъ быть *y*, а только *i*; слѣдовательно старо-слав. *кы*, *гы* въ польскомъ соотвѣтствуютъ *ki*, *gi*: *kińcać* (кыиати), *gąki* (гжы), *gińcać* (гмеиати), но *ch* не раздѣляетъ судьбы *k*, *g*: *chudzić*, *chubić*, *chuba*. Съ другой стороны, послѣ *cz*, *ż*, *sz*, *ś*, *dź* и *rz* вм. первичнаго *i* возможно только *y*: *skoczyć*, *żyć*, *żyć*, *obsy*, *ciży*, *przy*. Тоже явленіе въ русскомъ языкѣ: *кинуть*, *гибнуть*, *руки*; послѣ шипящихъ и *ц* русскіе тоже произносятъ *ы* и только на письмѣ сохраняется *и*: *жизнь* (жызнь), *шить* (шыть), *цифра* (цыфра).

Различеніе *i*, *y* несомнѣнно составляетъ исконную черту польскаго языка, хотя обозначеніе этихъ звуковъ въ древнихъ памятникахъ весьма запутанное и не даетъ данныхъ для опредѣленныхъ заключеній.

Гласн. *i*, *y* нерѣдко замѣняются черезъ *e* или *é*. Въ литературномъ языкѣ эта замѣна наблюдается въ слогахъ *ie*, *ye*: *sierota*, *ser*, *cztery*, *széroki*, *pasterz*, *bohater*, *piętać*. Въ народныхъ говорахъ выступаетъ *e* вм. основныхъ *i*, *y* и въ другихъ случаяхъ: *zrobić*, *sejny*, *beć* -а, -о, *kobeła* (опочинск. гов), *supie*, *myśe* (им. п. мн. ч.). *do granice* (бескид. гов.).

Вм. основн. *y* въ нѣкоторыхъ говорахъ *u*: *buł*, *żuł*, *kuł*, (познанск. гов.—*Miejskiéj Górki*).

U.

Гласн. *u*: 1) соотвѣтствуетъ пра-слав. *y* (старо-слав. *у*): *drugi*, *gumno*, *lud*, *domu*; 2) возникши на польской почвѣ, замѣняетъ сжатое *ó*: *Bóg* (произносится *Bug*). Ср. выше объ *o*, *ó*; 3) въ говорахъ чередуется съ *a*, *i*, *y*, *o*: *ręgon*, *orękon* (опочинск., брезинск. и збжидовскій гов.), *orękon* (познанскій гов.), *b'uł* (*bił*), *pośuł*, *buł*, *żuł* (познанск. гов.).

Соотвѣтствія пра-славянскимъ рѣ, рь, лѣ, ль, ѣр, ѣр, ѣл, ѣл
(старо-слав. рѣ, рь, лѣ, ль) между согласными.

Древне-польскому языку въ извѣстной степени были свойственны гласные *ę, ǫ* (ср. 398 стр.), но уже въ древнѣйшую пору (XIV ст.), сколько можно судить по памятникамъ, въ языкѣ были распространены сочетанія плавныхъ *р, л* съ гласными. Въ настоящее время въ польскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ гласныхъ *ę, ǫ* и старо-славянскимъ *рѣ, рь, лѣ, ль* соотвѣтствуютъ исключительно сочетанія *р, л* съ чистыми гласными. Именно: 1) старо-слав. *рѣ* (пра-слав. *ѣр*) соотвѣтствуетъ аг: *targ, kark, gardło*; 2) старо-слав. *рь* (пра-сл. *ѣр*)—*іг* (въ древнемъ яз. ср. 391 стр.), вм. чего въ новомъ языкѣ *ierz, ier, аг* (передъ твердыми *t, d, s, r, ł*); напр.: *częw', częń, śmierć, pierś, sierp, ćwierdzić, wierzch, czarny, martwy, twardy, wiercieć и wartać*; аг въ этихъ словахъ, вѣроятно, развилось изъ твердаго *ę*, которое замѣнило первоначально мягкое *ǫ* подъ влияніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго; 3) старо-слав. *лѣ* (пра-сл. *ѣл*) соотвѣт. *іу, еі, оі, іл*; напр.: *dłubać, dług, długi, słup* (изъ *stłup*), *tlusty; chelm, pełny, wełna; mołwić* (древн.) — теперь *mówić; milczeć, pilch, wilk*; 4) старо-слав. *ль* (пра-сл. *ѣл*)—*оі*: *zołn, żołć, żołna, żołty*; здѣсь *оі*, вѣроятно, развилось на мѣстѣ прежняго болѣе ранняго *еі*.

Любопытно еще *іу* въ словѣ *słonce*. Сочетаніе *іл*—изъ *ѣл* трудно объяснить.

Чередованіе *е* и *а* при *р* и *е* и *о* при *л* по отношенію къ обусловившей ихъ общей причинѣ можно сблизить съ указанными выше чередованіями этихъ гласныхъ въ другихъ случаяхъ.

(Ср. W. Nehring. O wyrazach z wątlą samogłoską obok l, r, pomiędzy spółgłoskami. Prace filologiczne, 1885, t. I, z. 1).

Пра-слав. *tert* = *tret*, пра-слав. *tort* = *trot*.

Пра-славянскія сочетанія типовъ *tert* (*telt*) и *tort* превращаются въ польскомъ языкѣ черезъ перестановку гласныхъ *е* и *о*, въ сочетанія типовъ *tret* и *trot*. Примѣры: *brzemie, oczrzędź, trzewik, trzewo, plenić, slemię, smrek, śrzedni, trzeba, trzeźwy, przeciw, srebro, brona, brozda, dłoń, chłód, kłoda, krowa, mroz, płomień, proch* и др.

Первичныя *е, о* въ этихъ сочетаніяхъ могутъ подвергаться обычнымъ въ польскомъ языкѣ измѣненіямъ: *е* то сжимается въ *é* (въ ста-

ромъ языкѣ), то расширяется въ о, о сжимается въ ó: brzég, mléko, brzoza, płon (полонъ), gród, gróg.

Относительно соответствій пра-славянскимъ *tert, tort* польскій языкъ сближается съ сербо-лужицкимъ: *dřevo, broda, glova*. Въ другихъ языкахъ иначе: въ старо-славянскомъ, чешскомъ, словацкомъ и южно-славянскихъ языкахъ изъ *tert, tort* дѣлается—*trět, trat* (брѣтъ, бригер, brěh, breh, брада, brada), въ русскомъ языкѣ *teret, totot* (берегъ, борода). Ср. стр. 77, 259.

Долгота гласныхъ.

Въ современномъ польскомъ языкѣ не различается количество гласныхъ, ихъ долгота и краткость. Но въ старомъ языкѣ, нужно думать, различіе гласныхъ по количеству еще существовало (ср. 395 стр.). Слѣды прежнихъ долготъ сохранились въ сжатыхъ гласныхъ *é ó* (*chléb, Bóg* и т. п.). Сверхъ того въ народныхъ говорахъ (силезскихъ, куявскихъ, краковскихъ, бескидскихъ) въ отдѣльныхъ словахъ ясно слышны долгіе гласные: они позднѣйшаго образованія, являются вмѣсто двухъ стянувшихся гласныхъ; напр.: *ā* въ *pādać* (*powiadać*), *pāda*, *puakā* (*płakała*), *padā* (*padała*), *trzā* (*trzeba*), *dwāsca* (*dwadźeśca*); *ē* въ *pēdziała* (*powiedziała*), *nēm* (*nie vem*), *odēdz* (*odejdz*); *ū* въ *wūdź*, *przūme* (*przyjmę*—бескид. гов.). Ср. напр. *Rozprawy i Sprawozdania Wydz. fil. Krak. Akad.*, t. III (1875) 355, XI (1886) 203 и др.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ въ польскомъ языкѣ не такъ распространено, какъ въ сербо-хорватскомъ или чешскомъ, но все-таки не составляетъ явленія, особенно рѣдкаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

aje = a: *dawam, dawasz* и т. д. но *dawają*.

ėja = a: *dziać*.

qja = a: *ma, pas, bać, się, stać*.

aja = a: *dobra*.

ija = a: *lać*.

eje = e: *smiem*.

qje = e: *me, mego, mem*.

ije = e: *kazanie, podgorze*.

oji = y: *twych*.

Сюда - же относятся: *człek* (= *człowiek*), *trza* (= *trzeba*), *pādać* (= *powiadać*) и др., указанные выше (долгота гласныхъ) слова, встрѣчающіяся только въ народныхъ говорахъ.

З і я н і е.

Зіянiе устраняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, посредствомъ: 1) вставочныхъ *j*, *w*, *h*: *rije*, *daje*, *kuje*, *krawiec*, *łyskawica*, *ugnijać*, *ugniwać*, *Izrahel*; 2) черезъ превращеніе *i* въ *j*, и въ *w*: *rojść*, *rwac*, *znaj*.

Однако, зіянiе допускается: 1) когда вторымъ гласнымъ есть *i*: *gaić*, *nadziei*, *moi*, *swoi*, *szyi* и др. (передъ *i* не слышится *j*); 2) въ сложныхъ словахъ: *wyogać*, *nauka*, *zaimek*, *zausznik*, *wyexatemenować* и др. Въ народныхъ говорахъ возможно зіянiе и въ другихъ случаяхъ, напр. *daa* (вм. *dała*).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Чаще другихъ могутъ исчезать изъ слова слѣдующіе гласные: 1) *e*: *gznać*, *oslnać*; *i*: *grać*, *skra*, въ неопр. н. *być*, *mać*, въ повел. н. *baź*, *pleć*, *plećmy*, *paś*, *paśmy*, *bierz*, *cierp*, *cierpmu*; *o*: *jak*, *tak*, *nie*, *nikt*; *ę*: *zaś* (= *za się*); *y*: *dość* (= *do syti*) и т. д.

Вставочнымъ чаще всего бываетъ *e*: въ род. п. мн. ч. — *den*, *gier*, *łez*, *sozien*; въ имен. п. ед. ч. — *węgieł*, *węgiel*, *ganek*, *ogień* и др.

В) С о г л а с н ы е.

Въ польскомъ языкѣ весьма отчетливо проведено различіе между твердостью и мягкостью согласныхъ. Почти всѣ согласные могутъ быть и твердыми и мягкими и способны смягчаться передъ всѣми узкими гласными. Эту черту польскій яз. особенно сближается съ русскимъ.

Ł, l. R, rz. N, n̄.

Въ польскомъ языкѣ двойное *l*: твердое (*ł*) и мягкое (*l*); первое слышится передъ широкими гласными, второе передъ йотованными и узкими гласными, какъ основными (*e*, *i*, *ę*), такъ развившимися изъ первичныхъ *ѣ*, *ѵ*. Примѣры: *łaska*, *chłor*, *był*, *łuko*, *głuchy*; *wola*, *lubić*, *lice*, *bol*, *pleciesz*, *ler*, *ciele*, *las*. Иногда *l* звучитъ мягко и передъ

согласными: *milknąć* и *milczeć*, *pilch*, *wilga*, *wilk*. Наоборотъ иногда мягкость пропадаетъ передъ согласными: *ziele* — *ziołko*, но *koszula* — *koszulka*, *golka*, *walka*. Передъ *o* изъ древн. *ъ* не бываетъ смягченія: *kołem*, *kołek*.—Средняго *l*, соответствующаго чешскому и сербо-хорватскому, въ польскомъ языкѣ нѣтъ.

Во многихъ говорахъ *l* звучитъ какъ *ŷ* или какъ звукъ средний между *u* и *w*: *roi trzecia*, *gđuri*, *gwałt*, *gđowa*, *miŷu*, *mđody*, *ŷadny* и др. (оппелн., брезин., бескид. и др. гов.); отсюда вм. первон. *lu*, *oŷ* иногда *u*: *guri*, *ru* (зебжид. гов.).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (ясовск. гов.¹⁾ наблюдаются различные отгнѣнки мягкости въ выговорѣ *l*: *lis*, *palic* и *ŷetni*, *ŷesny*.

Въ говорахъ иногда смѣшиваются *l* и *l̄*: *chwilka* и *chwiłka*, *łokaj* и *lokaj*.

Иногда *l* чередуется съ *n*: *ontarz*, *rodnoga* (ясовск. гов.).

Согласный *g* можетъ быть твердымъ и мягкимъ. Твердое *g* вполне соответствуетъ русскому и обще-славянскому *g* (*гана*, *губа*). Мягкое *g*, обозначаемое въ современной графикѣ черезъ *gz*, въ литературномъ языкѣ и большей части говоровъ звучитъ почти какъ *ж*, а послѣ *k*, *t*, *p*, *ch* какъ *ш*: *gzeka* (*жека*), *trzeba* (*тшеба*). Но въ нѣкоторыхъ говорахъ (оппелн., зебжидов. г.) при выговорѣ мягкаго *g* слышится не только *ж* или *ш*, но и предшествующій имъ элементъ звука *g* (*mogżże*). Въ старомъ языкѣ элементъ *g* звучалъ еще отчетливѣе, и въ древнѣйшую пору мягкое *g*, какъ полагаютъ, произносилось совсѣмъ безъ примѣся шипящаго звука (см. 391 стр.). Ср. чешск. яз. 38, 84 стр.

Смягченіе *g* необходимо передъ йотованными и узкими гласными: *rogżeb*, *gzekł*, *wierżuć*, *brżég*, *żwierżę*, *prży*, *burża*, *sesarz*. Такъ-какъ *ж*, *ш* развившіяся изъ мягкаго *g*, сами по себѣ тверды, то послѣ *gz* вм. *i* является *y*. Гласн. *e*, соответствующій первонач. *ж*, не смягчаетъ предшествующаго *g*: *bioge*, *geka*; равнымъ образомъ *ą* соответствующій первонач. *ж* не измѣняетъ мягкости предшествующаго *g*: *gząd*, *gżędu*. Тоже относится къ *o* изъ *e*: *brzoza*. Передъ *o* изъ древн. *ъ*—*g* не смягчается: *wzogek*, *bogek*.

Въ народныхъ говорахъ (силезск., зебжид., завопал. г.) *g* иногда не смягчается передъ *o* (въ настоящ. вр.): *bieresz*, *biege*. И въ лите-

¹⁾ Вязъ Сандомира Rozpr. Wydz. fil., t. VIII, 1880.

ратурномъ яз. мягкость иногда пропадаетъ передъ согласными: *ogzeł, ogła, korzec—korca.*

Иногда (особенно въ старомъ языкѣ) *r* смягчается передъ нѣкоторыми согласными, именно передъ *ń*, губными и гортанными: *przuczczęzi* (Oczko, Cierplice), *sierznie, sierzр, wierzba, wierzch.*

Послѣ *z, s* вм. *rz* обыкновенно *r*: *śrebro, środ, średni, źrenica, źrebie* (вм. *źrzebie*); въ древнихъ памятникахъ: *śrzebro, źrzebie*; въ опольск. нар.—*strzebro*; въ ласов. г. *śreblō.*

Ń также способно къ смягченію подѣ влияніемъ *j* и узкихъ гласныхъ. На концѣ словъ и передъ согласными мягкость *ń* обозначается черезъ *ń*, передъ всѣми гласными кромѣ *i* посредствомъ *i*, а передъ *i* совсѣмъ не обозначается; напр.: *koń, pieśń, kończyć, kopia, kopiu, piese, rap—ranie, ranі, rań, jagnię.* Передъ *e* изъ древн. *ъ—п* не смягчается: *rapem, rapек.* Равнымъ образомъ передъ согласными *ń* иногда твердѣетъ: *piośnka*

Сочетаніе *kń* переходитъ въ *kś*: *ksiądz* (кънѣзь), *księga* (кънѣга изъ кънѣга).

Въ народныхъ говорахъ *ń* чередуется съ *m*: *m'ikodem, m'ikły* (бескид. г.); *ń=j* (на концѣ слоговъ и словъ): *gij, kuój, jabłuoj, ogej* (ласовск. г.), *kam'ej, krzemėj* (зебжид. г.); иногда *ń* удваивается: *inny, rapna, гуппа.*

D, dz, dź. T, c, ć. ✓

Зубные *d, t* подвергаются двойному смягченію: 1) передъ пра-слав. *j* и 2) передъ узкими гласными, исконными или ихъ позднѣйшими замѣнами.

Пра-слав. *dj=dz*, пра-славян. *tj=c*. Примѣры: *miedza, pędza, przędza, żądza, jedz, wiedz, cudzy, rodzen, ugadzać; świeca, lece, wra-саć, młосе, bioгаç, pasаç, chсе.*

Совершенно такое-же измѣненіе первичныхъ *dj, tj* представляетъ словацкій языкъ. Сверхъ того смягченіемъ *tj* въ с польскій яз. сближается съ чешскимъ и сербо-лужицкимъ.

Передъ узкими гласными и ихъ новѣйшими замѣстителями *d* и *t* звучатъ еще мягче, чѣмъ предъ исконнымъ *j, t*. е. превращаются въ *dź* и *ć*. Послѣднія начертанія употребляются только на концѣ словъ и передъ согласными; передъ гласными - же вмѣсто нихъ пишутъ *dzi* и *ci*, а передъ *i* только *dz* и *c*. Примѣры: *gość, mać, dać, nieć, sieć,*

snadź, Żmudź, bracia, svacia, siebie, ci, tracić, ciotka, dziecię, kocieł, dziad, kądziel, dziabel, ciało, w ciele.—Такия-же мягкія ц' и дз' представляеть бѣло-русское нарѣчіе: цѣсто, дзѣдъ.

Очень часто выступаютъ dź и ó передъ мягкимъ w': dźwignąć, niedźwiedz, ciećwierz, ćwierdzić и twierdzić.

Передъ согласными смягчение исчезаетъ: dzień, dnia, miedz — miednica, kocieł—kotła, pić—nitka.

Передъ е изъ пра-славян. ѣ смягченія не бываетъ: niedźwiadek, kmiotek, płotek, rzędem, śladem, batem и т. п. Тоже относится къ е, когда оно замѣняетъ пра-слав. ж: robotę, jade.

Послѣ s, z первичныя tj, dj перешли въ шипящія, а не свистящія; т. е. stj=szŹz (ш), zdj=źdz (ждж): dopuszcząć, chłostać—chłoszczę, gnieździć—gnieźdźę, jeźdźę.

Передъ с мягкія é и dź замѣняются j: ojca (=ośca=отца, отсюда и имен. п. ojciec), płajca, zdrajca (=zdradzca), zwajca; dwajśca (опочин. г.=dwadźeśca).

Сочетанія dł, tł охотно допускаются польскимъ языкомъ, какъ и другими сѣверо-западными языками; напр.: szedł, plótl, wiódl, władł, gardło, pradło, modlić.

Сочетанія tt, dt, какъ въ другихъ славянскихъ, превращаются въ st: pleść, wieść.

В. Р. W. F. M.

Согласные губные b, p, w, f и губно-носовой m, подобно другимъ согласнымъ, еще сохранили способность смягчаться, но эта способность въ современномъ языкѣ, особенно литературномъ, все болѣе падаетъ. На концѣ словъ названные согласные (въ литерат. языкѣ и во многихъ говорахъ) уже не бываютъ мягкими: gołab, łar, krew. Поэтому прежнія начертанія мягкихъ согласныхъ b', p', w', m' почти совсѣмъ не употребляются въ новѣйшей графическѣ.

Смягченіе b, p, w, f, m имѣеть мѣсто передъ j и узкими гласными, какъ исконными, такъ и новѣйшими ихъ замѣстителями; оно обозначается посредствомъ i; напр.: zemia, korabia, grabie, bies, bić, biały, pies, piekę, piес, piес, piąty, piana, wiem, wiano, święty, świąt, miano, mięso, miękki, figiel, trafić, trafiam.

Въ нѣкоторыхъ словахъ пра-слав. hj, pj, vj превращаются въ bl, pl, wl, какъ въ старо-славянскомъ, русскомъ, сербо-хорватскомъ и

словинскомъ языкахъ: *grobła* (плотина), *grable* (великоп. г. общепольска *grabie*), *czapła*, *krpola* (капля), *kurła* и *kuria*, *mowła*, *niemowlę*, *niemowlątko* и *nemowiątko*. Нужно думать, что *l* въ этихъ сочетаніяхъ не архаическая черта, а новѣйшее явленіе, такъ - какъ въ древнихъ памятникахъ не *grobła* а *grobła*, не *krpola* а *kroria* (*krorie*—множ. ч.).

Способность польскихъ губныхъ къ мягкому выговору видна, между прочимъ, изъ того, что они могутъ вліять на смягченіе предшествующихъ согласныхъ; напр.: *dźwięk*, *dźwignąć*, *śpieć*, *ćwierz*, *weźmi*.

Иногда *b*, *p*, *w*, *f*, *m* смягчаются передъ мягкими согласными: *wąp'liwy*, *golęb'nik*, *szczaw'nica*, *karm'nik*, *trefniś*.

Передъ *e* изъ *z* и передъ *e* вм. *ż* губные, какъ и другіе согласные, не смягчаются: *chłopek*, *chłopem*; *słowem*, *gube* и т. п.

Въ мазурскихъ говорахъ наблюдаются оригинальныя смягченія: 1) *m* въ *mń* (только передъ *i*): *mńiłość*; то же явленіе спорадически и въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ: *mńałem*, *mńeso*; 2) *ń* — въ *vź*, *ź* или *j*: *vźino*, *vźecog*, *źino*, *źecog*, *jadro*, *jem*, *jecog*, *josna*, *ojes*; то же явленіе въ нѣкоторыхъ кувявскихъ говорахъ (*Sompolko*, *Piotrków*, *Strzelno*): *jilk*, *jiseć*; въ послѣднихъ, вслѣдствіе смѣшенія *ń* съ *j* иногда появляется *ń* вм. *j*: *ńeleń*.

Вм. первичн. *m* слышится *n* въ *niedzwiadź*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. *w* слышится: *b* (*posobo*, *łyżby*), *m* (*smąd*), *g* (*gdowa*, *gnuk*), *ń* (*ńujek*).

f слышится большею частью въ заимствованныхъ словахъ: *flak*, *obiaga*, *frasz*, *trefić* и т. п. Иногда оно возникаетъ на мѣстной почвѣ изъ *chw* и *rw*: *faal*, *krotofila*, *Bogufal*, *ufać*. Вм. иностр. *f* въ польскомъ нарѣчьи *b*, *p*: *bagwa*, *hrabia*, *margrabia*, *bażant*, *Szczepan*. Ср. 89 стр.

through Czechish
G. K. Ch. H.

Польскія *g*, *k*, *ch* вполне соотвѣтствуютъ пра-славянскимъ гортаннымъ и звучать совершенно такъ какъ русскія *г*, *к*, *х*. Кромѣ гортанныхъ звуковъ, обозначаемыхъ указанными начертаніями, польскому языку отчасти свойственно придыхательное *g*, обозначаемое черезъ *h*. Оно заимствовано изъ мало-русскаго, а частью быть можетъ изъ чешскаго языка. Въ книжномъ языкѣ область употребленія буквы *h* ограничивается словами заимствованными (изъ мало-русскаго и друг. язы-

ковъ); напр.: bohater, Bóhdan, halas, kurhan, hańba, hetman, huk, humor, hajduk и др.; при чемъ среди образованныхъ классовъ выговоръ ея не отличается отъ выговора *ch*¹⁾. Тоже относится и вообще къ народной рѣчи. Но въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ; напр.: опольскомъ, бескидскомъ, брезинскомъ и друг. *h*, отличаясь отъ *ch*, звучитъ близко къ мало-русскому и чешскому придыхательному *g* (*h*); напр.: па *wirhu*, *howa*, *hudo*bny, *hleb* (бескид. гов.).

G и *k* способны къ непосредственному смягченію: *kinąc*, *ginąc*, *wielki*, *drugi*, т. е. *kinąc*, *ginąc* и т. д. Тоже явленіе и въ русскомъ языкѣ.—Передъ твердымъ *e* послѣ *k*, *g* пишется *i*: *wiek*iem, *stog*iem, *wielk*iego, *wielk*iemu, *ubog*iego, *ubog*iemu. — Мягкія *g*, *k* слышатся и передъ согласными: *k*witnąc, *g*wizdać.

Переходное смягченіе гортанныхъ, т. е. превращеніе ихъ передъ *j* и узкими гласными въ шипящія (*ż*, *cz*, *sz*) и свистящія (*dz*, *ć*, *ś*) какъ пра-славянская черта, свойственно польскому языку на ряду съ другими живыми славянскими языками. Уклоненіе отъ старо-славянскаго въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (передъ *e* = *ǣ* въ склоненіи) *ch* переходитъ не въ *s*, а въ *sz*. Такимъ образомъ: 1) *g* (*h*), *k*, *ch* переходятъ въ *ż*, *cz*, *sz* передъ *j*, *e*, *i* (при образованіи основъ); древними *ǣ* (= *ǫ*) и *ь* (изъ *i*, *j*); напр.: *stro*ża, *mo*żesz, *bo*że, *bo*ży, *ksią*żka, *bo*żek, *pie*czesz, *plac*zę, *cz*łowiecze, *kawa*łeczek, *rob*oczny, *kurc*zę, *dzic*zyć, *du*sza, *sus*za, *zau*szka, *pie*szу, *s*łyszecь, *grzes*zyć, *woj*cieszе, *mn*iszу; 2) *g*, *k* переходятъ въ *dz*, *ć* передъ *i* (въ окончаніяхъ), древними *ǣ* (= *ai*, *oi* въ окончаніяхъ) и *j* (болѣе поздній переходъ въ сравненіи съ переходомъ *g**j* *k**j* въ *ż* и *sz*); напр.: *sz*pieg—*sz*piedzy, *s*rogі—*s*rodzy, *d*rogі—*d*rodzy, *noga*—*n*odze, *Po*lacy, *wil*cy, *rę*ka—*r*ęce, *mę*ka—*m*ęce, *Po*lsce, *ow*sa, *cią*dzać; 3) *ch* передъ *i* (въ окончаніяхъ) переходятъ въ *s*, а передъ *e* (= *ǣ* въ окончаніяхъ) въ *sz*; напр.: *w*losi, *g*łusi, *m*ucha—*m*usze, *w*loszех; равнымъ образомъ и *h* передъ *e* (= *ǣ*) переходитъ въ *ż* (а не *dz*): *bra*że, *Sa*pieże. Ср. чешск. яз. 90 стр.

Въ повелительномъ накл. вм. ожидаемыхъ *dz*, *ć* по отпаденіи конечнаго *i* слышится *ż*, *cz*: *ła*ż, *romó*ż, *pie*sz, *t*łucz.

Группы *gt*, *kt* подвергаются тому-же измѣненію какъ *tj*, т. е. переходятъ въ *ć*: *pie*ś, *m*oś, *po*ś.

¹⁾ Въ виду этого въ современной графикѣ *h* встрѣчается все рѣже и рѣже.

Кт въ народныхъ говорахъ чередуется съ cht въ kto, ktory — chto, chtory (куявск. г.).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ k замѣняетъ t: kwardy, kwardość (опочинск. г.), krzeżvy (забопан. г.).

Z, ź, dz, dź. C, ć. S, ś.

Польскій языкъ представляетъ большое количество свистящихъ согласныхъ, отличающихся не только по оттѣнкамъ произношенія, но и по происхожденію.

Современныя польскія z, s соотвѣтствуютъ пра-слав. твердымъ z и s: wóz, les.

Современное c замѣняетъ: 1) пра-слав. c (изъ k): wieniec, ręka — ręce; 2) пра-польское c изъ пра-слав. kt, gt: piec, moc; 3) пра-польское c изъ пра-слав. tj: świeca; см. выше о t.

Современное dz замѣняетъ: 1) пра-слав. мягкое z изъ g: książdz, podze; 2) пра-польское dz изъ пра-слав. dj: nędza; ср. выше о g и d; 3) болѣе древнее z: dzwon, bardzo, śledziona.

Современныя dź и ć суть собственно смягченія d и t передъ узкими гласными: miedź, nieć, ср. выше о d, t.

Ż, ś обозначаютъ смягченіе z, s: groźba, gość.

Согласные z, c, s слѣдуетъ считать твердыми, при чемъ z и s способны подвергаться смягченію, а c почти всегда остается твердымъ; ć есть смягченіе не c, а t. Впрочемъ встрѣчаются случаи и смягченія c: zwięciadło, świecie.

Пра-славянская черта—переходъ dz (и др. z) и c въ шипящія ź, sz въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣеть мѣсто этотъ переходъ для g, k, т. е. передъ j, e, i, др. ѣ, ъ (изъ i, jъ)—выдержана и въ польскомъ языкѣ; напр.: książę, pieniądze, woże, konczuć, chłopcze, ojczyzna, uliczka, owca—owieczka. Напротивъ s измѣняется въ sz только передъ j: poszę, pişę.

Впрочемъ въ мѣстоим. wś и производныхъ отъ него вм. s слышится sz: wszak, wszeliki, wszędy, wszystkie и др. Тоже въ чешскомъ и сербо-лужицкомъ яз.

Z, s смягчаются въ ź, ś: 1) передъ узкими гласными, исконными и ихъ замѣстителями, при чемъ мягкость обозначается такимъ-же способомъ какъ и при другихъ согласныхъ (т. е. ź, ś, zi, si передъ i не обозначается); напр.: wiesz, grozisz, ziewać, ziębić, groźba, niesiesz,

Really I think the older s. = slow s.

wisieć, siła, siędę, ryś; 2) передъ мягкими согласными; напр.: źle, wieźli, weźmiesz, gwoźdź; kość, myśl, ośm, śpi, świadek.—Иногда вм. ś—слышится sz: szędziwy и szedziwy, szary.

Передъ твердыми согласными смягчение исчезаетъ: osieł — osła, kozieł — kozła, wieś — wioska.

Группа zd передъ j и узкими гласными переходитъ въ źdź или źdź: jeźdźę — jeźdźić, gnieźdźę — gnieźdźić.

Группа zg передъ узкими гласными превращается въ źdź: drobiazg — drobiaźdżek, mozg — moźdżek.

Stj = szcz (щ): obwieszczę, chrzszczony, gościć — goszczę.

Sk передъ j и узкими согласными переходитъ въ szcz (щ): iszczę, sierbszczyna, bożyszczę.

Ts и czs превращаются въ c: bogactwo, co (ćso), nic; ss = s: ruski.

Въ сочетаніяхъ śs, źrz согл. ś, ź замѣняются j: wiejski (wieśski), miejski (mieś(ć)ki отъ miasto), dojrzeć, spojrzeć (ср. выше ojca вм. ośca, ojczyzna вм. obczyzna).

Смѣшеніе s и z наблюдается въ предлогахъ s (съ) и z (изъ). Въ литературномъ яз. господствуетъ z въ значеніи съ и изъ, а s слышно рѣдко и то обыкновенно тамъ, гдѣ ожидается z. Въ народныхъ говорахъ часто иначе; такъ въ опольск. н. господствуетъ s.

Ź. Cz. Sz. Dź.

Польскіе шипящіе ź (ж), cz (ч), sz (ш) большею частью пра-славянскаго происхожденія. Они соотвѣтствуютъ: 1) пра-слав. ж, ш изъ aj, ej (nosze, gogoża) или 2) пра-слав. ж, ч ш изъ гортанныхъ г, х, х, перешедшихъ въ шипящіе подъ вліяніемъ j или узкихъ гласныхъ (boże, człowiecze, suszyć и т. п.).

Болѣе поздняго происхожденія: sz въ мѣстномъ — wszak, wszego и т. д., szedziwy и др., ź въ такихъ словахъ какъ jeźdźę, moźdżek.

Dź (дж) — сложный шипящій звукъ, возникшій на почвѣ польскаго языка изъ d или g, когда этимъ согласнымъ предшествуетъ z, а сами они стоятъ передъ j или узкимъ гласнымъ; при этомъ z также измѣняется въ ź: gnieźdźę (gnieźdić), dojeźdźać, drobiaźdżek (drobiazg). Ср. выше параграфъ о свистящихъ.

Во многихъ народныхъ говорахъ шипящіе звуки совсѣмъ не слышны и замѣняются свистящими z, c, s, dz; напр.: boze, zyc, zyto, słowiek, carny, zyc, sukać. Такъ какъ это звуковое явленіе наиболѣе

последовательно выдержано въ мазурскомъ нар., то оно называется мазурованіемъ. Но въ большей или меньшей степени оно свойственно куявскимъ, силезскимъ, мало-польскимъ и бескидскимъ говорамъ. Только велико-польскому нарѣчію вообще чужда замѣна шипящихъ свистящими (или „язычныхъ“ „зубными“).

Передъ мягкими согласными шипящіе также смягчаются или переходятъ въ *ź, ć, ś*: *droźnik, źrzadko, jeźli, boźnica, ćwierć, grzeźnik, ślachta*. Тоже передъ *i*: *chozi, gorsi*. Но *cz* передъ *ń* остается: *gecz-
nik, maźcznik*. Въ народныхъ говорахъ подобный переходъ наблюдается и въ другихъ случаяхъ: *śam* (опольск. г.), *źaba, źelazo* (опочин. г.), *ćtyge* (закоп. г.).

Группа *czrz = trz*: *trzoda, trzewo, trzewik*.

źs = s: *bostwo, mnostwo (mnoźstwo)*; *czsz = cz*: *ochoczy*; *źź = ź*: *oźon*.

Ж.

Согл. *j*: 1) соответствуетъ пра-слав. *j*: *jego, jest*; 2) развился на почвѣ польскаго языка вм. другихъ согласныхъ *o, ó (Ń), dź, ź, ś*: *ojca, zdrajsa, wiejski* и др.; въ народныхъ говорахъ также вм. *r, p, ń, ć*: *majmugowy* (опольск. г.), *trajsport* (опочин. г.), *jelej, kamej* (зѣбжид. г.). Любопытна замѣна древн. *j* черезъ *l* въ *zmila* (зѣбжид. гов.), *jesog* (мазур. нар.).

Уподобленіе согласныхъ.

Обще-славянскій законъ уподобленія согласныхъ имѣетъ широкое примѣненіе и въ польскомъ языкѣ, который допускаетъ рядомъ только однородные согласные, т. е. звучные или отзвучные, твердые или мягкіе. Если сталкиваются разнородные согласные, то происходитъ уподобленіе однихъ другимъ, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: звучные (*mediae*) *g, h, d, dź, dz, z, ź, ż, b, w* переходятъ въ соответствующіе отзвучные (*tenues*) *k, ch, t, ć, c, s, ś, sz, p, f* и на оборотъ отзвучные въ звучные, при чемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предыдущій; напр.: *dech—tchu, tchnąć, kiedy* и *gdy* (древ. *kiegdy*), *krtań* (вм. *grtań*), *lekki, bliski, składać, wieść (wiszę)* и др. Чаше это уподобленіе звуковъ не передается на письмѣ; такъ *prośba, krówka, gadca, zszyć, rozkuć* и др. произносятся *prozba, krófká, ratca, szyć, roskuć* и т. д.

На концѣ словъ вм. звучныхъ слышатся, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, отзвучные: *bóch, dęb, kref*; въ литературномъ языкѣ въ этихъ случаяхъ удерживается этимологическое правописание: *bóg, dęb, krew*.

Затѣмъ дѣйствіемъ закона уподобленія объясняются и разсмотрѣнные выше многочисленные случаи смягченія согласныхъ передъ слѣдующими мягкими согласными и на-оборотъ случаи отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми: *wiosło—wiośle, wieźli, ćwierdzić, kocięł—kotła, osięł—osła* и т. п.

Въ народныхъ говорахъ наблюдаются особые характерные примѣры уподобленія согласныхъ: *velgi* (малопол., великопол., кувявск. и др. г.), *leleń* (вм. *jeleń*, сандомир. г.), *m'еш'ес* (вм. *niemies*, малопол. г.), *dřazga* (вм. *třazga*, опочин. г.), *chgosła* (вм. *kgosła*) и др.

Расподобленіе согласныхъ.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются слѣдующіе любопытные случаи расподобленія согласныхъ: *m'ętki, letki* (= *miękki, lekki*), *velgrund, majmur, lubryka, cyrulik, Małgorzata, śrybło, chto, chtory, styře, stvarty, kvała, kvast, křest, krustus, skovej* и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновеніе согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ наблюдается преимущественно въ народныхъ говорахъ, за исключеніемъ обще-славянскихъ явленій (*dam, topać, grześć* и т. п.), свойственныхъ всему языку.

Въ частности могутъ исчезать: *ł, r, d, t, w, b, p, m, g, s, ć, j*.

Ł: *plot, rad, trzas, gruz* и др. въ прич. прош. дѣйств. П (во всѣхъ нарѣчійхъ), *тупаг, jabko* (мясов. г.), *соѣек, gupi, mody* (силез. г.).

R: *oźlau (rozlal), касма, dozeńś się (rozejś się), ozdać (rozdać), ozłożuć (rozłożuć)*.

D: *brnać (bred), pole, vele* (малопол. г. вм. *podle, vedle*), *la* (великопол. г.), *garło*.

T: *słać, křesnik, jes и je* (съ XIV в.), *paśvisko, słup*.

W: *šyćko, šędy, cale* (малопол. г.), *šak, stręć* (великопол. г.), *góź* (зебжид. г. вм. *gwóźdz*), *piersi* (опольск. г. вм. *pięwszy*).

B: *łyskać, trza* (опольск., опочин. г. вм. *trzeba*).

P: *chłonać, oślnać и oślernać*.

Ш: oś, maś (бресин. г.), ta, sa (малопол., куяв. г. вм. tam, sam).

Г: (g)ŕechotka, (g)ŕadka, (g)ŕečka (малопол. г.), gobak (опольск. г.), Bodaj (Bóg daj).

С: (s)kryńa, rokrynek (зебжид. г.), łza (древн. slza, въ нѣкоторыхъ говорахъ śloza).

Ѓ: jejs, p'eń (pieć, въ опольск. г.).

Ј: pryde, pi, gvi (повел. н. беск. г.), bóse Boga (опочин. г.), uz (вм. już, опольск. г.) и ju (опочинск. г.), dobre (вм. dobrej, силезск., бескид., бресин. и др. гов.).

Приставка и вставка согласныхъ.

Приставными (въ значеніи т. н. „придыханій“) и вставными звуками бываютъ: **ј** (независимо отъ случаевъ обще-славянскихъ: bije, jego и т. п.): jańoł (малоп., бескид. г.), juseł (великоп. г. вм. uszuł); ta-moj, zamoj (куяв. г.), ovoj, śejstra, ojstry, młojdśy (великоп. г.), grujnt, fujnt (куяв. г.), pojśli, zajśli, wsyjscy (силезск. г.), mlyjn (бескид. г.); **w:** krawiec, łyskawica, obawać się, vōgeń, vōřech (великоп. г.), vogać, voćec (куявск. г.); **ѣ:** ŕovca (великоп. г.), ŕośoł (малоп. г.); **ł:** łořech, łuczyc (куявск. г.), skumpły (познанск. г. вм. skąpy); **h:** huzda, hale; **и** (обще-слав.): do niego, ku nim, wynidzie, śniedz, vdzewnić, mental, skorno (познан. г.); **d:** zazdrość, zdradzić, dojźdrzeć, wejźdrzeć (великоп. г.), zdrzódno (опольск. г.), drdzeń, drdza; **t:** strzybro, strzybuo (силезск. и др. гов.); **k:** tamok, ajnok, znowuk (и другихъ нарѣчійхъ, оканчивающихся на гласный, лясовск., бескид., зебжидов. и др. гов.); **sz:** pszczoła, въ бескид. г. pśoła (изъ бѣчела).

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: lpać и śpać, cietzew' и ciećwierz, drzwi и dźwierzy (народ. г.), pierścień и piestrzeń (бескид. г.), przykor и krzypor, pchła (р. п. plech) старо-слав. ~~пчла~~, niedbawny и jedwabny, sledź (рус. сельдь), tko, tkógy (малопольск. г.), ktwić, ktać (вм. tkvić, ткаć, куявск. г.), środa и řsoda, sprożgy и sprożij, drągal и grądal (малоп. г.), łotoś (ołtarz), dřevńec вм. rdzewniec (познан. г.), burk вм. bruk (опочин. г.) и др.

5. У д а р е н и е.

По отношенію къ ударенію изученіе польскаго языка не представляетъ никакихъ трудностей.

Въ качественномъ отношеніи польское удареніе *экспираторное* и *однородное*, т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона и остается всегда одинаковымъ вслѣдствіе отсутствія въ языкѣ различія между долготой и краткостью гласныхъ. Относительно положенія въ словѣ польское удареніе — *одномѣстное* и *постоянное*, именно приходится всегда на предпоследній слогъ; напр.: *zima, bardzo, bujającego, tworzenie*. Такое-же постоянное удареніе представляютъ чешскій и сербо-лужицкій языки, но тамъ оно падаетъ на первый слогъ.

Односложныя слова обыкновенно тоже принимаютъ удареніе. Но нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ энклитиками, т. е. не имѣютъ самостоятельнаго ударенія, а прислоняясь къ другимъ словамъ составляютъ съ ними одну акцентную единицу. Сюда относятся: 1) мѣстоименія — *go, mu, mi, ci, mię, cię, się*; 2) глагольныя формы — *śmy, ście, by, bym, byście*; 3) частицы и союзы — *li, i, a, to, że, lub, za*.

При соединеніи односложныхъ словъ съ предлогами, удареніе обыкновенно переносится на предлогъ, когда слово тѣсно сливается съ нимъ въ одно нарѣче-образное выраженіе, напр.: *radam do nóg, we śnie, na wieś, pod piec, przy mnie, po nim*. Въ другихъ случаяхъ этого перенесенія не бываетъ: *na stół, czy na piec, do miasta, czy do wsi, do nóg księżęcia*. Впрочемъ говорятъ также: *na włos, na kraj, dla żon, na wiatr, przez czas*.

Отъ указаннаго общаго закона польскаго ударенія наблюдается нѣсколько отступленій; именно: 1) въ 1 и 2 л. множ. ч. прошедшаго времени вспомогательный глаголъ, сливаясь съ причастіемъ, не вліяетъ на его удареніе, которое, такимъ образомъ, оказывается не на второмъ, а на третьемъ слогѣ сложнаго слова: *byliśmy, byliście, widzieliśmy, widzieliście*, не *byliśmy, byliście* и т. д.; въ ед. ч. дѣйствуетъ общій законъ: *widziałem, widziałeś*; 2) прилагательныя краткія (именныхъ окончаній), соединяясь съ формами 1 и 2 л. един. ч. вспомогательнаго глагола *em, eś*, въ противоположность соответствующимъ формамъ прошедш. вр., могутъ сохранять свое первоначальное удареніе, напр.: *winiem jego śmierci, godzieneś chwały* и *winiem jego śmierci*,

godzienieś chwały и т. д.; 3) тоже явленіе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ когда въ двусложному или многосложному слову примыкаетъ какая либо энклитика: *widzisz li, dawał ci, dały nam, jesteśmy, rzekłycie*; 4) слова иностраннаго, особенно заимствованнаго изъ латинскаго языка и чаще всего оканчивающіяся на *ука, іка, уја, іја, ум, іум, уusz, іusz*, сохраняютъ свое настоящее удареніе, которое обыкновенно падаетъ на третій слогъ отъ конца: *muzyka, logika, mechanika, fizyka, lekcyja, Zofija, publika, Ameryka* и др.; впрочемъ, въ народномъ языкѣ это правило не соблюдается: *Turcyja*; сверхъ того и въ литературномъ языкѣ слова на *уја* часто произносятся и пишутся на *ја*: *edukacja*; 5) слѣдующія слова имѣютъ удареніе на третьемъ слогѣ: *wogóle, ogółem, w szczególności, poszczególne, okolica, polityka, rzeczpospolita*.

А. Малаецкій¹⁾ допускаетъ существованіе въ польскомъ языкѣ на ряду съ главнымъ второстепеннаго или побочнаго ударенія (*mniejszy akcent*), которое будто-бы ясно чувствуется въ многосложныхъ словахъ и падаетъ на первый слогъ; напр.: *porozumienie, najcharakterystyczniejsza* и др. Повидимому принимаетъ этотъ взглядъ и проф. Р. Э. Брандтъ въ известномъ своемъ сочиненіи объ удареніи въ славянскихъ языкахъ²⁾. Но собственно говоря, вопросъ о второстепенныхъ удареніяхъ остается неразъясненнымъ; другіе изслѣдователи польскаго языка, кромѣ Малаецкаго, совсѣмъ его не касаются.

Въ народныхъ говорахъ основной законъ польскаго ударенія выдерживается еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ въ литературномъ языкѣ; народъ обыкновенно говоритъ: *Francyja, gimnazyja, okolica, byleby* и т. п.

Польское однодѣльное удареніе, какъ и чешское, несомнѣнно развилось изъ пра-славянскаго разнодѣльнаго (ср. Р. Брандта, Начерт. слав. акцент., 178—182).

6. Формальныя особенности.

А) С к л о н е н і е.

Склоненіе въ польскомъ яз., какъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, не представляетъ такого богатства формъ, какое пред-

¹⁾ *Gramatyka większa* (1863) 407; *Gramatyka szkolna* (1878) 295—296.

²⁾ Начертаніе славянской акцентологии, 1880, 169.

полагается для славянскаго пра-языка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка. Въ общемъ оно весьма упростилось сравнительно съ предполагаемой древнею нормой, хотя не въ такой степени какъ склоненіе болгарское или сербское. Въ частности уклоненія отъ старины совпадаютъ то съ чешскими и словацкими, то съ русскими. Главнѣйшія отступленія отъ древней (пра-славян.) нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній.

Именное склоненіе.

1) *Утрата двойственнаго числа.* Въ настоящее время польскій языкъ не знаетъ двойственнаго числа: оно замѣняется множественнымъ¹⁾ какъ въ большинствѣ новыхъ славянскихъ языковъ. Скудные остатки двойственнаго числа сохранились лишь въ немногихъ формахъ, которыя напоминаютъ о прежнемъ двойственномъ своимъ окончаніями, но имѣютъ уже значеніе множественнаго; именно: *oszu, uszu, ręce, ręku (wziąć z ręku, trzymać w ręku, rękoма (вм. древн. rękата).* Встрѣчающееся въ народныхъ говорахъ оконч. *ша* для творит. п. множ. (а иногда и для дат. п. мн. ч.), вѣроятно также перешло изъ двойств. ч. *lasoma, губата*²⁾. Ясные слѣды двойств. ч. представляютъ обще-литературныя формы: *dwie ście, dwie słowie*—въ пословицѣ—*małdziej głowie dość dwie słowie*, а также народныя выраженія (по разнымъ говорамъ): *dwie lecie, dwa chłopa, dwa gąsca*.

Старому языку несомнѣнно было свойственно двойственное число, хотя уже въ XIV и XV ст., сколько можно судить по памятникамъ, формы двойств. ч. часто замѣнялись формами множ. ч. Держалось двойственное число въ языкѣ еще въ XVI и XVII в.; напр. формы его вѣрѣдко попадаются у такого классическаго писателя какъ Я. Кохановскій. Большею частью эти формы сохраняютъ древнія окончанія, болѣе или менѣе соотвѣтствующія старо-славянскимъ; именно:

1) для основъ на -о и -jо муж. р.: -а (имен., вин. п.) *męza dwa, dwa krola* (Соф. библ.), *dwa miecza* (пам. XV в., Коханов. и др.), *dwa*

¹⁾ Ср. однако языки словинскій, сербо-лужицкій и кашубскій.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясковскомъ г.) подобныя формы на -ша употребляются и въ значеніи двойственнаго числа.

pałca (хроника М. Бѣльскаго и др.); -ц (родит., мѣст. п.)—paпu guch (Флор. пс.), dwu rowu, dwu dziesiŃtku, dwu krolu, na obu boku (Соф. библ.), o dwu strożu (Мол. Вацлав.), po dwu rzędu (Коханов.); -ома (дат., твор.)—zakonoma (Флоріан. пс.), bratoma, synoma (Соф. библ.), niedźwiedzoma (Март. Бѣльск.).

2) для основъ на -о, -jo средн. р.: е (=ѣ), і (имен., вин. п.)—dwie lecie, dwie stadzie, dwie wojsce (Коханов.), dwie pokoleni (Соф. библ.), dwie słońci, dwie poli (Коханов.); -ц (род. мѣст. п.)—skrzydłu (Флор. и Пулав. пс.), plesu (Соф. библ.), latu (Вислиц. ст.); -ома (дат., твор. п.)—dwіma stoma (Соф. библ.), latoma (Вислиц. ст.), plesoma (Флор. пс.).

3) для основъ на -а, -ја: е, і (имен., вин. п.)—gŃce (Флор. пс.), dwie dziewce, babie, żenie, podze, gołubicy (Соф. библ.), dwie świece, duszy (Рей); -ц (род., мѣст. п.)—gŃku (Флор. пс. Соф. б.), obu dziedzinu, we dwu ziemi (Вислиц. ст.), na obu stronu (Соф. библ.); -ама (дат., твор. п.)—żonama, gŃkama; но и -ома (съ XV в.)—stronoma, гаpома (Вислиц. ст.).

4) для основъ на -і: і (имен., вин. п.)—dwie czŃści (Соф. библ.); -ц (род., мѣст. п.), we dwu sieni (Соф. библ.); -ема (дат., твор. п.)—dwіema, trzema.

5) для основъ на согласный: і (имен., вин.)—oszu, uszu (Флор., Пулав. пс. и др.), dwie ksiŃżcy (Соф. библ.); -ц род., мѣст.)—oszu, uszu (Флоріан. пс.), na obu ramionu; -іма — oszuma, uszuma (Флор., Пулав. пс.).

2) *Виды именного склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ.*
Въ польскомъ языкѣ представлены не всѣ виды древняго (пра-славянскаго) именного склоненія, а лишь нѣкоторые; именно: 1) склоненіе основъ на -о (ѣ, о), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -а, твердое и мягкое и 3) склоненіе основъ на -і женскаго рода. Прочіе виды именного склоненія или исчезли, или сохранились въ немногочисленныхъ обломкахъ. Склоненіе основъ на -ц (какъ во всѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ) слилось со склоненіемъ основъ на -о (ѣ). Слѣды этого склоненія удержались въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на -о. Сюда относятся: -ц (родит. п. ед. ч.), -owі (дат. п. ед. ч.), -ц (зват. п. ед. ч.), -ц (мѣст. п. ед. ч.), -owіе (имен. п. мн. ч.), -ów (род. п. мн. ч.), -osŃ (мѣст. п. мн. ч. въ старо-польск. яз.); напр.: dębu (р. п.), dębowi (дат. п.), szpaku (зв. п.),

w duchu (мѣстн. п.), rapowie (имен. п. мн. ч.), rapów (род. п. мн. ч.). Склонение основъ на -i мужскаго рода сохранилось лишь для двухъ словъ—gość и lud, при томъ только въ нѣкоторыхъ падежахъ мн. ч.: им. п. goście, ludzie, род. п. gości, ludzi, тв. п. gości, ludzmi; сверхъ того окончаніе i род. п. мн. ч. въ значеніи побочнаго окончанія перешло въ мягкое склоненіе основъ на -o: króli (но и królów), pisarzy. Всѣ остальные слова древняго склоненія основъ на -i муж. р. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Склоненіе основъ на согласные совсѣмъ исчезло. Нѣкоторый слѣдъ его сохранился лишь въ нарощеніи и чередованіи мягкихъ и твердыхъ основъ, при чемъ первыя выступаютъ въ един. ч., а вторыя во множ. ч. Всѣ древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію основъ на -o (основы ср. р. на -n, -s, -t) или на -a и на -i жен. р. (основы на -n, -r, -w). Смѣшеніе основъ выражается и въ томъ, что нѣкоторыя основы на -i женскаго рода измѣняются по мягкому склоненію основъ на -a. Наконецъ и въ склоненіи основъ на -o и на -a наблюдается смѣшеніе между твердыми и мягкими основами; различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ, вообще весьма незначительно. Старый языкъ въ этомъ отношеніи не развится существенно отъ новаго. Тѣмъ не менѣе въ немъ встрѣчается больше слѣдовъ вымершихъ видовъ склоненія; напр. отъ основъ на согласные находимъ формы: род. п. krwie, serekwie, macierze (Флор. пс. Соф. 6. и др.), дат. п. macierzy (Пулав. пс., Соф. 6.), we kirwiesch, na niebiesich (Флор. пс.). Подобные же остатки старины встрѣчаются и въ народныхъ говорахъ (напр. macierze лясовск. гов.).

3) *Смѣшеніе падежныхъ окончаній.* Въ связи со смѣшеніемъ основъ находится смѣшеніе падежныхъ окончаній. Подъ вліяніемъ закона аналогіи или вслѣдствіе извѣстныхъ звуковыхъ особенностей языка различныя падежи одного вида склоненія, когда-то звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія; или же извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному разряду словъ, примѣняется въ томъ же падежѣ въ словамъ другихъ категорій. Сюда относятся слѣдующія явленія.

I. Въ склоненіи основъ на -o.

а) *Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на -n;* именно: 1) *оконч. зват. п. ед. ч. муж. р. -n* (не только въ мягкомъ склоненіи, но и твердомъ), рядомъ съ e: znaku, chłorie; 2) *оконч. род. п. един. ч. муж. р. -n* рядомъ съ основнымъ a: dęba, chłora; 3) *оконч.*

дат. п. един. ч. муж. р. -owī, господствующее надъ основнымъ -и: chłorowī, dębowī; 4) оконч. мѣстн. п. един. ч. -и рядомъ съ -о (взл. пра-сл. ѣ): w znaku, na dębie; 5) оконч. имен. п. мн. ч. муж. р. -owie, рядомъ съ основнымъ і и неорганическимъ у: chłorі, dębu, ranowie; 6) оконч. род. п. мн. ч. муж. р. -ów: chłorów, królów; древнія формы безъ ów, сохранились отъ словъ на -ianin (mieszczan), названій народовъ когда ими обозначаются страны (Włoch) и отъ слова czas (въ выраженіи dotychczas); 7) оконч. мѣстн. п. мн. ч. муж. р. -oeh (только въ старомъ яз.) на ряду съ oeh, удержавшимся также только въ народныхъ говорахъ: bogoch, dągach (Флор., Пулав. пс. и др.); końsieh. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -и, перешли въ склоненіе основъ на -о уже въ до-историческую пору. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ читается род. п.—syna, дат. п. synu (Флор. пс. Соф. библ. и др.).

б) Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на -а и на і-; именно: 1) оконч. твор. п. множ. ч. -ami, -mi; изъ нихъ первое, заимствованное отъ основъ на -а, господствуетъ въ языкѣ: chłorami, królami, dziełami, polami; второе, перешедшее изъ склоненія основъ на -і, слышится лишь при мягкихъ основахъ муж. р. (за исключеніемъ wołmi): końmi, mężmi, królmi; древнія органическія окончанія -у, -і (ы, и), весьма употребительныя въ старинномъ языкѣ (józuku, zfy (Флор. пс.), lasu (Соф. библ.) удержались и въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе падежа точнѣе опредѣляется прилагательнымъ или предлогомъ: z lekkimi duchu, z psu; оконч. -ami распространяется въ XV—XVI ст.; таже особенность въ русскомъ и словацкомъ яз.; 2) оконч. мѣстн. п. мн. ч. -ach, рядомъ съ рѣдкимъ органическимъ oeh (и старо-польск. -oeh); -ach, заимствованное отъ основъ на -а, господствуетъ въ языкѣ, какъ и въ русскомъ: chłorach, królach, dziełach, polach; oeh—въ старомъ языкѣ было весьма обычно (obłosech, grzeszech, bodzech—Флор. пс. и др.) и теперь иногда слышится въ народныхъ говорахъ, но въ литературномъ яз. допускается очень рѣдко: czasiech (но и czasach), kwieciech (и kwiatach), leciech и latach, Prusiech (и у другихъ названій странъ); 3) оконч. род. п. мн. ч. -i (у), перешедшее изъ склоненія основъ на -і, и встрѣчающееся только въ мягкомъ склоненіи: króli, pisarzy, obywateli (но и królów и т. д.); 4) оконч. дат. п. мн. ч. -am, заимствованное отъ основъ

на -а и весьма распространенное въ памятникахъ старата книжнаго языка конца XV и нач. XVI в.: grzecham, wiosłam.

в) Усвоеніе мягкими основами окончаній, свойственныхъ собственно твердымъ основамъ; именно: въ дат. п. ед. ч. -owi (вм. древ. -owi) — królowi, въ имен. п. мн. ч. -owie (вм. древ. owie): królowie, въ род. п. мн. ч. ów: królów, въ дат. п. мн. ч. -om (вм. древ. -em): królom. Въ старомъ языкѣ, хотя не часто встрѣчаются окончанія: -owi, owie, ew, em: krolewie, krolew (Флор. пс.), krolewi (Соф. библ.), mżewi (Висл. ст.), krolem.

II. Въ склоненіи основъ на -а.

1) Усвоеніе въ дат. п. множ. ч. оконч. -om, перешедшаго изъ склоненія основъ на -о: gubom, kulom; въ старомъ языкѣ было органическое ам: obietam, drogam, sługam (Флор. пс.), modłam, pastucham (Соф. библ.), żonam (Висл. ст.) и др.; -om появляется съ нач. XVI в. и особенно распространяется во второй половинѣ этого столѣтія; наур.: dziewczkom, siostrom (Вислиц. стат. по рук. XVI ст.): żonom, naukom (М. Бѣльскій); -ам исчезаетъ въ началѣ XVII в.; впрочемъ, кое-гдѣ въ говорахъ и теперь держится -ам: krowam (беск. гов.); вм. -ам въ старомъ языкѣ встрѣчается еще -ám. аш и ф (а): dziedzinám, żonam, żonám (Висл. ст. рук. XVI в.), sługф (Флор. пс.), dziewczką (М. Бѣльскій); подобнымъ образомъ вм. -om въ XVI в. встрѣчается -óm: spotóm, rękótm (Кохав.),

2) Заимствованіе (въ отдѣльныхъ, немногихъ, случаяхъ) изъ склоненія основъ на -о муж. р. оконч. род. п. мн. ч. -ów и тв. п. мн. ч. -у: grów, mgłów, mszów, pchłów, ёmów (но и правильно—gier, kier, pcheł и plech), pigwów, modłów, rżesów (у Мицкевича), kary, rotu, stopy, strony (Мицкев.); въ старомъ языкѣ примѣры подобныхъ формъ встрѣчаются уже въ XV—XVI в. и довольно часты въ XVIII в.: pa-tryarchow (Молит. Ядвиги), rękow, welnow, szaty (Бѣльск.), potrawy, dziewczki и др. Въ народныхъ говорахъ -ów и теперь часто. Сюда-же относятся оконч. мѣст. п. множ. ч. -ech вм. органич. -ach: rybiech, siestrzech, чаще въ старинномъ языкѣ: w robociech, w głowiech XV—XVIII в.).

3) Усвоеніе нѣкоторыми мягкими основами (слова на la, pia, заимствованныя на ya, ia) въ род. п. мн. ч. оконч. -i, перешедшаго изъ склоненія основъ на -i: kropła—kropli, lutni, sukni, wiśni, głowni—

но и kropel, sukien, wisien, głowien и т. д., tragedyi, также nadziei (т. е. nadzieji, Мицкев.).

4) Усвоение мягкими основами окончаний, принадлежащихъ твердымъ основамъ; именно: а) въ *род. п. ед. ч.* оконч. -i (y): kuli, zemi; въ старомъ языкѣ преимущественно употреблялись -e и ej, удержавшіяся и теперь во многихъ народныхъ говорахъ: dusze, ziemie, grawice, wolej, strożej (Флор. пс.), oślice, szyje, burze (Соф. библ.), szable (Шулав. пс.), rodzice (Кохан.), gole, wole (мало-польск. гов.), ziemie, piwnice, пословица bez prace nie będą kolacze; i также является уже въ XIV в.: studnicy (Флор. пс.); оконч. -e можно объяснять двояко: или оно развилось изъ первоначальнаго ѡ, которое представляетъ старо-слав. языкъ (вола) или же изъ ѣ, которое находимъ въ древне-русскомъ языкѣ (душѣ); въ пользу перваго могли-бы говорить встрѣчающіяся во Флоріан. пс. формы род. п. на ѡ, напр. duszѡ, еслибы такіа формы не были исключеніемъ и не подлежало сомнѣнію, что находящееся въ нихъ ѡ дѣйствительно обозначаетъ носовой гласный а не какой-либо другой звукъ; болѣе правдоподобно сближеніе e съ ѣ¹⁾); оконч. -ej проникло въ именное склоненіе на -a изъ склоненія сложнаго; б) въ *зват. п. ед. ч.* оконч. -o: gubo, wolo, duszo; болѣе древнее -e лишь изрѣдка встрѣчается въ памятникахъ XIV—XV в.: dusze (Флор. пс.), gospodze, dziewice (Молитв. Ядвиги).

5) Заимствованіе изъ сложнаго склоненія, окончанія *дательн. и мѣстн. пп. ед. ч.* -ej (въ старомъ языкѣ): wolej, strożej (Вислиц. ст.); въ новомъ языкѣ только -i: woli.

III. Въ склоненіи основъ на -i.

1) Усвоеніе въ *дат. п. мн. ч.* оконч. -om, заимствованнаго изъ склоненія основъ на -o: kościom; въ старомъ языкѣ на ряду съ -om было и -am (изъ склоненія основъ на -a): kaźniom, szelubściam (Флоріан. пс.).

2) Усвоеніе въ *твор. и мѣстн. пп. мн. ч.* оконч. -ami, -ach, заимствованныхъ изъ склоненія основъ на -a: kościami, kościach; въ ста-

¹⁾ Ср. А. Калина, *Historja języka polskiego*. 1888, 152—155. Ф. Миклошичъ, *Сравнит. морфол. слав. яз.* Вып. IV, 1886. Переводъ подъ редакц. Р. Брандта 602—603, *примѣч.* на 603 стр. Апель, *Замѣтки о древне-польскомъ яз.* Рус. Филол. Вѣстн. 1880, кн. I, 38. Брандтъ, *Краткая фонетика и морфология польскаго яз.* М. 1894, 27. А. И. Соболевскій, *Исследования въ области русской грамматики*. Варшава 1881, 24 и слѣд.

ромъ языкѣ встрѣчаются и органическія окончанія -mi, -sch: góślmi, w postaciech, w kaźniech (Флор. пс.), żyrdzmi (Соф. б.); но -ami, -ach въ памятникахъ уже съ XIV в.: żerdziami (Соф. библ.), w miłościach (Флор. пс.).

3) Переходъ изъ склоненія основъ на -ja окончанія е въ *род. п. ед., имен.-вин. п. мн. ч.*: dłonie, twarze, rozkosze, słodycze, topole, rościele и др; употребленіе этого -е ограничивается небольшимъ числомъ словъ; обыкновенное окончаніе этихъ падежей—органическое i; въ старомъ языкѣ вм. -е было -i: twarzu, rozkoszy; впрочемъ уже въ Флор. пс. *lże*.

4) *Характерныя окончанія.* Къ своеобразнымъ особенностямъ польской именной флекси, которыя обуславливаются указаннымъ смѣшеніемъ основъ и падежныхъ окончаній присоединяется еще рядъ окончаній, заслуживающихъ особаго вниманія то вслѣдствіе ихъ исконности, то по причинѣ отраженія въ нихъ характерныхъ свойствъ вокализма языка. Сюда относятся:

I. Въ склоненіи основъ на -o.

1) Древнія окончанія *зват. п.* у словъ муж. р. -e, u: chłorie, królu; e — принимаютъ твердыя основы, u — преимущественно мягкія, а также и твердыя, оканчивающіяся на одинъ изъ гортанныхъ—znaku, szpiegu, śmiechu, также—ludu, sypu, dziadu; слова на es и dz, напротивъ, имѣютъ e: krawiec — krawcze, ksiądz — księże; возможно также — Woże, człowiecze и człowieku.

2) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -em, соотвѣт. старо-слав. *ъмъ, ѣмъ*: chłorem, królem, dziełem, morzem; e въ em развилоь изъ глух. ѣ, ѣ.

3) Окончанія *имен. п. мн. ч.* -i, -y, -a для твердыхъ основъ и e, для мягкихъ: i — исконное славянское принимаютъ личныя имена—chłopi, anieli; y — собственно окончаніе древняго винит. п., его принимаютъ слова „неличныхъ“ (обозначающія вещи и животных): dęby, psy, koty ср. старо-слав. *дѣмъ*; a—является у нѣкоторыхъ неличныхъ именъ (какъ и въ русскомъ): urzęda, okręta; оконч. -e также перешло изъ винит. п.: konie, psznie, guscege; его можно сблизить съ древнерусск. ѣ, какъ и e въ имен.-винит. множ. ч. того-же склоненія: конѣ; въ старо-слав. здѣсь *а*: *воимъ*; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ e—древнее: przymiastiele, ср. старо-слав. *оумителе*; иногда e и въ твердомъ склоненіи: mieszczanie (и другія на -ianin), здѣсь оно, вѣроятно заимствовано изъ склоненія основъ на согласный.

4) Окончаніе *дат. п. мн. ч.* -омъ соотвѣтствуетъ старо-слав. -омъ: chłopot, królom, dziełom, polom; въ старомъ языкѣ о въ омъ подвергалось сжатію въ ó (u): synom (Флор. пс.), synóm (Соф. библ.), kasztelanum (XVI в.) и т. д., но омъ уже во Флор. пс.: wiekom, sąsiadom, angięłom; позже возобладало омъ; иначе въ чешскомъ языкѣ гдѣ род. п. —на -ůw соотвѣтствуетъ и дат. п. на -ům.

II. Въ склоненіи основъ на -а.

1) Древнее окончаніе *зват. п. ед. ч.* -о: gubo, żono, ср старо-слав. жено, рыко; о перешло и въ мягкое склоненіе (ср. выше 443).

2) Окончаніе *вин. п. ед. ч.* -ę и -ą, соотвѣтствующія старо-сл. ж: gubę, kulę, старо-сл. рыкѣ, волкѣ; ę—господствуетъ въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, а принимаютъ лишь нѣкоторыя слова мягкаго различія, именно оканчивающіяся на -nia съ предшествующимъ согласнымъ, на -i, иностранныя на -ija. -uja (по обыкновенному правописанію -ia, -ya), нѣсколько словъ на -la, -szcza; напр.: matkę, wodę, studnią, suknią, panią, Maguą, tragedya, dola, wola, gola, puszcza; впрочемъ всѣ принимающія а могутъ образовать формы и на ę (studnię, wole), такъ что для литературнаго языка въ именномъ склоненіи ę—общее правило. Въ народныхъ говорахъ, особенно велико-польскихъ вм. ę часто слышно а, а иногда ą: goga, woda. Въ древнихъ памятникахъ конечный носовой гласный обозначается различно: ѓ, ф, а, ę, ап¹⁾; поэтому опредѣлить точно физиологическую природу этого звука едва ли возможно (ср. выше стр. 397). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ обще-польскомъ языкѣ въ окончаніи винит. п. первоначально слышался широкій носовой гласный, исполнѣ соотвѣтствовавшій старо-сл. ж, узкое-же ę развилось уже въ историческую пору; этимъ объясняется, что ę не смягчаетъ предшествующаго согласнаго.

3) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -ą, соотвѣтствующее старо-слав. ж, которое образовалось черезъ стяженіе изъ омъ: gubą, wola, старо-сл.—рыкѣ и рыкомъ, дощѣ; польское а первоначально должно было быть долгимъ, между тѣмъ въ винит. п. оно было краткое, чѣмъ и былъ обусловленъ переходъ а въ ę (ср. стр. 397). Ср. чешск. u въ вин. п. и ou (ů) въ твор. п. губу, губу; а выступаетъ какъ въ твердомъ, такъ

¹⁾ Это разнообразіе отчасти объясняется отраженіемъ въ памятникахъ діалектическихъ особенностей.

и въ мягкомъ склоненіи, такъ какъ могло произойти путемъ стяже-
нія не только изъ oja, но и изъ eja.

4) Окончаніе *дат.-мѣст. п. ед. ч.* твердыхъ основъ -е соотвѣт-
ствующее пра-слав. и старо-слав. ѣ: губіе; старо-сл. рыбѣ; въ мягкомъ
разливѣи -і—также древне: ziemi, старо-слав. земли.

5) Окончаніе *имен.-вин. п. мн. ч.* мягкаго склоненія -е, соотвѣт-
ствующее старо-слав. ѡ и древне-русск. ѣ: kule, zemie, žmije, старо-
слав. земли, зѣмли, др.-русск. земля, змиѣ. И здѣсь, какъ въ старин-
номъ род. п. ед. ч. того-же склоненія (см. выше) -е правильнѣе сбли-
жать съ др.-русск. ѣ, чѣмъ со старо-сл. ѡ, такъ какъ въ противномъ
случаѣ непонятно, почему въ данной флексіи пра-славянскій носовой
перешелъ въ чистое е. Въ старомъ языкѣ также только е (и лишь
нрѣдка і, заимствованное изъ склоненія на -і), имен. п. studnie, wi-
gilie, вин. п. owse, macise (Флор. пс.). Тоже окончаніе (е) въ сербо-
хорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ, словацкомъ языкахъ.

III. Въ склоненіи основъ на -і.

1) Исконное окончаніе этого склоненія -і, сохраненное въ *зват.,*
родит., дат., мѣстн. пп. ед. ч. и въ *имен., вин., зват. и род. пп.*
мн. ч.: kości, posi, twarzu.

2) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -іа, соотвѣтствующее старо-сл. -иѡ:
kością, старо-слав. костиѡ; польское іа представляетъ стяженіе болѣе
древняго ija.

5) Общая схема именного склоненія.

I. Основы на -о.

Едн. ч.

Муж. р.		Сред. р.	
Тверд. осн.	Мягк. осн.	Тверд. осн.	Мягк. осн.
И. тверд. согл. зв.	мягк. согл. зв.	}	о
З. е, о	ц, е		
В. какъ И. м. или Род.			
Р. а, о	а, о	а	а
Д. ц, owi	ц, owi	ц	ц
Т. ем	ем	ем	ем
М. е, о	о	е, о	о

Множ. ч.

Муж. р.

Сред. р.

	Тверд. осн.	Мягк. осн.		Тверд. осн.	Мягк. осн.
И.З.	i, y, owie, e, a	e, owie	}	a	a
В.	какъ Им. или Род.				
Р.	ów	ów, i		ów	ów
Д.	om (am)	om		om (am)	om (am)
Т.	ami (y, mi)	ami (i, mi)		ami (y, mi)	ami (i, mi)
М.	ach (ech, och)	ach		ach (ech, och)	ach (ich, ech, och)

II. Основы на -а.

	Един. ч.		Множ. ч.	
	Тверд. осн.	Мягк. осн.	Тверд. осн.	Мягк. осн.
И.	а	а, і	у	е
З.	о	о, і	—	—
В.	е	е, а	—	—
Р.	у	і (е, еј)	безъ оконч. (ów) і	
Д.	е	і (еј)	om (am)	om (am)
Т.	а	а	ami (y)	ami
М.	е	і (еј)	ach (ech)	ach

III. Основы на -і.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.	согласн.	і
З.	і	і
В.	согласн.	і
Р.	і	і
Д.	і	om (am)
Т.	а	ami (mi)
М.	і	ach (ech)

Примѣчаніе. Окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку или народнымъ говорамъ.

Образцы именного склоненія.

I. Основы на -о.

Едн. ч.

Муж. родъ.		Сред. родъ.	
И. chłor	dąb	dzieło	jabłko
З. chłorie	dębie	dzieło	jabłko
В. chłора	dąb	dzieło	jabłko
Р. chłора	dębu	dzieła	jabłka
Д. chłору	dębowi	dziełu	jabłku
Т. chłорem	dębem	dziełem	jabłkiem
М. chłorie	dębie	dziele	jabłku

Множ. ч.

И.З. chłori	dęby	dzieła	jabłka
В. chłorów	dęby	dzieła	jabłka
Р. chłorów	dębów	dzieł	jabłek
Д. chłорom	dębom	dziełom	jabłkom
Т. chłорami	dębami	dziełami	jabłkami
М. chłорach	dębach	dziełach	jabłkach

Къ склоненію именъ мужескаго рода.

1) По даннымъ образцамъ склоняются: а) всё имена муж. рода отъ древнихъ основъ на -о: Bóg, apioł, kocioł, ran, stół и др.; б) существительныя отъ древнихъ основъ на -и: syn, dóm, wół.

2) Въ польскомъ языкѣ, какъ въ чешскомъ и словацкомъ, наблюдается различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ chłor, втораго dąb. Склоненіе именъ одушевленныхъ представляетъ слѣдующія особенности: а) вин. п. ед. и множ. ч. сходенъ съ род. п. (chłора, chłorów); такъ и въ русскомъ языкѣ; б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -а (chłора); в) имен. п. множ. ч. оканчивается на -i, -owie (chłori, apiołowie). Напротивъ у именъ неодушевленныхъ: а) вин. п. сходенъ съ имен. (dąb, dęby, во множ. ч. имен. п. есть собственно вин. п.); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -и (dębi); в) имен. п. мн. ч. на -у (dęby). Впрочемъ, относительно одушевленныхъ именъ

нужно сдѣлать существенную оговорку: имена, означающія животныхъ, въ имен. и винит. п. мн. ч. примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ; напр.: *ogły, psy, wilki* (і вм. у). Тоже явленіе въ словацкомъ языкѣ. Сверхъ того въ языкѣ не мало частныхъ отступленій отъ указаннаго общаго закона. Такъ нѣкоторые имена неодушевленные (названія игральныхъ картъ, игръ, танцевъ, растений, научные термины) въ известныхъ выраженіяхъ имѣютъ винит. п. сходный съ родит. п., а не съ именит.; напр.: *zadać tuza, grać menueta, tanczyć mazurka, znaleźć grzyba, gudyza, kupić niedźwiedzia* и т. п. Изрѣдка и отъ одушевленныхъ именъ встрѣчается винительный сходный съ именит. п.: *iść za mąż, siadać na koni, zyc brat za brat, na święty Michał*. Въ старомъ языкѣ такихъ примѣровъ больше.

3) Бѣглое *o* (=ъ, ъ, или вставочное), стоящее передъ конечнымъ согласнымъ, исчезаетъ въ случаѣ увеличенія слова на концѣ: *ogzeł, kociel, len, sen, leb, dech—ogła, kotła, lnu, snu, łba, tchu, węgieł—węgła, pies—psa*.

4) Гласные *ó, ó, a* въ односложныхъ словахъ удерживаются лишь въ тѣхъ падежахъ гдѣ слово остается односложнымъ (т. е. въ именит. и винит.); съ измѣненіемъ же объема слова подъ вліяніемъ флексіи вмѣсто этихъ гласныхъ выступаютъ *e, o, e*: *chléb—chleba, stół—stoła, dąb—dębu, mąż—meża* (ср. стр. 413, 418, 421).

5) Гортанные *g, k, ch* передъ окончаніями *e* (=e, зв. п.), *o* (=o мѣстн. п.), *i* (имен. п. множ. ч.) переходятъ въ небные (шипящія или свистящія) на основаніи общаго закона (см. стр. 430): *ż, cz, sz* и *dz, c, sc* (вм. *ś*): *Boże, człowiecze, Woźcieszce, Polacy, śpiedzy, Włoszy*. Передъ *-em* въ творит. п. (*e* =ъ) гортанные остаются: *bokiem, Bogiem, brzuchem*.

6) Передъ *e* въ зват. и мѣстн. и передъ *i* въ имен. п. множ. ч. смягчаются и другіе согласные (плавные, зубные, губные, *s*): *piwowarze, Michale, bracie, dziedzice, chłopie, głosie, piwowarzy, studenci, żydzi*.

7) Родит. п. ед. ч. имѣетъ два окончанія: 1) *-a* и 2) *-u*; *-a* принимаютъ имена одушевленные: *Jana, supa, wpuka, wilka, lwa*; только *wół* имѣетъ *wołu* (удержавъ *-u* изъ склоненія основъ на *-u*); *-u* свойственно именамъ неодушевленнымъ: *stołu, głosu, dębu, kłosu, kroku, śniegu*. Отъ этого общаго закона, какъ въ чешскомъ и словац-

комъ не мало отступлений. Много именъ неодушевленныхъ принимаютъ -а, какъ-то: 1) названія игръ, игральныхъ картъ, танцевъ, монетъ, частей тѣла человѣка и животныхъ, нѣкоторыхъ деревьевъ и растений, орудій, музыкальныхъ инструментовъ, оружія, сосудовъ, одѣяній и ихъ частей, мѣръ и вѣсовъ, польскихъ мѣстностей, горъ, рѣкъ, мѣстечекъ (за исключеніемъ мѣстныхъ именъ сложныхъ съ gród, dwór, stok), мѣсяцевъ и т. п.; напр.: wist, tuz, mazur, grosz, dukat, grajcar, talar, włos, was, żab, łeb, nos, kiel (влыкъ), ogon (хвостъ), buk, wiąz, jawór, grzyb, mełon, tulipan (но bzu (сирень), bobu, lnu и т. д.), pług, beben, kocił, kozuch, pas, żupan, rękaw, funt, karat, morg, Śląsk, Kraków, Płock, Berlin, Petersburg (но Nowogrodu, Londonu и др.), listopad (ноябрь); 2) уменьшительныя на -ек: wałeczek, członek, kawaleczek (кусочекъ), (но zbytku); 3) существительныя, не подходящія подъ указанныя рубрики: chłéb, węgiel, komin, kościół, kąt, młyn, piogun, płot, słup, snop, syg, chłéw и др. Нѣкоторыя имена могутъ принимать а и и: stół—stoła и stołu, las—lasa и lasu, dwór—dwora и dworu, karcz (пень съ корнями)—karczа и karczu, dąb—dębu и dęba и др. — Въ старомъ языкѣ употребленіе исконнаго окончанія -а было шире, чѣмъ въ настоящее время; оно наблюдается у иныхъ существительныхъ, которыя въ настоящее время принимаютъ только -и; напр. głosa, wschoda, szasa, pagoda, grzechа (Флор. пс.), wieka, obiada, ogroda (Кохан.) и т. д. Въ народныхъ говорахъ также часто предпочитается -а тамъ, гдѣ въ литературномъ яз. -и. Впрочемъ и между писателями и грамматиками нѣтъ полнаго согласія относительно употребленія окончаній -а и -и.

8) Въ дат. п. ед. ч. оконч. -owi преобладаетъ: pagodowi, obgrynowi, ogłowi и др.; -и выступаетъ какъ исключеніе, преимущественно у односложныхъ словъ: lew—lwu, sen—snu, Bogu, bratu, wiatru, panu, chłору, swatu, chłору, chlebu, ludu, dołu, domu; также: owsu, ostu, pagobku, Krakowu, Lwowu. Существительныя, оканчивающіяся въ род. п. на -и, въ дат. п. имѣютъ только -owi: dębowi, kłosowi. Въ старомъ языкѣ -и также употреблялось чаще, чѣмъ теперь; такъ въ Флоріан. пс.: kościolu, zakonu, okręgu, gospodzinu (но и grzechowi, człowiekowi).

9) Въ зват. п. един. ч.—главное окончаніе -е: chłопіе, dęбіе, boże; -и только послѣ гортанныхъ: wrogu, synku, duchu; но człowiek—człowieku и człowiecze, kozak—kozaku и kozacze; также syn, lud,

dziad допускають двоякія форми: synie и synu, dziadzie и dziadu, ludzie и ludu. Jezus Chrystus имѣетъ Jezu Chryste.

10) Въ мѣстн. п. ед. ч. преобладаетъ окончаніе -е (= старославян. ѣ): chłorie, dębie; послѣ гортанныхъ обыкновенно -и: znaku, śmiechu; въ старомъ языкѣ и въ послѣднемъ случаѣ часто древнее -е: józycze, człowiecze (Флор. пс. но и w okręgu, w duchu); отъ ran, syn, dom возможны двоякія формы: ranie, ranu, synie, synu, domie, domu.

11) Въ зват. и мѣст. п. ед. ч. согласные передъ конечнымъ е звучатъ мягко, а потому въ этихъ падежахъ е не расширяется въ о и пра-сл. ѣ провозносится какъ е, между тѣмъ какъ въ другихъ падежахъ здѣсь слышны о и ѣ: anioł—aniele, poriół—poriele, las—lesie, świat—świecie, dziad—dziedzie, obiód—obiedzie, wiatr—wietrze (ср. 416, 419 стр.). Но возможны отступленія отъ этого закона: lód, lodu—но lodzie, strzał—w strzale. Нѣкоторыя имена допускають двоякія формы: Piotr—Pietrze и Pietrze, dział—dziele и dziale.

12) Въ имен. п. множ. ч. возможны слѣдующія окончанія: -і, -owie, -е, -у, а. Употребленіе ихъ находится въ зависимости отъ значенія словъ, при чемъ принимается во вниманіе различіе не только между одушевленными и неодушевленными именами, но и между личными и неличными. Окончанія -і, -owie, -е свойственны исключительно личнымъ именамъ. Оконч. і—наиболѣе распространено и смягчаетъ предшествующія g, k, ch, ł, r, d, t; напр.: chłopi, urzędnicy, piwowarzy, anieli, żydzi, sludenci (у вм. і послѣ с, dz, cz, ź, sz, rz по общему закону); какъ и въ нѣкоторыхъ падежахъ ед. ч. е въ предпослѣднемъ слогѣ не расширяется въ о, а пра-славян. ѣ звучитъ какъ ѣ: anieli, sąsiedzi Оконч. -owie слышится чаще въ возвышенномъ слогѣ: kasztelanowie, aniołowie, въ заимствованныхъ словахъ—doktorowie, pedagogowie, heretikowie, heraldowie и т. п., въ крестныхъ и фамильныхъ именахъ, напр. Janowie, Jagellowie и др. въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ: ranowie, bogowie; въ старомъ языкѣ -owie было употребительнѣе. Оконч. -е принимаютъ имена на -anin (или -an); mieszczenie, roganie, chrześcjanie, Dominikanie. Имена неодушевленные принимаютъ -у (собств. древнее оконч. вин. п.): dębu, płoty, zębu; въ нимъ присоединяются имена неличныя, т. е. названія животныхъ: ogły, gaki, wilki (і вм. у послѣ k), psy, koty; впрочемъ нѣкоторыя неличныя имена могутъ образовать формы съ окончаніями личныхъ именъ; напр.: wilki и wilcy, ogły и ogłowie; въ старомъ языкѣ такихъ уклоненій отъ ука-

заннаго общаго закона очень много, такъ что въ старину названія животныхъ въ имен. п. мн. ч. повидимому не отличались отъ личныхъ именъ. Изрѣдка встрѣчаются и личные имена съ окончаніями именъ неодушевленныхъ; напр. Polaci и Polaki. Оконч. вин. п. у въ знач. имен. п. усвоено было языкомъ уже въ древнюю пору: sedgy (Флор. пс.), klenoty, słuźebniki (Соф. библ.). Оконч. а—принимаютъ нѣкоторые неличные имена на ряду съ -у; напр.: urząd—urzędу и urzęda, okręć—okręty и okręta, uda, udy, а также слова заимствованныя изъ латинскаго, напр. akta, talenta. Ср. чешск. и словац. яз.

13) Въ винит. п. множ. ч. сохраняютъ древнее окончаніе -у, какъ уже указано выше, только имена неодушевленные и неличные: płoty, psy; имена-же личные, какъ въ русскомъ, замѣняютъ винительный родительнымъ: chłorów. Въ старомъ языкѣ, не только въ XIV—XV, но и въ XVI—XVII ст. были весьма употребительны органическія винительныя и для одушевленныхъ именъ: angioły, angieły, bogi, rany, rory (Флор. пс.), dziesiętniki (Соф. б.), Tatały, Turki (Кохан.); встрѣчаются подобные падежи и въ новѣйшемъ языкѣ, напр. у Мицкевича: rany, proroeki, rekruty, niewolniki.

14) Въ твор. п. мн. ч. кромѣ общераспространеннаго -ami изрѣдка встрѣчается древнее у: z lekkimi duchy. Ср. выше. Въ мѣст. п. мн. ч. кромѣ ach въ старомъ языкѣ употребительны -ech, -och. Ср. выше стр. 441.

15) Названія странъ на -у, измѣняющіяся только во множ. ч., представляютъ слѣдующія особенности склоненія: имен. и винит. п.: Wołochy, Węgry, Kaszuby, Mazury, Prusy, Rakusy, Infanty, род. п. Woloch, Węgiel и т. д. (безъ суффикса), мѣстн. п. Woloszech, Węgrzech и т. д. (древнее окончаніе), иногда и -ach: Węgrach, Prusach, Czechy имѣютъ только Czechach. Ср. чешск. яз. 127 стр.

16) Brat имѣетъ мн. ч. bracia, rok замѣняется во мн. ч. посредствомъ lata, lat и т. д.; для człowiek множ. ч. ludzie, а lud имѣетъ множ. ч. ludy.

17) Raz—твор. п. gazet и gazę.

Объ окончаніяхъ, свойственныхъ только старому языку и народнымъ говорамъ сказано выше.

Къ склоненію именъ средняго рода.

1) По образцу *dzieło* склоняются: а) всѣ имена ср. р. отъ основъ на -о: *okno, wieko, koło, piógo, sadło*; б) имена отъ древнихъ основъ на -s: *ciało, slowo, niebo*; в) имена отъ древнихъ основъ на -п, во множ. ч.: *imiona, plemiona, ziemiona, znamiona, strzemiona* и др. въ един. ч. эти имена слѣдуютъ склоненію на -jо); имена на -а, употребляющіяся только во множ. ч.: *usta, wrota* и др.

2) Род. п. ед. ч. оканчивается исключительно на -а, дат. п. ед. ч.—на -и: *okna, pióga, sadła, okni, piógu, sadłu* (но у Кохан. *południowi*); въ мѣст. п. ед. ч. господствуетъ ѳ (=ъ): *oknie, pierze, sadle*; только имена на -го, -ко, -cho принимаютъ -и: *jabłku, uszu* (но у Коханов. *w trojańskim wojsce*).

3) Род. п. множ. ч. обыкновенно безъ окончанія; при чемъ въ случаѣ стеченія согласныхъ является вставочное ѳ: *gumno — gumien, okno — okien, wiader, ziarno — ziarn, ździebło — ździebł* и *ździebeł*; коренное о при извѣстныхъ условіяхъ (см. 421) становится ѳ: *dobro — dóbgr, koło — kół*. — Для односложныхъ именъ допускаются формы на -ѳw: *dnów* (но и *den*), *skółw* и *szkiel*; чаще это окончаніе принимаютъ увеличительныя имена на -isko, произведенныя отъ словъ муж. р.: *chłopisko — chłopisków, wilczysko — wilczysków*.

4) Въ твор. и мѣст. п. множ. ч. господствуютъ заимствованныя окончанія -ami, -ach. Въ старомъ языкѣ употреблялись исконныя окончанія -у (твор. п.) и -ech, -och (мѣст. п.); напр.: *usty, ciały* (Флор. п.), *słowy, prawy, wroty* (Соф. б.), *w uściech, bogactwach, skrzydłach* (Флор. п.); -ami и -ach распространяются особенно съ XVI ст.; у иногда встрѣчается и въ новѣйшемъ языкѣ въ тѣхъ-же случаяхъ, гдѣ возможно это окончаніе у именъ муж. р.; напр.: *usty chłodnymi, ciemnymi drzewy*.

5) *Oko* и *ucho* допускаютъ смѣшанныя формы двойст. и множ. ч.: им. вин. *oczy, uszy*, род. п. *oczy, uszu* и *oczów, uszów*, дат. п. *oczom, uszom*, твор. п. *oczoma, uszoma* и *oczami, uszami*.

6) *Niebo* во множ. ч. *nieba, nieb* и *niebios, niebios*.

II. Основы на -jo.

Мужескій родъ.

	Едн. ч.				Множ. ч.
И. król	koń	miecz	królowie	konie	miecze
З. królu	koniu	mieczu	królowie	konie	miecze
В. króla	konia	miecza	królów	konie	miecze
Р. króla	konia	miecza	królów	koni	mieczów
Д. królowi	koniowi	mieczowi	królom	koniom	mieczom
Т. krolem	koniem	mieczem	królami	końmi	mieczami
М. królu	koniu	mieczu	królach	koniach	mieczach

Средній родъ.

Едн. ч.

И.З.В. pole	kazanie	imię	cielę
Р. pola	kazania	imienia	cielęcia
В. polu	kazaniu	imieniu	cielęciu
Т. polem	kazaniem	imieniem	cielęciem
М. polu	kazaniu	imieniu	cielęciu

Множ. ч.

И.З.В. pola	kazania	imiona	cielęta
Р. pól	kazań	imion	cieląt
Д. polom	kazaniom	imionom	cielętom
Т. polami	kazańmi	imionami	cielętami
М. polach	kazaniach	imionach	cielętach

1) По образцамъ *król, koń, miecz* склоняются: а) всѣ имена м. р. отъ основъ на -jo, т. е. всѣ имена муж. р., оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на мягкій согласный; напр.: *mąż, ksiadz, żołnierz, gospodarz, nauczyciel, szwec, pódz, złodziej, ojciec, ogień, kukol, węgiel, śledź, bicz, deszcz* и *deżdż* и др.; б) нѣкоторыя имена, относящіяся къ склоненію основъ на -i: *gość, łokieć, gołąb, jastrząb, dróg* (дрохва), *raw* (павлинъ), *jastrząb, niedźwiedz, gwózdź, pień, dzień, zięc, kmięc* и др.; в) имена муж. р. отъ древнихъ основъ на -u: *jęczmień, rzemień, kamień, płomień, jeleń, korzeń, piersień* и др.; г) уменьшительныя на -jo: *Tadzio, Stefcio, Jozio, wujcio, ojuncio*.

2) По образцу *pole* склоняются имена ср. р. отъ основъ на *-jo*: *morze, oblicze, lice, serce, zboże* (хлѣбъ).

3) По образцу *kazanie* склоняются имена на *-ie* (=старо-сл. *im*): *znanie, wesele, ziele, życie, picie, liscie* (но и *liść*) и т. п.

4) По образцу *imię* склоняются имена ср. р. отъ основъ на *-n*; но только въ един. ч. (во мн. ч. они слѣдуютъ твердому склоненію): *brzemie, wumie, znanie, plemie, gamie, ślemie, strzemie, ziemie, ciemie*.

5) По образцу *cielę* склоняются нѣкоторыя уменьшительныя и названія молодыхъ животныхъ отъ основъ на *-t*, но только въ ед. ч.; напр.: *źrebię, kurczę, dziecię, dziewczę, gąsię, książę*. Во множ. ч. они слѣдуютъ твердому склоненію: *źrzebięta, źrzebiąt*.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, различается склоненіе именъ личныхъ (*król*), животныхъ (*koń*) и неодушевленныхъ (*miecz*). Главное, наиболѣе послѣдовательное различіе касается винит. п. ед. и мн. ч.: у неодушевленныхъ именъ винит. п. сходенъ съ именительнымъ, при чемъ во множ. ч. оканчивается на *-e*; у личныхъ — сходенъ съ родительнымъ; названія же животныхъ въ един. ч. слѣдуютъ личнымъ именамъ, а во множ. — неодушевленнымъ.

7) Въ родит. п. ед. ч. возможны два окончанія *-a* и *-u*; употребленіе *-a* гораздо шире, чѣмъ въ твердомъ склоненіи (ср. стр. 450), оно наблюдается не только у именъ одушевленныхъ но очень часто у неодушевленныхъ, преимущественно у оканчивающихся на *arz, erz, eń, el, es*; напр.: *bręwiarz, pacierz, kierz, ogień, węgiel, dziedzinec* и др.

8) Въ имен. п. един. ч. именъ муж. р. въ случаѣ стеченія согласныхъ является бѣглое *e* (=ъ, или вставочное): *dzień, ojciec, starzec, ogień, węgiel*, род. п. *dnia, ojca, starca, ognia, węgla* и др.

9) Зват. п. ед. ч. именъ муж. р. оканчивается только на *-u*: *mężu, mieczu, koniu*; но слова на *-es*, и *dz* (=старо-слав. *ъ*) принимаютъ *-e*: *ojcze, kurcze, głupcze, księżę*.

10) Дат. п. ед. ч. у именъ муж. р. почти исключительно *-owi*, напротивъ у именъ сред. р. только *-u*: *kurcowi, gołębiowi, dniowi*; но *ogniu, palcu, chłopcui, ojcu, morzu, słońcu, polu*.

11) Въ мѣстн. п. ед. ч. какъ въ муж. такъ средн. р. исключительно *-u*: *kurcu, gołębiu, imieniu*; только въ старомъ языкѣ иногда встрѣчается органическое *-i*: на *stolcu twoim, skryci, miłosierdzi, sluncu* (Флор. пс.).

12) Твор. п. ед. ч. именъ сред. р. на -ію, въ памятникахъ стараго языка (XIV—XVІІ) иногда оканчивается на -іш в. новѣйшаго -іеш: drżenim, obliczym, weselim, pienim (Флоріан. пс.), zielim, liścim (Кохановскій).

13) Въ имен. п. мн. ч. именъ муж. р. возможны два окончанія: owie и е; -owie принимаютъ: крестныя и фамильныя имена, названія родства, отечественныя на іс и ісз и нѣкоторыя отдѣльныя слова; напр.: Chodkiewiczowie, królewiczowie, starościcowie, ojcowie, wujowie, wódczowie, królowie, mędrzecowie, mężowie, uczniowie и др. е—наиболѣе обычное окончаніе, одинаково распространенное у личныхъ и величныхъ именъ: guscerze, uczniu, śledzie, konie, rawie, kraje. О происхожденіи оконч. е ср. выше стр. 444.

14) Родит. п. мн. ч. у именъ муж. р. представляетъ двоякія окончанія: ów и і (= старо-слав. ѡи, ѡтѣи) которыя нерѣдко чередуются: królów и króli, obywatelów—obywateli, pisarzów—pisarzy, gospodarzów и gospodarzy и т. д.; предпочтительно -і имѣютъ тѣ существительныя, которыя первоначально принадлежали въ склоненію основъ на -і или на согласный: gości, ludzi, łokci, gołębi, śledzi, dni, kamieni, niedzwiedzi и др.; только і имѣютъ: Wiertel (Viertel), garniec, grosz, korzec (мѣра—четыре четверика). У именъ средн. рода род. п. мн. ч. обыкновенно безъ окончанія: ról, kazań, mórz; но иногда является -ów: у нѣкоторыхъ существ. на -ію, особенно на -wie: żądań, przysłówiów, у заимствованныхъ словъ на -іш—gymnazjów, kolegiów, также—liców (Мицкевичъ), и у другихъ словъ въ народныхъ говорахъ: sergów, kazaniów.

15) Въ твор. п. мн. ч. рядомъ съ оконч. -ami весьма употребительно -mi: koźmi, królmi, ludźmi, polmi; въ старомъ яз. до XVI в. -mi господствуетъ: mōźmi, krolmi, dziedziemi (Флоріан. пс.), pergzuacielmi, biczmi (Соф. библ.), gwoździemi (Пулав. пс.).

16) Въ мѣстн. п. мн. ч. въ настоящее время въ литературномъ языкѣ только -ach; въ старомъ языкѣ употреблялись еще формы на -ech, -och: ludziech, gosciech, niedźwiedziech, koniech, kraioch, dnoch, konioch, kursoch, polach, poloch, sergoch (XIV—XVI); въ Флор. пс. встрѣчается два раза -ich: w pokolenich, w nale(zie)nich.

17) Для ksiądz и szlachcie множ. ч. księża и szlachta.

18) Dzień имѣетъ въ имен. п. мн. ч. dnie и dni, tydzień (род. п. tygodnia) въ мн. ч. tygodnie.

19) Dziecię—во мн. ч. dzieci, дат. п. dzieciom.

20) Вм. książecia, książęciu, książęciem обыкновенно употребляются сокращенныя формы: księcia, księciu, księciem.

III. Основы на -а.

	Е д и н. ч.		М н о ж. ч.
И.	ryba	sługa	ryby słudzy
З.	rybo	sługo	ryby słudzy
В.	rybę	sługę	ryby sług
Р.	ryby	sługi	ryb sług
Д.	rybie	słudzie	rybom sługom
Т.	rybą	sługą	rybami sługami
М.	rybie	słudzie	rybach sługach.

1) По образцу ryba склоняются всѣ имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -а: matka, woda, żona, ręka, głowa, kobięta и т. п.

2) По образцу sługa склоняются: а) имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -а: starosta, wojewoda; б) собственные имена на -а: Benda, Kmity; в) собственные имена на -о первоначально литовскаго происхожденія: Kościuszko, Ryłło, Sanguszko, Fredgo, Farłło и др.; напротивъ исконно-польскія собственные имена на -о относятся къ склоненію основъ на -о (Rojko, Jodko и т. п.).

3) Въ дат.-мѣст. п. ед. ч. передъ конечнымъ е (=старо. сл. ѣ) твердые согласные измѣняются въ мягкіе по общему закону: podze, gęse, rocieszę, ganie, karze, kosie, kobiecie, bróździe, Tarle. Равнымъ образомъ основное е, расширяющееся въ имен. и др. падежахъ въ о, здѣсь остается неизмѣннымъ, а древнее ѣ звучитъ какъ е: siostra—siestrze, gwiazda—gwieździe, oswiata—oswiecie. Впрочемъ, въ современномъ языкѣ о и а вм. е иногда удерживаются и въ дат.-мѣстн. п., очевидно подъ вліяніемъ другихъ падежей; напр.: żonie, wiosnie, scianie, oświacie и т. п.

4) В и н. п. един. ч. всегда оканчивается на -ę, не смягчающее предшествующаго согласнаго; твор. п. на -ą; о происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 445.

5) Въ род. п. мн. ч. при стеченіи согласныхъ является вставочное е: miotek, igiel, sosen, bitew, matek, ławek и друг. но sióstr (прежде, sioster), izb, walk, rózg, barw, wysp и др. Иногда, осо-

бенно у односложныхъ словъ, допускается неорганическое -ów: mgła — mgłów, gra — grów, msza — mszów, grzesów (рѣсниць—у Мицкевича); въ народныхъ говорахъ это окончаніе очень распространено: matków (велико-пол. гов.), bajków (мало-пол. гов.).

6) Въ дат. п. множ. ч. оконч. -om утверждается въ XVI ст.; въ старину господствовало органическое -am: drogam, obietam (Фл. пс.).

7) Изрѣдка встрѣчаются неорганическія окончанія: въ твор. п. мн. ч. -у, -mi, въ мѣстн. п. мн. ч. -ech; напр.: kaгу, gotу, strону, wstęgi (у Мицкевича), folmi (волнами), szponmi (костами), gubiech, siostrzech; также и въ старомъ языкѣ (XV—XVI в., а у и въ XVIII).

8) Имена муж. р. во множ. ч. слѣдуютъ склоненію основъ на -o, при чемъ въ имен. п. допускаютъ двоякія окончанія — личные и неличные; напр.: starości, wojewodzi, słudzy, Kmitowie и starosty, wojewody, sługi, Kmity; род. п. starostów, wojewodów—но sług, въ Висл. стат.—wojewód.

9) Объ остаткахъ двойств. ч. отъ гęка (гесе, гęку, гęкома), ср. выше стр. 438. Въ современномъ языкѣ, какъ и въ старомъ, рядомъ съ двойственнымъ употребляется множественное: gąk (род. п.), гęком (дат. п.), гękami (тв. п.), гękach (м. п.).

10) Въ общемъ и для именъ жен. р. склоненіе основъ на -a во множ. ч. близко совпадаетъ со склоненіемъ основъ на -o; различаются собственно имен. и род. пп.

IV. Основы на -ja.

	Едн. ч.			Множ. ч.		
И. bania	pani	mówca	banie	panie	mówcy	
З. banio	pani	mówco	banie	panie	mówcy	
В. banie	panią	mówcę	banie	panie	mówców	
Р. bani	pani	mówcy	bań	pań	mówców	
Д. bani	pani	mówcy	baniom	paniom	mówcom	
Т. banią	panią	mówcą	baniami	paniami	mówcami	
М. bani	pani	mówcy	baniach	paniach	mówcach	

1) По образцу bania склоняются: а) имена жен. р. отъ мягкихъ основъ на -a, т. е. имена, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на -nia, -la, -rza, -cia, dza (старо-слав. жда), -bia, -wia, -mia, -ca (старо-слав. ѡ или шш), -zia, -sia, -ja, -cza, -za, sza; напр.: suknia, studnia, kula, wola,

burza, ciocia, pędza, glebia, ziemia, piwnica, płaca, Jozia, Stasia, źmija, targza (щитъ), wieża, dusza, puszcza; б) иностранныя на -ia, -ya (вм. ija, yja): Julia, Marya, tragedia, linia, kołicya, Szwecya, Anglia, biblia; также idea, statua (вм. ideja, statuja); в) имена, теряющія конечное -a въ имен. п. ед. ч.: karm, wilż (влага), woń, kieszeń (карманъ), straż, klacz (кобыла), kolej, odzież, toń, śpiż (бронза) и др. рядомъ съ karmia, wilża, wonia и т. д.; вм. древн. posciela теперь только роściel; сокращенный видъ принадлежитъ къ склоненію основъ на -i.

2) По образцу рапі склоняются: bogini, gospodyni, ksieni (игуменя), въ старомъ яз. łani (теперь łania). Это і древняго происхожденія; ср. старо-слав. рѣкыни, госнодыни.

3) По образцу mówca склоняются имена муж. р. на -ja, ca, la, dzia, bia; напр.: sędzia, hrabia, mówca, roboźca, zbójca, cieśla, kaznodzieja и др.

4) Въ зват. п. ед. ч. оконч. -o (заимствованное изъ твердаго склоненія) принимаютъ имена на -a; болѣе исконное -e только изрѣдка въ древнихъ памятникахъ dusze, gospodze (Флор. пс.), но и duszo (Соф. библ.); у именъ на -i зват. п. сходенъ съ имен. Ласкательныя формы собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ названій родства принимаютъ -ci: kasiu, babulu, ciotuniu, ciotusiu; и здѣсь перешло отъ именъ муж. р. — Józiu, Kaziu (уменьш. Józef, Kazimierz).

5) Въ вин. п. ед. ч. кромѣ *ę* возможно *ą*; но въ какихъ именно случаяхъ, трудно сказать опредѣленно въ виду различныхъ показаній грамматиковъ. Чаще всего *ą* наблюдается: у именъ на -nia съ предшествующимъ согласнымъ, -szcza, -ni, и заимствованныхъ на *ya*, *ia* и у нѣкоторыхъ на -ola: suknią, studnią, boginią, puszczą, Maryą, linią, dołą, wołą, gołą. Но всѣ эти слова, по утверженію Миклошича, основанному на изученіи памятниковъ литературнаго языка¹⁾, могутъ имѣть и *ę* (напр. у Мицкевича — Rosują и Rosuję, niewoleę, puszczeę). А. Малєцкій въ большой своей грамматикѣ (Gram. histor. - porówn., 1879, I, 194) выставилъ слѣдующее положеніе: имена на -ja, ca, dza, sia, zia имѣютъ исключительно -*ę*: szyję, zmiję, graseę, buzię и т. д.; имена на -i и иностранныя на *ia*, *ya* — принимаютъ -*ą*: ranią, Zofią; всѣ остальные принимаютъ то одно, то другое окончаніе смотря по говорамъ; такъ въ велико-польскихъ говорахъ часто слышно *ą* у словъ,

¹⁾ См. Сравнит. Морфологія, русск. перев. стр. 601.

которые въ мало-польскихъ говорахъ имѣютъ *ę*, напр.: *ziemia* и *ziemię*. Для литературнаго языка въ именномъ склоненіи *ę* все-таки составляетъ общее правило, а *ą* встрѣчается лишь у немногихъ именъ.

6) Род. п. ед. ч. — въ литературномъ яз. оканчивается исключительно на *-i*, которое проникло сюда изъ склоненія основъ на *-i* или развилось подъ влияніемъ окончанія того-же падежа твердаго склоненія; послѣ шипящихъ и свистящихъ *vm. i* выступаетъ у на основаніи общаго закона: *duży, burzy, dziewicy*; то же относится къ дат.-мѣст. ед. ч. Въ старомъ языкѣ господствовало *-e* (соотв. старо-сл. *а* и др.-рус. *ѣ*) и *ej*: *duże, pędze, ziemie* (Флор. пс.); *-e* весьма распространено и теперь въ народныхъ говорахъ. О происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 443.

7) Дат.-мѣстн. пл. ед. ч. кромѣ *i* (=старо-сл. *и*) въ старомъ языкѣ оканчивается на *-ej* (заимств. изъ сложн. скл.): *ziemiej, wolej*.

8) Имен., винит. (и зват. п.) мн. ч. у именъ жен. р. оканчивается всегда на *-e* (соотв. старо-сл. *а* и др.-рус. *ѣ*). О происхожденіи этого оконч. см. выше стр. 446.

9) Род. п. мн. ч. именъ женскаго рода кромѣ древнихъ формъ безъ окончанія, для нѣкоторыхъ именъ допускаетъ формы съ оконч. *-i* (заимств. изъ склон. основъ на *-i*); сюда относятся: а) слова на *-ia. -nia* съ предшествующими согласными, напр.: *lutnia — lutni, klótnia, zbrodnia, gęsła, czapła, kuznia, kuchnia*; б) заимствованныя на *ya. ia*: *tragedyi, herezyi* (пишутъ и *tragedyj, herezyj*); в) *msza, rękojmia, nadzieja, zawieja, swawola* и *wieczerza*. Иныя слова имѣютъ обѣ формы: *kropli* и *kropel, wiśni* и *wisien, sukni* и *sukien, studni* и *studzien, główni* и *głowien, księgarni* и *księgarń* и др.; при стеченіи согласныхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ необходимо вставочное *e*. Встрѣчаются (въ народномъ яз.) и неорганическія формы: *kuchniów, lutniów*.

10) Имена муж. р. во мн. ч. слѣдуютъ склоненію основъ на *-jo*, при чемъ въ имен. п. допускаютъ двойкія окончанія, личныя и неличныя: *sędziowe* и *sędzie, hrabiowie* и *hrabie, mównicy, rządzczy, kaznodzieje*; въ род. п.: *sędziów, kaznodziejów* и *kaznodzieji* (въ Вислиц. ст. *sądz*). Въ старомъ языкѣ эти имена и во мн. ч. слѣдовали склоненію основъ на *ja*.

11) *Sędzia, hrabia, burgrabia, markgrabia* и *rękojmia* (поручитель) въ един. ч. допускаютъ параллельныя формы, образованныя по слож-

ному склоненію: р. п. sędzi, hrabi и sędziego, hrabiego, дат. sędzi—sędziem; мѣст. п. sędziu и sędzim; во въ зват. и твор. только формы на -а: sędzio, hrabio, sędzia, hrabia. Ср. аналогичныя формы въ чешскомъ яз. стр. 134, 135.

12) Въ дат. п. мн. ч. въ старомъ языкѣ долго держалось орг. оконч. -ам: ziemiam, duszam, sędziam.

13) Оконч. вин. п. ед. ч. е и а и твор. п. а обыкновенно произносятся съ очень слабымъ носовымъ привукомъ, вслѣдствіе чего эти формы звучатъ почти одинаково съ другими формами оканчивающимися на е или о.

14) Bracia и księża замѣняющія множ. ч. для brat и ksiądz имѣютъ смѣшанное склоненіе: род. п. braci, księży, дат. п. braciom, księżom, тв. п. braci и braci, księżmi, мѣст. п. braciach, księżach; по вин. п. braci, зв. п. bracia, księża (въ стар. яз. bracio, księżo).

V. Основы на -і.

Един. ч.

Множ. ч.

И. kość	dłoń	kości	dłonie
З. kosci	dłoni	kości	dłonie
В kość	dłoń	kości	dłonie
Р.kości	dłonie	kości	dłoni
Д.kości	dłoni	kościom	dłoniom
Т.kością	dłonią	kościami, -mi	dłoniami, -mi
М.kości	dłoni	kościach	dłoniach

1) Образецъ kość представляетъ болѣе древній типъ склоненія основъ на -і жен. р. Характерная особенность его — удержаніе і въ род. п. ед. и въ имен. вин. п. множ. ч. Къ этому типу относятся наибольшее количество словъ: miłość, nos, nos, rzecz, mysz, pieśń, myśl, biel, sól, łąz, reż, sniedz, czeladź и др.

2) Образецъ dłoń представляетъ позднѣйшій типъ склоненія на -і, въ которомъ имен.-вин. п. множ., а иногда и род. п. ед. оканчиваются на -е, заимствованное изъ склоненія основъ на -ja (или быть можетъ изъ утратившагося склоненія основъ на согласный). Сюда относятся: а) имена отъ утраченныхъ основъ на -w: kotew, cerkiew, brukiew, chorągiew, krew и др.; б) имена, измѣняющіяся и по склоненію основъ на -ja, но утратившія конечное а: ciotus, straż, topól,

pieczeń, głąb и др. (см. выше) и в нѣкоторыя другія слова, принимающія данныя окончанія по аналогіи указаннымъ группамъ именъ, напр. twarz, rozkosz, wieść, rogecz, słodycz, kąpiel и др. Болѣе точное разграниченіе этихъ двухъ типовъ склоненія на -і едва-ли возможно. Въ языкѣ постоянно наблюдаются новообразования; иногда одни и тѣ-же слова принимаютъ въ указанныхъ формахъ то -e, то -і.

3) Въ твор. п. мн. ч.—господствующее оконч. -ami; -mi выступаетъ какъ исключеніе на ряду съ -ami у немногихъ именъ: kościmi, dłońmi.

4) Въ старомъ языкѣ дат. п. мн. ч. оканчивается на -am: szelusciam (Флор. пс.), kaźniam (Пулав. пс.), мѣст. п. мн. ч. на -och, -och: kaźniech, postacioch (Флор. пс.).

5) Вм. -і послѣ s, dz, cz, sz, ż и rz на основаніи общаго закона польской фонетики выступаетъ -y: посу, szyszy и т. д.

6) Krew въ современ. яз. имѣетъ въ род. п. krwi, а въ старину—kwię; отъ XV в. (1408 и 1456) сохранилась рѣдкая форма kwy.

7) Объ относящихся въ этому склоненію именахъ числительныхъ сказано ниже.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе прилагательныхъ въ современномъ польскомъ языкѣ сохранилось лишь въ скудныхъ обломкахъ. Прилагательныя въ значеніи связуемаго обыкновенно употребляются въ сложной формѣ: pan jest mądry, koń jest dobry, to okno jest dobre. Только немногія прилагательныя сохраняютъ именныя окончанія въ имен. и винит. п. ед. ч. муж. и сред. р.; сюда относятся притяжательныя—ojców, ojcowo, matczyń, matczyно, rada, rado, winien—winno, wart, warto (достойнъ, werth), kontent, kontento (доволенъ, contentus); форма женскаго рода—rada, warta и мн. ч. radzi, warci, kontenci и rade, wartę, kontente совпадаютъ со сложными; но отъ winien—имен.-вин. п. мн. ч. жен. р.—winny. Отъ wart, rad и kontent и не возможны формы по сложному склоненію.

Въ имен. п. муж. р. въ значеніи связуемаго встрѣчаются еще слѣдующія прилагательныя въ именной формѣ: pewien, godzien, wesól, gotów, łaskaw, żyw, zdrów (bądź zdrów), syt, ciocin, zrodzon, ukrzyżowan, potępion, przywiedzion, złupion, samowtór, samotrzeć,

samoczwart. — Въ среднемъ р. слѣды именныхъ формъ можно видѣть въ безличныхъ предложенияхъ: ciemno wszędzie, pełno było krzyku i halaszu, chcieli, mówiono, sprano, zabito, pito, въ нарѣчійхъ — dobro, ciopło, długo и т. п.

Остальные падежи именного склоненія прилагательныхъ сохранились только въ нарѣчійхъ и нарѣчныхъ выраженіяхъ; такъ род. п.: z lekka, z grubsza, z dawna, od nowa, zbliska, bez mała, do czysta, spełna, zwłaszcza, zwolna, z wysoka, z goła, z daleka, z nagła, półtora, półtrzecia, z prosta, z niemiecka, z polska; дат. п.: po polsku, po turecku, po mału, po maleńku, po trzezwu, po cichu, po pańsku; мѣстн. п.: biegle, dobrze, dalece, wcale, na przedce, po krótcie и др.

Древнѣйшіе памятники представляютъ большее количество именныхъ формъ; напр. въ Флор. пс.: род. п. rapowa, jakobowa, gospodnowa, macierzynu, wszelki; дат. п. rapowu; вин. п. zbawion, znan, dziwna, mędra, żywie (жен. р.), rapowo, jawno; твор. п. baranowem, małem; мѣст. п. dawidowie, gospodnowie, aaronawie, welicie (ж. р.), grzesznie, male (жен. р.). (Ср. 400 стр.).

Мѣстоименное склоненіе.

(Zaimki).

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

	Едн. ч.	Множ. ч.		
И.З. ja	ty	my	wy	
В. mię, mnie	cię, ciebie	nas	was	
Р. mnie	ciebie	nas	was	
Д. mnie, mi	tobie, ci	nam	wam	
Т. mną	tobą	nami	wami	
М. mnie	tobie	nas	was	

В. się, siebie
 Р. siebie
 Д. sobie
 Т. sobą
 М. sobie

Имен. п. 1 л. и въ старомъ языкѣ ја; только въ Флоріан. пс. одинъ разъ встрѣчается болѣе древнее jaz¹⁾.

Въ вин. п. ед. ч. основныя формы *mię, cię, się* соотвѣтствуютъ старо-слав. *мѣ, тѣ, сѣ*; *mnie, siebie, siebie* — собственно формы род. п., употребляемыя въ значеніи вин. п.; послѣднія предпочитаютъ въ началѣ предложенья, въ соединеніи съ предлогомъ, и вообще когда на мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; *mię, cię, się* — энклитики. Въ народной рѣчи конечный гласный часто теряетъ носовой резонансъ и такимъ образомъ получаютъ формы *mie, cie, sie*; встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Флор. пс., Пулав. пс., Молитв. Вячеслава и др.

Род. п. *mnie* отличается отъ старо-сл. *мене* и своею особенною формою *обязанъ*, вѣроятно, приспособленію къ дат. и твор. пп.

Формы дат. п. *tobie, sobie* также не вполне похожи на старо-слав. *тебѣ, себѣ*; ср. чешск. *tobě, sobě*; *mi, ci* энклитики; *si* — утрачено; отъ него осталось только *ś*, которое присоединяется къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ и придаетъ имъ значеніе неопредѣленности: *ktos, gdzieś*; также сокращается и *ci* въ *ó*: *milszać złość niż spoty święte, milszyć kłamca, niż prawdziwy* (Шаржинскій). — Въ народныхъ говорахъ род. и дат. п. 1 л. иногда *mie*, возвр. мѣст. *se*.

Древніе винительные множ. ч. соотвѣтствующіе старо-сл. *мы, вы* утрачены.

Въ старомъ языкѣ (до XVI в.) употреблялись, хотя не часто, формы двойств. ч.: *wa* (имен. 1 л. — Грохов.), *paju* (Соф. б.), *waju, paма* (Кохановс.), *waма* (Оржех.). Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ до сихъ поръ слышатся формы двойств. ч.: *wa* (именит. п.), *paju, waju, paма, waма* (лясов. г.).

II. Мѣстоименія неличныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе въ польскомъ языкѣ еще болѣе удалилось отъ исконнаго пра-славянскаго типа, чѣмъ склоненіе именное. Въ сравненіи со старо-славянскимъ оно совсѣмъ упростилось и близко совпадаетъ со склоненіемъ сложнымъ. Важнѣйшія его особенности представляются въ слѣдующемъ видѣ.

1) *Двойственное число* уже исчезло. Но въ старомъ языкѣ оно еще употреблялось, хотя не часто и непоследовательно. Такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ (Флор. пс., Соф. библ.) встрѣчаются слѣдующія формы: имен.-вин. п. *ta, opa, sama, -ja, -i, jažto, moja* (м. р.), *sie, onie, moji, twoji, swoji* (ж. и ср. р.); род.-мѣстн. п. *ju, moju, twoju, twu, swoju, swu, paszu*; дат.-мѣстн. п. *tuma, tema, ima, mojima, numa, twojima, twuma, swuma, paszuma, waszuma*.

2) Исконное различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ почти совсѣмъ изгладилось. Смѣшеніе основъ здѣсь проявляется въ томъ, что основы на *-o* во многихъ падежахъ приравнились къ основамъ на *-jo*. При этомъ въ однихъ случаяхъ вліяніе мягкаго склоненія на твердое вполне очевидно, въ другихъ оно можетъ быть допущено съ большою вѣроятностью. Къ первой категоріи относятся: 1) род., дат., мѣстн. п. един. ч. муж. и ср. р.—*togo, temu, tem* (ср. *paszego, paszemu, paszem*, старо-слав. *того, томоу, томъ*); 2) род., дат.-мѣст. пп. ед. ч. жен. р.—*tej* (ср. *paszej*, старо-сл. *томъ, томъ*); 3) вин. п. мн. ч. всѣхъ родовъ *te* (ср. *pasze*, старо-слав. *та, тыа, та*). Вторую категорію составляютъ падежи, окончанія которыхъ заключаютъ въ себѣ *у* вм. старо-слав. *ѣ*; именно: твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., род, дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч.—*tym, tych, tym, tymi, tych*. Впрочемъ, указанныя особенности мѣстоименнаго склоненія, по мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ (Миклошичъ, Брандтъ), можно объяснять и вліяніемъ сложнаго склоненія. Заслуживаетъ вниманія, что аналогичныя приведенныя формы представляютъ нѣкоторые чешскіе говоры въ Моравіи и Силезіи.

3) Род., дат., мѣстн. и твор. пп. един. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы, какъ въ старо-слав. яз. (*томъ, томъ, томъ*) но отъ стяженной: *tej, та, jej, ја*.

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ твердомъ и мягкомъ склоненіи жен. р. ед. ч. совпадаютъ род., дат. и мѣст. пп., оканчивающіеся на *-ej*: *tej, jej*; это собственно дательные п., послужившіе аналогіей для мѣстн. и родит. п. Ср. словацкій языкъ. 299. Тоже въ древне-чешск. и народн. чешск. говор. стр. 147—148; б) вслѣдствіе способности *e* подвергаться сжатію въ *i, y* твор. и мѣстн. пп. ед. ч. муж. и ср. р. совпали въ звуковомъ отношеніи: *tym, tém, nim, piém* звучать одинаково *tym, nim*. Со времени Копчинскаго въ грамматикѣ установилось правило писать

tym, nim для обеихъ падежей въ муж. р. а tém (или tem), piém (или piem) въ сред. р. Но такое правило вполне произвольно, не имѣетъ никакого научнаго основанія, ни фонетическаго, ни этимологическаго. Столь-же произвольно грамматическое правило писать въ твор. п. мн. ч. муж. р.—tymi, nimi, а въ жен. и ср. р. temi, piemi¹⁾.

5) Имен. и вин. п. мн. ч. ср. р. совпадаютъ съ соотвѣтствующими падежами жен. р.: te (въ старомъ яз. ty), je.

6) Вин. п. ед. ч. жен. р. въ твердомъ и мягкомъ склоненіи оканчивается одинаково на -ę: tę, naszą, moję; исключеніе составляетъ ja.

I. Основы на -о.

Ед. ч.			Множ. ч.			
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	
И.З. ten	ta	to	И.З. ci (te)	te	te	
В. ten (tego)	te	to	В. te (tych)	te	te	
Р. tego	téj	tego	Р.	Для 3 родовъ.	{	
Д. temu	téj	temu	Д.			tych
Т. tym	ta	tym (tém)	Т.			tym
М. tém (tym)	téj	tém	М.			tymi
					tych.	

Имен. п. ten изъ болѣе древняго тѣ; тоже въ чешск. и словацк. яз. 148, 300.

Въ старомъ яз. имен. п. множ. ч. жен. и сред. р. представлялъ особня, болѣе древнія, окончанія для жен. и сред. р.: ty, ta; ty употреблялось и въ значеніи сред. р.; te распространяется съ XVI ст.

Имен. п. мн. ч. -ci употребляется только по отношенію къ именамъ личнымъ; неличныя муж. р. требуютъ te (вин. п.): ci ludzie, te konie.

Ten можетъ усиливаться прибавкой частицъ tam, że: tamten, tenże.

По образцу ten склоняются: wszystek (въ стар. яз. и wszytek)—-ka, -ko; on, ona, ono; ów, owa, owo; kto, ktoś, nikt (въ старомъ яз. nikto), niekto; sam, sama, samo; jeden, jedna, jedno; nijeden, żaden; числительныя dwa, oba, obadwa, obydwа.

¹⁾ Малѣцкій (Gram. Hist.-porów., I, 219—224) отстаиваетъ необходимость различать графически твор.-мѣстн. п. муж. р. отъ средн. р.; но для твор. п. множ. ч. рекомендуетъ одно окончаніе для всѣхъ родовъ -ymi, -imi.

Кто сохраняетъ органическія формы для род. и дат. п. съ исконнымъ -о: kogo, komu, также nikogo, nikomu; въ твор. и мѣстн. п. един. ч. -kim (соотв. старо-слав. кѣмѣмъ). Nikt образовалось изъ nikto черезъ потерю конечнаго о.

II. Основы на -jo.

1.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	nasz	nasza	nasze
В.	nasz, naszego	naszę	nasze
Р.	naszego	naszej	naszego
Д.	naszemu	naszej	naszemu
Т.	naszim	naszą	naszym (-em)
М.	naszém (-ym)	naszej	naszém

...нож. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	naszi, (-e)	nasze	nasze
В.	nasze (-ych)	nasze	nasze
Р.		Для 3 родовъ. { naszych naszym naszymi naszych.	
Д.			
Т.			
М.			

2.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	(on) (ji)	(ona)(ja)	(ono) (je)
В.	jego, go (ji), ň	ją	je
Р.	jego, go	jéj	jego, go
Д.	jemu, mu	jéj	jemu, mu
Т.	nim (im)	nią (ią)	nim (niém)
М.	niém (nim)	niém (jém)	niém (jém)

Множ. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З. oni (ji)	one (je)	one (je)
В. je (ich)	je	je
Р.	Для 3 родовъ. {	
Д.		ich
Т.		im
М.		nimi ¹⁾
	ich	

По даннымъ образцамъ склоняются: mój, twój, swój, dwój, obój, trój, czyj, niczyj, со, соś, nic, nieco, wesz (= вьсь, въ имен. wszytek, wszystkim). Въ старомъ яз. сюда-же относились jęn и jęnzø (который, Флор. пс. и др. памятники).

Древніе именительные ji, ja, je, ji, je не сохранились; вмѣсто нихъ on, opa, opo, oni, one (древн. ony).

Формы go, ти — энклитики; онѣ возникли чередъ потерю начальнаго слога je.

Вин. п. ед. ч. муж. р. обыкновенно замѣняется родительнымъ jego, go. Въ старомъ яз. (до в. XVI в.) держался древн. i (=старослав. и), который часто передается черезъ gi, гу (что, вѣроятно, надо читать ji). Сверхъ того въ языкѣ живетъ древняя безсложная форма вин. п. — ь (нѣ), соединяемая съ предлогами: zań, weń, przzezeń, oń роń, pań; въ соврем. яз. такое i соединяется иногда и съ предлогами род. п.: dlań, doń (вм. dla niego, do niego). Формы zań, weń и т. п. весьма употребительны и въ другихъ славянскихъ языкахъ: старо-сл., сербо-хорв., словин., чешск., словац.

Помимо винит. п. j въ мѣстоименіи ji (=jъ) переходитъ въ i— и въ другихъ падежахъ, стоящихъ послѣ предлоговъ (особенно односложныхъ): dla niego, dla nich, dla niej, ku niemu, przeciwno nim. Творительные падежи и безъ предлоговъ всегда принимаютъ начальное n: nim, nią, nimi (niemi); im употребляется лишь въ значеніи нарѣчія чѣмъ.

Формы ich, im, imi въ древнихъ памятникахъ писались съ j (gich, gim—въ Флор. пс. и друг. памятникахъ).

Вин. п. мн. ч. муж. р. часто замѣняется род. п. -ich, что счи-

¹⁾ Въ сред. р. пишутъ nazemі и niemi, что не правильно.

тается правильнымъ только по отношенію къ личнымъ именамъ; имена неличные муж. р., а также всѣ жен. и сред. р. требуютъ је: słu-cham i poważam ich (braci, wodzów и т. д.), но karmię je (konie, psy) и stawiam je (dому, kościołu и т. п.).

Имен п. мн. ч. муж. р. оканчивается на *і* только при согласованіи съ личными именами; иначе онъ совпадаетъ съ формой жен. и сред. р., т. е. оканчивается на *-e*¹⁾: *naszi guscerze, nasze konie*.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются распространенныя формы: *jejej* (род., дат., мѣстн. жен. р.), *jejich, jejim*.

Мѳ́, *twój, swój* кромѣ полныхъ допускаютъ стяженные формы: *ma, twa, swa, me, twe, swe, mego, twego, swego, temu, twemu, swemu, mej, twej, swej, ma, twa, swa* (вин. и твор. п.), *тум, twум, swум, туч, twуч, swуч* и т. д. Въ именит. п. возможны только полныя формы: *mój, moi, twoi, swoi*.

Со развилось изъ древн. *czso* (Флор. пс.), соотвѣт. старо-сл. род. *ъсо*. Въ польскомъ яз. сохранялся пра-слав. винит. п. чѣ въ соединеніяхъ съ предлогами: *nacz, ocz, pocz* и т. п. Род. *czego*, дат. *czemu*, тв. мѣст. *czум* (въ стар. яз. различаются *czум* (тв.) и *czem* (мѣст. п.)).

Мѣстоименіе, соотвѣтствующее старо-слав. *всь* и въ старомъ яз. употреблялось въ большей части падежей (кромѣ именит. п.): *wsze, wszа* (вин. п.), *wszego, wszej* (род. п.), *wszemu, wszej* (дат. п.), *wszum* и *wszem, wszа* (твор. п.), *wszem, wszej* (мѣств. п.), *wszech* (род, вин., мѣстн.), *wsze* (вин. жен. и сред. р. мн. ч.), *wszem* (дат. п.), *wszemi* (тв. п.); въ настоящее время это мѣстоименіе встрѣчается только въ составѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій: *owszem, wszem w obce, ze wszech stron* и т. п.

Древнее съ слышится еще въ выраженіи *do siego roku*.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ польскомъ яз. какъ сказано, очень сходно съ мѣстоименнымъ. Сходство это отчасти обусловливается случайными совпаденіями, но больше есть результатъ взаимнаго вліянія одного склоненія на другое. Если можно допустить, что нѣкоторыя мѣсто-

¹⁾ Это собственно винит. п. употребляемый въ значеніи именит. п. по отношенію къ неличнымъ именамъ.

именныя формы создались или передѣлались по аналогіи соответствующихъ сложныхъ формъ, то съ другой стороны вполнѣ вѣроятно, что отдѣльные падежи сложнаго склоненія образовались подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія.

Настоящія сложныя формы, т. е. такія въ которыхъ съ достовѣрностью можно признать сложеніе именныхъ и мѣстоименныхъ окончаній, представляютъ лишь слѣдующіе падежи: 1) имен. и винит. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ (имен. един. ч. *dobry, dobra, dobre, taní*¹⁾, *tania, tanie*, винит. п. един. ч. *dobry* (для неодушевл.), *dobra, dobre, taní, tania, tanie*; имен. п. мн. ч. *dobrzy, dobre* (жен. и ср. р.), *taní, tanie*, вин. п. *dobre, tanie* (вс. род.); 2) мѣстн. п. един. ч. муж. и сред. р. мягкаго склон. (*tanim*), а въ старину и твердаго (*dobrému*); 3) твор. п. ед. ч. жен. р. (*dobra, tania*); 4) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (*dobrych, tanich*); 5) твор. п. множ. ч. муж. и ср. р. (*dobrymi, tanimi*). Остальные падежи нужно разсматривать какъ новообразованія по аналогіи формъ мѣстоименнаго склоненія (ср. сложное склоненіе въ чешскомъ и словацкомъ яз., 153—155, 302—303).

Въ частности сложное склоненіе въ польскомъ представляетъ слѣдующія особенности.

1) Двойственное число утрачено; въ старомъ яз. (XIV—XVI в.) оно еще существовало; напр.: *имен., вин. пп.*: *paга, stara, mloda, łotowie, kamiennie, omirowanie* (Соф. библ.); *род., мѣстн. пп.*: *ludzku* (Флор., Пулав. пс., Соф. библ.), *orłowi, nieprzyjacielsku, drugu, dwu starszu, pośledniu dwu* (Казим. ст. въ перев. 1445); *дат., твор. пп.*: *gospodnowyma, angie(l)skima, rzczoneyma* (Флор. пс.), *lucskima* (Соф. библ.), *bożyma, duchownyma* (Пулав. пс.).

2) Твердое и мягкое склон. различаются между собою по стольку, по скольку это различіе представлено въ мѣстоименномъ склоненіи. Род. и дат. п. ед. ч. муж. и ср. р., род., дат., мѣст. пп. жен. р. совпадаютъ въ твердомъ и мягкомъ различіи, что мы видѣли въ мѣстоименномъ склоненіи, послужившемъ въ данныхъ случаяхъ образцомъ для сложнаго склоненія: *dobrego, taniego, dobremu, taniemu, dobrój, taniej*. Однако, на позднее происхожденіе е въ твердомъ различіи ука-

¹⁾ Дешевый.

зываетъ отсутствіе въ немъ способности смягчать предшествующій согласный. Яснѣе выступаетъ различіе въ тѣхъ падежахъ твердаго склоненія, которыя въ окончаніяхъ представляютъ у, соотвѣтствующее і мягкаго склоненія: *dobry, tani, dobrych, tanich, dobrym, tanim* (твор. п. ед., дат. п. мн. ч.).

3) Тоже сходство съ мѣстоименнымъ склоненіемъ въ области смѣшенія падежей. Совпадаютъ: 1) твор. и мѣст. пп. ед. ч. муж. и ср. р.—*dobrym, tanim*; 2) род., дат., мѣст. пп. ед. ч. жен. р.—*dobréj, taniej*. Школьная грамматика приурочиваетъ окончан.—твор.-мѣстн. пп. уш, іш—мужескому р., а ёш, іёш—среднему р.; точно также для твор. п. мн. ч. устанавливаетъ два окончанія: уші—для именъ муж. р. и еші—для имен. сред. р. Сказанное о неправильности такого разграниченія этихъ окончаній въ мѣстоименномъ склоненіи можетъ относиться и къ сложному склоненію.

4) *Вин. п. ед. ч. жен. р.* всегда оканчив. на а (между тѣмъ въ мѣстоим. скл.—на ѣ) и, такимъ образомъ, совпадаетъ съ твор. п.: *dobrà, tanià*.

5) *Имен. п. множ. ч. муж. р.* представляетъ двойное окончаніе: 1) -і (=старо-слав. ии) при согласованіи съ личными именами: *dobrzy ludzie*; это -і тоже, что въ соотвѣтствующемъ падежѣ именного склоненія, которое позаимствовалося имъ у мѣстоименнаго; оно смягчаетъ предшествующій согласный: *dobrzy, bogaci, zli*; 2) -е при согласованіи съ нарицательными именами, напр.: *dobre kopie, dobre czasy*; это—собственно винит. п., который можно возводить къ пра-слав. ф. *добрѣ*; тоже самое относится къ имен., вин. п. мн. ч. жен. р.—*dobre*.

6) *Имен.-вин. пп. множ. ч. сред. р.* совпадаетъ съ жен. р., т. е. оканчивается на -е: *dobre, tanie*; въ старомъ языкѣ еще весьма часто исконное -а: *usta pełna, siła śmiertna, żywa serca* (Флор. пс.).

7) Въ старомъ языкѣ -а и -е въ окончаніяхъ, возникшихъ путемъ стяженія, вѣроятно были долгими (ср. стр. 395), а въ XV—XVI ст. стали переходить въ сжатые или наклоненныя а́ и ё́, которыя и теперь сохраняются въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ.

Твердыя основы.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
ИЗ.	dobry	dobra	dobrze
В.	какъ И. или Р.	dobrą	dobrze
Р.	dobrego	dobréj	dobrego
Д.	dobremu	dobréj	dobremu
Т.	dobrym	dobrą	dobrym (-ém)
М.	dobréм (-ум)	dobréj	dobréм

Множ. ч.

ИЗ.	dobrzy (-re)	dobrze	dobrze
В.		dobre	
Р.		dobrych	
Д.		dobrym	
Т.		dobrymi (-emi въ ср. р.)	
М.		dobrych	

Для 3 - хъ родовъ.

Мягкія основы.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
ИЗ.	tani	tania	tanie
В.	какъ И. или Р.	tanią	tanie
Р.	taniego	taniéj	taniego
Д.	taniemu	taniéj	taniemu
Т.	tanim	tanią	tanim (-ém)
М.	taniém (-im)	taniéj	taniém

Множ. ч.

ИЗ.	tani (-ie)	tanie	tanie
В.		tanie	
Р.		tanich	
Д.		tanim	
Т.		tanimi (-iemi въ ср. р.)	
М.		tanich	

Для 3 - хъ родовъ.

По сложному склоненію измѣняются: 1) всѣ прилагательныя на -у (i), -а, -е; напр.: słaby, mocny, guski, gybi и др.; 2) мѣстоименія на -у, -i; напр.: który, inny, każdy, żadny, jaki, taki, nijaki, niejaki, owaki, wszelaki, jakiś, któryś; 3) имена числительныя: pierwszy, drugi, trzeci, trojaki, dwoisty и др.; 4) причастія на -ący, -ty, -ny: siedzący, bity, kochany и т. п.; 5) существительныя, имѣющія форму прилагательныхъ; напр.: złoty, luty, blizni, leśniczy, woźny, podstarości, podskarbi, podkomorzy, podstoli, koniuszy; królowa, księżna, bratowa, pisarzowa, doktorowa; Biała, Czerna; szkolne, mostowe, strowne; фамильныя названія на -ski, -cki, -ska, -cka, -owa; напр.: Kochanowski, Potocki, Krasieńska; иностранныя имена на е, -i, -у; напр.: Bandtkie, Linde, Göthe; Wirgili, Ногасы; христіанскія имена на -i, -у: Antoni, Ignaci, Hawegu, Jerzy и друг.— Нѣкоторыя изъ этихъ именъ могутъ принимать въ имен. п. множ. ч. -owie по именному склоненію (главнѣйше для отличія множ. ч. отъ един.); напр.: podskarbiowie, Antoniowie. О существ. sędzia, hrabia, имѣющихъ нѣкоторые надежи по сложному склоненію, см. выше стр. 460.

П р и б а в л е н і я.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется посредствомъ двоякихъ суффиксовъ: 1) -ejszy, -ejsza, -ejsze или 2) -szy, -sza, -sze. Первый выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ гласнымъ основы находятся два и болѣе согласныхъ; напр.: piękny—piękniejszy, łatwy (легкій)—łatwiejszy, podły—podlejszy, przedni—przedniejszy. Второй -szy—вообще болѣе употребительный—обыкновенно наблюдается послѣ одного согласнаго; напр.: stały—stałszy, uczony—uczeńszy. Нѣкоторыя прилагательныя могутъ принимать то и другое окончанія; напр.: prosty—prostszy и prościejszy, mądry—mędrszy и mądrzejszy, gęsty—gęstszy и gęściejszy, twardy—twardzy и twardziejczy, żółty—żółtszy и żółciejszy и др. Гласн. е въ ejczy (=старо-сл. ѣшии) смягчаетъ предшествующій согласный: czysty—czysciejszy, piękny, piękniejszy. Равнымъ образомъ и передъ -szy (=старо-слав. ѣшии) смягчаются нѣкоторыя согласныя, именно g, ł и p: długi—dłuższy, ukochany—ukochańszy, biały—bielszy; напротивъ, другіе согласныя не смягчаются: słaby—słabszy, łakomy—łakomszy, nowy—nowszy, bogaty—bogatszy, stary—

starszy. Ch передъ sz по закону расподобленія согласныхъ переходитъ въ ź (вм. sz) lichy (худой)—liźszy. Мягкіе (за исключеніемъ губныхъ) удерживаютъ свою мягкость: tani—tańszy, świeży—świeźszy ... Коренные гласные передъ мягкими согласными слѣдуютъ общимъ законамъ польскаго вокализма, т. е. e не расширяется въ o, старо-слав. ѣ звучитъ какъ e, вм. а выступаетъ e: uczony—uczeńszy, biały—bielszy, śmiały—śmielszy, miła—mielszy, skąpy—skępszy, mądry—mędrszy....

Прилагательныя на -ki, -oki, -eki, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній: słodki—słodszy, krótki—krótszy, cieńki—cieńszy, daleki—dalszy, głęboki—głębszy, wysoki—wyższy, niski—niższy.

Отъ другихъ основъ имѣютъ сравнительную степень слѣдующія прилагательныя: dobry—lepszy, zły—gorszy, wielki—większy, mały—mniejszy, lekki—lżejszy.

Превосходная степень образуется черезъ прибавку частицы naj къ началу сравнительной степени: najslabszy, najpekniejszy, najlepszy.

У нарѣчій сравнительная степень образуется посредствомъ суф. -ej: piękniej, taniej, weselej, ciszej, krócej, bliżej, lepiej, gorzej, więcej, mniej, lżej.

2) Числительныя имена.

Количественныя.

1, jeden, -na, -no	15, piętnaście
2, dwaj, dwie, dwa	16, szesnaście
3, trzech, trzy	17, siedemnaście
4, czterej, cztery	18, osiemnaście
5, pięć	19, dziewiętnaście
6, sześć	20, dwadzieścia
7, siedem	21, dwadzieścia jeden
8, osiem	30, trzydzieści
9, dziewięć	40, czterdzieści
10, dziesięć	50, pięćdziesiąt
11, jedenastie	60, sześćdziesiąt
12, dwanaście	70, siedmdziesiąt
13, trzynaście	80, osmdziesiąt
14, czternaście	90, dziewięćdziesiąt

100, sto	800, ośmset
101, sto jeden	900, dziewięćset
200, dwieście	1000, tysiąc
300, trzysta	2000, dwa tysiące
400, czterysta	10000, dziesięć tysięcy
500, pięćset	200000, dwieście tysięcy
600, sześćset	1000000, milion.
700, siedmset	

Jeden, dwa, oba слѣдуютъ твердому мѣстоименному склоненію; два, oba, obadwa и obydwа удержали формы двойств. ч.: dwie, dwa, dwu, dwiema, dwoma (см. выше стр. 438); имен. п. муж. р. dwaj употребляется только при личныхъ именахъ; другія же слова муж. р. имѣютъ два какъ въ ср. р.; напр.: dwaj panowie, но два konie; въ народномъ говорѣ слышатся и два synowie. На ряду съ древними органическими формами въ народныхъ говорахъ употребительны формы позднѣйшаго образования: род.-мѣст.—dwoch, dwóch и dwuch, дат. п. dwom, dwóm, dwum (въ новѣйшемъ литературномъ яз. обыкновенно dwóch, dwóm).

Trzy и cztery склоняются слѣдующимъ образомъ: имен. п. trzej, czterej, trzy, cztery (въ стар. яз. czterzej, czterzy), род.-мѣст. trzech, czterech, твор. п. trzema, czterema; trzej, czterej употребляются только при именахъ личныхъ муж. р., въ такомъ случаѣ вин. п. сходенъ съ родит., при согласованіи со всѣми другими именами вин. п. сходенъ съ имен.—trzy, cztery.

Числительныя pięć, sześć, siedm и т. д. до 99, а также неопредѣленныя wiele (много), ile (сколько), tyle, kilka, kilkanaście и др. слѣдуютъ двоякому склоненію, смотря потому употребляются эти числительныя самостоятельно, или въ соединеніи съ существительнымъ. Въ первомъ случаѣ склоненіе ихъ представляетъ подражаніе склоненію два, oba; именно: им., вин., зват. pięciu, jedenastu, kilku (только по отношен. къ нѣк. именамъ муж. р.), pięć, jedenaście, kilka (по отношенію ко всѣмъ остальнымъ именамъ); род.-мѣстн.—pięciu, jedenastu, kilku; дат. п. pięciom, jedenastom, kilkom; твор. п. pięcioma, jedenastoma, kilkoma. Во второмъ случаѣ числительныя имѣютъ во всѣхъ падежахъ (кромѣ имен. и вин. п.) одно окончаніе -u, очевидно заимствованное отъ dwu, obu, а существительное измѣняется соотвѣтству-

ющимъ образомъ по падежамъ; напр.: имен. pięć wozów, koni, ziem, miast; род. п. pięciu wozów, koni, ziem, miast; дат. п. pięciu wozom, koniom, ziemiom, miastom; вин. п. pięciu wozów, pięć koni и т. д.; тв. п. pięciu wozami, koni, ziemiami, miastami; мѣст. п. w pięciu wozach, koniach, ziemiach, miastach. Въ литературномъ языкѣ пишутъ иногда твор. п. на -ą: pięcia, wielą и т. д.; но Малаэцкій (Gram. Hist. pogów., I, 247—248) оспариваетъ правильность этой формы, настаивая на томъ, что теперь вездѣ слышно только -u. Въ старомъ яз. pięć, sześć и т. д. склонялись правильно по склоненію основъ на -i жен. р. (kość), при чемъ существительное при нихъ полагалось въ род. п. мн. ч; такъ род., дат., мѣст. п. pięci и pięci. dziewięci; твор. п. pięcia, dziewięcia; имен. п. множ. ч. pięci, dziesięci; род. п. dziesięci. Слѣды древнихъ формъ сохранились въ сложныхъ числительныхъ; напр.: trzydzięci (им. trzy dziesięci), pięćdziesiąt (dziesiąt — род. п. множ. ч.), jedenastie, dwanaście и т. д. (т. е. jeden na dziesięcie, -na dziesięcie, -na ście, dwa na dziesięcie, -na ście); это ście или въ старыхъ памятникахъ dźcie или ście возникло путемъ стяженія изъ dziesięcie (вин. п.); dwadzieścia есть имен. п. двойст. ч., образовавшийся путемъ стяженія изъ dwa-dziesięcia.

Dwanaście и dwadzieścia замѣняютъ въ другихъ падежахъ а въ dwu на u: dwunastu, dwudziestu; pięćdziesiąt, sześćdziesiąt и др. смягчаютъ конечное t: pięćdziesięciu, sześćdziesięciu; но въ народныхъ говорахъ часто -t: pięćdziesiątu и т. п.; въ старомъ яз. (XV ст.) употреблялись формы болѣе правильныя въ этимологическомъ и логическомъ отношеніяхъ; dwu-na-ście, dwiema-na-ście, trzech na-ście, sześci-na-ście, dwu-dziesiąta, dwiema-dziesiąty, czterech-dziesiąt и т. п.

Sto склоняется правильно т. е. по образцу основъ на -o ср. р., когда стоитъ одно, безъ прибавленія существительнаго, или ему предшествуетъ рól toга, рól trzesia и т. д.: ед. ч. sta, stu, stem или stoma; мн. ч. sta, set, stam, stami, stach; въ мѣст. п. ед. ч. показываютъ sta и ście (Малаэцкій), слѣды двойст. ч. сохранились въ dwie sie и тв. п. stoma. Если считаемый предметъ обозначенъ, то во всѣхъ косвенныхъ падежахъ выступаетъ окончаніе -u, заимствованное изъ склоненія -dwi, obu; и существительное измѣняется по падежамъ соотвѣтствующимъ образомъ; напр.: имен. п. sto mężów, sto kobiet; род. п. stu mężów, stu kobiet; дат. п. stu mężom, stu kobietom; вин. п. stu mężów

stu kobiet; твор. п. stu mężami, stu kobietami, мѣст. п. stu mężach, stu kobietach.

Въ *dwiescie, trzysta, czterysta* обыкновенно склоняются только *dwie, trzy, cztery*, а *sto* присоединяется въ род. п. мн. ч.: *dwuch set, trzech set, dwum set, trzem set, dwoma set, trzema set*; но возможно также *dwustu* и *trzystu* во всѣхъ падежахъ; отмѣчаютъ также дат. п. *dwiestom, trzystom* и *trzem stom, czterem stom*.

Pięć set, sześć set и т. д. до 900 склоняются по образцу *pięć*, съ прибавленіемъ род. п. *set*; напр.: *pięciu set mężów, sześciu set mężów* и т. д.

Tysiąc (муж. р.) и *milion* слѣдуютъ склоненію основъ на -о, первый—мягкому, второй твердому: *tysiąca, miliona*; им. п. *tysiące*, род. п. *tysięcy*—: *trzy tysiące, pięć tysięcy*.

Числительныя собирательныя *dwoje, oboje, troje, czworo, pięcero* и т. д., а также *kilko* образуютъ косвенные падежи отъ распространенной основы на -go: род. п. *dwojga, czworga, kilkorga*, дат. п. *dwojgu, czworgu, kilkorgu*; тв. п. *dwojgiem, czworgiem, kilkorgiem*; мѣст. п. *dwojgu, czworgu, kilkorgu*; существительное обыкновенно употребляется въ род. п. мн. ч.; но въ дат. и мѣстн. оно согласуется съ числительнымъ: *dwojgu ludziom, w czworgu rzeczach*.

Огносительно употребленія разныхъ формъ числительныхъ въ литературномъ яз. замѣчается большой произволь. Исторіи числительныхъ именъ посвящена прекрасная монографія проф. Калины (*Rozpr. wydz. fil. Akad. um., 1878*).

Порядковыя.

1, pierwszy, -a, -e	12, dwunasty
2, drugi	13, trzynasty
3, trzeci	14, czternasty
4, czwarty	15, piętnasty
5, piąty	16, szesnasty
6, szósty	17, siedmnasty
7, siódmy	18, osmnasty
8, ósmy	19, dziewiętnasty
9, dziewiąty	20, dwudziesty
10, dziesiąty	21, dwudziesty pierwszy
11, jedenasty	30, trzydziesty

40, czterdziesty	500, pięćsetny
50, pięćdziesiąty	600, sześćsetny
60, sześćdziesiąty	700, siedm setny
70, siedmdziesiąty	800, osmsetny
80, osmdziesiąty	900, dziewięćsetny
90, dziewięćdziesiąty	1000, tysięczny
100, setny	2000, dwutysięczny
101, setny pierwszy	10000, dziesięcioletni
200, dwóchsetny	100000, stotysięczny
300, trzechsetny	1000000, milionowy.
400, czterechsetny	

В) С п р я ж е н і е.

Въ спряженіи польскій языкъ еще дальше отступилъ отъ предполагаемыхъ древнихъ нормъ славянскаго пра-языка, чѣмъ въ склоненіи. Онъ утратилъ многія формы, которыя еще существовали въ старо-славянскомъ языкѣ и въ большей или меньшей степени удержаны нѣкоторыми живыми славянскими языками. Къ этимъ утратамъ относятся: 1) двойственное число; 2) достигающее наклоненіе; 3) прошедшія простыя (преходящее и аористъ) и 4) большая часть причастныхъ формъ: причастіе настоящее страд. в. совсѣмъ исчезло, а причастія дѣйств. настоящаго времени и прошедшаго I превратились въ такъ-наз. дѣепричастія. Сверхъ того въ уцѣлѣвшихъ формахъ глагольная флексія нерѣдко представляетъ свои характерныя особенности. Ближе всего къ старо-славянскому стоитъ польское спряженіе относительно обилія прошедшихъ сложныхъ и другихъ описательныхъ формъ, но въ частности построеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ также отличается своеобразными чертами.

Неопредѣленное наклоненіе.

Окончаніе неопредѣленнаго накл. всегда *ć* (=русск. *ть*), которое развилось изъ болѣе древняго *ti*: *buć, znać, pieć, chwalić*. Если передъ древн. *ć* окончанія оказывался согласный, который не соединялся съ нимъ, то оба звука подвергались взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка: *kraść, wieść, pleść, pieć, wleć, móc*.

Въ старомъ яз. встрѣчаются болѣе древнія формы на -*ci*; напр.: *daci*, *kajaci*, *miłowaci* (Пѣснь Богородицы), *wzmocy* (Соф. библ.); даже въ XVI в. *krasci*, *wstaci* (Кленовичъ).

Слѣдовъ супина не сохранилось и въ старыхъ памятникахъ. Встрѣчающіяся въ Флоріан. пс. двѣ формы на -*t*: *lizat* и *karat* одни (Миклошичъ, Нерингъ) считаютъ чехизмами, другіе (Малѣцкій) неправильно написанными неопредѣленными накл.

Причастныя формы.

Причастіе настоящаго времени дѣйств. зал. сохранилось въ одной неизмѣняемой формѣ на -*ąc*, употребляемой въ значеніи дѣепричастія въ примѣненіи ко всѣмъ родамъ един. и множ. ч., напр.: *idąc*, *znając*, *bijąc*, *koląc*, *pisząc*.— Оконч. -*ąc* восходитъ вѣроятно, къ первичн. -*aci* (соотв. старо-слов. *ѡци*, *лци*, имен. п. жен. р.) и образовалось черезъ потерю *i*. Ср. словацк. яз. 308.

Въ старомъ яз. и встрѣчаются формы на *ócy*: *bóđócy*, *siedzócy*, *gzekócy* (Соф. библ.); гораздо чаще въ древнихъ памятникахъ (Флор. пс., Соф. библ.) сокращенныя формы на носовой гласный -*ó*: *czynió*, *przymócajó*, *dajó*, *prógókujó* и т. д. При запутанности графики въ древнихъ рукописяхъ, трудно точно опредѣлить звуковую природу этого носоваго, обозначаемаго весьма различно; но полагають, что это было *ę*, основываясь на томъ, что въ чешскомъ яз. въ данныхъ формахъ краткое -*e* (ср 163 стр.). Оконч. -*ó* одинаково соотвѣтствуетъ старо-слав. *ы* и *я*: *piosó*, *bijó*.

Полныя склоняемыя формы причастія въ настоящее время рѣдки; напр.: *bijący*, -*a*, -*e*; въ старомъ языкѣ онѣ встрѣчаются чаще.

Въ современномъ яз. дѣепричастіе настоящаго вр. могутъ имѣть глаголы только несовершеннаго вида.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. I также сохранилось только въ одной формѣ дѣепричастія на -*wszy*, -*szy*, общей для всѣхъ родовъ и чиселъ; -*wszy* принимаютъ основы на гласный: *biwszy*, *pisawszy*; *szy* -- основы на согласный: *piekwszy*, *plówszy*. Въ XVII и особенно въ XVIII в. вошло въ обычай писать -*wszy* вм. -*szy* вслѣдствіе неправильнаго взгляда грамматиковъ на происхожденія причастія прошедш. I отъ причастія II на -*i*: *piekłszy*, *plółszy*, *izędłszy*; такое написание держится и доселѣ не смотря на очевидную

его несообразность. Формы на *-wszy* и *szy* — собственно формы женскаго рода ед. ч., сдѣлавшіяся общими для всѣхъ родовъ обѣихъ чиселъ. Въ старомъ языкѣ не рѣдки краткія формы на *-w* для муж. и сред. р.: *obrocіw* (Флор. пс.), *wstaw*, *parіw sіó*, *wziów*, *wypelniw*, *paraw*, *zawolaw* (Соф. библ.); любопытны формы: *wyszedw* (Флор. пс., Соф. библ.), *radw*, *rzekw*, *wszedw* (Соф. библ.). Въ современномъ изреч. прошед. дѣйств. I возможно только отъ глаголовъ совершеннаго вида, но въ старомъ языкѣ оно встрѣчается и у глаголовъ несовершеннаго вида: *weszawwszy*, *skowawszy*, *zpatrickawszy* (Соф. б.). Полная форма причастія изрѣдка встрѣчается только отъ глагола *być*: *bywszy*, *-a*, *-e*.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. совершенно такъ какъ въ старо-слав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія: ед. ч. *-і* (муж. р.), *-ја* (жен. р.), *-ю* (ср. р.); мн. ч. *-іи* (муж. р.), *-іу* жен. и ср. р.); напр.: *znał*, *-ја*, *-ю*, мн. ч. *znali*, *-іу*; также *plół*, *wiółł*, *niósł*, *wiózł*, *móđł*, *umarł*. Отъ этого причастія возможны полныя формы на *-іу*, *ја*, *је*, употребляющіяся въ значеніи прилагательныхъ; въ настоящее время онѣ допускаются только отъ глаголовъ непереходныхъ (напр. *zbiegły*, *posiwiały*), въ старину же и отъ всѣхъ другихъ глаголовъ.

Причастіе прошедшаго времени страдат. зал. употребляется почти исключительно въ опредѣленной (или членной) формѣ, т. е. оканчивается на *-пу* (*-па*, *-по*) или *-ту* (*-та* *-то*). Относительно образованія этихъ формъ и пользованія тѣмъ или другимъ окончаніемъ польскій языкъ слѣдуетъ старо-славянскому и другимъ славянскимъ языкамъ: *bity*, *pojęty*, *kuty*, *kochany*, *rodzony*, *chwalony* и т. п. Краткая форма слышится лишь изрѣдка: *zrodzon*, *umęczon*, *ukrzyżowany* и особенно въ безличныхъ выраженіяхъ: *pisano*, *zrobiono*, *przykuto*; также отъ непереходныхъ глаголовъ: *chodzoneo*, *leżano*; въ старомъ языкѣ неполныя формы встрѣчаются чаще.

Причастіе настоящаго времени страдат. зал. исчезло; слѣды его удержались лишь въ слѣдующихъ прилагательныхъ: *widomy*, *kręjomy*, *znajomy*, *rzekomy*, *guchomy*, *rodzimy*, *wiadomy*, *znikomy* и *łakomy*. Въ старомъ языкѣ еще возможны были настоящія причастия формы; напр.: *znamy*, *znama*, *zname* (Флор. пс.).

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старославянскими представляют слѣдующія особенности:

Старо-слав. яз.

Польскій яз.

Един. ч.

1 л. -мь, -ѣ (гласн. + м) -мъ
 2 л. -си, -ши (= хи = си)
 3 л. -тъ.

1 л. -ш, -ę
 2 л. (-si) -sz
 3 л. (-t).

Множ. ч.

1 л. -мъ
 2 л. -те
 3 л. -ять, -ыть, -аь.

1 л. (-ш), шу
 2 л. -cie
 3 л. -ą.

1-е лицо един. ч. представляет двойное окончаніе -ш и -ę. Болѣе древнее -ш представляют не только архаическіе глаголы (т. е. образующіе основу настоящаго безъ прибавки особаго гласнаго), но также и глаголы съ основой настоящаго на -а (V кл.): *jesm, wiem, dam, jem, działał, kocham, znam*; сверхъ того -ш имѣютъ *śmieć* и *umieć* — *śmiałem* и *umiałem*. У архаическихъ глаголовъ -ш исконно; къ другимъ глаголамъ оно перешло изъ архаическаго спряженія. Область употребленія окончанія -ш въ польскомъ яз. значительно уже, чѣмъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ чешскомъ и болгарскомъ, не говоря уже о сербо-хорватскомъ, словинскомъ и словацкомъ, допускающихъ исключительно -ш. Впрочемъ, въ народныхъ говорахъ иногда слышится -ш въ глаголахъ, которые въ литературномъ яз. имѣютъ -ę; напр. *rijem, idem*. Напротивъ въ памятникахъ древняго языка встрѣчаются старинныя формы отъ глаголовъ съ основой на -а: *rodnaszajo* (Флор. пс.), *rożegnajó, roćwirdzają, rożegnajó* (Соф. библ.). Окончаніе -ę, свойственное всѣмъ остальнымъ глаголамъ, соответствуетъ старо-слав. ж; оно не смягчаетъ предшествующаго согласнаго: *plotę, piozę, grzebę, piekę, рпę, mгę, biję, kipię, chwaleę, piszę, biogę, dzieję, курије*. При запутанномъ обозначеніи носовыхъ гласныхъ въ древнихъ рукописяхъ трудно рѣшить, когда именно въ польскомъ языкѣ узкій гласный ę замѣнилъ исконное пра-слав. широкое ж. Въ Флор. пс., Соф. библ. и др. памятн. обыкновенно стоитъ ó, которое

можетъ обозначать и *ą* и *ę*: *wiodó*, *uciekó*, *rzekó*, *odidó*, *żywó* (Флор. пс.), *mogó*, *umró*, *wujmó*, *zabijó* (Соф. библ.).

2-е лицо един. ч. Древнее окончание *si* удержалось въ видѣ *ś* только у существительнаго глагола: *jeś* (древн.), *jesteś*. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончание *sz* (изъ болѣе древняго *szǐ*): *wiesz*, *dasz*, *kipisz*.

3-е лицо един. ч., какъ въ большей части славянскихъ языковъ, утратило исконное окончание *-t* и такимъ образомъ равняется основѣ: *piecze*, *plecie*, *zna*, *chwali*, *pisze*; *t* удержалось только у существительнаго глагола: *jeść* (стар. яз.) и *jest* (нов. яз.).

1-е лицо множ. ч. обыкновенно принимаетъ оконч. *-шу*, первоначально усвоенное глаголами имѣющими и въ 1 л. ед. ч. *-ш* (напр.: *damy*, *kochamy*), а потомъ перешедшее и ко всѣмъ другимъ глаголамъ: *pleciemy*, *pieczemy*, *bierzemy* и т. д.; впрочемъ, если 1-е л. ед. ч. — оканчивается на *-ę*, то въ 1 л. мн. ч. иногда допускается и *-ш*; напр.: *chodzimy* и *chodzim*, *będziemy* и *będziem*. Оконч. *-шу* уже въ Флор. пс.: *jesmy*, *bódzemy* (но и *bódzim*, *wpidzem*), *roǳemy*, *zjowimy*, *odchodzimy* и др. Въ народныхъ говорахъ нерѣдко *-ша*, образовавшееся вѣроятно по аналогіи двойств. *-wa -ta*: *zna^{ma}*, *widzi^{ma}*, *gobi^{ma}* (велико-польск., куявск.).

2-е лицо множ. ч. представляетъ окончание *-cie*, вполне соответствующее пра-сл. *te*. Въ народныхъ говорахъ нерѣдко *-ta*, заимствованное изъ двойственнаго числа: *gonita*, *gobita* (напр. куяв. г.).

3-е лицо множ. ч. Древнее *t*, какъ во всѣхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ, исчезло; находимое у всѣхъ глаголовъ безъ различія классовъ окончание *-ą* одинаково соответствуетъ старо-сл. *atъ* и *atъ*: *pieką*, *plotą*, *biją*, *piszą*, *kochają*, *chwalaą*, *widzą*, *wiedzą*. Окончание *-ą*, разившееся изъ первоначальнаго *-atъ*, сохраняетъ передъ собой мягкій согласный: *jedzą* (едать), *kipią*, *siedzą*, *widzą* (видать). Такія-же формы представляютъ уже древнѣйшіе памятники; напр.: *só*, *przydó*, *gozjydó sie*, *rzekó*, *nowió*, *uzgzó* (Флор. пс.), *zemó*, *obgzucó*, *bieźó* (Соф. библ.), *rozidó sie* (Пулав. пс.) и др. Польскому *-ą* въ 3 л. мн. ч. въ чешск. и серб. яз. соответствуютъ долгіе гласные *-ou (ú)*, *ŷ*: *plotą* — чеш. *pletou* (др.-ч. *pletú*), серб. *плѣтѹ*, *moga* — *mohou (mohú)*, *mógŷ*; между тѣмъ *-ę* въ 1 л. ед. ч. (=старо-слав. *ъ*) въ указанныхъ языкахъ соответствуютъ краткіе гласные: *plotę* — *pletu*, *pletu*, *mogę* — *mohu*, *mogu*.

Двойственное число, хотя только въ остаткахъ, держалось въ письменномъ языкѣ до XVI ст. Оно представляетъ слѣдующія окончанія: а) 1 л. -wa (муж. р.), -wie (жен. р., рѣдко); б) 2 и 3 л. -ta; напр.: jeswa, jesta (Флор. пс., Соф. библ.), rojdziewie (Соф. библ.), 2 л. jidzieta, bōdzieta, znata (Соф. библ.), 3 л. zrzyta, zginieta (Флор. пс.), roniesieta, umrzeta, uzrzyta; dowiewasie, chsewa (Коханов.), odprawiwa (Клѣновичъ). Въ народныхъ говорахъ кое-гдѣ доселѣ держатся настоящія формы двойств. ч.: jesteśwa, byliswa, mawa, jewa (малопольск. гов. и др.). Чаше древнія окончанія двойств. -ta, -wa и образованное по аналогіи послѣднему -ta служатъ суффиксами мн. ч.; напр.: każe-wa, wróciwa, będziewa. będzieta, będziema, jedzieta, jedziema и т. п.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (древн. jeŃm, daŃm, wieŃm, jeŃm) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -e (-o), -i, -a; напр.: pleciesz, pleciecie, piecze, pieczemy, kipiŃsz, kipi, chwalicie, działam, działacie.

Гласн. e (пра-слав. происх.) выступаетъ въ 2 и 3 л. ед. ч. и въ 1 и 2 л. мн. ч.; въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. гласный основы—первичное -o (замѣняющее e) скрывается въ окончаніяхъ e (= ж) и a (= ать): pieczesz, piekę, pieką. Это e всегда смягчаетъ предшествующій согласный: niesiesz, pleciesz, wiedziesz, grzebiesz и т. д.

Иногда -e представляетъ стяженіе первичной группы ѣje (Ш кл. Г): umіem, umiesz и т. д. изъ umіejeŃm, umіejesz и т. д.; нестяженная форма удержалась только въ 3 л. мн. ч. umіeją. Ср. чешскій и словацкій яз., 169, 311.

Гласн. i—пра-славянскаго происхожденія; какъ въ старо-слав. и русск. яз. онъ является въ 2 и 3 л. ед. ч. и въ 1 и 2 л. мн. ч.; а въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. слѣдъ древняго -i (перешедшаго въ j) сохранился въ смягченіи согласнаго, предшествующаго окончанію: kipiŃsz, chwaliŃsz, kipię, chwaleę, kipią, chwalaę. Впрочемъ въ 1 л. мн. ч. жъвая рѣчь часто представляетъ -e, несомнѣнно возникшее подъ вліяніе основъ настоящаго на -e: lecіemu, chodзіemu вм. lecіmu.

Гласн. -a, какъ въ большей части славянскихъ языковъ, образовался чрезъ стяженіе изъ первичн. aje: działam, działasz и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. działają; въ русск. и старо-слав. яз. не бываетъ стяженія: дѣлаемъ, дѣлаемъи.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляет особыя формы только во 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. Въ един. ч. личныя окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. ч. тѣже, что и въ наст. вр. Основа оканчивается всегда на -і; древнее ѣ, свойственное многимъ глаголамъ въ старо-слав. и чешск. яз., уже не существуетъ; оно вездѣ замѣнено -і, которое собственно принадлежитъ основамъ настоящего на -і; напр.: przydzicie (Флор. пс.), pogrzebicie (Соф. библ.), старо-сл. *придѣте, погребѣте*.

Однако і (какъ въ чешскомъ и друг. яз.) обыкновенно исчезаетъ, лишь оставляя послѣ себя слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго: *pleć, plećmy, plećcie, nieś, nieśmy, nieście, grzeb', grzebcie, siedz, siedźmy, siedźcie, bądź, bądźmy; g и k* смягчаются въ шипящіе а не свистящіе какъ въ старо-слав.: *piecz, pieczmy, pieczcie, potóž, potóžmy, potóžcie*; быть можетъ здѣсь слѣдуетъ видѣть аналогію формамъ настоящаго вр.; то же въ словацк. яз., 311; шипящіе не смягчаются: *pisz, piszmy, piszcie*. Исчезновеніе і наблюдается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: *bódz, wytargń, uslysz, uczyn, bódzcie, podnieście* (Флор. пс.).

І сохраняется, когда стоитъ подъ удареніемъ или послѣ нѣсколькихъ согласныхъ; напр.: *pnі, pnіmy, pnіcie; dźwignі, dźwignicie*. Однако въ новомъ языкѣ вм. і обыкновенно іj (по аналогіи глаголовъ, имѣющихъ гласный передъ -і): *pnіj, pnіjmy, pnіjcie, mrzuj, mrzujmy, mrzujcie, dźwignij, dźwignijmy; іj* является въ языкѣ въ XVI в., и особенно развивается въ XVII и XVIII в.; параллельно входитъ въ употребленіе *ej* (порицаемое новѣйшими грамматиками): *weźmiej, umrzej*.

Послѣ гласныхъ і (какъ въ другихъ слѣв. яз.) переходитъ въ j: *umiej, bij, kuruj*.

Старо-слав. *вѣждь, вѣждь, вѣждь* соотвѣтствуютъ—*widz, wiedz, jedz*.

3-е лицо един. и множ. ч. выражается соотвѣтственными формами изъявительнаго накл. съ прибавленіемъ частицы *niechaj, niech*; напр.: *niechaj* или *niech plecie, niechaj* или *niech plotą*. Въ старомъ языкѣ 3-е л. могло совпадать со 2 л.: *świerdzona bądź ręka twoja i powyszona bądź prawica twoja, spadńcie od myśli swych* (Флоріан. пс.); и въ современномъ языкѣ сохранились выраженія: *bądź co bądź, roma-gaj Bóg*.

Въ народныхъ говорахъ (какъ въ изъявительномъ накл.) въ 1 л. мн. ч. встрѣчается оконч. -ша: kórша, zgóбша, sprúśша.

Въ старомъ яз. существовали и формы двойств. ч.; напр.: wупi-dziwa, pokusiwa, wnićta, wrócta sió, uszy twoi posłuchajta (Соф. б.).

Утрата прошедшихъ простыхъ.

Въ настоящее время польскій языкъ уже не знаетъ прошедшихъ простыхъ; но въ старину въ немъ еще существовали эти времена, и преходящее и аористъ. Впрочемъ исчезновеніе ихъ изъ языка началось такъ рано, что въ древнѣйшихъ памятникахъ сохранились отъ нихъ лишь самыя скудные остатки, на основаніи которыхъ трудно возстановить въ полномъ видѣ спряженіе утраченныхъ временъ.

Аористъ. Molwich (Флоріан. пс.), buch, by, buchowa, buchwa, bysta, buchom, byście, buchó (Флор. пс., Соф. б. и др.). Форма buch и др. употреблены только въ соединеніи съ прич. дѣйствит. на -і въ значеніи условнаго наклоненія; онѣ живутъ и теперь въ языкѣ только въ измѣненномъ видѣ: 1 л. ед. ч. буш, 2 л. буз, 3 л. бу; 1 л. мн. ч. буśму, 2 л. буście, 3 л. бу.

Преходящее. 1 л. molwiach (Флор. пс.), 2 л. bieszе (Флор. пс.), моłwiasze (Флор., Пулав. пс.), wychodzasze (Пул. пс.); 3 л. мн. ч. biechó, błogosławiachó, juczachó, potopiachó, poklinachó, spienachó, szukochó, przysiógachó, mijachó.

Прошедшія сложныя.

Утративъ прошедшія простыя, польскій языкъ сохранилъ прошедшія сложныя, которыя въ общемъ образуются такимъ-же образомъ, какъ въ старо-славянскомъ, чешскомъ, словацкомъ и южно-славянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прошедш. дѣйств. II съ разными формами существительнаго глагола (jeśm). Въ частности польскій языкъ представляетъ здѣсь нѣкоторыя особенности.

Прошедшее совершенное состоитъ изъ причастія прошедш. дѣйств. II и настоящаго времени глагола jeśm. Соединеніе этихъ глагольныхъ элементовъ въ полномъ видѣ наблюдается только въ старомъ языкѣ; въ новое же время утвердилось особая сокращенная форма сложнаго прошедшаго, обусловленная видоизмѣненіями существительнаго глагола. Первоначально настоящее время этого глагола спрягалось та-

такимъ образомъ: *jeŝm, jeŝ, jeŝć* или *jest, jesmy, jeŝcie, są*. Уже въ глубокой древности эти формы стали подвергаться сокращенію: изъ *ieŝm* образовалось сначала *eŝm, ɛm*, а потомъ, *eŝ, ɛ*; изъ *jeŝ*—*eŝ*; изъ *jeŝmy*—*ɛmy*; изъ *jeŝcie*—*ɛcie*. Древній типъ прошедш. соверш. состоялъ въ соединеніи прич. на *ł* съ полными формами глагола *jeŝm*; напр.: отъ *pisać*:

Един. ч.		Множ. ч.
1 л. <i>pisał, -a, -o jeŝm</i>		1 л. <i>pisali, -ły ɛmy</i>
2 л. <i>pisał, -a, -o jeŝ</i>		2 л. <i>pisali, -ły ɛcie</i>
3 л. <i>pisal, -a, -o jest.</i>		3 л. <i>pisali, -ły są.</i>

Напр. въ Флор. пс.: *porodził iesm, ugotował ies, mislili sɔ*. Въ народныхъ говорахъ и теперь еще попадаются подобныя формы: *Dosyć jeŝ narobiła, nie był sem zbójniczkіem*.

Съ теченіемъ времени съ причастіемъ стали соединяться сокращенныя формы существительнаго глагола, и въ 3 л. един. и множ. ч. вспомогательный глаголь началъ мало-по-малу исчезать и наконецъ сдѣлался совсѣмъ ненужнымъ. Такъ образовался новый видъ прошедшаго времени:

Един. ч.		Множ. ч.
1 л. <i>pisałem, pisałam, pisałom</i>		1 л. <i>pisalismy, pisałysmy</i>
2 л. <i>pisałeś, pisałaś, piętaoś</i>		2 л. <i>pisaliscie, pisałyście</i>
3 л. <i>pisał, pisała, pisało.</i>		3 л. <i>pisali, pisały.</i>

Во множ. ч. энклитики *ɛmy, ɛcie* тѣсно сливаются съ причастіемъ въ одно слово, тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ удареніе слышится на 3-мъ слогѣ отъ конца. Существительный глаголь можетъ отдѣляться отъ причастія и соединяться съ какимъ-либо предшествующимъ словомъ; напр.: мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ, союзомъ; напр.: *jam płuнаł* вм. *płuнаłem*, *wyście zrobili* вм. *zrobiliście*, *myśmy chcieli*, *gdzies był* вм. *gdzie byłeś*, *coś zrobił* вм. *co zrobiłem*.

Въ старомъ яз и нѣкоторыхъ народныхъ говор. въ 1 л. ед. ч. вм. *eŝ* слышится *eŝh*, а въ 1 л. мн. ч. вм. *ɛmy*—*ohmy*: *porodziłech*, *mówiłech*, *widziałech*, *widzieliçmy*, *cochmy widzieli*. Въ этомъ *eh*, по всей вѣроятности, нужно видѣть вліяніе аориста (*bych*). Ср. подобныя же формы въ моравскихъ говорахъ стр. 212.

Давнопрошедшее состоитъ изъ прошедшаго соверш. существительнаго глагола и причастія прошедш. дѣйств. II; напр.: *gobiłem był* или *jam był gobił* (произошло изъ *gobił — był — jeśm*), 3 л. *był gobił*.

Б у д у щ е е в р е м я .

У глаголовъ несовершеннаго вида будущее время выражается: 1) соединеніемъ глагола *będe* (буде) съ неопредѣленнымъ накл. спрягаемаго глагола; напр. *pisać będe*; 2) соединеніемъ глаг. *będe* съ прич. прош. дѣйств. на -і: *będe pisał*. Въ первомъ случаѣ неопредѣленное накл. обыкновенно предшествуетъ существительному глаголу, во второмъ—причастіе слѣдуетъ за вспомогательнымъ глаголомъ. Впрочемъ встрѣчаются и отступленія отъ этого закона.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее передается посредствомъ настоящаго: *dam*.

У с л о в н о е н а к л о н е н і е .

Условное наклоненіе настоящаго времени выражается соединеніемъ причастія прош. дѣйств. II съ древнимъ аористомъ существительнаго глагола—*bych*. Болѣе исконныя формы этого времени находятся только въ памятникахъ стараго языка: *bych spadł*, *bych wyrowiedział*, *by romniał*, *abychom poznali*, *byście powiadali*, *bychó wiedzieli* (Флор. пс.). Ср. выше стр. 485. Позже (съ в. XV и въ XVI ст.) являются формы, образованныя по аналогіи прошедшаго сложнаго: *bym*, *byś*, *by*, *bysmy*, *byście*, *by*. Откуда въ современномъ языкѣ настоящее условнаго накл. звучитъ такимъ образомъ: *pisałbym*, *pisałaby*, *pisałobym*, *pisalbyś*, *pisałby*, *pisalibysmy*, *pisałubysmy*, *pisalibyscie*, *pisaliby*. Впрочемъ въ народныхъ говорахъ встрѣчаются и болѣе древнія формы: *pisałbych*, *pisalibychmy*.

Прошедшее время передается посредствомъ соединенія условнаго настоящаго существительнаго глагола *byłbym* съ прич. прош. дѣйств. II спрягаемаго глагола; напр.: *byłbym pisał*, *bylabym pisała*, *byłobym pisało*.

С т р а д а т е л ь н ы й з а л о г ъ .

Страдательный залогъ выражается: 1) соединеніемъ мѣстоименія *się* съ дѣйствительныхъ залогомъ: *pisze się*; 2) соединеніемъ причастія

прошедш. страдат. съ глаголомъ существительнымъ: *jeśm, jesteśm, bywaśm* или замѣняющаго его *zostać*; напр.: *będę pisany*; *ojciec jest kochany od dzieci*; *zostałem bity*. Впрочемъ въ польскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, страдательному залогу обыкновенно предпочитается дѣйствительный: *dzieci kochają ojca*. Весьма характерно употребленіе страдательнаго залога въ безличной формѣ: *zrobiono jest, spano, plakano, jedzono, odpoczęto* и т. п.

Спряжение по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяють окончанія непосредственно къ конечному согласному корню, относятся: *jeśm, dam, wiem, jem*.

1) *Существительный глаголъ.*

Основа *jeś*.

Настоящее вр.

Старинный видъ.	Новый видъ.
Ед. ч. 1 л. <i>jeśm</i>	Ед. ч. 1 л. <i>jestem</i>
2 л. <i>jeś</i>	2 л. <i>jesteś</i>
3 л. <i>jeść (jest)</i> .	3 л. <i>jest</i> .
Мн. ч. 1 л. <i>jeśmy</i>	Мн. ч. 1 л. <i>jesteśmy</i>
2 л. <i>jeście</i>	2 л. <i>jesteście</i>
3 л. <i>są (=jesąть)</i> .	3 л. <i>są</i> .
Дв. ч. 1 л. <i>jeswa</i>	
2 л. <i>jesta</i>	
3 л. <i>jesta</i> .	

Пра-славян. *je* раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.; но и другія формы уже въ глубокой древности стали замѣняться сокращенными: *вм. jeśm* явилось — *em, m*; *вм. jeś* — *es, ś*; *вм. jeśmy* — *śmy¹⁾*; *вм.*

¹⁾ Мягкое *ś* здѣсь стоитъ неорганически *вм. s*.

ście—ście. Эти сокращенныя формы не только служатъ для образованія прошедшаго сложнаго (см. выше стр. 486), но и доселѣ живутъ въ языкѣ въ значеніи настоящаго врем.; напр.: gotówem umrzeć, nie wiedział, żem żołnierz, Jam Bóg wasz, winieś jego śmierci, wyście dobrzy и т. п. Онѣ энклитики и сливаются въ одно цѣлое съ словомъ, въ которому примыкають (ср. парагр. объ удареніи стр. 436). Гласный е въ—еш, еś (widziałem, widziałeś, gotówem) объясняютъ различно: одни (напр. Миклошичъ) видятъ въ немъ вставочный звукъ, другіе (напр. Брандтъ)—считаютъ е за элементъ глагола jesm; послѣднее мнѣніе, кажется, болѣе правдоподобно.

Новый видъ настоящаго *jestem, jesteś* и т. д. образовался по аналогіи прошедшаго сложнаго. Подобно тому какъ формы *byłem, byłeś* представлялись въ сознаніи говорящихъ производными отъ формы 3 л. *był* и форма 3 л. настоящаго *jest* принята за основу, отъ которой образовали сперва 1 и 2 л. ед. ч. а потомъ и множ. черезъ прибавку сокращенныхъ формъ существительнаго глагола. *Jestem—jesteś* являются въ первый разъ въ полов. XV ст.—въ Софійск. библ. (въ Флор. пс., Пулав. пс., древнихъ ротахъ еще нѣтъ такихъ формъ, а только *jesm*, или сокращен. *esh, sm, jeś*) и окончательно утверждаются въ XVI ст. Въ эту же пору въ параллель *bylismy, byliscie* создаются искусственныя формы множ. ч. *saśmy, sąście*; напр.: *saśmy wzdięczni, jeslichmy my są, bowiemechmy są, zechmy są* (старопечатн. псалт., 1558 г.), *mychmy są* (Кохан.), *wyscie są* (Скарга). Послѣднія однако не долго держались и были замѣнены пригнанными къ един. ч.—*jesteśmy, jesteście*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ (напр. брезинскомъ) доселѣ слышатся *sośmy* (вм. *saśmy*) и *soście*.

Формы — *jest-e-m, jest-e-ś, jest-e-śmy, jest-e-ście* могутъ и раздѣляться на составныя части: *jam jest, tyś jest* и т. д.

Въ народныхъ говорахъ вм. *jestem* встрѣчаются: *jezdem* (лясов. гов., брезинск. гов.), *jestech, jesech, jezech*.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ *będe* (*będo*) и *by*.

Н а с т о я щ е е (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л. <i>będe</i>	Мн. ч. 1 л. <i>będziemy</i>
2 л. <i>będziesz</i>	2 л. <i>będziecie</i>
3 л. <i>będzie.</i>	3 л. <i>będą.</i>

Повелит. н. bądź, bądźmy, bądźcie; Прич. наст. będąc.

Бѣдѣ слѣдуетъ глаголамъ I вл.

Неопред. накл. być; Прич. прош. дѣйств. II był, -а, -о; Прич. прошед. дѣйств. I bywszy; Прич. прош. страд. (prze-, od-) bytu, -а, -е; Аористъ bym, był, by, byśmy, byście, by (древн. формы — bych, by, by, bychom или bychmy, byście, bychó; двойств. ч. bychwa, bysta).

Прошедшее вр.

Един. ч.	Множ. ч.
1 л. byłem, byłaм, byłом	byliśmy (м. р.), byłyśmy (ж. и ср. р.). byliście, byłyście byli, były.
2 л. byłeś, byłaś, byłoś	
3 л. był, była, było.	

Условное накл.

Един. ч.	Множ. ч.
1 л. byłbym, byłabym, byłobym	bylibyśmy (м. р.), byłybyśmy ж. ср. р.) bylibyście, byłybyście byliby, byłyby,
2 л. byłbyś, byłabyś, byłobyś	
3 л. byłby, byłaby, byłoby.	

2) Основа dad.

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. dam	Мн. ч. damy	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. dajmy
2 л. dasz	dacie	2 л. daj	dajcie
3 л. da	dadzą.		

Неопред. накл. dać; Прич. наст. дѣйств. dając; Прич. прош. дѣйств. I dawszy; Прич. прош. дѣйств. II dał, -а, -о; Прич. прош. страд. danу; Прошедшее dałem; Давнопрош. dałem był; Условное dał bym, byłbym dał.

Отъ древней основы dad образованы только dam (изъ dadm), damу (изъ dadmу) и dadzą. Всѣ остальные формы настоящ. и повелит. накл. образованы по V кл. (działam); dadzą (въ древн. памят. dadzó) вм. ожидаемаго dadzią (ср. старо-слав. дѣдати).

3) Основа *wied*.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. <i>wiem</i>	Мн. ч. <i>wiemy</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. <i>wiedzmy</i>
2 л. <i>wiesz</i>	<i>wiecie</i>	2 л. <i>wiedz</i>	<i>wiedzcie</i>
3 л. <i>wie</i>	<i>wiedzą.</i>		

Неопред. н. *wiedzieć*; Прич. наст. дѣйст. *wiedząc*; Прич. прош. дѣйст. I *wiedziawszy*; Прич. прош. дѣйст. II *wiedział*, -а, -о; Прич. наст. страд. *wiadomy*; Прич. прош. страд. *wiedziany*; Прошедшее *wiedziałem*; Давнопрошедшее *wiedziałem* *był*; Условное *wiedziałbym*, *byłbym* *wiedział*; Будущее *będę* *wiedział* или *wiedzieć* *będę*.

Отъ древней основы *wied* образованы только *wiem*, *wiemy*, *wiedzą* и формы повелит. н.; остальные формы изъявит. н. возникли по аналогии глаг. *umiem*, *umiesz*; тому-же образцу слѣдуютъ формы, образованныя отъ основы неопред. н.; *wiedzą* вм. ожидаемаго *wiedzią* (ср. старо-славян. *вѣдати*), также и прич. *wiedząc* вм. ожидаемаго *wiedziąc* (въ Флор. пс. *wiedząc* и *wiadcąc*).

Въ старомъ яз. вм. *wie* иногда *wi*: *powi*, *dowicie* (Шимоновичъ), *wicie* (глоссы XV в.). Во 2 и 3 л. ед., 1 и 2 мн. ч. и повелит. н. нѣкоторые пишутъ *é*: *wié*, *wiémy*, *wiédz* и т. д.

4) Основа *jed*.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. <i>jem</i>	Мн. <i>jemy</i>	Ед. ч. 1 л. —	Мн. <i>jedzmy</i>
2 л. <i>jesz</i>	<i>jecie</i>	2 л. <i>jedz</i>	<i>jedzcie</i>
3 л. <i>je</i>	<i>jedzą</i>		

Неопред. накл. *jeść*; Прич. наст. дѣйст. *jedząc*; Прич. прош. дѣйств. I *jadszy*; Прич. прош. дѣйств. II *jadł*, -а, -о; Прич. прош. страд. *jedzony*; Прошедшее *jadłem*; Давнопрошедшее *jadłem* *był*; Условное н. *jadłbym*, *byłbym* *jedł*; Будущее *będę* *jadł* или *jeść* *będę*.

Въ настоящемъ вр. (за исключеніемъ 3 л. мн. ч.) и повелит. н. многія пишутъ *é*: *jém*, *jédz* и др.

Отъ древней основы *jed* образованы только *jem, jemy, jedzą* и формы повелит. н. Вм. *jedzą, jedząc* слѣдовало ожидать *jedzia, jedziac* (ср. старо-слав. *идати*).

Формы отъ основъ неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I кл.

Спряжение съ характерной принятой настоящего времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящего времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -о, -е; 2) основы на -по, -пе; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i; 5) основы на -а. Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

О с н о в ы н а -о, -е.

А. Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).

Неопредѣленное. н. *pleść, nieść, grześć, piec, piąć, mrzeć.*

Н а с т о я щ е е

Е д и н. ч.

1 л. <i>plotę</i>	<i>niosę</i>	<i>grzebę</i>	<i>piekę</i>	<i>pnę</i>	<i>mrę</i>
2 л. <i>pleciesz</i>	<i>niesiesz</i>	<i>grzebiesz</i>	<i>pieczesz</i>	<i>pniesz</i>	<i>mrzesh</i>
3 л. <i>plecie</i>	<i>niesie</i>	<i>grzebie</i>	<i>piecze</i>	<i>pnie</i>	<i>mrze.</i>

М н о ж. ч.

1 л. <i>pleciemy</i>	<i>niesiemy</i>	<i>grzebiemy</i>	<i>pieczemy</i>	<i>pnjemy</i>	<i>mrzemy</i>
2 л. <i>pleciecie</i>	<i>niesiecie</i>	<i>grzebiecie</i>	<i>pieczecie</i>	<i>pniecie</i>	<i>mrzecie</i>
3 л. <i>plotą</i>	<i>niosą</i>	<i>grzebą</i>	<i>pieką</i>	<i>pną</i>	<i>mrą.</i>

П о в е л и т е л ь н о е.

Е д и н. ч.

2 л. <i>pleć</i>	<i>nieś</i>	<i>grzeb</i>	<i>piecz</i>	<i>pnij</i>	<i>mrzuj.</i>
------------------	-------------	--------------	--------------	-------------	---------------

Множ. ч.

1 л. pleśmy	nieśmy	grzebmy	pieczmy	pniemy	mrzymy
2 л. pleście	nieście	grzebcie ¹⁾	piezcie	pniacie	mrzycie.

Прич. наст. дѣйствит. plotąc, niosąc, grzebac, piekać, pnać (trać); Прич. прош. дѣйств. I plótszy, niószy, grzebszy, piekszy, piąwszy, marszy; Прич. прош. дѣйствит. II plótk, niósk, grzebł, piekł, piąk, marł; Прич. прош. страд. pleciony, niesiony, grzebiony, pieczony, pięty (tarty); Прошедшее plótkem, nióskem, grzebłem, piekłem, piąłem, marłem; Давно прошедшее plótkem, nióskem, grzebłem, piekłem, piąłem, marłem był; Будущее będę plótk, niósk, grzebł, piekł, piął или pleść, nieść, grześć, piec, piąć będę. Условное plótk bym, niósk bym и т. д., był bym plótk, niósk и т. д.

По образцу pleść спрягаются глаголы, у которыхъ основа неопредѣл. н. оканчивается на -d, -t: gnieść, miesć, bość, kłaść, kraść, paść, prząć, sieść и siąć, wieść; въ стар. яз.: czyść (наст. вр. czte, czciesz, czcie, 3 л. мн. ч. czta), теперь czytać, właać, теперь władać, gąć (играть); гоść и kwiść уже спрягаются по II кл.: gosnę, kwitnę, kraść и paść также образуютъ основу настоящего на -no, -ne: kradnę, radnę; iść въ стар. яз. было ić; прич. прош. дѣйств. I и II замѣняются формами отъ основ. szed: szedzszy, szedł (d исчезаетъ, когда слово становится двусложнымъ: szła, szło); sied въ основ. наст. превращ. въ sięd, siąd; siąde, siędziesz, siądź; jадe (jedziesz) образуетъ неопред. н. и другія связанныя съ нимъ формы отъ основы jecha: jechać,jechał. Къ этому же классу относятся: będę, и многія формы глагола jeść (ср. выше).

Отъ plótk жен. и ср. р. plotka, -o и pletka, -o; во мн. ч. только pletli, wiedli.

По образцу nieść спрягаются глаголы съ основой неопредѣленного на -s, -z: paść, trząć (trząse, trzęsiesz, 3 л. мн. trząsa, trząsk), grzyść, leść (lazszy, lazk, leze, leziesz), wieść.

Отъ niósk—жен. и ср. р. niozka, -o и nieska, -o.

По образцу grześć въ настоящее время спрягается еще основа plew и то лишь отчасти (on plewie, plewiony); оба глаголы часто замѣняются другими: grzebac и pleć. Въ старомъ яз. сюда относились

¹⁾ Пишутъ и grzeb' grzeb'my, grzebcie; но произносятся: grzepr, grzebmy, grzercie.

skuć (осн. skub), żyć (осн. żyw), осн. sur; изъ нихъ skuć вышло изъ употребленія, żyw (въ стар. яз. żywę. żywiesz, повел. н. używ) и sur уступили мѣсто болѣе краткимъ основамъ—ży, su (żyję).

По образцу ріес спрягаются глаголы съ основной неопред. накл. на -k, -g: sieć, rzec, tłuc, siec, wlec, bieć (чаще biegnę чѣмъ biege), lec, móc, prząc (przeg), siąc (sieg), strzec, strzyc, zec (zazec — zeg); основа leg чередуется съ leg: legę, лаc и lec, лагł и legł, лагszy и legszy; отъ lęк (пугаться) возможны zлac się, zлакszy się, zлакł się, остальные формы отъ leкаć или zлęкнаć się.—Совершенно ошибочно, установившееся однако издавна, написаніе неопредѣлен. в. съ окончаніемъ dz вм. с у глаголовъ, корень которыхъ заканчивается g: biedz, módz, ledz вм. bieć, móc, lec; поводомъ въ такому неправильному правописанію очевидно послужило смягченіе въ извѣстныхъ случаяхъ g въ dz (poga, podze и т. п.).

Объ измѣненіи g, k передъ гласными и въ повелит. н. см. выше въ отдѣлѣ фонетики (стр. 430).

По образцу ріаć спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на -п, -ш: даć, заć (жы), zdзаć (=zзаć), јаć, wziаć (za)zаć, kлаć, miаć (шь), ciаć, заć (жнь).—Конечные согласные корни -п, -ш выступаютъ только въ основѣ настоящаго: рпę; въ основѣ же неопредѣлен. они еще въ до-историческую пору слились съ предшествующими гласными въ носовой гласный, который въ современ. яз. является только въ видѣ а (=старо-слав. ѡ и ѡ, дѣти, млати).— Въ неопред. в. передъ конечнымъ с вм. е многие пишутъ é: ріес, сіес.

По образцу прзес спрягаются глаголы, у которыхъ корень прежде оканчивался на гласные -l, -r: дрзес, прзес, трзес, (rozpo)strzос, wrзес (запирать), wrзес и wrес (випѣть), żрес, mлес, плес.—Ш и рl въ наст. вр. имѣютъ miełę, piełę, miołę, piołę или mełę, pełę; въ повелит. в. miel, piel или mel, pel; въ прич. прош. дѣйств. I domеlszy, wурелszy; въ прич. прош. дѣйств. II mełł, pełł, а прежде miołł, piołł.—Wrзес или wrес можетъ смягчать и не смягчать r: wrę, wrzesz и wresz.

Отъ основы пр: прзе, прzesz, повелит. прзуй, прич. прас, прasz, парł, парłу; прзес въ значеніи спорить въ старомъ яз. измѣнялось по III вл.: прзе, прzusz, прзу; прзас, прzawszy, прзаł, прzany.

Б. Вторая основа образована суфф. а.

Неопредѣленное н. brać.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. bioreę	Мн. ч. bierzemy
2 л. bierziesz	bierzecie
3 л. bierze	bioreą.

Повелительное.

Ед. ч. 2 л. bierz
Мн. ч. 1 л. bierzmy
2 л. bierzcie.

Прич. наст. дѣйств. bioreąс; Прич. прош. дѣйств. I brawszy; Прич. прош. дѣйств. II brać; Прич. прош. страд. brany; Прошедшее brałem; Давнопрошедшее brałem był; Будущее będę brać или brać będę; Условное brałbym, byłbym brać.

Сюда относятся: gnać (наст. żenę, въ старомъ яз. было и żoneę, теперь чаще отъ основы goni), ssać (наст. sseę и ssię), zwać (наст. zwę и zowieę), gwać (наст. gwę и gwieę), łgać (наст. łgeę и łże), tkać (наст. tkę и tczeę), żwać, grać (pioreę).

Во всемъ спряженіи глаголовъ I кл -е основы настоящего смягчаютъ предшествующій согласный.

Разнообразныя, измѣненія которымъ подвергаются коренные гласные и согласные перечисленныхъ глаголовъ, объяснены въ отдѣлѣ фонетики.

Второй классъ.

Основы на -но, -nie (ńe).

Неопредѣленное н. dźwignąć.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. dźwignę	Мн. dźwigniemy
2 л. dźwigniesz	dźwigniecie
3 л. dźwignie	dźwigną.

Повелительное.

Ед. ч. 2 л. dźwignij
Мн. ч. 1 л. dźwignijmy
2 л. dźwignijcie.

Прич. наст. дѣйствит. (plynąс); Прич. прош. дѣйств. I dźwignąwszy; Прич. прош. дѣйств. II dźwignąć; Прич. прош. страд. dźwigniony; Прошедшее dźwignąłem; Давнопрошедшее dźwignąłem był; Условное dźwignął bym, byłbym dźwignąć.

Къ этому классу относятся глаголы, у которыхъ основа неопредѣлен. н. образована приставкой *pa* (=старо-слав. *pa*), напр.: *stapać*, *zapać*, *schapać*, *plapać*, *minapać*, *gapać*, *wiednapać* и др.

Многіе глаголы въ прич. прош. дѣйствит. II теряютъ *pa*: *kradł*, *kładł*, *schudł*, *głuchł*, *rzekł* и т. п.; иные допускаютъ двоякія формы; напр.: *zgasnął* и *zgasł*, *reknął* и *rekł*. Тоже относится и къ причастію на *-szy*.

Вм. *gnąć*, *gnął*—*gιάć*, *gιάł*; наст. вр. *gnę*, *gniesz*.

Прич. прош. страдат. нерѣдко принимаетъ неорганич. оконч. *-t*; напр.: *dźwignięty*, *pchnięty*.

Третій классъ.

Основы на *-jo*, *-je*.

А. Вторая основа равна корню.

Неопредѣленное н. *bić*.

Настоящее.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. <i>bije</i>	Мн. ч. <i>bijemy</i>	Ед. ч. 2 л. <i>bij</i>
2 л. <i>bijesz</i>	<i>bijecie</i>	Мн. ч. 1 л. <i>bijmy</i>
3 л. <i>bije</i>	<i>biją</i> .	2 л. <i>bijcie</i> .

Прич. наст. дѣйств. *bijać*; Прич. прош. дѣйств. I *biwszy*; Прич. прош. дѣйств. II *bił*; Прич. прош. страдат. *bity*; Прощедшее *biłem*; Давнопрошедшее *biłem był*; Будущее *będę bił* или *bić będę*; Условное *biłbym*, *byłbym bił*.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣленнаго на *-i*, *-y*, *-u*, отчасти на *-a*, *-o*: *gnić*, *pić*, *szuć*, *wić*, *czyć* (въ стар. яз.), *kryć*, *myć*, *ryć*, *tyć*, *wuć*, *żyć*, *być*, *bluc* (стар. яз.), *czuć*, *kłuć*, *knuć*, *kuć*, *pluć*, *psuć*, *szczuć*, *snuć*, *truć*, *ob(uć)*, *zuć*; также *kłóc* (пишутъ и *kłuć*, наст. вр. *kołę*), *rgóc* (и *rguć*, *porę*), *dać* (ср. выше стр. 490), *pieć* (*pieję* въ стар. яз. *poję*), *źrzeć*; *znać* и *smieć* имѣютъ только стяженные формы и слѣдуютъ первый V вл., второй III вл. Г; глаг. *stać* обыкновенно замѣняется *stapać*.

Б. Вторая основа образована суффт. а.

Неопредѣленное н. *писаć, dziać.*

Настоящее.

Ед. ч. 1 л.	<i>piszę</i>	<i>dzieję</i>
2 л.	<i>piszesz</i>	<i>dziewiesz</i>
3 л.	<i>pisze</i>	<i>dzieje</i>
Мн. ч. 1 л.	<i>piszemy</i>	<i>dziejemy</i>
2 л.	<i>piszecie</i>	<i>dziejecie</i>
3 л.	<i>piszą</i>	<i>dzieją.</i>

Повелительное.

Ед. ч. 2 л.	<i>pisz</i>	<i>dziej</i>
Мн. ч. 1 л.	<i>piszmy</i>	<i>dziejmy</i>
2 л.	<i>piszcie</i>	<i>dziejcie.</i>

Прич. наст. дѣйств. *pisząc, dziejąc*; Прич. прош. дѣйств. I *pisawszy, dziawszy*; Прич. прош. дѣйств. II *pisał, dział*; Прич. прош. страд. *pisany, dziany*; Прошедшее вр. *pisałem, działałem*; Давнопрошедшее *pisałem był, działałem był*; Будущее *będę pisał, dział* или *писаć, dziać będę*; Условное *pisałbym, działałbym, byłbym pisał, dział.*

По образцу *писаć* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ влияніемъ *j* этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: *ogać—ogrzę, kagać—kogrę, słać—śle (слатъ), słać (стлатъ)—scieleę, łamać—lamieę, chrapać—chrapię, drapać—drapię, deptać (топтать)—depceę, głodać—głodzę, strugać—strużę, płakać—płaczę, skakać—skaczeę, kazać—każeę, chłostać—chłoszczeę, gwizdać—gwizdżeę, zyskać—zyszczeę, lizać—liżeę, drzemać—drzemieę* и др.

Нѣкоторые глаголы могутъ образовать формы и по V кл.: *kłamać* и *kłamię, kołatać* и *kolaceę, strugać* и *strużę, guzdrać* и *guzdrzę, kąsać* и *kaśże.*—Глаголы на *tać* имѣютъ иногда настоящее на *ość* вм. *oę*, что Малѣцкій приписываетъ влиянію русскаго яз.; *plątać* имѣетъ только *plączę, plącz, plącząc.*

По образцу *dziać* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный: *grzać* (наст. *grzeję*), *wiać* (*wieję*), *wrzać* (*wrzeję*), *lać* (*leję*), *chwiać* (*chwieję*), *piać* (*pieję*), *śmiać się* (*śmieję się*), *siać* (*sieję*), *ziać* (*zieję*), *bajać* (*baje*), *kajać się* (*kaje się*), *krajać* (*krajeę*), *łajać* (*łajeę*), *tajać* (*tajeę*).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *ija, ięja* (=старо-слав. *и, ѡ*) стягиваются въ *ia* лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: *siać, siał* и *sieję*, но *łajać, łajał*. Напротивъ въ чешск. яз. вездѣ стяженіе: *báti se, káti se*.

Нѣкоторые глаголы допускаютъ двоякія основы неопредѣленнаго: *blwa, żwa, klwa, knowa, kowa, plwa, psowa, zrza, smia* и *blu, żu, klu, knu, ku, plu, psu, zrze, śmie* (по III вл.); напр.: *psowac, psował* и *psuć, psuł* и т. п.; рядомъ съ *wrzać* существуетъ и *wrzeć, przać* и *przeć*. Неопредѣл. *dawać, znawać* (*rozznawać*), *stawać* соотвѣтствуютъ настоящ. *daje, poznaje, staje*, но повелит. н. *dawaj, poznawaj*.

В. Вторая основа образована суффт. -owa.

Неопредѣленное н. *kipować*.

Настоящее.		Повелительное.
Ед. ч. 1 л. <i>kipuje</i>	Мн. ч. <i>kipujemy</i>	Ед. ч. 2 л. <i>kipuj</i>
2 л. <i>kipujesz</i>	<i>kipujecie</i>	Мн. ч. 1 л. <i>kipujmy</i>
3 л. <i>kipuje</i>	<i>kipują.</i>	2 л. <i>kipujcie.</i>

Прич. наст. дѣйст. *kipując*; Прич. прош. дѣйст. I *kipowawszy*; Прич. прош. дѣйст. II *kipował*; Прич. прош. страд. *kipowany*; Прошедшее *kipowałem*; Давнопрошедшее *kipowałem był*; Будущее *będę kipował* или *kipować będę*; Условное *kipowałbym, byłbym kipował*.

Сюда относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой -owa: *picować, obsować, miłować, rapować, gysować, wojować, biedować* и др.

По данному образцу могутъ измѣняться также глаголы, у которыхъ вторая основа образована приставкой -ywa и которыя слѣдуютъ также и V вл.: *spisywać, wygadywać, poszukiwać, zwoływać, czytywać, przysłuchiwać się*; напр. *podpisywam* и *podpisuje, wywołuwam* и *wywołuje, gozczytuwam* и *gozczytuje* и т. п. Первоначально эти глаголы оканчивались на -awać и измѣнялись исключительно по V вл. Повелит. накл. и теперь у нихъ оканчивается предпочтительнѣе на -ywaj, чѣмъ на -uj (особенно при отрицаніи): *nie czytywaj, nie zwoływaj* и т. д.

Приставка -ома образовалась изъ ца; глагольная основа оканчивается на -ц, которое выступаетъ въ настоящемъ вр.

Г. Вторая основа равна глагольной основѣ, образованной зв. в (= ѡ).

Неопредѣленное н. boleć.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. boleję	Мн. ч. bolejemy
2 л. bolejesz	bolejecie
3 л. boleje	boleją.

Повелительное.

Ед. ч. 2 л. boleј
Мн. ч. 1 л. boleјmy
2 л. boleјcie.

Прич. наст. дѣйств. boleјас; Прич. прош. дѣйств. I bolawszy; Прич. прош. дѣйств. II bolał; Прич. прош. страд. (rozumiany); Прошедшее bolałem; Давнопрошедшее bolałem być; Будущее będę bolał или boleć będę; Условное bolałbym, byłbym bolał.

Сюда относятся многочисленные производные глаголы: kamienieć, dnieć, okaleceć, wypsieć, niszczeć, siwieć, ubozeć, starzeć się, istnieć, czerwienieć, mdleć, oniemieć и др.

Отдѣльно стоятъ umieć и rozumieć, имѣющія въ наст. вр. стяженныя формы за исключеніемъ 3 л. мн. ч., а въ 1 л. ед. ч. принимающія оконч. -ш: umieи, umiesz, umie, umieиу, umiecie, umieją.

Четвертый классъ.

Основы на -i

A. Вторая основа на -i.

Неопредѣленное н. chwalić, prosić.

Настоящее.

Повелительное.

Едн. ч.		Множ. ч.		
1 л. chwaleę	proszę	chwalimy	prosimy	Ед. 2 л. chwal
2 л. chwalisz	prosisz	chwalicie	prosicie	proś
3 л. chwali	prosi	chwalą	proszą.	Мн. 1 л. chwalmy
				prośmy
				2 л. chwalcie
				proście.

Прич. наст. дѣйств. chwalać, prosząc; Прич. прош. дѣйствит. I chwaliwszy, prosiwszy; Прич. прош. дѣйств. II chwalił, prosił; Прич. прош. страд. chwalony, proszony; Прошедш. вр. chwaliłem, prosiłem; Давнопрошедшее chwaliłem był, prosiłem był; Будущее będę chwalił, prosił или chwalić, prosić będę; Условное chwaliłbym, prosiłbym, byłbym chwalił, prosił.

По даннымъ образцамъ спрягаются всѣ глаголы съ основой неопредѣленнаго накл. на -i: palić, warzyć, burzyć, ganić, ranić, puścić, płać, bawić, trafić, wrócić, puścić, wodzić, bogacić, skamienić, przyswoić, uczyć, zawiesić, wozić, jeździć, kosić, straszyć, tać и др.

Коренной согласный передъ -i основы вообще смягчается. Въ прич. прош. страд. и въ 1 л. ед. ч. наст. вр. первичн. i превратилось въ j, повліявшее на смягченіе предшествующихъ согласныхъ, при чемъ s, z, t, d превратились въ sz, ź, c, dz: proszę, grozę, puszczyć, chodzę, proszony, wodzony. По аналогіи 1 л. един. ч. тѣже мягкіе согласные неорганически проникли въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств.: proszą, prosząc, grożą, grożąc, puszczać, puszcząc, chodzą, chodząc (см. ожидаемыхъ prosią, grozią, puszcją, chodzą въ соответств. старо-слав. просятъ, грозятъ, поускать, ходятъ).

Въ 1 л. мн. ч. уже съ XV ст. вошли въ употребленіе формы съ гласн. основы -eм. -i: mówięmu, prosięmu. Въ грамматикахъ здѣсь обыкновенно пишутъ -i, но въ живой рѣчи обыкновенно слышится -e. По всей вѣроятности -e сюда проникло изъ I класса подъ вліяніемъ -ę въ 1 л. ед. ч.

Б. *Вторая основа образована суфф. e* (= старо-слав. ѣ).

Неопредѣленное н. cierpieć, siedzieć.

Настоящее.

Повелительное.

Един. ч.

Множ. ч.

1 л. cierpieć	siedzę	cierpiemy	siedzimy	Ед. 2 л. cierp	siedz
2 л. cierpisz	siedzisz	cierpicie	siedzicie	Мн. 1 л. cierpmy	siedzmy
3 л. cierpi	siedzi	cierpią	siedzią.	2 л. cierpcie	siedzcie.

Прич. наст. дѣйств. cierpiąc, siedząc; Прич. прош. дѣйствит. I cierpiawszy, siedziawszy; Прич. прош. дѣйств. II cier-

ział, siedział; Прич. прош. страд. cierpiany (siedziany); Прошедшее *cierpiałem, siedziałem*; Давно прошедшее *cierpiałem był, siedziałem był*; Будущее *będę cierpiał, siedział* или *cierpieć, siedzieć będę*.

По этимъ образцамъ спрягаются: 1) глаголы которые въ старославянск. и другихъ славянскихъ языкахъ сохраняютъ въ окончаніи основы неопредѣленного первичное Ѣ (или его замѣны): *wisieć, widzieć, świerżbieć skrzybieć, grzmieć, brzmieć, myśleć, dojrzeć* и др.; 2) глаголы, во многихъ слав. языкахъ измѣняющіе конечный гласный основы Ѣ на а (послѣ j и шипящихъ): *slyszeć, leżeć, kłęczeć*; впрочемъ, нѣкоторые изъ глаголовъ послѣдней категоріи, сохраняютъ а въ основѣ неопредѣл. н.: *drzeć* и *drzać*.

Въ 1 л. ед. ч. и въ прич. прош. страд. согласные передъ праслав. j подвергаются соотвѣтствующимъ измѣненіямъ, при чемъ s, z, t, d переходятъ въ sz, ź, c, dz; напр.: *wiszę, lecę, siedzę*. Тѣже измѣненія неорганически выступаютъ въ 3 л. множ. ч. и въ прич. наст. дѣйств.: *wiszą, siedzą, lecają, wisząc, lecąc* и др. Ср. выше о глаголахъ IV кл. А.

Въ 1 л. множ. ч. въ живой рѣчи обыкновенно слышится оконч. -emy вм. -іу: *leciemy, sedziemy*. Ср. выше о глг. IV кл. А.

Widzieć въ старомъ яз. имѣло повел. *widz*, вм. котораго теперь обыкновенно *patrz*.

Wiedzieć имѣетъ настоящее безъ гласнаго основы: *wiem* (ср. выше, архаическіе глаголы).

Chcieć спрягается слѣд. образ.: наст. *chcę, chcesz, chce, chcemy, chcecie, chcą*; повел. *chciej, chciaj, chciawszy, chciany*.

Wać się (=bojeć się, старо-слав. *боити ся*) и *stać* (=stojęć, старо-слав. *стоити*) имѣютъ стяженные формы только въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. П *wał się, stał*, но *boje się, bojąc się, stoję*.

Chrapieć и *zarpieć* чаще замѣняются *chrapać, sapać*.

Spieć, spisz имѣетъ основу неопредѣленного н. на а: *spać, spał*.

Пятый классъ.

ОСНОВЫ НА -á (= аје).

*Вторая основа на -а.*Неопредѣленное н. **działać.**

Настоящее.		Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. działam	Мн. ч. działamy	Ед. ч. 2 л. działaj	
2 л. działasz	działacie	Мн. ч. 1 л. działajmy	
3 л. działa	działają.	2 л. działajcie.	

Прич. наст. дѣйств. **działając**; Прич. прош. дѣйств. I **działawszy**; Прич. прош. дѣйств. II **działał**; Прич. прош. страдат. **działany**; Прошедшее **działałem**; Давнопрошедшее **działałem być**; Будущее **będę działał** или **działać będę**; Условное **działalbym, byłbym działał.**

Къ этому классу относятся: **kochać, jednać, kochać, igrać, grać, wachać, pisać, gniewać się, strachać się, witać, wieczerać, pamiętać, uśmiechać się, drgać, dbać, łkać, tkać, ufać, plwać, śpiewać, czytać, zatykać, wracać, dźwigać, jadać, czekać** (народн. **czkać**), **bywać** и мн. др.

Нестаженныя формы только въ 3 л. мн. ч. и въ прич. наст. (ср. выше стр. 483). Въ старомъ яз. вм. а слышалось сжатое á, которое въ нѣкоторыхъ говорахъ (особ. велико-польскихъ) и теперь звучитъ близко къ о.

Сюда-же относятся: **znać, наст. вр. znam, и mieć** (стар. **mieć**), наст. вр. **masz** и т. д. 3 л. мн.: **mają, прич. наст. mając** (остальныя формы по III кл. Г—miej, **miałwszy, miał, miałny**).

Безличныя глаголы.

Błyska się, grzmi, świta, marznie, uchodzi, dnieje, należy, zależy, niema, gore, idzie o co, chodzi o co, trzeba (jest), można (jest), bolesno (jest), przykro (jest), żal mi (jest), wstyd mi (jest); pisze się, czyta się, dzieli się, wierzy się; czyniono, myślano, płakano, spano, wstydziono и др.

7. Неизмѣняемыя слова.

Н а р ѣ ч і я.

(Przysłowki).

1) Gdzie? tu, tam, owdzie, wszędzie, stąd, stamtąd, zowąd, zewsząd, zinaąd, tędy, owędy, tamtędy, wszędy, gdzie, skąd, dokąd, kędy, któredy, gdzieś, gdziebądź, gdzieindziej, gdzieniegdzie, gdziekolwiek, gdziekolwiek, skądś, skądkolwiek, daleko, blisko, bliżej, opodal, wysoko, wyżej, wewnątrz, zewnątrz (спаружи), nigdzie и др.

2) Kiedy? wtedy, teraz (теперь), zaraz (сейчась), dziś, wczoraj, zawsze (всегда), zawsze, już, jeszcze, dawno, potem, doróty, róty, dotąd, odtąd, gdy, kiedy, odkąd, dokąd, doróki, kiedyś, kiedykolwiek, kiedybądź, kiedyindy, nigdy, niekiedy, zdawna, wkrótce, przód, podczas (во время), czasem (иногда), wczoraj, natychmiast (сейчась), jutro (завтра), onegdaj (третьего дня), latoś и др.

3) Jak? jako, tak, siak, owak, inaczej, nieinaczej, jakoś, jakkolwiek, jednak, równie, podobnie, wszak, ciągle (постоянно), dobrze, źle, prawie, ledwie (едва), często, rzadko, koniecznie (непремѣнно), raz, rótko, zbyt (слишкомъ), wysoce, trochę, współ, tyle, cokolwiek, bardzo, mało, bardziej, arcy, nader (сверхъ мѣры), nadzwyczaj, nadewszystko, prędko (скоро), skogo (какъ только), pieszo, darmo, równo, gorąco, krzepko, miękko, wiele, spełna, po prosta, zlekka, wcale, jednak, dwójako, dwukrotnie, powtóre, dosyć, dość и др.

Na co? za co, po co, wszelako, przecie, przecież (вѣдь), że, nie, ani, czy, li, alboż, ażali, chyba, oraz (а также, и), nawet (даже), nie, bynajmniej (нисколько), przeciwnie (напротивъ) и др.

P r e d ł o g i.

(Przyimki).

1) Настоящие предлоги: bez, do, od, dla, u, ku, przez, przy, z, na, nad, po, pod, przed, o, w, za, przeciw, naprzeciw, naprzeciwko, mimo, pomimo, między, pomiędzy.

2) Нарѣчныя выраженія, употребляющіяся въ значеніи предлоговъ: koło, około, naokoło (вблизи, кругомъ), krom, okrom, prócz, oprócz (кромѣ), miasto, zamiast (вмѣсто), wśród (среди), wdłuż (вдоль),

wprost (прямо), podług, według, wedle (по), względem (относительно), blisko (вблизи), powyż, powyżej, wzwyż (выше), poniżej (ниже), obok (рядомъ), poprzek (поперекъ), wewnątrz (внутри), zewnątrz (снаружи), gwoli (ради), wbrew (напротивъ).

3) Употребляющіяся только въ сложныхъ словахъ: ob, prze, pro, roz, wy, wz (wez).

Съ *родит. п.*: bez, krom, okrom, prócz, oprócz, do, dla, od (вм. первичн. ot), u, koło, około, naokoło, miasto, zamiast, podług, podle, według, wedle, wzdłuż, wprost, naprost, powyżej, powyż, wzwyż, poniżej, poniż, blisko, bliżej, najbliżej, wgród, pośród, względem, obok, poprzek, wewnątrz, zewnątrz.

Съ *дат. п.*: ku, przeciw, przeciwko, naprzeciwko, wbrew, kwoli.

Съ *вин. п.*: przez (въ стар. яз. prze, напр. przebóg, przeto).

Съ *мѣстн. п.*: przy.

Съ *род. и дат. п.*: naprzeciw, naprzeciwko.

Съ *род. и вин. п.*: mimo, pomimo.

Съ *род. и твор. п.*: z (ze). z представляетъ два различныхъ предлога z (изъ) и z (съ); напр. z nieba, z koniem.

Съ *вин. и твор. п.* między, pomiędzy, pod, przed, nad.

Съ *вин. и мѣстн. п.* w, na, o, po.

Съ *род., вин. и твор. п.* za.

С о ю з ы.

(*Spojniki*).

I, a, ani, ni, ale (но), lecz (но), albo (или), bo, bowiem (ибо), więc (слѣдовательно), ponieważ (такъ-какъ), jeżeli, jeśli, wzdę, acz, aczkolwiek (хотя); i-i, ni-ni, ani-ani, albo-albo; gdy, skoro, jak tylko, jużto—jużto (сперва—потомъ), jak-tak, czy, czyli (развѣ, ли, неужели), czy—czy (ли—или), choc, choćby, że, ażeby (что, чтобы), gdyż (такъ-какъ), lubo (хотя), aż (такъ что), dopieroż (только что), także, tadzież (и), szczęścią — szczęścią (частью — частью), bądź — bądź (или—или); to, toż, owoż (вотъ), im — tem (чѣмъ — тѣмъ), przy tem, potem, pre to, dla tego, zaszem, też, zaś przecie и др.

8. Нарѣчія и говоры польскаго языка.

Польская діалектологія разработана весьма недостаточно, не смотря на то, что научныя наблюденія надъ народными говорами ведутся почти тридцать лѣтъ. Въ настоящее время собранъ уже весьма значительный, хотя далеко не полный и не всегда достовѣрный діалектологическій матеріалъ, но почти отсутствуютъ работы, посвященныя изученію и научной классификаціи этого матеріала. Именно польская филологическая и этнографическая литература представляетъ: 1) большое количество образцовъ народныхъ говоровъ; 2) рядъ словариковъ областной народной рѣчи и 3) до 15 описаній частныхъ говоровъ. Изданные тексты образцовъ народныхъ говоровъ имѣютъ не одинаковое научное значеніе; важнѣе изъ нихъ тѣ, которые носятъ признаки болѣе точной записи и напечатаны фонетическимъ правописаніемъ (Лучшіе сборники переименованы на стр. 382—384). Что касается описаній говоровъ, то они основаны болышею частью на наблюденіи народнаго языка въ извѣстной небольшой по протяженію области, и чаще всего воспроизводятъ говоръ одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ сель. Сверхъ того нѣкоторыя изъ нихъ составлены не филологами, дилетантами, по одному шаблону. Лучшая изъ такихъ діалектологическихъ монографій посвященная опольскому гов. (въ Силезіи)—принадлежитъ профессору Л. Малиновскому: съ нея (1870 г.), собственно и начинается научное изученіе польскихъ говоровъ она послужила образцомъ для многихъ послѣдующихъ работъ, изъ которыхъ важнѣйшія написаны Крынскимъ, Лецѣвскимъ, Матусякомъ, Завилинскимъ, Лосемъ и др. Наибольшее количество наблюденій произведено надъ малопольскими и бескидскими говорами, меньше всего надъ мазурскими и великопольскими. Всего этого, конечно, недостаточно. Въ ученой литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного труда болѣе общаго характера, въ которомъ были бы по крайней мѣрѣ поставлены, если не рѣшены основные вопросы польской діалектологіи: какъ-то о числѣ главныхъ польскихъ нарѣчій, о научной характеристикѣ каждаго изъ нихъ въ цѣломъ и въ частныхъ говорахъ, о географическомъ разграниченіи нарѣчій, ихъ исторіи, болышей или меньшей связи ихъ съ литературнымъ языкомъ и пр. Правда, можно указать прекрасное изслѣдованіе К. Ашеля (о говорахъ польскаго языка, Русск. Фил. Вѣстн. 1879 г. т., II), посвященное объясненію нѣкото-

рыхъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій, свойственныхъ разнымъ польскимъ говорамъ, и работы Л. Малиновскаго и Карловича (ср. выше стр. 380, 381) особенно по т. п. народной этимологiи, заключающія въ себѣ толкованія многихъ народныхъ словъ и выраженій. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія попытка нѣкоторыхъ ученыхъ (Л. Малиновскаго, Гануша) указать слѣды діалектическихъ вліяній въ памятникахъ литературного языка XV, XVII и XVIII в.в. Но всѣ эти работы—лишь первые камни въ фундаментъ воздвигаемаго зданія научной польской діалектологiи и не даютъ отвѣта ни на одинъ изъ указанныхъ выше общихъ вопросовъ. Въ существующихъ польскихъ грамматикахъ также тщетно было бы искать хоть какихъ-либо свѣдѣній о народныхъ говорахъ¹⁾. При такомъ положеніи дѣла и настоящей очеркъ польской діалектологiи по необходимости долженъ быть весьма кратокъ и не полонъ. О научной классификаціи говоровъ и обстоятельной ихъ характеристикѣ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи²⁾.

Принимая во вниманіе собранныя доселѣ данныя, можно свести всѣ польскіе говоры въ слѣдующія шесть группъ, которыя только условно можно назвать нарѣчіями: групп. великопольская, малопольская, силезская, мазурская, куявская, и горальская (карпатская).

Малопольское нарѣчіе.

Oskar Kolberg. Lud, jego zwyczaj, sposób życia, mowa и т. д. Sandomierskie II. (1865), Krakowskie XIII (1875), Lubelskie XVI—XVII, Kieleckie XVIII—XIX; Radomskie, XX—XXI; Wł. Siarkowiki: 1) Materjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, Kraków. T. II, III, IV, IX); 2) Słowniczek gwary ludowej z okolic Pinczowa (Sprawozd. Kom. język. IV, 1891) J. Grajner, Zapiski etnograficzne z okolic Wielunia i Radomska (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. IV, 1880; J. Łoś, Gwara opoczyńska. Studium dyjalektologiczne (Rozprawy Wydz. fil. Akad. umię. T. XI. 1885); Sz. Matusiak: 1) Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega. Studium dyjalektologiczne (Rozprawy Wydz.

¹⁾ Еще въ 1894 г. на Львовскомъ съѣздѣ литераторовъ И. Карловичъ доказывалъ важность и необходимость внесенія въ школьныя грамматики свѣдѣній о народныхъ говорахъ (Prace filologiczne. T. V. Z. 1. 1895).

²⁾ Некритическая брошюра Поля Historyczny obszar Polski. Rzecz o dyjalektach mowy polskiej (Kraków 1869) не имѣетъ никакого научнаго значенія.

fil. Ak. um. T. VIII, 1880) 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner Archiv f. slav. Phil. V. 1880); 3) Z piesni i opowiadań Lasowiaków Krákov, 1882 (Przegląd akademicki), R. Zawiliński Gwara Brzezińska w starostwie Ropczyckim. Studium dyjalektologiczne Rozpr. Wyd. fil. T. VIII); J. Bieła: 1) Gwara Zebrzydowska (между Краковомъ и Вадовицами). Studium dyjalektologiczne (Тамъ же Т. IX, 1882); 2) Spis wyrazów zebranych we wsi Żarnówce nad Skawą (Spraw. Kom. jez., IV, 1891); Wł. Kosiński: 1) Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej (близъ г. Бѣлы, въ зап. ч. Галицїи Sprawozdania Komisji językowej Akad. umięjęt. T. IV, 1891); 2) Słowniczek prowincjonalizmów z okolic Krakowa, Bochni i Wadowic (Zbiór wiad. do antr. krajow. T. I, 1877) L. Magerowski Kilka wiadomości o ludzie polskim we wsi Wesołej pow. brzozowskim (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. XIII); Sew. Udziela: 1) Materyaly etnograficzne z miasta Ropczyc i okolicy (Zbiór wiad. do antr. kr. T. X, 1886); 2) Lud polski w powiecie ropczyckim (Тамъ же Т. XIV, 1890); 3) Opowiadania ludowe ze Starego Sącza (Wisła, 1895—96); M. Albiniskii J. Bliziński, Abecadłowy spis wyrazów języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniej (Biblioteka Warszawska, 1860, IV); St. Ciszewski: 1) Lud rolniczo-garniczny z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. X, XI, 1886, 1887); 2) Krakowiacy. Monografia etnograficzna, T. I. Kraków, 1894. P. B. Wyrazy gwarowe z okolic Tarnowa (Prace filol. T. IV (1892) z. 1.) Kar. Matyas, Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio—południową najbliższą okolicę Nowego Sącza (Sprawozd. Komis. język. T. IV, 1891); Z. Wasilewski, Słowniczek wyrazów ludowych we wsi Jaksicach (Кълецкой губ.) Prace filol. T. V (1895) z. 1. W. Pracki Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa (Тамъ же); Zygm. Wierzchowski, Basni i powieści z puszczy Sandomierskiej (Zbiór wiad. do antrop. kraj. T. XVI, 1892); Mich. Witanowski, Lud wsi Stradomia pod. Częstochową (Тамъ же Т. XVII, 1893 Wisła III, 646), L. Malinowski Grupy spółgłosek trz, strz. drz. w niektórych gwarach Galicyi Zachodniej (Prace fil. t. IV (1897) z. 1; G. Blatt, Gwara ludowa we wsi Pysznica w powiecie Niskim (Rozprawy Wydz. filol. Akad. Umięjęt. T. XX, 1894), K. Rayski Spiewni i Zagadki we wsi Białej Błotnej w pow. Włoszczowskim (Wisła IX, 1895; L. Malinowski, Głoski nosowe w gwarze ludowej we wsi Kasinie (Rozprawy Wydz. fil. VIII, 1880).

Малопольское нарѣчіе, составляющее главную основу современного литературнаго языка, господствуетъ во всей польской части Галицїи, за исключеніемъ той южной полосы ея, которая расположена по склонамъ Карпатъ, а также во всей южной половинѣ Царства

Польскаго (преимущественно въ губ. Кѣледкой, Радомской, Піотрвовой и Люблинской). Относящіяся сюда, довольно многочисленные народные говоры представляютъ слѣдующія (наиболѣе характерныя) особенности по сравненію съ литературнымъ языкомъ.

1) Начальныя а, і, е обыкновенно принимаютъ придыхательное j или h: Janteni, jartyka, Jabram, jaz, jaze, harak, harest; hale, habo (лясов. г.); jide, jime, jigła, jigrać, jizba, Jewa, hezbéta, hedukacyja.

2) О въ началѣ словъ (а въ нѣкоторыхъ говорахъ и въ срединѣ) произносится съ призвучомъ краткаго u: "ociés, "owca, "op, "oba, "ustać, puole vuole. Въ зебжидов. г. вм. о обыкновенно слышится "о т. е. звукъ занимающій средину между о и е, притомъ предшествуемый призвучомъ u; напр. "оkпо, v"ojna; только послѣ l, ł, r слышно чистое о: gwowa, d"o grubu. Въ пышницк. г. такое краткое ъ слышится и передъ начальн. u: "uzond, "ucho.

3) Е не расширяется въ о: véze, véde, plete (1 л. ед. ч.), vezła, pletła; ośeł, kozoł, kośeł, metła, évesna, évesło.

4) І (а иногда у) передъ ł (особ. въ прич. прош. дѣйств.) замѣняется въ однихъ говорахъ черезъ u, въ другихъ—черезъ e: patřuw, řubřuw. podzeuw, brojuw, суñuw, rob'uw (напр. брезин. г.); pośeł, dźełeł, суñeł, zrobeł (лясов.), beł (опоч. г.).

5) А и u иногда (чаще передъ m, n) переходятъ въ о: kozden, kozdy, łomać, ołtoř, kómoга, opekón, kołton, tronna. font, gront; на оборотъ вм. о, иногда u или ъ: ogumny, studoła (лясов. г.), kuñ, kón, (пышн. г.), pumagajom (пасоравиц. г.).

6) А перегласовывается въ е передъ j (въ повел. н.): deј, imykeј, słucheј, swucheј, cekeј, stareј sie; сверхъ того иногда е вм. а и въ другихъ случаяхъ: rep, metka, geno (лясов. пышниц. г.).

7) Сжатые или наклоненные гласные á, é, ó въ большей или меньшей степени сохранены, но древній выговоръ ихъ часто измѣняется въ пользу другихъ гласныхъ; именно á звучитъ не только какъ а, приближающееся къ о, но и какъ чистое—о; напр. grávda, gádka, jád, más, ron, zbon; dom (дамь) vloz, chcioł, słysoł (бендзин. г.); е—произносится не только какъ е, приближающееся къ і, но и совсемъ какъ і (у), а въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясовск. г.) какъ нѣмецк. ö; напр.: léп, grých, řyka sug, sígr, chlib, chlób, gnów; ó обыкновенно какъ въ литературномъ языкѣ сливается съ u, но въ нѣкоторыхъ говорахъ оно звучитъ какъ о съ окраской u спереди или

сзади, т. е. ѡ (лясов. г.) или ої или же какъ ѡ т. е. протяжное о (опочин. г.); напр. vól, vŏł, vóŭ, dzvón, kón.

8) Носовые гласные тѣже, что въ литературномъ яз., т. е. ę и ɔ (= книж. а); напр. břeĳ, seść, język, vɔzik; но очень часто древніе носовые гласные не удержались: они или разложились на чистые гласные, в носовые согласные или совсѣмъ утративъ ранезмъ, перешли въ чистые гласные, при чемъ ę обыкновенно = е, а = о (ou); напр. demba, bende, ĳenka, menka, ĳenś; dześenć, śvęta, ĳonka, zlonk śe, dzice, ćele, ĳime, ĳe, će, śe, meso, rybe, noge (вин. п. ед. ч.), ĳese, vęze (1 л. ед. ч.), zĳinoł, ĳineli; vŏn (всалъ), dón (далъ), zasón (засмалъ), vedóm, gov'óm, znóm, ksom (оноч. г.), bede. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясовско-пышницк.), носовыхъ гласныхъ совсѣмъ не слышно; въ лясов. г. вм. ę—слышится ĳ или е, вм. а—о или ѡ: břeĳ, seść, będe, gęba, rybe, te (вм. tę), vŏgel, mŏka, dzvignŏc: твор. пад. ва—ом (rybóm, dusóm, ĳnóm, tobóm, tom), вѣроятно, нужно объяснять какъ новообразование по аналогїи твор. п. муж. р. Въ страдомск. г. (близъ Ченстохова) вм. ę слышится не только еп, но и in: svinta. pĳinka, zarĳęgać, также bede, pĳasóm (3 л. мн. ч.), gołombka. Въ кѣлецк. г. вм. ę всегда е, но а удерживается: pajsŏvętaŏ rappe. Въ писаровиц. г. вм. общепольск. ę—возможны: 1) а: kady; 2) аа: kampa, kandy, vandrovać, bande; 3) а: masocha (вин. п.), zaĳy, kapa, śedna, ĳe vŏca (1 л. ед. ч.); 4) е: sable, bede; 5) in: vink.

Вторичные носовые гласные: mędzy, męszkać, męsać, Jędrzej, dokumęt, momęt (зебжид. г.), nęści, Margoręta (брезин. г.).

9) Въ нѣкоторыхъ говорахъ часто удерживается ĳ изъ древн. ь: ze sebóm, ³odezdać, řes, řesa.

10) Т. н. мазурованіе т. е. замѣна язычныхъ согласныхъ ĳ, ś, dĳ, ĳ зубными z, s, dz, s, въ извѣстной степени свойственно большей части говоровъ: sekać, saĳny, seĳty, ĳeśmęj, sukać, suĳa, ĳusa, zelazo, ĳuz, zał. Чаше наблюдается это явленіе по отношенію къ ĳ.

11) Твердое ĳ во многихъ говорахъ (сандомірск., зебжид., брезин. писаровицк., пышницк. и др.) звучитъ какъ особое v приближающееся отчасти къ краткому u (обозначаютъ его черезъ w или ũ) gwova, ĳmwujn, ĳiwu, mwody, dđugo ĳad; pĳaće, chĳor. но въ лясовск., кѣлецк. и др. ĳ удерживается: ĳara, ĳyđło, syđło, mĳody.

12) Въ лясов. г. ĳ передъ древн. а и я звучитъ мягче чѣмъ предъ і 'etni, řeśny chl'ęb, lis, pałic.

13) *í* нерѣдко исчезаетъ въ 3 л. прош. вр.: *posed*, *móg*, *vód*, *vóz*, *ńós* (опочин. пышн. и др. г.); сюда же надо относить формы *vżon*, *k'ón*, *ńon*, *don*, *dźvignon*; нѣкоторые (напр. Матусякъ, Апшель, видятъ здѣсь переходъ *í* въ *п*, что едвали правдоподобно.

14) Въ пышницк. гов. вл. общепольск. *гз* слышится *з* или *с* (послѣ *к*, *р*): *zemej* (*rzemeń*), *gzebej*, *gzecny*, *ksywda*, *psycyna*, (ср. серболуж. н.) *расу* (*patrzy*), *oscyc* (*ostszyc*), *moze* (*morze*), *beześ*.—Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Краков. околье, (Нѣполомице, Вишнячь) *tř* звучитъ какъ *ѣ*, а группа *stř* какъ *šš*: *čeba* (*třeba*), *pać czy* (*tszy*), *miść* (*mistrz*), *šćal* (*strzał*) также *dzewo*, *dźwi*).

15) Въ зебжид. г. *г* въ настоящ. вр. не смягчается: *bèreś*, *b'ere*; также въ писаровиц. г. *b'er*; *verch*.

16) Мягкое *ń* на концѣ словъ иногда переходитъ въ *ж*: *gij*, *z'vij*, *kuój*, *ogej kóměj*, *džėj*, *małzejstvo* (лясов. г. зебжид.) *płuj*, *małzejstvo* (пышниц. г.).

17) Исчезновение согласныхъ: *г*:—*basz* (*barszcz*), *moski*, *lekastwo*, *gospodastwo*. (пышниц. г.); *т*: *pasvisko*, *jes*, *Adalber d*: *pole*, *vele*; *в*: *šycko*, *sycko*, *sędy selaki*, *schód*, *г*: *fehotka*, *fečka*, *dyć*, *dže*, *м*: *ta*, *sa* (вл. *tam*, *sam*); *ń*: *baś*, *kaś* (*kazń*), *řeś*; *л*: *pad*, *tłuk* (и вообще въ прош. вр.), *zamys*, *mynař*, *jaroko*.

18) Уподобление согласныхъ: *ńemec* (*niemiec*), *velgi*, *smerterny*, *ontař*, *ontaz* (Пышн. г.) *šli*, *šlchetny*, *štuku*, *ucęivosc*, *numer* (*numer*).

19) Расподобление согласныхъ: *chto*, *chtóty*, *nicht*, *štyry*, *ujzruc*, *pojzruc*, *sreblo*, *šrybwo* (зебжид. г.) *lubryka*, *lewers*, *lezerwa*, *kfawa*, *kfalić*, *křes*, *křcinu*, *kcić*, *kce*, *кcom*. *kvardy* (брез. г.).

20) Въ нѣкоторыхъ говорахъ *vdova*, *vdovec* звучатъ *gdova*, *gdovec* (лясов. пышн. г. и др.).

21) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (особ. лясов., пышниц., отчасти брезинск.) сохраняется двойств. ч. въ склоненіи: *dwa garca*, *dwa korca*, *dya chluora*, *ucsu*, *ucsu*, *chłuoroma*, *vilkomu*, *krajema*, *rekaema*, *genkoma*;—формы двойств. на—ша часто употребляются въ значеніи твор. п. множ. ч.; мѣстоим. *va*, *naju*, *vaju*, *nama*, *vama*, *tema*, *neма* (Евѣлец. пышн. г.)

22) Сохраненіе въ отдѣльныхъ случаяхъ древ. оконч. въ род. мѣстн. п. ед. ч. основъ на—о: *dęba*, *do lasa*, *z mosta*, *proga*, *stracha* и др.: *syńe*, *duomę*.

23) Въ род. п. ед. ч. женск. основ. на—ја сохраняется древнее оконч. е; *ze suje, do dębice, duse, rívníce*.

24) Вип. п. ед. ч. жен. основъ на—а, вслѣдствіе потери ринезма, часто оканчивается на чистыя е, о, *bańo, studńo, vńolo, sórke, poqe*.

25) Твор. п. ед. ч. жен. р. осн. на—а часто образованъ: по аналог. основ. муж. р. на—о: *romosom, nitkom, dusom, kosćom, z dobrom, tom*; также *mnop, tobóm* (лясов., брезин. зебжид. и др. г.; ср. сербск. яз.); иногда на—о, -ô (лясов. г. пышн. г.): *matkò, kochanecko, ksonzko*.

26) Род. п. мн. ч. жен. и ср. р. на—ów: *kosów, jagodów, mysów, serców, kńońów* (лясов. пышн. г., зебжид.); *bajków* (кѣлец. г.).

27) Род. п. жен. р. ед. ч. сложн. скл.—на—у: *dobry, duobry, markotny* (кѣлец., лясов., пышн.). Вѣроятно это новообразование по аналогіи именного склоненія. Таже форма служить для дат. и мѣст. п.; аналогичныя формы и въ мѣстоимен. склон.: *tvoji, moji*.

28) Въ славков. гов. (окускол. пов.) употребляются мѣстоименія: *on, ona, ono* (всѣ падежныя формы), *savten, —savta, savto, havten, havta, havto, ktorik, cosik, ktorysik*.

29) Въ спряженіи кое-гдѣ удержались формы двойств. ч.: *gńobiva gadava, pobańicńe wymušliva, rńyćta do nas, tera va będzeta z vaju* (лясов. г.); *so pam dńańa, va just Ńyćsko veźńeva* (пышн. г.); *chodźva, z zopńa rokńobńava się była* (кѣлец. п.). Чаще окончанія—ва,—та замѣняютъ окончанія множ. ч. *шу, те: gobiva* (вм. *gobimyu*) *spita* (вм. *spicie*),—*grascujeva, grascujeta* (опочин. и друг. гов.).

30) Прич. наст. дѣйств. вслѣдствіе исчезновенія во многихъ говорахъ носовыхъ гласныхъ окончъ. на *енсу,—ѣсу,—ѡсу: vezency* (пышн. г.) *chodzěcy, vedzѡcy* (лясов. г.).

31) Въ нѣкотор. гов. вм. *jestem* встрѣчается *jezdem, jezdeń* и т. д. въ зебжид. гов. *jezdech*. Въ лясов. говорѣ въ прош. вр. сохраняются древнія формы вспомогательнаго глагола при соединеніи его съ нарѣчїями *jak, tak*; напр. *jak jem řek, jak jeń řek, jak jeńmy řekli* или *jagem řek, jageń řek, jageńmy řekli*.

32) Въ прошед. вр. не-рѣдко *ch* вм. *ш: zajonech; rѡzycyvesch* (зебж.), *chodziřech, chodziřbych*. Въ этомъ *ch* усматриваютъ слѣдъ прошедшихъ простыхъ (ср. выше стр. 486).

33) Въ 1 п. мн. ч. е основы иногда не смягчаютъ предшествующаго согласнаго по аналогіи 1 л. ед. ч.: *řekemy, pletemy, bedemy, vidzemy* (зебжид. и др. гов.).

34) Предлогъ *z* (= *съ*) часто удерживаетъ свою первичную форму т. е. не отождествляется съ *z* (= *изъ* какъ въ литерат. яз.) в *namí, se mié śláz.*

35) Въ нѣкоторыхъ кѣлцехъ говорахъ (отъ Лысицы до Хэнцина) и отъ Кѣлецъ до Моровицы) послѣдній слогъ протягивается; *gobířam. kupířas. Witajzē synowa (Zbiór. wiad. do antr. kr. II отд. 3. 226).*

Какъ видно изъ предъидущаго изложенія наиболѣе характерными нужно считать говоры: *Лясовскій* (въ окрестностяхъ Тарнобрѣга), *Пышинскій* (въ нискомъ повѣтѣ, близъ Сандомира), *Писаровицкій* (близъ г. Бѣлы (Białá) въ зап. Галиціи), *Зебжидовскій* (между Браковомъ и Подовицами) и *Ропчицкій* или *Брезинскій.*

Выдѣляется также *говоръ деревни Касина* (описанный Л. Малиновскимъ, *Rozprawę Wydz. fil. Ak., umiejętń, T. VIII, 1880*), представляющей весьма любопытныя особенности; именно:

1) возможенъ только одинъ носовой гласный *o* соотвѣтств. старослав. *ѡ* и *ѡ* и общепольск. *ą* и *ę*: *trōba, vōs, gōbka, dōbrova, volą* (в. п.), *ńesō, jidō* (3 л. мн. ч.), *ńesō, bedō* (1 л. ед. ч.), *dōba, gubō* (в. п.), *gōka, cōść, gřōda, pōć, pōta, źōć (zięć), plomō, śomō.*

2) въ немногихъ случаяхъ вм. общепольск. *ę* слышится *e, ę*: *będō, bedźes, bedźe, bedźeva, bedźema, bedźemy; me, ce, se; pańeć, meśe, pěkny;*

3) въ твор. п. вм. *o* слышится *om*; *gubom, dusom, z tom, s tobom.*

4) каждое *e* (какого бы ни было происхожденія) передъ *m, n, p, ł* переходитъ въ *o* или *o*: *plomō, strōmō, śomō, řōdom, jeśomny, jedom, łokom;*

5) *o* передъ *n* измѣняется въ *o*, а *n* переходитъ въ *j*: *kōj (koń), zvōj;*

6) *i* передъ *ń* (= *ł*) звучитъ какъ *ü*: *vnōcñ śe;*

7) вм. *ś, ź, ś, dź* слышится *s, z, s, dz*: *uzōva, suja, psođa;*

8) твердое *ł* звучитъ какъ *ü*: *gñba, psođa.*

Образцы малопольскихъ говоровъ.

I. *Лясовскій гов.*¹⁾ *Dávni na śćeće nie tak béło, ja se tu myślicie pno terazńejsemu. Pnořadajō, ze v raju źeńa mlékem, i mōdem płu-*

¹⁾ Собственно говоръ *Лясовиковъ* въ Сандомирской области.

něna, hale, t^o nie tylko v rajn, b^o po całem śwéce; t^o tak sa^omo jak kśédzǎ m^oŷó, ze jewa skuśeła jada^oma japk^om, ha to cłek přeček rozumé, c^o to béło za japko, bo kazdy ¹⁾ z nás, jak m^ody, to za tém japk^om g^oni. Tak p^otém z jada^oma i jevy vysło całe p^okoleńe ludzi i r^ozł^oazło śe po śwéce, jak m^oŷk^o z m^oŷiska p^oleśe (S. Matusiak, Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner. Archiv f. Slav. Phil. Bd. V, (1881). 633).

II. *Пышиницкіѡ говоръ* ²⁾. Jak p^os vygrǎŷ bez kota. P^on vyścigǎŷ starego p^osa ze s^ozby, a ten ^obuŷ śe v buty i posed do lasa; zdybǎŷ go v^olk i pytǎ śe p^osa, co ^on za jedyn, „a jǎ sevc“; „kej ty svega to mi zrób chodǎki“. „Cemu nie—ino dǎj mi v^opska kuli sceci, a ģeńs kuli smǎlcu do drǎtvy“. K^oej śyćko byŷo, c^osn^oŷ chodǎki do b^ota, a v^olkoŷi kazǎŷ rozp^ondzić śe i huln^oć v b^ota, to mu buty same vlizo na n^ogi. V^olk vyŷǎzi z b^ota i pacy, a tu mǎ buty na nogach. „Dobry z c^obe sevc, chodzmy na veśele!“ zek v^olk. Psysli, vsuneli śe do kumory; v^olk ^oot vozyŷ becke i ch^oŷǎpal razem p^oivo, p^os śe nie ^opiŷ, bo nie byŷ ŷakomy, a v^olk p^odǎ: „jesceśva v^odki nie p^oili“. (Rozprawy Akademii ŷmiejętn^osci. Wydział filologiczny T. XX (Serya II, T. V) 1894, 423).

III. *Ропчицкіѡ говоръ*. Село Brzeziny.

1.

^oO szcz^oścu. Byŷo dw^och braci: jeden bidny, drugi bogaty. Tak zona tego bogatego prosiŷa swego m^oŷa, zeby temu bidnemu zasiǎŷ pole swoim zbożem: tak ŷon tak zrobiŷ. Jaz rǎz wychodzi ten bogaty w pole a tu c^oś znosi zboże z pomieci bidnego na pole bogatego... „Co ty robis i co ty jezdeś?“—pytǎ sie.—Ja jezdem twoje szcz^oście, a tw^oj brat ni mǎ szcz^ościa, jaz w ty a w ty wsi w karcmie“.—Tak ŷopowiedziǎŷ to brat temu i pojechali tam i ugodzili si^ę z panem. Wybrǎŷ sie nareście ze swego domu ten bidny, ale sobie zapomniaŷ ģarcka żelaznego. Tak sie po niego wr^ociŷ, a tam byŷa jego bida; zabrǎŷ ŷon jǎ, a jak jechaŷ koŷo studni, wrzuciŷ jǎ tam. Jak zajechǎŷ na miejsce, pǎn dǎŷ mu na trzy lata darmo mi^oszkanie i tak dali sie mu juz dobrze wiedŷo.

(Sewer. Udzieła, Lud polski w powiecie Ropczyckim w Galicyi. Zbi^or wiad. do antrop. kraj. T. XVI (1892) Mater. etnol. 2).

¹⁾ или кǎzdy, k^ozdy.

²⁾ Село Пышинца въ Нискомъ повѣтѣ, въ 20 километр. отъ Сандомира.

2.

Zb'irej śe Maryś z nami

Ńe zalivej śe wzami

Do kośćowa bożego

Do stanu mawżeńskego.

V'uwa, v'uwa v'anki

Z drobny rutki róvnánki

Tocuwa jich po stole

"Ojcu, matce na žale.

"Oczryj śe moje dźivce za sobom

Jak to pwace rodziniecka za tobom. (R. Zawilińskego, Gwara Brzezńska. — Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejęt. T. VIII (1880) 224).

IV. *Зѣбрыдовскій ѡворъ*¹⁾. Bywa Kaśa ji Jaś. Ji ták śe lubili, ze tén Jaś śe maw żeńić s tom Kaśom. Jaśa v'zeńi na v'ójne, Kaśa z'óstawa. Jag jecháw na v'ójne, tak śe dali ręce, ze śe już "oba nígdŷ nie "ózwęco, ze uuna nie pudże za jinkseg"o ańi uun śe tes z jinksom nie bedże żeńuw (J. Biela, Gwara Zebrzydowska. Rozprawy Wydz. fil. Akad. umiejęt. T. IX (1882), 198—199).

V. *Радомскій ѡворъ*.

W cérwonym sádeczku

Ptaszkowie śpiéwajóm,

Juz mego braciska

Na wojné wołajóm

Wołajóm, wołajóm

Kónik osfodłany:

Gdzies mie ty zestawis

Mój bracie kochany?

(Zbiór wiad. do antrop. kraj T. IV (1880). Mater. etnolog., 239).

VI. *Страдомскій ѡворъ*²⁾.

1.

Dejze mi sie Boze

Zenić jak nájprenszy;

Zebym tu nie cierpiał

W tэм Stradomiu nendzy

Bede to já bede

Bede pamientała,

Co ja w tэм Stradomiu

Nendzy wyciérpiała.

¹⁾ Село Zebrzydowice, въ Вадовицкомъ повѣтѣ, на югъ отъ Кракова.

²⁾ Деревня Страдомъ близъ Ченстохова.

2.

Przeleciał golombek,
I pocon grucholąc;
Niescensliwá matka,
Nie dá chłopcow kochać.

Nic to nie pomoze,
Trza mame rozgniéwać;
Bo já bez chłopcyńy
Ni moge wytrzymać.

3.

Pínknás panno, pinkná,
Pinkne malowanie
Scensliwy ten bendzie
Który cie dostanie.

(Zbiór wiadom do antrop. kraj. T. XVII (1893) Mater. etnol. str. 105, 55).

VII. *Къ.и.цкйіу говоръ* (изъ села Brzezinek). W pewnym mieście mieszkał stragárz, który różne drobiazgi sprzedawał i miał córkę imieniem Maryjanna, która była piękna i zgrabna. Miała szczęście do kawalerów, którymi sytkiemi pogardziła i wyśmiała. Jeden pan przyjechał do tego miasta, w którym ona była. Młody i galanty, nie stał pod lumerem, jeno u obywatela na stancyi. Przechodził się ulicą i po sytkich oknach spoglądał. Nadsed na ten dóm kaj Marysia mieszkała; spostrzeg ją jak w oknie stała i w tym razie wsed prosić o sklánke wody i zatrzymał się godzinie casu; zacun i komplimenta mówić.... W tym i się spodobał: pozegnał się z nią: przyzek i, że się będzie widzieć w kościele. — Ta Marysia była bardzo nabozna: jedny msy święty, ani niesporów nie opuściła; pięknie śpiewała w kościele, że ksiąć probosc posyłał po nią do śpiewania. I ten pán po pare razy się widywał z nią na dzień, tak dalece że sytkie dziewczęta i chłopaki i zazdrościli, że takiego pána ma (Wł. Siarkowski, Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. II (1878), Dział etnologiczny, 242—243).

Великопольское нарѣчіе.

Oskar Kolberg: 1) Lud. Jego zwyczaj, sposób życia, mowa и т. д. Ser. IX—XV W. kś. Poznańskie; ser. XXIII—Kaliszkie; 2) Właściwości, pieśni i tańce ludu ziemi Dobrzyńskiej (Zbiór wiad. do antrop. krajow. T. VI, 1882); 3) Rzecz o mowie ludu wielko-polskiego (Zbiór wiad-do antrop.

krajow. T. I, 1877); Józef Lipiński, Zwyczaje i pieśni ludu Wielkopolskiego (Zbiór wiad. do antr. krajow. T. VIII, 1884); A. I. Petrow. Lud ziemi Dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki i t. p. (Zbiór wiad. do antropol. krajow. T. II, 1878); Jan Leciński, Gwara Miejskiej Górki i okolicy (Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejęt. T. IX 1882).

Великопольское нарѣчіе занимаетъ приблизительно область древняго Велико-польскаго княжества, т. е. принадлежащее нынѣ Пруссіи Познаньское герцогство (за исключеніемъ инвродлавскаго уѣзда и части уѣздовъ торуньскаго, быдгощскаго, шубинскаго и могильницкаго, входящихъ въ область Куявскаго нарѣчія) и сѣверо-западную часть Царства Польскаго (главн. обр. Калишскую губ. и часть Плоцкой губ.).

Нарѣчіе это въ подробностяхъ изучено очень недостаточно. Особенно чувствуется отсутствіе точныхъ изданій образцовъ народныхъ говоровъ. Изъ частныхъ говоровъ пока выдѣлены, сколько мнѣ извѣстно, только два: говоръ Добрыньскій (въ рыпинскомъ и липновскомъ уѣздахъ Плоцкой губерніи) и говоръ Мѣйской Гурки (Miejska Górkа въ вробскомъ уѣздѣ) на границѣ нѣмецкой Силезіи¹⁾.

Важнѣйшія особенности велико-польскаго нарѣчія слѣдующія.

1) Обще-польск. а, кромѣ а, иногда соотвѣтствуетъ о (какъ въ мало-польск. н.), именно въ послѣднемъ слогѣ, передъ j (въ нарѣчіяхъ и повелит. н.) bñodej, tutej, dmuczej, tñumej, słuczej, dej и др. (G); также Freńciszek, Freńciskanie (Sroda), kemiń, pen, redło, geno, muzykent, fabrykent, (на сѣверо-вост. K); вм. ia (= ĩ) śieno, ścena, řena, (K); Barbera, suřerńa, truperńa (K).

2) Обще-польск. е, кромѣ е, иногда соотвѣтствуютъ а, о: jachać, łatorés, křasny (chrzestny) dźńoboł, poł, ũořoł, Pawoł, kñocoł, pñosoł, ũosoł, połny (pełny) (G), ćołak, gořalńa, harbata (K). Иногда е принимаетъ призывуъ ũ: vñesõlo, vñeř (Czarnkow. Radolin K).

3) Обще-польск. и, кромѣ и, иногда соотвѣтствуютъ у, а, о: oñ: sygowy (K), łyćuwo, ořekan (G), domać, domny, soméne, troñchleć, moñcha, dołkat, moñwíc, sioñmny (szumny) foñnt, groñnt (K).

4) Вм. обще-польск. о обыкновенно слышится °о или ũо т. е. о съ краткимъ призывнымъ ũ въ началѣ: ũokno, ũoćy, ũokño, dñostać,

¹⁾ Ниже при ссылкахъ Добрыньскій г. означается б. D,—говоръ Мѣйской Горки—буль. G, статья Кольберга—б. K.

krówa, kńoza; только послѣ ł—чистое o: łopata, błotno (G).—Передъ ш, п, обще-польск. o сжимается въ ó: dńóm или dóm, trńón, strńóna (G, D); дума (K). Иногда вм. o слышится u, a, e: Karul, aktarka, z koleguma, z dziówcetuma, śałyś, karbal (дыня), skargura, garucha (K), profesńor, prekuratńor (G).

б) e не всегда расширяется въ o, гдѣ это необходимо въ литературномъ языкѣ; sestra или śejstra, metła, ćetka, ćesać, Pietr; чаще сохраняется первичное e въ сѣверныхъ уѣздахъ (Велень, Чарньовъ): zalety, pego, pńepńerka, źesło, ślewo или sńewo (śłowo), margewy, gózewy, majewy, chvilewy, kursewa и т. д. (K).

6) Обще-польск. i, y передъ ł (въ прич. прош. дѣйств.) переходятъ въ u (ассимиляція): b'uł, pńośuł, zńob'uł, śńuło mi śe, buł, źuł (жилъ), kńuł, śuł.

7) Союзъ i мѣстами звучитъ y: ja y ty, ja y on (Сѣраковъ K).

8) Въ нѣкоторыхъ говорахъ i, y могутъ замѣняться e: pńelnik, pńelnikarz, pńeła (Шремъ, Познань), sen, geba, zmelić (Шамотулы); pńekńe (pńekńu), byće или beće (вм. były, Междурѣчье, Велень. K).

9) Сжатая или наклоненная гласная, вообще свойственная всему нарѣчію, въ разныхъ его говорахъ представляютъ своеобразные оттѣнки выговора. Впрочемъ, болѣе точныя свѣдѣнія объ этой звуковой особенности имѣются только по отношенію къ говору Мѣйсской Гурки. Исслѣдователь этого говора проф. Лецѣвскій считаетъ ихъ общими для всѣхъ познанскихъ говоровъ.

Сжатое á, по Кольбергу, произносится съ наибольшимъ наклоненіемъ въ o въ восточныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ познанскаго герцогства такъ въ Пачукахъ и Крайнѣ вм. á слышно чистое o: śpodel, krom, źogev, młodźon, kvort, ŷatrok, moś; на югѣ (Krobía, Ostrzeszów, Odolanów, Krotoszyn, Pleszew, Września) наклоненіе къ o меньше; за-то здѣсь кое-гдѣ (Rawicz, Krotoszyn) вм. á слышится au, напр. groć и grańc, gráńnac, dańc, dańce mi, mańce, kańzac, gospodáńr, źańden; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Wschowsko, Miejska Górkа) ou: mońś (masz); въ Добрыньскомъ г. á выговариваютъ какъ o или u: pán,-pon, pun (D). Въ говорѣ Мѣйсской Гурки á звучитъ двойю: 1) какъ ou, т. е. какъ o съ сопровождающимъ его призвукомъ ŷ, напр. stońc (stáć), ptońk (pták); только передъ ł слышно чистое o: stoł (stáł); 2) какъ u (только передъ ш, п): dum, (дамъ), gum, pun (pan), sum, num, vum (намъ, вамъ). Примѣры употребленія сжатого á весьма многочисленны (ср.

417, 418 стр.): stoŭnac, sklouđnac, pŕomouđnac, vŕoŭum, vŕolouš, vŕoŭumy, kŭochum, dŕobroŭ (dobrá), kuchŕnoŭ (kuchŕna), ŭout, jout (ja), dum, roŭž, soŭd, cudouk, groŭč, barun, dukout, goŭj, znoŭ, но знала, boŭršč, čouŕny, proŭvda, goŭrb и др.

Сжатое или наклоненное *é* или сохраняет свой основной выговоръ или звучитъ какъ *i*, *y*; напр. dobrogo, dobromu (D), miŕe, viŕeć, ucik, ślidź, plisć, liźć, pic (pieć) (K). Въ говорѣ Мѣйской Гурки сверхъ того вм. *é* слышится звукъ, напоминающій фран. *eu* въ словѣ *le feu* или нѣмецкое *ö* (въ монографіи Лепѣвскаго онъ обозначается черезъ *è*); напр.: len, pèš, lèk, sèn, sèr, chlèb, pèšy (piegwszy), leŕi, dŕobrygo, średnigo, ŭobcyumu, dźin, jeliŕi, kamiŕi, ŭogŕiŕi, dyšć, ŕyka, šćygu.

Вм. обще-польск. *e* = *ѣ* возможно *e*, *é*, *è*, *i*: begac, chćeć, ślepy, lewy, bėda, vlęc, vėšać, zmeŕić, śime.

Сжатое *ó* произносится какъ *uó*, т. е. какъ *u* съ звукомъ *ŭ* (приближающимся въ выговорѣ къ *ł*): buóg (произносится какъ бы *buuk*) luód, muód, muór, guóra, buób, chłud, vzud, vudł, studł, krudł, muój, krudłki, cudóra, gludovny, mudovic (G. У Кольберга нѣтъ свѣдѣній объ *ó*).

10) Въ пѣкоторыхъ говорахъ (Wieleń, Czarnkow, Radolin) вмѣсто открытыхъ (или ясныхъ) гласныхъ слышатся неясные *ā*, *ō*, *ū*, развившіеся, вѣроятно, подъ влияніемъ нѣмецкаго языка; такъ *ā*, *ō* вм. *a*, *o*, *o*; напр. zól, kōmn, dźōcha (dziewucha), mōle, dōbŕe, pŕōbuj, vōn, zōna (K.), mēsō, jėzyk (т. е. jōzyk), bėde (G.). Вм. *u* иногда *ū* или *ō*: ŭmar (umarł), ŭmarŭ, ŭcuniŕa, chorō, pōnŭ (panu), ŭsta (Wieleń, Rosko K.).

11) Носовые гласные тѣже, что въ литерат. яз. т. е. *ę*, и *o* (= ен. *a*), но въ велико-польскомъ они слышны съ настоящимъ своимъ произношеніемъ едва ли не рѣже, чѣмъ въ мало-польскомъ нарѣчій. Болѣе или менѣе отчетливо чувствуется ринезмъ только въ среднихъ словъ и при томъ передъ гортанными; напр.: tęga, ręka, tęka. Обыкновенно *ę* и *o* или перешли въ чистые гласные, совсѣмъ утративъ носовой звуку, или же разложились на чистые гласные + *n*, *m*. На концѣ словъ вм. *ę* всегда *e*: śele, jagŕe, me, śe, śe, maże, mōge и т. д.; въ среднихъ словъ *ę* = *em* (передъ губными), *en* (передъ зубными и гортанными), или во многихъ говорахъ (G.), подъ влияніемъ сжатія *e*, *em*, *en* (*om*, *on*): zemby, zembu, gęmba, śvęty, śvęty, męnd-

gek; передъ s, z, ś, ź, ś, ź, d согласн. п, оставшіяся отъ разложенія ę, уподобляется слѣдующему согласному и вм. носоваго гласнаго остается e или è: bede, bède, meso, mèsò, veza, vèza.—Другой носовой o (= a), встрѣчающійся сравнительно чаще, разложился какъ въ концѣ, такъ въ срединѣ слова на o + m (n), вм. чего часто um, un (преимущественно въ южныхъ говорахъ); напр. domb, dumb, zomb, zumb, gùns, gałunzka, rogumbaś, zamknunc, sum (суть), munka (G.). Передъ s, ś, z, ź, ź вм. a —u: muž, guśe, kusek, sużuń, kśużka (książka), vusy (G.). Въ добрын. г. часто и на концѣ—u, o: piśu, mòu (3 л. мн. ч.), а иногда a сохраняется и принимает m: rękam, pogam.—Вм. o изрѣдка слышится u: gnuc (K. Sierakow); ę передъ ł переходитъ въ y: stanuła, krzyknuła (D.).

12) Замѣна шипящихъ ś, ź, ś, dź свистящими s, z, s dz (т. н. „мазурованіе“) вообще неизвѣстна велико-польскому нарѣчію: ćuńić, śukaś, żuуу. Только въ области добрынскаго гов. кое-гдѣ (близъ Сквы) и въ калишскихъ говорахъ наблюдаются примѣры мазурованія: ćarka—сарка, śydło—sydło, żaba—zaba; около Брудзенѣва вм. ś, ź, ś слышны ó, ź, ś: ćarka, śidło, żaba. Послѣдовательнымъ сохраненіемъ шипящихъ велико-польское нар. рѣзко отличается отъ другихъ польскихъ нарѣчій.

13 Твердое ł въ сѣверныхъ говорахъ вообще переходитъ въ губное ũ: kóoũ, vtoũ, pŕyśŕe, ũawa, ũożka (łyżka), ũożwa, chŕop, pŕot, mŕody, pŕaci (K.); при этомъ ł иногда совсѣмъ исчезаетъ: chor, rot, putno (płotno), dugo; также jabko, umag, plót. Въ южныхъ говорахъ ł сохраняетъ свой основной выговоръ: stoł, znoł, ładny, doroł (G). Въ добрынскомъ г., только на границѣ Пруссіи у Бродницы ł = u: buua, biua; иначе ł удерживается.

14 *Исчезновение согласныхъ*: r—въ предлогѣ roz: ozłożyc, ozdać; ł: jabko, polaz, plót, złót, zgon (zgiał) и źgun, zgieni (zgięli), vżon и vżun, s: въ суф. isty: meşity, mglity, kroplity. Въ говор. Мѣйской Гурки, въ случаѣ стеченія на концѣ двухъ или болѣе согласныхъ, послѣдній исчезаетъ за исключеніемъ k, g, ó: kraś, maś, paś (kraść и т. д.), pieś (pieśń), weř (veřch), nĳk (nĳkt), kŕoś (kość); mŕóg (mógł) и другіе вышеприведенные примѣры исчезновения ł въ прич. прош.

15) *Появление согласныхъ*: j: Jadam, Janglik, lujnać, siejstra, ojstry, bogajtşy, młojdşy, krójtşy; начальное i не нуждается въ придыхат. j; h: hale, hejże, hałun, harmata, then, tha, tho, thokař, khto,

khóru, khleb; t: stłup, stkło; въ дат. п. ktomu—t по аналогіи съ имен.; d: drdzeń, drdza, wejźdréc, zajźdréc, dojźdrzał, ujźdréc, v: voćes, voćeł, voćeł, vögiń, vöп, vöвса, преимущественно въ сѣверныхъ говорахъ, подъ Гнѣзномъ, въ Палукахъ, на Крайнѣ и др.; на-югѣ здѣсь ũ: uofoł; ł (въ добрын. г.) łučuć, łogón; k: inkšy, drokšy, milkšy

16) Явленія въ области согласныхъ, указанныя при характеристикѣ малопольскаго нарѣчія подъ № 18, 19 и 20 отчасти наблюдаются въ велико-польскихъ говорахъ; напр. chto, chtóru, но и fto, ftóru, veľki и veľgi, рядомъ съ gđova и gđuk или gđuk и др. Отмѣтимъ еще удвоеніе п: vıppo, vianno ganno; смягченіе ш съ помощью ũ: mnięso, mniałem (D.).

17) Род. п. ед. ч. жен. осн. на—а и ја нерѣдко принимаетъ оконч.—é, éj: роіćосhéj, chalupé, kobełé (K.).

18) Въ добрын. г., впрочемъ уже на границѣ съ мазурскимъ нар., наблюдается свойственный послѣднему—дат. п. на—oju: oјoјu, koјoјu, Јánoјu. Подобныя формы объясняютъ какъ результатъ психическаго смѣшенія двухъ формъ дат. п.—на ovi = oјi и на—u (см. Апфель. Рус. Фил. В., 1879, Т. II. 61).

19) Род. п. мн. ч. именъ жен. и ср. р.—на—óv: matkóv, dźećóv, ũokńóv. Иногда вм. v слышится oh: kruškióh (D.).

20) Род.—дат. мѣст. ед. ч. жен. р. сложн. и мѣстоимен. склон. на—у, í: zły, złodki, па ty pašej roli.

21) Оконч. двойств. ч. наст. вр.—ша, та еще сохраняются кое-гдѣ, но исключительно въ примѣненіи въ множеств. ч.: známa, znáta, bysta.

22) Существительный глаголъ: jędem, jezdeś, jest, jezdeśму или sumeśму, jezdeśće или sumeśće, sum.

23) 1 л. наст. вр.: piekemy, letemy, idemy, mogemy, kłademy.

24) Глаголы, у которыхъ основа настоящ. вр. окончив. на—i, въ 1 л. мн. ч. принимаютъ e: stđojemy, prđośemy, chvoũlemy (T).

25) Нарѣчія очень часто принимаютъ приставочное k: znovuk, róvпак (K), juźcik (juź), všędyk, zavdyk, давпак (D).

Образцы великопольскихъ говоровъ.

<p>I. Nie będe spał, będę drzymał będe sobie dziewcze trzymał. Nie będe spał, będę łąził, byłem Boga nie obraził</p>	<p>Ino ja tu dziś, da i dziś ino ja tu dziś, da i dziś, ino jutro raniuseńko już mnie nie ujźdrysz, nie ujźdrysz</p>
--	--

<p>Zebyś ty taki jak ja beł, zjedli-byśma gárnek jagieł. Ale-ci ty taki nie jest, to muszema jagieł nie jeść.</p>	<p>Byłem w niebie na pogrzebie jadem ta jagły. Kto nie wierzy, niech ze zmierzy jeszcze gárnek w piekle leży.</p>
---	---

(J. Lipiński, Zwyczaje i piesni ludu wielkopolskiego. Zbiór wiad. do antrop. kr. T. VIII Mater. etnol. 89, 113. Народный говоръ, очевидно, воспроизведенъ не точно).

II. Добрыньскій говоръ.

<p>Jedna dziewczyna, jedna, Do ogródeczka biegła, Modre kwiateczki rwała, Na służbę narzekała. Służba nieszczęśliwa, Poni niedogodliwa, W każdej robocie chodzę W niczym jój nie dogodzę Lepszą ja matkę miała Robić mi nie karala</p>	<p>Jeszcze lepszego ojca— Kazał mi iść do tańca: idź, dziewczyno, idź, Wytańcz ze się, przyjdź! Przyjdę ja o północy, Oprawadzają mnie chłopcy. Chłopcy odprowadzili, Wianuszek utracili. Oto, dziewczyno, oto, Odbierz wianuszek, złoto.</p>
--	---

(Al. Petrow. Lud ziemi Dobrzyńskiej. Zbiór wiad. do antrop. kr. T. II, (1878) Dz. etnol. 57. И въ этомъ изданіи не переданы особенности народнаго говора).

III. *Калишскій говоръ.* A cegoś, Vojtek, nie był żnovyk na ob'edzie? co ty se myślis, ze jo ci byde do večora nad kuminem śedźała?—Vidzita jom! o lo Boga, wřescy lada cego, myśli ze mundry; zrestom iak kceś, to go i zjidz sama, přeček jo na służb'e nie pilnuje ob'adu, ino tego co kozom.—Silny ty mi robotnik, co nimos casu i zechlać ob'adu, a cłek ino waży i waży.

Cicho, Maryśka, cicho bo...to dopiero głufo baba, přecez samo vidźała, zem o samo pŕypołudnie jechał do miasta i tak po chybciku

wróciłem, a terok znów wřescom po obrok, a liberyjom cyścić, koń ubrać. To śę moze samo zrobi, abo ty za mnie, hę? (I. Piątkowska, Z życia ludu wiejskiego w ziemi Kaliskiej. Wisła III (1889) 771).

Силезское (Слезское) нарѣчіе.

L. Malinowski: 1) Ueber die Oppelnische Mundart in Oberschlesien I. H. Laut-und Formenlehre. Leipzig 1873; 2) Studyja śląskie. 1882 Rozpr. Wydz. fil. Ak. Umiejęt. T. IX); 3) Zarysy życia ludowego na Śląsku (Z kartą etnograficzną) Warszawa 1877 (оттискъ изъ ж. Ateneum); 4) Ślady dyjalektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego wieku XV i XVI (Rozprawy Wydz. filol. Ak. Umiejęt T. VII. 1880); J. Bystroń: 1) O mowie polskiej w dorzeczcu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim. 1885 (Rozprawy Wyd. fil. Ak. Umiejęt. T. XII 1887); 2) Przyczynek do dialektologii polskiej (Prace filol. 1892. T. IV. z. 1); 3) Wiadomość o śląsko-polskim druku z przeszlego wieku (Тамъ же T. I. 2—1); 4) K jazykové a národnostni otazce ve Slezsku (Slovanský Sbornik Praha III. 1884); 5) O vlivě češtiny na jazyk polsky ve knížectví těšínském (Тамъ же I. V 1886) B. Fiedler Bemerkungen über die Mundart der polnischen Niederschlesier. Breslau. 1841.; Piesni ludu polskiego w górnym Szląsku, wydał Jul. Roger Wrocław. 1863. A. Cinciała: 1) Przysłowia przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku. Cieszyn 1885.; 2) Pieśni ludu Śląskiego (Zbiór wiad. do antrop. krajow. T. IX. 1885). L. Starostzick, Beiträge zur slavischen Dialektologie. Oberschlesische Volkslieder aus dem Kreise Rybnik (Arch. f. Slav. Phil. VIII. 1885 463); Ciechanowski, Pieśni ludu szląskiego z okolic Cieszyna (Wisła VIII. (1894) 312).

Силезское нарѣчіе обнимаєть всё тѣ части Прусской и Австрійской Силезіи, гдѣ еще уцѣлѣла польская народность; въ Пруссіи это главнымъ образомъ Верхняя Силезія и часть Средней (округи влючборскій, олескій, люблинецкій, велико-стрѣлецкій, козельскій, тошю-гливицкій, бытомскій, пщинскій, рыбницкій, ратиборскій, части округовъ: сыцовскаго, намысловскаго, брежскаго, опольскаго, прудницкаго, немодлинскаго и глубичкаго), въ Австріи Тѣшинское княжество. Съ западной стороны силезское нарѣчіе (какъ и великопольское) сильно стѣснено нѣмецкою рѣчью, которая въ настоящее время уже господствуетъ на территории Нижней Силезіи и большей части Средней, нѣкогда составлявшей достояніе польскаго народа. Въ юго-западной части обѣихъ Силезій къ нему примыкаетъ область

чешско-моравскаго языка (ляшское и валашское нарѣчія, ср. выше стр. 209, 213); на границѣ между двумя языками наблюдаются смѣшанные переходные говоры¹⁾. Слѣды силезскаго нарѣчія указаны уже въ памятникахъ письменности XVI в., напр. въ старопечатномъ протестантскомъ катехизисѣ Библиотски Красивнскихъ (*Maly Catechismus dla rozpolitich plebanow u kasnodzyceuwow* (См. указанный выше въ заголовкѣ трудъ Л. Малиновскаго *Ślady dyjalektyczne* и т. д.). Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія сдѣлана была попытка (кв. А. Stabik, др. Naase) возвысить силезское нарѣчіе на степень литературнаго языка²⁾, но попытка эта не имѣла успѣха. Силезское нар. складывается изъ большаго количества говоровъ. По замѣчанію проф. Л. Малиновскаго, въ каждомъ округѣ, даже въ каждой деревнѣ Силезіи народъ отличается отъ своихъ сосѣдей особенностями своей рѣчи; впрочемъ, наибольшее разнообразіе говоровъ наблюдается среди обитателей горъ; въ равнинахъ діалектическія различія не такъ многочисленны и характерны. Изъ всѣхъ этихъ говоровъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія имѣются только о нѣкоторыхъ, именно: объ опольскомъ (работа Л. Малиновскаго), рыбницкомъ (матеріалы Старостзика), говорѣ окрестностей Тѣшина (матеріалы Цинцалы) и западнотѣшинскомъ или „ляшскомъ“ въ области рѣчекъ Стонавки и Луцины, (монографія Быстрона³⁾). Впрочемъ, для изученія носовыхъ гласныхъ, самой характерной особенностью силезскаго нарѣчія, пр. Л. Малиновскій давно уже собралъ весьма цѣнный матеріалъ, относящійся къ очень многимъ говорамъ (*Studyja śląskie* 1882); къ сожалѣнію обѣщанная авторомъ вторая часть труда, которая должна заключать работу этого матеріала и выясненіе общаго вопроса о силезскихъ говорахъ до сихъ поръ не появилась въ печати.

Важнѣйшія особенности Силезскаго нарѣчія:

1) Начальныя а, е, і, и въ опольск. г. не нуждаются въ дыхательныхъ согласныхъ: *aż, abo, adresa, Adam, Ewa, igła, ulica;*

¹⁾ См. этнографическую карту при сочиненіи пр. Л. Малиновскаго *Zarygu życia ludowego na Śląsku W.* 1877.

²⁾ Отмѣтимъ напр. переводы изъ Шиллера: 1) *Ten Uebersetzung tego Touchera. Niejakiejs bojki łod Pana Schillera 8°*; 2) *Ta Rankawica łod Pana Schillera uersetzowana ł przez Dr. Naase pierwej we Wołczynie 8° 7. Drukiem i nakładem E. Thielmanna w Kluczborku.*

³⁾ При дальнѣйшихъ ссылкахъ опольскій гов. обознач букв. О, Рыбницкій—Р. Тѣшинскій—Т.

напротивъ *o*, звучить съ придыханіемъ какъ *o*: *ubjǎǫd*. Въ тѣшин. г. (ляшск.) начальныя *a*, *e*, *u* иногда принимаютъ придыханіе: *hona*, *harest*, *hartyka*, *Jadam*, *Jeva*, *hólica*; начальн. *i* звучить всегда какъ *ji*; *o*, напротивъ, всегда произносится чисто, безъ придыхат. *u*: *jinsy*, *ob'ad*.

2) Общепольск. *a* иногда соотвѣтствуетъ *e*: *a*, въ повелит.-н. *davej*, *krej*, *vítej*, *dejsce* (ср. великопольск. и малопольск. н.) *β*, въ *-nej*: *nejlepši*, *nejmėnši* и т. п. (Т); *γ*, въ слѣд. словахъ *leda*, *jermak*, *lemovač*, *trefač*, *retovač* (нѣм. *treffen*, *retten*) въ *čakač* (Т)-общепольск. *čekač* сохран. древн. *a*; иногда *a* замѣняетъ нѣмец. *ā* и *o*: *harynek* (*hāring*), *jargač še* (*sich ärgern*), *larmo* (*lārm*), *malta* (*mōrtel*), *magas* (*mogost*) (Т).

3) Древнее *e* не всегда расширяется въ *o*, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ; напр. *iesem*, *nesóm*, *metła* и т. д. (ср. малопольск. и велипольск. н.).

4) Общепольск. *e* передъ *m*, *n* переходятъ въ *é*, *y*, а если *e* предшествуетъ мягкій согласный, то въ *i*: *zy młyna*, *wy mlyńe*, *ponimесku*, *ni posiła* (Т); *ni* образ. изъ *ne je*; въ мѣстоимен. и сложн. ск. *-ji* вм. *je* и передъ другими согласными *moji*, *paši*, *velki*, *lepši* (ср. р. ед. ч.), *pašigo*, *velk'igo*, *lepšimu*. Въ Т. (лясов. г.) вм. *ije*—*i* (какъ въ чешскомъ) *yešeli*, *košeni*.

5) Старослав. *z* обыкновенно соотвѣтствуетъ *ča*: *čazač*, но *želeźny*, *želeźnica*.

6) *I* передъ твердымъ *l* переходитъ въ *e* или *u*: *beł*, (*bił*) *r'eu*, *chwałeu*, *lubuł* (O); въ Т. *lebo*, также *jegła*, *leluja*, *letanija*. Въ окрестн. Тѣшин. вм. *y* послѣ *š*, *č*, *ž*, *ř* слышится почти *e*. *Sešen*, *Třenes*. Въ Оп. н. *i* часто не смягчаетъ предшествующихъ *k*, *p*: *pic*.

7) *O* передъ *m*, *n* звучить какъ *ó*: *dóm*, *dóme*, *koń*, *końa*; *do dómu* (O). Вообще *o* чередуется съ *ó* и *u*: *spósób* (O) *spusób* (Т) *pómož*, *pumož*, *zguła*, *kuńin*, *kumoter*, *undy*, *unusa* (Т).

8) Вм. общеп. *ro*, *lo* кое-гдѣ *ra*-*ła* (вѣроятно, подъ вліяніемъ чешск. яз.) *hłana*, *hławnu*, *chłapес*, *vłada*, *sładěk*, *krarka*, *ždrayač* (Т).

9) Вм. *u* въ Т. часто *ó*: *dłótko*, *tłóс*, *dłógi*, *płóg*, *fónt*, *péróп*, *hólica*.

10) Сжатое *á* въ Оп. г. звучить какъ *á* (передъ *r*, *j*) *aⁿ*, *o* и *ó*, (передъ *m*, *n*): *jáma*, *ňogóńnac*, *ňob'áǫd*, *pon*, *doł*, *zóń*, Т. (лясовской)—*o*, *u* (фридецк. окр.): *pon*, *mum*, *bywum*.

11) Сжатое *ó* звучитъ почти какъ *u*; между прочимъ *o* является въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. глагол. II кл. *dźvignóć*, *dźvignón*, -*óna* (O.) *usnóła* (T.), а также *vm. á, ó, u* (см. выше п. 7, 9, 10).

12) Сжатое *e* сохраняетъ свой основной выговоръ (т. е. *e*, приближающееся къ *i, y*); оно встрѣчается чаще, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчійхъ; между прочимъ выступаетъ: *α*, *vm. è* передъ каждымъ *m, n*: *sercém*; *β*, *vm. старосл. т*: *b'éda, pléko, řéka*; *γ*, въ окончаніяхъ, развившихся путемъ стяженія изъ *ije, oje, ajego, ajemu; vešelé, dobré, dobrého*; *δ*, *vm. ε* (иногда): *vžéna* (прич. прош. дѣйств.), *méso*.

13) *Обиліе и разнообразіе носовыхъ гласныхъ*. Кромѣ общепольскихъ носовыхъ *ę* и *ɔ* существуютъ еще древнее носовое *a*, т. е. *ą* (*ã*) и развившіеся въ позднѣйшую пору носовые *i, y, u* т. е. *i̇, ẏ, u̇*; напр. *gąboki, tą, mogą, śniemy, widzę*.

Сверхъ того, по наблюденіямъ Л. Малиновскаго, и другіе гласные звуки могутъ произноситься съ носовымъ резонансомъ; именно: *ã, ó, ou*, группа *iw (=ił)*; напр. *kés, męza, żona, żemã, ję, toętroęco, vziw*. Наконецъ, каждый изъ носовыхъ гласныхъ въ различныхъ говорахъ или отдѣльныхъ словахъ представляетъ свои отгѣнки выговора: то гласный произносится только съ носовымъ резонансомъ, то за носовымъ резонансомъ слышится еще согласный носовой *n* или *m*, то, напротивъ, (особенно въ концѣ словъ), носовой резонансъ едва замѣтенъ; напр. *męza, pęndko, kės, chcéń (=chcej), губѣ, губа, gąmba, gąnka, vdova, móż, masynom, maję, kłski*.—Гласн. *ą* соотвѣтствуетъ: 1) старослав. ж (общепольск. *ę*), *α*, въ срединѣ словъ послѣ твердыхъ согласныхъ: *kaęu, baęze, gąba, maęelski, gąki*; *β*, въ исходѣ словъ послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, именно въ вин. п. ед. ч. жен. основ. на -*a*, вин. п. ед. ч. жен. р. мѣстоимен. скл. и въ I л. ед. ч. наст. вр.; напр.: *ta, dróga, sórka, mogą, ida, banda, bona (=będe); chca, gob'a*, 2) старослав. ѡ (общепольск. *ę*) въ оконч. имен. и вин. п. ед. ч. основ. средн. р. на *n, t*: *jińa, gańa, ćela*.—Гласн. *ã*, въ произношеніи занимающій средину между *ą* и *ę* (какъ въ французск. -*mien, tien*) и какъ бы замѣняющій *ą* выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и послѣдній звукъ: *żonã, krejda, pudã, nie możã*, (Павловичекъ). Гласн. *é, ó*, представляютъ собою такіа же соотвѣтствія къ *ę* и *o*, какія *é* и *ó* къ *e* и *o*, напр. *łinéwa,*

jó, só. оу замѣняетъ о или а: тоу, stanoу́c. Гласные j, y, ц возникли изъ соотвѣтствующихъ гласныхъ i, y, u + n или m; s tu, śnj rekny, pŕed drugj (твор. п. ед. ч.), ty, ubogj (дат. п. мн. ч.).—Наклонность въ носовымъ гласнымъ въ силезскомъ нарѣчii такъ велика, что не только i, y, ц, но и а, е, о въ соединii съ n или m превращаются въ носовые гласные; такъ получаются a, e, o вторичнаго образованiя. fandamatu, ta (tam), swoŕek'e, ŕilk'e, jezyke (твор. п. ед. ч.), potę (мѣст. п. сред. р.) dę (=dam), nę (nam), čekę, do da (do dom), zbóńikę, nosę (дат. п. мн. ч.), vę (vem). Подобнымъ образомъ é, ó, могутъ быть такого же вторичнаго происхожденiя: соŕek'é, sporobké, flokné, (твор. п.) mó, dó, (mam, dam), nó, (nam) sóbó, (д. п. мн. ч.). Иногда возникаютъ носовые изъ чистыхъ гласныхъ: męskawa, na, szatel (medal), velka (ta gościna velka była—Павловичевъ) roźmańci (=rozmańci), roŕada (3 л. ед. ч.) plęnt (=plótl, Висла); но часто między рядомъ и общепольск. między. Въ разныхъ говорахъ указанные явленiя въ области ринезма представлены въ различной степени. Бóльшее богатство и разнообразiе носовыхъ наблюдается въ Прусской Силезii, (особ. въ опол. гов.); въ Тѣшинскомъ княжествѣ ринезмъ развитъ значительно меньше, особенно въ говорахъ, сосѣдствующихъ съ чешско-моравскимъ нарѣчiемъ (напр. въ ляшскомъ гов.).—Не смотря на пристрастiе силезскихъ говоровъ къ гласнымъ и здѣсь, (какъ въ другихъ нарѣчiяхъ) наблюдаются то болѣе, то менѣе часто случаи паденiя древняго общепольскаго ринезма; носовые гласные иногда замѣняются чистыми, иногда разлагаются на чистые гласные + m, n; напр.: me, ce, se, (въ сел. Куявы) se, sé, śa, sej), na góra, na pańatka, na kaźdo strona, na cesti (вин. н.), na ta fara, matke, chwilke, zone (вин. н.) skoud; vzón, vzen vzeni, zanknón, scejsce, sceśce, pékne, vpadnoł, śednuł; banę (bada) bede, byde, bedzemy, beńdze, bydę, bydže, kandy, rańki, gamb'e (Козля som, sum, dadzum, bydom, jidom, strojom, dostanom, sosnam, rankam głoyam, matkam, jednam, swojam (вин. п. ед. ч. Боброво), ŕećeć drugum, třećim (вин. п.) sługum, babum, śablum (твор. п.) se m sebum, (Боброво), dźóvkom, śablom, że sebot (твор. п. Ратибо таком pańóm, na drugóm nos (вин. п.) złośóom (тв. п. сел. Суг Тѣш. кн.), wókem, láske, stronem (вин. п. Лиготва) и др.

14) Твердое ł звучитъ какъ ŕ въ большей части говоровъ; такъ въ округ. прудницкомъ, глубчицкомъ, части бытомскаго, и въ тѣшинскомъ кн. ł сохраняетъ свой исконный выговоръ: byda, śda, vidz

głowa и była, śła, głowa; впрочемъ и у тѣшинскихъ горалей і также = ů.

15) Мягкое г не совпадаетъ въ выговорѣ съ ž, а сохраняетъ элементъ г (какъ бы г^м) поѣе; иногда г не смягчается передъ е въ наст. вр.: береś (Т.).

16) К и р часто не смягчаются передъ і, а k и g и передъ е, ё: pić, s Bogem, rekemu.

17) Между h и eh вообще значительная разница; въ тѣш. г. (ляск. г.) вм. обще-польск. g слышится h: hgóm, hruza; вѣроятно это h проникло изъ чешск. яз.

18) Вм. j часто слышится ĩ (какъ въ ласов. и зебжидов. г.): ĩedbavny, vyińś, vyińdze, odeńś.

19) Шипяція ѓ, ž, ś звучать по мазурски какъ с, z, s только въ одной половинѣ силезскихъ говоровъ, именно въ округахъ сыцонскомъ, намисловскомъ, ключборскомъ, бржескомъ, олссскомъ, опольскомъ (за исключеніемъ южной части), люблинецкомъ и въ восточной части бытомскаго и пщинскаго; въ другой сохраняется шипящій выговоръ этихъ согласныхъ, именно въ южной части опольскаго округа, въ стрѣлецкомъ, тошео-гливецкомъ, и западныхъ частяхъ бытомскаго и пщинскаго, въ рыбницкомъ, ратиборскомъ, ковельскомъ, прудницкомъ, и глупчицкомъ и почти вездѣ въ тѣшинскомъ кн.; напр. śłovek, ĩovek, sovek. Въ Яблонковѣ вм. ѓ, ž, ś слышится ž, ś, ó; śeść (šeść), żona.

20) Сочетанія zr, sr принимаютъ вставное d, t: zdradło, stróda, strębro.

21) Исчезновение согласныхъ: g: gobak, dyć, dze; k: po leku: t: jes и je: d: vele, pośoi, ó: peń (pęć); b: tŕa; r: kacma, kacmař, stuchŕa, ł: nós, vóz, ĩyn, gode, covek, modu, suga, gupi, pŕyjón, postapón; j: pŕyde, pódz, vypáũd; ž: zavdy; v: stóvać; skřiŕeńi, perŕi; h: osfeęer (Hirschfänger); j: uz; передъ каждымъ i.

22) Расподобленіе согласныхъ: vsyćko, mojmur, mułář, lejstřik (register), bogajstvo, dochtor, chtóry, chto, styře, stvarty, skovej.

23) d + ś = c въ pŕese, pŕesa.

24) Перестановка звуковъ: nedbav,- jedbav, manżółka, kŕipor, burkovać, durkovać, kogovłat, pŕyskać и др.

25) Въ род. п. ед. ч. часто сохраняются (какъ и въ другихъ

нарѣчійхъ) древнія окончанія—а (м. р.), е (жен. р.): płota, lasa, suknie, grase; такъ же—krwe, mateře.

26) Вин. п. ед. ч. имен. жен. р. представляетъ различныя окончанія, соотвѣтственно различнымъ видоизмѣненіямъ носовыхъ гласныхъ (ср. выше): а (т. е. ā) an, am, a, e, em, e, um: matka, matkań, matkam, matka, matkę, matkę; stronem, wecerum. Тоже разнообразіе и въ твор. п. ед. ч.: o, ó, oć, ę, om, óm; um: gąko, gąkó, troćboć, drogu, dziowkom, babum, šablóm.—Аналогичныя формы для тѣхъ же падежей наблюдаются въ мѣстоименномъ и сложномъ склоненіи; вин. п. та, tam, tam, tóń, ta, to, tó, ja, ju, jum, na, num, takim, samom, твор. п.: mnę, mnó; mnim, sebm, tobom, to, tó, toć, tu, tum, miló, milum, swójóm, suchom.

27) Въ окончаніяхъ твор. п. ед. ч. именъ муж. род., въ твор. и мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоимен. склон. и въ дат. п. множ. ч. именнаго и мѣстоименнаго скл. выступаютъ носовые гласные: pose, vilkę; s ty, s ni, pekny; potę, zbónikę, nogę, sóró, nę; j (im), ty, ubogj.

28) Въ 1 л. ед. ч.—оконч.—а, ā, e, é, a, e, un, em, im, am, am: moga, róda, chcā, znejde, vyleze, prośe, byndyn, dziękuja, pomożam, bydam, idam; bede, byde, vezne, pomogem, przydem, prosem, chodzim,

29) Въ 3 л. мн. ч.—o, ó, ę, óm,—om, um: są, będą, będą, rob'ę, dadzó, jidę, sum, bydom, dostanom, ligajom, mogó.

30) Въ прошедш. сложн. въ 1 л. ед. и мн. ч. является ch вм. s: byłech, pisałechmy; это ch проняло и въ настоящее сущ. глаг.: joch je, jos je. mychmy som или sómlechmy, wyższe sóm, sómeńce.

Образцы силезскихъ говоровъ.

1. Бытомскій окр., село Radzionków.

Do tego tu dómu vstęmpujemy,
Sceściá, zdrová, vlnšujemy,
Naz gáik żelony
Piéńknie ustrojony.

Na naszym gáiku malovane jajka,
Co je malovańa Radzeńska karcmarka;
Na naszym gáiku żelone stązecki,
Co ich nařesały Radzeńské dżévecki.

V tentam polu kańenica,
 Za tǫ kamenicǫ żelona pšenica
 Daj ci Pańe Boże, coby še zrodziła,
 Na tén nowy rocek ludźom źac godziła.
 Jesce nie šejeće ani nie ořeće
 A jus veće, co za nie b'ereće,
 B'ereće b'ereće obite talary
 Co vóm še samuśké po stole kulauy.
 Nasi kśezasek pienkńe kónie majóm,
 K'edy jé vypuscóm, jag uańe skakajóm,
 A jeseby óny i péknějse byǫy,
 Ale pacholicak trocha do nich zgniǫy (lenivy).
 (L. Malinowski, Zarysy życia lud. na Szląsku 56—57).

2. Опольскій округъ, село Gosławice.

Vyńosǫychmy mańaneckǫ¹⁾ (или śmetkǫ) ze vsi
 Pńyńosǫychmy żelony gǫj do vsi.
 Nas gǫicek z lasa jedże,
 Pńyglǫdajǫ mu še z Gosławic ludże,
 Jedżec ón jedże po lipovy, mośće,
 Pńyglǫdajǫ mu še panofe i gośće,
 Do tego tu dómu pńystampujemy,
 Scęściáu, zdrowau vinsujemy.
 U tego tu pana sǫ wysokie ůokna;
 Zglǫndała Kaśka z vysoka,
 Ej zdrowa zglǫndała,
 Janicka uźdrzała.
 Naz gǫik żelony
 P'ekńe pńystrojony.
 Ej idżez ón po pańaci
 Scekajǫ nańego psi kudŭaci и т. д.
 (Тамъ же 59).

¹⁾ ǫ обозначаетъ носовое а.

3. РЫБНИЦКІЙ ОКРУГЪ.

Cemušci mi, moja matko,
 Dali čorny habit šyc?
 Jo do kloštora nie puda,
 Bo jo pannum nie hea być
 Bo v klostoře, mocny Boże,
 Třeba bardzo včas stovać,
 Juš o drugi po pólnocy
 Třeba godzińki špevać.
 Vleza na hór, vejzdřa na dóů
 Vidza svego měęgo
 Kšonžecki mi z řeki lecum
 Keby jako do niego.

Vleza vyzy, vejzdřa niży,
 Ujzdřa svego drugigo
 Aže mi še serce kroje,
 Ot měńości do niego.
 Zleza s hórů kole muru
 A tam me potkoů kšąts:
 M'ėuy kšėnže i farořu
 Z mojim měńym me dźis zvonś!
 O pańenko ty kloštorno,
 To nigdy być nie može,
 Bo še žodno panna s hóru
 V'öncy vydać nie može.

(Arch. f. Slav. Phil. Bd. VIII, 471).

4) ТѢШИНСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

а) *Деревня Висла.*

Zašumařa želoná dõbrava,
 Zašumař tež i gáj;
 O cõz puadeš nadobná džėvečko,
 Cy ci vonka žal?
 Źal mi vonka,
 Střybneho pėrsõconka,
 A jeny mi go žal!
 Cemuž go vtedy nie žalařa,
 K'edych ci go brař?

Mařach byřa, mařych rozum mařa
 Terazy mi go žal
 Uvij se go ty š čėřvõnej rózycki
 N'e bedže ci go žal.
 Uviřoch se go s čėřvõnej rózycki,
 Chyciřach se go do pravėj rõczycki
 A jeny mi go žal.

(L. Malinowski, Zarysy žyc. lud.. 86).

б) *Ляшскій говорь.*

Vařřa myřicka kařicke.

Temu dařa na misečke, temu na ryndliček,
 Temu do gárnečka, temu na taleřiček,
 Temu ostatńimu głovičke urvařa

B'ezařa, b'ezařa tam še skukařa (Rozpr. Wyd. fil. Kr. Ak.

T. XII, 84).

Мазурское (мазовецкое) нарѣчіе.

A. Brückner, Z przeszłości gwar polskich (Wisła T. VI (1892), 4, 865; J. Sembrzycki, a) O gwarze mazurów pruskich (Wisła, T. III (1889) 72; 6) Przyczynki do charakterystyki mazurów pruskich (Тамъ же Т. III, IV, V); W. Kętrzyński, O Mazurach. Poznań, 1872, русскій переводъ въ „Славянскомъ Сборникѣ“ (Спб.). Т. III; K. C. Mrongowjusz a) Słownik niemiecko-polski. Danzig, 1823; 6) Grammatik der Polnischen Sprache. Danzig, 1831; в) Słowa Xenofonta o wyprawie wojennej Cyrusa, Gdańsk, 1831; Jerzy Olech, Przyjaciel Dzieci. Królewiec 1816; Gustaw Gizewjusz, Sielanka to jest powieść wiejska Kazimierza Brodzińskiego w Holsztynie i Holsztynku ok. 1861; Karol Sembrzycki, Powieści i pieśni dla Mazur. ok. 1861; H. Frischbier, Preussische Sprichwörter und Volksthümliche Redensarten, Berlin. I. 1865; II 1876; J. A. Helwing Supplementum Florae Prussicae Данцигъ 1726; J. Karłowicz, Dziesięć pieśni mazurskich (Prace filol. T. II (1888) z. 2); — Osk. Kolberg, Mazowsze. Obraz etnograficzny. T. I—VI, 1885—1892; St. Ulanowska, Niektóre materyjały etnograficzne we wsi Lukowcu (mazowieckim) (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. VIII, 1884. Mat. etnolog. 247); W. Grzegorzewicz: 1) O mowie ludowej we wsi Lukowcu, w powiecie Garwolińskim (Sprawozd. Komis. językow. Akad. Umiejęt. T. V, 1844, 148); 2) O języku ludowym w powiecie Przasnyskim (Тамъ же 72); St. Chelchowski, Podania z okolic Przasnysza. Biblioteka Wisły t. III, VI; Z. Wasilewski, Jagodne, wieś w powiecie Lukowskim, gminie Dąbie, zarys etnograficzny, z licznymi rysunkami. Biblioteka Wisły, T. IV, A. Zakrzewski, Podlasie (Wisła T. III, 309).

Подъ понятіе мазурскаго или мазовецкаго нарѣчія можно условно подвести говоры, которыми говоритъ славянское населеніе, извѣстное подъ именемъ Мазуровъ и занимающее сѣверо-восточныя польскія земли, т. е. южную часть Восточной Пруссіи (уѣзды острудскій, ниборскій, щитенскій, зондборскій, янборскій, лѣцкій, лѣцкій, оледковскій, гольдапскій, венгобарскій и части растенборскаго и моронскаго) и т. н. Мазовшье и Подлясье т. е., сѣверо-восточную часть Царства Польскаго (губерніи Плоцкую, Варшавскую, Сѣдлецкую и Сувалескую) и западную Гродненской губерніи.—Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ Мазуры¹⁾, населяющіе означенныя земли, первонач-

¹⁾ Кстати здѣсь замѣтить, что имя Мазуровъ примѣняется также къ Полякамъ, занимающимъ западную Галицію.

начально составляли одну этнографическую разновидность польскаго народа. Историческими разысканіями выяснено, что прусскіе Мазуры собственно ранніе переселенцы изъ настоящаго „Мазовшья“. Но въ настоящее время прусскіе Мазуры отличаются болѣе или менѣе значительно отъ Мазуровъ (или Мазовшанъ) Царства Польскаго какъ въ культурномъ, такъ этнографическомъ отношеніяхъ. Первые принадлежатъ къ евангелической церкви, давно живутъ подъ сильнымъ политическимъ и духовнымъ вліяніемъ Германіи, не принимаютъ никакого участія въ культурной жизни другихъ частей польскаго народа и такимъ образомъ выработали свои особенности въ физическомъ типѣ, народномъ характерѣ, бытѣ, обычаяхъ и языкѣ. Вторые, какъ и все вообще польское племя исповѣдуютъ католицизмъ, въ большей степени сохранили свою славянскую старину или измѣнили ее подъ вліяніемъ иныхъ культурныхъ и политическихъ теченій, были и остаются видными дѣятелями въ созданіи современной польской образованности, а потому и не удивительно, что народные говоры ихъ, вообще болѣе сближающіеся съ литературнымъ языкомъ, представляютъ инныя черты, отличающія ихъ отъ нарѣчія прусскихъ Мазуровъ. При такомъ положеніи дѣла удобнѣе каждое изъ этихъ нарѣчій рассмотреть отдѣльно.

I. *Нарѣчіе прусскихъ Мазуровъ.*

Прусскихъ Мазуровъ насчитывается до 300,000 ч. Образцы ихъ нарѣчія встрѣчаются уже въ рукописяхъ и старопечатныхъ изданіяхъ XVII в.¹⁾ Въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ патріотовъ (Мронговіусъ, Олехъ, Гизевіусъ, К. Сембрицкій, Фришборъ) издано нѣсколько книгъ на мазурскомъ нарѣчіи. Изученіе самаго нарѣчія не отличается полнотою и обстоятельностью. Наиболѣе точныя свѣдѣнія о немъ сообщены Кэнтжинскимъ и Сембжидскимъ (Ср. заголовокъ). По утвержденію послѣдняго (Wisła III, 79) въ мазурскомъ нарѣчіи можно различить 4 главныхъ говора: восточный, средній, ниборскій и остродскій; изъ нихъ средній, или щитенскій нужно считать самымъ характернымъ и наиболѣе свободнымъ отъ вліянія нѣмецкаго языка.

¹⁾ Ср. указанную выше статью Брикнера въ Wisła III.

Важнѣйшія особенности.

1) Открытое а обыкновенно звучитъ какъ нѣмец. ä, а на востокѣ и совсѣмъ какъ e; напр. *läskä rān, rānā, rānu, rānie, rānoŕe, gādälām, maŕu, tā sāmā, sānovāna; kieváł* (вост.), *kāvāł* (западн.), *kieřty* и *kāřty*; ä *mesva nimā esce penicku* (= литерат. а *masła niema jezscze, paniczku*). Иногда вм. а слышатся чистое e: *redā* (gada), *jevog, jerzāb, kesieñ, geñe* (gamie).—Въ остродск. г. вм. а часто о *nom, jo, zogodka*.

2) Вм. e, o нерѣдко сжатыя é, ó, при чемъ é=у: *sérce, сушно; zónā* (żona), *zvón* (dzwon).

3) I и у иногда чередуются или смѣшиваются: *namu, cistyu, ziłā*.

4) Носовые гласные исчезли; они или разложились на чистые гласные + n, m, или совсѣмъ замѣнились чистыми: o (= книжн. o) = ón, uш (въ срединѣ словъ), o (на концѣ); напр. *bónk, dumb, dajo; e* = in, én (въ срединѣ) и e (на концѣ): *odmint, rinke, mātke, řinc, binde* и *byde*.

5) I, y передъ ł переходятъ въ u: *b'uił, žuił* (ził), *řebaciuił, prośuił, kuřuił*; также *buł*.

6) Вм. обще-польск. ó, ź, ś, dź слышатся e, z, s, dz; напр. *dzewcynā, do řecogā, ródzina nāsā, zogaŕe, sřuzbā, Boze*. Эта черта особенно бросилась въ глаза первымъ изслѣдователямъ народной рѣчи и была названа „мазурованіемъ“, но она, какъ указано выше, не составляетъ исключительной особенности мазурскихъ говоровъ. Впрочемъ, въ восточномъ говорѣ (остродскомъ) всюду слышатся ó, ź, ś, dź. Въ отдѣльныхъ словахъ не чужды шишация и центральному говору; напр. *žābā, řubenicā*.

7) Твердое ł звучитъ какъ ů или v: *řavka, vavka, gřovna, svysys*; часто ů (=ł) передъ слѣдующимъ гласн. u исчезаетъ: *mniuje* (miłuje).

8) Мягкое v превращается въ j (черезъ разложение v на vj и уподобление v согласному) *chjilka, kjat, drzji, jeřog, jetrak, jim, (wiem), pojsny, jino* (wino), *jilk, josna, ojes, moje* (mówię).—Мягкое in превращается въ mñ: *mñilość, ñemñeckı, mñeška* (такъ и въ говорѣ Курпиковъ въ Плоцкой губ.).

9) Въ ниборскомъ г. (Naidenburg), v = vź, ź, b' = bź, p = pś, in = mz, f = ś; *čłowzek nazvziskem Żilkowski, v Ruskovze na źeřchu, osobliże, Silice* (вм. Filice), *v złobze, psismo*. Тоже явленіе въ говорѣ Курпиковъ Плоц. губ.

10) *Ch* произносится мягко, какъ въ нѣмецкомъ яз. въ словѣ *dich* передъ *a, e, i, y*; напр. *ukochjanu, chjałurnik, ch'uba*. Наибольше распространено такое смягченіе *ch* въ восточномъ г.

11) Начальные *a, e, i* обыкновенно произносятся съ придыхат. *j*: *Jebrań, Jedam, Jevka, jígła, jesse* (въ ниборск. г. *jesže*), во вост. г. *esse*.

12) Исчезновение согласныхъ: *v*: *goźdź, piersi, goździki*; *d*: *zban, bagzo, la*; *z*: *zaga*; *st.*: *je*.

13) *Chv* иногда = *f, falić* и *vchalić fatka* (ср. серб. и болг. *фага* *фалим*); также и *vm. ch* возможно *f*: *figel*; на оборотъ *ch'ołki* (*fjołki*).

14) *Chto, chtoren, chtory*; *kruška* (*gruška*), *jelgi* (*wielki*).

15) Дат. п. на—*qju* *vm.*—*owi*: *slovekoju, ojsoju, sércujo* (такъ и въ говорахъ Мазовшья и велико-польск. добрынскомъ). Объясненіе см. выше стр. 520.

16) Имен. п. мн. ч. на—*qje* *vm.* *owe*: на *głoje*.

17) Окончанія 1 и 2 л. двойств. ч.—*ша, ва* часто замѣняютъ соотвѣтствующія окончанія множ. ч. въ настоящ. вр. и повелит. н.: *śóbiva, śowa, śata*.

18) Обиліе германизмовъ, особенно въ восточномъ говорѣ.

II. Говоры Мазуровъ Царства Польскаго.

Говоры Мазовшья и Подлясья довольно многочисленны и разнообразны, насколько можно судить о томъ по извѣстнымъ пока даннымъ. Изъ нихъ описаны лишь нѣкоторые. Различіе касается иногда такихъ существенныхъ признаковъ, какъ напр. выговоръ носовыхъ гласныхъ. Но рядомъ съ этимъ не мало чертъ, сближающихъ эти говоры какъ между собою такъ и съ нарѣчіемъ познанскихъ Мазуровъ. Отмѣтимъ тѣ и другія черты, имѣя въ виду главнѣйше слѣдующіе, наиболѣе извѣстные говоры: *Куртискій* (въ Плоцкой г. *Kolberg, Mazowsze. IV*) *Прясныскій* (въ Плоцкой г. *Grzegorzewicz. o języku ludowym w powiecie Przasnyskim. Sprawozd. komis. język. T. V*), *Луковецкій* (въ Гарвашинскомъ у. Сѣдлецкой губ., *St. Ułanowska, Niektóre materyjały etnograficzne we wsi Lukowcu (mazowieckim). Zbiór wiadom. do antrop. krajw, T. VIII, 1884* и *W. Grzegorzewicz, O mowie ludowej we wsi Lukowcu, w powiecie*

Garwolinским. Spraw. komis. język. T. V) и *Бѣльскій* (въ Подлясьѣ, Wisła. III 323) ¹⁾.

1) Мазурованіе, т. е. замѣна *ć, ż, ś, dz* черезъ *e, z, s, dz*—всеобщая черта; напр. *sekać, zasypa, zyd, zal, syroki, pżyizdy*; но иногда *ś, ż* (особенно передъ *a, o*) и согласн. звучать какъ *ś, ź*: *Wag-siawa, kosula, śrak, żelazo, żaba*; рѣже вм. *ć—ć. ćtery*.

2) Твердое *ł* сохраняетъ свой основной выговоръ. *głowa*; въ прич. прош. *ł* исчезаетъ послѣ согласныхъ: *umar, niós, móg*. Въ Л. и въ 1 л. прош. вр. *przyniósem, mógem*; въ Б. *podjadem, ukradeś*.

3) Вм. и иногда *m* *mitka, miecki, mizy, śmig, męciec* (Л.), *męcту, męcее, mić (nić)* (Б.); вм. *m* иногда *mń*: *śmńerć, gmńina, mńasto, mńaga, zmńiuj śę* (П).

4) Согл. *r* иногда смягчается передъ *a, u* и согласными: *třuskawka, dřasnić, chřabonsc, ćerpi, ćerńice* (П), *dźewąćerńik, biedřonka* (Л).

5) Носовые гласные въ П. и К. (какъ въ нар. прусск. Мазуровъ) часто теряютъ свой исконный выговоръ: въ срединѣ словъ они разлагаются на чистые гласные + *m, n*, а въ концѣ замѣняются чистыми гласными; именно обще-польск. *ę = em, é, e*; обще-польск. *o = om, on, óm, ón, o*; напр.: *męnsco, pęcńendze, beńdzé, minęła, stanęły, légńęła; bede, bedo; ide, póde, cisne, pęcje* (1 л. наст. вр.), *v łónke, na také chorobe, pęcđ chałupе, vode* (вин. п.), *śe, me* (но и *se*), *somśad, ksondz, flondra, sómśad, dróng, łónka, vzon, dźwignonem, minoł; jado, so, płasco, bolo, gońo, mogo* (3 л. мн. ч.), *matko, ręcко, gmńino* (тв. п.), *jo* (в. п.), *pademno, pad sobo*. Въ Лук. г. не только сохранены обще-польск. *ę* и *o*, но существуетъ также носовое *a*, т. е. *ą (ã)*. Гласн. *ę* слышится только на концѣ словъ: *gtoгę, gasę, ukradnę, męc*, но и *ma*; въ срединѣ словъ вм. *ę* обыкновенно *ą*: *gołąb'e, gąb'e, pądzу, gąku, jązyk, mąso, głąboko, pąkńe, scąńslivу, dźewąć, bądze*. Впрочемъ изрѣдка слышится и *ę*: *ęcsak, jezog, ręcкота*; *o* тамъ гдѣ и въ литер. яз.: *goska, łasko, mądrу* и т. д. Случаи утраты ринезма весьма рѣдки; *o* удерживается и въ прич. прош. глаг. П. вл.: *корпoł*. Въ Б. тѣже носовые гласные, что въ литер. яз.

6) Сжатые *á, é, ó* вообще очень распространены въ П., К. и особенно въ Л, при чемъ *á* часто звучитъ какъ *o*, *é* всегда какъ *i* (*y*), *ó* всегда какъ *u*; напр. въ Л. всякое *a =* старо-слав. *ѣ* звучитъ

¹⁾ Для краткости отмѣчаются Курницкій гов.—К, Праснискій—П, Луковецкій—Л, Бѣльскій—В.

какъ á: dzád, cás, lás, b'ały; также ráp, várn; въ П. вм. á слышится и ó: vóm, sóm; dóm; mómu; въ Л. ó въ оконч. род. п. мѣст. и слож. скл.: dobrygó jigó; въ Л. каждое е соотвѣтств. старо-слав. ѣ звучитъ какъ i: chliba, śmig, mliko, dźivka, stŕyłać, śrybło; также передъ ш, п: jedyn, bratym, stołym (тв. п.), stanąłym, jestym, dobrygo, śidm, śigr, — напротивъ въ Б. а не подвергается сжатію, а о рѣдко: goга, рожно.

7) Гл. i иногда звучитъ какъ y: jabkamу, nogamу, pilnowalу (муж. р.) (Л), gmyna, śvynа, temu listamу (П).

8) Гл. i передъ ł (въ прич. прош.) переходитъ въ u, или ó: zgo-b'uł, posta'uł, posadźuł; также buł (П. Л. Б.).

9) Вм. открытаго а иногда е: gemne, Podoleńec (П), nemće (на-мocie), frejki, dej (L), jedło, reda, gemе (B).

10) Въ Л. е передъ ш, п переходитъ въ а: źama, pananka, ubo-gamи, ozane; въ твор. п, особенно послѣ k, g: kŕyкам, bogam, głon-кам, okam, oknam, na kam, polsikam królem, po królstwie niebesśkam; также vatovać, vašele, v kŕaśle.

11) Мягкое v въ П = j: słojik, spojodzi, ptaskoje.

12) Род. п. мн. ч. -ów и для основъ жен. и ср. р. gróśków, siostrów (B), bajków, polów, uliców, róków (Л).

13) Дат. п. ед. ч. на oju (и на ovi); ojcoju, bratoju (К. Б.).

14) Оконч. двойств. ч. -ва, ta, для обозначенія 1 и 2 л. множ. ч. настоящ. вр. и повелит. п. rób'va, rób'ta (Л. П. К.).

15) Оконч. 1 л. мн. ч. наст. вр. иногда -ш: chodzim; такъ и въ прош. вр.: chodzilim, poilim (IV).

16) Въ Б. прошед. вр. часто безъ вспомогат. глаг.: ja chodził, ty robiła и т. д.

Образцы Мазурскаго нарѣчія.

I. Нарѣчье прусскихъ Мазуровъ.

1.

Vylećala rybka z bystrego jeziora,
 Plakała dziewczyna z rana do wieczora,
 J przyjechał Janek vnet z cudzej krainy,
 Rozmòvil dziewczynie do swojej rodziny
 Dziewczyna nie taka, namòvil, se dała;
 Sve bronno koniki zaprę gac kazala;
 Koniki zarzaly, z mejscą ujse nie chęaly,
 Wo o jej niesczęcu davno juz vedzaly,

Juz ci ujechali stopęćdziesiąt mili —
 Jeden do drugiego słoukã nie mówili.

(Kętrzyński, O Mazurach. 1892. 35. Народный говоръ воспроизведенъ не вполне точно).

2.

(Няборскій уѣздъ).

Mili ludzie, posłuchajcie,
 Na to psilnie basność dajće
 O Kańeńskim gospodarzu
 O kasmarzu i młynarzu.
 Miał on końa niezdrowego
 Za doktora svagra svego
 Tem mu go miał vylekować
 M'alo go nieco kostować.
 A tak jednego vęcora,
 Vioł się svager za doktora;
 Do kuchni końa vprovadził.
 Żeby mu tam co poradził.

Vioł on halbę pętryoli
 I zmacał końa do voli,
 A chłopcik, syn Kańeńsk'ego
 Prysvecał mu kele niego
 I nie dał chłopcik baceńa
 I zapaluł do sklesceńa;
 Był tam bronak zapalony,
 Latał jakby był salony.
 Wpad do izby między sklanki,
 Břónkał jakoby we dzvonki,
 Żeby pan jego usuysał
 A jaki mu ratunek dał.

(И здѣсь не отмѣчены многія фонетическія особенности говора,
 между прочимъ ѧ. J. Sembrzycki, Wisła III, 561)

3.

(Burkasty, Няборскій уѣздъ).

Frydrych Snicer, mądra głova,
 On bez zony dzieci chova.
 Sąc to tęge robotniki,
 Ale duze marudniki.
 Ma on psenkie v izb'e, v seni,
 Zb'era zytko az v zjeśeni;
 Całą zimę wełnę pędze,
 Na sventy Jan sukno bédze.
 Sukno sob'e sam farbuje,
 Přeb to v sveće modę psuje.
 Jest to falbań niesłychany,
 Ciñi mody nad modami.

Chceće poznać Snicra gburą.
Poła carna, poła bura. (Тамъ же 563).

II. *Przasnyskiy говоръ* (Przasnysz, село Chojnowo).

O kupcu jednym i igo żęcú. Jeden kupeć miał jedno córke; do-
pérój sóm pojechał v jenne kraje po tovary; jadze, jadze, noc go
zasła, ale nigdzie ne ma vsí. Patry, ale se svyci ogeń v jedny chałupce.
Prychodzi do ni pozapérane, nie chco mu otwořyc. Narešce vychodzi
ten gospodař chałupki, kupeć go proši, a ón pejda: „Ni moge pana
přyjać na noc, bo chałupka mała i časna, a móm zóne chore“. Jak
go kupeć zacon prošíc, vzon go i přyjon na noc. Posłali mu, układ
še i šni mu še: „Ten syn, co še džiš urodzól tem ludzom, co ty a
nich nocujes, to bedze tvojem žęcem. Kupeć odecknoł i myšli sob'e:
„Cy być moze, coby z takého ubogého stanu móg być mojem žęcem,
kedy moja córka taka je bogata? Co to viřac v sen (Sprawozdan.
kom. język. T. V. 97).

III. *Lukoveckiý говоръ*. O ojcu i o syne. Set chłop z synem na
jarmarek, a zyd provodziul koze. Syn poveda: „Tatulu, ja ukradnę
te koze“. On poveda: „Dobře, ukradnis, to bądzemy mieli ob'ad s nij“.
I niós buty tyn chłopak v rąku, — vzion, jedyn but odřucul před
tygu zyda. Tyn zyd obacuł i poset po tyn but, vzon se, poveda: „No,
zyby ja se naláz drugi, toby ja miał dva“. Tyn chłopak usłysał, vzion
i drugi but odřucul daleko tymu zydovi. Tyn zyd obacuł i poset po
tyn but, a koze uvážal u dřeviny. Dopiro tyn syn poset i tę koze
ukrad,—vzion, vprovadzul na pastvisko, v błocko, řyb jij ukracul,
vsadzul v błocko a kadłub dal ojcu, zyby poset do lasa, napaluł
ogań i upik. (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. VIII. 1884. Mater.
etnoł. 310).

К у я в с к о е н а р ѣ ч и е.

Oskar. Kolberg. Lud, jego zwyczaje и т. д. Ser. III—IV Kujawy.
1867—1869; M. Albimski i J. Bliziński, Abecadłowy spis wyrazów
języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniej (Biblioteka Warszawska
1860. IV); W. Matłakowski, Słownik wyrazów ludowych zebranych
w Czerskiem i na Kujawach (Sprawozdania Komis. język. T. V).

Куявское нарѣчіе слышится на небольшой территоріи Царства Польскаго, именно во влоцлавскомъ и радѣевскомъ уѣздахъ Плоцкой губерніи, и въ предѣлахъ Прусскаго Королевства— въ уѣздѣ иновроцлавскомъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣздовъ торуньскаго, быдгощскаго (бромбергскаго), шубинскаго и могильницкаго. Для знакомства съ этимъ нарѣчіемъ имѣется лишь указанный довольно скудный матеріалъ. Точныхъ записей образцовъ народныхъ говоровъ пока не издано.

Важнѣйшія особенности:

1) Шипящія *ǫ*, *ż*, *ś*, *dź* произносятся какъ въ общепольск. яз. т. е. не замѣняются *с*, *z*, *s*, *dz*: *Boże*, *duśo* и т. д.; только на сѣверо-востокѣ изрѣдка слышится *с* вм. *ǫ*: *kǫсу*, *jesce*, *vǫescu*; еще любопытнѣе изрѣдка встрѣчающееся въ восточной Куявии *tř* вм. *ǫ*: *třłówek*, *třłek*; равнымъ образомъ и вм. *ż* на сѣверовостокѣ иногда слышно *z*: *żelazo*, *żobgo*.

2) Носовые гласные тѣже, что въ общепольскомъ яз. т. е. *o* и *e*; иногда они смѣшиваются: *bękart*, *ńe*, *moje* (*e* вм. общепольск. *o*), или *wykróсаć*, *róсі*, *dzevóсі*, *dzesóсі*, *możny* (*o* = общепольск. *e*); утрата ринезма наблюдается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ: *béde*, *bédżeś*; напротивъ, возможна позднѣйшая насализація гласныхъ: *bochor*, *jeżoro*, *pęga*, *pęgovaty*, *mętryka*, *mętał*, *jómętra*, *poż*, *tępać*, *mętel*.

3) Сжатые *á*, *é*, весьма употребительны; *á* обыкновенно звучитъ какъ *o*: *tom*, *moś*, *mo*, *moма*, *mota*; *gbom* (вм. *dbom*), *śadom*, *śadoś*, *śado*, *śadota*, *dom*, *doś*, *do*, *doma*, *dota* (*dam*); *grołem*, *grołeś*, *groł*, *ub'érołem*, *ub'érołeś*, но въ ж. и ср. р. *grałem*, *grałaś*, *grałom*, *graloś*; *stovać*, *stovałem*; *pon* (*no pana*) *ptok* (*ptaka*), *poń*, *pońa*, *kńot* (*no kńatek*), *baron* (*no barana*), *ćorno*, *ćenko*, *którno*, *tako* (жен. р.), — *é* произносится какъ звукъ средній между *e* и *i* или прямо переходитъ въ *i* (*y*), при чемъ сжатое *é* весьма часто замѣняетъ общепольское *e*; напр.: *dobrygo*, *słodkigo*, *gońkigo*, *ćervonygo*, *odziża*, *fyka*, *żołmiń*, *bida*, *chlib*, *kamiń*, *pirśy*, *bilit*, *tyż*, *gǫych*, *ćyńe*. Сжатое *ó* (произносимое какъ *u*) выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наблюдается и въ общепольск. яз.

4) На оборотъ въ нѣкоторыхъ словахъ вм. общепольск. *o* слышно *a*, вм. общеп. *i*, *y* — *e*; напр. *ćało*, *ćałno*, *darmacha*, *kałdra*, *skagura*, *tłomak*, *garucha*, *sałtyś*; *beł* (часто вм. *był*), *sén* (*syn*), *ro-béł* (*robił*); *jech*, *tech*, *tem*, *jenny*, *ménań*, *renek*.

5) Иногда *a* звучитъ какъ *á* или *e*: *muzykánt*, *ráđło* и *redło*, *zdreda*, *jerzmo*, *ledaco*, *reno*, *grab'emi*; наоборотъ иногда *a* вм. обще-

польскаго *o*: Alaxander, cadzić, gořalnia, karaluř, lařcina, řela, jachać, vćasny, balka, tyła.

6) *o* часто не расширяется въ *o*; P'etr, řegun, březovy, řeřaty, řesneřka, b'edra, řesna, řetła, řesło, řeska; напротивъ *o* вм. *o*.; ve-soła, okomon (ekonom).

7) Гласн. *u* иногда замѣняетъ другіе гласные: *o*, *u*, *ó*, *i*: ga-gnyšek, słonyško, dzwonyšek, chłoryšek, řonyšek, znovyk, podvyře, tłuć, kruchy; въ твор. п. мн. ч. шу вм. ши: jajшу, vołшу, řету; также въ дат. п. мѣст. шу.

8) Гласные въ началѣ словъ обыкновенно принимаютъ придыханіе: *h*, *j*: hale, hanyř, Hanka, Jagata, Jagna, Jadam, Jamroř, jang-gyst; *v* (при *o*, особенно на югѣ): voćes, vokno, vogać, vileń, řeleń; *ł* łořeł, łořech; *ń*: řořech.

9) Гласн. *e* изъ пра-слав. *ь*, или вообще вставочный, иногда выступаетъ въ такихъ словахъ, которыя въ общепольск. яз. произносятся безъ этого гласнаго: kómoter, řater, jarmarek, mechu, dechu, dżeńa, chřestu и др.

10) Твердое *ł* сохраняетъ свой основной выговоръ: słucaj, był, głova.

11) Согласн. *r* иногда смягчается передъ согласными: řeřńe, seřp, řeřpić.

12) Вм. *b* иногда слышится *v*: viskup, potřevny; вм. *d-g*: mglic, mgły, gbać, вм. *k-ch*, *g*: chto, chtórny, chłarać ře, řelgi, slizgi; вм. *j-ń*: vyńdz, přyndz.

13) Появленіе согласныхъ: *n*: b'ełny или b'ałny, chtórny, řcerny, skorno, *k*: znovyk, jućik (juř-ci), doputyk, rovnak или rónnyk; *t*, *d*, *z*: přetńenić, vytńenić, nadgłosić, sproždzevać ře, zdogonić, drdzeń, drdza, vzdžek; *j*: grujnt и gront.

14) Перестановка согласныхъ: ktvić, tko, ktać.

15) Оконч. -ша, -та въ настоящ. вр. и повел. н. gońma, gońta.

Говоры западной Пруссіи.

Говоры польскаго населенія, обитающаго въ предѣлахъ западной Пруссіи, изслѣдованы очень мало. Повидимому, одни изъ нихъ близко стоятъ къ куявскому нарѣчію, другіе къ мазовецкому (восточной Пруссіи). Др. Надморскій опредѣляетъ границей между ними р. Вислу: на лѣвомъ берегу слышатся т. н. поморскіе говоры (говоры Кочевья, Боровяковъ, Крайняковъ), близко родственные

съ куявскимъ нар.; на правомъ берегу господствуютъ говоры мальборскій (Маріенбургъ), хелминскій (Кульмъ), и любавскій, ближе подходящіе къ мазовецкимъ говорамъ.

Ср. Dr. Nadmorski: 1) Gwara malborska Wisła III. (1887) 735; 2) Kaszuby i Kosiewie. Тамъ же VI (1892) и отдѣльно Poznań 1892. J. Kozłowski (псевдонимъ др. Надморскаго) Mapa etnograficzna Prus Królewskich въ изд. Pamiętnik fizjograficzny. T. III. Kraków, — A. Krasnowolski, Język ludowy polski ziemi Chełmińskiej Lwów 1879 (Album ucząceј się młodzieży polskiej poświęcone J. I. Kraszewskiemu z powodu jubileusza jego 50—letniej działalności literackiej 1879).

Отмѣчаемъ нѣкоторыя особенности этихъ говоромъ:

1) Сжатое а слышно очень рѣдко, рѣже чѣмъ въ куявскомъ и мазурскомъ нар., или говорахъ хелминскомъ и коцевскомъ; тамъ же гдѣ оно находится, оно звучитъ какъ ó: ran, gola, jaka, dobra, ptak, bogać, mótm, sóm, złóm, въ коцев. г. rán, ja dałom, ty dałóś, въ малборск. г. ja dała, ty dała.

2) Въ малбор. и коцев. гов. а въ глагольн. формахъ часто звучитъ какъ е: deli, pojechałi, der, умер; у существит. им. слышится ясное а: kawał; karty и т. д.

3) Общеп. o въ малб. г. = ón (въ сред. слова) и o (на концѣ); e = én (въ срединѣ) и e (на концѣ); въ коцевск. г. общепольск. e = ä (т. е. носовое а въ срединѣ словъ) и a (на концѣ): bóndź, ja bénde, menk'e pańsk'e (M.), mąka pańska (K), tŕyńa go za rénk'e (M.), tŕyńa go za gąka (K), ma dobre matk'e (M.), ma dobra matka (K)

4) i, y = é: béli, rob'eli, zéła.

5) Шипящія ó, ź, ś въ западно-прусскихъ говорахъ вообще произносятся какъ въ литературн. яз., т. е. не замѣняются с, z, s, какъ въ мазурскомъ нарѣчии: żona, paś, ýapeček и т. д.; въ малборск. г. слышатся ó, ź, ś и вм. общепольскихъ ó, ź, ś; ćeb'e, myśleli, śe.

6) Въ имен. п. мн. ч. господствуетъ окончаніе именъ неодушевленныхъ -у: ańoły, doktory, braty, Polaki (M.).

Образецъ Мальборскаго говора.

Razu jednego posłał kob'ète chłop na jarmark z krovo i mov'ólji, soby jo předała, jaki béndže targ. Jak ji še po drodze chto spytał co chce za te krove, óna móvéła: „jaki targ“. Ludže myśleli, že to jaka głuńa (obłąkana) i vženi ji krove, a óna přýšla do dom bez krovu i pińéndzy.

Chłop še rozgnéwał i mowoł, pude v švat, a k'edy véncy takich głupich znańde, jok ty, to vróce. Vžón tedy vařuchev (warzące) i povédał všéńdze, že jest néb'eski kuchař. Přyšet tež do jedny pani, a ty umarło práve (właśnie) džecko; ona še go pytała, co tež tam ji džecko porob'a, a on ji na to: vélmožna pani, takčy mu tam ze všystk'ém dobře, ale te suk'enki to už troche poderte, a na nove nima. Pani mu tedy nakładla peľny tlómok ľadnych suk'enkov, dobře go uračéla jadľem i dała ešče na drože véle pińéndzy. N'e dľugo vróčéľ mójž ty pani, a óna to všystko opovédžala. Pan zara poznaľ, že to bóľ ošukańec i všat na końa, žeby godogonič. Jak chłop učuľ, že go chtóž goni, schovaľ tlómoček v křaki i šet panu na přečyvkó. Pan še go spytaľ, čy nie spotkaľ človeka z tlómočk'em; o tak, pańe, tu šet nedavno jeden; jak mi pan da svego kóna, to ja go zara dogoné. Pan mu daľ kóna, a ón zabraľ tlómoček i pojechaľ do dom. Pan mušaľ vracac̄ p'ehto, ale nie chčac̄ še vydač před žono, že še též daľ ošukač i móvóľ: To bóľ pravdživy kuchař néb'eski, ja mu ešče końa dodaľ. (Wisła III 754).

Нарѣчіе Горальское (Карпатское).

Dr. J. Kopernicki. 1) Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie górali Bieskidowych, z dodatkiem słowniczka wyrazów góralskich (Rozprawy Wydz. filol. Akad. Umiejętn. T. III. 1875; 2) Pieśni Górali Bieskidowych z okolic Rabki (Zbiór wiadom. do antropol. krajow. T. XII (1888), Mater. etnolog 117; 3) Gadki ludowe Górali Bieskidowych z okolic Rabki (Тамъ же T. XV, 1891); 4) Zagadki i łamigłówki Górali Bieskidowych spisane w okolicach Rabki (Тамъ же T. I. 1877. Dz. etnol. 113); Ad, A. K r y ń s k i. Gwara zakopańska. Studyjum dyjalektologiczne (Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejętn. T. X, 1883);—Wład. Kosiński, 1) Przyczynek do gwary Zakopańskiej (Rozprawy Wydz. fil. Akad. umiejętn. T. X, 1883); 2) Materyjały do etnografii Górali Bieskidowych (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. V—VI, 1881—1882). R. Z a w i l i ń s k i, 1) Z powieści Górali Bieskidowych (Wisła II, 1888); 2) Podania i pieśni Górali Bieskidowych. Warszawa T. V, Biblioteki „Wisły“; L. M a l i n o w s k i. O niektórych wyrazach ludowych polskich. I, Ślady wpływu rumuńskiego w mowie góralskiej na Podhalu. II, Ślady wpływu węgierskiego w mowie góralskiej na Podhalu tatrzańskim, w Karpatach i w Bieskidach, na Śląsku, oraz w innych stronach. (Rozprawy wydz. fil. Akad. umiejętn. T. XVII, 1893); B r. D e m b o w s k i, 1) Spis wyrazów i wyrażen używanych

na Podhalu, jako uzupełnienie poprzednich zbiorów (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiejęt. T. IV 1891); 2) Spis wyrazow i wyrażeń używanych na Podhalu (Sprawozdan. Towarzystwa Tatrzańskiego 1889); 3) Słownik gwary podhalskiej (Тамъ же Т. V, 1894); J. Złóża. Zbiór wyrazów używanych w okolicach Chochołowa (Тамъ же, томъ IV) A. Wrześniowski. Spis wyrazów podhalskich Kraków 1885; Leon Rzeszowski. Spis wyrazów ludowych z okolicy Żywca (Sprawozd. komis. język. Akad. umiejęt. T. IV 1881); L. Z. Pieśni ludu Podhalan (Biblioteka Warszawska 1885).

Горальское (Бескидское или Карпатское) нарѣчіе занимаетъ самую южную окраину польской земли, расположенную по склонамъ Карпатъ (Бескиды, Татра). Подобно другимъ нарѣчіямъ оно представляетъ значительное количество говоровъ, изъ которыхъ только одинъ—закопанскій¹⁾ описанъ болѣе или менѣе подробно (Крынскимъ и Косинскимъ). Поытку общей характеристики всего нарѣчія представилъ Коперницкій, выходявшій, впрочемъ, главнѣйшій изъ наблюдений надъ говоромъ Рабки. Изъ другихъ ученыхъ, поименованныхъ выше, наиболѣе цѣнный матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ говорами Горалей собрали и издали Косинскій, Завилинскій и Л. Малиновскій.

Важнѣйшія особенности.

1) Носовые гласные такъ же разнообразны какъ въ силезскомъ нар.: кромѣ *e*, *o* возможны *a* (*ã*), *i*, *y*: *reńãżki*, на *długi*, *psy* *Carpu*; *ã* (т. е. носовое *a*) слышится вм. *o* или *om*, *am*, при томъ лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ; въ закопан. г. только въ словахъ *vãgle*, *tã*; *i*, *y* замѣняютъ (въ твор. п.), *im*, *ym*; нерѣдко наблюдается и позднѣйшая насализація *e*: *case* (*czasem*), *za końe*, *pod siodłe*, *lamet*, *dezysta*. Рядомъ съ этими явленіями стоитъ паденіе ринезма: *e* = *em*, *e*: *vidzem*, *chodzem*, *ksem*, *nie bedem*, на *imę* и на *imé*, *vatre*, *dzevce*, *karke* (вин. п.), *nie*, *ce*, *se*, *preknie*, *gynkav*, *gymba* (Z.); *o* = *om*, *óm*, *o*, *ó*: *som*, *sóm*, *kuróm*, *sadzo*, *dadzo*, *medzom*.

2) Сжатія гласныя *a*, *e*, *o*; *a* звучитъ близко къ *o* и наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ верхнесилезскомъ нар.; напр.: *jo*, *pon*, *dom*; *e* = *i*, *y*: *mliko*, *bida*, *kobita*, *cysty*; *o* = *u* удержалось и въ тѣхъ словахъ, которыя въ современ. лит. яз. имѣютъ чистое *o*; напр. *dóm*, *do dómu*, *ón*, *óna*, *dróge*, *kómora*, *stróna*, *kóne* и др.

¹⁾ Закопане подъ самими Татрами. При ссылкахъ говоръ этотъ обозначается буквою Z.

3) Гласн. *i*, *y* нерѣдко, особенно въ зак. г., замѣняются *e*: *geba*, *bedło*, *płatko*, *gospodeni*, *beło*, *dem*, *tedżeń*, *tele*, *jo slesal*, *ón meśli*, *voda płańe*; въ имен. п. множ. ч. *pse*, *te pańe prosile*; *taki*, *ostre pós*; *me*, *ve* (мы, вы); *verić* (вырїć). Ср. Куявское нар. 4.

4) Иногда *a* перегласовывается въ *e*: *dej*, *bodej*, *djebeł*, *ledajeki*, *nejmłodszy*, *treficić*.

5) Первичное *e* часто удерживается, не расширяется въ *o*: *mięta*, *z miedem*, *P'etr*, *pegun*, *zeńaty*.

6) Начальное *o* произносится съ призвуконъ *ũ*: *łóces*, *łogón* и т. д.

7) Слѣды долготы: *pádać*, *páda*, *pędźań* и пр. ср. 424.

8) Шипящія *ć*, *ź*, *ź*, *dź* звучатъ какъ *c*, *z*, *s*, *dz*: *poskajće*, *ycoga*, *słyseli*, *juz*, *zál*.

9) Въ зак. г. иногда *vm*. *ř* слышится *z*, *s*: *dobze še tu ksyká*, *trecego roku*; иногда *r* совсѣмъ не смягчается: *b'er*, *b'ere*, *umre*.

10) Согласн. *ch* совсѣмъ не слышенъ; *vm*. него или *h* (придыхательное *g*) или *k* (особенно на концѣ): *hova*, *hudobny*, *ze strachu*, *hléb*, *hodzem*, *uho*; *dak*, *duk*, *byk* (*bych*) *ńe kse*; въ одномъ словѣ *ch = v* (какъ въ сербск. яз.): *suvi*.

11) Твердое *ł* звучитъ какъ *ũ*, *gũova*, *ũadny*; въ заюп. г. обыкновенно *ł* сохраняетъ настоящій свой выговоръ; но иногда и здѣсь *ũ*: *łaska*, *gũos*.

12) Исчезновеніе согласныхъ: *r* въ предлоги *roz*: *ũozlega še*, *ũozdzera*, *kaćmař*; *d*: *garło*; *pole*, *z*: *ra*, *tera*, *zara*; *v*: *šedy*, *šyckę*, *pochalony*, *persi*, *hycić*, *uj*, *ł*: *zjad*, *jabka*, *vźón*, *stanón*; *ć* (ть): *kraś*, *paś*, *iś*.

13) *velgi*, *ślizgo*, *pu* (*vm*. *ku.*), *grabina* (*vm*. *drabina*), *gdova*, *vto*, *vtory* (*ktory*, *Pieniążkowice*).

14) Въ зак. г. иногда удареніе на послѣднемъ слогѣ или на третьемъ слогѣ отъ конца: *slesycę*, *ńe robićę*, *śędzime*, *bęzpeńe*.

15) Въ склоненіи нѣкоторыя характерныя окончанія обусловлены указанными выше свойствами носовыхъ гласныхъ: напр. твор. п. *s ty*, *pańę*, *před tą velgą góga*, *inną drógom* (Z.).

16) Род. п. ед. именъ муж. р.—*a*, жен. р. основъ на—*a* (твердыхъ и мягкихъ)—*e*: *ogroda*, *lasa*, *śńęga*, *kośule*, *vode* (Z.).

17) Въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. наст. вр. вмѣсто носовыхъ гласныхъ—часто указанныя выше замѣны: *vidzem*, *idem*, *ja zrob'e*, *pojade*; *sadzo*, *śędzom*, *b'erom*. Въ 1 л. мн. ч.—возможно окончаніе—

ше: polime, śedzime: рядомъ съ этимъ заимств. изъ двойств. ч. та, ва и для 2 л. та: parijma śe, podźeva.

18) Въ прош. вр. вм. древн. ch—слышится k: bylek, robiłek.

19) Въ прич. прош. вм. i передъ ł выступаетъ ó: puścól, proścól и т. д.

20) Присутствіе въ говорахъ значительнаго количества словъ румынскихъ и отчасти мадьярскихъ (ср. указанныя выше изслѣдованія Л. Малиновскаго).

Образы горальскихъ говоровъ.

I. Jak já se pojade, mńe nie vidadć bedże,
To me tu matula ta vyzéradć bedże.

Vyjahalek v pole orać, jesce nie był dzeń,
Nadesedłem gřecnom pannę, co se plevła len.

Jak já se pojade z Pestu do Budzina.
To se já popije cervonego vina.

Cervone jagody padajom do vody,
Mńe chłopczy kochajom, ja niiman ochoty.

Spivałabyk sob'e chłopaku o tob'e;
Ale sob'e myśle: ej cóz mi po tob'e.

N'e chodźze ty tędy, którędy ja chodze,
Bo ja te drozecke ćerńami zagrodze
(J. Kopernicki, Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XII.
Mater. etnol. 127, 155).

II (Pieniążkowice): Jeden ćoćec miał dvok sínów. Jeden był b'édny i nic ni miał, a drugi był bogaty i miał sićko. I oba śe pozy-nili. No juści ten b'édny pytał ráz tego bogatego, coby mu pozicył volów, ze kce jechać do gąsca. I jakośik jak jechał z góry, zab'eł jednego voła. Juści jak śe ten o tém dovedźał, posed go skařić do masta i pošli oba. I jak vleźli do jedněj karćmy, ten b'édny vźón i

śád do kołyski i zapucył dżeczko, bo go nie wídźał. Juści go i zíd posed do masta za to skařic i jak drógom śli, přišli na jeden most, ki tŗa było bez wodę přechodzić, a kśódz še tam kópáł. On vzon i skocył na tego kśédza i posed go i kśádz do masta skařic (W. Kosiński, Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. V, Mat. etnolog. 197).

III (Skawica). Máła jedna matka sąna, którąmu dáwała přez sesnáście lát ssać. V sesnásty rok posed tąn sąn ku gajovi i prǒbováł go vyrvać. K'edy go zaś ni móg vyrvać pǒvedźał do matki: musis mi matko jesce sesnáście lat dawać ssać, zebyk dřevo vyrváł. Matka mu dawała i az dopyro v 32-gim roku přestáł matką ssać. Był un tak mocny, ze potrafół za dżeśácoro ludzi zrobitć, ale tez i źies (Тамъ же 204).

IV (Skawa). Jecháł chop z drógi i uwiąznał na rǒwnym gośćéncu. Ni móg vyjechać: co tu teraz bede rob'ół sám? Přylecáł djebáł i pǒvádá: jak mi dás tó co ňo tém nie wés tó ci pumoge vyjechać. Ten pǒvádá: cóby ta takego było, cóby já ňo tem nie wédźał, kedy já ňo sitkim wém. Ale tén djebáł še go jeno dopytuje, ci mu jéno dá to, có ňo tém nie wé. A juści skoro ni móg vyjechać, juž mu ňob'ecáł, ze mu dá tó, có ňo tém nie wé. Ten djebáł vžan dźvignął na ramé i vuniós mu ten wóz (Тамъ же 239).

П е р е х о д н ы е г о в о р ы .

Кромѣ чисто-польскихъ говоровъ, которые можно подвести подъ указанныя выше группы, слѣдуетъ отмѣтить существованіе т. н. переходныхъ польскихъ говоровъ, т. е. такихъ, въ которыхъ польская рѣчь отражаетъ на себѣ вліяніе сосѣднихъ родственныхъ языковъ. Сюда относятся: 1) *польско-чешскіе* говоры въ Силезіи (ср. выше о Силезскомъ нар. и указанныя тамъ (стр. 552) работы Быстроны; 2) *польско-словацкіе* говоры въ Тренчинскомъ и Оравскомъ комит. въ Угрии (ср. выше стр. 343—344, указанную тамъ работу Юр. Поливи и *Polština v horní stolici Oravské* (Listy fil. 1885. R. XII) и *Zawilinskiego, Przyczynek do etnografii Górali polskich na Węgrzech—Zbiór. wiad. do antr. kraj T. XVII, 1893 г.*); 3) *польско-русскіе* (т. е. польско-малорусскіе и польско-бѣлорусскіе въ восточной Галиціи, на Волыни и сѣверо-западномъ краѣ (ср. P. Paгуlak, Про-

vincujonalizmu mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach—Zbiór wiad. do antr. kraj T. I, 1877; Baudouin de Courtenay Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskego gub. Grodzieńskiej (Zbiór wiadom. do antr. kr. XVI). Изучение этихъ переходныхъ говоровъ, представляющихъ много любопытныхъ чертъ, къ сожалѣнію едва только начинается.

VII. КАШУБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Кашубы, Словинцы и Кабатки. Вопросъ о самостоятельности Кашубскаго языка.

На южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ низовьевъ Вислы живетъ небольшой славянскій народецъ, Кашубы (по мѣстн. выгов. Кашеби). Часть его, занимающая деревушки около Гардненскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи, носятъ названіе Словинцевъ и Кабатковъ. Вся кашубская территорія лежитъ въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи; именно въ Западной Пруссіи она занимаетъ части уѣздовъ: пуцкаго, вейгеровскаго, верхне - гданскаго, гданскаго городского, картузскаго, косцерскаго (Гданскій округъ), хойницкаго и глуховскаго (Квидзынскій округъ); въ Помераніи— части лемборгскаго, бытовскаго и слупскаго уѣздовъ Кошалинскаго округа (Köslin) и нѣкоторыя мѣстности Штетинскаго и Штральзундскаго округовъ. Изъ нихъ только въ пуцкомъ (Putzig), картузскомъ (Karthaus) и вейгеровскомъ, (Neustadt) уѣздахъ Кашубы живутъ сплошною массой и составляютъ большинство населенія; въ остальныхъ же большинство принадлежитъ Нѣмцамъ. Приблизительно этнографическая граница Кашубіи можетъ быть опредѣлена слѣдующею линіей: начинаясь на сѣверо-востокѣ, выше Каца (на с. отъ Гданска) она идетъ на Ю. Ю.-З. къ Косцерину (Behrendt), далѣе на Ю. Ю.-З. спускается до Хойницы (Konitz); отсюда черта поворачиваетъ на С., переходитъ въ Померанію, проходя черезъ Бытовскій округъ (Bütow) къ Лемборгу (Lauenburg), отъ котораго направляется на З. къ Гардненскому озеру; затѣмъ сѣверная граница идетъ по Балтійскому побережью до Каца на С. В. За предѣлами означенной территоріи наибольшее количество Кашубовъ живетъ въ Америкѣ (въ

Соединенныхъ Штатахъ). Общее число Кашубовъ по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ достигаетъ 250,000 (249,054. Рамултъ); изъ этого числа въ Прусскомъ королевствѣ 187,000 (въ Западн. Пруссіи ок. 155,000 и въ Помераніи ок. 22,000) и въ Америкѣ ок. 66,000. Въ религіозномъ отношеніи народъ распадается на двѣ неравныя группы: около 17,000 (всѣ въ Помераніи)—евангелики, остальные ок. 232,000—католики. Кашубская рѣчь со всѣхъ сторонъ сосѣдитъ съ нѣмецкимъ языкомъ; только на югѣ къ ней примыкаетъ близко родственныи польскій языкъ.

Кашубы—последніе остатки нѣкогда весьма численнаго славянскаго народа Поморянъ, заселявшихъ всю нынѣшнюю Померанію и находившихся въ близкомъ этнографическомъ родствѣ съ другими вѣтвями вымершаго Балтійскаго и Полабскаго славянства; какъ-то съ Бодричами, Лютичами, Ранами, Древлянами, Гаволянами¹⁾ и др. Историческая судьба этого народа сложилась очень печально. Не успѣвъ ни самъ по себѣ, ни въ союзѣ съ другими балтійско-славянскими народами создать самостоятельное государство, брошенные на произволъ судьбы сосѣднимъ сильнымъ братскимъ народомъ Поляками, Поморяне не въ силахъ были оказать сопротивленіе дружному натиску нѣмецкаго племени, которое постепенно овладѣло ихъ землей и истребило большую часть ихъ народности. Потомки древнихъ Поморянъ, нынѣшніе Померанскіе Словинцы и Кашубы, представляютъ собою лишь бѣдное, забитое и униженное населеніе рыбаковъ и крестьянъ со слабо развитымъ національнымъ сознаниемъ. Обще-славянское возрожденіе нынѣшняго столѣтія нашло у Кашубовъ едва замѣтный отголосокъ и почти не повліяло на улучшеніе ихъ національнаго бытія. Въ этомъ отношеніи Кашубовъ нельзя и сравнивать съ соотвѣтствующей имъ по численности сербо-лужицкою народностью, для которой эпоха возрожденія ознаменовалась приобрѣтеніемъ извѣстныхъ правъ для роднаго языка, созданіемъ національной литературы, успѣшнымъ изученіемъ народности, основаніемъ ученолитературныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и т. д. Ничего этого не было и нѣтъ у Кашубовъ. Здѣсь все дѣло ограничилось заботами немногихъ патріотовъ и инославянскихъ ученыхъ объ изученіи кашубскаго языка и немногочисленными, робкими попытками изданія книжекъ

¹⁾ См. ниже Полабскій языкъ.

на народномъ языкѣ (Цейпова, Дердовскій). Такимъ образомъ положеніе кашубской народности и кашубскаго языка по прежнему остается весьма тяжелымъ. Успѣхи германизациі не прекращаются. Народная рѣчь не находя себѣ поддержки ни въ школѣ, ни въ литературѣ, ни среди образованныхъ классовъ, легко поддающихся овѣмеченію, ни даже въ церкви, постепенно исчезаетъ, вымираетъ. Съ другой стороны во многихъ мѣстахъ, гдѣ она еще держится, именно въ католическихъ приходяхъ, она видоизмѣняется подъ вліяніемъ польскаго языка, который черезъ посредство польскихъ молитвенниковъ, книжекъ религіознаго содержанія и церковныхъ проповѣдей особенно усердно распространяется духовенствомъ, справедливо усматривающимъ въ такой пропагандѣ близко родственнаго славянскаго литературнаго языка одно изъ лучшихъ средствъ для борьбы съ германизацией. Поэтому понятно, что наибольшее количество своеобразныхъ особенностей кашубская рѣчь представляетъ на сѣверѣ, въ Помераніи, среди протестантскаго населенія; напротивъ, чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ больше въ ней наблюдается чертъ, сближающихъ ее съ разными польскими говорами.

Вопросъ о томъ, насколько самостоятельное мѣсто занимаетъ кашубскій языкъ въ семьѣ славянскихъ языковъ, служить предметомъ спора между учеными и въ настоящее время не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. По общераспространенному въ польской литературѣ мнѣнію кашубскій языкъ считается то нарѣчіемъ, то говоромъ польскаго языка, при чемъ одни приурочиваютъ его къ великопольскимъ говорамъ¹⁾, другіе къ мазурскимъ²⁾. Однако уже это колебаніе въ сближеніи кашубской рѣчи то съ одними польскими говорами, то съ другими, при отсутствіи послѣдовательно проведенныхъ сопоставленій, возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности указаннаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе оно и теперь имѣетъ защитниковъ среди авторитетныхъ филологовъ. Такъ проф. А. Калина въ своемъ разборѣ „Словаря Кашубскаго языка“ Рамулта, въ которомъ отстаивается противоположный взглядъ, категорически заявляетъ: „Принимая во вниманіе историческое развитіе кашубской рѣчи и сравнивая

¹⁾ Ср. напр. Prace filologiczne II (1887) 314.

²⁾ Такъ думаетъ напр. извѣстный филологъ—этнографъ I. Карловичъ, Wisła VI (1892) 950. Миклошичъ въ своей сравнительной грамматикѣ рассматриваетъ кашубскій языкъ какъ нарѣчіе польскаго языка.

ея особенности съ языкомъ польскимъ необходимо признать за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнiю, что *рѣчь Кашубовъ и Словинцовъ есть дѣйствительно нарѣчiе польскаго языка, а отнюдь не отдѣльный славянскiй языкъ*¹⁾. Иной болѣе близкiй къ истинѣ взглядъ высказалъ еще въ 1859 г. А. Ѳ. Гильфердингъ, которому принадлежать первыя наиболѣе обстоятельныя и точныя наблюденiя надъ языкомъ и народностью Кашубовъ. Отмѣчая фактъ близости кашубскаго языка къ польскому оуъ, однако, не считалъ первый нарѣчiемъ втораго, и главную причину сходства между ними приписывалъ тому обстоятельству, что тотъ и другой языкъ суть лишь равноправныя разновидности одной языковой группы, которой усвоилъ названiе лашской. Вотъ точныя слова знаменитаго слависта²⁾. Нарѣчiе, на которомъ говорятъ эти послѣднiе остатки Прибалтiйскихъ Славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ польскимъ языкомъ. Мы имѣемъ также, въ разныхъ письменныхъ памятникахъ, нѣкоторые обломки нарѣчiя славянскаго населенiя, жившаго въ старину на Эльбѣ и въ Западной части Балтiйскаго моря. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ славянскихъ обитателей Мекленбургiи, Брандебургiи и Люпбургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическiя особенности. Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подтверждаемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что польскiй языкъ и языкъ Прибалтiйскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать лашскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчiя, Польское и Прибалтiйское, точно также какъ, напримѣръ, русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчiя великорусское и малорусское. Языкъ Кашубъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣднiй живой остатокъ прибалтiйскаго нарѣчiя, объемъ котораго въ среднiе вѣка былъ по крайней мѣрѣ равенъ объему нарѣчiя польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли“. Далѣе А. Ѳ. Гильфердингъ утверждалъ, что языкъ Словинцевъ померанскихъ и Кашубъ составляетъ одно нарѣчiе, остатокъ древняго языка При-

¹⁾ Prace filologiczne T. IV (1893) 985, Любопытно, что проф. Калина, по собственному его заявленiю, прежде склоненъ былъ считать кашубскiй за отдѣльный языкъ.

²⁾ См. „О нарѣчiи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубъ“ 12. Остатки славянъ на южномъ берегу Балтiйскаго моря“ Спб. 1862. 80—81.

балтійскихъ Славянъ, но остатокъ на которомъ изгладилась отчасти своеобразная фізіономія этого языка, потому что онъ сохранился только на той пограничной чертѣ, гдѣ рѣчь Прибалтійскихъ Славянъ сливалась съ польскою. Этотъ взглядъ принятъ былъ знаменитымъ А. Шлейхеромъ¹⁾. Признаетъ его вполнѣ правильнымъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ славистовъ нашего времени Бодуэнъ де Куртенэ²⁾. Наконецъ, существуетъ еще третье мнѣніе: кашубскій языкъ, какъ попомокъ языка балтійскихъ Славянъ, признается вполнѣ обособленнымъ отъ польскаго, совершенно самостоятельнымъ славянскимъ языкомъ. Мнѣніе это съ наибольшею опредѣленностью высказано и обосновано г. С. Рамултомъ въ его цѣнномъ сочиненіи „Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego (W. Krakowie 1893). Отмѣтивъ черты различія между польскимъ и кашубскимъ языками, онъ соединяетъ послѣдній вмѣстѣ съ вымершими нарѣчіями другихъ представителей Балтійскаго и Полабскаго славянства въ одну группу *поморскую* и отводитъ этой группѣ особое самостоятельное мѣсто въ семьѣ западно-славянскихъ языковъ на ряду съ допускаемыми имъ другими тремя группами: чешско-словацкой, лужицко-сербской и польской. Книга Рамулта вызвала массу возраженій; многіе почтенные польскіе филологи (напр. Калина) признали мнѣніе автора заблужденіемъ, которому противопоставили какъ безусловно вѣрное старое мнѣніе о принадлежности кашубскаго „нарѣчія“ къ польскому языку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же трудъ далъ поводъ проф. И. А. Бодуэну де Куртенэ еще разъ пересмотрѣть объективно вопросъ о кашубскомъ языкѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1897 г. апрѣль, май „Кашубскій языкъ“, Кашубскій народъ и Кашубскій вопросъ). Выводы, къ которымъ пришелъ почтенный изслѣдователь, заслуживаютъ особаго вниманія. Онъ раздѣляетъ основной взглядъ Рамулта, но принимаетъ его съ разными ограниченіями, которыя приближаютъ его воззрѣнія на спорный вопросъ къ указанному выше мнѣнію Гильфердинга. Онъ принимаетъ самостоятельность кашубскаго языка, именно утверждаетъ „что *вся кашубская языковая область во всемъ свойственномъ ей діалектическомъ разнообразіи должна быть рассматриваема какъ одно цѣлое и про-*

¹⁾ Laut—und Formenlehre der Polabischen Sprache. Petersburg. 1871.

²⁾ См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, апрѣль 344, май 124.

тивупоставлена всей польской языковой области. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Бодуэнъ де Куртенэ допускаетъ значительную степень близости и родства между кашубскою и польскою языковою областью. По его мнѣнію, генеалогическое разстояніе между этими областями ближе, нежели разстояніе между чешскимъ и словацкимъ, между малорусскимъ и великорусскимъ. Степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897. Май 122). Точку зрѣнія Рамулта съ указанными поправками проф. Бодуэна де Куртенэ и нужно признать наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ новѣйшими болѣе точными свѣдѣніями о кашубскомъ языкѣ и польской діалектологіи. Кашубскій языкъ несомнѣнно занимаетъ въ семьѣ славянскихъ языковъ такое же самостоятельное мѣсто какъ языки польскій, чешскій, словацкій, серболужицкій, русскій, сербо-хорватскій и др. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что онъ представляетъ не мало чертъ, встрѣчающихся также въ польскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, и что вообще къ польскому языку онъ стоитъ ближе, чѣмъ къ какому либо другому живому славянскому языку. Эти черты сходства отчасти объясняются близкимъ сосѣдствомъ двухъ языковъ и вліяніемъ польскаго языка на кашубскій, отчасти составляютъ ихъ общее достояніе отъ доисторической поры. Въ частности степень близости между обоими языками представляется мнѣ иначе, чѣмъ проф. Бодуэну де Куртенэ: точнѣе всего она можетъ быть приравнена къ степени близости, существующей между чешскимъ и словацкимъ языками; ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ. Разстояніе между чешскимъ и словацкимъ значительно дальше, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіями. Великорусскую и малорусскую рѣчь никакъ нельзя признать обособленными другъ отъ друга, вполне самостоятельными языками, въ противоположность напр. языкамъ чешскому, польскому, сербо-хорватскому; это только нарѣчія или разновидности одного русскаго языка или (по терминологіи проф. Бодуэна де Куртенэ) одной русско-польской языковой области. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о верхнелужицкомъ и нижнелужицкомъ нарѣчіяхъ: и они представляютъ собой

разновидности одной сербо-лужицкой языковой области¹⁾. Напротивъ словацкій и кашубскій языки должны быть признаны за отдѣльные самостоятельные славянскіе языки, что однако, не исключаетъ извѣстной близости перваго изъ нихъ къ чешскому, втораго—къ польскому, какъ существуетъ подобная же близость напр. между сербо-хорватскимъ и словинскимъ, чешскимъ и серболужицкимъ и т. д.

2. Изученіе кашубскаго языка.

Первый обратилъ вниманіе на забытый кашубскій народъ и кашубскій языкъ извѣстный гданскій пасторъ Целестинъ Мронговіусъ; въ своихъ *Baltische Studien* онъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кашубахъ а въ „Нѣмецко-польскомъ словарѣ“ (1823), указалъ на родство кашубскаго языка съ древне-поморскимъ и „вендскимъ“ (т. е. полабскимъ), а также привелъ нѣсколько десятковъ характерныхъ кашубскихъ словъ. Но первыми болѣе или менѣе точными свѣдѣніями о кашубскомъ языкѣ наука обязана наблюденіямъ и трудамъ извѣстныхъ русскихъ славистовъ П. И. Прейса и А. Θ. Гильфердинга.

Прейсъ посѣтилъ Кашубію въ 1840 г. и тогда же сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ кашубскимъ языкомъ въ отчетѣ. г. Министру Народнаго Просвѣщенія, напечатанномъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за тотъ же годъ. Эта статья въ томъ же году явилась польски въ журн. *Magazyn powszechny*, а черезъ десять лѣтъ (1850), на кашубскомъ языкѣ въ книжкѣ, составленной Флор. Цейновой (псевдон. *Wójkasen*), *Kile slov wò Kaszebach*. Прейсъ указалъ важнѣйшія особенности кашубскаго языка, преимущественно отличающія его отъ польскаго, и сообщилъ небольшой сборникъ кашубскихъ словъ и выраженій.

А. Θ. Гильфердингъ исходилъ пѣшкомъ почти всю кашубскую землю лѣтомъ 1856 г. Собранныя имъ этнографическія и лингвистическія данныя долгое время оставалось важнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о кашубскомъ языкѣ и народѣ и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе. Въ сжатомъ изложеніи они появились въ *Извѣстіяхъ* П-го отдѣленія Академіи наукъ за 1859 г. (1 вып. VIII-го тома), а нѣсколько позже были обработаны въ большомъ трудѣ „Остатки Сла-

¹⁾ Ср. ниже, *Сербо-Лужицкій языкъ*.

вянь на южномъ берегу Балтійскаго моря“ (Этнографическій сборникъ, изданный Импер. Географ. Общ. Т. V, 1862 г. и отдѣльною книгой): здѣсь находятся этнографическое описаніе кашубской народности, характеристика кашубскаго языка, образцы народныхъ говоровъ и словарь.

Руководителемъ Гильфердинга во время его странствованій по кашубской землѣ былъ мѣстный патріотъ докторъ Флоріанъ Цейнова, самъ оказавшій большія услуги дѣлу изученія родного языка и народа. Проникнутый пламеннымъ желаніемъ всячески содѣйствовать пробужденію у Кашубовъ національнаго самосознанія, Цейнова (подъ псевдонимомъ Войкашинъ) усердно занимался этнографическими изученіями; какъ-то записывалъ народныя пѣсни и сказки, собиралъ матеріалы для кашубскаго словаря, сочинилъ букварь и коротенькую грамматику кашубскаго языка, издавалъ книжки на народномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ своихъ этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ онъ посылалъ въ изданія русской Академіи наукъ, другія печаталъ на мѣстѣ (см. ниже). Особенно важны его: *Skôrb koszebskosłowjnskje mówné* (1866—68), *Sbjór pjesnj svjatovih* (1878), *Zarés do gramatikj kašebkosłowjnskje mówné* (1879) и др.—Имя Цейновы пользуется среди Кашубовъ вполне заслуженно всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ.

Продолжателемъ Цейновы въ книжной обработкѣ кашубскаго языка выступилъ Герон. Дердовскій (*Jagosz Dyrda*), которому принадлежитъ нѣсколько художественныхъ произведеній, какъ то *Jaziek z knieji*, *O rani Czolińscim* и др. Изданія этихъ произведеній нерѣдко сопровождаются цѣнными замѣчаніями автора о кашубскомъ языкѣ или нѣкоторыхъ его говорахъ. Книжками Цейновы и Дердовскаго собственно и исчерпывается вся кашубская литература. Впрочемъ въ произведеніяхъ этихъ писателей народный кашубскій языкъ не отличается безуворизненной чистотой, къ нему примѣшивается не мало полонизмовъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ труда Гильфердинга почти пятнадцать лѣтъ не появлялось въ печати ничего новаго и цѣльнаго по кашубскому языку. Только въ 1873—74 г. въ „Филологическихъ запискахъ“ была напечатана работа. А. Стремлера „Фонетика кашеб-

скаго языка; она основана главнѣйше на матеріалахъ, изданныхъ Гильфердингомъ и Цейновой, не отличается научнымъ характеромъ и вообще даетъ мало новаго.

Равнымъ образомъ исключительно на матеріалѣ Гильфердинга построена тщательная работа Др. Я. Гануша о носовыхъ гласныхъ въ кашубскомъ (1880). Тоже надо замѣтить о менѣе обстоятельной главѣ „о носовыхъ звукахъ кашубской рѣчи“ въ сочиненіи Крынскаго „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“ (Варшава, 1870).

Нѣкоторое оживленіе въ области изученія кашубскаго языка наблюдается только въ 80-хъ годахъ; оно продолжается и въ настоящемъ десятилѣтіи. Изъ новыхъ трудовъ на первомъ мѣстѣ безспорно нужно поставить книгу г. Стеф. Рамулта (Stefan Ramułt) Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego (1893) Она содержитъ не только первый обстоятельно составленный на основаніи личныхъ наблюденій словарь кашубскаго языка, но сверхъ того любопытное введеніе, въ которомъ сообщаются цѣнныя свѣдѣнія о Кашубахъ и разбирается вопросъ о самостоятельности кашубскаго языка, и наконецъ въ приложеніи — точно записанные образцы народной рѣчи. Какъ бы ни относиться къ общимъ взглядамъ автора (см. выше), нельзя не признать его трудъ замѣчательнымъ явленіемъ филологической литературы: содержащійся въ немъ матеріалъ существенно обогатилъ имѣвшіяся въ наукѣ свѣдѣнія о кашубскомъ языкѣ, главнѣйше о среднемъ (картузско-вейгеровскомъ) нарѣчій. Менѣе удачно составлены явившіеся раньше словари кашубскаго языка — П о л о ц к а г о (Chełmno 1887; въ введеніи данъ коротенькій обзоръ фонетики сѣвернаго нарѣчія) и Л. Б и с к у п с к а г о (псевдон. Berka, 1891); изъ нихъ послѣдній вполнѣ, а первый въ бѣльшей своей части представляютъ лишь сводъ предшествующихъ словарныхъ работъ. Въ томъ и другомъ особенности языка сглажены внижно-польскимъ правописаніемъ. Л. Бискупскому сверхъ того принадлежитъ небольшая работа по фонетикѣ средняго нарѣчія, или точнѣе одного говора — въ окрестностяхъ Бродницъ (Beiträge zur Slavischen Dialektologie, Leipzig, 1883).

Южному нарѣчію и общимъ вопросамъ о кашубскомъ языкѣ отводится значительное мѣсто въ книгѣ Н а д м о р с к а г о Kaszuby i Koszewie (Poznań, 1892), содержащей въ себѣ, между прочимъ, пѣсни Кашубовъ. Сѣверное нарѣчіе (говоръ т. н. Быляковъ) тщательно обследовано въ работѣ г. Г. Броняша (Arch. f. Slav. Phil. XVIII, 1896).

Наконецъ, проф. Бодуэну де Куртене принадлежит упомянутая выше весьма цѣнная работа, въ которой строго научно и вполне объективно пересматривается общій вопросъ объ отношеніи кашубскаго языка къ польскому и дается разборъ характеристическихъ особенностей перваго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1897 г.).

Если къ приведенному перечню прибавить мелкія критическія статьи и замѣтки Гануша, Карловича, Крынскаго, Л. Малиновскаго, Зембжицкаго, Степовича и др., то будетъ отмѣчено, кажется, все, что представляетъ научная литература въ области изученія кашубскаго языка.

Въ общемъ это изученіе, конечно, нельзя признать ни полнымъ, ни обстоятельнымъ. Сравнительно больше сдѣлано для словаря. Грамматики же кашубскаго языка до сихъ поръ нѣтъ. Многія любопытныя явленія языка, какъ различіе количества гласныхъ, своеобразное удареніе и др. совсѣмъ не обследованы. Точныхъ образцовъ народнаго языка издано все еще очень мало и данныхъ для описанія и классификаціи кашубскихъ говоровъ пока весьма недостаточно. Впрочемъ, утѣшительно уже то явленіе, что за послѣднее время и этотъ своеобразный языкъ маленькаго заброшеннаго славянскаго народа все больше привлекаетъ къ себѣ пытливыхъ и любопытныхъ славистовъ. Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ можно ожидать появленія новыхъ прекрасныхъ трудовъ въ родѣ книги г. Рамулта и вызваннаго ею изслѣдованія проф. Бодуэна де Куртене.

C. M r o n g o v i u s, 1) Słownik niemiecko-polski Danzig 1823; 2) Bałtische Studien. 1828.

И. И. П р е й с ъ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1840). Польскій переводъ въ журн. Magazyn powszechny. Warszawa 1840; кашубскій въ книжкѣ, изданной Флор. Цейновой Kile słow wò Kaszebach ejich zemi przez Wòjka-sena. Tudzież rzecz o języku kaszubskim ze zdania sprawy Prajsa. Kraków 1850.

А. Э. Г и л ь ф е р д и н г ъ, 1) О нарѣчїи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубъ. Спб. 1859. (Извѣстія II-го отдѣленія Академіи Наукъ VIII т. 1-й вып.); 2) Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря Спб. 1862 (Этнографическій Сборникъ, изданный Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Вып. V).

Florian Cędoва (Vòjkasin), 1) Образцы кашебскаго нарѣчія. Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Л. VI. Прибавленія къ Извѣстіямъ Императорской Академіи Наукъ. Т. III. 1853; 2) Сборникъ основныхъ словъ кашебскаго нарѣчія (Матеріалы до сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Вып. V. Изданіе Импер. Акад. Наукъ); 3) Skôrb kaszebskosłowjnskje mòvé, 1,—3. 1866—1868; 4) Хаѣѣчка dla Kašebow přez Wojkasena, ve Gdansku 1852; 5) Sbjór pjesnj svjatovih. które lud słovjanskj v królestvie pruskjm spyjévacj lubj. V Svjecju nad Vjsłą 1878; 6) Zarès do gramatikj, kašebsko-słowjnskjè mòve napjsěl é véděl Dr. F. C. Vòjkasin ze Sławòšéna. V Poznanju 1879; 7) Kile slov wò Kaszebach e jich zemi przez Wòjkasena. Kraków 1850; 8) Pjnc głownech wòddzalov evangjelickjeho katechizmu, z njemjeckjeho na kašebsko-słowjenskj jèzek przełożel Wòjkasin r. 1861. V Svjecju nad. Vjsłą; 9) Rozmova Pólocha s Koszebą napjsano przez s. p. Xędza Szmuka z Pucka, a do dreku pòdano przez Sena Wójkvojca ze Sławoszena r. 1850, 2-e изд. 1865.

Ieron. Derdovski (Jarosz Dyrda); 1) Jasiak z knieji. Toruń 1885; 2) O panu Czorlińsim co do Pucka po sece jachoł. Zełgoł dlo swoich družow kaszubściech. Toruń 1880; 3) Kaszube pod Wiednem, na dwusetną roczezną oswoobdzenio Mniemców i krzescyjaństwa od turećiego jertzna w roku pańskim 1683. Toruń 1883.

П. Стремлеръ. Фонетика кашебскаго языка (Филологическія записки. Воронежъ 1873 вып. 3, 1874 вып. 1).

Крынский. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава 1870.

J. Napusz. O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów. (1880 Rozprawy Wyd. filologiczn. Akad. Umiejętn. W Krakowie T. VIII).

Leon Biskupski (псевдон. Berka) 1) Beiträge zur slavischen Dialektologie. I Die Sprache der Brodnitzer Kaschuben im Kreise Karthaus I. Heft. Die Lautlehre. Abtheilung I. Leipzig 1883. Ср. рецензію Ягича въ Arch. f. slav. Phil. B. VIII (1885) и Гануша въ Prace filol. T. I. z 1. (1885); 2) Słownik kaszubski porównawczy. Warszawa 1891 (Prace filologiczne T. III).

G. Poblocki. Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno. 1887 ср. рецензію Я. Карловича въ Prace filol. T. II z. 1. 1887.

Nadmorski Dr. Kaszuby i Kociewie. Język zwyczaję, przesady, podania, zagadki i pieśni ludowe w północnej części Prus Zachodnich—Poznań 1892 (начало этого труда въ Журн. Wisła VI (205)).

Stef. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1892 (Изданіе Академіи Наукъ).

G. Bronisch. Kaschubische Dialektstudien (Arch. f. Slav. Phil. X VIII (1896)).

A. Kalina. Mowa kaszubska jako parzeczce języka polskiego (по поводу вышеуказаннаго труда Рамулта). Prace filol. T. IV (1893), z. 3.

И. А. Бодуэнъ де Куртене. Кашубскій „языкъ“, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ“. 1897 (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897. Апрѣль, Май).

J. Sembrzycki. Przyczynek do parzeczca kaszubskiego (по поводу кашубскихъ словъ въ словарѣ Мронговіуса). Prace filol. T. III (1889) z. 1.

А. И. Степовичъ. Изъ семасіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашебскаго нарѣчія (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1896 г.).

3. Говоры Кашубскаго языка.

Кашубскій языкъ складывается изъ довольно значительнаго числа болѣе или менѣе характерныхъ говоровъ. Точная классификація ихъ при современномъ состояніи кашубской діалектологіи весьма затруднительна. Однако, слѣдуя наблюденіямъ Рамулта, можно различать три группы говоровъ: сѣверную, среднюю и южную.

Сѣверная группа обнимаетъ рѣчь Словинцовъ и Кабатковъ въ слупскомъ уѣздѣ, говоръ полѣбскихъ кашубовъ въ сѣверо-восточной части лемборгскаго уѣзда, жарновскій говоръ въ сѣверо-восточной части лемборгскаго уѣзда и сѣверо-западной пущаго, нарѣчія Быляковъ на островкахъ (своржевскомъ, пущкомъ и оксывскомъ) и говоръ Рыбаковъ на Гельскомъ полуостровѣ. — Какъ наиболѣе характерныя особенности говоровъ этой группы можно отмѣтить слѣдующія: 1) сохраненіе первичныхъ *k'*, *t'* вм. общекашубск. *ć* и *ć'*, *ǫ* вм. общекашубск. *dź*: *matki*, *paŋi*, *piŋ sadet*; 2) болѣе частый чѣмъ на югѣ переходъ *u* въ *o*, *i* въ *é* (сжатое *o*, близкое къ *i*) *a*, *o* въ *i*, *é*, напр. *heta*, *brekœvac*, *é* (союзъ *u*) *prîsc*, *svicony*; 3) частое исчезновеніе *j* на концѣ: *roetago*; 4) род. п. ел. ч. мѣстоимен. и сложн. св. на *wo* или *ho*, *œ*: *dobrœwo*, *dobrêho*, *dobre*; 5) твердое *l* звучитъ какъ въ литературномъ польскомъ яз., *z* у Словинцевъ и Быляковъ какъ среднее, чешское *l*. — На одномъ изъ сѣверныхъ говоровъ, именно на жарновскомъ, писалъ Флор. Цейнова. Говоры Быляковъ (особенно гов. Хейстернеста) научно описаны Бронипемъ (*Archiv f. Slav. Phil.* XVIII. ср. выше).

Къ средней группѣ относятся говоры наибольшей части кашубской земли, именно южныхъ окраинъ пущаго уѣзда, почти всего вейгеровскаго и картузскаго уѣздовъ и части гданскаго. Это среднее

кашубское нарѣчіе охарактеризовано въ трудѣ Рамулта (Słownik języka pomorskiego). Какъ самое распространенное, оно будетъ выдвинуто на первое мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи. Одна изъ особенностей его *é, dź* вм. *k' t', g' d'*.

Южная группа обнимаетъ говоры бытовскаго уѣзда въ Помераніи и трехъ уѣздовъ Западной Пруссіи—кощерскаго, глуховскаго и хойницкаго. Нѣкоторыя особенности: 1) *ě, ěj, dź, dźj* вм. *k', t', g', d'* рядомъ съ *é, dź*, напр. *matěi, padzi*; 2) господство носов. *ą*, напр. *są, gaą*; 3) вм. *j-ja*, или *in, un*, напр. *prąs, flinta*; 4) *u, u, om, om, um* вм. *o*: *muż, dobróm c'órkę*, 5) удареніе предпочтительно на первомъ слогѣ какъ въ чешскомъ. На южномъ нарѣчіи писалъ Герон. Дердовскій; впрочемъ онъ пользовался общепольскою книжною графикой и вносилъ въ свой языкъ не мало полонизмовъ; поэтому произведенія этого писателя не точно воспроизводятъ южно-кашубское нарѣчіе.

4. Звуковыя особенности.

А. Графика.

Кашубская графика еще не установилась, что и понятно, такъ какъ и кашубскаго литературнаго языка пока не существуетъ: имѣются лишь немногочисленныя попытки литературной обработки отдѣльныхъ говоровъ. Кашубскому языку свойственно значительное количество характерныхъ звуковъ, но въ обозначеніи ихъ еще не достигнуто единства. Писатель Дердовскій и многіе изслѣдователи кашубскаго языка (напр. Поблоцкій, Бискупскій и др.) пользовались польскою графикой (литературнаго языка), конечно, недостаточной для передачи всѣхъ кашубскихъ звуковъ. Другіе сверхъ того обращались къ инымъ азбукамъ и сами придумывали особые знаки; такъ Цейнова кромѣ нѣсколькихъ буквъ съ діакритическими знаками придумалъ, между прочимъ, для *ě* начертаніе, напоминающее русское скорописное *ч*. Новѣйшіе изслѣдователи Рамультъ и Бронишь выработали каждый свою особую систему знаковъ, съ помощью которыхъ фонетическія особенности кашубскихъ говоровъ воспроизводятся довольно точно. Система Брониша, составленная по Сиверсу представляетъ больше знаковъ чѣмъ система Рамулта; но въ той и другой критика признала нѣкоторые знаки излишними и неудачными.

Въ виду такого разногласія въ обозначеніи кашубскихъ звуковъ въ настоящемъ трудѣ, имѣющемъ общій характеръ, едва ли удобно пользоваться какою-либо изъ названныхъ системъ въ полномъ ея видѣ. Это представило бы большія затрудненія и въ типографскомъ отношеніи. Здѣсь будетъ достаточно ограничиться воспроизведеніемъ всѣхъ основныхъ и характерныхъ звуковъ. Относительно болѣе мелкихъ оттѣнковъ въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ по разнымъ говорамъ необходимыя справки можно найти въ указанныхъ специальныхъ работахъ. При обозначеніи кашубскихъ звуковъ мы пользуемся по возможности общеизвѣстными знаками западно-славянской діалектологіи; впрочемъ, гдѣ слѣдуетъ, указываются и знаки изъ системы Рамулта и Брониша.

Такимъ образомъ для передачи звуковъ кашубскихъ говоровъ можетъ служить слѣдующая система знаковъ:

1) для гласныхъ: а, á, ą, à, е, é, è, ê, ę, i, í, j, o, ó, ô, ǫ (оѳ или ǫѳ), ɔ, ɛ, ú, ũ, ɥ, ŷ, ɹ, ɺ.

2) для согласныхъ: b, b' c, ó, ô, d, d', dz, dź, dż, f, f' g, g', h, ch (x), ch' (x'), j, k, k' l, l, m, m', n, ń, p, p', r, ř, s, ś, t, t', w, v, ɥ, z, ź.

Начертанія á, é, í, ó, ũ обозначаютъ долгіе гласныя; онѣ звучатъ какъ протяжныя (какъ бы удвоенныя) а, е, і, о, ı. Бронишь прибавляетъ еще ũ, т. е. долгое ũ. Рамултъ обозначаетъ долгія гласныя посредствомъ грависа, который ставитъ только надъ тремя буквами: à, è, ó. Знакъ акута слѣдуетъ предпочесть въ виду примѣненія его въ чешской и словацкой алфавитѣ.

Начертанія ą, ę, j, ɔ, ɛ, ũ, ɹ, ɺ обозначаютъ носовыя а, е, і, о, ı, ũ, ɹ; послѣднихъ двухъ начертаній у Рамулта нѣтъ; ихъ указываетъ Бронишь.

Начерт. è (Рамултъ é, Бронишь ê) обозначаетъ краткое сжатое е, приближающееся къ і или ɹ (tè, mè).

Начертанія ô и õ (у Рамулта ô, õ) обозначаютъ близкіе между собой долгіе гласныя, напоминающіе нѣмец. õ въ schön или франц. eu въ bleu; изъ нихъ первый фонетически ближе къ е, второй къ о. Бронишь различаетъ два долгихъ õ (ô-закрытое глухое (какъ въ нѣм. schön) и õ-закрытое палатальное (какъ въ нѣмец. öl) и противопоставляетъ имъ краткое открытое õ (какъ въ нѣмецк. Völker); сверхъ того Рамултовскому ô у него соотвѣтствуетъ также ó, но въ значеніи долгаго закрытаго гортаннаго о.

Начерт. **œ** обозначаетъ двугласный звукъ, въ которомъ слышатся **o** и **e**, но **e** беретъ перевѣсъ надъ **o**; въ быстрой рѣчи оно звучитъ какъ **ïe** (*tœbje, ðekno*). Бронишь оспариваетъ правильность знака **œ**: онъ увѣряетъ, что гласный **o** въ этомъ дифтонгѣ нигда не слышится; оно произносится какъ **ïë**, при чемъ удареніе падаетъ на **ï**.

Начерт. **ü** звучитъ какъ нѣмецкое **ü** или франц. **u** (*tü*).

Кромѣ указанныхъ гласныхъ, Бронишь различаетъ въ кашубскомъ вокализмѣ слѣдующіе: 1) рядомъ съ долгимъ и краткимъ **a**, **e** онъ признаетъ полудолгія **a**, **e**, **o** долгое открытое и закрытое; 2) **i** (долгое и краткое) нѣбное и гортанно-нѣбное; 3) **o** (краткое и долгое) открытое, закрытое и узко-закрытое (*verengt-geschlossenes*).

Начертанія **č**, **ž**, **š** соотвѣтствуетъ кирилловскимъ **ч**, **ж**, **ш**.

Надстрочный знакъ обозначаетъ мягкость согласныхъ: **b'**, **p'**, **ń** и т. д.

Начертаніе **ł** означается твердое **л**, которое во многихъ говорахъ звучитъ какъ краткое **ü** (**w**); **ł**-мягкое **л** и въ нѣкоторыхъ говорахъ среднее.

Начертаніе **ř** обозначаетъ мягкое **р**, которое звучитъ какъ **ж** (или **ш**), предшествуемое легкою вибраціей приподнятаго конца языка. Кашубское **ř** занимаетъ средину между чешскимъ и польскимъ **ř**.

Буева **w** обозначаетъ звукъ близкій въ краткому **u** и можетъ быть замѣнена **ü** (*übvz*).

Б. Г л а с н ы е.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ кашубскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) различіе долготы и краткости гласныхъ; 2) исчезновеніе глухихъ и переходъ ихъ въ **e**; 3) широкое развитіе носовыхъ гласныхъ и частная замѣна древнихъ носовыхъ чистыми; 4) своеобразные гласные **ö**, **õ**, **œ**, **ü**; 5) переходъ многихъ исконныхъ гласныхъ въ **e** разныхъ оттѣнковъ, именно: **a**, **u**, **i**, въ **e**; **i**, **y** въ **ë**; 6) старослав. **č**=**o**, **é**, **è** и **a**, **o**, **õ**; 7) переходъ основн. **a** подъ вліяніемъ долготы въ **õ**, **o** (**õ**); 8) переходъ краткаго **o** подъ вліяніемъ губныхъ и заднеязычныхъ въ **œ**; 9) отождествленіе **y** съ **i**; 10) сохраненіе первичнаго порядка звуковъ въ сочетаніяхъ типа **tart** (праслав. **tort**).

1) *Доміе гласныя*. Въ кашубскомъ яз. ясно чувствуется различіе между краткими и долгими гласными. Тогда какъ въ польскомъ языкѣ сохранились лишь слѣды прежнихъ долготъ въ т. н. наклоненныхъ или сжатыхъ гласныхъ, въ кашубскомъ наблюдаются настоящія долготы, какъ въ чешскомъ, словацкомъ и сербо-хорватскомъ яз. Рамуль отмѣтилъ существованіе долгихъ а, а, е, о и считаетъ только долгими ѓ, ѓ; Бронишъ признаетъ различіе въ количествѣ также для і, и, ѳ и допускаетъ рядомъ съ долгимъ и краткое ѓ; сверхъ того по мнѣнію Брониша а и е могутъ быть не только краткими и долгими, но еще полудолгими; ѓ всегда кратко. Примѣры: а: 1) въ окон. 1, 2, 3 л. ед. ч. жен. р. и 1, 2 л. двойств. ч. прош. вр. jō jem dá (я дала), tē jes dá, wсena dá, ma jesma dá, wa jesta dá, mabe jesma dá, mabjesma dá, mabєsma dá (мы двое дали бы); 2) въ слогахъ, происшедшихъ изъ стяженія двухъ или болѣе слоговъ вслѣдствіе исчезновенія гласнаго, соотвѣтствующаго старослав. ѡ, ѡ: dątk, brątk, pœdątk, gózánc mątk.; а: jō jem vzá., pœcá., е: 1) въ сложномъ склоненіи: dobré, dobrégoe, lèché kœñe; 2) въ склоненіи именъ средняго рода на -ije (-ѓ): žècè, žècégœ; 3) во всѣхъ случаяхъ, когда е соотвѣтствуетъ старослав. я: spév, b'édа; 4) въ слогѣ нѣ въ словахъ: nétoni (въ за-прошломъ году), névitro (послѣ завтра), néchto, néco и др.; 5) въ словахъ, заимствованныхъ изъ ниже-нѣмецкихъ нарѣчій, въ которыхъ это е уже является долгимъ: mést, méster, véda (пастбище) и др.; і: śíl, ųrócłl, jíc, genłl; ѓ: król, kón, chłbra, króva; ѓ: jōden, jōzogo; ѳ: tú, tlúk, kúr и др. Во многихъ случаяхъ долгіе гласныя, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, возникли вслѣдствіе стяженія. Нерѣдко долгіе гласныя находятся подъ удареніемъ.

2) *Праславянскія ѡ, ѡ* или исчезли или замѣнились яснымъ е: dzeń, dńа, sen, sne. Тоже въ польскомъ и чешскомъ яз. Иногда исчезновеніе ѡ, ѡ наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соотвѣтствующій гласный; именно между двумя согласными, изъ коихъ второй k, c или s: datk, majotk, dobètk, dómk, dvórk, ófs, wuèfc, junc, véhc.

3) *Носовыя гласныя* составляютъ весьма обычное и распространенное явленіе въ языкѣ, какъ и въ сосѣднемъ польскомъ. Но относительно степени развитія ринезма только нѣкоторые польскіе говоры (особенно силезскіе) можно сближать съ кашубскими говорами. Тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ употребленіе носовыхъ все же болѣе по-

слѣдовательно и случаи паденія ринезма менѣе часты. Этою своею чертою кашубскій яв. быть можетъ, стоитъ ближе къ праславянскому, чѣмъ старославянскій и польскій (особенно книжный). Въ кашубскихъ говорахъ установлено существованіе слѣдующихъ носовыхъ гласныхъ: а, е, о, ы, і, у, ѳ; изъ нихъ а, е, о во многихъ случаяхъ нужно признать исконными; нельзя сказать того съ увѣренностью относительно і, у, ы. Всѣ носовые могутъ быть вторичнаго, позднѣйшаго происхожденія. Въ частности развитіе носовыхъ гласныхъ, ихъ чередованіе и взаимныя отношенія не разъяснены. Глас. а одинаково соотвѣтствуетъ старослав. ѡ, ѡ, польск. o и e: maąa, gaąa, gaś, śescdzesať, sądzec, żadać, bađzè, celat, jazek; вторичнаго образованія: Aton, ta hađel, testamať и др. Гласн. е слышится гораздо рѣже, чѣмъ въ польскомъ; вм. него возможно не только э, но і; напр. pje, pjdżesať, dzevjc, dżesjc; чаще е вторичнаго образованія: paņe, Boęe, dżecę (твор. п.). Гласн. о (=праслав. o) соотвѣтствуетъ старослав. ѡ: mođri, moąa, dvignoc, b'alko b'efo, koť; вторичн. обр. stród, toć. Гласн. ы иногда вм. о: muż, zkud, pqud; вторичн. обр. buť, kušť.—Гласн. і соотвѣтств. старослав. и: pje, dzevjc; но въ говорѣ Хейстернеста pšinc; dzevinc; втор. обр. fljta, pjt (фунтъ). Разложеніе носовыхъ гласныхъ и переходъ ихъ въ чистые (именно на концѣ словъ) наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ, (напр. въ говорѣ Кусфельда и Цейновы, деревень на полуостровѣ Гелы). По свидѣтельству Гильфердинга, иногда въ одной и той же мѣстности носовые гласные звучатъ различнымъ образомъ; напр. ja bađa, ja bođa, ja buđa, ja bodo, ja budu; или zamb, zumb, zob, zub.— Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается повсемѣстная, довольно любопытная замѣна исконныхъ носовыхъ чистыми; именно: 1) старослав. ѡ, польск. o соотвѣтствуетъ i: dic (дѣи); 2) старосл. ѡ, польск. (i)e, (i)o соотвѣтств. í, или è: dżíc, míc, jíc (польск. jać) p'íc, p'řisc, t'řisc p'ředa, t'řesa; въ числительныхъ порядковыхъ съ суф. =старослав. атым, гласный соотвѣтствующій а отсутствуетъ: śescdżesti (по analogii dvadzesti).

4) *Праслав.* а=о, ѡ, е, ё. Праславянское а подъ вліяніемъ долготы часто переходитъ въ закрытое о въ однихъ говорахъ (напр. въ Хейстернестѣ) и въ ѡ (Рам. ѡ) въ другихъ: mo, godo, goda, dono, polerpi, dvanosce или mō, gödō, gödā, dōnō, pōlerpi, dvanōsce. Это явленіе соотвѣтствуетъ польскому переходу а въ сжатое á (близкое по выговору къ о

ср. выше стр. 417). Сверхъ того подъ вліяніемъ согласныхъ происходятъ слѣдующія измѣненія исконнаго а: 1) а переходитъ въ е послѣ г: gek, gedosc, gepo, pægenk, gena, geńic, geńa; 2) а передъ і измѣняется въ ѣ (Рам. ѣ): dęł, gödęł, męły, gęłka, fęłš, admiręł.

5) *Соотвѣтствія старослав.* ѣ. Старослав. * соотвѣтствуютъ: 1) е, ё, ѣ, на концѣ словъ и внутри, передъ губными, гортанными и мягкими согласными; 2) іа, а, о, ѓ внутри словъ передъ твердыми согласными; напр. lése, slerè, b'eda, jém, séc; ѣ выступаетъ передъ і: b'ęły, męł, wimęł, chcęł; mąsto, sósod и sósöd, scana, scop. Гласные ѣ, о, ѓ развились изъ первичнаго а (ср. выше пунктъ 4). Ср. соотвѣтствія * въ польскомъ яз.

6) *Праслав.* и=е. Праславянскому и послѣ согласныхъ переднеязычныхъ t, d, l, l, n, r, ř, š, ž, č, s, z, соотвѣтствуетъ е, но преимущественно въ открытыхъ слогахъ: tečes, deša, tgera, cede (чуда), lede (=ludu), trede, rapēja (panuja), šemec, čec (чуть), sekńa; но sud, (чудо) trud, lud. Бронияшъ (Arch. f. Slav. Phil. XVIII. 331) въ противоположность Рамулу, утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ вм. ѓ слышится не е а ѣ (или по его графич. системѣ ѣ). Кто изъ двухъ наблюдателей правъ—трудно сказать.

7) *Праслав.* і=ѣ (Рам. ё, Брон. ѣ краткое сжатое е, приближающееся къ і (у). Праславянскому і послѣ с, dz, l, s, z, č, š, ž, ř, преимущественно въ слогахъ открытыхъ соотвѣтствуетъ ѣ: macęsa, vęcępac (вырѣзывать), v sercę, dzęvu dzęvic są, palęsa, sęvu, prosęc, zęma, žęc, chvalę, strašę и т. п.; но dziv, zimk (весна), čin, gobi, gobima и т. д.

8) *Праслав.* і=ѣ. Праславянскому і въ причаст. прош. вр. на -і послѣ мягкихъ b', p', f', v', j', m', n соотвѣтствуетъ е: b'ęł (билъ), p'ęł, brojęł, geńęł, jegła.

9) *Праслав.* м=і или ѣ. Праславянское м, отчетливо представленное въ русскомъ и польскомъ языкахъ, въ кашубскомъ языкѣ слышится очень рѣдко. Во многихъ говорахъ (у Словинцевъ Быляковъ) оно почти всегда сливается съ і. Въ среднемъ нарѣчій вм. у слышится і послѣ t, d, s, r, ch: młodi, chitri, bęwi, tidzeń. Напротивъ послѣ b, p, v, m, n, l, r праславянскому м соотвѣтствуетъ ѣ (Рам. е): bęcac, bęcło, рęcny, vęcęchac, гęcęc (рыбы), kęcęcna, vęcęcac. Только въ южныхъ говорахъ у произносится близко къ польскому.

10) *Праслав.* краткое о=œ. Праславянскому краткому о послѣ губныхъ и гортанныхъ (заднеязычныхъ) b, p, m, v, f, k, g, h, ch, соответствуетъ свѣбразный звукъ œ (Бронишь ũé): bæ, Вœга, рœ, мœва, мœга, вœда, вœсмѣ, гœ.

11) *Гласн.* ũ (напоминающій по выговору нѣмецкое ũ) слышится во многихъ говорахъ въ закрытыхъ слогахъ какъ рефлексъ праславян. u и o: trũp. mũr, skœũpa, tũ, kũnc (конецъ).

12) *Гласн.* e обыкновенно смягчаетъ предшествующій согласный, какъ въ польскомъ и русскомъ языкѣ (литературномъ, великорусскомъ и бѣлорусск. нарѣчїи); но z, s остаются твердыми; напр. *ŕezc, ĩesc, sedme, serp, zeĩna, zebé.* Передъ твердыми согласными: t, d, z, s, v, r, ĩ праслав. e расширяется въ o, при чемъ сохраняется мягкость предшествующаго согласнаго; напр. *ŕezc, ŕoza, ŕóz, ĩesc, ĩosa, ĩós, ĩesc, ĩota, sostra, rodzoni.* Ср. польскій языкъ 419.

13) *Праслав.* tort=tart Въ корневыхъ сочетанїяхъ праславянскаго гласнаго o (или a) со слѣдующимъ согласнымъ r между двумя другими согласными сохраняется древнїй порядокъ звуковъ, т. е. праслав. tort=tart; напр.: *charna* (паства, пища), *charvanс* (снопъ плохого хлѣба, предназначенный въ кормъ для скота), *chart* (растение, польское *chróst*), *skarnö* (щека), *gard, Bjełgard, Nowgard, Starogard, gardny* или *garny, wœgard, wœgardzèc, barna* и *brona, karva, karvi, raparc, parag* и *porg, parsã, vagna, varta, zvarcèc, morz.* Впрочемъ, такой исконный порядокъ звуковъ наблюдается не во всѣхъ словахъ праслав. формулы tort; рядомъ съ нимъ возможна перестановка звуковъ -or- въ ro, какъ въ польскомъ и серболужицкомъ, т. е. формула tort превращается въ tröt; при этомъ одни слова употребляются въ двойной формѣ: *wœgard-wœgörd-wœgröd, zögarda* и *zögroda, barna* и *brona, karva* и *krova, parsã* и *prosa, vagna* и *vrona*; другїя же встрѣчаются только въ польской формѣ: *bronic, droga, groch, mgok, proch, zdgróv* и др. Основнымъ кашубскимъ сочетанїемъ нужно считать ar какъ доказалъ проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенъ, въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованїи этой звуковой особенности (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897г. Май 109—121); ro проникло въ кашубскій изъ сосѣднаго польскаго яз., подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ рядомъ съ исконнымъ полногласнымъ сочетанїемъ oro употребительно заимствованное изъ церковнославянскую pa, напр. *городъ* и *градъ.* Исконный порядокъ звуковъ въ сочетанїяхъ типа tart нужно признать важнѣйшимъ признакомъ ка-

шубской рѣчи; по утверженію проф. Бодуэна-де-Куртена онъ одинъ былъ бы достаточнымъ для выдѣленія кашубскихъ говоровъ въ особую группу и для противопоставленія всей этой группы группѣ всѣхъ польскихъ говоровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ *tort* превратилось или въ *trat* или *torot* (ср. 77, 259, 423). Появление а в м. праслав. о въ данномъ сочетаніи, по мнѣнію того же ученаго отчасти объясняется слѣдующими причинами: а) неустойчивостью краткаго о на кашубской почвѣ; б) вліяніемъ согласнаго г на соседніе гласные (ср. выше); в) присутствіемъ въ языкѣ значительнаго числа словъ, содержащихъ сочетание га, возникшее инымъ путемъ (*barzo, gardło, kark, karęma, sarna, s dagmoe, fagwa*, и др.) и стремленіемъ уподобить этимъ словамъ слова праслав. типа *tort*; г) вліяніемъ нѣмецкаго языка (*Bart, Garten* и т. д.).

14) *Праслав. tolt=tlot, tert=tret, tełt=tlet.* Изъ четырехъ первичныхъ сочетаній краткихъ гласныхъ съ „плавными“ согласными въ кашубскомъ яз. только одно вышеуказанное (п. 12) сохранило свой „древній видъ“, въ трехъ остальныхъ произошла перестановка звуковъ, т. е. изъ *tołt* сдѣлалось *tłõt*, изъ *tert*—*tret*, изъ *tełt*—*tłét*; напр. *młodi, kłoda, mleko, vlęc, breg, dřevoe*. Вслѣдствіе наклонности е расширяться въ о иногда *le=lo, ře=řo: mloc, ploc, břoza*. Такъ въ польскомъ и серболужицкомъ яз. Ср. 423.

15) *Соответствія праслав. ѣр, ѣр, ѣл, ѣл* (старослав. рѣ, рѣ, лѣ, лѣ) *между гласными.* Праслав. ѣр=ар, ор, ѳр; *barzo, gorb, garba, gardło, karęma, torg* (Хейстернестъ), *törg* (сред. нар.); праслав. ѣр=ер, ѳр (Хейстернестъ) *ir, iř* (средн. н.) передъ губными, гортанными и мягкими согласными: *smõrc, smirc, çeřvoni, čvirc, cvirdžec, viřba, vircęc; ѣр=ар, ор, ѳр* передъ твердыми согласными: *čogni, čõrni, čřorti, čřõrti, mar, marļa, sarna; ѣл, ѣл=1) ol, õl и el, el; 2) lu, le; 3) ol-al; 4) il; напр. molńo, polni* (Хейстернестъ) *pełny, dług-dlegu, dludži, tluc* (словин.) *tlęc, tkesti, żolte* (Хейстернестъ, *żaltkši, żełti čolen, vilk, milčec; 5) ю* въ *slonyškoe*. Сочетанія *ol, ор el, er* свойственны сѣвернымъ говорамъ (особ. Хейстернестъ), *õl, õr, ir, iř*—среднимъ; *ю* представляетъ видоизмѣненіе *lu* (вслѣдствіе перехода л въ ю). Въ общемъ кашубскія соответствія праславянскимъ ѣр, ѣр, ѣл, ѣл совпадаютъ съ польскими, если не считать указанныхъ измѣненій гласныхъ, находящихся при плавныхъ -а въ о, ѳ; е въ ё, и въ е. Но есть одна черта, которая рѣзко отдѣляетъ кашубскіе говоры отъ поль-

скаго языка: смягченіе или палатализація согласныхъ передъ *ar, or, ör*—праслав. *br*; въ польскомъ яз. въ этомъ случаѣ слышатся твердые согласные; напр.: *śwardi* польск. *twargdy*, *śwórty* польск. *czwartu*, *śwórtek* польск. *czwartek*, *zvárty* польск. *zwarty*, *mańqс* польск. *magzqс*, *zaińdŏ* польск. *zamarzl*, *zĩmaq* польск. *zĩmaq*, *carti* польск. *tarty*, *dzar*, *dzarti* польск. *darł*, *darly* и т. п. (Объясненіе этой особенности см. въ статьѣ проф. Бодуэна-де-Куртенэ Журн. М. Н. Пр. 1897 Май 104—109).—Праслав. *ръ, рь, љъ, љь* между согласными соотвѣтствуютъ *re, le: brev, krev, blecha*.

16) *Частныя измѣненія гласныхъ подѣ влияніемъ согласныхъ.* Въ пунктахъ 5—10 указаны измѣненія, коимъ подвергаются нѣкоторые гласные подѣ влияніемъ согласныхъ. Тою же причиной объясняются слѣдующія мелкія явленія: *α*, переходъ *е* (= праслав. *е*) въ *і* въ суф. *сн:* *gřebiń, włosiń* (видъ травы), *kamiań, rłomiń*; *β*, переходъ *е* (= старослав. *ѣ*) въ *і* въ словахъ, ованчивающихся на — *ѣнецъ*, — *ѣнски*: *vinc, Slovinc, Slovinka*; *γ*, діалектическія измѣненія *аш, ап* въ *еш, еп*, напр. *keş, (камень), sepo (сѣно)* (въ гов. Быляковъ); *аш, ап* или *ош, оп* въ *ош, оп: doş, koeschöny* и т. п.

17) Появленіе гласн. *е: P'oter, ŷater, ŷoter*.

18) Гласные, начинающіе слово, обыкновенно принимаютъ придыханіе: *j, h, w*, напр. *Jagata, jegła, jic, jiny, Jąfri, wсena, woeko, woegas; w* и въ срединѣ словъ: *nawuka*.

В. С о г л а с н ы е.

Смягченіе согласныхъ въ общемъ весьма развито какъ въ сѣднемъ польскомъ языкѣ. Но въ сравненіи съ послѣднимъ кашубскій языкъ представляетъ весьма характерныя особенности. Между тѣмъ какъ одни согласные способны къ рѣзкому смягченію (напр. губные, гортанные), другіе (напр. *с, z, s*) остаются всегда твердыми.

1) *L, R, N.* Звукъ *l* произносится различно въ разныхъ говорахъ. Большинство Кашубовъ различаютъ твердое *l* отъ мягкаго *l*, но настоящій выговоръ твердаго *l*, соотвѣтствующій нижне-польскому и русскому, наблюдается только кое-гдѣ въ сѣверной Кашубіи (Putzig. Kämpre, Lusín, Schönwald и др.): *łamic, łbę, łéкоe, młin, běłi*. Обыкновенно же твердое *l* звучитъ, какъ краткое *ł* или *w* (какъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ на концѣ слоговъ) *łamic, b'ėłi, głova*. На-

конецъ приморскіе Словинцы и т. п. Быляки (въ восточн. ч. пуцваго у. и сѣверовосточн. углу вейгеров. у.) вмѣсто твердаго и мягкаго l знаютъ только одно среднее l, соотвѣтствующее нѣмецкому и чешскому, напр.: lova, lgac, leric.—Согласн. r и p передъ узкими и йотуванными гласными смягчаются въ ř и ř; ř, какъ связано, шипящій звукъ, занимающій средину между чешскимъ ř и польскимъ rz; напр. pœfe, řebœ, řitka, řekładac. Иногда ř = rs или rz, напр.: řiřeř, lekařci, řařnœc.

2) D. T. Зубные d, t смягчаются одинаковымъ образомъ какъ передъ праслав. j, такъ передъ узкими гласными, исконными или ихъ позднѣйшими замѣстителями, т. е. d превращается въ dz, t въ c. Прямѣры: I) dj = dz, tj = c; sadzac, sadzoni, rodzoni, rodzøj, schödзка; řveca, řca, zloconi, vřacac. II) d и t передъ узкими гласными = dz, c: sedzi, dzéca; rodžena, dzivny, jidzeř, dzen, v vodze, dac, jic, ce, ca (тебя), casto, celécena, řvece (мѣстн. п.), gosc.—Относительно смягченія d, t передъ праслав. j кашубскій сближается съ польскимъ и словацкимъ (ср. 269, 427), но эта близость можетъ быть установлена только для настоящаго времени. Въ старину относительно превращенія dj кашубскій языкъ стоялъ ближе къ чешскому и сербо-лужицкому языку, у которыхъ при tj = c, řj = z. Дѣло въ томъ, что въ кашубскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ словахъ слышится вм. прасл. řj не dz а z: cezi, cezo (чужой, чужы), řeza paža, pažny, pažnec) (рядомъ съ ředza, řadza, řadzny, řadzñec). По мнѣнію проф. Бодуэна-де-Куртенэ, которое нельзя не признать весьма правдоподобнымъ (Ж. М. Н. Пр. 1897. Май 88—90) это z и нужно считать исконно-кашубскимъ; когда-то оно и выступало вездѣ вм. праслав. řj и было вытѣснено dz частью вслѣдствіе психически—морфологическаго уподобленія словамъ, представляющимъ dz, которое развилось изъ d передъ узкими гласными (напр. rodžec), частью не безъ вліянія польскаго языка. Что касается указанныхъ измѣненій d, t передъ узкими гласными, то они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ. Польскій яз. въ данномъ случаѣ представляетъ dz, ć, чешскій и словацкій d, t, сербо-лужицкій ř, ř и dz, ć.

3) B. P. V. M. F. Губные согласные передъ j и узкими гласными смягчаются въ b', p' v, ř, ř; напр. b'ałka (женщина), g'vözda, řec, řech, řigel. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Быляковъ (Хейстернестъ), мягкія p', ř' звучатъ какъ řch, řch или чаще какъ řš, řš: řchic, řšic

(пить), *schigle, fšigle*. Въ кашубскомъ отличается зубно-губное *v* отъ губно-губнаго *w*; послѣднее слышится только передъ *o, u*: *śłowce, wœjс* (отецъ), *śłowa*.

4) **Г. Н. Ch. К.** Въ числѣ гортанныхъ звуковъ указывается звукъ, обозначаемый черезъ *h*; точный выговоръ его, однако, не выясненъ. Во всякомъ случаѣ онъ не соответствуетъ чешскому *h*, а скорѣе всего приближается къ нѣмецкому *h* (т. е. простому придыханію). Рамультъ указываетъ его въ слѣдующихъ примѣрахъ: *halva* (названіе мѣры), *hadel, Heromin, Hël, hul*, въ род. п. *teho, dobrêho* (въ Славопинѣ). Исконное праславянское смягченіе гортанныхъ ставитъ кашубскій яз. ближе къ чешскому и сербо-лужицкому, чѣмъ къ польскому; именно: 1) *g, k, ch* переходятъ въ *ž, ð, š*, передъ *j, e, i* (при образованіи основъ), древними *ǰ (= ē)* и *ь* (изъ *i, jъ*); напр. *móžeš, śleži, strže, držec, družba, řečeni, robačk, geši, strašec*; 2) *g, k, ch* переходятъ въ *z, c, ś* передъ *i* (или замѣняющимъ его *e* въ окончаніяхъ) и древн. *ǰ (= āi, oi* въ окончаніяхъ): *daleci, cõgce, gãce, drezi, droze, gřeši, straše*; между тѣмъ въ польскомъ яз. *g* передъ *i, ǰ* (въ окончаніяхъ) переходитъ въ *dz*: *podze*.—Но рядомъ съ этимъ древнимъ смягченіемъ („палятализаціей“) въ кашубскомъ яз. наблюдается позднѣйшее перерожденіе вторичныхъ смягченныхъ *k' и g'* (т. е. когда-то бывшихъ твердыми подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними шировыхъ гласныхъ) въ *ć* и *dź*: *ćedè* и сокращ. *ćej, će* (польск. *kiedy*, старослав. *къгда*) *ćij* (польск. *kij*, старослав. *кми*), *matći, (matki), grõnci, grõnce, (garnki), kašebsci, śłowinsci, śłowansci, wesoći* (польск. *wysoki, р. высокий*) *wesoće* (п. *wysokie*), *ćile* (п. *kilka*), *sa ćivac* (п. *kiwać się*); въ заимствов. словахъ *ćista* (п. *Kiste*), *ćedza* (п. *Kette*); *dźibci* (п. *gibki*, старосл. *гьмьки*), *nadźibac* (п. *naginać*) *veldzi* (п. *wielki*, нар. *wielgi*), *nadźi* (п. *pagi*, *магми*) *dźinoc* (п. *ginać*, старослав. *гьменти*), *mnodzi* (п. *mnogi*), *wubœdzi* (п. *ubogi*, старослав. *оубогми*), *rodźi* и *rodze* (п. *rogi*). Это *ć* произносится близко то къ польск. *ć* то къ сербохорватск. *ћ*, а *dź* есть звукъ средній между польскимъ *dź* и сербохорватскимъ *ђ*. Впрочемъ произношеніе этихъ согласныхъ измѣняется, смотря по мѣстностямъ; то они превращаются въ чисто шипящія *č, ž*, то приближаются къ своему первичному типу *k', g'*. По сообщенію Рамулта это колебаніе выговора *ć, dź* распределяется географически, слѣдуя съ сѣвера къ югу, въ слѣдующемъ порядкѣ: *kj, gj — tj, dj — ć, dź, — čj, dźj — č, dž — čj, dźj — ć, dź*,

— tj, dj—kj, gj. Подобное явление sporadически встречается въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ словинскомъ (крайнее нар.): čisu (kisl'), goče (вм. goke), miše (вм. mihc) и др.

5) C, Z, S всегда тверды; кашубскія z, s, въ противоположность польскимъ, не способны къ смягченію напр.; zapo, są, se, sèvu, sés, wodło, zèta, zèbncs, zib, żogka (зернышко). Праславянскій переходъ c, z, s, въ ě, ž, š представленъ какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: pišeš, mažeš, wšewécka.

6) *Появленіе согласныхъ*: t: střoda, středny, vestřod, střebro; d: zdrąbè, zdřec, zřodło; g: zgřeb'o; k: въ сравнит. степ. čěstkši, žaltkši, letkši; l: kluzńo (польск. kuźnia); j, h, w (передъ гласными) см. выше гласные п. 18 и согласные п. 4.

5. У д а р е н і е.

Относительно ударенія кашубскій языкъ отличается не только отъ польскаго, но вообще отъ всѣхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ и сближается съ русскимъ и южно-славянскими языками. По качеству кашубское удареніе экспираторное т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, не сопровождающемся повышеіемъ и пониженіемъ тона; въ нѣкоторой степени оно и количественное, но въ какой именно—теперь трудно сказать, такъ какъ не выяснено насколько мѣняются отгѣвны усиленія голоса въ зависимости отъ долготы и краткости ударяемыхъ слоговъ. По мѣсту въ словѣ удареніе большей части кашубскихъ говоровъ—разномѣстное или вольное, т. е. не приурочивается къ одному опредѣленному слогу, какъ напр. въ чешскомъ и польскомъ языкахъ, а можетъ падать на любой слогъ; какъ напр. въ русскомъ или сербо-хорватскомъ. Въ послѣднемъ отношеніи исключеніе составляютъ только южные говоры, въ которыхъ наблюдается стремленіе отодвигать удареніе на начальный слогъ; такимъ образомъ и у этихъ говоровъ сходство относительно ударенія оказывается не съ польскимъ, не смотря на близкое сосѣдство послѣдняго, а съ болѣе удаленными языками сербо лужицкимъ, чешскимъ и словацкимъ.

Общій характеръ кашубскаго ударенія былъ опредѣленъ еще А. Э. Гильфердингомъ въ его замѣчательномъ трудѣ о Кашубахъ. Главнѣйше на этомъ трудѣ основана глава „кашубская акцентова“

въ сочиненіи проф. Р. О. Брандта „Начертаніе славянской акцентологии“. Послѣдующіе изслѣдователи и наблюдатели кашубской рѣчи обращали очень мало вниманія на удареніе. Даже въ словарѣ Рамулта просодія словъ не отмѣчена. Только въ новѣйшей работѣ Бронниша отведено значительное мѣсто обзору ударенія въ одномъ изъ сѣверныхъ кашубскихъ говоровъ, именно въ говорѣ Хейстернеста. Такимъ образомъ подробное изученіе этой любопытной особенности кашубскихъ говоровъ только начинается ¹⁾).

На основаніи существующихъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія о кашубскомъ удареніи.

1) Удареніе не во всѣхъ говорахъ исполнѣ одинаково. Южные говоры составляютъ особую группу, отличающуюся постоянствомъ и неподвижностью ударенія: оно всегда падаетъ на начальный слогъ. Но и въ среднихъ и южныхъ говорахъ не всегда одни и тѣже слова произносятся одинаково, съ удареніемъ на одномъ и томъ же слогѣ. Этимъ разногласіемъ говоровъ, вѣроятно, объясняется противорѣчіе въ сужденіяхъ изслѣдователей о предпочтительномъ мѣстѣ ударенія въ кашубскомъ: между тѣмъ какъ Гильфердингъ полагалъ, что удареніе чаще всего бываетъ на третьемъ слогѣ съ конца, Цейнова, а за нимъ Рамультъ утверждаютъ, что оно преимущественно падаетъ на предпоследній слогъ.

2) Имѣя въ виду средніе и сѣверные говоры можно принять, что вообще въ кашубскомъ языкѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ стольже часто, какъ на предпоследній и третій съ конца; рѣже находится оно на четвертомъ слогѣ, но возможно также на пятомъ и даже шестомъ слогѣ ²⁾. Если удареніе отодвигается далѣе третьяго слога, то по утверженію Цейновы необходимо еще побочное удареніе, которое приходится на предпоследній слогъ. Броннишъ допускаетъ побочное удареніе и впереди главнаго. Впрочемъ вопросъ о побочномъ удареніи, пока остается невыясненнымъ.

¹⁾ Отмѣтимъ еще, что новая работа о кашубскомъ удареніи готовится проф. И. А. Бодуэномъ де Куртене (ср. Ж. М. Н. Пр. 1897 май 121).

²⁾ По Рамулту удареніе не можетъ стоять далѣе третьяго слога; на четвертомъ и пятомъ оно находится какъ исключеніе у прилагательныхъ въ превосходной степени, образованныхъ суффиксомъ *pó* (*pó*). Проф. Брандтъ указываетъ нѣсколько другихъ словъ, имѣющихъ удареніе на пятомъ и даже шестомъ слогѣ (Начерт. слав. акцент. 184).

3) Удареніе на послѣднемъ слогѣ имѣють, между прочимъ, слѣдующія формы: а) имена существительныя муж. р. на—о и к (старослав. *ькъ, -ькъ*); напр.: *goseinc, dodatk, majotk* и др.; б) имена существительныя двухсложныя, оканчивающіяся въ имен. п. един. ч. на -ѳ: *сеѳѳ (тѣнь), dŏlŏ (даль), głąb'ŏ (глубина)* и др.; в) имена прилагательныя двухсложныя, напр.: *černy, dredźi, dźibci, źevy* и др. и трехсложныя на -ану: *dřevanu* и др.; г) мѣстн. п. ед. ч. именъ муж. и средн. р. на -у: *biku, raku, rogu, mechu, dešču, daru* и др.; д) род. п. мн. ч. муж. р. на -ŏv *děchŏv, vĭlkŏv, glŏsŏv*; е) твор. п. ед. ч. именъ жен. р.—на -о (вм. ѳ), напр. *glŏbŏ, mŏko, zeŭŏ*; ж) род. п. двойств. ч. на -ц, напр. *raķu*; з) род. п. мн. ч. на -i, напр.: *děši, gŏesci, dzeci*; и) род. п. мн. ч. безъ окончанія; напр.: *sošŏt, přějacol, raķavic, jŏzor, seŭŏn, celat*; к) нарѣчія въ сравн. ст.; напр. *věši, dáli*; л) многія неопредѣлен. накл., напр. *nadic (надѣти), nadźic, zapic, přegřŏc, gřemŏc*; м) повелѣт. н. глаголовъ на ас; напр. *gadŏj*; н) въ мѣстоимен. напр. *tobo, sobo* и др.

4) На третьемъ слогѣ съ конца имѣють удареніе, между прочимъ, слѣдующія слова и формы: а) имена оканчивающіяся въ именит. п. ед. ч. на -а; напр. *bělěsa, jałovica, lěsěsa* во всѣхъ падежахъ); б) имена, оканчивающіяся на -išče, -ešče, -iskŏ, -ěskŏ, напр. *bato-žěšče, serkvišče* и др. (во всемъ склоненіи); в) имена на -dŏ, -stvŏ, *ivŏ*, напр. *mŏetovidŏ, lečŏwŏe*.

5) Удареніе въ кашубскомъ яз. еще сохраняетъ морфологическую подвижность, т. е. можетъ перемѣщаться съ одного слога на другой въ различныхъ формахъ склоненія и спряженія; напр. *jaŏo* (яйцо), *v jaŏu* (въ яйцѣ), *doma, v domu, raķu* (руку), *raķu* (рукою), *dzeci* (дѣти), *dzeci* (дѣтей), *b'eŏe* (береть), *b'eŏe* (бери) и т. д.

6) Въ соединеніи съ предлогами имена существительныя, имѣющія удареніе на начальномъ слогѣ, передають это удареніе на предлогъ; напр.: *do kopca, na jězogo; se svata* и т. д. Подобнымъ образомъ глаголъ переноситъ свое удареніе на отрицаніе *nie*; напр. *nie bĕli, ni tom*.

7) Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, кашубское удареніе относительно мѣста занимаемаго имъ въ словахъ нерѣдко совпадаетъ съ русскимъ и чакавскимъ.

6. Важнѣйшія формальныя особенности.

А. С к л о н е н і е.

1) Остатки двойственного числа: имен. п. муж. р. *uda*; чаще у именъ жен. и ср. р.: *гаце, dŕe corce* (но *tře corki*), *dŕe stèze* (но *tře stègi—stèga—собираѣт. имя, означающее двадцать*); *dŕe lece* (но *tře lata*); род. п. *гаку, wœcu, wušu*; дат., твор. *гакама, wœcoma, wu-šbma, ма, пaju, пама, ва, вају, вама, dvuma, јіма.*

2) Въ извѣстныхъ падежахъ именного склоненія имѣетъ мѣсто *чередованіе корневыхъ гласныхъ*, находящихся въ послѣднемъ слогѣ основы: болѣе слабыя гласныя, то-есть, развѣвшіеся изъ краткихъ или же сокращенныхъ, чередуются съ гласными по своему происхожденію болѣе сильными, то-есть, развѣвшимися изъ долгихъ или же удлиненныхъ; именно *а/õ (õ Ром.), è/í, è/ú, е/é о* или *œ/ó, а/о.* Здѣсь нужно различать явленія двоякаго рода:

I. Имена, у которыхъ послѣдній слогъ основы оканчивается на *đ, b, g (Media), l, r, ш, п* (смягченныя или несмягченныя), въ тѣхъ падежахъ, гдѣ этотъ слогъ заканчиваетъ слово, т. е. въ имен.—вин. п. ед. ч. муж. и жен. р. и въ род. п. множ. всѣхъ родовъ, имѣютъ болѣе сильныя гласныя *õ (ó), í, ú, é, ó, о*, а въ остальныхъ падежахъ—болѣе слабыя *а, è, е, о, œ, а*; напр. имен. п.: *gröd, törg, pon, cisõř, mód, bóg, sól, роєгрѣб, lúd, dqb*; род. п.: *grada, targu, рана, cisařa, modè, boega, solè, роєгрѣба, léda, dąba*; род. п. множ. ч.: *jóm (jama), jój (jojo), scon (scana), strón (strona), gib (rèba), žíř (žèřa)*; сюда же относятся и причастія прош. вр. *kröd—kradlè, pöd—padřo, mör—mařa, móg—mœgla, lég—legřa, říl—řèřa, klúl—klèřa.*

II. Имена, у которыхъ послѣдній слогъ основы оканчивается на одинъ изъ первоначально тонкихъ согласныхъ (*t, p, k*), наоборотъ представляютъ болѣе слабыя гласныя *а, è, е, о, œ, а* въ имен.—вин. п. ед. ч. муж. и жен. р. и въ род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ, а болѣе сильныя *õ (ó), í, ú, é, ó, о* во всѣхъ остальныхъ; напр.: имен. п. *brat, čart, lokc, las, rak, sok, boek, jažék, řak, nos*; род. п. *brõta, lõsa, sóka, bóka, řoka, jozeka*; род. п. мн. ч. *sèřót, celřt, serc, sostr, desk* и др.

Рядомъ съ именами двухъ указанныхъ разрядовъ существуетъ значительный разрядъ именъ, удерживающихъ болѣе сильныя гласныя

во всемъ склоненіи, напр. kōgm, bōl, sméch, břég, b'és, klín, trút, trōva, dōlō, gōga, gñōzdoe, zōgnoe, řebōk, nožik, zōmk и мн. др.

3) Нѣкоторыя своеобразныя окончанія именного склоненія объясняются частью особенностями кашубской фонетики, частью смѣшеніемъ основъ, какъ и во всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ.

а) *Имена мужескаго рода. Имен. п. ед. ч.* у нѣкоторыхъ именъ сокращенный: kam, pļom, křem, řem, pgom (вм. kameń и т. д.); *Род. п.* обыкновенно оканчивается на -а, напр. křōla, zařa; вм. и, которое вообще рѣдко, слышится è, ů: mōdè, kvatè, vatrè, chlebù, taggu. *Дат. п.* почти всегда на -ovì, овì: křōlovì. *Мъстн. п.* послѣ р, b, f, v, t, d, ш, п на 'е, послѣ другихъ согласныхъ на -и: gromè, roki. *Зват. п.* на е, è: u: človeče, kurcè, tatku *Твор. п.* обыкновенно на -е: křōle, trōške, zaře. *Имен. п. множ. ч.* на -і, -è (= і), -è (= у), -'е, о'е, -а, 'а: mēščani, sosedzè, vilcè, kvatè, domè, kraje, raře, rapove, kameńa, koeřeńa. *Родит. п.* безъ окончанія, на- óv, на -і (отъ основъ на -і): sōsōd, mēščōn, vilkōv, gļosōv, gōesci, lèdzi. *Дат. твор. мъстн. п.* для всѣхъ родовъ представляютъ одинаковыя окончанія, какъ въ польскомъ: óm, -ámí, -ach: křōlōm, křōlámí křōlach; ámí, -ach заимствованы изъ склоненія основъ жен. р. на -а; вм. -óm у Цейнова ař (вѣроятно вм. oř): křōlāř; рядомъ съ -ámí, слышится и -ame. Гильфердингъ отмѣтилъ древнія формы твор. п. на -у и мъстн. на -ech; Бронншъ не указываетъ подобныхъ формъ, за исключеніемъ одной: lati.

б) *Имена средняго рода. Имен. вин.-зват. пп. ед. ч.* о, ѿ, е, é (= ije); dzeło, słowoe, mœře, veselé, veselí (Хейстерность); весьма распространены суф.: išče, -ěšče; zařišče, pastvišče, batožěšče; jimińa, cela (celo, vińo — Хейстерность), р. п. jimińa, celèca. *Родит. п.* — а, -ō (Рам. ô, у именъ на -е = первич. ije), słowa, mœřa, veselō, mēškańō. *Дат. п.* чаще -ovì: gnōzdoví; имена на -é (= ije) склоняются и на манеръ прилагательныхъ, žescé, р. п. žescégo, д. п. žescémú и т. д. *Мъстн. п.* — и, е; jabku, słowe. *Родит. п. мн. ч.* — безъ окончанія и часто съ усиленіемъ гласнаго конечнаго слога: cōl, mīast (ср. выше, п. 2); вставочный гласный можетъ быть и не быть: dep, sideř, voder и vodr. *Дат. п.* — om (ařm), jabkom, kurètom. *Твор. п.* jabkámí, kurètámí. *Мъстн. п.*, jabkach, kurètach.

в) *Имена женскаго рода. Имен. п.* у основъ на а—а и—ō (когда удареніе падаетъ на окончаніе): baba, gōga, golō, ceńō, mōl-

ńó; иногда ǒ и безъ ударенія: brасǒ, grǒсǒ, biblejǒ. Прилагат. имена въ жен. р. всегда оканчиваются также на ǒ: dobrǒ, повǒ. Сближеніе между существ. и прилагат. идетъ дальше: существит. на -ǒ во всѣхъ падежахъ един. ч. и въ имен. вин. множ. ч. слѣдуютъ склоненію прилагательныхъ (см. ниже образцы). Старо-слав. господыми соотвѣтствуетъ gǒsрoсdèné и gǒsрoсdèní. *Род. н.* è (вм. ы), е (имена на ǒ), í (имена на -ka, -ga, -cha, -ja, -b'a, -p'a, -va, -ma, -na, -ev): gèbè, trǒvè, brǒdè, rǒsè, nǎdze, dèšè, nédzele, jamè, gǎsè, nǒcè, mèšè, mèsle, tvařè, maseřè; gǎcí (gǎci), nodzí (nodži), muši, šèjí, břètví, krèvi. Такъ въ сѣверномъ нарѣчьи; въ среднихъ говорахъ основы на -ja и на-v обыкновенно имѣютъ é: zeíme, stèdnie, krvé, břètvé. *Дат.-мъст. н.*— í (долгое), é (въ Хейстернестѣ ǒ и é, имена на -ba, -va, -pa, -fa, -ma, -na, -ka, -ga, -cha, -da, -ta, -ra), šèjí, zémí, sviní, nǎdzi. dèši, gǎsí, nǒcí, mèši, mèsli. tváři, máceři, bab'e, trǒve, jamè, gǎce, nǒdzé, mušé, brodzé. *Зват. н.*—ǝ: bábǝ, cotkǝ. *Твор. н.* ǝ и ó, gèbǝ, drogǝ, zeímǝ и rebó, drogó, zeímó; ó вм. ǝ показываетъ Бронишъ. *Вин. н.*—ǝ и ǝ (смотря по говорамъ), а также о (въ Пуцѣ. Хейстернестѣ), gǎǝ, gǝkǝ, gǝko. *Имен. вин. н. множ. ч.*—è (старо-слав. ы, имена на -ba, pa, -fa, -va -da, -ta, -ma, -na, -ra), í (имена на -ka, -ga, -cha), е (имена на -ja, -b'a, -p'a, -va, -ma, -na, -ev, -b', -ń), é (всѣ остальные имена): gřèbè, trǒvè, jamè, scanè, lǝčé (lǝci), tǎdzi (tǎži), muši, zeíme, svińe, breve; kǝzé, nǎdzé, dèšé, gǎsé, řečé. máceřé. *Родит. н.*— безъ окончанія, часто съ усиленіемъ гласнаго послѣдняго слога или со вставочнымъ гласнымъ; послѣдній, впрочемъ, не необходимъ: dèsk, b'alk, jóm, scǝv, nóg, mǝtel, víšeń, но matk, sostr; оконч. í отъ основъ на -í иногда переносятся на основы на -ja: mši, lži. *Дат. н.*—óm (ǝm, ǝm)—dèšom (dèšǝm). *Твор. н.*—ámí dèšámí *Мъст. н.*—ach, dèšach.

4) *Мъстоименное и сложное склоненіе.* *Род. н. ед. ч. муж. и ср. р.* представляетъ окончанія egǝ, -eǝo, -eǝǝ (сѣверн. говоры) на négǝ, dobrégǝ, dobréǝo, dobřewǝ, (а кое-гдѣ dobreo), на néǝo, на néwǝ. Формы на -eǝǝ сближали съ великорусскимъ ево, добраво¹⁾ и т. п. Правильнѣе объяснить ихъ согласно съ мнѣніемъ проф. Бо-

¹⁾ Ср. Lucian Malinowski, Ueber die Endung des genitiv sing masc.—neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Declination im russischen und kaschubischen (Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. Berlin. 1874. VIII).

дуэна де Куртенэ фонетическимъ ослабленіемъ и сокращеніемъ: ego -eho -eo -ewo. *Вин. и твор. п. ед. ч. жен. р.*—o или o (смотря по говорамъ): dobro, dobro. Во множ. ч. старо-слав. оконч. *къ, -ыкъ, -ыи, -ыи* соответствують *ěch, -ěmi*; а старо-слав. *-ыкъ, -ыи*— *im*: *těch, dobrěch, tēmi, dobrēmi, tīm, dobrīm*.

5) *Личныя мѣстоименія.* 1 л. И. jō, Р. mīe, mē, Д. mē, В. mē, Т. mnę, mnб. М. mīe Мн. ч. И. mē, Р. В. М. nās, Д. nōm (nm), Т. nāmī, Дв. ч. mā nāju, nāma 2 л. И. Tē. Р. сѣ или seb'e, Д. сѣ, tob'e, В. се Т. tobq, tobo М. сѣ, tob'e. Мн. ч. И. vѣ, Р. В. М. vās, Д. vóm, Т. vāmī. Дв. ч. vā, vajú, váma.

Возвр. м. Р. se, seb'e, Д. so, sob'e, В. sa, so, Т. sobq, sobo.

Вм. on, ona, ono Кашубы говорятъ wœn, wœna, wœno.

6) Образцы склоненій.

Е д и н. ч.

И. zqb	król	słowce	cela	rèba	zeńa
З. ząbe	królu	słowce	cela	rèbce	zeńo
В. zqb	króla	słowce	cela	rèba (-o)	zeńa (-o)
Р. ząba	króla	słowa	celèca	rèbè	zeńi (-e)
Д. ząbovi	królovi	słowu	celècè (-u)	rèb'e	zeńi
Т. ząbę	króle	słowę	celècę (o)	rèbq	zeńq (-o)
М. ząbe	królu	słowe	celècè	rèb'e	zeńi

М н о ж. ч.

И.З. ząbè	króloŕe	słowa	celąta	rèbè	zeńe
В. ząbè	królov	słowa	celąta	rèbè	zeńe
Р. ząbów	królov	słów	celat	rib	zeńi
Д. ząbóm	królóm-om	słowóm	celatom	rèbóm	zeńom
Т. ząbámi	królámi	słowámi	celatami	rèbámi	zeńami
М. ząbach	królách	słowach	celatach	rèbach	zeńach

Е д и н. ч.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.	
И. nové (-y)	nové	novǔ	rolǔ
В. какъ И. Р.	nové	novq (-o)	rolq (-o)
Р. novégce, novéwce		nové	rolé
Д. novému		nové	rolé
Т. novém		novq (-o)	rolq (-o)
М. novém		nové	rolé

Множ. ч.

И. повé	повé	повé	rolé
В. казъ И. Р.	повé	повé	rolé
Р.	Для вохъ р. {	novèch	roli
Д.		novém	rolóm
Т.		novèmi	rolámi
М.		novèch	rolach

Б) С п р я ж е н и е.

1) Сохраніе *двойственного числа* для 1 и 2 л.; напр. ma jesta, va jesta, plecema, pleceta, ma plotła. Гильфердингъ отмѣчаетъ формы и 3 л., напр. woena jesta, woena bōdzeta; но по утверженіи Цейновы 3 л. двойств. замѣняется множественнымъ.

2) *Причастныя формы*. Причастія настоящ. вр. страд. и прош. вр. дѣйств. І (на ši) даже въ видѣ дѣепричастія не сохранились. *Причастіе настоящаго вр.* удержалось въ видѣ дѣепричастія на -ооо и полного прилагательнаго на -осі, -ооо, -ооо, напр. plocosé, plocosi, -о, -é; řekosé, melosé, bijosé и т. п. *Причастіе прош. вр. дѣйств. ІІ* оканчивается на -і, -іа, -іо; двойств. іа, множ. іо (всѣхъ родовъ); напр. płot, płotła, płotło, płotła, płotłè; і въ муж. р. часто исчезаетъ ýd, kröd, řek, pós; въ един. ч. жен. р. и въ двойств. ч. слышатся сокращенныя формы: të jes dá, va jesta dá vza, рооа и др. *Причастіе прош. страдат.* употребляется только въ формѣ прилагательнаго на -пі, -ті и при томъ отъ немногихъ глаголовъ; напр. gödöni, biti.

3) *Личныя окончанія*. Ед. ч. 1 л. -а (о), -о, 2 л. -š, 3 —; Дв. ч. 1 л. —та, 2 л. —та; Мн. ч. 1 л. —тè, 2 л. —се, 3 л. —о (а) —б; напр. plotą, pleceš, plece, plecema, pleceta, plecemè, plecese, pletó. Въ 1 л. ед. ч. —а господствующее окончаніе, о и о слышатся иногда въ сѣверныхъ говорахъ, гдѣ также о чередуется съ а. Тоже относится къ 3 л. мн. ч. Оконч. —ш въ 1 л. только у т. н. архаическихъ глаголовъ: jem, jém, ýem, dšm, pšm. Глаголы V кл. (на -ас), имѣютъ въ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. нестяженныя формы казъ въ старослав. и русск.; напр. gadaс—gödaја, но 2 л. и слѣд.: gödöš, gödo, gödömè. Во 2 л. древнее в только у вспомогательнаго глагола—jes. Въ 3 л. † не сохранилось и у существительнаго глагола: je.

4) *Повелительное накл.* Примѣты повелит. накл.—*ѣ* и *і* обыкновенно не исчезаютъ, какъ въ польскомъ, чешскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ; напр. *beŕè, -beŕèta, beŕесе, plècè, plècèma, lècè, tońí, tońita, tońice, reńí (ранить), reńíta. grosè, grozè, jezdzè, mèsłè.* После гласныхъ *і* превращается въ *j*: *bij, daj*; согласн. *g, k* передъ *ѣ* смягчаются въ шипящія *ŕ, ŕ*: *ŕесе, stréžè.*

5) *Неопредѣленное наклонение* оканчивается на *-о* (см. выше согласные п. 2): *plèsc, brac, b'íc, jíc* и т. д.

6) *Чередование корневыхъ гласныхъ.* И въ спряженіи какъ въ склоненіи, въ извѣстныхъ формахъ наблюдается чередование корневыхъ гласныхъ *á/ǎ, e/ǎ, è/i, è/y, o,œ/ó, a/q, (Рамуль),* а въ сѣверномъ нарѣчій сверхъ того: *ě (е открытое)/ê (е закрытое), u/ǔ, í/l'.* Неопредѣленному и повелительному наклоненію свойственны гласные, по своему происхожденію болѣе слабыя (то-есть разившіеся изъ краткихъ или же соvrащенныхъ) *a, e, è, o, œ, a, é, uŕ, í,* всѣмъ же другимъ формамъ—гласные, по своему происхожденію болѣе сильныя (то-есть разившіеся изъ долгихъ или же удлиненныхъ)—*ǒ, ú, í, y, ó, q, ê, ú, í.* Примѣры: *palès, palè, no pǒł, pǒłony, pǒlèk; ŕecac (бросать), ŕecǒj, no ŕucaja, ŕucǒs, ŕucel, ŕucǒny; ŕecèc (бросить), ŕecè, no ŕuca, ŕucel; bèvac, bèvoj, no byvaja, byvél; mœvic, mœvi, mbǒł, mbǒł, vrocès, vrocè, no vrocǒ, vrocèł; sądzèc, sądzè, no sądzǒ, sądzèł; cèskac, cèskǒj, no cískaaja, císckǒł; zéńic, zéńí, no наст. žéńǒ, žéńil, kuŕŕèc, kuŕŕè, kúřo, kúřł; pšisac, no pšišo.*

7) *Исконные гласные основъ неопредѣленнаго накл.* также подвергаются извѣстнымъ превращеніямъ согласно звуковымъ законамъ языка; такъ *a* переходомъ въ *ѣ* (передъ *ł* въ причастіи) и *ǒ* (въ повелит. накл.): *gacac, gǒdèł, gadǒj; í* въ прич. прош. передъ *ł* въ *e* (послѣ *b', p, v, f, m, n, j*): *bic, b'jeł pic—ŕeł, brojeł; í, y* въ неопредѣл. н. и въ прич. прош. въ *è*: *prosèc, grozèc, jezdzèc, prosèł, grozèł, šèc, šèł, žèc, krèc, mès, žèł, kreł, mèł; e* и *a* (= старо-слав. *ѣ, ѣ*), въ *ǒ, ǒ* (или *ě*), *smǒc, smǒł', dzǒc, gřǒc, sǒc (сѣять), są smǒc (смѣяться), gřǒł, sǒł* и т. д., ж. р. *gřǒł, sedzec—sedzèł (P. sedzǒl B.).*

8) *Прошедшее время.* Прошедшихъ простыхъ не сохранилось. Прошедшее время выражается соединеніемъ существительнаго глагола *jem* съ причаст. прошедш. дѣйств. II: 1) *jǒ jem ŕek, jǒ jem ŕekł,*

*) По принятой у насъ графикѣ: *é/è, u/ú, i/l.*

jõ jem řekło; 2. tẽ jes řek, řekła, řekło; 3. wœen řek, wœena řekła, wœeno řekło. Дв. ч. 1. ma jesma řekła: 2. wa jesta řekła. Мн. ч. 1. mẽ jesmẽ řekłẽ, 2. wẽ jesce řekłẽ, 3. wœeni, wœenẽ řekłẽ. Но нѣта форма въ большей части говорювъ упростилась: вспомогательный глаголъ опускается какъ въ русскомъ не только въ 3 л., но также въ 1 и 2 л.; говорятъ: jõ řek, jõ řekła, tẽ řek, wẽ řekłẽ и т. д. Фл. Цейнова въ своей грамматикѣ ставитъ рядомъ формы безъ существительнаго глагола и формы съ существительнымъ глаголомъ, при чемъ первая считаетъ прошедшимъ временемъ (*tempus praeteritum*), а вторая — прошедшимъ совершеннымъ (*tempus praeteritum perfectum*). Онъ же допускаетъ сокращенныя формы jõm řek, tẽs řek и т. д., какъ въ польскомъ яз. Возможно также сложное давнопрошедшее: jõ jem bẽł řek, tẽ jes bẽł řek.

9) Иногда прошедшее сложное образуется съ помощью причастія страдат., употребляемаго въ значеніи дѣйствительнаго; а вспомогательнымъ глаголомъ служить *mõm* (имамъ). Это — одинъ изъ многихъ германизмовъ, вошедшихъ въ кашубскую рѣчь; напр. jõ jem bivoni (*ich bin gewesen*), jõ mõm zabèto (*ich habe vergessen*), wœen mõ ucińõne (*er hat gethan*) и др. (Гильфердингъ).

10) *Будущее* сложное выражается посредствомъ соединенія глаг. bõdõ или bõdã съ прич. прош. дѣйств. П: jõ bõdã znõł. Рядомъ съ bõdã часто употребляется сокращенная форма mđã, mđzeš, mđze и т. д. У померанскихъ Словинцевъ встрѣчается еще другой видъ сокращенія bõdã: jõ bõm, tẽ bõš, wœen bõ, ma bõma, wa bõta, mẽ bo-mẽ, wẽ bõce.

11) *Условное наклоненіе* выражается какъ въ русскомъ съ помощью неизмѣняемаго bẽ (бы) представляющаго собой остатокъ аориста: jõ bẽ plot, mẽ bẽ plõtlẽ, ma bẽ plotla, wœeni bẽ plõtlẽ.

12) *Образцы спряженія.*

В ẽ с. *Наст. в.* jem, jes, je, jesma, jesta, jesmẽ, jesse, sq. *Буд. в.* bõdã (bõdã, bõdo). bõdzeš, bõdze, bõdzema, bõdzeta, bõdzemẽ, bõdzece, bõdõ (bõdo) или mđã, mđzeš, mđze, mđzema, mđzeta, mđzemẽ, mđzece, mđõ. *Повел. н.* bõdzẽ, bõdzema, bõdzeta, bõdzemẽ, bõdzece. *Прош. в.* jõ jem bẽł или jõ bẽł. *Причастія* bõdõcẽ, bẽvšẽ (прош.), bẽł.

Ж ẽ с. *Наст. в.* jém, jéš, jé, jéma, jéta, jémẽ, jéce, jédzõ. *Повел. н.* jédz (jec), jédzma, jédzta, jédzmẽ, jédzce. *Прич.* jedzõcẽ, jõd,

jadła, jadło, jōdlè, jédzony. *Буд.* jō mdā jōd. *Прошедшее вр.* jō jem jōd или jō jōd. *Условное* jō bè jōd.

V ě d z é c. *Наст. в.* vé̄m, vé̄š, vé̄, vé̄ma, vé̄ta, vé̄mè, vé̄ce, vé̄dzq. *Повел н.* vé̄dz, vé̄dzma, vé̄dzta vé̄dzmè, vé̄dzce (vé̄c, vé̄cma и т. д.) или vé̄j. vé̄jta, vé̄jmè, vé̄jce. *Прич.* vé̄dzqcé, vé̄dzě̄ł. *Прощ.* в. jō jem vé̄dzě̄ł. *Будущ.* в. jō mdā vé̄dzě̄ł, *Условное н.* jō bè vé̄dzě̄ł.

D a c. *Наст. в.* dōm, dōš, dō, dōma, dōta, dōmè, dōce, dadzq. *Пов. н. dej.* *Прич.* dajqce, davše, dōl, dała. *Сложныя вр.* jō dōl, mdā dōl, bè dōł.

M é c. *Наст. в.* mōm, mōš, mō, mōma, mōta, mōmè, mōce, máj̄q. *Пов. н.* m̄ij, m̄ijta, mijce. *Присутствія* majqce, m̄ōł, m̄ała, m̄elè.

I. P l e s c. *Наст. в.* plot̄a, pléceš, pléce, plécema, pléceta, plécémè, plécéce, plotq. *Повел. н.* plécè, plécema, pléceta, plécemé, plécece. *Присутствія* plócqcé, plót, plótla. *Сложныя вр.* jo jem plót, mdā plot, bè plót.

II. M i n q c. *Наст. в.* min̄a, mineš, mīne, mīnema, mineta, minemè, minece, minq. *Пов. н.* m̄in̄l, m̄inina, m̄in̄ta, minimè, m̄in̄ice. *Прич.* m̄in̄qce, minqł и minon.

III. B í c. *Наст. в.* b̄ija, b̄iješ, b̄ije, b̄jema, b̄jeta, b̄jemè, b̄jece, b̄ijq. *Пов. н.* b̄ij, b̄ijma, b̄ijta, b̄ijmè, b̄jce. *Прич.* b̄ijqce, b̄ł и b̄jeł, b̄iti.

P í s a c. (p̄šisac). *Наст. в.* p̄š̄a, (p̄š̄išo), p̄š̄eš, p̄š̄e, p̄š̄ema, p̄š̄eta, pišemè, pišece, p̄š̄q. *Пов. н.* pišè, pišema, plšece. *Прич.* p̄š̄qcé, p̄š̄ěl.

M i l o v a c. *Наст. в.* milej̄a, mileješ, и т. д. *Пов. н.* milej m̄lejce. *Прич.* milejqcé, m̄lově̄ł.

IV. P r ó s è c. *Наст. в.* próš̄a, próšeš, prošq. *Пов. н.* prósè, prósèta и т. д. *Прич.* prqšqcé, prosèł, prošony.

C e r p é c. *Наст. в.* cerp̄a (cerpšo), cerpl̄š, cerpi, cerpima, cerpita, cerpímè, cerpice, cerp̄q. *Пов. н.* cerpi, cerpice, и т. д. *Прич.* cerp̄qcé, cerp̄ě̄ł.

V. G á d a c. *Наст. в.)* gōdaj̄a, gōdōš, gōdōma, gōdōta, gōdōmè, gōdōce, gōdajq. *Пов. н.* gādōj, gadōjta и т. д. *Прич.* gōdajqcé, gōdē̄ł, gōdōny.

Образцы Капувского языка.

I. Wœ krõsnãtach. Krõsnãta to majõ bęc taki malęcki ledze. Ti majõ męc velgõ głowã a majõ nosęc ćerwonõ muçã a mędrę ruchna, węcbleęcń. A přez to wu Kašebõv je to přesłowě, ě mō chto ćerwonõ sukňã abo co: „Tě vęzdřĩš jak krõsnã“. Krõsnãta majõ męc vële barzo pęńqdzi. A tęż woene sõ baro rōd přemeňajõ ledzi wœt našewœ zorte.—Tak, jak jõ ěš pœvõdajõce, to bęł roz jeden złĩ barzo złĩ põn. Cę bęłę zńiva, tak wœn vęnekęł všetk'e b'ałki do grab'eńõ. Jedna b'ałka mała dęcht malęcķ'e dzęckœ; tak ta je sõ vžã na pœle a pœložęla kœle mędze. Ten põn vidęł, že tã přęšło krõsnã do tewœ dzęcka ě je sõ wœbezdrãlo a tę šlo nazõd a přęnoslo swoje dzęckœ ě to zmeňalo. Tę to męłę krõsnã začãlo baro křęcec, tak ta b'ałka chcã jĩc jemu dac pĩrsę. Ten põn ji ale ě puscęł. Ta b'ałka křęcã a prosęla jewœ, ale wœn nõ to ě zvõžęł ě řek:—tak dľugę mę grabĩ, jaš jõ cę řękã.

Tak wœn dęł tak dľugę křęcec temu krõsnĩcę, jaš wœn vidęł, že to krõsnã, to, co přęchœzęlo, že wœno zmeňalo to dzęcã nazõd. Ale to dzęckœ, to b'ałki, to woene małę, pœbitę. To bęlo nõ to, že wœno małõ tak vęcępęc, jak to wœt tęc krõsnãt, že tã mušãlo tak vële plãkac. Tak ten põn ti b'alce pœvedzęł, jak to s tim dzęckę bęlo. (R a m u l t, Słownik języka pomorskiego 1893, 284).

II. Wœ vilkach. Tu kœle V'eřchucena bęlo přõdę vële barzo vilkõv. Woene brałę tu zgřebãta, wœvce, celãta nõbarzi ješ. A že tu přõdę žõdnęc fljtõv ěimęłę, ta wœni jich sidlęłę a to nõ ten õrt. Wœni vęcœpalę šterokã cęstõ kulã a tę pœstavilę taki põł na vęstrõd tę kule tak co ten kõnc bęł pęřnã vęši tę kule, a zõs na tim kõncu wœni wuřęšęłę žęvõ kačkã. V'eřch tę kule wœni založęłę vętvami, kneplami. Tak, ě tã kačkã vřęšã, tę ten vilk, jõ chcęł so alac, zjęc, a jak wœn nõ ten chrõst vlõz, tę wœn vpõd v tã kulã. Ne, tę wœni sã sebralę z vidľami a tę wœ tã wupchlę. (Тамъ же 297).

Vol. Dr. F.
Bis vor k.
Geostadl.
as Wer

VIII. СЕРВОЛУЖИЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

I. Область серболужицкаго языка. Лужицкія нарѣчія и ихъ судьба.

Сербы—Лужичане—небольшой славянскій народецъ, занимающій узкую полосу земли по верхнему теченію Спревы (Шпрее), въ предѣлахъ Саксонской и Прусской Лузаціи (Lausitz, Лужицы). Подобно Кашубамъ и этотъ народецъ составляетъ лишь остатокъ нѣкогда болѣе численной славянской вѣтви, заселявшей гораздо большую территорию, чѣмъ та, какою является въ настоящее время сербо-лужицкая земля. Въ VIII—X ст. Лужицкіе сербы, дѣлившіеся на нѣсколько колѣнъ и племенъ (Сербы, Мильчане, Лужичане и др.) занимали всю страну между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одрой и ея притоками. На сѣверѣ они сосѣднили съ Лютичами, на югѣ съ племенами чешской вѣтви, на востокѣ примыкали къ племенамъ ляхской вѣтви. Большая часть этого народа погибла подъ натискомъ германизма, какъ это случилось со всѣми племенами Балтійскаго и Полабскаго Славянства. Нынѣшніе Сербы-Лужичане представляютъ собою на этнографической картѣ средней Европы крошечный островъ, со всѣхъ сторонъ окруженный бурнымъ нѣмецкимъ моремъ. Численность народа не превышаетъ 180,000¹⁾ душъ.

Область сербо-лужицкаго языка обозначена болѣе или менѣе, точно на картахъ др. Муки, новѣйшаго изслѣдователя сербо-лужицкой народности. Приблизительно она опредѣляется слѣдующею пограничною линіей: начинаясь на С.В. повыше мѣстечка Шенгеге, пограничная черта идетъ на З. сѣвернѣе Оховы (Drachhausen) къ Мут-

¹⁾ Въ томъ числѣ до 3,500 за предѣлами Германіи, въ Америкѣ и Австраліи.

ницѣ, впадающей въ Спреву; здѣсь на сѣверо-западѣ она спускается на Ю. возлѣ Лубнева (Lübbenau) и направляется мимо Бобольцъ, Лубня (Gross-Lübbenau), Псинъ (Missen) къ Коморову (Senftenberg), и черезъ Вусоку къ Каменцу (лежащему уже въ области нѣмецкаго языка); отсюда на Ю. Ю.В. мимо Протецъ, чрезъ Буковъ къ Смѣльнѣ (Schmöltn); здѣсь черта поворачиваетъ на В. и направляется южнѣ Тучицъ (Tautewalde), Корзима (Kirschau) и сѣвернѣ Кумалда къ Любію (Löbau, чисто-нѣмецкій городъ); отъ Любія черта поднимается на С. С. В. черезъ Буду, Цетовъ (Tetta), восточнѣ Колма, Горшова, Говницы (Peterskain) и Форбарка (Zedlik) къ Дубцу; отсюда западнѣ Рѣчицы къ Спаленому (Brand.); отъ Спаленаго на С. В. къ р. Нисѣ, отсюда поворачиваетъ на С. З. переходитъ Ниссу и сѣвернѣ Мужакова идетъ ломаною линіей на С. З. и С. мимо Решчана (Breschen), Дубравы, Яншоецъ (Janoschwalde) и Дрейцъ (Wüste Drewitz) къ мѣстечку Шенгеге. Такимъ образомъ сербо-лужицкая рѣчь раздается въ Саксоніи въ Будышинскомъ округѣ, въ Пруссіи—въ Воерецкомъ, Мужаковскомъ, Хотѣбузскомъ, Калавскомъ, Гродецкомъ и Жаровскомъ округахъ. Въ означенныхъ предѣлахъ Сербы-Лужичане живутъ болѣе или менѣе сплошною массой. Только въ городахъ, какъ то въ Будышинѣ (Bautzen, главный культурный центръ Сербовъ-Лужичанъ), Мужаковѣ, Воерецахъ, Хотѣбузѣ, Гродкѣ и др. преобладающее населеніе составляютъ Нѣмцы.

Не смотря на свою незначительную численность Лужицкіе Сербы не представляютъ единства ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Они раздѣлены между двумя нѣмецкими государствами—Пруссіей и Саксоніей: первой принадлежитъ большая часть народа—болѣе 100,000, второй—до 60,000. При этомъ положеніе народности не одинаково: въ Пруссіи Сербы болѣе подавлены господствующею народностью и легче поддаются нѣмеченію; напротивъ Саксонскіе Сербы менѣе стѣснены въ своихъ національных стремленіяхъ и энергичнѣе отстаиваютъ свою народность. Большая часть народа исповѣдуетъ католицизмъ, но до 10,000—протестанты. Наконецъ въ этнографическомъ отношеніи Сербы раздѣляются на Верхнихъ и Нижнихъ. Нижніе Лужичане (ок. 73,000) живутъ въ Пруссіи, Верхніе Лужичане (ок. 100,000) раздѣлены между Пруссіей (ок. 38,000) и Саксоніей (ок. 60,000). Границу между ними составляетъ ломанная линія, которая идетъ по чертѣ Мужаков-

скаго и Жоровскаго (Soraui) округовъ, и потомъ Мужаковскаго и Гродецкаго, достигаетъ Спревы сѣвернѣе слиянія большой и малой Спревы и черезъ Терпъ, Забродъ, Блуиъ, Парцовъ направляется къ Кошинѣ и Коморову. Различіе между Верхними и Нижними Лужицанами простирается отчасти на область народныхъ обычаевъ, преданій, пѣсенъ, народной одежды и пр. но особенно сказывается въ народной рѣчи. Въ каждой изъ указанныхъ половинъ народа она представляетъ настолько характерныя особенности, что необходимо признать существованіе въ сербо-лужицкомъ языкѣ двухъ главныхъ нарѣчій: верхне-лужицкаго и нижнелужицкаго. Нѣкоторымъ ученымъ эти отличія казались настолько рѣзкими и существенными, что заставляли ихъ признавать каждое изъ двухъ нарѣчій за самостоятельные языки, на ряду напр. съ чешскимъ и польскимъ или сербскимъ и болгарскимъ. Такъ, напр. разсматриваются лужицкія нарѣчія въ извѣстной „Сравнительной грамматикѣ“ Миклошича. Въ настоящее время такая точка зрѣнія едва ли можетъ считаться правильною. Верхніе и Нижніе Лужицане равноднородности одного народа, а верхнелужицкое и нижнелужицкое нарѣчія принадлежатъ къ одной языковой области, не болѣе какъ два нарѣчія одного сербо-лужицкаго языка. Кромѣ этихъ нарѣчій существуетъ еще третье *средне-лужицкое*, сближающее верхне-лужицкое нарѣчіе съ нижнелужицкимъ и раздающееся на границѣ между обоими главными нарѣчіями. Сверхъ того въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій наблюдаются частныя разнорѣчія и говоры. Въ верхнелужицкомъ нарѣчій различаютъ говоры: 1) *восточный* (Lubij, Kholm, Dubc), 2) *средній* или *будышинскій* (лежащій въ основаніи литературнаго языка и представляющій опять три подраздѣленія—горный, дольний, степной (Holla-Heidedialekt) говоры) и 3) *западный* или *каменецкій* (Kamjeńc, Tuchog, Wojeгесу, т. н. католическій говоръ, распространенный среди Сербовъ-католиковъ Саксоніи). Нижнелужицкое нарѣчіе представляетъ два главныхъ разнорѣчій: *хотльбузко-гродекское* (лежащее въ основаніи литературнаго языка) и *любново-любинское*. Въ средне-лужицкомъ нарѣчій отмѣчены говоры: 1) *мужаковскій* и 2) *собственно-пограничный* (Slepo, Drêtweј, Terp, Zabrod, Bluń, Prożum, Paгсow, Bjezdоły, Škodow, Комороп). Такое равнообразіе нарѣчій и говоровъ среди маленькаго сербо-лужицкаго народа, вѣроятно, восходитъ въ глубокой древности и объясняется равнымъ развитіемъ этнической индивидуализаціи у племенъ и колѣнъ сербо-лужицкой вѣтви.

Въ частности верхнелужицкое нарѣчіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ близко къ чешскому языку, ниже-лужицкое, напротивъ, представляетъ болѣе чертъ, сближающихъ его съ польскимъ языкомъ. Такимъ образомъ въ цѣломъ Сербо-Лужицкій языкъ занимаетъ средину между польскимъ и чешскимъ, служитъ связующимъ звеномъ между этими языками.

Не смотря на незначительность занимаемой территоріи, серболужицкій языкъ; въ противоположность кашубскому, уже давно получилъ книжную обработку, при томъ на обоихъ главныхъ нарѣчіяхъ. Крошечный сербо-лужицкій народъ владѣетъ двумя литературными языками, верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ. Впрочемъ, степень развитія и значеніе этихъ двухъ литературъ не одинаковы: верхнелужицкая литература постоянно растетъ, крѣпнетъ и является мощною опорой народу въ его заботахъ о сохраненіи національной самобытности; а нижнелужицкая, возникши одновременно съ верхнелужицкою, всегда отставала отъ послѣдней и въ настоящее время едва заявляетъ о своемъ существованіи. Литературное разъединеніе Сербовъ-Лужичанъ, вѣроятно, и было главной причиной появленія указаннаго мнѣнія о полной обособленности лужицкихъ нарѣчій.

На основаніи немногихъ отрывочныхъ историческихъ свидѣтельствъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что у Лужицкихъ Сербовъ существовала кое-какая письменность уже въ X—XIII ст. Такъ извѣстный епископъ Брунонъ требовалъ, чтобы священники хорошо знали сербскій языкъ. Староградскій (альтенбургскій) священникъ Бруно (ок. 1156 г.), отправляясь проповѣдывать христіанство къ Бодричамъ, имѣлъ съ собою готовыя славянскія проповѣди и читалъ ихъ народу (свидѣтельство Гельмольда). Тѣмъ не менѣе никакихъ памятниковъ этой древнѣйшей письменности не сохранилось. Первые извѣстныя попытки употребленія серболужицкаго языка въ книгѣ относятся только къ XVI ст. Въ эту пору серболужицкія племена уже утратили значительную часть своей земли и онѣмеченіе народа было въ полномъ разгарѣ. Обращеніе къ народному языку совершилось подъ вліяніемъ реформаціи Лютера. Имѣется извѣстіе, что сербо-лужицкій катихизисъ былъ напечатанъ уже въ нач. XVI ст., но пока еще не отысвано ни одного экземпляра этого изданія. Старѣйшимъ памятникомъ сербо-лужицкаго языка остается переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Ник. Яеубицой; онъ сохранился въ руко-

писи 1548 г., принадлежащей Берлинской королевской библиотекѣ. Языкъ перевода—нижнелужицкое нарѣчіе съ примѣсью чешивмовъ. На нижнелужицкомъ нарѣчій явилась первая у Сербовъ печатная книга; это небольшой канціональ съ нѣсколькими молитвами и катихизисомъ Лютера, изданный Альбиномъ Моллеромъ въ 1574 г. Во второй разъ нижнелужицкій катихизисъ былъ напечатанъ въ 1610 г. Первой книгой на верхнелужицкомъ нарѣчій также былъ Лютеровъ катихизисъ (малый), изданный священникомъ Вяч. Ворѣхомъ въ 1597 г. Слѣдующимъ по времени верхнелужицкимъ изданіемъ былъ переводъ семи покаянныхъ псалмовъ, напечатанный священникомъ Григоріемъ Мартиномъ въ 1627 г. Такъ почти одновременно было положено начало книжной обработкѣ обоихъ лужицкихъ нарѣчій. Въ XVII ст. католическая реакція, тридцатилѣтняя война и связанныя съ нею бѣдствія не могли благопріятствовать развитію народной литературы Лужицкихъ Сербовъ. Германизація все болѣе усиливалась. Но въ концѣ этого столѣтія опять возникаетъ литературное движеніе, преслѣдующее почти исключительно насущныя задачи религіознаго просвѣщенія народа. Выдающимся представителемъ этого движенія былъ М и х а и лъ Бранцель (или Френцель 1628—1706), евангелическій проповѣдникъ въ Верхнихъ Лужицахъ, много потрудившійся надъ переводомъ Новаго Завѣта и Псалтыри, и сверхъ того пріобрѣвшій себѣ почетную извѣстность изготовленіемъ шрифта для лужицкихъ книгъ, работою правописанія, и изданіемъ религіозно-поучительныхъ книжекъ для народа. Свои труды онъ, между прочимъ, представилъ Петру Великому при проѣздѣ его черезъ Саксонію, при чемъ въ особомъ письмѣ напоминалъ Русскому Государю о тѣсныхъ узахъ родства, соединяющихъ Лужицкихъ Сербовъ съ прочими Славянами и обширной Московіей. Дѣятельность Мих. Бранцеля нашла продолжателей, среди которыхъ выдѣлялся его сынъ Авраамъ Бранцель, оставившій цѣлый рядъ сочиненій на латинскомъ языкѣ по исторіи и языку Сербовъ-Лужичанъ. Число дѣятелей, заботившихся о поднятій народнаго языка, постоянно увеличивалось. Въ XVIII ст. соединенными трудами четырехъ священниковъ (Яна Ланги, Матѣя Іокуша, Яна Бѣмера и Яна Вавера) былъ сдѣланъ полный переводъ Библии на верхнелужицкое нарѣчіе, въ первый разъ напечатанный въ 1728 г.; слѣдующія изданія Библии вышли въ 1742, 1797, 1820, 1850, 1856 г.; Новый Завѣтъ въ нихъ печатался по переводу Бранцеля. Только въ

недавнее время (1896) явился новый переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный по Вульгатъ Юр. Луцанскимъ и М. Горникомъ. Переводъ полной Библии на нижнелужицкое нарѣчіе предприняли также Фабриціусъ и Фрицо; первый издалъ Новый Завѣтъ (1709), второй Ветхій Завѣтъ (1797). Но цѣлая нижнелужицкая библия явилась только въ 1824 г., а новое исправленное изданіе ея (Гауссига) въ 1868 г. Кромѣ переводовъ священнаго писанія въ XVIII ст. печатались на лужицкихъ нарѣчіяхъ духовныя пѣсни, проповѣди и религіозно-поучительныя книжки для народа. Къ 1800 г. въ серболужицкой литературѣ насчитывалось уже болѣе 200 книгъ. Но всѣхъ этихъ благородныхъ усилій лужицкаго духовенства было недостаточно для полнаго пробужденія народнаго духа и для успѣшной защиты серболужицкаго языка и народа отъ нѣмецкихъ притязаній. Въ эпоху семилѣтней войны и длиннаго періода Наполеоновыхъ войнъ положеніе Сербовъ—Лужичанъ было еще очень трудное. Серболужицкій языкъ по прежнему не пользовался никакими правами, ни въ школахъ, ни въ общественной жизни, а онѣмеченіе славянской страны не прекращалось. „Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ сербо-лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ, чѣмъ какъ нѣмцемъ; народъ серболужицкій, говорившій „повендски“¹⁾ и не подозревалъ, что есть на свѣтѣ другіе „Венды“ кромѣ его; языкъ вендскій почитался какимъ-то просторѣчіемъ, на которомъ сельскіе пасторы по-неволѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-славянскія селенія, въ которыхъ богослуженіе совершалось по-нѣмецки; при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя „Вендами“ уменьшалось“. (Гильфердингъ).

Лучшія времена для серболужицкаго языка и народа наступили только во второй четверти нынѣшняго столѣтія, когда у Сербовъ—Лужичанъ возникаетъ замѣчательное народное и литературное движеніе, которое приводитъ къ т. н. „возрожденію“ народа. Это „сербо-лужицкое возрожденіе“ тѣсно примыкаетъ къ общеславянскому возрожденію, составляющему безспорно одно изъ важнѣйшихъ историческихъ явленій XIX ст. Оно обусловлено тѣми же общими причинами, какъ и возрожденіе другихъ западно-славянскихъ народовъ напр. Че-

¹⁾ У нѣмцевъ Сербо-Лужичане слыгутъ подъ старымъ именемъ Вендовъ.

ховъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ, Словинцевъ, т. е. главнѣйше распространениемъ среди образованныхъ круговъ, а потомъ и въ народной массѣ двухъ идей—идеи народности и идеи славянскаго единства. У Сербовъ-Лужичанъ эти двѣ идеи рано слились въ одно цѣлое. Маленькій сербо-лужицкій народъ въ заботахъ о сохраненіи своей національности естественно искалъ опоры въ томъ сознаниі, что онъ принадлежитъ къ могущественному славянскому племени. Съ другой стороны инославянскіе ученые и патриоты шли на помощь лужицкимъ народнымъ дѣателямъ въ ихъ стремленіяхъ укрѣпить среди Лужичанъ славянское сознание и нравственнымъ, а иногда и матеріальнымъ участіемъ оказали большую поддержку развитію національнаго движенія. Въ этомъ отношеніи особенно видны заслуги имѣютъ русскіе ученые Срезневскій, Гильфердингъ, Погодинъ, А. С. Хомяковъ, И. С. Аксаковъ, В. И. Ламанскій, А. А. Котляревскій и др.; чехи—В. Ганца, Палацкій, Пуркине, Челяковскій, Черный, словаки А. Штуръ и Колмаръ, Поляки—Мацѣевскій, Богуславскій и др. Первыми провозвѣстниками зары новой жизни у Лужицкихъ Сербовъ были: пасторъ Ю. Мѣнъ, издавшій въ лужицкомъ переводѣ отрывки Клопштоковой Мессіады, пасторъ А. Любенскій (1790—1840), сочинявшій и издававшій для народа книжки религіознаго и нравственнаго содержанія, стихотворенія и духовныя пѣсни, историческіе рассказы и собиравшій матеріалъ для верхнелужицкаго словаря и грамматики, и адвокат Ф. р. Ад. Клинь (1792—1855), въ качествѣ члена земскаго сейма ревностно стоявшій за права народа и до смерти игравшій роль политическаго вождя сербо-лужицкаго народа. Патриотическая дѣятельность этихъ лицъ не осталась безплодною. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ народное движеніе уже принимаетъ широкіе размѣры. Національное самосознание у Лужицкихъ Сербовъ пробуждается. Образованные Лужичане начинаютъ дорожить своимъ языкомъ и національными особенностями, не стыдятся своей народности и энергично берутся за защиту народнаго дѣла. Изъ ихъ среды выходитъ цѣлый рядъ даровитыхъ, воодушевленныхъ мужей, которые ревностно заботятся о поддержаніи среди народа знанія роднаго языка и о развитіи народной литературы. Таковы: Андрей Зейлеръ (1804—1872), даровитый поэтъ, сочинявшій лирическія пѣсни, басни, духовныя и патриотическія стихотворенія, баллады и пр.; Янъ-Эрнестъ Смолеръ (1817—1884)—лучшій знатокъ своего народа, этнографъ, журналистъ,

основатель Сербской Матицы, душа и руководитель всего движенія, свискавшій себѣ идеальнымъ служеніемъ своему народу почетъ и уваженіе во всемъ славянскомъ мірѣ; М и х. Г о р н и е ъ (1833—1890), составитель исторіи сербо-лужицкаго народа, авторъ многочисленныхъ ученыхъ и популярныхъ трудовъ о лужицкой народности, организаторъ книго-издательскаго общества имени св. Кирилла и Меѳодія, редакторъ журнала Матицы „Сазоріа“ и пр.; журналистъ П. Г о р д а н ъ (р. 1818), филологъ и изслѣдователи народности П ф у л ь, І е н ч ъ, Д у ч м а н ъ, Б р о н и ш ъ новѣйшіе поэты—Вегля (Jan Radyserb), Ц и ш и н с к і й, К о с ы е ъ, Ш и м а н ъ; представители нижнелужицкой журналистики—Н о в ѡ а, П а н ѡ а, Ш в е л ѡ а; составители народныхъ книжекъ на нижнелужицкомъ нарѣчїи—Ш и н д л е р ъ (+ 1841), К о п о р ъ (+ 1866), Ш т е м п е л ь (+ 1864), Т е ш н а р ъ; наконецъ современный прекрасный филологъ, глубокой изслѣдователь сербо-лужицкаго языка и народа, выдающійся народный дѣятель др. Э. М у ѡ а и др.

„Возрожденіе“ Лужицкихъ Сербовъ, какъ и другихъ Славянъ, началось съ реставраціи народной старины, съ изученій историческихъ, филологическихъ и этнографическихъ. Пасторы и учителя собирали матеріалы для словаря и грамматики, разыскивали памятники древности, записывали народныя пѣсни, сказки и преданія. Одновременно съ этимъ составлялись и издавались книжки для народа не только религіознаго, но также и прагматическаго и занимательнаго содержанія. Далѣе, явились маленькія газеты и журнальчики (Jutnička, Tudyžeńska Novina, позже Lužičanin, Lužica, Liŕa Serbska у Нижнихъ Лужичанъ только Gramborski Serski Casnik), въ которыхъ выступали со своими произведеніями мѣстные поэты, писатели—художники. Допущеніе въ школы народнаго языка увеличивало число читателей и потребителей книгъ; постепенно возникаетъ школьная литература. Наконецъ назрѣваетъ мысль объ учрежденіи учено-литературнаго Общества (т. н. Матицы), которая и приводится въ исполненіе въ 1847 г. Матица начинаетъ издавать свой журналъ Сазоріа, который и до сихъ поръ остается важнѣйшимъ органомъ умственной жизни Лужичанъ. Вслѣдъ затѣмъ появляются читальни, пѣвческія и нѣкоторыя другія просвѣтительныя общества.—Это замѣчательное народное движеніе захватило не всю лужицкую территорію съ одинаковою силою. Оно сосредоточено было главнымъ образомъ на югѣ, въ Верхнихъ Лужичахъ Саксонїи и больше всего въ Будишинѣ (Bautzen).

Политическія условія сложились здѣсь для Лужицкихъ Сербовъ болѣе благоприятно, чѣмъ на сѣверѣ—въ Пруссіи. Саксонская королевская династія, вообще относившаяся съ значительною терпимостью къ славянскимъ подданнымъ, предоставила Лужичанамъ значительныя льготы въ благодарность за лойяльность въ революціонный 1848-й годъ. Именно сербо-лужицкій языкъ (т. е. верхне-лужицкое нарѣчіе) допущенъ въ народной школѣ, въ церкви, въ судѣ и администраціи на равныхъ правахъ съ нѣмецкимъ и разрѣшенъ какъ предметъ преподаванія въ среднихъ школахъ. Такъ верхне-лужицкое нарѣчіе пріобрѣло значеніе органа духовной и общественной жизни народа. Верхне-лужицкую литературу, примѣнительно къ ничтожной численности населенія, нельзя не признать весьма значительной: она представлена и художественными, повѣстическими произведеніями, и религиозно-поучительными книжками для народа, и періодическими изданіями (ок. 9) и учеными сочиненіями, и школьными книгами. Въ основѣ литературнаго верхне-лужицкаго нарѣчія лежитъ будышинскій говоръ. Нижне-лужицкое нарѣчіе не имѣетъ ни такихъ правъ, ни такого значенія какъ верхне-лужицкое. Употребленіе его въ церкви, школѣ, судѣ, администраціи стѣснено господствующимъ нѣмецкимъ языкомъ. Нижне-лужицкая литература исчерпывается немногочисленными календарями и другими простонародными книжками, а также единственнымъ періодическимъ изданіемъ (*Gramborski serbski casnik*). Нижніе Лужичане не имѣютъ ни своихъ учено-литературныхъ обществъ, ни изданій, ни выдающихся писателей. Они ищутъ поддержки у Верхнихъ Лужичанъ. При сербской матицѣ въ Будышинѣ существуетъ нижелужицкое отдѣленіе, занимающееся изданіемъ книгъ для народа на нижелужицкомъ языкѣ. Верхнелужицкія изданія, напр. *Časopis Matice serbskeje, Lužica* и др. охотно открываютъ свои страницы для статей на нижелужицкомъ нарѣчіи. Въ основаніи нижелужицкаго литературнаго нарѣчія лежитъ хотѣбузско-гродецкій говоръ.

Въ филологическомъ отношеніи сербо-лужицкій языкъ представляетъ много любопытныхъ особенностей. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи дается характеристика верхнелужицкаго и нижелужицкаго нарѣчій параллельно съ тою цѣлю, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями.

Лучшая этнографическая карта Лужицкихъ Сербовъ составлена д-р. Э. М у к о й (по нѣмец. Mucke): а, Statistika lužiskich Serbow. Wobličenje a worisanje. Dospoľny wudawk z ethnografiskej khartu. Budyšin 1884—86. тоже сочиненіе—меньшее изданіе 1885—86: б) Ethnografiska kharta serbskih (H. a D.) Lužic ze serbsko nѣmskim a nѣmsko—serbskim alfabetiskim žapiskom. Budyšin 1886; в) Ethnografiska kharta serbskich (H. a D.) Lužic (wosebiće). Kamjenica. 1886.—Ср. также двѣ карты при сочиненіи В. Богу сла вскаго, Rys dziejów serbo-łužyckych. Petersburg, 1861, а также при еще болѣе раннемъ трудѣ Э Смолера и Гаупта, Pjesnički Hornych a Delnyck Lužiskich Serbow Grymi, 1842. 43. Карты эти уже устарѣли. Сравнительно болѣе новая карта при сочиненіи Andree, Wendische Wanderstudien (Stuttgart, 1874), признана неправильной. — О Сербахъ — Лужичанахъ, ихъ возрожденіи и литературѣ см. также: И. Срезневскаго, а) Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы, 1844 (Журн. Мин. Народ. Пр., 1844, май); б) Путевныя письма къ матери, Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (Живая старина, 1894 в. 4); А. О. Гильфердинга, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи (Русская Бесѣда 1856. I; Собраніе Сочиненій. II); Wilhelma Boguslawskiego a Michała Hógnika, Historija serbského naroda. Budyšin. 1884; М. Горника, Минувшее десятилѣтіе у Сербовъ Лужичанъ. Спб. 1877 („Славянскій Сборникъ“); Т. Флоринскаго Янъ-Эрнестъ Смоляръ (Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1884 г.); В. Францева, Матица Сербская въ Будишинѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, Іюнь); А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, Исторія Славянскихъ литературъ, 2-е изд. Т. П. Спб. 1881; А. Černý 1) Lužické obrázky. Praha. 1890. Kabinetná knihovná sv. XLIX; 2) Z mojejo zapisnika. Dopomjenki, nazhoņjenja a myslički z mojich pućowanjow po Serbach (Časopis Maćicy serbskeje 1888); 3) Wobydlenje lužiskich Serbow (Тамъ же 1889); Н. Дуцман, Pismowstwo Katholskich Serbow. W Budyšinje 1869; продолженіе этого труда въ Časop. Mac. serb. 1873, 1874.

2. Изученіе Сербо-лужицкаго языка.

Начало изученія сербо-лужицкаго языка положено въ XVII ст. Первая грамматика верхне-лужицкаго нарѣчія, составленная іезуитомъ Ксаверіемъ Тициномъ вышла въ Прагѣ въ 1679 г. Къ концу XVIII ст. относится сербо-лужицкій словарь Авр. Бранцеля, оставшійся не напечатаннымъ. Отъ XVII и XVIII ст. извѣстенъ еще цѣлый рядъ другихъ грамматическихъ и лексикальныхъ трудовъ (особенно по нижнелужицкому нарѣчію), которые остались неизданными,

напр. грамматика Хойнана (Chojanus), Фритце, Эберта, словарь Гауптмана. Изъ старыхъ грамматикъ верхнелужицкаго нарѣчія заслуживаетъ вниманія грамматика Маттэи (1721); въ ней приняты во вниманіе главнѣйше Колмскій говоръ (Collm).

Къ новому времени, къ эпохѣ возрожденія относятся верхнелужицкія грамматики Зейлера, Гордана, Шнейдера; всѣ онѣ практическаго характера и изданы на нѣмецкомъ языкѣ. Надъ всѣми ими возвышается остающаяся и до сихъ поръ лучшею грамматика серболужицкаго литературнаго языка, составленная почтеннымъ филологомъ Пфудемъ (Laut-und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen 1867), но и она уже устарѣла и не вполне удовлетворяетъ современнымъ научнымъ запросамъ; одну изъ важнѣйшихъ особенностей ея составляютъ постоянныя сопоставленія со старославянскимъ языкомъ. Верхнелужицкая фонетика еще раньше была издана Пфудемъ и по сербски (Časop. Mac. Serbs. 1861). Пфудю же принадлежитъ заслуга составленія обстоятельнаго верхнелужицкаго словаря, издавнаго Сербскою Матицею (1866). Въ недавнее время появилась на нѣмецкомъ языкѣ практическая грамматика Краля (1895) Наконецъ имѣется одна работа по синтаксису верхнелужицкаго языка: она принадлежитъ Либшу (1884).

Нижнелужицкое нарѣчіе до послѣдняго времени почти не подвергалось научной разработкѣ. Первая грамматика этого нарѣчія, составленная Гауптманомъ, была напечатана по-нѣмецки въ 1764. (Любинъ). Въ эпоху возрожденія не появилось ни одной нижнелужицкой грамматики. Только въ недавнее сравнительно время принялся за составленіе большого научнаго труда по нижнелужицкому нарѣчію выдающійся лужицкій филологъ и патриотъ dr. Э. Мука. Въ 1891 г. вышла въ свѣтъ въ Лейпцигѣ его „Историческая и сравнительная фонетика и морфологія нижнелужицкаго языка“ (Historische und Vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache 615 стр.) Этотъ трудъ по справедливости представляетъ самое крупное, наиболѣе значительное явленіе въ области изученія серболужицкаго языка. Выдвинувъ на первое мѣсто нижнелужицкое нарѣчіе, авторъ постоянно привлекаетъ для сравненія верхнелужицкое нарѣчіе, притомъ не только литературное, но и мѣстные говоры. Такимъ образомъ это первая научная грамматика серболужицкаго языка во всемъ его объемѣ. Историческій методъ изложенія и постоянныя

сравненія съ другими славянскими языками, особенно со старословянскимъ еще болѣе возвышаютъ значеніе этого сочиненія. Кромѣ того Мука принадлежитъ значительное число мелкихъ статей и изслѣдованій по сербо-лужицкому языку, напечатанныхъ въ „Časopis“ Сербской Матицы.—Словарь нижнелужицкаго нарѣчія изданъ былъ Цваромъ еще въ 1847 г. (Grodk), но онъ совсѣмъ неудовлетворителенъ.

Кромѣ названныхъ филологовъ сдѣлали нѣкоторые влады въ научное изученіе сербо-лужицкаго языка помѣщеніемъ въ „Časopis“ мелкихъ статей и замѣтокъ, Бронишъ, М. Горникъ, Имишъ, Ралысербъ. Въ области изданія памятниковъ народной рѣчи наиболее заслугъ имѣютъ Смолеръ, Гауптъ, Э. Мука, М. Горникъ, и чехи А. Черный, Л. Куба.

Изъ инославянскихъ ученыхъ принимали болѣе или менѣе значительное участіе въ научной разработкѣ сербо-лужицкаго языка: Е. Новиковъ, издавшій еще въ 1849 г. цѣнное для своего времени изслѣдованіе, „О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій (здѣсь, между прочимъ, любопытно предложенное авторомъ сближеніе нѣкоторыхъ лужицкихъ особенностей съ особенностями русскихъ нарѣчій“); И. И. Срезневскій, представившій нѣсколько наблюденій надъ лужицкими говорами; Ф. Милюшъ, посвятившій въ „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ“ особые отдѣлы каждому изъ лужицкихъ нарѣчій—верхнему и нижнему (морфологія есть и въ русскомъ переводѣ Шлякова: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ В. В. Москва 1887); А. Петровъ, составившій по польски очеркъ нижнелужицкой фонетики (1874); чехи Черный и Куба, издавшіе значительное количество народныхъ пѣсенъ.

Въ общемъ, какъ видно, изученіе серболужицкаго языка нельзя признать ни полнымъ, ни всестороннимъ. Особенно чувствительно отсутствіе удовлетворительнаго нижнелужицкаго словаря и точныхъ изданій (фонетическимъ правописаніемъ) образцовъ народныхъ говоровъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря энергіи такихъ самоотверженныхъ и даровитыхъ дѣятелей, какъ Мука, все болѣе начинаетъ выясняться настоящій типъ серболужицкаго языка и составляющихъ его двухъ главныхъ нарѣчій, верхнелужицкаго и нижнелужицкаго.

1. ГРАММАТИКИ И ГРАММАТИЧЕСКІЯ ИССЛѢДОВАНІЯ.

Ticinus. Principia linguae wendicae. Praegae 1869. (Верх.-луж. н.).

Matthaei. Wendische Grammatica. Bautzen. 1721 (Верх.-луж. н.).

Seiler. Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialecte. Budissin. 1830.

Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag. 1841.

Schneider. Grammatik der wendischen Sprache Kathol. Dialects. Bautzen. 1853.

Pfuhl. 1) Laut-und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen. 1867; 2) Hornjoluziska serbska ryčnica. I džěl. Zynkoslow (Časop. Mac. Serbsk. 1861); 3) Locativ bjez předložki *we* (Тамъ же 1879); 4) Naše participia na *acy* (Тамъ же 1884); 5) Zbytki dorinskeje serbsčiny (Тамъ же 1888).

Hauptmann. M. J. G. Nieder-Lausitzische Wendische Grammatica. Lübben. 1761.

Dahle. C. Ch. Kleines Lehrbuch nach Dr. Ahn's Methode. Cottbus 1857. 2. Aufl 1867. (Нижн. луж. н.).

A. Petrow. Głosownia Dólnołużyckiego języka 1874 (Sprawozdania Wydz. fil. Akad. Umiejęt. w Krakowie, T. III).

Е. Новиковъ. О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій. М. 1849.

Mucke K. E. 1) Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig. 1891. (Preisschriften gekrönt und herausgegeben von der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. N XVIII) 2) Staroserbske słowa *we* łačanskej lisćinje z l. 1241.

Hórnik, M. 1) Ryč w rukopisnych spěwarskich z Łutow (Časop. Mac. serbsk. 1877); 2) Futurum z „du“ (Тамъ же 1879); 3) Wutworjenje našeje spisowneje řěče a jeje zblizenji z delnjoserbskeje (Тамъ же 1880); 4) Prawe wurjekowanje podobnych zynkow (Тамъ же 1882); 5) Kóncowki -eho, -emu -oho -omu (Тамъ же 1883); 6) Njerorjadne zeslabjenje někotrych sobuzynkow (Тамъ же); 7) Hdže ma so naše ě za * pisać? (Тамъ же); 8) Přitomnosť a minyłość serbskeho słowjesa (Тамъ же)

Liebsch. G. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen. 1884.

H. Imiš. Přinošk k serbskeje synonymicy (Čas. Serb. Mac. 1877).

G. Kral. Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen. 1895.

И. И. Срезневскій. О чертахъ сродства звуковъ¹ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849).

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen.

2. С л о в а р и.

J. G. Z w a h r. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847.

P f u h l. Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Budissin. 1866 (Верх. луж. н.)

Болѣе или менѣе значительные матеріалы для сербо-лужицкаго словаря сообщены въ Časop. Mac. Serbsk. (1870—1897) Горникомъ, Бронншемъ, Горданомъ, Нычкой (Нуѣка), Е. Мукой, Радyserбомъ (Radyserb), Велей и др.

3. Памятники болѣе стараго языка.

Верхнелужицкое нарѣчіе.

1) Будышинская рота (формула присяги) конца XV ст. сообщ. Горникомъ въ Čas. Mac. Serbsk. 1875.

2) W a r i c h i u s, (Ворѣхъ) Малый Лютеровъ катихизисъ. Будышинъ 1547. (Любійскій говор.)

3) М а р т и н ъ. Семь покаянныхъ псалмовъ. Будышинъ 1627; вновь переизданы Горникомъ въ Časop. Mac. Serbsk. 1871 (Любійскій говоръ).

4) M. F r e n s e l. Новый Завѣтъ. Будышинъ 1670.

5) S w e t l i k. „Perikopen“ и духовныя пѣсни. Будышинъ 1690 и 1696 (Католицк. гов.),

6) Евангельскія и апостольскія чтенія годичнаго круга. Будышинъ 1695.

7) Библия. Будышинъ 1728.

Нижнелужицкое нарѣчіе.

1) Albin Moller. Канціональ и малый катихизисъ Лютера. Будышинъ 1574 (Ср. Časop. Mac. Serbsk. 1858 и 1872).

2) B o h o r i č. Нижнелужицкое Отче нашъ. Виттенбергъ 1584.

3) T h a r a e u s. Enchyridion vandalicum (Катихизисъ) Франкфуртъ 1610.

4) F a b r i c i u s. Новый Завѣтъ. 1709.

5) F r y s o. Ветхій Завѣтъ. 1796.

6) W i l l e: а) Псалтырь. Губинъ 1753; б) Исусъ Сирахъ. Губинъ 1754; в) Канціональ. Хотѣбузь 1760; г., Начатки Христіанскаго ученія Хотѣбузь 1746.

7) Šindler: а) Библейскіе разказы изъ Ветхаго Завѣта. Хотѣбузь 1791; б) Библейскіе разказы изъ Новаго Завѣта. Хотѣбузь. 1800; в) Prjatkarske knjigly. Berlin 1829.

8) Fritze. а) Prjatkarske knjigly Хотѣб. 1792; 3-е изд. 1879; б) Vjato-warske knjigly Хотѣб. 1797.

9) Hauptmann. Lubnowski Ssarski Sambuch Lubin. 1769.

4. Образцы народной рѣчи.

L. Haupt u J. S. Smoler (Schmoler). Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow.—Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz I, II. Grimma 1842. 1843.

Е. Мука 1) Delnjołužiske pėsnye (Časop. Mac. Serbsk. 1877, 1880, 1882, 1883; 2) Hornjoserbske ludowe pėsnye (Časop. Mac. Serbsk. 1883, 1888, 1889, 1894); 3) Serbske narodne přišłowa (Čas. Mac. Serb. 1888).

М. Hornik. Delnjoserske ludowe pėsnye. Budyšin 1883 (Časop. Mac. Serbsk. 1881, 1885).

L. Kuba. 1) Hornjołužiske texty ludowych pėsni (Časop. Mac. Serbsk. 1887); 2) Narodne hudźbne wumjelstwo lužiskich Serbow (Тамъ же).

А. Černy. 1) Narodne hłosy lužiskoserbskich pėsni. Budyšin 1888; 2) Druha zběrka narodnych hłosow lužiskoserbskich pėsni (Časop. Mac. Serbsk. 1888); 3) Z mojeho zapisnika (Тамъ же); 4) Lužické obrázky. Praha. 1890; 5) Dodawki k textam ludowych pėsni (Čas. Mac. Serb. 1888, 1893, 1894); 6) Třeća zběrka narodnych hłosow lužiskoserbskich pėsni Тамъ же 1893).

H. Jordan. Delnjołužiske ludowe bajki (Čas. Mac. Serb. 1876, 1877, 1878, 1879).

5. Периодическія изданія.

1) Serbski powjedař a kurjer (1809—1812 издатель Янъ Дейка).

2) Jutnička (въ 1842 г.).

3) Tydžeńska Novina (съ 1842 г.—1852).

4) Slawische Jahrbücher (Leipsig съ 1842).

5) Časopis Macicy Serbskeje. Budyšin (съ 1848.)

6) Serbske Nowiny. Budyšin (съ 1853).

7) Lužičan. Budyšin. (1860—1881).

8) Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft (1862—1865).

9) Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie (1865—68).

10) Katholski posoł (съ 1863).

- 11) Missionski posoł.
- 12) Łužica. Budyšin. (съ 1882).
- 13) Lipa Serbska (съ 1878).
- 14) Bramborski serski casnik (съ 1847 г. единственный журналъ на нижнелужицкомъ нарѣчїи).

6. Образцы современнаго литературнаго языка.

Верхнелужицкое нарѣчїе.

Mich. Hórník. Čitanka. Mały wubjerk z narodneho a nowiseho pis-mowstwa hornjołužiskich Serbow. Budyšin 1863.

Handrija Zejlerja. Zhromadžene spisy. Zrjadował a wudał Dr Ernest Muka. I—IV Budyšin. 1883—1891.

Jak. Čišinskeho. 1) Kniha sonettow. Budyšin. 1884; 2) Formy. Budyšin. 1888; 3) Přiroda a wutroba. Budyšin 1892; 4) Na Hrodzišću, Či-nohra w 5 jednanjach. Budyšin 1880.

J. Radyserb. 1) Jan Manja abo hdže statok mój. Budyšin 1889; 2) Bitwa pola Budyšina. Budyšin 1891; 3) Trójniki. Budyšin. 1885.

Нижнелужицкое нарѣчїе.

Stempel. Foedrusowe basnicki z łatyńskjeje do serbskjeje řecu dołojnych Lužycow přeložone. 1854.

J. B. Tešnař. 1) Prjatkafske knigly. 1869; 2) Nowe serbske módlitwy abo bjatowarske knigly šyknum serbskim domom a bogobožajnum dušam porucene. Drugi hudawk. 1895; 3) многія другія книги, преимущественно изданія нижнелужицкаго отдѣленія Сербской Матицы.

Библия 1868 г. Галле (подъ редакціей пастора Гауссига).

Изданія для народа (молитвенники, книжки религіозно-правственнаго содержания и пр.) нижнелужицкаго отдѣленія Сербской Матицы (до 25 книжекъ).

3. Звуковыя особенности.

Графика.

Серболужицкая графика не представляетъ единства. Раздѣленіе народа въ религіозномъ, этнографическомъ и литературномъ отношеніяхъ обусловило несходство въ системахъ передачи звуковъ книжной рѣчи. У Сербовъ-Лужичанъ употребляются двоякія письмена—ла-

тинскія и нѣмецкія (т. н. швабахъ), конечно съ различными приспособленіями къ славянскимъ звукамъ. Тѣ и другія являются уже съ началомъ письменности. Нѣмецкая абѣеда распространяется вмѣстѣ съ протестанствомъ; латиницу первоначально пропагандируетъ исключительно католическое духовенство. Позже, особенно въ новое время это раздѣленіе сглаживается: швабахъ проникаетъ и къ католикамъ, а чистую латиницу начинаютъ употреблять и евангелическіе писатели. Въ общемъ швабахъ болѣе распространенъ и извѣстенъ въ народѣ; книги и періодическія изданія, назначенныя для народной массы обыкновенно пишутся и печатаются какъ на верхнелужицкомъ, такъ на нижнелужицкихъ языкахъ, нѣмецкими письменами. Латиница употребляется преимущественно въ изданіяхъ, предназначаемыхъ для болѣе образованныхъ классовъ; такъ этими письменами печатались и печатаются „Časopis“ Сербской Матицы, „Lužica“, книги ученаго характера, напр. Словарь П ф у л я и пр. Употребленіемъ двоякихъ письменъ не исчерпывается разнообразіе сербо-лужицкой графики. Въ частности наблюдается различіе между верхнелужицкой системой обозначенія звуковъ и нижнелужицкой, а также между швабахомъ католиковъ и евангеликовъ. Самое примѣненіе швабаха и латиницы къ обозначенію звуковъ серболужицкихъ нарѣчій прошло нѣскольکو стадій. Для передачи звуковъ, не имѣвшихъ себѣ соотвѣтствій въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, серболужицкіе писатели вынуждены были (какъ это было и у другихъ сѣверо-западныхъ Славянъ) прибѣгать къ соединенію двухъ и болѣе начертаній или къ изобрѣтенію диакритическихъ знаковъ. Заслуга перваго упорядоченія нижнелужицкаго правописанія принадлежитъ переводчикамъ Священнаго писанія на нижнелужицкое нарѣчіе Ф а б р и ц і ю (1706, 1709) и Ф р и ц е (1796). Въ новое время улучшенная система правописанія введена пасторомъ Тешнаремъ. Впрочемъ въ нижнелужицкой литературѣ единство правописанія еще не установилось. Отъ системы Тешнаря нѣсколько отличается система, принятая въ единственной нижнелужицкой газетѣ „Gramborski casnik“. Сверхъ того нижнелужицкія статьи въ верхнелужицкихъ изданіяхъ „Časopis Macicy Serbskeje“ „Lužičan“ „Lužica“ печатались и печатаются латиницей правописаніемъ Матицы. Верхнелужицкая графика въ общихъ чертахъ была опредѣлена Мих. Бранцелемъ (или Френцелемъ А. В. С. und Buchstabirbuche 1671) для швабаха и Я. Тициномъ (Principia linguae Wendicae 1679)

для латиницы. Послѣ того она много разъ измѣнялась то въ худшему, то въ лучшему (напр. Bierling Didascalia seu orthographia Vandalica. Bud. 1689; Matthaei Грамматика 1721, Зейлеръ, Грамматика 1830, Swotlik, Vocabularium latino-serbicum Bud. 1721, J. Jordan Грамматика 1846, Pful статьи въ Часописи и Грамматика и др.) и установилось болѣе или менѣе прочно только въ сороковых годахъ, когда католическіе и евангелическіе писатели приняли рѣшеніе держаться одной общей графики, нормы которой были окончательно опредѣлены Матицей. Правописаніе Матицы называется аналогическимъ, т. ч. оно построено по образцу другихъ западно-славянскихъ графическихъ системъ, главнѣйше чешской. Нельзя не признать его наиболѣе научнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію болѣе широкое распространеніе аналогической латинской графики Матицы парализуется привычкою народа къ швабаху. Поэтому сама Матица нерѣдко вынуждена издавать книги для народа швабахомъ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сербо-лужицкія слова приводятся въ правописаніи Матицы.

Сербо-лужицкая азбука представляетъ слѣдующіе знаки: a, b, b', c, č, č', d, dž, dž', dz, e, ě, f, g, h ch, i, j, k, kh, l, l', m, m', n, n', o, ó, p, p', r, ř, ř', s, š, š', t, u, w, w', y, z, ž, ž'.

Въ швабахѣ (кромѣ общенѣмецкихъ буквъ употребляются слѣдующіе знаки въ соотвѣтствіе знакамъ латинской графики Матицы:

Евангелич. прав.: z, c, je l fč, y, f.

Католич. прав.: cz, t, č, w, fč, e', ž.

Аналог. прав. Мат.: c, č, ě, ř, ř', y, z.

Относительно произношенія звуковъ, обозначаемыхъ этими знаками, нужно замѣтить слѣдующее:

č звучитъ какъ i, окрашенное краткимъ e, т. е. какъ ie; оно приближается къ нѣмецкому i въ словахъ -mir, dir, wir и этимологически соотвѣтствуетъ старослав. ѣ; напр. wěga; это звукъ смѣшанный, но не двухгласный

i всегда мягко, произносится со слабымъ привзвучемъ j, т. е. какъ ji

y обозначаетъ твердый звукъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій старослав. русск., польск. ы: ty, губа.

¹⁾ Въ такихъ случаяхъ иногда по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части книгъ, напр. заглавія, печатаются латиницей. Подобное соединеніе двухъ типовъ письменъ представляетъ напр. изданная въ 1891 г. книжка Радисерба Bitwa pola Budyńska.

ó произносится какъ о съ окраской ѹ, т. е. какъ °о; собственно это сжатое о, соотвѣтствующее польскому ó и чешск. ů: kóń.

Надстрочный знак ' обозначаетъ мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ мягкими согласными, гдѣ по-русски пишется ъ: b', p', w', m', n', r', é, dz; напр. kwiwał, zleń; é и dz звучатъ не такъ мягко какъ въ польскомъ и свойственны преимущественно верхне-лужицкому нарѣчію; въ нижне-лужицкомъ этимъ звукамъ часто соотвѣтствуютъ ž, š.

č, ž, š, dz звучатъ какъ ч, ж, ш, дж; h означаетъ придыхательное г, свойственное верхне-лужицкому нарѣчію (какъ въ чешскомъ), напр. hoga.

ch = старо-слав. и русск. х; kh обозначаетъ свойственное верхне-лужицк. нар. особое ch, произносимое съ густымъ придыханіемъ: kchog.

ř употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхне-лужицкомъ нарѣчій¹⁾; оно звучитъ совершенно какъ ř (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ ма-тицы; въ швабахъ нѣтъ этого знака.

А. Гласные²⁾.

Исчезновеніе глухихъ ѣ и ъ и замѣна ихъ ясными гласными.

Праславянскіе глухіе (или полугласные) ѣ, ъ или исчезли или замѣнились ясными гласными о, е. Полное исчезновеніе глухихъ наблюдается (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; при этомъ ѣ пропадаетъ безслѣдно, а ъ, какъ въ русскомъ и польскомъ, оставляетъ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго; напр.: štwórtek (В. Л.), stwórtek (Н. Л.), doł, list, éma (В. Л.) и śma (Н. Л.), kón, dzéń (В. Л.) и żeń (Н. Л.), kónс (В. Л.), и kónс (Н. Л.). Въ закрытыхъ слогахъ, сдѣлавшихся такими вслѣдствіе исчезновенія глухого слѣдующаго слога, вм. ѣ выступаетъ о или твердое е, вм. ъ — мягкое е; напр. son, deść, moch (В. Л.), mech (Н. Л.), dzéń (В. Л.), żeń (Н. Л.). Гласн.

¹⁾ Dr. Мука считаетъ его лишнимъ для нижне-лужицкой графики.

²⁾ При смыслахъ В. Л. означаетъ верхне-лужицкое нарѣчіе, Н. Л. — нижне-лужицкое. Слова, при которыхъ нѣтъ этихъ помѣтокъ, звучатъ одинаково въ томъ и другомъ нарѣчій; С. Л. означаетъ средне-лужицкіе говоры, т. е. пограничные между верхне-лужицкими и нижне-лужицкими.

о в м. ѣ составляетъ общее правило для ВЛ.; напротивъ въ НЛ. в м. ѣ обыкновенно е (твердое); напр. ВЛ.: гоѣ, won, woš, bodŕo; НЛ.: gež, wen, weš, bedŕo. Въ частности въ отдѣльныхъ словахъ и въ разныхъ говорахъ наблюдается колебаніе между е и о, при чемъ диалектически в м. о слышится и ѓ; такъ и въ НЛ: son, kobjela (къбыль), wóferu, rótoknuš (ВЛ. rótknuć); wozać (СЛ.). Гласн. е в м. ѣ—твердый, не смягчаетъ предшествующаго согласнаго.

В м. пра-слав. ѣ въ сербо-лужицкомъ яз. вообще е, смягчающее предшествующій согласный: dzeń (ВЛ.), źeń (НЛ.), pjeń. Сверхъ того вслѣдствіе позднѣйшихъ видоизмѣненій е возможно ѓ, а въ НЛ. также ¹а; напр. wičobny (ВЛ.), hucobny (НЛ.), worjoł (ВЛ.), jerjoł (НЛ.), kozoł, gožon, wosoł; lasć (льсть), lasny, lažki, mjas, pjas, wjas, но въ ВЛ. lešć, lesny, lóžki, mjeć, wjes. Ср. ниже о гласн. е

О соотвѣтствіяхъ пра-слав. ѣ, ѣ въ сочетаніяхъ съ плавными г, л говорится ниже.

Соотвѣтствія старо-славянскихъ ж и л.

Сербо-лужицкій языкъ въ противоположность старо-славянскому, польскому и кашубскому, не сохранилъ праславянскихъ носовыхъ гласныхъ ¹). Въмѣсто носовыхъ возникли чистые гласные, какъ это произошло въ большей части живыхъ славянскихъ языковъ.

Старо-славянскому ж соотвѣтствуетъ какъ въ ВЛ. такъ въ НЛ.—u: dub, duć (ВЛ.), duš (НЛ.), gŕub (НЛ.), hŕub (ВЛ.), guba (ВЛ.), huba (НЛ.). wutroba (ВЛ.), hutšoba (НЛ.), mudry, muka, muž, ruka, zub и др.

Старо-славянскому л соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. ja, которое въ новое время (не ранѣе XVII) переходитъ передъ мягкими согласными въ je; въ НЛ.—ě ²). Примѣры: ВЛ.—hladać, hrjada, jadro, jazyk, knjez, knjeni, mjaso, pjeć, pjeđz, swjaty, swjeće, ćežki; НЛ: glědaš, grěda, jědro, jězyk, kněz, kněni, měso, pěš, pěž, swěty, swěše, šežki.

Верхне-лужицкій переходъ ja = л въ je одно изъ явленій переласовки а въ е, въ широкой степени свойственной чепскому языку.

¹) Слѣды древнихъ носовыхъ указываютъ въ такихъ словахъ какъ: brjenčec (ВЛ.), brjenkaš (НЛ.), krungeł, bimbać и др., но Др. Мука справедливо усматриваетъ въ этихъ словахъ ц, ш позднѣйшаго происхожденія (Histor. und vergleich. Lautlehre 31).

²) О выговорѣ ě см. выше графику и ниже объ ѣ.

Въ старомъ языкѣ встрѣчаются еще формы какъ *śazki, swjasi* (Мартини, Бранцель, Маттэи). Ср. 61—62.

Въ СЛ. $\lambda = ja$, \acute{e} : *śagaś* и *śégaś* (въ различныхъ говорахъ).

Въ НЛ. \acute{e} соотвѣтствуетъ λ въ ударяемыхъ слогахъ, напр. *śéža* (тажа); въ неударяемыхъ слогахъ вм. λ является *je*; напр. въ склоненіи основъ на *-ja*: *konje* (им. вин. п. мн. ч.), *wóle* (род. п. ед. ч. ж. р.), *zmije* (имен. вин. п. мн. ч.), въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоимѣній: *dobre, teje, je*; въ имен. вин. ед. ч. ср. р. основъ на согласный: *kurje*; въ 3 л. мн. ч. глагол. IV вл. *chwale, kozletko, jagnjesu, kónjesu, gowjedo, źewjeś* (ВЛ. *dźewjeś*) и др. Впрочемъ, этотъ законъ не строго выдерживается, именно сложные слова сохраняютъ \acute{e} въ коренномъ слогѣ, хотя бы на него не падало удареніе, напр. *pagléd, pjeréd, pò mĕso, nà grĕdu, powĕz* и др.

Соотвѣтствія старо-славянскому \acute{c} .

Старо-славянскому \acute{c} какъ въ ВЛ. такъ въ НЛ. соотвѣтствуютъ: 1) въ ударяемыхъ слогахъ \acute{e} (т. е. *i*, произносимое съ окраской краткаго *e*, какъ бы *i°*); 2) въ неударяемыхъ слогахъ *je* (т. е. мягкое *e*).

Примѣры: 1) \acute{e} : *bĕda, bĕh* (ВЛ.), *bĕg* (НЛ.), *hnĕzdo* (ВЛ.), *gnĕzdo* (НЛ.), *khlĕw* (ВЛ.), *chlĕw* (НЛ.), *khlĕb* (ВЛ.), *klĕb* (НЛ.), *kvĕt, lĕto, lĕwy, mĕch, mĕra, pĕna, pĕśń, rĕč, rĕka, śĕna, slĕd, snĕh* (ВЛ.), *snĕg* (НЛ.), *śĕło* (НЛ.), *ćĕło* (ВЛ.), *wĕra, wĕtr* (ВЛ.), *wĕtš* (НЛ.), *dzĕd* (ВЛ.), *źed* (НЛ.), *dźĕło* (ВЛ.), *źĕło* (НЛ.).

2) *je*: въ глаголахъ на *-j°ó* (ВЛ.), *-j°ś* (НЛ.), = старо-слав. *яти*, напр. *boleć, boleś, lećeć, lešeś*; въ отглагольн. существ. на *-j°nje* (= старо-слав. *-яньє*), напр. *widźenje* (ВЛ.), *wízenie* (НЛ.); въ сравн. ст. прилагательныхъ и нарѣчій: *pjerwjejšy, pjerwjej*; въ отдѣльныхъ словахъ, напр. *čłowjek* (ВЛ.), *śłowjek* (НЛ.), *wobjed* (ВЛ.), *hobjed* (НЛ.), *kóleno* (НЛ.), *koleno* (ВЛ.), *złózej* (НЛ.), *pjeźela* (НЛ.), *pjedźela* (ВЛ.), *mjedwjedź* (ВЛ.), *mjedwjeź* (НЛ.), *worjech* (ВЛ.), *wórjech* (НЛ.), *źelezo* (ВЛ.), *zelezo* (НЛ.); въ окончаніяхъ: на *dubje* (м. п. ед. ч.), *žonje* (дат.-мѣстн. п. ед. ч., имен.-вин. двойств. ч.); *pozdze, jutře* (ВЛ.), *witše* (НЛ.), *mnje, tebje, sebje*.

Въ будышинскомъ, горномъ и любійск. гов. старо-слав. \acute{c} въ неударяемыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *i*: на *swĕci, w pismi, gybi* (дат.-

мѣст. п. ед. ч., имен.-вин. двойств. ч.), *mudri, deri* (нарѣчіе), *widzić, widżich, widził* и др. Сверхъ того въ большей части верхне-лужицкихъ говоровъ слышится—*iši* вм. старо-слав. *ишини*, напр. *jasniši* (но также *jasnejši*—въ *Hoyerswerda*). Въ данныхъ примѣрахъ *i* выступаетъ какъ одинъ изъ видовъ сьуженія мягкаго *e* (ср. ниже о сьуженіи *e* въ *i*).

Подобное сьуженіе *ě* (= *ѣ*) въ *i* имѣетъ мѣсто и въ НЛ., но въ ударяемыхъ слогахъ: *gniw, kwit, lip* (ВЛ. *lěp*), *nimyu, spiw, spiwnyu, žiše*. Также въ мужаков. г.: *brink, kniz, minski* (вм. *němski*), *spiw, wiga* и т. п.

Сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ и какъ діалектическая черта НЛ. *ѣ* = *io* или *ia*; оба звука представляютъ собой вторичное изменение *e* изъ *ě*; напр. *gólonu, gólonka, za(j)żowaś* (ВЛ. *zadzewać*), *żowka* (НЛ.), *dżowka* (ВЛ.), *susod* (ВЛ.), *sused* (НЛ.); *mjasec* (НЛ.), *měsac* (ВЛ.), *wjaża* (НЛ.), *wěża* (ВЛ.), *bjesada* (ВЛ.). Въ языкѣ Ягубицы (новый завѣтъ 1548) и словарь Мегизера (*Thesaurus polyglottus* 1603) переходъ *ě* (*je*) въ *ja* передъ твердыми согласными довольно частое явленіе: *gnjazdo, lato, las, sano, sały, mja-ga, bjały, kwjat, mjasto* и т. д. (Ср. польскій языкъ 415—416). Др. Мука видитъ въ немъ одну изъ особенностей вымершихъ ниже-лужицкихъ говоровъ—жаровскаго (*Sogaui*) и губинскаго (*Guben*).

Старо-славянскимъ сочетаніямъ типа *trět* (изъ пра-слав. *tert*) соотвѣтствуютъ сочетанія не только *trjet*, но и *trjot*, а въ НЛ. также и *trjat*; напр. *brjemje* (НЛ.), *brémjo* (ВЛ.), *brjóh* (ВЛ.), *brjog* (НЛ.), *brjaza* (НЛ.), *bréza* (ВЛ.). См. ниже о соотвѣтствіяхъ пра-слав. *tert*.

А.

Гласный *a* 1) соотвѣтствуетъ пра-слав. *a*: *bratr, paš, sad, mały* и т. п.; 2) въ НЛ. замѣняетъ болѣе древнее *e* (мягкое), передъ твердыми согласными и въ ударяемыхъ слогахъ: *mjasć, pjasć* (ВЛ. *mjesć, pjesć*), *mjas, mjasec* и др. Ср. выше о ниже-лужицкихъ соотвѣтствіяхъ старо-слав. *ь, ѣ* и ниже о переходѣ *e* (*je*) въ *ia*; 3) въ ВЛ. соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. *л*, при чемъ смягчаетъ предшествующій согласный: *hladać*, ср. выше стр. 602.

Въ ВЛ. *a*, находящееся между мягкими согласными, переходитъ въ *e*: *jejo, jehnjo, jeść, zjewić, modleć, guseć, murjeć, leć, smjeć*,

sadžeć, pušćeć, z kamjenjemi, z tolerjemi, sadžeš; напротивъ въ НЛ. удерживается а: jajo, jagnje, jašć, zjawiš, modlať, ryšať, murjať, laš, smjaš, sa(j)žaš, pušćaš, z kamjenjami, z tolarjami, sa(j)žaš. Этой пергласовкой а—е ВЛ. сближается съ чешскимъ яз.

Въ НЛ., именно въ бурковскомъ г. вм. пра-слав. а слышится ó или у въ словѣ materka (мать): myterka, móterka (Смоляръ, Рjesnički, II, 22, 23).

Въ НЛ. передъ ž гласн. а часто звучитъ какъ aj: sajžaš, sajžanje.

Е.

Гласный е въ сербо-лужицкомъ яз. по своему происхожденію и вліянію на предшествующій согласный можетъ быть двоякимъ: *мягкимъ и твердымъ*. Мягкое е вліяетъ на смягченіе предшествующаго согласнаго; оно частью соотвѣтствуетъ пра-слав. е, частью возникло на сербо-лужицкой почвѣ изъ ѣ, ѣ (и ѣ); напр. jeleń, pjerje, džeń. Твердое е не смягчаетъ предшествующаго согласнаго и образовалось почти исключительно на мѣстной почвѣ изъ другихъ гласныхъ (ъ, о); напр. gež (НЛ.), dejić (ВЛ.).

Въ выговорѣ е, независимо отъ его происхожденія, слѣдуетъ отличать, по утвержденію Муки, три отгѣнка: 1) é—закрытое небное е, напоминающее нѣмецкое ясное е или ee (geh, Seele) или французское é fermé (été); напр. lécéć (ВЛ.), léśés (НЛ.), zémja; 2) ê—открытое небное е, напоминающее нѣмецкое открытое е или ä (besser) или французское e ouvert (mène); напр. dobrë, wën, tēhdy; 3) ě—открытое гортанно-небное е, звучащее какъ нѣмецкое сжатое, совсѣмъ краткое ä или ö; напр. gěž, z tēbu.—Гласный ě свойственъ только НЛ. и вообще слышится довольно рѣдко; обыкновенно онъ соотвѣтствуетъ старо-слав. ѣ: měch, měcha, wěp, wě (= въ); также bějny (fein), dějm, něj (въ превосходн. степ.), žěnc, kěń (вм. kón), gělc (вм. gólc), z tēbu, личные окончанія двойств. ч.—měj, -těj -lěj. Два другія е, т. е. é и ê свойственны одинаково ВЛ. и НЛ., при чемъ é обыкновенно слышится передъ мягкими слогами (или мягкими согласными) а ê передъ твердыми: напр. pjěbjo, zělěny, dobrějě. Въ частностяхъ этотъ законъ представляетъ отступленія; важнѣйшее изъ нихъ: передъ мягкимъ r (ř, řj), особенно въ закрытыхъ слогахъ слышится ê, а не é; напр. děrjě (хорошо), wjasěrgja (НЛ.), wjěćěř

(ВЛ.), рјѣрјѣг. Шипящія *ž, š* въ НЛ. всегда тверды, а потому передъ ними возможно только *ě*, между тѣмъ въ ВЛ. эти согласные — мягки и допускаютъ впереди себя только *ě*; напр. *pjěžli* (НЛ.), *pjěžli* (ВЛ.), *pjěšujom* (НЛ.), *pjěšiju* (ВЛ.). — Всѣ эти особенности выговора е обыкновенно не обозначаются въ графикѣ; начертаніе е служитъ для передачи всякаго твердаго е; мягкое е обозначается обыкновенно черезъ *jě*, но *j* опускается, когда мягкость согласнаго отмѣчена въ самомъ его начертаніи, т. е. послѣ *j, ś, ć, ź, dź, l*. Указанная система знаковъ для е принята Др. Музой въ его научной грамматикѣ нижнелужицкаго языка.

Твердое е. Гласн. е всегда звучитъ твердо послѣ абсолютно твердыхъ дыхательныхъ; таковы въ ВЛ. *s, z, c*, въ НЛ. — *ch s, z, c, š, ž*; напр. *sebje, sedŷo, zeleny, celaž; šesć, železo* (НЛ.).

Твердое е соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. е (главнымъ образомъ послѣ указанныхъ согласныхъ): *wjasele, šesć*; также въ именныхъ приставкахъ *-jeŷ, -jeŷc, -jeŷca, -jeŷstwo*: *skopeŷ, kameŷc, podobieŷtwo*; въ сложномъ склоненіи твердаго различія: муж. ср. р. *dobrego* (ВЛ. *dobrego*), *dobremu, dobrem, dobreju* (дв. ч.), *dobre* (им. вин. мн. ч.), жен. р. *dobreje, dobrej, dobreju, dobrej, dobreju* (дв. ч.), *dobre* (имен. вин. мн. ч.), *dobre* (ср. р. имен., вин. ед. и мн. ч.); 2) пра-слав. и старо-слав. ѣ, особенно въ НЛ.: *mesch, gež*; ср. выше стр. 601; 3) пра-слав. о, передъ мягкими согласными, особенно въ ВЛ.: *dejić* (НЛ. *dojś*), *drebić* (НЛ. *drobiś*), *lemić* (НЛ. *łomiś*), *selić* (НЛ. *solis*), *śłejek* (ВЛ. *śłowjek*), *derje* (и *dobrje*), *pšec* (НЛ.) и *preć* (ВЛ.); 4) пра-слав. ѣ въ оконч. сравнит. ст. *ejšy, ej* въ НЛ.: *po-vejšy, lerej*; 5) пра-слав. ѣ, ѣ, ѣ, послѣ абсолютно твердыхъ дыхательныхъ (*s, c, z* въ ВЛ. и *s, c, z, š, ž* въ НЛ.), напр. *sec, seŷy, šery, žaseć, cesto, muže, duše, cesć, žeŷ*. Ср. выше стр. 602—603.

Твердое е (соотвѣтств. ѣ, иногда ѣ, е) послѣ *c, s, z* въ ВЛ. часто замѣняется череъ *y*: *cyŷy, sum, suwka, suŷo, sytka*; тоже явленіе наблюдается и во многихъ говорахъ НЛ., но не въ книжномъ (Хотѣбузскомъ): *sutny, šygy, šyjc*. Иногда е и у чередуются и послѣ другихъ твердыхъ согласныхъ: *Petyg, Peter, Klóštyg* и *Klóšter*. Въ нѣкоторыхъ ВЛ. говорахъ (особенно католическомъ) *y* послѣдовательно замѣняетъ открытое твердое е въ исходѣ словъ, послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. *dobre džeŷ, huse* (вм. *husy*), *spłakneć* и друг.

Мягкое *е* соответствует 1) пра-слав. *e*: *jelen*, *kralejstwo* (НЛ.), *kralestwo* (ВЛ.), *kšemjeń* (НЛ.), *křemjeń* (ВЛ.), *lešeš* (НЛ.), *lećeć* (ВЛ.), *wjasele* (НЛ.), *wjesele* (ВЛ.); *njebo*, *njewjesta*, *gjemjeń*, *šele* (НЛ.), *ćelo* (ВЛ.), *zewješ* (НЛ.), *dzewjeć* (ВЛ.), *psijaćel* (НЛ.), *piše* и др.; 2) пра-слав. *ь*: *rjeń*, *džeń* (ВЛ.), *žeń* (НЛ.), *kobjel* (ср. стр. 603), 3) пра-слав. *ѣ* въ неударяемыхъ слогахъ: *boleć*, *ćlowjek* и др. ср. выше о соответствіяхъ старо-слав. *ѣ* стр. 603; 4) пра-слав. *ъ*: *kel*, *kef*, *kefk*.

Мягкое *е*, какъ исконное, такъ разившееся изъ первичныхъ *ѣ*, *ѣ*, *ь*, не всегда удержалось въ языкѣ; преимущественно оно сохранилось передъ мягкими согласными и въ ударяемыхъ слогахъ и чаще въ ВЛ. чѣмъ НЛ. Во многихъ случаяхъ наблюдается измѣненіе *е*: оно то расширяется въ *о* и *а*, то суживается (сжимается) въ *ѣ* или *і*.

Переходъ *е* въ *о*.

Въ сербо-лужицкомъ яз. какъ въ польскомъ и русскомъ, мягкое *е* въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ мягкое *о*, т. е. въ *jo* (*jo*), напр. *mogjo*, *rojjo*. Это явленіе свойственно одинаково ВЛ. и НЛ., какъ литературнымъ нарѣчіямъ, такъ народнымъ говорамъ; послѣднимъ, впрочемъ, въ различной степени: наиболѣе представленъ переходъ *е* въ *о* въ западныхъ говорахъ, а восточные болѣе держатся первичнаго *е*. Основной законъ слѣдующій: *е* переходитъ въ *jo* въ неударяемыхъ слогахъ, какъ въ окончаніяхъ, такъ внутри словъ, въ образовательныхъ суффиксахъ; внутри словъ этотъ переходъ имѣетъ мѣсто только передъ твердыми согласными, а передъ мягкими сохраняется *е*. Примѣры: 1) *jo* вм. пра-слав. *e*: *mogjo* (ВЛ.), *mórgjo* (НЛ.), *polo* (ВЛ.), *pólo* (НЛ.), *lico*, *pleco* (ВЛ.), *placo* (НЛ.), *słonso* (ВЛ.), *słuyńco* (НЛ.), *rićo*, *wjeselo* (католич. гов., въ другихъ говорахъ *e*: *piše*, *piće*), *knězo* (СЛ.); *mójo*, *twójo jo* (НЛ.), но *moje*, *twoje* (ВЛ.), *mnjo*, *tebjo*, *třo* (ВЛ.), *tšo* (НЛ.), *štyrjo* (ВЛ.), *styrjo* (НЛ.), *pěšo* (НЛ.), *pjećo* (ВЛ.), *šesco*; 2 л. мн. ч. — *šo* (НЛ.), *ćo* (СЛ. катол. гов.), *će* (ВЛ.); 2 и 3 л. ед. ч. переход.—*šo* (НЛСЛ. катол. г.), *še* (ВЛ.); напр. *dawašo*, *dawaćo*, *dawace*, *dawašo*, *dawaše*; 3 л. ед. ч. *bjerjo* (НЛСЛ. катол. г.) и *bjerje* (ВЛ.); 3 л. вспомогат. глаг. *jo*, но въ литерат. ВЛ. *je*; *hižo* (ВЛ.), *južo* (НЛ.);

bolosć, jězor (ВЛ.) jazor (Н. Л.), kralowy, masocha, mužowy, wječor (ВЛ.), wjasor (НЛ.), kónjoju (д. п. НЛ.), konjow, mužow: jogo, joho, jomu, njom (НЛ. и западн. гов. ВЛ.); nosować (ВЛ.), nosowaš (НЛ.), wusušowaš (НЛ.), bjerjom, bjerjoš, bjerjomy, bjeromej, bjerotej (НЛСЛ. зап. гов. ВЛ.), напротивъ въ ВЛ. bjerjem, bjerješ и т. д.; 2) о в. сербо-луж. е изъ ѣ: góloná, gólonka, za(j)zowa (ср. глаг. задѣвати) (НЛ.), susod (ВЛ.); 3) о в. сербо-луж. е изъ а: celo, džečo, jehnjo, gamjo, jatřob, so (ВЛ. напротивъ въ НЛ. šeće, žéše, se); 4) о в. сербо-луж. е изъ ъ: wučobny (ВЛ.), hucobny (НЛ.), kozoł, wosoł¹⁾. Ср. выше стр. 602.

Такимъ образомъ относительно перехода е въ о сербо-лужицкій яз. отличается и отъ русскаго и отъ польскаго: между тѣмъ какъ въ первомъ изъ нихъ этотъ переходъ возможенъ только въ ударяемыхъ слогахъ, а во второмъ одинаково какъ въ ударяемыхъ слогахъ, такъ въ неударяемыхъ, въ сербо-лужицкомъ онъ наблюдается главнымъ образомъ въ неударяемыхъ слогахъ. Тѣмъ не менѣе и въ сербо-лужицкомъ языкѣ встрѣчаются отступленія отъ указаннаго закона и переходъ е въ о иногда имѣетъ мѣсто въ ударяемыхъ слогахъ, именно коренныхъ; напр. čoło, klon, lod, (p)soła (НЛ.), pšoła (ВЛ.), sotia (ВЛ.), sotša (НЛ.), čopły (ВЛ.) šopły (НЛ.), žona, žonski (ВЛ. но въ НЛ. žeński), žołdź (ВЛ.), žoźž (НЛ.). Иногда ВЛ. и НЛ. не совпадаютъ: grjobjło (НЛ.), hrjebło, mjod (НЛ.), měd (ВЛ.), rjebro (НЛ.), rjebło (ВЛ.), sodło (НЛ.), sedło (ВЛ.). Въ нѣкоторыхъ словахъ наблюдается колебаніе въ выговорѣ, напр. daleki и daloki. zeleny и zelony, šeł и šoł и т. п. Ср. польскій языкъ стр. 419—420.

Нижне-лужицкій переходъ е въ 'а.

Кромѣ указаннаго измѣненія гласн. е, ниже-лужицкому нарѣчію свойственъ также переходъ мягкаго е въ 'а; напр. njasć, njazu (между). Это звуковое явленіе болѣе поздняго происхожденія; оно возникло тогда, когда переходъ 'е въ 'о былъ уже усвоенъ языкомъ; въ древнѣйшихъ памятникахъ (XVI в.) оно совсѣмъ не встрѣчается (Новый Завѣтъ Якубицы, 1548) или встрѣчается рѣдко (напр. Канціональ

¹⁾ Безусловно твердо дикательные въ ВЛ. с, з, в а въ НЛ. также ě, ě, ě передъ о не смягчаются, звучатъ твердо, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Моллера); при томъ оно распространилось только въ части серболужицкой языковой области: ВЛ. нар. оно совершенно неизвѣстно.

Мягкое *e* переходитъ въ *ia* только въ ударяемомъ коренномъ слогѣ и передъ твердыми согласными. Если такимъ твердымъ согласнымъ бываетъ дыхательный, то данный переходъ возможенъ какъ въ открытомъ, такъ въ закрытомъ слогѣ; передъ всѣми прочими твердыми согласными *ie* превращается въ *ia* только въ ударяемомъ закрытомъ слогѣ. Указанному измѣненію подвергается всякое мягкое *e*, какъ исконное, такъ разившееся изъ первичныхъ *ъ, ѡ, ѣ*. Примѣры: I. *jazog, pjasć, plasć, lažaś, mjaza, rjas, (печь) rjas, wjasog, wjasele, lagpuś se, mjadweź, wjadro* и др., напротивъ въ ВЛ.: *jezog, pjesć, plesć, ležeć* и т. д. II. *mjasec, rjask, wjaža, jaśmjeń, lasć, lasny, rjas, wjas* и т. д. III, въ ударяемыхъ открытыхъ слогахъ восстанавливается *e*: *mjasć—mjeto, plasć—pletu, wjasć—wjedu, rjakł—rjeku* и др.—Издѣкъ наблюдается *ia* вм. *e* и въ неударяемыхъ слогахъ: *kolaso, pjoɓjaski, zelazny* (гродець. гов.).

Съуженіе *e* въ *ě* (i).

Въ извѣстныхъ случаяхъ *e* подвергается сжатію или съуженію, какъ это бываетъ въ польскомъ и чешскомъ языкахъ. Именно, въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ, чаще передъ твердыми согласными, *e* иногда превращается въ *ě* (т. е. въ *i* съ окраской *e*). Въ большей или меньшей степени это звуковое явленіе свойственно ВЛ и НЛ нарѣчіямъ, но болѣе всего развито въ мужаковскомъ гов. Примѣры ВЛ.: *brěsk, čěrc, čěski, Pětr, šesty, drěwko, měd* (р. п. *mjeda*) *pěc* (р. п. *rjesy*), *slěz, trěbny*; НЛ.: *kšesćijan, kšwě, Pěťš, srědny, lědba*; мужав. г.: *jědno, lědm, lěn, rěc, pěc* и др.—Иногда вм. *e* слышится чистое *i*: *žinsa, žiń* (НЛ.) *jidnaćeń*.

Ў.

Своеобразный серболужицкій звукъ *ě*¹⁾ соответствуетъ: 1) старослав. *ъ* напр. *běg* (НЛ.); *hnězdo* (ВЛ) см. стр. 603) старослав. *ѡ*, въ НЛ., напр. *jězyk* (ВЛ. *jazyk*) см. выше стр. 603.

¹⁾ О произношеніи *ě* см. выше стр. 600.

Гласн. ѣ выступаетъ преимущественно въ ударяемыхъ коренныхъ слогахъ, притомъ передъ твердыми согласными; напр. klěb (НЛ.), khlěb (ВЛ.), lěto, měch, řeka, swět, měso, řed и др. Передъ мягкими согласными и въ неударяемыхъ слогахъ ѣ обыкновенно превращается въ je; напр. mjedź (ВЛ.), měj (НЛ.), pjenjez, strelis (НЛ.), boleš (НЛ.), boleć (ВЛ.), hobjed (НЛ.), wobjed (ВЛ.) и др. Ср. выше стр. 603. Въ сложныхъ словахъ иногда остается ѣ и въ томъ случаѣ, когда на него не падаетъ удареніе; напр.: pšilětny, poslědny, njerěd и т. п.

Находясь подъ удареніемъ ѣ въ НЛ. и мужае. г. суживается въ i: gniw, kwit, lip, spiw.—Въ ВЛ. (особенно любійскомъ и горномъ гов.) ѣ переходитъ въ i въ неударяемыхъ слогахъ: w pismi, gubi, widzić, nimam.

І. У.

Въ серболужицкомъ яз. (какъ въ русскомъ и польскомъ) вообще различается узкое і отъ широкого у; і звучитъ всегда мягко (ji) и соотвѣтствуетъ праслав. и старослав. и; у произносится твердо и соотвѣтствуетъ праслав. и старослав. ѡ; напр. bić, wino, buć (ВЛ.), biš, buš (НЛ.). Твердое у въ зависимости отъ сосѣднихъ согласныхъ представляетъ различныя отгѣнки произношенія, преимущественно въ НЛ. Такъ въ НЛ. говорахъ Др. Мука отличаетъ пять видовъ у: закрытое гортанно-нёбное (y), открытое гортанно-нёбное (ÿ), сжатое гортанно-нёбное (y), закрытое нёбное (ȳ) и открытое нёбное (ý) напр. ty, sy, mÿ smÿ, gÿle, bÿš, cÿbula.

Послѣ твердыхъ согласныхъ (неспособныхъ къ смягченію) первичное і переходитъ въ у, какъ въ польскомъ и частью въ русскомъ языкѣ. Въ ВЛ. этотъ переходъ имѣетъ мѣсто послѣ с, z, s, въ НЛ. и СЛ. сверхъ того послѣ š, ž (dž); напр. prosuc (ВЛ.) pšosyš (НЛ.), sygota, suzu, zuma, cyhel (ВЛ.) cygel (НЛ.), šuja (НЛ.), šija (ВЛ.), šyš (НЛ.), šic (ВЛ.), bóžu (НЛ.) boži (ВЛ.), lžuca (НЛ.), lžica (ВЛ.). Въ НЛ. у вм. і и послѣ начальнаго придыхательнаго h: hucas, Hylža (Елизавета), hup (нѣмец. hin), hupak, hušcer; а въ нѣкоторыхъ говорахъ (отъ Гродка до Хотѣбужа) и послѣ дыхательнаго j: seju, juch, mojuh.

Напротивъ послѣ гортанныхъ g (h), k возможно только і, а въ НЛ. тоже относится и къ ch. Такииъ образомъ старослав. чы, гы, кы

въ ВЛ. соотвѣтствуютъ *ki, gi, ghi*, въ НЛ. *ki, gi, chy*; напр. *rokita, ruki, kij, kiwaś* (ВЛ.), *kiwaś* (НЛ.), *hibaś* (ВЛ.), *gibaś* (НЛ.), *dołhi* (ВЛ.), *długi* (НЛ.), *chyliś* (НЛ.), *khilić* (ВЛ.), *chytaś* (НЛ.), *chyťsy* (НЛ.), *khětry* (ВЛ.) Ср. русскій и польскій яз. 422. Относительно употребленія *у, і* послѣ гортанныхъ и дыхательныхъ ВЛ. стоитъ ближе къ польскому, НЛ.—къ русскому (литературному и велико-русскому).

Какъ въ ВЛ., такъ въ НЛ. *і* можетъ переходить въ близко родственное *ѣ*; ВЛ.: *khěza, pělny, smělny, sléna, šęroki, pęgow, šędzęwс*; НЛ. *bęrje, slęvka, stšęz* (крапивникъ), особенно въ глаголахъ многократного вида: *bęrać* (ВЛ), *bęraś* (НЛ.), *zbęrać, sbęraś, wudźęrać* (ВЛ.) *huźęraś, wumęrać* (ВЛ.) *humęraś* (НЛ.) и др. Ср. польскія *sierota, umierać* 422; въ чешскомъ напротивъ *і*: *umirati*.

Первичное *у* во многихъ говорахъ ВЛ. и НЛ. переходитъ въ *о* или *и*; напр. *rótać* (ВЛ.) *rótaś* (НЛ.), *złó* и *złu* (вм. *zły*), *do zymo* и *do zymu* (вм. *do zymu*), *mó smó* и *tu smu* (вм. *tu smu*), *wó, bóс*. Эта особенность распространена преимущественно на западъ отъ Спревы; на востокъ отъ этой рѣки большею частью удерживается исконное *у*. Въ будышинскомъ говорѣ господствуетъ *о* (*и*), напротивъ въ хотѣбужскомъ—сохраняется *у*. Въ литературныхъ языкахъ (ВЛ. и НЛ.) обыкновенно удерживается *у*; но въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ вм. *у* пишется вошедшее во всеобщее употребленіе *и*; именно: 1) въ частицѣ *wу*: *wurusicіć* (ВЛ.) *hurusicіś* (НЛ.), *wurіć* (ВЛ.), *hurіś*, (НЛ.), *wułożіć* (ВЛ.), *hułożys* (НЛ.), *wuwolać* (ВЛ.), *huwolaś* (НЛ.); 2) въ коренныхъ словахъ съ *wу*: *wudra, wuc* (ВЛ.), *huś*; 3) въ слѣдующихъ словахъ: *mólić* (ВЛ.) *móliś* (НЛ.), *njetopor* (ВЛ.), *rłuwac* (ВЛ.), *ruchota* (НЛ.) *ruchać* (ВЛ.) и др. Въ любійск. г. сохраняется *wу*; *wudać*. Въ городецк. гов. *у* звучитъ близко къ чешск. *ej*; *beіś* (чешск. *byt, bejt*).

О. о.

Въ серболужицкомъ языкѣ *о* бываетъ троякое: краткое или открытое гортанное (*o*), протяжное или закрытое (*ō*) и суженное или сжатое, звучащее какъ бы *uo* (*ȯ*). Первые два не различаются въ обычной графикѣ. Самое распространенное *о* краткое, открытое. Протяжное или закрытое *о* слышится передъ *р, в, ш, w* (*ł*); напр. *pōwu, głōwa, na pōmos, stōł* (произнос. *stow*).

Сжатое *ó* соотвѣтствуетъ польскому *ó* и чешскому *ů*; въ немъ можно видѣть слѣдъ прежней долготы (ср. стр. 420, 69). *ó* возможно только въ ударяемыхъ слогахъ, при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за звукомъ *o* не слѣдуетъ ни губнаго, ни гортаннаго согласнаго; напр.: *kóbi*, *híód*, *móšna*. Если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи удареніе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное *o*; напр. *konja*, *hódu*. Въ частности ВЛ. и НЛ. представляютъ слѣдующее различіе: въ ВЛ. *ó* выступаетъ только въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ, а въ НЛ. какъ въ закрытыхъ, такъ и въ открытыхъ слогахъ, лишь бы только звуку *o* непосредственно предшествовалъ одинъ изъ губныхъ (*p*, *b*, *m*, *w*), или гортанныхъ (*k*, *g*, *ch*) согласныхъ; напр. ВЛ. *zbóžnik*, но *zbože* (счастье) (НЛ. *zbóžo*, скотъ) *bósy* (НЛ.), *bosy* (ВЛ.), *mórgjo* (НЛ.) *morjo* (ВЛ.), *wółaś* (НЛ.), *wółać* (ВЛ.) *góra* (НЛ.), *hoga* (ВЛ.); *kóza* (НЛ.) *koza* (ВЛ.); но и въ НЛ.: *woko*, *gowjedo*, *kokot*. Впрочемъ, на основаніи употребленія *ó* въ нѣкоторыхъ говорахъ (Гродекъ, Мужаковъ) полагаютъ, что и въ НЛ. прежде дѣйствовалъ тотъ же законъ, что и въ ВЛ. т. е. что *ó* слышалось только въ закрытомъ слогѣ (Мукъа, Hist. u. Vergl. Laut—u. Formenlehre, 99).

Въ отдѣльныхъ словахъ выступаетъ *ó* и передъ гортанными; напр. *mógu*, *mógł* (НЛ.), *móžu*, *móhł* (ВЛ.), *Bóh* (ВЛ.), но *Vog* (НЛ).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (будышинск., вообще на востокъ отъ Спревы) наблюдается *ó* и въ неударяемомъ слогѣ, что допускается и въ ВЛ. книжномъ языкѣ въ сложныхъ словахъ, когда простое слово еще живетъ во всеобщемъ употребленіи; напр.: *hógka* и *přihógka*, *dógna* и *nadrógny*.

Въ западныхъ говорахъ НЛ. и ВЛ. вм. *ó* слышится краткое *u*: *guga*, *chugu*.

Въ верхнелужицкихъ говорахъ (напр. будышин. дубецк. и др.) часто *ó* (а иногда *u*) и передъ губными и гортанными: *pór*, *próch*, *dół*, *dzówka*, *dzuwka* (СЛ.), *kuřwać*.

Въ нижнелужицкихъ говорахъ (*Bórkowy*, *Smogorjow*, *Prjawor*, *Us*, *Nowa Wjes*, *Barbuk* и др.) въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ *ó* переходитъ въ *y*: *kuń*, *gugka*, *sryd* *njebjom*, *wuł* (по *wóła*).

Серболужицкое *o* (*ó*) соотвѣтствуетъ праслав. *o*; напр. *dom*, *bohaty*; 2) прасл. *ъ* въ ВЛ.: *son* (стр. 601); 3) представляетъ расширеніе первичнаго *e*: *morjo*, *bolosć*; (ср. выше стр. 607); 4) въ мѣстныхъ говорахъ *ó* замѣняетъ *y*, *u*; напр. *zló*, *chomot*.

U.

Гласн. u соотвѣтствуетъ: 1) праслав. u напр.: duša, głu chy mucha, kipić; 2) праслав. и старослав. ѡ; напр.: dub, głub, mudry, guka, zub (ср. стр. 602); 3) праслав. y (въ частныхъ говорахъ): złu, do zumu, (ср. стр. 611).

Въ говорахъ, преимущественно ВЛ. и СЛ., иногда u переходитъ въ y, особенно послѣ или передъ губными; напр. rozum (ВЛ. rozom), gołub', ryto, rŷydło (ВЛ. rrudło), wutšoba (СЛ., но въ ВЛ. wutroba). Въ литер. ВЛ. нар. глаголы II вл. имѣютъ въ основѣ неопредѣленнаго навл. пу вм. ѡ напр. wuknyć, pawuknych, pawupnyć.

Рѣже діалектическое чередованіе u съ o: chomot, rozomny, stro-
na, hałoza.

Иногда ju превращается въ ji (какъ въ чешскомъ яз.): blido, libić (ВЛ.), libiś (НЛ.), plinuś (но ВЛ. plunyć), witše (НЛ., въ ВЛ. jutře); Libin, Libij. Наоборотъ иногда i переходитъ въ ju: keluch, sluwa и sliwa, leluja (лилія).

Соотвѣтствія пра-славянскимъ рѣ, рь, лѣ, ль, ѣр, ѣр, ѣл, ѣл
(старослав. рѣ, рь, лѣ, ль) между согласными.

Гласныхъ r, l, соотвѣтствующихъ чешскимъ и словацкимъ, въ сербодужицкомъ языкѣ нѣтъ. Старославянскимъ сочетаніямъ рѣ, рь, лѣ, ль соотвѣтствуютъ сочетанія согласныхъ r, l съ ясными гласными, при чемъ порядокъ звуковъ удерживается тотъ же, какой надо допустить для праславянскаго языка. Только въ нѣкоторыхъ словахъ гласный, соотвѣтствующій ѣ, ѣ совсѣмъ отсутствуетъ. Въ частности относительно данной черты ВЛ. и НЛ. представляютъ свои особенности.

1) Старослав. рѣ, рь (праслав. ѣр, ѣр) соотвѣтствуютъ въ ВЛ. er, yr, or, jer, въ НЛ. er, yr, jer, ar, jar; напр. cugkej (ВЛ.), cerkwja (НЛ.) ćerw' (ВЛ.) cerw (НЛ.) zorno (ВЛ.), zerno/ (НЛ.), serp, torhać (ВЛ.), tergaś (НЛ.), torhnyć (ВЛ.), tergnuś (НЛ.), kyrkać (ВЛ.), kyrcaś (НЛ.), pjerść, pjerwy, smjerć (ВЛ.), smjersć (НЛ.), ŧtworć (ВЛ.), stwjerś (НЛ.); bar- do, morwy (ВЛ.) humarky (НЛ.), mjerznyć (ВЛ.) marznuś (НЛ.), smorkać (ВЛ.) smarkaś (НЛ.), twerdy (ВЛ.), twardy (НЛ.), khort (ВЛ.), chart (НЛ.), hordy (ВЛ.), gjardy (НЛ.) korćma (ВЛ.), kjarćma (НЛ.), kormić

(ВЛ.), *kjarmiš* (НЛ.), *čornu* (ВЛ.), *сaгny* (НЛ.), *čert* (ВЛ.), *cart* (НЛ.), *džeržeć* (ВЛ.), *žaržaš* (НЛ.). Основнымъ нужно считать сочетание *er*, а для ВЛ. также *or*; всѣ остальные развились вслѣдствіе позднѣйшаго превращенія *e* въ другіе гласные; *jer* выступаетъ послѣ губныхъ и *t*, *d*, когда слѣдующій за *r* согласный мягкій. Нижнелужицкое *ar* имѣетъ мѣсто послѣ губныхъ и гортанныхъ, когда слѣдующій за *r* согласный твердый; а *jar* преимущественно послѣ гортанныхъ *k*, *g*.

2) Старослав. *ъ*, *ь* (праслав. *ъ*, *ь*) соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. *o*, *o*, *je*, въ НЛ. *je*, *a*, *o*, *lu*. Примѣры: *mjelčeć* (ВЛ.) *mjelcaš* (НЛ.), *prjelnić* (ВЛ.), *prjelniš* (НЛ.), *wjelk*, *wołma* (ВЛ.), *wałma* (НЛ.), *kołbasa* (ВЛ.) *kjałbas* (НЛ.); *čołm* (ВЛ.), *соłn* (НЛ.) *žołc* (ВЛ.), *žolc* (НЛ.), *žołty*, *połny*, (ВЛ.) *połny* (НЛ.); *połk*, *khołm*, *hołk* (ВЛ.); *dołhi* (ВЛ.) *dłujki* (НЛ.), *dołh* (ВЛ.), *dług* (НЛ.), *stołp* (ВЛ.) *słup* (НЛ.), *tołkać* (ВЛ.) *tłukaš* (НЛ.), *tolsty* (ВЛ.), *tlusty* (НЛ.). Широкимъ употребленіемъ сочетанія *o* в ВЛ. сближается съ русскимъ яз., напротивъ сочет. *lu* сближаетъ НЛ. съ польскимъ и чешскимъ. Въ СЛ. говорятъ: *wjelk*, *wełma*, *wełna*, *rełny* и *połny*, *sełn* и *соłn*, *dełgi* и *dług* и т. д.

3) Старослав. *ръ*, *рь* (праслав. *ръ*, *рь*) соотвѣтствуютъ: *re*, *ře*, *ri*; напр. *khribjet*, *khrebt* (ВЛ.), *kšebjat* (НЛ.), *křescijan* (ВЛ.), *kšěsćijan* (НЛ.), *krej* (ВЛ.), *kšew* и *kšej* (НЛ.).

4) Старослав. *ю* (праслав. *ю*) соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. *ju*, *ju* (діалект.), въ НЛ. *-lu*, *je*, *ju*, *ju*; напр. *jabłoko* (ВЛ.), *jabłuko* (НЛ.), *kłek* и *kłok* (НЛ.) *kłok* (ВЛ.)—стрѣла, *pleš* (НЛ. плеть), *słóncso* и *słuńco* и *słuńco* (НЛ.).

Иногда въ сочетаніяхъ 3-й и 4-й категорій исходный глухой (*ъ*, *ь*) безслѣдно исчезъ; напр. *džaš* (НЛ.), *rzeć* (ВЛ.), *křcić* (ВЛ.), *kšćiś* (НЛ.), *tkha* (ВЛ.), *rcha* (НЛ. бляха), *třmjeñ* (ВЛ.), *tšmjeñ* (НЛ.), *lza* (НЛ.) въ ВЛ. *syłza*.

Праслав. *tert* = *tret* (*trjot*, *trjat*, *trět*). Прасл. *tort* = *trot*.

Праславянскія сочетанія типовъ *tert* (*telt*) и *tort* (*tolt*) превращаются, какъ въ польскомъ яз., черезъ перестановку гласныхъ *e* и *o*, въ сочетанія типовъ *tret*, *trot*. При этомъ, однако, первичное *e* въ *tert* удержалось очень рѣдко, почти только передъ мягкими согласными; передъ твердыми согласными (за исключеніемъ дыхательныхъ) оно перешло по общему закону языка въ *o*, а въ НЛ. передъ твердыми

дыхательными въ *а*; сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ (особенно въ ВЛ.) е суживается въ *ѣ* (Ср. выше стр. 609). Примѣры: 1) *brēmjo* (ВЛ.), *brjemje* (НЛ.), *prēni* (ВЛ.), *prjedny* (НЛ.), *srjedža* (ВЛ.), *srježe* (НЛ.), *žrēbjo* (ВЛ.), *žrebje* (НЛ.); 2) *brjóh* (ВЛ.), *brjog* (НЛ.), *drjewo* (ВЛ.), *drjowo* (НЛ.), *mlokø*, *trjeba* (ВЛ.), *trjoba* (НЛ.); 3) *brēza* (ВЛ.) *brjaza* (НЛ.), *plasn̄* и *plesn̄*, *wlec* (ВЛ.), (*w*)*lac* (НЛ.); 4) *broda*, *brona*, *groch* (НЛ.), *hroch* (ВЛ.), *chrom*, *krowa*, *mgroz*, *prose*, *błoto*, *głos* (НЛ.), *hlós* (ВЛ.).

Въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ—*mrēc(ś)*, *prēc(ś)*, *strēc(ś)*, *trēc(ś)* и нѣкот. др. *ѣ* возникло вм. *е*, вѣроятно, по аналогіи другихъ односложныхъ неопредѣленныхъ, напр. *smęc(ś)*, *gręc(ś)*.—Ср. польскій яз. 423—424.

Долгота гласныхъ.

Въ современномъ языкѣ Сербовъ-Лужичанъ не различается количество гласныхъ, ихъ долгота и краткость; всѣ гласные звучатъ одинаково кратко. Но въ старомъ языкѣ еще чувствовалось различіе количества. Такъ въ переводѣ Новаго Завѣта, сдѣланномъ Якубицей въ 1548 г., еще ясно обозначаются долготы повтореніемъ одной и той же буквы, а иногда сверхъ того вставкой *h* между удвоенными буквами; напр. *gehe* (т. е. *je*, *ѣсть*), *pehemy* (т. е. *pěmy*) *spihu* (т. е. *spi*), *daa*, *gaada*, *wooda* и др. Въ настоящее время слѣды утраченной способности языка различать долготы сохранились въ т. н. суженныхъ или сжатыхъ гласныхъ и въ нѣсколько протяжномъ или точнѣе, закрытомъ выговорѣ гласныхъ. Въ ВЛ. суженію подвергаются: *е* въ *ѣ*, *о* въ *ó*; въ НЛ. сверхъ того: *ѣ* въ *і*, *ó* въ *у*, *ѣ* (= *а*) въ *ч* (только у Якубицы). Ср. выше соответствующіе параграфы о именованныхъ гласныхъ. Тоже явленіе въ польскомъ яз., въ которомъ *а*, *е*, *о*, *е* сжимаются въ *á*, *é*, *ó*, *ą* ср. 417, 418, 421. Нѣсколько протяжный выговоръ получаютъ: *а*, *і*, *и*, *е*, *ѣ*, *о*, *у* только въ ударяемыхъ слогахъ передъ согласными. Эта протяжность позднѣйшее явленіе въ языкѣ.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ вообще довольно рѣдкое явленіе въ серболужичкомъ яз. Главнѣйшіе случаи: *powa* (= *powaja*), *powu* (в. п. = *по-*

wuju), powi (ВЛ., имен. п. мн. ч. ч. муж. р. =powiji), plesech, plešech
 переход. =pleseach), grejach; pas (=pojas); bać (ВЛ. =bajać), kać so
 (ВЛ. въ НЛ. kajaś se), tać (ВЛ. въ НЛ. tajaś).

З і я и і е . °

Зіянiе устраниается, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ:

1) посредствомъ вставочныхъ j, v, n: biju, kruju, dawać (ВЛ.), dawaś
 (НЛ.) dońdu, pańdu, pšindu, vuńdu (ВЛ.); 2) черезъ превращеніе u въ
 w; i въ j: žwać, pójdu НЛ.).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Какъ въ началѣ и концѣ, такъ въ среднѣ словъ могутъ исче-
 зать болѣе или менѣе часто слѣдующіе гласные: i: herc, gerc, gła
 (НЛ., въ ВЛ. jehła), mě (НЛ. въ ВЛ. mjeno), ška, špa (НЛ. иштѣба),
 žom, žéch (НЛ.) džéch (ВЛ. =жѣ, жѣжъ); въ предлог. z, въ неопр. н.
 kryć, kryś, pleć (ВЛ.), plać (НЛ.); въ повел. н.: pjes (ВЛ.) pjas
 (НЛ.), pjestej, pjesmy (ВЛ.), pjastej, pjasmy (НЛ.); въ дат. п. ед. ч.
 муж. р.: dubej (ВЛ.), duboj (НЛ.); въ оконч. существ. на -anica
 -anica, guseńca, (НЛ.), husańca; въ окончаніяхъ глаголовъ на -jiti
 (НЛ.): brojś, brojm (въ ВЛ.—brojić, brojim); rogońc, wilki и wielki и др.

e: въ нарѣчійхъ, особенно въ сравн. ст. lěrpjėj (НЛ.) lěrje (ВЛ.),
 hoboj (НЛ.), hynac, huśc (НЛ. в. ВЛ. hešće); въ соединеніяхъ съ
 частицей že: štož (ВЛ.) sož (НЛ.), kiž.

o: gurka, gadło; въ род. п. мѣстном. и сложн. скл. tog, nikog,
 wjelikeg (въ народныхъ говорахъ); как, tak, howak, hynak, nic, nac,
 woc, kurwać, kurwaś.

u: bogi (и hobogi), въ дат. п. мѣст. и сложн. скл.: tom, božom,
 drugem (въ народн. гов., а также въ НЛ. изд. Bramborski Casnik;
 rawk, gólb' (НЛ.), hoľb' (ВЛ.), žoľz (НЛ.) žoľdz (ВЛ.), b'du, b'zoś
 (НЛ.), njeb'du (ВЛ.).

y: dosć, zrota (и syrota НЛ.), kobła (ВЛ.) ab', tud (НЛ.).

Вставочные звуки вообще рѣдки: sum (ВЛ.), som (НЛ.), sedum
 (ВЛ.), sedom (НЛ.), wósum (ВЛ.), wósom (НЛ.).

Б. С о г л а с н ы е.

L, l. R, r, ř. N, n.

Въ серболужицкомъ яз. (главнѣйше въ литературныхъ нарѣчіяхъ) различаютъ два основныхъ l: твердое (l̥) и мягкое (l); первое слышится передъ широкими гласными, второе передъ іотованными и узкими гласными, какъ основными (e, i), такъ развившимися изъ первичныхъ ъ, ѣ, ѡ. Примѣры: běly, kozoł, smoła, gadło, kózlař (НЛ.), kózler (ВЛ.), bělic (ВЛ.), běliř, polo, koleno, na stole, celo (ВЛ.), sele (НЛ.).

Передъ согласными l звучитъ то твердо, то мягко; въ послѣднемъ случаѣ мягкость обыкновенно обусловлена исчезнувшимъ ъ; напр.: lža, małki, rołny, zwolny, dželba (ВЛ.), zelba (НЛ.). Иногда мягкое l вм. твердаго l̥: klarc, Лукаš, mjelceć (ВЛ.), mjelcař (НЛ.), pjełnić (ВЛ.), pjełniř (НЛ.), wjelk, ćlowjek (ВЛ., въ НЛ. ćlo(w)jek), loni (ВЛ) въ НЛ. łoni), mjetla (ВЛ., въ НЛ. mjetła).

Въ живой рѣчи какъ твердое, такъ мягкое l въ разныхъ мѣстахъ произносятся различно. Въ большей части Верхнихъ Лужиць (за исключеніемъ сѣверо-востока), а въ Нижнихъ Лужицахъ—въ хотѣбужскомъ и гродецкомъ уѣздахъ, а также въ западныхъ и среднихъ говорахъ средне-лужицкаго нарѣчія твердое l̥ звучитъ какъ губное w; напр.: wrał = spraw, rołny = rowny, ług = wug. Въ остальныхъ частяхъ серболужицкой территоріи т. е. во многихъ мѣстахъ Нижнихъ Лужиць, въ сѣверо-восточномъ углу Верхнихъ Лужиць, въ мужаковскомъ говорѣ, въ восточныхъ говорахъ средне-лужицкаго нарѣчія твердое l̥ сохраняетъ свой болѣе древній (горловой) выговоръ, приближающійся къ русскому твердому л и къ польскому ł; напр.: wrał, rołny, ług. Мягкое l всегда сохраняетъ свой древній выговоръ лишь въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ удержалось и древнее l̥. Тамъ же гдѣ твердое l̥ звучитъ какъ w, исконная мягкость l выступаетъ только передъ e, ę, i; напр.: chwale, zeleny, bělic; напротивъ передъ a, o, u (смягченными) слышится среднее, нѣмецкое l; напр.: polo, lubość, kral.— Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Něwa, Wózwjerch, Klinka, Husoka, Gózd) НЛ. l̥ вокализуется въ o (какъ въ сербскомъ яз.): wrao, stoo.

R можетъ быть твердымъ (r) и мягкимъ (r̥, ř). Твердый выговоръ слышится передъ согласными и широкими гласными, мягкій передъ іотованными и узкими гласными (исконными и развившимися изъ

первичныхъ ъ, ѣ, ѡ); напр.: rež, radło, ryc(ś), brod, dwór, rjad (ВЛ.) red (НЛ.), bręza (ВЛ.), brjaza (НЛ.), brjoh (ВЛ.) brjog (НЛ.), pastyr, hospodafski.

Мягкое г, въ противоположность чешскому и польскому, вообще не мѣняется своей природы (см. вышеприведенные примѣры). Только послѣ k, p, t оно превращается, какъ въ другихъ сѣверо-западныхъ, славянскихъ языкахъ, въ небный (палатальный) звукъ именно въ ВЛ.—въ ш(ś) ¹⁾, въ НЛ.—въ мягкое с(ś). Примѣры: ВЛ.—křik (т. е. кши), třeci (т. е. тшеци), křiz, křidło, křiwy, tři, křemjeń, třepac, přasc, křic, křescijan, přah; напротивъ въ НЛ. kšik, tšesi, kšica, kšidło, kšiwu, tšü, kšemjeń, tšepaš, pšesc, kšiciš, kšescijan, pšeg.

Въ НЛ. г, стоящее послѣ k, p, t измѣняется въ небное ѣ и передъ твердыми гласными; напр.: kšasa, kšaj, kša(d)nuš, pšawu, mokšota, pšosyš, hutšoba, tšocha, kšuty, tšubiš, kšew, kmótš, wětš; напротивъ въ ВЛ.: krasa, kraj, kra(d)nyč, prawu, mokrota, prosyč, wutroba, kruty, trubič, krew, kmotr, wétr; праслав. str соответствуютъ въ НЛ. tš, въ ВЛ. -tr; sotša (муж. р.) sotra (ВЛ.), wótšy (НЛ.), wótry (ВЛ.). Палатализация г представляетъ собой явленіе сравнительно поздняго происхожденія. Въ XIII ст., сколько можно судить по написанію лужицкихъ мѣстныхъ названій ²⁾ въ грамотахъ, оно еще не было свойственно языку. Несомнѣнно, что оно возникло прежде всего передъ узкими гласными и j; и только позже г стало превращаться въ ѣ и передъ широкими гласными.—Въ тѣхъ случаяхъ когда сочетанія kr, pr, tr не первоначальны, т. е. въ праслав. яз. раздѣлялись какимъ-либо изъ гласныхъ, г не подвергается палатализации; напр. pru, prješ, prjoš, tru—trjoš, prač(ś), prě(d)ni, trjeba (ВЛ.) trjoba (НЛ.), krowa, krotki, proch, strona и др. но pře, před, přez (ВЛ.) и pše, pšed, pšez (НЛ.).

Переходъ г въ ѣ передъ широкими гласными представленъ въ НЛ. не съ одинаковою послѣдовательностью. Въ этомъ отношеніи Нижніи Лужицы дѣлятся на двѣ половины—сѣверо-западную и юго-восточную ³⁾

¹⁾ Въ книжномъ языкѣ такое видоизмѣненное г обозначается какъ въ чешской грамматикѣ посредствомъ знака ř.

²⁾ Напр. Krimnitz, Krischow, Stradow, Dobristroh, Krischa и др. Ср. Dr. Mucke Histor. vergl. Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache. 1891 г. 229.

³⁾ Граница между ними идетъ по линіи: Jaseń, Bukow, Kórjeń, Słychow, Wjeńki, Liškow, Janbojce, Drjejce.

въ первой указанный законъ выдерживается въ полномъ объемѣ; во второй только *tr* переходитъ въ *tš*, а *kr*, *pr* остаются безъ измѣненія; напр.: *tšowa*, *tšach*, но *kraj*, *prawy*.

Въ СЛ. вм. *pše*, *pši*, *pšě*, *pša* (=пра) слышится *ptše*, *ptši*, *ptšě*; *ptša* и затѣмъ послѣ исчезновенія *p*: *tše*, *tši* и т. д.; напр.: *ptšec*, *tšec*, *ptšedać*, *tšedać*, *ptši*, *tši* и т. д.

Иногда *l* и *r* чередуются: *kowal* (НС.), *kowař* (ВЛ.), *gjemjas* и *lemjas*, *slabro* и *slobro* (НЛ.), *slěbro* (ВЛ.), *srěbło* (муж. г.).

Ń можетъ звучать твердо и мягко. Смягченіе имѣетъ мѣсто передъ *j* и узкими гласными (*e*, *i*, *ě*), первичными или развившимися изъ праслав. *ъ*, *л*, *ь*, а также передъ исчезнувшими *ь*. Передъ *i*, *ě* мягкость не обозначается, на концѣ словъ и передъ согласными она передается черезъ *ń*, въ другихъ случаяхъ черезъ *nj*. Примѣры: *noha*, *noga*, *dank*, *gana*, *nizki*—*hnězdo*, *njesć* (ВЛ.), *njasć*, *pořdnjo* (НЛ.), *njenjez*, *końc*, *dzeń*.

Въ говорахъ **n** иногда чередуется съ **m**: *gunno*, *pon*, *poten* (вм. *potom*). *Hadank* (НЛ.), *niłki* (ВЛ., въ НЛ. *měłki*, *mjałki*), *nimo*, *zank* (ВЛ.), *čolm* (ВЛ.) *sołm* (НЛ.), *wolma* (ВЛ.), *wałma* (НЛ.) и др.

D, z, dž, ź. T, c, ć, ś.

Зубные *d*, *t* подвергаются двоякому смягченію: 1) передъ праслав. *j* и 2) передъ узкими гласными, исковными или ихъ позднѣйшими замѣнами. Въ первомъ случаѣ оба нарѣчія совпадаютъ, во второмъ различаются.

Праслав. *dj* = *z*, праслав. *tj* = *c*. Такъ въ ВЛ. и НЛ., а равно въ чешскомъ яз.; съ польскимъ и словацкимъ полное сходство простирается только на замѣну первичн. *tj*. Примѣры: *mjeza* (ВЛ.) *mjaza* (НЛ.), *puza*, *přaza* (ВЛ.), *pšeza* (НЛ.), *hosproza* (ВЛ.), *gósproza* (НЛ.), *jěz*, *wěz* (НЛ. въ ВЛ. *wjedź*) *szuzy*, *svěca*, *řica*, *kozleczy*, *šeleczy* (НЛ.), *celeczy* (ВЛ.), *jěducy*, *chwalecy*, *cu*, *com*, *soš*.—Серболужицкое *z*, въ роялпо, образовалось изъ болѣе древняго *dž*, которое представляютъ польскій и словацкій языки.

Глаголы, соотвѣтствующіе старославянскимъ на **-тити**, **-тити**, **-дтити**, **-дтити**, представляютъ отступленія отъ указаннаго закона; въ тѣхъ

формахъ, гдѣ *i* превращается въ *j*, зубные *t*, *d* переходятъ не въ *с*, *z*, а въ *б*, *б*, *дз*, *з* какъ передъ узкими гласными: ВЛ. *wrócić*, *wróci*, *wróciš*, *wrócach*, *wróceny wjerćeć*, *wjerću*, *kadžu*, *kadżeny*, *widžu* НЛ. (*w*)*gośiś*, (*w*)*rosim*, (*w*)*gośach*, (*w*)*gośony*, *wjerseś*, *wjerśim*, *każim*, *każach* *wiżim* Это новообразования по аналогіи. Ср старослав. ~~врати~~, ~~вратити~~, ~~мажда~~, ~~маждася~~ и др. В.-лужицкія *swěčnik*, *swěska*, *swěpnica* (камень) позднѣйшаго образованія, по аналогіи такихъ словъ какъ *guśka*, *guśnik* и т. п.

Передъ узкими гласными *e*, *i*, *ě* (и ихъ позднѣйшими замѣстителями *jě*, *jо*, *ja* (*ju*), какъ исконными, такъ развившимися изъ праслав. *ѣ*, *ѣ*, *ь*, а равно передъ исчезнувшимъ праслав. *ь* согласные *d*, *t* превращаются въ ВЛ. (какъ въ польскомъ) въ *dź*, *б*, а въ НЛ. — въ *ż*, *ś*. Примѣры: ВЛ. *dżewjeć*, *dżesać*, *dziwi*, *brodzić*, *hromadźe*, *mjedź*, *dźed*, *dżeń*, *żołdź*, *dżowka*, *ćichi*, *ćęło*, *ćopły*, *ćahać*, *ćemny*, *bohaćić*, *sprać*, *łohć*; НЛ. *zewjeś*, *żaseś*, *żiwu*, *brożiś*, *gromaże*, *męż*, *żed*, *żeń*, *żołż*, *żowka*, *śichy*, *śęło*, *śopły*, *śęgaś*, *śamny*, *bogaśiś*, *spraś*, *łokś*.

Нижнелужицкія *ż*, *ś*, представляютъ лишь дальнѣйшее развитіе верхнелужицкихъ (и польскихъ) *dź* (= *dźj*) и *б* (= *tśj*), утратившихъ въ своихъ сочетаніяхъ составные мгновенные элементы *d*, *t*. Если зубнымъ *d*, *t* предшествуетъ одинъ изъ дыхательныхъ *s*, *с*, *z*, *ś*, *ż*, *б*, *dź*, *ś*, *ż* (*dź*, *dz*, *б*) то и въ НЛ. *d*, *t* смягчаются передъ узкими гласными только въ *dź*, *б*: *w gnězdźe*, *w gwězdźe*, *późdźe*, *wjeźćo*, *wjasć*, *kwisć*, *dosć*, *rossiwu* и др.

Въ иностранныхъ словахъ *d*, *t* часто не подвергаются переходному смягченію; напр.: *tigr*, *tinta*, *djaboł* и *djas*, *testament*, *deka* и др.

Передъ согласными часто пропадаетъ смягченіе: *dżeń*, *żeń*, р. п. *dnja*, *nić*—*nitka*, *żerdź*—*żerdka* и др.

Сочетанія *dł*, *tł* вообще допускаются, но нерѣдко *d*, *t* исчезаютъ; въ ВЛ. послѣднее явленіе имѣетъ мѣсто чаще всего въ сочетаніи *rdł*, въ НЛ.—во многихъ другихъ случаяхъ; напр.: въ ВЛ. *pletł*, *sadło*, *sydło*, *hordło* и *horło*, *żórło*, *śła*, *pódlą* и *pola*; въ НЛ. *widły*, *gjarđło* и *gjarło*, *kosydło* и *kosyło*, *sadło* и *sało*.

Въ сочег. *dn* обыкновенно исчезаетъ *d*; напр.: ВЛ.—*kranuś*, *kinuś*, *ranuś*, *synuś*, *sfěny* НЛ. *kšanuś*, *kinuś*, *ranuś*, *senuś*, *jany*, *žauy*, *zvignuś*.

Сочетанія *tt*, *dt*, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, превращаются въ *st*: *mjasć*, *mjesć*, *vjesć*.

В. Р. W. F. M.

Согласные губные *b, p, w, f* и губно-носовой *m* передъ *j* и узкими гласными или ихъ замѣстителями произносятся мягко. Это смягченіе не обозначается передъ *i, ѣ*; на концѣ словъ (передъ исчезнувшимъ *ь*) оно передается черезъ знакъ *'*, въ другихъ случаяхъ посредствомъ *j*.
Примѣры: *pѣc* (ВЛ.), *pјас* (НЛ.) *lubić* (ВЛ.), *lubiś* (НЛ.), *wino*, *miły*, *běda*, *spѣw*, *kopjo*, *tehje*, *wjedu*, *mјod*, *mјesć* (ВЛ.), *mјasć* (НЛ.), *fēršta* (ВЛ.), *fjeršta* (Fürst) (НЛ.), *kuр*, *hołb'* (ВЛ.), *gółb'* (НЛ.), *krew'* (ВЛ.), *kšew'* (НЛ.).

Мягкое *w'* между двумя гласными иногда переходитъ въ *j*: ВЛ. *loјіć*, *praјіć*, *domoj* (изъ *domoji*), *synoјo*, *kreјj*; НЛ.: *kšej* и *kšew'*, *creјj*, *rukajca*, *stajim*, *cloјek*, *dołoj*.

F слышится преимущественно въ заимствованныхъ словахъ: *flaša*, *flinta*, *faga* и др.; въ говорахъ также вм. *chw*, *hw*, *h*; напр.: *Fa-loјce*, *zufały* (НЛ.), *fežka* (вм. *hwěžka*), *fizdać* (вм. *hwizdać*), *fać* (Ihać), *fať* (будышин. и катол. г.). Вм. иностр. *f* перѣдео *b, p, ch*: *barwa* (НЛ.), *barba* (ВЛ.), *groba* (НЛ.), *hgrabja* (ВЛ.) *piša* (НЛ.), *pantochła*.

G. H. K. Ch.

Изъ гортанныхъ согласныхъ два *k* и *ch*, соответствующіе старослав. и русск. *к* и *х*, произносятся одинаково въ обоихъ нарѣчіяхъ. Относительно выговора третьяго между ВЛ. и НЛ. различіе; въ НЛ. *g* звучитъ какъ русское *г* (литературное и велико-русское), въ ВЛ. ему соответствуетъ *h*, т. е. *г* произносимое съ придыханіемъ какъ въ чешскомъ языкѣ или малорусскомъ нар. Въ СЛ. обыкновенно слышится *g*, но въ отдѣльныхъ говорахъ наблюдается колебаніе между *g* и *h*. Сверхъ того и *ch* въ началѣ словъ звучитъ не одинаково: древній выговоръ (т. е. *х*) удержанъ въ НЛ. СЛ., между тѣмъ въ ВЛ. оно звучитъ какъ *kh*. Примѣры: *kamjeń*, *kłasć*, *byk*; *duch*, *wucho* (ВЛ.) *hucho* (НЛ.); *gora*, *gad*, *gnězdo*, *prog* (НЛ.), *hoga*, *had*, *hńezdo*, *proh* (ВЛ.), *chudy*, *chóru*, *choriś* (НЛ.), *khudy*, *khory*, *khorić* (ВЛ.).

Верхнелужицкія *h* и *kh*—позднѣйшія явленія въ языкѣ; *h* развивается вм. *g* въ XIII—XVI ст., а *kh*, проникло къ Верхнимъ Лужичанамъ подъ вліаніемъ нѣмецкаго языка лишь въ концѣ XVII ст.; въ катехизисѣ Ворѣха 1595 г. и въ псалмахъ Мартини 1627 нахо-

дится исключительно *ch* (ѣіѣб, ѣобзі, ѣіаіѣба и др. Ср. Мукѣ 154).— Въ ВЛ. *g* удержалось въ заимствованныхъ словахъ, напр.: *ganzg* (Ganserich), *garžnak* (Garnsack), *gërle* (Orgel), *gmejna* (Gemeinde) и др.; также въ звукоподражательныхъ словахъ, напр.: *gigotać*, *gregolić*. Ср. 89, 272, 430.

Гортанные способны въ непереходному смягченію передъ *i*, *e*, именно *k* и *g* (*h*) въ обоихъ нарѣчіяхъ, а *ch* только въ ВЛ. Такимъ образомъ, въ противоположность старославянскому и малорусскому, *ŷ* (*ы*) послѣ гортанныхъ совсѣмъ невозможно въ ВЛ., а въ НЛ. слышится только послѣ *ch*. Примѣры: *hinić* (ВЛ.), *ginuś* (НЛ.), *hibać* (ВЛ.), *gibaś* (НЛ.), *dołhi* (ВЛ.) *długi* (НЛ.) *ruki*, *kidać(ś)*, *kij*; *khilić* (ВЛ.) *chylis* (НЛ.), *chytšy* (НЛ. въ ВЛ. *khetry*), *suchy* (НЛ.), *suchi* (ВЛ.), *daloke*, *druhe* (-ge), *suche* (имен. - вин. п. ед. ч. ср. р. и мн. ч. жен. р.), *dalokego*, *dalokeho*, *drugemu*, *druhemu* и т. д. Данною чертою ВЛ. сближается съ русскимъ (литературнымъ и великорусскимъ), а НЛ. съ польскимъ. Ср. 450.

Переходное смягченіе гортанныхъ, т. е. превращеніе ихъ передъ *j* и узкими гласными въ дыхательные шипящіе (*č*, *ž*, *š*) и свистящіе (*ç*, *ž*), какъ праславянская черта, свойственно сербо-лужицкому языку на ряду съ другими живыми славянскими языками. По сравненію со старославянскими серболужицкій представляетъ слѣдующія особенности: 1) *ch* всегда превращается только въ *š* (ш), т. е. и тогда, когда стоитъ передъ *i*, *ě* (=ѣ) въ окончаніяхъ; 2) въ НЛ. и СЛ. вм. *č* (ч) всегда только *ç* вслѣдствіе того, что въ этихъ нарѣчіяхъ язычный дыхательный *č* уже въ древнюю пору перешелъ въ зубной дыхательный *ç*. Примѣры: *plać* (ВЛ.), *plac* (НЛ.), *gěć* (ВЛ.), *gěç* (НЛ.), *plācu* (ВЛ.), *plācom* (НЛ.), *pječeš* (ВЛ.), *pjaçoš* (НЛ.), *byčk* (ВЛ.) *byck* (НЛ.), *gučka* (ВЛ.), *gucka* (НЛ.), *mučny* (ВЛ.), *musny* (НЛ.), *skoćić* (ВЛ.), *skóçyś* (НЛ.), *gucy* (ВЛ. дат. п.), *guce*, (НЛ.) *w gěce*; *tuž*, *móžeš* (ВЛ.), *móžoš* (НЛ.), *družka*, *tužba*, *zbóžny*, *množić* (ВЛ.), *množič* (НЛ.), *noze* (НЛ.), *nozy* (ВЛ. дат. п.) *w sněze* (НЛ.), *w snězy* (ВЛ.); *duša*, *mušak*, *muška*, *hrěšnik* (ВЛ.), *grěšnik*, *słyšeć* (ВЛ.), *słyšaś* (НЛ.), *moše* (дат. п.) *w proše* (м. п.), *třěše* (ВЛ. двойств. ч.) *stšěše*, *paduši* (ВЛ.). Ср. 89, 272, 430.

Въ повелит. н. вм. ожидаемыхъ *z*, *ç* по отпаденіи конечнаго *i* слышатся *ž*, *č*: *romož* (НЛ.), *wumož* (ВЛ.), *wumož* (НЛ.), *pječ* (ВЛ.), *pjaç* (НЛ.), *suč* (ВЛ.), *sec* (НЛ.), но въ старомъ языкѣ еще *romoz* (Якубид).

Группы *gt*, *kt* подвергаются тому же изменению какъ *tj*, т. е. переходить въ *c*: *móc*, *pjes* (ВЛ.), *pjas* (НЛ.), *póc* (ВЛ.), *pos* (НЛ.). Такъ и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ.

Сочетаніе *kt* чередуется съ *cht*: *kto*, *chto*, *nichto*, *duchtaf* (НЛ.).

Z, ź, dz, dź. C, ć. S, ś.

Свястячіе зубные *z*, *c*, *s* всегда звучать твердо, не способны въ смягченію: *blazn* (ВЛ.), *blazan* (НЛ.), *mógz* (ВЛ.), *mroz* (НЛ.) *cyrkej* (ВЛ.), *cerkej* (НЛ.), *dwojcy*, *gasyc*.

Мягкія *ź*, *ć*, *ś* представляютъ собой смягченіе не соответствующихъ имъ *z*, *c*, *s* а *d*, *t* (передъ узкими гласными), при чемъ *ź*, *ś* свойственны только НЛ., а *ć* преимущественно ВЛ.; напр.: *měž*, *spraś*, *sprać*. Ср. выше о *d*, *t* стр. 619—620.

Точно также *dź*, свойственное ВЛ., возникло изъ первичнаго *d*, стоящаго передъ узкими гласными; напр. *dzeń*.

Dz—твердое двузвучіе—въ настоящее время слышится только въ немногихъ словахъ; именно въ дат.-мѣстн. п. п. нѣкоторыхъ существительныхъ: *mėzdze*, *rozdze* (НЛ. отъ *mėzga*, березовый сокъ и *rozga*), *fidzy*, *Oldzy*, *Wołdzy* (ВЛ.) *Idza* вм. *Iza* (НЛ.). Первоначально *dz*, вѣроятно, играло въ серболужицкомъ яз. такую же роль, какая принадлежитъ этому созвучію въ современномъ польскомъ, т. е. оно замѣняло *g* (*h*) передъ *i*, *y* въ окончаніяхъ.

C соответствуетъ: 1) праслав. *c* (изъ *k*): *guse* (НЛ.), *gusy* (ВЛ.); 2) праслав. *kt*, *gt*: *móc* *pjes*, *pjas*; 3) праслав. *tj*: *svěca*.

Z соответствуетъ: 1) прасл. *z*: *wóz*; 2) праслав. *z* (изъ *g*): *poze*, *pozu*; 3) праслав. *dj*: *puza*. Во 2 и 3 сл. *z*, вѣроятно, возникло изъ болѣе древняго *dz*.

S соответствуетъ исключительно праслав. твердому *s*: *hlós*, *glos*.

Праславянская черта—переходъ свястящихъ *z*, *c*, *s* въ шипячіе *ź*, *ć*, *ś*—представлена въ серболужицкомъ яз. въ слѣдующемъ видѣ: 1) *z*, *c*, *s* переходятъ въ *ź*, *ć*, *ś* передъ праслав. *j*; напр.: *mažu* (ВЛ.), *mažom* (НЛ.), *dokonćeć*, *hornćeć*, *wowćeć* (ВЛ.), *pišu*, *prośeć* (ВЛ.), *přašaś* (НЛ.); 2) праслав. *c* (изъ *kj*) и *z* (изъ *gj*) замѣняются *ć*, *ź* и передъ узкими гласными (*e*, *y*, *i*, *ь*) въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергаются этому превращенію *k*, *g*; напр.: *krawće*, *wotće*, *oblićo*, *wótćina*, *měsačk*, *přenička*, *konćny*; *knježe* (ВЛ.), *knežo* (НЛ.),

pjenježnja, vícežny, sčazka; 3) въ НЛ. вм. ѓ слышится вездѣ с: dokónsaš, gjagónsaš, wójcaš, kónspu, pšenicu и др.

Въ мѣстоименіи, соответствующемъ старослав. ѡнъ, и производныхъ отъ него вм. ѡ слышится ѣ: wšon, wša, wšo (ВЛ.), (w)šep, (w)ša, (w)šo (НЛ.), wšelaki (ВЛ.), (w)šaki (НЛ.).

St превращается: 1) передъ j въ šb; 2) передъ узкими гласными въ sb; напр. mešcan, rušcu, rušcony, scēna, hosć, kosć, mosće, lisćik. Иногда эти сочетанія смѣшиваются и šb слышится и передъ узкими гласными вм. sb: pjeršć, pjeršceń, horšć (ВЛ.).

Zd превращается: 1) передъ j въ žd; 2) передъ узкими гласными въ zd; напр.: Wuježdžan, hwiždžk или hwiždck, hwiždžic, hozdž, mzdže, rozdze. Впрочемъ, žd преобладаетъ: jěždzu, jěždzach, jěždžony.

Sk, zg передъ j и узкими гласными переходятъ: 1) въ šb, žd (при образованіи основъ) или 2) въ sc, zd (передъ i, e въ окончаніяхъ): sb, žd образовались изъ болѣе древнихъ šb, žd, которыя и сохранились въ нѣкоторыхъ говорахъ средняго нарѣчія и въ отдѣльныхъ словахъ НЛ. напр.: droždžeje, roždže. Въ говорахъ ѡ чередуется с и z: stygi, ku ści, zedraš, zhibować. Передъ звучными предлогъ s (съ) обыкновенно звучитъ z.

Ds, ts = c: luctwo, čercki.

Ž. Č. Š. Dž.

Относительно дыхательныхъ шипящихъ ВЛ. и НЛ. значительно различаются между собой. Въ ВЛ. ž, č, š соответствуютъ праславянскимъ и старославянскимъ ж, ч, ш и всегда мягки, въ НЛ. ѓ не существуетъ, оно превратилось въ зубной дыхательный c, а два другихъ шипящихъ ž, č стали твердыми. Примѣры: šumić(š), wiš, žona, žyła (НЛ.), žiła (ВЛ.), šuja, (НЛ.) šija (ВЛ.), šydło (НЛ.), šidło (ВЛ.), žyto (НЛ.), žito (ВЛ.); čornu (ВЛ.) carny (НЛ.), česc (ВЛ.), cesć (НЛ.). čłowjek (ВЛ.), cłowjek (НЛ.), čoło (ВЛ.), coło (НЛ.) čisty (ВЛ.), cysty (НЛ.), co, pi-co (НЛ.), pičo (ВЛ.), wučić (ВЛ.), hucyś (НЛ.).

Переходъ ѓ въ c въ НЛ. совершился уже въ историческую пору: въ XII—XIII ст. этотъ звукъ еще существовалъ, какъ о томъ можно судить по написанію мѣстныхъ названій въ древнихъ грамотахъ, напр. (Tschergen (Carna), Tschernitz (Cersk). Да и въ настоящее время въ отдѣльныхъ словахъ НЛ. также еще сохраняетъ ѓ; напр.: въ сравн. ст.

huzčejšy, rědčejšy; въ суф. увеличительныхъ прилагательныхъ -učki: chodučki, bosučki, tustučki и др., въ сочет. šč: de(j)šč, Lipščanu, Luboščanski, żowčo, и др.

Š перѣдко позднѣйшаго происхожденія изъ s (вѣроятно, не безъ вліянія нѣмецкаго языка): škła, škra, škraбаc(ś), škoga (НЛ. въ ВЛ. skoga), tešny (НЛ.), tyšny (ВЛ.), prošnja (НЛ.); особенно въ заимствованныхъ словахъ: štałt (Gest:lt), kłóštr (ВЛ.), kloštar (НЛ.), štunda (Stunde) и др.

Равнымъ образомъ иногда и ž (вм. z) возникло въ новое время: żwała, żajtša (НЛ. завтра), wobužny (ВЛ.); еще чаще вм. нѣмец. s: żałba (Salbe), żapran (Safran), żognowac(ś), kejžor (НЛ.), kéžor (ВЛ.).

Dž—сложный твердый звукъ, наблюдаемый лишь въ немногихъ словахъ въ НЛ.: droždžeje, róždže, Drėždžanu, (r)dzeń (стержень), łdža (ВЛ. lža), łdžu (лгу). Въ ВЛ. dž слилось съ dź.

Č чередуется съ š: khuduški (ВЛ.), chuduški, małuški, młoduški (ср. выше chudučki), słynjaško, mėšašk, šárka (НЛ.), čарка (ВЛ.), što, něšto (ВЛ.) со, něсо (НЛ.).

Š чередуется съ ž: Naža, mžaknuś, róžnaś (цѣловать); ž съ r: njeborje, njeborjetko (НЛ. въ ВЛ. njebožatko), tuder (НЛ.); ž съ j: bójski, bójstwo (ВЛ.).

Ж.

Согл. j: 1) соответствуетъ праслав. j: jeho (ВЛ.), jogo (НЛ.), je (ВЛ.), jo (НЛ.); 2) очень часто возникъ на почвѣ серболужицкаго языка послѣ гласныхъ передъ мягкими согласными.

Послѣднее явленіе, въ нѣкоторой степени свойственное и другимъ славянскимъ языкамъ, получило въ серболужицкомъ яз. особенно широкое развитіе. Возникновеніе этого т. н. „эпентетическаго“ j повлекло за собою образованіе въ языкѣ многочисленныхъ вторичныхъ двугласныхъ: aj, ij, ej, ěj, oj, oj, uj; напр.: stajп (вм. stań), kójп, déjšč (вм. dešč) wejčor (вм. wječor), dajś (НЛ. вм. daś), sajzis, sajźić, chójziś (НЛ.), chójdzić (муж. г.) но khodźić (ВЛ.), zejпja, młyjпk, wuhejп, lejžeć.—Эта характерная особенность представлена въ обоихъ нарѣчіяхъ, но въ НЛ. она выдержана болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ ВЛ. Въ послѣднемъ вторичн. j появляется преимущественно при e, ě, а при другихъ гласныхъ только спорадически, въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ; между тѣмъ въ НЛ. и СЛ. всѣ глас-

ные одинаково часто превращаются при помощи вторичн. j въ двугласные. Что касается мягких согласныхъ, то они не всѣ въ равной степени вліяютъ на возникновеніе j; болѣе всего имѣютъ значенія ž, ś (НЛ.), ó, dz (ВЛ., СЛ.), затѣмъ l, ř, í, í, í; меньше всего p', b' и особенно w'; а, о, и, у передъ мягкими губными никогда не имѣютъ двугласнаго выговора. Въ ВЛ. возможно появленіе j также передъ ž, ó, ś (которыя здѣсь мягки, между тѣмъ какъ въ НЛ. тверды) и смягченнымъ k; напр.: kojždy, tejž, rejč, tajki, kajki, jepajki.—Въ литературномъ верхнелужицкомъ языкѣ это вторичное j не обозначается; обыкновенно пишутъ: kóń, koždu и др. Перестаютъ его обозначать и нижнелужицкіе писатели.

Сверхъ указаннаго общаго явленія, нужно отмѣтить слѣдующія болѣе частныя: 1) появленіе j послѣ согласныхъ и вм. ž: škrgja (НЛ.), въ ВЛ. škra), chrjaraš, вапшять, drjažniš, gobrjo, bagnjo (НЛ.), bójstwo (ВЛ.) и др. 2) превращеніе j въ l, r: lalki, lawog (гродець. г.).

Уподобленіе согласныхъ.

Общеславянскій законъ уподобленія согласныхъ имѣетъ примѣненіе также въ серболужицкомъ языкѣ, хотя и не въ такой степени какъ въ польскомъ языкѣ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые лужицкіе согласные, какъ s, z, находясь даже передъ мягкими согласными не могутъ смягчаться; напр. gadósc, kosć, kazń и др. Обыкновенно языкъ предпочитаетъ такія сочетанія, въ которыхъ стоятъ рядомъ однородные согласные, т. е. звучные или отзвучные, твердые или мягкіе. Если сталкиваются разнородные согласные, то происходитъ уподобленіе однихъ другимъ, какъ въ прочихъ славянскихъ языкахъ: звучные (mediae) g, (h) d, dz, z, ž, b, w переходятъ въ соотвѣтствующіе отзвучные (tenues): k, ch, t, ó, c, s, ś, sz, p, f и наоборотъ отзвучные въ звучные, причемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предыдущій; напр.: hdy (ВЛ.), gdy (НЛ.), strowy (здоровый) rgjatkař, psoła, pcha, špa, zhibować, zwjazać (ВЛ.), zwezaš (НЛ.), spěwać и др. На концѣ словъ вм. звучныхъ слышатся отзвучные, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: pot, dup, bóch. Въ литературномъ языкѣ обыкновенно удерживается этимологическое правописаніе; но случаются и отступленія (hdy, psoła, strowy и др.).

Расподобленіе согласныхъ.

Нѣкоторыя чередованія согласныхъ въ народныхъ говорахъ объясняются т. н. закономъ расподобленія; напр. g—k: karwona (НЛ. въ

ВЛ. hawron); t—d: njedopyř (НЛ. въ ВЛ. njetopyř); k—oh: chrapa (НЛ. въ ВЛ. krjера), chto, duchtař, klěb (НЛ.), chlěb (СЛ.), khlěb, (ВЛ.) kšeř (НЛ.), chcyć (ВЛ.); b—w: lědba (НЛ., въ ВЛ. lědma), modlitba (сѣв. зап. гов. ВЛ., иначе modlitwa); b—m: glum—glub; ě—š—štyri (ВЛ.) и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновение согласныхъ въ началѣ, среднѣ и концѣ словъ, главнѣйше вслѣдствіе стремленія языка къ упрощенію выговора словъ, весьма распространено въ обоихъ нарѣчіяхъ, особенно въ мѣстныхъ говорахъ. Кромѣ общеславянскихъ явленій (dam, topuć и т. п.) здѣсь наблюдается не мало другихъ мѣстныхъ, развившихся на серболужицкой почвѣ, или встрѣчающихся также въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ частности могутъ исчезать: ĭ, r, d, t, w, b, p, m, g, k, ch, v, c, j.

L: dgař (НЛ.), dhać (вм. ldhać вл. луж. гов.); ža (НЛ. въ ВЛ. lža), въ прич. прош. дѣйств. II—bod, kład, mjet (ВЛ.), mjat (СЛ. въ НЛ. ĭ сохраняется), jaboko (ВЛ.), mogli, myn (НЛ.), món (ВЛ.), hubina (ВЛ.), dumoki (НЛ.).

R: žyny (НЛ. въ ВЛ. žrany вм. ržany), kjasma (НЛ.), kmótstwo, brat (ВЛ. р. п. bratra, въ НЛ. bratš), kmot, Maja (НЛ. вм. Marja).

D: mychař (НЛ.), kinyć (ВЛ.), kinuř (НЛ.) panyć (ВЛ.), panuř (НЛ.); jana, jano, janogo и т. д. (НЛ.), jena, jene, jenoho (ВЛ.), žena (НЛ.), žana (ВЛ.), pozny, srjeny, kosyło (НЛ.), pola и podla.

T: kać(ś), mark, jermank (НЛ.), cesny (НЛ.), česny и čestny (ВЛ.), lubosnost, slać(ś), bohostwo (ВЛ.), bogajstwo.

W: 'rjećeno (ВЛ.), 'rješeno (НЛ.), 'rjod (НЛ.), 'robež, 'ron, 'łoga, 'łos, 'šen, 'ša, 'šo (НЛ.), 'šón (ВЛ.), 'šaki, 'sy (НЛ. р. п. отъ вьсь—село), 'čora (ВЛ.), 'cora (НЛ.), 'jacor (НЛ.), cerkej (НЛ.), cyrkej (ВЛ.) kšej (НЛ.), krej (ВЛ.), rukajca, kšajc (НЛ.), łojić (ВЛ.), łojś (НЛ.) drjejàny (НЛ.) hódzđ, chóry, sroka.

B: serski, derje, 'rjasken (НЛ.).

P: 'coła (НС.), 'čoła (ВЛ.), 'struha (ВЛ.), 'šedać.

M: huno, guno, 'zda (НЛ.).

G, h: dosa(h)nyc (ВЛ.), dosenuř (НЛ.), ća(h)nyc (ВЛ.), šėnuř (НЛ.) (hdze), źo (НЛ.), mła, za(h)roda.

K: ka, ta, pa, šrabać (ś).

Ch: cu, coš, co (НЛ.).

S: třěcha (ВЛ.), tšěcha (НЛ.), třělic, třělba, třihač (ВЛ.), wótsís (НЛ.), křčic (ВЛ.) kścís (НЛ.).

Č: gostej, cestej, puštej (повел. н. двойств. ч.) krotyc.

j: nowejšy, chytřejšy, serwony, zejma (НЛ.) bruch, črop (ВЛ.).

Приставка и вставка согласныхъ.

Гласные въ началѣ словъ не допускаются. Только немногія слова начинаются гласными; напр.: а, аво, абу, але, ако; въ говорахъ: Andrej, Ана и т. п. Обыкновенно передъ начальными гласными появляются т. н. придыханія: j, h, w; j слышится преимущественно передъ узкими гласными, h и w передъ широкими; въ старое время господствовало w, позже вытѣсненное согласнымъ h преимущественно въ НЛ. Нерѣдко по разнымъ говорамъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ чередуются всѣ три придыханія j, h, w. Примѣры: ja, jandžel (ВЛ.), jańžel (НЛ.) jerjeł (НЛ.), herjeł (НЛ. гов.), worjoł (ВЛ.), hinak (ВЛ.), hynak (НЛ.), hić (ВЛ.), huś (НЛ. идти), wowca (ВЛ.), wojca (НЛ.), wón, worjech, wosoba, wótc (отецъ ВЛ.) wósc (НЛ.), hoglědaś и woglědaś (НЛ.), hokoło и wokoło (НЛ.), hopisaś (НЛ.), wopisać (ВЛ.), hobjed (НЛ.), wobjed (ВЛ.), wudowa (ВЛ.), hudowa (НЛ.), wučobnik (ВЛ.), huknik (НЛ. ученикъ), wuzda (ВЛ.) huzda (НЛ.), jutro (ВЛ.), jutšo (НЛ.); Nadam, Jewa (ВЛ.), Hejba (НЛ.), worog (ВЛ.), horog (НЛ. Opfer).

Кромѣ того j является: 1) на концѣ словъ въ нарѣчійхъ; напр. górgjej, hynasej, pśesej, (НЛ.); въ двойств. ч.: wobaj (ВЛ.), hobej (НЛ.), mój, wój, wonej, личн. оконч. двойств. ч. -moj, -taj (ВЛ.), -mej, -tej (НЛ.); 2) въ срединѣ словъ передъ мягкими согласными. Ср. о j стр. 625.

Въ исходѣ словъ иногда могутъ еще появляться (преимущественно въ разныхъ говорахъ) п, ш, г; напр.: НЛ.: ten, wšen, něchten, něchten, nichten, ВЛ.: tón, wśón, něchtón, nichtón; lěbdyn, wjelgin, žgan (НЛ.), lěbdym, lědym (НЛ.), huścer, južor (НЛ.), něntor (гродецк. г.), tamkor, tuder.

Внутри словъ вставочными звуками бываютъ: k въ skrygaś (НЛ.); g: zgrjały, žgrěbje, žgrědło (мужак. г.); d: łdza (слеза), łdža (ложь), łdgaś (НЛ.), hnidlica (ВЛ.), sydr (ВЛ.), zdrjały (НЛ.); n: do njeho (ВЛ.) do njogo (НЛ.), pñic (ВЛ.), zeńc (ВЛ.); b: wučobnik (ВЛ.), hucabnik (НЛ.), wědobny (НЛ. въ ВЛ. wědomny), w: cerkwej (имен. п. НЛ.), kśwej,

knihwy (СЛ.), tawiś (НЛ.), pawk, piwonija; ł: głowjedo (НЛ.), stadło;
l: bluška (пушка), grobla (НЛ.); r: marzle, mordlić so.

Перестановка согласныхъ.

Jabolń (гродецк. г.), paŕkaś (НЛ. въ ВЛ. pŕokać), labef (НЛ. въ ВЛ. rěbl), lobro (НЛ., въ ВЛ. gjeblo) Batramuš (НЛ. Bartholomaeus), karwona (НЛ.), gerwona (СЛ.), gjargona (мужак. г.), katyrśinka (ВЛ.), měnski (СЛ. ВЛ. němski, НЛ. nimski), lěbda (НЛ.)

4. Удареніе.

Удареніе въ серболужицкомъ яз. по качеству *эспираторное* и *однородное*, т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона и остается всегда однообразнымъ вслѣдствіе утраты количества. По положенію въ словѣ оно *одномѣстное* и *постоянное*, именно приходится всегда на первый слогъ отъ начала; напр.: въ ВЛ. pŕoha, wŕtroba, pŕwołanjo, zâsłyśachu, wŕzeskakowachu; въ НЛ.: wŕko, kŕkoška, nâpšeśiwnik, dŕhupśipadowaś. Такимъ образомъ по качеству серболужицкое удареніе сближается съ польскимъ, по мѣсту въ словѣ—съ чешскимъ и словацкимъ.

Нижнелужицкое и частью Среднелужицкое нарѣчія представляютъ любопытную особенность: трехсложныя и многосложныя слова здѣсь имѣютъ кромѣ главнаго ударенія, падающаго на первый слогъ, еще побочное или второстепенное, которое слышится всегда на предпоследнемъ слогѣ, произносимомъ вслѣдствіе того нѣсколько протяжно; напр.: drugŕmi, pŕwołanje, dŕhupśipadŕwaś. Такимъ образомъ нижнелужицкая рѣчь, получающая благодаря указанному свойству нѣкоторую пѣвучесть въ сравненіи съ верхнелужицкою, въ данномъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ служить связующимъ звеномъ между чешскимъ и польскимъ языками.

Отрицательная частица nje и односложные предлоги разсматриваются какъ составныя части словъ, съ которыми находятся въ соединеніи и потому принимаютъ на себя удареніе послѣднихъ, если только этому не препятствуетъ логическое удареніе предложенія; напр.: pŕsach, njèpŕsach, pŕècel и njèpŕcel (ВЛ.), pŕjaśel и njèpŕijaśel, dŕ mosta, pŕ njebu.

Односложные предлоги nad, pŕd, roz, wob (НЛ.), hob (ВЛ.), wŕt (НЛ.), hot (ВЛ.) принимаютъ удареніе со слѣдующаго слова и тогда,

когда для устранения зиянія становятся двусложными: *pađe, róđe, goze, wobe, hobo, wote*; напр.: *nàdemnu, hòbodrěš, ròzebraš*. Если логическое ударение падаетъ на имя, то предлогъ становится энклитивой; напр.: *wop ro dwdófe chodži, ha nic ro rdlu*. Относительно частицъ *paj* (ВЛ.) и *pej* (НЛ.), служащихъ для образования превосходной степени, наблюдается колебаніе: удареніе съ прилагательнаго то переходитъ на частицу, то нѣтъ; напр.: ВЛ. *najwjetši* и *najwjětši*, НЛ. *nèjwjetšy* и *pejwjětšy*.

Въ сложныхъ словахъ, состоящихъ изъ двухъ самостоятельныхъ словъ, обыкновенно каждый изъ составныхъ элементовъ сохраняетъ свое удареніе; напр. *bòhabdjaznosć*.

Нѣкоторые односложныя слова такъ тѣсно примыкають то къ предшествующему, то къ слѣдующему слову, что не имѣють своего ударенія (энклитики). Сюда относятся, кромѣ односложныхъ предлоговъ (см. выше): 1) союзы и частицы—*a, až* (НЛ.); *zo* (ВЛ.), что, чтобы, *ga, gaž* (НЛ.), *hdy, hdyž* (ВЛ.) когда, *léc* (НЛ.), *has* ВЛ. *ли, drje*, конечно, *že, žo* (НЛ.), *dzě, dzen* (ВЛ.), точно, именно, *li, bych* (ВЛ.), *by*; 2) форма настоящаго вр. существительнаго глагола *być(ś)*: *sum, sy, je, smy, sće, su, smój, staj* (ВЛ.), *som, sy, jo, smy, sćo, su, smej, stej* (НЛ.); 3) мѣстоименія *mi, mje, ci, ce* (ВЛ.), *mě, si* (НЛ.), *sej* (ВЛ.) *мни* (тв. п.) *mni* (ВЛ.), *mnje* (НЛ. мѣстн. п.), *вин. п. so* (ВЛ.), *se* (НЛ.), *job, ho, jom, mu, jón* (ВЛ.), *jeg, jem, jen* (НЛ.) *jej, ji* (д. п.), *ju, jo, nas, nam, was, wam, jich, jim, je*; дв. ч. *naj, waj, jej*; *što* (ВЛ.), *so* (НЛ.); 4) односложныя формы мѣстоименія *tón* (ВЛ.), *ten* (НЛ.), *ta, to*—въ томъ случаѣ, когда они употреблены, въ подраженіе нѣмецкому языку, въ значеніи члена; 5) односложныя формы мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ напр. *kiž* (ВЛ.), *kenž* (НЛ.), *sož, ak, hdžež* (ВЛ.) *žož* (НЛ.).

Иностранныя слова то сохраняють удареніе своего языка, то слѣдуютъ законамъ серболужицкаго языка; напр.: *haptýka, katòlski, profèta, študent* (ВЛ.), *po štùdanc* (НЛ.), *pàrasol, Bàtramuš*.

5. Формальныя особенности.

А. Склоненіе.

Склоненіе въ серболужицкомъ яз., какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, представляетъ любопытное сочетаніе старинныя съ но-

визной. Съ одной стороны оно сохраняет двойственное число, давно вышедшее из употребленія въ большинствѣ славянскихъ языковъ, и рядъ древнихъ окончаній въ единственномъ и множественномъ ч.; съ другой—въ немъ наблюдается не малое количество формъ новаго образованія, возникшихъ то вслѣдствіе смѣшенія основъ и окончаній, то напротивъ, подъ влияніемъ присущаго языку стремленія къ дифференціаціи формъ. Наконецъ многія характерныя окончанія падежныхъ формъ объясняются изъ звуковыхъ законовъ языка. Различіе между ВЛ. и НЛ. также зависитъ главнымъ образомъ отъ особенностей фонетики того или другого нарѣчія.

Именное склоненіе.

Въ серболужицкомъ яз. представлены въ болѣе или менѣ полномъ видѣ не всѣ древніе (праславянскіе) типы именного склоненія, а лишь нѣкоторые; именно: 1) склоненіе основъ на -о (ъ, о), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -а, твердое и мягкое и 3) склоненіе основъ на -і женскаго рода. Прочіе виды именного склоненія или исчезли или сохранились въ обломкахъ. Склоненіе основъ на -и слилось со склоненіемъ основъ на -о, передавъ послѣднему нѣкоторыя, изъ своихъ окончаній. Склоненіе основъ на -і муж. р. сохранилось только для одного слова во множ. ч. ludžo (ВЛ.), luže (НЛ.) и для немногихъ словъ въ р. п. мн. ч. на -і (łohći, łoksi). Всѣ остальные слова древняго склоненія основъ на -і муж. р. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Склоненіе основъ на согласные совсѣмъ исчезло. Нѣкоторый слѣдъ его сохранился лишь въ нарощеніи и чередованіи мягкихъ и твердыхъ основъ, при чемъ первая выступаютъ въ един. ч., а вторыя во множ. ч. Всѣ древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію основъ на -о (основы муж. р. на -п, основы средн. р. на -п, -в, -t) или на -а и на -і жен. р. (основы на -г, w). Что касается склоненія основъ на о и на -а, то древнее различіе между твердыми и мягкими основами здѣсь ограничивается нѣкоторыми падежами; вообще же мягкія основы смѣшались съ твердыми и представляютъ одинаковыя съ послѣдними окончанія.

I. Основы на -о.

1) Кромѣ исконныхъ органическихъ окончаній въ данномъ склоненіи наблюдается значительное количество окончаній, перешедшихъ

изъ склоненій на -и и на -а. Изъ склоненія основъ на -и заимствованы: 1) -и (*род. и мѣстн. п. ед. ч.*); 2) -ѣј (ВЛ.), -ѣј, -ѣју (НЛ.) изъ болѣе древнихъ -ѣі, -ѣіі, -ѣѡі, -ѣѡіі (*дат. п. ед. ч.*); оконч. -ѣју образовалось изъ сокращеннаго ѣј черезъ вторичную прибавку и подъ влияніемъ многочисленныхъ органическихъ дательныхъ на -и; 3) -ѣѡје, -ѣѡјо (ВЛ. *имен. п. мн. ч.*); 4) -ѣѡ (*род. п. мн. ч.*); 5) -ѣѡу (НЛ. *род. п. двойств. ч.*). Большая часть этихъ окончаній въ древнемъ ихъ видѣ перешла въ склоненіе на -о уже въ доисторическую пору; но дальнѣйшія ихъ измѣненія -ѣј, ѣј, ѣју, ѣјо развились позже. Равнымъ образомъ и -ѣѡу (НЛ.) въ *род. дв. ч.* вѣроятно замѣнило первоначальное и вслѣдствіе стремленія языка дифференцировать формы на -и *род. дат. и мѣстн. ед. ч.* отъ *родит. двойств. ч.* Примѣры: *grodu, płotu, dubej* (ВЛ.), *gódoj* (НЛ.), *synkoju* (НЛ.), *byku* (м. н.), *rybakojo* (ВЛ.), *dubow, dubowu* (*р. п. дв. ч.* НЛ); *pożej* (ВЛ.), *kónjoju* (НЛ.), *pożow, kónjow konjowu* (НЛ.), *mużowje, mużojo* (ВЛ.), *słyńcoju, słyńcowu* (НЛ.).

2) Изъ склоненія основъ на -а перешли окончанія *дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч.* -ам, амі, -ач; напр.: *dubam, dubami, dubach, požam, požami, požach, słowam, słowami, słowach, mogjam, mogjach, mogjami* (НЛ.). Эти окончанія почти исключительно господствуютъ въ языкѣ. Отступленій немного. Въ *твор. п.* мягкаго различія книжный ВЛ. языкъ представляетъ -амі: *mużemi, mogjemi*. Въ говорахъ НЛ. у мягкихъ основъ на -с, з встрѣчаются -уші рядомъ съ -амі: *рjenjezumi, gólsumi*. Древнее окончаніе *твор. п. -у* сохранилось въ нарѣчіяхъ НЛ. *casu, sméchi, tšachy*. Древній *дат. п.* на -омш представляютъ еще памятники XVI в., Библия 1548 и катехизисъ 1597 г.: *bratrom, duchom kurcom, mużom*. И теперь оно встрѣчается у фамильныхъ названій на -су напр.: *Mużikesom* (ВЛ.), *Mużukaјsom* (НЛ.), и у немногихъ словъ въ ВЛ.: *wołom, konjom*. Еще рѣже и только въ ВЛ. древній *мѣст. п.* на -осч: *konjoch, Psowjoch, Spaloch*.—Полное сходство съ серболужицкимъ представляетъ русскій яз., а для *твор. и мѣстн. п. п.* также польскій.

3) *Винит. п.* у именъ существ. муж. р., означающихъ одушевленные существа (людей и животныхъ), сходенъ съ *родит. п.* только въ един. и двойств. ч.; во множ. ч. это сходство простирается только на личные имена. У т. н. неодушевленныхъ именъ *вин. п. ед. ч.* сходенъ съ *именит.*, а во множ. ч. форма *винит. п.* служитъ и для *родит. п.* какъ въ польскомъ яз.; напр.: *krala, kralow, wjełka, dweju*

wjełkow (ВЛ.), synkowi, konjowu (НЛ.), konje (мн. ч.) dub, duba (дв. ч.), duby (мн. ч.).

4) *Зват. п. ед. ч.* у именъ муж. р. представляет особыя окончанія только въ ВЛ.: 'е, о; dubje, domje, mjedze, swěće, požo, mužo, krajo; -'е, соотвѣтствующее старослав. е выступаетъ въ твердомъ склоненіи, о принимаютъ преимущественно мягкія основы; но сверхъ того о возможно и у твердыхъ основъ послѣ h, k, ch, z s, c, r, p; напр.: roho, bruko, hrěcho, wozo, časo, šewco, krawco, daго, dwogo, syno, Jano, kraјano; но бываетъ и иначе: člowjeće, raduše, holče, knježe, wótče, ranje, hetmanje; ludo, Božo; иногда допускается то и другое окончаніе: susodo и susodze. Объясненіе этого о представляет нѣкоторую трудность. Едва ли можно сблизить его со старослав. оу ю (моуоу, юю). По всей вѣроятности оно возникло первоначально изъ е послѣ мягкихъ согласныхъ (см. 607), а потомъ по аналогіи стало примѣняться и къ твердымъ основамъ.—Въ НЛ. *зват. п.* въ настоящее время замѣняется именительнымъ. Въ Библии 1548 г. еще находятся древнія формы: słowjese, duše, kralu, synu. И теперь еще говорятъ Кнѣзъ (Господь), а въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются: ranje, ranко, syno и т. д.

5) *Род. п. ед. ч.* представляет два окончанія -а, -и; послѣднее возможно только у твердыхъ основъ муж. р. Основной законъ тотъ же, что въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ: имена существительныя, означающія предметы одушевленные всегда принимаютъ окончаніе а, напр.: рора, sunka, woła; но собирательныя, напр. lud, skot допускаютъ и и: ludu, skotu; -и выступаетъ у односложныхъ существительныхъ, означающихъ предметы неодушевленные, особенно послѣ d, t, k, ch, но всѣ эти слова могутъ сохранять и древнее -а; напр. grodu—groda (НЛ.) hrodu—hroda, rodu—roda, sadu—sada, płotu—płota, boku—boka, měchu—měcha, času—časa (ВЛ.), casu—casa (ВЛ.), mědu—měda, mjodu (НЛ.). Въ общемъ -и слышится рѣже, чѣмъ въ другихъ славянскихъ языкахъ.—Мягкія основы мужск. рода и всѣ основы средн. р. допускаютъ исключительно -а; напр. poža, kija, słowa, mogja.

6) *Дат. п. ед. ч.* представляет кромѣ исконнаго окончанія -и, нѣсколько другихъ позднѣйшаго образованія (см. выше п. 1.), именно въ ВЛ. -ej, въ НЛ. -oj, oju, eju. Оконч. -и имѣютъ преимущественно имена средн. р.; напр.: słowu, městu, drjewu, licu, mogju; ej (ВЛ.) и oju (oj, НЛ.) у этихъ именъ встрѣчается очень рѣдко—kubšej dneј,

к *blidoju*, к *mogjoju*. Имена существ. муж. р. въ ВЛ. почти исключительно принимаютъ *ej* (изъ древн. *-owi, owi*); напр. *dubej*, *pożej*; и въ рѣдка встрѣчается только въ твердомъ склоненіи: *Bohu*, и при соединеніи съ предлогомъ *k*: *k rowu*, *k wječogu*, *k ludu*, но *rowej*. Въ НЛ. имена существ. муж. р. принимаютъ *u* и *oju* (= *owi*): имена одушевленныхъ предпочитаютъ *oju*, неодушевленные *-u*; но если въ род. и мѣстн. п. должно быть *-u*, то въ дат. п. независимо отъ значенія слова выступаетъ *oju*; напр.: *stołu*, *długu*, *prochu*, *gnėwu*, *konjoju*; но *plotoju*, *bokoju*, *duchoju*, *góscoju* (п. ч. род. п. *plotu*, *boku*, мѣстн. п. *duchu* *gósću*). Нижнелужицкое *oj* устарѣло; *oju* (НЛ.) выступаетъ иногда у словъ на *-ač*: *gósrodarjeju*, *handlarjeju*; въ СЛ. вообще послѣ мягкихъ вл. *oju* слышно *oju*: *kónjeju*. Въ старомъ изыкѣ еще встрѣчаются *-owi*, *oju*, *owi*: *mužowi*, *mužoji* (Библия 1548), *hospodarjewi* (Катехизисъ 1597). Въ любійск. гов. и теперь говорятъ: *mužowi*, *synewi* и т. п.

7) *Твор. п. ед. ч.* оканчивается на *-om* какъ въ твердомъ, такъ въ мягкомъ склоненіи: *dubom*, *požom*, *konjom*, *słowom*, *mogjom*; у мягкихъ основъ *-om* образовалось изъ болѣе древняго *em* по общему фонетическому закону. Въ НЛ. отглагольные имена среднего р. иногда имѣютъ *-im*: *davanim*, *dašim*.

8) Въ *мѣстн. п. ед. ч.* два окончанія *-je* (= *ъ*) и *-u*. Твердыя основы имѣютъ то *je*, то *-u*: послѣ *p*, *b*, *w*, *ł*, *r*, *m*, *n*, *t*, *d*, *s*, *z*, *g*, *h* выступаетъ *je*; напр.: *dubje*, *rowje*, *stole*, *domje swěce* (ВЛ.), *swěce* (НЛ.), *rjedže* (ВЛ.) *reže* (НЛ.) *sněze*, *pismje*, *senje*, *měsce*; послѣ *c*, *z*, *s*, *k* обыкновенно *-u*: *wozu*, *posu*, *boku*, *čłowjeku*; послѣ *eh* въ ВЛ. чаще *je*, въ НЛ. *-u*: *brjuše*, *groše w mēše*, *duchu*, *grěchu*. Однако наблюдаются и отступленія отъ даннаго закона: *supu*, *mjedu* (ВЛ.), *mjoda* (НЛ.), *w Bohu* (ВЛ.), *w Bogu* (НЛ.), *brjogu* и т. д. Мягкія основы имѣютъ только *-u*, перешедшее изъ твердаго склоненія, гдѣ оно было заимствовано въ доисторическую пору изъ склоненія на *-u*; напр.: *požu*, *konju*, *mogju*. Въ будышинск. и любійск. гов. вл. е слышно: *w duši*.

9) *Имен. - вин. - зват. пп. мн. ч. муж. р.* Относительно данныхъ падежей между ВЛ. и НЛ. существуетъ слѣдующее различіе; въ ВЛ. еще сохраняются для известной группы словъ органическія окончанія въ именит. п., а въ НЛ. для выраженія именительнаго исключительно служатъ винит. п. Собственно именительныя окончанія удержались только для существительныхъ, означающихъ лица

(т. н. rationalia) именно: -i въ твердомъ различіи, -je, -jo, o—въ мягкомъ, owe или ojo въ томъ и другомъ; напр.: djabli, japoštoli, raduši, pacholi, pòsli, Ceši, susódzi, Zidži, čerci, wojacy, hřešnicy, sudnicy, Němcy, kupcy, mužowje, mužojo, synojo, wótcojo, rybakojo, přecele, muže; оконч. o, -jo соотвѣтствуютъ старослав. е, ю: křescijenjo, zemjenjo) Słowjenjo, kmótro, knježo, Serbjo, pastyrjo (особ. въ будущиив. г.). Существительныя величныя (irrationalia) замѣняютъ именит. п. винительнымъ, который въ твердомъ склоненіи оканчивается на -у (=старослав. ъ, въ мягкомъ на -ѣ (=старослав. ѡ); напр.: duby, doły, sudy, spěwy, domu, rohi, kruchi (вм. rohy), kije, pože, konje, hołbje.—Въ НЛ. именит. (зват.) и винит. пп. всегда совпадаютъ: для твердыхъ основъ окончаніемъ служить у, для мягкихъ -ѣ (=старослав. ѡ); напр.: domy, susedy, ludy, syny, lawy, płoty, dary, grěchy, słowjeki, jezyki, progі (объ i, у послѣ гортанныхъ см. 610) mjadwježe, gółbje, krале, pšijašele, muže. Изрѣдка и въ НЛ. встрѣчаются настоящія формы именит. п; напр.: susezi, cugani, žyzi, kóni и др.—Какъ въ ВЛ., такъ въ НЛ. множеств. ч. нѣкоторыхъ существительныхъ замѣняется собирательными на ja: bratřa (ВЛ.), susodža, Zidža, Ceša, porja (ВЛ.), kmotša (НЛ.), kmotřa (ВЛ.); kněža, burja (Bauern).

10) Въ род. п. мн. ч. почти исключительно господствуетъ окончаніе -ow, какъ въ твердомъ, такъ въ мягкомъ склоніи одинаково у именъ муж. и средн. р.; напр.: dubow, požow, mužow, konjow, slowow, morjow. Въ ВЛ. для мягкихъ основъ еще встрѣчается и окончаніе i, заимствованное отъ основъ на i: koni, poži, přeceli; также hoscі, ludzi, čerwi. Древніе родительные безъ окончанія весьма рѣдки: rjenjez, tolar, mjases (въ соединеніи съ числительными) let, pjebjes, do gód (НЛ.), do hod (ВЛ. до Рождества).

11) Двойственное число. Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходенъ не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣстн. п. Въ ВЛ. род. п. совпадаетъ съ родит. множ., а прочіе падежи имѣютъ болѣе новый видъ въ сравненіи съ соотвѣтствующими падежами НЛ. именно:

	НЛ.		ВЛ.		Старослав. яз.	
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.
И.З.В.	- а	je, i	- aj, ej	je, i	а	ѣ, и
Р.	- owи	- owи	- ow	- ow	- оѣ, - овоѣ	оѣ
Д.Т.М.	- oма	- oма	- oмаj	- oмаj	ома	ома

Различіе между твердыми и мягкими основами выступаетъ только въ имен. зват. вин. п.п., притомъ въ ВЛ. для именъ муж. и средн. р., а въ НЛ. только для средн. р. Окончанія *ej* (ВЛ.) и *ома* (НЛ.) возникли изъ *-aj*, *-ома* на основаніи законовъ серболужицкой фонетики (см. 604, 607): *j* въ ВЛ. *aj*, *ej*, *омаj*—новое явленіе (XVII—XVIII в.)—Примѣры. ВЛ.: *dubaj*, *dubow*, *dubomaj*, *młodźencaj*, *młodźencow*, *młōźencomaj*, *pożej*, *pożow*, *pożomaj*, *konjej*, *konjow*, *konjomaj*, *słowje*, *słowow*, *słowomaj*, *mori*, *morjow*, *morjomaj*; НЛ. *duba*, *dubowu*, *duboma*, *młōżeńca*, *młōżeńcowu*, *młōżeńcoma*, *noža*, *pożowu*, *pożoma*, *konja*, *konjowu*, *konjoma*, *słowje*, *słowowu*, *słowoma*, *mógi*, *mórgowu*, *mórgoma*.

12) Согласные подвергаются соответствующимъ измѣненіямъ передъ узкими гласными окончаній; въ *зват. п. ед. ч.* передъ *е* (°), въ *мѣст. п. ед. ч. муж. и средн. р.* и въ *имен.-вин. двойств. ч. сред. р.* передъ *je* (=ѣ) и въ *имен. п. мн. ч.* передъ *-i*; напр.: *člowječe*, *božo*, *paduše*¹⁾, *kłobuce*, *proze*, *proše*; въ ВЛ. послѣ *с, з* вм. *е* возможно и *у*: на *kłobucy*, на *stole*, *kuble swēce* (ВЛ.), *swēse* (НЛ.), *płodze* (ВЛ.), *płōze* (НЛ.) *čerci*, *češi*, *židzi*, *wojacy*.

13) Бѣглыя *е, о, а* (=ъ, ь или вставочныя), стоящія передъ конечнымъ согласнымъ, исчезаютъ въ косвенныхъ падежахъ въ случаѣ увеличенія слова на концѣ: *kotoł*—*kótłā* (ВЛ.), *kóseł* р. п. *kótłā* (НЛ.), *wósoł*, *kózoł*, *rósoł* (мужск. г. *woseł*, *kózeł*, *róseł*) р. п. *wosłā*, *kozłā*, *posłā*, *džen* (ВЛ.) *žeń* (НЛ.) р. п. *dnja*, *pos* (ВЛ.), *pjas* (НЛ.) *pēs* (мужск. г.) *psa*, *wogeń* (ВЛ.), *hogeń* (НЛ.)—*wognja*, *hognja* и др.

Мужескій родъ.

Едн. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	dub	dub	nož	nož	muž	muž
З.	dubje	dub	požo	nož	mužo	muž
В.	dub	dnb	nož	nož	muža	muža
Р.	duba	duba	poža	poža	muža	muža
Д.	dubej	dubu	nožej	požu	muzej	mužoju
Т.	dubom	dubom	požom	požom	mnžom	mužom
М.	dubje	dubje	požu	požu	mužu	mužu

¹⁾ Paduch. значить *воръ*.

Множ. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.	duby	duby	noże	noże	mużowje(-ojo)	muże
В.	duby	duby	noże	noże	mużow	mużow
Р.	dubow	dubow	nożow (-i)	nożow	mużow	mużow
Д.	dubam	dubam	nożam	nożam	mużam	mużam
Т.	dubami	dubami	nożemi	nożami	mużemi	mużami
М.	dubach	dubach	nożach	nożach	mużach	mużach

Двойств. ч.

И.З.В.	dubaj	duba	nożej	noża	mużej	muża
Р.	(dubow)	dubowu	(nożow)	nożowu	(mużow)	mużowu
Д.Т.М.	dubomaj	duboma	nożomaj	nożoma	mużomaj	mużoma

Средній родъ.

Едн. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.В.	słowo	słowo	morjo	mórjo	zrëbjo	žrjebje
Р.	słowa	słowa	morja	mórja	zrëbjeca	žrjebješa
Д.	słowu	słowu	morju	mórju	zrëbjecu	žrjebješu
Т.	słowom	słowom	morjom	mórjom	zrëbjecom	žrjebješom
М.	słowje	słowje'	morju	mórju	zrëbjecu	žrjebješu

Множ. ч.

И.З.В.	słowa	słowa	morja	mórja	zrëbjata	žrjebjeta
Р.	słowow	słow(-ow)	morjow	mórjow	zrëbjatow	žrjebjetow
Д.	słowam	słowam	morjam	mórjam	zrëbjatam	žrjebjetam
Т.	słowami	słowami	morjemi	mórjami	zrëbjatami	žrjebjetami
М.	słowach	słowach	morjach	mórjach	zrëbjatach	žrjebjetach

Двойств. ч.

И.З.В.	słowje	słowje	mori	móri	zrëbjeći	žrjebješi
Р.	(słowow)	słowowu	(morjow)	mórjowu	(zrëbjatow)	žrjebješowu
Д.Т.Л.	słowomaj	słowoma	morjomaj	mórjoma	zrëbjecomaj	žrjebješoma

Примѣчанія: 1) По образцу основъ на -jo муж. р. склоняются:

а) имена, прежде относившіяся въ склоненію на согласный п: kamjeń, grebeń, jascyjeń (НЛ.), korjeń и др.; **б)** большая часть существительныхъ, относящихся собственно къ склоненію основъ на -i муж. р., напр.: čerw' (ВЛ.), cerw' (НЛ.) hołb' (ВЛ.), gołub' (НЛ.), hosć (ВЛ.) gosć (НЛ.), woheń (ВЛ.), hogen' (НЛ.), łohć (ВЛ.), łokś (НЛ.), mjed-

wjedź (ВЛ.), mjadwjeź (НЛ.), pohć (ВЛ.), nokś (НЛ.), ruć (ВЛ.), ruś (НЛ.), hozdź (ВЛ.), gózdź (НЛ.) żoldź (ВЛ.), żoź (НЛ.); впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ существительныхъ удерживаютъ въ род. п. мн. древнее окончаніе *i* (особенно послѣ числительныхъ): *holbi*, *łokši*; отъ нихъ *-i* перешло иногда и въ основахъ на *-jo*: *kopi*, *tolagi* и др.

2) *Džeń* (НЛ. *žeń*) склоняется слѣд. обр.: р. п. *dnja* д. п. *dnju*, *dnjej* (НЛ. *dnju*, *dnjoju*), в. п. *džeń* (*žeń*) тв. п. *dnjom*, м. п. *dnju*, зв. п. *dnjo* (НЛ. *žeń*). Мн. ч. И.В.З. *dny*, р. п. *dnjow*, д. п. *dnjam*, т. п. *dnjemi* (НЛ. *dnjami*), м. п. *dnjach*. Дв. ч. *dnjej*, *dnjow*, *dnjomaj* (ВЛ.), *dnja*, *dnjowu*, *dnjoma* (НЛ.).

3) Къ склоненію основъ на *-o* средп. р. относятся также древнія основы средн. р. на согласные *p*, *t*, *s* (бразецъ *zrěbjo*, *žrjebje*): *znamjo*, *płomjo*, *promjo*, *gamjo*, *symoj*, *tymjo*, *brjemjo* (НЛ. *znamje*, *płomje*, *promje*, *gamje*, *semje*, *brjemje*); старослав. *ima* соответствуетъ *mjeno* и *mě*, *mje* (ВЛ.), *džećo* (ВЛ.), *žeće* (*zwěrjo* (ВЛ.), *zwěrje* (НЛ.), *hołbjo* (ВЛ.), *gółbje* (НЛ.), *kurjo* (ВЛ.) *kurje* (НЛ.), *proso* (ВЛ.), *holćo*, *hółćo* (ВЛ.), *jehnjo* (ВЛ.), *jagnje* (НЛ.), *koło*, *njebo*; во мн. ч. *kolesa*, *njebjesa* (ВЛ.); въ НЛ. *njebja* р. *njebjow*. Основы на *-p* смягчаютъ этотъ согласный какъ въ един., такъ во множ. ч.: р. п. *brjemjenja*, д. *brjemjenja*, имен. мн. *brjemjenja* р. п. *brjemjenjow*; только въ нѣкоторыхъ говорахъ *p*-твердое: *brjemena*, *brjemjenow*; основы на *t* смягчаются только въ един. ч., а во множ. остаются твердыми: р. п. *zwěrjeća* д. *zwěrjeću*, имен. мн. *zwěrjata*, р. *zwěrjat* и т. д. (ВЛ.) и р. п. *zwěrjeća*, д. п. *zwěrjeću*, имен. мн. ч. *zwěrjeta*, *zwěrjet* и т. д.

4) *Džećo* склоняется такимъ образомъ: ВЛ. *džećo*, *džeća*, *džeću*, *džećom*, *džeću*, двойст. ч. *džeći*, *džećow*, *džećomaj*; мн. ч. *džeći*, р. п. *džeći*, *džećom*, *džećimi*, *džećoch*; НЛ. *žeće*, остальн. падежи един. и двойств. ч. замѣняются суц. *gole*, *góleša*, *gólešu* и т. д., множ. ч.: *žeši*, р. *žeši*, д. *žešom*, *žešimi*, *žešoch*.

5) *Woko*, *wuchno* (*hoko*, *hucho*) сохраняютъ древнія окончанія въ двойств. ч. ВЛ.: *woći*, *wuši*, *woćow*, *wušow*, *woćimaj*, *wušimaj* НЛ.: *wócy*, *huśy*, *wócowu*, *huśowu*, *wócyuma*, *huśyuma*.

6) *Sto* въ ВЛ. склоняется правильно: *sta*, *stu*, *stej* и т. д., въ томъ случаѣ, если стоитъ отдѣльно. При соединеніи съ существительнымъ допускаются только именительные падежи: *sto*, *sće*, *stá*; напр.: *před tři sta letami*. Въ НЛ., *stow* несклоняемо и часто замѣняется нѣмец. *Hundert*.

II. Основы на -а, -ја.

1) Въ склоненіи основъ на -а, -ја большею частью удержаны древнія окончанія, насколько это позволяютъ звуковыя законы языка. Старослав. ꙗ соотвѣтствуетъ је въ дат.-мѣстн. ед. ч. и имен.-вин.-зват. п. двойств. ч. твердыхъ основъ; напр. губје. Тоже је выступаетъ въ р. п. ед. ч. и имен.-вин. п. п. множ. ч. мягкихъ основъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ ѡ и древн. русск. ѡ (ср. 443, 446); напр. голѣ, душе. Винит. и твор. п. п. ед. ч. совпадаютъ, представляя одно окончаніе -и (ју въ мягкомъ различіи), восходящее къ праслав. ѡ; напр.: губи, голу, души.

2) *Звательный падежъ ед. ч.* исчезъ; онъ замѣняется именительнымъ. Между тѣмъ во всѣхъ остальныхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ онъ сохраняетъ свое древнее окончаніе.

3) Наибольше характерное отступленіе отъ старины заключается въ томъ, что склоненіе основъ на -а, передавъ нѣкоторыя свои окончанія (аш, аші, аш во множ. ч.) основамъ на -о и само позаимствовалось у послѣднихъ нѣкоторыми окончаніями; именно въ род. п. множ. ч. и род.-дат.-твор. мѣстн. п. двойств. ч. Род. п. мн. ч. въ твердомъ и мягкомъ различіи почти всегда оканчивается на -ow; напр.: губow, golow, dušow. Древнія формы, т. е. безъ окончанія, встрѣчаются какъ исключеніе, преимущественно послѣ числительныхъ и существительныхъ, означающихъ количество; напр. wjele (šesć) krow (НЛ.), kтуw (ВЛ.), mil, pjeźel (ВЛ.), pjeźel (НЛ.). Въ Библии 1548 еще преобладаютъ древнія формы: гап, гук, wełn, swiń и т. д. Въ двойств. ч. ВЛ. представляетъ -ow, -ошaj, НЛ. -owu, -оша: губow, губошaj, golow, golошaj, губowu, губоша, golowu, golоша.

4) Различіе между твердыми и мягкими основами ограничивается немногими падежами. Мягкое склоненіе представляетъ особыя окончанія: і (исконное) въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. п. двойств. ч.; напр. goli, duši; је (=старослав. ѡ, др. рус. ѡ) въ род. ед. ч. и имен.-вин. п. мн. ч.; напр. голѣ, душе. Въ ВЛ. свѣрхъ того въ твор. п. мн. первоначальное -аші превратилось въ -оші; golemi (НЛ. golami).

5) Различіе между ВЛ. и НЛ., какъ видно изъ предшествующаго изложенія, весьма не значительно: оно ограничивается указанными формами двойств. ч. и творит. п. множ. ч. мягкаго склоненія.

6) Передъ *je* (=ѣ) въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. двойств. ч. согласные подвергаются соответствующимъ измѣненіямъ; напр.: *pože, guse, miše, hwézdze* (ВЛ.), *gwézdze* (НЛ.), *peše* (ВЛ.), *péše, wodže, wože*.

7) Въ род. п. ед. ч. и въ имен.-зват. п. п. множ. ч. вм. *y* слышится *i* въ НЛ. послѣ *g, k*, а въ ВЛ. послѣ *h, k, ch*: *guki, pogi, muchu* (НЛ.); *guki, pohi, muchi* (ВЛ.).

8) Такъ какъ въ верхнелужицкомъ нар., особенно въ будышинскомъ говорѣ, а также въ нѣкоторыхъ говорахъ нижнелужицкаго нарѣчія мягкое *e* легко переходитъ въ *i*, а послѣ *s, z, s* въ *y* то въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. п. п. двойств. ч. иногда выступаютъ *i, y* вм. органическаго *je*; напр.: *gybi, w Prazu, gosy, wosy, kozu*. Такія формы на *i—y* встрѣчаются и въ литературномъ языкѣ, но грамматики совѣтуютъ ихъ избѣгать.

Е д и н. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.	<i>gyba</i>	<i>gyba</i>	<i>rola</i>	<i>rola</i>
З.	<i>gybu</i>	<i>gybu</i>	<i>rolu</i>	<i>rola</i>
Р.	<i>gyby</i>	<i>gyby</i>	<i>role</i>	<i>role</i>
Д.	<i>gybje</i>	<i>gybje</i>	<i>rolu</i>	<i>rolu</i>
Т.	<i>gybu</i>	<i>gybu</i>	<i>rolu</i>	<i>rolu</i>
М.	<i>gybje</i>	<i>gybje</i>	<i>rolu</i>	<i>rolu</i>

М н о ж. ч.

И.З.В.	<i>gyby</i>	<i>gyby</i>	<i>role</i>	<i>role</i>
Р.	<i>gybow</i>	<i>gybow</i>	<i>rolow</i>	<i>rolow</i>
Д.	<i>gybam</i>	<i>gybam</i>	<i>rolam</i>	<i>rolam</i>
Т.	<i>gybami</i>	<i>gybami</i>	<i>rolemi</i>	<i>rolami</i>
М.	<i>gybach</i>	<i>gybach</i>	<i>rolach</i>	<i>rolach</i>

Д в о й с т в. ч.

И.З.В.	<i>gybje</i>	<i>gybje</i>	<i>rolu</i>	<i>rolu</i>
Р.	<i>gybow</i>	<i>gybowu</i>	<i>rolow</i>	<i>rolowu</i>
Д.Т.М.	<i>gybomaj</i>	<i>gyboma</i>	<i>rolomaj</i>	<i>roloma</i>

Примѣчанія: 1) Кромѣ основъ женскаго рода въ данному склоненію относятся многія имена муж. р. на *-a, -ja*; напр. *Turka, česla* (плотникъ), *družba, wérka* (легковѣрный человекъ), *powoženja* (НЛ.

женихъ), заимствованныя слова какъ пага (Nagg), groba (Graf). Въ ВЛ. подобныя имена въ двойств. и множ. ч. слѣдуютъ мужеск. основамъ на -о; напр.: Turki, Turkowje, Turkaj и т. д.

2) Слова на -sa, -za (=праслав. -са, за), слѣдуютъ твердому различію; напр.: syłza (ВЛ.) łdza (НЛ.), wósa; а имена на -са, -за (изъ праслав. tja, dja) относятся въ мягкому различію; напр.: pisa, hospроза (ВЛ.), gosproza (НЛ.).

3) Въ ВЛ. по образцу основъ на -ja склоняются и всѣ женскія основы на -i; напр.: sol, mysl, šyf, mész и т. д. напр.: р. ед. ч. mysle, имен.-вин. множ. ч. mysle, род. мн. ч. myslow и т. д. Въ НЛ. всѣ эти существительныя еще сохраняютъ нѣкоторыя окончанія древняго склоненія основъ на -i (см. ниже).

4) Существительныя жен. р. отъ основъ на -w (древн. ū), оканчивающіяся въ имен. п. на -ej также перешли въ склоненіе основъ на ja: cыркеj (ВЛ.) cerкеj (НЛ.), krej (ВЛ.), ksej (НЛ.), morчеj (ВЛ.), macчеj (НЛ.), mjatej, rjetкеj (ВЛ.), rjatкеj (НЛ.), позднѣйшаго образованія—škorodej, drétweј (НЛ.) и др. Напр.: ВЛ. им. в. зв. cыркеj, р. cыркwe, д. м. cыркwi, тв. cыркwju, мн. ч. cыркwje, cыркwјow, cыркwјam, cыркwјemi, cыркwјach; дв. ч. cыркwi, cыркwјow, cыркwјomaј НЛ. cerкеj, р. cerkwje, д. м. cerkwі, тв. cerkwju; мн. ч. cerkwje, cerkwјow, cerkwјam, cerkwјami, cerkwјach, дв. ч. cerkwі, cerkwјowu, cerkwјoma.—Встрѣчаются также и другія формы: cerkweј, cerkwja, и по образцу твердыхъ основъ на -a: britwa, drétwa

5) Brožnja (житница), mošnja, studnja въ ВЛ. теряютъ въ имен. п. конечное a: brožeń, móšeń, studžeń; вин. п. brožnju и brožeń,

6) Knjeni в рапі, также слѣдующія основамъ на -ja, допускаютъ въ ВЛ. двоякія формы въ род. и вин. п. един. ч.: р. knjenje и knjeni, вин. knjenju и knjeni.

7) Нѣкоторыя имена домашнихъ животныхъ, какъ то husy (ВЛ.), gusy (НЛ.), kruwy (ВЛ.), krowy (НЛ.), kury, swinje, а также и отъ другихъ основъ—konje, woły представляютъ во множ. ч. своеобразныя формы; именно: род. п. безъ окончанія или на -i, дат. на -ош, твор. на -умі -імі, мѣстн. п. на -ош; напр.: р. п. husy, kruw, krow, kur, swiń, koni; д. п. husom, kruwom, krowom, kurom, swinjom, konjom, wołom; тв. п. husymi, kruwymi, krowymi, swinimi, kónimi, wółymi.

8) Žeńska, прилагательное, употребленное въ значеніи существительнаго (жена); въ нѣкоторыхъ падежахъ допускаетъ двоякія

формы: им. *żeńska*, р. *żeńskiej* и *żeński*, д. *żeńskiej* и *żeńsce*, в. *żeńsku*, тв. *żeńskej*, м. *żeńskej* и *żeńsce*, мн. ч. им.-вин. *żeńske* и *żeński*, р. *żeńskich* и *żeńskow*, д. *żeńskim*, тв. *żeńskimi*, м. *żeńskich*; дв. ч. *żeńskej* и *żeńsce*, *żeńskej*, *żeńskima*.

III. Основы на -i.

Женскій родъ.

Въ ВЛ. склонение основъ жен. р. на -i во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ имен.-винит. ед. ч., совпадаетъ со склоненіемъ основъ на -ja. (См. выше). Главнымъ остаткомъ древняго склоненія нужно признать оконч. род. мн. -i, которое принимаютъ нѣкоторыя существительныя на ряду съ болѣе обычнымъ -ow; напр.: *kosci* и *koscow*, *lodzi*, *husy*; это i проникло и въ настоящимъ основамъ на -ja для обозначенія родительнаго раздѣлительнаго (*wjele swini*).—Сверхъ того нѣкоторыя имена на *o*, *o* удержали еще древнія формы въ род. ед. ч. и имен.-вин. мн. ч.: *posu*, *wsu*.

Въ НЛ. сохранилось исконное окончаніе i въ род. п. ед. ч. и въ имен.-вин. множ., но въ общемъ склоненіе на -i значительно сблизилось со склоненіемъ на -ja. Вліяніе послѣдняго не подлежитъ сомнѣнію въ дат. твор. и мѣстн. п.п. мн. ч.—оканчивающихся на -am, -ami, -ach; напр.: *kóscam*, *kóscami*, *kóscach*. Въ род. мн. также -ow получило перевѣсъ надъ i; послѣднее слышится очень рѣдко; напр. *hromadka kósci*, *do myśli*; обыкновенно *kóscow*, *mysłow*. Въ твор. и мѣстн. ед. ч. и въ формахъ двойств. ч. совпаденіе могло произойти независимо отъ вліянія одного склоненія на другое.

Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. ч.	
ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З. <i>kósc</i>	<i>kósc</i>	<i>kosce</i>	<i>kósci</i>	<i>kosci</i>	<i>kósci</i>
В. <i>kósc</i>	<i>kósc</i>	<i>kosce</i>	<i>kósci</i>	<i>kosci</i>	<i>kósci</i>
Р. <i>kosce</i>	<i>kósci</i>	<i>kosci (-ow)</i>	<i>kóscow (-i)</i>	<i>(kosci)</i>	<i>koscowu</i>
Д. <i>kosci</i>	<i>kósci</i>	<i>koscam</i>	<i>kóscam</i>	<i>koscomaj</i>	<i>koscoma</i>
Т. <i>koscu</i>	<i>kóscu</i>	<i>koscami</i>	<i>kóscami</i>	<i>koscomaj</i>	<i>kóscoma</i>
М. <i>kosci</i>	<i>kósci</i>	<i>koscach</i>	<i>kóscach</i>	<i>koscomaj</i>	<i>kóscoma</i>

Мужескій родъ.

Основы на-і муж. р., какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, перешли въ склоненіе на-jo: руś, руśа (ВЛ.), руś, руśа (НЛ.), hoľb', hoľbja (ВЛ.), góľub' или 'góľb', góľbja (НЛ.), ľohć, д. ľohću, (ВЛ.), ľokś, ľokśu (НЛ.), ćerw', ćerwja (ВЛ.), serw', serwja (НЛ.) и т. д.—Скудные остатки утраченнаго склоненія на -і сохранились только во множ. ч. Сюда относится главнымъ образомъ собирательное ludźo (ВЛ. изъ ludže), luže (НЛ.), которое склоняется слѣдующимъ образомъ; въ ВЛ. И.З. ludźo, В. ludzi, Р. ludzi Д. ludžom, Т. ludžimi, М. ludžoch; въ НЛ.: И.З.В. luže, В. luži и luže, Д. lužom и lužam, Т. lužimi, М. lužoch и lužach. і въ оконч. твор. п. (ludžimi, lužimi), по мнѣнію Муки, возникло по аналогіи другихъ падежей. Въ ВЛ. такимъ же образомъ измѣняется во множ. ч. hosć: И.З. hosće, hosćo. Р. hosći, Д. hosćom, Т. hosćimi, М. hosćoch. Въ НЛ. также встрѣчается И.В. gosće и gosći. Род. gosći и gosćow, ľokśi и ľokśow. Въ обоихъ нарѣчійхъ і въ род. мн. ч. перешло и къ нѣкоторымъ основамъ на -jo; напр.: koni, toľari и др. Въ ВЛ. по образцу hosće измѣняются konje и knježo; Р. knježich (по сложн. скл.), koni, Д. knježom, konjom, Т. knježimi, konimi, М. knježoch, konjoch.

Относившіяся прежде къ склоненію на -і числительныя имена большею частью утратили древнія формы. Ближе къ старинѣ стоятъ—tři, tŕo (ВЛ. надо произносить tsji, tsjo), tśi, tśo (НЛ.) и štyri, štyrjo (ВЛ.), styri, styrjo (НЛ.). Формы tŕo, tśo (= старослав. тръю) и štyrjo, styrjo (= старослав. чтыре) соединяются только съ личными именами; въ НЛ. склоненіе ихъ послѣдовательно отличается отъ склоненія tśi, styri.

ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.	
И. tŕo tři	tśo	tśi	štyrjo štyri	styrjo	styri
В. tŕoch tři	tśoch	tśi	štyrjoch štyri	styrjoch	styri
Р. tŕoch	tśoch	tśich	štyrjoch	styrjoch	styrich
Д. tŕom	tśom	tśim	štyrjom	styrjom	styrim
Т. tŕomi	tśomi	tśimi	štyrimi (-jomi)	styrjomi	styrimi
М. tŕoch	tśoch	tśich	štyrjoch	styrjoch	styrich

Всѣ остальные числительныя количественныя, начиная отъ 5 до 99, слѣдуютъ образцамъ tŕo, tři, tśo, tśi, и при соединеніи съ име-

нами личными (*rationalia*) имѣютъ особую форму на -о; напр.: ВЛ. *pjeć, pjećo, šesć, šesćo, sydom, sydomjo, wósom, wósomjo, dzewjeć, dzewjećo, dzeseć, dzesećo*, НЛ. — *pěś, pěšo, šesć, šesćo, sedym, sedymjo, wósym, wósymjo, źewjęś, źewjęšo, źašeś, źašešo*; Р. *pjecich* (ВЛ.), *pěšich* (НЛ.) Д. *pjecim* (ВЛ.), *pěšim*, Т. *pjecimi* (ВЛ.), *pěšimi* (НЛ.) и т. д., но и *pjesoch, pjesom, pjesomi*. У числительныхъ отъ 11 до 19, старослав. *десате* (напр. *юднѣхъ на десате*) соотвѣтствуютъ въ НЛ. — *sće, -sćo*, въ ВЛ. *-će -ćo*, напр. *ja(d)nasćo, jědnaće, dwanasćo, dwanaće, -o*; отъ 20—до 40 старосл. *десати* соотвѣтствуютъ въ НЛ. *zasća, въ ВЛ. -ceci*, напр.: *dwaźasća, dwaceci, tśizėsća, třiceci*; отъ 50 до 90 старослав. род. мн. *десать* соотвѣтствуютъ въ НЛ. *zaset*, въ ВЛ. *dzesat*; напр. *pěśzaset, pjecdzesat*.

Всѣ указанная числительныя могутъ употребляться и какъ несклоняемыя (преимущественно въ народныхъ говорахъ); напр. *štyri dubam* (ВЛ.), *tym tśi dzěcam, tych sedym duchow* (НЛ.).

1) *Примѣчаніе*. Для обозначенія 1000 Сербы-Лужичане пользуются нѣмецкимъ словомъ *Tausend*, которое звучитъ въ ВЛ. *tawzunt*, въ НЛ. *towzunt*; впрочемъ, въ литер. верхнелуж. яз. употребляется *tysac*. Въ НЛ. и для 100 — нѣмецкое *Hundert*.

IV. Основы на согласный.

Относящіяся сюда древнія основы на -п, -s, -t, -w, какъ указано выше, перешли въ другія склоненія. Остатокъ древняго склоненія основъ на согласный представляютъ лишь нѣкоторыя формы един. ч. существ. *маć* (ВЛ., *маś* (НЛ.)), преимущественно въ ВЛ.; въ двойств. и множ. ч. оно вполнѣ слѣдуетъ склоненію на -ја.

Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. ч.	
ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И. <i>mać (-ći)</i>	<i>maś</i>	<i>maćerje</i>	<i>maśerje</i>	<i>maćeri</i>	<i>maśeri</i>
З. <i>maći, (-će)</i>	<i>maś (-i)</i>	<i>maćerje</i>	<i>maśerje</i>	<i>maćeri</i>	<i>maśeri</i>
В. <i>maćef(mać)maś, maśef</i>		<i>maćerje</i>	<i>maśerje</i>	<i>maćeri</i>	<i>maśeri</i>
Р. <i>maćerje</i>	<i>maśerje, (-ri)</i>	<i>maćerjow</i>	<i>maśerjow</i>	<i>(maćerow)</i>	<i>maśerjowu</i>
Д. <i>maćeri</i>	<i>maśeri</i>	<i>maćerjam</i>	<i>maśerjam</i>	<i>maćeromaj</i>	<i>maśerjoma</i>
Т. <i>maćerju</i>	<i>maśerju</i>	<i>maćerjemi</i>	<i>maśerjami</i>	<i>maćeromaj</i>	<i>maśerjoma</i>
М. <i>maćeri</i>	<i>maśeri</i>	<i>maćerjach</i>	<i>maśerjach</i>	<i>maćeromaj</i>	<i>maśerjoma</i>

Въ НЛ., въ говорахъ, вм. *maś* чаще *maha*, а въ литерат. яз. *maś* въ косвенныхъ падежахъ обыкновенно звучитъ безъ согласнаго *r*: Р. Д. М. *maśi*, Т. *mašu*.

Именное склонение прилагательныхъ.

Именное склонение прилагательныхъ сохранилось преимущественно въ нарѣчныхъ выраженіяхъ напр.: *z wysoka*, *z mpoħa*, *do paħa*, *ż nowa* (ВЛ.), *z daloka*, *z husoka*, *z śicha* (НЛ.), *połtřeśa* (ВЛ.), *połtšeśa* (НЛ.), *po maļu*, *po redku*, *zle*, *boħaće*, *žoński* и др.

Сверхъ того, какъ остатки именного склонения нужно разсматривать: 1) формы прич. прош. дѣйств. II, напр.: *był*, *było*, *była*, *byłi*; 2) имен. пп. прилагат.: *gad*, *gado*, *gadzi*, *razi*, 3) имен. п. сред. р. въ безличныхъ выраженіяхъ, какъ *mě jo sopło* (НЛ.), *to je mało*, *letsa je mokro* (ВЛ.) и др.

Мѣстоименное склонение.

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

Един. ч.

ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И. ja	ja	ty	ty
В. mje, mnje	mě, mnjo	će, tebjе	śi, tebjе
Р. mnje, mje	mnjo (mě)	tebjе	tebjе (tebjо)
Д. mi, mni	mě, mnje(-o)	ći, tebi	śi, tebjе
Т. mnu	mnu	tobu	tobu, tebu
М. mni	mnje(-o)	tebi	tebjе.

Множ. ч.

И.	my	wy
В.	nas	was
Р.	nas	was
Д.	nam	wam
Т.	nami	wami
М.	nas	was

Двойств. ч.

И.	moj(wi)	mej,(mój)	wój	wej,(wój)
Р.В.	naju(naj)	naju	waju,(waj)	waju
Д.Т.М.	namaj	namaj	wamaj	wama.

ВЛ.	НЛ.
В. so, sebje	se, sebje
Р. sebje, so	(sebje), se
Д. sebi, sej	sebje, se
Т. sobu	sobu
М. sebi	sebje, (se).

Однословныя формы *тје, ми, ѿи, ѿе, со, сеј* (ВЛ.), *мѣ, ѿи, се* (НЛ.)—энклитики.

Въ *род. п. ед. ч.* *тпје* (ВЛ.), *тпјо* (НЛ.), исчезло основное *е*, подъ вліяніемъ дат. твор. мѣстн. пп. Параллельныя формы *род. тје* (ВЛ.), *мѣ* (НЛ.) и *со* (ВЛ.), *се* (НЛ.)—собственно вин. п., а *тебје*—дат. п. Въ НЛ. *тпјо, тебјо*—о образовалось изъ *е* по общему закону языка.

Въ *дат. п.* НЛ. *мѣ, се* собств. винительные падежи, вытѣснвшіе энклитич. *ми, си*. ВЛ. *тпји, теби, себи* получили *и* вм. первичн. *ѿ* по аналогіи энклитич. *ми, ѿи*; то же и въ мѣстн. п.; *сеј* возникло изъ *си*, вѣроятно черезъ посредство *су* (т. е. послѣ *з* гласн. *и* долженъ былъ звучать *у*). Настоящія формы *вин. п.*—*тје, ѿе, со* (ВЛ.) и *мѣ, се* (НЛ.)—соответств. старослав. *ма, та, са*. НЛ. *ѿи*, по мнѣнію Муки, есть дат. п., вытѣснвшій вин. п.; Миклопичъ объясняетъ смѣшеніе формъ близостью выговора *е, и* (рус. пер. Сравни. Морф. V 723). *Тпје, тпјо, тебје, себје*—собственно родительные падежи.

Формы двойств. ч. *шбј, шбј* (ВЛ.), *теј, веј* (НЛ.)—несомнѣнно новообразованія, объясненіе которыхъ представляетъ большія трудности; ш въ *шбј, теј* могло возникнуть по аналогіи другихъ падежей.

II. Мѣстоименія величныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій величныхъ или собственно мѣстоименное склоненіе въ серболужичскомъ яз., какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, значительно удалилось отъ праславянскаго типа. Въ ВЛ. оно вполне совпадаетъ со сложнымъ склоненіемъ, что объясняется отчасти утратой различія между твердыми и мягкими основами и стремленіемъ къ уподобленію первыхъ послѣднимъ, отчасти вліяніемъ сложнаго склоненія на мѣстоименное. Въ НЛ. еще сохраняются

древнія окончанія въ твердомъ различіи въ род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. муж. и ср. рода (togo, tomu, tom), но за то въ тѣхъ же самыхъ формахъ мягкія основы звучатъ одинаково съ твердыми, вслѣдствіе того, что гласный основы ѳ передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ переходитъ въ ѳ (pašoho, pašomu, pašom). Въ остальныхъ падежахъ едип. ч. и во всѣхъ формахъ множ. и двойств. ч. и въ НЛ. мѣстоименное склоненіе совпадаетъ со сложнымъ.

Изъ другихъ особенностей, характеризующихъ мѣстоименное склоненіе, надо отмѣтить слѣдующія: а) у твердыхъ основъ въ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. въ род., дат., твор., мѣстн. п.п. множ. ч., въ дат., твор., мѣстн. п.п. двойств. ч. старослав. **ъ** соответствуетъ у (tym, tych, tym, tymi, tuma(j)), развившееся подъ вліяніемъ мягкихъ основъ или сложнаго склоненія; напротивъ въ им.-вин. двойств. жен. р. старослав. **ъ** соответствуетъ ѳj, которое въ НЛ. стало общимъ окончаніемъ и для муж.-средн. р. (tej). ср. польск. яз. 465; б) род. и твор. п.п. ед. ч. жен. р. образуются отъ распространенной основы, какъ въ старослав. яз., а не отъ стяженной, какъ въ польскомъ, чешскомъ, сербо-хорватскомъ и словинскомъ: teje, pašeje, teju, pašeju, но дат., мѣстн. отъ стяженной: tej, pašej; в) въ ВЛ. мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. совпадаетъ съ творит.: tym, našim (НЛ. tym, tom, našim, pašom); г) имен.-вин. п.п. множ. ч. всѣхъ родовъ, въ твердомъ и мягкомъ различіи представляютъ общее окончаніе -ѳ, свойственное собственно мягкимъ основамъ жен. р.; только въ ВЛ. имен. муж. р. сі при согласованіи съ личными именами.

Основы на -ѳ.

Е д и н. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ. и НЛ.
	Муж.	Ср. р.	Муж.	Ср. р.	Жен. р.
И.	tón	to	ten	to	ta
В.	tón	(teho) to	ten	(togo) to	tu
Р.	teho		togo		teje
Д.	temu		tomu		tej
Т.	tym		tym		teju
М.	tym		tom		tej

Множ. ч.

	ВЛ.		НЛ.	ВЛ. и НЛ.
И.	ći, te te		te	te
В.	te (tych) te		te (tych) te	te
Р.		въ обоихъ нарѣ- чїихъ для всѣхъ родовъ.	tych	
Д.			tym	
Т.			tymi	
М.			tych	

Двойств. ч.

И.В.	taj tej, ći	tej	tej, ći tej
Р.	teju	teju	teju
Д.Т.М.	tumaj	tuma	tumaj tuma

Указанное различіе между ВЛ. и НЛ., не всегда выдержано въ частныхъ говорахъ; такъ въ мѣстныхъ говорахъ ВЛ. также слышится *toho, tomu*; наоборотъ и въ НЛ. иногда встрѣчаются *tego, temu*. Въ обоихъ нарѣчїяхъ въ имен. ед. сред. р. рядомъ съ *to* возможно *te*; напр.: *te blido, te wokno*.

Tón, ten изъ болѣе древн. *тъ*; ср. чешск. слов. польск. яз.; съ усиленіемъ *tu—tón, tón—lej* (ВЛ.), *toś—ten, tu—ten* (НЛ.).

Въ двойств. ч. *taj* (ВЛ.) соотвѣтств. старослав. *та*; *j*—приставочное какъ въ дат. тв.-мѣстн. *tumaj*. Въ ВЛ. для жен. и ср. р. рядомъ съ *tej* существуетъ *ći* (изъ *će*), соотвѣтств. старослав. *та*.

Въ живой рѣчи конечн. гласн. въ род., дат. ед. ч. муж., ср. р. и род. дв. ч. часто не слышенъ: *toh, tom, tej*; въ твор. п. ед. ч. жен. р. и въ литерат. яз. ВЛ. *tej* (вм. *teju*).

По образцу *tón, ten* склоняются: *wšitkon, —wšitka, wšitko* мн. ч. *wšicy, wsitke* (ВЛ.), *(w)šyken* (НЛ.), *štó* (ВЛ.), *koho, komu, kim, chto* (НЛ.), *nichto* (ВЛ.), *nicht* (НЛ.), *něchto* (ВЛ.), *něcht* (НЛ.), *štož* (ВЛ.), *sam, jedyn* (ВЛ.), *jaden* (НЛ.), *žadyn* (ВЛ.), *žeden* (НЛ.), *dwaj, wobaj, dwa, hobej* (НЛ.). Въ НЛ. сюда относятся также: *wón, wóna, wóno* и *tamon, tama, tamo* (р. *tamogo, tameje*).

Dwaj, (ВЛ.), *dwa* (НЛ.), *dwe* Р. *dweju*. Д.Т.М. *dwémaj* (ВЛ.), *dwěma* (НЛ.); *wobaj, wobě*, Р. *wobeju*, Д.Т.М. *wobémaj*. НЛ. *hobej, hobeju, hobuma*. Вм. *dwěju* иногда слышится *dwu*.

Једен въ ВЛ. теряеть d: jeno, jene, p. jeneho, jeneje и т. д. въ НЛ.—jadnogo, jadneje.

Въ ВЛ. *što* (=кто) отличается отъ средн. р. *što* (=что) только отгѣнкомъ выговора *o* и возникло по подражанію формѣ средн. р.; въ сложныхъ словахъ сохраняется органическое *chto*: *něchtó*, *nichtó*. Въ НЛ. всегда *chto*; мѣст. п. *kom*; напротивъ въ ВЛ.—обыкновенно *kim*. Твор. п. двойств. и множ. ч.—*kimí*, *kíma*.

Основы на -jo.

1.

Е д и н. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж.	Ср. р.	Муж.	Ср. р.		
И.	naš	naše	naš	našo	Жен. р.	naša
В.	naš	našè	naš	našo		našu
Р.		našeho		našogo	našeje	
Д.		našemu		našomu	našej	
Т.		našim		našym	našej(u) našeju	
М.		našim		našom	našej	

М н о ж. ч.

И.	naše	naše	naše	naše	naše
В.	naše		naše	naše	naše
Р.	našich		uašych	našich	našych
Д.	našim		našych	našim	našym
Т.	našimi		našymi	našimi	našymi
М.	našich		našych	našich	našych

Д в о й с т в. ч.

И.В.		našej		našej
Р.		našej		našeju
Д.Т.М.	našimaj		našyma	našimaj našyma

2.

Е д и н. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж. р.	Средн. р.	Муж. р.	Средн. р.	Жен. р.	
И.	wón	wóno	wón	wóno	wona	wóna
В.	jón, je	jo	jen, jogo	jo		ju
Р.		jeho		jogo		jeje
Д.		jemu		jomu	jej, ji	jej
Т.		nim		nim	njej	njeju
М.		nim		njom		njej

М н о ж. ч.

И.	woni	wone	wóni	wone	wóni
В.	je, jich	je	je, jich - je		je
Р.		jich			jich
Д.		jim			jim
Т.		nimi			nimi
М.		nich			nich

Д в о й с т в. ч.

И.	wonaj	wonej	wónej	wonej	wónej
Р.		jeju	jeju	jeju, jej	jeju
В.	jej	jeju	jej	jej, jeju - jej	ljej
Д.Т.М.	jimaj,	nimaj	jima, nima	jimaj, nimaj	jima, nima

Имен. п. ед. ч. иногда jón (ВЛ.), jen (НЛ.), jo, но только въ значеніи сказымаго; напр.: ja som je była (это была я); собственно это вин. п.

Въ *дат.-мѣстн. п. ед. ч. жен. р.* обычная форма jej образовалась черезъ потерю конечнаго i; верхнелужицкое ji (дат. п.) возникло изъ její.

Вин. п. ед., множ. и двойств. ч. муж. р.: jeho, joga, jich, jeju — собств. родительные падежи и употребляются только по отношенію къ

личнымъ именамъ (rationalia). Настоящіе винительные—jón, jen (НЛ.), je, jej, употребляющіеся только при величныхъ именахъ (irrationalia).

Имен.-вин. мн. ч. ср. р. je, вѣроятно, заимствованъ изъ муж. р.

Приставочное *п* необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога; напр.: *k pjetu, pŕi pjom*; иначе оно можетъ и не быть: *před jeho durjemi, s jeju napom*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ ВЛ. (на сѣвер.-западѣ) также допускаются формы *joho, jomu*, свойственныя собственно НЛ. Въ литератур. яз. встрѣчаются энклитики *ho, mu*.

По даннымъ образцамъ склоняются: *mój, twój, swój, waš, čej, ničeji, pječeji* (ВЛ.), *seji, niceji, něseji* (НЛ.), *wšón* (ВЛ.), *(w)šen* (НЛ.), *što* (ВЛ. = что), *so* (НЛ. СЛ.), *něšto* (ВЛ.), *něco* (НЛ.), *ničo* (ВЛ.), *nico* (НЛ.), *kiž* (ВЛ.), *kenž* (НЛ.).

Въ древнѣйшихъ памятникахъ ВЛ. *mój, twój, swój* часто имѣютъ стяженные формы: *meho, twemu, swem* и т. д.; то же въ чешск. яз.

ВЛ. И. *wšón, wšo, wša*. В. *wšón, wšo, wšu*. Р. *wšeho, wšeje*. Д. *wšemu, wšej*. Т. *wšem, wšej(u)*. М. *wšem, wšej*. Множ. ч. И.В. *wše*. Р.М. *wšech*. Д. *wšem*. Т. *wšemi*.

НЛ, *šep, šo, ša*. В. *(w)šen, (w)šo, (w)šu*. Р. *(w)šogo, (w)šeje*. Д. *šomu, šej*. Т. *wšym, wšej*. М. *wšom, wšej*. Мн.ч. И.В. *še*. Р.М. *(w)šych*. Д. *šym*. Т. *wsymi*.

Što (ВЛ.), *čeho, čemu, čim* (Т.М); *so* (НЛ.), *cogo, comu, сум, сом*; въ мужак. г. *sego, сету, сум*; въ католич. г. *čoho, čому, čом*. Въ ВЛ. вм. *što* часто *šo*: *па čo, за čo, wo čo*; со соответств. старослав. *ъсо*.

Древнее съ еще удержалось въ *dzeńsa, letsa* (ВЛ.), *žins, žinsa* (НЛ.)

Kenž несклоняемо.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе близко совпадаетъ съ мѣстоименнымъ, что объясняется главнѣйше взаимнымъ вліяніемъ одного склоненія на другое. Замѣчанія, сдѣланныя относительно формъ польскаго сложнаго склоненія (469—471), сохраняютъ свою силу и для серболужицкаго, которое весьма сходно съ польскимъ. Различіе между ВЛ. и НЛ. очень незначительно.

Твердыя основы.

Е д и н. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.		Жен. р.
И.	dobry	dobre	dobry	dobre		dobra
В.	какъ И.Р.	dobre	какъ И.Р.	dobre		dobru
Р.	dobreho		dobrego			dobreje
Д.	dobremu		dobremu			dobrej
Т.	dobrym		dobrym		dobrej(u)	dobreju
М.	dobrym		dobrem			dobrej

М н о ж. ч.

И.	dobri	dobre	dobre	dobre
В.	dobre		dobre	dobre
Р.	dobrych		dobrych	dobrych
Д.	dobrym		dobrym	dobrym
Т.	dobrymi		dobrymi	dobrymi
М.	dobrych		dobrych	dobrych

Д в о й с т в. ч.

И.В.	dobraj	dobrej	dōbrej	dobrej
Р.	dobrej(u)		dobreju	dobrej(u) dobreju
Д.Т.М.	dobrymaj		dobryma	dobrymaj dobyma

Мягкія основы.

Е д и н. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.		Жен. р.
И.	třeći	třeće	tšesi	tšeše	třeća	tšeša
В.	какъ И.Р.	třeće	какъ И.Р.	tšeše	třeću	tšešu
Р.	třećeho		tšešego		třećeje	tšešeje(-šej)
Д.	třećemu		tšešemu		třecej(i)	tšešej
Т.	třećim		tšešim		třecej(u)	tšešeju
М.	třećim		tšešem		třecej(i)	tšešej

Множ. ч.

	ВЛ.		НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	třeći třeće		tšeše	třeće	tšeše
В. какъ	Р. třeće	какъ	И.Р. tšeše	třeće	tšeše
Р.	třečich		tšešich	třečich	tšešich
Д.	třečim		tšesim	třečim	tšešim
Т.	třečimi		tšešimi	třečimi	tšešimi
М.	třečich		tšešich	třečich	tšešich

Двойств. ч.

И.В.	třecej	tšešej	třecej	tšešej
Р.	třecejju (-cej)	tšešejju	třecejju (-cej)	tšešejju
Д.Т.М.	třečimaj	tšešima	třečimaj	tšešima.

При соединеніи съ личными именами муж. р. винит. п. всѣхъ чиселъ выражается съ помощью родит. п.

Имен. п. мн. ч. муж. р. сохраняетъ свое настоящее окончаніе -і только въ ВЛ. и при согласованіи съ личными именами. Иначе всездѣ именит. п. замѣняется формой винит. п. на -е. Передъ і согласные подвергаются обычнымъ измѣненіямъ: bohaći, chudźi, wysocy, drozy, no suchi.

Въ имен.-вин. двойств. ч. различіе между муж. и сред.-жен. р. наблюдается только въ ВЛ., притомъ лишь у твердыхъ основъ: dobraj dobrej. Въ народныхъ говорахъ для жен.-сред. р. встрѣчается оконч. -і: dobri (любійск. г., также у Ворѣха, Бранцеля).

Въ мѣстныхъ говорахъ встрѣчаются формы род., дат., мѣст. п.; муж.-сред. р. на -oho, -ogo, -omu, -om: dobrogo, dobromu и т. д., также dobro, вм. dobre. Въ западныхъ говорахъ послѣ b, p, w, ш, і вм. e вообще слышится -o; напр. powo, powoj.

По сложному склоненію измѣняются не только прилагательныя, но многія мѣстоименія; напр.: wónu, tamu, samu, hewu (ВЛ.), kótary kotery (НЛ.), kotru (ВЛ.), chtery (мужав. г.), nĕkotary (НЛ.), nĕkotru (ВЛ.), wótery, taki (НЛ.), tajki (ВЛ.), kaki (НЛ.), kajki (ВЛ.), (w)šaki (НЛ.), wšelaki (ВЛ.), drugi (НЛ.), druhi (ВЛ.), młogi (НЛ.), mnohi (ВЛ.), kuždy (НЛ.), koždy (ВЛ.) и др. Сюда же относятся числительныя порядковыя: pĕni (ВЛ.), prjedny (НЛ.), drugi(-hi), třeći (ВЛ.), tšeši (НЛ.), štwórty (ВЛ.), stwórty (НЛ.), pĕty (НЛ.), pjaty (ВЛ.), šosty

(НЛ.), šesty (ВЛ.), sedymy (НЛ.), sydmu (ВЛ.), wósymy (НЛ.), wósmu (ВЛ.), żewjety (НЛ.), dżewjaty (ВЛ.), żasety (НЛ.), dżesaty (ВЛ.), dważasty (НЛ.), dwacety (ВЛ.), hunderty (НЛ.), stoty (ВЛ.), towzynty (НЛ.), tysačny (ВЛ.).

Прилагательныя bósy, kóžy, guzy, pěšy (НЛ.), pěši (ВЛ.) несключаемы; напр. sbósy pogoma; также заимствованныя изъ нѣмецкаго: fajn, fryj, hejgen.

Примѣчаніе. Сравнительная степень прилагательныхъ образуется (какъ въ другихъ слав. яз.) посредствомъ двоякихъ суффиксовъ: 1) -jšy (НЛ.), jši (ВЛ.) и 2) -jejšy (НЛ.), -iši (ВЛ.); напр.: suchy—suššy (НЛ.), sušši (ВЛ.), běly—bějšy (НЛ.), bělši (ВЛ.), chudy—chudšy (НЛ.), khudši (ВЛ.), žolty—žolšejšy (НЛ.), žolčiši (ВЛ.), šoply—šoplejšy (НЛ.), šoply—šopliši (ВЛ.), wysoki—wyšši (ВЛ.), husoki—huššy (НЛ.).—Сравнительная степень отъ другихъ основъ: dobry—lěpšy (НЛ.), lěpši (ВЛ.), zly—góršy (НЛ.), hórši (ВЛ.), wjelki—wětšy (НЛ.), wulki—wjetši (ВЛ.); mały—mjenšy (НЛ.), mjenši (ВЛ.), dłužki—dlejšy (НЛ.), dołhi—dlěši (ВЛ.).

Превосходная степень образуется черезъ прибавку частицы naj (ВЛ.), nej (НЛ.) въ началу сравнительной степени: najlěpši, nejлěpšy.

Б. С п р я ж е н і е .

Спряжение въ серболужицкомъ языкѣ представляетъ значительное количество остатковъ старины, уже исчезнувшихъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ. Сюда относятся: 1) формы двойственного числа; 2) достигательное наклоненіе (ВЛ.); 3) прошедшія протыя (преходящее и аористъ); 4) прошедшія сложныя и другія опительныя формы. Болѣе всего потерь, понесенно языкомъ въ области причастныхъ формъ.

Неопредѣленное и достигательное наклоненія.

Старослав. *ти* соотвѣтствуетъ въ ВЛ. *бі* въ НЛ. *-сі*, но такъ какъ конечное *і* обыкновенно исчезаетъ, то неопредѣленное накл. чаще всего оканчивается въ ВЛ. на *-б*, въ НЛ. на *-с*; напр.: *brać, braś, pić, piś, pisać, pisaś*. Послѣ *в* (первичнаго или изъ *z, t, d*) и въ НЛ. *с*: *pjasć, pasć, lěsć, mjasć, kwisć*. Сочетанія корневыхъ гортанныхъ *с*

т окончанія превращаются въ с: pjes (ВЛ.), pјас (НЛ.), тбс, сус (ВЛ.), sec (НЛ.).—Въ старомъ языкѣ и въ мѣстныхъ говорахъ еще сохраняется конечное і: byśi, daśi, daći, činići.

Достигательное наклоненіе (или сущинъ) въ ВЛ. уже вышло изъ употребленія и всегда замѣняется неопредѣленнымъ наклоненіемъ; но въ НЛ. доселѣ живетъ и необходимо послѣ глаголовъ, означающихъ движеніе. Оно сохраняетъ древнее окончаніе т, которое только въ соединеніи съ гортанными превращается въ с: brat, krowat, palit, pјас.

Причастныя формы.

Причастіе настоящ. вр. дѣйств. зал. представляетъ слѣдующія основныя окончанія: 1) -иу, -уса, -исе (соотв. старослав. -ише) јесу, -јеса, -јесе (НЛ.) или -јасу, -јаса, -јасе (ВЛ.), соотвѣтств. старослав. ише); напр.: pletucu, —са, —се, знајусу, —са, се, chwalecu, —са, —се (НЛ.), khwalacu, —са, —се (ВЛ.). Первое собственно свойственно глаголамъ I, II, III, V классовъ, второе—глаголамъ IV класса. Это различіе, впрочемъ, выдерживается послѣдовательно только въ НЛ. Въ ВЛ., какъ въ литерат. аз., такъ въ мѣстныхъ говорахъ оконч. -јасу принимаютъ и глаголы I, II, III и V кл.: pleśacu, ріјасу, wukпјасу. Кроме того здѣсь рядомъ съ оконч. -јасу весьма употребительно оконч. -иу, первоначально усвоенное, вѣроятно, глаголами IV кл.; напр.: khwalicu, ріјису, pјесусу, dźełajісу.—Формы на -су въ ВЛ. всегда склоняются; напротивъ въ НЛ. онѣ нерѣдко несклоняемы и употребляются въ значеніи дѣепричастій; напр.: duša bužo chwalecu a źe-kuјсу zpiwaś (Мука). Въ ВЛ. въ значеніи дѣепричастія (герундія) употребляется особая форма на -јо (соотвѣтств. старосл. а, -ш), возможная для глаголовъ всѣхъ классовъ; напр.: bjerjo, wukпjo, wjedžo, khwalю, jedžo.—Наконецъ, нужно отмѣтить встрѣчающееся въ старомъ аз. нижнелуцкое нарѣчіе на -по, имѣвшее значеніе дѣепричастія: bijусу-по, рѣокисупо и т. п.

Причастіе прошед. вр. дѣйств. з. I. сохранилось только въ ВЛ. и части СЛ; оно представляетъ только несклоняемыя формы на -ši, -ša, -še (когда основа неопредѣленнаго оканчивается на согласный) или на -wši, -wša, -wše (когда основа неопредѣленнаго оканчивается на гласный), которыя употребляются въ значеніи дѣепричастій; напр. pјekši, pletši, brawši, jedši.

Причастіе прошед. вр. дѣйств. з. II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. совершенно такъ, какъ въ старослав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія: Ед. ч. I -іа, ю. Мн. ч. НЛ. -іі (для всѣхъ родовъ), ВЛ. -іі (для муж. р. личн. именъ) -іе (муж. р. величныя имена, жен. и ср.). Двойст. ч. — іој, іеј (ВЛ.), іеј (НЛ.; напр.: *pletī, pletīa, pletīo, pletīi, pletle (ВЛ.), pletloј (ВЛ.), pletlej (НЛ.)*).

Причастіе прошед. вр. страд. з. употребляется только въ опредѣленной или членной формѣ; т. е. оканчивается на -ту (-та, -ю) или на -пу (-па, -по) и измѣняется какъ обыкновенное прилагательное. Относительно образованія этихъ формъ и пользованія тѣмъ или другимъ окончаніемъ серболужицкій языкъ слѣдуетъ старославянскому и другимъ славянскимъ языкамъ; *jaty (ВЛ.), jěty (НЛ.) hnuty (ВЛ.), gnuty (НЛ.), zakryty, plešeny (ВЛ.), plešony (НЛ.), khwaleny (ВЛ.), chwalyony (НЛ.)* и др.

Причастіе настоящ. вр. страд. з. исчезло. Нѣкоторые слѣды его представляютъ въ ВЛ. прилагательныя: *swědomy, wědomy, wídomy, znajomy*; въ НЛ. выраженіе *wědomo scyniś*. Впрочемъ въ ВЛ. вм. *znajomy* говорятъ *znajomny*.

Личныя окончанія.

I. Окончанія настоящаго времени и повелительнаго наклоненія (полныя).

Един. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -шь, -ж (гласн. + ш), ѡ	1 л. -ш. -ц
2 л. -си, -ши (=хи=си)	2 л. ѣ
3 л. ть	3 л. —
Множ. ч.	
1 л. -шь	1 л. -шу
2 л. -те	2 л. -ѳе (ВЛ.), -šo (НЛ.), -ѳе, ѳо (СЛ.)
3 л. -хъ, -шь, ать	3 л. -ц, -ја (ВЛ.) -ц, -је (НЛ.)

Д в о й с т в . ч .

Старослав. яз.

Серболужиц. яз.

1 л. -ка
2 л. -ти
3 л. -те

1 л. -moj, -mój (ВЛ.) -mej (НЛ. СЛ.)
2 л. -taj, -tej (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)
3 л. -taj, -tej (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)

1-е лицо един. ч. представляет двойное окончание: -ш и -и. Окон. -ш, свойственное собственно т. н. архаическимъ глаголамъ, въ НЛ. перешло къ глаголамъ всѣхъ другихъ классовъ и исключительно господствуетъ какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ народныхъ говорахъ: wěm, plešom, pjašom, ralim, žělam; только иврѣдка слышны си, togu, degu рядомъ съ com, móžom, derbim. Въ ВЛ. большею частью удержалось древнее -и (соотвѣтств. старослав. ж): pletu, pjesu, ralu; -ш имѣютъ, кромѣ архаическихъ глаголовъ, только глаголы съ основой неопредѣленнаго на -а (V кл.) džělam.

2-е лицо един. ч. Древнее окончание si удержалось только у существительнаго глагола: sy. Въ НЛ. также употребительно wěs рядомъ съ wěš. Остальные архаическіе глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончание ŷ (изъ болѣе древняго ŷi): daš, ješ, rališ, pjeseš (ВЛ.), pjašoš (НЛ.).

3-е лицо един. ч. Исконное t совсѣмъ утрачено: pleše, (ВЛ.), plešo (НЛ.), je (ВЛ.), jo ((НЛ.), wě, jě, da, džěla (ВЛ.), žěla (НЛ.), rali.

1-е лицо множ. ч. Обыкновенное окончание -шу; оно возникло вм. древняго и органическаго -ш (=мъ) первоначально у глаголовъ, имѣющихъ -ш въ 1 л. един. ч., вслѣдствіе стремленія языка къ дифференціаціи формъ, а потомъ распространилось и на всѣ другіе глаголы; напр. rališu, dašu. Утвержденію этого окончанія способствовало его совпаденіе съ соотвѣтствующимъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. -шу. Въ мѣстныхъ говорахъ иногда слышны -шѣ (гродецк. г., степн. г.), -шѣ (катол. г.), -ши (жоморов. г., вейерецк. г.), что объясняется свойствомъ этихъ говоровъ произносить у (послѣ губныхъ) близко то къ е, то къ -ѣ, то къ и; напр.: мѣ, смѣ, шѣ, шамѣ, ши, шаши.

2-е лицо множ. ч. Древнее те превратилось согласно звуковымъ законамъ серболужицкихъ нарѣчій въ -бе (ВЛ.) и šo (НЛ.): riješe, riješo. Въ СЛ. -бо; но въ мужак. г. -бе: riješo, riješe. Встарину въ НЛ. было še (Якубица, Мегиверь).

3-е лицо множ. ч. Исконное *t* исчезло уже въ доисторическую пору; -и соответствуетъ праслав. и старослав. *ja*, -*ja* (ВЛ.) и -*je* (НЛ.)— праслав. и старослав. -*ja*: *pletu*, *pjesu* (ВЛ.) *pjasu* (НЛ.), *džěłaju* (ВЛ.), *žěłaju* (НЛ.), *pala* (ВЛ.), *pale* (НЛ.), *leća* (ВЛ.), *leće* (НЛ.).

1-е лицо двойств. ч. Окончания *maj*, *měj* (ВЛ.) и *měj* (НЛ. и СЛ.) возникли, вѣроятно, по аналогіи 1 л. мн. ч.; напр. *plešetoj* (ВЛ.), *plešotej* (НЛ.), *džěłatoj* (ВЛ.), *žěłatej* (НЛ.). Древнее органическое окончание, соответствующее старослав. *въ*, сохранилось въ нѣкоторыхъ говорахъ ВЛ. (любійск., горн. гов.) въ видѣ -*wi* (муж. р.), -*wje* жен.-средн. р.): *budźewi*, *budźewje*.

2 и 3 лица двойств. ч. Въ ВЛ. различаются роды: -*taj* для (муж. р.), -*tej* для (жен. и средн. р.); въ НЛ. и СЛ.—для всѣхъ родовъ -*tej*; *taj* и *tej* одинаково восходятъ въ болѣе древнему *тѣ*; въ НЛ. *taj* могло возникнуть по аналогіи *měj*; напр. *plešetaj*, *plešetej* (ВЛ.), *plešotej* (НЛ.), *džěłataj*, *džěłatej* (ВЛ.), *žěłatej* (НЛ.).

II. Окончания прошедшихъ временъ (устыченныя).

Един. ч.

Старослав. яз.		Серболужиц. яз.
1 л. <i>ъ</i> (м)	} <small>Согласно отпаде.</small>	1 л. —
2 л. — (с)		2 л. —
3 л. — (т)		3 л. —

Множ. ч.

1 л. - <i>мъ</i>		1 л. - <i>му</i>
2 л. - <i>те</i>		2 л. - <i>ѣ</i> (ВЛ.) - <i>ѣ</i> (НЛ.)
3 л. - <i>а</i> , <i>ж</i> (гласн. + ит)		3 л. - <i>ц</i>

Двойств. ч.

1 л. - <i>мѣ</i>		1 л. - <i>maj</i> (ВЛ.) - <i>měj</i> (НЛ.)
2 л. - <i>тѣ</i>		2 л. - <i>taj</i> , - <i>tej</i> (ВЛ.) - <i>tej</i> (НЛ. СЛ.)
3 л. - <i>те</i>		3 л. - <i>taj</i> , - <i>tej</i> (ВЛ.) - <i>tej</i> (НЛ. СЛ.)

Въ един. ч. личные окончания исчезли не только во 2 и 3 л., какъ въ старослав. яз., но и въ 1 л., которое въ старослав. яз. еще сохраняло слѣдъ личнаго окончанія въ *ъ* (рѣко *х-ъ*==рѣко-*х-ом**), уже

исчезнувшимъ въ серболужицкомъ яз. согласно общему фонетическому закону. Тоже самое въ сербохорватскомъ и болгарскомъ языкахъ. Въ двойств. ч. и 1—2 л. множ. ч. окончанія тѣже, что въ настоящемъ времени. Уклоненія ихъ отъ древняго типа (сохраненнаго преимущественно въ старослав. яз.) объясняются такимъ же образомъ, какъ отступленія отъ старины въ окончаніяхъ настоящ. вр. Равнымъ образомъ и частныя діалектическія особенности здѣсь тѣже; напр. въ 1 л. мн. ч.—возможны кромѣ общераспространеннаго -шу, также -ше, -то, -шѣ; въ двойств. ч. кромѣ шѣ, шеј въ ВЛ. -wi, -wej. —3-е лицо множ. ч. представляетъ какъ въ преходящемъ, такъ въ аористѣ одно окончаніе -ц, свойственное собственно преходящему (-chu=хъ). Примѣры. Преход. ВЛ. rijach, riješe, rijachmu, riješće, rijachu, Дв. ч. rijachmoј, riještaj, riješteј. НЛ. rijach, rijašo, rijachmu, rijašćo, rijachu, rijachmej, rijašteј. Аористъ: ВЛ. wupich, wupі, wupichmu, wupіšće, wupichu, wupichmoј, wupіštaj, wupіšteј, НЛ.: hupich, hupі, hupichmu, hupіšćo, hupichu, hupichmej, hupіšteј.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ т. н. архаическихъ глаголовъ (sum (ВЛ.), som (НЛ.), wěm, jěm, дам) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -е (-о), -і, -а; напр.: рѣсеš, pališ, džełaš. Отсюда и въ серболужицкомъ, какъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, всѣ глаголы удобно подводятся подъ три главныхъ спряженія.

Въ ВЛ. гласн. е (праслав. происхожд.) выступаетъ во всѣхъ формахъ, за исключеніемъ 1 л. един. ч. и 3 л. множ. ч., гдѣ замѣняющее его древнее о скрывается въ окончанія -ц (=ж=ом, оп): plešeš, pleše, plešemu, ноpletu. Въ НЛ. -е переходитъ въ мягкое -о (-jo, ср. 607) во всѣхъ формахъ кромѣ 2 л. мн. ч.: plešom, plešoš, plešo, plešomu, plešešo, plešomeј, plešoteј. Въ мужак. г. и въ 1 л. -em: plešem; 3 л. мн. ч. здѣсь образуется отъ распространенной основы -eje: plešeja.

Гласн. -і—праслав. происхожденія; онъ выступаетъ во всѣхъ формахъ за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ., гдѣ превращается въ j, вызывающій смягченіе предшествующаго согласнаго; старослав. въ соотвѣтств. -ju, старослав. я -ja (ВЛ.) и je (НЛ.); въ НЛ. выступаетъ -і и въ 1 л.

ед. ч.; напр. *ralim* (НЛ.), *ralu* (ВЛ.), *rališ*, *ralimy*, *rala* (ВЛ.), *rale* (НЛ.).

Гласн. а, какъ въ большей части славянскихъ языковъ, образовался чрезъ стяженіе изъ первичн. *aje*: *džělam* (ВЛ.), *žělam* (НЛ.), *džělaš*, *žělaš* и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч.: *džěłaju* (ВЛ.), *žěłaju* (НЛ.), диалект. *džěłaja* (муж. г.), *džěłaje* (вост. гов. СЛ.).

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляетъ особныя формы во 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. множ. и двойств. ч.; 3-е л. въ двойств. ч. встрѣчается очень рѣдко и совпадаетъ со 2 л., въ един. ч. иногда совпадаетъ съ 2 л., но чаще выражается описательно, а во множ. ч. всегда замѣняется описательнымъ оборотомъ. Въ един. ч. личные окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. и двойств. ч. тѣже, что и въ наст. вр. Основа оканчивается всегда на -і; древнее ѣ, свойственное многимъ глаголамъ въ старослав. и чешск. яз., уже не существуетъ, оно вездѣ, замѣнено -і, которое собственно принадлежитъ основамъ настоящаго на -і; напр. *dži*, *džice*, *džitej* (ВЛ.), *ži*, *žiso*, *žitej* (НЛ.).

Впрочемъ, -і обыкновенно исчезаетъ, какъ въ польскомъ, чешскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, лишь оставляя послѣ себя слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго; напр.: *pleć*, *plećmy*, *plećće*, *plećmoj*, *plećtaj* (ВЛ.) *pleś*, *pleśmy*, *pleśco*, *pleśmej*, *pleštej* (НЛ.), *njes* (ВЛ.), *njas* (НЛ.), *plač* (ВЛ.), *plac* (НЛ.), *piš*, *pišmy* и т. д. і сохраняется: 1) когда оно является единственнымъ гласнымъ въ словѣ; напр. *sri*, *srimy*; 2) у многосложныхъ основъ, при накопленіи согласныхъ, при чемъ чаще въ НЛ., чѣмъ въ ВЛ.; напр. *wezni*, *weznišo* (НЛ.) *hobmysli* (НЛ.), *hukni*, *huknimy* (НЛ.), *wukń*, *wukńmy* (ВЛ.). Послѣ гласныхъ -і переходитъ въ -j: *rij*, *rijmy*.

3-е лицо един. и множ. ч. обыкновенно передается описательно посредствомъ настоящ. вр. въ соединеніи съ част. *njech* (ВЛ.) и *daši*, *daś* (НЛ.); напр. *njech bjeru*, *njech pletu* (ВЛ.), *daši bjeru*, *daši pletu* (НЛ.), *njech džěła* (ВЛ.), *daši žěła* (НЛ.). *Njech* (какъ въ другихъ слав. яз.) собственно повелительное н. отъ *njechati*; *daši* = *daši* (*ši* — энклитич. дат. п. — *ti*) и соотвѣтствуетъ старослав. *дѣ*

да *имѣтъ*. Въ ВЛ. *pjesh* можетъ соединяться со всѣми лицами изъявительнаго н.

Преходящее и аористъ.

Сохраненіе прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста), утраченныхъ другими сѣверо-западными славянскими языками, составляетъ любопытную особенность серболужицкаго языка, сближающую его съ языкомъ старославянскимъ, болгарскимъ и сербохорватскимъ. Обыкновенно глаголы допускаютъ одно изъ двухъ прошедшихъ: преходящее свойственно только глаголамъ несовершеннаго и многократнаго видовъ, аористъ только глаголамъ совершеннаго вида. Въ общемъ аористъ и преходящее не въ такой степени различаются между собою какъ въ старославянскомъ языкѣ. Въ отношеніи окончаній оба времени совпадаютъ во всѣхъ формахъ за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч., при чемъ главнымъ образомъ преходящее повліяло на аористъ. Различіе касается болѣе всего образованія того и другого времени: аористъ происходитъ отъ основы неопредѣленнаго, преходящее болшею частью отъ основы настоящаго; но часто и основы того и другого времени оказываются сходными, преимущественно вслѣдствіе уподобленія аориста преходящему.

Преходящее сравнительно со старославянскимъ представляетъ слѣдующія особенности: 1) примѣтами преходящаго служатъ только однозвучные гласные суффиксы -je и a (ja), между тѣмъ въ старослав. яв-также и двузвучные (ѣа, ѣа, ѣа и ѣ, а, ѣ); напр. *plebesh* (ВЛ.), *plešesh* (НЛ.), старослав. *плетѣхъ* и *плетѣхъ*, *рѣакаш* старослав. *рѣамахъ* и *рѣамахъ*; je (e) соотвѣтствуетъ старослав. ѣа, (ѣ); а, ja—старослав. ѣа (а), ѣа¹⁾ (ѣ); 2) согласная примѣта времени х сохраняется въ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. (-ch, -chshu, -chmoj, chmej, -chu), а во всѣхъ остальныхъ формахъ переходитъ въ š (-še, šce (ВЛ.), šco (НЛ.), štaj, štej); 3) въ 1 л. мн. ч. окончаніе соединяется съ характеромъ времени (ch) безъ посредства гласнаго звука -chshu, старослав.—*хѣмъ* ср. болгар. *жѣ*, серб. *смо*²⁾; 4) оконч. 3 л. множ. ч. -chш соотвѣтствуетъ старо-

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать что иногда и старослав. ѣа возникло изъ болѣе древняго ѣа; напр. *тѣомахъ* *слоужахъ*.

²⁾ Бить можетъ и въ приведенныхъ суффиксахъ, начинающихся съ š (šce, štaj и др.) можно видѣть исчезновеніе древняго e, ср. старослав.—*шете*, *шета*, (люклюдшете), хотя, возможно, что это суффиксы аориста, въ которыхъ e перешло въ š какъ въ другихъ случаяхъ.

слав. ж; 5) конечное е въ 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч. въ НЛ. переходить въ -о: pisašo, pisašćo.

Окончанія преходящаго.

ВЛ.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л. -(j)ech, -ach	-(j)echmy, -achmy	-(j)echmoj (-ej), -achmoj
2 л. -(j)eše, -aše	-(j)ešće, -ašće	-(j)eštaj (-ej), -aštaj
3 л. -(j)eše, -aše	-(j)echu, -achu	-(j)eštaj (-ej), -aštaj

НЛ.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л. -(j)ech, -ach	-(j)echmy, -achmy	-(j)echmej, -achmej
2 л. -(j)ešo, -ašo	-(j)ešćo, -ašćo	-(j)eštaj, -aštaj
3 л. -(j)ešo, -ašo	-(j)echu, -achu	-(j)eštej, -aštej.

ВЛ. plečech, plečeše, plečeše, plečechmy, plečešće, plečechu, plečechmoj, plečeštaj (-tej).

НЛ. plesech, plešešo, plešeše, plesechmy, plešešćo, plesechu, plesechmej, plešeštej.

Преходящее образуется отъ основы неопредѣленнаго лишь тогда, когда послѣдняя оканчивается на -а: kupowach, znajach.

Аористъ сохранился (какъ въ болгарскомъ и сербо-хорватскомъ яз.) только въ одной формѣ аориста сложнаго или сигматическаго. Онъ образуется отъ основы неопредѣленнаго, при чемъ основы, оканчивающіяся на гласный принимаютъ характеръ времени сн или его замѣну ѣ безъ помощи соединительнаго гласнаго, а основы, оканчивающіяся на согласный, пользуются соединительнымъ гласнымъ е; напр. wupich, wupi, wupišće (ВЛ.), hupich, hupi, hupišćo (НЛ.), splečech, spleče, splečešće (ВЛ.), splesech, spleše, splešešćo (НЛ.). У глаголовъ, принимающихъ соединительный гласный, е свойственное собственно 2 и 3 л. ед. ч, вытѣснило древнее -о изъ другихъ формъ (старослав. плетохъ, серб. плетох), вслѣдствіе чего аористъ у многихъ глаголовъ совпалъ съ преходящимъ. Въ старомъ НЛ. литературномъ яз. вм. мягкаго е по общему закону этого нарѣчія употреблялось -jo: sple-

šoch, splešo, splešochmy и т. д., но въ современномъ языкѣ опять возобладало е: splešech и т. д. Окончанія, за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч. тѣже, что въ переходящемъ; въ 3 л. мн. ч. -chu издавна заимствовано изъ переходящаго.

Окончанія аориста.

ВЛ.

	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1 л.	—ch	—ech	—chmy	—echmy	—chmoj	—echmoj
2 л.	—	—e	—šće	—ešće	—štaj (-štaj)	—eštaj (-eštaj)
3 л.	—	—e	—chu	—echu	—štaj (-štaj)	—eštaj (-eštaj)

НЛ.

Ед. ч.	1 л.	-ch	-ech	Мн. ч.	-echmy,	-chmy	Дв. ч.	-chmej,	-echmej
2 л.	-	-e		-šće,	-ešće		-štaj,	-eštaj	
3 л.	-	-e		-chu,	-echu		-štaj,	-eštaj.	

ВЛ. wupich, wupi, wupi, wupichmy, wupišće, wupichu, wupichmoj, wupištaj (-tej), wupištaj (-tej).

НЛ. hupich, hupi, hupi, hupichmy, hupišće, hupichu, hupichmej, hupištej, hupištej.

ВЛ. splečech, spleče, spleče, splečechmy, splečešće, splečechu, splečechmoj, splečeštaj (-tej), splečeštaj (-tej).

НЛ. splešech, špleše, spleše, splešechmy, splešešće, splešechu, splešechmej, splešeštej, splešeštej.

Въ ВЛ говорахъ (любійск. будышин. горн.) (j)е переходитъ въ і (или у послѣ твердыхъ дыхательныхъ) во всѣхъ формахъ переходящаго и во всѣхъ формахъ аориста за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч. напр. прех. plecích, njesych, wuknich; аор. — wumrich, но wumrje.

Прошедшія сложныя.

Кромѣ прошедшихъ простыхъ, сербо-лужицкому языку свойственны прошедшія сложныя.

Прошедшее совершенное (Perfectum) состоитъ изъ причастія прошедшаго дѣйств. II и настоящ. вр. глагола сум (ВЛ) или som (НЛ); напр. ВЛ. som pletł, pletła, pletło, sy pletł, а, о, je pletł, а, о, smy pletli, е, sće pletli, -e, su pletli, е, smój pletłoj, -lej, staj

(stej) pletłoj (pletlej) НЛ. som pletł, а, о, sy pletł, а, о, jo pletł, а, о, smy pletli, sćo pletli, su pletli, smej pletłej, stej pletlej.

Давнопрошедшее (Plusquamperfectum) состоитъ изъ причастія прошедшаго дѣйств. II и переходящаго глагола być (ś); напр. běch pletł, běchu pletli. Въ НЛ вм. переходящаго нерѣдко прошедшее совершенное; напр. som był pletł. Въ ВЛ. давнопрошедшее вр. часто выражается аористомъ. Прошедшее совершенное иногда, особенно въ НЛ народн. яз., замѣняетъ прошедшія простыя, переходящее и аористъ.

Будущее время.

Будущее время выражается: 1) у глаголовъ совершеннаго вида посредствомъ настоящаго; напр. skoću, rojėdu; 2) у глаголовъ несовершеннаго вида соединеніемъ неопредѣленнаго н. съ настоящимъ глаг. budu (въ НЛ. также bużom); напр. budu brać (ВЛ.), budu brać (НЛ.).

Въ ВЛ. для обозначенія будущаго вр. иногда служитъ настоящее в. глагола hić: ja du vidzeć.

Иногда описательная форма съ budu допускается и у глаголовъ совершеннаго вида; напр. budu zahinuć. Встрѣчающіяся въ ВЛ и НЛ. формы въ родѣ budu być (ś), budze być слѣдуетъ считать германизмами.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе настоящаго вр. выражается соединеніемъ причаст. прош. дѣйств. II съ аористомъ bych; напр. ja bych pletł, а, о, ty by pletł, а, о, my bychmy pletli (-le), wy byśće pletli, -e, woni bychy pletli, -e, mój bychmoj pletłoj (-łej), wój byštaj (-ej) pletłoj, -ej, wonaj (-nej) byštaj (-tej) pletłoj (-łej). Въ НЛ. bych не спрягается, а во всѣхъ лицахъ и числахъ употребляется неизмѣняемое by; напр. ja by pletł, ty by pletł, my by pletli и т. д.

Прошедшее время передается соединеніемъ причастія прош. дѣйств. II 1, съ переходящимъ глагол. budu т. е. съ budzecz (ВЛ.) или bużach (НЛ.); напр. budzecz pletł, bużach pletł; 2, съ běch въ ВЛ. и съ условнымъ настоящ. вр. глаг. być въ НЛ.; напр. běch pletł (ВЛ.), ja by był pletł. Иногда by опускается, особенно при вспомогательныхъ глаголахъ: kśeś (НЛ.), chcyć (ВЛ.), mće, dejaś (НЛ.), dyrbjeć (ВЛ.).

Страда тельный залогъ.

Страдательный залогъ выражается, какъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: 1) соединеніемъ дѣйств. зал. съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *so* (ВЛ), *se* (НЛ): напр. *slyši so, slyšu se*; 2) соединеніемъ причастія прошед. страд. съ глаголомъ существительнымъ *sum* (ВЛ), *som* (НЛ) *ja sum (som) bity, ja bych bity, ja budu pytany*.—Сверхъ того въ НЛ рядомъ съ *som* употребляется заимствованное изъ нѣмецкаго *wordowaś* или *hordowaś* (*werden*): *ja horduju lubowany. Ty wordujoś pytany*.

Спряжение по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня относятся: *sum* (ВЛ), *som* (НЛ), *dam*, *wѣm*, *jѣm*.

1. *Существительный глаголъ.*Основа *jѣs*.

Настоящее.

	ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.
Ед. ч. 1.	<i>sum</i>	<i>som</i>	Мн. ч.	<i>smu</i>	<i>smu</i>	Дв. ч.	<i>smój</i>	<i>smѣj</i>
	2. <i>su</i>	<i>su</i>		<i>sѣe</i>	<i>sѣo</i>		<i>staj</i>	<i>(stej) stej</i>
	3. <i>je</i>	<i>jo</i>		<i>su</i>	<i>su</i>		<i>staj</i>	<i>(stej) stej</i>

Начальное *je* основы удержалось только въ 3 л. ед. ч.—Гласный въ *sum*, *som*—вставочный звукъ.—Во 2 л. ед. ч. *у* обусловлено твердостью *s*; въ 3 л. ед. ч. *s* основы исчезло вмѣстѣ съ окончаніемъ (*t*).

Свойственное ВЛ. причастіе настоящее *sucu* теперь вышло изъ употребленія.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ *bude*, *by*, *bѣ*.

Н а с т о я щ е е (въ значеніи будущаго).

ВЛ.		НЛ.		ВЛ.		НЛ.		ВЛ.		НЛ.	
Ед. ч.				Мн. ч.				Дв. ч.			
1. budu	буду (bužom)	budžemy	бужомы	budžemoj	бужомей						
2. budžeš	бужош	budžeće	бужецо	budžetaj (-ej)	бужетеј						
3. budže	бужо	буду	буду	budžetaj (-ej)	бужетеј						

Повел. н. ВЛ. budź, budźmy, budźce, budźmoj, budźtej (-tej)
НЛ. buž(i), bužmy, bužco, bužmej, bužtej.

Преходящее bēch, bēše (ВЛ), bēšo (НЛ) и budžech, budžeše (ВЛ), bužach, bužašo (НЛ).

Аористъ buch, bu и т. д.

Неопредѣленное н. być (ВЛ), byś (НЛ); Супинъ byt (НЛ)
Прич. прош. дѣйств. I. bywši (ВЛ); Прич. прош. дѣйств. II
był. Прич. прош. страд. zabyty ¹⁾.

2. Основа dad.

Н а с т о я щ е е.

ВЛ. НЛ.		ВЛ.		НЛ.		ВЛ.		НЛ.	
Ед. ч.		Мн. ч.				Дв. ч.			
1	dam	damy	дамы	damoj	дамей				
2	daš	daće	дацо	dataj (-tej)	дайтеј				
3	da	dadźa	даже	dataj (-tej)	дайтеј				

Повел. н. daj, dajmy, dajće (ВЛ), dajšo (НЛ). dajmoj dajtoj
-tej (ВЛ), dajmej, dajtej (НЛ).

Преходящее dawach, dawaše; dadźich, dadžiše.

Аористъ dach, da и т. д.

Неопредѣленное н. dáć (ВЛ), daś (НЛ) Супинъ dat (НЛ)
Прич. прош. дѣйств. I dawši (ВЛ); Прич. прош. дѣйств. II
dał; Прич. прош. страдат. daty (ВЛ), dany (НЛ).

Отъ древней основы dad образовацы только dam (изъ dadm)
damy (изъ dadmy) и dadźa (daže). Впрочемъ въ 3 л. множ. ч. не-
рѣдко daja (ВЛ), и daju (НЛ). Остальныя формы настоящ. и повел.

¹⁾ Описательныя формы — т. е. прошедшія сложныя, будущее вр., условное нар. и страдательный залогъ какъ въ этой, такъ во всѣхъ слѣдующихъ парадигмахъ не приводятся; образованіе ихъ не представляетъ особыхъ трудностей.

н. слѣдуютъ V ел. Dawach и ВЛ прич. dawajcy собственно относятся къ глаголу dawać(ś); ВЛ діалектич. преход. dadźich соотвѣтствуютъ старослав. *ддѣчѣ*.

3. Основы wěd.

Н а с т о я щ е е.

	ВЛ	НЛ		ВЛ	НЛ		ВЛ	НЛ
Ед. ч. 1.	wěm	wěm	Мн. ч.	wěmy	wěmy	Дв. ч.	wěmoj	wěmej
2.	wěš	wěš (wěs)		wěsće	wěsco		wěstaj(-ej)	wěstej
3.	wě	wě		wědza	wěze		wěstaj(-ej)	wěstej

Повелительное н. ВЛ. wěz, wězmy, wězće, wězmoj, wěztaj (-ej). НЛ wěz, wězmy, wězco, wězmej, wěztej.

Преходящее wědzach, wědzeše (ВЛ) и wězech, wězešo (НЛ).
Аористъ powědzach (ВЛ), powězech (НЛ).

Неопредѣленное н. wědzeć (ВЛ), wězeš (НЛ) Супинъ wězet (НЛ), Причастіе наст. вр. дѣйств. wědzacy (ВЛ), wězecy (НЛ)
Дѣепричастіе наст. wědzo (ВЛ), wězecyno (НЛ) Прич. прош. дѣйств. I wědzał (ВЛ), wězeł (НЛ). Прич. прош. страд. wědżeny (ВЛ), wězony (НЛ).

Древняя основа wěd выдержана въ настоящ. и повелит. н. Остальные формы образованы отъ основы wědě. Въ любійск.—будыш. г.—wjedźich, wjedził, wjedziwši.

4. Основа jěd.

Н а с т о я щ е е.

	ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.
Ед. ч. 1.	jěm	jěm	Мн. ч.	jěmy	jěmy	Дв. ч.	jěmoj	jěmej
2.	jěš	jěs (jěš)		jěsće	jěsco		jěstaj (-tej)	jěstej
3.	jě	jě		jědza	jěze		jěstaj (-tej)	jěstej

Повелительное н. ВЛ jěz, jězmy, jězće, jězmoj, jeztaj (-tej);
НЛ jěz, jězmy, jězco, jezmej, jěztej.

Преходящее jědzach, jědzeše (ВЛ), jězoch, jězešo (НЛ).

Аористъ zjěch, zje и т. д.

Неопредѣленное н. jěsć. Супинъ jěst (НЛ). Причастіе наст. вр. jedzacy (ВЛ) jězecy (НЛ). Дѣепричастіе наст. вр. jědzo (ВЛ), jězecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I jědši (ВЛ). Прич. прош. страдат. jědżeny (ВЛ) jězony (НЛ).

Отъ основы jǫd образованы всѣ формы кромѣ переходящ. и прич. наст., въ основаніи которыхъ лежитъ jǫdǫ.

Спряжение съ характерной примѣтой настоящаго времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно свести въ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -о -е; 2) основы на -по, -пе; 3) основы на -jо, -jе; 4) основы на -і; 5) основы на -а.

Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

О с н о в ы н а -о, -е.

А. Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).

Неопредѣленное н. ВЛ. plesǫ, pjesǫ, pjes. НЛ. plasǫ, pjasǫ, pjас. Супинъ plast, pjast, pjас (НЛ.).

Н а с т о я щ е е.

ВЛ.		НЛ.			
Е д и н. ч.					
1. pletu	njesu	pjeku	plešom	njasom (-su)	pjeku
2. plečeš	njeseš	pječeš	plešoš	njasoš	pjasoš
3. pleče	njese	pječe	plešo	njaso	pjaso
М н о ж. ч.					
1. plečemy	njesemy	pječemy	plešomy	njasomy	pjasomy
2. plečece	njesece	pječece	plešešo	njasešo	pjačošo
8. pletu	njesu	pjeku	pletu	njasu	pjeku
Д в о й с т в. ч.					
1. plečemoj	njesemoj	pječemoj	plešomej	njasomej	pjacomej
2. plečetaj(-tej)	njesetaj(-tej)	pječetaj	plešotej	njasotej	pjacotej
3. plečetaj(-tej)	njesetaj(-tej)	pječetaj	plešotej	njasotej	pjacotej

Императивное и. ВЛ. Ед. ч. pleć, njes, pjeć. Мн. ч. plećmy, njesmy, pjećmy, plećece, njescece, pjećece. Дв. ч. plećmoj, njesmoj, pjećmoj, plećtaj (-tej), njestaj (-tej), pjećtaj (-tej).—НЛ. Ед. ч. pleś, njas, pjas. Мн. ч. pleśmy, njasmy, pjasmy, pleśco, njasco, pjasco. Дв. ч. pleśmej, njasmej, pjasmej, pleštej, njastej, pjacteј.

Преходящее.

ВЛ.

Един. ч.

1. plećech	njesech	pjećech
2. plećeše	njesese	pjećeše
3. plećeše	njesese	pjećeše

Множ. ч.

1. plećechmy	njesechmy	pjećechmy
2. plećešće	njeseshće	pjećešće
3. plećechu	njesechu	pjećechu

Двойств. ч.

1. plećechmoј	njesechmoј	pjećechmoј
2. plećeštaj(-tej)	njeseštaj(-tej)	pjećeštaj(-tej)
3. plećeštaj(-tej)	njeseštaj(-tej)	pjećeštaj(-tej)

НЛ.

Един. ч.

1. plesech	njasech	pjacach
2. plešešo	njasešo	pjacašo
4. plešešo	njasešo	pjacašo

Множ. ч.

1. plesechmy	njasechmy	pjacachmy
2. plešešćo	njasešćo	pjacašćo
3. plešechu	njasechu	pjacachu

Двойств. ч.

1. plešechmej	njasechmej	pjacachmej
2. plešešteј	njasešteј	pjacašteј
3. plešešteј	njasešteј	pjacašteј

А о р и с т ь .

ВЛ.

Е д и н . ч .

1. splečech	donjesech	spečech
2. spleće	donjese	speće
3. spleće	donjese	speće

М н о ж . ч .

1. splečechmy	donjesechmy	spečechmy
2. splećešće	donjesešće	spećešće
3. splečechu	donjesechu	spečechu

Д в о й с т в . ч .

1. splečechmoj	donjesechmoj	spečechmoj
2. splečeštaj(-tej)	donjeseštaj (-tej)	spečeštaj (-tej)
3. splečeštaj(-tej)	donjeseštaj (-tej)	spečeštaj (-tej)

НЛ.

Е д и н . ч .

1. splešech	donjasech	spjacoch
2. spleše	donjase	spjaco
3. spleše	donjase	spjaco

М н о ж . ч .

1. splešechmy	donjasechmy	spjacochmy
2. splešešćo	donjasešćo	spjacošćo
3. splešechu	donjasechu	spjacochu

Д в о й с т в . ч .

1. splešechmej	donjasechmej	spjacochnej
2. splešeštej	donjaseštej	spjacoštej
3. splešeštej	danjaseštej	spjacoštej

Прич. наст. дѣйств. ВЛ. plečacy, njesucy, pjekucy. НЛ pletucy, njasucy, pjekucy. Дѣеприч. наст. вр. ВЛ. plečo, njeso, pječo; НЛ. pletucyno, njasucyno, pjekucyno. Прич. прош. дѣйств. ВЛ. pletši, njesuši (pječiwši). Прич. прош. дѣйств. П pletk, njesk (ВЛ), njasł (НЛ) pjekł (ВЛ), pjakł (НЛ) Прич. прош. страд. ВЛ. plečeny, njeseny, pječeny НЛ. plečony, njasony, pjasony.

Въ ВЛ говорахъ 3 л. мн. ч. часто принимаетъ неорганическое окончание -qja: plečeja, njesēja.

Мѣс 2 л. наст. вр. въ ВЛ имѣеть мѣзу, въ НЛ -mogu и možom, переход. -možach, согласно со старослав. Въ НЛ глаголы отъ корней на гортанный въ переход. вообще сохраняютъ древне а (-ach): pjasach, lesach.

Въ НЛ корневое е переходитъ въ 'а передъ з, о въ слѣдующихъ глаголахъ: pjasć, pjas, rjas, śas, mjasć, plasć, wjasć; въ ВЛ -pjesć, pjes; wjesć и т. д. Отъ основы kt (изъ kwt соотв. старослав. чьлтъ) въ ВЛ только настоящее kta, kćeš, kće; въ НЛ kwitu.

Основа id теряетъ начальное i: du, džeš (ВЛ) жош (НЛ), dži, džech (ВЛ), ži, žech (НЛ), прич. ducu а въ ВЛ и džejo; неопр. н. hić(ś), прич. прош. II šoł (ВЛ), šeł (НЛ).

Основа jěd (ѣхать) теряетъ d въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. jěć(ś), jěł, jěwši (ВЛ). Отъ основы jěd (ѣсть) формы указаны при арханч. глаг. jém.

Основы на губной въ Серболуж. яз. исчезли. Относящіяся сюда глаголы перешли въ другіе классы: čěć, hrebać, žić, plěć, šić (ВЛ), стěć, žyć, plěć, šyć. (НЛ).

Основы на первонач. п, -ш слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ ВЛ: žnu, žni, žec; čec, śec, pjeć употребляются только въ соединеніи съ предлогами: роѣну, патну, зарну. Тоже сложные съ jěć: пajeć, zajec; пажну; отъ wzac woznu, пов. wzmi, аор. wzach. Но рядомъ со žnu въ говорахъ возможно жеju, отъ duć только duju, отъ kleć или kljać (клати) kliju, прех. klijach, аор. roklach прич. klal, roklatu. Въ НЛ эти глаголы перешли въ III кл.: klěju, klějoš, pśi-rijejom, -još, насеju, (-jom), насеjoš, (w)zeju, (w)zejoš, seju. Верхнелуж. wzac въ НЛ соотвѣтствуетъ wezeć, wozeć, wzeć, zeć, зуć; наст. weznu, пов. wezmi аор. wezech. Другіе сложные съ jěć образуютъ неопредѣленное н. отъ -jnu (jmjeć): пажmjeć, рѣjmjeć, pśi(j)mjeć.

Древнія основы на -г слѣдуютъ данному склоненію только въ ВЛ: mгу, mгješ, mги; неопр. н. mгěć; гѣ проникло и въ другія формы wumгěwši, wumгěł, wumгěch. Но и въ ВЛ возможны формы по аналогіи III кл.: škrěju, škrěješ, drěju, drěj и др.; а въ НЛ старыя формы окончательно уступили мѣсто новымъ, образованнымъ по аналогіи глаголовъ III кл.: mгеju, humгеjom, humгеjoš, střeju, заргřejom, źrěju. Впрочемъ, встрѣчается humги и обыкновенно humarгу.—Глаг. mlěć слѣдуетъ III кл.: mlěju, mlějach; въ НЛ еще возможно mjelu, mjelach,

Б. Вторая основа образована суфф. а.

Неопредѣленное н. браб (ВЛ), braś (НЛ). Сущинъ брат (НЛ).

Настоящее.

ВЛ.		НЛ.		ВЛ.		НЛ.	
Ед. ч.		Мн. ч.		Ед. ч.		Мн. ч.	
1. bjeru	bjeru (-jom)	bjerjemu	bjerjomu	bjerjemoj	bjerjemoj	bjerjomej	bjerjomej
2. bjerješ	bjerjoš	bjerjeće	bjerjošo	bjerjetaj (-ej)	bjerjetaj (-ej)	bjerjotej	bjerjotej
3. bjerje	bjerjo	bjeru	bjeru	bjerjetaj (-ej)	bjerjetaj (-ej)	bjerjotej	bjerjotej

Повелительное н. ВЛ bjeť, bjeťmy, bjerće, bjermoj, bjertaj (-ej).
НЛ bjeť, bjeťmy, bjeťšo, bjermej, bjertej.

Преходящее.

ВЛ.			НЛ.		
1. bjerjech	bjerjechmy	bjerjechmoj	brach	brachmy	brachmej
2. bjerješe	bjerješće	bjerještaj (-ej)	brašo	brašćo	braštej
3. bjerješe	bjerjechu	bjerještaj (-ej)	brašo	brachu	braštej

Аористъ.

ВЛ.			НЛ.		
1. zebrach	zebrachmy	zebrachmoj	zebrach	zebrachmy	zebrachmej
2. zebra	zebrašće	zebraštaj (-ej)	zebra	zebrašćo	zebraštej
3. zebra	zebrachu	zebraštaj (-ej)	zebra	zebrachu	zebraštej

Прич. наст. дѣйств., bjerjo, bjerjucu, bjerjaty (ВЛ) bjerucu и чаще bjerjesu (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I brawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II brađ. Прич. прош. страд. braju.

Къ этому классу относятся: граć (ś), žrać(ś), stlać, gnać. Въ ВЛ отъ hna возможны только формы второй основы: hnach, hnawši, hnađ, hnaty, hnać; настоящее и приходящее замѣняются формами отъ глаг. ćéćić. Глаг. drać (ś) особенно въ ВЛ совпалъ съ drěć (ś) — старослав. дрѣти. Въ НЛ se drěć (въ значеніи кричать) имѣетъ настоящ. žeru se, переход. žerjech se; drěć (въ значеніи драть) представляетъ настоящее drěju, переход. drějach.

Во всемъ спряженіи глаголовъ I кл. -е основы настоящаго смягаетъ предшествующій согласный. Въ НЛ е переходитъ въ о по общему фонетическому закону (607—668).

Разнообразныя измѣненія, которымъ подвергаются коренные гласные и согласные въ указанныхъ глаголахъ, объяснены въ отдѣлѣ фонетики.

Второй классъ.

О с н о в ы н а -п о, -п е.

Вторая основа на -п и (п у ВЛ)

Неопредѣленное н. wuknuć (ВЛ), huknuć ¹⁾(НЛ) Супинъ huknut (НЛ).

Н а с т о я щ е е.

ВЛ.

НЛ.

1. wuknu	wuknjemy	wuknjemoj	huknjom	huknjomy	huknjomej
2. wuknješ	wuknjeće	wuknjetaj (-tej)	huknjoš	huknješo	huknjotej
3. wuknje	wuknu	wuknjetaj (-tej)	huknjo	huknu	huknjotej

Повелительное н. ВЛ wukń, wuk(ń)my, wuk(ń)će, wuk(ń)-moj, wuk(ń)taj(-tej). НЛ. hukni, huknimy, huknišo, huknimej, huknitej

П р е х о д я щ е е.

ВЛ.

1. wuknjech	wuknjechmy	wuknjechmoj
2. wuknješe	wuknješće	wuknještaj (-ej)
3. wuknješe	wuknjechu	wuknještaj (-ej)

НЛ.

1. huknjech	huknjechmy	huknjechmej
2. huknješo	huknješćo	huknještej
3. huknješo	huknjechu	huknještej.

А о р и с т ь.

ВЛ.

1. nawuknych	nawuknychmy	nawuknychmoj
2. nawukny	nawuknyšće	nawuknyštaj (-ej)
3. nawukny	nawuknychu	nawuknyštaj (-ej)

¹⁾ Учиться.

А о р и с т ь .

Н.Л.

1. nahuknuch	nahuknuchmy	nahuknuchmej
2. nahuknu	nahuknušćo	nahuknuštej
3. nahuknu	nahuknuchu	nahuknuštej

Прич. наст. дѣйств. wuknjacy (ВЛ) huknucy (НЛ); дѣе-причаст. wuknjo (ВЛ), huknucyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. wuknywši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II wuknył (ВЛ), huknuł (НЛ). Прич. прош. страд. wuknjenu (ВЛ), huknjony (НЛ).

Къ этому классу относятся глаголы, у которыхъ основа неопредѣлен. в. образована приставкой -ли (=старослов. *li*); въ ВЛ вм. -ли обыкновенно -пу.

Аористъ можетъ быть и безъ -ли (-пу): напр. ВЛ *zběžech*, *kradžech*, *radžech*, *roztoržech* или НЛ *zwižoch*, *ražoch*, *teržoch*. Тоже относится въ ВЛ къ прич. прош. дѣйств. II (за исключеніемъ муж. р.) а въ НЛ къ прич. прош. страд.; напр. *wukła*, *wobzamkła*, *ćisła*—но *wuknuł*, *wobzamknuł*, *ćisnuł*; *zwižony*, *zamsony* и *zwiŋjony*, *zamknjony*. Глаголы *hnuć* (ВЛ), *gnuś* (НЛ) и *skhnyć* (ВЛ), *sknuś* (НЛ) часто, особенно въ ВЛ., слѣдуютъ глаголамъ III вл.: *hnuju*, *hnuješ*, *hnujach*, *skhnyju*, *skhnyj*, *skhnyju*, *skhnyj*, *skhnyjaš*.

Въ прич. прош. страд. иногда *t*: *hnuty*, (ВЛ), *gnuty* (НЛ).

Третій классъ.

Основы на -jo, -je.

А. Вторая основа равна корню.

Неопредѣленное н. *pić* (ВЛ), *piś* (НЛ). Супинъ *pit* (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	<i>piju</i>	<i>pijemu</i>	<i>pijemoj</i>	<i>pijom</i>	<i>pijomu</i>	<i>pijomej</i>
2.	<i>piješ</i>	<i>pijeće</i>	<i>pijetaj (-tej)</i>	<i>pijoš</i>	<i>pijeśo</i>	<i>pijotej</i>
3.	<i>pije</i>	<i>piju (-ja)</i>	<i>pijetaj (-tej)</i>	<i>pijo</i>	<i>piju</i>	<i>pijotej</i>

Повелительное н. ВЛ. *pij*, *pijmy*, *pijeće*, *pijmoj*, *pijtaj (-tej)*
НЛ. *pij*, *pijmy*, *pijeśo*, *pijmej*, *pijtej*.

Преходящее.

	ВЛ			НЛ		
1. pijach	pijachmy	pijachmoj	pijach	pijachmy	pijachmej	
2. piješe	piješeće	piještaj (-tej)	pijašo	pijašoće	pijaštej	
3. piješe	pijachu	piještaj (-tej)	pijašo	pijachu	pijaštej	

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.		
1. wupich	wupichmy	wupichmoj	hupich	hupichmy	hupichmej	
2. wupi	wupišeće	wupištaj (-tej)	hupi	hupišoće	hupištej	
3. wupi	wupichu	wupištaj (-tej)	hupi	hupichu	hupištej	

Прич. наст. дѣйств. pijacy (ВЛ), pijacy (НЛ). Дѣеприч. наст. вр. piyo (ВЛ), pijacyно (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I piw-ši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II piš. Прич. прош. страдат. pity.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣленнаго на гласный, принадлежащій корню; напр. hnić, bić(ś), śić (ВЛ), żyć (НЛ), wić(ś) myć(ś), гуć(ś) и т. д. Глаголь stać(ś) имѣетъ большую часть формъ отъ stanuć (ВЛ) или stanuć (НЛ): stanu, stań, stawši и stanuwši, stał и stanuł. — Основа smě имѣетъ smēm и smju но въ 3 л. мн. ч. směju, směja, smědza; переход. smějach и smědzach (ВЛ).

Сюда же относятся, преимущественно въ НЛ., нѣкоторые глаголы собств. I кл., напр.: kleju, шгеju и др. Ср. выше 671.

Въ 3 л. мн. ч. во многихъ ВЛ говорахъ вм. органич. -и выступаетъ ја или еја: pija и pijeja.

Б. Вторая основа образована суфф. а.

1. Неопредѣленное н. pisać (ВЛ), pisać (НЛ) Супинъ pisat (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.		
1. pišu	pišemy	pišemoj	pišom	pišomy	pišomej	
2. pišeš	pišeće	pišetaj (-tej)	pišoš	pišešo	pišotej	
3. piše	pišu	pišetaj (-tej)	pišo	pišu	pišotej	

Повелительное н. Вл. piš pišmy, pišće, pišmej, pištaj (-tej).
НЛ. piš, pišmy, pišćo, pišmej, pištej.

Преходящее.

	ВЛ			НЛ		
1.	pisach	pisachmy	pisachmoj	pisach	pisachmy	pisachmej
2.	pisaše	pisašće	pisaštaj (-tej)	pisašo	pisašćo	pisaštej
3.	pisaše	pisachu	pisaštaj (-tej)	pisašo	pisachu	pisaštej

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	spisach	spisachmy	spisachmoj	spisach	spisachmy	spisachmej
2.	spisa	spisašće	spisaštaj (-tej)	spisa	spisašćo	spisaštej
3.	spisa	spisachu	spisaštaj (-tej)	spisa	spisachu	spisaštej

Прич. наст. дѣйств. pišo (ВЛ); pisajucu (НЛ) Прич. прош. дѣйств. pisawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II. pisał. Прич. прош. страд. pisany.

2) Неопредѣленное н. leć (ВЛ), laś (НЛ). Супинъ lat. Настоящее вр. ВЛ. lěju, leješ и т. д. НЛ. lěju (lějom), lějoš и т. д. Повел. н. lěj, lějmy и т. д. Преходящее. ВЛ. lějach, lěješe и т. д. НЛ. lějach, lėjašo, lějachmy и т. д.

Аористъ ВЛ. rozlach, rozla, rozla, rozlachmy, rozlešće, rozlachbu, rozlachmoj, rozleštaj (-tej). НЛ. rozlach, rozla, rozla, rozlachmy, rozlašćo, rozlachu, rozlachmej, rozlaštej, rozlaštej.

Прич. наст. дѣйств. lějo (ВЛ), lějucu (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I lawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II. lał. Прич. прош. страд. laty.

По образцу pisać(ś) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ влияніемъ j этотъ согласный въ настоящ. вр. подвергается соответствующимъ измѣненіямъ: wogać(ś) - wogješ, mjetać(ś) - mjecu, plakać(ś) - płaću (ВЛ), płaćom (НЛ), но въ народн. пѣсняхъ и płaку (НЛ), maзаć(ś) - mažu.

Многіе глаголы даннаго класса, особенно тѣ, у которыхъ корень оканчивается на -г, t, p, b, w, k, въ ВЛ склонны переходить въ V в. (на ам) особенно въ 1 л. ед. и 3. мн. ч. настоящ. вр.; напр. wogam, wogaју, зyрам - зyрају, dawam - dawaju, płaкам - płaкају.

Старослав. *сѣмати* и *стѣмати* въ серболуж. яз. сливаются въ одномъ глаголѣ *słac* (ś). Наст. вр. въ ВЛ *sćeŕu*, въ НЛ *sćeŕu*. Старослав. *шати*, *шрати* въ серболуж. соотвѣтств. *kłóć*, *gróć*, наст. вр. *koŕu* и *koŕu*, рогу (діалект. *rgóju*).

По образцу *lěć* (ВЛ изъ *lać*), *lać* (НЛ) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный; этотъ гласный вмѣстѣ съ а основы неопредѣлен. н. стягивается въ а, которое въ ВЛ переходитъ въ е (604 стр.): *kać*, *chwjać*, *wjać*, *źać*, *paźać se*, *sać*, *smjać se*, *rśać* (НЛ), *smec* so, *dźec*, *padzec* so (ВЛ). Отъ недостаточнаго глагола *dźec* (ВЛ), *zać* (НЛ) въ значеніи *сказать* въ ВЛ употребляется только переходящее *dźach* (НЛ *źach*).

Глаголы *blwac*, *plwac* (также *bleć*, *pleć*) имѣютъ настоящее и переходящее по образцу III А: *bluju*, *pluju*, *blujach*, также *źuju*, *sćuju* (травлю).

Въ ВЛ вм. *lěju*, *lějach* очень часто *liju*, *lijach* и т. д.

В. *Вторая основа образована суорф.*—*owa*.

Неопредѣленное н. *kipować* (ВЛ), *kipować* (НЛ), С у п и н ъ *kipowat* (НЛ).

Настоящее вр. ВЛ. *kipuju*, *kipujeś*, *kipuje* и т. д. НЛ. *kipuju* (-jom). *kipujoś*, *kipujo* и т. д.

Повелит. н. *kipuj*, *kipujmu* и т. д.

Преходящее вр. ВЛ. *kipowach*, *kipowaše* и т. д. НЛ. *kipowach*, *kipowašo* и т. д.

Прич. наст. дѣйств. *kipujo* (ВЛ), *kipujucu* (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I *kipowawši* (ВЛ). Прич. прош. страд. *kipowany*.

Въ говорахъ вм. о передѣ *w* часто слышится *u*: *kronuwać*, *lubuwać*, *gótnuwać*. Иногда о совсѣмъ исчезаетъ: *kipuwać* (ВЛ), *sputwam*, *sputwaś*.

Г. *Вторая основа равна глагольной основѣ, образованной зв.* ¹е (ѣ = ѣ).

Въ ВЛ. относящіяся сюда глаголы перешли въ IV кл.; напр. *woněmjec*, *starjec*, *wochromjec* и др. произносятся *woněmic*, *starić*, *wochromić*, наст. вр. *woněmiś*, *stariś*, *wochromiś*.

Тоже и въ НЛ; напр. *chromjec*, наст. вр. *chromju*, *chromiś*, переход. *chromjach*. Но здѣсь нѣкоторые глаголы еще удержали древнія формы: *chorjec*, *humjec*, *rozumjec*, *honimjec* и *měś* (за исключени-

емъ настоящ. вр. там); наст. вр. *humjeju* (-jom), *humjejoš*, *humjejo*; пов. н. *humjej*; прич. наст. *humjejusy*, переход. *humjejach*; прич. прош. *humjež*, *humjety*.

Четвертый классъ.

О с н о в ы н а -і.

А. Вторая основа на -і

1. Неопредѣленное н. *palic* (ВЛ), *palis* (НЛ). Супинъ *palit*.

Н а с т о я щ е е.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	<i>palu</i>	<i>palimy</i>	<i>palimoj</i>	<i>palim</i>	<i>palimy</i>	<i>palimej</i>
2.	<i>palis</i>	<i>palice</i>	<i>palitaj</i> (-tej)	<i>palis</i>	<i>paliso</i>	<i>palitej</i>
3.	<i>pali</i>	<i>pala</i>	<i>palitaj</i> (-tej)	<i>pali</i>	<i>pale</i>	<i>palitej</i>

Повелит. н. ВЛ. *pal*, *palmy*, *palce*, *palmoj*, *paltaj* (-tej). НЛ. *pal*, *palmy*, *palso*, *palmej*, *paltej*.

П р е х о д я щ е е

	ВЛ.			НЛ.		
1.	<i>palach</i>	<i>palachmy</i>	<i>palachmoj</i>	<i>palach</i>	<i>palachmy</i>	<i>palachmej</i>
2.	<i>paleše</i>	<i>palešce</i>	<i>paleštaj</i> (-tej)	<i>palašo</i>	<i>palašco</i>	<i>palaštej</i>
3.	<i>paleše</i>	<i>palachu</i>	<i>paleštaj</i> (tej)	<i>palašo</i>	<i>palachu</i>	<i>palaštej</i> .

А о р и с т ь.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	<i>spalich</i>	<i>spalichmy</i>	<i>spalichmoj</i>	<i>spalich</i>	<i>spalichmy</i>	<i>spalichmej</i>
2.	<i>spali</i>	<i>spališce</i>	<i>spalištaj</i> (-tej)	<i>spali</i>	<i>spališco</i>	<i>spalištej</i>
3.	<i>spali</i>	<i>spalichu</i>	<i>spalištaj</i> (-tej)	<i>spali</i>	<i>spalichu</i>	<i>spalištej</i> .

Прич. наст. дѣйств. *palasy* (ВЛ), *palesy* (НЛ). Дѣеприч. *palo* (ВЛ), *palesyno* (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I *paliwši* Прич. прош. дѣйств. II. *paliž*. Прич. прош. страд. *paleny* (ВЛ), *palony* (НЛ).

2) Неопредѣленное н. *prosyó* (ВЛ), *pšosyś* (НЛ). Супинъ *pšosyt* (НЛ).

Н а с т. в р. ВЛ. prošu, prosyš, prosy, prosyму, prosyće, proša, prosyмой, prosytaj (-tej).

НЛ. pšosym, pšosyš, pšosy, pšosyму, pšosyšo, pšosе, pšosymej, pšosytej.

П о в е л и т. н. ВЛ. proš, prošму, prošće, prošmej, proštaj (-tej).

НЛ. pšos, pšosму, pšosćo, pšosmej, pšostej.

П р е х о д я щ е е ВЛ. prošach, prošeše, prošeše, prošachmy, prošeće, prošachu, prošachмой, prošestaj (-tej).

НЛ pšosach, pšosašo, pšosašo, pšosachmy, pšosašćo, pšosachu, pšosachmej, pšosaštej.

А о р и с т ь ВЛ. wuprosych, wuprosy, wuprosy, wuprosychmy, wuprosyšće, wuprosychu, wuprosychмой, wuprosyštaj (-tej).

НЛ. hupšosych, hupšosy, hupšošy, hupšosychmy, hupšosyšćo, hupšosychu, hupšosychmej, hupšosyštej.

П р и ч. н а с т. д ѣ й с т в. prošacy (ВЛ), pšosesy (НЛ). Д ѣ й с т в. н а с т. д ѣ й с т в. prošo (ВЛ), pšosecyno (НЛ). П р и ч. п р о ш. д ѣ й с т в. I prosywhi (ВЛ). П р и ч. п р о ш. д ѣ й с т в. II prosył (ВЛ), pšosył (НЛ). П р и ч. п р о ш. с т р а д. prošeny (ВЛ), pšosony (НЛ).

Коренной согласный передъ—і основы вообще смягчается, за исключениемъ всегда твердыхъ s, z. Въ прич. прош. страд., переходящ. и въ 1 л. ед. ч. наст. вр. первичное і превратилось въ j, повліявшее на изменение предшествующаго согласнаго, при чемъ t, d превращаются въ ВЛ въ ó, dž, а въ НЛ въ é, ž вм. ожидаемыхъ s, z (ср. стр. 620); напр. miću, chodžu, mićach, chodžach, mićeny, chodženy (ВЛ.), chožu, chožach, chožony (НЛ.). Очевидно é, dž и é, ž проникли сюда изъ другихъ формъ, гдѣ эти звуки вступаютъ вполне правильно. По аналогіи 1 л. ед. ч. мягкіе согласные проникли въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств.: proša, woža, mića, chodža, mićo, chodžo, wožo, pošo (ВЛ.). Въ НЛ. z, s, не переходятъ въ ž, š: pšosyš, pšosach и т. д. Ср. польск. яз. 500 стр..

В. Вторая основа образована суфф. -е (=ъ).

Н е о п р е д ѣ л е н н о е н. leció (-eó) ВЛ. lešeš (НЛ). С у п и н ь leset (НЛ).

Н а с т о я щ е е.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	leću	lećimy	lećimój	lešim	lešimy	lešimej
2.	lećiš	lećice	lećitaj (-tej)	lešiš	lešišo	lešitej
3.	leći	leća	lećitaj (-tej)	leši	leše	lešitej

Повелит. н. ВЛ. leć, lećmy, leće lećmoј, lećtaj (-tej); НЛ leś, leśmy, leśco, leśmej, lešteј.

Преходящее.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	lećach	lećachmy	lećachmoј	leśech	leśechmy	leśechmej
2.	lećeše	lećešće	lećeštaj (-tej)	leśešo	leśešćo	leśešteј
3.	lećeše	lećachu	lećeštaj (-tej)	leśešo	leśechu	leśešteј

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	zlećich	zlećichmy	zlećichmoј	zleśech	zleśechmy	zleśechmej
2.	zleći	zlećišće	zlećištaj (-tej)	zleśe	zleśešćo	zleśešteј
3.	zleći	zlećichu	zlećištaj (-tej)	zleśe	zleśechu.	zleśešteј.

Прич. наст. дѣйств. lećacy (ВЛ), leśecu (НЛ); дѣе прѣчастіе lećo (ВЛ), leśecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I lećiwiši. Прич. прош. дѣйств. II lećał (ВЛ), leśeł (НЛ).

Послѣ j и шипящихъ, а въ НЛ и послѣ o=ö, вм. древн. ѣ—какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ - а: słyšaš (НЛ), słyšach słyšał, słyšaju; žagžał, žagžaju (НЛ). Однако ВЛ въ неопредѣл. н. имѣетъ e, замѣнившее болѣе раннее a: słyšeć. Представляемое В.-Луж. литер. яз. и нѣкоторыми говорами а въ такихъ прич. прош. дѣйств. II, какъ lećał vedžała, widžało, объясняется аналогіей такихъ формъ какъ słyšał; во множ. ч. является древнее e: lećeli, sedželi, widželi.

Въ ВЛ вм. je (= ѣ) выступаетъ i въ неопредѣл. н., аористѣ, прич. прош. дѣйств. I: lećić, zlećich, lećiwiši; тоже возможно и въ прич. прош. дѣйств. II lećił. Собственно это звуковая особенность будышин. любійск. и гор. гов.

Въ преходяш. вр. ВЛ всегда имѣетъ -ach, -'eše; въ НЛ глаголы на -eš (=ати)—сохраняютъ болѣе древнее -'eoh: lećach, leśech.

ВЛ. chсеć. Наст. в. chcu, chсеć 3 л. мн. ч. chsedža и chсеа; пов. н. chcyj; прех. chcyh, chcyše и chcydžich; прич. chcyjo, chcywši, chcył. НЛ. kšeš, cu, соš, со, соmy, соšo, kšé; comeј, coteј; прех. kšéch, аор. zakšéch; прич. kšecu, kšéł; съ отрицаніемъ njocu.

Srju (ВЛ), srin (НЛ) имѣетъ неопред. н. sprac (ś).

Н.-Лужиц. gorješ слѣдуетъ I кл.: gorjom, gorjoš и т. д.; напротивъ въ ВЛ horju, horiš и т. д. Въ НЛ. глаголы соверш. вида III кл.

могутъ имѣть настоящее вр. отъ распространенной основы -іѣо, (изъ -іѣе: *kurijom, kurijoš, kurijō, kurijomu, kuriješo, kuriju, kurijomej, kurijotej*. Такія формы означаютъ дѣйствительное настоящее вр., такъ какъ настоящее глаголовъ совершеннаго вида означаетъ будущее: *kurim (-rju)*.

Пятый классъ.

О с н о в ы н а - а (=аје)

Вторая основа на -а.

Неопредѣленное н. *dzélaó* (В.Л.), *zélaš* (Н.Л.). Супинъ *zélat*.

Н а с т о я щ е е.

В.Л.			Н.Л.		
1. <i>dzélam</i>	<i>dzélamy</i>	<i>dzélamoj</i>	<i>zélam</i>	<i>zélamy</i>	<i>zélamej</i>
2. <i>dzélaš</i>	<i>dzélace</i>	<i>dzélataj(-tej)</i>	<i>zélaš</i>	<i>zélašo</i>	<i>zélatej</i>
3. <i>dzéla</i>	<i>dzélaju (-ja)</i>	<i>dzélataj(-tej)</i>	<i>zéla</i>	<i>zélaju</i>	<i>zélatej</i> .

П о в е л. н. В.Л. *dzélaaj, dzélaajmy, dzélaajce, dzélaajmoj, dzélaajtaj (-tej)*.
Н.Л. *zélaaj, zélaajmy, zélaajso, zélaajmej, zélaajtej*.

П р е х о д я щ е е.

В.Л. *dzélach, dzélaše, dzélaše, dzélachmy, dzélašce, dzélachu, dzélachmoj, dzélaštaj (-tej)*.
Н.Л. *zélach, zélašo, zélašo, zélachmy, zélašco, zélachu, zélachmej, zélaštej*.

А о р и с т ь.

В.Л. *wudzélach, wudzéla, wudzéla, wudzélachmy, wudzélašce, wudzélachu, wudzélachmoj, wudzélaštaj (-tej)*.
Н.Л. *huzélach, huzéla, huzéla, huzélachmy, huzélašco, huzélachu, huzélachmej, huzélaštej*.

П р и ч. н а с т. дѣйств. *dzélacu* (В.Л.), *zélajucu* (Н.Л.); дѣеприч. *dzélaajo* (В.Л.), *zélajucyno* (Н.Л.). П р и ч. п р о ш. дѣйств. I *dzélawši*.
П р и ч. п р о ш. дѣйств. II *dzélał* (В.Л.), *zélał* (Н.Л.), *dzélanu* (В.Л.), *zélanu* (Н.Л.).

Въ ВЛ. а, находясь между мягкими согласными переходитъ въ е: walam, waleš, waleće, waleju, walej, walejmu, walach—waleše, waleć, walejo.

Въ СЛ. и многихъ говорахъ ВЛ. въ 3 л. мн. ч. аја: dzéłaja.

Въ НЛ. сложные глаголы допускаютъ настоящее въ нестяженной формѣ: rosaкаjom, rosaкаjoš и т. д.

Приложение.

Образцы Сербо-лужицкаго языка.

I. Верхнелужицкое нарѣчіе.

1. Ja sym Serb., Serb wostanu!

Aj, ja sym Serb! wěš, znaješ barby ¹⁾ moje?

To módra, čerwjena a běła je;

Te barby woznamjenja češće troje,

Je woznamjenja našich wótcow khorhoje ²⁾.

Lud serbski pyši swěra

A přecelnost a wěra,

Te noša módru barbu njejjesku—

A ja sym Serb—a Serb tež wostać chcu.

Zo s lubosću za krala a kraj wótcny

Serb swoju róžowu krej wopruje,

Zo w strachosćach a křižu steji mócnny,

To čerwjeneje barby znamjo je.

Lud serbski lubosć dycha,

To nejjeska je pycha ³⁾,

Duž ⁴⁾, khorhoj ma wot zerjow ⁵⁾ barbjenu—

A ja sym Serb—a Serb tež wostać chcu.

(Handrija Zejlerja Zhromadžene spisy III 270 Budyšin 1888).

¹⁾ Barba—нѣмец. Farbe краска, цвѣтъ.

²⁾ Khorhoj—хоругвь, знамя.

³⁾ Pycha—великолѣпіе.

⁴⁾ Duž—такъ.

⁵⁾ Zerjo—воздушныя явленія, утрення заря.

2. Serbska wjeska.

Tam w dólčku we kwětkatym
 So k hórцы tuli mała wjeska,
 A žołmička ¹⁾ přez wjesku pleska
 Po žlobju kamuškatym
 Tam rjenje ²⁾, rjenje je;
 Tam so mi chce!

W srjedź wsy so wowcki pasu
 A dzeći z nimi maju hraje,
 Pod lipu wowka ³⁾ bajki baje
 Jim wječor w lětnim času.
 Tam ćicho, ćicho, je;
 Ta so mi chce!

Hólc ⁴⁾ spěwa sej do kosy,
 Serp pėseń zynčo holčo ⁵⁾ wodźi;
 Pót žnjeński lóšt ⁶⁾ a lubosć płodźi
 A džěło radość nosy.
 Tam zbože ⁷⁾, zbože, kće ⁸⁾;
 Tam so mi chce!

Hdyž džěło dokónčene,
 Mać, nana ⁹⁾, dzeći, džěda, wowku
 A wotročka a cuzu džowku
 Tam blido syći jene.
 Tam lubosć, lubosć kće;
 Tam so mi chce!

(Jakuba Cišinskeho Basnje. Formy. Budyšin. 1888. 23).

1) Žołma—воина.

2) Rjenje—прекрасно.

3) Wowka—бабушка.

4) Hólc—юноша.

5) Holčo—дівушка.

6) Lóšt—німец. Lust—радость, веселье.

7) Zbože—счастье.

8) Ktu—цвѣту.

9) Nan—отець.

3. Luby na woganj u.

Šitko sym tam widziła,	K tymaj dwjemaj konjomaj
Swojoh' luboh' tola nic,	Ze bjełymaj šumlomaj ²⁾ :
Swojoh' luboh' tola nic,	Hot won, hot won konikaj,
Swojoh' luboh' najlubšoh'.	Mojej bjełaj šumelkaj.
Nestaraj so towarška	Jjdztej pjeknje runje won
Wón tam čera woraše,	Zo wobwody nezworamaj
K hejdušcy ¹⁾ sej woraše	Nimo pońdže lubčička
K ječmenej sej brózdžeše	Ta by so nam wusmjala.

(Народная пѣснь изъ сборника Гаупта и Смолера. Пjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow. I. 1842. 122),

II. Нижнелужицкое нарѣчіе.

1. Žówča wóla.

Šłej stej dwje rjednej³⁾ tam pší wjazorje
 Pší tom mje wjazorje pší dłymokjem.
 Nikogo njejtej tam nadejšłoj
 Ak tog' jadnego pšewjadnika.
 „Pšewjadnik, luby pšewjadnik myj,
 Coga ty wot luži k mytu bjerjoš?“
 —Wot starych beru ja slobro, złoto,
 Młode te żywča ja dermo wožu.—
 Posrež teje dłymje tam pšiježeštej,
 Chopi pšewjadnik żywča pšašaš.
 —Co mje zwylijoš ty rjedne żywčo;
 Do wydy skocys abo mje se wozeš?—
 „Do wydy skocys a gorej splješ,
 Tak pšijdu k myjej tej myterce.
 Tam mygu chožiš we wjenašku,
 We tom mje wjenašku rušanem.

(Сборникъ народныхъ пѣсень Гаупта и Смолера. II. 17).

¹⁾ Hejduška—гречиха.

²⁾ Šumel—нѣм. Schimmel, бѣлая лошадь.

³⁾ Rjedna—красавица

2. Pjeršćen.

Gołubjašk ma bjełu nožku	Pjeršćen jo dawno gotowy
Rano na pólo ljetašo,	Hušće njejo plašony.
Pšecer złotnikoj' do hokna,	Coga dejm si za njeu daš?
Lec by był pjeršćen gotowy.	Dejš mje tolař za njen daš.

Tolař ja za njen rada dam;
 To dej byš tej mójej lubce
 Na jeje rucku na mału,
 Na jeje palack na bjełu.

Тамъ, же 64).

IX. ПОЛАВСКІЙ ЯЗЫКЪ.

(*Вымершій*)

I. Вымершее славянство—Бодричи и Лютичи. Памятники полабскаго языка и ихъ изученіе.

Нашъ обзоръ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ былъ бы не полонъ, еслибъ въ немъ не было удѣлено хотя не большое мѣсто мало извѣстному, теперь уже не существующему языку Полабскихъ Славянъ.

На западъ отъ Поморья, потомками которыхъ являются нынѣшніе Кашубы и на сѣверъ отъ Сербовъ-Лужичанъ, между Лабой, Одрой и Балтійскимъ моремъ, а также кое гдѣ на западъ отъ нижней Лабы и на островахъ Руянъ (Рюгенъ), Волинъ и Фенеръ обитали въ средніе вѣка многочисленныя славянскіе народы, которые составляли двѣ болѣе крупныя этнографическія группы, извѣстныя подъ именами Бодричей и Лютичей. *Бодричи* или *Аботриты* занимали край сѣверо-западный, приблизительно территорію нынѣшняго Мекленбурга и Голштиніи; кромѣ собственныхъ Бодричей или Рарожанъ (отъ главнаго ихъ города Рарога), къ этой вѣтви относились: Вагры, Полабцы, Смолинцы, Глиняне, Вѣтники, Враровцы и Древяне (или Древляне за Лабой по р. Іецъ). *Лютичи* или *Велеты* (или Вильцы) жили на востокъ и югъ отъ Бодричей, занимая остальное пространство земли между Лабой, Одрой и Балтійскимъ Моремъ, до предѣловъ Поморья, Ляховъ и Лужицкихъ Сербовъ; къ этой вѣтви относились Раны, Волинцы, Чрежпѣяне, Хижане, Доленцы, Ратары, Укране, Рѣчане,

Стодоряне (или Гаволяне), Брезане, Спреване, Морачане, Между-рѣчане, Моричане, Грозваняне, Ситняне, Дошане, Лекусицы, Сенчицы, Плоняне и др. Обѣ эти вѣтви обыкновенно соединяють въ одну группу Полабскихъ Славянъ, противопологая ихъ съ одной стороны Поморянамъ, съ другой—Сербамъ-Лужичанамъ.

Историческая судьба всѣхъ этихъ довольно численныхъ представителей западнаго Славянства крайне печальна. Ни Лютичи, ни Бодричи не успѣли ни образовать своего государства, ни применить въ свое время къ христіанской образованности. Упорно держась своей племенной раздробленности и языческой старины, вѣчно раздираемые внутренними ссорами и раздорами ни тѣ, ни другіе не въ состояніи были совладать съ шедшимъ на нихъ натискомъ западнаго романо-германскаго міра. Упорная трагическая борьба съ германскимъ племенемъ, съ Норманнами, Датчанами и Нѣмцами тянулась нѣсколько вѣковъ и закончилась полною гибелью обѣихъ славянскихъ вѣтвей.

Въ XII в. всѣ Бодричи и Лютичи утратили свою политическую самостоятельность, а земли ихъ вошли въ составъ нѣмецкихъ государствъ. Вслѣдъ затѣмъ началось послѣдовательное то мирное, то насильственное истребленіе славянскаго языка и народности въ покоренныхъ областяхъ, при чемъ главнымъ средствомъ служили нѣмецкая колонизація и распространеніе нѣмецкаго языка. Онѣмеченіе совершалось очень быстро. Въ XV ст. въ главномъ оно уже было закончено, гдѣ раньше, гдѣ позднѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Во второй половинѣ XV в. уже очень рѣдко встрѣчаются Славяне между Лабой и Одрой, нѣсколько дольше—до начала XVI ст. держались славянскія поселенія въ области нижней Лобы, въ юго-западной части Мекленбурга. Только за Лобой, въ Люнебергѣ, въ землѣ Древянъ и Глинянъ какимъ-то чудомъ славянская рѣчь сохранялась еще въ XVIII ст.; нѣкоторые старыя поселяне изъ этого края, какъ утверждаютъ, знали по славянски еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ настоящее время, на территоріи прежнихъ Бодричей и Лютичей славянская рѣчь совсѣмъ замерла; полабскаго языка уже не существуетъ.

Для реставраціи общаго типа и характерныхъ свойствъ полабскаго языка во всемъ его объемѣ наука располагаетъ весьма скудными данными. Болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, сохраненныя въ нѣмецкихъ записяхъ отъ конца XVII в. и отъ XVIII в., относятся

только къ одному изъ бодричскихъ нарѣчій, къ говору Люнебургскихъ Древлянъ и Глинянъ. Для всѣхъ другихъ колѣнъ и вѣтвей Полабскаго Славянства единственнымъ свидѣтелемъ объ ихъ языкѣ остаются имена въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ и живущія доселѣ, хотя въ извращенномъ видѣ, мѣстныя названія. Однако изученіе матеріала этого рода представляетъ большія трудности и приводитъ къ очень скуднымъ результатамъ; оно можетъ раскрыть нѣсколько характерныхъ чертъ того или другого языка или нарѣчія, но не въ состояніи дать яснаго представленія о языкѣ, какое напр. можетъ доставить хотя бы одинъ сохранившійся цѣльный памятникъ языка. По отношенію къ Лютичамъ и Бодричамъ опытъ подобнаго изученія лексическаго матеріала, сохраненнаго грамотами представляетъ изслѣдованіе Воцеля *Ramátky lutických Slovanův* (Čas. Čes. Mus. ¹⁾ 1849. II). Болѣе цѣльнаго и систематическаго труда въ этомъ родѣ пока не появлялось.

При такомъ положеніи дѣла получаютъ особенно важное значеніе упомянутые выше немногочисленные памятники языка Древлянъ и Глинянъ, не смотря на то что они относятся къ такой порѣ, когда воспроизводимый въ нихъ языкъ уже устарѣлъ и подвергся сильному вліянію нѣмецкаго языка. Всегаки по нимъ можно составить хоть бы нѣкоторое понятіе и объ общемъ типѣ всего полабскаго языка. Записи, о которыхъ идетъ рѣчь, воспроизводятъ языкъ небольшой части славянскаго населенія (Древлянъ и Глинянъ), еще державшагося въ XVIII ст. въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства, въ Люховскомъ округѣ. Этотъ маленькій край и доселѣ сохраняетъ въ народѣ названіе Вендланда. Первая мысль о собираніи остатковъ языка вымирающаго Славянства принадлежала знаменитому Лейбницу. По его желанію пасторъ въ Люховѣ, Георгъ Митгофъ послалъ ему въ 1841 г. нѣкоторыя свѣдѣнія о Славянахъ своего прихода, а также сообщилъ какъ образцы ихъ языка—небольшое собраніе словъ и молитву Господню. Одновременно съ намъ работали въ томъ же направленіи: Фр. Пфеффингеръ, составившій (въ 1698 г.) небольшой французско-славянскій словарь и особенно пасторъ Вустрова (подъ Люховымъ) Христіанъ Геннингъ, который соста-

¹⁾ Можно также отмѣтить одну непечатанную работу студента новороссійскаго Университета: Очеркъ языка Балтійскаго поморья и Бранденбурга по средневѣковымъ грамотамъ. Ср. Записки Новороссійскаго Университета 1879 г.

вилъ также словарь (1701), но нѣмецко-славянскій, болѣе обширный и обстоятельный, сохранившійся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, и сверхъ того записалъ молитву Господню и одну цѣсню. Всѣ эти матеріалы, за исключеніемъ словаря Геннинга, остающагося въ новой редакціи доселѣ не изданнымъ, были тогда же напечатаны частью Лейбницомъ, частью проф. Эккардомъ (1711). Затѣмъ нашлись и другіе собиратели; такъ въ одной деревнѣ (Süthen въ приходѣ Küsten, въ землѣ Древянъ) земледѣлецъ Іоаннъ Парумъ Шульцъ (1678—1734) вель деревенскую хронику, въ которой, между прочимъ, описывалъ народные обычаи, а также сообщалъ славянскія слова и разговоры съ нѣмецкимъ переводомъ; часть этихъ славянскихъ рѣченій была издана въ одномъ старомъ люнебургскомъ журналѣ еще въ 1794 г. (см. ниже), а затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ А. Θ. Гильфердингомъ. Далѣе собирали словарный матеріалъ Домейеръ (1744) и Гинцъ (1786) и записывалъ молитвы люховскій бургомистръ Мюллеръ (1755). Наконецъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія явился ревностный изслѣдователь вымершаго полабскаго языка въ лицѣ доктора Юглера, который составилъ (1809 г.) большой словарь этого языка на основаніи всѣхъ собранныхъ раньше, выше перечисленныхъ, матеріаловъ. Словарь этотъ былъ приготовленъ авторомъ къ печати, но такъ и остался не изданнымъ.

Такимъ образомъ постепенно составился нѣкоторый запасъ болѣе или менѣе цѣннаго матеріала для изученія вымершаго полабскаго языка. Матеріалъ этотъ не могъ не остановить на себѣ вниманіе славянскихъ ученыхъ, занимавшихся разработкой славянскаго языковеденія. Уже Добровскій въ своихъ папславянскихъ сборникахъ (Slawin, Slowanka) знакомилъ съ образцами языка люнебургскихъ Славянъ; Шафарикъ въ своей „Народописи“ отмѣтилъ особенности Древанскаго нарѣчія; Челяковскій еще въ 1830 г. составилъ словарь и краткую грамматику полабскаго языка, трудъ посланный въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, но не дошедшій по назначенію и гдѣ-то безслѣдно пропавшій; Ганушъ напечаталъ (1858) подробное хронологическое обзорѣніе извѣстій о полабскомъ языкѣ; Др. Пфуль объяснялъ памятники этого языка (1863—1863). Но глубже другихъ вошли въ изученіе остатковъ вымершаго языка А. Θ. Гильфердингъ и А. Шлейхеръ. Труды ихъ и въ настоящее время имѣютъ высокое научное значеніе. Гильфердингъ, разыскивавшій на мѣстѣ слѣды Полабскаго Славянства,

извѣстенъ обстоятельнымъ трудомъ „Памятникомъ нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ“ (1856 г.), въ которомъ, кромѣ обзора всѣхъ сохранившихся „памятниковъ“ изслѣдуемаго нарѣчія, далъ критическое изданіе нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ текстовъ, съ присоединеніемъ цѣнныхъ лингвистическихъ замѣчаній. Задуманное имъ полное изданіе всѣхъ памятниковъ полабскаго языка, къ сожалѣнію, не осуществилось. Авг. Шлейхеру принадлежитъ заслуга составленія научной грамматики полабскаго языка, изданной послѣ его смерти (*Laut- und -Formenlehre der polabischen Sprache*, Спб. 1871). Въ основаніе своей работы авторъ положилъ, кромѣ предшествующихъ изданій памятниковъ, неизданный словарь Юглера. Выполненіе поставленной имъ передъ собою задачи потребовало отъ него продолжительныхъ аналитическихъ разысканій и тонкаго лингвистическаго чутья. Трудность состояла не въ систематикѣ и объясненіи матеріала, а въ правильной реставраціи текстовъ и словъ, такъ какъ тѣ и другія записаны большею частью людьми, не понимавшими славянскаго языка и переданы запутаннымъ нѣмецкимъ правописаніемъ. Изъ всѣхъ этихъ трудностей А. Шлейхеръ вышелъ побѣдителемъ. Трудъ его остается образцовымъ. Послѣ этого изданія ничего крупнаго по данному языку не появлялось. Давно ожидаемый въ наукѣ словарь полабскаго языка до сихъ поръ не изданъ.

Въ своихъ наблюденіяхъ Гильфердингъ и Шлейхеръ пришли къ тому заключенію, что полабскій языкъ находится въ близкомъ родствѣ съ кашубскимъ: это двѣ разновидности западной вѣтви ляхскаго языка, восточную вѣтвь котораго представляетъ польскій языкъ. Такой выводъ, конечно, остается въ силѣ по столько, по сколько частное древлянское нарѣчіе можетъ быть рассматриваемо какъ представитель языка всего Полабскаго Славянства.

Лейбницъ. *Collectanea etymologica* II (Молитва Господня).

Esscard. *Historia studii etymologici linguae Germanicae, Hannoverae*, 1711.

Domeier. *Sammlung von mehr als dreihundert Wörtern der alten wendischen Sprache* въ изд. *Hamburgische vermischte Bibliothek*. II 1744. № 5.

J. Potocki. *Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes, fait en 1794. Hamburg 1795* (здѣсь изданъ одинъ изъ списковъ словаря Геннинга).

Schrangenberg. Словарь Геннинга въ Neues Vaterländisches Archiv oder Beiträge zur allseitigen Kenntniss des Königreichs Hannover wie es war und ist. Lüneburg 1820 I, II.

Отрывки изъ деревенской хроники Парума Шульда въ журн. Anna-
len der Braunschweig-Lüneburgischen Churlande 1764. VIII.

Hempel. Beiträge zur Kenntniss der Hannoverschen Wendlandes im
Fürstenthume Lüneburg, въ журн. Neues vaterländisches Archiv, Lüneburg.
1822, II.

Adelung. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit den Vater-
unsern in beinahe 500 Sprachen und Mundarten II, 1807.

Dobrowsky. Slawin 1808. Slowanka 1814 (отрывки изъ словаря
Геннинга).

P. Safařík. Slovanský národopis, 1842 рус. перев. 1843.

Burmeister. Ueber die Sprache der früher in Meklenburg wohnen-
den Obotriten-Wenden Rostock 1840; русский переводъ въ „Трудахъ Рос-
сийской Академіи 1841, IV.

Vocel. Památky Lutických Slovanů 1849 (Časopis Musea Kral. Česk.
1849, II).

А. Ѳ. Гильфердингъ. Памятники нарѣчій Залабскихъ Древлянъ
и Глянянъ. Спб. 1856 (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію рус-
скаго языка и словесности Т. V).

J. Hanuš. Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in
Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben,
1858. (Slavische Bibliothek, herausgegeben v. Fr. Miklosich und J. Fiedler II
Wien. 1858).

Dr. Pful. Pomniki Polobjan Słowjanščiny. Budyšin (Casopis towarzstwa
Maćicy serbskeje. 1863, 1864).

A. Schleicher. Laut-und-Formenlehre der Polabischen Sprache. S.
Petersburg 1871 (Ср. разборъ проф. Бодуэна де Куртене, въ Журн. Мин.
Нар. Просв. 1873 ч. 168).

С. Микуцкій Остатки языка Полабскихъ Славянъ. Варшава 1873
(12 стр. возстановленіе выговора древлянскихъ словъ по сочиненію Пфуля).

J. Polívka. Otčenaš Slovanů polabskych. 1885 (Slovanský Sborník
1885. Praha).

J. Máchal. Příspěvek ku hláskosloví řeči polabské (Программа гим-
назіи Нѣмецкаго Брода за 1886).

2. Важнѣйшія звуковыя особенности.

Гласные.

1) *Долгота и краткость гласныхъ.* Количество гласныхъ, по видимому, различалось въ полабскомъ языкѣ; на это указываетъ способъ написанія многихъ словъ — съ двойными гласными или съ гласными въ соединеніи съ *h* (какъ въ нѣмецкомъ яз.); напр. *seena*, *seehna*, *sehna* (т. е. жена). Но при неустойчивости и запутанности правописанія памятниковъ трудно опредѣлить — всѣ ли гласные могли быть долгими, а также въ какихъ случаяхъ надо видѣть долгіе гласные, въ какихъ — краткіе. Весьма вѣроятно, что долгота — большею частью вторичное явленіе, т. е. что она возникла подъ вліяніемъ ударенія.

2) *Глухіе гласные á, 'á.* *Соотвѣтствія праслав. и старослав. ѣ, ъ.* Праславянскіе полные гласные очень часто утратили свой ясный выговоръ и звучали неопредѣленно, легко переходя въ другіе звуки. Изъ такихъ неясныхъ звуковъ особенно былъ распространенъ глухой, занимавшій середину между *a* и *o*, и напоминавшій по выговору англійское *a* въ словахъ *all* и *wall*. Звукъ этотъ можно обозначать начертаніемъ *-á*, когда онъ произносился твердо, и начертаніемъ *'á*, когда онъ звучалъ мягко ¹⁾. Прежде всего *á* и *'á* соотвѣтствуютъ праславянскимъ глухимъ, именно *á* = ѣ, *'á* = ъ. Въ срединѣ словъ вм. праслав. ѣ, ъ, почти всегда *á*, *'á*, при чемъ *á* нерѣдко замѣняетъ и ъ; напр. *kátŭ* (къто), *dázd* (дѣждь), *vás* (въшь), *gordám* (градомъ), *dánu* (дѣно) *máglá* (мыгла) *rás* (пѣсь), *l'án* (лѣнь), *dán* (дѣнь), *rán* (пѣнь); изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ полабск. яз. глухой удерживался иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда въ другихъ славянскихъ языкахъ исчезалъ. На концѣ словъ соотвѣтствія праслав. ѣ, ъ обыкновенно исчезли; но они удержались въ предлогахъ *въ*, *съ*, *къ*, которые звучали въ полаб. яз.: *vá*, *sá*, *ká*; но *vátrŭk* (отрокъ), *gord* (градъ). Изрѣдка вм. первичн. ѣ, ъ были возможны полные гласные: *i* (= первонач. *o*) вм. ъ, ѣ и *ü* (т. е. *yo* = первонач. *o*) вм. ѣ напр. *visai* (вѣси), *visde* (вѣсде),

¹⁾ Шлейхеръ передаетъ эти звуки знаками *á*, *'á*; въ настоящемъ трудѣ они замѣнены другими во избѣжаніе типографскихъ затрудненій.

vŭz (възъ). Зв. *â* не только замѣнилъ праслав. *ъ*, *ь*, но во многихъ случаяхъ возникъ изъ полныхъ гласныхъ: *о*, *а*, *и*, *ы*; напр. vâl, vâda vâz, vâsk, zeivât (животъ), рѣtâgŭ, clâvak, chlâd (ср. ниже о груп. tort), гâdŭst, гâтаѣ (рѣма); gnâly, рâl (нимъ), dâга (дѣра), bâl (быкъ), sâr (сыръ).

3) *Носовые гласные* сохранились въ полабск. яз. По всей вѣроятности ихъ было два - *o* (т. е. *on*) и *a* (т. е. *an*)¹⁾. Праслав. и старослав. *ъ* обыкновенно соотвѣтствовалъ *o*; напр. rōka, skōry, dōb, glōbnky, gōs, rōkō (вин. п.), sâ tâbō, vōzal; праслав. и старослав. *ѣ* обыкновенно соотвѣтствовалъ *a*; напр. zât, маšŭ, jog'na, jeima (имъ), ма (ма). Но иногда старослав. *ъ* соотвѣтствуетъ *a*, напр.: роjâk (шакъ), и особенно въ вин., твор. п. ед. ч. женск. основъ на -ja и въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящ. вр.: zima (земля), deusa (доушъ), joz aida (идъ), vŭpai bija sa. Иногда *a* чередуется съ 'o, какъ въ польскомъ яз.; именно 'o выступаетъ въ ударяемыхъ слогахъ и передъ твердымъ согласнымъ; напр. (скаты), рât, рōty, grōda, pl'osat 3 л. ед. ч. plase, jōzyk. Позднѣйшаго происхожденія носовые гласные въ ja (онъ естъ), to (тъ), so (съ).

4) *Соотвѣтствiя праслав. и старослав. ѣ*. Старослав. *ъ* соотвѣтствовали: 'o, 'a, a, ѣ, i внутри словъ, ѣ (у Шлейх. е) ѣ (у Шлейхера â) на концѣ, ja, je—въ началѣ. Примѣры: b'ol, pol, d'olŭ, mogo, kjot (двѣтъ), sl'od; mal, veid'ał, clâvak, mlaka, bĕlit, chlĕv, dĕva, grĕch; sije, smiji sa, prid, brig; rōcĕ, nŭdzĕ, starnĕ (странѣ); ѣ (у Шлейхера â, т. е. глухой звукъ, среднiй между a и e) слышался вм. ѣ только въ неударяемыхъ окончанiяхъ: darĕ vâ smŭlĕ, jĕst.

5) *Праслав. а* удержалось только въ неударяемыхъ слогахъ и при томъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда ударяемый слогъ предшествуетъ, напр. sestra, rōka. Иначе a = o или глухому â (послѣ l, r; ср. выше п. 2); напр. brot, grod, tom, gâtoj.

6) *Праслав. е* сохраняло исконный выговоръ только въ ударяемыхъ слогахъ и то не всегда: передъ *в* (ц), губными, передъ сочетанiями изъ нѣсколькихъ согласныхъ, а въ исходѣ словъ вообще передъ мягкими звуками и ударяемое *е* обыкновенно сгузилось въ i;

¹⁾ Въ памятникахъ вм. старослав. *ъ* нерѣдко unŭ, uno, unĭ, um, un. Отсюда нѣкоторые ученые допускали существованiе въ полабск. яз. *u*, т. е. носоваго *u*. Но Шлейхеръ, принимая во вниманiе, что un чередуется съ on, нашелъ болѣе правильнымъ отдать предпочтенiе *o*.

напр. *derē, cela, led, med, zena*; но—*stilē, tila, cityr, grēbin, pic* (пешть), *tibē*. Неударяемое *ѳ* превратилось, какъ полагаютъ, въ неясный звукъ *ѳ̄*, средній между *і* и *ѳ*¹⁾; напр. *tēplū, dēvat, stēpin, vēd-gū, nēbū, eidē, vūrē* (ореть). Въ началѣ словъ *вм.* старослав. *ѳ* обыкновенно *і, јі, ја: ist* (иште), *jis* (исма), *jista* (иста) *jimē* (иммьеть), *jādla* (ель) *jādān*.

7) *Праслав. ѳ*, подобно многимъ другимъ гласнымъ, утратило свое основное значеніе и перешло въ неясные звуки, которые согласно показаніямъ памятниковъ Шлейхеръ обозначаетъ начертаніями *ū, ō*; въ первомъ нужно видѣть отгѣнокъ зв. *-і*, во второмъ—зв. *-ѳ*. Такъ какъ *ū* и *ō* нерѣдко употребляются смѣшанно, то можно предполагать, что ими передается одинъ и тотъ же неясный звукъ, быть можетъ близкій къ неударяемому *ѳ̄*. Примѣры: *pūł, pūd* (въ памятникахъ *pid, pet*), *smūla* (въ памятн. *smūla, smila, smela*), *kūsa, būg, slūvū, dōg, gōga* (*ō* выступаетъ передъ *г*). Послѣ *у*, особенно если слѣдующій звукъ твердый, *ѳ=ā: vāl, vāsk, vāda*; но возможно и *ū: vūgin, vūb'od, vūsm*. Ср. кашуб. яз. 566.

8) *Праслав. ж и ы* въ полаб. яз. вѣроятно уже въ древѣйшую пору, совпали въ звуковомъ отношеніи. Въ ту эпоху, къ которой относятся памятники, они уже утратили свой основной выговоръ. Тому и другому звуку одинаково соотвѣтствуютъ: въ ударяемыхъ слогахъ двугласные *ei* (*a* можетъ быть и *ai*²⁾) *вм. і, ai* *вм. ѳы*; въ неударяемыхъ—неясный звукъ, средній между *і* и *ѳ*, вѣроятно тождественный съ *ѳ̄*³⁾. Примѣры: *neit, beit, leist, seit* (шить), *zeima, leipo, māit, bāit, dāim, gāibo, vāipēt, greibēt* (прибить) *motei* (матя), *no zemē* (на земли), *būzē* (зюжи), *vilkē*. Передъ *l, r, i, y=ā*; напр.: *gnāly, rūdāl* (родиль), *pāl* (пиль) *bāl, sār* (сыръ). Иногда въ неударяемыхъ словахъ *вм. і, у*—стоитъ *а*; напр. *ceudza* (зюджи) *zōba, gogcha* (зюжы, гражы). Ср. кашуб. яз. 565.

Такимъ образомъ *ѳ̄, ѳ, ѳ̄, ѳ, ѳы* въ неударяемыхъ слогахъ перешли въ болѣе или менѣе однородный неясный звукъ, который можно обозначить начертаніемъ *ѳ̄*.

¹⁾ Вѣроятно это *ѳ̄* тождественно съ кашубскимъ *ѳ̄* (*у Ром. ѳ̄ у Брон. ѳ̄*), т. е. съ краткимъ сжатимъ *ѳ*, приближающимся къ *і*. Ср. 565.

²⁾ Шлейхеръ принимаетъ *ai*, но такъ какъ въ памятникахъ чаще *ei, eu*, то, согласно поправкѣ проф. Брандта (Начерт. Слав. акцентологии 190), кажется, вѣрнѣе признать выговоръ *ei*.

³⁾ Шлейхеръ обозначаетъ ихъ черезъ *і, ј*.

9) *Праслав. и старослав.* *оу* соответствует двугласн. *оу*; напр. *deusa, cheudè, gleupè, kéupè, l'eudi, meucho, seuchè, zeuk* (жукъ), *veuzda*. Двугласные какъ *вм.* у такъ *вм. ж, ы* развились въ полаб. яз., вѣроятно, подъ вліяніемъ нѣмецкаго яз.

10) *Праслав.* *tort = tort*; напр. *gord* (градъ) *chorna, kogvo, vognò, vorta, porsa, mogz, gorch*; но *starna, brüda*. Ср. кашубск. яз. 566.

Праслав. *tolt = tlät: chläd, gläva, vläs, mlädè.*

Праслав. *tert = trèt, trit*; напр. *bréza, sréda, brig, prid, zriba*; праслав. *telt = tlät*; напр. *mlaka, mlasny, vlacè.*

11) *Праслав.* *ѣр, ѣр* между согласными соответствуютъ *är, ir* напр. *čárnè, žárnü, eumärtè, smärdè, märke, värech, dirzè, virgnqt*; праслав. *ѣл, ѣл* соответств. *äü*, напр. *väuk, täustè, väupo.*

Праслав. *рѣ, рѣ, лѣ, лѣ* между согласными соответствуютъ *řä, lä*; напр. *grämè, brävai, släza, blächa.*

12) *Исчезновение гласныхъ: e* *dvénadist, trainadist, citèr, kok eid'as* (намо идзаше) *ist* (иште), *kid* (къде); *o: smügu* (осмого) *plüzèt, pnè-dèla, nemzè* (не можетъ), *i:* въ неопр. н., во 2 л. наст. вр. и повел. н., напр. *bäit, dvaignqt; jis, müzès; aid plüz.*

13) Начальные гласные, соответствующіе праслав. *о* и *ж* принимаютъ *v*; напр. *vügin, vüt, vüb'od, väku, vqzal, vqgil.*

14) *Удареніе.* Относительно ударенія полабскій языкъ сближается съ русскимъ и южно-славянскими языками, а изъ сѣверо-западныхъ языковъ только съ кашубскимъ. По качеству полабское удареніе—экспираторное, т. е. состояло, вѣроятно, въ простомъ усиленіи голоса; было ли оно вмѣстѣ съ тѣмъ и количественное—трудно сказать за недостаткомъ данныхъ. По мѣсту въ словѣ полабское удареніе было вольное или разномѣстное, т. е. не приурочивалось къ одному опредѣленному слогу, а могло падать на любой слогъ. Иногда оно совпадало съ русско-чакавскимъ удареніемъ, но чаще отличалось отъ послѣдняго тѣмъ, что отодвигалось на одинъ слогъ ближе къ началу или къ концу слова; напр. *veslü, poläs* но *zèpa, regü, nebü*—Удареніе оказало большое вліяніе на измѣненіе полабскаго вокализма.

С о г л а с н ы е .

1) *L, R, N.* Твердаго *l*, соответствующаго русскому и польскому *l* въ полаб. яз. не было. Передъ широкими и узкими гласными, вѣро-

ятно, было слышно среднее нѣмецкое или чешское l, а передъ позднѣйшими іотованными ('á=ъ, 'а, 'о=ѣ, 'ѳи=ю, 'q=л)—мягкое l; напр. lāzè, led, pól (пѣль); l'ān, l'os, k'ēuc; въ сочетаніяхъ типа tǎlt l=и; напр. vāuk. R и n смягчались въ r, ŋ только передъ іотованными гласными ваъ и l: nēbu, ni, dāno (днн), g'nozda; rāt, rēs, g'fōda; chfon.

2) D, T, звучали мягко ваъ d'—t' только передъ позднѣйшими 'á (=ъ), 'о (=ѣ) 'а (=нн); напр. teplū, tagnè, dēsāt, deusa, brot'a, d'olū. Праслав. dj=dz, tj=c; напр. midza, ceudzè, dodz; joz cā, svēca; но zoblođenè, euplotenè (старослав. зѳлаждєнѣ, оуѳлаштєнѣ). Сочетаніе dl удерживало d: radlo.

3) B, P, V, M, звучали мягко только передъ 'á (=ъ), 'о (=ѣ), 'q (=л); напр. pāt (пѣть), peit (пѣть), vēdrū, mā (м) pōta, ųotr, ziāna b'ol.—V исчезаетъ: tjārdè, tūj, g'ūzd, dōr, kjot, tory (è).

4) G, K, Ch. Гортанные g и k произносились твердо только передъ á (=ъ), o, a (=праслав. а) q (=л). Передъ остальными гласными, именно передъ i (=ѳ изъ ѣ), ū, ō (=о), ē (=ѣ). āi, ā, è (=и), ѳи, (=у) они подверглись вторичному смягченію въ g', k' и затѣмъ перерожденію въ d', t' т. е. въ звуки, близко подходившіе къ сербскимъ ħ, ħ'). Примѣры: kok, gord, kíd, kūsā, kūnāc, kūlū, vākū, g'ūst, g'ōra, pog'è, g'euṃnū. Тоже явленіе въ кашубскомъ языкѣ ср. 570. Равнымъ образомъ въ тѣхъ же случаяхъ и ch (=x) звучало мягко -ch', вѣроятно близко къ польскому ś: chlād, veuch'ū, seuch'è, ch'eudè. Праславянское смягченіе гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе сохранялось и въ полабскомъ яз., ваъ въ другихъ славянскихъ языкахъ; но вслѣдствіе того, что языку были чужды шипящіе звуки, оно имѣло болѣе упрощенный видъ; именно g—смягчалось въ z (вм. ž) и dz; k—въ c (=праслав. ц, ч) ch въ s. Праслав. группы gt, kt=c, cf; напр. píc (пѣшь), ntic (нотшь), pīct, rīct (пѣшти, рѣшти).

5) C, Z, S. Свистящіе c, z, s были способны къ смягченію передъ 'á (=ъ). 'о (=и и ѳ), 'ѳи (ю). 'ā (=л); напр. cōl (цѣль), žāgnū; pātdešqt; Праслав. ч, ж, ш не было въ полабскомъ яз.; вмѣсто шипящихъ слышны были c, z, s; напр.: citèr, crēvū, zena, zeivè, deusa. Ср. польское мазурованіе.

1) При передачѣ ихъ Шлейхеръ сохраняетъ начертаніе g', k'.

6) J в. v передъ 'o (=ъ), 'o (=л), 'á (=ь): kјot, gјozda, sјot tјárdè.

7) *Исчезновение согласных*: vátè (възъметъ jобќи, cela, pridcè-rák (=pidvicèrák, поддпъь) raz (=пъвпъь),

3. Нѣкоторыя формальныя особенности.

Формальныя особенности полабскаго языка при существующемъ на лицо скудномъ числѣ памятниковъ, представляющихъ связную рѣчь, могутъ быть раскрыты только отчасти, въ весьма неполномъ видѣ. Шлейхеръ въ своемъ обстоятельномъ трудѣ не могъ дать цѣльной системы ни склоненія, ни спряженія. Судя по собраннымъ здѣсь даннымъ, нужно заключать, что главнѣйшія особенности падежной и глагольной флексіи полабскаго языка обусловлены характерными свойствами его звуковой системы, особенно вокализма.

Склоненіе.

1) *Двойственное число* несомнѣнно существовало; но примѣровъ его для склоненія можно указать немного: rōcè, nādžè, stagnè, rōkoma, joi (имен. вин. средн. р.), dāvo, dvè, vùbè, ká neimo, vùbèma, mo (1 л.), voma (2 л.).

2) *Именное склоненіе I*. Имена муж. р.: род. п. ед. ч. -o, -a; bŭgo, zeiváta (жикота), -ещ: medeu; дат. п. (отъ основъ на -u) -áv: k'arg-láv¹⁾; тв. п. -ám: gordám; имен. мн. ч. -ai, -ái, -è, -é, -ŭve, -ŭv, -i: godai, gorch'ai, grèch'è, nŭze, kŭni, bug'ŭv; род. мн. ч. —bug'ŭv; вин. мн. -è, e: grèchè.

II. Имена средн. р.: имен. вин. -ŭ: reivŭ, pŭlŭ; род. п. -o, -a: reivo, nèbèso; дат. п. -ещ: -áv: dāneu, dānáv; мѣст. п. -è, -á, -ai, eu: mèstè, lètè, pebeŭeu, pŭlai; тв. п. -ám: l'otám, nèbèšám; имен. вин. мн. ч. -a: vorta, vŭcesá, peiláta.

III. Имен. жен. р.: имен. -o, -a: reibo, rōka, zima; вин. п. -o, -a (основы на -ja): rōkō, zimá; род. н. -è, -ái: rōkè, vaikái (городъ); дат., мѣстн.: -è, -è: vaikè и vaikè; основы на -ja имѣютъ въ дат. п. -ai, въ мѣстн. п. -è: zèmai, zimè; имен. п. мн. ч. -ái, -vái -e: ráibái, bláshvái, kŭstai, tōce (тучи); вин. мн. -è, -ái: ráibái, keurŭpotkè; дат. мн. -am: vaikam; твор. мн. -omi: svèckomi; мѣст. мн. -och: ká meisoch.

¹⁾ Впрочемъ, это быть можетъ прилагательное притяжательное (Бодуэнъ де Куртень — см. Ж. М. Н. Пр. 1873 г. 168 стр. 448).

3) *Мѣстоименное и сложное склонение.* Род. п. ед. ч. муж. и ср. р. -g, дат. п. -shâv, -ш: tûg, viseg, nûvag, kûmâv, kâ-tûm, nûvûm; вин. п. ед. ч. жен. р. -q, -q: tã, mûjã, nûvq'. Старославянскимъ ть и съ соотвѣтствуютъ формы съ подвѣйшимъ носовымъ гласнымъ: tq, sq.—Отъ мѣстоименной основы ть -pic, р. п. sig. Старослав. иго соотв. jig, въ имен. п.—vân, vâna. Притяжательныя мѣстоименія—mûj, tûj, sûj, nos, vos. Старослав. мьса соотв. vis, им. вин. ср. р. vèsi, р. п. viseg, вин. ж. р. visã.

4) *Личныя мѣстоименія.* 1 л. Joz, jo, В. mã Р. minè, mânè, mân, Д. mnè, minè, mi, -м. Т. mânq. Дв. ч. mo. Мн. ч. mâi. Р.В. nos, Д. nom. Т. nomi. 2 л. tâi, Р. tibè, tebè, Д. tibè -ti -t. Т. tâbq. Дв. ч. vomã. Мн. ч. И. jai Д. vom. Возвр. м. В. sã Р.Д. sibè.

Спряженіе.

1) *Двойственное число* употреблялось. Немногіе примѣры, представляемые памятниками, относятся только къ настоящ. вр.: mб-ta (имати), tãgnato, bijato sã, jista.

2) *Неопредѣленное н.* имѣло окончаніе -t: rict, vlact, venkrast, eit (ити), bèzat.

3) *Причастныя формы.* Настоящ. вр. дѣйств. gornãc (говоря), vè-dãci, búdãca; Прош. дѣйств. II. gornâl, krodâl, bâl; Прош. страд. venkrodènè, eumartè, gornen.

4) *Настоящее ср.* Ед. ч. 1 -ã; 2 -s, 3—Дв. ч. 2 -ta 3 -to. Мн. ч. 1 -me, 2 -te, 3 -ã. Joz eida, sã (хочу), pûjã, ricã (рек), plocã; tâi cis, krodès, mûzès; ci, eidè, mûze; imata, svogato -sã; mâi cime, cite; pûjã, pľãã.—Оконч. -ш въ 1 л. ед. ч. имѣло -mom.

5) *Повелительное н.* Окончаніе -i обыкновенно исчезло: eid, pûd, ric; удерживается оно передъ sã (=са): vãsodai sã; dodz, jèdz.

6) *Преходящее.* Памятники представляютъ только формы 1 и 3 л. един. ч. и 3 л. мн. ч. 1 л. ricach, tèch. 3 л. bias, eid'as, ni bas (=не знаемъ) soikas; конечное e исчезло: 3 л. мн. ч. tèchq.

7) *Дористъ сложный и простой.* Въ памятникахъ представлены только 1 и 3 л. ед. ч.: eutãctch (отъмохъ), vãzã, eupenusta (отпоишта), řek, vãik, mûg, ricè,

8) Глаголь сѧ служилъ для выраженія описательнаго будущаго сі sněg eit.

9) Въ прошедшихъ сложныхъ вспомогательный глаголь могъ опускаться: *joz pála* (я пила), *joz pól* (я пѣлъ).

1) *Beit*, *joz jis*, *jis*, *ja*, (1 л. дв. ч. *jismaj*)¹⁾, *jista*, *jisme*.

¹⁾ Быть можетъ это не двойственное, а множественное.

Дополненія и поправки.

- Къ 7 стр.* Во время печатанія настоящаго труда вышелъ 3-й томъ Исторической грамматики Гебауэра: Tvarosloví. I Skloňování. V. Praze. 1896. 8°. 637. Стр. 103 стр. примѣчаніе.
- Къ 11—30 стр.* А. Kotík. Naše příjmení. V. Praze. 1894.
V. Tille. Glossy a částečný překlad biblický v rkpě s. k. stud. knih. olom (Listy fil. 1896 XXIII. 1—2).
Fr. Černý: 1) Pražsky, evangeliař (Listy fil. 1897 XXIV; 2) Studie o české kvantitě (Тамъ же).
A. d. Patera: 1) Ukázky ze staročeských rukopisů XV století (České Museum filologické 1897. I. 2) Paběrky z rukopisův staročeských (Česky Lid. VI 170, VII 58).
U. Hauer. Příspěvky k historii dialektu lašského (České Museum filol. 1897. 2—3).
V. Flaišhans. Různé příspěvky na skladbě a frazeologii (České Mus. fil. 1897. 4—5).
V. J. Dušek. Hláskosloví nářečí jihočeských. II Cast. Vokalismus. 1897 (Rozprawy České Akademie. Ročn. VI. třída III. č. 2). Стр. 27 стр.
J. Malovaný. Nářečí z Cisařova a okolí na Moravě. Studie dialektologická 1897 (Český Lid. VI. 71, 582).
B. M. Kolda. Moravské národní pohádky a pověsti z okolí sloupského (Cesky Lid. VI, 194).
V. Flaišhans. Voj o Rukopisy. 1896 (Časopis Musea Království českého. R. LXX. 195, 349. Защита подлинности Краледворской рукописи со стороны языка). Возраженія на эту работу въ разборѣ Я. Гебауэра. О повѣ обранѣ padělaného Rukopisu Královédvorského. 1896 (Listy fil. XXIII. 756—379). Стр. критическую замѣтку Dr. Квмчалы въ České Mus. fil. 1896 227.
- Къ 80 стр.* Примѣръ báti se въ 10 стр. снизу слѣдуетъ перенести на 81 стран. въ 3 стр. сверху.

- Къ 225—227 стр.* Rizner. Prehľad folkloristickej literatury slovenskej od prvopočiatku do konca roku 1896 (Slovenske Pohl'ady 1897, 604, 660, 726).
Fr. Pastrnek. Študovanie slovenčiny (Slov. Pohl'. 1897 44.)
P. Sochaň. Prislovia, idiomatičné výrazy v Lopašove (Nitra) (Slov. Pohl'. 1897. 314).
Fr. Šujanský. Hjadlovské nárečie (Slov. Pohl' 1897. 670, 737).
- Къ 365 стр.* Бодуэнъ де Куртенэ. Jedna z kwestyi spornych pi-sowni polskiej (Prace filologiczne III. 3 1891).
- Къ 369 стр.* Wl. Nehring. Kazania Gnieznieńskie 1897 (Rozprawy Wyzd. filol. Ak. Umiejętn. t. XXV).
- Къ 370 стр.* Al. Brückner: 1) Kazania średniowieczne. Część III (Rozpr. Wyzd. fil. Ak. Um. t. XXV); 2) Drobne zabytki języka polskiego XV wieku. Piesni. Modlitwy. Glosy (Тамъ же).
- Къ 379 стр.* Wł. Matłakowski. Słownik wyrazów i т. д. напечатанъ въ Sprawozd. Kom. język. t. V.
- Къ 380 стр.* Wł. Kosiński; 4) Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej (Sprawozd. Kom. język. t. IV).
W. Grzegorzewicz: 1) O języku ludowym w powiecie Przasnyskim (Sprawozd. Kom. język. t. V); 2) O mowie ludowej we wsi Lukowcu w powiecie Garwolińskim (Тамъ же).
Бодуэнъ де Куртенэ. Zetacismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache. 1868 (Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung).
- Къ 382 стр.* W. Kosiński. Materiały do etnografii Górali bieskidowych (Zbiór wiadom. do antropol. krajow. T. V и VI).
- Къ 384 стр.* Съ 1896 г. издание Краковской Академии Sbiór wiadomości do antropologii krajowej и т. д. переименовано въ „Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne“ (T. I. 1896).
- Къ 423 стр.* Въ параграфъ „Соотвѣтств. прислав. рь, ръ, лъ, ль“ и т. д. по недосмотру пропущено слѣдующее: 5) праслав. рь, лъ (рь, ль) соотвѣтствуютъ ге, ле, при чемъ е можетъ исчезнуть, если слѣдующій слогъ оканчивается на гласный; напр.: krew', krwi, krwawy, brew, brwi, drwa, bicha, pchła р. п. мн. ч. рѣсч, рѣсч, рѣси, љза.
- Къ 558 стр.* Ra g c z e w s k i, статья „о Кашубахъ въ Помераніи“ въ изд. Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk Poznań. XXII.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Страна:	Напечатано:	Должно быть:	
5	13	сверху	только по чешски	почти исключительно по чешски
—	14	„	трактатами	трактатами
9	19	„	jezyka	jezyka
17	10	„	O prosodii českè XX	O prosodii české. Listy fil. XX
29	5	снизу	Vak	Vlk
34	12	сверху	1870	1863
60	17	„	Kasub	Kamб
80	7	„	sud	sudí
83	8	снизу	изъ г.	изъ ъ
95	5	„	переходъ отъ звучныхъ въ звучные	переходъ звучныхъ въ отъ звучные
111	4	сверху	а соотвѣтствуетъ	е соотвѣтствуетъ
120	14	„	em соотвѣтствуетъ	em соотвѣтствуетъ
129	9	снизу	zajíc	zajíc
—	10	„	kůn	kůň
141	8	„	именное склонение	именное склонение прилагательныхъ
146	6	„	<i>Mъстоимъня</i>	<i>Mъстоименія</i>
158	17	„	bily — moudry	bilý, moudrý
166	10	сверху	(s)	(si)
172	11	снизу	vice	vese
180	11	сверху	(пов. н. mésti)	(неопр. н. mésti)
—	12	„	(пов. н. přisti)	(неопр. н. přisti)
221	17	снизу	Бенедиктъ и Нудожерскій	Бенедикты Нудожерскій
223	15	„	1895	1893
234	16	сверху	у Чехо-Морава	у Чехо-Мораванъ
255	7	снизу	древняго п	древняго долгаго п
257	16	сверху	а вм. у -ej	а вм. ý -ej
278	13	„	po brehu (твор. п.)	po brehu (мѣстн. н.)
282	19	„	delom	въ средн. р. -am: delám
292	2	„	въ твор. п.	въ мѣстн. п.
293	1	„	Основы на -o	Основы на -a

Стран.:	Страна:	Напечатано:	Должно быть:
352	11	сверху (1872 г.)	(1873 г.)
371	1	„ (тамъ же III)	(Arch. f. Slav. Phil. III)
382	8	„ 1—5, 1885—1890	1—6, 1885—1892
—	6	снизу t XIII	t. VIII.
—	19	„ L. C.....1845	L. Z.....1885
385	13	сверху Восточную Пруссию	часть Западной и Восточной Пруссии
387	8	„ только въ узкой полосѣ Помераніи	только на сѣверѣ въ узкой полосѣ Западной Пруссии и Помераніи
417	10	„ ściesniane	ścieśnione
421	20	„ въ закрытыхъ	въ открытыхъ
431	11	„ праслав. е	праслав. с
465	17	„ старослав. тѣ, тѣмъ, та	старослав. тѣ, тѣ, та
488	5	„ kochaја	kochaјѣ
565	3	снизу (Рам. е)	(Рам. ѓ)
603	11	„ на -jъje	на -jeje
—	12	„ на -jъс (ВЛ), -jъс (НЛ)	на -jes (ВЛ), -jes (НЛ)
655	11	„ старослав. -д, ѡ	старослав. -д, ѡ